

9
В. 26
N 12

ВЕБЕР Г.
ВсЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ.

№ 3617
ВСЕОБЩАЯ

ИСТОРІЯ

Георга Вебера.

Переводъ со второго изданія,

пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Переводъ Андреева (до 459 стр.) и В. Невадомскаго (съ 459 стр.).

Изданіе К. М. Солдатенкова.

Цена 4 р. 50 к.

Москва.

Типографія В. В. Исленъева, Большая Кисловка, домъ Архипова.
1890.

№ 3817
ВТОРИКА

NOTOP R

Теодтс Веберс

Переводъ съ французскаго языка

ПРЕДЛАГАЮЩАЯ И ПЕРЕКЛАДАЮЩАЯ ДРУЖЕБНОЕ ОБЩЕСТВО

Сверено
1991 г.

43 $\frac{4}{71}$

ГПНТБ СО АН СССР
Гос. публ. науч.-
техническая библиотека

9
В.26
N12

Отечественный
Современник

1890

ЭПОХА

НЕОГРАНИЧЕННОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

ВЪ СЕМНАДЦАТОМЪ И ВОСЕМНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІЯХЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
А. Франція по смерти Генриха IV	1
Литература	1
I. Регентство Маріи Медичи	2
1. Борьба партій	2
2. Борьба противъ Кончини	10
II. Людовикъ XIII и кардиналъ Ришелье	20
1. Возвышеніе королевской власти. Окончаніе войнъ съ гугенотами	20
2. Борьба Ришелье съ вельможами	30
3. Дипломатическіе и военные успѣхи Ришелье	39
III. Регентство Анны. Первые годы царствованія Людовика XIV по достиженіи совершеннолѣтія	49
1. Регентство Анны	—
а. Первое время борьбы вельможъ и парламентовъ противъ абсолютизма	—
б. Fronde	56
2. Правленіе Мазарини по объявленіи короля несовершеннолѣтнимъ	64
В. Британія при первыхъ Стюартахъ и во времена республики	73
Литература	—
I. Царствованіе Іакова I	74
1. Національная и религіозная оппозиція. Пороховой заговоръ	—
2. Иностранная политика. Переговоры о женитбѣ наследника англійскаго престола на испанской принцессѣ	81
3. Борьба Іакова съ парламентомъ	88
II. Карлъ I. Низверженіе королевской власти въ Англіи	91
1. Правленіе Карла I до убійства Бокингема	—
2. Управленіе государствомъ безъ парламента	100
3. Шотландскія дѣла	108
4. Долгій парламентъ. Междоусобіе	119
а. Торжество оппозиціи. Казнь Стрэффорда	—
б. Ходъ дѣла до начала междоусобной войны	125
с. Первые два года войны	131
д. Развѣтїе религіозной экзальтаціи въ парламентскомъ войскѣ	139

	Стран.
е. Поражение роялистов. Бегство Карла в шотландский лагерь	146
5. Смерть Карла I.	153
а. Борьба армий с парламентом	—
б. Переговоры Карла с Кромвеллем	156
с. Победы Кромвелля. Казнь Карла I.	159
III. Республика и реставрация	166
1. Республика. Протекторат Кромвелля	—
а. Победы Кромвелля; политическое могущество Англии	—
б. Внутренняя дѣла	176
с. Последние годы правления Кромвелля	183
2. Анархия	190
а. Борьба партий	—
д. Монет.	195
с. Возвращение короля	199
3. Первый год реставрации	202
IV. Английская наука и поэзия в XVII вѣкѣ	207
1. Бэконъ, Гоббсъ, Ньютонъ	208
2. Мильтонъ и Ботлеръ	214
С. Пиренейскій полуостровъ и Италия	223
Литература	—
I. Испанія и Португалія в XVII вѣкѣ	—
1. Испанія при Филиппѣ IV	—
2. Возстановление независимости Португаліи	228
3. Царствование Іоанна IV и Альфонса VI	233
4. Правление Петра II	239
5. Испанія. Царствование Карла II	243
II. Италия и Сицилія	246
1. Борьба Франціи съ Испаніей за владѣтельство надъ Италіею. Панское государство	—
2. Тоскана	248
3. Сѣверная Италия	250
4. Неаполь и Сицилія	252
5. Венеція	259
6. Умственная жизнь Италиі в XVII вѣкѣ	265
D. Вѣкъ Людовика XIV.	267
Литература	—
I. Первые годы правления Людовика	—
1. Людовикъ XIV и его министры. Дѣятельность Кольбера	—
2. Подготовка владычества Франціи надъ Европой	272
II. Отношенія Франціи къ Англіи и нидерландской республикѣ	277
1. Дѣйствія Людовика во время войны Англіи съ нидерландской республикой	—
2. Война Франціи съ Испаніей. Тройственный союзъ	283
3. Приготовленія Людовика къ войнѣ съ Голландіей	287
4. Война съ Голландіей	291
5. Первая коалиція противъ Людовика XIV	295
6. Сраженіе при Фербеллинь. Неймегенскій миръ	298
III. Внутреннія дѣла Франціи	301
1. Абсолютизмъ Людовика XIV. Блескъ его двора	—

2. Церковныя дѣла	306
а. Иезуиты и яansenисты	—
б. Ссоры Людовика съ папами	309
с. Отмена Нантскаго эдикта. Преслѣдованіе гугенотовъ	311
д. Ссора Людовика съ Иннокентіемъ XI	316
е. Окончаніе борьбы римской курии съ яansenистами. Преслѣдованіе квіетизма	318
Е. Последние десятилѣтія XVII вѣка	320
I. Деспотическіе поступки Людовика относительно сосѣдствъ	—
II. Австрія, Венгрія, Турція	324
Литература	—
1. Трансильванскія дѣла	325
2. Сраженіе при Сактъ-Готтардѣ. — Вавварскій миръ	331
3. Возстанія въ Венгріи	333
4. Возстаніе Текеля. Осада Вѣны	335
5. Покореніе Венгріи. Терроризмъ	339
6. Карловицкій миръ	340
III. Англія при Карлѣ II, Іаковѣ II и Вильгельмѣ III	343
Литература	—
1. Правленіе Карла II до паденія Клэрэндона	—
2. Министерство Кэббл. Актъ англійской присяги	348
3. Борьба Карла съ парламентомъ	354
4. Продолженіе борьбы парламента съ Карломъ II. Виги и тори	361
5. Последние годы царствованія Карла	369
6. Восшествіе Іакова II на престолъ. Возстанія въ Англіи и въ Шотландіи	376
7. Католическая реакція	386
8. Декларация вѣротерпимости	394
9. Низложеніе Іакова	402
а. Высадка Вильгельма Оранскаго	—
б. Бѣгство Іакова	409
с. Установленіе новаго государственнаго устройства	414
д. Возстанія якобитовъ въ Шотландіи и Ирландіи	418
10. Правленіе Вильгельма III	423
IV. Франція. Новая коалиція противъ Людовика	429
1. Рейнскій Пфальцъ послѣ Вестфальскаго мира	—
2. Аугсбургская лига. Споръ за архіепископство кельнское	—
3. Война за пфальцское наслѣдство	432
4. Вторая коалиціонная война. Рейсвейскій миръ	433
V. Сѣверная и сѣверо-восточная Европа	439
1. Бранденбургъ. Правленіе курфирста Фридриха Вильгельма. Царствованіе короля прусскаго Фридриха I	439
1. Положеніе государства около времени заключенія Вестфальскаго мира	439
2. Войны въ сѣверной Европѣ въ пятидесятихъ годахъ	442
а. Польская война	—
б. Войны Швеции съ Даніей	447
3. Подавленіе правъ сейма въ герцогствѣ прусскомъ	450

4. Шведскія войны въ семидесятыхъ годахъ	452
5. Постыдныя годы правленія Фридриха Вильгельма	455
6. Царствование Фридриха I.	456
2. Швеція въ семнадцатомъ столѣтіи	461
1. Швеція подъ управленіемъ королевы Христины	—
2. Короли изъ пфальцскаго дома	465
3. Данія и Норвегія	471
1. Данія подъ управленіемъ Христиана IV и Фридриха III	—
2. Датская революція 1660 года	474
3. Данія подъ неограниченнымъ монархическомъ правленіемъ	478
4. Польша и Саксонія	481
1. Польша при послѣднемъ королѣ изъ дома Вазы и войны съ казаками	—
2. Янъ Собіескій и Августъ II саксонскій	486
3. Курфиршество Саксонія послѣ заключенія Вестфальскаго мира	491
5. Россія въ царствованіе государей изъ дома Романовыхъ	495
Г. Литература и умственная жизнь	495
Литературныя пособія	—
I. Французская классическая литература	496
1. Общій обзоръ	—
2. Французская академія и драма	498
3. Буало. Лафонтенъ. Фенелонъ	504
4. Прозаическая литература	507
5. Наука и искусства	511
II. Философія	515
1. Декартъ, Гейлингсъ и Малебраншъ	—
2. Спиноза	518
III. Нѣмецкая наука и поэзія	519
1. Общія замѣчанія	—
2. Философія и религіозная литература	520
3. Мартинъ Опницъ и поэзія его времени	524
4. Нѣмецкіе лирики во времена Опница и послѣ него	528
5. Эпиграмма. Сатира. Произведенія въ прозѣ	533
6. Драматическая поэзія. Вторая силезская школа	539
7. Новое направленіе	542
8. Общественное образованіе въ началѣ восемнадцатаго столѣтія	545
Г. Первые четыре десятилѣтія восемнадцатаго столѣтія	546
Литература	—
1. Война за испанское наслѣдство	548
1. Предшествующія событія	—
2. Три первыхъ года войны	565
3. Отъ битвы при Гехингедѣ до битвы при Мальплаке	574
4. Переворотъ въ положеніи дѣлъ и мирныя договоры	593
II. Великая сѣверная война	602
1. Карлъ XII въ Даніи, въ Польшѣ и въ Саксоніи	—
2. Полтава и Бендеры	615
3. Послѣдніе годы жизни Карла XII	622
III. Южная и западная Европа послѣ войны за испанское наслѣдство	625

1. Франція	625
а. Послѣдніе годы жизни Людовика XIV.	—
б. Регентство герцога Орлеанскаго	629
2. Испанія въ царствованіе перваго Бурбонскаго короля	638
3. Италія	644
4. Венеція и ея войны съ Турками	652
5. Османское царство при Ахмедѣ III и Махмудѣ I	658
6. Великобританія	663
7. Нидерланды	667
IV. Сѣверная и сѣверо-восточная Европа послѣ смерти Карла XII	670
1. Государственный переворотъ въ Стокгольмѣ и его послѣдствія	—
3. Польша и Станиславъ Лещинскій	673
4. Война Австріи и Россіи съ Турціей и Бѣлградскій миръ	678
V. Пруссія и нѣмецкая имперія	682
Литература	—
1. Пруссія при королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ и молодость Фридриха Великаго	—
2. Имперія и нѣмецкія княжества	694
а. Общія замѣчанія	—
б. Пфальцъ. Ваденъ. Гессенъ	695
с. Вюртембергъ и Баварія	702
д. Саксонія и Брауншвейгъ-Ганноверъ	712
3. Церковныя и религіозныя дѣла	718
4. Явленія въ сферѣ литературы	728
1. Общія замѣчанія	—
2. Литературная дѣятельность	731

А. Франція по смерти Ген- риха IV.

Литература. Кромѣ обширныхъ трактатовъ обо всей исторіи Франціи, охватывающихъ и этотъ періодъ и уже перечисленныхъ нами въ прежнихъ отдѣлахъ, и кромѣ мемуаровъ Д'Эстрэ (D'Estrées), Бассомпьера, Монтрезора, Поншартрена, Ровна (Rohan), герцога Орлеанскаго, особенно важны: Grammondi Historiarum Galliae ab excessu Henrici IV libri XVIII (Tolosae 1643);—Histoire de Louis XIII par Dupleix (Paris, 1643);—Histoire de Louis XIII par Bernard (Paris 1646); Le Vassor, Histoire de Louis XIII (3 édit., Amsterd. 1701, 10 томовъ);—Bazin, Histoire de France sous Louis XIII (Paris, 1838);—Armand Baschet, le Roi chez la Reine ou Histoire secrète du mariage de Louis XIII et d'Anne d'Autriche (Paris 1864);—Histoire de la mère et du fils, par Mézeray или, вѣрнѣе сказать, самого Ришелье (Amsterd., 1730, 2 vols); и монографіи:

О Ришелье: Mémoires (или Journal) du Cardinal de Richelieu (въ Collection de Petitot, томы X и слѣд.);—Aubery, Histoire du Cardinal Duc de Richelieu (Paris, 2 vols); Le Clerc, Vie du Cardinal de Richelieu (Amsterd. 1753, 5 vols); Avenel, lettres etc. de Richelieu (3 vols., Paris 1853);—Parmentier, Etude sur un supplément inédit des Mémoires de Richelieu (Paris 1878);—Martineau, Le Cardinal de Richelieu (Paris, 1870).—О ругенотахъ: Soulier, Histoire du calvinisme (Paris, 1686);—Bentivoglio, Relazioni;—(Chabans), Histoire de la guerre des Huguenots (Paris 1634);—(Rhulière), Eclaircissements sur les causes de la révocation de l'édit de Nantes (2 vols., 1788); Quick, Synodicon in Gallia etc (London, 1692, 2 vols);—Perrens, L'Eglise et l'état sous Henri IV et Marie de Medici (Paris 1873, 2 vols).—О временахъ фронды: Saint-Aulaire, Histoire des guerres de la Fronde (3 vols., Paris 1827);—Chéruel, Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV (4 vols, Paris 1879—1880); ero же: Histoire de France sous le ministère de Mazarin (3 vols, Paris, 1883); ero же, Lettres du Cardinal Mazarin pendant son ministère (1 и 2 томы, Paris, 1872 и 1879); назовемъ также мемуары Рета (Retz), Жоля, Ларошфуко, герцогини Немурской (Лонгвильской), Талона, Монглат (Montglat); кромѣ того: Freer, The regency of Anne of Austria (2 vols., London 1866);—Gualdo Priorato, Histoire du ministère du cardinal Mazarin (2 vols., La Haye 1681);—Chantelauze, Le cardinal Retz et l'affaire du chapeau (2 vols., Paris 1878); ero же, Louis XIV et Marie Mancini (томъ 1-й. Paris, 1880).

1. РЕГЕНТСТВО МАРИИ МЕДИЧИ.

1. Борьба партий.

Наслѣдникъ Генриха IV, Людовикъ XIII, былъ 9-лѣтнимъ ребенкомъ во время смерти отца; потому необходимо было регентство. По закону и обычаю управление государствомъ въ малолѣтство короля должно было принадлежать ближайшему родственнику его съ отцовской стороны. Но какъ при смерти Франциска II захватила власть Катерина Медичи, такъ и теперь правительницею стала мать малолѣтнаго короля; ссылаясь на то, что было сдѣлано по смерти Франциска II, члены тайнаго совѣта и нѣкоторые вельможи убѣдили парижскій парламентъ передать регентство и опеку Маріи Медичи, вдовѣ покойнаго короля, матери новаго. Особенности услуги ей въ этомъ дѣлѣ оказали герцоги Эпернонъ и Гизъ, министры Жаннентъ и Вильруа. Принцъ Кондѣ, пріѣхавшій изъ Милана заявить свои права на регентство, нашелъ новое правительство ужъ установившимся. Онъ и его дядя графъ Суассонскій стали интриговать противъ регентши. Кондѣ хотѣлъ доказывать, что бракъ Маріи Медичи съ Генрихомъ IV былъ незаконенъ; но римская курія сообщила ему, что законность этого брака не можетъ быть опровергаема, потому что онъ былъ заключенъ съ разрѣшенія папы. Кондѣ увидѣлъ невозможность совершенно отнять власть у Маріи Медичи, ограничился тѣмъ, что потребовалъ себѣ преобладающаго вліянія въ тайномъ совѣтѣ; онъ, вѣроятно, надѣялся, что ему станетъ помогать испанское правительство, которое было такъ любезно къ нему во время ссоры его съ Генрихомъ IV, что задерживало его жену въ испанскихъ Нидерландахъ наперекоръ ся волѣ, желанію ея отца и угрозамъ влюбленнаго въ нее короля французскаго. Но Марія Медичи предложила Филиппу III породнить испанскую династію съ французской, выразила желаніе женить Людовика на старшей дочери Филиппа Аннѣ, а свою старшую дочь Елизавету выдать за наслѣдника испанскаго престола, называвшагося, какъ и отецъ, Филиппомъ. Король испанскій нашелъ, что это родство будетъ очень выгодно для Испаніи, потому сталъ поддерживать регентшу.

Такимъ образомъ принцъ Кондѣ обманулся въ надеждѣ на испанскую помощь; но въ самой Франціи у него было много союзниковъ. Во времена Лиги французскіе вельможи стали почти независимы отъ короля. Генрихъ IV покорилъ ихъ или примирилъ съ собою. Но для этого были нужны такой умъ, какъ у него, и такая крѣпкая опора въ народной любви, какую пріобрѣлъ онъ; да и при немъ были заговоры и мятежи; а съ его смертью королевская власть поколебалась, у вельможъ возникла надежда возстановить свою независимость; въ особенности принцы королевской династіи и прежнихъ областныхъ династій желали пріобрѣсти такое положеніе, какое имѣли нѣмецкіе государи; а въ большей части провинцій правителями были они, и ужъ по одному этому они имѣли очень большія силы; но и помимо того династія Кондѣ и Суассоновъ были могущественны, имѣя громадныя наслѣдственные владѣнія и огромныя богатства. Очень сильны были также Гизы, герцогъ Бульйонскій, герцогъ Неверскій, герцогъ Эпернонъ. Всѣ они желали обратить Францію въ нѣчто подобное нѣмецкой имперіи, пріобрѣсти самостоятельную власть въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и отданныхъ подъ ихъ управление провинціяхъ, подчинить себѣ короля, увеличить свои доходы. Было у нихъ и желаніе отмстить своимъ личнымъ врагамъ. Шевалье Гизъ (то есть младшій братъ герцога Гиза) напалъ съ вооруженными людьми на барона Де Люза (Luz), бывшаго сторонникомъ Гизовъ и сдѣлавшагося врагомъ ихъ, и убилъ его. Это дѣло осталось безнаказаннымъ, и противники правительства убѣдились, въ его слабости и робости.

Гугеноты, вождями которыхъ были вельможи, желали также пріобрѣсти себѣ независимость отъ королевскаго правительства. Они имѣли крѣпости, потому могли стать опасными противниками; нантскій эдиктъ далъ имъ право имѣть своихъ представителей при дворѣ. Они составляли какъ будто особое государство. По образцу швейцарскихъ кальвинистовъ, они ввели у себя учрежденія, въ которыхъ религіозный элементъ соединялся съ политическимъ. Каждый годъ ихъ священники и представители дворянъ съѣзжались на соборы. У нихъ были собранія по приходамъ, по округамъ, по областямъ, такъ что самоуправленіе было привычно имъ во всѣхъ дѣлахъ, крупныхъ и мелкихъ; потому и общія собранія ихъ представителей изъ всего королевства имѣли прочную основу въ ихъ обычаяхъ. На общихъ соборахъ они совѣщались обо всѣхъ важныхъ церковныхъ и политическихъ дѣлахъ и составляли списки кандидатовъ, изъ которыхъ король выбиралъ двухъ уполномоченныхъ, получавшихъ право быть защитниками ихъ интересовъ при дворѣ. По образцу католическаго дѣленія государства на епархіи, гугеноты ввели у себя организацію по округамъ; окружныя собранія исполняли рѣшенія общихъ соборовъ. Расходы на содержаніе своихъ священниковъ, число которыхъ простиралось до 750, и на свои училища они должны были покрывать собственными средствами; но правительство давало имъ довольно значительное денежное пособіе. Главныя массы гугенотовъ жили на юго-востокѣ и юго-западѣ Франціи. Крѣпость Ла Рошель была сильнѣйшимъ оплотомъ ихъ самостоятельности. У нихъ

были высія школы въ Монтбанѣ, Нимѣ, Сомюрѣ. На сѣверѣ они составляли плотную массу населенія въ герцогствѣ бульйонскомъ, династія котораго принадлежала къ ихъ вѣроисповѣданію. Въ главномъ городѣ герцогства, Седанѣ была реформатская академія, служившая разсадникомъ вѣроучителей для сосѣднихъ провинцій. Гугеноты были сильны не только своей крѣпкой организаціей, но и чистотою жизни, серьезностью убѣжденій, образованностью. У нихъ были благотворительныя учрежденія для бѣдныхъ и больныхъ, о которыхъ она заботились съ христіанской любовью; они отличались трудолюбіемъ, хорошимъ веденіемъ домашнего хозяйства, бережливостью; благодаря тому пользовались благосостояніемъ, которому завидовали католики. Они имѣли замѣчательныхъ ученыхъ. Мы говорили объ одномъ изъ нихъ, Дюплесси Морнѣ; у него жилъ нѣкоторое время учителемъ его внуковъ Даллѣ (Daillé), бывшій послѣ реформатскимъ священникомъ въ Парижѣ, авторъ превосходной по содержанію и по изяществу латинскаго языка книги: „Объ употребленіи книгъ отцовъ церкви“. Три поколѣнія фамиліи Баважей дали знаменитыхъ защитниковъ реформатству; во времена преслѣдованія реформатской церкви украшеніемъ ея былъ Жанъ Клодъ.

Герцогъ Сюлли оставался до конца жизни вѣренъ реформатской церкви, хотя горячіе приверженцы ея порицали его за то, что онъ ставитъ интересы короля выше блага своихъ единовѣрцевъ. По смерти Генриха IV онъ принужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ. Генрихъ IV слушался его благоразумныхъ совѣтовъ о необходимости быть бережливымъ, и благодаря ему французскіе финансы были приведены въ хорошее состояніе. Марія Медичи нашла казну имѣющей громадныя запасы денегъ; но она любила блескъ, на балахъ она сіяла драгоценными камнями; удовольствія были для нея важнѣе государственныхъ дѣлъ, и больше всего на свѣтѣ заботилась она о своей красотѣ. Она была подобно Катеринѣ Медичи властолюбивая интригантка; по фамиліному преданію тоже любила искусства; но не имѣла такого твердаго характера, какъ Катерина Медичи, владычествовавшая надъ своими приближенными; Марія подчинялась вліянію Леоноры Галигаи, находившейся при ней съ дѣтства простолюдинкѣ, пріѣхавшей съ нею во Францію. Съ ними на кораблѣ ѣхалъ Кончино Кончини, человекъ изъ зажиточной тосканской фамиліи; онъ пріобрѣлъ любовь Леоноры Галигаи, женился на ней и, по вліянію жены на регентшу, сталъ теперь править государствомъ, пользуясь властью для своего обогащенія. Примѣръ своекорыстія показывали ему сами вельможи и принцы Франціи, продававшіе свои услуги регентшѣ за пенсію и должности. Такъ на примѣръ Эпернонъ, угрозами вынудивъ парижскій парламентъ провозгласить Марію регентшей, взялъ себѣ за это должность комменданта крѣпости Меца и главнокомандующаго войскъ, сосредоточенныхъ въ той пограничной части Франціи. Графъ Суассонскій получилъ 200.000 экю въ подарокъ, 50.000 экю ежегоднаго жалованья и должность правителя Нормандіи за то, что не противился захвату власти Марією Медичи. Герцога Гиза она наградила

подаркомъ въ 100.000 экю на уплату его долговъ и устройствомъ женитьбы его на богатой вдовѣ герцога Монпансье. Кончини не отсталъ отъ вельможъ. Онъ купилъ себѣ на деньги королевы имѣнье, съ которымъ былъ соединенъ титулъ маркиза Д'Анкра, и бралъ у королевы столько денегъ, что велъ образъ жизни не менѣ блестящій, чѣмъ принцы крови. Королева дала ему санъ маршала, хоть онъ никогда не былъ на войнѣ, назначила его коммендантомъ Амьена. Расточительность регентши приводила въ негодованіе Сюлли; онъ видѣлъ, что финансы, приведенные имъ въ порядокъ, разстраиваются, что возстановленная при его помощи Генрихомъ IV королевская власть падаетъ; дворъ презиралъ его совѣты; вельможи ненавидѣли его, какъ противника ихъ жадности. Особенно враждовали противъ него графъ Суассонскій и герцогъ Бульйонскій. Леонора Кончини и мужъ ея возстановили противъ него королеву. Онъ въ январѣ 1611 написалъ ей, что выходитъ въ отставку, и удалился въ свое имѣнье.

По отставкѣ Сюлли иностранная политика Франціи рѣшительно приняла направленіе противоположное тому, какое имѣла при Генрихѣ IV. Королева подружилась и хотѣла породниться съ испанскою династіей, разорвала союзъ съ нѣмецкими протестантами, отозвала изъ Германіи французскую армію, дѣйствовавшую вѣстѣ съ бранденбургскими и голландскими войсками и при ихъ помощи взявшую передъ тѣмъ временемъ Юлихъ, дала полный просторъ властолюбію испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ, стала покровительствовать католическимъ фаворитамъ; они сдѣлались такъ дерзки, что начали нападать не только на реформатовъ, но и на галликанцевъ, католиковъ, защищавшихъ независимость французской церкви отъ папскаго произвола. Высшее богословское учрежденіе во Франціи, Сорбонна и парижскій парламентъ держались галликавства; папскыя стали нападать и на нихъ. Но Сорбонна и парламентъ не оробѣли, рѣзко отвергали ученіе Маріаны, Беллармина и другихъ іезуитовъ, ставившихъ палу безусловнымъ владыкой церкви. Богословы Сорбонны, вождь которыхъ былъ тогда Ришѣ (Richer), человекъ твердаго характера, защищали прежнее католическое ученіе, подчинявшее папу вселенскимъ соборамъ и признававшее самостоятельность національныхъ церквей. Марія Медичи слушалась внушеній папы, по благодарности къ нему за расторгненіе брака Генриха IV съ первой женой и разрѣшеніе ему вступить въ бракъ съ нею. Испанскій посланникъ, папскій пунцій Коттонъ, бывшій духовникомъ Генриха IV, Эпернонъ и мужъ Леоноры Кончини составляли интимный совѣтъ королевы, управлявшій поступками ея. Гугеноты на общемъ синодѣ (соборѣ) въ Сомюрѣ подъ предсѣдательствомъ Дюплесси Морне составили записку, перечислявшую притѣсненія, которымъ подвергается ихъ церковь, и требовавшую отъ королевы, чтобы отмѣнены были нарушенія папскаго эдикта, чтобы реформатскія школы и духовенство были уравнены въ правахъ съ католическими, чтобы представители реформатовъ передъ правительствомъ были непосредственно избираемы общимъ синодомъ, чтобы изъ правительственныхъ актовъ было выброшено оскорбительное выраженіе, которымъ постоянно сопровождалось въ нихъ всякое упоминаніе о реформатской церкви: „Такъ называющая себя“ (pretendue) реформатская церковь. Королева уклонилась отъ уступокъ, какихъ могла избѣжать, успокоивала реформатовъ неопредѣленными обѣщаніями, отмѣнила только тѣ нарушенія папскаго

эдикта, которые были чрезмерно наглы. Паписты уже требовали тогда отмены этого эдикта, и правительство не решилось последовать их совету лишь потому, что опасалось возстанія реформатовъ, считая борьбу съ ними трудной для себя. Оно хотѣло преслѣдовать герцога Скулли и его зятя, герцога Анри Роана, но было остановлено сильными заявленіями гугенотовъ въ защиту ихъ, стало выказывать уваженіе къ Скулли, переставшему вмѣшиваться въ дѣла, оставило Роана коммандантомъ гугенотской крѣпости Сентъ-Жанъ-д'Анжели. Роанъ былъ человекъ большого ума, твердаго характера, благородныхъ правилъ, очень образованный, много путешествовавшій; онъ приобрѣлъ громкую славу какъ полководецъ и государственный человекъ. Будучи однимъ изъ вліятельнѣйшихъ людей гугенотской партіи, онъ руководился только любовью къ общему благу и заботами объ интересахъ своихъ единовѣрцевъ, былъ совершенно чуждъ эгоистическихъ мотивовъ, которымъ часто слѣдовали герцогъ Бульйонскій и Ледигьеръ. Гугеноты видѣли въ немъ второго Колинни. Герцогъ Бульйонскій, личный врагъ Скулли, участвовалъ въ придворныхъ интригахъ противъ него и готовъ былъ жертвовать интересами гугенотовъ своему честолюбію; но на собраніи гугенотовъ юго-западной Франціи въ Ла Рошелли, въ сентябрѣ 1612, герцогъ Роанъ разстроилъ его планъ склонить ихъ къ робкой уступчивости, внушилъ собранію ихъ представителей такую твердость, что правительство удовлетворило нѣкоторымъ изъ ихъ требованій. Однако же распаденіе гугенотовъ на двѣ партіи, робкую и твердую, проявившееся на этомъ собраніи, становилось послѣ того все рѣшительнѣй и ослабило ихъ силы.

Регентша хотѣла примирить съ собой принцевъ крови и недовольныхъ вельможъ уступками ихъ требованіямъ; но многіе изъ нихъ чувствовали себя неудовлетворенными, и ссоры возобновились. Принцъ Кондѣ, возвратившійся изъ Италіи, былъ при своемъ въѣздѣ въ Парижъ, 22 іюля 1610, принятъ массою народа, какъ триумфаторъ. Онъ вытребовалъ себѣ пенсію въ 200.000 франковъ и дворецъ въ Парижѣ; но кромѣ матеріальныхъ выгодъ онъ хотѣлъ получить преобладающее вліяніе на государственныя дѣла и потребовалъ, чтобы регентша не дѣлала ничего важнаго безъ совѣта съ нимъ. Будучи правителемъ Піэни, онъ хотѣлъ, чтобы въ этой области не было никакихъ войскъ, зависящихъ прямо отъ парижскаго правительства, неподвластныхъ ему. Онъ формировалъ партію себѣ между вельможами, заискивалъ популярности въ народѣ, сблизился съ гугенотами; онъ былъ католикъ, но предки его усердно защищали реформатскую религію, потому гугеноты были расположены поддерживать его. Онъ сталъ главою всѣхъ недовольныхъ. Единственнымъ соперникомъ ему могъ быть его дядя, графъ Суассонскій; но въ ноябрѣ 1612 графъ умеръ, оставивъ сына, имѣвшаго еще только восемь лѣтъ. Число недовольныхъ, группировавшихся около принца Кондѣ, росло, потому что жадность Леоноры Кончини и ея мужа, выпрашивавшихъ себѣ у королевы громадныя подарки, возбуждала общее негодованіе. Марія Медичи и ея фаворитка и фаворитъ считались виновными въ измѣнѣ французскимъ интересамъ.

Въ началѣ 1614 принцъ Кондѣ, герцоги Бульйонскій, Майенскій, Неверскій, Лонгвильскій, Вандомскій съѣхались въ Мезьеръ для составленія общаго плана дѣйствій противъ фаворита и фаворитки, рѣшили собрать войско, послали королевѣ записку, излагавшую ихъ требованія. Главной причиной своего неудовольствія выставляли они то, что регентша не допускаетъ ихъ быть членами тайнаго совѣта (министерства), въ которомъ владѣютъ люди недобросовѣстные; они требовали созванія государственнаго сейма для устраненія злоупотребленій и для произведенія необходимыхъ реформъ. Регентша отвѣчала на это 27 февраля манифестомъ, въ которомъ называла этихъ принцевъ крови и вельможъ честолюбцами, желающими волновать государство для удовлетворенія своимъ личнымъ выгодамъ. Жанненъ и Вильруа совѣтовали ей послать войско противъ нихъ, но она послѣдовала мнѣнію Кончини и канцлера Силлери, вступила въ переговоры съ вождями оппозиціи. По соглашенію, подписанному въ маѣ 1614 въ Сентъ-Менеу (Saint Ménehould), принцъ Кондѣ и его союзники были объявлены дѣйствовавшими не во вредъ королю, а въ интересахъ его, и правительство обѣщало созвать государственный сеймъ.

Регентша нашла надобнымъ для упроченія своей власти объявить королю совершеннѣйшимъ, чтобы принцы и вельможи не имѣли права требовать себѣ участія въ управленіи, которое по формѣ ведетъ самъ король. Послѣ того, въ октябрѣ 1614 года былъ созванъ государственный сеймъ. Мѣстомъ засѣданій его былъ назначенъ парижскій августинскій монастырь. Грамата о его созваніи говорила, что король собираетъ его для введенія порядка въ администраціи, судопроизводствѣ и финансахъ и для присканія средствъ облегчить положеніе народа. Но составъ государственнаго сейма былъ таковъ, что интересы народа почти вовсе не имѣли представителей въ немъ. Изъ 464 членовъ сейма 1614 года 140 были духовные сановники 132, вельможи, а между 192 членами палаты третьяго сословія огромное большинство образовали люди, занимавшіе должности по судопроизводству или финансовому управленію. Въ числѣ прелатовъ, находившихся на сеймѣ, былъ Жанъ Арманъ Дюплесси де Ринелье, сынъ луатускаго вельможи, роялиста, сражавшагося за Генриха III и Генриха IV съ Лигой. Жанъ Арманъ Ринелье имѣлъ тогда только еще 29 лѣтъ (онъ родился 5 сентября 1585); но онъ уже давно былъ епископомъ. Онъ получил люсонскую кафедру, еще не имѣя лѣтъ опредѣленныхъ каноническими законами для посвященія въ епископскій санъ. Не смотря на молодость, онъ уже игралъ важную роль въ куріи (палатѣ) духовенства. Число сторонниковъ правительства на сеймѣ было не велико. Политическія брошюры и листки, распространявшіеся въ публикѣ передъ выборами, раскрывали вредность правительственной политики, требовали реформъ. Но у каждаго изъ трехъ сословій сейма были свои особые интересы, противорѣчившіе интересамъ другихъ; потому сословія не могли дѣйствовать согласно. Правда, большинство членовъ во всѣхъ трехъ куріяхъ находило, что надобно отменить злоупотребленія власти, какія позволяло себѣ правительство, облегчить угнетавшіе народъ налоги, прекратить подчиненіе французской политики

папизму; но относительно способов достичь этого не было согласия между сословиями сейма. Дворянство требовало, чтобы отменена была пошлетта, (paulette, пошлина, плата которой обезпечивала судьям несменяемость и наследственность мѣстъ) и продажу должностей; третье сословіе, къ которому принадлежали судьи, желая облегченія налоговъ, требовало отмены пенсій и подарковъ, которыми правительство покупало поддержку вельможъ; дворянство не могло согласиться на это. Жанъ Саваронъ, депутатъ овернского города Клермона, человекъ ученый и честный, вычислилъ, что правительство истратило на подарки вельможамъ 6 милліоновъ ливровъ, между тѣмъ какъ народъ въ Оверни и сосѣдней съ нею Гіени ѣстъ траву. Такія рѣчи депутатовъ третьяго сословія раздражали дворянство противъ него. Враждебно третьему сословію было и духовенство. Третье сословіе ненавидѣло іезуитовъ, правила которыхъ были усвоены большинствомъ французскихъ церковныхъ сановниковъ, оно приписывало іезуитамъ убійство любимаго народомъ короля Генриха IV, находило опаснымъ для государства требованіе духовенства, чтобы всѣ декреты тридентскаго собора получили силу закона во Франціи, то-есть, чтобы правительство въ церковныхъ дѣлахъ было подчинено папѣ. Депутаты Парижа по согласію съ университетомъ и парламентомъ предложили сейму объявить неизмѣннымъ закономъ государства тотъ принципъ, что король имѣетъ свою власть непосредственно отъ Бога и никакая другая власть на землѣ, свѣтская ли или духовная, не можетъ отнимать у него какихъ-нибудь права или освобождать подданныхъ отъ вѣрности ему, что каждый получающій какую нибудь свѣтскую или церковную должность обязанъ передъ вступленіемъ въ нее присягать на вѣрность этому закону, что несогласное съ нимъ ученіе безбожно, гнусно и противно правамъ французской націи, что потому каждый, распространяющій или принимающій такое ученіе, подлежитъ наказанію, какъ нарушитель государственныхъ законовъ и мятежникъ. Духовенство возражало, что сеймъ не имѣетъ права совѣщаться объ этомъ предложеніи, которое только произведетъ раздоръ между католиками, что вопросы о вѣрѣ и о власти церкви не могутъ быть разсматриваемы собраніемъ, большинство котораго составляютъ міряне, что эти вопросы исключительно подлежатъ рѣшенію собора. Кардиналъ Дюперронъ говорилъ, что хотя король французскій безспорно имѣетъ свою власть отъ Бога и вполне независимъ въ мірскихъ дѣлахъ, но бываютъ случаи, когда глава церкви имѣетъ право для спасенія душъ отъ вѣчной гибели освобождать подданныхъ отъ вѣрности государю; таковъ напримѣръ тотъ случай, если государь, нарушая присягу, данную при коронаціи, отпадетъ отъ христіанской вѣры и будетъ принуждать своихъ подданныхъ отречься отъ нея.—Между членами сословія духовенства на сеймѣ были, вѣроятно, многіе, несогласавшіеся съ новымъ іезуитскимъ ученіемъ о всемогуществѣ папы, державшіеся галликанскаго ученія, подобно Сорбоннѣ и парижскому парламенту; но противники ихъ владычествовали въ палатѣ духовенства; а еслибъ она и согласилась съ палатами дворянства и третьяго сословія и сеймъ принялъ рѣшеніе въ галликанскомъ духѣ, правительство не поддержало бы сейма. — То, что Людовикъ XIII былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, не произвело никакой перемѣны въ правительственной системѣ. Бездарный подростокъ оставилъ управленіе государствомъ въ рукахъ матери, которой передалъ предсѣдательство въ королевскомъ совѣтѣ (министерствѣ); а Марія Медичи была горячая папистка. Клерикальная партія постоянно говорила ей, что бракъ ея былъ недозволенъ по каноническому праву, что только полновластіе папы дало ему законность, что если отвергать безусловную власть папы надъ церковью, то можно будетъ доказывать, что сынъ ея рожденъ не въ

законномъ бракѣ и потому не имѣетъ права на престолъ. И дѣйствительно Кондѣ говорилъ, что законность брака Генриха IV съ нею сомнительна.

Такимъ образомъ духовенство и дворянство поссорились съ третьимъ сословіемъ, и не могло быть принято всѣми тремя сословіями никакого общаго рѣшенія. Одинъ изъ депутатовъ третьяго сословія сказалъ, что духовенство—старшій братъ, дворянство—второй, среднее сословіе—младшій братъ; но что всѣ они сыновья Франціи, общей своей матери. Надменность дворянъ была такъ велика, что они обидѣлись этими словами; они находили дерзостью то, что купцы и ремесленники, подвластные вельможамъ, собственникамъ или правителямъ городовъ, въ которыхъ живутъ они, осмѣливаются называть себя младшими братьями дворянъ, приписывать себѣ равенство происхожденія съ ними. Люди третьяго сословія не братья дворянамъ, а подданные ихъ, говорило дворянство. Духовенство смотрѣло на третье сословіе съ такимъ же презрѣніемъ. Послѣ долгихъ споровъ и интригъ оно убѣдило королеву воспретить третьему сословію совѣщаться о предложеніи депутатовъ Парижа и склонило дворянство вмѣстѣ съ нимъ просить ее, чтобы декреты тридентскаго собора были въ полномъ своемъ составѣ обнародованы во Франціи, какъ государственный законъ. Правительство исполнило эту просьбу, объявило тридентскіе декреты имѣющими во Франціи силу закона, прибавило только оговорку, что эту силу имѣютъ они лишь на сколько не нарушаютъ правъ галликанской церкви. Относительно ненарушимости правъ реформатской церкви не было сдѣлано оговорки, потому гугеноты протестовали противъ этого правительственнаго распоряженія. На 23 февраля было назначено королевское засѣданіе для передачи записокъ (cahiers), которыя были составлены каждымъ сословіемъ особо. Рипелль, епископъ люсонскій, которому духовенство поручило произнести отъ имени всего сословія рѣчь королю, изложилъ въ ней съ большимъ блескомъ учености и краснорѣчія политическіе принципы духовенства; онъ говорилъ, что прежде оно пользовалось уваженіемъ и могуществомъ, духовные сановники были назначаемы на высшія государственныя должности, а теперь стѣснены его права, и оно совѣтуетъ королю утвердить предложенія, изложенныя въ его запискѣ, потому что благо государства основано на уваженіи къ религіи. Записка дворянства была въ общихъ чертахъ одинакова съ запиской духовенства. Привилегированныя сословія понимали общность своихъ интересовъ. Рѣчь парижскаго депутата Робера Мирона, котораго третье сословіе выбрало своимъ ораторомъ, представляла рѣзкую противоположность надменнымъ и своекорыстнымъ притязаніямъ духовенства и дворянства. Ораторъ третьяго сословія сильно выставлялъ на видъ то, что государственныя должности даются людямъ недостойнымъ, называлъ деспотизмъ и алчность буйнаго дворянства главной причиной бѣдственнаго состоянія государства, совѣтовалъ отменить пенсіи вельможамъ, уменьшить число ненужныхъ высшихъ должностей, сократить жалованье высшимъ сановникамъ; говорилъ, что для избавленія націи отъ невыносимыхъ бѣдствій необходимо королю соединиться съ народомъ, иначе бѣдные и угнетенные могутъ прійти къ мысли, что воинъ—тоже поселянинъ, только имѣющій оружіе, и тогда молотъ станетъ наковальней. Въ этой рѣчи слышится голосъ демократіи, который послѣ того былъ заглушенъ больше, чѣмъ на полтора столѣтія, говоритъ Ранке.

Король обѣщалъ разсмотрѣть записки сословій сейма, но возможности исполнить ихъ желанія и предложенія. Черезъ мѣсяцъ сеймъ былъ приглашенъ въ Лувръ и король распустилъ его, обѣщаясь отменить пенсіи вельможамъ и продажу должностей, назначить комиссію для прекращенія утайки государственныхъ денегъ сборщиками налоговъ. Но даже и эти

маловажныя обѣщанія остались не исполнены. Такимъ образомъ послѣдній сеймъ старой французской монархіи не могъ произвести никакихъ улучшеній. Онъ только засвидѣтельствовалъ, что государство разстроено; поправить дѣла онъ не могъ, будучи безсиленъ передъ правительствомъ.

2. Борьба противъ Кончини.

Надежда принца Кондэ найти поддержку себѣ въ сеймѣ оказалась напрасна. Вліяніе принца на третье сословіе было далеко не такъ велико, какъ онъ предполагалъ. Но онъ продолжалъ борьбу съ иноземкой и мужемъ ея, правившими государствомъ отъ имени королевы. Мужъ Леоноры оскорблялъ своей надменностью вельможъ, министровъ, самого короля; нація порицала то, что королева рѣшила породнить французскую династію съ испанской. Кондэ рассчитывалъ, что всеобщее неудовольствіе поможетъ ему низвергнуть фаворитку и ея мужа. По внушенію Кондэ парижскій парламентъ пригласилъ принцевъ и пэровъ, считавшихся членами его, принять участіе въ его совѣщаніяхъ о мѣрахъ, необходимыхъ для пользы короля и для облегченія подданныхъ. Парламентъ надѣялся, что при помощи принцевъ и пэровъ принудить правительство отмѣнить произвольныя распоряженія, произвести реформы. Правительство объявило, что парламентъ не имѣетъ права приглашать пэровъ къ участію въ его совѣщаніяхъ. Парламентъ подалъ королю записку, повторявшую важнѣйшія изъ тѣхъ требованій, какія были заявлены третьимъ сословіемъ сейма; онъ просилъ короля позаботиться о независимости государства отъ чужого (то есть испанскаго) вліянія, соблюдать договоры, заключенные отцомъ его, то есть договоры о союзѣ съ нѣмецкими протестантами, дать принцамъ и вельможамъ должное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, удалить иноземцевъ отъ высшихъ должностей. Дворъ вознегодовалъ, король по внушенію матери выразилъ строгое порицаніе парламенту за его дерзость. Парламентъ принужденъ былъ просить извиненія, сказать, что не желалъ ограничивать свободу короля, думалъ только о пользѣ его. Но принцъ Кондэ не упалъ духомъ, убѣдилъ герцоговъ Бульйонскаго, Майенскаго, Лонгвильскаго и графа Сень-Поля соединиться съ нимъ для отнятія власти у дурныхъ совѣтниковъ короля. Къ нимъ присоединился герцогъ Роанъ, досадовавшій на правительство за то, что оно не дало ему право наследовать тестю въ должности правителя Пуату. Онъ склонялся къ союзу съ Кондэ гугенотовъ, представители которыхъ собрались тогда на общій синодъ въ Греноблѣ. Дюплесси Морне от-

клонялся гугенотовъ отъ союза съ недовольными вельможами, думающими только о своихъ выгодахъ, говорилъ, что опасно раздражать молодого короля при самомъ началѣ его правленія. Герцогъ Бульйонскій, Роанъ и Субизъ одержали верхъ надъ нимъ. Опасаясь Ледигьера, правителя Лангедока, они перевели собраніе въ Нимъ, чтобъ этотъ отступникъ отъ реформатской вѣры, принявшій сторону короля, не арестовалъ противниковъ правительства. Королева обѣщала гугенотамъ отмѣнить притѣсненія; но они 27 ноября (1615) вступили въ союзъ съ Кондэ, который уже поднялъ оружіе, перешелъ съ большимъ войскомъ Луару и тѣснилъ Буадофена, командовавшаго королевскимъ войскомъ; Буадофенъ отступилъ къ Сень-Жанъ-д'Анжели. Когда Роанъ и Субизъ присоединились съ гугенотскимъ войскомъ къ инсургентамъ, они получили рѣшительный перевѣсъ. Но между ними не было прочнаго согласія. Многіе вельможи покинули Кондэ, когда король объявилъ его и помогающихъ ему мятежниками. Гугеноты увидѣли, что возстаніе не будетъ имѣть успѣха, и многіе изъ нихъ уклонились отъ войны. Дружба французскаго правительства съ испанскимъ упрочилась бракосочетаніемъ короля съ испанской принцессой, а его сестры съ наследникомъ испанскаго престола. Эти свадьбы были отпразднованы въ одинъ день 25 ноября (1615 года), одна въ Бордо, другая въ Бургосѣ. Надежда на помощь Испаніи исчезла у инсургентовъ. Дворъ, возвратившійся изъ Бордо въ Парижъ, желалъ прекратить войну, чтобъ она не мѣшала пирамъ послѣ свадьбы короля; такимъ образомъ былъ заключенъ (въ Лоденѣ 6 мая 1616) договоръ, по которому король обѣщался разсмотрѣть при содѣйствіи принцевъ и нѣкоторыхъ вельможъ, и на сколько будетъ возможно исполнить требованія, заявленныя третьимъ сословіемъ государственнаго сейма, охранять независимость галликанской церкви отъ папы, не признавать силы закона за противорѣчащими ей правамъ декретами тридентскаго собора, оставить за гугенотами всѣ права, полученныя ими отъ Генриха IV, произвести улучшенія въ управленіи государствомъ и особенно въ финансахъ. Кондэ и его союзники получили полную амнистію и новыя пенсіи.

Лоденскій договоръ былъ торжествомъ національной партіи надъ произвольнымъ управленіемъ фаворитки и фаворита. Кондэ, получившій въ свое управленіе вмѣсто Гіэни Берри, пріѣхалъ въ Парижъ, потребовалъ себѣ приличнаго сану его участія въ управленіи дѣлами, получилъ преобладающее вліяніе на нихъ. Въ дворецъ его являлось больше посѣтителей, чѣмъ въ Лувръ. Онъ считался главою патріотовъ, стремящихся низвергнуть Леонору Кончини и ея мужа. Мужъ Леоноры управлялъ всѣмъ; генераль-контролеръ Барбенъ и государственный секретарь Манго были его слугами; приверженцемъ его былъ тогда и Ришелье, епископъ люсонскій, котораго королева назначила по рекомендаціи его друга, Барбена, членомъ государствен-

наго совѣта (кабинета) и великимъ омоньеромъ (grand aumonier, саванникомъ, завѣдующимъ церковной администраціей). Леонора Кончини и ея мужъ возбуждали всеобщее негодованіе своей надменностью и алчностью. Говорятъ, что ихъ состояніе превышало тогда 6.000.000 ливровъ. Это была цифра по тогдашнему времени громадная. Дворцы, придворный штатъ, праздники ихъ были великолѣпны. Мужъ Леоноры былъ человѣкъ свѣтскаго образованія, покупалъ картины, выказывая изящество своего вкуса. Но наглость его была невыносима. Даже съ королемъ онъ обращался непочтительно.

Кондэ увидѣлъ, что королева обманула его обѣщаніемъ дать ему участіе въ управленіи, что всѣ важныя дѣла рѣшаются по прежнему въ ея кабинетѣ мужемъ Леоноры и его креатурами. Принцъ рѣшилъ удалить отъ двора королеву, Леонору и ея мужа, сформировать правительство изъ вельможъ, между которыми главнымъ будетъ онъ. Маршалъ Д'Анкръ узналъ, что Кондэ совѣщается съ герцогомъ Бульйонскимъ, герцогомъ Майеннскимъ и другими вельможами и сталъ говорить королевѣ, что необходимо арестовать заговорщиковъ. Она послѣ нѣкотораго колебанія согласилась, Кондэ былъ арестованъ въ Луврѣ и отвезенъ въ Бастилію. Сообщники его успѣли уѣхать. При извѣстіи объ арестѣ Кондэ парижскій простой народъ, взволнованный матерью принца, пошелъ къ дворцу маршала Д'Анкра, разрушилъ его; но правительство безъ труда умирilo толпу. Герцоги Бульйонскій и Майеннскій пріѣхали въ Суассонъ. Туда пріѣхали политическіе друзья ихъ Гизъ, Шеврѣзъ, Лонгвилль, Кёвръ; принялъ ихъ сторону и герцогъ Неверскій. Они готовились къ войнѣ, объявляя, что хотятъ освободить короля отъ сѣтей, въ которыхъ держатъ его иноземцы, дать ему свободу управлять при содѣйствіи принцевъ и вельможъ, законныхъ представителей націи. Правительство тоже собрало войска; Д'Анкръ, безусловно владычествовавшій надъ королевой, говорилъ, что защищаетъ королевскую власть противъ мятежной аристократіи. Было видно, что одолѣетъ та сторона, на которой стоитъ король. Людовикъ XIII объявилъ въ парламентѣ, что арестъ Кондэ былъ надобенъ для блага государства, потому что принцъ хотѣлъ захватить въ свои руки его и королеву мать и овладѣть правленіемъ. Король издалъ манифестъ, требовавшій, чтобы возставшіе вельможи положили оружіе и угрожавшій имъ за неповиновеніе наказаніемъ по всей строгости законовъ.

Годъ закончился среди волненія; горячіе памфлеты противъ Д'Анкра и его жены ходили въ народѣ; шпіоны маршала Д'Анкра высматривали враговъ правительства. Но большихъ сраженій не произошло. Королева съумѣла привлечь на свою сторону герцога Гиза, назначила его и освобожденного изъ Бастиліи графа Овернскаго начальниками своихъ войскъ. Они одержали побѣды надъ инсургентами въ стычкахъ при Мезьерѣ и Суассонѣ. Сформировалась партія, хлопо-

тавшая о примиреніи; главными людьми ея были Ледигьеръ, Монморанси, Эпернонъ, Бельгардъ; она приобрѣла большую силу. Но раньше, чѣмъ королева и Д'Анкръ примирились съ возставшими противъ нихъ вельможами, маршалъ погибъ.

Королю было теперь уже 16 лѣтъ; но мать не давала ему участія въ управленіи дѣлами, продолжала обращаться съ нимъ какъ съ ребенкомъ и радовалась тому, что онъ проводитъ время въ пустыхъ забавахъ, въ соколиной охотѣ, или въ дѣланіи насыпей и укладываніи ихъ дерномъ. Товарищемъ его забавъ былъ назначенъ молодой человѣкъ, казавшійся ничтожнымъ, Шарль Альберъ де Люинъ; онъ очень понравился юношѣ своимъ мастерствомъ пріучать къ охотѣ соколовъ и копчиковъ, вкрался въ полное довѣріе къ нему. Не имѣя особеннаго ума, Люинъ былъ чрезвычайно честолюбивъ, считалъ себя способнымъ управлять государствомъ. Люди болѣе даровитые и смѣлые, Вильруа, бывшій министръ, и Дежанъ, занимавшій важную должность по финансовому вѣдомству, возбуждали его дѣйствовать отважно, давали ему совѣты. Людовикъ XIII, бездарный и безхарактерный, имѣлъ очень высокое мнѣніе о себѣ, обижался тѣмъ, что мать держитъ его въ ничтожествѣ, ненавидѣлъ Д'Анкра, оскорблявшаго его своимъ высокомеріемъ. Люинъ раздражалъ самолюбіе короля и съ тѣмъ вмѣстѣ пугалъ его разсказами о разстройствѣ государства, о неудовольствіи вельможъ и народа, говорилъ, что и королевская власть и самая жизнь короля подвергаются опасности отъ властолюбія Д'Анкра. Король далъ своему другу разрѣшеніе убить Д'Анкра. Маршалъ собирался идти въ Нормандію противъ инсургентовъ и передъ выступленіемъ въ походъ пріѣхалъ (24 апрѣля 1617 года) въ Лувръ проститься съ королевой и королемъ. На мосту у воротъ Лувра остановилъ его капитанъ королевскихъ тѣлохранителей Витри, имѣвшій при себѣ отрядъ своихъ солдатъ, схватилъ его за руку со словами: «Арестую васъ по повелѣнію короля»; маршалъ въ испугѣ сдѣлалъ шагъ назадъ, Витри выхватилъ изъ-подъ плаща пистолетъ, выстрѣлилъ ему въ лобъ; Аллье (Hallier), братъ Витри, выстрѣлилъ маршалу въ спину; онъ вскрикнулъ и упалъ мертвый.

Говорятъ, что Людовикъ XIII въ восторгѣ отъ убійства Д'Анкра воскликнулъ: «теперь я король!» Парижскій народъ радовался смерти человѣка, которому приписывалъ всѣ тиранническія распоряженія, разграбилъ дома убитаго, вырылъ изъ могилы тѣло его, таскалъ по городу и повѣсилъ на висѣлицѣ передъ его дворцомъ. Жену Д'Анкра схватили и не давъ ей обуться повели въ темницу. Народъ шелъ за ней съ яростными воплями. Богатствами Леоноры и ея мужа были награждены исполнители королевскаго приказанія: Люинъ получилъ должности камергера (по нашей терминологіи, обергофмаршала) и правителя Нормандіи, которыя занималъ Д'Анкръ; Витри былъ сдѣланъ маршаломъ, прежніе министры Жанненъ, Вильруа, Силлери

снова заняли должности, какія занимали при Генрихѣ IV. Но дѣлами правилъ Дежанъ, совѣтами котораго руководился Люинъ. Король поступалъ съ матерью сурово, оскорбительно; она выпросила у него позволеніе удалиться въ Блуа. Съ нею поѣхалъ Ришельё, выгнанный изъ королевскаго совѣта (кабинета). Онъ въ своемъ невольномъ удаленіи отъ дѣлъ написалъ «Наставленіе Христіанину» смиренно переносить бѣдствія. Вельможи, взявшіеся за оружіе для низверженія маршала Д'Анкра, праздновали его погибель пирами и пріѣхали въ Парижъ засвидѣтельствовать свою преданность королю, мужественно освободившему себя и Францію. Людовикъ милостиво принялъ ихъ увѣреніе, что они возстали только противъ Д'Анкра, объявилъ ихъ вѣрными подданными. Но принцъ Кондэ не получилъ свободы. Король только перевелъ его изъ Бастилии въ Венсенскій замокъ, менѣе душный, чѣмъ она, уменьшилъ строгость надзора за нимъ, дозволилъ жить съ нимъ женѣ. — Леонора Галиган была предана суду парижскаго парламента по обвиненію въ колдовствѣ и оскорбленіи божественнаго и королевскаго величества; она защищалась спокойно и съ достоинствомъ. На вопросъ, какими чародѣйствами привязала она къ себѣ королеву, она отвѣчала: мое чародѣйство было господство сильной души надъ слабой. Парламентъ унизили до роли орудія деспотизма, осудилъ Леонору Галиган на смерть, хотя всѣ обвиненія противъ нея были бездоказательны. Она была казнена въ іюлѣ 1617; тѣло ея было сожжено и пепелъ развѣянъ по вѣтру.

Скоро оказалось, что управленіе государствомъ только перешло въ другія руки, а нисколько не улучшилось. Лъстцы называли Людовика справедливымъ за то, что онъ безъ суда убилъ итальянца, управлявшаго Франціей; но онъ не имѣлъ ни ума, ни характера, ни желанія управлять дѣлами самъ; потому фаворитъ его Люинъ сталъ такимъ же господиномъ Франціи, какъ былъ мужъ фаворитки его матери. Людовикъ далъ Люину титулъ герцога, потомъ санъ коннетабля, сдѣлалъ его правителемъ Нормандіи, черезъ нѣсколько времени и коммендантомъ крѣпостей Калэ и Булони; онъ женился на красавицѣ Маріи Роанъ, дѣвушкѣ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Франціи, родственницѣ короля; его жена была назначена оберъ-гофмейстериной супруги короля, Анны Австрійской и вошла въ такую же милость у нея, какъ Люинъ у короля. Своихъ братьевъ Люинъ также женилъ на аристократкахъ, очень богатыхъ и доставилъ имъ герцогскіе титулы. Честолюбіе его было ненасытно. Вельможи скоро замѣтили, что ничего не выиграли отъ погибели прежняго правителя Франціи. Люинъ въ декабрѣ (1617 года) созвалъ въ Руанѣ нотаблей (вельможъ и важнѣйшихъ парламентскихъ и городскихъ сановниковъ). Король объяснилъ имъ причины, по которымъ управленіе остается зависящимъ исключительно отъ королевской воли и почему не дается вельможамъ участія въ немъ. Онъ говорилъ о надобности

экономіи, о необходимости уменьшить пенсіи вельможамъ, о томъ, что прекратить продажу должностей и отмѣнить полетту (пошлину, уплата которой предоставляла членамъ парламентовъ несмѣняемость, то-есть давала судопроизводству хотя небольшую независимость отъ произвола двора). Вельможи и члены парламентовъ были очень недовольны этими намѣреніями, внушенными королю Люиномъ, который налагалъ на нихъ денежные пожертвованія, обогащая себя и своихъ прислужниковъ. Онъ раздавалъ должности и почести своимъ креатурамъ и стерегъ Людовика такъ, что никто кромѣ его друзей и слугъ не могъ приблизиться къ королю.

Вельможи стали въ оппозицію новому правительству. Ея главою вмѣсто Кондэ, находившагося подъ стражей, сдѣлался богатый, могущественный герцогъ Эпернонъ, бывшій однимъ изъ любимцевъ Генриха III и сохранявшій изысканность одежды и обращенія той эпохи. Вельможи, которые еще такъ недавно брались за оружіе противъ Маріи Медичи, вступили теперь въ союзъ съ нею противъ ея сына и его фаворита. Она была сослана въ Блуа; тамъ держали ее подъ строгимъ надзоромъ. Она черезъ Ручеллаи, одного изъ друзей погибшаго маршала Д'Анкра, обратилась къ Эпернону съ просьбой освободить ее. Герцогъ сдѣлалъ распоряженія, какія были нужны. Въ ночь 22 февраля 1619 королева мать спустилась по веревочной лѣстницѣ изъ окна своей комнаты, сѣла въ приготовленную для нея карету и подъ охраной отряда, присланнаго Эпернономъ, пріѣхала въ Ангулемъ, правителемъ котораго былъ герцогъ; она обнародовала манифестъ, перечислявшій противозаконныя дѣйствія новаго правительства и оскорбленія, какимъ подвергало оно ее. Вельможи враждебные Люину надѣялись въ союзѣ съ королевой матерью низвергнуть его. Обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Переговоры оставались напрасны; король пріѣхалъ на свиданье съ матерью въ Туръ, но не согласился на ея требованія. Дѣло должна была рѣшить война.

Королева мать была усердная папистка, но политическій расчетъ заставилъ ее вступить въ союзъ съ гугенотами, вождями которыхъ были герцоги Бульионскій и Роанъ. Гугеноты были тогда раздражены эдиктомъ, составленнымъ подъ вліяніемъ іезуитовъ, которымъ покровительствовалъ Люинъ. Когда Жанна д'Альбрэ, мать Генриха IV, королева наваррская, ввела въ своемъ государствѣ реформацію, то съ согласія наваррскаго сейма были конфискованы имѣнья католической церкви и обращены въ пользу реформатской церкви, школъ и благотворительныхъ учреждений. Генрихъ IV, перешедши въ католичество, возстановилъ въ королевствѣ наваррскомъ епископскія кафедръ и должности католическихъ приходскихъ священниковъ, возвратилъ католической церкви конфискованные имѣнья, но не всѣ; онъ оставилъ во владѣніи реформатской церкви тѣ имѣнья, которыми владѣла она больше пятидесяти лѣтъ до его эдикта; кромѣ того принялъ на счетъ правительства содержаніе реформатскихъ церквей въ королевствѣ наваррскомъ. Паписты требовали, чтобы эти льготы были отмѣнены, и теперь былъ изданъ эдиктъ, повелѣвавшій возвратитъ като-

лической церкви всё тѣ имѣнья въ королевствѣ наваррскомъ, которыя еще оставались во владѣніи реформатской церкви; за нихъ было обѣщано денежное вознагражденіе, но недостаточное. Депутаты гугенотовъ собрались въ Луденѣ, составили просьбу объ отмѣнѣ этого эдикта и прекращеніи другихъ притѣсненій ихъ церкви. Король отвергъ просьбу. Королева мать удѣрила гугенотовъ въ своемъ сочувствіи, обѣщала доставить имъ удовлетвореніе ихъ желаній.

Въ большей части южныхъ и западныхъ провинцій правители приняли сторону королевы матери. Она вступила въ переговоры съ испанскимъ дворомъ. Люинъ опасался, что она, вельможи и гугеноты выставятъ больше войска, чѣмъ можетъ собрать правительство, и нашелъ надобнымъ приобрести себѣ помощь принца Кондэ, находившагося подъ стражей въ Венсенскомъ замкѣ. Принцъ ненавидѣлъ королеву мать, по внушенію которой арестовалъ его король. Въ октябрѣ (1619 года) Кондэ былъ освобожденъ. Король выказывалъ величайшую любезность къ нему, онъ принялъ сторону короля и слѣдующимъ лѣтомъ пошелъ вмѣстѣ съ королемъ въ Нормандію. Благодаря его содѣйствію, королевское войско покорило эту область, взяло крѣпость Канъ (Caen), въ которой оборонялись норманскіе инсургенты. Послѣ того Люинъ вмѣстѣ съ Кондэ пошелъ на Луару. Войска королевы, главнокомандующими которыхъ были Эпернонь и герцогъ Майеннскій, могли бы по своей численности оказать сильное сопротивленіе королевскимъ, но ихъ вожди не имѣли серьезной рѣшимости на борьбу и, послѣ небольшого сраженія у Понъ-де-Се (Pont de Sé), вступили въ переговоры. Люинъ обѣщалъ имъ амнистію, согласился до нѣкоторой степени удовлетворить требованіямъ королевы, дозволивъ ей возвратиться въ Парижъ. Успѣху переговоровъ съ нею много содѣйствовалъ Ришельё. Онъ удалялся на нѣкоторое время въ Авиньонъ, но возвратился къ королевѣ и съумѣлъ приобрести довѣріе Люина, желавшаго воспользоваться его дарованіями. Миръ былъ заключенъ въ августѣ 1620 въ Понъ-де-Се; за свои услуги Люину Ришельё былъ награжденъ возвращеніемъ прежняго мѣста въ королевскомъ совѣтѣ; кромѣ того Люинъ обѣщалъ доставить ему санъ кардинала.

Королева и помогавшіе ей вельможи измѣнили гугенотамъ. Папскій нунцій Бендивольйо убѣждалъ правительство привести въ исполненіе эдиктъ объ отнятіи церковныхъ имѣній у наваррскихъ реформатовъ. Гугеноты были храбрые люди, они занимали крѣпость Наварренъ. Но ссоры между ихъ вельможами помѣшали имъ приготовиться къ оборонѣ. Король сопровождалъ свое войско, шедшее къ городу По (Po), столицѣ Беарна. Людовикъ 15 октября (1610 года) вступилъ въ По, заставлялъ беарнскій (то есть наваррскій) парламентъ регистрировать эдиктъ о возвращеніи церковныхъ имѣній католическому духовенству и произвелъ въ законахъ королевства наваррскаго такіе перемѣны, которыя уничтожили его самостоятельность и господство реформатской церкви въ немъ: королевство на-

варское было объявлено присоединеннымъ къ французскому, языкомъ судопроизводства и администраціи былъ сдѣланъ французскій; кафедральный храмъ въ По былъ отданъ католикамъ и было дозволено іезуитамъ селиться въ наваррскомъ королевствѣ. На луденскомъ собраніи гугенотовъ беарнскій вельможа Леканъ (Lecan) говорилъ имъ, что всё они пострадаютъ, если реформатская церковь будетъ подавлена въ Беарнѣ, главномъ оплотѣ французскаго кальвинизма. И дѣйствительно клерикалы, которыхъ поддерживалъ Кондэ по ненависти къ нѣкоторымъ изъ гугенотскихъ вельможъ, стали теперь убѣждать правительство, чтобы оно шло дальше по пути подавленія гугенотовъ, говорили, что обстоятельства благопріятствуютъ разрушенію еретическаго общества, которое хочетъ обратить Францію въ федеративную республику, подобную нидерландской. Люинъ и король были расположены послѣдовать этому совѣту. При такомъ положеніи дѣлъ было неблагоприятно со стороны гугенотовъ раздражать правительство требованіемъ, чтобы возвращены были беарнцамъ религіозныя и политическія права и прекращены притѣсненія реформатской церкви во всей остальной Франціи. Дюлесси Морнѣ и другіе умѣренные люди совѣтовали своимъ единовѣрцамъ не возбуждать гнѣва правительства. Но горячіе люди, вліятельнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Фава (Favas), гугенотскій коммандантъ крѣпости Лектура, вовлекли своихъ единовѣрцевъ въ неблагоприятную войну. Ссылаясь на обѣщаніе, данное Люиномъ, что король дозволитъ гугенотамъ собраться на совѣщаніе, они созвали собраніе гугенотскихъ депутатовъ въ Ла-Рошелѣ, не испросивъ разрѣшенія короля. Онъ вслѣлъ этому собранію разойдись; оно отвѣчало, что имѣетъ право 'продолжать свои засѣданія и продолжало ихъ. Правительство стало готовить войско къ походу; Ла-Рошельское собраніе рѣшило сформировать свое войско, установило налогъ для покрытія военныхъ расходовъ, сдѣлало печать съ надписью „За Христа и короля“. Король обнародовалъ манифестъ, объявлявшій, что будутъ наказаны только непокорные, а тѣ реформаты, которые останутся мирными, сохранять свободу богослуженія и всѣ другія права. Ла-Рошельское собраніе отвѣчало на это циркуляромъ къ французскимъ реформатамъ и посланіемъ къ иностраннымъ протестантскимъ правительствамъ. Оно говорило въ этихъ заявленіяхъ, что сохраняетъ вѣрность и преданность королю, но принуждено взяться за оружіе для защиты правъ, которыя даны реформатской церкви нантскимъ эдиктомъ и которыя хочетъ отнять у нихъ фанатическая партія, руководимая іезуитами. Гугеноты имѣли нѣсколько крѣпостей и больше 200 замковъ, и могли бы оказать сильное сопротивленіе королевскому войску, если бы были согласны между собой и дѣйствовали твердо. Но большинство ихъ вельможъ отказалось отъ участія въ войнѣ. Знаменитый гугенотскій полководецъ Ледигьеръ, заслужившій своими побѣдами санъ маршала и титулъ герцога, уже давно сталъ сторониться отъ единовѣрцевъ и сближаться съ дворомъ, при которомъ не подвергался непріятности слышать порицанія себѣ за распутство, какія слышалъ въ гугенотскихъ консисторіяхъ. Онъ теперь согласился сражаться противъ своихъ братьевъ по вѣрѣ, разсчитывая, что король сдѣлаетъ его за это коннетаблемъ. Король назначилъ коннетаблемъ Люина, человека вовсе не имѣвшаго военной опытности. Но Ледигьеръ, хотя досадовалъ на это, всегди пошелъ противъ своихъ единовѣрцевъ, желая получить какія нибудь другія награды.

Легко было предвидѣть, что королевскія войска одолѣютъ. Лафорсъ, Роанъ и братъ Роана Субизъ храбро оборонялись въ Пуази и Пуату, но не имѣли такихъ силъ, чтобы остановить противниковъ. Въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ гугеноты были малочисленны, они были обезоружены королевскими наместниками. Въ маѣ 1621 пошелъ на югъ самъ король; сопро-

тивленія ему почти не было. Одна крѣпость за другой отворяла ему ворота; онъ отнялъ у старика Дюплесси Морвѣ Сомюръ, коммendanтомъ котораго тридцать лѣтъ былъ этотъ гугенотскій полководецъ, удерживавшій теперь своихъ единовѣрцевъ отъ войны и всетаки потерявшій свою должность вмѣсто того, чтобы получить благодарность отъ короля. Люинъ осадилъ Сентъ-Жанъ-д'Анжели, важнѣйшую послѣ Ла-Рошеля гугенотскую крѣпость, стоявшую на горѣ и снабженную хорошей артиллеріей; Субизъ, командовавшій въ ней, мужественно оборонялся, но былъ принужденъ сдать ее. Король велѣлъ разрушить укрѣпленія города и отнялъ у него самоуправленіе. Крѣпость Сансерръ, выдерживавшая долгія осады въ прежнія гугенотскія войны, сдалась безъ сопротивленія. Гугеноты были, какъ мы уже говорили, ослаблены ссорами, нѣкоторыхъ изъ ихъ вліятельныхъ людей правительство подкупило. Паписты ужъ хвалились, что ересь скоро будетъ искоренена во Франціи. Но преждевременная откровенность враговъ показала гугенотамъ, что необходимо имъ отбросить свои раздоры, иначе ихъ вѣроисповѣданіе будетъ подавлено. Роанъ говорилъ: „У меня отняты имѣнія и дворцы, осталась только шпата; я буду защищать ею свою вѣру“. Такимъ же духомъ прониклись гарнизонъ и граждане гугенотскаго города Монтобана, къ которому подступилъ въ августѣ король со всѣми своими войсками; два съ половиною мѣсяца онъ бомбардировалъ и штурмовалъ стѣны Монтобана, но въ ноябрѣ принужденъ былъ отступить, потерявъ очень много войска. Подъ Монтобаномъ былъ убитъ герцогъ Майеннскій, сынъ того, который былъ главою Лиги.

Люинъ подвергся порицаніямъ за неудачу осады Монтобана; король сталъ недовѣрять любимцу, котораго незадолго передъ тѣмъ сдѣлалъ хранителемъ печати на мѣсто умершаго Дю-Вера. Видно было, что фаворитъ скоро попадетъ въ немилость. Но смерть избавила его отъ этого. Онъ занемогъ при осадѣ Монёра (Monheur). Болѣзнь очень быстро усилилась, и 14 декабря (1621 года) онъ умеръ. Приближенные и прислуга разграбили его палатку; провожавшіе его тѣло играли въ кости на его гробѣ; Ручеллан похоронилъ его на свой счетъ. Жена его Марія Роанъ черезъ нѣсколько времени вышла за герцога Шеврёза, сына герцога Гиза, убитаго Генрихомъ III въ Блуа; она впослѣдствіи играла очень важную роль въ политическихъ дѣлахъ.

Королева мать возвратилась въ Парижъ; съ нею пріѣхалъ Ришельё, получившій санъ кардинала. Зимой почти не было военныхъ дѣйствій и гугеноты имѣли время нѣсколько оправиться; Лафорсъ, Роанъ и Субизъ снова заняли и укрѣпили нѣкоторые гугенотскіе города въ Пуату. Собраніе гугенотовъ, созванное въ Нимѣ, отняло власть у маркиза Шатильона, бывшаго правителемъ Нижняго Лангедока. При дворѣ была партія, совѣтовавшая королю помириться съ гугенотами. Но принцъ Кондѣ требовалъ продолженія войны; правительство приняло его мнѣніе, и около пасхи (1622 года) новое королевское войско пошло въ походъ. Въ Вандѣ Субизъ, занявшій на рѣкѣ Ви (Vie) сильную позицію между болотъ, стоялъ, не принимая мѣръ предосторожности въ надеждѣ на безопасность. Королев-

ская армія неожиданно напала на него ночью и уничтожила его войско. Болѣе 2000 гугенотовъ были убиты на небольшомъ сухомъ окруженномъ болотами пространствѣ, гдѣ стояли лагеремъ; бѣжавшіе оттуда были перебиты поселянами или захвачены въ плѣнъ и отосланы на галеры. Субизъ успѣлъ добраться до моря и уплылъ въ Ла-Рошель, оттуда въ Англію просить помощи у Іакова I. По Іакову несправедливо мятенниковъ. Людовикъ XIII снова пошелъ въ Гіенъ, не встрѣчая сопротивленія. Лафорсъ покорился, обольстившись предложеннымъ ему саномъ маршала. Король пошелъ въ Лангедокъ. Гугенотскія крѣпости сдавались ему. Гугеноты надѣялись, что прійдутъ на помощь имъ Мансфельдъ и Христіанъ Брауншвейгскій, вторгнувшіеся тогда въ Лотарингію; но они ушли въ Нидерланды. Ледигьеръ, перешедшій въ католичество и награжденный за то саномъ коннетабля, убѣждалъ короля дать гугенотамъ сносныя условія мира; но Кондѣ долго мѣшалъ этому. По совѣту Кондѣ король осадилъ Монпелье, но гугенотскій гарнизонъ, находившійся подъ начальствомъ Роана, храбро оборонялся; король сталъ опасаться, что будетъ принужденъ со стыдомъ уйти отъ этой крѣпости, какъ въ прошломъ году отъ Монтобана, дозволилъ Ледигьеру вступить въ переговоры съ Роаномъ, и 19 октября (1622 года) былъ подписанъ въ Монпелье миръ, по которому реформаты сохранили права, данныя имъ нантскимъ эдиктомъ, но должны были отдать королю нѣкоторыя изъ своихъ крѣпостей; кромѣ того было постановлено, что они не могутъ съѣзжаться на свои собранія иначе, какъ съ разрѣшенія короля. Досадуя на заключеніе мира, Кондѣ уѣхалъ изъ Франціи; онъ отправился на богомолье въ Лоретто.

Междоусобіе прекратилось, и Франція могла обратить свои силы на борьбу съ возростающимъ могуществомъ испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ. Ледигьеръ совѣтовалъ королю начать войну съ ними. Королева мать, прежде бывшая въ дружбѣ съ королемъ испанскимъ, стала теперь рѣшительной противницей Габсбурговъ. Король снова слушался ея совѣтовъ и по ея желанію далъ отставку канцлеру Брюлару де Силлери, совѣтовавшему поддерживать дружбу съ Испаніей, назначилъ канцлеромъ маркиза Вьёвилля. Это былъ человѣкъ недаровитый, и вскорѣ мѣсто его занялъ Ришельё, бывший тогда усерднымъ приверженцемъ королевы матери. Фаворитъ короля Іакова Бокингамъ, разстроивъ женитьбу наследника англійскаго престола на испанской принцессѣ, пріѣхалъ въ Парижъ просить для него руки Генріэтты, сестры Людовика. Марія Медичи была очень обрадована этимъ. Женитьба принца Уэльскаго на французской принцессѣ окончательно отклонила Францію отъ той политики, которой держалась она со времени смерти Генриха IV.

II. ЛЮДОВИКЪ XIII И КАРДИНАЛЬ РИШЕЛЬЕ.

1. Возвышеніе королевской власти. Окончаніе войнъ съ гугенотами.

Въ апрѣлѣ 1624 Вьёвилль, уступая желанію королевы, согласился принять Ришелье въ члены тайнаго совѣта. Въ то время иностранная политика Франціи ужь получила новое направленіе: было рѣшено выдать сестру короля за наследника англійскаго престола, былъ возобновленъ союзъ съ нидерландской республикой и начатъ споръ съ Испаніей по итальянскимъ дѣламъ. Но Вьёвилль не имѣлъ такой силы ума и характера, чтобы справиться съ затрудненіями. Онъ хотѣлъ удерживать Ришелье во второстепенномъ положеніи, но въ августѣ 1624 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по принятіи Ришелье въ тайный совѣтъ, подвергся немилости короля, былъ арестованъ, посаженъ въ Бастилію и по освобожденіи ужь не игралъ никакой роли въ управленіи; оно перешло въ руки Ришелье.

Есть сочиненіе, называемое «Политическимъ завѣщаніемъ Ришелье». Быть можетъ оно не написано имъ, а представляетъ только составленный кѣмъ-нибудь другимъ сводъ тѣхъ мыслей и правилъ, которыхъ держался онъ. Но во всякомъ случаѣ они изложены вѣрно. Главную цѣль дѣятельности Ришелье было возвысить могущество королевской власти во внутреннихъ дѣлахъ и могущество Франціи во внѣшнихъ. Когда онъ принялъ на себя управленіе государствомъ, вельможи въ провинціяхъ, правителями которыхъ были, и въ своихъ родовыхъ владѣніяхъ держали себя какъ самостоятельные государи. Члены парламентовъ и финансовыя чиновники, покупавшіе или получавшіе по наследству свои должности, считали ихъ своей собственностью; гугеноты составляли церковно-политическое общество, имѣющее свои крѣпости, свое независимое отъ правительства управленіе; испанскіе и австрійскіе Габсбурги стремились подчинить себя всю Европу и уже приобрѣли много успѣховъ въ этомъ дѣлѣ. Ришелье поставилъ своею задачею совершенно подчинить королевскому правительству все во Франціи и направить всѣ силы государства на борьбу съ Габсбургами, побѣда надъ которыми должна была сдѣлать Францію преобладающимъ государствомъ въ западной Европѣ. Король былъ неспособенъ самъ управлять дѣлами, но хотѣлъ рѣшать все по своей волѣ, воображалъ себя самостоятельнымъ и раздражался всякой мыслью о томъ, что дѣйствуетъ по чужимъ внушеніямъ, Ришелье умѣлъ держать себя съ нимъ такъ, что ему казалось, будто онъ принимаетъ рѣшенія по собственному соображенію, а Ришелье только исполняетъ его мысли. Деспотичный и безжалостный, Ришелье не отступалъ ни передъ какими средствами, примѣ-

няя къ дѣлу тѣ политическія правила, которыя изложены въ «Государѣ» Макиавелли, дѣйствовалъ ловко, но коварно и жестоко. Усерднымъ помощникомъ его былъ Франсуа Леклеръ дю-Трамблѣ, вельможа, поступившій въ капуцинскіе монахи и принявшій въ монашествѣ имя Іосифа и потому обыкновенно называемый отцомъ Жозефомъ. Онъ былъ человекъ тонкаго ума, искусный дипломатъ; Ришелье совѣтовался съ нимъ по всѣмъ важнымъ дѣламъ.

Въ первые годы тридцатилѣтней войны французское правительство, находившееся подъ вліяніемъ фанатиковъ католичества, бездѣйственно смотрѣло на то, что императоръ при помощи Лиги завоевалъ Рейнскій Пфальцъ, подавляетъ нѣмецкихъ протестантовъ, а виллоронъ миланскій и эрцгерцогъ Леопольдъ подняли противъ граубюнденскаго реформатскаго правительства католическое населеніе подвластной ему Вальтеллины, горной области по верхнему теченію Адды, оторвали отъ Граубюндена эту полосу земли, служившую проходомъ изъ Италіи въ южную Германію; католики городовъ Поскіаво, Тирано, Борміо и селеній той мѣстности до самой Кіавенны перерѣзали протестантовъ, испанцы заняли Вальтеллину, эрцгерцогъ Леопольдъ овладѣлъ Энгадиномъ. Протестантскіе кантоны не помогли своимъ граубюнденскимъ единовѣрцамъ, побоявшись угрозъ католическихъ кантоновъ. Венеція, увидѣвъ себя отрѣзанной отъ Швейцаріи и Германіи, просила помощи у Франціи. Но Людовикъ XIII велъ тогда войну съ гугенотами, потому послушалъ клерикаловъ, говорившихъ, что не должно мѣшать подавленію граубюнденскихъ еретиковъ. Чтобы уклониться отъ столкновенія съ Франціей, испанцы предложили папѣ занять Вальтеллину римскими войсками; такимъ образомъ она по формѣ не считалась испанскимъ владѣніемъ, а между тѣмъ путь черезъ нее былъ открытъ испанскимъ и австрійскимъ войскамъ. Но когда дѣлами сталъ править Ришелье, онъ заключилъ союзъ съ Венеціей и Савойей, возобновилъ прежній военный договоръ со швейцарцами и потребовалъ, чтобы Вальтеллина и Энгадинъ были возвращены граубюнденцамъ. Свое требованіе онъ поддержалъ, пославъ на границу армію, составленную изъ французовъ и швейцарцевъ подъ начальствомъ Кёвра. Папскія войска ушли изъ Вальтеллины; она была возвращена граубюнденцамъ, обязавшимся уважать свободу католическаго богослуженія и пропускать французскія войска черезъ альпійскіе проходы.

Это было первымъ шагомъ французскаго правительства къ тому, чтобы уничтожить владычество испанцевъ надъ Италіей, возстановить независимость мелкихъ итальянскихъ государствъ и при ихъ содѣйствіи вернуть Франціи преобладающее вліяніе на Италію. Когда герцогъ савойскій пошелъ покорить Геную, Ледигьеръ помогалъ ему. Генуэзцы храбро оборонялись; виллоронъ миланскій помогъ имъ, нападѣніе герцога савойскаго было отражено; но видно было, что возобновляется борьба Фран-

ція съ Испаніей за владычество надъ Италіей и что французское правительство перестало руководиться религіозными симпатіями. Начатое въ Вальтеллинь и подъ Генуей было черезъ нѣсколько лѣтъ возобновлено французскимъ правительствомъ по поводу спора о мантуанскомъ наслѣдствѣ.

Для того, чтобы свободно обратить силы Франція на заграничныя войны, надобно было подавить всякое сопротивленіе королевской власти въ самой Франціи. Вельможи, боровшіеся противъ владычества маршала Д'Ангра и Люина, желавшіе получить въ управленіи государствомъ то участіе, на какое имѣли право по своей знатности, не хотѣли покоряться игу Ришельё. Предлогомъ для ссоры послужили имъ религіозныя дѣла. Клерикальная партія негодовала на то, что французскій король и его министр, называвшійся кардиналомъ, принудили папскіе гарнизоны уйти изъ католической земли и отдали ее подъ власть еретикамъ. Папскій посланникъ въ Парижѣ рѣзко порицалъ Ришельё. Негодованіе папистовъ усилилось, когда Франція заключила союзы съ Нидерландской республикой и Англіей, чтобы остановить успѣхи императора и короля испанскаго въ борьбѣ противъ еретиковъ. Іезуиты возбуждали усердныхъ католиковъ противъ Ришельё. Гугеноты тоже были недовольны имъ. Испанское правительство обѣщало имъ свою помощь, если они возьмутся за оружіе. Голландскіе и англійскіе корабли были посылаемы на помощь французскому флоту.

Миръ, заключенный въ Монпелье, не былъ искреннимъ со стороны французскаго правительства. Гугеноты знали, что оно хочетъ хитростью или силой отнять у нихъ всѣ крѣпости. Оно построило въ Монпелье цитадель, замѣстило католиками половину числа членовъ въ городскомъ совѣтѣ, состоявшемъ прежде изъ однихъ гугенотовъ; оно построило близъ Ларошели фортъ Луи и поставило въ немъ сильный гарнизонъ. Дюплесси Морнэ и герцогъ Бульйонскій, удерживавшіе гугенотовъ отъ войны, умерли въ 1623 году; въ гугенотскихъ собраніяхъ стали преобладать люди, слѣдовавшіе воинственнымъ внушеніямъ Роана и его брата, Субиза. Граждане Ла-Рошели съ тревогой слышали, что въ гавани Блаве (близъ Лоріана, въ Бретани) снаряжается эскадра; они полагали, что она предназначена блокировать ихъ городъ, что правительство готовится начать войну для подавленія реформатской церкви. Субизъ рѣшился неожиданно напасть на эту эскадру; дѣло было очень рискованное, но удалось; онъ увелъ корабли изъ Блаве въ гавани сосѣднихъ съ Ларошелю острововъ Ре и Олерона. Ободренный этимъ успѣхомъ и поддержкой Роана, совѣтамъ котораго слѣдовали города Кастръ и Монтобанъ, онъ въ январѣ 1625 сталъ говорить съ правительствомъ воинственнымъ тономъ; оно сильно встревожилось; нѣкоторые совѣтники короля полагали, что должно помириться съ гугенотами, другіе хотѣ-

ли возобновить союзъ съ Испаніей для подавленія еретиковъ. Въ сентябрѣ правительство созвало въ Фонтенбло нотаблей. Подъ вліяніемъ Ришельё они высказали мнѣніе, что необходимо принудить гугенотовъ къ покорности королю. Опираясь на этотъ совѣтъ, правительство начало войну съ гугенотами и на морѣ и на сушѣ; но вело ее слабо. При содѣйствіи англійскихъ и нидерландскихъ кораблей, на многіе изъ которыхъ были посажены французскія десантныя войска, правительство одолжвало гугенотовъ на морѣ; войска его, пошедшія на Роана, опустошали южную Францію. Гугеноты были малочисленны, но сражались очень храбро. Роанъ въ своихъ Мемуарахъ сравниваетъ съ подвигами героевъ древности оборону дефиле близъ Карла (Carla): семь гугенотовъ долго задерживали тамъ войско маршала Темина. Война съ Испаніей принуждала Ришельё помириться съ гугенотами. По его желанію англійскіе и нидерландскіе послы приняли на себя посредничество. Адмиралъ Монморанси разбилъ флотъ Субиза у острова Ре, захватилъ его корабли, взялъ въ плѣнъ матросовъ, уплывшихъ на островъ. Реформаты увидѣли, что продолжать сопротивленіе значило бы для нихъ только ухудшать свое положеніе; они по убѣжденію англійскихъ пословъ приняли миръ, получивъ тайное обѣщаніе, что правительство сломаетъ фортъ Луи. При дворѣ была партія, говорившая, что надобно искоренить реформатское исповѣданіе во Франціи, что необходимо овладѣть Ла-Рошелю, цитаделью мятежниковъ, что безъ этого не будетъ спокойствія во Франціи; духовенство предлагало дать много денегъ на продолженіе войны; но Ришельё хотѣлъ имѣть свободу вмѣшаться въ войну императора и короля испанскаго съ нѣмецкими протестантами и Нидерландской республикой, потому спѣшилъ помириться съ гугенотами, и 5 февраля 1626 былъ подписанъ договоръ съ ними, подтверждавшій нѣкоторыя права ихъ, измѣнявшій въ пользу правительства нѣкоторыя другія изъ прежнихъ отношеній къ нимъ.

По договору 5 февраля подтверждался нантскій эдиктъ, давалась амнистія гугенотамъ, удовлетворялись нѣкоторыя изъ ихъ жалобъ на притѣсенія; но большая часть спорныхъ вопросовъ была рѣшена въ пользу римской церкви и королевской власти. Клерикальная партія, вождями которой были отецъ Берюль и Мишель Марильякъ, негодовала на снисходительность правительства къ гугенотамъ, на помощь граубюнденцамъ противъ испанцевъ и австрійцевъ. Въ угожденіе ей Ришельё черезъ нѣсколько времени заключилъ съ королею испанскимъ договоръ, по которому Франція обязалась охранять католическое вѣроисповѣданіе въ Вальтеллинь и граубюнденцы принуждены были разрушить свои крѣпости въ ней; кромѣ того Франція отказалась отъ союза съ Венеціей и герцогомъ савойскимъ. Этотъ договоръ былъ подписанъ 10 мая 1626 въ Барселонѣ; его называли также монсонскимъ миромъ по имени города, въ которомъ происходили конференціи, предшествовавшія ему.

Ришельё не помирился бы ни съ гугенотами, ни съ Испаніей, если бы не долженъ былъ обратить всѣ свои усилія на борьбу съ враждебной ему придворной партіей. Вождями оппозиціи его деспотизму были принцы крови. Кондэ и двоюродный братъ его графъ Суассонскій выставили впередъ Гастона, младшаго брата короля, 18-лѣтняго юношу, болѣе честолюбиваго, чѣмъ даровитаго. Гастона поддерживали побочные сыновья отца его, герцогъ Вандомскій, правитель Бретани и младшій братъ герцога, великій пріоръ Мальтійскаго ордена, называвшійся по этому своему сану пріоромъ Вандомскимъ. Принцъ Кондэ и графъ Суассонскій, герцогъ Эпернонъ и его сынъ скрывали отъ правительства свое участіе въ дѣлѣ, главою котораго былъ поставленъ Гастонъ. Душою коалиціи былъ маршалъ Орнано, корсиканецъ по происхожденію, честолюбецъ, казавшійся человекомъ скромнымъ, имѣвшій изящныя манеры итальянскихъ вельможъ, бывшій гувернеромъ Гастона. У короля еще не было сына; онъ былъ слабъ здоровьемъ; предполагалось, что онъ проживетъ недолго. По его смерти королемъ сдѣлался бы Гастонъ. Это отнимало у Ришельё возможность дѣйствовать противъ Гастона крутыми мѣрами. Орнано возбуждалъ Гастона требовать председательства въ королевскомъ совѣтѣ, рассчитывая управлять дѣлами отъ его имени. Орнано склонилъ на свою сторону Анри Талейрана (Таллерана, Talougrand), графа Шалё, который, занимая должность обер-гардеробмейстера, имѣлъ постоянные личные доклады королю. Марія Роанъ, по смерти своего перваго мужа, Люина, вышедшая за герцога Шеврёза, женщина очень красивая и умная, очаровала графа Шалё и внушила ему ненависть къ Ришельё. Коалиція, желавшая низвергнуть Ришельё, нашла себѣ союзниковъ за границей. Ришельё и по его внушенію король хотѣли женить Гастона на герцогинѣ Монпансѣ, наследницѣ громадныхъ владѣній своей фамиліи. Орнано пріискалъ для него другую невѣсту, внуку Карла Эммануэля, герцога Савойскаго, который возненавидѣлъ Ришельё за заключеніе мира съ Испаніей и желалъ низвергнуть его. Орнано хотѣлъ, какъ мы говорили, добиться того, чтобы король назначилъ своего брата председателемъ тайнаго совѣта. Ришельё отклонилъ короля отъ согласія на это. Тогда Орнано рѣшился дѣйствовать силой оружія. По его внушенію Гастонъ хотѣлъ уѣхать отъ двора, нанебовать наемниковъ, поднять возстаніе, чтобы принудить короля удалить Ришельё и дать брату участіе въ управленіи дѣлами. По словамъ Ришельё, заговорщики хотѣли убить его и даже короля; онъ увѣряетъ, будто Орнано и герцогиня Шеврёзъ говорили объ этомъ графу Шалё. Ришельё слѣдилъ за дѣйствіями своихъ противниковъ, неожиданно арестовалъ Орнано и Шалё, велѣлъ судить ихъ, какъ мятежниковъ. Шалё, принявшій участіе въ замыслахъ Орнано только по легкомыслію и по увлеченію красотой герцогини Шеврёзъ, былъ казненъ 19 августа

1626; черезъ двѣ недѣли, 2 сентября, Орнано умеръ въ темницѣ Венсенскаго замка. Герцогъ Вандомскій и его братъ, великій пріоръ, были тоже посажены въ темницу, другіе участники заговора были удалены отъ двора. Ришельё сталъ могущественнѣе прежняго. Гастонъ, лишенный своихъ совѣтниковъ, запуганный гибелью ихъ, подчинился волѣ короля, женился на герцогинѣ Монпансѣ, сдѣлался богатѣйшимъ человекомъ во Франціи и получилъ въ награду титулъ герцога Орлеанскаго.

Ришельё передъ арестованіемъ Орнано и Шалё сдѣлалъ испытаніе, можетъ ли рассчитывать на прочность довѣрія короля къ нему и для этого просилъ отставки; король отвѣчалъ, что не можетъ обходиться безъ его услугъ, обѣщался не слушать ни какихъ обвиненій противъ него, выдавать ему имена людей, отъ которыхъ услышитъ что-нибудь враждебное ему. Ришельё вообще пренебрегалъ законами; но когда находилъ удобнымъ, то дѣйствовалъ и законнымъ путемъ. Такъ напримѣръ въ борьбѣ съ іезуитами, враждебными ему руководителями фанатической партіи, онъ опирался на парламенты и Сорбонну, защищавшіе независимость Франціи отъ папы по дѣламъ церковнаго управленія. Желая отмѣнить или передать въ личное завѣдываніе короля, то-есть взять въ свои руки, нѣкоторыя изъ прежнихъ высшихъ должностей, дававшихъ занимающимъ ихъ нѣкоторую независимость отъ произвола перваго министра, Ришельё въ концѣ 1626 созвалъ въ Парижъ нотаблей; это собраніе вельможъ, церковныхъ сановниковъ и вполне завѣсившихъ отъ короля судебныхъ и административныхъ чиновниковъ поддержало своимъ одобреніемъ мысль Ришельё, что должно отмѣнить санъ коннетабля, сдѣлавшійся теперь вакантнымъ по смерти Ледигьера; согласилось и съ тѣмъ, что должно уничтожить крѣпости внутри государства, служащія оплотами для мятежниковъ, ненужныя для обороны отъ внѣшнихъ враговъ. Оно попросило короля назначить Ришельё главнымъ интендантомъ флота (морскимъ министромъ), чтобы подъ его непосредственнымъ завѣдываніемъ увеличились морскія силы Франціи, развилась ея торговля. Были одобрены собраніемъ нотаблей и другія желанія Ришельё. Въ угожденіе ему оно посоветовало королю уменьшить пенсіи принцамъ крови и знатнѣйшимъ вельможамъ (то-есть противникамъ Ришельё) и уменьшить число высшихъ придворныхъ должностей; предлогомъ было выставлено то, что нужны деньги на усиленіе войска и флота. Собраніе нотаблей объявило также, что всякое сопротивленіе администраціи должно считаться мятежемъ противъ короля и виновные должны быть наказываемы конфискаціей имущества и смертію; оно выказало въ этомъ дѣлѣ такое усердіе, что назначило наказанія болѣе суровыя, чѣмъ тѣ, о какихъ могъ формально говорить Ришельё. Съ того времени какъ правительство перестало созывать государственный сеймъ, французская нація не

имѣла никакихъ органовъ для заявленія своихъ требованій, и правительство, созывая собраніе нотаблей, ссылалось на ихъ рѣшенія, какъ на волю націи.

Правительству надобно было увеличивать войско и флотъ, потому что ему угрожало новое возстаніе и оно готовилось къ заграничной войнѣ. Голландцы и англичане негодовали на свои правительства за помощь королю французскому противъ гугенотовъ. Англичане были въ особенности раздражены вліяніемъ, какое приобрѣла на дѣла королева, сестра Людовика. Они привыкли считать французовъ своими національными врагами. Англійскій народъ, въ которомъ развивалось пуританское направленіе, не довѣрялъ Стюартамъ и ненавидѣлъ Бокингэма, устроившаго женитьбу короля на французской принцессѣ. Негодованіе увеличивалось извѣстіями, которыя привозили въ Лондонъ депутаты гугенотовъ и гугеноты, уѣзжавшіе въ Англію отъ преслѣдованій; англичане узнавали отъ нихъ, что французское правительство не исполняетъ условій мира, заключеннаго съ гугенотами при англійскомъ посредничествѣ: фортъ Луи не былъ разрушенъ, правительство держало въ немъ сильный гарнизонъ, угрожавшій Ла-Рошели, укрѣпляло острова Ре и Олеронъ, поставило на нихъ много войска, стѣсняло самоуправленіе Ла-Рошели, затруднило ея торговлю, ограничило свободу сѣздовъ гугенотскихъ депутатовъ. Даже при англійскомъ дворѣ начался ропотъ противъ правительственной политики. Король принужденъ былъ удалить французскихъ вельможъ и дамъ, пріѣхавшихъ съ его супругой и дѣйствовавшихъ враждебно протестантству. Маршалъ Бассомпьеръ пытался возстановить согласіе между англійскимъ королемъ и Людовикомъ XIII, но это не удалось. Ришельё сталъ враждебенъ англійскому правительству. Бокингэмъ, изящнѣйшій свѣтскій человекъ своего времени, игравшій прежде блестящую роль въ Луврѣ, очаровавшій и королеву мать и супругу Людовика XIII, имѣвшій тогда, какъ говорила молва, любовную связь съ королевой матерью, хотѣлъ снова пріѣхать въ Парижъ; но Ришельё, котораго прежде оскорблялъ онъ своимъ высокомеріемъ, убѣдилъ короля отклонить его посольство. Раздраженный отказомъ Людовика XIII принять его въ Парижѣ, онъ хотѣлъ мстить, вошелъ въ сношенія съ Роаномъ и Субизомъ, хвалился, что явится въ Лувръ безъ приглашенія. Въ іюлѣ 1627 онъ съ флотомъ, состоявшимъ изъ 100 кораблей, поплылъ къ берегамъ Бретани, захватывалъ французскія суда, высадивъ войско на островъ Ре, обнародовалъ прокламацію, говорившую, что онъ заставитъ французское правительство исполнять условія мира съ гугенотами, заключеннаго при посредничествѣ и подъ поручительствомъ Англіи, осадилъ находившійся на островѣ Ре фортъ Сентъ-Мартенъ. Но комендантъ форта, маршалъ Туара упорно оборонялся; по распоряженію Ришельё была собрана флотилія изъ мелкихъ судовъ и шлю-

покъ. Взявъ десантное войско, она попыла по мелководью, на которомъ не могли дѣйствовать англійскіе корабли, привезла въ осажденный фортъ войско и съѣстные припасы. А между тѣмъ настали осеннія непогоды, и Бокингэмъ, потерпѣвъ большой уронъ, принужденъ былъ возвратиться въ Англію. Народъ встрѣтилъ его тамъ ропотомъ.

Экспедиція Бокингэма возбуждала большія надежды въ гугенотахъ; они въ Лангедокѣ и въ Севеннскихъ горахъ взялись за оружіе; ими начальствовалъ тамъ Роанъ. Субизъ убѣдилъ гражданъ Ла-Рошели принять ихъ сторону. Во время осады форта Сентъ-Мартена, Людовикъ XIII опасно занемогъ; противники Ришельё ободрились, онъ не могъ принять сильныхъ мѣръ для подавленія гугенотовъ. По выздоровленіи короля было рѣшено осадить Ла-Рошель и не прекращать войну до уничтоженія политической самостоятельности гугенотовъ; Ришельё говорилъ, что пока они имѣютъ войско и крѣпости, король не можетъ быть истиннымъ господиномъ въ своемъ государствѣ. Осенью 1627 королевское войско осадило Ла-Рошель. Бокингэмъ, при отплытіи въ Англію, обѣщался скоро возвратиться. Въ надеждѣ на это, граждане Ла-Рошели рѣшились сопротивляться. Ришельё велъ осаду съ суши и съ моря. Взять приступомъ крѣпость, защищенную болотами, было невозможно. Ришельё рѣшился одолѣть ее голодомъ: построилъ рядъ фортовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ кругомъ крѣпости, по которымъ пролегали пути въ нее между болотъ. Маршалы Шомбергъ и Бассомпьеръ окружили Ла-Рошель съ сухого пути. Парижскій архитекторъ Метезѳ и подрядчикъ каменныхъ построекъ Тиріо заперли гавань Ла-Рошели насыпью, построеніе которой казалось изумительнымъ дѣломъ въ тѣ времена. Съ обоихъ мысовъ, образующихъ входъ въ гавань, вели это сооруженіе, затопляя суда, наваливая въ промежутки между ними и на нихъ фашины, бревна и камни; такимъ образомъ образовалась плотина, отрѣзавшая гавань отъ моря. Форты по берегамъ и корабли, поставленные у плотины, дѣлали невозможнымъ для непріятеля разрушить ее. Всю зиму были ведены эти работы подъ надзоромъ Ришельё, до февраля находился при войскѣ и король; потомъ онъ уѣхалъ въ Парижъ, но Ришельё остался подъ Ла-Рошелью, хотя зналъ, что въ Парижѣ будутъ ведены интриги противъ него. Онъ правильно рассчитывалъ, что покореніе Ла-Рошели дастъ ему такую славу, которая отниметъ силу у его придворныхъ враговъ. Притомъ клерикалы были теперь на его сторонѣ. Въ лагерь подъ Ла-Рошелью собралось множество монаховъ; духовенство дало большую сумму на военные расходы. Граждане Ла-Рошели мужественно защищали свои политическія и религіозныя права. Бургомистръ ихъ Гитонъ сказалъ при началѣ войны: «Я беру на себя обязанность главнокомандующаго только подъ тѣмъ условіемъ, что мнѣ дано будетъ право вонзить

кинжалъ въ грудь тому, кто будетъ говорить о сдачѣ города; и если я самъ вздумаю говорить о капитуляціи, то пусть вонзятъ кинжалъ въ грудь мнѣ». Ла-Рошель оборонялась отъ папистовъ съ такимъ же геройствомъ, какъ Лейденъ отъ испанцевъ, но была менѣе счастлива. Много съѣстныхъ припасовъ было перевезено изъ крѣпости на островъ Ре для англичанъ; потому граждане скоро стали страдать отъ недостатка продовольствія. Они ждали помощи, обѣщанной Бокингемомъ. Въ маѣ (1628 года) дѣйствительно показался въ виду Ла-Рошели англійскій флотъ; но уплылъ, не сдѣлавъ даже попытки сразиться съ блокировавшими гавань кораблями. Эта трусость возбуждала въ Англіи негодованіе, и одинъ изъ пуританскихъ фанатиковъ убилъ Бокингема. Въ сентябрѣ снова пришелъ къ Ла-Рошели англійскій флотъ; но также уплылъ, не подавъ ей помощи. Граждане оборонялись цѣлый годъ; они массами умирали отъ голода и болѣзней; уцѣлѣвшіе были обезсилены страданіями, увидѣли себя въ невозможности продолжать оборону, сдались безъ всякихъ условій. Король и Ришелье вступили 1 ноября въ городъ, оставшій почти пустыннымъ, велѣли раздавать пищу немногимъ оставшимся въ живыхъ, едва державшимся отъ голода на ногахъ. Всѣ права Ла-Рошели были уничтожены, самоуправленіе было отнято у нея; укрѣпленія города были разрушены, соборный храмъ былъ отданъ католикамъ, и торжественно было возстановлено въ Ла-Рошели католическое богослуженіе.

Покореніе Ла-Рошели отняло у гугенотовъ возможность успѣшнаго продолженія войны. Они мужественно сражались въ Лангедокѣ, въ Севенскихъ горахъ, въ Виварской области (Vivaraïs). Королевскія войска опустошили всю землю отъ Гаронны до Роны, силы гугенотовъ истощались. Но Ришелье не хотѣлъ доводить ихъ до отчаянія; онъ былъ разсудителенъ императора Фердинанда и герцога Максимилиана; понималъ, что война затянулась бы на много лѣтъ, если бы онъ захотѣлъ уничтожить реформатское богослуженіе во Франціи, что силы правительства, поглощаемыя внутренней борьбой, долго не могли бы быть обращены на завоеванія. Кромѣ того онъ зналъ, что испанское правительство при всемъ своемъ фанатизмѣ имѣетъ намѣреніе помогать гугенотамъ. Оливаресъ уже вступилъ въ переговоры съ Роаномъ, обѣщалъ давать гугенотамъ денежное пособіе подѣ условіемъ, что они будутъ уважать права католиковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣютъ преобладаніе. У французскаго правительства уже началась ссора съ испанскимъ за мантуанское наслѣдство; это должно было скоро привести къ войнѣ. Французское войско ужъ пошло за Альпы занять Казале, главный городъ Монферрата, составлявшаго часть мантуанскихъ владѣній; самъ Людовикъ сопровождалъ войско, хотя время похода было тяжелое, зимнее. Начиная войну съ Габсбургами, Ришелье желалъ возстановить миръ внутри Франціи. Онъ обѣщалъ прощеніе и милость короля всѣмъ инсургентамъ, которые покорятся, и угрожалъ строгими наказаніями непокорнымъ. Взявъ въ маѣ 1629 Прива, онъ наказалъ этотъ городъ за упорное сопротивленіе грабежомъ и казнями, запугалъ другихъ инсургентовъ жестокостью этого примѣра. Самъ Роанъ увидѣлъ невоз-

можность успѣшно продолжать борьбу. Ему нельзя было ожидать помощи отъ Англіи, заключившей миръ съ Франціей; союзъ гугенотовъ съ Испаніей былъ ненатураленъ и ставилъ ихъ въ фальшивое положеніе относительно другихъ протестантовъ; потому Роанъ находилъ надобнымъ примириться съ правительствомъ, желалъ только сохранить для гугенотовъ религіозную свободу. О сохраненіи прежней политической самостоятельности ихъ невозможно было и думать теперь, потому что она была несовмѣстна съ неограниченностью королевской власти, установившейся во Франціи. Ришелье облегчилъ Роану и гугенотамъ прекращеніе борьбы, заставляя намѣреніе быть снисходительнымъ. Онъ требовалъ только, чтобы они отдали правительству свои крѣпости и отказались отъ политической самостоятельности, обѣщавъ оставить неприкосновенными гражданскія права ихъ и свободу вѣроисповѣданія. Король обнародовалъ манифестъ, говорившій, что онъ не будетъ стѣснять реформатскаго богослуженія и будетъ держать себя относительно гугенотовъ точно такъ же, какъ относительно католиковъ, если они попросятъ прощенія у него. Когда они покорились, это обѣщаніе было исполнено. Нимъ и Монтобанъ, послѣдніе гугенотскія крѣпости, продолжавшіе сопротивляться, выразили готовность покориться, и договоръ, заключенный съ гугенотами въ Алѣ (Alais), послужилъ основаніемъ для нимскаго эдикта, обезпечивающаго религіозную свободу французскихъ реформатовъ.

Нимскій эдиктъ, обнародованный 27 іюня 1629, давалъ реформатамъ полную амнистию, утверждалъ за ними всѣ религіозныя и гражданскія права, полученныя ими по нантскому эдикту, но постановлялъ, что они лишаются своихъ крѣпостей и политической самостоятельности. Крѣпости ихъ были скрыты. Собиранія для совѣщаній о политическихъ дѣлахъ было запрещено имъ. Синоды (церковные соборы) ихъ были отдавы подѣ надзоръ королевскаго уполномоченнаго и должны были заниматься исключительно религіозными дѣлами. Паписты были недовольны нимскимъ эдиктомъ, требовали воспрещенія реформатскаго богослуженія. Тулузскій парламентъ протестовалъ противъ нимскаго эдикта и регистрировалъ его только по приказанію Ришелье.

Сопротивляясь фанатизму папистовъ, Ришелье дѣйствовалъ не по расположенію къ вѣротерпимости, а только по политическому расчету. Религіозное гоненіе помѣшало бы успокоенію Франціи и союзу ея съ нѣмецкими протестантами; а Ришелье находилъ выгоднымъ вступить въ союзъ съ ними. Насколько совмѣстно было съ этимъ его намѣреніемъ, онъ помогалъ папистамъ обращать гугенотовъ въ католичество; дозволилъ іезуитамъ селиться въ протестантскихъ городахъ и интриговать противъ реформатской церкви, стѣсняя права реформатовъ. Высшія должности рѣдко были даваемы гугенотамъ; честолюбіе заставляло многихъ изъ нихъ переходить въ католичество. Правительство и паписты систематически завлекали реформатовъ въ свое вѣроисповѣданіе. Очень многіе вельможи поддавались соблазну. Но мѣръ того, какъ общество привыкло преклоняться передъ королевской властью, при дворѣ и въ аристократіи развивалось мнѣніе, что вѣроподданному не прилично держаться не того вѣроисповѣданія какъ король, не дозвоительно считать ошибочной вѣру, которую исповѣдуетъ онъ. Въ оффиціаль-

ныхъ актахъ употреблялось о реформатской церкви выраженіе, обозначавшее, что она живо называетъ себя реформатской, то есть преобразованной, улучшенной. Это выраженіе было: «Церковь, имѣющая притязаніе быть реформатской» (*La pretendue église réformée*).

Роанъ, черезъ нѣсколько времени по примиреніи съ Ришелье, принявъ начальство надъ французскимъ войскомъ, охранявшимъ проходы въ Вальтеллину изъ Ломбардіи и защищавшимъ владѣтельство граубюнденцевъ надъ этой областью отъ нападений испанцевъ. Послѣ того онъ командовалъ французской арміей въ Эльзасѣ и на Верхнемъ Рейнѣ, оказалъ важныя услуги Ришелье въ борьбѣ съ Габсбургами, помогая Бернгарду Веймарскому. Въ сраженіи подъ Рейнфельденомъ (13 апрѣля 1638) онъ получилъ смертельную рану. Тѣло его было погребено на женевскомъ кладбищѣ.

2. Борьба Ришелье съ вельможами.

Ришелье обезоружилъ гугенотовъ; это отняло самую сильную опору у недовольныхъ правительствомъ вельможъ; онъ привлекъ къ себѣ папистовъ, помогая имъ обращать гугенотовъ въ католичество; онъ остановилъ расширеніе владѣчества Габсбурговъ въ Италіи и приобрѣлъ симпатію итальянскихъ государей и Венеціи, защищая ихъ отъ властолюбія Габсбургской династіи. Король назначилъ его главнокомандующимъ арміи, пошедшей въ Италію. Онъ взялъ Пиньероль, далъ этимъ французскому войску постоянную свободу доступа въ Италію, заставилъ Карла Эммануэля савойскаго отказаться отъ союза съ королемъ испанскимъ и австрійскими Габсбургами. Всѣ правительства видѣли, что начинается эпоха усиленія французскаго вліянія на ходъ европейскихъ дѣлъ.

Ришелье заключилъ союзъ съ Густавомъ Адольфомъ. Паписты находили страннымъ, что католическое государство, дѣлами котораго управляетъ кардиналъ, вступило въ союзъ съ протестантскимъ государемъ, защищая своимъ своимъ нѣмецкихъ едиповѣрцевъ отъ императора и іезуитовъ. Но Генрихъ II ужъ былъ союзникомъ нѣмецкихъ протестантовъ, а Генрихъ IV готовился идти на помощь имъ; потому Ришелье только слѣдовалъ преданіямъ французской политики; она издавна стремилась ослабить Габсбурговъ и заключала союзы со всѣми противниками ихъ, не разбирая вѣроисповѣданія своихъ помощниковъ въ этой борьбѣ. Близорукій фанатизмъ императора и его руководителей много содѣйствовалъ успѣхамъ политики Ришелье; эдиктъ реституціи помогъ усиленію французскаго вліянія въ Германіи.

Но въ то время какъ Ришелье заключилъ выгодный для Франціи союзъ съ новымъ герцогомъ савойскимъ, Викторомъ Амадеемъ, же-

натымъ на сестрѣ Людовика XIII, онъ увидѣлъ себя въ новой опасности быть низвергнутымъ. По примиреніи съ сыномъ королева мать оставалась въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ришелье, которому была обязана тѣмъ, что сынъ дозволилъ ей возвратиться въ Парижъ, далъ ей мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ и значительное вліяніе на дѣла. Въ благодарность за то она доставила ему санъ кардинала. Но теперь возникла у нея ссора съ нимъ. Она была женщина набожная, каждый день ходила слушать литургію, часто ѣздила на богомолье, поддавалась внушеніямъ своего духовника и іезуитовъ (вліяніе Леоноры Галиган на нее имѣло однимъ изъ своихъ источниковъ симпатію между ними по усердію къ католичеству); отецъ Берюль, представитель католическаго фанатизма при французскомъ дворѣ, сохранялъ до самой своей смерти вліяніе на Марію Медичи. Она очень досадовала на то, что Ришелье вступилъ въ союзъ съ еретиками, врагами Габсбурговъ, повелъ войско въ Италію на борьбу съ Филиппомъ IV, ея зятемъ, котораго любила она. Вся клерикальная партія раздѣляла ея негодованіе на то, что Франція помогаетъ врагамъ Габсбурговъ, покровителей католичества. Супруга Людовика XIII, сестра Филиппа IV, Анна Австрійская (то есть принцесса Габсбургской династіи) была нерасположена къ Ришелье, врагу ея фамилии; ея честолюбіе оскорблялось тѣмъ, что онъ устраняетъ ее отъ участія въ дѣлахъ. Самъ король не любилъ своего министра. Когда Людовикъ XIII, снова занемогшій въ сентябрѣ 1630, сталъ выздоравливать, окружающіе выпросили у него обѣщаніе удалить Ришелье по окончаніи войны съ Испаніей. Ришелье зналъ, что король не любитъ его: еще во время войны съ гугенотами онъ говорилъ, что долженъ бороться съ тремя королями—англійскимъ, испанскимъ и французскимъ; но онъ такъ владѣствовалъ надъ Людовикомъ силой своего ума, что король, по выздоровленіи, не рѣшился передать управленіе государствомъ другому министру. Однажды Марія Медичи, разговаривая въ Люксембургскомъ дворцѣ наединѣ съ сыномъ, убѣждала его въ зловредности Ришелье и продолжала говорить это, увидѣвъ неожиданно вошедшаго министра. Она желала, чтобъ управленіе было передано Марсильяку, хранителю печати, и его брату маршалу. Послѣ этого разговора всѣ ожидали паденія Ришелье, и самъ онъ уже обдумывалъ, куда ему уѣхать. Но все таки побѣда осталась за нимъ. Выпросивъ у короля свиданье въ Версали, онъ успѣлъ выставить королеву-мать и всѣхъ противниковъ своихъ врагами королевской власти. Людовикъ отнялъ государственную печать у Марсильяка, отдалъ подъ надзоръ его и его брата. Этотъ день—11 ноября 1630—называется у французовъ Днемъ оставшихся въ дуракахъ (*Durés*). При дворѣ употребляли это выраженіе, разговаривая о томъ, какъ королева-мать и ея друзья ошиблись въ своей увѣренности, что восторжествовали надъ Ришелье. Онъ убѣ-

диль короля въ необходимости оставить за нимъ власть для возвеличенія государства, сохраненія порядка и предотвращенія злыхъ умысловъ противъ самого Людовика.

Марія Медичи была раздражена, разочаровавшись въ увѣренности, что Ришельё будетъ низвергнутъ. Она негодовала на неблагодарность челоуѣка, который былъ выведенъ изъ ничтожества ею, сердилась и на сына, обращалась съ нимъ холодно, уклонялась отъ свиданій съ нимъ. Король и Ришельё дѣлали попытки смягчить ея гнѣвъ; она временами поддавалась расположенію примириться съ ними, но оскорбленная гордость скоро брала верхъ, и она снова негодовала на свое униженіе. Наконецъ она рѣшилась сдѣлать своего младшаго сына орудіемъ мщенія кардиналу. Людовикъ XIII еще не имѣлъ тогда сына, герцогъ Орлеанскій былъ наслѣдникомъ престола. Послѣ своего участія въ замыслѣ Орнано противъ Ришельё, герцогъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ кардиналомъ; но теперь соединилось нѣсколько обстоятельствъ, снова раздражившихъ его противъ Ришельё, такъ что онъ послушался внушеній матери, формально объявилъ (31 января 1631) Ришельё, что разрываетъ дружбу съ нимъ, и удалился отъ двора, уѣхалъ въ Орлеанъ. Тамъ и въ Луврѣ составлялись новые замыслы низвергнуть Ришельё. Король уѣхалъ въ Компьень, взявъ съ собой Ришельё; но туда поѣхала и Марія, чтобы слѣдить за дѣйствіями сына. Ришельё подалъ королю записку, въ которой доказывалъ, что твердое управленіе государствомъ невозможно, пока королева-мать старается мѣшать ему во всемъ, возбуждаетъ противъ него вельможъ и своихъ родственниковъ, короля испанскаго, герцога савойскаго, герцога лотарингскаго, проситъ отставки, если король не приметъ рѣшительныхъ мѣръ противъ этого. Онъ достигъ своей цѣли. Король (23 февраля) уѣхалъ изъ Компьеня тайномъ отъ матери, отдавъ приказаніе, что она должна оставаться въ Компьенѣ подъ присмотромъ маршала Д'Этрэ. Принцесса Конти (сестра герцога Гиза), герцогиня Эльбефъ (побочная дочь Генриха IV) и другія дамы, пользовавшіяся довѣріемъ королевы-матери, были удалены отъ нея и отъ двора. Маршалъ Бассомпьеръ, полковникъ (главный начальникъ) швейцарскихъ тѣлохранителей короля, былъ отъезженъ въ Бастилію (и оставался тамъ до самой смерти Ришельё); герцогъ Орлеанскій былъ приглашенъ возвратиться ко двору, но, опасаясь быть отданъ подъ надзоръ подобно матери, не поѣхалъ къ брату; король пошелъ съ войскомъ на Орлеанъ, гдѣ онъ находился. Онъ съ своими совѣтниками Ле-Куанъё и Юилораномъ бѣжалъ въ Лотарингію. Герцогъ лотарингскій находился въ дружбѣ съ Маріей. Гастонъ могъ рассчитывать на его покровительство, надѣялся на помощь правительства испанскихъ Нидерландовъ, вѣлъ тайныя сношенія съ матерью и вельможами, враждебными Ришельё. Королева-мать хотѣла уѣхать въ испанскіе Нидерланды, пріискивала средства къ бѣгству.

Поступокъ короля съ матерью взволновалъ Францію; началась ожесточенная полемика между защитниками королевы-матери и агентами Ришельё; король объявилъ мятежниками друзей своей матери, герцоговъ Эльбефа, Роанпё (Roannez), Бельгарда, графа Морё (побочнаго сына Генриха IV) и друзей своего брата Куанъё и Юилорана. Парижскій парламентъ отказался регистрировать этотъ эдиктъ. Король объявилъ ему, что ни онъ, ни какое другое учрежденіе не имѣютъ права подвергать вопросу законность королевскихъ повелѣній, что король получаетъ власть отъ Бога и отвѣтственъ за дѣйствія только Богу. По приказанію Людовика былъ 12 мая уничтоженъ протоколъ парламентскаго постановленія о невнесеніи эдикта въ книгу регистраціи и внесенъ въ нее эдиктъ. Была учреждена особая коммиссія изъ членовъ государственнаго совѣта для суда надъ людьми, которыхъ король объявилъ мятежниками; она осудила ихъ. Парижскій парламентъ протестовалъ противъ учрежденія этой коммиссіи, объявилъ ее противозаконной. Хранитель печати сказалъ парламенту, что французское государство — монархія, въ которой все зависитъ отъ воли короля, что король можетъ по произволу назначать судей и устанавливать налоги. Людовикъ самъ повторилъ это депутациі парламента, и тѣмъ прекратилъ его сопротивленіе.

Ришельё былъ радъ тому, что герцогъ лотарингскій принялъ Гастона подъ свое покровительство. Это давало французскому королю предлогъ къ войнѣ съ нимъ. Ришельё желалъ наказать его за союзъ съ королемъ испанскимъ. Безусловно властвуя теперь въ тайномъ совѣтѣ, Ришельё началъ войну съ герцогомъ лотарингскимъ и, по внушенію своего министра, Людовикъ XIII самъ сопровождалъ войско, пошедшее въ Лотарингію.

Очень многіе вельможи, значительная часть городского сословія и сельскаго населенія ненавидѣли Ришельё; но онъ дѣйствовалъ не смущаясь ничѣмъ. — Герцогъ Орлеанскій (ужь нѣсколько лѣтъ бывший вдовцомъ) женился на Маргаретѣ, младшей сестрѣ герцога лотарингскаго и поѣхалъ въ Брюссель, куда пріѣхала передъ тѣмъ временемъ королева-мать, бѣжавшая изъ-подъ стражи. Изабелла, правительница испанскихъ Нидерландовъ, приняла ее и Гастона очень любезно. Черезъ герцога лотарингскаго королева-мать и наслѣдникъ французскаго престола вели переговоры съ вельможами сѣверной Франціи; на югъ могущественными сторонниками ихъ были Шарль герцогъ Гизъ, правитель Прованса, начальникъ французскаго флота на Средиземномъ морѣ и Анри Монморанси, правитель Лангедока, женатый на Феличіи Орсини, принцессѣ флорентійской династіи, родственницѣ Маріи Медичи. Провансъ и Лангедокъ сохраняли тогда нѣкоторую самостоятельность, не желали подчиниться абсолютизму Ришельё. Притомъ въ этихъ областяхъ было много гугенотовъ. Поэтому можно полагать, что легко будетъ поднять тамъ возста-

ніе противъ деспотизма Ришельё. Анри Монморанси, сынъ Данвилля, бывшаго приверженцемъ Генриха IV, человекъ любезный, щедрый, пользовался большою популярностью въ Лангедокѣ, правителями котораго издавна были его предки. Созванный имъ лангедокскій сеймъ объявилъ, что будетъ защищать права своей области противъ распоряженій правительства, которыми нарушаются они. Испанцы готовились помогать возстанію, корабли ихъ крейсировали у берега Прованса, войска собирались у Пиренеевъ; герцогъ орлеанскій вербовалъ наемное войско въ герцогствѣ люксембургскомъ; герцогъ Лотарингскій поставилъ сильныя гарнизоны въ своихъ крѣпостяхъ; по всей Франціи противники Ришельё готовились къ возстанію на защиту королевы-матери и наслѣдника престола. Они рассчитывали, что ихъ сторону примутъ Эпернонъ, правитель Гиѣни, и Креки, правитель Дофинё. Но Ришельё зналъ, что враги его не имѣютъ общаго плана дѣйствій и рассчитывалъ одолѣть каждого порознь. Притомъ съ нимъ теперь помирились, стали помогать ему нѣкоторые изъ прежнихъ противниковъ; особенно важно было то, что онъ переманилъ на свою сторону принца Кондэ, давъ этому корыстолюбивому человеку большіе доходы. Онъ послалъ Кондэ въ Провансъ дѣйствовать противъ герцога Гиза, которому было отправлено приказаніе короля явиться ко двору для оправданія. Герцогъ оробѣлъ, попросилъ дозволенія отправиться на богомолье въ Лоретто; оно было дано ему подъ условіемъ, что по возвращеніи онъ явится оправдаться передъ королемъ. Онъ уѣхалъ въ августѣ 1631 въ Италію и уже не возвращался оттуда.

Герцогъ Орлеанскій собиралъ въ Люксембургѣ войска для вторженія во Францію; Ришельё хотѣлъ запугать его друзей, чтобъ никто не рѣшился присоединиться къ нему. Маршалъ Марильякъ уже нѣсколько лѣтъ сидѣлъ въ Бастиліи; Ришельё рѣшилъ теперь казнить его, отдать подъ судъ особой комиссіи, председателемъ которой назначилъ канцлера; предлогомъ для казни было сдѣлано обвиненіе въ утайкѣ казенныхъ денегъ. Истинной причиной было, какъ мы говорили, желаніе Ришельё запугать своихъ противниковъ казнью человека, помогавшаго королевѣ-матери. Парижскій парламентъ объявилъ, что особая комиссія для суда учреждена противозаконно, что право судить маршала принадлежитъ ему. Ришельё заставилъ парламентъ замолчать. Комиссія осудила Марильяка на казнь. Просьбы за него были отвергнуты королемъ, какъ попытка поколебать королевскую власть. Маршалъ былъ казненъ 8 мая 1632.

Гастонъ съ наемниками, на вербованными въ испанскихъ Нидерландахъ, пошелъ черезъ Лотарингію въ Бургонь, обнародовавъ манифестъ, говорившій, что онъ хочетъ низвергнуть Ришельё, врага короля и королевской династіи, губящаго государство. По требованію Ришельё парижскій парламентъ объявилъ мятежниками герцога Орлеанскаго и Монморанси, его союзника. Принцъ Кондэ былъ въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ

Ришельё, хотя Монморанси былъ женатъ на его сестрѣ. Приговоръ парижскаго парламента запугалъ многихъ вельможъ, сочувствовавшихъ Гастону, и многіе города, желавшіе успѣха ему. Эпернонъ не отважился возстать; Монморанси не нашелъ поддержки себѣ въ Лангедокѣ; съ нимъ пошла лишь небольшая часть конницы, бывшей подъ его начальствомъ. Видно было, что возстаніе будетъ неудачно. Людовикъ самъ пошелъ въ Лотарингію, подступилъ къ Нанси; герцогъ Карлъ принужденъ былъ заключить съ королемъ договоръ, по которому обязался помогать ему противъ всѣхъ непріятелей и, въ обезпеченіе своей вѣрности союзу, отдалъ ему на четыре года двѣ изъ важнѣйшихъ своихъ крѣпостей. Договоръ былъ подписанъ 26 іюня 1632. Гастонъ между тѣмъ шелъ по Бургони къ югу на соединеніе съ Монморанси, надѣясь, что лангедокское дворянство возьмется за оружіе и что придетъ на помощь ему испанское войско. Но Монморанси, не дождавшись Гастона и не послушавшись опытнаго генерала, графа Ріе (Rieux), напалъ (1 сентября) на королевскій отрядъ, стоявшій подъ начальствомъ маршала Шомберга у Кастельнодари въ крѣпкой позиціи за рвомъ. Малочисленный конный отрядъ Монморанси былъ отраженъ; герцогъ, раненный, упалъ съ лошади и былъ взятъ въ плѣнъ. — Гастонъ хотѣлъ продолжать борьбу; но возставшія мѣстности покорились; покинутый всѣми, онъ принужденъ былъ просить прощенія у брата и 29 сентября подписалъ въ Безье договоръ, по которому отказывался отъ всѣхъ сношеній съ матерью, испанцами, герцогомъ лотарингскимъ, обѣщался руководиться во всемъ волею короля. За это ему были возвращены владѣнія и доходы. По просьбѣ Гастона были прощены и его сообщники, кромѣ Монморанси, казнью котораго Ришельё хотѣлъ показать, что никакая знатность рода не спасаетъ противниковъ королевской власти. Всѣ просьбы за Монморанси остались напрасны. Тулузскій парламентъ осудилъ его на смерть, какъ мятежника, и послѣдній представитель старшей линіи дома Монморанси былъ казненъ 30 октября въ тулузской ратушѣ. Владѣнія бездѣтнаго герцога были конфискованы, но король отдалъ большую часть ихъ принцу Кондэ, женатому на сестрѣ казненаго. Принцъ благодарилъ за это Ришельё. — Монморанси былъ красивый мужчина, любезнаго характера и блестящей храбрости, пользовался большою популярностью, умеръ мужественно, и французскій народъ долго вспоминалъ о немъ. — Въ законахъ Лангедока были произведены перемѣны, ограничивавшія прежнее участіе областного сейма въ установленіи налоговъ и въ администраціи; правителемъ усмиреной области былъ назначенъ маршалъ Шомбергъ, усердный слуга Ришельё и короля, а по его смерти сынъ его.

Въ другихъ провинціяхъ были произведены такіе же перемѣны. Провансъ, правителями котораго съ давняго времени были Гизы, былъ отнятъ у гер-

пога Карла, уѣхавшаго изъ Франціи; правителемъ этой области былъ назначенъ Витри, — тотъ капитанъ королевскихъ тѣлохранителей, который убилъ маршала Д'Анкара и получилъ за это маршальскій санъ. Въ Бургони, Пикардіи, Лимузенѣ были назначены новые правители, въ крѣпости Калѣ новый коммандантъ. Вся администрація провинцій была отдана въ полное заведѣваніе чиновниковъ, назначаемыхъ королемъ и называвшихся интендантами; они стали истинными правителями провинцій. Кромѣ администраціи они заведѣвали и финансовымъ управленіемъ. По всей Франціи были разосланы уполномоченные короля наказывать людей, находившихся въ сношеніяхъ съ его братомъ и матерью. Число казней было велико. Рихелье сослалъ въ Туръ герцогиню Шеврѣзъ, преданную королевѣ матери, и въ февралѣ 1633 отнялъ должность канцлера у Шатонѣфа, который во время его болѣзни вошелъ въ сношенія съ герцогиней Шеврѣзъ и сестрою короля, королевой англійской. Рихелье сталъ всемогущимъ; побѣды французскихъ войскъ въ Германіи обращались въ славу ему. Онъ увеличивалъ флотъ, основывалъ колоніи. При Генрихѣ IV французы стали селиться въ Канадѣ. Теперь подъ покровительствомъ Рихелье были учреждены торговля общества для расширенія этой колонизаціи и была построена крѣпость Квебекъ (Quebec, Кебекъ). Заботясь о развитіи колоній и торговли, Рихелье покровительствовалъ и литературѣ. Онъ обратилъ въ официальное учрежденіе одно изъ тогдашнихъ литературныхъ обществъ, далъ ему названіе Французской Академіи, старался доставить ей такой авторитетъ, чтобы формы литературнаго языка и характеръ самой литературы были опредѣляемы ея рѣшеніями; основалъ газету, посредствомъ которой распространялъ въ публикѣ тѣ мнѣнія, какія были полезны для его цѣлей; это было еженедѣльное изданіе; оно называлось „Французской газетой“ (Gazette de France). Въ своей политикѣ Рихелье руководился только стремленіемъ подчинить все во Франціи безусловной власти короля и увеличить могущество государства. Религіозныхъ мотивовъ въ его политикѣ не было; онъ пользовался и въ арміи, и въ литературѣ, и въ администраціи талантами даровитыхъ гугенотовъ.

Своими побѣдами надъ внутренними противниками, Рихелье былъ много обязанъ союзу со Швеціей и нѣмецкими протестантами, недопускавшими короля испанскаго помогать матери короля французскаго и Гастону. По смерти Густава Адольфа французское вліяніе на Германію стало очень сильно. Не только протестантскіе государи, заключившіе гейльбронскій союзъ съ Франціей, но и католическіе государи рейнскихъ земель стали подъ французское покровительство. Архіепископъ трирскій Филиппъ Зеттернъ заключилъ, какъ мы говорили, союзъ съ Франціей. Черезъ нѣсколько времени Рихелье нашелъ предлогъ совершенно подчинить Франціи герцогство лотарингское. Гастонъ досадовалъ на то, что не была уважена его просьба пощадить Монморанси, и опасался, что король объявитъ незаконнымъ бракъ его съ лотарингской принцессой, жениться на которой было запрещается ему. Онъ рѣшился возобновить борьбу, бѣжалъ въ Брюссель и вмѣстѣ съ матерью сталъ возбуждать французскихъ вельможъ къ возстанію. Рихелье убѣдилъ короля возобновить войну съ герцогомъ лотарингскимъ, на помощь котораго рассчитывалъ Гастонъ. Людовикъ и Рихелье сопровождали войско, которое въ августѣ 1633 повелъ въ Лотарингію маршалъ Ла-Форсъ; оно подступило къ Нанси; герцогъ принужденъ былъ 20 сентября сдать Людовику свою столицу; король обѣщался возвратить ему ее, когда онъ докажетъ своими поступками, что не имѣетъ замысловъ враждебныхъ Франціи. Людовикъ и Рихелье надѣялись захватить въ Нанси Маргарету, бракосочетаніе которой съ Гастономъ еще не было засвидѣтельствовано свадебнымъ праздникомъ. Но Маргарета имѣла отважный

характеръ; одѣвшись мужичиной, она уѣхала изъ осажденнаго города, пробралась лѣсами черезъ герцогство люксембургское въ Брюссель, была тамъ принята съ почетомъ королевой-матерью и правительницей испанскихъ Нидерландовъ Изабеллой, и бракъ ея съ Гастономъ былъ отпразднованъ бадами и пирами въ Мехельнѣ. Овладевъ Нанси и другими лотарингскими крѣпостями, Рихелье сталъ распорядиться въ герцогствѣ какъ хозяинъ; онъ хотѣлъ присоединить его къ Франціи; тѣмъ, что Лотарингія составляетъ часть нѣмецкой имперіи, онъ пренебрегалъ и сказалъ герцогу: „Ленная власть императора надъ Лотарингіей — узурпація, нарушающая права французской короны; король намѣренъ возстановить французское государство во всемъ его прежнемъ величіи“ — Рихелье, вѣроятно, думалъ расширить границу французскаго королевства до Рейна. Чтобы совершенно разорвать слабую связь епископствъ мецскаго, тульскаго и вердѣнскаго (то-есть владѣній, принадлежавшихъ прежде епископамъ этихъ областей) съ нѣмецкой имперіей, Людовикъ 26 августа 1633 учредилъ въ Мецѣ парламентъ, получившій власть рѣшать дѣла ихъ въ послѣдней инстанціи. Такимъ образомъ былъ прекращенъ переносъ этихъ дѣлъ по апелляціи въ имперскій судъ. До того времени оставались въ Мецѣ имперскіе гербы съ изображеніемъ орла; теперь они были замѣнены королевскими французскими съ изображеніемъ лилій.

Передъ убійствомъ Валленштейна военныя силы императора находились въ такомъ разстройствѣ, что энергическій правитель французскаго королевства легко могъ приобрести большіе успѣхи. Этому благоприятствовало и положеніе дѣлъ въ западной Германіи. Курфиреть трирскій, владѣвшій также епископствомъ шпейерскимъ, былъ союзникъ французовъ; они владѣли нѣсколькими крѣпостями въ Эльзасѣ; Монбельяръ, принадлежавшій герцогу Вюртембергскому, находился подъ покровительствомъ Франціи. Оливаресъ, правитель Испаніи, употребилъ всѣ усилія не допустить расширенія французскихъ владѣній и составилъ большую коалицію противъ Франціи. Переговоры объ этомъ были ведены въ Брюсселѣ. По формѣ руководилъ ими братъ Филиппа IV, кардиналъ-инфантъ Фердинандъ, назначенный по смерти Изабеллы (въ 1633 году) правителемъ испанскихъ Нидерландовъ. Въ маѣ 1634 онъ заключилъ съ матерью Людовика XIII и герцогомъ Орлеанскимъ трактатъ, по которому испанское правительство обѣщалось помогать возвращенію герцога во Францію; въ случаѣ успѣха оно приобрѣло бы сильное вліяніе на французскія дѣла. Оливаресъ рассчитывалъ на содѣйствіе французскихъ вельможъ, враждебныхъ деспотизму Рихелье; ихъ было много; они при малѣйшей надеждѣ на успѣхъ готовы были взяться за оружіе противъ Рихелье. Герцогъ Лотарингскій обѣщался помогать Гастону и испанцамъ; чтобы приобрести полную свободу дѣйствій, онъ передалъ управленіе Лотарингіей своему брату, кардиналу Франциску, и отвелъ все свое войско въ испанскіе Нидерланды. Испанцы рассчитывали кромѣ того на симпатію католическихъ государей Германіи, недовольныхъ императоромъ.

Ришельё действовалъ съ обыкновенной предусмотрительностью и энергіей. Онъ сначала пытался склонить королеву-мать и Гастона къ отказу отъ союза съ испанцами, къ возвращенію во Францію, обѣщая отдать Гастону всё его конфискованныя владѣнія и доходы, подкупилъ обѣщаніями награды Пюилорана, совѣтовъ котораго слушался Гастонъ; убѣжденія Пюилорана подѣйствовали на герцога Орлеанскаго тѣмъ легче, что онъ въ это время ссорился съ матерью и брюссельскимъ правительствомъ. Гастонъ принялъ предложенія Ришельё, уѣхалъ 8 октября (1634 года) изъ Брюсселя подѣломъ поѣздки на охоту и возвратился во Францію. Ришельё далъ Пюилорану обѣщанныя награды, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ февралѣ 1635) велѣлъ арестовать его и посадить въ Венсенскій замокъ; тамъ онъ и умеръ. — Королева-мать требовала, чтобъ ей было дано прежнее вліяніе на управленіе дѣлами. Ришельё не согласился, и она отказалась возвратиться во Францію. Нѣсколько лѣтъ она прожила въ Брюсселѣ, представлявшемъ удобства для сношеній съ французскими вельможами, недовольными Ришельё, и съ дочерью ея, королевой англійской. Пока испанское правительство надѣялось пріобрѣсти выгоды отъ союза съ нею, оно оказывало ей почести сообразно ея сану. Но потомъ стало тяготиться ею, замѣтивъ, что она утратила вліяніе на французовъ, что они стали смотрѣть на нее, какъ на иностранку. Борьба съ парламентомъ отняла у короля англійскаго возможность вмѣшиваться во французскія дѣла. Марія Медичи увидѣла, что бесполезно для нея жить въ Брюсселѣ, уѣхала изъ испанскихъ Нидерландовъ, отправилась въ Англію, вела переговоры съ Ришельё; они были безуспѣшны, и вскорѣ послѣ пріѣзда въ Англію она уѣхала оттуда, поселилась въ Кельнѣ, столицѣ католическаго фанатизма въ Германіи; жила тамъ, покинутая всѣми, въ бѣдности и умерла 3 іюля 1642.

Когда была правительницей Франціи, Марія Медичи желала создать памятникъ своей власти и своего изящнаго вкуса и стала строить на лѣвомъ берегу Сены великолѣпный Люксембургскій дворецъ, въ архитектурѣ котораго тосканскій стиль былъ соединенъ съ французскимъ; сочетаніе ихъ символически изображало то, что строительница дворца итальянка и вмѣстѣ французка. При дворцѣ былъ разведенъ прекрасный садъ, украшенный фонтанами. Рюбенсъ и ученикъ его Йордансъ написали на стѣнахъ дворца превосходныя альфреско; нѣкоторые изъ нихъ изображали какъ регентша усмирила враждебныя правительству силы, возстановила спокойствіе въ государствѣ, на другихъ были представлены другія важнѣйшія событія ея жизни. Самой лучшей изъ этихъ картинъ была изображавшая рожденіе Людовика XIII, который впоследствии выгналъ мать изъ государства. — Рюбенсъ былъ любимымъ живописцемъ Маріи Медичи. Говорятъ, что она умерла въ томъ домѣ, въ которомъ родился онъ. Въ Кельнѣ еще хранится подаренный ею городу позолоченный крестъ, символъ ея благочестія. Она, дѣйствительно, была набожная женщина.

2. Дипломатическіе и военные успѣхи Ришельё.

Сначала казалось, что испанцы и австрійцы одолѣютъ французовъ. Въ мартѣ 1635, отрядъ лотарингскаго войска неожиданно напалъ на Триръ, захватилъ въ плѣнъ курфюрста, отдавагося подѣ покровительствомъ Франціи. Въ Германіи за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ (въ сентябрѣ 1634) австрійско-испанская армія нанесла шведамъ и ихъ нѣмецкимъ союзникамъ пораженіе при Нёрдлингенѣ. Новый герцогъ лотарингскій Францискъ, сложившій съ себя духовное званіе и женившійся на родственницѣ, бывшей законной наслѣдницею престола, принялъ сторону императора. Когда Франція (19 мая 1635) объявила войну Испаніи, она подвергла себя большимъ опасностямъ. Испанское войско, при которомъ находился Вертъ, пошло къ Парижу, опустошая сѣверную Францію; мы говорили въ XI томѣ, что парижане толпами бѣжали изъ города, но опасность скоро миновала.

Ришельё неутомимо старался ослабить непріятелей. Въ февралѣ 1635 онъ заключилъ съ Нидерландской республикой договоръ, по которому было предположено отнять у Испаніи южныя Нидерланды и сдѣлать ихъ федеративной республикой по образцу сѣверной Нидерландской, или, если населеніе ихъ не захочетъ этого, то раздѣлить ихъ между Франціей, которая возьметъ себѣ Люксембургъ, Намюръ, Геннегау, Фландрію, и Нидерландской республикой, которая возьметъ Антверпенъ, Брабантъ, Лимбургъ. Лотарингія была поставлена подѣ французское управленіе, герцогъ и герцогиня были прогнаны. Французскія войска должны были напасть на испанскіе Нидерланды съ юга, голландскія съ сѣвера; предполагалось, что населеніе Фландріи и Брабанта, недовольное испанскимъ владычествомъ, возстанетъ противъ него. Помощникъ Ришельё по дипломатическимъ дѣламъ, капуцинскій монахъ Жозефъ убѣждалъ итальянскія государства вступить въ союзъ съ Франціей, свергнуть съ себя при ея помощи испанское иго. Союзъ со шведами и нѣмецкими протестантами далъ французамъ возможность сдѣлать завоеванія въ Германіи. Но оказалось, что французскія войска не имѣютъ военной опытности, пріобрѣтенной противниками ихъ въ продолжительной войнѣ; во Фландрію и Брабантъ не произошло ожидаемаго французами возстанія; кардиналъ-инфантъ и Вертъ принудили отступить французскихъ генераловъ, вошедшихъ въ испанскіе Нидерланды, пошли въ 1636 году въ Пикардію и, какъ мы говорили, двинулись къ Парижу. Испуганные французы роптали на Ришельё, возбуждавшаго неудачную войну. Но національное чувство французовъ было сильнѣе вражды къ нему. Всѣ соединились съ правительствомъ для борьбы противъ иноземныхъ враговъ. Парламенты и городскія власти предложили ему свое содѣйствіе для набора войска. Защита Парижа была поручена маршалу Ла-Фокреу, старому гугенотскому упорководцу, человѣку добросовѣстному и хорошему генералу. Надія, какъ мы говорили, поддерживала распоряженія Ришельё; благодаря его благоразумію и всеобщему патриотизму, положеніе дѣлъ быстро измѣнилось къ лучшему. Король самъ пошелъ съ войскомъ

на непріятеля, оттѣснилъ его въ Пикардію, заставилъ въ ноябрѣ (1636 года) отступить и изъ этой области; а Бергардъ Веймарскій, союзникъ Ришелье, остановилъ наступленіе герцога лотарингскаго. Такимъ образомъ Франція избавилась отъ опустошенія, какому подвергала тридцатилѣтняя война Германію. Гастонъ пытался воспользоваться возобновившимся по отвращенію опасности ропотомъ народа на обременительность налоговъ и неудовольствіемъ должностныхъ лицъ на продажу должностей, хотѣлъ при содѣйствіи графа Суассонскаго и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ низвергнуть Ришелье и заключить миръ съ Испаніей; но Ришелье и его помощникъ Жозефъ разстроили этотъ замыселъ. Гастонъ получилъ прощеніе и король далъ одобреніе его женитьбѣ на Маргаретѣ Лотарингской. Къ радости наци, у короля родился сынъ (5 сентября 1638); это было очень выгодно для Ришелье, потому что Гастонъ пересталъ быть наслѣдникомъ престола и можно было отнять у него всякое вліяніе на дѣла. Графъ Суассонскій тоже получилъ прощеніе; ему было дозволено жить въ Седанѣ. Всѣ доходы и почетныя права были оставлены за нимъ. Но онъ продолжалъ ненавидѣть Ришелье, постоянно возбуждалъ герцога Бульонскаго и другихъ вельможъ содѣйствовать ему въ замыслахъ низвергнуть этого врага.

Франція въ это время пріобрѣтала то могущественное вліяніе на европейскія дѣла, которое оставалось за нею болѣе столѣтія послѣ того. Смерть Бергарда Веймарскаго дала Франціи возможность овладѣть завоеванными имъ частями Германіи. Жозефъ, умирая, радовался торжеству политики, въ которой былъ главнымъ помощникомъ Ришелье. Вскорѣ послѣ того Франція пріобрѣла преобладающее вліяніе въ сѣверозападной Италіи. Викторъ Амадей умеръ въ 1637. Жена его Христина, сестра Людовика XIII, стала правительницею герцогства савойскаго въ малолѣтство своего сына Карла Эммануэля II. Она желала бы устраниваться отъ участія въ войнѣ; но Ришелье принудилъ ее остаться въ союзѣ съ Франціей. Братъ покойнаго герцога, Томасъ, хотѣлъ отнять у нея регентство; испанцы помогали ему; онъ и вице-король Миланскій овладѣли всѣмъ Піэмонтомъ, герцогиня бѣжала во Францію; на свиданіи въ Греноблѣ Людовикъ и Ришелье убѣждали ее ѣхать съ сыномъ въ Парижъ, впустить французскія войска въ савойскія крѣпости, которыя оставались заняты ея гарнизонами, особенно въ Монмиланѣ. Но она была женщина твердаго характера и не согласилась отдать въ чужія руки будущность своего сына. Она хорошо понимала, что и безъ всякихъ уступокъ съ ея стороны французское правительство будетъ по расчетамъ собственной выгоды защищать независимость герцогства Савойскаго отъ испанцевъ. Вице-король Миланскій уже хвалился, что скоро уничтожитъ вліяніе Франціи на Италію, и осадилъ Казале. Но Ришелье послалъ въ Италію графа Аркура съ большимъ войскомъ; Аркуръ, искусный полководецъ, разбилъ вице-короля подъ Казале, вытѣснилъ испанцевъ изъ Піэмонта. Въ ноябрѣ 1640 Христина возвратилась въ Туринъ, заслуживъ уваженіе народа своей

твердостью. Принцъ Томасъ перешелъ на сторону французовъ. Въ слѣдующемъ (1641) году Гримальди, владѣтель Монако, ободрившись близостью французской арміи, выгналъ при помощи освобожденныхъ галерныхъ невольниковъ испанскій гарнизонъ, 30 лѣтъ державшій его подъ своимъ игомъ, и отдался подъ покровительство Франціи. Раньше того французскій флотъ одержалъ побѣду надъ испанскимъ въ упорномъ сраженіи близъ Генуи, овладѣлъ островами Сентъ-Маргеритой и Сентъ-Онорэ, сталъ затруднять сношенія испанцевъ съ Неаполемъ и остальной Италіей; флотъ Нидерландской республики, союзницы французовъ, мѣшалъ сношеніямъ испанцевъ съ Фландріей, наносилъ тяжелые удары испанскому флоту. Такимъ образомъ могущество Франціи росло, Испанія ослабѣвала. Затруднительность положенія дѣлъ для испанскаго правительства увеличилась, когда каталонцы возстали на защиту своихъ правъ противъ произвольныхъ распоряженій Оливареса, а португальцы возстановили свою независимость, провозгласили королемъ герцога Браганесскаго. Ришелье помогалъ португальцамъ, помогалъ и каталонцамъ, хотя они возстали противъ той формы правленія, какую вводилъ онъ во Франціи. Благодаря его поддержкѣ португальцы навсегда, каталонцы на довольно долгое время стали независимы отъ мадридскаго правительства. Въ Шотландіи сохранялись воспоминанія о прежнемъ союзѣ съ Франціей и въ послѣдствіи, когда шотландцы начали войну противъ Карла I, многіе изъ ихъ вельможъ просили помощи у французовъ. Ришелье вступилъ въ сношенія съ шотландскими пуританами, какъ велъ дружбу съ нѣмецкими лютеранскими государями.

Французскія войска сражались съ испанскими и австрійскими на всѣхъ границахъ: въ Пиренеяхъ у Фуэнтаравіи, въ Альпахъ, на Рейнѣ, въ Нидерландахъ. Но Ришелье имѣлъ враговъ и въ самой Франціи. Война заставляла его увеличивать налоги; обременительность ихъ произвела въ Нормандіи возстаніе; инсургенты были простолюдины, потому этотъ мятежъ называется у французовъ бунтомъ босыхъ; особенно силенъ былъ онъ въ Руанѣ, главномъ городѣ Нормандіи. Супруга короля, Анна, испанская принцесса, вела тайную переписку съ своимъ дядей, кардиналомъ инфантомъ, правителемъ испанскихъ Нидерландовъ, и старалась низвергнуть Ришелье, какъ прежде королева-мать. Духовникъ короля іезуитъ Коссенъ, m-lle Отфоръ (Hautefort) и Луиза Лафайеттъ, за которыми волочился Людовикъ XIII, тоже старались низвергнуть Ришелье. Вельможи вообще ненавидѣли его, врага ихъ самостоятельности, парламенты также были враждебны ему, подавлявшему ихъ законныя права или узурпированныя притязанія. Но онъ одолѣвалъ всякое сопротивленіе, совершенно устранилъ королеву отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, удалилъ отъ двора королевскаго духовника, взялъ съ его преемника обѣщаніе не вмѣшиваться въ политику, удалилъ

отъ двора m-He Отфоръ, заставилъ Луизу Лафайеттъ принять монашество. Замыслы противъ него служили ему предлогами учреждать особенныя судебныя комиссіи, рѣшавшія дѣла, какъ угодно было королю. Людовикъ объявилъ парламентамъ, что французскій король имѣетъ неограниченную власть и судить о его распоряженіяхъ можетъ только Богъ, отъ котораго онъ получилъ ее; что потому его эдикты имѣютъ силу законовъ и безъ одобренія ихъ парламентами; что парламенты не могутъ подвергать ихъ своей оцѣнкѣ, а должны только исполнять ихъ. Особыя судебныя комиссіи ограничивали юридическую власть парламентовъ; а чиновники, назначаемые королемъ для управленія провинціями, интенданты, стѣснили прежнюю административную власть парламентовъ.

Но все таки до самаго конца жизни Ришельё принужденъ былъ бороться съ вельможами. Графъ Суассонскій, жившій въ Седанѣ, составлялъ съ герцогомъ Бульонскимъ, владѣтелемъ этой крѣпости, замыслы противъ Ришельё. Въ 1641 году къ нимъ присоединился третій могущественный вельможа, Анри Гизъ, архіепископъ реймскій, владѣвшій множествомъ богатыхъ бенефицій. По смерти переселившагося въ Италію герцога Шарля Гиза и его старшаго сына, архіепископъ сталъ главою своей фамиліи, сложилъ съ себя духовное званіе и женился. По дѣлу о томъ, кому раздать принадлежавшія ему бенефиціи, онъ поссорился съ Ришельё, хотѣлъ отмстить своему врагу и уѣхалъ въ Седанъ. Графъ Суассонскій и онъ вошли въ переговоры съ брюссельскимъ правительствомъ. Оно охотно согласилось помогать имъ. Императорскій генералъ Ламбуа привелъ войско на Маасъ, соединился съ ихъ войскомъ, пошелъ въ Шампань. Въ сраженіи у Марфё (6 іюля 1741) инсургенты и Ламбуа ужь имѣли успѣхъ на своей сторонѣ, когда графъ Суассонскій, храбро бросившійся въ непріятельскіе ряды, былъ застрѣленъ французскимъ кавалеристомъ въ рукопашномъ бою; смерть его отняла у другихъ инсургентовъ надежду на успѣхъ. Гизъ уѣхалъ въ Брюссель, парижскій парламентъ осудилъ его на смертную казнь. Герцогъ Бульонскій обратился къ королю съ просьбой о прощеніи, чтобы сохранить независимость своего седанскаго владѣнія.

Помирившись съ королемъ, герцогъ Бульонскій остался въ душѣ враждебенъ Ришельё и принялъ участіе въ новомъ заговорѣ противъ него, составившемся при дворѣ. Ришельё окружалъ короля людьми, которыхъ считалъ своими безусловными слугами. Онъ зналъ, что король недоволенъ своей зависимостью отъ него. Людовикъ XIII часто жаловался, что Ришельё держитъ его подъ опекой. Ришельё рекомендовалъ королю молодого вельможу съ изящными манерами, Анри Эффіа, маркиза Сенкмара (D'Effiat marquis de Cinqmars). Маркизь счумѣлъ понравиться королю, сдѣлался постояннымъ его собесѣдникомъ; расположеніе Людовика къ Сенкмару было основано на томъ,

что молодой вельможа притворялся любителемъ его пустыхъ развлеченій, занимался охотой съ нимъ, ловилъ птицъ; этимъ прежде пріобрѣлъ расположеніе Людовика и Люинъ. Милость короля пробудила честолюбіе въ Сенкмарѣ. Людовикъ сдѣлалъ его оберъ-штабмейстеромъ; ему было мало этого; онъ хотѣлъ стать герцогомъ и пэромъ, началъ съговариваться о женитьбѣ на Маріи, принцессѣ изъ фамиліи Гонзагъ. Ришельё отказалъ ему въ этихъ просьбахъ, насмѣшливо упрекалъ за слишкомъ высокія притязанія. Сенкмаръ возненавидѣлъ Ришельё, и зная, что король тяготится его господствомъ, часто слыша отъ Людовика желаніе освободиться отъ этого ига, вступилъ въ заговоръ съ другими врагами Ришельё, опасавшимися, что владычество этого деспота продлится и по смерти короля, слабое здоровье котораго и частыя болѣзни заставляли полагать, что онъ проживетъ недолго. Должно было думать, что Ришельё убѣдитъ короля назначить его опекуномъ своего малолѣтняго преемника. Королева, женщина гордая, негодовала на то, что Ришельё держитъ ее вдали отъ дѣлъ, раздражалась при мысли, что не сдѣлается по смерти мужа правительницей государства; герцогъ Орлеанскій, первый принцъ крови, полагалъ, что право быть регентомъ принадлежитъ ему. Онъ и королева согласились раздѣлить между собою власть по смерти короля. Къ нимъ присоединились люди, ненавидѣвшіе самовластіе Ришельё. Важнѣйшимъ изъ этихъ враговъ абсолютизма былъ Франсуа Огюсть де Ту (de Thou), сынъ знаменитаго историка, занимавшій важную должность въ парижскомъ парламентѣ. Фамилія его уже нѣсколько поколѣній имѣла большое значеніе въ этомъ парламентѣ, благодаря юридической учености и талантамъ, бывшимъ наслѣдственными въ ней. Самъ Франсуа Огюсть де Ту былъ человѣкъ очень даровитый, ученый, имѣлъ твердый и благородный характеръ; онъ пользовался довѣріемъ королевы и герцога Орлеанскаго. При его посредничествѣ присоединился къ замыслу низвергнуть Ришельё и герцогъ Бульонскій. Когда любимецъ и постоянный собесѣдникъ короля Сенкмаръ вступилъ въ союзъ съ королевой и герцогомъ Орлеанскимъ, можно имъ стало надѣяться на успѣхъ. Заговорщики не отступали передъ мыслью убить Ришельё. Маркизь Фонтраль (Fontrailles), другъ Сенкмара, поѣхалъ въ Мадридъ заключить договоръ между герцогомъ Орлеанскимъ и Оливаресомъ о томъ, что испанское правительство будетъ помогать врагамъ Ришельё. Король и Ришельё отправились на югъ, желая находиться въ сосѣдствѣ съ театромъ военныхъ дѣйствій, шедшихъ главнымъ образомъ подъ Перпиньяномъ. Король взялъ съ собою придворный штатъ. Эта поѣздка казалась заговорщикамъ удобной для исполненія ихъ замысла; они были увѣрены въ успѣхъ и стали держать себя неосторожно, воображая паденіе Ришельё близкимъ. Онъ въ іюнѣ (1642) узналъ о договорѣ ихъ съ испанскимъ правительствомъ и передалъ королю,

что они за помощь деньгами и войскомъ обязались возвратить Испаніи всё завоеванія, сдѣланныя французами въ ту войну. Людовикъ XIII пришелъ въ негодованіе, узнавъ объ этомъ. Любовь его къ Сенкмару не устояла противъ совѣтовъ Ришельё дѣйствовать безпощадно. Онъ назначилъ особую комиссію для суда надъ заговорщиками. Сенкмаръ и Де Ту, не успѣвшіе бѣжать, были арестованы и преданы суду этой комиссіи, учрежденіе и дѣйствія которой были одинаково противозаконны. Оба они защищались противъ обвиненій мужественно, говорили, что не имѣли никакихъ мятежныхъ или измѣнническихъ намѣреній. Но Ришельё хотѣлъ ихъ погибели. Комиссія, состоявшая изъ членовъ государственнаго совѣта и членовъ парламента, безусловно угождавшихъ королю и Ришельё, осудила ихъ на смерть, и они были казнены въ Лионѣ 12 сентября (1642 года). Народъ очень сожалѣлъ о нихъ.

Ришельё желалъ бы запутать и герцога Бульонскаго въ это обвиненіе, но боялся, что онъ въ такомъ случаѣ отдастъ Седанъ испанцамъ, потому заключилъ съ нимъ договоръ, по которому онъ получилъ прощеніе, уступивъ Седанъ Франціи, давшей ему вознагражденіе за эту уступку. Герцогъ Орлеанскій бѣжалъ въ Савойю и принужденъ былъ купить прощеніе себѣ отреченіемъ отъ всѣхъ своихъ притязаній. Вандомъ и его сынъ, графъ Вофоръ, уѣхали къ своей родственницѣ, королевѣ англійской.

Ришельё въ это время лежалъ больной, его переносили на носилкахъ; онъ не могъ встать даже, когда король, тоже больной, посѣтилъ его и со слезами выражалъ свое сожалѣніе объ опасности, которой подвергалъ его своимъ довѣріемъ къ Сенкмару. Близкаго къ смерти Ришельё перевезли изъ Нарбонны въ Парижъ; онъ умеръ тамъ 4 декабря (1642 года), сдѣлавъ распоряженія объ управленіи королевскимъ хозяйствомъ и при посѣщеніи короля рекомендовавъ ему кардинала Мазарини, которому вполнѣ довѣрялъ. Онъ совѣтовалъ королю назначить Мазарини председателемъ тайнаго совѣта. Когда Людовику XIII принесли извѣстіе о смерти Ришельё, онъ сказалъ: «Это умеръ великій государственный человѣкъ», но не выказалъ никакого сожалѣнія о его смерти.

Духовникъ посовѣтовалъ умирающему Ришельё простить врагамъ; онъ отвѣчалъ: «Я не имѣлъ никогда никакихъ враговъ, кромѣ враговъ государства и короля». Онъ отождествлялъ свои интересы съ интересами государства и королевской власти, хотѣлъ уничтожить всякія ограниченія абсолютизма и подчинить Франціи всю западную Европу. Онъ не былъ чуждъ тщеславію, любилъ выказывать свое могущество, окружалъ себя великолѣпіемъ, требовалъ себѣ первенства надъ принцами крови по почестямъ; отправляясь въ государственный совѣтъ или къ двору, онъ бралъ съ собою свиту тѣлохранителей, состоявшую изъ молодыхъ дворянъ; они несли его носилки.

Въ огромномъ дворцѣ, который построилъ онъ себѣ въ Рюэлѣ, онъ содержалъ придворный штатъ, затмевавшій своимъ блескомъ штатъ королевскаго двора; въ этомъ дворцѣ, который былъ окруженъ роскошнымъ паркомъ съ фонтанами, онъ принималъ иностранныхъ пословъ, слушалъ доклады своихъ подчиненныхъ, давалъ аудіенцію толпамъ просителей, работяно являвшимся къ нему. Его прислуга, обѣды, лошади, экипажи, его комнаты, наполненные картинами и статуями, богатая дворцовая капелла, въ которой находились лучшіе музыканты и пѣвцы—все это свидѣтельствовало, что онъ человѣкъ, правящій государствомъ. Въ Парижѣ онъ имѣлъ нѣсколько дворцовъ. Самый огромный и великолѣпный изъ нихъ, называвшійся Дворцомъ кардинала, Palais du Cardinal, перешелъ по его завѣщанію въ собственность короля и сталъ называться Королевскимъ дворцомъ, Palais Royal. Ришельё выказывалъ большой интересъ къ наукѣ и искусству, въ особенности къ драматической поэзіи, любилъ разговоры съ умными, образованными людьми; бібліотека его, на поддержаніе и увеличеніе которой назначилъ онъ въ своемъ завѣщаніи большую сумму, была въ опредѣленные часы дня открыта для ученыхъ и литераторовъ. Онъ окружалъ себя пышностью не по одному только тщеславію, но и по расчету выказывать своей роскошью могущество государства, которымъ править: Людовикъ XIII не умѣлъ придать своему двору того блеска, какой былъ надобенъ, чтобъ импонировать иностранцамъ; Ришельё дѣлалъ въ этомъ отношеніи то, чего не доставало королю. Возвышая и обогащая своихъ родныхъ, онъ также имѣлъ кромѣ семейныхъ расчетовъ и политическую цѣль: онъ хотѣлъ имѣть преданныхъ ему людей въ высшемъ кругу и на важныхъ должностяхъ. Такъ онъ поручилъ завѣдываніе флотомъ сыну своей старшей сестры, маркизу Понкурлѣ (Pontcourley), дѣти котораго наслѣдовали фамилію Ришельё; маркиза Де Брезе, мужа своей младшей сестры, онъ сдѣлалъ маршаломъ, и когда каталонцы отделились подъ власть Франціи, послалъ его вице-королемъ въ Барселону; одну изъ его дочерей выдалъ за герцога Ангенскаго, сына принца Кондэ (этотъ мужъ племянницы Ришельё—знаменитый полководецъ, который, по смерти отца, сталъ принцемъ Кондэ); сынъ маршала Брезе, Фронсакъ тоже скоро получилъ высокое положеніе. Сынъ брата матери Ришельё, герцогъ Мельрѣ (Meilleraye) былъ сдѣланъ гресмейстеромъ (главнымъ начальникомъ) артиллеріи и коммендантомъ Перпиньяна, другой двоюродный братъ Ришельё, Сезаръ Камбу (Cambout), былъ полковникъ швейцарской гвардіи; Аркуръ (Harcourt), со славой начальствовавшій французскимъ войскомъ въ Италіи, былъ родственникъ Сезара Камбу. Нѣкоторые изъ преданнѣйшихъ помощниковъ Ришельё были люди духовнаго сословія. Мы часто упоминали объ одномъ изъ нихъ, капуцинскомъ монахѣ Жозефѣ, человѣкѣ чрезвычайно изобрѣтательномъ на дипломатическія хитрости и неразборчи-

вомъ на средства къ исполненію задуманнаго. Онъ былъ безусловно вѣренъ Ришельё. Римская курія часто досадовала на Ришельё: не смотря на то, что былъ кардиналъ, онъ ставилъ интересы могущества Франціи выше выгодъ папы. Фанатики католичества были недовольны тѣмъ, что онъ шадитъ гугенотовъ, сталъ союзникомъ лютеранскихъ государей противъ Габсбурговъ, не позволялъ папѣ вмѣшиваться въ управленіе французской церковью. По его желанію Сорбонна объявила ересью ученіе іезуитовъ о власти папы надъ государями. Римская курія была такъ враждебна Ришельё, что не захотѣла назначить его папскимъ легатомъ во Франціи, чего сильно желалъ онъ. Если бъ онъ получилъ санъ папскаго легата, (то есть представителя папы во Франціи), онъ совершенно устранилъ бы папу отъ сношеній съ французскимъ духовенствомъ и поставилъ бы его въ исключительную зависимость отъ правительства. Онъ часто говорилъ французскимъ церковнымъ сановникамъ, что они получили свои имѣнья и доходы отъ короля, потому обязаны давать деньги на королевскія надобности, и они со вздохами, съ протестами принуждены были давать деньги, какихъ требовалъ онъ для королевской казны. Французскіе клерикалы всячески старались вредить ему въ Римѣ, но онъ приобрѣлъ тамъ сильныхъ приверженцевъ французской политикѣ, и они защищали въ куріи интересы Франціи противъ Габсбурговъ. Главою французской партіи въ Римѣ былъ Антонио Барберини, младшій племянникъ Урбана VIII, между тѣмъ какъ старшій племянникъ былъ сторонникомъ испанскаго правительства. Мазарини, когда находился въ папской службѣ, также былъ сторонникомъ Франціи; онъ оказалъ ей важныя услуги дипломатическими переговорами во время итальянскихъ войнъ; Ришельё взялъ его во французскую службу, сдѣлавъ членомъ тайнаго совѣта. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ Ришельё, вѣрно служилъ ему и былъ такимъ же полезнымъ помощникомъ его, какъ канцлеръ Сегье и государственный секретарь Шавиньи. Король покорялся уму Ришельё, хотя часто и съ неудовольствіемъ, исполнялъ всѣ его предложенія. Даровитые помощники, полководцы и государственные люди дѣйствовали по инструкціямъ Ришельё; положеніе дѣлъ въ Европѣ благоприятствовало возвышенію могущества Франціи; состояніе самой Франціи благоприятствовало установленію абсолютизма; искусно и энергично пользуясь обстоятельствами, Ришельё далъ внутри государства неограниченную власть королю и возвысилъ вѣншее могущество государства. Средневѣковая монархія во Франціи была ограничена независимыми отъ нея силами, стѣснявшими королевскій произволъ и мѣшавшими развитію вѣншняго могущества; областныя и корпоративныя интересы были сильнѣе воли короля; она была ограничена государственнымъ сеймомъ, феодальными правами вельможъ и независимостью судебныхъ учреждений. Ришельё старался ослабить или

въ случаѣ возможности совершенно уничтожить самостоятельныя учрежденія, на которыхъ основывался прежній законный порядокъ, сдѣлать короля единственнымъ представителемъ національной власти. Онъ не созывалъ государственнаго сейма, заявлявшаго притязанія раздѣлять съ королемъ верховную власть. Тѣ областныя сеймы, которые не были уничтожены, должны были заниматься только своими областными дѣлами и были созываемы рѣдко. Въмѣсто государственнаго сейма были созываемы собранія нотаблей. Начальники городскихъ управленій, вполнѣ зависившіе отъ правительства, дѣлали эти собранія послушными волѣ его, заглушали оппозицію самостоятельныхъ людей въ немъ. Нація была лишена участія въ веденіи государственныхъ дѣлъ; простолюдины не имѣли средствъ защищать свои права; но феодалная военная аристократія и судебное сословіе, составлявшее новую гражданскую аристократію, хотѣли сохранить свои прежнія права на участіе въ управленіи дѣлами, ограничивать королевскую власть. Ришельё покорилъ эти сословія всемогущей волѣ короля; знатнѣйшіе вельможи, бывшіе правителями областей, держали себя прежде почти какъ областныя государи, часто забывали, что власть имъ дана королемъ; Ришельё ослабилъ ихъ, отнявъ крѣпости изъ-подъ ихъ управленія: онъ назначалъ особыхъ крѣпостныхъ коммендантовъ, независимыхъ отъ областныхъ правителей; эти комменданты соперничали съ ними, потому рѣдко случалось, чтобъ оба разряда военныхъ начальниковъ дѣйствовали единодушно; а когда вельможи все-таки соединялись для сопротивленія произволу всемогущаго перваго министра, онъ подкупами разстроивалъ ихъ коалиціи, учреждалъ для суда надъ противниками особыя коммиссіи, члены которыхъ были назначаемы имъ самимъ, эти коммиссіи осуждали его противниковъ на казнь, и онъ казнилъ тѣхъ, которые не были принципами крови. Такъ были казнены Марильякъ, Монморанси, Де Ту, Сенжмаръ и многіе другіе. Учрежденіе особыхъ судебныхъ коммиссій служило для Ришельё также ередствомъ ослаблять парламенты, которые напрасно протестовали противъ этихъ незаконныхъ трибуналовъ. Въ особенности парижскій парламентъ, занимавшій первое мѣсто въ судебной іерархіи, возставалъ противъ особыхъ судебныхъ коммиссій, учрежденіемъ которыхъ нарушались его права и почетность положенія членовъ его, покупавшихъ свои должности за большія суммы и передававшихъ ихъ по наслѣдству сыновьямъ (наслѣдственность была дана парламентскимъ должностямъ при установленіи налога съ нихъ, называвшагося полеттой). Но всѣ протесты парламентовъ оставались напрасны. Ришельё отнималъ у нихъ процессы по политическимъ дѣламъ, предавая обвиняемыхъ суду особыхъ коммиссій. Онъ объявлялъ парламентамъ, что они только органы правительства, что они имѣютъ только ту власть, какую предоставляетъ имъ король, что эдикты короля имѣютъ законную силу и безъ со-

гласія ихъ, что они обязаны регистрировать королевскія повелѣнія, не разсматривая ихъ, не могутъ отказывать имъ въ регистраціи на основаніи несогласія ихъ съ существующими законами или съ общественнымъ благомъ. Когда парижскій парламентъ, не слушая требованій правительства, отказывался регистрировать, то-есть внести въ собраніе законовъ какой-нибудь эдиктъ, то было назначаемо торжественное королевское засѣданіе, называвшееся *Lit de justice*; по старому обычаю члены парламента должны были молчать во время такого засѣданія; такимъ образомъ не было возраженій повелѣнію короля регистрировать эдиктъ; этими королевскими засѣданіями была подавляема оппозиція парламентовъ, отнималось у нихъ право вмѣшиваться въ политическія дѣла. Точно также была уничтожена независимость финансовыхъ палатъ и власть этихъ палатъ и парламентовъ надъ казначеями и сборщиками налоговъ (*Élus*), находившимися прежде подъ контролемъ финансовой палаты; подчиненіе ихъ ей стало теперь лишь формальностью. Должностныя лица финансового вѣдомства, принадлежавшія къ парламентскому сословію, были отданы подъ власть чиновниковъ, которыхъ сталъ посылать Ришельё въ провинціи для завѣдыванія финансами; эти чиновники, называвшіеся интендантами, вполне зависѣли отъ министерства и безусловно исполняли приказанія Ришельё. Онъ пренебрегалъ ропотомъ множества людей, купившихъ себя по тогдашнему законному правилу финансовыя должности и страдавшихъ теперь отъ уменьшенія своихъ законныхъ должностныхъ доходовъ. Эти люди принадлежали къ высшему классу средняго сословія, составляли съ членами парламентовъ одну корпорацію, и вообще тѣ и другія должности были занимаемы людьми однихъ и техъ же фамилій; или одинъ и тотъ же человекъ проходилъ ихъ по порядку ихъ важности. Ришельё хотѣлъ сломить независимость этой такъ-называемой юридической аристократіи, *noblesse de robe*, сдѣлать ее безпрекословной исполнительницей приказаній правительства, какъ поработалъ и военную аристократію, сословіе вельможъ въ собственномъ смыслѣ слова. Злоупотребленія, которыя позволяла себѣ и та и другая аристократія, облегчали ему подавленіе ихъ обѣихъ и служили предлогами для оправданія его насилій надъ ними. Онъ дѣйствовалъ по правиламъ Макиавелли, не отступалъ ни передъ какими мѣрами для исполненія своихъ плановъ. — Онъ хотѣлъ подчинить произволу правительства и умственную жизнь націи, но опытъ показалъ, что поработить науку и искусство не такъ легко, какъ политическую жизнь. Корнель не захотѣлъ подчинить свой гений правиламъ, составленнымъ для поэзіи академіей, которую учредилъ Ришельё для управленія литературой. Впрочемъ, поэты усердно льстили Ришельё.

III. РЕГЕНТСТВО АННЫ. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ЛЮДОВИКА XIV ПО ДОСТИЖЕНІИ СОВЕРШЕННОЛѢТІЯ.

1. Регентство Анны.

а) ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ВОРЬБЫ ВЕЛЬМОЖЪ И ПАРЛАМЕНТОВЪ ПРОТИВЪ АБСОЛЮТИЗМА.

По смерти деспота Ришельё французы ожидали, что Людовикъ XIII станетъ оправдывать данное ему названіе Справедливаго, отброситъ политическую систему Ришельё, окажетъ милость страдавшимъ отъ преслѣдованія. Но онъ продолжалъ дѣйствовать въ духѣ Ришельё: членами тайнаго совѣта (министрами) остались прежніе люди. Мѣсто Ришельё занялъ наслѣдникъ его политическихъ правилъ, Мазарини. Облегченіе ограничилось тѣмъ, что было дозволено изгнанникамъ и эмигрантамъ возвратиться, содержащимся въ Бастиліи были отворены ворота ея. Вандомъ и Бофоръ, родственники королевской династіи, возвратились во Францію, маршалы Витри и Бассомпьеръ были освобождены изъ темницы. Здоровье короля ослабѣвало, видно было, что онъ скоро умретъ; надобно было сдѣлать распоряженіе объ управленіи государствомъ по его смерти. Ришельё уже приготовилъ проектъ повелѣнія объ этомъ. По его плану Гастонъ совершенно устранился отъ участія въ дѣлахъ; регентство предоставлялось королевѣ Аннѣ, но учреждался совѣтъ регентства, рѣшеніямъ котораго обязана она была слѣдовать; Ришельё хотѣлъ этимъ отнять у нея возможность принять политику, несогласную съ его системой. По совѣту Мазарини, Людовикъ нѣсколько смягчилъ этотъ проектъ. По завѣщанію, написанному королемъ, Аннѣ давался титулъ регентши, но и герцогу Орлеанскому предоставлялось участіе въ управленіи дѣлами, на какое имѣлъ онъ право какъ дядя будущаго малолѣтнаго короля: ему давался санъ общаго королевскаго намѣстника. Однако же сохранялись тѣ мѣры, какія предполагалъ принять Ришельё, чтобы регентша и принцъ Орлеанскій не могли уклониться отъ его политики: завѣщаніе Людовика XIII постановляло, что долженъ быть учрежденъ совѣтъ регентства подъ предсѣдательствомъ Мазарини, что регентша не должна дѣлать ничего важнаго безъ одобренія этого совѣта. Членами его Людовикъ XIII назначилъ канцлера Сегье, государственнаго секретаря Шавиньи и его отца и двухъ принцевъ крови: герцога Орлеанскаго и принца Кондэ. Эти распоряженія были составлены въ формѣ деклараціи; она была подписана въ присутствіи короля всѣми приглашенными выслушать ее; они дали клятвенное обѣщаніе остаться вѣрными ей, и 19 апрѣля

1643 она была зарегистрирована парижским парламентом. — Но легко было предвидѣть, что по смерти короля обнаружится сильное сопротивление этому его распоряженію, имѣвшему цѣлью сохранить систему политики, которой держался Ришельё. Королева тайно призвала нотариуса и велѣла ему составить актъ о томъ, что она протестуетъ противъ принужденія, подъ которымъ должна была подписать декларацию, ограничивавшую ея права регентши. Она считала себя и своихъ дѣтей находящимися въ такой опасности, что поручила герцогу Бофору охранять ея сыновей отъ насилія. Приверженцы и противники ея въ ожиданіи смерти короля готовились къ борьбѣ. Онъ умеръ 14 мая 1643.

Людовикъ XIII былъ бездаренъ, подчинялся всякому, умѣвшему приобрести его довѣріе или запугать его. Онъ былъ игрушкой въ рукахъ Ришельё, изъ-подъ власти котораго не могъ выйти по робости и вялости; ко всему, кромѣ своихъ любимцевъ, онъ былъ недоувѣрчивъ. Сынъ энергическаго, отважнаго отца и гордой, любившей великолѣпіе матери, онъ не походилъ на нихъ; мрачная апатія его представляла рѣзкую противоположность веселости Генриха IV; его любимой сельской резиденціей былъ охотничій домъ въ версальскомъ лѣсу, скромный до бѣдности, ни мало не похожій на великолѣпный люксембургскій дворецъ, который построила для себя его мать. Онъ былъ слабаго здоровья, часто бывалъ боленъ, видъ у него былъ застѣнчивый, почти робкій. Живыми сторонами въ его характерѣ были только страсть къ охотѣ и любовь къ военному дѣлу. Въ государственныхъ дѣлахъ онъ не имѣлъ своей воли, говорилъ и дѣйствовалъ по чужому внушенію. Когда надобно было подавить оппозицію парижскаго парламента личнымъ повелѣніемъ короля въ торжественномъ засѣданіи, такъ называемомъ *Lit de justice*, онъ, начиная говорить, запинался, и въ одномъ изъ такихъ засѣданій съ нимъ отъ волненія сдѣлалась лихорадка. При немъ французскій дворъ вовсе не имѣлъ блеска, какимъ славился впоследствии. Королевскія комнаты и обѣды не имѣли ни малѣйшей роскоши, королевская конюшня была скудна. Ришельё затмѣвалъ короля великолѣпіемъ своего двора. Людовикъ XIII былъ довольно холоденъ къ женщинамъ. Онъ влюблялся за дамами, но гораздо меньше, чѣмъ его предшественники и преемники. Онъ воспѣвалъ въ любовныхъ элегіяхъ красоту *м-ле Отфоръ*, но говорилъ съ ней только о собакахъ, птицахъ и охотѣ. Ухаживанье за *м-ле Лафайетъ*, дѣвушкой набожной, только увеличивало его набожность. Государственный секретарь Де-Нойе (*Des Noyers*) возвысился до такой важной должности тѣмъ, что раздѣлялъ склонность короля къ упражненіямъ въ молитвѣ. Часто они запирались вдвоемъ молиться и по цѣлымъ часамъ пѣли церковныя гимны. Когда придворные собрались у постели умирающаго короля, онъ, замѣтивъ между ними маршала Шатильона, внука Колиньи, велѣлъ этому гу-

геноту уйти изъ комнаты, чтобы присутствіе еретика не повредило спасенію души его.

Пока онъ оставался живъ, не слышалось возраженій противъ деклараціи, которой установилъ онъ ограниченіе власти регентши. Но Анна Австрійская (то-есть Габсбургская), принцесса знатнѣйшей изъ европейскихъ династій, сестра короля испанскаго, не была намѣрена довольствоваться стѣсненнымъ положеніемъ, въ какое хотѣлъ поставить ее, какъ регентшу, умирающій мужъ; она хотѣла быть регентшей съ такой же безграничной властью, какую имѣли въ малолѣтство своихъ сыновей Катерина Медичи и Марія Медичи. Она еще при жизни мужа вошла въ тайное соглашеніе съ герцогомъ Орлеанскимъ, принцемъ Кондѣ и нѣкоторыми членами парижскаго парламента; они обѣщались отмѣнить завѣщаніе Людовика XIII, предоставить королевѣ регентство въ полномъ размѣрѣ его обычныхъ правъ, то-есть неограниченную административную власть, такъ чтобы совѣтъ регентства былъ подчиненъ ей. Черезъ четыре дня по смерти Людовика XIII было назначено королевское засѣданіе въ парижскомъ парламентѣ для установленія регентства по соглашенію принцевъ крови съ королевой. Въ этомъ засѣданіи 18 мая (1643 года) парижскій парламентъ отмѣнилъ декларацию покойнаго короля, призналъ за матерью новаго короля полную власть регентши. Онъ былъ радъ тому, что правительство проситъ его утвержденія, надѣялся, что это будетъ первымъ шагомъ къ восстановленію прежнихъ его политическихъ правъ. Вообще полагали, что Анна отвергнетъ политическую систему Ришельё, который держалъ королеву въ униженномъ положеніи, окружилъ ее шпионами, перехватывалъ ея письма; думали, что она удалитъ слугъ ненавистнаго Ришельё изъ кабинета и отъ двора, составитъ государственный совѣтъ изъ его противниковъ; надѣялись, что она будетъ кроткой правительницей: она была привѣтлива въ обращеніи, выказывала добродушіе, считалась женщиной скромной нравственности, окружала себя людьми образованными, умѣла приобрести расположеніе вельможъ; они и члены парламентовъ воображали, что деспотизмъ прекратился, что высшее сословіе получитъ участіе въ правительственной власти.

Сначала казалось, что и дѣйствительно будетъ покинута политическая система Ришельё, будутъ устранены отъ управленія слуги его. Шавиньи, глава партіи кардиналистовъ, какъ называли помощниковъ Ришельё, представитель его политической системы, былъ удаленъ изъ кабинета; были удалены и нѣкоторые другіе кардиналисты; регентша благосклонно приняла возвратившуюся къ двору герцогиню Шеврѣзъ, непримиримую противницу Ришельё, оказала милостивый пріемъ и другимъ изгнанникамъ или эмигрантамъ, Вандому и его сыновьямъ, друзьямъ герцога Орлеанскаго; она поручила охраненіе дворца и королевской фамиліи Бофору, и полагали, что онъ станетъ

ея фаворитомъ; молодые вельможи примкнули къ нему, надѣясь высидѣть подъ его протекціей. Ихъ называли Importans (Важными). Клерикалы и другіе сторонники мира съ Испаніей надѣялись, что онъ скоро будетъ заключенъ; казалось невѣроятнымъ, чтобы королева захотѣла продолжать войну съ своей династіей. Великій омоньеръ Потье, епископъ бовескій, бывшій главою клерикальныхъ противниковъ Ришелье, надѣялся занять его мѣсто. Всѣ, потерявшіе имѣнья или должности при Ришелье, надѣялись на восстановление своихъ правъ; Вандомъ требовалъ себѣ должности правителя Бретани, Эпернонъ должности правителя Гиэни, герцогъ Бульонскій требовалъ, чтобы ему былъ возвращенъ Седанъ. Общественное мнѣніе желало отмены обременительныхъ налоговъ, говорило, что надобно выжать губки, насосавшіяся народной крови при Ришелье. Наслѣдники его опасались, что будетъ конфисковано нажитое имъ богатство, простиравшееся, какъ говорили, до 80.000.00 ливровъ, и готовились защищаться.

Мазарини ожидалъ отставки *); герцогиня Шеврѣзъ, умѣвшая ловко вести политическія интриги, дѣйствовала противъ него, поддерживала Бофора; Мазарини уже думалъ о томъ, чтобы уѣхать въ Римъ. Но регентша поступила наперекоръ общему ожиданію: утвердила Мазарини въ должности предсѣдателя тайнаго совѣта, вполне довѣрилась ему. Въ ней ужъ давно угасла любовь къ Испаніи; она дѣйствовала въ иностранной политикѣ какъ француженка, а во внутренней приняла систему Ришелье, не желая отказываться отъ неограниченной власти, которую установилъ онъ. Она полагала, что лучшимъ исполнителемъ ея воли будетъ изворотливый, честолюбивый итальянецъ, имѣвшій правительственную опытность, усвоившій себѣ политическія правила Ришелье, человекъ чужой французамъ, державшійся на своемъ мѣстѣ только по ея расположенію къ нему. Она хотѣла быть неограниченной правительницей, и Мазарини былъ усерднѣйшимъ ея слугою, велъ администрацію въ духѣ Ришелье, только въ менѣе суровыхъ формахъ. Такимъ образомъ надъ Франціей господствовали иностранка и иностранецъ, съ единственной заботой о поддержаніи абсолютизма во внутреннемъ управленіи, о возвышеніи могущества Франціи во внѣшнихъ дѣлахъ. Большимъ счастьемъ для новаго правительства было то, что около самаго времени смерти Людовика XIII герцогъ Ангенскій, женатый на племянницѣ Ришелье, одержалъ блестящую побѣду при Рокруа. Это много содѣй-

*) Это былъ обманъ. Мазарини еще при жизни Людовика XIII успѣлъ войти въ милость къ будущей регентшѣ, и получилъ полнѣйшую увѣренность, что она оставитъ его первымъ министромъ. Она и онъ скрывали это, пока кончили тайныя приготовленія къ низверженію всѣхъ своихъ соперниковъ и захвату безграничной власти. Какъ обмануты были тогда придворные, такъ оставались обмануты и историки, пока не были открыты нѣкоторыя бумаги Мазарини. *Примѣчаніе къ русскому переводу.*

ствовало упроченію авторитета регентши и Мазарини. Въ августѣ Кондѣ, одержавъ новую побѣду, въ которой былъ убитъ испанскій главнокомандующій Лафужанте, взялъ пограничную крѣпость испанскихъ Нидерландовъ Тіонвилль. Этотъ успѣхъ утвердилъ королеву и Мазарини въ рѣшеніи держаться принятой ими политики.

Мазарини старался примириться съ противниками, но они хотѣли низвергнуть его, потому соглашеніе было невозможно. Королевѣ было тяжело покинуть прежнихъ друзей, боровшихся и страдавшихъ за нее, но политическій расчетъ былъ сильнѣе дружбы. Она приняла противъ нихъ крутыя мѣры. Въ сентябрѣ (1643 года) герцогиня Шеврѣзъ была принуждена покинуть Парижъ, уѣхала въ Англію. Бофоръ, любимецъ дамъ, сдѣлавшій покушеніе убить Мазарини, былъ арестованъ и посаженъ въ венсенскую темницу, отецъ и братъ его снова удалились въ изгнаніе. Епископу бовескому и герцогу Гизу было велѣно уѣхать изъ Парижа. Черезъ нѣсколько времени, посѣтивъ риуэльскій дворецъ Ришелье, королева остановилась передъ его портретомъ, долго смотрѣла молча, и сказала: «Будь онъ живъ, онъ былъ бы теперь могущественнѣе прежняго».

Мазарини упрочивалъ свое положеніе: при знаніи людей и гибкости характера, онъ ловко выбиралъ средства къ этому. Принцу Кондѣ, уже получившему богатые подарки отъ Ришелье, онъ далъ новые подарки, а сыну принца, герцогу Ангенскому, дорожившему славой больше, чѣмъ деньгами, онъ далъ начальство надъ арміей; герцога Орлеанскаго онъ назначилъ правителемъ Лангедока и склонилъ въ свою пользу аббата Ла Ривьера, совѣтами котораго руководился герцогъ. Очень много помогли упроченію власти Мазарини успѣхи, пріобрѣтенные французскими войсками на Рейнѣ. Мы уже говорили въ XI томѣ о побѣдахъ, одержанныхъ въ 1644 году великими французскими полководцами, герцогомъ Ангенскимъ и Тюренномъ надъ баварскимъ главнокомандующимъ Мерси, о кровопролитной битвѣ подъ Фрейбургомъ, о взятіи Филиппсбурга и Майнца. — Анри де ла Туръ Д'Овернь, виконтъ де Тюреннъ, былъ младшій сынъ того герцога Бульонскаго, который сражался за гугенотовъ, братъ того герцога Бульонскаго, который былъ непримиримымъ противникомъ Ришелье. Тюреннъ воспитывался въ резиденціи отца, замкѣ Седанъ, и подобно отцу былъ усерднымъ реформаторомъ (но впоследствии поддался желанію Людовика XIV и объявилъ, что Боссюэ убѣдилъ его въ истинѣ католической вѣры). — При содѣйствіи шведско-нѣмецкаго войска Тюреннъ и Кондѣ доставили французамъ преобладающее положеніе въ западной Европѣ, и утомленные войною нѣмцы уступили Франціи по Вестфальскому миру такія территоріальныя пріобрѣтенія, равныхъ которымъ не получали прежніе короли французскіе. Успѣшна была война французовъ и съ Испаніей. Въ союзѣ съ голландцами, адмиралъ которыхъ Тромпъ владычество-

валъ на Ламаншѣ, французскія войска вошли во Фландрію. Герцогъ Ангенскій взялъ Дюнкирхенъ, главный военный портъ испанцевъ въ южныхъ Нидерландахъ; отважный Гассионъ уже надѣялся овладѣть Антверпеномъ. Французскія войска подвигались впередъ въ Пиренеяхъ; испанское владычество въ Италіи ослабѣвало. Французскій флотъ приобрѣлъ славу въ сраженіи у Орбителло, хотя адмиралъ Брезе былъ убитъ и побѣда осталась не рѣшенной; французы усилились на Средиземномъ морѣ, завоевали себѣ сильныя позиціи на Эльбѣ и у портового города Піомбино, помогали неаполитанскимъ инсургентамъ. Герцогъ Моденскій былъ усерднымъ союзникомъ французовъ; они при его содѣйствіи угрожали папскому государству и вице-королевству миланскому.

Военные и дипломатическіе успѣхи регентства заставляли молчать противниковъ Мазарини, но они были многочисленны и наконецъ всѣ партіи соединились для общей борьбы. Тираннія, на которую жаловались при Ришельё, продолжалась, налоги даже увеличивались. Невыносимая тягость ихъ произвела, какъ мы говорили, мятежи поселянъ въ Нормандіи. Во многихъ провинціяхъ голодъ доводилъ людей до отчаянія; поселяне, не имѣя рабочаго скота, сами запрягались въ плугъ, ѣли траву и корни; областные сеймы жаловались, что сборщики налоговъ отнимаютъ у бѣдняковъ даже постели и одежду, что цѣлыя селенія опустѣли. А война требовала увеличенія налоговъ. Въ 1644 году надобно было набрать 120 милліоновъ ливровъ. Суперъ-интендентъ финансовъ Эмери, итальянецъ, алчный расточитель, говорившій, что честность прилична только купцамъ, собиралъ и увеличивалъ подати съ такой суровостью, что во многихъ мѣстахъ возобновились бунты и надобно было усмирять ихъ военной силой. Налоги сами по себѣ были обременительны, но тяжесть ихъ увеличивалась до невыносимости тѣмъ, что они сдавались на откупъ; откупщики давали правительству впередъ надобныя ему деньги, и оно въ уплату отдавало имъ полученіе налоговъ; они взыскивали деньги съ народа безжалостно, и значительная часть сбора оставалась въ ихъ рукахъ; говорили, что они берутъ съ народа въ пять разъ больше того, сколько даютъ правительству. Въ послѣдній годъ Тридцатилѣтней войны усиленіе войска потребовало новыхъ расходовъ. Правительство придумывало разныя средства получить деньги, хотѣло установить налоги на съѣстные припасы, учредить новыя должности, чтобы продать ихъ, хотѣло ввести налогъ съ домовъ. Но парижскій парламентъ рѣзко протестовалъ. Генераль-адвокатъ его Омеръ Талонъ говорилъ: «Поселяне принуждены спать на соломѣ, кормиться отрубями и овсомъ; у нихъ отнимаютъ все, что можно увезти; слава побѣды не даетъ хлѣба, пальмы и лавры не питательныя растенія». Услуга, оказанная парижскимъ парламентомъ королевѣ предоставленіемъ ей полной регентской власти, воз-

будила въ немъ самонадѣянность; онъ хотѣлъ выйти изъ униженія, въ какое повергъ его Ришельё. Во Франціи уже давно прекратилось созываніе государственнаго сейма; парижскій парламентъ считалъ себя его преемникомъ, собраніемъ представителей націи, и настойчиво возобновилъ свое отвергнутое Ришельё притязаніе на то, чтобы никакое правительственное распоряженіе и въ особенности никакой эдиктъ по установленію налоговъ не считались имѣющими законную силу и не исполнялись безъ предварительнаго одобренія парижскимъ парламентомъ и внесенія въ его протоколы (безъ регистраціи парламентомъ). Правительство устроило 15 января 1648, королевское засѣданіе (Lit de justice) думая подавить имъ оппозицію парламента, но и оно осталось напрасно: первый президентъ парламента сказалъ, что повелѣніе регистрировать эдикты не можетъ имѣть законной силы въ малолѣтство короля; парламентъ объявилъ основнымъ закономъ Франціи то, что не долженъ быть исполняемъ никакой эдиктъ, устанавлиющій налоги только по королевскому распоряженію безъ регистраціи парламентомъ. Правительство грозило отмѣнить полетту. Эта пошлина, уплата которой давала членамъ парламента неотъемлемость должностей, была установлена лишь на опредѣленный срокъ; онъ подходилъ теперь къ концу, и члены парламента нуждались въ возобновленіи предоставляемаго имъ ею права несмѣняемости; еслибъ оно было прекращено, семейства членовъ парламента подверглись бы уtratѣ доходовъ отъ должностей, которыя уже считались наследственными. Тому же подвергались члены другихъ судебно-административныхъ палатъ, тоже платившіе полетту. Общая опасность соединила ихъ. Наперекоръ запрещенію правительства всѣ палаты парижскаго парламентскаго округа, считавшіяся отдѣлами парламента, собрались на общее засѣданіе въ залѣ Св. Людовика и постановили рѣшеніе защищать прежнія права націи на участіе въ установленіи законовъ и налоговъ, требовать отмѣны противозаконныхъ нововведеній, произведенныхъ Ришельё въ формахъ управленія и судопроизводства. Правило Ришельё, что парламентъ долженъ заниматься только веденіемъ процессовъ, не вмѣшиваться въ политику, опровергалось этимъ рѣшеніемъ. Побѣда англійскаго парламента надъ королемъ, возстанія противъ испанскаго абсолютизма въ Каталоніи и Неаполѣ ободряли парижскій парламентъ. Онъ отвергъ предложенія Мазарини, соглашавшагося на нѣкоторыя маловажныя уступки.

Правительство опасалось, что этотъ внутренній раздоръ вредно подѣйствуетъ на переговоры о мирѣ, происходившіе тогда въ Мюнстерѣ. По совѣту Мазарини королева при первой возможности подавила насиліемъ оппозицію парижскаго парламента. Возможность эту доставила блестящая побѣда принца Ангенскаго надъ испанцами при Лансѣ (Lens) 20 августа 1648. Подъ впечатлѣніемъ торжества

правительства, регентша велѣла арестовать двухъ членовъ парламента, Бланмениля (Blancmesnil), бывшего однимъ изъ вице-предсѣдателей (présidens à mortier), и Брюсселя, одного изъ совѣтниковъ (членовъ) парламента. Они вовсе не были вождями оппозиціи, не имѣли особенно большого вліянія въ парламентѣ, но считались твердыми защитниками народа отъ обременительныхъ налоговъ, и въ особенности Брюссель пользовался большимъ уваженіемъ средняго сословія. Ихъ арестъ произвелъ сильное волненіе; граждане Парижа взяли за оружіе, построили баррикады; регентша въ ужасѣ бѣжала въ Рюэль, взявъ съ собою сына. Но парламентъ не хотѣлъ междоусобной войны; начались переговоры, кончившіеся примиреніемъ. Королевская декларация 24 октября освободила Бланмениля и Брюсселя, дала нѣкоторое облегченіе налоговъ; королева согласилась даже внести въ эту декларацию статью, обещающую неприкосновенность личной свободы, хотя и не устанавливающую никакихъ гарантій противъ произвольныхъ арестовъ, ссылки и преданія обвиняемыхъ суду спеціальныхъ комиссій; были также освобождены члены государственнаго совѣта Шавиньи и Шатонёфъ, арестованные за неприязнь къ Мазарини, Эмери былъ удаленъ отъ должности, власть интендантовъ была ограничена. Мазарини любезностью въ обращеніи смягчилъ неприязнь защитниковъ законнаго порядка. Ришельё казнилъ своихъ противниковъ, а онъ старался примирить ихъ съ собою. По соглашенію, результатомъ котораго была декларация 24 октября, дворъ 30 октября возвратился въ Парижъ. Около того же времени былъ заключенъ Вестфальскій миръ. Франція успокоилась отъ внѣшней войны и внутреннихъ раздоровъ.

б) фронда.

Но успокоеніе умовъ было только кажущееся. Противники Мазарини возобновили волненіе. Союзъ недовольныхъ правительствомъ получилъ названіе фронды. Это слово значитъ праща, и говорятъ, что поводомъ примѣненія его къ дѣйствіямъ противниковъ Мазарини послужила насмѣшка, сравнивавшая ихъ съ мальчиками, бросающими камнями изъ пращи; въ насмѣшкѣ былъ тотъ смыслъ, что такимъ слабымъ оружіемъ нельзя побѣдить всемогущаго министра. Противники Мазарини были люди неодинаковыхъ стремленій. Общаго между ними было мало; притомъ они больше думали о защитѣ своихъ сословныхъ привилегій, чѣмъ о благѣ націи; многіе изъ нихъ руководились только личными выгодами. Сильное вліяніе на дѣйствія фронды имѣли знатныя дамы, враждебныя двору: онѣ склоняли своихъ мужей, родственниковъ и любовниковъ дѣйствовать силой оружія. Личные и сословные мотивы были прикрываемы заботой о благѣ націи. Французскій народъ скоро увидѣлъ, что разсужденія о

немъ у членовъ фронды—обманъ, и утомленный междоусобіемъ, помогъ восстановленію абсолютизма.—Нѣкоторые изъ мемуаровъ того времени представляютъ намъ живыя картины парижскихъ волненій и хода интригъ при дворѣ и въ оппозиціи. Таковы въ особенности мемуары кардинала Реса (Retz), герцога Ларошфуко и герцогини Лонгвилль. Душою оппозиціи былъ Поль Гонди, интригантъ, поступившій по расчету выгодъ въ духовное званіе и бывший теперь коадьюторомъ своего дяди, архіепископа парижскаго. Фамилія Гонди была флорентійскаго происхожденія, приобрѣла во Франціи титулы и богатства при королевахъ изъ династіи Медичи, и санъ архіепископа парижскаго сталъ почти наслѣдственной собственностью ея Поль Гонди или какъ его обыкновенно, называютъ по полученному имъ впоследствии сану, кардиналъ Ресъ принадлежалъ къ аристократическому кругу, а по своей церковной должности пользовался вліяніемъ на духовенство; еще важнѣе было то, что, управляя благотворительными учрежденіями, зависѣвшими отъ архіепископа парижскаго, и завѣдуя раздачею пособій нуждающимся, онъ приобрѣлъ преданность парижскихъ простолюдиновъ. Искусство волновать народъ придавало ему большую силу; онъ былъ человѣкъ очень умный, какъ показываютъ и его мемуары, написанные завлекательно. Въ своемъ переводѣ книги Маскарди «Заговоръ Фіэско» Ресъ сдѣлалъ нѣсколько вставокъ, показывающихъ, что онъ держался въ политикѣ такихъ же понятій, какъ Макиавелли. Онъ считалъ дозволенными всѣ средства, ведущія къ цѣли. Дядя его архіепископъ былъ человѣкъ недаровитый и лѣнивый; онъ, сдѣлавшись коадьюторомъ, сталъ управлять всѣми дѣлами архіепископства парижскаго. Принадлежа къ аристократіи, онъ велъ образъ жизни большинства тогдашнихъ вельможъ, предавался развлеченіямъ и наслажденіямъ, не стѣсняясь своимъ духовнымъ званіемъ. Противникомъ правительства онъ сталъ не столько по враждѣ къ деспотизму, сколько по досадѣ на то, что регентша не наградила его такъ, какъ надѣялся онъ, за услуги его ей въ дѣлѣ примиренія съ парижанами послѣ бѣгства ея въ Рюэль. Онъ самъ рассказываетъ, что хотѣлъ сдѣлать вождемъ оппозиціи принца Кондэ (какъ назывался теперь бывший герцогъ Ангенскій, сдѣлавшись по смерти отца главою фамиліи). Но принцъ не обольстился его убѣжденіями. Младшій братъ принца Кондэ, принцъ Конти, и сестра ихъ, герцогиня Лонгвилль, женщина очень красивая, умная, отважная, имѣвшая множество поклонниковъ, перешли на сторону фронды.

Результаты интригъ коадьютора и его сообщниковъ скоро обнаружались. Палаты парижскаго парламента возобновили протесты противъ финансовыхъ эдиктовъ и распоряженій. Парижскій городской совѣтъ и масса городского населенія увлеклись оппозиціонными рѣчами Гонди; на улицахъ начались волненія; парижане требовали,

чтобы къ Мазарини примѣненъ былъ законъ, воспрещавшій иноземцамъ вмѣшиваться въ управленіе Франціей. Анна стала опасаться за себя и за сына; въ глубокой тайнѣ составленъ былъ планъ перенести дворъ въ Сень-Жерменъ. При содѣйствіи герцога Орлеанскаго и принца Кондэ, онъ былъ исполненъ въ ночь передъ крещеніемъ (6 января 1649). Отъѣздъ походилъ на бѣгство. По удаленіи двора изъ Парижа волненіе тамъ усилилось. Парижскій парламентъ не послушался порицанія, присланнаго ему регентшей, объявилъ Мазарини врагомъ короля и государства, постановилъ смертный приговоръ ему, конфисковалъ его имущество и доходы, взялъ въ свое завѣдываніе кассы казначейства, сборъ налоговъ. Парижане вооружились для защиты города отъ королевскихъ войскъ, которыя собралъ противъ него принцъ Кондэ. Инсургентами руководили коадьюторъ и принцы, принявшіе сторону парижскаго парламента. Герцогиня Лонгвилль, находившаяся въ послѣднемъ періодѣ беременности, поселилась въ парижской ратушѣ; герцоги Бульонскій, Бофоръ, Эльбѣфъ, Лонгвилль, принцъ Конти, виконтъ Тюреннъ поклялись защищать парламентъ и парижскій народъ противъ тиранніи Мазарини; парламентъ былъ ободренъ усердіемъ этихъ союзниковъ. Противникомъ Мазарини сталъ и первый президентъ парламента, Матье Молé, пользовавшійся большимъ уваженіемъ за юридическую ученость, политическую проницательность и твердый характеръ. Вельможи и вліятельные члены парламента собирались на совѣщаніе въ ратушѣ.

Два мѣсяца длилась междоусобная война подъ стѣнами Парижа; вооруженныя столкновенія ограничивались мелкими схватками; но окрестности Парижа были опустошены, торговля сношенія его прерваны королевскими войсками. Парижане стали тяготиться войной, въ особенности послѣ того какъ принцъ Кондэ, одержавъ 8 февраля (1649 года) побѣду при нападеніи на Шарантонъ, овладѣлъ путемъ по Сень и отрѣзалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ по рѣкѣ въ Парижъ. Парламентъ и городской совѣтъ стали желать мира; въ нихъ получили преобладаніе люди, говорившіе, что противники двора превышали свои законныя права, принуждая королеву дать отставку министру, пользующемуся ея довѣріемъ. Дворъ, жившій въ Сень-Жерменѣ, также склонился къ миру, въ особенности потому, что испугался переговоровъ вождей возстанія съ брюссельскимъ правительствомъ. Такимъ образомъ были назначены въ замкѣ Рюэлъ конференціи между правительствомъ и уполномоченными парижскихъ парламента и городского совѣта; они начались 11 марта. Принцы, начальствовавшіе инсургентами, и Кoadьюторъ не допустили Мазарини къ участию въ этихъ переговорахъ, требовали его удаленія, возбуждали парижанъ противъ Молé и другихъ людей, соглашавшихся на уступки, но были несогласны между собою. Бофоръ и его друзья, которыхъ въ насмѣшку называли важными людьми (Impro-

tans), хотѣли низвергнуть Мазарини только для того, чтобы получить управленіе государствомъ. Гонди хотѣлъ замѣнить абсолютизмъ законнымъ порядкомъ, ограничить произволъ правительства контролемъ парламента и государственнаго сейма, по крайней мѣрѣ самъ онъ говоритъ это; но ему не довѣряли, считая его интригантомъ. Ходъ дѣлъ въ Англіи показывалъ правительству, что упрямство опасно: черезъ день послѣ побѣды Кондэ подъ Шарантономъ былъ казненъ Карлъ I (30 января по старому стилю, котораго еще держались тогда въ Англіи, по принятому во Франціи новому стилю 9 февраля). Мазарини отказался отъ прежняго своего требованія, чтобы до совершеннолѣтія короля, то есть въ продолженіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ, не происходило общихъ засѣданій палатъ парижскаго парламента, ограничился требованіемъ этого только на текущій годъ. Парламентъ отмѣнилъ свои постановленія противъ Мазарини и другія рѣшенія, принятыя послѣ удаленія двора изъ Парижа. Соглашеніе, заключенное на этихъ условіяхъ, было дурно принято парижанами, вожди фронды отвергали договоръ, заключенный безъ ихъ участія и оставившій Мазарини правителемъ Франціи. Толпы народа встрѣтили угрозами Молé, при его возвращеніи изъ Рюэля въ Парижъ. Но онъ мужественно шелъ по улицамъ подъ негодующими криками массы. Вожди фронды успокоились, узнавъ, что королева расположена дать имъ амнистію, утвердить декларацію 24 октября и удовлетворить ихъ личнымъ притязаніямъ.

Миръ былъ восстановленъ внѣшнимъ образомъ, дворъ возвратился въ Парижъ; но оппозиція примирилась съ нимъ только по чувству своего безсилія и скоро ободрилась, стала думать о возобновленіи борьбы. Война съ Испаніей продолжалась, но при непрочности своего положенія правительство не могло вести ее успѣшно; мѣшало этому и то, что лучшіе полководцы, Кондэ и Тюреннъ, принадлежали къ партіямъ, враждовавшимъ между собой и оба заняты были внутренней борьбою. Французы не могли взять Камбрé. Неудача этого плана Мазарини радовала и французскихъ его противниковъ, какъ испанскихъ. Кондэ былъ теперь во враждѣ съ нимъ. Отецъ этого великаго полководца получившій, какъ мы говорили, очень большія выгоды за поддержку Ришельё, умирая въ 1646 году, оставилъ своей фамилии громадныя богатства и, перешедшія по наслѣдству къ старшему сыну, очень высокія должности. Сначала казалось, что этотъ сынъ будетъ держать себя относительно Мазарини, какъ отецъ держалъ себя относительно Ришельё: онъ принялъ сторону двора противъ Парижа, побѣдилъ фронду; королева и Мазарини дали ему такое участіе въ дѣлахъ, что онъ сталъ, можно сказать, участникомъ во власти регентши, но не могли удовлетворить его властолюбія; чѣмъ больше уступокъ дѣлали они его требованіямъ, тѣмъ сильнѣе разгоралась въ немъ жажда господствовать; онъ хотѣлъ, чтобы все

дѣлалось по его волѣ, хвалился, что собственно ему король обязанъ возвращеніемъ въ Парижъ, напоминалъ Мазарини о разницѣ ихъ происхожденія. Мазарини, желая войти въ родственныя связи съ аристократіей, хотѣлъ выдать одну изъ своихъ племянницъ за герцога Меркёра, сына герцога Вандома; Кондэ разстроилъ эту свадьбу. Въ дѣлахъ мира онъ былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ на войнѣ: въ ней онъ былъ отваженъ и съ тѣмъ вмѣстѣ хладнокровенъ, твердъ, хорошо обращался съ подчиненными, былъ ласковъ съ солдатами, заботливъ о нихъ. Ранке говоритъ: «На полѣ сраженія, онъ, стройный мужчина съ орлинымъ взлядомъ, хладнокровный подъ свистомъ пуль, среди падающихъ близъ него ядеръ, казался «богомъ войны». Но въ политическихъ дѣлахъ онъ былъ непроницателенъ, неискусенъ и высокомеренъ. Современники говорили, что онъ лучше умѣетъ покорять крѣпости, чѣмъ сердца. Какъ первый принцъ крови, онъ считалъ себя призваннымъ играть первую роль въ управленіи государствомъ, держалъ себя надменно, не терпѣлъ противорѣчій. Будучи врагомъ гражданской свободы, онъ хотѣлъ поддерживать абсолютизмъ, но лишь подъ условіемъ господствовать надъ регентшею.

Анна стала тяготиться высокомеріемъ Кондэ, спрашивала Мазарини какъ избавиться ей отъ угнетающей власти честолюбиваго принца; Мазарини посоветовалъ ей перессорить противниковъ двора, примириться съ вождями фронды, обуздать при ихъ содѣйствіи честолюбіе Кондэ. Анна согласилась арестовать Кондэ, какъ предложилъ ей Мазарини. По ненависти къ надменному принцу она подавила въ себѣ неприязнь къ вождямъ фронды, пригласила Гонди на тайные переговоры съ нею во дворецъ. Герцогиня Шеврёзъ снова стала ея любимцей, сдѣлалась посредницей въ сношеніяхъ съ членами фронды и была рада, что можетъ удовлетворить своей враждѣ къ герцогинѣ Лонгвилль. Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ того, какъ Кондэ провожалъ дворъ, уѣзжавшій ночью въ Сентъ-Жерменъ, онъ въ засѣданіи королевскаго совѣта въ Пале-Рояль, 18 января 1650, былъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ принцемъ Конти и мужемъ сестры, герцогомъ Лонгвиллемъ, арестованъ и отвезенъ въ Венсенскій замокъ. Регентша и Мазарини хотѣли также арестовать герцога Бульонскаго, Марсильяка, герцога Ларошфуко и другихъ приверженцевъ принца Кондэ, но они успѣли бѣжать. Парижъ остался спокоенъ; вечеромъ была даже сдѣлана иллюминація, и народъ выражалъ криками одобреніе правительству за арестованіе Кондэ; парижане, не прощали ему опустошеніе своихъ городскихъ домовъ и садовъ въ прошломъ году и, видя коадьютора, своего любимца, на сторонѣ правительства, были расположены къ регентшѣ.

Кондэ упрекалъ членовъ фронды за ихъ сношенія съ испанцами; теперь его друзья сами вошли въ сношенія съ ними. Сестра Кондэ,

герцогиня Лонгвилль, походившая на него властолюбиемъ, бѣжала въ Лотарингію и сдѣлала крѣпость Стенé (стоявшую на Маасѣ) центромъ приготовленій къ вторженію во Францію; она призвала къ себѣ Тюренна; онъ собиралъ войско; она просила помощи у брюссельскаго правительства, оно послѣ нѣкотораго колебанія заключило съ нею и Тюренномъ договоръ, обѣщаясь содѣйствовать освобожденію арестованныхъ принцевъ. Герцогиня и Тюреннъ общались помогать испанцамъ въ полученіи прочнаго мира на справедливыхъ условіяхъ. Дѣйствительно война съ Испаніей прекратилась бы, если бы Мазарини былъ низвергнутъ и власть перешла въ руки Кондэ. — Жена Кондэ съ маленькимъ сыномъ и герцогами Бульонскимъ и Ларошфуко уѣхала въ Бордо, вступила въ переговоры съ мадридскимъ дворомъ. Городъ Бордо уже давно находился въ ссорѣ съ правителемъ Гіэни, герцогомъ Эпернономъ, потому охотно далъ пріютъ врагамъ Мазарини, покровительствовавшего Эпернону. Мадридское правительство обѣщалось помогать возстанію во Франціи, какъ Ришельё помогалъ возстаніямъ въ Каталоніи и Португаліи. Казалось, что французскому правительству предстоитъ очень тяжелая борьба. Но вожди возстанія не имѣли твердыхъ принциповъ, французскій народъ желалъ спокойствія. Правда, онъ былъ недоволенъ Мазарини, и жители Бордо, подъ защиту которыхъ принцесса Кондэ отдала своего сына, единственнаго принца крови, спасеннаго отъ рукъ иноземца, правившаго Франціей, симпатизировали благородной женщинѣ. Во всей южной Франціи выказывалось сочувствіе ей; 8 іюля прибыло въ Бордо испанское посольство. Но Мазарини съ королевой и королевемъ-ребенкомъ пріѣхалъ къ войску, шедшему на Бордо. Оно приближалось къ городу, угрожало осадой ему, и разсудительная часть гражданъ склонила массу населенія къ миру. По соглашенію, заключенному 1 октября, регентша обѣщалась отнять у Эпернона должность правителя Гіэни, предоставила принцессѣ Кондэ съ ея сыномъ право жить въ одномъ изъ ея имѣній, а городъ Бордо обѣщался повиноваться королю. Подавивъ возстаніе на югѣ, Мазарини обратилъ силы правительства на предотвращеніе опасности, угрожавшей съ сѣвера; тамъ испанскія войска, заняли крѣпость Стенé; отрядъ королевскихъ войскъ удержался только въ цитадели. Тюреннъ съ войскомъ (впрочемъ небольшимъ) вступилъ въ Шампань, хотѣлъ идти къ Парижу, овладѣть Венсенномъ, чтобы освободить арестованныхъ принцевъ. Мазарини велѣлъ перевезти ихъ изъ Венсенна въ замокъ Маркусси, оттуда въ Гавръ и поѣхалъ къ королевскому войску, шедшему противъ Тюренна подъ начальствомъ Дюплесси, хорошаго генерала; отнялъ у испанцевъ взятый ими городъ Ретель и разбилъ Тюренна, пытавшагося помѣшать этому.

Успѣхи Мазарини возбуждали опасеніе въ парижанахъ, и межъ тѣмъ какъ онъ находился при войскахъ, въ Парижѣ составила новая оппо-

зиція противъ него; она была сильнѣе прежнихъ. Вожди фронды нѣкоторое время помогали Мазарини, рассчитывая получить участіе въ управленіи государствомъ; даже парижскій парламентъ не протестовалъ противъ арестованія принцевъ, хотя оно было нарушеніемъ деклараціи 24 октября, обѣщавшей, что не будетъ дѣлаемо произвольныхъ арестовъ. Но вскорѣ послѣ того пробудилась прежняя неприязнь къ Мазарини. Вожди фронды увидѣли себя обманутыми. Мать принца Кондэ убѣждала ихъ вступить въ союзъ съ парижскимъ парламентомъ; ей помогали въ этомъ дѣлѣ герцогиня Шверрёзъ и пфальцграфиня Анна Гонзага, дочь герцога мантуанскаго и неверскаго. Ларошфуко, по личной враждѣ противъ коадьютора долго остававшійся на сторонѣ Мазарини, присоединился наконецъ къ союзу другихъ вождей фронды съ парламентомъ. Коалиція рѣшила освободить принца Кондэ, требовать, чтобы регентша руководилась его совѣтами; соучастники коалиціи распредѣлили между собою высшія должности. Молé, первый президентъ парижскаго парламента, сказалъ на торжественной аудіенціи 20 января (1651 года) рѣчь, которой сильно оскорбилась королева. Онъ говорилъ, что принцы крови — совѣтники короля по праву рожденія, что они опоры престола, что ихъ арестованіе нарушаетъ справедливость, положительный законъ и формально установленное соглашеніе. Смущеніе регентши увеличилось, когда она узнала, что герцога Орлеанскій, неизмѣнно поддерживавшій ее, перешелъ на сторону ея противниковъ. Жена его Маргарета, принцесса лотарингская, была дружна съ матерью, женою и сестрою принца Кондэ и возбудила въ немъ вражду къ Мазарини; онъ объявилъ, что не будетъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, пока председателемъ его остается Мазарини.

Анна не хотѣла удалить Мазарини; она думала, что Карлъ I лишился короны и жизни, потому что имѣлъ малодушіе выдать Стрэффорда его противникамъ, и не хотѣла дѣлать такой же ошибки; желая выиграть время, она отвѣчала парламенту (3 февраля), что освободить арестованныхъ принцевъ, когда герцогиня Лонгвилль и Тюреннъ откажутся отъ союза съ Испаніей и положить оружіе. Но волненіе распространилось въ парижскомъ народѣ, парламентъ чувствовалъ свою силу и требовалъ удаленія Мазарини. Отовсюду присылались правительству адреса въ томъ же смыслѣ; въ памфлетахъ, ходившихъ по рукамъ или наклеиваемыхъ на стѣны, имя Мазарини предавалось проклятію и презрѣнію. Регентша и самъ Мазарини нашли, что должно покориться стремленію массы народа. Въ ночь съ 6 на 7-е февраля (1651 года) Мазарини уѣхалъ изъ Парижа, проѣхавъ въ Гавръ, самъ объявилъ арестованнымъ принцамъ, что они освобождаются, и уѣхалъ въ Кельнъ къ своему другу курфирсту Максимилиану Генриху (принцу баварской династіи), который принялъ его съ почетомъ, устроилъ для него роскошную обстановку въ своемъ

загородномъ дворцѣ Брюлѣ. — Парижскій парламентъ въ сильныхъ выраженіяхъ объявилъ Мазарини изгнаннымъ изъ Франціи, назначилъ слѣдствіе о его дѣйствіяхъ по управленію государствомъ, наложилъ секвестръ на его дворецъ со всеми собранными тамъ сокровищами искусства и науки. Черезъ нѣсколько дней принцы и друзья ихъ возвратились въ Парижъ. Народъ отпраздновалъ ихъ возвращеніе иллюминаціей, какъ за годъ передъ тѣмъ ихъ арестъ.

Неизмѣнное расположеніе королевы къ Мазарини не было уменьшено разлукой; онъ, будучи за границей, продолжалъ править государствомъ, присылая совѣты королевѣ; она неутомимо хлопотала въ пользу его возвращенія. Любовь ея къ нему выказывалась такъ открыто, что ихъ считали повѣнчанными. Когда этотъ слухъ былъ переданъ королевѣ, она, улынувшись, сказала, что страсть Мазарини не волокитство. Она была убѣждена въ его преданности, не имѣла довѣрія ни къ кому, кромѣ него. Все были увѣрены, что она продолжаетъ слѣдовать совѣтамъ Мазарини. Тѣлохранители принца Орлеанскаго стерегли ея дворецъ, чтобы она не бѣжала съ королемъ къ Мазарини. Однажды она даже была принуждена ввести нѣсколько тѣлохранителей во внутренніе покои, чтобы они убѣдились, что король тутъ, не усланъ ею за границу. Казалось, что погибнетъ все, сдѣланное Ришельё и Мазарини для расширенія королевской власти. Изъ всей Франціи съѣхались вельможи и дворяне подать королевѣ адресъ о томъ, чтобы она объявила Мазарини изгнаннымъ. Достигнувъ этого, они собирались на совѣщанія о реформахъ для обезпеченія своихъ правъ. Духовенство, также собравшееся для совѣщаній, перешло отъ религіозныхъ вопросовъ къ политическимъ и своимъ сословнымъ. Дворянство и оно просили регентшу созвать государственный сеймъ. Кондэ и герцога Орлеанскій не отважились безусловно отвергать это требованіе, хотя оно было непрямо имъ. Они не довѣряли одинъ другому, соперничали между собою; каждый опасаясь, что его соперникъ будетъ искать расположенія народа для захвата власти. Парижскій парламентъ не желалъ созванія государственнаго сейма, предпочиталъ участіе въ управленіи государствомъ подчиненію рѣшеніямъ сейма. Гордый принцъ Кондэ, его сестра и родственники не могли быть друзьями вождей фронды, одобрявшихъ арестъ его. Такимъ образомъ, разныя партіи, составившія коалицію противъ Мазарини, скоро перессорились между собой. Подъ вліяніемъ Гонди, герцога Орлеанскій перешелъ на сторону вождей фронды, враждебныхъ принцу Кондэ. Положеніе дѣлъ скоро стало подобнымъ тому, какое было до арестованія принцевъ. Королева больше прежняго досадовала на высокомернаго Кондэ; появлялись памфлеты, обвинявшіе его въ замыслѣ овладѣть правленіемъ, держать молодого короля подъ своей опекой, присвоить себѣ управленіе Гиённо и Провансомъ и, при содѣйствіи своихъ приверженцевъ въ Лангедокѣ, за-

падной Франціи, въ другихъ областяхъ, при помощи испанцевъ, стать владыкой государства, какимъ былъ при Генрихѣ III герцогъ Гизъ. Кондэ опасался, что правительство арестуетъ его или подошлетъ людей убить его, удалился въ свой замокъ Сентъ-Моръ и объявилъ, что не будетъ присутствовать въ засѣданіяхъ королевскаго совѣта, пока не будутъ отставлены тѣ члены его, черезъ которыхъ Мазарини управляетъ Франціей. Приѣзжая въ Парижъ, онъ затмевалъ блескъ двора многолюдствомъ своей свиты, великолѣпіемъ кареты. Регентша не могла вынести такого высокомерія и снова сблизилась съ вождями фронды, пригласила коадьютора на тайную аудіенцію, заключила договоръ съ нимъ и его партіей, обѣщала удовлетворить ихъ желаніямъ, получила взаменъ отъ нихъ обѣщаніе не противиться возвращенію Мазарини. Это дало новый оборотъ ходу дѣла. Парижскій парламентъ, не хотѣвшій отмѣнить своего декрета объ изгнаніи Мазарини, лишился прежнихъ союзниковъ. Партія Кондэ, сообщники Реса и парламентъ боролись между собой; это ослабило всѣхъ ихъ, доставило королевской власти побѣду. Вражда ихъ между собою едва не привела къ кровопролитію въ самомъ дворцѣ парламента: 21 августа Кондэ съ вооруженной свитой явился туда оправдываться противъ обвиненій королевы, а Кoadьюторъ соединился противъ него съ королевскими войсками.

2. Правленіе Мазарини по объявленіи короля совершеннолѣтнимъ.

Вскорѣ послѣ грозныхъ сценъ 21 августа Людовикъ XIV, которому 5 сентября исполнилось тринадцать лѣтъ, былъ въ торжественномъ засѣданіи парламента 7 сентября объявленъ совершеннолѣтнимъ сообразно закону, установлявшему для короля возрастомъ совершеннолѣтія тринадцать лѣтъ. Это избавило королеву отъ надобности давать участіе во власти ближайшимъ родственникамъ ея сына, герцогу Орлеанскому и принцу Кондэ. Она немедленно удалила изъ королевскаго совѣта Шавини и другихъ приверженцевъ принца Кондэ, замѣстила ихъ людьми взятыми изъ фронды и парижскаго парламента: Шатонёфъ сталъ руководителемъ королевскаго совѣта, Молé хранителемъ печати. Это былъ рѣшительный разрывъ правительства съ Кондэ, не скрывавшимъ своего негодованія и не захотѣвшимъ присутствовать при объявленіи короля совершеннолѣтнимъ. Принцу былъ теперь одинъ выборъ: смириться или взяться за оружіе. Герцогъ Лонгвилль, герцогъ Нарошшфуко, нѣкоторые другіе родственники и приверженцы отклоняли его отъ возстанія; но онъ рассчитывалъ на многочисленность своихъ приверженцевъ между вельможами и на-

чальниками войска, былъ увѣренъ, что герцогъ лотарингскій будетъ помогать ему, что Гіанъ приметъ его сторону, что присоединятся къ нему всѣ противники абсолютизма, что пришлютъ ему войско испанцы, съ которыми онъ условился заключить миръ, когда получитъ власть. Онъ надѣялся даже на помощь гугенотовъ и Кромвеля: французскіе реформаты помнили, что его предокъ былъ ихъ вождемъ. Кромвель отправилъ въ Гіанъ посла всмотрѣться въ положеніе дѣла. Кондэ приѣхалъ въ Бордо, обнародовалъ воззваніе, приглашавшее всѣхъ помогать ему; Ла Тремуль, Лафорсъ, Марсенъ Доньйонъ, многіе другіе вельможи и генералы повели къ нему свои отряды. Королевская прокламація 8 октября объявила Кондэ и его помощниковъ бунтовщиками. Масса дворянства и горожанъ осталась бы на сторонѣ правительства и возстаніе было бы легко подавлено, если бы королева не испортила своего дѣла, пригласивъ Мазарини возвратиться. Народъ ненавидѣлъ Мазарини; сама королева утвердила декретъ парижскаго парламента, объявившій его преступникомъ, врагомъ государства, а теперь разнеслась молва, что онъ собираетъ войско, хочетъ идти съ нимъ во Францію. Парижъ взволновался. Парламентъ 29 декабря назначилъ цѣну за голову Мазарини, объявилъ, что эта награда тому, кто убьетъ его, будетъ дана изъ денегъ, которыя получатся отъ продажи его библиотеки. Герцогъ Орлеанскій поддался совѣтамъ своей энергической дочери, Мадемуазель Монпансье (какъ обыкновенно называли ее), перешелъ на сторону оппозиціи, надѣясь при помощи испанцевъ возвратить своему родственнику, герцогу лотарингскому Карлу, государство, отнятое французами. Мазарини 30 января (1652 года) привелъ собранное въ Германіи войско въ Пуатье, гдѣ находился дворъ, былъ принятъ съ величайшими почестями и, хотя приговоръ противъ него оставался неотмѣненъ, формально принялъ въ свои руки управленіе государствомъ; даже Молé, бывшій противникъ его, повиновался ему.

Но дѣла принца Кондэ были тогда въ блестящемъ положеніи. Принявъ мѣры для обороны Гіани, онъ пошелъ къ Луарѣ на соединеніе съ лотарингскими и испанскими войсками, которыя вели къ нему изъ Камбрé Карлъ Немурскій, принцъ савойско-лотарингской династіи, и эрцгерцогъ Леопольдъ Вильгельмъ. Парижъ, взволнованный рѣчами и памфлетами демагоговъ, объявилъ себя за Кондэ и другихъ принцевъ, принявшихъ его сторону, заперъ ворота отъ королевскихъ войскъ. Но Мазарини не оробѣлъ, полагаясь на преданность арміи, имѣя полководца, способнаго бороться съ Кондэ: онъ успѣлъ отвлечь отъ Кондэ Тюренна, поручилъ ему командованіе королевскими войсками. Братъ Тюренна, герцогъ Бульйонскій также перешелъ на сторону двора. Походъ Кондэ на Луару съ небольшимъ отрядомъ былъ исполненъ мастерскимъ образомъ; внезапное появленіе принца въ лагерь, гдѣ стояли главныя силы инсургентовъ, одушевило ихъ от-

вагой: они надѣялись, что онъ быстро восторжествуетъ, разобьетъ королевское войско, захватить въ свою власть королеву и короля, будетъ отъ имени короля править государствомъ. Успѣхъ не соотвѣтствовалъ надеждѣ: правда, быстрымъ движеніемъ Кондэ произвелъ нападеніе на часть королевской арміи у Блено, разбилъ ее (7 апрѣля); но Тюреннъ съ главными силами удержался въ своей позиціи у Монтаржи; Кондэ прекратилъ атаки на это войско и быстро пошелъ къ Парижу, гдѣ отважная дочь герцога Орлеанскаго призвала гражданъ къ оружію противъ Мазарини. Парижскій парламентъ не выказалъ расположенія принцу, поднявшему междоусобную войну и вступившему въ союзъ съ испанцами; но парижскіе простолюдины были за него. Театромъ военныхъ дѣйствій стали окрестности Парижа. Въ городѣ начались сцены, напоминавшія времена Лиги. Бофоръ, сдѣлавшійся демагогомъ, угрожалъ людямъ, оставшимся вѣрными двору; опираясь на буйную толпу черни, онъ принуждалъ парламентъ и защищавшихъ его зажиточныхъ гражданъ помогать инсургентамъ.

Борьба партій, сопровождаемая изрѣдка схватками войскъ, длилась нѣсколько мѣсяцевъ. Принцъ Кондэ, всегда побѣждавшій иноземныхъ враговъ, имѣлъ мало успѣховъ противъ королевской арміи. При Этампѣ (Etampes) Тюреннъ нанесъ тяжелыя потери его французско-нидерландскимъ войскамъ; а когда онъ, ослабленный удаленіемъ герцога лотарингскаго, помирившася съ французскимъ дворомъ, хотѣлъ занять крѣпкую позицію у Шарантона, королевская кавалерія стала тѣснить его такъ, что онъ принужденъ былъ отступить въ Сентъ-антуанское предмѣстѣе. По приказанію двора, перѣхавшаго въ Сентъ-Жерменъ, Тюреннъ долженъ былъ напасть на противника, прежде чѣмъ онъ успѣетъ упрочить свое положеніе въ Парижѣ и такимъ образомъ произошло 2 іюля (1652 года) знаменитое сраженіе въ Сентъ-антуанскомъ предмѣстѣе. Принцъ выказалъ въ этой битвѣ геройскую храбрость: ужасно было смотрѣть на него, когда онъ, покрытый пылью и кровью, бросился съ двумя пистолетами въ рукахъ противъ подвигавшагося впередъ побѣдоноснаго непріятеля. Другъ его Ларошфуко упалъ подлѣ него тяжело раненный; онъ казался погибшимъ; но мадемуазель Монпансье, горячо расположенная къ нему, выпросила у своего отца и парижскаго городского совѣта приказаніе отворить ворота города отступающимъ и сама велѣла стрѣлять изъ пушекъ Бастиліи въ королевское войско; подъ защитой этого огня войско Кондэ отступило въ самый городъ и Кондэ послалъ испанскимъ войскамъ просьбу скорѣе идти къ Парижу. Молодой король смотрѣлъ на сраженіе съ Шаронскихъ высотъ, а мать его молилась въ церкви о побѣдѣ.

Такимъ образомъ Парижъ перешелъ подъ власть инсургентовъ, хотя городское управленіе и парламентъ вовсе не желали такъ рѣ-

шительно становиться на сторону противниковъ двора. Кондэ начальствовалъ войсками въ Парижѣ, герцогъ Орлеанскій былъ верховнымъ правителемъ по своему сану общаго королевскаго намѣстника (*lieutenant général*); Брюссель управлялъ городскими дѣлами, будучи купеческимъ старшиною (*prévôt des marchands*, городскимъ головою); Бофоръ, назначенный губернаторомъ Парижа, раздражилъ народъ противъ Мазарини такъ, что этотъ правитель навсегда остался ненавистенъ парижскимъ простолюдинамъ. Городскія власти, парламентъ и принцы соединились въ общихъ засѣданіяхъ въ парижской ратушѣ (*Hôtel de ville*). Парижскія ренты, какъ называлась тогда главная часть суммъ, назначенныхъ для платежей по государственнымъ долгамъ, и доходы города Парижа перешли въ распоряженіе правительства инсургентовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ длилось въ Парижѣ положеніе дѣлъ, какое было во времена Лиги, но такихъ безпорядковъ и насилій, какъ тогда, не было теперь. Инсургенты не могли одолѣть королевское правительство, потому что были несогласны между собой, не имѣли общей политической программы, а масса народа была лишена политическихъ стремленій. Принцъ Кондэ не имѣлъ демагогическихъ талантовъ, которыми нѣкогда приобрѣли преданность народа герцоги Гизы. Онъ былъ исключительно военный человѣкъ, презиралъ горожанъ, не раздѣлялъ понятій членовъ городского совѣта, думавшихъ побѣдить абсолютизмъ не оружіемъ, а ссылками на законы. Герцогъ Орлеанскій былъ человѣкъ безхарактерный, неспособный твердо держаться какого бы то ни было рѣшенія. Бофоръ, котораго любили простолюдины, имѣлъ вліяніе только на нихъ. Высшій и средній классы городского сословія мало по малу прониклись роялизмомъ, вошли въ сношенія съ дворомъ, жившимъ, какъ мы говорили, въ Сентъ-Жерменѣ; ихъ уполномоченные условились тамъ съ королевскимъ правительствомъ относительно плана военныхъ дѣйствій. Мазарини согласился удалиться отъ двора и отправился въ Реймсъ, оттуда въ Седанъ; онъ продолжалъ непрерывныя сношенія съ дворомъ, какъ прежде, когда жилъ въ Брюлѣ; но парижскіе роялисты могли хвалиться, что дворъ по любви къ народу сдѣлалъ великую уступку, удалилъ Мазарини, и вражда народа къ королевскому правительству ослабѣла. По совѣту Мазарини король обѣщалъ амнистію всемъ, кто возвратится къ покорности, и число желающихъ примиренія увеличилось въ Парижѣ. Они стали носить отличительный знакъ, чтобъ узнавать другъ друга. При выборахъ въ городской совѣтъ они стали дѣйствовать заодно, отказались платить налоги правительству инсургентовъ, уговаривали другихъ не платить. Сношенія Кондэ съ испанцами, національными врагами, отклоняли отъ него патріотовъ.

Результаты всего этого скоро обнаружилились. Король велѣлъ парижскому парламенту перенести засѣданія въ Понтуазъ, и большинство

членовъ уѣхало туда. Испанское войско, при помощи котораго Кондэ надѣялся оттѣснить королевскую армію, осаждавшую Парижъ, не могло дойти до него. Парижскіе граждане, невыносимо страдавшие отъ войны, послали въ Сень-Жерменъ депутацію просить короля, чтобъ онъ возвратился въ столицу. Кондэ нашелъ небезопаснымъ для себя оставаться въ Парижѣ и 14 октября удалился изъ него, сказавъ, что городъ не скоро получитъ миръ, котораго желаетъ. Къ уходившему Кондэ присоединился герцогъ лотарингскій, безпрестанно мѣнявшій свои мысли. Они пошли къ испанскимъ Нидерландамъ на соединеніе съ испанскимъ войскомъ. — Дворъ нашелъ возможнымъ возвратиться въ Парижъ. Зажиточныя сословія гражданъ радостно встрѣтили короля, вступившаго съ своею гвардіей въ столицу 21 октября. Людовикъ ѣхалъ верхомъ впереди своей военной свиты, проѣхалъ въ Лувръ. Герцогъ Орлеанскій прислалъ ему ключи люксамбургскаго дворца, въ которомъ засѣдало прежнее правительство, и безъ возраженій повиновался приказанію удалиться изъ Парижа, жить въ Блуа. Бофоръ и другіе вожди фронды заблаговременно покорились и были прощены. Только коадьюторъ, не задолго передъ тѣмъ получившій кардинальскую шапку и продолжавшій демагогическія интриги въ надеждѣ на неприкосновенность по высокому церковному сану, казался опасенъ; потому когда онъ (19 декабря) пріѣхалъ въ Лувръ заявить свою преданность королю, его арестовали и отвезли въ Венсенскій замокъ.

Въ началѣ слѣдующаго года спокойствіе въ Парижѣ казалось упроченнымъ, и дворъ пригласилъ Мазарини возвратиться. Онъ вѣхалъ (3 февраля 1653) въ столицу какъ триумфаторъ; у воротъ Парижа встрѣтилъ его король съ вельможами и повезъ въ городъ въ собственной каретѣ; ему было возвращено званіе перваго министра. Всѣ видѣли изъ этого, что абсолютизмъ восторжествовалъ надъ сословными и корпоративными властями. Приверженцы Кондэ, получившаго помощь отъ испанцевъ, продолжали нѣкоторое время сопротивляться, особенно въ Гиэни, гдѣ фамилія Кондэ имѣла наибольшее вліяніе. Но принцъ Конти отдѣлился отъ старшаго брата и отъ сестры, герцогини Лонгвилль, женился на одной изъ племянницъ Мазарини; это показывало, что дѣло инсургентовъ считается проиграннымъ на югѣ Франціи. Осенью того (1653) года королевскія войска овладѣли Бордо. Супруга принца Кондэ бѣжала въ Испанію, герцогиня Лонгвилль также удалась за границу.

На сѣверѣ Кондэ долго боролся съ правительствомъ; но при всемъ своемъ мужествѣ и военномъ талантѣ не могъ взять Арра, гарнизонъ котораго геройски выдержалъ осаду, не могъ помѣшать взятію Стенѣ королевскимъ войскомъ. — Не задолго передъ тѣмъ король съ пышностью короновался въ Реймсѣ (7 іюня 1654). — Несогласіе между Кондэ и эрцгерцогомъ Леопольдомъ Вильгельмомъ, правите-

лемъ испанскихъ Нидерландовъ, мѣшало успѣхамъ ихъ армій. Эрцгерцогъ не хотѣлъ признать изгнанника главнокомандующимъ всѣхъ войскъ и скоро былъ принужденъ отступить. Людовикъ XIV, 16 лѣтній юноша, находившійся при своей арміи, ночевалъ черезъ нѣсколько времени въ его прежней квартирѣ. Графъ Аркуръ (Harcourt), происходившій изъ рода Гизовъ, хорошій полководецъ, оказавшій прежде того большія услуги королевскому дѣлу, и бывший теперь губернаторомъ Эльзаса, но поссорившійся съ Мазарини, хотѣлъ отдѣлится отъ Франціи эту область при помощи испанцевъ и австрійцевъ и, сдѣлавшись государемъ ея, стать членомъ нѣмецкой имперіи. Но гарнизонъ крѣпости Филиппсбурга, которую хотѣлъ захватить онъ, остался вѣренъ королю. Аркуру пришлось радоваться, что Мазарини далъ ему сносныя условія примиренія.

Парижскій парламентъ пытался сопротивляться распоряженіямъ правительства; онъ вступился за собственниковъ парижской ренты (государственного долга), когда правительство объявило, что не выдастъ имъ процентовъ за одну изъ четвертей года; постановилъ рѣшеніе, что противузаконенъ штемпельный налогъ, который былъ регистрированъ по личному повелѣнію короля въ такъ называемомъ Lit de justice (королевскомъ засѣданіи, въ которомъ запрещено было членамъ парламента произносить рѣчи); вообще противился самовластнымъ финансовымъ мѣрамъ правительства. Это раздражало дворъ, и 13 апрѣля 1655 произошла такая сцена: Людовикъ XIV пріѣхалъ въ Парижъ съ охоты въ Венсенскомъ паркѣ, вошелъ въ залъ парламента въ охотничьемъ платьѣ со шпорами на сапогахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, съ сѣрой шляпой на головѣ и повелѣлъ исполнять штемпельный эдиктъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Прежніе историки говорили, что онъ сказалъ тогда: «государство—я» (*L'état c'est moi*). Теперь доказано, что они ошибались, вѣря легендѣ, и что это изрѣченіе, ставшее знаменитымъ, вымышлено ею. Но выдумка хорошо характеризуетъ фактъ рѣшительнаго торжества абсолютной монархіи. Во Франціи стало владычествовать ученіе о пассивномъ повиновеніи, о томъ, что народъ, страдая отъ несправедливости государя, не имѣетъ права подымать оружіе противъ него, потому что сопротивленіе повело бы къ бѣдствіямъ, еще худшимъ.

Ресъ не получилъ освобожденія. Когда дядя его умеръ, и кафедральный капитулъ призвалъ его архіепископомъ (какъ и слѣдовало по закону), Мазарини велѣлъ перевезти его изъ Венсенскаго замка въ Нантскую цитадель и принудилъ капитулъ поручить исправленіе архіепископской должности викаріямъ. Ресъ бѣжалъ, уѣхалъ въ Италію, протестовалъ противъ незаконнаго устраненія его отъ должности; духовенство вступалось за него; но Мазарини, продолжавшій ненавидѣть его, не позволялъ ему возвратиться, и онъ отказался отъ архіепископской должности, получивъ вознагражденіе. Въ 1662 году (уже по смерти Мазарини), ему дозволено было возвратиться; онъ умеръ въ 1679.

Не менѣе успѣшна была внѣшняя политика Мазарини. Правда, Тюреннъ и Лафертѣ были (въ іюлѣ 1656) отражены отъ Валансьена принцемъ Кондѣ и новымъ правителемъ испанскихъ Нидерландовъ Дономъ-Хуаномъ (побочнымъ сыномъ Филиппа IV). Но Мазарини приобрѣлъ такое вліяніе на нѣмецкихъ государей, что по смерти Фердинанда III (2 апрѣля 1657) думалъ о возможности доставить Людовику XIV императорскую корону; а когда это оказалось неудобно-исполнимымъ, склонилъ духовныхъ курфирстовъ, пфальцграфа рейнскаго и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ государей заключить съ Франціей и Швеціей такъ называемый рейнскій союзъ для охраненія условій вестфальскаго мира и связать (18 іюля 1658) новаго императора Леопольда такими условіями выбора, что онъ не могъ помогать врагамъ Франціи и въ частности посылать войско испанцамъ въ Нидерланды. Еще важнѣе было то, что Мазарини заключилъ союзъ съ Кромвелемъ (въ мартѣ 1657). Это потребовало большихъ уступокъ: Людовикъ долженъ былъ изгнать Стюартовъ, своихъ родственниковъ, и англійскихъ роялистовъ, бѣжавшихъ во Францію, обязался соблюдать условія мира съ гугенотами и отдать Англіи Дюнкирхенъ, когда онъ будетъ отнятъ у испанцевъ соединенными силами французовъ и англичанъ. За то кромѣ Дюнкирхена (взятаго въ іюлѣ 1658 г. и отданнаго англичанамъ) были завоеваны искусствомъ Тюренна и храбростью англійскаго вспомогательнаго отряда Гравелинге, Уденарде, Ипръ и нѣсколько другихъ городовъ и присоединены къ Франціи. Испанцы стали желать мира; желалъ его и Мазарини, знавшій, что враги его во Франціи многочисленны: клерикалы досадовали на него за то, что онъ уступилъ католическій городъ Дюнкирхенъ протестантамъ англичанамъ; вельможи негодовали, что иностранецъ авантюристъ принуждаетъ быть изгнанникомъ принца Кондѣ, продолжающаго и въ союзѣ съ врагами французскаго правительства блистательно выказывать свои таланты и храбрость; у принца было много могущественныхъ друзей. Мазарини зналъ, что если Кондѣ одержитъ побѣду, они ободраются и открыто перейдутъ на его сторону. Союзъ съ Кромвелемъ былъ непроченъ; англичанамъ не было выгоды увеличивать могущество Франціи, силы которой развивались, помогать ей противъ Испаніи, ослабѣвшей и потому переставшей быть опасной для Англіи. Кромвель вступилъ въ союзъ съ Франціей только потому, что мадридскій кабинетъ не согласился на его требованія вѣротерпимости въ испанскомъ государствѣ и свободы для англичанъ торговать съ американскими владѣніями испанцевъ. Испанскій посланникъ, какъ говорятъ, сказалъ, что требовать такихъ отступленій отъ преданій испанской политики все равно, что требовать обоихъ глазъ его короля. Кромвель сталъ воевать съ Испаніей, но не желалъ, чтобы Франція усиливалась

на счетъ ея.—По всѣмъ этимъ соображеніямъ Мазарини находилъ полезнымъ помириться съ Испаніей.

Смерть Кромвеля (3 сентября 1658) облегчила ему это дѣло. Онъ боялся разсердить Кромвеля отдѣльными переговорами съ мадридскимъ дворомъ, теперь началъ ихъ; онъ уже давно думалъ о томъ, чтобъ установить дружбу между Франціей и Испаніей, женивъ молодого короля на Маріи Терезіи, дочери Филиппа IV. Онъ предпочелъ въ этомъ дѣлѣ государственную выгоду своему интересу. Король былъ влюбленъ въ одну изъ его племянницъ, Марію Манчини, обмѣнивался съ нею страстными письмами, и она считала возможнымъ сдѣлаться супругой короля, хотя мать его твердо противилась этому. Мазарини отослалъ свою племянницу въ Ларошель и объяснилъ Людовику, что Богъ ставитъ королей для попеченій о благѣ подданныхъ, что женитьба на дѣвушкѣ, не принадлежащей къ царствующимъ династіямъ, повредила бы государю во мнѣніи народа, и убѣдилъ молодого человѣка пожертвовать любовью государственному благу. Когда было устранено это препятствіе браку съ испанской принцессой, миръ, котораго горячо желали обѣ націи, былъ заключенъ. На маленькомъ островѣ пограничной рѣчки Бидассои, представлявшемъ нейтральную почву, по неясности вопроса, къ Франціи или къ Испаніи принадлежитъ онъ, былъ заключенъ 7 ноября 1659 кардиналомъ Мазарини и испанскимъ первымъ министромъ дономъ Луисомъ де Гаро миръ, называющійся пиренейскимъ. Франція получила на сѣверѣ область Артуа съ важной крѣпостью Арра, часть Фландріи и Люксембурга съ городами Тіонвиллемъ и Авенонъ (Avesne) и часть Лотарингіи съ нѣсколькими крѣпостями, въ томъ числѣ городомъ Стенѣ. Герцогство лотарингское было возвращено Карлу IV, но онъ согласился, чтобы французы разрушили укрѣпленія его столицы Нанси, и обязался не возстановлять ихъ. На югѣ остались за Франціей Руссильонъ и Серданъ и вся земля до гребня Пиренейскаго хребта; на юго-востокѣ осталась за нею крѣпость Пиньероль, бывшая ключемъ пути черезъ ту часть Альповъ въ Италію. Франція обязалась не помогать португальцамъ и возвратитъ принцу Кондѣ его титулы, имѣнья, должности, отдать по прежнему въ его управленіе Бургонь. Въ брачномъ договорѣ было сказано, что Марія Терезія отрекается отъ права наслѣдовать какія бы то ни было земли испанской монархіи; Мазарини долго не соглашался допустить это условіе, но испанцы не хотѣли безъ того заключать миръ. Французамъ удалось однако же внести въ брачный трактатъ оговорку, дававшую возможность возобновить отъ имени Маріи Терезіи или ея потомства притязанія на право престолонаслѣдія въ Испаніи: ея отреченіе отъ этого права было соединено съ условіемъ, что аккуратно въ три назначенные срока будетъ уплачена назначенная въ приданое ей сумма 500,000 золотыхъ экю. Мазарини рассчитывалъ на

неисправность въ уплатѣ; его ожиданіе сбылось, и французская династія приобрѣла предлогъ заявить права на испанскій престолъ по прекращеніи мужской линіи испанской династіи. Бракъ былъ отпразднованъ 9 іюня 1660 въ Сентъ-Жанъ-де-Люзъ, куда пріѣхали и французскій и испанскій дворы.

Пиренейскій миръ былъ завершеніемъ успѣшной политической дѣятельности Мазарини. Прежніе французскіе противники его ужь давно преклонились передъ нимъ. Кондэ, боровшійся съ нимъ десять лѣтъ, просилъ его заступничества передъ королемъ; Бофоръ заявилъ себя приверженцемъ Мазарини и получилъ въ награду за то санъ адмирала. По примѣру принца Конти, женившася на одной изъ племянницъ Мазарини, герцога Меркёръ, младшій сынъ герцога Вандома, женился на другой его племянницѣ. Третья, Олимпія Манчини, вышла за графа Суассонскаго, принца Савойско-карийнъской династіи. (Однимъ изъ ея сыновей былъ великій полководецъ Евгений Савойскій. Она долго находилась въ большой милости у короля, навлекла на себя потомъ неудовольствіе его и удалилась въ Брюссель). На сестрѣ Олимпіи, красавицѣ Гортензій Манчини, хотѣлъ жениться Карлъ II, когда жилъ изгнанныкомъ во Франціи. Онъ думалъ, что приобрѣтетъ этимъ энергическую поддержку Мазарини въ своихъ замыслахъ овладѣть Англіей. Это дѣло разстроилось, и Гортензія вышла за маркиза Ла Мелльере (La Meilleraye); ему и ей Мазарини передалъ по завѣщанію свою фамилію и свой герцогскій титулъ. — Такимъ образомъ дочери сестеръ Мазарини, бывшихъ женами мелкихъ итальянскихъ дворянъ, все были выданы за первыхъ вельможъ Франціи, одна изъ нихъ даже за принца королевской династіи. Мазарини далъ мужьямъ ихъ очень высокія и доходныя должности. Конти былъ сдѣланъ губернаторомъ Лангедока, Меркёръ — Прованса, графъ Суассонскій — Шампани; Ла Мелльере получилъ право стать по смерти своего отца, маршала, преемникомъ его въ должностяхъ губернатора Бретани и гресмейстера артиллеріи. Своего племянника, маркиза Манчини, Мазарини назначилъ наслѣдникомъ своего герцогства неверскаго. Онъ слѣдовалъ примѣру Ришелье и въ заботѣ о возвышеніи родныхъ, и въ собираніи огромнаго богатства, и въ приобретеніи картинъ, статуй, составленіи богатой бібліотеки. Подобно Ришелье онъ жилъ съ царскимъ великолѣпіемъ. Онъ сохранилъ и въ послѣдніе годы жизни прекрасные вьющіеся темные волосы, оставался стройнымъ, красивымъ мужчиной, заботился объ изяществѣ въ одеждѣ. Онъ умѣлъ владѣть собою, сохранять спокойствіе, успокаивать другихъ, привлекать къ себѣ мягкостью, ласковостью обращенія, какъ это дѣлали люди хорошаго тона въ Италіи. Счастье чрезвычайно благопріятствовало Мазарини; онъ восторжествовалъ надъ всѣми противниками, не имѣя надобности прибѣгать къ казнямъ, какъ дѣлалъ Ришелье; никого онъ не послалъ

на эшафотъ во время мятежей. И умеръ онъ въ самую пору: если бы прожилъ дольше, онъ утратилъ бы ее, потому что Людовикъ ужь начиналъ тяготиться имъ, желалъ взять правленіе въ свои руки. Мазарини, вѣроятно, понималъ это: когда сынъ министра Бріенна утѣшалъ его больного словами, что никто во Франціи не желаетъ его смерти, онъ отвѣчалъ: «Есть одинъ человекъ, желающій ея». Онъ умеръ 9 марта 1661 на 60 году жизни, оставивъ колоссальное богатство, великолѣпные дворцы и сады, драгоценныя собранія книгъ и произведеній искусства, любителемъ которыхъ былъ, подобно Ришелье. Библіотеку свою завѣщалъ онъ основанному имъ и получившему отъ него богатые денежныя средства Коллегіуму четырехъ націй, учрежденному для того, чтобы воспитывались тамъ и дѣлались французами сыновья вельможъ и дворянъ тѣхъ областей, которыя были приобретены Франціей по вестфальскому и по пиренейскому трактатамъ.

В. Британнія при первыхъ Стюартахъ и во времена республики.

Литература. Кромѣ трактатовъ, перечисленныхъ нами въ прежнихъ спискахъ, особенно важны для перваго періода владычества Стюартовъ:

1) Изъ старыхъ книгъ: *The Annals of James I and Charles I*, изданы отъ 1612 до 1642 года (London, 1681); — *Wilson*, *History of Great Britain being the Life and Reign of King James I* (London 1653); — *The History of the Rebellion and civil wars in England (from 1641 to 1660) by Edward Hyde Earl of Clarendon* (3 vols., Oxford 1702—1704; есть новыя, болѣе полныя изданія); *Clarendon State Papers* (3 vols., Oxford 1767—1786); — *Whitelock*, *Memorials of the English affairs from the beginning of the reign of Charles I to Charles II his restoration* (London, 1732); — *Rushworth*, *Historical collections from 1618 to 1644* (6 vols., London 1680—1692); — *Thurloe*, *A collection of state papers (1638—1660; 7 vols., London 1742)* — *Memoirs of Ludlow* (Vevay, 1699);

2) Труды новыхъ историковъ и новыя сборники документовъ: *Guizot*, *Collection des mémoires relatifs à l'histoire d'Angleterre* (31 vols., Paris 1823 и слѣд. годы); *ero же Histoire de la République d'Angleterre et de Cromwell* (2 vols., Bruxelles, 1854); *ero же, Monk, Chute de la République etc.* (Bruxelles 1851); *ero же Histoire du protectorat de Richard Cromwell* (1856); — *Carly*, *Memorials of the great civil war* (2 vols., London 1842); — *Vaughan*, *The protectorate of Oliver Cromwell etc.* (2 vols., London, 1839); — *Carlyle*, *Oliver Cromwell* (2 edition, 3 vols., London 1845); — *The Fairfax Correspondence* (2 vols., London 1848); — *Markham*, *A Life of the great Lord Fairfax* (London, 1870); — *Warburton*, *Memoirs of Prince Rupert* (3 vols., London 1849); — *Memoirs of the life of Hutchinson* (London, 1846); — *Forster*, *Historical and biographical essays* (1858); *ero же Statesmen of the Commonwealth* (5 vols., London, 1841—1844); *ero же, John Eliot* (2 edition, 2 vols.,

London 1872);—Langton Sanford Studies of the great rebellion (Lond. 1858);—Cobbet, Parliamentary History (20 vols., Lond. 1803—1811);—Brody, History of the British Empire, 1625—1660 (4 vols. 1822);—Godwin, History of the Commonwealth of England (4 vols., London 1824—1828). Броди и Годуинъ приверженцы республики. Эпоху въ изученіи этого времени составляютъ труды Гардинера: Rawson Gardiner, History of England from the Accession of James I to the disgrace of Coke (2 vols., London, 1863), Prince Charles and the Spanish marriage (2 vols., Lond. 1869); A History of England under Buckingham (2 vols., Lond. 1875); The personal government of Charles I 1628—1637 (2 vols., 1877); и соединеніе этихъ частей труда въ одну книгу, съ продолженіемъ разсказа до 1642 года: History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War (10 vols.);—Waddington, Congregational History 1567—1700 (London 1874);—Barclay, The inner life of Religious societies of the Commonwealth (London 1877);—обзоръ исторіи временъ отъ начала правленія Іакова I до начала правленія Іакова II составляетъ вступленіе въ History of England from the Accession of James II, Мэколе, а въ его Essays находится нѣсколько монографій относящихся къ этому періоду. — Полнѣйшая біографія Мильтона — Masson, The Life of John Milton (7 vols., London, 1859—1880); назовемъ также Stern, John Milton und seine Zeit (2 Teile, Leipzig 1877, 1879).

I. ЦАРСТВОВАНИЕ ІАКОВА I.

1. Національная и религіозная оппозиція. Пороховой заговоръ.

Когда была казнена Марія Стюартъ, заявлявшая права на англійскій престолъ, неизвѣстно было, кто наслѣдуетъ бездѣтной Елизаветѣ. Мы говорили, что сынъ Маріи Іаковъ упрашивалъ Елизавету открыть эту тайну, разсѣять сомнѣнія его и англійской націи; но Елизавета молчала; утверждаютъ, что она, умирая, формально назначила Іакова своимъ преемникомъ; но уже и въ то время сомнѣвались, правда ли это; знали только, что въ кругу приближенныхъ она часто говорила въ этомъ смыслѣ. Іаковъ вступилъ на англійскій престолъ безъ всякихъ затрудненій; вліятельнѣйшіе члены тайнаго совѣта и въ особенности самый сильный изъ нихъ, Робертъ Сесиль, вельможи, католики, англиканцы—все выражали радость, когда въ день смерти Елизаветы (24 марта 1603) герольды провозгласили Іакова Стюарта, короля шотландскаго, королемъ англійскимъ. Арабелла Стюартъ, дочь брата Дэрнли, которую, при жизни Елизаветы, многіе называли наслѣдницей престола, не заявила никакихъ притязаній, и никто не пытался противопоставить ее двоюродному ея брату. Такимъ образомъ переходъ власти къ новому королю совершился спокойно. Іаковъ простился въ Единбургъ съ народомъ, собравшимся въ церковь, и поѣхалъ въ Англію. Его встрѣчали съ выраженіями радости на всемъ пути по этой странѣ, которую назы-

валъ онъ богатымъ Госеномъ. Онъ присоединилъ нѣсколькихъ шотландцевъ къ прежнимъ членамъ тайнаго совѣта, старался приобрести довѣріе всехъ партій, обѣщаясь быть справедливымъ ко всемъ; онъ хотѣлъ соединить все націй своихъ государствъ въ одно политическое и религіозное общество.

Но онъ не имѣлъ нужныхъ для этого качествъ. Національныя и религіозныя различія между англичанами, ирландцами, шотландцами были сильны и прочны, а Іаковъ былъ плохой правитель; онъ не наслѣдовалъ ни ума, ни любезности своей матери, былъ обдѣленъ природой и въ физическомъ и въ умственномъ отношеніяхъ; былъ очень дурень лицомъ, неуклюжъ, имѣлъ пошлыя манеры; съ тупостью ума соединялись въ немъ безграничная надменность и нелѣпное педанство; онъ воображалъ себя ученымъ, и, ломая голову надъ теоріями, не приобрѣлъ опытности въ дѣлахъ, часто забывалъ о нихъ; онъ не уважалъ и не понималъ англійской конституціи. Выросши между фанатичными пресвитеріанскими проповѣдниками Шотландіи, получивъ богословское воспитаніе, онъ воображалъ себя великимъ богословомъ, любилъ вести споры о религіозныхъ вопросахъ, цитируя Библію и блистая, какъ ему казалось, ученостью; онъ не разъ прочелъ громадныя сочиненія знаменитаго католическаго богослова Беллармина, изучалъ отцовъ церкви, акты вселенскихъ соборовъ, но, набивъ себѣ голову школьнымъ хламомъ, былъ только бездарный педантъ, не понимающій и церковныхъ дѣлъ, какъ государственныхъ; онъ имѣлъ самыя высокомѣрныя понятія о своей королевской власти, воображалъ себя представителемъ Бога на землѣ, неограниченнымъ владыкой, доказывалъ это цитатами изъ Вѣтхаго завѣта. Еще до полученія англійской короны онъ написалъ въ этомъ духѣ трактатъ „Истинный законъ свободныхъ монархій“. Наслѣдственную монархію онъ считалъ божественнымъ установленіемъ, повиновеніе священнѣйшей обязанностью подданныхъ, потому ненавидѣлъ пресвитеріанскую церковь, въ которой былъ воспитанъ; онъ называлъ устройство ея непримиримымъ съ монархіей, какъ чортъ съ Богомъ; онъ былъ не расположенъ и къ католичеству, за которое боролась и умерла его мать; но чрезвычайно правилась ему англійская епископальная церковь, признававшая короля источникомъ всякой духовной власти; англиканскіе епископы своею льстивостью упрочили пристрастіе короля къ ней; они называли его вторымъ Соломономъ, а его слова боговдохновенными. Въ декабрѣ 1604. Іаковъ созвалъ въ Гамптонкортъ конвокацію (соборъ) англиканской церкви, пригласивъ и нѣкоторыхъ изъ вліятельнѣйшихъ пуританскихъ священниковъ участвовать въ совѣщаніяхъ. Онъ объявилъ этому собранію, что будетъ поддерживать актъ единообразія (Uniformity) въ богослуженіи. Взявъ на себя предсѣдательство, онъ увѣрялъ, что не дозволитъ никакой перемѣны ни въ вѣроученіи, ни въ

богослуженіи, ни въ управленіи епископальной церкви, объявилъ пуританамъ, что никогда не допуститъ въ Англіи пресвитеріанскаго церковнаго устройства, при которомъ, по его выраженію, Джекъ, Томъ, Уиль, Дикъ, то есть, простолюдины, участвуютъ въ засѣданіяхъ національнаго собора и осмѣливаются порицать распоряженія короля и тайнаго совѣта. Онъ говорилъ: „Нѣтъ епископа, то нѣтъ и короля“. Вскорѣ послѣ гэмптокортской конвокаціи былъ изданъ съ незначительными измѣненіями въ новой редакціи англиканскій служебникъ (Книга общихъ молитвъ) и объявленъ церковнымъ закономъ для всего королевства. Были объявлены законами королевства рѣшенія, принятые гэмптокортскою конвокаціею въ угожденіе королю. Они въ самой рѣзкой формѣ провозглашали неограниченную власть (супрематство) короля надъ церковью. Этимъ началась религіозная борьба, длившаяся до окончательнаго изгнанія Стюартовъ. Іаковъ потребовалъ отъ всѣхъ англійскихъ священниковъ присягу супрематства; отказывавшіеся дать ее были лишены должностей. Въ Шотландіи онъ продолжалъ начатую замѣну пресвитеріанскаго устройства епископальнымъ: далъ тринадцати проповѣдникамъ титулъ епископовъ, велѣлъ англійскимъ епископамъ рукоположить ихъ въ этомъ санѣ, сдѣлалъ ихъ предсѣдателями синодовъ и пресвитерій (областныхъ и окружныхъ церковныхъ управленій). Шотландское духовенство противилось этому; но Іаковъ подавилъ оппозицію, вождемъ которой былъ мужественный Мельвилъ; непокорившіеся пресвитеріанскіе проповѣдники бѣжали за границу и печатали тамъ рѣзкія нападенія на короля. Черезъ нѣсколько времени онъ увеличилъ власть шотландскихъ епископовъ надъ проповѣдниками. Шотландскій парламентъ установилъ законъ, подчинявшій имъ церковь и повѣлѣвавшій, чтобы проповѣдники давали присягу супрематства и присягу повиновенія епископамъ. Дѣло казалось конченнымъ, пресвитеріанство въ Шотландіи подавленнымъ. Іаковъ возстановилъ и санъ архіепископа сентъ-эндрусскаго, бывшаго главою шотландской церкви до введенія реформаціи. Онъ назначилъ архіепископомъ Споттисвуда, автора церковной исторіи Шотландіи, человека кроткаго, но искренно предпочитавшаго епископальное устройство пресвитеріанскому.

Стремленіе Іакова подавить пуританство въ Англіи и его притязанія на неограниченную власть возбудили сопротивленіе англичанъ. Первый парламентъ его, созванный въ мартѣ 1604 г., высказалъ преданность новому королю, безъ всякихъ возраженій призналъ его право на англійскій престолъ, далъ ему по прежнему обычаю пошлину съ бочки и фунта, *tunnage and poundage*, какъ пазывались тогда таможенные пошлины. Но уже видно было, что скоро начнутся споры: притязанія Іакова на неограниченную власть заставляли англичанъ вспомнить о правахъ націи. Пуританство имѣло въ парламентѣ много

послѣдователей. Они заявляли неудовольствіе; парламентъ выказывалъ намѣреніе возстановить тѣ права, какія принадлежали ему при Пантагенетахъ и были нарушаемы Тюдорами. При провѣркѣ правильности выборовъ своихъ членовъ палата общинъ постановила принципъ, что правительство не можетъ устранять отъ засѣданій тѣхъ депутатовъ, которыхъ называетъ выбранными незаконно, что рѣшеніе о законности выборовъ принадлежитъ самой палатѣ. Она выказала неудовольствіе на то, что Іаковъ называлъ себя не просто королемъ англійскимъ, а королемъ великобританскимъ и ирландскимъ, потребовала уничтоженія прокламаціи, въ которой онъ далъ себѣ этотъ титулъ, справедливо казавшійся парламенту выраженіемъ мысли соединить Англію въ одно государство съ Шотландіей, и объявилъ, что короны англійская и шотландская и парламенты этихъ государствъ должны оставаться несоединенными. Лордъ-канцлеръ Бэконъ напрасно отклонялъ парламентъ отъ этого рѣшенія. Верховные англійскіе трибуналы держались того же взгляда, какъ парламентъ.

Внѣшняя политика Іакова вызывала еще больше неудовольствія, чѣмъ внутренняя; онъ объявилъ, что его правленіе будетъ мирное; это значило, что онъ не хочетъ слѣдовать примѣру Елизаветы, подерживавшей протестантовъ въ Нидерландахъ и Франціи. Это возбуждало ропотъ. Правленіе Елизаветы было временами обременительно для націи, но вообще казалось эпохою національной славы, потому Іаковъ навлекъ на себя порицаніе тѣмъ, что поспѣшилъ заключить миръ съ Испаніей, которую англійская нація привыкла считать злѣйшей противницей своей. Помирившись съ нею, Іаковъ покинулъ нидерландцевъ, которыхъ защищала Елизавета, а онъ считалъ бунтовщиками противъ законнаго государя. Морская торговля англичанъ, развитію которой содѣйствовала война, уничтожавшая испанскую торговлю, ослабѣла; прекратилось крейсерство, доставлявшее богатую добычу отважнымъ англійскимъ морякамъ. Союзъ съ Генрихомъ IV разстроился, хотя французскій король прислалъ своего перваго министра, герцога Сюлли, привѣтствовать новаго короля англійскаго, желая дружбы съ нимъ: Генрихъ IV оставался и послѣ вервенскаго мира противникомъ короля испанскаго и ставилъ важнѣйшей цѣлью своей уничтоженіе преобладанія габсбургской династіи; другъ Испаніи не могъ быть союзникомъ его. Притомъ всѣ знали, что одна изъ причинъ, по которымъ Іаковъ заключилъ миръ, — трусость. Онъ не только самъ былъ лишенъ мужества, но и опасался отважныхъ людей. Король, дрожавшій при видѣ обнаженной шпаги, не могъ внушать довѣрія и уваженія народу. Англичане принуждены были бездѣйственно смотрѣть на то, что Голландія пріобрѣтаетъ силой оружія и торговли первостепенное значеніе въ европейскихъ дѣлахъ и что ихъ единовѣрцы въ Германіи, дочь ихъ короля, ограблены и унижены союзниками Іакова, Габсбургами; а Іаковъ радовался тому, что за

свою дружбу получилъ отъ Габсбурговъ признаніе законности своихъ правъ на англійскій престолъ.

Неудовольствіе скоро произвело заговоры, возникъ задачный замыселъ, составителемъ или по крайней мѣрѣ участникомъ котораго былъ знаменитый морякъ и государственный человѣкъ, сэръ Уэльтеръ Роли (Raleigh). Заговорщики, вѣроятно, хотѣли принудить короля удалить Роберта Сесила и принять другую политику; но могло быть, что и дѣйствительно они думали низложить Іакова, возвести на престолъ Арабеллу Стюартъ, какъ обвиняло ихъ правительство. Арабелла была притѣсняема еще Елизаветой, опасавшейся, что женихи этой принцессы имѣютъ замыселъ захватить власть. Королева не дозволяла ей выйти замужъ; она еще и теперь оставалась дѣвушкой. Іаковъ обижалъ ее, она удалилась отъ двора, но жила въ Лондонѣ. Теперь правительство начало процессъ, обвиняя Роли въ томъ, что онъ хочетъ возвести ее на престолъ, называло сообщниками заговора Мэргэма, Брука, лордовъ Кобгэма и Гре (Grey). Процессъ былъ веденъ поспѣшно и безсовѣстно, какъ многіе политическіе процессы того времени. Обвиненные были приговорены къ смертной казни; Брукъ и нѣкоторые другіе были казнены; Гре и Роли, уже возведенные на эшафотъ, были помилованы королемъ, замѣнившимъ для нихъ казнь заключеніемъ въ Тоуэръ; Мэргэмъ былъ изгнанъ изъ государства. Роли оправдывался такъ убѣдительно, что всѣ считали его невиннымъ, но Іаковъ держалъ его 14 лѣтъ въ Тоуэрѣ; онъ занимался тамъ учеными трудами и тамъ написалъ свое знаменитое твореніе—«Всеобщую исторію».

Въ процессъ Роли были запутаны нѣсколько католическихъ священниковъ и были казнены. Вскорѣ нѣкоторые католики составили на самомъ дѣлѣ заговоръ. Когда Іаковъ былъ еще только королемъ шотландскимъ, онъ покровительствовалъ католикамъ, насколько позволяла его робость передъ пресвитеріанскими проповѣдниками; супруга его была еще больше расположена къ напизму, вела переписку съ папскимъ нунціемъ въ Парижѣ и сколько могла устранялась отъ присутствія на протестантскомъ богослуженіи; потому естественно было, что англійскіе католики ожидали себѣ отъ новаго короля религіозной свободы и гражданской равноправности. Пока не былъ увѣренъ, что наследуетъ англійскій престолъ, Іаковъ обѣщалъ имъ терпимость, или хотя освобожденіе отъ уголовныхъ законовъ; но когда увидѣлъ, что власть его прочна и помощь католиковъ не нужна ему, ограничился маловажными смягченіями въ законахъ, подвергавшихъ уголовнымъ наказаніямъ за присутствіе на католическомъ богослуженіи, такъ что положеніе католиковъ осталось почти прежнее: ихъ продолжали подвергать штрафамъ, бросали въ темницы ихъ священниковъ, отказывавшихся давать присягу супрематства. Обманутые католики вознегодовали на Іакова; Испанія, заключившая

съ нимъ миръ и желавшая заключить военный союзъ, не помогала имъ, не помогала и папа, рассчитывавшій, что Іаковъ восстановитъ католичество. Потому наиболѣе горячіе изъ нихъ рѣшили низвергнуть Іакова. Главными участниками этого заговора называющагося пороховымъ, были богатые люди знатныхъ фамилій: Трешэмы и Кетсби (Catesby), крупные землевладѣльцы графства Нортэмптонскаго, гондингтонскіе землевладѣльцы Уинтеры, сильно пострадавшіе за свое вѣроисповѣданіе, Томасъ Перси, родственникъ герцога Нортмберлендскаго, бывший посредникомъ между королемъ шотландскимъ и англійскими католиками и раздраженный тѣмъ, что Іаковъ не сдерживалъ обѣщаній, данныхъ имъ черезъ него, Джонъ Рейтъ (Wright) и братъ его Кристоферъ, отважные воины, бывшіе родомъ изъ графства Йоркскаго. Соучастниками заговора были іезуитскіе миссіонеры, и одинъ изъ нихъ, суперіоръ Генри Гэрнетъ (Garnet), былъ главнымъ организаторомъ всего этого дѣла. Планъ заговорщиковъ былъ ужасенъ; они находили недостаточнымъ убить одного короля, хотѣли, чтобы вмѣстѣ съ нимъ погибли сынъ его, важнѣйшіе сановники, и чтобы достигъ этого обрekli на погибель всѣхъ членовъ обѣихъ палатъ парламента; они рѣшили взорвать пороховъ зданіе парламента въ день открытія новой сессіи, когда пріѣдетъ въ палату лордовъ король съ своими сановниками и будутъ приглашены въ залъ палаты лордовъ члены палаты общинъ присутствовать при открытіи сессіи королемъ. Мысль о такомъ дѣлѣ имѣла своимъ источникомъ воспоминаніе, что былъ взорванъ пороховъ домъ, въ которомъ жилъ Дэрили, мужъ Маріи Стюартъ, отецъ Іакова. Планъ подобнаго рода былъ составленъ еще противъ Елизаветы, теперь онъ возобновился. Томасъ Перси пріобрѣлъ домъ, примыкавшій къ зданію парламента; заговорщики хотѣли прорыть изъ этого дома подкопъ подъ парламентъ, но вскорѣ представился имъ случай устроить взрывъ болѣе легкимъ способомъ: подвалъ подъ парламентомъ отдавался въ наемъ; они наняли его и перевезли туда нѣсколько боченковъ пороху; они рассчитывали, воспользовавшись смятеніемъ отъ гибели всѣхъ членовъ правительства, захватить въ свои руки управленіе государствомъ. Одинъ изъ англійскихъ полковъ, служившихъ во Фландріи, находился подъ вліяніемъ іезуитовъ; заговорщики хотѣли призвать его въ Лондонъ и при его содѣйствіи провозгласить себя членами регентства, которое будетъ править государствомъ въ малолѣтство втораго сына и дочери Іакова. Бальдуинъ (Baldwin), англичанинъ, фанатичный іезуитъ, и другой фанатикъ Оуэнъ (Owen), офицеръ, знали о заговорѣ. Офицеръ полка, на который рассчитывали заговорщики, Гей Фоксъ (Guy Fawkes), человѣкъ твердаго характера, приплылъ въ Лондонъ помогать исполненію замысла. Когда приблизилось время открытія парламента, нѣкоторымъ заговорщикамъ стало жаль, что отъ взрыва погибнуть и тѣ лорды, которые испо-

вѣдуютъ католическую вѣру. Кетсби говорилъ, что всѣ лорды негодны и атеисты, что лучше будетъ замѣнить ихъ людьми менѣе подлыми, но не всѣ его сообщники были такъ безжалостны. Незадолго до дня открытія парламента лордъ Моунтигль, католикъ, получилъ анонимное письмо, въ загадочныхъ выраженіяхъ совѣтовавшее ему не явиться въ этотъ день въ парламентъ, чтобъ избавиться отъ гибели. Онъ передалъ письмо Сесилю, Сесиль сообщилъ королю и тайному совѣту; Іаковъ хвалился, что по «божественному просвѣтлѣнію» разгадалъ истинный смыслъ выраженія письма, что всѣ, кто будетъ присутствовать при открытіи парламента, подвергнутся «ужасному удару». Но правительство уже и раньше того знало объ умыслѣ заговорщиковъ, получивъ изъ Парижа увѣдомленіе о зломъ намѣреніи «отчаянныхъ лицемѣровъ». Оно слѣдило за заговорщиками безъ вѣдома короля. Теперь онъ распорядился розыскать злоумышленниковъ. Ему скоро сказали, что, благодаря его проницательности, все открыто. Гей Фоксъ былъ схваченъ въ подвалѣ и боченки съ порохомъ были вынуты изъ-подъ хлама, прикрывавшаго ихъ. Фоксъ признался въ своемъ намѣреніи, которое считалъ исполненіемъ религіозной обязанности. Онъ былъ преданъ смертной казни. Его соумышленники, число которыхъ простиралось до ста человѣкъ, бѣжали въ Уэльсъ, чтобы поднять католиковъ уэльскихъ горъ къ открытому возстанію; но это не удалось. Перси, Кетсби, Рейты погибли, отчаянно обороняясь отъ милиціи, которую повелъ на нихъ шерифъ графства Уорстерскаго; Томасъ Уинтеръ и нѣкоторые другіе были взяты въ плѣнъ и осуждены на смерть. Гэрнетъ также былъ осужденъ. Англійскіе простолюдины до сихъ поръ празднуютъ 5 ноября, день, когда было обнародовано, что открыть пороховой заговоръ; они дѣлаютъ чучело, изображающее Гей Фокса, издѣваются надъ нимъ.

Въ январѣ слѣдующаго (1606) года парламентъ установилъ суровые законы противъ рекузантовъ (католиковъ, отказывающихся дать присягу супрематства); этими законами было подтверждено, что они подвергаются денежнымъ штрафамъ, не могутъ занимать никакихъ должностей, и было постановлено, что они должны давать «присягу вѣрности», говорящую, что не смотря ни на какія приказанія папы, не измѣнять королю, хотя бы папа объявлялъ его низложеннымъ и вмѣнилъ всемъ подданнымъ въ обязанность возстать противъ него; присяга эта отвергала ученіе, что папа по своей духовной власти имѣетъ право низлагать королей и освобождать подданныхъ отъ вѣрности имъ, осуждала какъ еретическое и безбожное то ученіе, что государи, отлученные отъ церкви папой, могутъ быть низлагаемы и умерщвляемы своими подданными. Поступающіе на службу въ иностранныя войска должны были передъ отъѣздомъ изъ Англіи давать присягу супрематства и обѣщаніе не примиряться съ папизмомъ. Фанатичный папа Павелъ V протестовалъ противъ уста-

новленія этой присяги; узнавъ, что католическій епископъ Блэкуоль (Blackwall) выразилъ согласіе дать ее и убѣждаетъ къ тому другихъ англійскихъ католиковъ, Павелъ объявилъ, что она заключаетъ въ себѣ много противорѣчащаго вѣрѣ и дающіе ее подвергаютъ себя душевной гибели. Изъ этого возникла полемика, въ которой принялъ участіе самъ король: онъ сталъ писать разсужденія въ защиту своихъ правъ отъ нападеній іезуитовъ и другихъ папистовъ на него. Такимъ образомъ онъ, наперекоръ своему прежнему желанію жить въ мирѣ съ католиками, вовлекся въ борьбу съ ними.

Въ Ирландіи Гью О'Ниль (Hugh O'Neill), графъ Тейронъ (Tyrone), возобновилъ въ 1607 году возстаніе при содѣйствіи Рори О'Доннелля. Онъ надѣялся овладѣть Дублинскимъ замкомъ и удержаться въ немъ, пока папа убѣдитъ католическихъ государей послать войска на помощь ему; но нападеніе на Дублинскій замокъ не удалось; инсургенты бѣжали, долго скитались по приморью, наконецъ ушли во Францію. Гью О'Ниль поѣхалъ въ Римъ и черезъ девять лѣтъ умеръ тамъ въ нищетѣ слѣпымъ старикомъ. Союзникъ его О'Догерти сдѣлалъ новую попытку возстанія; не удалась и она. Іаковъ конфисковалъ владѣнія О'Нилей, О'Доннеллей и другихъ инсургентовъ, сталъ продавать ихъ англійскимъ колонистамъ, ввелъ въ опустошенной Ирландіи англійскіе законы; это ослабило ирландскую аристократію. Земли по приморью отъ Дублина до Уотерфорда и большая часть Ольстера перешли въ руки англичанъ; эти новые землевладѣльцы были ненавидимы ирландцамъ, какъ иностранцы и враги католической вѣры.

2. Иностранная политика. Переговоры о женитбѣ наследника англійскаго престола на испанской принцессѣ.

Испанское правительство подобно папѣ досадовало на то, что Іаковъ сталъ преслѣдовать католиковъ, и заявляло, что Марія Стюартъ завѣщала Шотландію и свои права на англійскій престолъ королю испанскому, если сынъ ея не приметъ католичества; но вступать въ борьбу съ Іаковомъ было неудобно для Испаніи, потому что въ Германіи готовилась война, въ которой испанцы хотѣли помогать императору противъ Генриха IV; раздражать Іакова значило бы вести его къ союзу съ королемъ французскимъ. Испанское правительство выказывало даже любезность къ Іакову, увѣряло, что однимъ изъ его побужденій заключить 12-лѣтнее перемиріе съ нидерландской конфедераціей было желаніе исполнить желаніе Іакова. Но англичане ненавидѣли испанцевъ, старыхъ своихъ враговъ, покровительствовавшихъ заговорамъ англійскихъ католиковъ, и вражда эта усилилась по поводу пороховаго заговора. Когда Генрихъ IV былъ убитъ, англичане желали, чтобъ Іаковъ сталъ на его мѣсто главою враговъ Испаніи; въ особенности совѣтовалъ это королю Робертъ Сесиль,

(получившій отъ Іакова титулъ графа Сольсбери): вражда къ Испаніи была наслѣдована имъ отъ отца. Онъ превосходилъ всѣхъ другихъ членовъ тайнаго совѣта (кабинета), умомъ и опытностью, былъ вліятельнѣйшимъ совѣтникомъ Іакова, и, занимая должность великаго казначея (министра финансовъ), находилъ для короля столько денегъ, сколько ему было угодно. По вліянію графа Сольсбери король довольно долго поддерживалъ дружбу съ Нидерландской республикой и протестантскими государями Германіи, даже выдалъ свою дочь Елизавету за одного изъ нихъ, Фридриха, курфирста пфальцкаго. Вскорѣ послѣ этого брака графъ Сольсбери умеръ (24 мая 1612). Іаковъ мало жалѣлъ о немъ и подчинился другимъ совѣтникамъ. Породнившись съ французской династіей, король испанскій хотѣлъ породниться и съ англійской, чтобъ и Англія была на его сторонѣ. Испанскій посланникъ въ Лондонѣ сообщилъ по секрету Іакову, что король испанскій былъ бы расположенъ выдать одну изъ своихъ дочерей за наслѣдника англійскаго престола. Мысль женить сына на принцессѣ такой знатной династіи обольстила тщеславнаго Іакова. Но старшій сынъ его, Генрихъ, хотѣлъ держаться политики, не допускавшей этого брака: онъ желалъ слѣдовать примѣру Елизаветы, дѣйствовать согласно съ мыслями англичанъ, сдѣлать Англію первой державой протестантской Европы, возвеличить ее побѣдами надъ Испаніей. Онъ покровительствовалъ колонизаціи Сѣверной Америки, выпросилъ у отца для Вестъ-Индской компаніи, занимавшейся этою колонизаціею, грамоту, дававшую ей такія права, что она могла съ успѣхомъ основать поселенія въ Виргиніи и въ другихъ мѣстностяхъ американскаго приморья. Онъ хотѣлъ жениться на дочери герцога Савойскаго, находившагося въ сношеніяхъ съ нѣмецкой протестантской Уніей и бывшаго врагомъ Испаніи. Но молодой принцъ, пользовавшійся любовью англичанъ, умеръ 17 ноября 1612 года, и наслѣдникомъ престола сталъ второй сынъ Іакова, Карлъ, понятія котораго были одинаковы съ отцовскими, человѣкъ тщеславный, равнодушный къ мнѣнію народа. Вскорѣ послѣ Генриха умерла несчастная Арабелла Стюартъ. Іаковъ не позволялъ ей выйти замужъ; она тайно повѣнчалась съ дальнимъ своимъ родственникомъ Уильямомъ Симоромъ (Seymour) и хотѣла бѣжать во Францію, но была схвачена; Іаковъ осудилъ ее на вѣчное заключеніе въ Тоуэръ и она умерла въ темницѣ.

Англійское правительство все больше и больше расходилось съ народомъ; много содѣйствовало этому любимцы Іакова, вліяніе которыхъ на дѣла возросло. Мы уже говорили, что неуклюжій педантъ Іаковъ восхищался красивыми, изящными молодыми людьми, дѣлалъ того или другаго изъ нихъ своимъ совѣтникомъ, совершенно поддавался его вліянію. Это было ужъ и въ Шотландіи, продолжалось въ Англіи. Теперь пользовался безграничнымъ довѣріемъ Іакова

шотландецъ Робертъ Кэрръ (Carr), которому онъ далъ титулъ лорда Рочестера, потомъ графа Сомерсета, и котораго осыпалъ богатствами. По смерти Роберта Сесилия вліяніе этого молодаго человѣка на дѣла стало безгранично. Іаковъ бралъ его съ собою въ загородные дворцы, куда уѣзжалъ заниматься соколиной охотой и учеными трудами, вообще былъ неразлученъ съ нимъ. Сомерсетъ давалъ королю легкомысленные совѣты, отклонявшіе его отъ вниманія къ требованіямъ націи, возбуждалъ негодованіе англичанъ и этимъ, и своею развратной жизнью. По честолюбію или по страсти онъ захотѣлъ жениться на Франсискѣ Гоуэрдъ, женѣ графа Эссекса, добился ея развода, женился; это дѣло произвело сильный скандалъ. Фамилія Гоуэрдовъ получила участіе во владычествѣ Сомерсета надъ Англіей. Генри Гоуэрдъ графъ Нортэмптонъ, Томасъ Гоуэрдъ графъ Соффолькъ, великій казначей, отецъ Франсиски, и Сомерсетъ получили названіе англійскихъ тріумвировъ; вражда родственниковъ и друзей графа Эссекса къ Сомерсету распространилась и на короля. Скандалный бракъ повелъ Сомерсета и его жену къ дѣлу, еще болѣе возмущившему общественное мнѣніе. Франсиска, очаровательная красавица, властолюбивая и легкомысленная, нарушала всѣ приличія; говорили, что прежде она хотѣла обольстить принца Уэльзкаго, Генриха, и употребляла для этого волшебныя средства, отъ которыхъ и умеръ этотъ юноша; теперь она дѣйствительно совершила уголовное преступленіе. До женитьбы на ней Сомерсетъ имѣлъ своимъ совѣтникомъ Овербери (Overbury); онъ отклонялъ Сомерсета отъ женитьбы на Франсискѣ, говорилъ ему о ней очень дурно; она знала это и стала теперь интриговать противъ него; онъ былъ заключенъ въ Тоуэръ и агенты ея отравили его тамъ. Черезъ нѣсколько времени это преступленіе обнаружилось, враги Сомерсета и его жены стали требовать наказанія имъ. Король, уже давно тяготившійся высокоуміемъ своего любимца, согласился, чтобъ онъ и его жена были преданы суду. Судъ нашелъ ихъ виновными, приговорилъ къ смертной казни. Король замѣнилъ ее удаленіемъ ихъ отъ двора. Они возненавидѣли другъ друга, такъ что вовсе не видѣлись между собою, хотя жили въ одномъ домѣ. Вліяніе Гоуэрдовъ на дѣла прекратилось: графъ Соффолькъ, жену котораго винили во взяточничествѣ, лишился должности; графъ Нортэмптонъ умеръ.

Мѣсто Сомерсета скоро занялъ другой любимецъ, Джорджъ Виллирсъ, тоже молодой человѣкъ, красивый, изящный, любезный. Онъ былъ англичанинъ благородной, но незнатной фамиліи, въ дѣтствѣ лишился отца, былъ посланъ хитрой и честолюбивой матерью во Францію, пріобрѣлъ ловкость во всѣхъ свѣтскихъ и военныхъ забавахъ, и, когда былъ представленъ къ англійскому двору, тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе короля, очень быстро пріобрѣлъ безграничную благосклонность его; и ни одинъ изъ прежнихъ любим-

цевъ не сумѣлъ такъ прочно укрѣпить свою власть надъ Іаковомъ, какъ онъ. Дворъ и нація не имѣли такой ненависти къ нему, какъ съ Сомерсету, потому что онъ былъ ласковѣе, менѣе оскорблялъ людей высокомѣріемъ. Скоро онъ получилъ санъ адмирала и нѣсколько другихъ высокихъ должностей, замѣстилъ почти всѣ другія важныя придворныя и государственныя должности своими приверженцами и сталъ владычествовать надъ Англіей. Сомерсетъ раздражилъ противъ себя англійскій народъ между прочимъ тѣмъ, что совѣтовалъ королю поддерживать дружбу съ Испаніей; говорили, что жена Сомерсета получаетъ деньги отъ испанскаго правительства. Когда онъ палъ, англичане надѣялись, что направление иностранной политики Іакова измѣнится. Такъ думалъ и испанскій посланникъ. Трудно было и сомнѣваться въ томъ, когда получилъ доступъ къ двору сэръ Уэльтеръ Роли, двѣнадцать лѣтъ находившійся въ темницѣ и освобожденный по паденіи Сомерсета, бывшаго ожесточеннымъ врагомъ его. Онъ предложилъ королю приобрести Эльдорадо, область, находившуюся въ Южной Америкѣ, какъ слышали европейцы отъ американскихъ туземцевъ, говорившихъ, что тамъ чрезвычайно много золота (потому-то испанцы и называли ее Эльдорадо, «золотой землей»). Молва говорила, что она находится между Амазоной и Ориноко, что туда удалились уцѣлѣвшіе Инки по завоеваніи перуанскаго царства испанцами. Іаковъ обольстился предложеніемъ Роли, но не понималъ, что, поручая ему овладѣть Эльдорадо, начинаетъ дѣло, враждебное королю испанскому. Роли получилъ начальство надъ небольшою эскадрой и поплылъ (въ іюль 1617) къ берегу Гвіаны, чтобъ идти оттуда съ отрядомъ войска въ Золотую землю. Давая Роли это порученіе, Іаковъ поставилъ въ обязанность ему уклоняться отъ всякаго непріязненнаго столкновенія съ испанцами. Это было невозможно, потому что они владѣли восточнымъ берегомъ Южной Америки и уже распространили свои владѣнія въ глубину материка. Англичане, пошедшіе чрезъ землю, занятую испанцами, были остановлены ими у форта Св. Томы и, послѣ жаркой схватки, побѣждены. Сынъ Роли, начальствовавшій этимъ отрядомъ, былъ убитъ; помощникъ его Кемисъ (Keumis) самъ убилъ себя, чтобы не отдаться въ плѣнъ. Потерпѣвъ большой уронъ, Роли принужденъ былъ отступать; авантюристы, составлявшіе маленькое войско его, перестали слушаться начальника, обманувшись въ надеждѣ обогатиться; перестали слушаться и экипажи кораблей и уплыли въ разныя стороны. Роли возвратился въ Англію, потерпѣвъ полную неудачу. Іаковъ, ненавидѣвшій его, радъ былъ предложу убить его. При своемъ освобожденіи изъ Тоуэра, Роли не позаботился о формальной отмѣнѣ произнесеннаго надъ нимъ смертнаго приговора; онъ полагалъ, что порученіе начальства надъ экспедиціей уже равносильно полному прощенію вины, взведенной на него,

какъ онъ постоянно говорилъ, только клеветою враговъ; онъ надѣялся, что великая услуга, которую окажетъ онъ королю, приобрететъ ему расположеніе Іакова. Но онъ возвратился, потерпѣвъ неудачу. Іаковъ велѣлъ арестовать его и исполнить смертный приговоръ. Роли былъ возведенъ на эшафотъ 26 октября 1618. Ошупавъ лезвіе топора, онъ съ улыбкой сказалъ: «лекарство острое, но исцѣляющее отъ всѣхъ страданій». Всѣ жалѣли о геніальномъ государственномъ человѣкѣ, храбромъ воинѣ; всѣ осуждали низкое коварство Іакова, даже супруга короля Анна просила его пощадить Роли. Огорченіе отъ злобной низости мужа ухудшило болѣзнь, въ которой она находилась, и черезъ четыре мѣсяца (1 марта 1619) она умерла. Въ молодости она любила балы, маскарады, пиры, но это увлеченіе прошло и она уже давно вела скромную жизнь.

Казнь Роли Іаковъ хотѣлъ оправдать передъ испанскимъ дворомъ въ попыткѣ овладѣть землею, принадлежавшею Испанію. Въ угожденіе испанцамъ онъ обезчестилъ себя и по другому дѣлу, имѣвшему громадное значеніе для всей Европы. Мужъ его дочери, Фридрихъ, курфиртъ пфальцкій, былъ выбранъ королемъ богемскимъ. Весь протестантскій міръ полагалъ, что король англійскій будетъ защищать дочь и зятя противъ австрійцевъ и католической лиги. Іаковъ не давалъ Фридриху совѣта принять богемскую корону, но и не высказывалъ порицанія за ея принятіе; по своимъ понятіямъ о неприкосновенности королевской власти, онъ не могъ одобрить чеховъ, низложившихъ короля, но его тщеславію льстило то, что дочь его стала королевой. Общественное мнѣніе требовало, чтобъ онъ вступился за нее, и еслибъ онъ исполнилъ волю націи, то ему легко было бы приобрести расположеніе парламента. Но онъ не рѣшился на войну съ Испаніей, помогавшей императору противъ Фридриха. Сначала онъ обманывалъ себя мыслью, что спасетъ дочь и зятя, женивъ принца уэльзскаго на испанской инфантѣ. Оказалось, что это дѣло представляетъ очень много затрудненій. Переговоры длились цѣлые годы, а между тѣмъ испанскія войска заняли Пфальцъ. Фридрихъ, принявшій богемскую корону въ надеждѣ на помощь тестя, былъ выгнанъ изъ своего наслѣдственнаго государства, покинутый Іаковомъ, который запретилъ вступать въ сраженія съ испанцами графамъ Эссексу и Оксфорду, отправившимся съ отрядомъ англійскихъ волонтеровъ въ Рейнскій Пфальцъ; они, молодые вельможи, отправившіеся съ ними, и храбрые солдаты ихъ принуждены были бездѣйственно стоять въ рейнскихъ крѣпостяхъ. Іаковъ вѣрилъ лживымъ обѣщаніямъ испанцевъ, что Пфальцъ будетъ возвращенъ Фридриху, не слушалъ парламента, требовавшаго войны и соглашавшагося исполнить просьбу короля о деньгахъ только подъ условіемъ, что онъ пошлетъ армію на защиту дочери и зятя. Онъ упрямо продолжалъ переговоры о женитбѣ сына на испанской принцессѣ.

Однимъ изъ затрудненій дѣла о бракѣ было полученіе папской диспенсаци. Іаковъ дѣлать всевозможныя уступки папѣ, чтобъ онъ далъ ее: обѣщался предоставить инфантъ и ея свитѣ свободу богослуженія, оставлять будущихъ дѣтей инфанты подъ ея воспитаніемъ до 10 лѣтъ, сохранять за ними право престолонаслѣдія въ томъ случаѣ, если они будутъ католиками. Онъ не могъ безъ согласія парламента отмѣнить законы противъ католиковъ, но обѣщался оставлять ихъ безъ исполненія и взять съ своихъ министровъ обѣщаніе, что они убѣдятъ парламентъ отмѣнить ихъ и не будутъ мѣшать тому, чтобы католическіе священники, отказавшіеся принести присягу супрематства, совершали богослуженіе въ домахъ частныхъ людей. Въ угожденіе испанскому двору онъ убѣдилъ зятя отпустить Мансфельда и Христіана Брауншвейгскаго изъ службъ; результатомъ было, что непріятели заняли весь Пфальцъ, англійскіе гарнизоны принуждены были уйти изъ крѣпостей, и самъ курфирста пфальцкаго былъ переданъ императоромъ Максимилиану Баварскому.

Испанскій дворъ все еще не давалъ формальнаго согласія на бракъ. Тщеславный Бокингемъ убѣдилъ Карла ѣхать въ Мадридъ за невѣстой; Іаковъ, ѣздившій за своей невѣстой въ Норвегію и гордившійся этимъ рыцарскимъ подвигомъ, одобрилъ поѣздку сына въ Мадридъ. Въ 1623 году принцъ Уэльскій и Бокингемъ, принявъ другія имена, пріѣхали въ Мадридъ. Испанцы приняли ихъ съ величайшими почестями. Народъ собирался подъ окнами принца съ криками въ честь его; Лопе де Вега написалъ въ прославленіе ему нѣсколько стихотвореній; дворъ устраивалъ великолѣпные праздники для него. Казалось, что рѣшено дѣло о бракѣ, доставлявшемъ огромныя выгоды католичеству. Іаковъ уже освободилъ католическихъ священниковъ и другихъ католиковъ, находившихся въ темницахъ за несогласіе дать присягу супрематства; университеты и англиканское духовенство получили приказаніе удерживаться отъ нападеній на католичество. Протестантскіе проповѣдники, нарушавшіе эту волю короля, были заключаемы въ темницы. Тайные католики перестали скрывать свое исповѣданіе. Масса англійскаго народа волновалась, видя свою вѣру въ опасности. Архіепископъ Йоркскій предостерегалъ короля, объясняя ему, что онъ помогаетъ распространенію вѣроученія, которое самъ въ своихъ сочиненіяхъ называлъ идолопоклонничествомъ. Но дѣло о бракѣ, пугавшемъ массу англичанъ, внезапно разстроилось, возобновилась прежняя вражда между англійскимъ и испанскимъ правительствами. Легкомысліе и высокомеріе Бокингема не понравилось испанскому двору, соблюдавшему строгой этикетъ; испанцы скандализировались безцеремонностью, съ какою держитъ себя Бокингемъ относительно наслѣдника престола. Дипломатическія затрудненія вели къ непріятностямъ. Карлъ требовалъ, чтобы мужу его сестры было возвращено курфиршество. Но династическая политика Габсбурговъ одержала верхъ при испанскомъ дворѣ. Графъ Оливаресъ, любимецъ Филиппа IV, удержалъ короля въ союзѣ съ императоромъ. Бокингемъ и Карлъ вознегодовали на коварство и надменность испанскаго правительства, уѣхали въ Англію,

не сдѣлавъ однако же прямого заявленія, что разрываютъ переговоры о бракѣ. Осеннія бури, долго задерживавшія принца и Бокингема въ Сантапдерской гавани, возбуждали въ Англіи опасеніе за ихъ плаваніе. Наконецъ, 5 октября, наслѣдникъ престола возвратился послѣ восьмимѣсячнаго отсутствія. Масса народа встрѣтила его съ восторгомъ, видя, что онъ не измѣнилъ интересамъ протестантства. Гильдголлъ (дворецъ правительства лондонской Сити) былъ иллюминированъ и повсюду были иллюминации. Переговоры продолжались нѣсколько времени, потому что ни тотъ, ни другой дворъ не хотѣлъ выказать себя виноватымъ въ разрывѣ; но противоположность интересовъ проявлялась все рѣзче и рѣзче; Испанія вовлекалась въ тѣсный союзъ съ Австріей и Лигой, Англія неизбѣжно должна была поддерживать протестантовъ, потому увѣренія мадридскаго и лондонскаго дворовъ въ желаніи сохранить дружбу между собой были притворствомъ.

Англійское правительство имѣло уже другой планъ относительно женитьбы наслѣднаго принца. Возвращаясь изъ Испаніи, онъ прожилъ нѣсколько дней въ Парижѣ, не объявляя своего имени, и видѣлъ на балѣ сестру Людовика XIV, Генріетту Марію; она понравилась ему; Бокингемъ, горячо желавшій окончательнаго разрыва съ Испаніей, укрѣплялъ его и короля въ мысли сдѣлать принцессой Уэльзской сестру короля французскаго. Марія Медичи, еще имѣвшая тогда вліяніе на дѣла, и Ришельё, начинавшій имѣть преобладающее вліяніе на нихъ, желали этого брака. Предложеніе, переданное французскому правительству Бокингемомъ, было принято съ удовольствіемъ; но въ Англіи и даже въ королевскомъ совѣтѣ оставались люди, продолжавшіе желать союза съ Испаніей; они пытались низвергнуть Бокингема, но онъ разстроилъ ихъ интриги, посоветовавъ королю созвать парламентъ и сообщить ему основанія, по которымъ правительство отказалось отъ союза съ Испаніей и мысли о женитьбѣ принца Уэльзскаго на инфантѣ. Бокингемъ зналъ, что главной причиной неудовольствія націи была нерѣшительность правительства въ иностранной политикѣ, и что хотя масса англичанъ желаетъ женитьбы принца Уэльзскаго на протестантской принцессѣ, но бракъ его съ дочерью Генриха IV, бывшаго гугенотомъ, будетъ менѣе непріятенъ англійскимъ протестантамъ, чѣмъ бракъ съ инфантой; притомъ французское правительство уже готовилось помогать нѣмецкимъ протестантамъ. Расчетъ Бокингема оказался вѣренъ, палата общинъ просила короля, чтобъ онъ прервалъ переговоры съ Испаніей о бракѣ принца Уэльзскаго и о возвращеніи Пфальца. Іакову было тяжело отказаться отъ политики, соотвѣтствовавшей его понятіямъ о неприкосновенности монархической власти, но Бокингемъ убѣдилъ его сдѣлать это и 12 декабря 1624 Іаковъ подписалъ договоръ о женитьбѣ принца Уэльзскаго на сестрѣ короля французскаго, сталъ готовить войско для возвращенія Пфальца Фридриху.

Чтобы получить диспенсацию папы, пришлось сдѣлать относительно французской принцессы такія же уступки по религіознымъ вопросамъ, какія были сдѣланы относительно испанской: Генріеттѣ Маріи и ея свитѣ была обѣщана королемъ Іаковомъ свобода богослуженія и будущія дѣти должны были быть оставляемы до 13 лѣтъ въ воспитаніи у нея; разница съ договоромъ о бракѣ съ инфантой состояла въ томъ, что право дѣтей Генріетты Маріи наследовать престолъ было обусловлено протестантскимъ исповѣданіемъ ихъ. Іаковъ обѣщался не подвергать англійскихъ католиковъ штрафамъ и не мѣшать католическому богослуженію въ ихъ домахъ.

3. Борьба Іакова съ парламентомъ.

Несогласіе между парламентомъ и королемъ въ понятіяхъ о государственномъ устройствѣ обнаружилось при самомъ началѣ царствованія Іакова и проявлялось все сильнѣе. Тюдоры держали палату общинъ въ подчиненіи себѣ; Іаковъ хотѣлъ продолжать это. Проникнутый мыслью о безграничности королевской власти, о божественномъ происхожденіи ея, онъ воображалъ, что англійская нація думаетъ подобно ему; но скоро замѣтилъ, что она смотритъ на дѣло иначе, и началась борьба короля съ парламентомъ, длившаяся во все царствованіе Іакова. Онъ не имѣлъ ума Елизаветы, не приобрѣлъ привязанности націи такими побѣдами, какъ она; Елизавета была бережлива, потому рѣдко нуждалась въ полученіи денегъ отъ палаты общинъ; онъ былъ расточителенъ, тратилъ громадныя суммы на содержаніе блестящаго двора, на роскошные пиры, на подарки своимъ любимцамъ и постоянно нуждался въ деньгахъ, запутывался въ долги. Робертъ Сесиль думалъ выпросить у палаты общинъ пожизненный доходъ королю и уплату его долговъ взаменъ того, что Іаковъ удовлетворитъ всѣ справедливыя жалобы парламента; но Іаковъ не согласился принять условія, ограничивавшія произволъ его, а парламентъ не имѣлъ довѣрія къ нему; всѣ знали, что приближенные короля говорятъ: «Обязательства, налагаемые подданными на государя—паутина, которую онъ можетъ разорвать въ каждую минуту». По смерти Сесили соглашеніе стало еще менѣе возможно; палата общинъ, не довѣряя королю, была скупа на деньги; содержаніе двора требовало огромныхъ расходовъ; Іаковъ все больше нуждался въ деньгахъ; онъ доставалъ ихъ разными способами: пользуясь принадлежавшей королю по ленному праву опекой надъ малолѣтними сиротами вельможъ и дворянъ, обиралъ ихъ, принуждалъ вельможъ и духовенство давать ему подарки и займы, платить которые никогда не думалъ; продавалъ монополіи, стѣснявшія торговое сословіе, продавалъ дипломы на учрежденный имъ титулъ баро-

нета; всего этого было мало, а палата общинъ становилась скупѣе и скупѣе; Іаковъ сталъ безъ согласія парламента облагать обременительными пошлинами ввозъ и вывозъ товаровъ; въ 1614 году таможенные пошлины были увеличены, какъ говорятъ, въ 20 разъ. Палата общинъ объявляла противозаконнымъ самовольное повышеніе ихъ и установленіе налоговъ королемъ, но Іаковъ говорилъ, что государю принадлежитъ по божественному и человѣческому праву законодательная власть и что онъ выше законовъ. Англичане не раздѣляли этого мнѣнія и отвѣчали, что народъ также имѣетъ свои права, что они вѣчны и неотъемлемы, что парламентъ обязанъ охранять ихъ. Король нѣсколько разъ распускалъ парламентъ, сажалъ въ темницу отважныхъ ораторовъ. Но каждый новый парламентъ говорилъ то же, что прежніе. Во Франціи прекратилось созываніе государственнаго сейма, установился абсолютизмъ; слѣдовало опасаться того же въ Англіи; парламентъ очень заботливо предотвращалъ эту опасность; споры его съ королемъ о границахъ королевской власти и правахъ націи становились все упорнѣй.

Вопросъ этотъ рассматривался и въ литературѣ. Эдуардъ Кокъ, лучший знатокъ англійскихъ законовъ, доказывалъ, что король не имѣетъ права раздавать бенефиціи, вмѣшиваться въ дѣйствія высшихъ судилищъ. Фрэнсисъ Бэконъ (знаменитый философъ) защищалъ расширеніе монархической власти въ духѣ абсолютизма; онъ былъ сдѣланъ за это лордомъ канцлеромъ, а Кокъ лишенъ должности, но немилость увеличила авторитетъ его въ парламентѣ. — Бэконъ рассуждалъ точно такъ же, какъ Ришелье, но былъ слишкомъ слабой опорой абсолютизма. При высокомъ умѣ онъ имѣлъ трусливый и низкій характеръ, и своими дурными дѣйствіями способствовалъ увеличенію силы палаты общинъ. Чтобы имѣть деньги на свой великолѣпный образъ жизни, тщеславный честолюбецъ, будучи лордомъ—канцлеромъ, бралъ взятки. Оппозиція, во главѣ которой сталъ Кокъ, уличила его въ этомъ и въ томъ, что онъ обогащался продажей монополій. Палата общинъ (въ 1621 году) обвинила его во взяточничествѣ; палата пэровъ, судившая его, нашла его виновнымъ. Король и Бокингемъ не отважились вступить за него. Палата пэровъ осудила его на уплату штрафа въ 40.000 фунтовъ, на заключеніе въ Тоуэръ («пока будетъ угодно королю», какъ это всегда прибавлялось въ подобныхъ рѣшеніяхъ парламента), на лишеніе всѣхъ должностей и мѣста въ парламентѣ, на удаленіе отъ двора. Король освободилъ его черезъ два дня по заключеніи въ темницу, снялъ съ него денежный штрафъ, назначилъ ему пенсію. Но политическая дѣятельность его прекратилась, онъ остался человѣкомъ запятанной репутаціи. Черезъ пять лѣтъ (9 апрѣля 1626) онъ умеръ, предсказывая, что молнія скоро поразитъ людей болѣе высокихъ, чѣмъ онъ, то-есть короли и династію.

Неудовольствіе между правительствомъ и парламентомъ было увеличиваемо той политикой, какой держался король въ общихъ европейскихъ дѣлахъ. Парламентъ порицалъ его за то, что онъ хочетъ женить сына на испанской принцессѣ и не помогаетъ зятю, онъ жаловался, что парламентъ нарушаетъ его права, опредѣляя, съ ка-

кими государствами долженъ онъ быть въ союзѣ, съ какими вести войну; палата общинъ разсуждаетъ о религіи и государствахъ, о женитбѣ его сына, — какая-же верховная власть остается у него? — говорилъ онъ, и запретилъ палатѣ общинъ вмѣшиваться въ дѣла, которыя «выше ея пониманія и правъ», объявилъ, что тѣ права, на которыя ссылается она, только привилегіи, данныя ей милостью его предковъ и его самого. Палата общинъ составила протестъ, объявлявшій права парламента несомнѣнными прирожденными правами англійскаго народа, говорившій, что она имѣетъ не только законодательную власть и исключительное право устанавливать налоги, но и право давать совѣты королю по вѣснѣ труднымъ и важнымъ дѣламъ и представлять ему жалобы, что члены ея должны имѣть полную свободу рѣчи и личную безопасность отъ произвольныхъ арестовъ. Король въ ярости вырвалъ своей рукой этотъ протестъ изъ протокола палаты, распустилъ парламентъ, арестовалъ тѣхъ членовъ палаты общинъ, на которыхъ особенно негодовалъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ не созывалъ парламента. Только когда были прерваны переговоры съ Испаніей и было принято намѣреніе защищать пфальцграфа Фридриха, Бокингэмъ уговорилъ короля созвать новый парламентъ; онъ объяснилъ Іакову, что при предполагаемой перемѣнѣ иностранной политики можно навѣрное ожидать одобренія націи и парламента.

Это оказалось правдой. Парламентъ, открытый 19 февраля 1624 хотя и состоялъ большею частью изъ членовъ прежней оппозиціи, выразилъ удовольствіе, узнавъ, что переговоры съ Испаніей разорваны и что король хочетъ вступить за зятя; палата общинъ была щедрѣе прежняго. Бокингэмъ угождалъ ей, нуждаясь въ ея помощи противъ своихъ многочисленныхъ враговъ. Онъ обѣщалъ, что ебудетъ предоставленъ контроль надъ употребленіемъ данныхъ ей денегъ, давалъ ей объясненія объ общихъ дѣлахъ королевства, о войнѣ и мирѣ, о личныхъ дѣлахъ королевскаго семейства, обѣщалъ отменить монополіи, которой напрасно требовала она прежде, обѣщалъ, что будутъ снова промѣняемы къ дѣлу законы противъ католиковъ. Онъ достигъ своей цѣли: правительство и парламентъ казались согласны во всемъ; глава испанской партіи лордъ-казначей Крэнфильдъ графъ Миддельсексъ, сильнѣйшій противникъ Бокингэма, былъ преданъ суду за взятки и отставленъ, какъ Бэконъ, хотя виновность его не была доказана. Исполненіе должности казначея было поручено не одному лицу, а комиссіи; члены ея (лорды казначейства) были назначены изъ людей, враждебныхъ Испаніи. Всѣ ожидали объявленія войны королю испанскому, отправления войска въ Пфальцъ. Но Бокингэмъ говорилъ гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ хотѣлъ поступать король. Іаковъ колебался, трусилъ; онъ желалъ бы освободиться отъ Бокингэма, но не могъ. Бокингэмъ вошелъ въ боль-

шое довѣріе у наслѣдника престола и пугалъ Іакова требованіями парламента. Противъ воли король принялъ воинственную политику; началось снаряженіе войска, флотъ, о которомъ постоянно заботился Бокингэмъ, былъ увеличенъ, правительство вошло въ сношенія съ протестантскими государями, послало Мансфельду денегъ для набора новаго войска, съ которымъ онъ хотѣлъ идти во Пфальцъ. Переговоры о женитбѣ наслѣдника престола на французской принцессѣ тоже ручались англичанамъ за намѣреніе короля воевать съ Габсбургами. Передъ рождествомъ свадьба была рѣшена. — Но обширные военные планы Бокингэма исполнялись плохо. Войско Мансфельда почти все погибло въ Голландіи; трактатъ съ Франціей имѣлъ оговорки, ограждавшія интересы католичества и не понравившіяся англичанамъ. Засѣданія парламента были отсрочены, должно было ожидать, что при ихъ возобновленіи снова проявится неудовольствіе на короля; но онъ не дожилъ до этого, не дожилъ и до свадьбы сына; онъ умеръ 29 марта стараго стиля, котораго еще держались англичане (8 апрѣля новаго стиля) 1625 года. Передъ смертью онъ снова изложилъ свои политическія понятія, противорѣчившія стремленіямъ англійской націи; борьба съ ними еще не достигла при немъ большой рѣзкости, но уже было видно, что принципы личнаго управленія, котораго держался Іаковъ, должны пасть. Предчувствіе это смущало Іакова въ послѣднее время жизни.

II. Карлъ I. Низверженіе королевской власти въ Англии.

1. Правленіе Карла I до убійства Бокингэма.

Новый король первыми своими дѣйствіями показалъ народу, что будетъ держаться той враждебной Габсбургамъ политики, которая характеризовалась переговорами о бракѣ его съ французской принцессой. Ни трауръ по отцѣ, ни свирѣпствовавшая въ Лондонѣ эпидемія не удержали его отъ хлопотъ объ ускореніи свадьбы: онъ отправилъ посольство за невѣстой, повѣнчался съ нею въ Кентерберійскомъ соборѣ и сталъ праздновать свадьбу блестящими пирами въ прекрасномъ Гемптонкортскомъ замкѣ.

Но положеніе политическихъ дѣлъ было таково, что Карлу скоро пришлось заняться вмѣсто праздниковъ государственными заботами. Нація была расположена одобрять его политику; Бокингэмъ, которому довѣрялъ онъ еще полнѣе, чѣмъ отецъ, пересталъ быть ненавистенъ націи, сдѣлавшись исполнителемъ ея желаній, уступая требованіямъ парламента, заявляя намѣреніе вступить за протест-

стантовъ континента, бороться противъ реакціонной испанско-австрійской политики. Карлъ былъ молодой человѣкъ (онъ имѣлъ тогда 25 лѣтъ); наружность его была красива; онъ держалъ себя съ достоинствомъ. Нравственность его была чиста, потому народъ готовъ былъ ожидать отъ него много хорошаго; но онъ наслѣдовалъ отъ отца больше, чѣмъ замѣчали англичане въ первое время его правленія: онъ раздѣлялъ пристрастіе Іакова къ неограниченной власти, подобно отцу подчинялся вліянію любимцевъ и былъ коваренъ; народъ не зналъ тогда этого, и въ началѣ царствованія Карла казалось, что его намѣренія одинаковы съ желаніями націи. — Первымъ правительственнымъ дѣломъ новаго короля было созвать, какъ того требовалъ законъ, новый парламентъ; ускорить это дѣло надобно было для того, чтобы получить субсидіи на веденіе войны, начать которую было ужъ рѣшено, и на уплату долговъ, оставленныхъ Іаковомъ и увеличенныхъ расходами на свадебные праздники. Въ половинѣ іюня парламентъ собрался въ Уэстминстерѣ, и Карлъ разочаровался въ своихъ надеждахъ на него. Палата общинъ была готова дать правительству деньги на войну (къ тому времени ужъ начинавшуюся), но съ тѣмъ вмѣстѣ требовала, чтобы король правилъ по тѣмъ политическимъ и религіознымъ принципамъ, которые заявлялъ онъ, будучи наслѣдникомъ престола, и провозглашалъ Бокингэмъ въ послѣднее время жизни Іакова. Намѣреніе палаты общинъ было очевидно: нація знала, что по договору о бракѣ были обѣщаны французскому правительству значительныя уступки въ его требованіяхъ относительно свободы католическаго богослуженія въ Англіи. Папа и клерикалы надѣялись, что это поведетъ къ возстановленію господства католической церкви въ Англіи. Чтобы разсѣять опасенія англичанъ, палата общинъ предложила возобновить исполненіе законовъ противъ рекузантовъ. Карлъ не могъ согласиться на это. Онъ говорилъ, что нельзя запретить англійскимъ католикамъ присутствовать на католическомъ богослуженіи, совершающемся въ капеллѣ королевы; это было бы противно договору съ Франціей, повредило бы союзу съ ней въ войнѣ противъ Испаніи. Но палата общинъ опасалась склонности Стюартовъ къ католичеству и не отступалась отъ своего требованія.

Дворъ и епископы придавали англиканской церкви характеръ, напоминавшій католическую или, какъ это называется по англійски, были приверженцами Высой церкви (High Church); въ массѣ средняго сословія распространялись, какъ мы говорили, пуританскія понятія, и при Іаковѣ церковно-политическая оппозиція уже приобрѣла въ Палатѣ общинъ владычество. Ошибочно то мнѣніе, что источникомъ оппозиціи было несогласіе съ дворомъ только по религіознымъ дѣламъ; основной причиной ея было стремленіе большинства англичанъ оградить политическую свободу отъ стремленія Стюартовъ къ установленію абсолютизма. Богословы придворной партіи проповѣдывали абсолютизмъ. Монтегью, одинъ изъ королевскихъ капеллановъ, издалъ

полемическую брошюру, говорившую, что англиканская церковь болѣе далека отъ ученія Кальвина, чѣмъ отъ католическихъ, ругалъ кальвинизмъ, выражаясь о католициствѣ мягко. Палата общинъ угрожала Монтегью наказаніемъ; онъ апеллировалъ къ королю, главѣ англійской церкви. По совету нѣкоторыхъ духовныхъ сановниковъ Карлъ вытребовалъ дѣло на свой судъ; пуритане полагали, что Монтегью высказывалъ мысли, господствующія при дворѣ; палата общинъ рѣшила, что король не имѣетъ права освобождать отъ парламентскихъ законовъ по церковнымъ дѣламъ. Подъ этими спорами о частныхъ случаяхъ лежало разногласіе по основнымъ вопросамъ конституціи; дѣло шло о томъ: королю или парламенту должна принадлежать высшая власть.

Это разногласіе высказывалось и по вопросамъ, не имѣвшимъ отношенія къ церкви. Стремленіе Стюартовъ поставить монархическую власть выше закона и обычая принуждало парламентъ заботиться объ охраненіи, разъясненіи, расширеніи національных правъ, о возбужденіи въ образованномъ среднемъ сословіи интереса къ участию въ государственной жизни; потому палата общинъ хотѣла пользоваться денежными надобностями короля для упроченія законнаго порядка. Она дала Карлу гораздо меньше субсидій на войну, чѣмъ онъ просилъ, а взиманіе таможенныхъ пошлинъ (по тогдашнему названію боченочнаго и фунтоваго сбора, *tunnage and poundage*) предоставила ему не на все царствованіе, какъ это дѣлалось обыкновенно, а только на одинъ годъ, по истеченіи котораго нужно было новое постановленіе палаты для продолженія этого сбора. Карлъ вознегодовалъ на палату общинъ за то, что она хочетъ подчинить его своей волѣ надобностью ежегодно просить у нея продолженія таможенныхъ сборовъ. Бокингэмъ увеличивалъ раздраженіе короля противъ палаты; въ предыдущемъ году этотъ самодовольный и наглый человѣкъ только для того угождалъ парламенту, чтобы при его содѣйствіи низвергнуть своихъ противниковъ, желавшихъ поддержать дружескія отношенія Англіи съ Испаніей; въ душѣ онъ раздѣлялъ желаніе Стюартовъ установить абсолютизмъ, ихъ ненависть къ пуританству, ихъ непримиримость съ англійской конституціей. Онъ соувѣтовалъ королю подавить оппозицію. Эпидемія, господствовавшая въ Лондонѣ, была выставлена предлогомъ для перенесенія засѣданій парламента въ Оксфордъ, реакціонный городъ; хранитель большой печати Уильямсъ, давшій палатѣ обѣщаніе, что законы противъ католическихъ священниковъ будутъ исполняемы, былъ лишенъ должности; король освободилъ отъ наказанія шесть католическихъ священниковъ, подвергшихся суду. Палата общинъ отказала въ новыхъ субсидіяхъ и король распустилъ парламентъ (въ августѣ 1625). Бокингэмъ, владычествовавшій въ тайномъ совѣтѣ, надѣялся давленіемъ на выборы достичь того, что новая палата общинъ будетъ имѣть большинство членовъ уступчивыхъ королю; многіе изъ вліятельныхъ членовъ оппозиціи были назначены шерифами для того,

чтобы не могли быть выбраны въ члены палаты общинъ (по несомнѣнности всѣхъ административныхъ должностей, кромѣ самыхъ высшихъ, съ правомъ быть кандидатами на парламентскихъ выборахъ).

Второй парламентъ, созданный Карломъ въ февралѣ 1626 (вскорѣ послѣ коронаціи), оказался такимъ же, какъ прежній; за два года передъ тѣмъ, Бокингэмъ, искавшій популярности, общалъ, что субсидіи, данныя тогда, будутъ употреблены сообразно желанію палаты общинъ и ей будетъ отданъ отчетъ въ ихъ расходованіи. Она теперь потребовала отчета; король сказалъ, что подвергать его управленіе контролю значитъ нарушить прерогативу короны (законныя права короля), и запретилъ военной администраціи представлять палатѣ общинъ отчетъ въ расходахъ. Кромѣ того, онъ продолжалъ сборъ таможенныхъ пошлинъ по истеченіи срока, не прося новаго разрѣшенія на это у палаты; ссора ея съ правительствомъ усиливалась; вся ненависть оппозиціи обращалась на Бокингэма, котораго винили, что онъ хочетъ установить въ Англіи абсолютизмъ, какъ Ришельё во Франціи, править Англіей, какъ Оливаресъ правитъ Испаніей; обѣ палаты парламента подали королю жалобы на дурнаго совѣтника короны; Карлъ увидѣлъ въ этомъ нарушение своей прерогативы, оскорбленіе своей чести, и распустилъ новый парламентъ. (15 іюня 1626).

Внѣшняя политика его возбуждала тогда большое неудовольствіе; онъ началъ войну съ Испаніей, рѣшенную при его отцѣ, по повелѣнію ея такъ, что народъ не могъ не порицать его. Экспедиція противъ Кадикса, посланная подъ начальствомъ лорда Уимбельдона, потерпѣвъ неудачу, возвратилась (въ декабрѣ 1625) съ урономъ и стыдомъ. Въмѣсто того, чтобы заключить союзъ съ нѣмецкими протестантскими государями и королемъ датскимъ, Карлъ подъ вліяніемъ Бокингэма исполнялъ эгоистическія намѣренія французскаго двора, послалъ эскадру на помощь Ришельё противъ гугенотовъ. Экспедиціями противъ Кадикса и Ла-Рошели были истощены денежные средства; солдатамъ не платилось жалованья; король датскій и его нѣмецкіе союзники, не получивъ помощи, были побѣждены австрійцами и Лигой; скоро начались непріятности съ Франціей по дѣламъ гугенотовъ; королева и ея дворъ, состоявшій изъ французовъ и англійскихъ католиковъ, возбуждали ропотъ массы англичанъ тщеславіемъ, съ какимъ выказывали увѣренность, что католичество скоро восторжествуетъ въ Англіи; король принужденъ былъ отослать часть свиты своей супруги во Францію; парижскій дворъ увидѣлъ въ этомъ нарушение свадебнаго договора, Ришельё отправилъ въ Лондонъ особаго посланника съ протестомъ. Англійское правительство вступилось за гугенотовъ; ссора усилилась; она правила англичанами, но двоедушіе и неловкость политики правительства были очевидны для нихъ; нація винила Бокингэма, что онъ дѣй-

ствуетъ въ войнѣ по личнымъ мотивамъ, по желанію мстить за обиду ему. Неудача экспедиціи на островъ Рё, стоившей много англійской крови и кончившейся постыднымъ возвращеніемъ флота безъ всякой помощи осажденной Ла-Рошели, увеличила раздраженіе націи.

А при этомъ Карлъ постоянно нарушалъ законы; денегъ, данныхъ парламентомъ, не достало на войну и онъ продолжалъ собирать таможенные пошлины безъ согласія парламента, дѣлалъ насильственные займы, продавалъ монополіи и коронныя имѣнья. Сборщики податей разбѣжали по графствамъ, требуя уплаты насильственного займа, арестовали отказывавшихся платить. Англиканскій священникъ Сибторпъ произнесъ въ Нортэмптонѣ проповѣдь, доказывавшую, что король имѣетъ неограниченную законодательную власть, и должно безусловно повиноваться всѣмъ его повелѣніямъ, кромѣ противорѣчащихъ слову Божію. Король потребовалъ отъ архіепископа кентерберійскаго, чтобы онъ далъ этой проповѣди свое утвержденіе и разослалъ повсюду ея экземпляры. Архіепископомъ былъ тогда Эбботъ (Abbot), приверженецъ законнаго порядка; онъ отказался дозволить печатаніе проповѣди. Король разгнѣвался на него, исключилъ его изъ членовъ верховной комиссіи, а проповѣдь Сибторна была напечатана съ одобренія Лода (Laud), епископа лондонскаго.

Но всѣ произвольныя средства добывать деньги оказались недостаточны. При возвращеніи флота изъ Бискайскаго залива казна была такъ истощена, что едва находились деньги на обыкновенные расходы двора. Ла-рошельскіе гугеноты были доведены осадой до крайнихъ страданій; король не помогалъ своему дядѣ Христіану датскому, мужу своей сестры Фридриху пфальцкому, и другимъ нѣмецкимъ протестантамъ; вліяніе и честь Англіи падали. Поправить дѣла можно было только при помощи парламента. Эдуардъ Кокъ, Сельденъ, Коттонъ, Гленвилль, другіе ученые и патріотичные люди требовали созванія парламента; король датскій совѣтовалъ племяннику примириться съ націей, созвать парламентъ. Карлу было тяжело отказаться отъ произвольной власти. Въ своемъ тщеславіи онъ считалъ контроль парламента нарушеніемъ своихъ правъ; онъ говорилъ: «для короля меньше безчестія быть побѣждаему врагами, чѣмъ быть презираему подданными». Но необходимость принудила его созвать парламентъ. Это былъ третій его парламентъ. Засѣданія открылись 22 марта 1628 года въ обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, Уэстминстерскомъ парламентскомъ дворцѣ. Цѣлью Карла было получить отъ парламента деньги на войну. По многимъ предметамъ требованій нація король выказалъ уступчивость: объявилъ, что не будетъ дѣлать ни займовъ безъ утвержденія парламента, ни произвольныхъ арестовъ; возвратилъ Эбботу прежнее его положеніе. Палата общинъ выказывала готовность дать королю огромныя суммы на войну; но большинство

депутатовъ рѣшило съ тѣмъ вмѣстѣ оградить законный порядокъ отъ королевскаго произвола, вытребовать отъ короля такіа гарантіи, которыми обезпечивались бы наслѣдованныя отъ предковъ права націи, было бы предотвращено введеніе абсолютизма. Съ этимъ намѣреніемъ палата общинъ составила Просьбу права (Petition of Right), требовавшую, чтобы король обязался соблюдать законы, которые нарушалъ: не арестовать никого безъ объявленія законной причины, не принуждать никого къ платежу налоговъ или займовъ, не установленныхъ парламентомъ. Подъ условіемъ согласія короля на эту просьбу палата общинъ хотѣла дать ему пять субсидій (пять единицъ счета налога, каждая изъ которыхъ составляла около 80.000 фунтовъ). Карлъ колебался принять требованіе, ограничивавшее его произволъ; онъ говорилъ, что соединять установленіе налоговъ съ условіями, — противозаконное нововведеніе, а безъ полномочій производить аресты невозможно охранить безопасность государства и короля, предотвращать мятежи, что для этого необходимо арестовать людей безъ объявленія причинъ, безъ соблюденія юридическихъ формъ. Палата пэровъ желала смягчить досаду короля прибавленіемъ къ Просьбѣ права оговорки въ пользу королевской власти. Карлъ отказалъ Просьбѣ права въ утвержденіи, пытаясь успокоить палату общинъ изустнымъ увѣреніемъ, что будетъ охранять права націи съ такой же заботливостью, какъ свою прерогативу. Но палата общинъ требовала гарантіи болѣе прочной. Карлъ пригласилъ членовъ верховныхъ трибуналовъ на тайное совѣщаніе, прося ихъ высказать формальное юридическое мнѣніе по вопросу: совершенно ли отнять онъ у себя власть производить произвольные аресты, если утвердитъ Просьбу права. Они (26 мая 1628) составили свой отвѣтъ въ выраженіяхъ уклончивыхъ, но показывавшихъ возможность не стѣсняться въ случаяхъ крайней надобности правилами Просьбы права.

Карлъ не удовлетворился этимъ, продолжалъ отвергать Просьбу права. Патриоты приписывали это внушенію Бокингема, находящаго пользу себѣ въ несогласіи между королемъ и парламентомъ, считали его поддерживающимъ въ королѣ деспотическія понятія, виновникомъ всѣхъ дурныхъ поступковъ Карла. Оппозиція обратилась противъ фаворита, навлекшаго на себя всеобщую ненависть гибельнымъ вліяніемъ на дѣла, презрѣніе тщеславіемъ и легкомысліемъ. Пуританская строгость нравственности, распространившаяся въ среднемъ сословіи, возмущалась распутствомъ Бокингема, щегольствомъ, которымъ онъ очаровывалъ женщинъ; измѣнчивость мыслей, съ какою составлялъ и покидалъ онъ свои политическіе планы, своекорыстіе, съ какимъ велъ онъ дѣла, заставляли думать, что, пока длится его вліяніе на короля, останутся невозможными твердая политика и законный порядокъ. Потому послѣ горячихъ споровъ палата общинъ рѣшила предать Бокингема суду за нарушеніе консти-

туціи. Это было принято королемъ за пестерпимую обиду. Карлъ не хотѣлъ отдать своего любимца въ жертву врагамъ, не хотѣлъ допустить ненавистный принципъ отвѣтственности министровъ. Посоветовавшись съ ними, онъ рѣшилъ, для предотвращенія процесса надъ Бокингемомъ, смягчить палату общинъ согласіемъ на Просьбу права, поѣхалъ 7 іюня въ палату пэровъ, пригласилъ туда по обычаю палату общинъ и далъ свое утвержденіе Просьбѣ права. Парламентъ и вся нація были въ восторгѣ. Повсюду звонили въ колокола, зажигали иллюминаціонныя костры.

Но примиреніе не было искреннимъ. Рѣчь короля въ парламентѣ заключала въ себѣ выраженія, показывавшія, что онъ не хочетъ уступать ничего изъ своей прерогативы, только покоряется требованію обстоятельствъ, сохраняя свои понятія о полномъ власти короля. Палата общинъ видѣла это и не имѣла довѣрія къ правительственной системѣ, руководителемъ которой оставался Бокингемъ; совѣщанія палаты были наполнены жалобами на нарушенія законовъ, между прочимъ на неисполненіе законовъ противъ рекузантовъ, становившихся дерзкими и въ Англіи и въ Ирландіи, на постыдную неудачу экспедиціи Бокингема, повредившей и интересамъ и чести Англіи. Палата общинъ, отказавшись отъ преданія Бокингема суду, приняла ремонстрацію (представленіе) королю о томъ, чтобы онъ для успокоенія націи удалилъ его отъ дѣлъ. Карлъ сильно разсердился, принялъ съ упреками депутацію палаты общинъ, посланную къ нему для передачи ремонстраціи, сказалъ ей, что палата не понимаетъ государственныхъ дѣлъ. Ссора возобновилась; палата общинъ подняла вопросъ о незаконности таможенныхъ пошлинъ, не установленныхъ парламентомъ. Король рѣзко объявилъ, что право взимать эти пошлины принадлежитъ ему, и 26 іюня гнѣвно отсрочилъ засѣданія парламента.

Тогда готовилась экспедиція для освобожденія Ла-Рошели отъ осады. Получивъ черезъ отсрочку парламентскихъ засѣданій свободу дѣйствій, Бокингемъ поѣхалъ въ Портсмутъ ускорить отплытіе флота. У него были обширные военные планы; онъ хотѣлъ побѣдами заглушить оппозицію, упрочить королевское полномочіе. Ему удалось привлечь на сторону правительства двухъ изъ даровитѣйшихъ вождей оппозиціи, Сэвила (Savile) и Уэнтворта (Wentworth); они получили титулъ баронетовъ, поступили въ королевскую службу. Но недовольство гдубоко укоренилось въ націи; представленіе палаты общинъ королю объ удаленіи Бокингема отъ дѣлъ было одобряемо громаднымъ большинствомъ англичанъ. Появлялись рѣзкіе памфлеты противъ Бокингема; врачъ его Лэмъ (Lamb) былъ убитъ на улицѣ. Скоро и Бокингема постигла та же участь: 23 августа онъ шелъ черезъ наполненный людьми аванзалъ своего портсмутскаго дома и внезапно получилъ въ грудь ударъ кинжала. Рана была смертель-

ная; онъ умеръ послѣ непродолжительной агоніи. Убийцею былъ офицеръ Фельтонъ, два раза обойденный повышеніемъ въ чинъ при производствѣ младшихъ его по службѣ, возненавидѣвшій герцога за это. Ремонстрація палаты общинъ и всеобщая ненависть къ Бокингеу, считавшемуся врагомъ націи и религіи, укрѣпила Фельтона въ мысли отмстить за себя. На немъ нашли записку, говорившую: «Трусь, низокъ, не достоинъ имени джентльмена и солдата тотъ, кто не готовъ пожертвовать жизнью за честь Бога, короля и отечества». Въ квартирѣ его нашли другія записки, показывавшія, что онъ считалъ исполненіемъ обязанности передъ Богомъ и отечествомъ убить врага націи. На вопросъ о соумышленникахъ онъ сказалъ, что заслуга и слава его дѣла принадлежитъ ему одному. Чтобы убить Бокингема онъ пріѣхалъ въ Портсмутъ изъ-за 70 миль. На судѣ онъ остался твердъ въ мысли, что поступилъ хорошо. Но передъ казнью высказалъ раскаяніе. Правительство хотѣло подвергнуть его пыткѣ, надѣясь вынудить ея къ открытію соумышленниковъ, но судьи воспретили пытку, объявивъ, что она противна англійскимъ законамъ. — Бокингеу было тогда только еще 36 лѣтъ; онъ оставался владыкой надъ мыслями Карла, какъ владычествовалъ надъ его отцомъ. Король счумѣлъ скрыть свое волненіе при извѣстіи о смерти Бокингема, выслушалъ рассказъ, сохраняя спокойствіе на лицѣ, но потомъ провелъ два дня, запершись отъ всѣхъ, давая свободу своей печали. Онъ называлъ убитаго мученикомъ за государя, велѣлъ похоронить его въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ. Похороны были совершены 17 сентября.

Въ январѣ слѣдующаго (1629) года Карлъ снова созвалъ парламентъ. Депутаты собрались подъ впечатлѣніями, вызывавшими новую борьбу. Ла-рошельская экспедиція опять кончилась постыдно; англійскій флотъ не оказалъ никакой помощи осажденному городу, и онъ принужденъ былъ сдаться. Многіе лондонскіе купцы, не хотѣвшие платить таможенныхъ пошлинъ, не установленныхъ парламентомъ, были преданы суду, должны были внести залогомъ, чтобы не быть арестованными. При дворѣ королевы снова проявилась пропаганда католицизма; паписты и въ особенности іезуиты пользовались покровительствомъ короля. Духовенство узкаго клерикальнаго направленія (такъ называемой Высокой церкви, High Church) возбуждало ропотъ своей склонностью къ арминіанству, считавшемуся переходомъ къ католицизму. Въ новомъ изданіи англійскаго символа вѣры были прибавлены слова: «церковь можетъ опредѣлять богослужебные обряды и имѣть верховную власть въ дѣлахъ вѣры;» это казалось опасностью для акта о единообразіи богослуженія, нарушеніемъ правъ парламента. Монтегью, проповѣдывавшій неограниченность королевской власти, былъ назначенъ епископомъ чичестерскимъ; другой священникъ Роджеръ Менуэрингъ (Mainwaring), доказывавшій Священнымъ

Писаніемъ, что король имѣетъ неограниченную власть и можетъ устанавливать налоги безъ согласія парламента, былъ освобожденъ королемъ отъ уплаты штрафа, наложеннаго на него палатой общинъ. Было сдѣлано официальное изданіе Просьбы права, въ которомъ формальное королевское утвержденіе было замѣнено предшествовавшимъ ему, отвергнутымъ палатой общинъ уклончивымъ, неопредѣленнымъ заявленіемъ короля о своей вѣрности закону. Этотъ подлогъ возбудилъ всеобщее недовѣріе къ искренности короля. Потому совѣщанія палаты общинъ скоро приняли рѣзкій характеръ. Король утверждалъ, что таможенные пошлины даны и ему на всю жизнь, какъ его предшественникамъ, называлъ оскорбительнымъ для себя мнѣніе, что право взимать ихъ предоставлено ему лишь на короткое время, говорилъ, что непрерывность доходовъ необходима для правильного веденія государственнаго хозяйства. Палата общинъ отвергала его понятія, защищала свое право устанавливать налоги, давать таможенные пошлины лишь на опредѣленный срокъ, требовала, чтобы ей былъ представленъ отчетъ въ государственныхъ доходахъ и расходахъ. Король велѣлъ казначейству и таможеннымъ чиновникамъ продолжать взиманіе таможенныхъ пошлинъ, подвергать штрафу отказывающихся платить ихъ. Палата общинъ 2 марта потребовала, чтобы возвращены были лондонскимъ купцамъ товары, конфискованные у нихъ за неплатежъ пошлинъ, и чтобы преданы были суду чиновники, взимавшіе эти пошлины, не установленные парламентомъ. Карлъ велѣлъ отсрочить засѣданія палаты общинъ до 10 марта. Спикеръ (президентъ) палаты Джонъ Финчъ, перешедшій изъ оппозиціи въ партію, поддерживавшую короля, объявилъ палатѣ это повелѣніе и хотѣлъ прекратить засѣданіе, но Джонъ Эліотъ предложилъ палатѣ протестовать и оппозиція хотѣла, чтобы протестъ былъ вотированъ до отсрочки засѣданія; изъ этого произошла сцена, какой еще никогда не бывало въ палатѣ общинъ: Голлисъ (Hollis) и Вэлентейнъ (Valentine) положили руки на плеча спикеру и силой принудили его оставаться сидящимъ на президентскомъ креслѣ. Протестъ былъ прочитанъ при шумномъ одобреніи; спикеръ плакалъ и кричалъ; его не пускали встать; герольдъ Чернаго жезла (церемоніймейстеръ королевскаго апартаментовъ въ дворцѣ парламента), принесшій повелѣніе короля палатѣ общинъ немедленно разойтись, появился въ аванзалѣ; передъ нимъ заперли дверь зала засѣданій, чтобы кончить вотированіе протеста, предложеннаго Эліотомъ, и говорившаго: долженъ считаться измѣнникомъ, врагомъ государства и быть подвергнутъ законному наказанію за измѣну каждый пытающійся ввести папизмъ, аріанство или какое другое ученіе, несогласное съ ортодоксальностью истинной церкви, каждый собирающій или со-вѣтующій взимать налоги, не установленные парламентомъ, и каждый платящій ихъ. Едва было принято большинствомъ палаты общинъ

это рѣшеніе, какъ начали по приказанію, присланному королемъ, выламывать двери зала засѣданій. Члены палаты ушли и разѣхались по домамъ.—Послѣ такого разрыва примиреніе короля съ парламентомъ стало невозможно. Члены тайнаго совѣта и въ особенности казначей Ричардъ Уэстонъ, ненавидимый народомъ за покровительство католикамъ и за дружбу съ иезуитами, укрѣпляли Карла въ рѣшеніи защищать права королевской власти, какъ онъ понималъ ихъ. По окончаніи времени отсрочки засѣданій, 10 марта, Карлъ пріѣхалъ въ палату пэровъ и, не приглашая туда палату общинъ, какъ того требовалъ обычай, объявилъ, что парламентъ распускается. Передъ тѣмъ онъ отдалъ приказаніе арестовать девять членовъ палаты общинъ, въ томъ числѣ Эліота, Голлиса, Велентейна, Сельдена, и предать ихъ суду за непокорность королю. Распустивъ парламентъ, онъ обнародовалъ прокламацію, въ которой говорилъ, что достаточно доказалъ несправедливость мнѣнія, будто онъ враждебенъ системѣ управления при содѣйствіи парламента, но что мятежный образъ дѣйствій членовъ палаты общинъ принудилъ его противъ воли вступить на иной путь; что теперь онъ не будетъ созывать парламента и приметъ за оскорбленіе себя, если кто нибудь будетъ принуждать его къ созванію парламента: прежде чѣмъ выбирать представителей, нація должна научиться лучше нынѣшняго понимать характеръ своихъ поступковъ и свои интересы; созывать и распускать парламентъ—исключительное право короля, который можетъ созывать или не созывать парламентъ, какъ хочетъ. — Этимъ начался новый періодъ въ исторіи англійской конституціи. Карлъ вступилъ на путь самовласти, которымъ успѣшно шелъ во Франціи подъ руководствомъ Ришельё Людовикъ XIII. Но положеніе дѣлъ въ Англіи было иное: во Франціи абсолютизмъ подавлялъ сословные и личные интересы; въ Англіи парламентъ былъ выраженіемъ національной воли и стремился возстановить права народа, погрязнныя деспотизмомъ Тюдоровъ.

2. Управление государствомъ безъ парламента.

Карлъ рѣшился низвергнуть законный государственный порядокъ, править Англіей безъ содѣйствія парламента. Его укрѣпляли въ этомъ намѣреніи нѣкоторые члены тайнаго совѣта (кабинета); вліятельнѣйшими изъ нихъ были Уэнтвортъ и Уэстонъ. Уэнтвортъ, увлеченный честолюбіемъ, перешелъ, какъ мы видѣли, еще при жизни Бокингема изъ оппозиціи въ партію слугъ абсолютизма. Онъ былъ человекъ очень большаго ума и сильной воли, не отступавшій

ни передъ какими средствами. Сдѣлавшись членомъ кабинета, онъ обратилъ всѣ силы ума и воли на расширеніе королевской власти, на установленіе абсолютизма. Съ ожесточеніемъ ренегата онъ боролся теперь противъ понятій, которыя защищалъ прежде и противъ своихъ политическихъ друзей, стремясь поработить націю произвольному управленію. Ричардъ Уэстонъ былъ даровитый администраторъ, неутомимый въ работѣ, неистощимо изобрѣтательный въ приискиваніи способовъ къ исполненію желаній короля. Оба они пріобрѣли довѣріе Карла и быстро возвысились. Уэнтвортъ былъ назначенъ лордомъ—намістникомъ Ирландіи, сдѣланъ графомъ Стрэффордъ; Уэстонъ былъ сдѣланъ графомъ Портлендомъ и, женивъ своего сына на дѣвушкѣ изъ фамиліи Ленноксовъ, породнился съ королевской династіей. Наибольшимъ послѣ нихъ довѣріемъ короля пользовались Джемсъ Ге (Hay), графъ Карлейль (Carlisle), шотландецъ, пріѣхавшій съ Іаковомъ въ Англію и исполнявшій много дипломатическихъ порученій, и Генри Ричъ, графъ Голлендъ, кліентъ Бокингема, пользовавшійся покровительствомъ королевы, которую сопровождалъ изъ Франціи въ Англію; человекъ богатый и любящій роскошь, онъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ царедворцевъ. Вмѣстѣ съ ними усердными прислужниками королевскаго произвола были графъ Эрондель (Arundel), вельможа изъ фамиліи Гоуэрдовъ, Коттингтонъ, тайный папистъ, и Додли Диггсъ. Вся эта кoterія одобряла короля въ рѣшимости ввести абсолютизмъ.

Англія еще находилась въ войнѣ съ Франціей, но не могла ожидать себя никакихъ успѣховъ по взятіи Ла-Рошели. Ришельё уже вступилъ въ переговоры съ гугенотами и вскорѣ заключилъ миръ съ ними. Англійское правительство нашло надобнымъ примириться съ Франціей, чтобъ обратить всѣ свои силы на передѣлку англійскаго государственнаго устройства; венеціанскіе послы въ Лондонѣ и Парижѣ приняли на себя посредничество, и 1 апрѣля 1629 года былъ подписанъ въ Сузѣ договоръ, по которому Англія обязалась не помогать гугенотамъ и разорвала тѣмъ послѣднюю связь съ прежними своими владѣніями въ юго-западной Франціи. Давая по нимскому эдикту сносное положеніе гугенотамъ, Ришельё, быть можетъ, руководился желаніемъ угодить Англіи, но въ трактатѣ съ Англіей нѣтъ ничего въ пользу гугенотовъ. Они перестали рассчитывать на покровительство ея. Ришельё сдѣлалъ уступку ей по другому дѣлу: онъ не требовалъ буквальнаго исполненія брачнаго договора, по которому королева англійская могла имѣть при себѣ неограниченное число французовъ и француженокъ католическаго исповѣданія, согласился, чтобъ ея придворный штатъ остался уменьшеннымъ, потому что отмѣна распоряженія объ этомъ раздражила бы пуританъ. Ришельё велъ тогда войну съ испанцами и австрійцами въ Италіи и надѣялся, что Карлъ пошлетъ войско противъ нихъ въ Германію.

На это можно было рассчитывать потому, что Карлъ постоянно выражалъ намѣреніе возстановить курфирста пфальцкаго, мужа его сестры. Но въ английской казнѣ не было денегъ и нельзя было получить надобныя для войны огромныя суммы иначе, какъ попросить ихъ у парламента, а Карлъ не хотѣлъ созывать его и пожертвовалъ интересами сестры и ея мужа своему абсолютизму. Не получая помощи Англіи, король датскій былъ побужденъ императоромъ, помирился съ нимъ. Карлъ послѣдовалъ примѣру дяди. Брюссельское правительство вступило въ переговоры съ нимъ черезъ Рюбенса; они продолжались въ Мадридѣ английскимъ посланникомъ Коттингтономъ и пріѣхавшимъ въ Лондонъ министромъ Изабеллы, правительницы испанскихъ Нидерландовъ, Коломою; 5 ноября былъ заключенъ миръ съ Испаніей. Карлъ удовольствовался неопредѣленнымъ обѣщаніемъ Филиппа IV доставить ему удовлетвореніе по пфальцкому дѣлу.

Коттингтонъ, католикъ и приверженецъ Испаніи, согласился на предложеніе мадридскаго правительства, чтобы Англія помогла испанцамъ завоевать нидерландскую республику; за это они обѣщали отдать ей Зеландію. Но Карлъ отвергъ этотъ договоръ и успокоилъ сеймъ нидерландской республики увѣреніемъ, что миръ съ Испаніей не измѣнитъ его отношеній къ республикѣ. Временами онъ стыдился того, что покинулъ сестру и ея мужа. Въ такомъ настроеніи духа онъ написалъ сестрѣ, что при содѣйствіи Франціи и нидерландской республики возвратитъ владѣнія ея мужу; но это были пустыя слова. Когда Густавъ Адольфъ пошелъ въ глубину Германіи, къ нему присоединился Джемсъ Гэмилтонъ съ нѣсколькими полками шотландскихъ и английскихъ волонтеровъ; но, покинутые своимъ государемъ, эти храбрые люди почти всѣ погибли въ сраженіяхъ или отъ болѣзней, бывшихъ послѣдствіемъ недостатка въ продовольствіи. Когда Густавъ Адольфъ занялъ Пфальцъ, Карлъ отправилъ къ нему Генри Вена (Vane) просить о возвращеніи государства курфирсту, но Густавъ Адольфъ пренебрегъ желаніемъ государя, оставившагося въ дружбѣ съ его врагами. По смерти курфирста Карлъ тоже ничего не сдѣлалъ для его жены и сына: онъ только просилъ протестантскихъ государей и шведовъ вступить за его племянника; послать войско въ Германію онъ не могъ, потому что не хотѣлъ созывать парламентъ.

Такимъ образомъ Англія потеряла всякое вліяніе на европейскія дѣла. Голландцы между тѣмъ основывали свое господство надъ Малайскимъ архипелагомъ, Франція пріобрѣтала преобладаніе на континентѣ Европы и увеличивала свой флотъ. Когда на регенсбургскомъ сеймѣ императорскіе министры, убѣждая Максимилиана Баварскаго возвратитъ Пфальцъ племяннику Карла, говорили, что английскій флотъ сталъ бы тогда помогать императору и нѣмецкимъ католикамъ и это принесло бы имъ большую пользу, министръ Максимилиана Байеръ отвѣчалъ, что король английскій не можетъ долго держать флотъ въ дѣйствиіи, потому что не хочетъ примириться съ парламентомъ, безъ котораго нельзя ему имѣть деньги для войны.

Дѣйствительно, Карлъ не хотѣлъ созывать парламента и правилъ Англіею самовластно болѣе десяти лѣтъ. Онъ не имѣлъ въ это время тѣхъ доходовъ, какіе далъ бы ему парламентъ. Но его совѣтники придумывали противозаконные способы собирать деньги съ народа. Онъ продолжалъ взимать таможенные пошлины по истеченіи срока, на который были онѣ даны ему парламентомъ. По заключеніи мира съ Франціей и Испаніей морская торговля англичанъ увеличилась и таможенные пошлины доставляли много денегъ. Карлъ устанавливалъ новые налоги. Государственный казначей Уэстонъ былъ бережливъ. Онъ и его помощники прискивали въ старинныхъ документахъ предлоги брать деньги съ народа по самовластнымъ повелѣніямъ короля, находили много такихъ предлоговъ. По феодальному обычаю вассалы являлись къ королю для полученія рыцарскаго сана. Это давно вышло изъ обыкновенія, но теперь землевладѣльцы, не исполнившіе стариннаго обычая, были подвергнуты штрафамъ. Правительство брало большія деньги съ людей, владѣвшихъ теперь бывшими коронными и церковными землями, называя неудобствительными тѣ документы, по которымъ они владѣютъ ими. По всей Англіи разъѣзжали лѣсничіе, требуя документовъ на владѣніе землями отъ людей, поселившихся въ мѣстностяхъ, нѣкогда бывшихъ лѣсами королевской охоты; не имѣвшіе документовъ принуждены были платить деньги. Іаковъ, находя, что Лондонъ слишкомъ расширяется, что отъ громадности населенія развиваются въ немъ повальныя болѣзни, запретилъ строить дома за опредѣленными для города границами; но трибуналы объявили это распоряженіе незаконнымъ, и Лондонъ продолжалъ расширяться во всѣ стороны. Теперь правительство стало брать штрафы съ владѣльцевъ домовъ, построенныхъ за границами, опредѣленными для Лондона Іаковомъ. Оно къ большому вреду для промышленности и торговли устанавливало и продавало монополіи; возникла особая отрасль спекуляціи покупать ихъ; для этого составлялись общества. Такими способами правительство собирало деньги, достаточныя при экономномъ управленіи финансами для покрытія расходовъ въ спокойное время, не требовавшее особенныхъ издержекъ. Свои произвольные поборы правительство вводило осмотрительно. Венеціанскій посланникъ Корнаро говоритъ: «Король плыветъ между скалами медленно и осторожно. Судьи толкуютъ законы въ его пользу, потому что нѣтъ парламента, чтобы остановить ихъ, и подданные послѣ судебного рѣшенія не смѣютъ сопротивляться. Ключемъ законовъ король отпираетъ себѣ дверь къ абсолютной власти».

Довольно долго правительство производило поборы только съ землевладѣльцевъ и торговцевъ; ужъ и тогда былъ сильный ропотъ. Общее раздраженіе увеличилось, когда, ссылаясь на старые законы, не относившіеся къ дѣлу, правительство установило налогъ, обременявшій

всю массу населенія. Въ старыя времена бывало, что когда государству угрожало нападеніе, король требовалъ снаряженія кораблей или платежа денегъ взамѣнъ ихъ. Такъ поступила Елизавета, когда Англіи угрожала Армада. Но теперь Англія не была ни съ кѣмъ въ войнѣ, не могло быть никакого нападенія на нее, и однакоже король потребовалъ корабельныхъ денегъ, какъ назывались денежные взносы вмѣсто поставки кораблей. Притомъ, въ старину этотъ налогъ взимался только съ приморскихъ городовъ, теперь король требовалъ его отъ всѣхъ частей Англіи. Онъ долженъ былъ доставить казнѣ 218.000 фунтовъ. — Кромѣ того, король хотѣлъ насильно брать людей въ военную службу подъ предлогомъ учрежденія милиціи для охраненія береговъ. Эти люди должны были составить основу постоянного войска, которое Карлъ хотѣлъ сформировать для подавленія всякаго сопротивленія его произволу. Масса народа взволновалась. Правительство передало дѣло на рѣшеніе высшихъ трибуналовъ Англіи. Ихъ судьи объявили, что когда государство находится въ опасности, то король можетъ, если найдетъ необходимымъ, повелѣть грамотою за большой государственной печатью, чтобы подданные доставили ему столько кораблей, сколько найдетъ онъ надобнымъ. Ссылаясь на это рѣшеніе, Карлъ сталъ вынуждать уплату корабельныхъ денегъ. — Но высшіе трибуналы уже столько разъ выказывали себя орудіями деспотизма, что народъ потерялъ довѣріе къ ихъ безпристрастію. При дворѣ радовались судебному рѣшенію, разсуждали о томъ, что можно дать ему широкое примѣненіе и къ другимъ произвольнымъ поборамъ. Лордъ Стрэффордъ писалъ изъ Ирландіи: «Такъ какъ король имѣетъ право установить налогъ для снаряженія флота, то должно думать то же самое о наборѣ войска для обороны государства; а на томъ же основаніи должно принадлежать ему и право посылать это войско за границу для предотвращенія нападенія. Пока король не имѣетъ такого же права собирать деньги для войска, какое имѣетъ собирать ихъ для флота, власть его стоитъ лишь на одной ногѣ. То, что законъ для Англіи, законъ и для Шотландіи и для Ирландіи. Это судебное рѣшеніе дѣлаетъ короля неограниченнымъ государемъ въ его владѣніяхъ и грознымъ для иноземцевъ. Пусть онъ только удержится нѣсколько лѣтъ отъ войны, чтобъ его подданные привыкли къ этому налогу, и онъ станетъ могущественнѣе всѣхъ прежнихъ королей». Но только слуги Карла думали такъ. Народъ считалъ сборъ корабельныхъ денегъ незаконнымъ. Богатый землевладѣлецъ графства Бокингемскаго, Джонъ Гемпденъ, человѣкъ спокойнаго, умѣреннаго, но твердаго характера, отказался заплатить ничтожную сумму 20 шиллинговъ, которую требовали съ него, какъ его долю въ платежѣ корабельныхъ денегъ. Онъ отдалъ на рѣшеніе суда вопросъ, обязанъ ли онъ уплатить эти деньги. Судьи палаты казначейства не могли отказать ему въ этомъ требованіи и въ ноябрѣ

1637 начался процессъ, за ходомъ котораго слѣдила съ волненіемъ вся Англія; онъ длился три мѣсяца и былъ рѣшенъ общимъ собраніемъ всѣхъ трехъ верховныхъ трибуналовъ. Семь судей высказались за королевскую прерогативу; пять судей за Гемпдена. Такимъ образомъ, по формѣ дѣло было выиграно правительствомъ; но доводы Гемпдена противъ права короля требовать корабельныхъ денегъ были признаны всею націей за справедливые. Гемпденъ приобрѣлъ всеобщее уваженіе, верховные трибуналы утратили всякій нравственный авторитетъ. Нація рѣшила, что они неправильно истолковываютъ законы въ пользу королевскаго произвола.

Еще больше налоговъ раздражала народъ жестокость, съ какою король преслѣдовалъ сопротивлявшихся произволу его въ политическихъ дѣлахъ или не признававшихъ государственной церкви. Подобно отцу Карлъ былъ мститель, никогда не прощалъ разсердившихъ его, подвергалъ ихъ безпощадному притѣсненію. Арестованные члены парламента, отказавшіеся признать законность суда надъ ними, были содержимы въ темницѣ такъ сурово, что одинъ изъ нихъ, Эліотъ, умеръ въ Тоуэрѣ. Жестокое преслѣдованіе пуританъ представляло рѣзкій контрастъ снисходительности къ католикамъ рекузантамъ. Карлъ, присвоивая себѣ безусловную власть по церковнымъ дѣламъ, утверждалъ, что королю принадлежитъ право освобождать отъ наказанія людей, осужденныхъ по церковнымъ законамъ (давать диспенсацию отъ церковныхъ законовъ), и отмѣнялъ приговоры противъ католиковъ, или позволялъ имъ откупаться отъ наказаній ничтожными штрафами. Въ безчисленныхъ мѣстахъ совершалось католическое богослуженіе; королева и послы католическихъ государей пышно отправляли католическіе праздники въ своихъ капеллахъ, въ которыя были допускаемы не только иноземные, но и англійскіе католики; семинаріи для англичанъ на континентѣ каждый годъ присылали въ Англію своихъ фанатизированныхъ воспитанниковъ, рукоположенныхъ въ священники. Папскій агентъ, шотландецъ Конъ, давшій своей фамилии итальянскую форму Кунео, убѣждалъ короля отмѣнить или ослабить присягу вѣрности, установленную послѣ пороховаго заговора; внушалъ Карлу, что онъ можетъ сдѣлать это и безъ согласія парламента по своей диспенсационной власти; вѣроятно, склонялъ короля принять католичество, объясняя, что при поддержкѣ папы онъ станетъ могущественнѣе прежняго въ дѣлахъ иностранной политики. Но Карлъ и его совѣтники вовсе не желали подчиниться папѣ въ церковныхъ дѣлахъ; они только хотѣли заимствовать изъ католичества пышность богослуженія. Карлъ очень любилъ англиканскую церковь, духовенство которой раболѣпствовало передъ нимъ и проповѣдывало безусловную покорность королю. Пристрастіе Карла къ епископальной церкви усиливалось тѣмъ, что политическіе противники его держались другихъ понятій о церковномъ устройствѣ;

многіе члены оппозиціи были пресвитеріане, и вмѣстѣ съ религіозными мнѣніями ихъ распространялись въ народѣ и политическія. Карлъ, какъ мы говорили, преслѣдовалъ этихъ пуританъ, какъ назывались пресвитеріане въ Англіи. Слѣдуя въ политическихъ дѣлахъ совѣтамъ Стрэффорда, онъ имѣлъ въ церковныхъ дѣлахъ главнымъ своимъ орудіемъ Уильяма Лода (Laud), котораго въ 1633 году сдѣлалъ архіепископомъ Кентерберійскимъ. Это былъ фанатикъ, державшійся одинаковыхъ съ Карломъ понятій о божественномъ правѣ королевской власти, объ обязанности подданныхъ безусловно повиноваться королю, раздѣлявшій его любовь къ пышности обрядовъ богослуженія. Вліяніе королевы на мужа увеличивалось, а всѣ ея приближенные были католики; она имѣла сношенія съ папой черезъ тайныхъ іезуитовъ. Англичане полагали, что король хочетъ возстановить католичество. Доказательствами того служили слова приверженцевъ Высокой церкви, называвшихъ реформацію схизмой, порицавшихъ ее, и непрерывное увеличеніе католическихъ элементовъ въ англиканскомъ богослуженіи. О многихъ вліятельныхъ при дворѣ людяхъ, какъ напримѣръ объ Эрнделѣ (Arundel), Уэстонѣ, Коттингтонѣ, Уэйндебэнкѣ (Windebank) трудно было сказать, католики они или англиканцы. Лодъ казался человѣкомъ способнымъ помогать возстановленію католичества. Говорили, что папа обѣщалъ ему кардинальскій санъ; правда ль это, или нѣтъ, но онъ вводилъ католическіе обряды: замѣнилъ алтарями длинные столы, сидя за которыми принимали святое причастіе по прежнему обычаю англиканской церкви, украшалъ церкви образами и другими принадлежностями католическихъ храмовъ, вводилъ исповѣдь, колѣнопреклоненія въ торжественныя минуты богослуженія — все это заставляло думать, что онъ желаетъ возстановить католичество; ему приписывали ту прибавку къ англиканскому символу вѣры, что власть церкви не можетъ быть стѣснена актомъ единообразія богослуженія; онъ былъ горячій приверженецъ іерархической системы, считалъ епископство божественнымъ учрежденіемъ, говорилъ, что нельзя признавать христіанскими тѣхъ церквей, которыя не имѣютъ епископальнаго устройства, самымъ суровымъ образомъ примѣнялъ къ пуританамъ уголовные законы, не примѣнявшіеся къ католическимъ рекузантамъ. Подъ его вліяніемъ Верховная коммиссія (вышая судебная власть по церковнымъ дѣламъ) велѣла отрѣзывать уши и носы пуританамъ. Еще будучи епископомъ лондонскимъ, Лодъ подвергъ этому наказанію пуританина Литона (Leighton) за памфлетъ противъ двора и іерархіи. Съ развитіемъ политической реакціи усилилась и церковная. Противозаконные трибуналы, учрежденные Тюдорами, Верховная коммиссія, бывшая высшимъ судомъ по дѣламъ религіи и Звѣздная палата (получившая это названіе по звѣздамъ, которыми былъ разрисованъ плафонъ зала ея засѣданій), высшее судилище по политическимъ дѣламъ, подвергали

тяжелымъ и позорнымъ наказаніямъ противниковъ господствующей системы. Принну, горячему пуританину, члену адвокатской корпораціи Линкунъ Инна (Lincoln Inn) были отрѣзаны уши, изувѣченнаго поставили къ позорному столбу, подвергли тяжелому денежному штрафу и бросили его въ темницу съ тѣмъ, чтобы держать тамъ до конца жизни; вина его была та, что въ книгѣ «Бичеваніе комедіантовъ» онъ называлъ дѣлами діавола тапцы, маскарады и спектакли, которые любилъ дворъ. Лилъборнъ, агитаторъ радикальнаго образа мыслей, былъ проведенъ подъ ударами плетей по Лондону отъ Флитской тюрьмы до Уэстминстера и потомъ закованъ въ цѣпи.

Кальвинисты, въ особенности англійскіе, горячо возставали противъ всякихъ мірскихъ развлеченій; танцы и спектакли они считали тяжкими грѣхами. Епископальная церковь была снисходительнѣе, позволяла народныя развлеченія, допускала спектакли по воскресеньямъ, которыя пуритане посвящали исключительно молитвамъ. Дворъ и аристократія покровительствовали театру и изящнымъ искусствамъ. Карлъ покупалъ много произведеній живописи и ваянія. Рюбенсъ и Ванъ Дейкъ были приняты при дворѣ и у вельможъ. Король оскорблялся тѣмъ, что пуритане порицаютъ эти его склонности, осуждаютъ надменность епископовъ, склонность ихъ къ папизму, предвѣщаютъ двору земную и вѣчную гибель за его веселости, называютъ прекрасныя картины идолопоклонническими или неприличными. Онъ все рѣшительнѣе вводилъ абсолютизмъ, все безпощаднѣе преслѣдовалъ пуританъ. Наказанія увеличивали ихъ вражду. Преслѣдуемые Лодомъ пуританскіе проповѣдники ходили по городамъ и селеніямъ, возбуждая народъ фанатичными рѣчами; они говорили библейскимъ языкомъ, примѣняли къ современному положенію дѣлъ проповѣди пророковъ противъ идолопоклонства. Многіе противники церковнаго и политическаго деспотизма уѣхали тогда въ Америку. Первый сталъ говорить о переселеніи туда Джонъ Робинсонъ, вліятельнѣйшій проповѣдникъ того отдѣла пуританъ, который впослѣдствіи образовалъ особую секту, называвшуюся индепендентскою. Уѣхали въ Америку даже вельможи, какъ напримѣръ графъ Уоррикъ (Warwick), лорды Брукъ, Се (Say), Скейлъ (Scale), уѣхало множество дворянъ. Эмигранты основывали поселенія у Мэссачусетскаго залива и въ другихъ мѣстностяхъ приморья. Король запретилъ переселеніе въ Америку въ то самое время, когда собирались уѣхать туда нѣкоторые изъ людей, ставшихъ впослѣдствіи вождями оппозиціи. Одинъ изъ нихъ, Джонъ Пимъ, уже купилъ себѣ землю въ Мэссачусетсѣ. Но и онъ былъ принужденъ остаться въ Англіи.

3. Шотландскія дѣла.

Карлъ не замѣчалъ, что его престолъ стоитъ на вулканѣ, пока шотландцы не подняли оружія противъ него. Онъ хотѣлъ ввести и въ другихъ своихъ королевствахъ то церковное устройство, которое ввелъ въ Англію, установить повсюду власть протестантскихъ епископовъ, какъ опору верховной власти короля надъ церковью. Устройство, данное ирландской протестантской церкви, основанной Джемсомъ Ошеромъ (Usher), архіепископомъ Армаскимъ (Armagh), имѣло пресвитеріанскіе элементы, принятые въ угожденіе шотландцамъ, поселившимся въ Ирландію. Въ 1634 году Уэнтуртъ, лордъ-наместникъ Ирландіи, заставилъ дублинскій парламентъ и дублинскую конвокацію (областной соборъ) уничтожить эту примѣсь и дать ирландской протестантской церкви полную одинаковость съ епископальной англійской. Карлъ хотѣлъ сдѣлать то же въ Шотландіи. Іаковъ ужъ возстановилъ тамъ, какъ мы говорили, епископскій санъ, назначилъ Стиллингфлита архіепископомъ и примасомъ шотландской церкви. Онъ зналъ своихъ соотечественниковъ, и одобрялъ умѣренность, съ какою дѣйствовалъ Стиллингфлитъ. Общій соборъ (General Assembly) сохранялъ законодательную власть надъ церковью; примасъ довольствовался тѣмъ, что пресвитеріанскіе проповѣдники, строго державшіеся кальвинистскихъ понятій, не подымали открытаго сопротивленія, терпѣли нововведенія, не слѣдуя имъ сами. Онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что они не исполняли рѣшеній, принятыхъ по его настоянію большинствомъ общаго собора въ 1618 году (такъ называемыхъ пяти пертскихъ статей).

Пертскія статьи постановляли: причастіе должно быть принимаемо съ колѣнопреклоненіемъ; возстановляются праздники, отлѣвенные кальвинистами. Пресвитеріане протестовали противъ этого; они говорили: въ евангеліяхъ нѣтъ ничего о томъ, что при причащеніи должно преклонять колѣна, а возстановляемые теперь праздники отзываются язычествомъ. (Кальвинисты праздновали только воскресенье, и строгое соблюденіе мелочныхъ правилъ мнимой набожности дѣлало его у пуританъ похожимъ на еврейскую субботу; они и называли его «днемъ субботнимъ», sabbath; названіе субботы на англійскомъ языкѣ совершенно иное, saturday).

Пресвитеріанскіе проповѣдники такъ ненавидѣли «прелатизмъ», что оппозиція ихъ ему не могла быть заглушена. Даровитѣйшіе, ученѣйшіе, энергичнѣйшіе изъ нихъ были наиболѣе горячими противниками епископальнаго устройства. Только безхарактерные, трусливые искали благосклонности правительства, доставлявшей имъ незаслуженныя выгоды и почести.

Англиканское устройство церкви было ненавистно шотландцамъ. Но Карлъ, пріѣхавшій въ 1633 году короноваться въ Единбургъ и взявшій туда съ собою Лода, выказалъ намѣреніе довести до конца начатое его отцомъ преобразование шотландской церкви въ англиканскую; онъ хотѣлъ дать большое содержаніе епископамъ, чтобы они блескомъ своимъ уничтожили пресвитеріанское равенство всѣхъ членовъ духовенства, хотѣлъ замѣнить синоды и присвитеріи епископскими судилищами, отнять новымъ церковнымъ уставомъ законодательную власть у общаго собора (general assembly) шотландской церкви, ввести въ Шотландію королевское супрематство (безусловную власть короля по управленію церковью), прекратить свободу проповѣди и выбора молитвъ введеніемъ англиканскаго служебника (Common Prayerbook), ввести англиканское облаченіе священниковъ и украшенія алтаря. На коронаціонной процессіи ѣхали верхами между вельможами епископы, одѣтые въ бархатъ. Въ слѣдующіе годы былъ обнародованъ рядъ распоряженій, вводившихъ въ пресвитеріанскую церковь англиканскія учрежденія. Король хотѣлъ, чтобы шотландскіе вельможи возвратили церкви десятину, перешедшую къ нимъ при введеніи реформации, и часть отданныхъ имъ тогда церковныхъ имѣній, думая обратить эти доходы и земли на увеличеніе содержанія епископовъ; онъ учредилъ въ Шотландіи Верховную комиссію, по образцу англійской; она дѣйствовала такъ сурово, что шотландцы говорили: она превосходитъ свирѣпостью испанскую инквизицію. Епископская юрисдикція получила очень большое расширеніе; Лодъ съ двумя другими англійскими епископами составилъ для Шотландіи служебникъ, въ которомъ къ англиканскому богослуженію, удержавшему въ себѣ много особенностей католическаго, были прибавлены обряды, имѣвшіе рѣшительно папистскій характеръ. Волненіе охватило всѣ сословія; устраивались тайныя собранія, къ которымъ готовились постомъ и молитвой. Наконецъ, было обнародовано повелѣніе ввести новые церковные законы и богослуженіе; негодованіе народа всыхнуло: 23 іюля 1637 года въ Единбургскомъ кафедральномъ храмѣ было назначено совершеніе литургіи по новому служебнику; примасъ Споттисвудъ, сдѣланный лордомъ канцлеромъ, епископы, большинство членовъ шотландскаго тайнаго совѣта (министерства), высшихъ трибуналовъ, Единбургскаго городского управленія явились присутствовать на этой литургіи. Но едва деканъ вышелъ въ пышномъ облаченіи и раскрылъ новый служебникъ, народъ закричалъ: «папа! антихристъ! побить его камнями!»—въ него стали бросать обломками скамей. Призванъ былъ вооруженный отрядъ, вытѣснилъ изъ церкви бушевавшую толпу, въ которой женщины кричали еще громче мужчинъ. Началась литургія; но народъ шумѣлъ кругомъ храма, бросалъ камнями въ окна и двери его. Раздраженіе было всеобщее, такъ что правительство не отважилось наказывать

за безпорядокъ въ храмѣ и около него, объявило, что введеніе новой литургіи отлагается до полученія новыхъ повелѣній отъ короля.

Испанцы и австрійцы подавляли тогда протестантство въ Германіи. Шотландцы и англичане приписывали Карлу намѣреніе подавить его у нихъ, потому сопротивленіе шотландцевъ было одобряемо всѣми кальвинистами. Угнетаемые англійскіе пуритане убѣждали шотландскихъ пресвитеріанъ быть твердыми; ирландскіе пресвитеріане считали дѣло шотландцевъ своимъ. Восторжествовавшіе на дордрехтскомъ соборѣ нидерландскіе кальвинисты съ интересомъ слѣдили за религиозной борьбой въ Англіи и Шотландіи, видя, что между противниками пуританъ и пресвитеріанъ много людей, склонныхъ къ арминіанству, преслѣдуемому ими. Сопротивленіе новому богослуженію въ Шотландіи усиливалось: 23 августа была подана тайному совѣту подписанная многими священниками просьба не вводить новаго служебника, не утвержденного ни общимъ соборомъ шотландской церкви, ни парламентомъ, возбуждающаго раздоры. Многіе изъ вельможъ и другихъ вліятельныхъ людей поддерживали эту просьбу, говорили, что шотландскіе цѣры должны отклонить короля отъ его намѣренія. Нѣкоторые изъ приверженцевъ короля перешли на сторону оппозиціи.

Но Карлъ оскорблялся ослушаніемъ, не хотѣлъ уступить. Онъ не рѣшился отвѣчать на просьбу прямымъ отказомъ, но объявилъ, что прежде всего долженъ быть возстановленъ порядокъ, отнялъ у Единбургскаго тайнаго совѣта верховное завѣдываніе церковными дѣлами, велѣлъ ему переѣхать въ Линлитго, чтобы быть вдали отъ народа. Шотландцы ждали королевскаго отвѣта 17 октября; къ этому дню собрались въ Единбургъ многіе вельможи, много священниковъ, массы простолюдиновъ. Услышавъ королевскій отвѣтъ, они рѣшили подвергнуть епископовъ обвиненію въ нарушеніи законовъ и условившись, что если Верховная коммиссія захочетъ преслѣдовать подписавшихъ прошеніе, то они отвергнутъ ея вызовы къ суду и будутъ защищать другъ друга. Это былъ первый шагъ къ возстанію. Сдѣлавшіе его не заявляли прямо, что отказываютъ въ повиновеніи королю, но приняли мѣры отражать силу силой. Они учредили комитетъ, въ составъ котораго выбрали членовъ отъ всѣхъ четырехъ сословій парламента—отъ пэровъ, духовенства, нетитулованнаго дворянства (gentry) и горожанъ; поручили ему засѣдать въ Единбургѣ, управлять дѣлами и удерживать народъ отъ безпорядковъ.

Въ декабрѣ пришло рѣшеніе короля. Онъ успокаивалъ шотландцевъ, заявляя, что „отъ глубины души гнушается папистскимъ суевѣріемъ, и никогда не сдѣлаетъ ничего, противнаго исповѣданію или законамъ Шотландіи“, но предоставлялъ себѣ право наказывать ослушниковъ и не соглашался отменить свои распоряженія по церковнымъ дѣламъ. Онъ хотѣлъ тянуть время, обманивая народъ неопредѣленными фразами, пока пріобрѣтетъ средства

осуществить свое намѣреніе. Онъ коварствовалъ; это было видно изъ его отвѣта лорду Трекуэру (Traquair), который по порученію тайнаго совѣта повезъ въ Лондонъ актъ обвиненія противъ шотландскихъ епископовъ и убѣждалъ короля отменить церковныя нововведенія. Карлъ отвѣчалъ, что епископы дѣйствовали по его волѣ, что онъ принимаетъ на себя отвѣтственность за ихъ поступки, что богослужебныя книги, въ составленіи которыхъ участвовалъ самъ онъ, содержатъ истинное христіанское ученіе и должны быть введены, что лишь когда будетъ оказано повиновеніе ему, онъ можетъ простить прошлое.

Шотландцы, считая нововведенія Карла подготовленіемъ къ возстановленію католичества, увидѣли себя въ такомъ же положеніи, какъ ихъ дѣды при гоненіи Маріи Гизъ на принимаемое ими тогда протестантство, и пошли тѣмъ же путемъ. Защитники пресвитеріанства снова собрались 28 февраля (1638 года) и рѣшили возобновить ковенантъ. Александръ Гендерсонъ и Эрчибальдъ Джонстонъ составили на основаніи прежняго ковенанта новый, примѣненный къ обстоятельствамъ; его читали во всѣхъ церквахъ королевства, приглашая вѣрующихъ подписывать его.—«Я присутствовалъ при чтеніи и подписываніи ковенанта въ Лэнэркѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ», говоритъ современникъ, старикъ пресвитеріанинъ, «и могу сказать, что никогда въ жизни не видывалъ такого сильнаго движенія, исходящаго отъ Духа Божія: все населеніе сходилось, и я не разъ былъ свидѣтелемъ, что тысячи людей подымали руки въ знакъ присяги, проливая слезы, такъ что во всемъ королевствѣ приступилъ къ союзу Божію на защиту вѣры противъ прелатства весь народъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ явныхъ папистовъ и немногихъ принявшихъ епископскую сторону изъ-за низкихъ расчетовъ». Знатѣйшіе вельможи страны и первый изъ всѣхъ, графъ Сотерландъ (Sutherland) подписали ковенантъ; нѣкоторые,—своею кровью. Когда актъ ковенанта носили по улицамъ городовъ, за нимъ шла толпа съ криками и слезами радости.

Но возстанія еще не было; ковенантеры не отказали королю въ повиновеніи, они только обращались къ нему съ просьбой, оставляли возможнымъ примиреніе. Въ новой просьбѣ они требовали возстановленія національной церкви, возвращенія законодательной власти по ея дѣламъ общему собору ея, преданія суду и наказанія шотландскихъ епископовъ. Карлъ увидѣлъ въ этомъ оскорбленіе своимъ правамъ. По его понятіямъ о божественномъ происхожденіи королевской власти ему казалось бунтомъ то, что собраніе, сошедшееся безъ его разрѣшенія, заявляетъ ему требованія, низвергающія всю систему его управленія, замѣняетъ его божественное право властью, основанною на волѣ народа. Онъ не могъ унизиться до того, чтобы подчиниться бунтовщикамъ, какими были въ его мнѣніи ковенантеры. Но прежде чѣмъ прибѣгнуть къ оружію, онъ сдѣлалъ попытку при-

миренія. Ему, казалось, что волненіе поднято лишь нѣсколькими агитаторами, что увлеченіе ковенантомъ — чувство не глубокое и далеко не всеобщее; онъ зналъ, что между вельможами много роялистовъ, что многіе священники и міряне предпочитаютъ епископское управленіе церковью управленію общаго собора. Онъ хотѣлъ выиграть время, успокоивая шотландцевъ обѣщаніями, которыми можно будетъ ему пренебречь, когда онъ соберетъ войско для усмиренія и наказанія бунтовщиковъ.

Съ этимъ намѣреніемъ Карлъ въ маѣ 1638 года послалъ своимъ уполномоченнымъ въ Эдинбургъ шотландскаго вельможу, родственника королевской династіи, Джемса Гамильтона, пользовавшагося полнымъ его довѣріемъ и женатаго на племянницѣ Бокингэма. Гамильтонъ, съ молодости бывший близкимъ къ англійскому правительству, былъ человекъ разсудительный и умѣренный. Карлъ поручилъ ему дѣйствовать примирительно. Своихъ истинныхъ намѣреній онъ не открылъ ему, и разсчитывалъ тѣмъ легче скрыть ихъ отъ шотландцевъ, обмануть ихъ притворной уступчивостью. Гамильтонъ искусно исполнялъ свое порученіе: объявилъ, что король отступается отъ религиозныхъ и политическихъ нововведеній, возстановитъ старый ковенантъ противъ папизма, подписанный его отцомъ, что въ ноябрѣ будутъ созваны парламентъ и общій соборъ, и что въ замѣнъ за эти уступки долженъ быть уничтоженъ новый ковенантъ, составленный безъ королевскаго разрѣшенія. Тайный совѣтъ, нѣкоторые вельможи, священники умѣреннаго образа мыслей совѣтовали своимъ соотечественникамъ удовлетвориться этими обѣщаніями, но масса націи не вѣрила Карлу и рѣшила сохранить новый ковенантъ, считая его необходимымъ для защиты церковной свободы. Въ народѣ ходила молва, что женщина, имѣвшая репутацію боговдохновенной, называетъ его внушеніемъ Божиимъ.

Подъ такими впечатлѣніями были произведены выборы въ общій соборъ; они шли подъ вліяніемъ ковенантскаго комитета; не былъ выбранъ ни одинъ кандидатъ, заявлявшій себя сторонникомъ епископства. Каждая пресвитерія выбрала, кромѣ священника, депутата изъ мірянъ; всѣ они были усердные кальвинисты. Собраніе открыло свои засѣданія 21 ноября (1638 года) въ Глэсго, въ кафедральномъ храмѣ, и выбрало своимъ модераторомъ (президентомъ) отважнаго Гендерсона, секретаремъ Джонстона, хорошаго юриста. Совѣщанія начались рѣзкимъ нападеніемъ на епископовъ. Большинство членовъ были горячіе пресвитеріанцы. Они хотѣли предать епископовъ суду. Епископы возражали, что собраніе, въ которомъ находится такъ много мірянъ, не можетъ считаться церковнымъ соборомъ, потому не имѣетъ права суда надъ ними, и заявили протестъ, называвшійся «актомъ отклоненія» (Declinatory; подразумѣвается: отклоненія права собранія судить ихъ). Лордъ-коммисаръ (представитель правитель-

ства) согласился съ ними. Собраніе, отвергнувъ его мнѣніе, начало процессъ; онъ 28 ноября со слезами на глазахъ объявилъ отъ имени короля, что соборъ распускается. Модераторъ предложилъ собранію вопросъ, подчиняется ли оно этому распоряженію. Оно почти единогласно рѣшило, что въ духовныхъ дѣлахъ церковь Божія не подвластна королю, что и ея права не могутъ быть отнимемы имъ, постановило продолжать засѣданія и объявило, что имѣетъ право судить епископовъ. На другой день была прочитана на Глэсгоской рыночной площади прокламація, воспрещавшая собору продолжать засѣданія и объявлявшая недѣйствительными всѣ рѣшенія принятыя имъ. Но ковенантеры послѣдовали словамъ Священнаго Писанія, что Богу должно повиноваться болѣе, чѣмъ людямъ, и продолжали свои совѣщанія. Соборъ уничтожилъ всѣ церковныя нововведенія Іакова и Карла, установилъ владычество пресвитеріанства: отрѣшилъ епископовъ отъ должностей, отлучилъ ихъ отъ церкви, отменилъ епископальное устройство, отвергъ введенный Карломъ служебникъ, воспретилъ обряды, измѣнявшіе богослуженіе въ духѣ англиканской церкви, объявилъ не имѣющимъ силы каноническое право, объявилъ Верховную комиссію уничтоженной, возстановилъ верховную власть общихъ соборовъ надъ шотландской церковью. Члены тайнаго совѣта долго поддерживали желанія короля, но при повелѣніи его распустить общій соборъ герцогъ Эргейль (Argyle), человекъ даровитый и честолюбивый, перешелъ на сторону патріотовъ и сталъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ вождей ковенантской партіи.

Народъ рѣшился защищать общій соборъ, который король объявилъ незаконнымъ. Карлъ увидѣлъ себя въ необходимости или уступить волѣ шотландцевъ, или дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ. Когда Гамильтонъ, отправляясь въ Шотландію, сказалъ, что сомнѣвается въ возможности успѣшно исполнить свое порученіе, Карлъ отвѣчалъ ему, что въ случаѣ неудачи сядетъ на коня и поведетъ англійское войско на мятежниковъ. Теперь пришла пора вести войско. Страффордъ и Лодъ говорили, что честь короля, прочность введеннаго имъ въ Англіи абсолютизма, безопасность епископальной церкви въ Англіи возлагаютъ на него обязанность усмирить и наказать ковенантеровъ, что иначе поднимутъ голову всѣ враги епископальной церкви и королевскаго абсолютизма въ Англіи. Дѣйствительно, англійскіе пуритане и шотландскіе пресвитеріане считали свое дѣло общимъ; это высказывалось въ ихъ памфлетахъ. Карлъ и теперь все еще не хотѣлъ слышать о созваніи англійскаго парламента: ему казалось, что у него достанетъ денегъ на войну. Въ казнѣ было много ихъ; морская торговля шла хорошо, давала много таможенныхъ пошлинъ; корабельный налогъ, хотя законность его отрицалась патріотами и возникало изъ этого множество процессовъ, былъ взятъ.

маемъ изъ года въ годъ и давалъ правительству возможность содержать флотъ въ хорошемъ состояніи; регулярнаго войска было еще мало, но Стрэффордъ успѣшно формировалъ его въ Ирландіи. Карлъ рассчитывалъ, что епископы, фанатичные священники англійской церкви и вельможи роялистской партіи будутъ давать ему много денегъ и не ошибся въ этой надеждѣ. Онъ надѣялся также, что большинство дворянства пойдетъ съ нимъ на войну, не требуя жалованья себѣ и своимъ отрядамъ; это также исполнилось на дѣлѣ. Онъ и его совѣтники судили о шотландскомъ возстаніи презрительно; они полагали, что пресвитеріане сильны только въ городахъ и нѣкоторыхъ южныхъ округахъ Шотландіи, что, при появленіи королевскаго войска, возмущенные за оружіе кланы сѣверной Шотландіи, гдѣ еще держались графы Гонтли и Ленноксъ, приверженцы королевскаго дѣла, что, соединившись съ горными шотландцами, англійское войско безъ труда разгонитъ враговъ престола и епископальной церкви.

Но эти расчеты оказались самообольщеніемъ: ковенантеры были сильны и готовы къ оборонѣ. Многіе шотландцы служили волонтерами въ тридцатилѣтней войнѣ; Александръ Лесли отличился въ ней такими подвигами, что Оксенширна произвелъ его въ фельдмаршалы. Глава того клана, къ которому принадлежалъ онъ, лордъ Ротсъ (Rothes), человѣкъ отважный и популярный, былъ однимъ изъ первыхъ вождей ковенантеровъ. По приглашенію соотечественниковъ Лесли возвратился на родину въ сопровожденіи многихъ опытныхъ офицеровъ. Онъ былъ незнатнаго рода, малъ ростомъ, хромалъ, казался дряхлымъ старикомъ. Можно было опасаться, что гордые шотландскіе вельможи не захотятъ слушаться его; но онъ имѣлъ таланты и славу хорошаго полководца, и всѣ подчинились его совѣтамъ. Когда Джемсъ Гэмилтъонъ вошелъ съ англійскимъ флотомъ въ Фритскій заливъ, а графъ Эрондель повелъ войско въ Шотландію, Лесли ужъ имѣлъ 20.000-ную армію, хорошо вооруженную; шотландцы ужъ овладѣли замками, имѣвшими королевскіе гарнизоны, усмирили мятежи горныхъ клановъ, взяли въ плѣнъ Гонтли и посадили его въ эдинбургскую цитадель. Проповѣдникъ, находившійся при войскѣ Лесли, говоритъ, что оно было проникнуто религіознымъ одушевленіемъ: «Солдаты въ палаткахъ пѣли псалмы, произносили молитвы, читали священное писаніе. Священники, препоясанные мечемъ или съ карабиномъ на плечѣ, сопровождали войско и усиливали его благочестіе пламенными проповѣдями». Англійское войско было не таково: продолжительный миръ отнялъ у англичанъ привычку къ военному дѣлу, правительство не позаботилось о продовольствіи солдатъ; многіе изъ генераловъ и лордовъ были враждебны абсолютизму Карла и нерасположены къ войнѣ съ родственнымъ народомъ. Шотландцы не желали нападать на англійское войско: многимъ изъ ковенантеровъ не хотѣлось сражаться съ королемъ; всѣ говорили, что подняли

оружіе не противъ него, а противъ дурныхъ его совѣтниковъ и епископовъ, что остаются вѣрны королю, хотя только защищать свою свободу. Такимъ образомъ, возобновились переговоры. Уполномоченные обѣихъ сторонъ собрались на совѣщаніе, въ которомъ принялъ участіе самъ король, и 17 іюня (1639 года) было подписано въ Беруикѣ соглашеніе, отклонившее на нѣкоторое время войну, но оставившее безъ рѣшенія тотъ споръ, который велъ къ ней. Произвольная власть короля была несовмѣстна съ пресвитеріанскими понятіями о государственномъ и церковномъ устройствѣ; ковенантеры были во мнѣніи Карла бунтовщики, а сами они думали, что дѣйствуютъ законно, возстановляютъ прежній государственный и церковный порядокъ.

Уже и по этому одному миръ не могъ быть проченъ; быстрому нарушенію его содѣйствовали разные обстоятельства; въ Лондонѣ жили тогда мать королевы, Марія Медичи, герцогиня Шеврѣзъ и нѣсколько французскихъ вельможъ, подобно имъ бѣжавшихъ отъ Рихелье; они возстановляли англійское правительство противъ французскаго, склоняли его къ дружбѣ съ испанскимъ. Рихелье оскорблялъ супругу Карла, Генріетту Марію, потому и она, имѣвшая тогда очень большое вліяніе на мужа, возстановляла его противъ Франціи. Союзъ Рихелье со шведами и нѣмецкими протестантскими государями противъ Габсбурговъ не нравился католикамъ англійскаго двора. Побѣды французовъ возбуждали въ англичанахъ зависть. Мы говорили, что по смерти Бернгарда Веймарскаго Карлъ убѣждалъ его генераловъ поступить на службу къ сыну Фридриха Пфальцскаго, Карлу, но французское правительство задержало этого племянника англійскаго короля на пути къ арміи Бернгарда. Рихелье зналъ, что англійскій дворъ враждебенъ ему и вошелъ въ сношенія съ ковенантерами, обѣщалъ прислать имъ денегъ и оружія. Шотландскіе патриоты стали поступать смѣлѣе прежняго. Лордъ Лоудонъ, одинъ изъ ихъ вождей, вступилъ въ переговоры съ Белльевромъ, французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ.

Въ августѣ 1639 снова собрались общій соборъ и новый шотландскій парламентъ. Соборъ потребовалъ, чтобы король призналъ епископство въ Шотландіи учрежденіемъ противозаконнымъ; Карлъ запретилъ своему комиссару въ Шотландіи, Трокуэру, всякіе переговоры объ этомъ, не согласился принять и требованія шотландскаго парламента, состоявшія въ томъ, чтобы министры были отвѣтственны передъ парламентомъ и чтобы при назначеніи на важныя военныя должности, въ особенности на мѣста коммендантовъ крѣпостей, и по другимъ важнымъ дѣламъ король совѣтовался съ парламентомъ и слѣдовалъ его рѣшенію. Карлъ былъ раздраженъ, нѣсколько разъ отсрочивалъ засѣданія шотландскаго парламента на время болѣе или менѣе продолжительное, и въ ноябрѣ 1639 отсрочилъ ихъ больше, чѣмъ на полгода, до іюня 1644. Шотландскій парламентъ отрицалъ право короля отсрочивать его безъ собственнаго согласія на продолжительное время, разошелся, но выбралъ комитетъ для наблюденія за правительствомъ въ періодъ отсрочки своихъ засѣданій. Ясно

было, что война съ королемъ неизбежна. Нѣкоторые вожди ковенантеровъ просили покровительства короля французскаго. Карль совѣтовался съ своими министрами, какъ ему поступать; всѣ они сказали, что честь короля требуетъ усмирения непокорныхъ силой оружія. Въ особенности рѣзко говорилъ это Стрэффордъ, пріѣхавшій изъ Ирландіи въ Лондонъ для участія въ совѣщаніи. Безпощадныя дѣйствія его въ Ирландіи казались вполне успѣшными, потому онъ приобрѣлъ очень большой авторитетъ при дворѣ; даже королева, которой не нравился онъ прежде своимъ высокомеріемъ, была теперь расположена принимать его мнѣнія. Онъ установилъ абсолютную власть въ сѣверной Англіи, правителемъ которой былъ, установилъ ее и въ Ирландіи, принудилъ ирландскихъ протестантовъ принять англиканское богослуженіе, сформировалъ въ Ирландіи сильное войско, большой флотъ; онъ проповѣдывалъ систему безпощадной суровости. Теперь онъ страдалъ падагрой, но она не остановила его, онъ поѣхалъ изъ Лондона въ Дублинъ и заставилъ ирландскій парламентъ дать четыре субсидіи на военные расходы, отсюда возвратился въ Лондонъ, чтобы достичь того же и въ Англіи.

Король и его совѣтники нашли необходимымъ созвать англійскій парламентъ послѣ одиннадцатилѣтняго перерыва. Они воображали, что выборы будутъ благоприятны королю, потому что англичане разсердятся на шотландцевъ за сношенія съ французскимъ правительствомъ. Роялисты и приверженцы Высокой церкви осыпали ругательствами «длинноухую, коротко обстриженную шайку» шотландскаго ковенанта, называли наглостью то, что «невѣжественные бунтовщики» въ общемъ соборѣ «презрительно попираютъ единое истинное и древнее устройство церкви». Но скоро правительство увидѣло, что ошибалось въ своихъ надеждахъ на выборы. Парламентъ, собравшійся въ Лондонѣ 13 апрѣля стараго стиля, котораго еще держалась тогда Англія, 23 апрѣля новаго стиля (1640 года) имѣлъ тотъ же характеръ, какъ парламентъ 1629 года; оппозиція была въ немъ даже многочисленнѣе, чѣмъ въ прежнемъ парламентѣ. Правительство внесло въ палату общинъ предложеніе, чтобы она, прежде чѣмъ займется другими дѣлами, дала королю субсидіи на войну съ шотландскими мятежниками; она отвѣчала, что прежде всего должна рассмотреть злоупотребленія, возбуждающія ропотъ народа, и оградить безопасность религіи, собственности и правъ парламента; она была раздражена церковнымъ и политическимъ деспотизмомъ и не вѣрила словамъ правительства, что когда будутъ даны субсидіи, въ которыхъ король видитъ залогъ любви и вѣрности своихъ подданныхъ, то онъ покажетъ себя справедливымъ и милостивымъ для нихъ государемъ. Джонъ Пимъ, въ которомъ пуританскія убѣжденія тѣсно соединялись съ преданностью правамъ парламента, перечислилъ длинный рядъ жалобъ на церковную и политическую тираннію, предлагая палатѣ

общинъ вытребовать отмены этихъ беззаконій прежде, чѣмъ дать деньги; его предложеніе было принято. Правительство искало поддержки себѣ въ палатѣ пэровъ, но и тамъ проявлялась оппозиціонная тенденція; впрочемъ, большинство пэровъ приняло мнѣніе, что деньги должны быть даны до рассмотрѣнія жалобъ на правительство; духовенство, заявляя свое усердіе къ королю, говорило, что должно дать ему шесть субсидій. Палата общинъ нашла нарушеніемъ своихъ правъ то, что пэры вмѣшиваются въ финансовые вопросы, и осталась при своемъ рѣшеніи, что сначала должно устранить причины народнаго неудовольствія, произвести реформы и только когда это будетъ сдѣлано, она дастъ деньги правительству. Король предложилъ отказаться отъ сбора корабельныхъ денегъ, если палата дастъ ему двѣнадцать субсидій (около милліона фунтовъ); она отвергла это предложеніе, принять которое значило бы, какъ объяснилъ знаменитый юристъ Глэнвилль, признать, что король имѣлъ право взимать корабельныя деньги.

Увидѣвъ, что палата общинъ не дастъ ему денегъ иначе, какъ подъ условіями, на которыя онъ не хочетъ согласиться, король 5 мая (1640 года) распустилъ парламентъ. Не выпросивъ денегъ на войну, онъ все-таки рѣшилъ вести ее. Нападеніе на шотландцевъ онъ хотѣлъ сдѣлать и съ моря и съ суши, призвалъ къ оружію англійскую милицію, велѣлъ ирландскому войску плыть въ Англію, выпросилъ денежныя пособія у дворянъ и духовенства, собиралъ съ величайшей суровостью корабельныя деньги. Покореніе шотландскихъ ковенантеровъ должно было служить первымъ шагомъ къ установленію въ Англіи абсолютной монархіи, какая существовала во Франціи и въ Испаніи. Отъ исхода шотландской войны зависѣло: будетъ ли въ британскихъ государствахъ владычествовать неограниченная личная власть короля, или установится парламентское устройство.

Шотландцы приготовились отразить нападеніе; шотландскій парламентъ, отсроченный королемъ, собрался собственной властью 2 іюня въ Единбургѣ, принялъ мѣры для управленія государствомъ во время войны. Онъ желалъ сохранить королевскую власть, но хотѣлъ ограничить ее такъ, чтобы король не могъ править по личному произволу и преобладаніе принадлежало парламенту, состоящему изъ пэровъ и представителей нетитулованнаго дворянства (gentry) и городовъ. Духовенство было устранено отъ участія въ парламентѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ признана полная независимость церкви въ управленіе дѣлами религіи, какъ этому слѣдовало быть по пресвитеріанскимъ понятіямъ. Положеніе Шотландіи было опасно: многіе изъ могущественнѣйшихъ пэровъ, особенно въ сѣверной Шотландіи, были роялисты, не хотѣли идти на войну противъ короля; было довольно много католиковъ и много приверженцевъ епископальной церкви, враждебныхъ пресвитеріанству, и опасавшихся, что подвергнутся

притѣсненіямъ, если побѣдятъ ковенантеры. Шотландія была бѣдна, не имѣла денегъ на войну. Вожди ковенантеровъ съѣхались для совѣщанія о томъ, какъ отвратить опасность отъ страны. Они рѣшили не ждать нападенія въ своей землѣ, а сами дѣйствовать наступательно, идти въ Англію. Дѣйствія англійскаго парламента, распущеннаго королемъ, показывали, что англичане примутъ ихъ, какъ друзей, потому что одинаково съ ними желаютъ сохраненія протестантства и законной свободы отъ подавленія королемъ, окруженнымъ людьми; желающими возстановить суевѣріе (какъ называли протестанты католичество) и поработить народъ.

Эти свѣдѣнія подтвердилъ шотландскій вельможа Лоудонъ, возвратившійся изъ Англіи; онъ привезъ изустныя и письменныя приглашенія нѣсколькихъ англійскихъ вельможъ шотландцамъ послать войско въ Англію. Лордъ Сэвилъ, противникъ Стрэффорда, далъ ему документъ въ этомъ смыслѣ, подписанный могущественными англійскими вельможами: Уоринкомъ, Эссексомъ, Се (Say), Брукъ, Мэндивиллемъ. Такимъ образомъ, было рѣшено, что шотландское войско пойдетъ въ Англію, прежде чѣмъ англійское правительство кончитъ приготовленія къ походу. Если 18 августа (1640 года) перешелъ границу Шотландіи, рѣку Туидъ, съ 20,000-нымъ войскомъ и пошелъ по Нортмберленду, принудивъ отступить королевскія войска, стоявшія на Тейнѣ. Шотландцы заняли Ньюкаслъ. Стрэффордъ полагалъ, что вторженіе шотландцевъ пробудитъ національную ненависть къ нимъ и что къ королю соберется огромное войско. Но онъ ошибся. Пуритане видѣли не враговъ, а союзниковъ въ шотландцахъ, продолжавшихъ называть себя вѣрными королю, говорившихъ, что хотятъ только показать ему серьезность своего требованія, чтобы онъ обезпечилъ старую законную религіозную и политическую свободу молившихся въ церквахъ и за короля и за армію, шедшую воевать съ нимъ. Войско, собранное королемъ въ Йоркѣ, не могло остановить шотландцевъ, будучи слабѣе ихъ и числомъ и дисциплиною и мужествомъ. Королю надобно было вербовать наемниковъ, но на это были нужны суммы больше тѣхъ, какія могъ собрать онъ незаконными налогами. Онъ хотѣлъ сдѣлать заемъ, но ни англійскіе, ни заграничные капиталисты не хотѣли давать ссуду правительству, которому угрожало скорое паденіе; притомъ по всей Англіи выказывалась ненависть противъ людей, бывшихъ орудіями политическаго и религіознаго тиранства Карла.

Король былъ на сѣверѣ, готовя войско къ походу. Графъ Манчестеръ, хранитель Малой печати, консерваторъ, сказалъ въ тайномъ совѣтѣ, что вмѣсто созванія парламента можно созвать только пэровъ, палата которыхъ въ старину называлась великимъ національнымъ совѣтомъ; они дадутъ деньги на войну. Королю понравилось это; онъ созвалъ пэровъ королевства на 7 сентября въ Йоркѣ. Но

между ними были люди, раздѣлявшіе народную ненависть къ тиранніи. Двѣнадцать вліятельныхъ лордовъ, въ томъ числѣ Ротлэндъ, Бедфордъ, Гертфордъ, Эссексъ, Эскитеръ, Уоррикъ, Се, Мэндивилль, (сынъ Манчестера) подписали прошеніе, въ которомъ перечисляли причины къ неудовольствію и требовали созванія парламента, который одинъ можетъ вывести короля изъ бѣдственнаго положенія. Сити и значительная часть нетитулованнаго дворянства (gentry) подали такія же просьбы. Король не могъ отразить шотландцевъ собственными средствами. Созвать парламентъ значило отказаться отъ системы самовласти; это было ему тяжело, но онъ опасался возстанія въ Англіи, и королева совѣтовала ему уступить. Онъ сказалъ пэрамъ, что созываетъ парламентъ на 3 ноября, и просилъ ихъ достать ему денегъ на содержаніе англійскаго войска и на исполненіе условій, съ которыми шотландцы соединили согласіе на перемиріе. Лорды дали ему своихъ денегъ, сдѣлали заемъ у города Лондона; уплата должна была быть произведена изъ субсидій, которыя дастъ парламентъ. Шотландцы остались въ Англіи.

4. Долгій парламентъ. Междоусобіе.

а) торжество оппозиции. казнѣ стрэффорда.

Карлъ открылъ 3 ноября въ Уэстминстерѣ засѣданія новаго парламента, которому впоследствии было дано названіе Долгаго. При господствующемъ настроеніи націи, на выборахъ побѣдили большею частью противники правительства и епископальной церкви. Наперкоръ всѣмъ усиліямъ шерифовъ были выбраны почти все оппозиціонные депутаты прежняго парламента и много новыхъ людей того же направленія. Вождями большинства въ палатѣ общинъ были люди умѣреннаго образа мыслей, желавшіе прогресса безъ разрушенія общественнаго устройства: Джонъ Гэмпденъ, Джонъ Пимъ, мастерски знавшій парламентскую тактику, соединявшій съ твердостью характера краснорѣчіе библейскаго тона, съ давняго времени бывший противникомъ правительства и ставшій посредникомъ въ сношеніяхъ англійскихъ недовольныхъ съ шотландцами; Дензиль Голлисъ, второй сынъ графа Клера (Clare), бывшій горячимъ противникомъ Бокингема. Но уже довольно большимъ вліяніемъ съ самаго начала пользовались люди горячихъ стремленій: сэръ Генри Венъ (Vane), ѣздившій въ Америку, чтобы принять святое причастіе, не преклоняя колѣнъ, какъ требовали англійскіе священники, знаменитый юристъ Сельденъ, Гэслери (Haslerigh), Рудьердъ (Rudyard), Гейдъ (Hyde); были въ па-

латѣ общинъ и фанатики, къ числу ихъ принадлежалъ Оливеръ Кромвелль, прадѣдъ котораго, Ричардъ Уильямсъ Кромвелль, былъ близкій родственникъ Томаса Кромвелля, помогавшаго при Генрихѣ VIII введенію реформациі, двоюродный братъ Гемпдена и по матери родственникъ Стюартамъ. Онъ родился 25 апрѣля 1599; въ молодости велъ очень веселую жизнь, потомъ проникся религіознымъ направленіемъ, сталъ горячимъ защитникомъ религіозной и гражданской свободы, приобрѣлъ себѣ въ своемъ родномъ Гонтингдонскомъ графствѣ всеобщее уваженіе благотворительностью и чистой нравственностью; былъ въ 1628 избранъ депутатомъ этого графства въ парламентъ, рѣзко возставалъ тамъ противъ стѣсненія совѣсти епископами. Въ годы, прошедшіе безъ парламента онъ имѣлъ много случаевъ защищать свободу, будучи мировымъ судьей въ городѣ Гонтингдонѣ, а потомъ богатымъ землевладѣльцемъ въ Эли. Когда необходимость принудила Карла созвать парламентъ, Кромвелль, кандидатъ пуританской партіи, былъ избранъ депутатомъ города Кембриджа, въ университетъ котораго учился юриспруденціи въ 1616 и 1617 годахъ. Онъ былъ простъ въ одеждѣ и образѣ жизни, не имѣлъ хорошихъ манеръ, не былъ одаренъ особымъ краснорѣчіемъ, но когда фанатики получили преобладаніе надъ умѣренными людьми, онъ сталъ вождемъ ихъ, благодаря силѣ своего ума и твердости воли. Ему воображалось, что онъ дѣйствуетъ по вдохновенію Божію. Онъ руководился не столько планами, глубоко обдуманнми, сколько настроеніемъ минуты, которое принималъ за вдохновеніе Божіе. Онъ говорилъ: «Дальше всѣхъ уходитъ тотъ, кто не знаетъ, куда идетъ.» — Въ это время возвратился изъ Италіи Джонъ Милтонъ, ужъ заслужившій тогда извѣстность своими лирическими стихотвореніями, и посвятилъ свой умъ, ученость и литературный талантъ защитѣ дѣла свободы. Онъ видѣлъ, что начинается освобожденіе людей отъ рабства и суевѣрія, и сталъ писать исполненные одушевленія памфлеты о политическихъ и церковныхъ вопросахъ.

Король въ тронной рѣчи назвалъ важнѣйшимъ занятіемъ палаты общинъ назначеніе субсидій на войну съ шотландцами, мятежными подданными его, но говорилъ и объ отмѣнѣ противузаконій, представилъ самой палатѣ рѣшить, въ какомъ порядкѣ будетъ она заниматься дѣлами, но обращалъ ея вниманіе на то, что удаленіе шотландскаго войска изъ Англіи необходимо, и что, если оно не удалится скоро, это будетъ очень вредно для благосостоянія страны. — Палата общинъ занялась не назначеніемъ субсидій, а разсмотрѣніемъ жалобъ на правительство, поступавшихъ въ нее массами, потребовала отмѣны противузаконнаго произвола, наказанія лицъ, нарушавшихъ, велѣвшихъ или совѣтовавшихъ нарушать законы. Пимъ былъ главнымъ ораторомъ оппозиціи; своимъ библейскимъ языкомъ онъ изобличалъ религіозный терроризмъ епископовъ, раболѣпство трибуналовъ, на-

рушенія національныхъ правъ, интриги придворной католической партіи, плутовство монополистовъ. Палата общинъ соединила всѣ причины жалобъ въ одну большую ремонстрацію, рѣшившись устранить ихъ и предать суду совѣтниковъ, по внушенію которыхъ король нарушалъ законы. Она назначила нѣсколько комитетовъ для изслѣдованія дѣйствій церковныхъ и свѣтскихъ судилищъ и для составленія актовъ о преданіи суду важнѣйшихъ совѣтниковъ короля. Принцъ и другіе осужденные Звѣздной палатой пуритане были по пересмотрѣ ихъ процессовъ объявлены невинными, члены Звѣздной палаты подвергнуты большому штрафу. Сборъ корабельныхъ денегъ былъ прекращенъ, какъ противный правамъ подданныхъ и парламентскимъ статутамъ; было рѣшено возвратить собственникамъ тѣ суммы этого сбора, которыя еще оставались въ казнѣ. Было постановлено, что таможенные пошлины не могутъ быть взимаемы иначе какъ по рѣшенію парламента.

Главной задачей палаты общинъ было преданіе суду министровъ и въ особенности Стрэффорда, великаго отступника, какъ его называли. Когда Карлъ вызывалъ его изъ Дублина въ Англію, онъ писалъ королю, что будетъ полезнѣе для него въ Ирландіи или при войскахъ, чѣмъ въ Лондонѣ, но Карлъ остался при своемъ требованіи и далъ ему увѣреніе, что не дозволитъ коснуться ни одного волоса его головы. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, хотя понималъ, что это очень опасно для него. Немедленно по его пріѣздѣ, семь членовъ палаты общинъ, въ числѣ которыхъ находились Гемпденъ и Пимъ, сдѣлали при затворенныхъ дверяхъ предложеніе предать Стрэффорда и Лода суду. Палата приняла предложеніе. Многочисленная депутация палаты общинъ пошла въ палату пэровъ; Пимъ представилъ пэрамъ актъ обвиненія Стрэффорда въ измѣнѣ и потребовалъ, чтобы онъ былъ удаленъ изъ палаты пэровъ и арестованъ. Пэры совѣщались объ этомъ, когда вошелъ Стрэффордъ; гордый и мрачный, онъ направился къ своему мѣсту; ему закричали, что онъ долженъ удалиться. Черезъ нѣсколько часовъ палата пэровъ велѣла ему явиться къ ея суду. Онъ, утромъ того дня еще бывшій владыкой государства, долженъ былъ, стоя на колѣнахъ передъ балюстрадой, отдѣлявшей мѣста пэровъ отъ передней части зала, выслушать актъ обвиненія, внесенный палатою общинъ, и рѣшеніе палаты пэровъ, что по требованію палаты общинъ онъ арестуется и заключается въ Тоуэръ. Это было въ половинѣ ноября. Черезъ мѣсяцъ тому же былъ подвергнутъ Лодъ. Государственный секретарь Уэйндбэнкъ и лордъ-хранитель печати Финчъ, обвиненные въ нарушеніи законовъ, спаслись отъ ареста бѣгствомъ; Уэйндбэнкъ уѣхалъ во Францію, Финчъ въ Голландію.

Власть совершенно перешла къ парламенту, Чтобы предотвратить возвращеніе къ абсолютизму, онъ постановилъ, что каждыя три года долженъ

быть созываемъ парламентъ, а если правительство медлитъ его созваніемъ, а лорды и шерифы не назначаютъ выборовъ, то избиратели собственной властью производятъ ихъ; что король не можетъ ни въ какомъ случаѣ распускать парламентъ раньше пятидесяти дней отъ его открытія, а потомъ для его распущенія необходимо согласіе обѣихъ палатъ. Король съ досадой уступилъ необходимости, далъ свое утвержденіе этому биллю и, по предложенію Гемилтона, сблизившагося теперь съ ковенантерами и англійскими союзниками ихъ, принялъ въ тайный совѣтъ вліятельнѣйшихъ лордовъ оппозиціонной партіи: Бедфорда, Гертфорда, Эссекса, Мэвдивилля, Сэвила, Се, Бристоля, и обдумывалъ: не отдать ли важнѣйшія должности вождямъ оппозиціи въ палатѣ общинъ, Пиму, Гемпдену, Голлису; вѣроятно, у него была надежда спасти своихъ арестованныхъ бывшихъ совѣтниковъ уступчивостью.

Англійскіе патріоты сочувствовали и подражали шотландскимъ ковенантерамъ; нѣкоторые вступили въ тайныя сношенія съ начальниками шотландскаго войска; англійскій парламентъ заключилъ союзъ съ эдинбургскимъ, назначилъ (въ февралѣ 1641 года) 125.000 фунтовъ на содержаніе шотландскаго войска и 300.000 на дружескую поддержку и на вознагражденіе шотландцамъ за ихъ военные расходы. Патріоты думали о полномъ соединеніи англичанъ и шотландцевъ по политическимъ и церковнымъ учрежденіямъ.

Люди свободнаго направленія въ религіозныхъ дѣлахъ хотѣли отмѣнить въ Англіи санъ епископовъ, основать церковь, управленіе которой принадлежало бы выборнымъ отъ населенія, и въ которой общины имѣли бы автономію, какъ это было въ Шотландіи; но въ Шотландіи епископскій санъ былъ отмѣненъ при самомъ введеніи реформации, а въ Англіи епископальная система осталась тогда основаніемъ церковнаго устройства и столѣтнее существованіе протестантской епископальной церкви сдѣлало ее привычной большинству англичанъ. Когда Пимъ, главный дѣятель союза съ шотландцами, внесъ въ палату общинъ имѣвшее 15.000 подписей прошеніе о томъ, чтобы сословіе епископовъ и прелатовъ было уничтожено „съ корнемъ и вѣтвями“, то обнаружилось, что не всѣ вожди парламента согласны съ этимъ. Палата пэровъ не желала такого преобразованія церкви, и въ самой палатѣ общинъ умѣренная партія не хотѣла совершенно отмѣнить епископальное устройство, желала только отнять у епископовъ участіе въ государственной власти, исключивъ ихъ изъ палаты пэровъ, и уменьшить ихъ доходы. Въ палатѣ общинъ начались горячіе споры объ этомъ. Фейенсъ (Feijens) нападалъ на епископство, доказывая, что его юрисдикція противорѣчитъ свѣтскимъ трибуналамъ, а его политика парламенту, сравнивалъ епископства и капитулы со старыми деревьями, которыя своими корнями и длинными вѣтвями заглушаютъ ростъ молодыхъ деревьевъ, и которыя слѣдуетъ срубить и вырвать корни ихъ, чтобы дать свѣжій воздухъ молодымъ растеніямъ. Лордъ Дитби защищалъ епископство, напоминая о тѣсной связи его со всѣмъ гударственнымъ устройствомъ Англіи, объ уваженіи къ нему за границей, о непреодолимомъ сопротивленіи, какое окажетъ уничтоженію епископства король по невозможности для короны существовать безъ этого учрежденія. Палата общинъ передала дѣло на разсмотрѣніе комиссіи, избранной ею для этого. Пока комиссія совѣщалась о немъ, англійскіе противники епископства подавали новыя просьбы и производили

демонстраціи противъ него, волновали массу націи молитвами и проповѣдями противъ „антибиблейскаго, нечестиваго епископальнаго устройства“. Но большинство въ комиссіи палаты общинъ было за него. Палата рѣшила, что епископы останутся, но будутъ исключены изъ палаты пэровъ и трибуналовъ. Шотландцы говорили: „теперь снимаютъ крышу, скоро разрушатъ и стѣны“.

Король покорился необходимости. Палата пэровъ начала 22 марта процессъ противъ Стрэффорда; палата общинъ обвиняла его въ измѣнѣ (мятежѣ) за дѣйствія, «имѣвшія цѣлью низвергнуть основные законы Англіи и ввести произвольное правленіе». Множество знатныхъ господъ и дамъ и членовъ палаты общинъ собрались въ палату пэровъ слушать рѣчи процесса. Стрэффордъ держалъ себя спокойно, съ достоинствомъ; онъ защищался 17 дней, доказывая, что ни одно изъ обвиненій противъ него не подходитъ подъ понятіе измѣны, что онъ дѣлалъ все съ согласія и по приказанію короля. Самое сильное обвиненіе было взято изъ протоколовъ тайнаго совѣта (кабинета); они должны были составлять государственную тайну, но король, по желанію самого Стрэффорда, уступилъ требованію палаты общинъ, чтобы они были сообщены ей. Венъ Младшій нашелъ въ этихъ протоколахъ замѣтку своего отца, что Стрэффордъ при началѣ шотландской войны сказалъ королю: «Вы имѣете въ Ирландіи армію, съ которой можете принудить къ повинновенію это королевство». О какомъ королевствѣ говорилъ онъ? Обвинители утверждали, что выраженіе «это королевство» онъ употребилъ объ Англіи; онъ утверждалъ, что говорилъ тогда о Шотландіи. Но если онъ говорилъ и объ Англіи, все-таки его слова не составляли измѣны въ юридическомъ смыслѣ слова, потому что измѣной по англійскимъ законамъ называлась только измѣна королю, а не націи. Объ измѣнѣ націи въ отдѣльности отъ измѣны королю не было никакихъ постановленій въ англійскихъ законахъ, потому она не подлежала никакому наказанію. Этимъ способомъ Стрэффордъ даказывалъ, что обвиненіе палаты общинъ противъ него неосновательно; его рѣчи были очень умны, производили сильное впечатлѣніе на пэровъ и царедворцевъ, слушавшихъ процессъ. Онъ кончилъ свою защиту патетическимъ воззваніемъ къ пэрамъ, чтобы они не увлекались настроеніемъ общественнаго мнѣнія, не отступали отъ законовъ, не подали примѣра казни, который можетъ быть обращенъ противъ нихъ самихъ и ихъ дѣтей. Дѣйствіе, произведенное его рѣчью на пэровъ, было такъ могущественно, что должно было ожидать оправданія его.

Но палата общинъ не хотѣла допустить, чтобы онъ былъ оправданъ; между депутатами, находившимися въ залѣ палаты пэровъ, послышалось восклицаніе: «Уйдемъ!» Они ушли въ залъ своихъ засѣданій и рѣшили повести дѣло другимъ способомъ. Во времена Генриха VIII многіе вельможи были осуждаемы на смерть посредствомъ

такъ называемаго билля смертной казни (Bill of Attainder): палата общинъ постановляла относительно обвиненнаго рѣшеніе, что онъ виновенъ и долженъ быть казненъ; это рѣшеніе было передаваемо палатѣ пэровъ и принимаемо ею; по утвержденіи королемъ оно приводилось въ исполненіе. Билли смертной казни считались дѣйствіями деспотическими, несогласными съ законной формой процессовъ. Но палата общинъ рѣшила теперь вести дѣло этимъ способомъ. Она постановила, что дѣйствія, имѣющія цѣлью низверженіе законнаго порядка, должны считаться измѣной, и на основаніи этого рѣшенія приняла 29 апрѣля огромнымъ большинствомъ билль смертной казни Стрэффорда. Только 59 депутатовъ подали голосъ противъ билля; ихъ имена были на другой день приведены въ прокламаціи, выставленной на улицахъ, и называвшей ихъ «стрэффордцами, измѣняющими отечеству для спасенія измѣнника». На конференціи палаты общинъ съ палатою пэровъ, въ присутствіи самого короля, лордъ Сентъ-Джонъ объяснилъ, что парламентъ по своей законодательной власти имѣетъ право принимать билли смертной казни, и слѣдовательно, рѣшеніе палаты общинъ закононо.

Противники Стрэффорда указывали факты, дѣлающіе необходимою казнь его: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роялисты производили попытки мятежей противъ парламента; офицеры королевскаго войска, стоявшаго въ Нортонберлендѣ, роптали на то, что парламентъ выказываетъ расположеніе къ шотландскому войску; въ Ирландіи оставалось подъ оружіемъ войско, сформированное Стрэффордомъ и состоявшее большею частью изъ католиковъ. Многіе шотландскіе вельможи, въ томъ числѣ Джемсъ Грэгэмъ, графъ Монтрозъ и его другъ Непиръ, Гомъ, Этоль (Athol), Моръ (Mar), порицали ковенантеровъ, рѣшившихся выставить войско противъ короля; королева и ея приближенные выказывали раздраженіе противъ парламента; королева подъ предлогомъ того, что ея здоровье требуетъ перемѣны климата, собиралась поѣхать во Францію, чтобы выпросить у брата войско для подавленія парламента; нежеланіе Ришелье исполнить ея просьбу помѣшало этому, но англичанамъ было извѣстно ея намѣреніе. Ссылаясь на эти факты, вожди оппозиціи утверждали, что король хочетъ подавить парламентъ, что Стрэффордъ будетъ исполнителемъ этого плана, что потому казнь Стрэффорда необходима. Пимъ въ засѣданіи 3 мая при запертыхъ отъ публики дверяхъ зала сообщилъ палатѣ общинъ, что правительство составило умыселъ подавить парламентъ и протестантскую религію, поставить сильный гарнизонъ въ Тоуэръ и освободить Стрэффорда. Когда это стало извѣстно въ городѣ, народъ взволновался: граждане присягали защищать вооруженной рукой протестантскую религію, парламентъ и свободу націи. Подъ давленіемъ народной воли была рѣшена судьба Стрэффорда. Большинство пэровъ желало бы спасти его, но многіе изъ этихъ людей

боялись являться въ засѣданія своей палаты, и 8 мая (по старому стилю, 18 мая по новому) палата пэровъ приняла билль смертной казни большинствомъ 26 голосовъ противъ 19.

Немедленно была отправлена депутація къ королю просить его утвержденія биллю; это было въ субботу; Карлъ отложилъ отвѣтъ до понедѣльника. Ему было стыдно отдавать на казнь человѣка, который только исполнялъ его приказанія. Онъ просилъ поддержки себѣ у епископовъ, у свѣтскихъ пэровъ; ему отвѣчали, что для собственнаго спасенія онъ долженъ отказаться отъ своего мнѣнія, не препятствовать исполненію парламентскаго рѣшенія, потому что билль смертной казни долженъ считаться равнозначительнымъ судебному приговору, а король обязанъ исполнять судебные приговоры, согласенъ ли онъ съ ними, или нѣтъ. Карлъ все еще колебался подписать билль; Стрэффордъ прислалъ ему письмо, въ которомъ совѣтовалъ утвердить билль, не затруднять своего примиренія съ народомъ изъ-за спасенія жизни человѣка, осужденнаго парламентомъ. Карлъ подписалъ билль. Стрэффордъ, услышавъ объ этомъ, поднялъ руки къ небу и воскликнулъ: «Не надѣйтесь на князей и сыновъ человеческихъ, потому что нѣтъ въ нихъ спасенія». Онъ, очевидно, разсчитывалъ возбудить своимъ письмомъ чувство чести въ Карлѣ. — Путь Стрэффорда къ эшафоту былъ мимо темницы, въ которой находился Лодъ. Архіепископъ смотрѣлъ сквозь рѣшетку окна. Стрэффордъ простился съ нимъ, ободряя его надеждой на помощь Божію и мужественно принялъ на эшафотѣ ударъ сѣкиры палача. Онъ былъ казненъ 11 (21) мая 1641 года.

б) Ходъ дѣлъ до начала междоусобной войны.

Власть была теперь въ рукахъ парламента. Всѣ орудія королевскаго деспотизма, ненавистныя народу, — Верховная коммиссія, Звѣздная палата, спеціальныя трибуналы сѣверныхъ графствъ — были уничтожены, судьи освобождены отъ давленія королевскаго произвола; были установлены гарантіи личной свободы. Палата общинъ хотѣла, чтобы высшія должности были переданы людямъ, пользующимся ея довѣріемъ: Фокленду (Falkland), Гейду (Hyde), Кольпепперу, хотѣла очистить штатъ королевы отъ папистовъ, составить штатъ принца уэльскаго изъ людей конституціоннаго направленія, установить, что офицеры и милиція обязаны повиноваться приказаніямъ парламента. Король покорился всему; казалось, что онъ хочетъ править въ конституціонномъ духѣ; онъ распустилъ свое войско; шотландцы, получивъ удовлетвореніе своимъ требованіямъ, ушли изъ Англіи. Но Карлъ надѣялся, что буря народнаго негодованія затихнетъ и тогда можно будетъ возстановить самовластіе. Осенью (1641 года), при отсрочкѣ засѣданій англійскаго парламента, онъ поѣхалъ въ Шот-

ландію съ тайнымъ намѣреніемъ упрочить тамъ свою власть уступчивостью по всѣмъ политическимъ и церковнымъ дѣламъ и опереться на шотландцевъ въ борьбѣ съ англійскимъ парламентомъ. Въ горной Шотландіи было много людей, вѣрныхъ ему; онъ хотѣлъ пріобрѣсти любовь бывшихъ своихъ противниковъ и для этого соглашался на требованія, которыя прежде отвергалъ: призналъ рѣшенія глэсгоскаго собора и эдинбургскаго парламента 1640 года; согласился отмѣнить епископскій санъ, дѣлать назначенія на важныя должности не иначе какъ съ одобренія парламента; назначилъ канцлеромъ лорда Лоудона, котораго прежде называлъ мятежникомъ, заслуживающимъ смертной казни, сблизился съ вождями ковенантеровъ Эргейлемъ и Лесли, посѣщалъ пресвитеріанскія проповѣди, предоставилъ Шотландіи автономію, какой не имѣла она съ того времени, какъ ея король сталъ королемъ англійскимъ. Мы говорили, что засѣданія англійскаго парламента были въ это время отсрочены; комитетъ его, наблюдавшій за дѣйствіями правительства, нашелъ подозрительнымъ образъ дѣйствій короля въ Шотландіи, узнавъ, что онъ собираетъ улики относительно сношеній англійскихъ патріотовъ съ ковенантерами; ясно было, что онъ хочетъ обвинить вождей оппозиціи въ измѣнѣ. Шотландцы, обольщенные имъ, охладѣли къ своему союзу съ англійскими патріотами. Карлъ считалъ себя достигнувшимъ большихъ успѣховъ, когда извѣстіе о возстаніи ирландскихъ католиковъ дало новый оборотъ дѣламъ.

Казнь Стрэффорда и распушеніе собраннаго имъ войска возбудили въ ирландскихъ католикахъ надежду свергнуть иго тиранніи, наложенное на нихъ. Успѣшная борьба шотландскихъ ковенантеровъ и англійскихъ пуританъ противъ короля ободрила ихъ; составилъ обширный заговоръ. Главами его были потомки ирландскихъ областныхъ государей Роджеръ О'Моръ, лордъ Мэкъ-Гейръ, Фелимъ О'Ниль (O'Neil) потомокъ Тейроновъ. Къ нимъ присоединились и англичане, исповѣдавшіе католичество, какъ на примѣръ полковникъ Плонкетъ. Они хотѣли возстановить независимость Ирландіи, основать въ ней особое правительство, дать ирландскому парламенту независимость отъ англійскаго. Тайна заговора была сохранена до самаго конца. Когда всѣ приготовления были сдѣланы, возстаніе было поднято по всѣмъ частямъ Ирландіи въ одинъ день, 23 октября (1641 года); инсургенты неожиданно напали на замки, овладѣли ими, безпощадно убивали протестантовъ; тысячи тѣлъ лежали непогребенными. Фелимъ О'Ниль, главнокомандующій инсургентовъ, давалъ имъ полную волю мстить за угнетеніе. Англійскіе гарнизоны удержались лишь въ немногихъ замкахъ; однимъ изъ нихъ была дублинская цитадель, взятію которой помѣшала измѣна Оуэна Конолли. Извѣстіе объ убійствахъ протестантовъ въ Ирландіи взволновало англичанъ. Они полагали, что это дѣло было произведено агентами короля и въ

особенности королевы. Молва говорила о союзѣ папистовъ съ королевскимъ дворомъ для уничтоженія протестантства и свободы. Король отправилъ въ Ирландію отрядъ войска для прекращенія убійствъ, но англійскій народъ остался при убѣжденіи, что возстаніе ирландцевъ пріятно ему. Дѣйствительно, инсургенты и онъ имѣли общихъ враговъ. Свирѣпыя шайки, истреблявшія протестантовъ, признавали Карла своимъ государемъ.

Вскорѣ по возвращеніи короля изъ Шотландіи парламентъ возобновилъ свои засѣданія. Многие члены его прежде старались сдерживать ходъ преобразованій, многие порицали отмѣну обрядовъ, введенныхъ Лодомъ, возстановленіе кальвинистскихъ формъ богослуженія, тревожились тѣмъ, что пуритане хотятъ совершенно отмѣнить епископальное устройство церкви. Но ирландское возстаніе возвратило оппозиціи рѣшительный перевѣсъ. Пимъ составилъ большую ремонстрацію, обозрѣвавшую все царствованіе Карла I и доказывавшую, что онъ всегда находился и теперь остается подъ владычествомъ папистовъ; это служило оправданіемъ прежнихъ дѣйствій парламента и разъясненіемъ необходимости принять дальнѣйшія мѣры для обороны отъ гибельныхъ государству замысловъ. Важнѣйшими изъ этихъ мѣръ ремонстрація называла уничтоженіе епископальнаго устройства церкви, и то, чтобы назначеніе на высшія должности производилось королемъ не иначе какъ по соглашенію съ парламентомъ. Послѣ бурныхъ совѣщаній ремонстрація была 22 ноября принята палатой общинъ. Король негодовалъ и въ знакъ того, что не сдѣлаетъ уступки ни одному изъ двухъ главныхъ требованій палаты общинъ, немедленно назначилъ епископовъ на вакантныя каведры и отдалъ важнѣйшія должности не вождямъ палаты общинъ, а роялистамъ, даровитѣйшими и энергичнѣйшими изъ которыхъ были Дигби и отецъ его лордъ Бристоль. Оппозиція увидѣла въ этомъ проявленіе реакціонныхъ намѣреній, напечатала ремонстрацію, распространила ее въ народѣ. Поднялось волненіе. Пуританскіе проповѣдники изобличали дерзость папистовъ и приверженцевъ Высокой церкви. На выборахъ членовъ городского совѣта Сити, происходившихъ въ концѣ года, были избраны почти исключительно пресвитеріане.

Вслѣдъ за тѣмъ разнеслось извѣстіе, что должность комманданта Тоуэра отнята у Бэльфора (Balfour), приверженца конституціи, и отдана роялисту. Палата общинъ увидѣла въ этомъ подготовленіе насильственныхъ мѣръ противъ парламента и Лондона, протестовала и пригласила палату пэровъ присоединиться къ ея протесту. Большинство пэровъ не желало этого и отложило рѣшеніе на нѣсколько дней. Радикальная партія приписала это вліянію епископовъ, и 27 декабря подняла народъ, чтобы запугать пэровъ. Когда они собрались утромъ въ свою палату, толпа, главную часть которой

составляли ремесленники и купеческіе приказчики, пришла къ Уэст-минстерскому дворцу, ругала пэровъ, грозила имъ и въ особенности епископамъ. На слѣдующій день это повторилось. По предложенію Уильямса, архіепископа Йоркского, епископы рѣшили уступить насилію, не являться болѣе въ палату пэровъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ подписать протестъ, говорившій, что они объявляютъ недѣйствительными всѣ тѣ рѣшенія, какія будутъ приняты парламентомъ въ ихъ отсутствіе. Палата общинъ нашла этотъ протестъ нарушеніемъ конституціи и внесла въ палату пэровъ обвиненіе епископовъ въ измѣнѣ (какъ назывался по англійской терминологіи мятежъ). Они были вызваны къ суду палаты пэровъ и, стоя на колѣнахъ, должны были слушать обвиненіе, говорившее, что они присвоили себѣ непринадлежащія имъ права, потому что епископы въ Англіи не составляютъ отдѣльнаго сословія, отсутствіе котораго могло бы отнимать силу у парламентскихъ рѣшеній. По прочтеніи этого акта имъ, палата пэровъ велѣла арестовать ихъ и посадить нѣкоторыхъ въ Тоуэръ, другихъ въ другія темницы. Политическая и пуританская оппозиція стала нападать на всѣхъ несогласныхъ съ нею, угрожала имъ преданіемъ суду, стремилась низвергать министровъ, въ особенности Дигби и Бристоля, говорила даже о преданіи суду королевы, дворъ которой считала центромъ папизма и реакціоннаго направленія Высокой церкви. Король, при своемъ отъѣздѣ въ Шотландію разрѣшившій парламенту имѣть отрядъ войска для охраненія своей безопасности, взялъ назадъ это разрѣшеніе. Палата общинъ дозволила каждому своему члену взять вооруженнаго слугу изъ милиціи и держать его у дверей парламента во время засѣданій. Надобно было вербовать войско для усмиренія ирландскихъ инсургентовъ; въ палатѣ общинъ былъ поднятъ вопросъ: должно ли это войско быть вербуемо отъ имени короля по королевской грамотѣ за большою печатью, какъ это всегда дѣлалось; палата рѣшила, что достаточно ея собственнаго постановленія о вербовкѣ войска и вожди ея стали обдумывать, кого назначить главнокомандующимъ.

Раздраженный смѣлостью палаты общинъ, находя, что она нарушаетъ его права, Карлъ рѣшился на поступокъ, оказавшійся вреднымъ для него. Палата общинъ хотѣла предать суду Дигби и Бристоля; чтобы предотвратить это, онъ вздумалъ арестовать вождей оппозиціи и предать ихъ суду палаты пэровъ; ему воображалось, что можно будетъ обвинить ихъ въ измѣнѣ (то есть, мятежѣ), какъ обвинили они Стрэффорда. Онъ не обратилъ вниманія на то, что палата пэровъ не имѣла права судить членовъ палаты общинъ. Генераль-адвокатъ явился 3 января 1642 года въ палату пэровъ съ обвиненіемъ въ мятежѣ противъ лорда Кимбольтона (того вельможи, который до полученія сана пэра назывался фамильнымъ именемъ Мэндивилля) и противъ пяти членовъ палаты общинъ: Гэмпдена,

Пима, Голлиса, Гэслери и Строда. Королевскій герольдъ вошелъ въ залъ палаты общинъ и потребовалъ отъ имени короля, чтобы ему были выданы эти пять депутатовъ. Въ прежнія времена короли дѣлали такъ, но теперь подобное намѣреніе было безразсудствомъ. Спикеръ (президентъ) палаты отвѣчалъ, что эти члены ея всегда готовы явиться къ законному суду, но что требованіе герольда составляетъ нарушеніе привиллегіи (то есть законныхъ правъ) парламента и что депутация палаты доведетъ это до свѣдѣнія короля; власть надъ членами палаты общинъ принадлежитъ исключительно ей самой, и они не могутъ быть арестуемы безъ ея согласія. На слѣдующій день, король, поставивъ у входа и въ корридорахъ парламентскаго дворца отрядъ войска, вошелъ въ залъ палаты общинъ; онъ вошелъ, снявъ шляпу, что было тогда знакомъ особенной вѣжливости, раскланиваясь на всѣ стороны, и потребовалъ, чтобы ему были выданы обвиненные пять членовъ палаты. Но они были предупреждены оберъ-камергеромъ, графомъ Эссексомъ, и не явились въ это засѣданіе. Королю отвѣчали, что ихъ нѣтъ здѣсь; онъ сказалъ: «А, птички улетѣли!», велѣлъ прислать обвиненныхъ членовъ палаты къ нему и ушелъ изъ зала. Пять членовъ палаты, которыхъ хотѣлъ арестовать онъ, уѣхали въ Сити. Король отправился въ Гильдголлъ (дворецъ засѣданій городского управленія Сити) потребовать, чтобы обвиненные депутаты были выданы ему. Но лишь немногіе голоса привѣтствовали его на пути по Сити обычнымъ восклицаніемъ: «Богъ да хранить короля!»; гораздо громче раздавался крикъ: «Привиллегія, привиллегія!» (то есть «права парламента, права парламента!») Въ экипажѣ короля былъ брошенъ памфлетъ, имѣвшій своимъ заглавіемъ то восклицаніе, съ которымъ десять племенъ израильскихъ отложились отъ Ровоама: «По шатрамъ твоимъ, о, Израиль» (то есть: «Покинь царя, Израиль!») Это было заявленіемъ королю, что народъ откажетъ въ повиновеніи ему.

Парламентъ выбралъ комитетъ для исполненія его рѣшеній и постановилъ, что обвиненіе противъ пяти членовъ его нарушаетъ парламентскую привилегію, что каждый, дѣлающій попытку арестовать ихъ, подвергается наказанію за измѣну. На слѣдующій день (7 января 1642 года) пять депутатовъ, которыхъ хотѣлъ арестовать король, возвратились по Темзѣ изъ Сити въ парламентъ; ихъ провожала цѣлая флотилія; на берегу шло безчисленное множество народа; процессію прикрывала отъ королевскаго нападенія лондонская милиція; изъ графства бокингѣмскаго пришелъ въ Лондонъ на защиту Гэмпдена быстро сформировавшійся кавалерійскій отрядъ, въ которомъ считалось 4.000 человекъ. Парламентъ и правительство Сити рѣшили набирать войско; начальникомъ его былъ назначенъ Скиппонъ, опытный воинъ, твердый патріотъ. Главную массу волонтеровъ этого войска доставили Лондонъ, другіе большіе города и

восточныя графства. Въ королевское войско шли привычныя къ войнѣ жители Уэльза, землевладѣльцы графства Йоркскаго (между которыми было довольно много католиковъ), графства окефордскаго и другихъ сѣверо-западныхъ графствъ. Эти знатные люди любили щегольски одѣваться, носили волосы до плечъ; народъ называлъ ихъ кавалерами (cavaliers, дворянами, господами). Они дали своимъ противникамъ насмѣшливое названіе круглоголовыхъ, Roundheads, потому что воины парламента стригли волосы коротко.

Король считалъ себя не безопаснымъ въ своемъ Гуэйтгольскомъ дворцѣ, уѣхалъ съ королевой и дворомъ въ Гамптонкортъ, оттуда въ Уиндсоръ. Палата общинъ, отсрочивавшая свои засѣданія, постановила по ихъ возобновленіи, что должно повиноваться только тѣмъ повелѣніямъ короля, которыя обнародуются съ согласія парламента. Власть въ патріотической партіи принадлежала палатѣ общинъ; въ палату пэровъ являлись только тѣ члены ея, которые были согласны съ большинствомъ палаты общинъ; впрочемъ, между ними были вельможи очень знатныхъ семей: графъ Эссексъ, графъ Соффолькъ (принадлежавшій къ фамиліи Гоуэрдовъ), графъ Бедфордъ (глава фамиліи Росселей), графъ Нортонберлендъ (глава фамиліи Перси). Палата пэровъ только давала свое согласіе на постановленія, принятые палатою общинъ; никакой самостоятельности она не имѣла. 5 февраля (1642 года) былъ принятъ ею билль, лишившій епископовъ права засѣдать въ ней. Вожди парламента думали о томъ, чтобъ устранить вліяніе королевы и ея приближенныхъ на короля и принудить его замѣнить прежнихъ министровъ, комендантовъ крѣпостей и начальниковъ милиціи людьми парламентской партіи. Король велъ переговоры съ парламентомъ, не отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на ненавистныя ему требованія, даже соглашался на нѣкоторыя изъ нихъ, разсчитывая притворными уступками перессорить умѣренную партію патріотовъ съ людьми радикальнаго образа мыслей и потомъ, пользуясь ихъ ссорой, возстановить абсолютизмъ. Онъ согласился на исключеніе епископовъ изъ палаты пэровъ, потому что при сохраненіи епископальнаго устройства церкви ему легко было съ перемѣною обстоятельствъ возвратить имъ санъ пэровъ. Онъ выказывалъ расположеніе уступить и тому требованію парламента, чтобы начальниками милиціи и комендантами крѣпостей были назначены патріоты, предложилъ, чтобы парламентъ составилъ списокъ кандидатовъ, изъ которыхъ выберетъ онъ людей на эти должности. Но парламентъ увидѣлъ, что это обманъ, и присоединилъ къ своему требованію такія условія, которыми устранялась возможность обольщенія; онъ потребовалъ, чтобы начальники милиціи и коменданты крѣпостей были назначены на свои должности пожизненно, или по крайней мѣрѣ на продолжительные сроки, и чтобы король не могъ смѣнять ихъ безъ согласія парламента. Понявъ изъ этого, что об-

манъ не удался, Карлъ съ негодованіемъ сказалъ комиссарамъ парламента: «Еслибъ я далъ вамъ то, чего вы требуете, то, конечно, я могъ бы оставаться по названію королемъ, передо мною могли бы носить мечъ, я могъ бы услаждаться видомъ короны и скипетра, и вы могли бы употреблять въ заглавіи вашихъ рѣшеній формулу: по утвержденіи королемъ, но, что касается дѣйствительной власти, я былъ бы только тѣнью короля». Онъ объявилъ, что ни на одинъ часъ не предоставитъ парламенту власти надъ войскомъ.

Соглашеніе было невозможно: парламентъ хотѣлъ установить такія гарантіи законнаго порядка, которыми навсегда устранялась бы опасность возстановленія абсолютизма, обезпечивалось бы участіе націи въ управленіи государствомъ; Карлъ хотѣлъ сохранить за собой какъ можно больше остатковъ произвольной власти и при первомъ удобномъ случаѣ возстановить ее вполне. Обѣ стороны понимали невозможность искренняго примиренія; переговоры велись только для вида, для выигрыша времени. Придворная партія только выжидала благоприятнаго случая подавить парламентъ вооруженной силой. Душою этихъ замысловъ была королева; ея пристрастіе къ абсолютизму и стремленіе возстановить господство католичества много содѣйствовали возбужденію народной непріязни къ королю. По мѣрѣ того, какъ приближалось время рѣшительнаго разрыва, ея вліяніе на короля увеличивалось; она считала уступчивость мужа нарушеніемъ условій брачнаго договора и личныхъ правъ ея, полагала, что уступки поведутъ къ гибели монархіи. По смерти Стрэффорда король руководился ея совѣтами. Нѣжность его любви къ ней увеличивалась; ея образованность и умъ покоряли его ей; она наследовала отъ отца сильный характеръ, отъ матери властолюбіе. Она въ Уиндсорѣ рѣшила, что поѣдетъ съ коронными брильянтами въ Голландію и, продавъ ихъ, наwerbуетъ войско, а Карлъ перенесетъ свою резиденцію въ Йоркъ и собравъ тамъ войско, подавитъ своихъ противниковъ силой оружія. Король одобрилъ этотъ планъ. Королева поѣхала въ Голландію.

с) первые два года войны.

Въ началѣ марта 1642 года было ясно, что дѣло будетъ рѣшено войною. Но ни той, ни другой сторонѣ не хотѣлось подвергнуть себя упреку въ томъ, что война начата ею. Парламентъ постановилъ принять мѣры обороны. Король, находившійся когда въ Гонтингдонѣ, издалъ 15 марта манифестъ, объявлявшій, что всякія военныя распоряженія, дѣлаемые безъ его согласія, незаконны и никто не долженъ повиноваться имъ. Палаты пэровъ и общинъ отвѣчали на это что право рѣшенія вопросовъ о законности и незаконности принадлежитъ парламенту, что рѣшенія, принимаемые обѣими палатами его,

считаются заключающими въ себѣ законную волю короля. — Происходили вооруженныя столкновѣнія; но еще не было формальнаго объявленія войны. Король, испытавшій неудачу въ войнѣ съ шотландцами, не хотѣлъ начинать новой войны, пока королева не пришлетъ ему войска съ континента. На милицію онъ не надѣялся. И онъ и парламентъ ставили гарнизоны по крѣпостямъ. Комендантъ лондонскаго Тоуэра, лордъ Бейронъ, храбрый воинъ, усердный роялистъ, отказался отдать эту цитадель парламенту; парламентъ велѣлъ Скиппону окружить ее милиціей, не пропускать въ нее продовольствія и аммуниціи. Гарнизонъ Тоуэра сталъ терпѣть недостатокъ въ нихъ. Король дозволилъ Бейрону войти въ переговоры съ уполномоченными парламента. Тоуэръ былъ отданъ коменданту, назначенному парламентомъ, Коньеру. Король поселился въ Йоркѣ; жители этого города и сосѣдней мѣстности выказывали преданность ему. Онъ ободрился.

Однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ сѣверной Англіи, былъ Голлъ (Hull), владычествовавшій надъ устьемъ Гомбера, сильно укрѣпленный, имѣвшій большую морскую торговлю, склады провіанта и аммуниціи. Гарнизонъ тамъ командовалъ сэръ Джонъ Готэмъ (Hotham), опытный воинъ, членъ парламента. Въ концѣ апрѣля король съ своимъ племянникомъ Рупрехтомъ (по англійской формѣ имени Рупертомъ) и вторымъ сыномъ, герцогомъ Йорскимъ, явился передъ стѣнами Голля, и послалъ коменданту требованіе сдать ему городъ. Большинство членовъ городского управленія въ Голлѣ было за короля, большинство гражданъ за парламентъ. Комендантъ, назначенный парламентомъ, рѣшился остаться вѣрнѣе ему и сказалъ, что верховная власть принадлежитъ королю и парламенту вмѣстѣ, а когда они несогласны между собою, то должно повиноваться представителямъ націи, потому что обязанность вѣрности относится не къ личности короля, а къ королевской власти, основанной на законахъ и законныхъ учрежденіяхъ. Карлъ объявилъ Готэма мятежникомъ. Палата общинъ отвѣчала рѣшеніемъ, что «такой приговоръ, произнесенный надъ членомъ палаты общинъ и притомъ безъ суда, составляетъ новое нарушеніе привилегій парламента и новый актъ противозаконія со стороны короля». Но въ Йоркѣ и вообще на сѣверѣ Англіи большинство народа, и въ особенности вельможи и дворянство (gentry) не раздѣляли мнѣнія парламента; они говорили, что какъ король не имѣетъ права устанавливать законы одинъ или вмѣстѣ съ одною палатою пэровъ, безъ содѣйствія палаты общинъ, точно такъ же не можетъ устанавливать ихъ и парламентъ безъ короля, что король, палата пэровъ и палата общинъ составляютъ власть только всѣ вмѣстѣ. Король возвратился въ Йоркъ, получая на пути заявленія преданности; роялисты благороднаго сословія — кавалеры (cavaliers), какъ называли ихъ — собирались къ нему; скоро составилось у него

20.000-ное войско, въ которомъ было много знатныхъ людей: они горѣли нетерпѣніемъ идти на круглоголовыхъ, за которыхъ стояли Лондонъ, приморскіе города и южная Англія.

Между пуританами распространялись республиканскія понятія. Патриоты доказывали, что парламентъ выше короля, потому что король обязанъ подчиняться законамъ, а парламентъ устанавливаетъ ихъ, слѣдовательно, всѣ его распоряженія имѣютъ силу законовъ. Въ Лондонѣ и южныхъ графствахъ демократическая партія приобрѣтала рѣшительное преобладаніе; управленіе городами было отнято у прежнихъ реакціонныхъ городскихъ властей, передано новымъ городскимъ совѣтамъ. Двѣнадцать пэровъ, въ числѣ которыхъ находились Нортэмптонъ, Монмутъ, Сольсбери, Девонширъ, уѣхали изъ Лондона въ Йоркъ. Хранитель Большой печати Литтлтонъ тоже уѣхалъ туда и привезъ ее королю. Палата общинъ велѣла сдѣлать новую печать. Въ юнѣ (1642 года) умѣренные люди снова сдѣлали попытку примиренія, представили королю проектъ, состоявшій изъ девятнадцати «предложеній», на основаніи которыхъ можетъ быть заключенъ миръ. По этому проекту государственное устройство Англіи должно было получить характеръ, подобный тому, какой имѣло въ Шотландіи: богослуженіе и церковное устройство преобразуются; высшіе сановники, члены тайнаго совѣта, лордъ верховный судья назначаются королемъ не иначе, какъ съ одобренія парламента, военныя силы находятся впредь до другаго соглашенія подъ властью парламента, какъ требовала того палата общинъ, распоряженія, сдѣланныя парламентомъ для обороны страны объявляются законными; воспитаніе дѣтей короля находится подъ контролемъ парламента. Король не могъ согласиться на такое ограниченіе своей правительственной власти, не могъ уступить парламенту власть надъ войскомъ. Онъ былъ тѣмъ непреклоннѣе, что получалъ тогда множество заявленій преданности.

Такимъ образомъ, продолжались съ обѣихъ сторонъ приготовленія къ войнѣ. Королевскіе комиссары вербовали войска въ сѣверныхъ и среднихъ графствахъ, по южнымъ и восточнымъ разсылались распоряженія парламента. Роялисты надѣялись на иностранную помощь, но скоро увидѣли юшибочность своихъ ожиданій: всѣ силы континентальной Европы были заняты тридцатилѣтней войной. Нидерландская республика рѣшила не вмѣшиваться въ англійское междоусобіе. Еслибы французскій король и захотѣлъ послать на помощь Карлу войско, оно не могло произвести высадку въ Англію, потому что всѣ гавани находились во власти парламента, а главнокомандующій англійскаго флота, адмиралъ Уоррикъ, человекъ твердаго характера, былъ преданъ парламенту. Правда, подъ королевское знамя собралось много храбрыхъ, опытныхъ офицеровъ и солдатъ, но вообще у кавалировъ не было ничего, кромѣ шпаги, а у короля не

было денегъ на содержаніе ихъ; королева продала или заложила въ Голландіи свои брильянты, оксфордскій университетъ отдалъ королю свою серебрянную посуду, она была перечеканена въ монету; но эти суммы были недостаточны на покрытіе военныхъ надобностей; королевское войско вскорѣ послѣ начатія войны стало терпѣть нужду во всемъ. А въ казну парламента поступали почти всѣ государственные доходы; онъ пользовался кредитомъ, могъ заключать займы, приверженцы его дѣлали щедрыя пожертвованія на войну; народъ спокойно платилъ ему налоги, въ которыхъ упорно отказывалъ королю. Военныя распоряженія парламента были благоразумны. Онъ поручилъ управленіе военными дѣлами комитету, членами котораго были горячіе патріоты: Пимъ, Гэмпденъ, Фьенсъ и люди умѣренные, Голлисъ, Стэпльтонъ, лорды Нортонберлендъ, Се, Голландъ. Главнокомандующимъ своего войска парламентъ назначилъ графа Эссекса, храбраго воина, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ пресвитеріанъ, любимаго народомъ по памяти объ отцѣ. Помощниками его были испытанные патріоты, — Гэмпденъ, Мэндивилль, имѣвшій прежде титулъ лорда Кимболтона, а теперь наслѣдовавшій отъ отца санъ графа Мэнчестера, Ферфэксъ (Fairfax), Гэслери. Пресвитеріанскіе проповѣдники сопровождали теперь англійское парламентское войско какъ прежде шотландское, разгорячали его проповѣдями и молитвами.

Было много споровъ о томъ, которая сторона начала войну. Но несомнѣнно, правы были говорившіе, что первое нападеніе, которымъ началась война, было произведено роялистами: въ августѣ (1642 года) Карлъ возобновилъ попытку принудить Готэма сдать ему Голль; Готэмъ попрежнему отвѣчалъ отказомъ; король осадилъ городъ. Парламентъ быстро прислалъ отрядъ войска; онъ соединился съ гарнизономъ и помогъ ему отразить нападеніе. Около того же времени графъ Нортэмптонъ хотѣлъ принудить городъ Ковентри, стоящій на Трентѣ, принять короля, и тоже потерпѣлъ неудачу: 19 августа онъ хотѣлъ ворваться въ городъ, но былъ отраженъ. Командантъ Портсмута, полковникъ Горингъ, горячій роялистъ, принужденъ былъ Эссексомъ и адмираломъ Уоррикомъ сдаться. Карлъ 22 августа поставилъ передъ Ноттингэмомъ королевское знамя, какъ символъ того, что король призываетъ своихъ вассаловъ собраться къ нему; на знамени была надпись: «Воздайте кесарю кесарево». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнародовалъ прокламацію, призывавшую всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ помогать королю противъ мятежническихъ намѣреній графа Эссекса. Графъ повелъ изъ Лондона на сѣверъ войско, превосходившее числомъ королевскую армію, подошелъ къ Нортэмптону; король увидѣлъ, что не можетъ дать сраженія, отступилъ къ горамъ сѣвернаго Уэльза, населеніе котораго держало его сторону, и расположился главною квартирою въ Шрусбери. Своимъ главнокомандующимъ онъ назначилъ графа Линдсе. Но отважнѣйшимъ генераломъ королев-

скаго войска былъ племянникъ короля, Рупертъ, принцъ пфальцкій. Онъ съ коннымъ отрядомъ дѣлалъ далекіе набѣги, грабилъ магазины парламентскаго войска, грабилъ города и селенія, признававшія власть парламента. Помощниками Руперта были братья его Морицъ и нѣсколько офицеровъ, привыкшихъ въ тридцатилѣтней войнѣ къ свирѣпости. Рѣзкую противоположность буйной конницѣ кавалировъ составлялъ конный полкъ, сформированный Кромвеллемъ изъ фригольдеровъ, людей, которые были собственниками воздѣлываемыхъ ими мелкихъ участковъ земли, сами воздѣлывали ихъ, жили, какъ простые поселяне, но благосостоятельные, были крѣпки здоровьемъ, сильны; они легко выносили всѣ трудности походовъ, спали на землѣ подлѣ своихъ лошадей, соблюдали въ своемъ отрядѣ строжайшую дисциплину; они служили безъ жалованья, пошли на войну по страстной любви къ политической и религіозной свободѣ, проводили много времени въ молитвѣ, сражались геройски, были неодолимы и не давали пощады врагамъ. Осенью дѣла короля находились въ довольно хорошемъ положеніи. Призывъ его пробудилъ въ дворянствѣ рыцарское чувство вѣрности государю: въ королевскій лагерь каждый день приходили новые воины. Роялисты взяли въ Честерѣ огромное количество военныхъ припасовъ, заготовленныхъ для экспедиціи въ Ирландію. Близъ Вустера (Worcester) Рупертъ разбилъ отрядъ парламентскаго войска, привелъ въ королевскій лагерь нѣсколько плѣнныхъ. Король былъ въ восторгѣ, воображалъ, что скоро вступитъ побѣдителемъ въ Лондонъ. Въ кровопролитной битвѣ при Эджиллѣ, 23 октября, роялисты успѣшно сражались съ войскомъ, превосходившимъ ихъ численностью; это еще выше подняло ихъ надежды. Но побѣда ихъ была не рѣшительная, и храбрость, выказанная парламентской пѣхотой, въ особенности лондонской милиціей, должна была убѣдить ихъ, что одушевленіе патріотовъ — прочное чувство. Атаки кавалеріи Руперта были блистательны; роялисты стали считать его лучшимъ изъ своихъ генераловъ. Но онъ былъ вреденъ ихъ дѣлу тѣмъ, что не слушался приказаній. Линдсе, получившій въ эджилльскомъ сраженіи смертельную рану, часто жаловался на своевольство Руперта; былъ недоволенъ имъ и преемникъ Линдсе, маркизъ Ньюкесль (Newcastle). Черезъ нѣсколько времени послѣ эджилльской битвы роялисты неожиданнымъ нападеніемъ нанесли при брентфордѣ, 10 ноября, большой уронъ лондонскимъ полкамъ. Но жестокостью и грабительствомъ въ этомъ сраженіи кавалеры укрѣпили патріотовъ въ мысли о необходимости вести войну до полной побѣды надъ ними. Король пошелъ на Лондонъ, дошелъ до Ридинга. Но храбрость парламентскаго войска и упорное сопротивленіе населенія такъ ослабили его армію, что передъ наступленіемъ зимы онъ возвратился въ преданный ему Оксфордъ.

Парламентское войско, состоявшее изъ людей, въ первый разъ взявшихся за оружіе и еще не научившихся военному дѣлу, не могло въ началѣ войны побуждать роялистовъ и уэльскихъ горцевъ, опытныхъ солдатъ, и многіе патріоты упали духомъ. Парламентъ принужденъ былъ принимать суровыя мѣры, чтобы поддержать свою власть. Населеніе Лондона оставалось вѣрно парламенту только потому, что роялисты не скрывали своего намѣренія мстить врагамъ. Королева при тайной помощи своего зятя, статгудера голландскаго, приобрѣла нѣсколько кораблей и отрядъ войска, приплыла съ нимъ въ Англію. При высадкѣ на берегъ, ее встрѣтили пушечными выстрѣлами, но она пробилась и пришла въ Йоркъ. Успѣхъ увеличилъ ея самонадѣянность. Она въ письмахъ къ мужу закликала его не дѣлать парламенту уступокъ, ограничивающихъ королевскую власть. Потому напрасны остались переговоры между королемъ и парламентомъ, начатые въ февралѣ 1643 года. Вліяніе королевы ускорило разрывъ ихъ и придало энергію военнымъ дѣйствіямъ роялистовъ. Въ іюлѣ она привела къ мужу въ Оксфордъ отрядъ войска съ артиллеріей и аммуниціей. Роялисты одерживали успѣхи: Эссексъ, овладѣвшій Ридингомъ, и пошедшій дальше, былъ въ нѣсколькихъ мелкихъ сраженіяхъ опрокинутъ Рупертомъ; въ небольшомъ кавалерійскомъ сраженіи близъ Оксфорда Гэмиденъ получилъ двѣ тяжелыя раны. Услышавъ объ этомъ, Карлъ послалъ къ своему противнику доктора Джейльза (Giles), находившагося въ королевскомъ лагерѣ, но бывшаго сосѣдомъ Гэмидена по имѣнью и лично дружнаго съ нимъ. — «Я всегда былъ для сэра Джона вѣстникомъ несчастья», сказалъ Джейльзъ при отъѣздѣ. Онъ нашелъ Гэмидена умирающимъ. Гэмиденъ скончался 24 іюня (1643 года). Съ нимъ исчезла послѣдняя вѣроятность примиренія. Въ іюлѣ легкая конница Руперта разбила тяжелую кавалерію Уоллера и Гэслери, шедшую на Оксфордъ съ запада. Черезъ нѣсколько дней роялисты взяли Бристоль, очень важный торговый городъ и получили этимъ доступъ къ морю. Король приобрѣталъ новыхъ сторонниковъ. Готэмъ, поссорившись съ нѣкоторыми изъ вождей парламентской партіи, хотѣлъ отдать Голль королю. Но патріоты узнали объ этомъ и арестовали его. Въ самомъ Лондонѣ открытъ былъ заговоръ, главными участниками котораго были членъ парламента, поэтъ Уолмеръ, его родственникъ Томкинсъ и нѣкоторые тайные роялисты. Уолмеръ купилъ себѣ помилованіе, рассказавъ все; его подвергли только денежному штрафу и дозволили ему уѣхать; сообщники его были казнены (въ іюлѣ). Пимъ и другіе вожди патріотовъ предложили англичанамъ заключить между собою ковенантъ, по примѣру шотландцевъ. Вступавшіе въ этотъ союзъ присягали признавать дѣло парламента дѣломъ религіи и свободы, жертвовать жизнью для защиты его. Ковенантъ произвелъ рѣзкое раздѣленіе націи на парламентскую и роялистскую партіи. Продолжались попытки примиренія, но оно давно стало невозможнымъ.

Въ „Иконокластѣ“ („Иконоборцѣ“) Мильтона живо и вѣрно изображены народныя волненія, подъ вліяніемъ которыхъ приобрѣтала въ парламентѣ преобладаніе радикальная тенденція. Мильтонъ, республиканецъ, видитъ причину всѣхъ бѣдствій междуусобія въ деспотизмъ Стюартовъ, абсолютистскихъ и реакціонныхъ стремленіяхъ кавалировъ и палистовъ; но не скрываетъ, что раздраженіе народа заставило парламентъ идти дальше, чѣмъ желало большинство членовъ, что толпа ежедневно окружала дворецъ парламента, что шумныя угрозы ея оказывали вліяніе на вотированіе крутыхъ мѣръ, крики одобренія или порицанія, которыми встрѣчала она членовъ парламента при входѣ и выходѣ ихъ, опредѣляли ихъ образъ дѣйствій, и что демагоги проводили этимъ способомъ свои предложенія черезъ парламентъ. Безъ того борьба кончилась бы въ пользу короля на второй годъ войны. Только нравственная поддержка гражданъ Лондона придала гражданамъ Глостера ту твердость, съ какою выдержали они осаду, и въ битвѣ при Ньюберн (въ сентябрѣ 1643) только мужеству лондонской пѣхоты, стоявшей непоколебимой стѣной, патріоты были обязаны тѣмъ, что кавалеріи Руперта не разсѣяла всю парламентскую армію своими стремительными атаками. Эссексъ и Скиппонъ не были отрѣзаны отъ Лондона. Въ этомъ сраженіи былъ убитъ лордъ Фоклендъ (Folkland), одинъ изъ лучшихъ людей королевской партіи, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ. Въ концѣ 1643 года на сѣверѣ владычествовали роялисты, на югѣ сторонники парламента, въ большей части Англіи обѣ партіи имѣли приблизительно одинаковую силу.

Исходъ борьбы зависѣлъ отъ того, чью сторону примутъ шотландцы. Карлъ, какъ мы говорили, сдѣлалъ уступки имъ; нѣкоторые шотландскіе вельможи, бывшіе противниками, стали приверженцами его. Но усердные ковенантеры встревожились этимъ, опасаясь, что если его сила возстановится, то онъ возьметъ назадъ всѣ уступки; они полагали, что ихъ религіозная свобода приобрететъ безопасность только когда будетъ уничтожено въ Англіи епископальное устройство, будутъ введены одинаковыя съ шотландскими церковныя учрежденія. Ходъ событій въ Англіи отражался на шотландскихъ дѣлахъ: когда успѣхъ былъ на сторонѣ англійскихъ роялистовъ, становились отвѣтче въ Шотландіи вожди роялистовъ, Гэмилтоны и Монтрозы и всѣ роялисты; когда усиливалась партія парламента, ободрялись ковенантеры. Если бы англійскіе патріоты ввели пресвитеріанское устройство, Шотландія скоро заключила бы съ Англіею союзъ, или какъ это называлось, ковенантъ. Но не всѣ члены большинства палаты общинъ были согласны дать церкви пресвитеріанское устройство: многіе опасались, что тогда приобрететъ слишкомъ сильное вліяніе на англійскія дѣла шотландское духовенство. Успѣхи роялистовъ показали наконецъ англійскому парламенту, что необходимо приобрести содѣйствіе шотландцевъ. Онъ отправилъ въ Единбургъ депутацію, главнымъ лицомъ въ которой былъ Генри Вентъ младшій (сынъ Генри Вена, бывшаго министромъ), вести переговоры съ шотландскимъ парламентомъ, собравшимся собственной властью, и потому формально имѣвшимъ названіе не парламента, а конвен-

ции; соборъ английскихъ священниковъ и мірянъ былъ созванъ для установленія формъ устройства и богослуженія английской церкви въ замѣнъ епископальной системы. При общности интересовъ, переговоры скоро привели къ соглашенію, что обѣ націи будутъ соединенными силами вести борьбу противъ папизма и прелатизма, и не положить оружія, пока не покорятъ эту партію и не установятъ власти парламента въ обѣихъ земляхъ. Шотландскіе пресвитеріане обѣщались послать войско въ Англію на защиту «дѣла Христова» отъ «антихриста», потому что «Іуда не можетъ сохранить свободу, если Израиль будетъ отведенъ въ рабство». Уполномоченные обоехъ парламентовъ, англійскаго и шотландскаго, дали клятву соблюдать ковенантъ, прочтенный въ общемъ соборѣ модераторомъ (предсѣдателемъ собора, Гендерсономъ; было постановлено, что онъ будетъ провозглашенъ во всѣхъ церквяхъ. Англичане обязались дать большія суммы на снаряженіе и содержаніе шотландскаго войска, которое пойдетъ въ Англію; деньги эти рѣшено было взять изъ доходовъ конфискованныхъ имѣній делинквентовъ (тѣхъ роялистовъ, которые были объявлены мятежниками). Союзъ Англіи съ Шотландіею былъ послѣднимъ дѣломъ Пима. Онъ умеръ 6 декабря 1643 года. Онъ былъ пресвитеріанинъ, но не фанатикъ.

Союзъ английскихъ пресвитеріанъ съ шотландскими далъ новый оборотъ ходу войны. Ирландскіе полки, вызванные Карломъ, не могли остановить превосходившей ихъ числомъ шотландской арміи, которую повелъ Лесли въ Англію. Эти полки, состоявшіе изъ католиковъ, были ненавистны англійскимъ протестантамъ и увеличили раздраженіе народа противъ роялистовъ. Совѣтники Карла вздумали поддержать его дѣло новымъ способомъ. Англійскій парламентъ, воевавшій съ Карломъ, былъ созванъ имъ и дѣйствовалъ отъ его имени: формальнымъ образомъ, онъ велъ войну не противъ короля, а за него, противъ дурныхъ совѣтниковъ его. При королевскомъ дворѣ, находившемся въ Оксфордѣ, было рѣшено опереться на тѣхъ членовъ парламента, которые не одобряли войны и перестали бывать въ засѣданіяхъ. Карлъ пригласилъ всѣхъ ихъ пріѣхать въ Оксфордъ. Туда собрались 83 пэра и 175 членовъ палаты общинъ, и 22 января (1644 года) Карлъ провозгласилъ это собраніе законнымъ парламентомъ, объявивъ мятежниками тѣхъ пэровъ и депутатовъ, которые продолжали засѣдать въ Уэстминстерѣ. Они называли измѣнниками, папистами пэровъ и депутатовъ, собравшихся въ Оксфордѣ. Большинство націи осталось вѣрнымъ уэстминстерскому парламенту и безъ ропота платило установленную имъ для покрытія военныхъ расходовъ пошлину съ сѣстныхъ припасовъ.

Лѣтомъ 1644 война продолжалась безъ рѣшительныхъ результатовъ, хотя парламентскія войска, которыми начальствовали Эсексъ и Уоллеръ, много превосходили королевскія численностью. Карлъ

выказывалъ очень большую личную храбрость. Однажды разнеслась молва, что онъ взятъ въ плѣнъ; узнавъ о ней, онъ сказалъ, что скорѣе сталъ бы искать смерти. Принцъ Рупертъ былъ тогда на верху своей славы. Онъ взялъ Болтонъ, одинъ изъ центровъ пуританства и подвергъ противниковъ короля свирѣпому мщенію; овладѣлъ Ливерпульемъ и успѣшно держался въ графствахъ Йоркскомъ и ланкастерскомъ противъ соединенной шотландско-англійской арміи. Казалось, что опытные королевскія войска одолѣютъ военныя силы парламента, солдаты которыхъ все еще мало знали военное дѣло. Свирѣпое мщеніе, которымъ сопровождался успѣхъ кавалировъ, показывало, какъ ужасна будетъ реакція, если они покорятъ англійскій народъ. Но битва при Мэрстонъ-Мурѣ, близъ Йорка, данная 2 июля (1644 года) опрометчивымъ Рупертомъ наперекоръ совѣту маркиза Ньюкесля, измѣнила ходъ войны. Центръ и правое крыло англо-шотландской арміи, которой командовали Ферфаксъ и Лесли, были опрокинуты стремительными атаками роялистской конницы; но лѣвое крыло, на которомъ находился Оливеръ Кромвелль съ своими пуританами, непоколебимо отбило нападенія и одержало полную побѣду. Тысячи роялистовъ были убиты, потому что Кромвелль запретилъ давать пощаду. «Волею Бога кавалеры падали подъ остріемъ нашихъ мечей, какъ колосыя подъ серпомъ», говорилъ онъ въ своемъ отчетѣ о битвѣ. Парламентское войско овладѣло Йоркомъ, покорило весь сѣверъ Англіи. Ньюкесль, не желавшій являться къ королю побѣжденнымъ, уѣхалъ въ Германію. Съ нимъ уѣхали другіе королевскіе полководцы лорды Фоконборгъ (Falconburg) и Уиддрингтонъ. Рупертъ съ остатками разбитого войска отступилъ въ графство ланкастерское. Кромвелль сталъ считаться лучшимъ генераломъ парламентскаго войска. Возвышенію его авторитета содѣйствовало то, что Эсексъ былъ стѣсненъ въ Корнуэллѣ арміею, при которой находился король и былъ принужденъ заключить 1 сентября постыдную капитуляцію, а Мэнчестеръ и Уоллеръ, пытавшіеся остановить возвращеніе короля въ Оксфордъ, были отброшены съ пути въ сраженіи при Ньюбери 27 октября.

б) Развитие религіозной экзальтаци въ парламентскомъ войскѣ.

Мэрстонъ-мурская битва дала новый оборотъ не только войнѣ, но и ходу религіозныхъ и политическихъ дѣлъ. По заключеніи союза съ Шотландіей получили въ Англіи преобладаніе пресвитеріане. Высшее управленіе военными и политическими дѣлами англійскій парламентъ поручилъ комитету, состоявшему изъ семи лордовъ, четырнадцати членовъ палаты общинъ и четырехъ комиссаровъ шотландскаго парламента. Собраніе богослововъ, созданное англійскимъ парламентомъ, постановило послѣ долгихъ горячихъ совѣщаній, что

англиканское богослужение замѣняется пресвитеріанскимъ; англиканскій служебникъ (Book of Common prayer) «Руководствомъ къ общественному богослуженію» (Directory), составленнымъ въ пуританскомъ духѣ, епископальное устройство церкви пресвитеріанскимъ синодальнымъ, органами котораго будутъ окружные и областные соборы, состоящіе изъ духовенства и мірянъ. Парламентъ утвердилъ этотъ проектъ. Изъ англійскихъ церквей были вынесены образа, другія украшенія, вынесены органы; разрисованныя стекла въ церквахъ разбиты; было уничтожено все считавшееся у пуританъ принадлежностью суевѣрія и «идолопоклонства»; священникамъ было запрещено носить мантии и широкіе отложные воротники, бывшіе прежде знаками священническаго сана и считавшіеся у пуританъ остатками папизма; были отмѣнены всѣ второстепенные праздники. Пуританскіе священники, прогнанные съ должностей Лодомъ, получили ихъ обратно и длинными проповѣдями разгорячали народъ; англиканскіе священники, не хотѣвшіе принять новыхъ церковныхъ учреждений, получили отставку; люди, оставшіеся на сторонѣ короля, были подвергаемы денежнымъ штрафамъ, какъ делинквенты (нарушители закона). Пуритане стали преслѣдовать своихъ прежнихъ преслѣдователей. Былъ начатъ процессъ противъ архіепископа Лода, уже нѣсколько лѣтъ содержавшагося въ темницѣ. Руководителемъ процесса былъ Приннъ, такъ жестоко пострадавшій отъ тиранніи Лода. Подобно Страффорду Лодъ былъ осужденъ биллемъ смертной казни, принятымъ палатой общинъ и потомъ палатой пэровъ, и былъ казненъ 3 января 1645. — Англія была раздѣлена на округа пресвитеріанскаго церковнаго устройства, и была введена въ ней строгая церковная дисциплина въ духѣ Кальвина и Нокса.

Но между побѣдителями уже возникли раздоры, постоянно усиливавшіеся. Не всѣ пресвитеріане были довольны «Руководствомъ». Ортодоксальная партія ихъ осуждала то, что парламентъ присвоилъ себѣ надъ церковью власть, противорѣчащую ученію кальвинизма; она говорила, что въ Шотландіи этого нѣтъ. Но гораздо важнѣе было недовольство индепендентовъ или конгрегационистовъ, строго державшихся принципа религіозной свободы, требовавшихъ независимости для каждой конгрегации (общины) вѣрующихъ, и отвергавшихъ власть пресвитеріанскихъ окружныхъ и областныхъ соборовъ. Энтузіасты безукоризненной нравственности, пріобрѣтавшіе своей энергіей все больше и больше вліянія въ парламентѣ, войскахъ и городахъ, индепенденты не хотѣли подчиняться въ религіозныхъ дѣлахъ чужой волѣ; они съ негодованіемъ говорили, что церковный деспотизмъ только получилъ новую форму, что вмѣсто нѣсколькихъ епископовъ тиранствовать стала толпа священниковъ и мірянъ, засѣдающихъ въ соборахъ и консисторіяхъ, что папство, епископальная церковь и пресвитеріанство только три разные вида одного великаго отступни-

чества отъ христіанской свободы. Они, требовали, чтобы за каждой церковной общиной, составляемой людьми одинаковыхъ вѣрованій, было признано право устанавливать свое вѣроисповѣданіе, формы своего управленія и богослуженія, чтобы всѣ общины были равноправны, чтобы никто не былъ стѣсняемъ въ дѣлѣ вѣры, каждый имѣлъ право служить богу по внушенію собственной совѣсти. Они отбрасывали всѣ клерикальные элементы, говорили: къ чему духовенство? Господь можетъ давать святой Духъ каждому вѣрующему. Правила ихъ были: конгрегация сама выбираетъ своихъ проповѣдниковъ и старшинъ; исключаетъ недостойныхъ изъ своего состава; различіе вѣрованій и формъ богослуженія дозволительно; вѣротерпимость — священная обязанность. — Мильтонъ говоритъ: какъ при построеніи матеріальнаго храма іерусалимскаго были нужны разные работники: одни, чтобы выламывать камень, другіе, чтобы полировать мраморъ, третьи, чтобы срубить кедръ, такъ и при строеніи духовнаго храма нужны разные секты и общества, чтобы ихъ взаимодействіемъ храмъ созидался прекраснѣе, разнообразнѣе и гармоничнѣе; дѣла вѣры должны быть рѣшаемы не насиліемъ, а свѣтомъ разума. Когда пресвитеріане хотѣли ввести цензуру, Мильтонъ написалъ «Ареопагитскія мысли», Areopagitica, пламенную апологію свободы слова, какъ права человѣческаго разума. Онъ говорилъ пресвитеріанамъ: «Въ такое время, когда народъ, пробуждаясь отъ сна, встряхиваетъ волосами, исполненными самсоновской силы, вы не можете возвратить насъ къ старому мраку и рабству, не сдѣлавшись сами такими же деспотами, какъ тѣ, отъ которыхъ вы освободили насъ». — Юристы и государственные люди, не допускавшіе церковной власти, независимой отъ парламента и правительства, отвергавшіе власть пресвитеріанскихъ соборовъ, защищали индентство; Мильтонъ былъ краснорѣчивѣйшимъ изъ нихъ. Индентенты почерпали свои понятія прямо изъ Священнаго Писанія. Ветхозавѣтные герои борьбы за вѣру были образцами для нихъ, и они считали себя руководимыми, какъ эти воины вѣры, непосредственными внушеніями Іеговы. Они говорили, что церковь должна быть подчинена государству, что пресвитеріи, получившія право наблюдать за сохраненіемъ церковной дисциплины, скоро превратятся въ іерархію, подобную католической, и она будетъ угнетать умы, какъ испанская инквизиція.

Но скоро возникли секты, шедшія дальше самихъ индентентовъ: появились энтузіасты, называвшіе себя пророками; около нихъ составлялись конгрегации, которымъ они возвѣщали получаемыя ими откровенія: «Такъ говоритъ Господь черезъ меня», — «Имѣю сказать вамъ Слово Господне». Почти всѣ эти пророки были анабаптисты. Особенно много приверженцевъ находили они въ войскахъ между крайними индепендентами, получившими названіе левеллеровъ. Изъ ле-

веллеровъ выходили тѣ энтузіасты, которые стали называться «людьми пятого царства», то есть, царства Христова; они говорили, что начинается время того предсказаннаго Данииломъ царства, которое будетъ владычествомъ святыхъ на землѣ и будетъ длиться тысячу лѣтъ, и что эти святые—они; ихъ ученіе было возрожденіемъ того вѣрованія, которое въ первые вѣка христіанства называлось хилиазмомъ (вѣрованіемъ въ тысячелѣтіе). Къ анабаптистскимъ сектамъ принадлежали антиномисты и перфекціонисты, говорившіе, что послѣ искупительной смерти Христовой нѣтъ грѣха въ церкви святыхъ Божіихъ, что потому законъ не имѣетъ силы для нихъ, что отрицающій это отнимаетъ значеніе у смерти Христовой. Въ мѣстности близъ Кобгэма, оставшейся безъ воздѣлыванія, явился пророкъ Эвенордъ (Evenard) съ тридцатью послѣдователями; они распахали и засѣяли эту землю, потому что такъ повелѣлъ имъ Богъ, открывшій имъ, что пришло время избавленія народа Божія; они объявили, что будутъ питаться трудомъ рукъ своихъ, кормить голодныхъ и подобно своимъ отцамъ іудеямъ жить въ шатрахъ. Въ Бристолѣ, къ изумленію гражданъ, появился новый мессія, Джеймсъ Нелеръ (Nayler), служившій въ кавалерійскомъ полку Кромвелля; онъ съ толпою мужчинъ и женщинъ, кричавшихъ «Осанна» ему, царю израильскому, шелъ подъ проливнымъ дождемъ по улицамъ Бристоля. По приговору парламента онъ былъ за богохульство поставленъ къ позорному столбу, высѣченъ и посаженъ въ смиренительный домъ, но остался предметомъ уваженія для всѣхъ святыхъ. Возродилась мистическая секта фамилистовъ, стремившихся «служеніемъ любви» Христу достигнуть соединенія съ Богомъ и приписывавшихъ вѣрующимъ безгрѣшность. Возобновились мистическое ученіе о подобномъ сну или летаргіи состояніи души по смерти тѣла до воскресенія мертвыхъ; принимавшіе его составляли особую секту. Родственны имъ были «искатели», Seekers, или «ожидатели», Waiters, послѣдователи ученія о тысячелѣтнемъ царствѣ, считавшіе ненужными таинства, какъ матеріальные обряды, излишніе для людей, чтущихъ Бога сердцемъ, ожидавшіе пришествія «Духа Утѣшителя», обѣщаннаго Христомъ.

Къ одной изъ экзальтированныхъ сектъ анабаптизма принадлежалъ Джанъ Боньенъ (Bunyan), авторъ книги, очень правившейся набожными людьми; *Pilgrims progress*, «Успѣхъ пути паломника». Онъ родился въ 1628, въ графствѣ Бедфордскомъ, былъ сынъ бѣдныхъ людей и самъ бѣднякъ, по ремеслу котельщикъ. Жена принесла въ приданое ему только двѣ старыя книги: «Путь честныхъ людей на небо» и «Руководство къ благочестію». Онъ провелъ молодость въ «грѣхѣ»,—то есть жилъ тогда какъ всѣ; поступилъ въ кавалерійскій полкъ Кромвелля и въ лагерѣ усердно изучалъ Св. Писаніе. Военныя бури того времени казались ему весенними грозами, кото-

рыми разрушается царство антихриста, возрождается жизнь церкви. Принятый въ секту анабаптистовъ, онъ сталъ проповѣдникомъ, рѣчи котораго увлекали слушателей. По возстановленіи монархіи роялисты и сторонники Высокой церкви подвергли его преслѣдованію, но онъ до самой смерти (въ 1688 году) оставался вѣренъ своему проповѣдническому призванію. Одѣвшись извозчикомъ, съ бичемъ въ рукѣ, онъ пробирался тайкомъ въ собранія диссентеровъ. Больше двѣнадцати лѣтъ онъ томился въ темницѣ. Тамъ онъ написалъ свою знаменитую книгу. Это аллегорія, въ формѣ разсказа о сновидѣніи изображающая постепенное освобожденіе христіанина отъ служенія мірской суетѣ и грѣху, переходъ его черезъ долину тѣни смертной въ градъ небесный. Она до сихъ поръ остается любимымъ чтеніемъ простодушныхъ благочестивыхъ людей во всѣхъ земляхъ англійскаго языка.

Изъ экзальтированныхъ индепендентовъ составилось и «общество друзей» (Friends),—то-есть друзей челоувѣчества, которые получили названіе квакеровъ (куокеровъ, quakers, «дрыгуновъ»). Основателемъ этой секты былъ Джорджъ Фоксъ (Fox), родившійся въ 1621 году, сынъ зажиточныхъ людей, усердныхъ пуританъ. Въ молодости онъ былъ кожевникомъ; но, углубившись въ чтеніе Священнаго Писанія, сдѣлался странствующимъ проповѣдникомъ. Онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, носилъ волосы до плечъ, одѣвался въ кожаное платье. Онъ ходилъ по Англіи, проповѣдуя въ домахъ и на улицахъ «всѣмъ истиннымъ христіанамъ, родившимся отъ Бога и перешедшимъ изъ смерти къ жизни», скорбѣлъ о грѣховности христіанъ, не возродившихся къ духовной жизни, возвѣщалъ наступленіе царства Божія. Онъ имѣлъ видѣнія, которыя ставилъ выше Священнаго писанія. Онъ говорилъ отрывисто, тяжело, но съ одушевленіемъ, увлекавшимъ даже тѣхъ, которые начинали слушать его въ хладнокровномъ настроеніи души. Его ругали, били, бросали въ него камнями, сажали его въ темницы. Часто онъ, скрываясь отъ гонителей, ночевалъ въ лѣсу безъ пищи и питья. Но онъ оставался непоколебимъ, радостно исполнялъ свое призваніе возвѣщать людямъ свѣтъ Христовъ. Когда нисходилъ на него духъ Божій, онъ дрожалъ, падалъ въ судорогахъ на землю; по этимъ припадкамъ народъ прозвалъ его и послѣдователей его квакерами.—Когда Кромвелль распустилъ парламентъ 1653 года и разсѣялась надежда святыхъ на скорое осуществленіе ихъ мечты о царствѣ Божіемъ на землѣ, горячіе индепенденты приняли ученіе о новыхъ, непрерывныхъ откровеніяхъ Божіихъ; благодаря тому квакерство, прежде находившее послѣдователей почти только въ графствахъ Ноттингемскомъ, Йоркскомъ, Дербійскомъ, Лестерскомъ, распространилось по всей Англіи. Безсвязные афоризмы, которыми высказывалъ свое ученіе Фоксъ, были приведены въ систему; были построены дома для религіозныхъ ми-

тинговъ (сходокъ) его послѣдователей. Квакеры составили общество съ прочной организаціей, усердно пропагандировали свое ученіе миссіями. Женщины принимали участіе въ дѣлѣ проповѣди; Маргарету Фелль, мужъ которой былъ судьей въ Суортморѣ, квакеры называли духовной матерью своей. Въ 1654 году основана была квакерская община въ Лондонѣ. Сближеніе съ сэромъ Генри Веномъ, Брэдшо, Лилъборномъ вовлекло квакеровъ въ политическую борьбу. Миротворившій Фоксъ утратилъ свое первенствующее значеніе между квакерами; вождями ихъ стали люди, живо интересовавшіеся государственными дѣлами; квакеры составили важнѣйшую часть коалиціи анабаптистскихъ сектъ, стремившейся низвергнуть Кромвелля. Послѣ реставраціи квакеры снова стали исключительно религіознымъ обществомъ; они въ это время основали множество миссій въ американскихъ колоніяхъ. Фоксъ до самой смерти (въ 1691 году) усердно занимался расширеніемъ ихъ миссіонерства. Робертъ Бэркли (Barclay) далъ систематическую разработку ученію квакеровъ, по которому догматы и обряды считаются маловажными сравнительно съ благочестивой жизнью, и каждый искренно стремящійся къ соединенію съ Богомъ считается способнымъ получать отъ Бога откровенія, имѣющія авторитетъ, равный Священному Писанію или даже болѣе высокій; богословская ученость считается у квакеровъ суетою, военная служба воспрещается; точно также воспрещается давать присягу, слѣдовать модамъ и употреблять обороты рѣчи, служащіе только вѣжливостью безъ серьезнаго соотвѣтствія мысли словамъ. Въ Англіи квакеры долго подвергались гоненіямъ. Уильямъ Пеннъ, человѣкъ знатный и богатый, принявшій ученіе квакеровъ, купилъ на рѣкѣ Делюуэрѣ огромное пространство земли, чтобы дать тамъ пріютъ своимъ единовѣрцамъ, помогая имъ переселиться туда, и они основали тамъ колонію, получившую названіе Пенсильваніи.

Мѣсто даетъ яркую характеристику пуританъ, нѣсколько утрированную въ примѣненіи къ массѣ ихъ, но вѣрную относительно крайнихъ пуританскихъ партій:

«Пуритане были люди, умъ которыхъ получалъ особенныя свойства отъ постоянного занятія возвышенными интересами. Они имѣли правиломъ приписывать всѣ случаи жизни непосредственному дѣйствию Бога; познавать Бога, служить Ему—было для нихъ главною задачею земнаго существованія; они стремились видѣть Бога духовнымъ зрѣніемъ, лицомъ къ лицу, созерцать сіяніе славы Его, потому презирали земныя почести; разница между знатнѣйшими и нисшими классами людей исчезала для нихъ, по сравненію съ одинаковымъ ничтожествомъ людей, безпредѣльнымъ различіемъ человѣческой природы отъ божества. Они признавали только то превосходство, которое дается благодатью Божіею, а ее, какъ были убѣждены, они имѣли, потому они презирали всѣ человѣческія почести. Имена ихъ не были

записаны въ геральдическихъ родословныхъ, но были внесены въ Книгу жизни; они не имѣли блестящей свиты слугъ, но легіоны ангеловъ хранили ихъ; они имѣли перукотворные дворцы, были увѣнчаны діадемами нетлѣннаго сіянія. Они призирали богатыхъ и краснорѣчивыхъ; презирали вельможъ и церковныхъ сановниковъ, потому что имѣли сокровища болѣе драгоцѣнные, краснорѣчіе болѣе возвышенное, знатность, предвѣчно предназначенную для нихъ отъ Бога, были жрецы и архіереи по рукоположенію Божію. Самый послѣдній изъ нихъ былъ существомъ, о судьбѣ котораго заботятся силы небесныя, за всѣми дѣйствіями котораго съ живѣйшимъ интересомъ слѣдятъ духи свѣта и духи тьмы, которое еще до созданія неба и земли предназначено наслаждаться блаженствомъ, нескончаемымъ и тогда, когда перейдутъ небо и земля. Тѣ событія, которыя приписываются близорукими политическими людьми земнымъ причинамъ, происходятъ для доставленія блаженства ему, избраннику Божію; для него создаетъ и разрушаетъ государства Богъ, для него Богъ воздвигалъ Свою волю перомъ евангелистовъ и арфою пророка. Его Богъ спасъ своею смертію; для него затмевалось солнце, разсѣдались скалы, воскресали мертвые, содралась вся природа при страданіяхъ умирающаго Господа своего. Такимъ образомъ, въ пуританинѣ соединялись два человѣка: одинъ самоунижающійся, сокрушающійся о своихъ грѣхахъ, экзальтированный; другой гордый, спокойный, непреклонный, проникательный. Онъ повергался въ прахъ передъ Творцомъ своимъ, но ставилъ ногу на выю царя своего. Въ уединеніи молитвы онъ стоналъ и лилъ слезы, былъ доводитъ до полупомѣшательства видѣніями небеснаго блаженства и адскихъ мученій, слышалъ лиры ангеловъ и обольщающій шепотъ діавола. Подобно Вену онъ воображалъ себя получившимъ скипетръ тысячелѣтняго царства; подобно Флитвуду восклицалъ въ горечи души своей, что Богъ отвратилъ лицо свое отъ него. Но когда онъ садился на свое мѣсто въ парламентѣ, въ правительственномъ совѣтѣ или препоясывался мечемъ своимъ на войну, эти душевныя волненія исчезали въ немъ, не оставляя никакого слѣда. Люди, видѣвшіе только неуклюжіе манеры пуританъ, слышавшіе отъ нихъ только стоны и завыванія гимновъ, могли смѣяться надъ ними, но не приводилось смѣяться тѣмъ, которые встрѣчали ихъ противниками въ залѣ совѣщаній или на полѣ битвы. Эти фанатики вели политическія и военныя дѣла съ холодною соображеніемъ и неизмѣнностью намѣреній, составлявшими естественное слѣдствіе ихъ религіозной экзальтаціи. Горячность ихъ чувства по одному предмету дѣлала ихъ спокойными по всѣмъ другимъ. Одно преобладающее стремленіе покоряло себѣ въ нихъ жалость и ненависть, честолюбіе и страхъ, отнимало ужасъ у смерти, приманчивость у наслажденій. Пуритане имѣли улыбки и слезы, восторги и печали, но не для земныхъ впечатлѣній. Энтузіазмъ

сдѣлать ихъ стойками, очистилъ ихъ душу отъ всѣхъ пошлыхъ страстей и предразсудковъ, вознесъ ихъ выше боязни и обольщеній. Иногда онъ могъ направлять ихъ къ нерасудительнымъ цѣлямъ, но никогда не заставлялъ ихъ выбирать нерасудительныя средства; они шли по свѣту, какъ тотъ Талосъ, о которомъ говорится въ сказкѣ, желѣзный человѣкъ съ цѣпомъ, сокрушая и попирая ногами угнетателей, дѣйствуя среди людей, но не имѣя соучастія въ чело-вѣческихъ слабостяхъ, безчувственные къ усталости, къ удовольствію, къ огорченію, неуязвимые никакимъ оружіемъ, неудержимые никакой преградой».

е) ПОРАЖЕНІЕ РОЯЛИСТОВЪ. Бѣгство КАРЛА въ ШОТЛАНДСКІЙ ЛАГЕРЬ.

Пресвитеріане тревожились усиленіемъ конгрегационистовъ, отрицали то, что побѣдой при Мэрстонъ-Мурѣ англо-шотландское войско было обязано Кромвеллю. Когда шотландцы взяли штурмомъ (19 октября) храбро оборонявшійся роялистскій городъ Ньюкесль, пресвитеріане, пользуясь побѣдой своихъ друзей, рѣшили помириться съ королемъ; переговоры съ нимъ были начаты въ маленькомъ городѣ Оксбриджѣ (Uxbridge). Но соглашеніе съ Карломъ было невозможно: парламентъ требовалъ, чтобы онъ призналъ пресвитеріанское устройство церкви и ковенантъ, предоставилъ палатѣ общинъ назначеніе начальниковъ войска и флота. Карлъ отвергъ эти требованія, и переговоры, длившіеся двѣ недѣли, были прекращены 22 февраля 1645.

Индепенденты винили пресвитеріанъ парламента въ измѣнѣ отечеству, говорили, что они хотятъ только установить въ Англіи церковное устройство, имѣющее аристократическій характеръ, не заботясь о свободѣ народа, что они готовы за признаніе этого устройства пожертвовать всѣми плодами побѣдъ; что въ сраженіи при Ньюбері Мэнчестеръ преднамѣренно щадилъ королевское войско, что Эссексъ выказалъ себя бездарнымъ и дѣйствовалъ измѣннически; что народъ изнуренъ войной и если не преобразовать армию и не вести войну энергичнѣе прежняго, то надобно будетъ заключить миръ на постыдныхъ условіяхъ. Душою этой агитации былъ Кромвелль, дѣйствовавшій твердо, но осторожно. Онъ теперь уже не скрывалъ своихъ республиканскихъ мнѣній, говорилъ, что придетъ время, когда не будетъ въ Англіи ни короля, ни пэровъ; однажды въ разговорѣ съ своими военными друзьями онъ сказалъ: «Если я въ сраженіи встрѣчу короля, то выстрѣлю въ него изъ пистолета, какъ во всякаго другаго непріятеля». Англійскіе пресвитеріане и шотландцы ненавидѣли его, называли поджигателемъ, желающимъ поссорить палату общинъ съ палатою пэровъ; думали предать его суду какъ измѣнника, желающаго разстроить союзъ англичанъ съ шотландцами, уничтожить палату пэровъ; но не отважились исполнить этого намѣренія; онъ

съ своей стороны винилъ въ измѣнѣ Мэнчестера. Чтобы устранить пэровъ отъ начальства надъ войскомъ и вырвать власть изъ рукъ пресвитеріанъ, индепенденты 9 декабря 1644 предложили палатѣ общинъ постановить, что члены парламента не могутъ занимать должностей въ войскѣ; это предложеніе называется биллемъ самоотреченія. Палата общинъ приняла его 19 декабря; но палата пэровъ 15 января отвергла, рѣшивъ, что прежде чѣмъ перемѣнять начальниковъ войска надобно преобразовать его. Палата общинъ, въ которой уже господствовали друзья Кромвелля, согласилась съ этимъ. Прежнія отдѣльныя арміи были соединены въ одну, главнокомандующимъ которой былъ назначенъ съ титуломъ лорда-генерала Ферфэксъ, храбрый полководецъ, раздѣлившій съ Кромвеллемъ славу Мэрстонъ-Мурской побѣды и пользовавшійся большимъ уваженіемъ войска. Помощникомъ его былъ назначенъ съ титуломъ генералъ-майора (начальника штаба) Скиппонъ. Въ апрѣлѣ къ прежнему биллю самоотреченія было прибавлено, что только офицеры обязаны принимать ковенантъ. Актъ самоотреченія въ этомъ видѣ былъ принятъ 3 апрѣля; онъ имѣлъ главной своей цѣлью устранить отъ начальства надъ войсками Эссекса, Мэнчестера и другихъ людей умѣреннаго образа мыслей.

Ссора индепендентовъ съ пресвитеріанами возбудила въ королѣ новыя надежды; онъ радовался, что разорвалъ переговоры. Пуритане были ненавистны ему. Въ одномъ изъ писемъ къ королевѣ онъ говорить: «Они хотятъ, отнявъ у короля власть надъ церковью, передавъ ее парламенту, ввести потомъ ученіе, что верховная власть принадлежитъ народу, что онъ можетъ подвергать суду и наказывать короля, что дозвоительно сопротивленіе королю». Отъ преобразования парламентскаго войска въ демократическомъ духѣ Карлъ ожидалъ выгоды себѣ: шотландскіе горцы, ирландцы, корнуэльцы, уэльзійцы, преданные ему—все это были простолюдины; онъ воображалъ, что и англійскіе простолюдины проникнуты преданностью ему. Въ маѣ 1645 роялисты взяли Лестеръ; герцогъ лотарингскій обѣщалъ королевѣ послать въ Англію войско; графъ Монтрозъ поднялъ въ Грэмпианскихъ горахъ роялистское возстаніе, быстро пошелъ съ горами въ южную Шотландію, оставшуюся безъ войска,—все это возбудило въ роялистахъ надежду на побѣду. Но скоро ихъ иллюзія разсѣялась. Королевскія войска, раздробленныя на мелкіе отряды, не имѣли дисциплины, пьянствовали, буйствовали, грабили; въ преобразованномъ парламентскомъ войскѣ была введена строгая дисциплина, солдаты молились, держали себя въ нравственномъ отношеніи безукоризненно, сражались храбро. Вліяніе Кромвелля усиливалось, по его внушенію былъ составленъ билль самоотреченія. По принятіи этого акта онъ отправился изъ Лондона въ армию къ Ферфэксу сложить съ себя должность, которую занималъ въ войскѣ; но въ

это время та часть парламентской армии имѣла сраженія съ роялистами; Кромвелль охотно согласился по прежнему командовать въ нихъ кавалеріей и сражался успѣшно. Ферфэксъ, пѣннвшій стратегическій талантъ своего помощника, объявилъ, что онъ необходимъ въ армии, что никто не можетъ замѣнить его въ командованіи кавалеріей, потому что когда онъ съ своей благочестивой конницей сражается во имя Господне, то всегда побѣждаетъ. Палата общинъ согласилась оставить его на нѣкоторое время при войскѣ. Вскорѣ послѣ того произошла (14 іюня 1645) битва при Несеби (Naseby, близъ Нортэмптона); Ферфэксъ и Скиппонъ командовали пѣхотой, составлявшей центръ, Кромвелль правымъ крыломъ, лѣвымъ Эйртонъ (Ireton), за котораго въ слѣдующемъ году Кромвелль выдалъ дочь. Король выказалъ большое мужество; Рупертъ сражался съ обыкновенной своей храбростью. Огнестрѣльнымъ оружіемъ почти вовсе не дѣйствовали; бой былъ рукопашный. Кромвелль сражался въ густыхъ рядахъ непріятеля. Побѣда долго колебалась; не разъ роялисты были близки къ ней. Но наконецъ одолѣла энергія мрачныхъ, пренебрегавшихъ смертью фанатиковъ отряда, сформированнаго Кромвеллемъ изъ фригольдеровъ, шедшихъ въ битву съ крикомъ «Господь Саваоѣ съ нами!». Королевское войско потерпѣло полное пораженіе; 5.000 роялистовъ легли на полѣ битвы; побѣдители взяли 140 знаменъ. Остатки разбитаго войска бѣжали въ Лестеръ. Карлъ возвратился въ Оксфордъ; военное могущество его исчезло. «Это рука Божія», писалъ Кромвелль въ донесеніи парламенту о битвѣ при Несеби: «Единому Богу принадлежитъ слава. Люди, которыхъ вы съ укоризной называли схизматиками, сектантами и анабаптистами, вѣрно и честно служили вамъ въ этой битвѣ». Черезъ три мѣсяца (11 сентября) Рупертъ принужденъ былъ сдать Бристоль и весь западъ Англіи перешелъ подъ власть парламента. Около того же времени Монтроузъ, выигравшій нѣсколько сраженій, овладѣвшій Глазго и Эдинбургомъ, былъ разбитъ ковенантерами при Филиппо (Philiphaugh) и прогнанъ въ горную Шотландію; оттуда онъ уѣхалъ на континентъ. Король, думавшій идти къ нему, былъ разбитъ Пойнтсомъ (Pointz) подъ Честеромъ и былъ принужденъ запереться въ Ньюэргѣ.

Карлъ былъ такъ раздраженъ сдачею Бристоля, что подозрѣвалъ племянника въ измѣнѣ. Рупертъ совѣтовалъ ему помириться съ парламентомъ; но онъ, упрямый и безразсудный, отвергъ этотъ совѣтъ. Лордъ Дигби, бывшій тогда довѣреннѣйшимъ совѣтникомъ Карла и находившійся въ ссорѣ съ Рупертомъ, укрѣплялъ короля въ подозрѣніи противъ племянника, и кончилось тѣмъ, что король лишилъ Руперта командъ. Принцъ пріѣхалъ къ дядѣ, потребовалъ суда, былъ оправданъ и при личномъ свиданіи съ королемъ рѣзко высказалъ ему свое негодованіе. Офицеры были на его сторонѣ. Онъ уѣхалъ на континентъ.

Индепенденты, пріобрѣтавшіе сильное вліяніе, переносили свои понятія о религіозной свободѣ въ область политики, высказывали республиканскія убѣжденія, нападали на идею о божественномъ происхожденіи королевской власти съ такой же рѣзкостью, какъ на епископальную систему. Мильтонъ доказывалъ, что монархія, приписывающая себѣ божественное происхожденіе, несовмѣстна съ верховною властью народа, что если власть бываетъ передаваема одному человѣку, то это дѣлается посредствомъ договора, которымъ не отмѣняется ни верховная власть націи, состоящей изъ свободныхъ людей, ни всемогущество закона. На основаніи такихъ же понятій Генри Венъ доказывалъ, что народъ, побѣдивъ короля, злоупотреблявшаго своею властью, не обязанъ возвратиться къ монархической формѣ правленія, а по прирожденной людямъ свободѣ имѣетъ право учредить у себя новую форму власти, сообразную съ идеей справедливости, лежащей въ природѣ человѣка. Этотъ выводъ республиканцы опдтверждали историческими доводами: Карлъ—преемникъ Вильгельма Завоевателя, сдѣлавшаго своихъ военачальниковъ лордами, офицерами рыцарями, потому монархія и аристократія основаны мечемъ и тѣмъ же средствомъ могутъ низвергнуть ихъ, восстановить прежнюю свободу націи потомки англо-саксовъ.—Распространенію республиканскихъ понятій много содѣйствовало то, что въ битвѣ при Несеби была захвачена переписка короля. Въ ней находились его письма къ женѣ, довѣреннымъ совѣтникамъ, иностраннымъ государямъ, показывавшія, что онъ сохраняетъ свои стремленія къ абсолютизму и къ восстановленію Высокой церкви, не станетъ соблюдать никакихъ обѣщаній, данныхъ парламенту, хочетъ дать свободу богослуженія католикамъ, безнаказанность ирландцамъ, рѣзавшимъ протестантовъ, разсчитываетъ на помощь иноземныхъ государей. Парламентъ велѣлъ напечатать эти письма. Они выставили въ такомъ яркомъ свѣтѣ упрямство, коварство, вѣроломство Карла, что все потеряли довѣріе къ нему. Съ тѣмъ вмѣстѣ было узвано, что онъ черезъ лорда Герберта графа Глэморгэна, католика, вошелъ въ тайныя сношенія съ ирландцами и возбуждаетъ ихъ большими обѣщаніями къ новому возстанію. Парламентъ велѣлъ не давать пощады ирландцамъ королевскаго войска, предлагающимъ сдаться въ плѣнъ; ихъ стали разстрѣливать сотнями. Имѣнья делинквентовъ были конфискованы. Отъ Корнуэлля до горъ сѣверной Шотландіи свирѣпствовало междоусобіе; въ нѣкоторыхъ графствахъ поселяне составили общества для защиты себя отъ грабежей; ихъ оружіемъ были простыя дубины, потому они назывались дубинщиками (clubmen). Но энергія республиканцевъ восторжествовала. Послѣдній значительный отрядъ королевскаго войска, находившійся подъ начальствомъ Гоптона (Hopton), положилъ оружіе въ Корнуэллѣ 14 марта 1646. Принцъ Уэльскій уѣхалъ на Силлійскіе острова. Въ началѣ апрѣля сдался парламентскому войску

Экситеръ. У короля оставался только Оксфордъ; Ферфэксъ и Кромвелль готовились осадить этотъ городъ.

Король не зналъ, что ему дѣлать; приближенные давали ему разные совѣты. Въ парламентъ и Лондонъ еще сохраняли преобладаніе пресвитеріане; въ войскѣ господствовали конгрегационисты. Придворные обдумывали, съ которой изъ этихъ двухъ партій выгоднѣе будетъ примириться королю. Индепенденты высказывали республиканскія понятія, но имѣли болѣе вѣротерпимости; король могъ думать, что, обѣщавъ имъ свободу совѣсти, не будетъ стѣсняемъ ими въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Но въ парламентъ и въ особенности въ лондонскомъ населеніи было сильное желаніе помириться съ королемъ; потому онъ могъ думать, что они охотно примутъ его предложенія, поспѣшатъ заключить съ нимъ миръ по опасенію, что продолженіе войны увеличиваетъ силу индепендентовъ. Чтобы склонить парламентъ и Лондонъ на свою сторону, Карлу достаточно было признать пресвитеріанство и отказаться отъ абсолютизма. Но онъ не хотѣлъ этого, потому колебался въ выборѣ между парламентомъ и войскомъ. Французскій посланникъ Монтрель и нѣкоторые члены королевскаго совѣта предложили ему третій способъ выйти изъ стѣсненнаго положенія: соединиться съ шотландской арміей, стоявшей лагеремъ въ Ньюаркѣ. Извѣстно было, что шотландцы и англійскій парламентъ непріязненны между собой, что парламентъ опасается вліянія шотландцевъ на государственныя и церковныя дѣла Англій. Карлъ вошелъ въ сношенія съ Лесли, главнокомандующимъ шотландцевъ. Тайные агенты Лесли и его помощниковъ дали королю увѣреніе, что если онъ пріѣдетъ къ нимъ, то не будетъ стѣсненъ ни въ вопросахъ о формахъ почета, ни въ своихъ религіозныхъ склонностяхъ, что онъ и его свита будутъ пользоваться безопасностью.

Послѣ нѣкотораго колебанія Карлъ принялъ совѣтъ французскаго посла ѣхать къ шотландской арміи. Надѣвъ платье слуги, положивъ за сѣдло выюкъ, онъ 27 апрѣля (1646 года) сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи своего капеллана Годсона (Hudson) и одного изъ довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ, Эшборнгэма, поѣхалъ изъ Оксфорда въ шотландскій лагерь, надѣясь на привычку шотландцевъ имѣть Стюартовъ своими государями. Но онъ горько разочаровался; религіозное увлеченіе заглушило въ шотландцахъ силу преданія. На пути въ Ньюкесль, резиденцію, назначенную ему шотландскимъ войскомъ, онъ уже замѣчалъ, что съ нимъ поступаютъ какъ съ плѣнникомъ. Ему оказывали королевскія почести, но держали его подъ строгимъ надзоромъ, не допускали къ нему никого безъ разрѣшенія комманданта города. Девять мѣсяцевъ, проведенные Карломъ въ Ньюкесль, были непрерывнымъ рядомъ стѣсненій, которыми онъ обижался. Начальники шотландской арміи и союзники ихъ, пресвитеріане англійскаго парламента хотѣли воспользоваться именемъ короля, какъ

орудіемъ для совершеннаго подавленія своихъ противниковъ, приверженцевъ епископальной церкви и индепендентовъ, убѣждали его отказаться отъ епископальной системы, признать истиннымъ апостольскимъ ученіемъ и церковнымъ устройствомъ пресвитеріанство въ той формѣ, какую имѣло оно въ Шотландіи въ какой и было введено въ Англій парламентомъ; требовали кромѣ того, чтобъ онъ призналъ всѣ тѣ ограниченія королевскаго произвола, какія парламентъ ставилъ условіями мира при переговорахъ въ Оксбриджѣ; они хотѣли возратить ему власть, если онъ сдѣлаетъ эти уступки. Карлъ высказывалъ прежде готовность признать пресвитеріанство; но теперь отступился отъ этой мысли. Начальники шотландской арміи пригласили въ Ньюкесль Гендерсона, съ которымъ Карлъ былъ знакомъ и обращался любезнѣе, чѣмъ съ другими пресвитеріанскими проповѣдниками, поручили ему объяснить королю основательность пресвитеріанскаго ученія. Но Карлъ самъ довольно хорошо зналъ богословіе и защищалъ свои религіозныя убѣжденія; шотландцы говорили ему, что если онъ отвергнетъ предложенія англійскаго парламента, то ему угрожаютъ очень большія опасности, но онъ отказался подписать договоръ, привезенный къ нему комиссарами англійскаго парламента. При всей стѣсненности своего положенія онъ не хотѣлъ отказаться отъ пристрастія къ епископальной церкви, не хотѣлъ предоставить парламенту на 20 лѣтъ завѣдываніе войскомъ и флотомъ, требовалъ полной безнаказанности всѣмъ своимъ приверженцамъ. Вѣроятно онъ надѣялся, что по вліянію его супруги на французское правительство, оно вытребуетъ отъ парламента большія уступки ему, или что оппозиція индепендентовъ не дозволитъ шотландцамъ и англійскому парламенту исполнить ихъ угрозы. Но Мазарини не хотѣлъ ссориться съ побѣдившей въ Англій партіей, опасался и возобновить старинный союзъ Франціи съ Шотландіей; онъ только отправилъ Белльевра, прежняго посланника при лондонскомъ дворѣ, въ Ньюкесль убѣждать вождей шотландской арміи, чтобъ они смгчили свои требованія, а Карла склонять къ уступчивости. Супруга Карла полагала, что онъ, не принимая самъ пресвитеріанства, можетъ согласиться на отмѣну епископальнаго устройства; она и другія лица, преданныя Карлу, объясняли ему, что если онъ отмѣной епископальной церкви привлечетъ къ себѣ пресвитеріанъ и они оставятъ за нимъ завѣдываніе войскомъ, то онъ со временемъ можетъ подавить своихъ противниковъ силой оружія и взять назадъ всѣ уступки, возобновить абсолютную власть. Даже шотландскіе роялисты совѣтовали ему сдѣлаться на время уступчивымъ.

Но онъ остался упрямымъ. Крайнія уступки, на которыя соглашался онъ, были: предоставить парламенту власть надъ войскомъ на 10 лѣтъ, съ тѣмъ, что по истеченіи этого срока, ему будетъ возвращена безусловная власть надъ всѣми военными силами, какую имѣли

его отецъ и Елизавета; позволить двумъ епископамъ, чтобъ они поручились за него, что на три года онъ оставитъ пресвитеріанское устройство англійской церкви, а послѣ того по совѣщанію съ богословами и по соглашенію съ парламентомъ установить окончательную форму церковнаго устройства. Но противники его нашли это недостаточнымъ. Шотландцы были недовольны тѣмъ, что онъ не хочетъ присоединиться къ ковенанту и не даетъ гарантій безопасности для пресвитеріанскаго устройства, потому приняли предложение англійскаго парламента, обѣщавшаго уплатить всю сумму недоданнаго имъ жалованья, составлявшую по ихъ счету 400.000 фунтовъ, если они отдадутъ короля во власть парламента.

Положеніе Карла было невыносимо: жена порицала его за уступку по дѣлу верховной власти надъ войскомъ и за упорный отказъ утвердить пресвитеріанское устройство англійской церкви, уже введенное парламентомъ; пресвитеріанскіе священники, длинные проповѣди которыхъ принужденъ былъ онъ слушать, примѣняли къ нему тѣ мѣста Ветхаго завета, въ которыхъ порицаются дурные цари. Даже толпа, собиравшаяся на богослуженіе жалѣла обижимаго короля и однажды, когда онъ въ отвѣтъ на оскорбленія заплѣлъ «Помилуй меня Боже, потому что люди хотятъ поглотить меня», все собраніе стало пѣть съ нимъ этотъ псаломъ. — Возникали разные планы прекратить тяжелое положеніе дѣлъ. Была мысль, что лучше всего будетъ Карлу отказаться отъ престола въ пользу принца Уэльскаго; но роялисты опасались, что парламентъ и войско не уважатъ его распоряженіе въ пользу сына и провозгласятъ республику. Были мысли, чтобъ онъ бѣжалъ въ Ирландію или въ горную Шотландію; но не представлялось возможности ему обмануть внимательный надзоръ за нимъ. Такимъ образомъ время шло, пока переговоры англійскаго парламента съ шотландцами кончились полнымъ соглашеніемъ: парламентъ обязался въ два срока уплатить всѣ 400.000 фунтовъ, которыхъ требовала шотландская армія и 23 декабря (1646 года) она отдала короля комиссарамъ, присланнымъ палатой общинъ въ главную квартиру ея. Лордъ Немброкъ, бывший главою этой депутаціи, съ величайшей почтительностью сообщилъ королю, что по порученію парламента проводить его въ назначенный резиденціей ему сельскій дворецъ Гольмби. Шотландскіе военачальники вывели свой гарнизонъ изъ Ньюкесля, туда вступили англійскія войска и 3 февраля (1647 года) лордъ Немброкъ повезъ короля подъ сильнымъ конвоемъ и внимательнымъ надзоромъ въ резиденцію, назначенную ему парламентомъ. Число его приверженцевъ было еще очень велико: они сходились толпами выказать свое вѣрноподданническое чувство, но скоро это было запрещено.

5. Смерть Карла I.

а) борьба арміи съ парламентомъ.

Шотландцы ушли изъ Англіи; король былъ во власти парламента и пресвитеріане могли теперь заняться подавленіемъ индепендентства. Оно имѣло своей опорой армію; надобно было раздѣлить ее на разрозненные отряды, чтобъ обезсилить. Парламентъ, въ которомъ пресвитеріане составляли большинство, постановилъ послать 12.000-ный корпусъ въ Ирландію противъ королевскаго намѣстника Ормонда. Часть остальнаго войска парламентъ хотѣлъ распустить, оставить подъ оружіемъ не больше того, сколько надобно для гарнизонной службы въ крѣпостяхъ; кромѣ того онъ хотѣлъ примѣнить къ Кромвеллю актъ самоотреченія, то есть устранить его какъ члена парламента отъ должности въ войскѣ, хотѣлъ, чтобы всѣ офицеры приняли ковенантъ и установленную «Руководствомъ» пресвитеріанскую форму богослуженія и церковнаго устройства. Для того, чтобы распустить солдатъ, надобно было уплатить имъ недоданное жалованье. Деньги на это парламентъ надѣялся получить въ заемъ отъ городского управленія Сити, давшаго въ заемъ деньги на уплату шотландцамъ.

Но армія уже не хотѣла подчиняться парламенту и была сильнѣе его. Солдаты и начальники соединились въ одно общество, сознававшее свое могущество, не исполнявшее тѣхъ приказаній парламента, которыхъ не одобряло; войско воспротивилось отправленію части его въ Ирландію, солдаты говорили, что взялись за оружіе для завоеванія религіозной и политической свободы и должны оставаться всѣ вмѣстѣ, что не годится предпринимать походъ въ Ирландію, не установивъ справедливаго порядка на родинѣ. Представленіе въ этомъ смыслѣ было подано палатѣ общинъ отъ имени арміи; оно утверждало, что солдаты не обязаны служить внѣ Англіи, требовало уплаты недоданнаго жалованья и гарантій относительно исправности будущихъ платежей и относительно личной свободы. Парламентъ, сдѣлавъ заемъ, уплатилъ недоданное жалованье, обѣщалъ прощеніе тѣмъ солдатамъ, которые отступятся отъ представленія, угрожалъ наказаніемъ какъ мятежниковъ тѣхъ, которые останутся при немъ. Но духъ неповиновенія ужъ охватилъ все войско; оно слушалось своихъ начальниковъ только по одинаковости понятій и намѣреній; составились общества солдатъ и офицеровъ, считавшія пресвитеріанъ парламента не законной властью, а своими противниками. Адресъ, поданный этими обществами Ферфаксу, Кромвеллю и Скипшону, говорилъ, что вожди пресвитеріанъ въ парламентѣ, достигнувъ вла-

сти, тиранствуютъ. Большинство палаты общинъ сдѣлало новую попытку примириться съ королемъ, чтобы при содѣйствіи роялистовъ подавить ненавистныхъ индепендентовъ; оно объявило королю, что удовольствуется уступками, на какія соглашался онъ и возвратить его въ Лондонъ на престолъ, если онъ признаетъ сдѣланный парламентомъ распоряженія и общается членамъ его личную безопасность. Мэнчестеръ, Голландъ, Уорвикъ, герцогъ Нортумберландъ, графини Кэрлейль и Девонширъ дѣйствовали на короля въ этомъ духѣ; французскій посланникъ Белльверъ поддерживалъ ихъ; соглашеніе казалось близкимъ, уже говорили о томъ, какъ будетъ безопасно всего перевезти короля изъ Гольмби въ Уэйтголль.

Съ этимъ планомъ было соединено намѣреніе распустить армію; графъ Уорвикъ поѣхалъ съ большой суммой денегъ въ главную квартиру Ферфэкса, чтобъ отправить часть войска въ Ирландію, другую разослать мелкими отрядами на гарнизонную службу въ крѣпостяхъ. Но вся та часть войска, которая была сосредоточена въ главной квартирѣ и состояла изъ 12.000 человекъ, большею частью индепендентовъ, рѣшила не подчиняться приказаніямъ парламента; солдаты говорили, что они не наемники, а граждане, взявшіеся за оружіе для установленія свободы въ своемъ отечествѣ. Генералы и офицеры покорились волѣ солдатъ, чтобы не быть прогнанными; они спрашивали: «Неужели мы сражались противъ монархіи и епископства, рисковали жизнью за свободу, чтобы пресвитеріане угнетали насъ, чтобы шотландцы были господами Англіи? Кто далъ партіи, имѣющей лишь незначительное большинство голосовъ въ палатѣ общинъ, право тиранствовать надъ людьми другихъ убѣжденій? Люди, руководившіе дѣйствіями солдатъ, лишили Ферфэкса и другихъ вѣрныхъ парламенту генераловъ возможности исполнить приказанія его: второстепенные начальники увели армію отдѣльными полками въ разныя мѣстности, такъ что главнокомандующій увидѣлъ себя безъ войска. Кромвелль, остававшійся въ противность акту самоотреченія членомъ палаты общинъ и вмѣстѣ однимъ изъ начальниковъ войска, былъ главнымъ возбудителемъ мятежа. Пресвитеріане хотѣли арестовать его въ Лондонѣ, но онъ узналъ объ этомъ и уѣхалъ къ войску, гдѣ агенты его ужъ давно дѣйствовали въ его пользу. Солдаты уважали его больше, чѣмъ Ферфэкса, и самъ Ферфэксъ, воинъ, а не государственный человекъ, подчинялся по добродушію и вялости характера вліянію его.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Кромвелля къ войску, комитетъ офицеровъ и солдатъ, по его тайной инструкціи, послалъ корнета Джойса съ нѣсколькими эскадронами въ Гольмби привезти короля въ лагерь. Джойсъ 2 іюня (1647 года) окружилъ замокъ своими кавалеристами; комиссары парламента не въ силахъ были помѣшать тому, что поздно вечеромъ онъ вошелъ къ королю, который ужъ легъ спать,

и объявилъ ему, что имѣетъ порученіе проводить его къ войску. Карлъ спросилъ у него документа, дающаго ему такое полномочіе; онъ указалъ изъ окна на своихъ солдатъ, стоящихъ на дворѣ замка. — «Полномочіе ясно», сказалъ король, улыбувшись, «и понять его легко». На слѣдующее утро король не отказался ѣхать съ Джойсомъ, взявъ обѣщаніе, что ему будетъ оказываемо должное уваженіе. Джойсъ привезъ его въ Гамптонкортъ, гдѣ онъ находился подѣ властью войска. Съ нимъ обращались очень почтительно. Пресвитеріане ужаснулись извѣстія, что король взятъ изъ ихъ рукъ; они предвидѣли, что будутъ подавлены войскомъ.

Это скоро и сбылось. Войско, организовавшееся въ независимое политическое учрежденіе, заявило требованія, разрушавшія прежній порядокъ дѣлъ. Пять кавалерійскихъ полковъ подали общему совѣту арміи записку, говорившую, что такъ какъ вся власть первоначально и существенно принадлежитъ народу, то единственное основаніе справедливаго правительства — свободный выборъ представителей націи и согласіе правительства съ ними, а цѣль управленія государствомъ общее благо; потому они требуютъ, чтобы парламентъ разошелся и власть перешла къ новому парламенту, который долженъ быть выбранъ вотированіемъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, при распредѣленіи избирательныхъ округовъ по числу населенія; выборы должны производиться каждые два года; справедливая власть можетъ исходить только отъ Бога, а верховная власть ввѣрена Богомъ народу и передается волей народа его представителямъ; пэры, не получая власти отъ народа, вовсе не должны имѣть ее. По этой запискѣ было составлено заявленіе парламенту отъ имени всей арміи. Она требовала въ немъ отмѣны всего, чѣмъ была недовольна и удаленія изъ палаты общинъ одиннадцати членовъ, въ числѣ которыхъ находились Голлисъ и Уоллеръ; армія называла ихъ своими врагами и говорила, что они должны быть преданы суду. Парламентъ хотѣлъ сопротивляться, надѣялся усмирить агитаторовъ арміи, возстановилъ свой прежній комитетъ охраненія законнаго порядка, призвалъ къ оружію лондонскую милицію, напомнилъ войску и народу о своемъ прежнемъ постановленіи, воспрещающемъ арміи подходить къ столицѣ ближе 25 миль. Но въ палатѣ общинъ были индепенденты и другіе члены, непріязненные большинству; они приняли сторону арміи. Ферфэксъ медленными переходами велъ войско къ Лондону; при его приближеніи парламентъ оробѣлъ, пытался смягчить непріязнь арміи уступчивостью, отмѣнилъ враждебныя ей рѣшенія, удалилъ подѣ видомъ полугодичнаго отпуска тѣхъ членовъ, изгнанія которыхъ требовала она, отступился отъ прежняго требованія, чтобъ она приняла кovenantъ.

Робость парламента ободрила роялистовъ и другихъ его противниковъ. Въ Лондонѣ составилось общество, требовавшее возвращенія

короля и установленія мира съ нимъ на условіяхъ, предлагавшихся ему въ Ньюкелѣ. Въ этотъ союзъ поступило множество зажиточныхъ гражданъ, мастеровыхъ, милиціонеровъ и матросовъ. Фанатичные пресвитеріанскіе проповѣдники и исключенные изъ парламента депутаты возбуждали народъ. Онъ ворвался (26 іюня 1647 г.) въ дворецъ парламента, принудилъ его отъѣхать уступки индипендентамъ. Большинство членовъ палаты общинъ держало себя твердо, по народъ буйствовалъ, восемь часовъ не давалъ членамъ палаты встать съ мѣстъ, отпустилъ ихъ, только вынудивъ постановить все, чего хотѣлъ. Это убilo нравственный авторитетъ парламента. Многие члены пресвитеріанской и индипендентской партій, въ томъ числѣ спикеръ (предсѣдатель) палаты общинъ и президентъ палаты пэровъ бѣжали изъ Лондона, пріѣхали въ армію. Граждане Лондона съ торжествомъ привезли одиннадцать исключенныхъ членовъ въ дворецъ парламента.

Ферфэксъ, Кромвелль, Эйртонъ, Флитвудъ и другіе начальники войскъ объявили, что вступаютъ за бѣжавшихъ къ нимъ членовъ парламента. Пресвитеріане, господствовавшіе теперь въ палатѣ общинъ, готовились обороняться при содѣйствіи гражданъ Лондона, исправляли укрѣпленія города, призвали молодыхъ людей къ оружію, вооружали милицію, подавляли попытки агитаціи, дѣлаемыя въ Лондонѣ католиками и индипендентами. Армія съ бѣжавшими къ ней членами палаты общинъ, число которыхъ простиралось почти до 100 человекъ, и четырнадцатью лордами подошла къ самому Лондону, стала въ Гоунсло; Ферфэксъ обнародовалъ манифестъ, говорившій, что армія освободитъ парламентъ отъ владычества черни, возстановитъ его достоинство. Граждане Лондона оробѣли. Милиція Соторка (Southwark, той части Лондона, которая лежитъ на южномъ берегу Темзы), присоединилась къ арміи. Большинство палаты общинъ, противъ котораго шла армія, увидѣло невозможность борьбы съ нею. Городской совѣтъ Сити объявилъ Ферфэксу, что отворитъ ворота возвращающимся въ Лондонъ членамъ парламента и сопровождающему ихъ войску. Ферфэксъ вступилъ въ Лондонъ съ четырьмя полками и тѣлохранителями; возвращавшіеся члены парламента ѣхали въ экипажахъ, солдаты имѣли на шляпахъ лавровыя вѣтки. Лондонъ и вслѣдъ за нимъ вся Англія покорились индипендентамъ, захватившимъ теперь владычество въ палатѣ общинъ.

б) ПЕРЕГОВОРЫ КАРЛА СЪ КРОМВЕЛЛЕМЪ.

Король находился въ плѣну, но привычка націи къ королевской власти давала ему очень большую силу, потому каждая партія склоняла его помириться съ нею. Англійскіе и шотландскіе пресвитеріане желали возвратитъ его въ Лондонъ подъ условіемъ, что онъ

пріиметъ прежнія ихъ предложенія, но онъ ненавидѣлъ ихъ; ему меньше ненавистны были индипенденты, выказывавшіе почтительность къ нему и предоставлявшіе свободу совѣсти людямъ всѣхъ вѣроисповѣданій; они дозволили ему оставить при себѣ старыхъ его слугъ Беркли и Эшборнгэма, видѣться съ младшими дѣтьми, оставшимися въ Англіи, ѣздить на охоту; дозволяли, чтобы для него совершалось англиканское богослуженіе, и онъ воображалъ, что они согласятся на возстановленіе епископальнаго устройства церкви подъ условіемъ вѣротерпимости. Онъ предпочелъ переговоры съ начальниками арміи примиренію съ парламентомъ, думалъ, что незначительными уступками склонить ихъ возстановитъ его власть. Кромвелль, руководившій политическими дѣйствіями арміи, зналъ, что пресвитеріане непримиримо враждебны ему и вступилъ въ переговоры съ королемъ. Говорятъ, что онъ и Эйртонъ на свиданіи съ Карломъ въ загородномъ домѣ близъ мѣстечка Потни, гдѣ находилась главная квартира арміи, условились объ основаніяхъ примиренія, что на этомъ свиданіи Кромвелль билъ себя въ грудь, убѣждая короля имѣть довѣріе къ нему, и что Карлъ хотѣлъ дать ему титулъ графа Эссекса, (сдѣлавшійся вakatнымъ по смерти бездѣтнаго графа Эссекса въ предыдущемъ году).

Но армія не была пассивной массой, безотчетно слѣдовавшей волѣ своихъ руководителей. Она привыкла дѣйствовать по собственнымъ влеченіямъ; въ ней уже давно существовалъ комитетъ, состоявшій изъ уполномоченныхъ, выбранныхъ солдатами; онъ находился въ такихъ же отношеніяхъ къ военному совѣту, состоявшему изъ высшихъ офицеровъ, какъ палата общинъ къ палатѣ пэровъ. Депутаты солдатъ и большинство арміи были недовольны расположеніемъ своихъ генераловъ и въ особенности Кромвелля помириться съ королемъ. Солдаты стали говорить, что взяли за оружіе для возстановленія правъ націи и свободы совѣсти, а Кромвелль думаетъ только о собственномъ возвышеніи. Фанатичные проповѣдники говорили, что онъ ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ, чтобы возстановитъ царство антихриста. Появлялись памфлеты, требовавшіе переворота въ общественномъ устройствѣ. Индипенденты одинаково съ пресвитеріанами путились, видя, что солдаты начинаютъ слушать левеллеровъ; одинъ изъ этихъ фанатиковъ, Лильборнъ, написалъ памфлетъ, требовавшій, чтобы отъѣнены были таможенные пошлины, акцизъ, десятина, чтобы роздана была народу земля, чтобы государство обезпечивало средства жизни каждому, желающему трудиться. Левеллеры отвергали всякое стѣсненіе религіозной свободы какими бы то ни было опредѣленными формами богослуженія и церковнаго устройства, говорили, что не должно никого принуждать къ военной службѣ. Дисциплина арміи колебалась. Военный совѣтъ понялъ опасность этого; Кромвелль своимъ умомъ и энергіей остановилъ волненіе, угрожавшее разсѣять

всю армию, уничтожить ее; онъ успокоилъ умѣренную партію солдатъ обѣщаніемъ, что будетъ выбранъ новый парламентъ, что выборы будутъ свободны, право быть избирателемъ будетъ предоставлено каждому взрослому мужчине, что будутъ произведены реформы въ судебной части и въ системѣ налоговъ. Покинутые большинствомъ солдатъ непокорные были отданы подъ военный судъ; трое изъ нихъ были осуждены на смерть и одинъ изъ осужденныхъ былъ по жеребью немедленно разстрѣлянъ передъ франтомъ. Около этого времени попало въ руки Кромвелля и Эйртона письмо короля къ его супругѣ, жившей тогда въ Парижѣ. Карлъ говорилъ ей, что его переговоры съ индипендентами—только хитрость, что онъ никогда не допустить свободы совѣсти, какъ требуютъ они, дозволить лишь нѣкоторое смягченіе законовъ противъ людей, не принадлежащихъ къ епископальной церкви. Кромвелль и Эйртонъ увидѣли изъ этого письма, что Карлъ обманываетъ ихъ. Кромвелль разорвалъ переговоры съ королемъ, довѣріе солдатъ къ нему возстановилось, офицеры и депутаты солдатъ помирились между собой, и въ ноябрѣ 1647 было отпраздновано постомъ и молитвой возстановленіе дисциплины и политическаго единодушія въ войскѣ.

Короля уже не было тогда въ лагерьъ армии. Вечеромъ 11 ноября онъ, быть можетъ, съ тайнаго согласія Кромвелля, бѣжалъ изъ Гэмптонкорта. Онъ пріѣхалъ на островъ Уэйтъ, коммендантомъ котораго былъ полковникъ Гэммондъ (Hammond), приверженецъ Кромвелля, недовольный упадкомъ дисциплины въ войскѣ. Онъ принялъ короля почтительно, назначилъ для житія ему замокъ Керисбрукъ, стоявшій на морскомъ берегу, дозволилъ ему видѣться со всѣми, съ кѣмъ онъ желалъ. Карлъ вступилъ въ сношенія съ арміей и съ парламентомъ, послалъ тайныхъ уполномоченныхъ къ Кромвеллю и другимъ начальникамъ войска, съ которыми велъ переговоры прежде. Но уполномоченные были приняты ими такъ холодно, что замѣтили перемѣну отношеній. Партіи войска, ссорившіяся между собою, помирились, какъ мы говорили; Кромвелль и его друзья отреклись отъ короля. Парламентъ, въ которомъ господствовали теперь индипенденты, тоже не захотѣлъ заключить съ королемъ договоръ на прежнихъ условіяхъ, и принялъ четыре рѣшенія, на которыя, какъ всѣмъ было ясно, не могъ согласиться Карлъ. Этими постановленіями была отнята у Карла военная власть; всѣ его прокламаціи, изданныя противъ парламента, были объявлены недействительными; пары, назначенные во время войны, должны были сохранить свой санъ только въ томъ случаѣ, если назначены съ одобренія обѣихъ палатъ (то-есть уничтожались всѣ пожалованія въ санъ пэра, сдѣланныя Карломъ во время войны); парламентъ объявилъ себя имѣющимъ право по собственному усмотрѣнію продолжать или отерочивать свои засѣданія, переносить ихъ куда хочетъ, то есть сдѣлалъ себя независимымъ отъ

короля и отнималъ у него возможность возстановить абсолютизмъ. Карлъ отвергъ эти предложенія; парламентъ (15 января 1648) прервалъ переговоры, запретилъ всякія сношенія съ нимъ и усилилъ надзоръ за нимъ.

Въ арміи уже съ довольно давняго времени слышались голоса, говорившіе, что слѣдуетъ подвергнуть суду и наказать Карла за пролитую имъ кровь; теперь Кромвелль сталъ говорить: «Богъ ожесточилъ сердце короля, невозможно помириться съ нимъ; парламентъ долженъ собственной властью управлять дѣлами». Все войско думало такъ, и говорило, что Богъ исходомъ битвъ показалъ, на чьей сторонѣ право. Парламентъ и армія были одинаково враждебны королю. Для управленія дѣлами парламентъ выбралъ комитетъ, состоявшій изъ семи пэровъ и четырнадцати членовъ палаты общинъ; они были рѣшительные индипенденты; въ числѣ ихъ находились Кромвелль, Гэслери, старикъ Венъ и его сынъ. Въ палатѣ пэровъ Нортмберлендъ, Уорвикъ и нѣкоторые изъ старыхъ пресвитеріанъ возражали противъ передачи управленія комитету, но по нѣкоторомъ сопротивленіи палата пэровъ дала свое согласіе на это (15 января 1648). Комитетъ не отступалъ передъ крутыми мѣрами. Театръ и всякія мірскія общественныя развлеченія были запрещены въ Лондонѣ; темницы наполнились роялистами и папистами; имѣнья делинквентовъ были секвестрованы; займы, контрибуціи, акцизы давали средства для содержанія войска.

с) ПОБѢДЫ КРОМВЕЛЛЯ. КАЗНЬ КАРЛА I.

Суровое владычество индипендентовъ въ арміи и парламентѣ раздражало другія партіи, возбуждало въ нихъ расположеніе къ монархизму. Пресвитеріане и роялисты соединились въ желаніи освободиться отъ ига; горожане стали одинаково съ аристократами говорить, что королевская власть составляетъ одно изъ основаній народной свободы; въ Лондонѣ, во многихъ другихъ городахъ, во многихъ графствахъ образовались общества «для освобожденія короля и парламента». Перемѣна въ настроеніи общественнаго мнѣнія особенно сильно проявлялась у шотландцевъ. Они говорили: неужели армія ихъ продала своего государя парламенту для того, чтобы ожесточеннѣйшіе враги ковенанта и пресвитеріанской церкви получили власть и отняли у Шотландіи всякое вліяніе на общія дѣла ея и Англіи? Ирландскіе и уэльзскіе роялисты ободрились; во всей Англіи шло волненіе; часть флота ушла въ Голландію и отдалась въ распоряженіе принца Уэльзскаго.

Шотландцамъ казалось, что какъ прежде они взялись за оружіе на защиту своей вѣры противъ короля и помогли англійскому парламенту побѣдить его, такъ теперь должны возстановить законныя

права короля. Ихъ уполномоченные тайно прїѣхали на островъ Уэйтъ для заключенія новаго договора съ королемъ; они заявили ему слѣдующія условія примиренія, составленныя эдинбургскимъ парламентомъ: ковенантъ между Англіею и Шотландіею сохраняется; шотландскіе комиссары участвуютъ въ управленіи общими дѣлами обоихъ государствъ; но они не требовали, чтобы король безусловно утвердилъ пресвитеріанское устройство англійской церкви, готовы были удовольствоваться тѣмъ, чтобы оно оставлено было на три года, по истеченіи которыхъ будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ устройствѣ церкви въ Англіи (фанатики пресвитеріанства были недовольны этимъ, хотѣли, чтобы эдинбургскій парламентъ требовалъ безусловнаго введенія ковенанта и въ Англіи и въ Ирландіи; но онъ отвергъ ихъ предложеніе). На этихъ условіяхъ шотландцы обѣщались послать войско въ Англію и возвратить королю начальство надъ англійской арміею, власть назначенія на высшія должности и другія законныя права. Проектъ примиренія съ королемъ былъ одобренъ шотландскимъ народомъ. Умѣренные роялисты, вождями которыхъ были Гэмилтоны, восторжествовали; начальство надъ арміею было поручено имъ; Эргейль и Лесли утратили вліяніе.

При появленіи шотландскаго войска въ сѣверной Англіи роялисты и другіе враги индепендентовъ взяли за оружіе: въ Уэльзѣ, на островѣ Ангельси, гдѣ инсургентами начальствовалъ лордъ Байронъ (Вурон, Бейронъ), въ Корнуэллѣ, Комберлендѣ, Уэстморлендѣ; они требовали возвращенія свободы и почестей королю, распушенія арміи Ферфакса. Лордъ Голлэндъ былъ посредникомъ между ними и королевой; былъ составленъ планъ освободить короля; роялистскіе памфлеты были проникнуты увѣренностью въ побѣдѣ кавалировъ, говорили, что «черная туча, висѣвшая надъ ними, разсѣвается», что «отливъ ихъ успѣховъ смѣняется приливомъ», что всѣ вѣрные подданные должны возстать, чтобы «низвергнуть честолюбивыхъ Авесаломовъ и возвратить честь законному государю». Роялисты приписывали эти памфлеты самому королю или его приближеннымъ. Палата общинъ велѣла жечь ихъ и обнародовала прокламацію, что будетъ править государствомъ безъ всякаго участія короля. Но многіе члены господствовавшей партіи оробѣли; положеніе дѣлъ было дѣйствительно опасно для нея: въ самомъ Лондонѣ поднялись ремесленники и нѣсколько дней ходили по городу съ криками въ честь короля. Палата общинъ, въ противность своему прежнему рѣшенію не принимать никакихъ предложеній отъ плѣннаго короля, вступила въ переговоры съ нимъ. Но Кромвелль, какъ увѣряютъ, говорилъ, что надобно усмирить Лондонъ, хотя бы пришлось для этого ежечь его.

Индепенденты пошли на шотландцевъ и ихъ союзниковъ, англійскихъ роялистовъ и пресвитеріанъ. Лѣтомъ (1648 года) Ферфаксъ подавилъ возстаніе въ Кентѣ и графствѣ Эссексомъ, взялъ храбро

оборонявшійся Медстонъ, разбилъ графа Голланда при Кингстонѣ на Темзѣ; Кромвелль взялъ замки инсургентовъ въ Уэльзѣ, принудилъ сдаться (11 іюля) Пемброкъ, въ которомъ поступилъ съ старыми роялистами милостивѣе, чѣмъ съ пресвитеріанами, «виновными въ отступничествѣ отъ свѣта Божія», и быстро пошелъ на сѣверъ, гдѣ Гэмилтонъ, окруженный множествомъ дворянъ, разстановилъ своихъ шотландцевъ и англійскихъ союзниковъ разрозненными отрядами. Судьба Англіи и Шотландіи зависѣла отъ исхода борьбы Кромвелля съ нимъ. По числу и вооруженію войско Гэмилтона было гораздо сильнѣе даже и послѣ того, какъ пришелъ къ Кромвеллю Лэмбертъ (Lambert); но солдаты Кромвелля были одушевлены энтузіазмомъ, а самъ онъ былъ гениальный полководецъ. Послѣ трехдневнаго боя (17—19 августа) въ болотистой мѣстности между Престономъ и Уоррингтономъ, шотландцы и роялисты были побѣждены. Вся ихъ пѣхота, изнуренная длинными переходами, не имѣвшая ни продовольствія, ни аммуниціи, сдалась въ плѣнъ; черезъ нѣсколько дней сдалась и конница. Дѣло роялистовъ и пресвитеріанъ было совершенно потеряно послѣ этого пораженія; крѣпости Беруикъ и Карлейль сдались Кромвеллю. Онъ, не спрашивая разрѣшенія парламента, пошелъ въ Шотландію. Партія, начавшая войну, пала послѣ пораженія Гэмилтона, власть перешла къ Эргейлю и его друзьямъ; они составили новый ковенантъ, разогнали комитетъ, назначенный парламентомъ для управленія дѣлами въ періодъ между сессіями, объявили всѣхъ воевавшихъ съ Англіею лишенными должностей, отпраздновали переворотъ торжествомъ благодаренія Богу, отлучили отъ церкви противниковъ своихъ и принимали Кромвелля, какъ друга. Онъ 4 октября вступилъ съ торжествомъ въ Эдинбургъ. Союзъ Шотландіи съ Англіею былъ возобновленъ, но Шотландія теперь ужъ только исполняла волю англичанъ. Флотъ, принимавшій сторону роялистовъ, покорился парламенту; принцъ Уэльзскій возвратился въ Нидерланды.

Побѣды Кромвелля ужасали роялистовъ, предвидѣвшихъ, что будетъ отмѣнена монархическая форма правленія; пугали и англійскихъ пресвитеріанъ, ожидавшихъ отмѣны своего церковнаго устройства; они жаловались, что Богъ даетъ погибнуть правому дѣлу, покровительствуетъ неправому, называли Кромвелля бичемъ Божиимъ. Ихъ опасенія были основательны. Изъ лагеря подъ Пемброкомъ Кромвелль писалъ Ферфаксу: «Народъ Божій не долженъ постоянно быть предметомъ гнѣва; Богъ не хочетъ, чтобы мы продолжали сгибать наши выи подъ иго, онъ сломитъ жезлъ угнетателя, какъ во дни Маіама; Богъ да умножитъ для того Свою благодать къ тебѣ и да укрѣпитъ сердце твое». Въ донесеніи парламенту о престонской битвѣ онъ дѣлалъ своимъ обыкновеннымъ туманнымъ слогомъ намѣки о недовольствѣ арміи: «Во всемъ произошедшемъ видна рука Божія; онъ хочетъ низложить мірское высокое или желающее воз-

вышаться; народъ—зеница ока у Бога и для него Богъ низвергаетъ царей. Надобно только мужество исполнять дѣло Господне и истреблять съ земли нежелающихъ жить мирно; тогда получить Богъ свою славу, и страна благословеніе Божіе».

Межь тѣмъ какъ армія стояла въ Шотландіи, парламентъ возобновилъ переговоры съ королемъ. Карла перевезли изъ Керисбрука въ Ньюпортъ; туда пріѣхали уполномоченные парламента, въ числѣ которыхъ находились Нортонберландъ, Генри Венъ и Голлисъ; они испугались, увидѣвъ, какъ посѣдѣлъ король, какъ потускнѣли его унылые глаза. Онъ оставался упрямымъ по прежнему. Однако же надобность помириться была такъ сильна и для него и для парламента, что они ближе прежняго подошли къ соглашенію: Карлъ принялъ предложенія парламента относительно военной власти, устройства церкви, парламентскихъ правъ. Видно было, что онъ остается двоедушнымъ; но все таки былъ составленъ актъ примиренія (29 ноября), и палата общинъ 5 декабря рѣшила большинствомъ 36 голосовъ, что этотъ договоръ можетъ служить основаніемъ мира. Онъ представлялъ парламенту на определенное число лѣтъ преобладаніе въ управленіи государствомъ.

Но Кромвелль и военные друзья его не хотѣли допустить примиренія парламента съ королемъ; имъ нравились слова пророка: «закуйте царей ихъ въ цѣпи и вельможъ ихъ въ узы желѣзные». По внушенію Кромвелля и его помощниковъ возобновилась агитация въ войскѣ. Полкъ за полкомъ составлялъ адреса, требовавшіе, чтобы парламентъ думалъ болѣе всего о благѣ народа, строго наказалъ всѣхъ участниковъ послѣднихъ мятежей, предалъ короля суду за пролитіе невинной крови. Опираясь на эти заявленія войска, общій совѣтъ арміи послалъ 16 ноября палатѣ общинъ ремонстрацію, требовавшую, чтобъ не было заключаемо соглашенія съ королемъ, были наказаны виновники войны, и чтобы правительству дана была прочная форма. Парламентъ, въ которомъ все еще сохраняли преобладаніе пресвитеріане, не подчинился ремонстраціи, продолжалъ переговоры съ королемъ. Кромвелль и его друзья видѣли, что большинство парламента хочетъ пріобрѣсти содѣйствіе роялистовъ для сопротивленія арміи и рѣшились предотвратить опасность насиліемъ; они говорили, что бываютъ обстоятельства, при которыхъ интересы націи оправдываютъ неповиновеніе парламенту. Эйртонъ, Лодло (Ludlow) и другіе фанатики доказывали цитатами изъ Ветхаго Завѣта, что страна, въ которой пролита невинная кровь, очищается отъ грѣха только кровію пролившаго ее, а главный виновникъ кровопролитія въ Англіи король, потому она навлечетъ на себя гнѣвъ Божій, если возвратитъ власть ему; отвратить отъ націи такое бѣдствіе обязана армія, состоящая не изъ наемниковъ, а изъ свободныхъ гражданъ; если Богъ судомъ Своимъ искореняетъ родъ, из-

вергаетъ его изъ страны по причинамъ, которыя лучше чѣмъ людямъ извѣстны Ему, то должно считать это справедливымъ; Богъ отвергъ монархію и королевскій родъ. Чтобы предать короля суду съ соблюденіемъ законныхъ формъ, нужно было содѣйствіе парламента. Представители войска на совѣщаніи съ индепендентами палаты общинъ рѣшили исключить изъ нея столько пресвитеріанъ, чтобы большинство въ ней было пріобрѣтено индепендентами, составили списокъ членовъ палаты, которыхъ слѣдуетъ устранить изъ нея и передали его полковнику Прейду (Pride), которому поручили исполнить это дѣло; съ тѣмъ вмѣстѣ они постановили принять мѣры, чтобы король не былъ увезенъ изъ-подъ власти арміи. Военный совѣтъ 26 ноября послалъ Гэммонду приказаніе перевезти короля изъ Ньюпорта обратно въ Керисбрукъ, а если встрѣтится сопротивленіе этому, то «поступить, какъ внушитъ ему Богъ». Карлъ плакалъ, прощаясь съ комиссарами парламента. Его повезли изъ Ньюпорта, но не въ Керисбрукъ: руководители арміи передумали, нашли лучшимъ помѣстить его въ темницѣ, болѣе надежной. Майоръ Рольфъ, фанатичный республиканецъ, отвезъ его по новой инструкціи ихъ въ замокъ Гореткесль, стоявшій въ Гэмпширѣ на приморской скалѣ. Рольфъ привезъ его туда 30 ноября. Кромвелль между тѣмъ возвратился изъ Шотландіи; планъ, принятый на совѣщаніи военныхъ его друзей съ индепендентами парламента, былъ теперь исполненъ. Подготовленіемъ служилъ грозный манифестъ арміи, обнародованный 2 декабря; онъ обвинялъ большинство парламента въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ, ссылаясь на судъ Божій, на мнѣніе всѣхъ благонамѣренныхъ людей; говорилъ, что военачальники, которымъ Господь даровалъ силу и побѣду, обязаны дать странѣ лучшее устройство и наказать виновныхъ. Большинство палаты общинъ сохранило мужество; оно 5 декабря постановило заключить съ королемъ миръ на основаніи ньюпортскаго соглашенія. Но Ферфэксъ между тѣмъ занялъ войсками предмѣстья Лондона; утромъ 6 декабря городская милиція, охранявшая дворецъ парламента, была удалена. Прейдъ окружилъ дворецъ своими солдатами, поставилъ ихъ на лѣстницахъ и въ аванзалѣ передъ заломъ палаты общинъ. Тѣ члены ея, которые не были въ согласіи съ начальниками войска, держали себя мужественно, спрашивали Прейда, по какой власти онъ дѣйствуетъ; онъ показалъ имъ, какъ Джойсъ Карлу, на своихъ солдатъ, арестовалъ тѣхъ 52 пресвитеріанъ, имена которыхъ стояли въ его спискѣ, велѣлъ отвести ихъ подъ стражу; въ числѣ ихъ находился Принтъ, такъ жестоко пострадавшій отъ короля и іерархіи. Палата осталась тверда, рѣшила не заниматься дѣлами, пока не будутъ возвращены ей арестованные члены. На слѣдующій день было арестовано еще около 40 человекъ; тогда большинство образовали индепенденты; они стали дѣйствовать за одно съ арміей. Тѣмъ же

способомъ были удалены противники арміи изъ городского совѣта Сити и другихъ органовъ лондонской администраціи.

Кромвелль до этой поры держался въ тѣни, дѣйствовалъ черезъ своихъ агентовъ; теперь онъ пересталъ скрывать свои властолюбивые планы. Побѣда надъ шотландцами прославила его; палата общинъ выразила ему благодарность націи; онъ поселился въ королевскихъ комнатахъ Гуэйтгольскаго дворца, какъ повелитель государства; парламентъ, очищенный отъ пресвитеріанъ, имѣвшій независимое большинство, былъ орудіемъ его; ему казалось, что для прочности его власти необходима смерть короля и было рѣшено предать суду какъ измѣнника (мятежника) «Карла Стюарта, бывшаго короля англійскаго, за покушенія низвергнуть свободу и законы націи, ввести тиранское произвольное правленіе, и въ особенности за то, что онъ началъ междоусобную войну, опустошилъ и залилъ кровью страну». Для суда надъ нимъ партія Кромвелля рѣшила учредить особый трибуналъ, членами котораго будутъ назначены нѣкоторые генералы и полковники арміи, нѣкоторые депутаты и пары, юристы, лондонскіе сановники и вліятельные землевладѣльцы. Палата общинъ 1 января 1649 приняла ихъ предложеніе. Возражали противъ него лишь немногіе члены ея. Но палата пэровъ, въ которой засѣдали только 12 лордовъ (въ томъ числѣ Мэнчестеръ и Нортонберлендъ) единогласно отвергла этотъ билль. Палата общинъ объявила, что такъ какъ источникъ всякой законной власти — народъ и она одна состоитъ изъ представителей народа, то исключительно ея воля составляетъ законъ. Палата пэровъ хотѣла предотвратить погибель Карла, замѣнивъ рѣшеніе палаты общинъ объявленіемъ, что впередъ будетъ считаться измѣной (мятежемъ), если король начнетъ войну противъ парламента. Но руководители господствующей партіи остались при своемъ намѣреніи и по рѣшенію палаты общинъ былъ учрежденъ трибуналъ для суда надъ Карломъ.

Членами этого трибунала были назначены болѣе 140 человекъ; но многіе отказались участвовать въ немъ, такъ что число членовъ, засѣдавшихъ въ судѣ, было лишь немногимъ больше 50. Между ними находились только четыре юриста, одинъ изъ которыхъ, Джонъ Бредшо (Bradshaw), былъ президентомъ. Бульстроудъ Гуэйтлокъ, юристъ школы Рока, другъ и ученикъ Сельдена и его товарищъ Уиддрингтонъ уѣхали изъ Лондона, чтобы не участвовать въ судѣ. Ферфаксъ, давшій свое согласіе на изгнаніе пресвитеріанъ изъ палаты общинъ, отказался по убѣжденію жены отъ участія въ дальнейшемъ ходѣ дѣла. Тѣмъ усерднѣе дѣйствовалъ Кромвелль. Судъ началъ свои засѣданія 20 января (1649 года) въ Уэстминстерскомъ дворцѣ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ король былъ привезенъ майоромъ Гэррисономъ изъ Гореткесля въ Уиндсоръ. Увидѣвъ суроваго Гэррисона, Карлъ думалъ, что этотъ человекъ съ своими ка-

валеристами пріѣхалъ убить его; но по пріѣздѣ въ Уиндсоръ успокоился, вообразивъ, что не посмѣютъ осудить его на смерть, мечтая, что иностранныя державы вступятся за него, что супруга его убѣдитъ французское правительство принять военныя мѣры для его защиты, что зять его Вильгельмъ II Оранскій склонитъ нидерландскую республику защищать его, что вступится за него другой его родственникъ, король датскій. Но его перевезли изъ Уиндсора въ Лондонъ, въ Сентъ-Джемскій дворецъ и тамъ перестали оказывать королевскія почести ему; тогда онъ упалъ духомъ. Французское правительство, боровшееся съ фрондой, не отважилось раздражать парламентъ; письмо, которымъ королева просила дозволенія пріѣхать къ мужу, было возвращено нераспечатаннымъ; послы нидерландскаго сейма, которымъ было поручено ходатайствовать за Карла, не получили аудіенціи. Карлъ былъ приведенъ 20 января въ судъ. На то мнѣніе, что верховная власть была вручена ему народомъ, онъ отвѣчалъ, что получилъ ее по наследственному праву, объявилъ, что не признаетъ за палатой общинъ права предать его суду, а членовъ трибунала не признаетъ своими законными судьями, считаетъ присвоенную ими власть узурпаціей, нарушающей основныя законы государства. Онъ говорилъ: «Что будетъ, если станетъ править безъ порядка и закона власть, стремящаяся низвергнуть древнюю форму правленія, при которой Англія процвѣтала много вѣковъ?» Принципы Карла и его судей были такъ противоположны, что собственно юридическій споръ между ними былъ невозможенъ. Палата общинъ говорила, что король захотѣлъ рѣшить дѣло оружіемъ, что оно рѣшено Богомъ въ пользу народа, что невинно пролитая кровь требуетъ наказанія; Карлъ отвѣчалъ, что взялся за оружіе для охраненія законовъ государства. Три раза онъ являлся въ судъ защищаться отъ обвиненій; трибуналъ рѣшилъ 25 января, что онъ какъ тиранъ, измѣнникъ (мятежникъ), убійца и врагъ англійскаго государства осуждается на смерть.

Ему дали три дня на приготовленіе къ ней. Онъ употребилъ ихъ на молитвы съ епископомъ Джоксономъ (Juxon) и на разговоры съ младшими своими дѣтьми, которыхъ привезли къ нему. Наконецъ 30 января повели его на эшафотъ, поставленный у Гуэйтгольскаго дворца и покрытый чернымъ сукномъ. Онъ сказалъ краткую рѣчь, въ которой утверждалъ, что невиненъ и называлъ себя мученикомъ народа, переходящимъ теперь изъ мимолетнаго царства въ вѣчное. Палачъ, лицо котораго было закрыто маской, отрубилъ ему голову по знаку, данному имъ самимъ. Толпа смотрѣла молча; но когда палачъ, схвативъ за волосы отрубленную голову, поднялъ ее и прокричалъ: «Вотъ голова измѣнника!» народъ застоналъ.

Имя мученика, которое Карлъ далъ себѣ, осталось за нимъ у массы англичанъ: она долго чтитъ его, какъ святаго.—Въ порядкѣ и въ защитѣ

казни Карла было написано очень много памфлетовъ. Мильтонъ въ своей „Апологѣи англійскаго народа“ твердо защищалъ судъ надъ Карломъ противъ Сальмазія (Сомеза), писавшаго въ защиту Карла. Громадный успѣхъ имѣла небольшая книга Eikon basilike („Образъ царевъ“), появившаяся вскорѣ послѣ смерти Карла; роялисты приписывали ее самому королю. Но Мильтонъ въ своемъ пламенномъ возраженіи на нее „Иконопластъ“ („Иконоборецъ“) доказывалъ, что она написана однимъ изъ роялистовъ и мнѣніе о ея принадлежности Карлу—подлогъ. Вѣроятно, впрочемъ, что въ нее внесены нѣкоторыя мысли Карла. Въ Керисбрукѣ онъ имѣлъ время раздумывать о прошедшемъ и писать благочестивыя размышленія.

III. РЕСПУБЛИКА И РЕСТАВРАЦІЯ.

1. Республика. Протекторатъ Кромвелля.

а) Побѣды Кромвелля, политическое и морское могущество англій.

Палата общинъ правила государствомъ. Она объявила уничтоженной палату пэровъ, отмѣнила королевскій санъ (6 и 7 февраля 1649). Нѣкоторые говорили, что слѣдуетъ провозгласить королемъ третьяго сына казеннаго короля, 8-лѣтняго герцога Глостерскаго, ограничивъ законами королевскую власть. Господствующая партія съ негодованіемъ отвѣчала: «Неужели-жъ мы должны возстановить идола, низверженіе котораго стоило столькихъ денегъ и крови?» Было рѣшено, что Англійей будетъ править палата общинъ, получающая свои полномочія отъ народа, которому принадлежитъ верховная власть. Изъ 500 членовъ, избранныхъ за 9 лѣтъ передъ тѣмъ въ парламентъ, оставалось около 80. Новыми выборами и возвращеніемъ изгнанныхъ членовъ число это было увеличено до 150. Спикеромъ (предсѣдателемъ) палаты былъ Лентолъ (Lenthall); гражданскую администрацію и завѣдываніе военными силами палата поручила (14 февраля) государственному совѣту, составленному изъ 42 членовъ; въ числѣ ихъ находились пять лордовъ, нѣсколько судей, нѣсколько военныхъ, однимъ изъ которыхъ былъ Кромвелль; остальные были члены палаты общинъ. Предсѣдателемъ былъ Брэдшо, второе мѣсто занималъ Ферфаксъ, президентъ военнаго совѣта; однимъ изъ секретарей былъ Мильтонъ, много содѣйствовавшій пламенными памфлетами противъ прелатства и абсолютизма побѣдѣ республиканцевъ и теперь трудившійся такъ усердно, что его зрѣніе пострадало отъ этого. Могущество палаты общинъ и государственнаго совѣта, органа ея, было такъ велико, что ни одинъ король не обладалъ подобною силою. Всѣ англичане, имѣвшіе больше 16 лѣтъ, обязаны были присягать на вѣрность новому правитель-

ству; была сдѣлана новая государственная печать съ надписью: «Въ первый годъ установленной милостію Божіей свободы». Она была ввѣрена тремъ членамъ государственнаго совѣта, однимъ изъ которыхъ былъ Гуэйтлокъ. Парламентъ освободилъ членовъ верховныхъ трибуналовъ отъ присяги, данной ими королю и объявилъ, что будутъ сохранены основные законы Англій, что судъ будетъ производиться по нимъ. Большинство членовъ верховныхъ трибуналовъ признало республику и осталось на своихъ должностяхъ.

Были начаты процессы противъ роялистовъ. Первые были преданы суду Гемилтонъ, лорды Голландъ и Кэпель (Kapel), перешедшіе въ роялистскую партію изъ оппозиціи. Тотъ трибуналъ, который осудилъ короля, осудилъ и ихъ; они были казнены какъ измѣнники дѣлу свободы. вмѣстѣ съ ними были осуждены на смерть, но помилованы по ходатайству Готчинсона и Эйртона роялисты Горингъ и Джонъ Оуэнъ. Два старшіе сына Карла I, бѣжавшіе на континентъ, были осуждены на смерть, если явятся въ Англію. Съ такою же строгостью правительство подавляло другихъ своихъ противниковъ, радикаловъ: оно ввело цензуру, наказывало агитаторовъ; когда въ нѣкоторыхъ полкахъ снова появилось непослушаніе начальству и они отказались плыть въ Ирландію для усмиренія мятежа въ окрестностяхъ Дублина, Кромвелль сурово обуздаль непокорныхъ (въ маѣ 1649). Левеллеры были подвергаемы строгимъ наказаніямъ за свои разсужденія о равенствѣ людей, одинаково созданныхъ по образу Божію, о томъ, что собственность—источникъ великаго грѣха, что надобно сломать оковы, наложенныя на англо-саксонскій народъ Вильгельмомъ Завоевателемъ, возвратитъ потомкамъ англо-саксовъ отнятую имъ у ихъ предковъ землю, возстановитъ божественный порядокъ, по которому человѣкъ былъ поставленъ владыкою земли и полевыхъ животныхъ. Капитанъ Томсонъ собралъ солдатъ, не хотѣвшихъ плыть въ Ирландію, и ходилъ съ ними по селеніямъ; парламентъ объявилъ его и примкнувшихъ къ нему солдатъ мятежниками, послалъ на нихъ войско. Лилборнъ за радикальный манифестъ былъ арестованъ. Многіе радикалы смирились. Томсонъ и нѣкоторые товарищи его умерли въ бою. Кромвелль твердо укрощалъ всѣ волненія. Армія перестала слушать агитаторовъ, подчинилась его сильной волѣ, прониклась преданностью къ нему. Увѣренный въ сочувствіи войска, онъ сталъ выказывать себя повелителемъ государства.

Примиреніе парламента съ войскомъ было тѣмъ необходимѣе, что въ Ирландіи и Шотландіи извѣстіе о казни короля произвело возстанія.

Возстаніе 1641 года увеличило взаимную вражду между ирландцами и англичанами; король вступилъ тогда въ сношенія съ ирландцами. Агентъ его Глэморганъ обѣщалъ ирландскимъ католикамъ возвращеніе церковныхъ

имѣній, конфискованныхъ Генрихомъ VIII. Намѣстникъ короля въ Ирландіи Джемсъ Ботлеръ графъ Ормондъ, усердный роялистъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ приверженецъ англиканской церкви, велъ переговоры съ ирландскими инсургентами, надѣясь, что они примутъ сторону короля противъ парламента; но они, видя Англію занятою междоусобицею, мечтали о независимости. Нунцій Джамбаттиста Ринуччини, искусный интригантъ, соединилъ ирландскихъ католиковъ въ общество, поставившее себя цѣлью отдѣлить Ирландію отъ англійскаго государства, отдать ее подъ покровительство папы или кого нибудь изъ могущественныхъ католическихъ государей. Возбуждаемые нунціемъ католики напали на Дублинъ; національное чувство было въ Ормондѣ сильнѣе преданности королю: онъ отдалъ англійскую часть Ирландіи подъ власть парламента и принялъ въ Дублинѣ пресвитеріанскій отрядъ. Ирландцы были разбиты; при посредничествѣ поселившихся въ Ирландію англійскихъ католиковъ былъ заключенъ въ 1648 въ Килькенни договоръ, по которому ирландцы признали власть Ормонда и получили свободу вѣроисповѣданія; Ринуччини уѣхалъ въ Италію.

Вскорѣ послѣ того пришло въ Ирландію извѣстіе о казни Карла; оно произвело тамъ переворотъ въ дѣлахъ. Ормондъ не хотѣлъ признать республиканскаго правительства; по его вліянію принцъ Уэльскій былъ на основаніи килькеннскіаго договора провозглашенъ королемъ. Ормондъ раскаявался теперь, что призвалъ въ Дублинъ войска парламента; начальники ихъ Джонсъ и Монкъ были за республиканское правительство. Ормондъ надѣялся прогнать ихъ. Девять десятыхъ частей ирландскаго населенія были роялисты. У Кинселя стояла эскадра, на которой находились Рупертъ и много кавалировъ; они ожидали только удобнаго времени высадить свое войско на берегъ. Ормондъ покорилъ Дрогеду и Тримъ; въ Конногъ, Ольстеръ, Монстеръ господствовали роялисты-католики. Ормондъ надѣялся отнять у индепендентовъ Дублинъ и полагалъ, что республиканское правительство, имѣющее множество враговъ въ Англіи, не можетъ послать новыхъ войскъ въ Ирландію. Но парламентъ и государственный совѣтъ понимали, что для собственной безопасности необходимо имъ подавить роялизмъ въ Ирландіи. Они назначили лордомъ-намѣстникомъ Кромвелля, пользовавшагося довѣріемъ арміи. Ферфаксъ, оскорбленный тѣмъ, что назначенъ не онъ, сталъ устраниваться отъ дѣлъ. Пуританскіе священники благословили знамена, подъ которыми войско пойдетъ на борьбу Божію противъ ослѣпленныхъ ирландскихъ католиковъ; Кромвелль поѣхалъ изъ Лондона въ каретѣ, запряженной шестью фламандскими лошадьми; его окружалъ отрядъ тѣлохранителей, составленный изъ офицеровъ. Съ нимъ поплыло изъ мильфордской гавани въ Дублинъ 60.000 человекъ пѣхоты и 5.000 конницы; это были отборные солдаты, большею частью ветераны. Онъ поддерживалъ между ними строжайшую дисциплину; они много молились. Присоединивъ къ себѣ дублинскій гарнизонъ, Кромвелль въ началѣ сентября (1649 года) пошелъ къ Дрогедѣ, въ которой собрались лучшія роялистскія войска. Два штурма были отбиты, третьимъ Кром-

велль взялъ Дрогеду. Солдаты перекололи гарнизонъ ея до послѣдняго человѣка. Роялисты утверждали, что была обѣщана жизнь тѣмъ, которые положатъ оружіе; но самъ Кромвелль говоритъ въ своемъ донесеніи, что еще во время приступа запретилъ давать пощаду. Пять дней текла кровь по улицамъ Дрогеды. Истребивъ гарнизонъ, солдаты Кромвелля вломились въ католическую церковь, въ которой искали спасенія себѣ болѣе 1000 жителей; всѣ они были перебиты. Тѣ, которые еще дышали, умерли въ пламени зажженной церкви. Этой свирѣпостью Кромвелль хотѣлъ запугать всѣхъ инсургентовъ; то же самое сдѣлалъ онъ въ Уэксфордѣ и нѣсколькихъ другихъ городахъ. Ужасъ, внушаемый имъ, склонилъ роялистовъ англійскаго происхожденія покориться. Ирландцы-католики продолжали сопротивляться. Кромвелль дѣйствовалъ безпощадно, и когда онъ въ маѣ слѣдующаго года уѣхалъ изъ Ирландіи на войну съ шотландцами, возстаніе было уже почти совершенно подавлено.

Онъ передалъ начальство надъ войскомъ въ Ирландіи своему зятю Эйртону. Ирландцы уже не отваживались сопротивляться въ открытомъ полѣ англійскому войску; оно подвигалось впередъ, покоря города. Республиканцы взяли Уотерфордъ, Лимерикъ, Гэлуэ. Эйртонъ умеръ. Дѣло покоренія довершили въ томъ же духѣ Флитвудъ, другой зять Кромвелля, и Эдмондъ Лодло. Въ три года возстаніе было вполне подавлено, но Ирландія была на половину обращена въ пустыню. По прекращеніи военныхъ дѣйствій начались казни. Тысячи ирландцевъ бѣжали въ католическія земли Европы и въ Америку. Всѣ военнопленные, множество женщинъ и дѣтей были отвезены въ Вестъ-Индію въ невольничество и отданы въ работу на сахарныхъ и табачныхъ плантаціяхъ. У католиковъ, оставшихся на родинѣ, была отнята значительная часть имущества и отдана англійскимъ колонистамъ; населеніе цѣлыхъ округовъ было переведено въ другія мѣстности. Всѣ католическіе священники были изгнаны, католическое богослуженіе было запрещено, католики были объявлены неимѣющими права занимать должности; но католическое населеніе все таки осталось гораздо многочисленнѣе протестантскаго. Преслѣдуемые скрывались въ лѣсахъ и болотахъ, сдупали съ скрежетомъ зубовъ проповѣди своихъ священниковъ, дѣлали набѣги на англійскихъ колонистовъ, грабили и рѣзали. Колонисты называли этихъ католическихъ грабителей торы. Рупертъ и его братъ Морицъ успыли съ своей эскадрой въ Сицилійскій архипелагъ, записали крейсерствомъ, захватывали торговые суда англійскихъ протестантовъ. Робертъ Блэкъ (Blake), одинаково искусный полководецъ и адмиралъ, преслѣдовалъ этихъ пиратовъ, плавалъ за ними до береговъ Испаніи и Португаліи. Король португальскій Іоаннъ IV принужденъ былъ отказаться отъ покровительства Руперту, закрыть для его кораблей свои гавани. Блэкъ ворвался въ гавань Картахены, истребилъ тамъ почти всю эскадру Руперта. Англійскіе военные корабли въ первый разъ появились тогда на Средиземномъ морѣ. Рупертъ и Морицъ успыли въ Азорскій архипелагъ, плавали къ африканскому берегу и въ Вестъ-Индію. Корабль Морица разбился и онъ утонулъ. Рупертъ съ однимъ кораблемъ, остававшимся у него, успылъ во Францію. Блэкъ напалъ на Азорскіе острова, дававшіе пріютъ англійскимъ роялистамъ-пиратамъ; лѣтомъ 1651 онъ бомбардировалъ укрѣпленія Санта-Маріи и думалъ сдѣлать этотъ островъ

складочнымъ мѣстомъ торговли съ Америкой.—Другимъ пріютомъ роялистовъ, сдѣлавшихся пиратами, былъ островъ Джерси; начальникомъ этихъ пиратовъ былъ Кэргеретъ. Черезъ нѣсколько времени республиканцы принудили его сдаться на капитуляцію.

Возстаніе ирландскихъ роялистовъ ободряло шотландскихъ. Но ковенантеры, вождемъ которыхъ былъ Эргейль, довольно долго не давали подняться мятежу. Графъ Монтрозъ съ отрядомъ нѣмецкихъ и датскихъ наемниковъ приплылъ въ Шотландію поднять роялистское возстаніе, но былъ выданъ пресвитеріанамъ и осужденъ на смерть за нарушеніе ковенанта. Онъ сказалъ своимъ судьямъ, что единственнымъ преступленіемъ его были страхъ Божій и преданность королю. Въ апрѣлѣ (1650 года) его провезли по улицамъ Эдинбурга къ висѣлицѣ. Онъ шелъ на эшафотъ твердымъ шагомъ. Снявъ его тѣло въ висѣлицы, разрубили на четыре части и выставили ихъ надъ воротами четырехъ главныхъ городовъ Шотландіи.

Но большинство шотландцевъ было расположено къ роялизму и сами ковенантеры негодовали на казнь короля. Они не были республиканцы, желали примирить принцѣвъ верховной власти народа съ сохраненіемъ законныхъ правъ короля и рѣшили теперь возстановить королевскую власть, но подѣ условіемъ, чтобы король принялъ ковенантъ и пресвитеріанское исповѣданіе. Шотландскій парламентъ отправилъ пословъ въ Бреду, гдѣ жилъ старшій сынъ казненаго короля, называвшійся, какъ и отецъ, Карломъ, пригласили его пріѣхать въ Эдинбургъ и принять королевскую власть на основаніи ковенанта. Принцъ Уэльскій колебался согласиться на условія, несогласныя съ его понятіями и желаніями; но по совѣтамъ матери и мужа его сестры Вильгельма, статгудера голландскаго, выразилъ согласіе на все, чего требовалъ парламентъ. Съ эскадрой, данной ему Вильгельмомъ, онъ поплылъ въ Шотландію и 24 іюня (старого стиля, 4 іюля новаго стиля) 1650 года вышелъ на берегъ въ устьѣ рѣки Спи (Spey), давъ на кораблѣ присягу ковенанту. На всѣхъ остановкахъ на пути въ Эдинбургъ онъ долженъ былъ выслушивать длинныя проповѣди о грѣхахъ и преступленіяхъ его предковъ и объ обязанности короля слѣдовать въ мірскихъ дѣлахъ совѣту парламента, въ церковныхъ мнѣнію общаго собора.

Провозглашеніе Карла II королемъ Шотландіи было объявленіемъ войны Англіи. Англійское правительство быстро приняло мѣры для подавленія шотландскихъ роялистовъ: вызвало Кромвелля изъ Ирландіи, назначило его лордомъ-генераломъ (главнокомандующимъ) арміи, удалило изъ нея начальниковъ, расположенныхъ къ пресвитеріанству. Ферфаксъ, умѣренность котораго не нравилась горячимъ республиканцамъ, утратилъ свое прежнее положеніе. Въ іюлѣ (1650 года) Кромвелль перешелъ Тувъ съ 16.000 человекъ, большею частью ветерановъ. Шотландская армія, гораздо болѣе многочисленная, за-

няла подѣ начальствомъ Дэвида Лесли на холмахъ между Эдинбургомъ и Донберомъ укрѣпленную позицію, такую неприступную, что Кромвелль не могъ штурмовать ее.

Съ обѣихъ сторонъ были обнародованы отъ имени армій манифесты, влиявшіе противниковъ въ разрывѣ союза, въ началѣ братоубійственной войны. Манифестъ англійской арміи обращался ко всѣмъ „раздѣляющимъ вѣру избранныхъ Божіихъ“, говорилъ, что эти избранные божіи, то есть войны англійской арміи, вынужденные враждебными дѣйствіями противниковъ, „пошли въ свой походъ со страхомъ Божіимъ и съ сердцемъ, полнымъ любви и состраданія“. Въ манифестѣ шотландской арміи церковный комитетъ и офицеры выставляли чистоту своихъ религіозныхъ намѣреній и говорили, что „стоять за дѣло короля лишь настолько, насколько онъ стоитъ за дѣло Божіе и отрывается отъ сопротивленія своего отца вола Божіей“, и прибавляли, „что не пощадятъ жизни для защиты королевской власти, соединенной съ ковенантомъ“.

Карлъ, находившійся при арміи, чувствовалъ себя въ стѣсненномъ положеніи. Привычки его были ни мало не сообразны съ пуританской строгостью правовъ. Священники, сопровождавшіе войско, заставляли его слушать безконечныя проповѣди, требовали формальнаго объявленія, что онъ отрывается отъ грѣховныхъ дѣлъ отца и идолопоклонства матери, навлекшихъ гнѣвъ Божій на его родъ; онъ сначала отказывался, но ему стали грозить, что церковь покинетъ его и онъ подписалъ заявленіе, противорѣчившее его мыслямъ. Проповѣдники убѣдили начальство арміи исключить изъ нея всѣхъ людей, ненадежныхъ въ религіозномъ отношеніи, чтобы Богъ не отвратилъ свое лицо отъ нея. Въ англійскомъ войскѣ властвовало такое же вѣрованіе въ непосредственную помощь Божію. Индепенденты и пресвитеріане одинаково считали себя избранными Божіими и съ одинаковымъ усердіемъ молились Саваоу, Господу силъ.

Выгода была сначала на сторонѣ шотландцевъ: Лесли держался въ своей укрѣпленной позиціи, уклонялся отъ сраженія, къ которому старался принудить его Кромвелль, англійское войско стало страдать отъ голода и болѣзней; многіе въ немъ умирали. Чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Англіи, Кромвелль сталъ отступать къ Донберу и благодаря густому туману, потомъ темной ночи, успѣлъ уйти отъ преслѣдовавшихъ его шотландцевъ. Войско его находилось въ жалкомъ состояніи, упало духомъ. Онъ сталъ у Донбера. Шотландцы были увѣрены въ побѣдѣ, но ихъ начальники перессорились: осторожный Лесли хотѣлъ остаться въ своей позиціи, не мѣшать отступленію Кромвелля и когда онъ уйдетъ со стыдомъ, идти въ Англію. Другіе вліятельные люди, въ особенности проповѣдники говорили, что надобно отрѣзать путь отступленія Кромвеллю, потому что Богъ предалъ его въ руки ихъ, какъ Агата Амалекитянина въ руки Саула. Фанатикамъ казалось, что надобно скорѣе кончить войну, по-

тому что король и его приближенные имѣютъ въ лагерѣ свободу предаваться грѣховнымъ наслажденіямъ. Эта партія взяла верхъ въ военномъ совѣтѣ. Шотландское войско пошло разными отрядами съ холмовъ въ долину, запереть въ ней Кромвелля. Увидѣвъ это, онъ воскликнулъ: «Они сходятъ, Богъ предалъ ихъ въ руки наши!» Онъ рѣшился напасть на нихъ; Монкъ и Лэмбертъ укрѣпили его въ этомъ намѣреніи. При шумѣ моря и волнъ бури онъ закричалъ солдатамъ: «Молитесь и держите сухимъ вашъ порохъ!» Рано утромъ 3 сентября индепенденты двинулись на шотландцевъ, подошедшихъ къ Донберу. Когда взошло солнце, Кромвелль повелъ солдатъ въ атаку, восклицая: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его!» Скоро правое крыло и центръ шотландской арміи были опрокинуты; лѣвое крыло, отдѣленное отъ нихъ большимъ разстояніемъ, не успѣло своевременно поддержать ихъ; было обращено въ бѣгство и оно. До 3.000 шотландцевъ легли въ битвѣ, 9.000 были взяты въ плѣнъ; артиллерія, аммуниція, весь обозъ были захвачены индепендентами. Возвратившись изъ битвы, они прославили Бога за свое избавленіе, потомъ пошли къ Единбургу и заняли городъ безъ сопротивленія. Но въ цитадели осталась ковенантерскій гарнизонъ. Шотландскіе проповѣдники приписывали поражение гнѣву Божию за порочную жизнь короля и его приближенныхъ.

Ковенантеры начали раскаяваться, что призвали короля; они сомнѣвались въ искренности его присоединенія къ ковенанту. Составился новый союзъ изъ горячихъ ковенантеровъ, строго державшихся демократическаго принципа шотландской церкви, остававшихся роялистами, но близкихъ къ республиканцамъ. На нихъ произвела сильное впечатлѣніе прокламація, изданная Кромвеллемъ по вступленіи въ Единбургъ; онъ приглашалъ шотландцевъ покориться волѣ Божіей, проявившейся въ донберской битвѣ.

Но лишь немногіе шотландцы сочувствовали индепендентамъ. Церковная коммиссія и вельможи были противъ мира съ ними. Комендантъ единбургской цитадели говорилъ фанатичнымъ проповѣдникамъ, что они главные виновники бѣдствій родины, потому что захотѣли быть не слугами слова Божія, а владыками народа. Эргейль и другіе умѣренные ковенантеры сблизились съ роялистами. Карлъ, послѣ донберской битвы хотѣвшій бѣжать, увидѣлъ, что съ нимъ обращаются почтительнѣе прежняго. Онъ короновался 1 января (1651 года) въ Сконѣ; при коронаціи были соблюдены прежнія формы. Онъ снова присягнулъ держаться пресвитеріанской церкви. Людямъ, изгнаннымъ изъ арміи за роялизмъ, было дозволено возвратиться въ нее. У Стирлинга собралось новое войско; въ него поступило много роялистовъ, бѣжавшихъ изъ Англіи; командовалъ имъ самъ Карлъ. Кромвелль пошелъ изъ Единбурга на него, но въ Пертѣ занемогъ. Болѣзнь ослабляла его дѣятельность въ іюлѣ и августѣ. Однакоже

и въ это время Карлъ не приобрѣлъ никакихъ успѣховъ. Въ концѣ августа онъ, послушавшись опрометчивыхъ совѣтниковъ, рѣшился на безрасудное дѣло: перешелъ съ 11.000-нымъ войскомъ англійскую границу, призывая къ себѣ своихъ вѣрныхъ англійскихъ подданныхъ. Не встрѣчая сопротивленія, онъ дошелъ до Вустера (Worcester); городской совѣтъ отворилъ ему ворота. Довольно многіе роялисты съ-верной Англіи присоединились къ нему; въ числѣ ихъ находились Гоуэрдъ Эскрикъ и Стэнли графъ Дерби, владѣтель острова Мэна. Но число воиновъ, приведенныхъ ими, было невелико. Боязнь удерживала массу роялистовъ. Кромвелль шелъ за Карломъ, радуясь, что онъ предпринялъ такой безрасудный походъ. Отряды, сформированные въ сосѣднихъ графствахъ, присоединялись къ войску Кромвелля; онъ настигъ непріятеля и 3 сентября 1651, въ годовщину донберской битвы, нанесъ подъ Вустеромъ полное пораженіе роялистамъ; тысячи ихъ были убиты; почти всѣ остальные взяты въ плѣнъ. Карлъ бѣжалъ. За голову его была назначена парламентомъ большая награда; онъ подвергался безчисленнымъ опасностямъ, но вѣрность многочисленныхъ роялистовъ укрывала его отъ всадниковъ Кромвелля, часто попадавшихъ на его слѣдъ. Знаменитъ рассказъ о томъ, какъ прятался онъ въ густыхъ вѣтвяхъ дуба, который сталъ называться королевскимъ. Онъ добрался до моря и уплылъ въ Нормандію.

Роялистскіе вельможи были подвергнуты суду. Графъ Дерби былъ казненъ; многіе другіе были наказаны конфискаціей имѣній; коронныя земли были употреблены на покрытіе военныхъ расходовъ; были проданы и королевскіе загородные дворцы, парки, собранія произведеній искусства. — Уходя изъ Шотландіи, Кромвелль оставилъ главнокомандующимъ тамъ Монка, хорошаго генерала, научившагося военному дѣлу въ нидерландскомъ войскѣ подъ начальствомъ Фридриха Генриха Оранскаго. Монкъ взялъ штурмомъ Донди, далъ солдатамъ волю грабить и рѣзать. Главныя лица роялистскаго гражданскаго и церковнаго управленія были захвачены въ плѣнъ и отправлены въ Англію. Монкъ прошелъ далеко въ горную Шотландію. Ослабленные раздорами, упавшіе духомъ, шотландцы подчинились побѣдителямъ, поставившимъ свои гарнизоны по прежнимъ крѣпостямъ, построившимъ новыя форты, согласились присоединить Шотландію къ Англіи, чего не могли достичь Стюарты. Монкъ поселился въ Дэлкитскомъ дворцѣ (Dalkeithhouse). Вся Шотландія повиновалась ему. Англійское правительство распоряжалось въ Шотландіи, какъ въ завоеванной землѣ. Флотъ Руперта былъ, какъ мы говорили, истребленъ; острова, служившіе пріютами для роялистскихъ пиратовъ, были покорены. Побѣдоносная война съ нидерландскою конфедераціею упрочила владычество англійской республики на морѣ.

Англійское правительство желало вступить въ союзъ съ Нидерландами; это было бы естественно при сходствѣ формы правленія и

одинаковости вѣроисповѣданія, было бѣ очень полезно для безопасности обоихъ народовъ отъ вражды католическихъ монархій. Англичане говорили даже о соединеніи обѣихъ республикъ въ одну, «для расширенія царства Божія и освобожденія народовъ отъ тиранновъ». Но многочисленные роялисты, собравшіеся въ Нидерландахъ около Карла II и нашедшіе покровителя себѣ въ статгоудерѣ, Вильгельмѣ II, женатомъ на сестрѣ его, поссорили Нидерландскую республику съ англійской. Юристъ Дорисраусъ, голландецъ по происхожденію, принимавшій участіе въ процессѣ Карла I, состоялъ при англійскомъ посольствѣ въ Гагѣ. Роялистскіе эмигранты убили его (въ маѣ 1649 года) и остались безнаказанны. Англійское правительство не могло простить такого оскорбленія ему. Притомъ статгоудеръ покровительствовалъ пиратству роялистовъ, и по смерти его (6 ноября 1650) правительство Нидерландской республики осталось враждебно Англійскому. Парламентъ постановилъ 9 октября 1651 законъ, имѣвшій цѣлью увеличеніе морской торговли англичанъ и вредившій голландской торговлѣ. Это былъ знаменитый Навигаціонный актъ (т. е. «Законъ о мореплаваніи»), говорившій, что иностранцамъ дозволяется привозить въ Англію на своихъ корабляхъ только товары своей земли, а товары другихъ земель могутъ быть привозимы въ Англію только на англійскихъ корабляхъ; за нарушеніе запрещенія иноземцамъ привозить товары не своей, а чужой земли конфискуются и грузъ и самый корабль. Это было тяжелымъ ударомъ для голландской торговли, состоявшей главнымъ образомъ въ перепродажѣ товаровъ, купленныхъ въ чужихъ земляхъ. Правительство Нидерландской республики хлопотало объ отмѣнѣ Навигаціоннаго акта или, хотя отсрочкѣ его введенія въ дѣйствіе; англійское правительство отказало во всякихъ уступкахъ и даже взяло на себя право производить на голландскихъ корабляхъ обыскъ, не везутъ ли они товаровъ изъ государствъ, съ которыми воюетъ Англія. Обыски повели къ военнымъ столкновеніямъ, изъ которыхъ произошла война, начавшаяся въ маѣ 1652, къ огорченію умѣренныхъ пуританъ, желавшихъ дружбы съ Нидерландской республикой. Англійскій флотъ былъ доведенъ плохимъ управленіемъ Стюартовъ до очень разстроеннаго состоянія, потому голландцы сначала побѣдили въ нѣсколькихъ большихъ сраженіяхъ; ихъ знаменитые адмиралы Тромпъ, Де-Рейтеръ, Эвертсенъ, Корнелисъ де-Виттъ опустошали берега Англіи, входили въ Темзу. Тромпъ привязалъ къ мачтѣ своего корабля метлу, въ знакъ того, что смететъ англичанъ съ моря. Но англійское правительство быстро улучшило и увеличило флотъ, и стало одолевать непріятеля. Адмиралъ Робертъ Блекъ, горячій республиканецъ суровой пуританской чистоты нравовъ, человѣкъ очень энергическій, одержалъ побѣду въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ трехдневной битвѣ 8—10 августа 1653 у Схевенингена Тромпъ былъ убитъ ударомъ пули въ грудь. Блекъ былъ раненъ,

такъ что сложилъ съ себя командованіе. Но преемникъ его Монкъ, подобно ему очень даровитый человѣкъ, одинаково искусный полководецъ и адмиралъ, одержалъ новыя побѣды, увеличившія славу и могущество Англіи. Нидерландская республика, потерявшая болѣе 1.000 кораблей и подвергавшаяся большимъ торговымъ убыткамъ, принуждена была заключить 15 апрѣля 1654 миръ на невыгодныхъ условіяхъ. Областной сеймъ Голландіи, въ которомъ господствовала республиканско-аристократическая партія, имѣвшая своимъ вождемъ Яна де Витта, обязался не избирать принца Оранскаго ни адмираломъ, ни статгоудеромъ своимъ, и, сколько можетъ, препятствовать выбору его общимъ сеймомъ республики въ должность генералъ-капитана (главнокомандующаго конфедерациі), общался изгнать изъ Голландіи всѣхъ Стюартовъ. Навигаціонный актъ былъ признанъ Нидерландской республикой. Она согласилась на то, чтобы корабли ея салютовали англійскимъ кораблямъ, то-есть признала владычество Англіи на сосѣднихъ моряхъ.

Но оставалось отмстить Испаніи за поддержку Стюартовъ и другія обиды. Агентъ англійскаго парламента, Энтони Эскемъ (или Эшамъ, Ayscam, Asham) въ Мадридѣ былъ убитъ бѣжавшими въ Испанію роялистами, какъ Дорислаусъ въ Гагѣ, и виновные тоже были оставлены безнаказанными. Испанцы хвалили ихъ; первый министръ Де Гаро говорилъ, что завидуетъ Карлу II, имѣющему такихъ усердныхъ вѣроподданныхъ. Англійское правительство не могло простить такого оскорбленія; но много времени прошло безъ войны, потому что и мадридское и брюссельское правительства старались смягчить гнѣвъ англійскаго, чтобы оно не помогало французамъ, съ которыми еще продолжалась у Испаніи война. Мало по малу развивались отношенія, имѣвшія результатомъ окончательный разрывъ. Кромвелль, сдѣлавшись протекторомъ, требовалъ, чтобы англичанамъ было дано право свободной торговли съ испанскими колоніями и была гарантирована безопасность въ нихъ отъ инквизиціи. Испанское правительство не согласилось на это и посланникъ его, какъ мы уже говорили, сказалъ, что это все равно, какъ требовать, чтобы король испанскій отдалъ оба свои глаза. Испанцы старались мѣшать основанію англійскихъ поселеній въ Вестъ-Индіи, ссылались на рѣшеніе папы въ началѣ XVI вѣка, предоставившее Новый свѣтъ въ собственность имъ и португальцамъ; это, разумѣется, было необфидительно для индепендентовъ, и Кромвелль рѣшился продолжать начатое Елизаветой. Въ декабрѣ 1654 знаменитые адмиралы Блекъ и Пеннъ поплыли въ Атлантическій океанъ; они не были безусловными приверженцами Кромвелля, и экипажи эскадры ихъ состояли изъ людей разныхъ партій; но великіе національные интересы заставляли ихъ забывать о несогласіяхъ своихъ съ Кромвеллемъ по дѣламъ внутренней политики. Начало войны было неудачно. Нападеніе Пенна и начальствовавшего

дессантнымъ отрядомъ Роберта Винеблса (Venables) на Санто-Доминго въ апрѣлѣ 1655 было отражено съ урономъ. Но англичане овладѣли Ямайкой, которая стала главнымъ владѣніемъ ихъ въ Вестъ-Индіи. Въ Европѣ они бомбардировали Кадиксъ и Малагу; осенью 1656 Блекъ напалъ близъ устья Тахо на флотъ, плывшій съ грузомъ серебра изъ Америки въ Испанію и захватилъ въ добычу очень большое количество серебра. Кромвелль вступилъ, какъ мы говорили, въ союзъ съ Франціей. Въ рѣшительной битвѣ на Дюнахъ храбрость англійскихъ солдатъ вынудила похвалы даже у герцога Йоркскаго, сражавшагося противъ нихъ въ рядахъ испанцевъ. Все государство Средиземнаго моря подчинилось требованіямъ Кромвелля; герцогъ тосканскій и папа, помогавшіе роялистамъ, были весною 1655 принуждены Блекомъ уплатить большое вознагражденіе за убытки отъ пиратства Руперта. Мальтійскимъ рыцарямъ, нападавшимъ на англійскіе торговые корабли, Кромвелль грозно сказалъ, чтобъ они не поступали съ протестантами, какъ съ мусульманами. Они стали угождать ему. Корсары сѣверной Африки узнали по опыту, что слѣдуетъ покоряться его требованіямъ. Когда тунисскій бей отказался выдать плѣнныхъ, шлюпки Блека вошли въ тунисскую гавань и сожгли весь флотъ пиратовъ. Испуганные этимъ, дей алжирскій и бей трипольскій заключили договоры съ Англійей. Король португальскій Іоаннъ IV подписалъ торговый договоръ, по которому далъ англійскимъ морякамъ и купцамъ свободу богослуженія въ Португаліи, отказывавшей въ этомъ всемъ другимъ протестантамъ. Но самымъ блестящимъ дѣломъ англійскаго флота была побѣда Блека у берега Тенериффы, близъ Санта-Круса, 20 апрѣля 1657: онъ уничтожилъ шестнадцать испанскихъ галеоновъ и привезъ въ Англію несмѣтную добычу. Это былъ послѣдній подвигъ его. Въ томъ же году онъ умеръ на своемъ кораблѣ. Побѣды его и другихъ адмираловъ сдѣлали Англію при Кромвеллѣ владычицей моря.

в) внутреннія дѣла.

Правительство, такъ успѣшно возвысившее славу и могущество Англій, состояло изъ двухъ элементовъ, парламентскаго и военнаго; большое значеніе въ немъ имѣли также юристы. Для того, чтобъ оно упрочилось, парламенту и войску было бы надобно устранять всякія ссоры между собою и примирять съ собою другія партіи. Правительство понимало это, и послѣ вустерской битвы объявило въ февралѣ 1652 амнистію всемъ тѣмъ роялистамъ, которые покорятся ему. Многіе приняли амнистію. Пока республика боролась за существованіе, разныя партіи республиканцевъ дѣйствовали согласно; но скоро начальники арміи поссорились съ парламентомъ. Еще во время междоусобной войны армія требовала радикальныхъ преобразованій

государственнаго и церковнаго устройства. Теперь самоувѣренность арміи была гораздо больше прежней; офицеры и солдаты требовали чтобы Долгій парламентъ разошелся и былъ выбранъ новый всемъ народомъ; требовали преобразованія судоустройства, удаленія всехъ порочныхъ и неблагонамѣренныхъ людей съ важныхъ мѣстъ, замѣны ихъ людьми богоугодными и чуждыми корыстолюбія, отмѣны акциза, поземельнаго налога и въ особенности десятины, папистскаго учрежденія, которымъ теперь пользуются пресвитеріане; жаловались на то, что конфискаціи и другія наказанія были произведены пристрастно. Парламентъ былъ далекъ отъ такого радикализма. Все патріоты умѣреннаго образа мыслей считали его единственной законной властью и если вожди ихъ, какъ напримѣръ Генри Венъ, ставшій по смерти Пима главнымъ руководителемъ большинства палаты общинъ, признавали необходимость парламентской реформы, то не хотѣли давать права голоса всемъ взрослымъ мужчинамъ; они желали только понизить избирательный цензъ настолько, чтобы среднее сословіе приобрѣло преобладаніе на выборахъ. Они находили надобнымъ прежде всего пополнить палату общинъ возвращеніемъ удаленныхъ изъ нея пресвитеріанъ и выборами новыхъ членовъ на вакантныя мѣста. А чтобъ избавиться отъ ига арміи, они хотѣли уменьшить составъ ея и увеличить флотъ, начальники котораго, какъ напримѣръ Блекъ и Пеннъ, держали себя въ сторонѣ отъ руководителей арміи и нерѣдко порицали ихъ насильственные дѣйствія.

Кромвелль выступилъ представителемъ арміи, противникомъ Долгаго парламента, потребовалъ, чтобы члены его назначили срокъ, въ который разойдутся, составили новыя правила выборовъ, чтобы правительственная власть была передана комитету изъ 40 членовъ, которые должны быть выбраны отчасти парламентомъ, отчасти арміей, чтобъ этому комитету было поручено и произвести реформы. Парламентъ отвергалъ нѣкоторыя изъ этихъ требованій, медлилъ принять другія, ему не хотѣлось отказаться отъ верховной власти. Ссора арміи съ нимъ усиливалась; генералы и полковники ея не хотѣли подчиняться собранію, котораго не признавали законнымъ парламентомъ, говорили Кромвеллю, что надобно разогнать силой этотъ парламентъ, который хочетъ удерживать власть безконечно. Дѣятельнѣйшими агитаторами были Лэмбертъ и Гэррисонъ. Лэмбертъ, блистательно дѣйствовавшій во всехъ сраженіяхъ, считалъ обидой себѣ то, что по смерти Эйртона не назначили его лордомъ-намѣстникомъ Ирландіи; у него не было опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, къ религіознымъ спорамъ онъ былъ равнодушенъ; онъ хотѣлъ только, чтобы господствовала въ государствѣ армія. Полковникъ Гэррисонъ, горячій анабаптистъ, мечталъ о радикальномъ преобразованіи общества по идеалу христіанскаго равенства. Кромвелль послѣ нѣ котораго колебанія согласился, что надобно разогнать парламентъ. Въ собраніи

офицеровъ было рѣшено не ждать, пока палата общинъ, занимавшаяся теперь составленіемъ избирательнаго закона, кончитъ это дѣло, произвести преобразование собственной властью, потому что Богъ, давшій имъ побѣду въ битвахъ, возложилъ на нихъ обязанность освободить народъ отъ несправедливаго правительства.

Кромвелль, 20 апрѣля (1653 года), привелъ войска къ дворцу парламента, ввелъ ихъ во дворецъ, поставилъ отрядъ въ аванзалѣ передъ заломъ палаты общинъ и вошелъ въ засѣданіе. Онъ былъ одѣтъ въ обыкновенное черное пуританское платье. Палата совѣщалась объ избирательномъ законѣ. Кромвелль сѣлъ и молчалъ, пока палата рѣшила приступить къ вотированію. Въ эту минуту онъ вдругъ всталъ и началъ рѣчь, въ которой горько выставлялъ парламенту его несправедливые поступки и говорилъ, что Богъ избралъ болѣе достойныхъ людей совершить его дѣло. Одинъ изъ членовъ палаты сказалъ, что изумляется, слыша человека, такъ много обязаннаго парламенту, говорящимъ въ такомъ тонѣ. Кромвелль раздражился, пошелъ со шпирой на головѣ черезъ залъ, топча ногой, закричалъ мушкетерамъ, чтобъ они вошли, и, обращаясь къ членамъ палаты общинъ, прокричалъ: «Вы уже не парламентъ! Вонъ отсюда! Уступите мѣсто людямъ лучше васъ!» Гэррисонъ взялъ спикера Лэнтолли за руку и повелъ съ его мѣста. Другихъ членовъ палаты гнали изъ зала солдаты; Кромвелль кричалъ ругательства своимъ прежнимъ друзьямъ, — одному: «ты пьяница!» — другому: «ты прелюбодѣй!» — третьему: «ты распутникъ!» Когда всѣ были выгнаны, онъ, указывая на золотую булаву спикера, эмблему власти, лежавшую по обыкновенію на столѣ передъ президентскимъ мѣстомъ, сказалъ: «Бросьте эту дурацкую игрушку въ кладовую, гдѣ всякій хламъ!» Онъ заперъ опустѣвшій залъ, положилъ ключъ въ карманъ, поѣхалъ въ Уайтгхолль къ собранію офицеровъ, не расхаживавшему въ ожиданіи его, и, какъ говорятъ, сказалъ имъ: «Входя въ залъ палаты, я не думалъ сдѣлать ничего такого; но когда увидѣлъ, что парламентъ продолжаетъ прясть прежнюю безконечную нитку, Духъ Божій сталъ такъ силенъ во мнѣ, что я забылъ плотскія мысли». Его слова офицерамъ или переданы неточно, или онъ лгалъ. Несомнѣнно, что онъ разогналъ парламентъ по рѣшенію, заранѣе обдуманному. Онъ съ Лэмбертомъ и Гэррисономъ поѣхалъ въ государственнй совѣтъ и объявилъ ему, что считаетъ его теперь только собраніемъ частныхъ людей, потому что парламентъ, давшій ему полномочіе, распущенъ. Брэдшо отвѣчалъ ему: «Вы ошибаетесь, если думаете, что парламентъ распущенъ. Никакая власть на землѣ кромѣ самихъ его членовъ, не можетъ распустить его». Члены совѣта увидѣли себя принужденными разойтись. Сопротивленія не было нигдѣ. Флотъ тоже подчинился Кромвеллю. Блекъ, командовавшій имъ, былъ патріотъ, не захотѣвшій пожертвовать интересами отечества своему личному чувству, и продолжалъ войну съ врагами Англіи.

Такимъ образомъ армія, уничтожившая власть короля, уничтожила и парламентъ за то, какъ говорила она, что онъ не исполнялъ своихъ обязанностей. Индепендентскія идеи восторжествовали; всѣ клерикальныя и аристократическія учрежденія были разрушены. Кромвелль, глава военной партіи, взялъ всю власть въ свои руки. Было рѣшено созвать новый парламентъ, который былъ бы дѣйствительно выраженіемъ національной воли; до окончанія выборовъ государствомъ долженъ былъ управлять военный совѣтъ, въ составъ котораго было приглашено нѣсколько юристовъ; президентомъ его былъ Кромвелль. Новое правительство озаботилось прежде всего созваніемъ новаго парламента; оно поручило конгрегаціямъ каждого графства, каждого города составить списки «благочестивыхъ людей», вѣрующихъ, враждебныхъ всякимъ похотямъ, преданныхъ дѣлу Божію; изъ этихъ списковъ выбрало оно членовъ новаго парламента. Представителей Англіи въ немъ было 139, представителей Уэльза 6, представителей Ирландіи тоже 6, Шотландіи только 4; распределеніе было сдѣлано по пропорціи податей, вносимыхъ каждой мѣстностью. Всѣхъ членовъ новаго парламента было 155; они назвали себя парламентомъ англійской республики и считали себя представителями націи. Роялисты прозвали это собраніе Бербонскимъ парламентомъ, по фамиліи лондонскаго торговца кожей Бербона, избраннаго спикеромъ. Въ этомъ названіи заключался насмѣшливый каламбуръ: фамилія Бербонъ (Barebone) значитъ по англійски «не имѣющій мяса на костяхъ», «человѣкъ, у котораго торчатъ кости», такъ что Barebone Parliament значитъ парламентъ-скелетъ. Смѣшны были и ясно характеризовали образъ мыслей членовъ этого парламента личныя имена многихъ изъ нихъ, — это были или библейскія имена, или составныя слова, обозначавшія благочестіе и святость людей, получившихъ или взявшихъ такія названія вмѣсто обыкновенныхъ англійскихъ именъ; тутъ были Іезекиили, Аввакумы, Навины, Зоровавели, Стойковѣрные, Хвалибоги (Хвалибогъ былъ самъ Бербонъ). Не довольствуясь этими личными именами, многіе присоединяли къ нимъ длинныя фразы; такъ напримѣръ Бербонъ называлъ себя «Хвалибогъ, если бы Христосъ не умеръ за насъ, мы были бы вѣчно прокляты». Народъ, смѣявшійся надъ этими прозвищами, сократилъ длинную фразу имени Бербона, оставивъ изъ нея только послѣднее слово и называлъ Бербона: «Хвалибогъ проклятый». Но если въ новомъ парламентѣ было много фанатиковъ и фантазеровъ, смѣшныхъ и сумасбродныхъ, то должно сказать, что большинство членовъ этого страннаго собранія были люди умные и разсудительные, съ развитыми политическими понятіями, серьезно стремившіеся произвести реформы, полезныя для націи, устранять общественныя бѣдствія. Они хотѣли улучшить судопроизводство, замѣнивъ длинныя и дорогія формы процесса простыми, хотѣли уничтожить судъ канцлерства, процессы въ которомъ тянулись

безъ конца; хотѣли замѣнить безчисленные, темные, устарѣлые, разнорѣчивые законы простымъ уложеніемъ, написаннымъ на англійскомъ языкѣ, такъ чтобы не было надобности изучать латинскія грамоты и юридическія формулы, хотѣли отмѣнить церковный патронатъ (право землевладѣльцевъ назначать священниковъ), такъ чтобы священники избирались общинами; по ученію конгрегационистовъ бракъ былъ только гражданскій договоръ; сообразно тому новый парламентъ хотѣлъ устранить вмѣшательство духовенства въ брачныя дѣла и поручить заключеніе законныхъ браковъ мировымъ судьямъ. Планы такихъ радикальныхъ преобразованій возбуждали неудовольствіе въ консервативныхъ сословіяхъ; отмѣну десятины многие считали нарушеніемъ правъ собственности. Но въ особенности опасно казалось то, что въ парламентѣ находится много анабаптистовъ и левеллеровъ, возстававшихъ противъ неравенства имуществъ; можно было думать, что они пріобрѣтутъ большинство, и тогда парламентъ приметъ рѣшенія, разрушающія существующій общественный порядокъ. Консерваторы боялись, что Кромвелль станетъ на сторону радикаловъ, на которыхъ онъ опирался въ борьбѣ противъ Долгаго парламента. — Онъ и теперь оставался друженъ съ людьми эксцентрическаго направленія, какъ на примѣръ съ Гэrrисономъ, но увидѣлъ, что мысли радикаловъ неосуществимы и рѣшился распустить новый парламентъ. Поводомъ къ этому было то, что парламентъ вмѣшался въ управленіе арміей, хотѣлъ уменьшить число солдатъ (и число кораблей) для облегченія налоговъ и одинъ изъ ораторовъ парламента сказалъ: «Солдаты, это янычары того Вавилона, который надобно разрушить, для установленія царства святыхъ». Эта рѣчь утвердила Кромвелля въ мысли избавиться отъ собранія, сдѣлавшагося ненавистнымъ духовенству, юристамъ, войску; ссора между партіями собранія облегчила дѣло распущенія парламента; меньшинство его почти равное числомъ большинству постановило сложить съ себя званіе депутатовъ и 12 декабря (1653 года) вручило Кромвеллю актъ отреченія. Кромвелль велѣлъ солдатамъ выгнать другихъ членовъ изъ зала засѣданій; тогда сложили съ себя званіе членовъ парламента и они. Власть снова перешла формальнымъ образомъ къ военному совѣту, постоянно сохранявшему ее фактически. Народъ смотрѣлъ на это безучастно.

Еще въ то время, какъ войско разогнало Долгій парламентъ, Кромвелль уже говорилъ о необходимости возстановить монархію, то есть выказывалъ желаніе, чтобы армія дала ему санъ короля. Но большинство начальниковъ ея было противъ этого. Теперь, когда разогнано было собраніе, которому военный совѣтъ далъ названіе парламента, генералъ Лэмбертъ предложилъ военному совѣту, совѣщавшемуся о формѣ правленія, поручить управленіе одному лицу. Онъ уже и прежде дѣлалъ это предложеніе, но оно было отвергнуто

по вліянію Гэrrисона. Теперь онъ представилъ болѣе подробный планъ правительственнаго устройства, раздѣлявшій верховную власть между арміей и собраніемъ представителей націи и поручавшій управленіе дѣлами одному лицу. Этотъ проектъ, называвшійся правительственнымъ уставомъ, *instrument of government*, говорилъ, что должно учредить общій парламентъ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, что число членовъ его будетъ четыреста; что ему будетъ принадлежать законодательная власть и установленіе налоговъ, что назначеніе на высшія должности должно быть дѣлаемо съ его согласія, что избирателями депутатовъ будутъ все взрослые люди за исключеніемъ подымавшихъ оружіе противъ республики, что исполнительная власть вручается протектору (регенту), назначенному на всю жизнь и имѣющему право назначить наслѣдника себѣ; что протекторъ долженъ будетъ править государствомъ въ согласіи съ государственнымъ совѣтомъ, что ему будетъ принадлежать верховное начальство надъ войскомъ и флотомъ, право объявлять войну и заключать миръ, и что протекторомъ не можетъ быть назначенъ никто изъ династіи Стюартовъ.

Военный совѣтъ одобрилъ этотъ проектъ и обратился къ Кромвеллю съ просьбой принять санъ лорда-протектора. Онъ согласился. Консервативныя сословія были рады этой перемѣнѣ: духовенство, юристы, землевладѣльцы и другіе богатые люди видѣли въ Кромвеллѣ своего защитника. Церемонія принятія Кромвеллемъ сана протектора была произведена 16 декабря 1654 въ Уэстминстерскомъ дворцѣ: въ присутствіи офицеровъ, членовъ лондонскаго городского управленія, многихъ членовъ государственнаго совѣта и судей, Кромвелль принялъ санъ протектора, предложенный ему Лэмбертомъ отъ имени арміи и трехъ соединенныхъ государствъ: Англіи, Ирландіи и Шотландіи, и присягнулъ соблюдать Правительственный уставъ. По окончаніи церемоніи онъ сказалъ: «Пусть моя власть будетъ продолжаться лишь пока будетъ вполне согласна съ словомъ Божиимъ, для служенія Евангелію и сохраненія правъ и собственности народа». 14 апрѣля слѣдующаго (1654) года онъ поселился въ королевскомъ апартаментѣ Уэйтголлскаго дворца. Онъ не имѣлъ королевскаго титула, но имѣлъ монархическую власть въ такомъ широкомъ объемѣ, какого не могли дать ей Стюарты при всемъ своемъ стремленіи къ абсолютизму. Титулъ лорда-протектора былъ привыченъ англичанамъ; онъ у нихъ соотвѣтствовалъ тому, что на континентѣ Европы обозначалось словомъ регентъ; люди, правившіе государствомъ въ малолѣтство королей или при устраненіи ихъ отъ власти, назывались протекторами. Большинство націи охотно подчинилось новому государственному порядку, соглашаясь съ теоріей Кромвелля, что всякая власть имѣетъ божественное происхожденіе, устанавливается самимъ Богомъ, но форма ея — дѣло людей и подлежитъ измѣненіямъ. Только твердые роялисты и фанатичные сектанты, желавшіе

преобразовать государство по своимъ мечтамъ, сторонились отъ протектора.

До открытія засѣданій новаго парламента дѣлами правилъ исключительно по своему усмотрѣнію протекторъ и государственный совѣтъ. Кромвелль скоро увидѣлъ необходимость подкрѣпить свою власть утвержденіемъ представителей націи. Парламентъ, созданный имъ, открылъ свои засѣданія 3 сентября 1654 года. Это собраніе состояло изъ депутатовъ, свободно избранныхъ; ихъ было 400; по 30 отъ Шотландіи и Ирландіи, остальные отъ Англіи. Кромвелль открылъ сессію рѣчью, въ которой предостерегалъ отъ разрушительныхъ стремленій левеллеровъ и отъ фантазій мечтателей пятаго царства, выразилъ надежду, что собраніе закончитъ время переворотовъ одобреніемъ введеннаго теперь государственнаго устройства. Но парламентъ былъ не вполне согласенъ съ его желаніемъ, объявилъ, что имѣетъ верховную власть, которой долженъ безусловно подчиниться протекторъ, хотѣлъ взять на себя высшее завѣдываніе военными силами и церковными дѣлами. Кромвелль сказалъ, что устройство, установленное военнымъ совѣтомъ и одобренное Богомъ и людьми, не можетъ быть измѣняемо, что верховная власть должна остаться въ рукахъ одного человѣка, что завѣдываніе войскомъ должно быть раздѣлено между протекторомъ и парламентомъ, что представители націи не могутъ оставлять за собою своего полномочія безсрочно, что должна быть призвана свобода совѣсти (то есть, что парламентъ не долженъ заниматься рѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ), что онъ принялъ свой санъ на этихъ условіяхъ и будетъ держаться ихъ; скорѣе положить его въ гробъ и похоронять со стыдомъ, чѣмъ заставлять отступить отъ нихъ. Онъ поставилъ солдатъ у дверей зала и предложилъ депутатамъ подписать письменное признаніе основныхъ правилъ государственнаго устройства, изложенныхъ имъ. Триста депутатовъ подписали это обязательство, остальные вышли изъ парламента, не желая признать безответственную власть, повелѣвающую арміей. Но и подписавшіе требуемое заявленіе депутаты не хотѣли безусловно принять тѣ подробности Правительственнаго устава, о которыхъ не говорилось въ подписанномъ ими обязательствѣ. Они находили, что по многимъ дѣламъ власть протектора должна быть ограничена, что парламенту принадлежитъ право надзора за религіозными обществами, не допускали власти протектора взимать налоги не утвержденные парламентомъ, говорили, что выборъ преемника ему долженъ принадлежать парламенту, не хотѣли наслѣдственности протектората въ семействѣ Кромвелля; признавая правленіе Кромвелля необходимою при настоящихъ обстоятельствахъ, они хотѣли сохранить за націей верховную власть. Кромвелль вознегодовалъ на нихъ и 22 января 1655 г. распустилъ парламентъ. По Правительственному уставу распустить его было нельзя раньше пяти мѣсяцевъ послѣ

открытія сессіи. Съ 3 сентября еще не прошло пяти мѣсяцевъ; Кромвелль объявилъ, что въ этомъ случаѣ должно считать не по календарнымъ, а по луннымъ мѣсяцамъ, по которымъ выдавалось тогда жалованье войску и флоту.

Послѣ того Кромвелль сталъ править государствомъ безъ парламента. Мы говорили, что во внѣшней политикѣ его правленіе было блистательно. Онъ послалъ въ Швецію Гуэйтлока заключить съ Христиною трактатъ, по которому плаваніе черезъ Зундъ освобождалось бы отъ пошлинъ и было бы отнято у Голландіи и Даніи преобладаніе въ восточной части Нѣмецкаго моря и на Балтійскомъ морѣ. Нидерландскій сеймъ испугался и это ускорило заключеніе мира между Нидерландской республикой и Англіей. Данія тоже согласилась на выгодныя для Англіи условія мира. Преемникъ Христины Карлъ Густавъ старался сблизиться съ Кромвеллемъ, одобрявшимъ союзъ его съ Ракоци, княземъ трансильванскимъ. Такимъ образомъ сѣверныя протестантскія государства образовали коалицію, имѣвшую силы остановить расширеніе могущества Габсбурговъ. Мазарини, какъ мы уже говорили, заключилъ союзъ съ Кромвеллемъ, изгналъ изъ Франціи Стюартовъ и роялистскихъ эмигрантовъ, отдалъ англичанамъ взятый при ихъ содѣйствіи Дюнкирхенъ. Кромвелль покровительствовалъ протестантамъ во всей Европѣ. Онъ говорилъ въ декабрѣ 1655 бранденбургскому посланнику Шлецеру: «Я убѣжденъ, что вмѣстѣ съ управленіемъ англійской республикой получилъ отъ Бога призваніе установить между протестантскими государями Европы дружбу, достойную христіанскаго имени; никогда не была она необходимѣе, чѣмъ теперь, когда кровавыя дѣла въ піемонтскихъ и швейцарскихъ долинахъ показали, чего должны ждать люди евангелическаго исповѣданія отъ папистскаго фанатизма. Лютеране ли, реформаты ли, все они имѣютъ общій интересъ». Онъ вступилъ въ сношенія съ реформатскими кантонами въ Швейцаріи; при содѣйствіи Мазарини принудилъ герцога савойскаго прекратить преслѣдованіе вальдійцевъ, дать имъ свободу вѣроисповѣданія. Голландія смирилась передъ Англіей; англійскій флотъ получилъ преобладаніе на Атлантическомъ океанѣ и въ Средиземномъ морѣ, уничтожилъ морское могущество Испаніи. Англичане стали раздѣлять съ нидерландцами и ганзейцами выгоды торговли въ восточной части Нѣмецкаго моря и на Балтійскомъ морѣ.

с) послѣдніе годы правленія Кромвелля.

Но въ самой Англіи оставались у Кромвелля противники. Роялисты, видѣвшіе въ немъ узурпатора, и непреклонные республиканцы, считавшіе его тиранномъ, смертельно ненавидѣли и старались низвергнуть его. Непрерывно возникали замыслы противъ его

жизни, происходили возстанія. Кавалеры и фанатичные сектанты находились въ тайныхъ сношеніяхъ между собой. Кромвелль усмирять внутреннихъ враговъ съ неумолимой суровостью, многихъ казнилъ, ссылая цѣлыя толпы въ рабство на сахарныя плантаціи Барбадоса. Онъ раздѣлилъ Англію на тринадцать военныхъ округовъ, начальники которыхъ, называвшіеся генералъ-майорами, имѣли почти неограниченную власть; людей, заявившихъ себя нерасположенными къ республикѣ или подозрѣваемыхъ во враждѣ къ ней, они облагали налогомъ съ дохода, простиравшимся до 10 процентовъ; строго наблюдали за соблюденіемъ пуританскаго запрещенія пьянства, другихъ пороковъ, неприличныхъ словъ; были запрещены спектакли и всѣ развлеченія, считавшіеся у пуританъ легкомысленными; въ войскѣ поддерживалась строгая дисциплина и суровая религіозность. Вся Англія имѣла видъ покоренной страны; но пользовалась спокойствіемъ, потому среднее сословіе и многіе пресвитеріане были преданы Кромвеллю. Онъ предоставлялъ свободу богослуженія всѣмъ протестантскимъ сектамъ, подчинявшимся правительству, оставилъ неотмѣненными только законы противъ католиковъ, въ которыхъ, подобно Мильтону, видѣлъ политическую партію, стремящуюся установить церковный деспотизмъ. Послѣ возстанія, поднятаго въ 1655 году приверженцами епископальной церкви, онъ запретилъ имъ публичное богослуженіе, дозволилъ собираться только въ домахъ. Онъ не стѣснялъ пресвитерій и областныхъ соборовъ пресвитеріанской церкви въ Шотландіи; но общій соборъ ея, выказавшій роялистскую тенденцію, былъ разогнанъ военной силой и было запрещено ему возобновлять засѣданія безъ разрѣшенія протектора. Анабаптистскіе фанатики дѣлали много затрудненій Кромвеллю своимъ фантазерствомъ, нарушавшимъ правила порядка. Онъ, хотя самъ прежде принадлежалъ къ индепендентамъ, наказывалъ за эти эксцентричности. Онъ сначала смотрѣлъ съ недовѣріемъ и на Общество друзей (квакеровъ), основанное Фоксомъ и начавшее въ эти годы устраивать религіозные митинги въ Лондонѣ: политическіе противники его Венъ, Лилъборнъ, Брэдшо сблизились съ этой сектой, а нѣкоторые изъ ея руководителей вовлекали ее въ свои революціонныя стремленія; но черезъ нѣсколько времени Кромвелль увидѣлъ, что масса квакеровъ думаетъ только о благочестіи и примирился съ ними. Фоксъ даже правилъ ему; онъ нерѣдко бесѣдовалъ съ этимъ новымъ пророкомъ. Онъ не считалъ надобнымъ вводить однообразіе обрядовъ, предпочиталъ свободу формъ богослуженія и ссылаясь въ этомъ на слова, влагаемыя Исаіею въ уста Божіи: «Я насадилъ въ пустынь кедры и оливы, кипарисы и платаны». Онъ говорилъ, что разныя вѣроученія — разныя деревья, насаждаемыя Богомъ. Онъ требовалъ только, чтобы всѣ признавали его правителемъ Англіи. Онъ дозволилъ жить въ Англіи евреямъ, изгнаннымъ изъ нея уже 400 лѣтъ, разрѣшилъ имъ

построить синагогу. Раввины съ востока пріѣзжали въ Кембриджъ и въ родной городъ Кромвелля Гонтингдонъ изслѣдовать родословную человѣка, ссылающагося на Ветхій заветъ, узнать, не іудейскаго ли происхожденія онъ. Но при всей своей вѣротерпимости Кромвелль не допускалъ ученій, которыя казались ему отступничествомъ отъ христіанства. Такъ думалъ онъ о соцініанствѣ. Джонъ Биддель перевелъ тогда на англійскій языкъ соцініанскія книги. Кромвелль подвергъ его преслѣдованію; цѣлые годы провелъ онъ въ темницѣ или въ изгнаніи и умеръ (по возстановленіи монархіи) въ 1662 году въ темницѣ.

Мало было людей, которые отрицали бы, что Кромвелль искусный правитель; но неограниченная власть, которую присвоилъ онъ себѣ, возбуждала во многихъ ненависть къ нему. Мы говорили, что непрерывно составлялись заговоры противъ него. Въ Голландіи былъ напечатанъ памфлетъ, доклизывавшій, что убить Кромвелля — дѣло дозволительное; онъ былъ распространенъ въ Англіи, производилъ сильное впечатлѣніе. Только благодаря чрезвычайной осторожности Кромвелль оставался цѣлъ. Въ январѣ 1657 была сдѣлана попытка взорвать пороховъ его спальню; онъ спасся отъ этого только по удивительному стеченію обстоятельствъ. Сексби и Синдеркомъ были казнены за этотъ умыселъ, о которомъ, какъ говорятъ, знали Карлъ II и его приближенные. Спасеніе протектора было отпраздновано торжествами; но оппозиція осталась непримирима. Венъ, Брэдшо, Молло, Гэррисонъ, бывшіе прежде друзьями, негодовали на его самовластіе, желали возстановить верховную власть парламента, прекратить деспотизмъ арміи; Кромвелль отнялъ у нихъ должности, иногда сажалъ ихъ въ темницы, въпрочемъ, каждый разъ скоро освобождалъ.

Обыкновенные доходы были недостаточны на покрытіе издержекъ войны съ Испаніей; Кромвеллю необходимо было созвать парламентъ. Большинство депутатовъ принадлежало къ оппозиціи; Кромвелль, ссылаясь на данное ему Правительственнымъ уставомъ право разсматривать, достойны ли избранные народомъ быть членами палаты общинъ, исключилъ изъ нея болѣе 100 депутатовъ; это было сдѣлано опять военной силой. Такимъ образомъ большинство въ палатѣ было доставлено сторонникамъ правительства. Кромвелль открылъ засѣданія парламента 17 сентября 1656 года рѣчью, въ которой убѣждалъ собраніе дѣйствовать единодушно и богобоязненно, чтобы изъ-за мелкихъ несогласій не были забываемы великіе національные интересы, съ которыми совпадаютъ его собственные, потому что народъ сдѣлалъ его правителемъ государства для заботы о дѣлѣ божіемъ, а не о личной выгодѣ его. Онъ заключилъ рѣчь декламированіемъ псалма «Великъ Господь и всехваленъ во градѣ Бога нашего», — этотъ псаломъ, 46-й по западному, 47-й по восточному счету, говорить о побѣдѣ надъ царями, о томъ, что они «смутились и обра-

тились въ бѣгство» и о неизмѣнности покровительства Божія Сіону, подъ которымъ понималась въ данномъ случаѣ власть Кромвелля. Парламентъ былъ недоволенъ военнымъ характеромъ управления, самовластіемъ генералъ-майоровъ, но большинство всетаки считало необходимою поддерживать Кромвелля, дало ему 400.000 фунтовъ на испанскую войну, и когда оппозиція заговорила о преобразованіи государственнаго устройства, оно высказалось за сохраненіе полновластія протектора. Обстоятельства были такія, что казалось надобнымъ оставить распоряженіе дѣлами въ рукахъ одного человѣка: Карлъ II при помощи мадридскаго и брюссельскаго правительствъ, по соглашенію съ роялистами, католиками и даже анабаптистами, готовился сдѣлать новое вторженіе въ Англію; носились слухи о заговорахъ. При такомъ тревожномъ положеніи представлялось опасностью то, что не было опредѣлено, кто получитъ власть въ случаѣ смерти Кромвелля; потому явилась мысль возстановить прежнія основанія государственнаго порядка, дать протектору право назначенія преемника и организовать палату пэровъ. Лэмбертъ, составитель акта, по которому было устроено управленіе, и другіе вожди военной партіи горячо возставали противъ этого проекта, но тѣмъ больше правился онъ среднему сословію и всѣмъ людямъ, желавшимъ спокойствія. Агенты Кромвелля говорили, что надобно дать ему титулъ короля, согласный съ законами, между тѣмъ какъ титулъ протектора возбуждаетъ мысль объ узурпаціи. Военная партія употребляла всевозможныя усилія для сохраненія существующаго порядка. Лэмбертъ требовалъ отъ Кромвелля, чтобы онъ распустилъ парламентъ; но проектъ возстановленія королевскаго титула и палаты пэровъ явился Кромвеллю. Парламентъ 25 марта (1657 года) рѣшилъ просить протектора, чтобы онъ принялъ титулъ короля англійскаго, шотландскаго и ирландскаго; депутація, имѣвшая во главѣ своей спикера, передала ему это постановленіе; онъ сказалъ, что дастъ отвѣтъ черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ обдумаетъ, согласно ль это дѣло съ волей Божіей и собственной его совѣстью. Должно было полагать, что онъ приметъ предложеніе. Комитетъ, составленный парламентомъ изъ юристовъ и другихъ уважаемыхъ людей, изложилъ основанія, по которымъ протекторъ долженъ принять корону, сообщилъ Кромвеллю этотъ результатъ своихъ совѣщаній, объяснилъ ему, что законность всѣхъ властей обусловливается королевскимъ титуломъ правителя, раздающаго должности. Кромвелль колебался, излагалъ депутатамъ соображенія, ведущія къ отказу отъ королевскаго титула, говорилъ, что важнѣйшая задача его возстановить порядокъ и онъ хочетъ исполнять свое призваніе какъ коннетабль (главнокомандующій), а не какъ король; что, правда, онъ обязанъ повиноваться парламенту, но что многіе хорошіе люди ненавидятъ королевскій титулъ и должно принять въ расчетъ ихъ мнѣніе. Всѣ разго-

воры Кромвелля показывали, что ему хотѣлось бы принять королевскій титулъ, но его удерживаетъ мысль объ опасностяхъ, какимъ подвергъ бы его этотъ санъ. Въ интимныхъ разговорахъ съ вождями военной партіи онъ старался отклонить ихъ отъ сопротивленія его желанію. Но они остались тверды и 8 мая подали парламенту прошеніе, въ которомъ рѣзко порицали людей, убѣждающихъ протектора принять королевскій титулъ съ намѣреніемъ погубить его этимъ и возратить націю въ прежнее рабство. Кромвелль не отважился поссориться съ арміей, подавилъ въ себѣ честолюбіе, устоялъ противъ желанія своего семейства и отвѣчалъ отказомъ на предложеніе королевскаго титула. Было ль это ошибкой, трудно сказать. Макле полагаетъ, что если бы Кромвелль принялъ королевскій титулъ, то очень многіе консерваторы стали бы усердными защитниками его, государство успокоилось бы и династія, которую основалъ бы онъ, упрочилась бы. Но Кромвелль удовольствовался тѣмъ, чтобы ему было дано право назначить преемника. Въ сущности это и было возстановленіемъ наслѣдственной монархіи. Республиканцы радовались, что онъ удержался отъ принятія королевскаго титула; Милтонъ писалъ, обращаясь къ нему: «Освободитель отечества, расширитель его свободы, хранитель его, ты не можешь принять титула болѣе важнаго и возвышеннаго, превзошедши своими заслугами не только дѣла нашихъ королей, но и подвиги героевъ нашихъ преданій». Иностранцы короли оказывали Кромвеллю такія почести какъ равному имъ; графъ Уорвикъ, виконтъ Фоконбергъ считали за честь себя породниться съ нимъ. Онъ далъ освященіе своей власти торжественнымъ обрядомъ, устроеннымъ 26 іюня 1657 въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ. Извѣстіе о побѣдѣ Блека надъ испанскимъ флотомъ близъ Тенериффы увеличило блескъ этого торжества.

Но по прежнему трудно было протектору защищаться отъ многочисленныхъ враговъ. Карлъ II, жившій теперь въ Брюгге, велъ дѣятельныя сношенія съ роялистами и анабаптистами, подготавливая возстаніе. При открытіи новой сессіи парламента 20 января 1658 г. были возвращены мѣста тѣмъ исключеннымъ депутатамъ, которые согласились принести установленную присягу вѣрности протектору и существующему государственному устройству. Съ ихъ появленіемъ въ палатѣ оппозиція усилилась. По Правительственному уставу протекторъ имѣлъ право учредить новую палату пэровъ. Онъ учредилъ ее теперь, но вельможи отказались вступить въ палату, назначеніе въ которую зависитъ отъ него; потому онъ принужденъ былъ составить ее изъ своихъ родственниковъ, юристовъ и начальниковъ арміи. Палата общинъ возстала противъ учрежденія палаты пэровъ. Оппозиція говорила, что представители націи поклялись быть вѣрными «государственному устройству безъ короля и палаты пэровъ», не могутъ потерпѣть новой палаты пэровъ, члены которой далеко усту-

пають прежнімъ перамъ знатністю рода и богатствомъ; народъ жертвовалъ имуществомъ и кровью для того, чтобы давать себѣ законъ по собственной волѣ; нельзя допустить того, чтобы было поставлено надъ народомъ новое привилегированное сословіе. Гэслери не принялъ предложеннаго ему сана пэра, остался въ палатѣ общинъ. Кромвелль говорилъ ей, что единодушіе необходимо при угрожающей опасности нападенія иноземцевъ, которые найдутъ себѣ союзниковъ въ приверженцахъ епископальной церкви, роялистахъ, политическихъ и религіозныхъ фанатикахъ, увѣрялъ, что не должно опасаться злоупотребленій власти, потому что онъ въ прошломъ году далъ присягу соблюдать Правительственный уставъ. Но оппозиція не вѣрила ему и не хотѣла отказаться отъ того принципа, что власть парламента выше власти протектора. Кромвелль раздражился, пріѣхалъ 4 февраля 1658 г. во дворецъ парламента, пригласилъ палату общинъ въ залъ палаты пэровъ, сказалъ рѣчь, наполненную горькими упреками за то, что парламентъ въ такое опасное время занимается мелочными спорами, объявилъ, что распускаетъ его и кончилъ восклицаніемъ: «Богъ пусть будетъ судьей между мной и вами». Политическія ссоры проникли даже въ его семейство: Десберо, его своякъ, и Флитвудъ, зять его, держались порицавшей его самовластіе анабаптистской части войска, а его любимая дочь Елизавета, вышедшая за лорда Клеполя, была роялистка. Она занемогла и въ мрачныхъ грѣзахъ предвѣщала мщеніе божіе за кровь короля. Смерть ея тяжело подѣйствовала на разстроенное здоровье Кромвелля; сопротивление прежнихъ друзей желанію его стать королемъ, заговоры враговъ содѣйствовали увеличенію душевныхъ волненій, ослаблявшихъ его физическія силы. Верховный судъ и отрядъ тѣлохранителей заботливо охраняли жизнь протектора. Подозрительные люди были масками запираемы въ темницы, но замыслы убить протектора постоянно возобновлялись; къ тревогамъ, происходившимъ отъ опасенія за свою жизнь, присоединилось у него, какъ мы говорили, огорченіе отъ неудачи плана стать королемъ. Мучили Кромвелля и сомнѣнія, были ли нужны тѣ жестокости, какія были сдѣланы имъ. Нравственные страданія изнурили его организмъ, ослабленный лихорадкой, давно мучившей его; пароксизмы ея становились все тяжелѣе. Больнаго перевезли изъ Гэмптонкорта въ Уэйтголль и онъ умеръ тамъ 3 сентября 1658 г., въ годовщину своихъ побѣдъ при Донберѣ и Вустерѣ. Онъ умеръ съ увѣренностью, что находится въ благодати Божіей. Но немногіе раздѣляли это мнѣніе; народъ говорилъ, что душа этого страшнаго чловѣка, при шумѣ бури, бушевавшей въ часъ его смерти, унесена злыми духами въ адъ.

Похороны умершаго протектора были великолѣпны. Силу его ума и воли признавали даже люди, негодовавшіе на интриги и злодѣйства, которыми шелъ онъ къ власти. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ силы

государства находились въ его распоряженіи. Но онъ заботился не только о своихъ личныхъ интересахъ, хотѣлъ основать такое устройство, въ которомъ протестантская свобода совѣсти соединялась бы съ національнымъ величіемъ и съ формами управленія, принадлежащими періоду прежней неограниченной власти королей. Въ началѣ своей общественной дѣятельности онъ защищалъ права націи противъ стремленія короля къ абсолютизму; сдѣлавшись лордомъ-протекторомъ, онъ сталъ охранять общественный порядокъ противъ разрушительныхъ тенденцій радикаловъ и мечтателей. Ему не удалось одолѣть сопротивленіе своихъ прежнихъ друзей возстановленію королевскаго сана. Онъ до конца жизни принужденъ былъ дѣйствовать насиліемъ и произволомъ, такъ что его администрація не могла принять законнаго характера. Это раздражало его. Современники и ближайшія поколѣнія потомства дѣлились на двѣ партіи въ своихъ сужденіяхъ о Кромвеллѣ; большинство націи считало его лицемѣромъ, царевубійцей, узурпаторомъ, тиранномъ, выставяло всю его жизнь, какъ рядъ преступленій и жестокостей. Впослѣдствіи получило перевѣсъ другое мнѣніе, считавшее его однимъ изъ величайшихъ людей во всей исторіи чловѣчества, говорившее, что онъ положилъ тѣ основанія, на которыхъ создано свободное государственное устройство Великобританіи. Держащіеся этого мнѣнія не находятъ лицемѣрія въ религіозномъ тонѣ рѣчей Кромвелля, вѣрятъ, что набожность его была искренняя, что онъ дѣйствительно считалъ свои мысли внушеніями Божіими. Онъ говорилъ о себѣ, что его ведетъ впередъ чудесная сила, что онъ не дѣлаетъ ничего, не испросивъ отъ Бога просвѣтленія своему уму. Протестантскіе историки превозносятъ его за то, что онъ былъ защитникомъ протестантства въ эпоху, когда Габсбурги и французское правительство хотѣли возстановить господство католичества во всей Европѣ. Реставрація уничтожила реформы произведенныя Кромвеллемъ, но іерархическія тенденціи возстановленной ими Высокой церкви уже не приобрѣли прежней силы. Кромвелль покорилъ Ирландію, присоединилъ къ Англіи Шотландію, чего не могли достичь Стюарты, создалъ сильный флотъ, сдѣлалъ могущественнымъ государствомъ Англію, утратившую при Стюартахъ вліяніе на ходъ дѣлъ въ Европѣ.

2. Анархія.

а) БОРЬБА ПАРТІЙ.

Кромвелль желѣзной рукой подавлялъ партіи, принуждалъ ихъ повиноваться правительству. Смерть его ободрила ихъ, каждая надѣялась пріобрѣсти господство. Сначала казалось, что удержится наслѣдственность протектората. Манифестъ государственнаго совѣта передалъ санъ протектора старшему сыну Кромвелля, Ричарду, котораго назначилъ протекторъ передъ смертью своимъ наслѣдникомъ. Но Ричардъ, человекъ вялаго характера, былъ не способенъ управлять государствомъ въ бурное время; онъ не былъ воинъ и армія не имѣла расположенія къ нему; скорѣе могъ бы получить ея поддержку Генри, второй сынъ Кромвелля, выказавшій себя храбрымъ генераломъ и бывшій при смерти отца лордомъ-намѣстникомъ ирландскимъ. Полковники (какъ назывались не только полковые командиры, но и тѣ начальники, которые называются нынѣ бригадными, дивизионными генералами) не хотѣли, чтобы Ричардъ, юристъ, никогда не служившій въ войскѣ и не знавшій военнаго дѣла, былъ главнокомандующимъ арміи. Они потребовали, чтобы санъ главнокомандующаго былъ отдѣленъ отъ сана протектора, чтобы въ государственнѣйшій совѣтъ были принимаемы только люди благочестивые (то есть, люди ихъ партіи) и чтобы произведены были церковныя и политическія реформы, которыхъ требовала армія до упроченія власти Кромвелля. Руководителями полковниковъ были Лэмбертъ, старшій начальникъ арміи послѣ протектора, имѣвшій титулъ генерала, считавшій себя достойнымъ занять мѣсто Кромвелля, и Флитвудъ, мужъ сестры Ричарда, представитель религіозныхъ фанатиковъ арміи. Ричардъ отвѣчалъ, что безъ верховнаго начальства надъ войскомъ протекторатъ былъ бы безсиленъ и рушился бы; Генри поддерживалъ брата. Но Флитвудъ, желавшій стать главнокомандующимъ, и Десборо, свекръ покойнаго протектора, возстановляли армію противъ Ричарда.

Чтобы пріобрѣсти себѣ опору противъ дерзости арміи и разрушительныхъ тенденцій радикаловъ, Ричардъ, по совѣту Торло (Thurlow), Гуэйтлока, Сентъ-Джона, бывшихъ довѣренными совѣтниками его отца, рѣшился созвать парламентъ и повелѣлъ произвести выборы по прежнимъ законамъ, такъ что вновь получили право имѣть своихъ особыхъ депутатовъ маленькіе города, бывшіе при его отцѣ присоединенными къ сосѣднимъ большимъ избирательнымъ округамъ; они находились въ зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, потому должно было надѣяться, что ихъ депутатами будутъ люди консервативнаго образа мыслей. Эта цѣль была достигнута; рассматри-

вая списки новыхъ депутатовъ, государственный совѣтъ нашелъ, что между ними много людей, преданныхъ правительству; въ особенности ирландскіе и шотландскіе депутаты, которыхъ было по тридцати человекъ, показались государственному совѣту всѣ шестьдесятъ «такими хорошими, какъ будто выбралъ ихъ самъ онъ». Протекторъ открылъ сессію парламента 27 января 1659 рѣчью, говорившей, что онъ намѣренъ править дѣлами въ духѣ своего отца, великаго умиротворителя, и надѣется, что парламентъ будетъ помогать ему въ этомъ своими совѣтами. Но скоро получили преобладаніе въ палатѣ общинъ старые бойцы за республику Венъ, Гэслери, Брэдшо, Скоттъ, Лодло. Палата общинъ рѣшила рассмотреть, по какому праву верховная власть принята на себя Ричардомъ; благодаря вѣрности большинства былъ признанъ какъ совершившійся фактъ переходъ сана протектора отъ отца къ старшему сыну. Ричардъ Кромвелль былъ утвержденъ въ этомъ санѣ; но парламентъ не хотѣлъ признать имѣющимъ силу закона Правительственный уставъ, которымъ дана была покойному протектору диктаторская власть. Палата общинъ требовала уваженія къ верховной власти народа и общественному мнѣнію; палата пэровъ была безсильна передъ волей палаты общинъ. Многие изъ республиканцевъ не захотѣли присутствовать при открытіи сессіи, происходившемъ по обыкновенію въ залѣ засѣданій палаты пэровъ, которой они не признавали. По утвержденіи Ричарда протекторомъ, въ палатѣ общинъ начались совѣщанія о томъ, что палата пэровъ, члены которой назначены прежнимъ протекторомъ или нынѣшнимъ его преемникомъ, не имѣетъ права отвергать постановленія палаты общинъ. Эти совѣщанія еще продолжались, когда рушилось парламентское устройство.

Войска самовольно собрались близъ Лондона и офицеры отъ имени арміи подали ремонстрацію противъ предоставленія власти надъ войскомъ новому протектору. Они говорили, что Оливеръ Кромвелль, прежде чѣмъ сталъ протекторомъ, былъ главнокомандующимъ арміи; изъ уваженія къ личнымъ качествамъ этого великаго человека было допущено соединеніе власти главнокомандующаго съ властью верховнаго гражданскаго правителя; но теперь это должно быть отмѣнено, потому что соединеніе военной власти съ гражданской въ рукахъ одного человека повредитъ свободѣ народа, за которую армія проливала свою кровь; они требовали, чтобы арміи было дано право самой выбирать главнокомандующаго и его помощниковъ; достаточно будетъ того, чтобы протектору и парламенту было предоставлено право утверждать главнокомандующаго, избраннаго арміей. Нежеланіе палаты общинъ признать палату пэровъ, членами которой были многіе старшіе офицеры, увеличивало непріязнь вождей войска къ собранію депутатовъ націи. Совѣщанія палаты общинъ о ремонстраціи арміи были бурны. Многие депутаты, раздѣлявшіе образъ мыслей

руководителей войска, говорили, что должно принять ее; но большинство, твердо стоявшее за права парламента, рѣшило 21 апрѣля, что собранія офицеровъ безъ разрѣшенія протектора и парламента противозаконны, что армія подвластна протектору и парламенту. Въ тотъ же вечеръ Десборо отправился съ депутаціей арміи въ Уэйтголлъ и потребовалъ, чтобы протекторъ немедленно распустилъ парламентъ. Ричардъ пытался привлечь на свою сторону нѣкоторыя части арміи, но вся она была единодушна; даже тѣлохранители покинули протектора; онъ подписалъ декретъ о распущеніи парламента и отдалъ его депутаціи войска. На слѣдующее утро солдаты не пустили членовъ палаты общинъ въ залъ ихъ засѣданій. Армія стала совѣщаться, сохранить ли санъ протектора. Полковники были расположены терпѣть Ричарда какъ гражданскаго правителя, подъ условіемъ, чтобы онъ слушался ихъ. Но младшіе офицеры и солдаты, которымъ не нравилась умѣренность его политическихъ и религіозныхъ правилъ, рѣшили совершенно отмѣнить санъ протектора, чтобы государство было республикой на самомъ дѣлѣ, а не по названію только. Старшіе офицеры уступили имъ; представители арміи и члены палаты общинъ, раздѣлявшіе ихъ образъ мысли, стали совѣщаться о томъ, какъ поступить и рѣшили созвать Долгій парламентъ въ томъ составѣ, какой имѣлъ онъ по исключеніи изъ него консервативныхъ членовъ въ 1648 году. Онъ собрался 7 мая 1659 года; число его членовъ въ первомъ засѣданіи было только 43; спикеромъ сталъ по прежнему Лентолъ. Всѣ понимали, что это маленькое собраніе пресвитеріанъ и индепендентовъ будетъ только орудіемъ руководителей арміи. Оно объявило, что будетъ введена форма правленія безъ сосредоточенія власти въ рукахъ одного человѣка и безъ палаты пэровъ, будетъ обезпечена не только собственность, но и свобода каждаго, какъ человѣка и христіанина. Для управленія дѣлами парламентъ учредилъ Комитетъ охраненія безопасности, состоящій изъ восьми генераловъ и трехъ вождей республиканской партіи: Вена, Гэслери и Скотта. По согласію съ этимъ комитетомъ долженъ былъ управлять дѣлами государственный совѣтъ, состоящій изъ 16 военныхъ и 15 гражданскихъ членовъ; въ числѣ гражданскихъ находились Брэдшо и Гуэйтлокъ. Государственная печать протектора была замѣнена прежней республиканской. Армія одобрила это устройство, назначила своимъ главнокомандующимъ Флитвуда, обнародовала 12 мая (1659 года) манифестъ, въ которомъ обѣщала, что будутъ произведены всѣ реформы, какихъ требовали ея политическіе руководители и приверженцы религіозной свободы. Совѣтники покойнаго протектора и юристы, поддерживавшіе его, были лишены должностей. Ричардъ отказался отъ сапа, для котораго не годился по недостатку дарованій и энергіи; ему была дана большая пенсія. Опасались, что не захочетъ покориться лондонскимъ рѣшеніямъ второй сынъ покойнаго протектора

Генри, бывший лордомъ-намѣстникомъ Ирландіи; но и онъ покорился, сложилъ съ себя должность. Онъ умеръ въ 1674 году, забытый всѣми. Ричардъ тоже навсегда утратилъ значеніе, хотя при переворотахъ слѣдующихъ мѣсяцевъ бывали у нѣкоторыхъ агитаторовъ мысли возстановить его протекторатъ. Скоро было узвано, что онъ (какъ и его братъ Генри) вошелъ въ сношенія съ роялистами; за это отняли у него пенсію; онъ запутался въ долги, бѣжалъ изъ Англіи отъ кредиторовъ; черезъ нѣсколько времени возвратился и послѣ того прожилъ больше пятидесяти лѣтъ. (Онъ умеръ въ 1712 году).

Армія хотѣла, чтобы парламентъ повиновался ей; онъ не могъ унизиться до этого; потому разрывъ былъ неизбѣженъ. Парламентъ желалъ уклониться отъ ссоры, увеличилъ жалованье солдатамъ, давалъ имъ награды, установилъ законы, соотвѣтствовавшіе желаніямъ арміи; но всего этого было недостаточно для нея. Она требовала, чтобы дана была актомъ парламента амнистія всѣмъ за все прошлое. Парламентъ находилъ это неблагоразумнымъ, тянулъ дѣло, принималъ рѣшенія, неудовлетворявшія армію. Лэмбертъ уже говорилъ: «Не вижу, почему офицеры должны зависѣть отъ милости парламента, а не онъ зависѣть отъ милости арміи». Возникали планы новыхъ передѣлокъ формы правленія, а между тѣмъ пресвитеріане, исключенные изъ палаты общинъ въ 1648 году, ободрившись, потребовали себѣ участія въ засѣданіяхъ. Такимъ образомъ, республиканцы ссорились между собой. Роялисты подготовляли возстановленіе монархіи; мысль о необходимости ея распространялась. Наиболѣе горячіе люди между роялистами составили замыселъ призвать Карла II, жившаго въ Нидерландахъ, задумывали овладѣть нѣсколькими крѣпостями и гаванями, сдѣлать ихъ опорными пунктами для возстанія, надѣялись, что Карлъ поспѣшитъ приплыть съ войскомъ. Переговоры Франціи съ Испаніей о мирѣ приближались тогда къ концу; по прекращеніи войны брюссельское правительство могло дать войско Карлу; Мазарини и Тюреннъ высказывали расположеніе помогать Карлу. Англійскіе роялисты рассчитывали, что у Карла будетъ большое войско; не сомнѣвались въ томъ, что при его появленіи въ Англіи масса населенія приметъ его сторону. Но дѣло разстроилось. Неопредѣленные слухи, потомъ доносы измѣнниковъ и перехваченныя письма показали правительству существованіе заговора, раскрыли многія подробности его; армія прекратила свою ссору съ парламентомъ. Офицеры и государственный совѣтъ быстро приняли мѣры для устраненія опасности. Правительство призвало къ оружію милицію по всей Англіи; отряды регулярнаго войска были присоединены къ ея отрядамъ. Конгрегационисты, знавшіе, что при возстановленіи монархіи подвергнутся гоненію, стали усердными защитниками существующаго порядка, сформировали отряды подъ начальствомъ Вена

и Скиппиона. Попытки возстанія роялистовъ были подавлены; предводители ихъ попали въ плѣнь или бѣжали. Въ графствахъ честерскомъ и ланкѣстерскомъ войско роялистовъ было многочисленнѣе республиканскаго; но Лэмбертъ 9 (по новому стилю 19) августа разбилъ ихъ; Джорджъ Бутъ (Booth), командовавший ими, бѣжалъ, переодевшись въ женское платье, но былъ схваченъ и посаженъ въ темницу. Лордъ Мордонъ, очень усердный роялистъ, постоянно переписывавшійся съ Карломъ, успѣлъ уѣхать къ нему. Адмиралъ Монтегю, который въ случаѣ успѣшнаго начала возстанія принялъ бы сторону короля, остался вѣренъ республикѣ. Французское и испанское правительство, заключившія между собою миръ, отказали въ поддержкѣ Карлу; Кондэ, желавшій помогать ему, долженъ былъ, возвращаясь во Францію, распустить свое войско. Республиканское правительство казалось окрѣпшимъ. Въ союзѣ съ Нидерландской конфедераціей оно предписало шведамъ и датчанамъ условія мира между ними. Парламентъ 3 сентября постановилъ, что всѣ должны давать присягу, обязывающую не признавать ни правъ Стюартовъ на престолъ, ни палаты пэровъ.

Но немедленно по усмирении роялистовъ армія возобновила ссору съ парламентомъ. Лэмбертъ и Флитвудъ, репутація которыхъ возвысилась побѣдами надъ роялистами, не хотѣли признавать власти парламента и государственнаго совѣта надъ арміей, требовали, чтобы войску была предоставлена свобода выбирать своихъ начальниковъ, и чтобы имъ было дано участіе въ управленіи государствомъ. Парламентъ рѣшилъ прекратить самовластіе арміи. Особенно сильно говорилъ о необходимости этого Гэслери, суровый республиканецъ, напоминавшій парламенту, что онъ представитель верховной власти народа и армія обязана повиноваться ему. Прошеніе отъ имени общества офицеровъ, требовавшее свободы выбора начальниковъ, было отвергнуто парламентомъ. Было постановлено, что должны считаться имѣющими законную силу только тѣ изъ распоряженій, сдѣланныхъ по насильственному распусненіи Долгаго парламента, которыя были утверждены засѣдавшими послѣ того собраніями представителей народа. Этимъ отнималась сила у всѣхъ распоряженій Кромвелля, сдѣланныхъ безъ согласія парламентовъ. Нѣкоторые изъ начальниковъ арміи, въ томъ числѣ Монкъ, главнокомандующій англійскими войсками въ Шотландіи, и Лодло, главнокомандующій ими въ Ирландіи, заявляли свое согласіе съ принципомъ, что верховная власть принадлежитъ парламенту. Ободренное этимъ большинство парламента, имѣвшее своимъ вождемъ Гэслери, отставило Лэмберта, Десборо и семь другихъ начальниковъ войска отъ должностей, ограничило власть главнокомандующаго англійской арміей Флитвуда, учредивъ при немъ парламентскій комитетъ, и установило такой порядокъ взиманія налоговъ, что армія утратила возможность получать безъ разрѣшенія парламента свое жалованье.

Лэмбертъ созвалъ представителей арміи; офицеры и солдаты объявили, что готовы умереть за него; онъ повелъ войско на Лондонъ, вступилъ въ городъ 12 октября, занялъ войсками Уэстминстерскій дворецъ, не допустилъ лондонскую милицію собраться; отрядъ, находившійся подъ непосредственной властью парламента и охранявшій его, присоединился къ войску, которое привелъ Лэмбертъ; даже тѣ полковники, на которыхъ рассчитывали Гэслери и его политическіе друзья, увлеклись духомъ товарищества, перешли на сторону арміи. Утромъ на другой день (13 октября) солдаты стали у зала засѣданій парламента и непустили туда ни одного члена, ни даже самого спикера Лентолля. Этимъ насиліемъ начальники арміи захватили верховную власть. Флитвудъ и Лэмбертъ стали господами Англіи. Но Флитвудъ былъ человѣкъ ограниченаго ума и слабаго характера, заслужившій уваженіе войска только своимъ религіознымъ фанатизмомъ. Лэмбертъ кромѣ того, что былъ храбрый воинъ, выказалъ себя хорошимъ гражданскимъ правителемъ. Неизмѣнный защитникъ самостоятельности арміи, онъ сталъ самымъ любимымъ начальникомъ ея. Онъ и Флитвудъ созвали совѣтъ представителей арміи, чтобы установить новую форму правленія. Это собраніе объявило не имѣющими силы послѣднія рѣшенія разогнаннаго парламента, распустило государственный совѣтъ, назначило для управленія государствомъ комиссію охраненія безопасности, состоявшую изъ тринадцати вліятельнѣйшихъ начальниковъ арміи, въ числѣ которыхъ находились Лэмбертъ, Флитвудъ, Десборо, Лодло и изъ десяти гражданскихъ членовъ, въ числѣ которыхъ находились Генри Вейъ и Гуэйтлокъ, назначенный хранителемъ печати. Брэдшо, президентъ государственнаго совѣта, былъ въ это время смертельно боленъ; собравъ послѣднія силы, онъ протестовалъ противъ насильственныхъ дѣйствій арміи. Правительственная комиссія назначила комитетъ для составленія новой республиканской конституціи.

Возникло множество проектовъ государственнаго устройства по образцамъ греческой и римской древности, по Священному Писанію, по законамъ разума, по мечтамъ фантазіи. Индепенденты, анабаптисты, люди пятаго царства, квакеры мечтали осуществить свои теоріи. Люди либеральныхъ понятій, воспитавшіеся на древнихъ писателяхъ, требовали свободы вѣроисповѣданій. Всѣ планы были проникнуты непріязнью къ роялизму и епископальной церкви, а между тѣмъ ужъ близко было возстановленіе этихъ учрежденій.

*) М О Н К Ъ.

Всѣ понимали, что разстроенное республиканское правленіе не продержится долго: при недавнемъ роялистскомъ возстаніи обнаружилось, что масса націи недовольна владычествомъ арміи и мало-

численного парламента, состоящаго исключительно изъ друзей ея, желаетъ возстановленія королевской власти, считая ее необходимой для прекращенія безпорядковъ. Самъ Лэмбертъ, разыгрывавшій роль горячаго республиканца, задумывалъ возстановить Стюартовъ. При посредничествѣ бѣжавшаго изъ Англіи Мордонта велись переговоры о женитьбѣ принца Йоркскаго на его дочери. Честолюбецъ былъ обольщенъ этимъ расчетомъ и обѣщанными ему почестями. Но переворотъ былъ произведенъ не имъ, а Джорджемъ Монкомъ, покорившимъ, какъ мы говорили, всю Шотландію и ужъ восемь лѣтъ спокойно правившимъ ею. Монкъ не принималъ участія въ борьбѣ партій, вѣрно служилъ Кромвелю, имѣвшему полное довѣріе къ нему, оставался до конца вѣренъ и Ричарду. Но когда армія возстала противъ парламента и Флитвудъ заявилъ притязаніе стать правителемъ Англіи, Ирландіи, Шотландіи, Монкъ перешелъ на сторону гражданскаго правительства и сталъ говорить, что должна быть верховная власть, которой армія обязана повиноваться. Желѣзной дисциплиной онъ приучилъ своихъ солдатъ къ безусловному исполненію его приказаній, удалилъ изъ войска всѣхъ офицеровъ радикальнаго образа мыслей, потому что они были расположены къ Флитвуду; человекъ расчетливый, съ молодости занимавшійся военнымъ дѣломъ, не имѣвшій никакихъ религіозныхъ или политическихъ идеаловъ, не разъ переходившій изъ одного лагеря въ другой, Монкъ рѣшился теперь покинуть республиканцевъ, возстановить монархію, и вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ приближенныхъ Карла, но скрывалъ свое намѣреніе, чтобы не поднялись противъ него республиканскіе агитаторы и не отклонили его войска отъ повиновенія ему. Лэмбертъ сталъ подозрѣвать враждебные замыслы въ Монкѣ, принявшемъ сторону парламента и пресвитеріанъ, пошелъ съ отрядомъ войска на сѣверъ, въ Йоркъ и потомъ въ Ньюкесль. Монкъ подвинулъ свои войска къ англійской границѣ. Такимъ образомъ арміи враждебныхъ одинъ другому главнокомандующихъ стояли близко одна къ другой, но довольно долго оба они уклонялись отъ сраженій.

Монкъ своимъ заявленіемъ въ пользу пресвитеріанъ и парламента пріобрѣлъ сочувствіе шотландцевъ. Созванный имъ шотландскій конвентъ (какъ назывались собранія, имѣвшія права парламента, но сошедшія не по призыву короля) далъ ему довольно большую сумму на содержаніе арміи; а Лэмбертъ, не имѣя денегъ, принужденъ былъ содержать свое войско незаконными палочками, увеличивавшими неприязнь народа къ владычеству арміи. Дворянство (gentry) графства йоркскаго собралось подъ начальствомъ Ферфакса для сопротивленія поборамъ войска. То же самое было сдѣлано въ Портсмутѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. По всей Англіи слышалось требованіе, чтобы возвращена была власть парламенту. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было принято рѣшеніе не платить налоговъ, не установленныхъ парламентомъ. Правительство видѣло себя въ опасномъ положеніи, назначило 2 декабря такъ называемый у англичанъ день пока-

анія и молитвы, для испрошенія отъ Бога милости, чтобы не рушился установленный порядокъ. Та часть арміи, которая стояла въ Лондонѣ и его окрестностяхъ, поняла необходимость законной власти; полковники и депутаты созвать собрались 24 декабря въ Лондонѣ, рѣшили примириться съ парламентомъ, отправились къ бывшему спикеру Лентоллю (жившему въ Лондонѣ) и попросили его созвать Долгій парламентъ въ томъ составѣ, какой имѣлъ онъ по изгнаніи изъ него депутатовъ умѣренной партіи. Тѣ члены парламента, которые находились въ Лондонѣ, возобновили 26 декабря свои засѣданія. Скоро пріѣхалъ Гэслери изъ Портсмута, гдѣ произошла такая же перемѣна въ мысляхъ войска. Онъ сдѣлался предсѣдателемъ новаго государственнаго совѣта, назначеннаго парламентомъ. Армія признала, что должна повиноваться гражданской власти.

Эта перемѣна произошла безъ участія Лэмберта и Флитвуда, не рѣшившихся ни на что по взаимному недоувѣрію. Депутаты новаго военнаго совѣта пріѣхали въ армію Лэмберта и пригласили ее признать новое лондонское правительство. Съ сѣвера угрожалъ небольшому войску Лэмберта Монкъ, съ юга Ферфаксъ, оно не могло противиться національной волѣ, объявило, что подчинится лондонскому правительству. На сторонѣ Лэмберта, не желавшаго подчиниться, осталось только 50 человекъ; покорился и онъ. Ему велѣли жить въ графствѣ Доргемскомъ, потомъ отвезли его въ Тоуэръ.

Монкъ перешелъ на новый годъ шотландскую границу, 11 января имѣлъ свиданіе съ Ферфаксомъ въ Йоркѣ. Ферфаксъ былъ теперь роялистомъ, хотѣлъ немедленно провозгласить возстановленіе королевской власти; Монкъ отклонилъ его отъ этого, считая преждевременнымъ или невыгоднымъ для себя открыто принять сторону роялистовъ, и убѣдилъ его распустить волонтеровъ. Парламентъ, подозрѣвавшій въ роялизмѣ Монка, видѣлъ себя принужденнымъ одобрить его дѣйствія. Онъ шелъ къ Лондону; по его требованію парламентъ выслалъ изъ Лондона прежній гарнизонъ; Монкъ вступилъ въ Лондонъ 3 февраля; онъ былъ теперь рѣшителемъ судьбы Англіи.

Лондонъ пересталъ повиноваться малочисленному собранію, называвшему себя парламентомъ. Граждане Сити выбрали новый городской совѣтъ, сформировали милицію; ремесленники, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ бывшіе враждебными роялизму, производили теперь демонстраціи противъ республиканскаго правительства. На улицахъ были вооруженныя столкновенія; граждане замыкали улицы протягиваемыми поперекъ ихъ цѣпями, заперли ворота Сити, отвергли власть парламента, изъ котораго были исключены не только роялисты и сторонники епископальной церкви, но и пресвитеріане. Городской совѣтъ постановилъ, что Сити не будетъ платить правительству налоговъ, пока депутаты города не займутъ принадлежащихъ имъ мѣстъ въ парламентѣ.

Роялизмъ распространялся по всѣмъ сословіямъ. Многіе граждане, бывшіе прежде защитниками парламента противъ короля, поддержи-

вали республиканское правительство только по опасенію, что возстановленіе монархіи будетъ соединено съ преслѣдованіемъ прежнихъ противниковъ ея; но лордъ Мордонъ объявилъ отъ имени короля, что законы противъ измѣнниковъ не будутъ примѣняемы, что король, получивъ власть, подтвердитъ права Сити и обнародуетъ амнистію. Это успокоило гражданъ Лондона. Много вредила Карлу молва, что онъ принялъ католичество; она была теперь объявлена клеветой, было дано увѣреніе, что онъ остается вѣренъ англиканской церкви, не будетъ стѣснять свободы совѣсти не принадлежащихъ къ ней.

Парламентъ хотѣлъ усмирить Лондонъ и поручилъ это Монку. Республиканцы предполагали, что онъ думаетъ возстановить монархію; онъ держалъ себя очень осторожно, но, будучи назначенъ членомъ государственнаго совѣта, отказался дать присягу, что отрекается отъ короля и всей династіи Стюартовъ; поручая ему усмирить лондонскихъ роялистовъ, парламентъ надѣялся сдѣлать необходимымъ для него разрывъ съ роялизмомъ. А въ томъ случаѣ, если онъ откажется дѣйствовать противъ роялистовъ, парламентъ надѣялся найти опору себѣ въ войскѣ, въ которомъ еще оставалось много горячихъ республиканцевъ. Нѣкоторые полковники общались парламенту содѣйствіе своихъ полковъ. Итакъ, чтобы принудить Монка къ формальному заявленію, республиканецъ онъ или монархистъ, парламентъ 8 февраля далъ ему приказаніе идти въ Сити, разрушить всѣ укрѣпленія и арестовать вождей оппозиціи, списокъ которыхъ былъ сообщенъ ему государственнымъ совѣтомъ. Онъ исполнилъ порученіе, хотъ это и было непріятно ему. Онъ находилъ, что ему слѣдуетъ скрывать свое намѣреніе до наступленія времени рѣшительнаго дѣйствія, потому рѣшилъ притвориться вѣрнымъ парламенту. Войско его заняло Сити. Парламентъ объявилъ городской совѣтъ распущеннымъ, назначилъ выбрать новый по правиламъ, исключавшимъ всѣхъ роялистовъ изъ числа избирателей. По предложенію Бербона парламентъ учредилъ комитетъ для завѣдыванія войскомъ, надѣясь подчинить черезъ это армию своей власти. Однимъ изъ членовъ военнаго комитета былъ назначенъ Монкъ, но другіе члены были твердые республиканцы; въ числѣ ихъ находились Гэслери и Флитвудъ.

Монкъ нашелъ, что долженъ теперь говорить съ парламентомъ яснѣе прежняго. По совѣщанію съ своими офицерами и нѣкоторыми другими приверженцами, онъ составилъ записку, заявляющую, что армія, принимая на себя защиту правительства, хотѣла съ тѣмъ вмѣстѣ спасти свободу націи, потому требуетъ, чтобы парламентъ пополнилъ свой составъ возвращеніемъ исключенныхъ членовъ и послѣ того повелѣлъ произвести новые выборы представителей націи; безсмѣнность одного и того же парламента не соответствуетъ ни закону, ни волѣ народа. Эту записку подписали вмѣстѣ съ Монкомъ

влиятельнѣйшіе офицеры его войска; онъ представилъ ее парламенту. На совѣщаніи парламента о ней одержала верхъ партія республиканцевъ. Парламентъ рѣшилъ сохранить военный комитетъ и ограничить власть Монка надъ войскомъ. Монкъ отказалъ въ повиновеніи парламенту; офицеры его войска одобряли это и ручались ему за повиновеніе арміи. Онъ собственной властью возстановилъ городской совѣтъ Сити, распущенный парламентомъ и объявилъ этому собранію, что будетъ дѣйствовать за одно съ нимъ. Лондонъ былъ въ восторгѣ; по всему городу звонили въ колокола, сдѣлали иллюминацію.

с) возвращеніе короля.

Монкъ былъ теперь владыкою Англіи, но дѣйствовалъ съ прежней осмотрительностью. Онъ заставилъ парламентъ пригласить къ участію въ засѣданіяхъ членовъ, исключенныхъ въ 1648 году. Горячіе республиканцы хотѣли, чтобы права депутатовъ были возвращены только тѣмъ изъ нихъ, которые дадутъ присягу вѣрности республикѣ; но это условіе было отвергнуто. Изгнанные члены возвратились 21 февраля. Это были большею частью пресвитеріане; въ соединеніи съ другими умѣренными членами они составили большинство. Гэслери и его друзья съ досадой удалились. Рѣшенія, принятые прежнимъ республиканскимъ большинствомъ, были объявлены недействительными. Монкъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ Англіи и соединенныхъ съ нею Ирландіи и Шотландіи и председателемъ новаго государственнаго совѣта, въ составъ котораго вошли лишь немногіе изъ членовъ прежняго. Лондонскій городской совѣтъ, возстановленный Монкомъ, былъ утвержденъ и получилъ завѣдываніе организаціею лондонской милиціи. Было велѣно возобновить разрушенныя укрѣпленія воротъ Лондона.

Но о приглашеніи королю возвратиться все еще не было рѣши. Монкъ молчалъ и не дѣлалъ ничего показывавшаго намѣреніе возстановить монархію. Онъ прекратилъ сношенія съ эмигрантами; роялисты не были увѣрены въ немъ; казалось, что онъ хотѣлъ только подавить своихъ парламентскихъ противниковъ и, захвативъ власть, будетъ подобно Кромвеллю править государствомъ, сохраняя республиканскую форму. Но большинство гражданъ Лондона было теперь на сторонѣ роялистовъ, отвергало республику, и Монкъ, опиравшійся на него, уступилъ его требованіямъ. Онъ взялъ съ возвращавшихся членовъ парламента обѣщаніе помогать ему въ возстановленіи законнаго порядка. Это значило, что онъ считаетъ надобнымъ распустить Долгій парламентъ и произвести новые выборы. Новое пресвитеріанское большинство Долгаго парламента хотѣло упрочить права парламента, но принуждено было уступить требованію Монка: оно

повелѣло пропзвести новые выборы, объявило, что могутъ быть избираемы люди всякихъ политическихъ и религіозныхъ мнѣній, что отмѣняется присяга вѣрности республиканскому устройству. По обнародованіи этихъ постановленій, Долгій парламентъ, выбранный назадъ тому 20 лѣтъ и нѣсколько разъ подвергавшійся исключенію членовъ, распущенію, разошелся 16 марта 1660. Этимъ была рѣшена погибель республиканскаго устройства, потому что при господствующемъ настроеніи несомнѣнно было торжество роялистовъ на выборахъ въ новый парламентъ.

Было ясно, что возстановится монархія. Споры шли только о томъ, какъ и на какихъ условіяхъ будетъ возвращенъ король. Пресвитеріане, сохранявшіе большое вліяніе, желали обезпечить политическую свободу и синодальное устройство церкви; потому думали, что новаго короля должно подчинить тѣмъ условіямъ, какія принялъ его отецъ при переговорахъ на островѣ Уэйтѣ, взять съ него обязательство, что онъ будетъ управлять арміею и назначать на высшія гражданскія должности по согласію съ парламентомъ. Но ни государственный совѣтъ, ни правительство Сити не приняли этого мнѣнія. Они хотѣли, чтобы немедленно было послано Карлу II приглашеніе возвратиться и принять королевскую власть, говорили, что не должно соединять этого приглашенія ни съ какими условіями, должно только представить королю просьбу, чтобы онъ далъ амнистію, призналъ право арміи на полученіе недоданнаго жалованья и допустилъ свободу вѣроисповѣданій, считали надобнымъ возстановить монархію до открытія засѣданій новаго парламента. Это несогласіе партій давало Монку возможность рѣшить дѣло, какъ онъ хочетъ. Республиканцы были готовы помогать ему въ пріобрѣтеніи сана протектора. Они имѣли много приверженцевъ въ арміи. Офицеры, принимавшіе участіе въ политическихъ дѣлахъ, опасались при возстановленіи монархіи быть подвергнуты гоненію; люди, получившіе въ награду конфискованныя имѣнія, или купившіе ихъ, боялись, что король отниметъ ихъ. Потому Монкъ могъ бы надѣяться на сильную поддержку, если бы захотѣлъ стать протекторомъ. Но онъ не имѣлъ ни такого честолюбія, ни такой силы характера, какъ Кромвелль, опасаясь борьбы съ роялистами и рѣшившись возвратитъ власть королю, и при томъ безъ всякихъ ограниченій, чтобы король былъ тѣмъ щедрѣе въ наградахъ ему. Онъ принялъ сторону государственнаго совѣта и городского правительства Сити. Молва, что онъ хочетъ возстановить монархію, возбудила волненіе. Онъ подавлялъ его, какъ въ Шотландіи, съ безпощадной строгостью. Патриоты убѣждали Монка не отдавать безъ всякихъ гарантій свободу націи на проповоль Карла; Мильтонъ, ослѣпшій и близкій къ смерти, въ послѣдній разъ возвысилъ голосъ въ защиту республиканской формы правленія. Но честолюбецъ, опираясь на всеобщее желаніе спокойствія,

предложилъ Карлу корону безъ всякаго уменьшенія прежней королевской власти. Съ соблюденіемъ глубочайшей тайны онъ послалъ своего сосѣда по имѣнью, сэра Джона Гренвилля, въ Брюссель сказать королю, что онъ въ душѣ всегда былъ преданъ государю, но только теперь получилъ возможность оказать услугу ему, и готовъ не только повиноваться его повелѣніямъ, но и пожертвовать жизнью для его пользы. Къ этому увѣренію Монкъ прибавилъ изустное сообщеніе королю о желаніи городского правительства Сити, чтобы онъ далъ амнистію и свободу совѣсти, призналъ продажу конфискованныхъ имѣній и обязанность государства уплатить войску недоданное жалованье.

Карлъ былъ въ восторгѣ отъ этого извѣщенія, и немедленно уѣхалъ изъ Брюсселя въ Голландію, чтобы стать свободнымъ отъ вліянія испанскаго правительства. На пути въ Бреду была написана декларация, увѣрявшая англичанъ, что Карлъ исполнитъ желанія націи. Она говорила, что онъ принимаетъ армію въ свою службу; это служило войску ручательствомъ въ уплатѣ недоданнаго жалованья. Но только объ этомъ одномъ Карлъ сдѣлалъ заявленіе, какое совѣтовалъ сдѣлать Монкъ; относительно трехъ другихъ желаній правительства Сити Карлъ по совѣту Гейда, своего канцлера, объявилъ, что рѣшеніе ихъ обусловливается согласіемъ парламента. Въ это время ужъ происходили выборы. Въ грамотахъ, которыми созывались избиратели, правительство говорило, что не могутъ быть избираемы люди, сражавшіеся противъ республики. Это запрещеніе осталось безсильнымъ. Въ сельскихъ избирательныхъ округахъ (въ графствахъ), получили большинство голосовъ очень многіе роялисты, служившіе въ королевской арміи. Горячіе республиканцы сдѣлали попытку подавить противниковъ силой оружія. Ламбертъ былъ освобожденъ изъ Тоуэра, призывалъ къ себѣ республиканцевъ; къ нему собралось небольшое число ихъ. Онъ надѣялся, что армія не станетъ сражаться съ нимъ; но 21 апрѣля (1660) въ сраженіи съ отрядомъ, которымъ командовалъ приверженецъ Монка полковникъ Ингольдсби, измѣна оказалась не въ войскѣ его противниковъ, а между его волонтерами: одни ушли отъ него, другіе положили оружіе; онъ принужденъ былъ сдаться и былъ снова посаженъ въ Тоуэръ. Парламентъ собрался 25 апрѣля; прежніе пары собственною властью возстановили свою палату и никто не протестовалъ. Джонъ Гренвилль явился съ декларацией короля и письмами его, адресованными парламенту, Монку, арміи, городскому совѣту Сити. Декларация и письмо къ парламенту были прочтены въ обѣихъ палатахъ и обѣ онѣ приняли рѣшеніе: «такъ какъ по старымъ законамъ Англіи правительство состоитъ изъ короля, палаты пэровъ и палаты общинъ, то парламентъ приглашаетъ государя пріѣхать и получить корону, принадлежащую ему по праву рожденія». Пресвитеріане предлагали

ограничить власть короля законами, которыми предотвращался бы произволъ. Но Монкъ объявилъ, что если возвращеніе короля будетъ замедлено, то онъ не ручается за сохраненіе порядка; теперь не время для разбора вопросовъ, могущихъ возбудить прежніе раздоры; король возвращается безъ войска и денегъ, потому не можетъ дѣйствовать ни подкупомъ, ни страхомъ, переговоры съ нимъ должно отложить до его возвращенія.

Всякое противорѣчіе прекратилось. Правительство послало королю и его братьямъ, герцогамъ Норфолкскому и Глостерскому, значительныя суммы, возстановило королевскіе гербы, внесло имя Карла въ молитвы: чтобы загладить официальные слѣды существованія республики, было постановлено начать счетъ годовъ царствованія Карла съ дня смерти его отца, такъ что не представлялось перерыва во власти королей и Карлъ II признавался получившимъ корону по праву рожденія. Блестящая депутация обѣихъ палатъ отправилась пригласить короля возвратиться. Онъ со своей свитой сѣлъ на британскій флотъ, присланный за нимъ въ Схевенингенъ. При выходѣ его на берегъ Англіи въ Дувръ (25 мая) встрѣтилъ его Монкъ съ своими военными помощниками, оказалъ ему все почести, внушаемыя вѣрноподданному усердіемъ. Въ день своего рожденія, 29 мая, Карлъ II, которому исполнилось тогда 30 лѣтъ, торжественно вступилъ въ Лондонъ, разукрашенный для встрѣчи его. Народъ приветствовалъ короля радостными криками. Онъ отправился въ Уэстминстерскій дворецъ, принявъ тамъ отъ парламента присягу вѣрности и признанія супрематства, обѣщалъ уважать привилегіи (права) обѣихъ палатъ и заботиться о благѣ народа.

3. Первый годъ реставраціи.

Но скоро оказалось, что судьба отца не научила Карла II ничему. Еще во время переѣзда изъ Голландіи въ Англію онъ выразилъ неудовольствіе, замѣтивъ, что нѣкоторые корабли посятъ имена, напоминающія побѣды парламентскаго войска и велѣлъ замѣнить ихъ именами роялистскаго характера. Все его правленіе было проникнуто стремленіемъ установить абсолютную власть, сдѣлать себя по возможности независимымъ отъ парламента. Онъ устранилъ отъ участія въ управленіи людей, служившихъ республикѣ, замѣнилъ ихъ тѣми роялистами, которые оставались вѣрны ему въ изгнаніи. вмѣстѣ съ этими чертами его политики существенною заботою его было получать какъ можно больше денегъ, чтобы тратить ихъ на

любовницъ, на пиры и другія веселости. Обѣшанная амнистія была провозглашена съ очень большими ограниченіями. Карлъ II былъ болѣе легкомысленъ, чѣмъ мстителемъ, желалъ сдержатъ чрезмѣрную горячность пэровъ и роялистовъ палаты общинъ, которымъ хотѣлось бы казнить всехъ сановниковъ республики и всехъ офицеровъ, сражавшихся противъ короля, уничтожить все реформы, сдѣланныя Долгимъ парламентомъ и арміей; Карлъ понималъ, что такая безпощадная реакція неудобноисполнима и опасна; по обѣщанію, данному въ деклараціи передъ отплытіемъ въ Англію, онъ, съ согласія парламента, обнародовалъ актъ, говорившій, что «все измѣны и мятежи или укрывательство ихъ, все преступленія противъ государственнаго порядка отъ 1 января 1637 года до 24 іюня 1660 прощаются и предаются забвенію»; но онъ вовсе не хотѣлъ защищать главныхъ дѣятелей прежней парламентской оппозиціи и потому республиканской партіи отъ мщенія роялистовъ. Все участвовавшее въ смертномъ приговорѣ надъ Карломъ I — цареубійцы, какъ называли ихъ роялисты, — были исключены изъ амнистіи «за ихъ гнусное измѣнничество и убійство». Въ октябрѣ 1660 была учреждена особая судебная коммиссія подъ предѣдательствомъ сэра Орландо Бриджмена для наказанія цареубійцъ. Большинство членовъ ея были роялисты, не измѣнявшие королю, но засѣдали въ ней и нѣкоторые пэры, сражавшіеся съ королемъ, какъ напримѣръ графъ Мэнчестеръ и даже нѣкоторые изъ усердныхъ слугъ Кромвелля, какъ напримѣръ Монкъ, Монтегью, Куперъ. Обвиненные были все осуждены на смертную казнь и 10 изъ нихъ, въ томъ числѣ Гэррисонъ, Кукъ (исполнявшій въ процессѣ Карла I должность обвинителя) Скоттъ, Кэрю, были казнены на Черингкросской площади, въ виду Гуэйтголя и мѣста казни Карла I. Остальные, болѣею частью сами явившіеся къ суду, были до дальнѣйшаго рѣшенія короля оставлены арестованными въ Тоуэрѣ. Но радость кавалировъ при гибели ихъ враговъ очень уменьшалась тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвели на народъ вожди республиканцевъ, идя на эшафотъ. Только Гью Питерсъ, бывшій горячимъ агитаторомъ, потерялъ мужество. Все другіе держали себя спокойно и твердо, говорили народу, что не раскаиваются въ поступкахъ, за которые теперь подвергаются смерти. Многіе другіе вожди республиканцевъ успѣли бѣжать за границу, нѣкоторые присягнули и стали служить королю.

29 января слѣдующаго (1661) года, въ годовщину казни Карла I, были вырыты изъ могилъ тѣла Кромвелля, Эйртона, Брэдшо и повѣшены на мѣстѣ казни короля. Возстаніе нѣсколькихъ фанатиковъ, подъ начальствомъ Томаса Веннера поднявшихъ „мечъ Гедеона за царя Христа“ увеличило мстительность роялистовъ. Инсургенты были послѣ отчаянной обороны въ наскоро укрѣпленномъ домѣ побѣждены кавалеристами Монка и лондонской милиціей; ихъ казнили мучительной смертью. Лэмбертъ призналъ

власть короля и наказание его было ограничено ссылкой на остров Гернси, где он проводил время в уходе за цветами и рисовании картин. Генри Вент, твердо оправдывавший свои поступки перед судом, был казнен. Царевичи Лодло, Бротон и Коли (Cawley) успели убраться из Англии и поселились на берегу Женевского озера. Подсылаемые роялистами люди часто покушались убить их; но умыслы не удавались. Сотоварищ их изгнания Джон Лейль (Lisle) был 11 августа 1664 убит ирландским фанатиком в Лозанне, когда шел в церковь.

Монк, заседавший с роялистами в трибунале, осуждавшем на смерть друзей его, был могущественнейшим человеком в государстве. Его разсудительности и энергии династия была обязана восстановлением королевской власти без междоусобия и без ограничений. Карл дал ему в награду титул герцога Элбеморля (Albemarle) и больша имения. При назначении членов нового государственного совета Карл следовал его рекомендациям и дал первое место ему. В более интимном комитете королевского совета (Council Board), состоявшем из личных друзей короля, с которыми он совещался обо всем, и который был на деле гораздо важнее государственного совета, тоже было дано место Монку и по его желанию другу его Уильяму Моррису. С Монком разделяли влияние на короля неизменные приверженцы Стюартов: Эдуард Гейд, бывший канцлером Карла в изгнании, сохранивший эту должность по реставрации и вскоре по возвращении в Англию получивший титул графа Кларендона, Ормонд, Сотамптон, Кольпепер, твердо поддерживавшие Карла I в борьбе с Долгим парламентом, и государственный секретарь Николас; влиятельные всех других старых слуг короля был граф Кларендон, па дочери которого, Анн, женился старший из братьев Карла, Яков, герцог Йоркский.

Присоединение Ирландии и Шотландии к Англии, сделанное Кромвеллем, было отменено. Ирландия и Шотландия вновь получили свои особые парламенты и особую администрацию. Королевские и церковные имения, конфискованные республиканцами, были возвращены королю и церкви. Люди, купившие их, были прогнаны без всякого вознаграждения или обращения из собственников в арендаторов. Были возвращены и роялистам конфискованные у них имения; но многие другие роялисты продали свои имения в годы междоусобия и во время республики; вознаграждение, данное им, было недостаточно, они резко жаловались на это, говорили: „Амнистия справедливо называется законом о забвении и безнаказанности, потому что втрость забывается, измена остается безнаказанной“. Армия, в которой оставалось много людей, сохранивших республиканские и пуританские убеждения, была в немилости у короля и парламента, народ был непримирим к ней; как только собраны были деньги на уплату недоданного жалованья, король распустил ее, оставив только два полка пехоты, один пехотный, другой конный. Солдаты и офицеры повиновались повелению, прекращавшему службу их. Многие возвратились к

земледелию или ремеслу, которыми занимались в молодости. Было много капитанов, снова ставших ремесленниками, какими были до поступления в войско.

Оставалось исполнить одно желание короля, назначить постоянный доход ему, как это тогда называлось, то есть установить налоги, которые будет он взимать во все продолжение всего царствования без новых утверждений парламентом. По предложению Кларендона парламент дал ему на все царствование таможенные пошлины (tunpage and roundage) и введенный во время междоусобной войны акциз. Сумма постоянного королевского дохода простиралась до 1.200.000 фунтов. Это было то, что называется теперь обыкновенным бюджетом доходов. Но король любил блеск, тратил без счета деньги на свои удовольствия; он был так расточителен, что даже во время изгнания скупал надблат 3.000.000 фунтов долга. Разумеется, с него брали очень большие проценты. Обыкновенного бюджета, находившагося в безответном его распоряжении, было мало ему, и во все царствование важнейшим делом своим он ставил хлопоты об увеличении доходов. Чтобы иметь деньги на свои веселости, он продавал союз Англии иносетным правительствам. Женитьба на дочери короля португальского Катрин, за которой получил он очень большое приданое, избавила его на некоторое время от денежных затруднений. Намырение Карла жениться на португальской принцессе понравилось англичанам, потому что этот брак неизбежно должен был разстроить дружбу его с королем испанским, мечтавшим о завоевании Португалии. Королева мать и ее католические друзья старались помешать сватовству. Монк поддерживал короля в мысли жениться на Катрин; благодаря ему Карл остался тверд и женился.

Меньше успеха имели Монк и другие благоразумные советники Карла в своих усилиях разрешить вопрос о церковном устройстве справедливым и полезным для государства образом. Пресвитериане и англиканцы одинаково помогали возвращению короля, и он разделял мнение умеренных людей обеих этих партий, что он должны остаться в союзе между собою. Он желал втростерпимости для того, чтобы можно было распространить ее и на католичество, к которому он был расположен. Все протестантские партии противились отмене законов против католиков, но была сделана попытка примирить англиканцев с пресвитерианами.

Епископы и епископальные священники, лишенные должностей во время междоусобной войны, возвратились на них, не дожидаясь парламентского решения, прогнали сектантских проповедников с приходских должностей, принадлежавших прежде епископальной церкви; это были, больше частью, люди радикальных сект, но находились между ними и пресви-

теріане. Нѣкоторые епископы и вліятельные пресвитеріане, въ томъ числѣ Ричардъ Бэкстеръ, бывшій теперь священникомъ въ Киддермистерѣ, а прежде проповѣдникомъ въ войскѣ Кромвелля, но и тогда державшійся умѣреннѣйшихъ мнѣній, собрались 23 октября 1660 въ присутствіи короля и довѣреннѣйшихъ его совѣтниковъ и составили проектъ соглашенія между своими церквами. Представители англиканской церкви согласились, чтобы епископы управляли своими епархіями не самовластно, а при участіи соборнаго членовъ кафедральныхъ капитуловъ и старшинъ избираемыхъ мирянами, рѣшили пересмотрѣть англиканскій символъ вѣры (такъ называемый Актъ 39 статей), не требовать отъ пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ подписи этого символа, освободить ихъ отъ присяги повиноваться епископамъ, допустить, чтобы на пресвитеріанскомъ богослуженіи не было нѣкоторыхъ особенностей англиканскаго (между прочимъ, чтобы проповѣдникъ не надѣвался стихаря, составляющаго англиканское облаченіе и чтобы не было колѣнопреклоненія на литургіи). Представители пресвитеріанъ согласились признать на этихъ основаніяхъ епископальную церковь, находя, что она, преобразованная такимъ образомъ, очищается отъ панизма. Одинъ изъ нихъ, Ренольдсъ, согласился принять предложенный ему санъ епископа. Король, какъ мы говорили, желалъ вѣротерпимости не по снисхожденію къ пуританскимъ сектамъ, которыя онъ ненавидѣлъ, а по сочувствію католикамъ, которымъ онъ уже обѣщалъ ее. Но Бэкстеръ сказалъ, что есть секты, которыя можно терпѣть и есть другія, какъ напримѣръ социане и панисты, которыхъ нельзя терпѣть. Епископы были тоже противъ терпимости относительно католиковъ, потому что опасались расположенія двора къ панизму и полагали, что королева-мать, возвращенія которой ожидали тогда, будетъ покровительствовать католической пропагандѣ.

Но неприязнь между епископалистами и пресвитеріанцами была такъ сильна, что обѣими партіями былъ отвергнутъ проектъ примиренія, составленный умѣренными представителями ихъ. Король созвалъ вторую конференцію; осталась напрасной и она. Онъ хотѣлъ обнародовать декларацію устанавливающую примиреніе епископальной церкви съ пресвитерской на основаніи проекта, составленнаго на этихъ конференціяхъ, но былъ о деклараціи былъ отвергнутъ парламентомъ, въ которомъ господствовали суровые епископаллисты, находившіе, что онъ слишкомъ ослабляетъ власть епископовъ. Король, увидѣвшій, что нельзя распространить вѣротерпимость на католиковъ, пересталъ интересоваться этимъ дѣломъ и парламентъ восстановилъ исключительное владычество епископальной церкви. Джоксонъ (Juxon), сопровождавшій Карла I на эшафотъ, былъ назначенъ архіепископомъ кентерберійскимъ; онъ былъ фанатикъ; на его мѣсто епископомъ лондонскимъ былъ назначенъ Шельдонъ, хитрецъ, угождавшій господствующей партіи. Епископы стали преслѣдовать непризнававшихъ англиканскую церковь; она была выставлена за первобытную апостольскую, спорить противъ которой недозволительно. Въ маѣ 1662 былъ восстановленъ актъ единообразія богослуженія, требовавшій между прочимъ, чтобы священники и всѣ гражданскія должностныя лица принимали причащеніе по англиканскому обряду и давали подписку въ своемъ согласіи съ англиканскимъ символомъ (по англійскому выраженію, съ 39-ю статьями). Тѣ священники, которые не захотѣли подписать этотъ символъ, были лишены должностей; ихъ было 2.000 человекъ. Они и ихъ семейства остались, болѣею частью, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Однимъ изъ нихъ былъ Бэкстеръ, которому предлагали епископскій санъ, если онъ уступитъ желанію правительства. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свое благочестіе; его книги „Вѣчный покой святыхъ“ и „Воззваніе къ необращеннымъ“ проник-

нуты духомъ вѣротерпимости которой, держалась умѣренная партія пуританства.

Такая же реакція шла въ Шотландіи. Масса народа и тамъ увлеклась горячимъ роялизмомъ. При ея поддержкѣ правительство подавило ковенантеровъ. Шотландскій парламентъ объявилъ герцога Эргея мятежникомъ; онъ былъ казненъ и голова его была выставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была выставлена голова Монтроза. Ковенантъ былъ уничтоженъ; королевская прерогатива была восстановлена во всемъ своемъ прежнемъ объемѣ. Постановленія общихъ соборовъ шотландской церкви, принятыя ими во время преобладанія искреннихъ пресвитеріанъ, были объявлены недействительными. Этимъ было подготовлено восстановленіе епископальной церкви въ Шотландіи. Съ тѣхъ кафедръ, съ которыхъ прежде произносились пламенные проповѣди противъ королевской власти и презанства, гремѣли теперь проклятія всякой оппозиціи королю, и люди, потерявшие жизнь въ борьбѣ за короля, были прославляемы какъ мученики праваго дѣла.

Англійскій парламентъ, возвратившій короля, былъ распущенъ 29 декабря 1660. Онъ былъ созванъ не по королевской грамотѣ, потому назывался на официальномъ языкѣ не парламентомъ, а конвентомъ. Онъ исполнилъ свою задачу, восстановилъ монархическую власть, и правительство находило, что слѣдуетъ замѣнить его парламентомъ, созданнымъ королевскою грамотою. На выборахъ владычествовали горячіе роялисты; огромное большинство депутатовъ новаго парламента состояло изъ нихъ. Передъ открытіемъ его Карлъ короновался по прежнимъ формамъ церковнаго обряда.

IV. АНГЛІЙСКАЯ НАУКА И ПОЭЗІЯ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Въ ту эпоху, исторію которой мы рассказали, англійскій народъ былъ такъ занятъ политической и религіозной борьбой, что ея вліяніе отражалось на научной и поэтической дѣятельности его; стремленіе націи выработать новыя формы общественнаго устройства проявляется даже въ тѣхъ отрасляхъ поэзіи, которыя обыкновенно остаются чужды волненіямъ жизни. Бэконъ предвидѣлъ наступленіе бурь; въ жизни онъ былъ слугою произвола Стюартовъ, человекомъ дурныхъ правилъ, но научная дѣятельность его была направлена къ опроверженію устарѣлыхъ понятій, къ построенію науки на основаніи реальнаго знанія и опыта. Онъ былъ въ ней представителемъ критики, разрушавшей политическую систему Стюартовъ, расчищавшей мѣсто для новаго устройства общественной жизни. У Гоббса критика дошла до того вывода, что при неспособности современниковъ его создать новыя прочныя учрежденія должно признавать существу-

ющий порядок наилучшимъ возможнымъ, считать королевскій абсолютизмъ и епископальную церковь превосходными учрежденіями. Важнѣйшіе поэты того времени были выразителями идей той или другой изъ борющихся партій. Республиканцу Мильтону міръ по гибели его политическихъ и религіозныхъ идеаловъ казался потеряннѣмъ раемъ: коварныя силы зла адекими хитростями и насиліями разрушили царство красоты, добра и истины, превратили Эдемъ въ страну бѣдствій. Слѣпой старикъ хотѣлъ утѣшить надеждою на возвращеніе рая пораженную проклятіемъ Божиимъ землю; но его «Возвращенный рай» лишь блѣдная тѣнь «Потеряннаго». Въ «Самсонъ Агонистъ» (борецъ), служитель Іеговы, ослѣпленномъ и лишенномъ силы филистимлянами, Мильтонъ изобразилъ свою судьбу. Онъ, могучій борецъ, видѣлъ въ современныхъ событіяхъ великую религіозную политическую борьбу силъ ада и неба; Самъюэль Ботлеръ, жившій въ кругу роялистовъ, выставилъ противниковъ абсолютизма и епископальной церкви нелѣпыми Донъ-Кихотами, вождей ихъ пошлыми эгоистами, дурачащими ихъ для извлеченія выгодъ себѣ. Признавая право сатиры изображать явленія въ смѣшномъ видѣ, факты, кажущіеся сатирику вредными, должно однако же сказать, что «Гудибрасъ» Ботлера часто оскорбляетъ эстетическое чувство своимъ пошлымъ тономъ и, вмѣсто удовольствія, даваемого юморомъ, возбуждаетъ отвращеніе чрезмѣрной утрировкой пародіи. Только по ненависти къ пуританству Юмъ хвалилъ эту поэму.

1. Бэконъ, Гоббсъ, Ньютонъ.

Фрэнсисъ Бэконъ, сынъ сэра Нпчолэса Бэкона, хранителя Большой печати, котораго Кэмденъ и Боксэпъ называютъ „второй“ — послѣ лорда Борли — „опорой совѣта Елизаветы“, родился въ 1560 году, и съ ранней молодости выказывалъ необыкновенный умъ, возбуждавшій самыя высокія ожиданія. Елизавета называла его своимъ молодымъ хранителемъ печати. Но, возвратившись по смерти отца (въ 1580 году) изъ Парижа въ Англію, онъ долго не получалъ сколько нибудь важныхъ должностей; онъ полагалъ, что лордъ Борли, хоть и близкій родственникъ его, мѣшаетъ его служебной карьерѣ, считая его опаснымъ соперникомъ своему сыну Сесилію. Бэконъ занялся юриспруденціею, получилъ дипломъ адвоката въ Греевской гильдіи (Grey's inn, одной изъ юридическихъ корпорацій). Лордъ Борли насмѣшливо говорилъ ему, что онъ принадлежитъ къ теоретикамъ, углубившимся въ ученые фантазіи и неспособнымъ къ практическому дѣлу. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ выбранъ въ парламентъ и скоро приобрѣлъ вліяніе своимъ сильнымъ ораторскимъ талантомъ. Палата общинъ перфдко принимала рѣшенія по важнымъ вопросамъ сообразно его мнѣнію. Такъ было, напримѣръ, въ 1593 году по вопросу о субсидіяхъ для веденія войны съ Испаніею. „Бэконъ повелъ въ политикѣ очень трудную

игру: онъ хотѣлъ стать вмѣстѣ и фаворитомъ двора и любимцемъ народа“. говоритъ Мэколе: „Если бы кто могъ успѣть въ такомъ дѣлѣ, то успѣлъ бы онъ, человекъ такихъ рѣдкихъ талантовъ, такъ рано созрѣвшей разсудительности, такого спокойнаго темперамента, такихъ пріятныхъ манеръ“. Онъ въ этомъ стремленіи утратилъ репутацію прямодушнаго человека. Возбудивъ оппозиціонною рѣчью неудовольствіе двора, онъ старался смягчить гнѣвъ королевы и придворныхъ униженными извиненіями, угодливостію. По неприязни къ Сесилию, мѣшавшимъ его карьерѣ, онъ принялъ сторону ихъ противника, графа Эссекса и приобрѣлъ его благосклонность. Впечатлительный Эссексъ, умѣвшій цѣнить таланты, хотѣлъ въ 1594 году доставить ему сдѣлавшуюся вакантною должность генераль-прокурора (Attorney general); но Елизавета, не забывшая его оппозиціи по дѣлу о субсидіяхъ и возстановляемая противъ него лордомъ Борли, назначила генераль-прокуроромъ Эдуарда Кока, перваго юриста того времени. Бэконъ искалъ руки Елизаветы Гэттонъ, внуки Борли, молодой, красивой, богатой вдовы, но Коку оттѣснилъ его и въ этомъ искательствѣ, женился на ней. Бэконъ, не имѣвшій ни состоянія, ни должности, былъ обремененъ долгами. Ювелиръ, занимавшійся по тогдашнему обычаю тѣми дѣлами, которыми нынѣ занимаются банкиры, велѣлъ арестовать на улицѣ и отвезти въ долговую тюрьму Бэкона за неплатежъ долга въ 300 фунтовъ. Сдѣлавшись вакантною должность генераль-адвоката (Solicitor General), важнѣйшая послѣ генераль-прокурорской по юридической администраціи. Бэконъ искалъ ее и тоже она была отдана другому. Онъ очень печалился. Эссексъ въ утѣшеніе ему подарилъ небольшое имѣнье близъ Тупкингема. Подарокъ былъ сдѣланъ самымъ милымъ и деликатнымъ образомъ. Черезъ вѣсколько лѣтъ Эссексъ утратилъ милость королевы; причиной были, какъ мы уже говорили, неудачныя распоряженія въ войнѣ съ прландскими инсургентами. Говорятъ, что Бэконъ совѣтовалъ ему не вѣхать лордомъ-наместникомъ въ Ирландію; сказалъ ему: „Военная слава и пародная любовь держатся, какъ крылья Икара, на воскѣ, легко опадають и тогда паденіе бываетъ стремглавъ“; говорятъ также, что когда Елизавета разсердилась на Эссекса, Бэконъ старался, чтобъ онъ былъ прощенъ. Вѣроятно это правда; но когда оказалось, что королева рѣшительно хочетъ казнить Эссекса, Бэконъ измѣнилъ своему благодѣтелю, унижлся до самой черной неблагодарности: онъ согласился быть обвинителемъ Эссекса передъ судомъ палаты пэровъ, велъ обвиненіе съ ненавистной жестокостію, сравнивалъ Эссекса съ Пизистратомъ и Генрихомъ Гизомъ, такъ что пэралъ невозможно стало произнести приговоръ менѣе суровый, чѣмъ смертная казнь. Она возбудила ропотъ во всей Англіи и особенно было негодованіе лондонскихъ гражданъ; Бэконъ имѣлъ пизосъ написать по желанію Елизаветы оправданіе казни; оно называется: „Изложеніе коварствъ и измѣнъ, замышленныхъ и совершенныхъ Робертомъ, бывшимъ графомъ Эссексомъ, и его соумышленниками“. Эти поступки относительно благодѣтеля налагають такое пятно на Бэкона, котораго не могли стереть никакія анологіи его защитниковъ. Онъ не имѣетъ даже того извиненія, что былъ обязанъ какой нибудь благодарностію королевѣ; все, что получилъ, онъ получилъ отъ Эссекса. Онъ дѣйствовалъ исключительно по расчету заслужить благосклонность королевы, получить высокія должности съ богатыми доходами. Рѣзкія слова Мэколе: „Бэконъ былъ раболѣпнымъ адвокатомъ, чтобы стать продажнымъ судьей“, — близки къ истинѣ; у него не было благородства въ душѣ и сердце было холодное. По смерти Елизаветы, онъ сталъ усердно раболѣпствовать передъ ея преемникомъ. Онъ не постыдился просить ходатайства графа Сотэмптона, бывшаго друга Эссекса, подвергавшагося обвиненію вмѣстѣ съ пмъ и получившаго вліяніе на Іакова. Раболѣпство Бэкона передъ Іаковомъ не оста-

лось напраснымъ. Скоро онъ сталъ повышаться по должностямъ и былъ сдѣланъ наконецъ членомъ тайнаго совѣта, лордомъ-хранителемъ Большой печати, лордомъ-канцлеромъ. Онъ достигъ цѣли, къ которой стремился съ молодости. Онъ приобрѣлъ и богатство, женившись на дочери одного изъ членовъ тайнаго совѣта (впрочемъ, бракъ этотъ не былъ счастливъ и остался бездѣтнымъ). Иаковъ далъ ему санъ барона (то-есть лорда) Верулама, потомъ графа Сентъ-Эльбэнса. Онъ за это усердно защищалъ интересы короля въ парламентѣ, старался увеличить государственные доходы, говорилъ о надобности соединить Шотландію въ одно государство съ Англіей, какъ желалъ Иаковъ; въ борьбѣ по вопросу о правахъ парламента и прерогативѣ короля, защищалъ прерогативу; поддерживалъ всѣ денежные требованія короля; по его совѣту Иаковъ, нуждавшійся въ деньгахъ, произвелъ (въ 1614 году) насильственный заемъ, называвшійся „добровольнымъ пожертвованіемъ“. Въ угроженіе королю онъ одобрялъ преслѣдованіе пуританскихъ проповѣдниковъ, въ процессѣ, противъ Эдмонда Пичема подавъ голосъ за смертную казнь и восторжествовавъ въ этомъ дѣлѣ надъ своимъ соперникомъ Коккомъ. Онъ поддерживалъ во всемъ Бокингема, защищалъ всѣ его поступки своимъ краснорѣчіемъ. Ненависть народа къ Бокингему распространилась и на Бэкона; онъ былъ обвиненъ палатой общинъ передъ палатой пэровъ во взяточничествѣ и призналъ себя виновнымъ. Будучи тогда боленъ, онъ послалъ парамъ, производившимъ слѣдствіе, просьбу въ которой умолялъ ихъ „имѣть состраданіе къ сложенной тростинкѣ“. Онъ не пытался защищаться, объявилъ, что подчиняется рѣшенію палаты пэровъ. Онъ надѣялся, что милость короля избавитъ его отъ всякихъ серьезныхъ послѣдствій приговора. Мы говорили, что король дѣйствительно освободилъ его отъ тюремнаго заключенія и денежнаго штрафа, но что онъ уже не возвращался къ политической дѣятельности, и послѣдніе годы жизни посвятилъ научнымъ занятіямъ.—Въ томъ, что, будучи лордомъ канцлеромъ бралъ подарки, признался онъ самъ; говорилъ только, что не рѣшалъ дѣла за деньги, не продавалъ церковныхъ должностей, назначеніе на которыя зависѣло отъ канцлера. Онъ былъ человѣкъ болѣе слабохарактерный, чѣмъ дурной; любилъ роскошь; жилъ пышно въ своемъ лондонскомъ домѣ, Йоркгаусѣ; окружалъ себя цѣлымъ придворнымъ штатомъ, когда жилъ въ загородномъ домѣ, въ Гортэмбери; построилъ себѣ въ Веруламѣ сельскій дворецъ; слуги его были одѣты въ богатые ливреи; онъ держалъ много лошадей, великолѣпныхъ экипажей; потому ему было нужно очень много денегъ, и, при слабости характера, онъ бралъ взятки.

Имя его, какъ политическаго дѣятеля, замарано; но слава его, какъ философа, не пострадала отъ этого. Всѣ его сочиненія, начиная съ „Опытовъ“ (Essays, то есть „статей“) до послѣднихъ, важнѣйшихъ трудовъ его, „Новаго Органа“ (то есть, новой методологіи) изданнаго въ 1620 году, и трактата „О достоинствѣ и расширеніи наукъ“, De dignitate et augmentis scientiarum, изданнаго въ 1623 году, проникнуты мыслью, что науки должны быть обращены на пользу практической жизни; руководящей мыслью его изслѣдованій была польза людей, цѣлью его философскихъ трактатовъ, собраніе которыхъ онъ называлъ „Великимъ возстановленіемъ“ (науки) Instauratio magna, было преобразование научной дѣятельности и по содержанію и по методу. Онъ показывалъ, какъ обратитъ науку отъ пустаго занятія безплодными фантастическими системами къ полезному для человѣческой жизни реализму. Онъ нашелъ науку отрѣшенной отъ жизни и хотѣлъ привести въ связь съ нею; говорилъ, что силы человѣка соразмѣрны его знанію, что наука и сила съ пользой работать для улучшенія жизни—одно и то же; онъ желалъ, чтобы наука обогатилась примѣнимыми къ житейскимъ дѣламъ свѣдѣніями, дающими человѣку владычество надъ природой;

училъ искать истину посредствомъ индукціи, то есть посредствомъ сопоставленія наблюденій, вмѣсто того, что прежде считали возможнымъ находить ее посредствомъ абстрактныхъ разсужденій. Въ „Новомъ Органѣ“ онъ подробно объясняетъ, что путемъ къ открытіямъ служатъ наблюденіе природы и производство опытовъ, что для успѣха въ этомъ должно отбросить всѣ предубѣжденія, всѣ иллюзіи или, какъ онъ называетъ, „идолы“. По своему индуктивному методу онъ подвергаетъ разбору всѣ стороны умственной жизни. Въ энциклопедическомъ очеркѣ наукъ, составляющемъ содержаніе трактата его „О достоинствѣ и расширеніи наукъ“, онъ защищаетъ науку отъ ея порицателей и враговъ, въ особенности отъ богослововъ и правителей, распредѣляетъ человѣческія знанія по способностямъ души, имѣющимъ вѣдѣтьшее участіе въ выработкѣ ихъ; эти способности: память, воображеніе и разумъ. Такимъ образомъ, онъ получаетъ слѣдующій рядъ отдѣловъ наукъ: 1, космологія; это у него философія природы и разсмотрѣніе основныхъ вопросовъ человѣческой жизни; 2, космографія со стороны своего историческаго и антропологическаго содержанія; 3, логика; 4, нравственная философія. Этотъ энциклопедическій обзоръ наукъ онъ пополнилъ нѣсколькими монографіями. Такъ, напримѣръ, въ небольшомъ трактатѣ „О мудрости древнихъ“ онъ объясняетъ мнѣи истолкованіемъ аллегорическаго смысла ихъ, устраняя прежнее религіозное истолкованіе. Его „Исторія Генриха VII“ была началомъ разсказа о временахъ Тюдоровъ. По его смерти были напечатаны рядъ статей, называющихся „Дѣла Бэковъ“, Silva Sylvarum; ихъ содержаніе относится къ естественнымъ наукамъ. Тогда же была напечатана его „Новая Атлантида“, аллегорія, имѣющая повѣстическій характеръ. Эти сочиненія посвящены Иакову I, а „Новый органъ“ и трактатъ „О достоинствѣ наукъ“ — преемнику Иакова Карлу I. Почти всѣ свои ученые труды Бэконъ писалъ по латини, и тѣ немногіе, которые писалъ на англійскомъ языкѣ, самъ переводилъ на латинскій. Во всѣхъ его сочиненіяхъ неизмѣнно видѣны очень сильный умъ, богатый мыслями, чрезвычайно логичный. Не всѣ его понятія основательны; недостаткомъ нравственнаго чувства мѣшало ему справедливо оцѣнивать возвышенныя стремленія людей; онъ не понимаетъ лирической поэзіи, умѣя цѣнить только изображеніе внѣшней природы; въ естествознаніи, которое ставилъ выше всѣхъ другихъ отдѣловъ наукъ, онъ не сдѣлалъ никакихъ открытій. Но ему принадлежитъ заслуга приведенія всѣхъ отраслей знанія въ систематическій порядокъ. Онъ доказывалъ, что источникъ всѣхъ вѣрныхъ свѣдѣній—наблюденіе и опытъ, и собственно за это называютъ его отцомъ новой философіи, основывающейся на опытѣ. Лихихъ, разбравъ тѣ понятія о вопросахъ естествознанія, какія высказаны Бэкономъ, находятъ, что онъ не оказалъ естествознанію никакихъ услугъ, что его методъ безплоденъ, что онъ толкуетъ о естествознаніи какъ дилетантъ, плохо знакомый съ предметомъ; но какъ бы то ни было, Бэкону принадлежитъ то громадное историческое значеніе, что его трактаты возбуждали къ изученію природы, разрушали схоластику; въ этомъ отношеніи онъ, дѣйствительно отецъ сенсуалистической и эмпирической философіи.

Томасъ Гоббсъ, младшій современникъ Бэкона, долго жившій во Франціи во время междоусобной войны и республики, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ дворомъ Карла II, занялся подъ вліяніемъ мыслей Бэкона изслѣдованіемъ политическихъ и религіозныхъ вопросовъ своей эпохи. Изъ его многочисленныхъ трактатовъ о государственномъ устройствѣ наиболѣе важенъ „Левіаѳанъ“ или о матеріалѣ, формѣ и власти церковнаго и гражданскаго государства“. Левеллеры называли частную собственность источникомъ всѣхъ золъ; въ противоположность имъ Гоббсъ доказывалъ, что общность имущества произвела бы распадѣніе общества, величайшее изъ

всѣхъ возможныхъ золъ, что для безопасности собственности и справедливаго суда по вопросамъ о ней необходимо прочное господство власти, соединеніе ея въ рукахъ одного человѣка. Онъ ставилъ вопросъ о томъ, какое устройство надобно имѣть государству, чтобы подавить стремившее пожрать его чудовище мятежа, и отвѣчалъ, что чудовище можетъ быть уничтожено или укрощено только чудовищемъ, дракономъ Левиаганомъ; потому государство и глава его должны имѣть неограниченную власть; глава государства долженъ быть всемогущимъ въ немъ, долженъ быть смертнымъ богомъ; того требуетъ законъ природы. Это оправданіе абсолютизма очень нравилось реакціонерамъ, и по реставраціи Гоббсъ получилъ пенсію. Но его философская точка зрѣнія вовсе не та, какъ у монархистовъ и англиканцевъ. Подобно Бэкону онъ считаетъ матеріальный міръ первобытнымъ фактомъ; но по закону природы господствуетъ между людьми война всѣхъ противъ всѣхъ; потому необходимо было при помощи разума ограничить для сохраненія собственности дѣйствіе природныхъ влеченій человѣка и основать по всеобщему соглашенію, по договору, государственное общество, въ которомъ влеченія природы подчинялись бы нравственному закону. Такимъ образомъ, государство основано на взаимномъ опасеніи людей и на ихъ стремленіи къ самосохраненію, на борьбѣ за жизнь, какъ выражаются нынѣ. Въ этой аргументаціи Гоббса нѣтъ никакихъ слѣдовъ божественнаго ореола, которымъ украшали роялисты и ихъ богословы королевскую власть. Государю дано его полномочіе договоромъ, продолжаетъ Гоббсъ, и чтобы договоръ, заключенный для обезпеченія мира и порядка, былъ проченъ, должна быть на основаніи этого договора учреждена власть, соединяющая въ себѣ всю силу и всѣ права общества, господствующая безусловно, требующая полнѣйшаго повиновенія. Эта власть—государь, представитель государства, объединяющаго всѣхъ, бывшихъ разединенными въ природномъ состояніи; это соединеніе всѣхъ—общество, народъ. Народъ и общество, народъ и государь—понятія тождественныя. Люди только подданные государства, господствуетъ только оно, оно одно свободно. Всѣ должны повиноваться ему, исполнять повелѣваемое закономъ; люди обладаютъ свободою только въ томъ, что не воспрещено законами. Власть государства неограниченна, дѣлать или ограничивать ее значитъ отрицать ее, возобновлять бѣдственность естественнаго состоянія. Предназначенію государственной власти соответствуетъ только монархическій абсолютизмъ, потому что только онъ обезпечиваетъ существованіе государства. Такимъ образомъ, Гоббсъ выводитъ изъ закона природы абсолютную власть государя. Онъ рѣзко опровергаетъ Аристотеля и другихъ древнихъ мыслителей, считавшихъ основаніемъ государства нравственный законъ, опровергаетъ и ту средневѣковую теорію, которая требовала отдѣленія церкви отъ государства, вооружается и противъ новыхъ понятій о конституціонномъ порядкѣ, при которомъ дѣлами государства правятъ представители народа. Законъ природы, ведущій къ монархическому абсолютизму, у Гоббса то самое, что на религіозномъ языкѣ называется волею Божіею; по теоріи Гоббса существенно различна отъ религіозно-политической системы роялистовъ. Онъ совершенно подчиняетъ церковь свѣтскому государю. Онъ игнорируетъ Священное Писаніе, производитъ религію изъ чувства боязни или изъ любознательности, говоритъ, что она служитъ политическимъ орудіемъ для упроченія власти государя, что церковь, съ своимъ богослуженіемъ и догматикой,—просто исполнительница воли государя, что понятія о хорошемъ и дурномъ установлены не совѣстью, а гражданскимъ закономъ. Все это противорѣчило англиканскому вѣроученію, возбуждало негодованіе духовенства. Ученіе Гоббса было названо несогласнымъ съ религіею. Парламентъ осудилъ его „Левиагана“; англиканское

духовенство требовало, чтобы онъ былъ наказанъ за безбожіе и онъ былъ принужденъ печатно оправдываться отъ этого обвиненія.

Исаакъ Ньютонъ родился въ Вулторпѣ, селеніи графства Линкольнскаго, 25 декабря 1642 г., черезъ годъ по смерти Галилея, труды котораго послужили однимъ изъ основаній его великаго астрономическаго открытія; другими основаніемъ были труды Кеплера, который уже искалъ причины того движенія планетъ вокругъ солнца, эмпирическіе законы котораго открылъ. Ньютонъ рѣшилъ эту задачу.

Отецъ Исаака Ньютона былъ землевладѣлецъ, но небогатый; Исаакъ родился уже по его смерти. Мать, имѣвшая безбѣдныхъ средствъ къ жизни, дала сыну хорошее воспитаніе; онъ выказывалъ очень сильную любознательность, потому былъ на 18 году отпущенъ матерью въ Кембриджъ, шесть лѣтъ усердно занимался тамъ математикой, быстро изучилъ все, что было тогда открыто въ этой отрасли знаній. На 26 году онъ получилъ въ Кембриджѣ должность профессора математики, дававшую небольшое жалованье, и занималъ ее 27 лѣтъ. Въ эти годы онъ сдѣлалъ почти всѣ свои открытія. Въ 1689 году онъ былъ членомъ парламента, низложившаго Стюартовъ, и черезъ нѣсколько времени былъ сдѣланъ начальникомъ (master) лондонскаго монетнаго двора. Онъ прожилъ 32 года, занимая эту должность, соединенную съ большимъ жалованьемъ, уважаемый современниками, окруженный свѣтскими людьми хорошаго образованія и учеными. Онъ не былъ женатъ и хозяйствомъ его въ Лондонѣ завѣдывала племянница, миссъ Вертопъ. Онъ умеръ въ глубокой старости 20 марта 1727 г.

Въ началѣ своей ученой дѣятельности Ньютонъ открылъ новый методъ вычисленія для разрѣшенія представлявшихся ему астрономическихъ задачъ, неразрѣшимыхъ прежними способами. Онъ назвалъ исчисленіемъ флюксій этотъ методъ, въ сущности одинаковый съ исчисленіемъ безконечныхъ, которое открыто было Лейбницемъ. Ньютонъ довольно долго пользовался этимъ методомъ, не обнаруживая его. Разрѣшая посредствомъ его трудныя задачи, онъ показывалъ вѣрность полученныхъ имъ результатовъ формулами прежнихъ способовъ. Только когда Лейбницъ обнаружилъ свой способъ исчисленія, Ньютонъ нашелъ надобнымъ обнаружить свой методъ. Изъ этого возникъ между нѣмецкими и англійскими учеными продолжительный споръ о томъ, кому принадлежитъ первенство открытія, Лейбницу или Ньютону.

Главнымъ предметомъ своихъ трудовъ Ньютонъ поставилъ изслѣдованіе причинъ, производящихъ явленія природы и выводъ послѣдствій изъ найденныхъ имъ законовъ дѣйствія этихъ причинъ. Средствомъ достигать цѣли было подведеніе явленій природы подъ математическія формулы. Прежніе способы вычисленія были недостаточны для этихъ работъ; потому Ньютонъ занялся разработкой математики и сдѣлалъ въ ней великія открытія, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ методъ исчисленія флюксій. Свой способъ разъясненія законовъ природы онъ примѣнилъ прежде всего къ оптикѣ, стремись вывести все разнообразіе оптическихъ явленій изъ одного принципа. Онъ считалъ свѣтъ очень тонкимъ веществомъ, движеніе котораго происходитъ по законамъ механики, и съ изумительной проникательностью мысли выработалъ теорію оптическихъ явленій, долго остававшуюся господствующей. Впослѣдствіи было найдено, что не всѣ оптическія явленія удовлетворительно объясняются ею, и что должно считать свѣтъ не особымъ веществомъ, а волнообразнымъ движеніемъ вещества, какъ это прежде говорилъ Гейгенсъ.

Еще гораздо важнѣе великихъ открытій Ньютона въ оптикѣ то его открытіе, которое разрѣшаетъ вопросъ о причинѣ движенія планетъ и всѣхъ небесныхъ тѣлъ. Мы говорили, что Кеплеръ уже считалъ причиной движенія

планеты вокруг солнца дѣйствіе его на нихъ. Ньютонъ, стремившійся объяснять явленія природы механическими причинами, находилъ основательною эту мысль, сталъ дѣлать вычисления для разрѣшенія вопроса о томъ, состоитъ ли дѣйствіе солнца на планеты въ притяженіи, какъ думалъ Кеплеръ. Вычисленіе показало, что это дѣйствительно такъ и законы Кеплера, бывшіе только эмпирическими формулами, оказались необходимыми результатами закона природы, дѣйствующаго повсюду. Ньютонъ открылъ такимъ образомъ законъ, которому слѣдуютъ движенія всѣхъ массъ. Онъ нашелъ, что это дѣйствіе вещества, движущее всѣми массами его, имѣющими свободу движенія,—то самое дѣйствіе тяжести, по которому камень падаетъ на землю. Въ примѣненіи къ движеніямъ небесныхъ тѣлъ, слово тяжесть замѣняется терминами тяготѣніе или взаимное притяженіе. Ньютонъ показалъ, что взаимное тяготѣніе массъ, или по другому способу выраженія взаимное притяженіе ихъ—всеобщій законъ природы, общее качество всякаго вещества и этимъ простымъ принципомъ объяснилъ съ неопровержимой достовѣрностью множество явленій природы. Путь, которымъ пришелъ онъ къ своему основному открытію былъ таковъ: нашедши вѣроятную ту мысль, что движенія небесныхъ тѣлъ производятся взаимнымъ тяготѣніемъ ихъ, онъ занялся проверкой ея. Для перваго опыта проверки онъ взялъ движеніе луны вокругъ земли; проверка не удалась: вычисленіе показало, что движеніе луны не таково, какимъ было бы, если бы производилось тяготѣніемъ; Ньютонъ увидѣлъ въ этомъ опроверженіе своего мнѣнія. Но черезъ нѣсколько времени онъ узналъ результатъ новаго измѣренія градусовъ земной окружности, произведеннаго во Франціи; по этому измѣренію оказалось, что окружность земнаго шара, то-есть и діаметръ его, имѣетъ величину больше той, какую принимали прежде. Ньютонъ возобновилъ свое вычисленіе и увидѣлъ, что прежнее несоотвѣтствіе движенія луны съ мыслью о всеобщемъ тяготѣніи происходило не отъ ошибочности этой мысли, а отъ ошибочности прежней цифры величины земнаго діаметра. Теперь результатъ вычисленія вышелъ тотъ самый, какому слѣдовало быть по мысли о всеобщемъ тяготѣніи. Основательность этой мысли оказалась неопровержимой и былъ найденъ законъ природы, по которому движутся всѣ небесныя тѣла. Примѣненіе его къ разъясненію астрономическихъ явленій остается до сихъ поръ основнымъ способомъ усовершенствованія нашихъ астрономическихъ знаній. Онъ разъясняетъ движенія всѣхъ небесныхъ тѣлъ до мельчайшихъ подробностей, и кажущіяся неправильности ихъ оказываются такими же необходимыми результатами дѣйствія всеобщаго тяготѣнія, какъ и общій ходъ движеній. Открытіи Ньютона преобразовали не одну астрономію, а все естествознаніе: онъ показалъ путь къ разъясненію законовъ природы подведеніемъ явленій подъ законы механики.

2. Мильтонъ и Ботлеръ.

Гоббсъ былъ представителемъ понятій раставраціи, Мильтонъ—представителемъ духа республики. Гоббсъ—защитникъ деспотизма, думающій о человѣкѣ очень дурно. Мильтонъ видитъ въ человѣкѣ органъ Духа Святаго, считаетъ главнымъ достоинствомъ его нравственную свободу, исполненъ вѣры въ прекрасное будущее.

Мильтонъ родился въ Лондонѣ 9 декабря 1608; отецъ его былъ попусъ, мать, какъ говорятъ, была близкой родственницей Брэдпо. Онъ по-

лучилъ хорошее воспитаніе и, будучи очень даровитъ и любознателенъ, приобрѣлъ основательное знаніе древнихъ языковъ очень рано; 16-лѣтнимъ юношей онъ былъ принятъ въ Кембриджскій университетъ и семь лѣтъ очень усердно трудился тамъ надъ своимъ образованіемъ, интересуясь всѣми отраслями знаній. Еще въ это время онъ выказалъ высокій поэтический талантъ въ „Одѣ на рожденіе Христа“; она проникнута задумчивымъ благочестіемъ. Человѣкъ серьезнаго характера, строгой нравственности, Мильтонъ уже и въ молодости былъ чуждъ всякихъ слабостей, уклонялся отъ развлеченій. Онъ хотѣлъ поступить въ священники, но скоро оставилъ это намѣреніе, нашедши, что совѣсть не позволяетъ ему подписать англиканскій символъ вѣры. Уѣзжая въ 1632 изъ Кембриджа въ отцовскій прекрасный загородный домъ близъ Уиндзора, онъ былъ уже человѣкомъ первоклассной учености. Онъ прожилъ дома нѣсколько лѣтъ, посвящая время ученымъ занятіямъ и поэзіи. Прежде онъ писалъ болѣе частью лирическія стихотворенія на латинскомъ языкѣ, теперь сталъ писать на англійскомъ. Его описательная поэма II Allegro („Веселый“) осталась памятникомъ свѣтлаго настроенія его души въ эти годы. Другая описательная поэма II Penseroso („Задумчивый“) показываетъ, что онъ и тогда оставался расположенъ къ серьезнымъ раздумьямъ о жизни. Пуританское направленіе мало по малу одолевало въ немъ любовь къ веселой поэзіи въ духѣ древнихъ. Въ элегіи Lycidas, выражающей печаль о смерти друга, утопавшаго при кораблекрушеніи, онъ уже говоритъ съ негодованіемъ о невѣрныхъ пастыряхъ, не заботящихся о стадѣ божіей. Дворъ и аристократія очень любили тогда маскарады и спектакли легкомысленнаго характера. Мильтонъ написалъ противъ этого безнравственнаго направленія небольшую драму (по тогдашней терминологіи маску) Comus, въ которой изображаетъ побѣду дѣвической скромности надъ обольщеніями свѣтскихъ дурныхъ веселостей. Въ 1638 году, по смерти матерн, Мильтонъ поѣхалъ въ Италію; онъ уже имѣлъ тогда на континентѣ извѣстность какъ поэтъ. Въ Парижѣ онъ подружился съ Гуго Гроціемъ, трагедія котораго Adamus exil („Адамъ изгнанникъ“) доставляла ему въ послѣдствіи нѣкоторые мотивы для рассказовъ въ „Потерянномъ раѣ“. Но онъ оставался въ Парижѣ недолго, сѣдѣвъ въ Италію, искусство и наука которой привлекали его. Онъ ужъ и тогда владѣлъ итальянскимъ языкомъ такъ, что писалъ на немъ сонеты и канцоны. Онъ оставался въ Италіи слишкомъ годъ. Большую часть этого времени провелъ онъ во Флоренціи въ кругу поэтовъ и ученыхъ, высоко цѣнившихъ его талантъ и обширныя знанія. Однимъ изъ его флорентійскихъ знакомыхъ былъ Галилей. Два раза ѣздилъ онъ въ Римъ; своего отвращенія отъ папизма и іезуитовъ онъ не скрывалъ и тамъ.

Онъ хотѣлъ посѣтить Аѳины, но извѣстія о начинавшейся религіозно-политической борьбѣ на роднѣ заставили его возвратиться въ Англію; ему казалось неприличнымъ для гражданина разѣзжать по чужимъ землямъ, когда его сограждане бьются за свободу. Онъ поѣхалъ черезъ Венецію и Женеву въ Лондонъ и принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ, какъ публицистъ. Онъ писалъ обо всѣхъ важныхъ вопросахъ того времени. Первые памфлеты его направлены противъ епископальной системы; онъ доказываетъ въ нихъ, что реформація, введенная въ Англію королевскою властью, должна быть завершена признаніемъ религіозной свободы. Прелаты яростно нападали на эти маленькіе трактаты его, но не могли ослабить производимаго ими сильнаго впечатлѣнія. Другой рядъ его памфлетовъ относится къ вопросамъ о бракѣ и воспитаніи. Поводомъ къ заинтересованности его этими вопросами былъ опытъ собственной жизни: по несогласію съ нимъ въ политическихъ мнѣніяхъ жена покинула на довольно долгое время домъ его. Онъ доказывалъ неудовлетворительность ка-

нонических правил о расторжении браков, необходимость облегчить развод, изображал брачную жизнь, как союз искренней любви. Смпатию душ он ставит важнейшим элементом брачной жизни, чувственную любовь между мужем и женой называет союзом менее сильным, чем нравственный союз между ними. При недостатке взаимной сердечной любви мужу должно быть, по мнению Мильтона, дозволено расторжение брака под условием справедливого обезпечения денежных интересов отпускаемой жены. Брак, по понятиям Мильтона, только гражданский договор, не имющий надобности в освящении церковью. В небольшом трактате о воспитании Милтон высказывает почти все те мысли, по которым было улучшаемо воспитание впоследствии; в особенности советуется он заменить реалистическим образованием изучение древних языков. Третью, важнейшую группу прозаических произведений Мильтона составляют небольшие политические трактаты, из которых самой громкой знаменитостью пользуется „Апология английского народа“, написанная на латинском языке в опровержение книги Сальмазия (Сомеза). Клеветы, которым подвергся Милтон за нее со стороны роялистов, заставили его писать возражение, хотя врачи предсказывали ему, что он ослепнет, если не даст отдыха своему зрению, ослабленному ночной работой. Он не дал отдыха ему и ослеп. В этой второй апологии, имеющей заглавие „Объ условиях власти (On tenure) королей“ он оправдывает естественным правом и принципом верховной власти народа казнь Карла I.—Его „Иконокласт“ („Иконоборец“) — блистательное опровержение книги Eikon basilike („Образ царский“), которую приписывали Карлу I; „Ареопагитские мысли“ (Aeropagitica) — превосходная защита свободы преподавания и печати против пресвитерианского парламента, начавших, по достижении власти, стеснять свободу мысли. Во время республики Милтон был секретарем государственного совета по иностранным делам, писал классическим латинским языком важнейшие дипломатические акты; но, хотя был по должности секретаря членом кабинета Кромвелля, продолжал защищать верховную власть и свободу народа. Он начал тогда писать историю англосаксонского периода. Мы говорили, что по мнению английских патриотов источником государственного и церковного деспотизма было завоевание Англии норманнами; Милтон хотел доказать, что англосаксы имели свободные учреждения. — Милтон оставался государственным секретарем и при Ричарде. — Незадолго перед реставрацией он написал небольшой трактат: „Возможный и легкий путь к установлению свободного правительственного устройства“ и письмо к Монку, в котором убеждает его созвать свободный парламент и содействовать установлению в Англии государственного устройства, подобного тому, какое существует в нидерландской федеративной республике.

По возвращении Стюартов жизнь Мильтона находилась в опасности. Его „Апология английского народа“ была сожжена палачем; он был по распоряжению палаты общин отведен в темницу, и только благодаря ходатайству друзей, пользовавшихся влиянием при дворе, был избавлен от казни и через несколько времени освобожден. Карл II сказал: „Я слышу, он стар, бѣден и слеп; когда так, он достаточно наказан“. Он, действительно, был повергнут в бѣдность и домашнюю жизнь его в последние годы была несчастна: третья жена не любила его; дочери его ссорились с матерью и не имели любви к отцу. Он искал отрады в поэзии, занимаясь которой не имел досуга во время республики, когда написал лишь несколько сонетов. Один из его молодых друзей, квакер Эльвуд читал ему книги; младшая из двух дочерей, Дебора писала под

его диктовку. Он еще в молодости думал написать эпическую поэму. Предметом ее он хотел сделать Артура и рыцарей Круглого стола. Теперь настроение души его было иное, он взял предметом поэмы разсказ, соответствовавший его религиозным убеждениям. Защитник свободы, он высказал свои идеалы и свою скорбь о их гибели в поэме „Потерянный рай“. Она была кончена в 1667 году, через семь лет по реставрации, но проникнута духом религиозной и гражданской свободы. Первоначально хотел он написать на избранную им поэму произведение в драматической форме; и эпос его содержит в себе много драматических элементов.

„Потерянный рай“ начинается воззванием к небесной музыке и к Духу Святому, живущему в чистом сердце, чтобы они дали поэту силу воспеть „первое неповиновение человека Богу“, ставшее причиной бѣдствий на земле. Вслед за тем изображается мрачный ад, в котором живут сатана и демоны его, низвергнутые с неба за покушение отнять власть у Бога. Сатана узнал, что Бог создал новое миротворение и произвел существо, созданное по его образу. Род человеческий займет по воле Божией место, утраченное осужденными духами; Сатана хочет разрушить это намѣрение Божие. По его приказанию строится Пандемоним, он собирает в нем свой сенат для совѣщания о способах исполнить его мысль. Молох говорит, что должно возобновить войну с Богом, Маммон — что надобно сохранить спокойствие, Веельзевул — что слѣдует разрушить новую вселенную. Сатана берет на себя выведать божественное намѣрение. Стражи входа в адское царство, Грѣх и Смерть открывают ему ворота; он пролетает пространство хаоса и древней ночи, в котором бушует брожение стихий. Это рассказывается в двух первых пѣснях; третья пѣснь вводит нас в царство свѣта, где жилище Божие. Милтон прославляет свѣт, которым сияет Первородный неба и скорбит о том, что уже не может видеть лучей его. Господь показывает своему Сыну, сидящему на престоле небесном одесную отца, Сатану, летящего в новую вселенную и говорит, что люди будут обольщены; предотвратит их грѣхонападение Господь не может, потому что одарил их свободной волей и силой противостоять искушению. Сын Божий ходатайствует за людей и предлагает себя в искупительную жертву за них. Дѣти свѣта прославляют гимнами Господа и Сына его. Сатана между тем пролетает в небесное пространство и, неузнанный Урилом, выпрашивает, где жилище Адама и Евы; у него является сомнѣние в своей силе, но разсѣвается горячностью желанія отомстить Богу. Сатана у Мильтона гордый противник Бога, своего побѣдителя, непреклонно думающий о мщении, о произведении зла, предпочитающий царствование в ад служению на небѣ. Даже он, при всей своей озлобленности, восхищается, увидев прелесть земного рая, красоту и счастье первой четы людей, живущей в невинности, любви и безмятежной радости. Милтон великодушно описывает эту идиллическую жизнь. В Сатанѣ рождается зависть к блаженству людей, намѣрение погубить их счастье пробуждается в нем с новой силой. Он подслушивает разговор Адама и Евы, узнает, что им запрещено вкушать от дерева познания. На этом он строит свой план. При наступлении ночи ангел Гавриил, страж рая, прогоняет его; но, закрывшись туманом, он снова проникает ночью в рай и скрывается там под видом змеи. Господь посылает ангела Рафаила предостеречь молодую чету. Адам ведет его под благоухающія деревья, готовит ему обѣд из сладких плодов. Рафаил рассказывает о войнах на небѣ, происходившей до сотворения земли. Три дня длилась битва духов, оставшихся вѣрными Богу, с духами, присоеди-

нившимися къ Сатанѣ; въ ея описаніи замѣтны отношенія къ битвамъ кавалировъ съ круглоголовыми. Ночью послѣ перваго дня демоны изобрѣтають адскія орудія войны, порохъ и пушки, дѣлають ихъ, и на второй день битвы артиллерія даетъ такую силу демонамъ, что исходъ боя становится сомнителенъ; Сынъ Божій, будущій Мессія, восходитъ самъ на военную колесницу и низвергаетъ демоновъ въ глубину ада. Но они продолжаютъ вредить всему хорошему, потому Адамъ и Ева должны быть осторожны, — этимъ совѣтомъ кончается Рафаилъ свой рассказъ о возмущеніи Сатаны, занимающій пятую и шестую пѣсни поэмы. Въ седьмой пѣснѣ находится рассказъ Рафаила Адаму о сотвореніи мира, въ восьмой Адамъ рассказываетъ Рафаилу воспоминанія о своихъ первыхъ ощущеніяхъ и о томъ, какъ по его желанію имѣть существо, съ которымъ можно было бы дѣлиться радостями, Богъ далъ ему жену. Рафаилъ утѣшаетъ на небо, совѣтуя Адаму не увлекаться чувственными страстями. Въ девятой книгѣ рассказывается катастрофа. Ева, не послушавъ предостереженій Адама, уходитъ одна заняться присмотромъ за садомъ; Сатана въ видѣ змѣи всгупаетъ въ разговоръ съ ней и хитрыми рѣчами склоняетъ ее вкусить запрещеннаго плода отъ дерева познанія; она уговариваетъ мужа сдѣлать то же; онъ такъ любитъ ее, что предпочитаетъ смерть съ нею жизни безъ нея и вкушаетъ по ея просьбѣ отъ запрещеннаго плода. Первый грѣхъ совершенъ, невинность исчезла, Адамъ и Ева предаются чувственности; очнувшись отъ упоенія ею, они стыдятся своей наготы, понимаютъ, что согрѣшили: упрекають другъ друга; любовь замѣняется ссорой. Ангелы, стражи рая, покидаютъ его; Сынъ Божій, которому Отецъ передалъ власть судьи, нисходитъ на землю и провозноситъ приговоръ. Сатана радостно спѣшитъ въ Пандемоніумъ и возвѣщаетъ тамъ свою побѣду. Чтобы облегчить сношенія ада съ человѣческимъ міромъ, Грѣхъ и Смерть строятъ мостъ черезъ хаосъ. По повелѣнію Божію измѣняется видъ земли, является на ней разрушеніе, погибель; животныя, жившія до того времени мирно, становятся врагами одни другимъ. Гармонія человѣческой жизни съ жизнью природы исчезаетъ, какъ прежнее согласіе между людьми и невозмутимое чувство ихъ дѣтской любви къ Богу. Адамъ мучится раскаяніемъ: бросившись на землю, онъ желаетъ быть превращеннымъ въ прахъ, и гнѣвно отвергаетъ утѣшенія Евы. Въ негодующей рѣчи Адама высказывается чувство самого Мильтона; въ рассказѣ о томъ, какъ „Ева съ неудержимымъ потокомъ слезъ и съ распущенными волосами упала къ ногамъ Адама и, обнимая ихъ, просила о прощеніи“, видятъ отраженіе домашней жизни самого Мильтона. Раскаившіеся Адамъ и Ева получаютъ наконецъ отраду въ обѣщаніи Бога, что змѣй будетъ раздавленъ потомкомъ ихъ. Они покоряются своей неотвратимой участи, стараются облегчить ее трудомъ и молитвой. Архангелъ Михаилъ по повелѣнію Божію долженъ изгнать ихъ изъ рая. Онъ возводитъ Адама на высочайшую гору рая и показываетъ ему въ пророческомъ видѣніи то, что будетъ съ людьми до потопа, показываетъ дѣйствіе смерти, болѣзни, грѣха, спасеніе праведныхъ въ ковчегѣ Ноевомъ; потомъ въ двѣнадцатой, послѣдней, пѣснѣ рассказываетъ будущую судьбу потомковъ Авраама, нисшествіе Сына Божія на землю, искушеніе грѣхопаденія смертью и воскресеніемъ Мессіи, описываетъ испорченность папской церкви, которая, называя себя непогрѣшимой, преслѣдованіями принуждаетъ людей присоединяться къ ней наперекоръ вѣрѣ и совѣсти ихъ, предвозвѣщаетъ второе пришествіе Сына Божія въ славу небесной на землю и, прощаясь съ Адамомъ, даетъ ему совѣтъ: „Присоедини къ познанію истины самоотверженность и истинную любовь, проявляющуюся дѣлами; и будешь имѣть въ самомъ себѣ рай блаженіе того, какой ты долженъ поклониться нынѣ“. — Ева между тѣмъ лежала, погруженная въ сонъ: счастливыя ви-

дѣнія его успокоили ее, она готова слѣдовать за мужемъ, говорить ему: „Иди съ тобою, значить оставаться въ рай“. Ангелъ беретъ ихъ за руки, выводитъ изъ рая; Херувимъ съ пламеннымъ мечемъ становится у вратъ его.

Эта развязка не могла удовлетворить людей того времени, проникнутыхъ религіозностью. Надобно было рассказать объ исполненіи обѣщанія Божія, что люди будутъ спасены Мессіею. Нужна была вторая поэма въ дополненіе къ первой. Говорятъ, что Эльвудъ спрашивалъ Мильтона: „Остановится ли рассказъ на потерѣ рая? Когда ты покажешь намъ возвращеніе его?“ — Милтонъ черезъ три года издалъ дополненіе къ „Потерянному раю“, поэму „Возвращенный рай“; онъ очень высоко цѣнилъ ее, но она далеко уступаетъ „Потерянному раю“ поэтическимъ достоинствомъ. — Рай былъ утраченъ неповиновеніемъ первыхъ людей волѣ Божіей; во второй своей поэмѣ Милтонъ рассказываетъ, какъ онъ былъ возвращенъ человѣчеству покорностью Мессіи волѣ Божіей.

Сатана, оставшійся побѣдителемъ въ концѣ первой поэмы подвергается пораженію во второй. Когда Иисусъ крестится въ Иорданѣ, князь тьмы узнаетъ въ Немъ Мессію, предназначеннаго сокрушить владычество его, созываетъ демоновъ, высказываетъ имъ намѣреніе испытать надъ Иисусомъ силу искушенія, оказавшуюся успѣшной въ примѣненіи къ Адаму. Иисусъ, удалившись въ пустыню, углубляется въ размышленіе о своей прошлой жизни и о планѣ спасти людей; Сатана приходитъ къ нему въ видѣ старика, старается обольстить его искушеніями; существенное содержаніе ихъ у Мильтона то же самое, какъ въ Евангеліяхъ. Иисусъ и Сатана ведутъ диспуты, въ которыхъ видна большая вѣщанность Мильтона. По поводу предложенія Сатаны сдѣлать Иисуса царемъ римскимъ, Мессія говоритъ о порочности Рима; по поводу указанія Сатаны на Аѳины и обѣщанія сообщить Иисусу всю греческую мудрость, Мессія говоритъ о ничтожествѣ мнимаго знанія, о надменности, самообожаніи философовъ, остающихся невѣждами въ познаніи Бога и путей къ блаженству. Потерявъ полную надежду, Сатана низвергся въ адъ; являются хоры ангеловъ, переносятъ на своихъ крыльяхъ Сына Божія въ долину, покрытую цвѣтами, прославляютъ торжество Его пѣснью побѣды, восклицаютъ Ему: „Начни теперь великое свое дѣло, искупленіе рода человѣческаго“. Онъ возвращается въ домъ своей матери. Этимъ кончается „Возвращенный рай“. Можно полагать, что поэма осталась не оконченною.

Послѣднее поэтическое произведеніе Мильтона „Самсонъ Агонистъ“ („Борецъ“) имѣетъ драматическую форму, но по своему тону оно — лирическое произведеніе, въ которомъ ясно отражаются грустные мысли Мильтона о самомъ себѣ. Беззащитный, слѣпой Самсонъ жалуется израильтянамъ на свою судьбу. Филлистимляне ведутъ его на свой праздникъ. Онъ жертвуетъ своей жизнью, чтобы погубить враговъ. Ясно, что Милтонъ считалъ радикальный переворотъ необходимымъ для низверженія папа, наложеннаго на Англію возвратившимися Стюартами. На текстъ этой лирической драмы впоследствии написалъ Генделемъ знаменитая ораторія. — Милтонъ до конца жизни сохранялъ свѣжесть умственныхъ силъ. Онъ получалъ за свой „Потерянный рай“ только 10 фунтовъ; реакціонная цензура притѣсняла поэта — республиканца; но онъ продолжалъ свою поэтическую дѣятельность. Онъ слушалъ книги, читаемыя ему вслухъ, и диктовалъ. Ему играли на органѣ, который онъ очень любилъ; вечеромъ бывали у него немногіе друзья, оставшіеся вѣрными ему. Въ молодости онъ былъ такъ хорошъ лицомъ, черты его были такъ вѣжны, что его называли „лэди“; онъ и въ старости оставался красивымъ, и высокой статью его долго сохранялъ прямизну, русые волосы падали и въ старости густыми локонами на его плеча. Безболѣзненно, спокойно скончался онъ 8 ноября 1674. Онъ представитель

всего того, что было благородного и возвышенного въ движеніи, порожденномъ пуританствомъ.

Смѣшную и пошлую сторону пуританства выставилъ въ грубой каррикатурѣ современникъ Милтона, Самъюэль Ботлеръ (Bulter), своею комической эпикей „Гудибрасъ“ (Hudibras, Годибрэсъ), какъ называлъ онъ ее по имени главнаго дѣйствующаго лица; черты Гудибраса, какъ говорятъ, списаны въ каррикатурномъ искаженіи съ служившаго въ республиканской арміи землевладѣльца, въ домѣ котораго Ботлеръ прожилъ нѣсколько лѣтъ воспитателемъ его дѣтей. Поэма Ботлера, написанная легкимъ стихомъ, представляетъ рядъ смѣшныхъ сценъ, комизмъ которыхъ часто бываетъ грубъ до пошлости. Авторъ оставилъ поэму неоконченною. Кавалеры и англичанцы хвалили ее, но не наградили автора, какъ онъ ожидалъ; Карлу II нравилась она такъ, что онъ выучилъ наизусть многія мѣста изъ нея; но онъ далъ автору ея только 300 фунтовъ. Быть можетъ досада на недостаточность вознагражденія и была причиной того, что Ботлеръ бросилъ свою поэму неоконченною. Онъ умеръ въ тяжелой бѣдности. — „Гудибрасъ“ подражаніе „Дону-Кихоту“; но Ботлеръ умѣлъ заимствовать у Сервантеса только форму разсказа; ни глубокомыслия, ни благороднаго чувства, ни художественнаго таланта Сервантеса онъ не имѣлъ. Какъ Донъ-Кихотъ отправляется искать приключеній, взявъ съ собою оруженосцемъ Санчо Пансу, такъ и рыцарь Гудибрасъ, „никогда не преклонявшій колѣнъ“ (то есть не бывавшій на англиканскомъ богослуженіи, упорный пуританинъ), знатокъ богословія, отправляется на святую борьбу съ прелатизмомъ и роялизмомъ, надѣвъ нелѣпый костюмъ, взявъ уродливое оружіе, сѣвъ на поустыбную лошадь и въ сопровожденіи своего оруженосца Рэльфа (Ralf), индепендента, подобнаго ему самому и нелѣпостью фигуры и богословской ученостью, и хвастающагося „внутреннимъ озареніемъ“. Оба они пошлые трусы, своекорыстные лицемеры; авторъ приписываетъ имъ все пороки и глупости, въ какихъ винилъ круглоголовыхъ кавалеры. Ихъ постоянно бьютъ, они возвращаются домой осрамленные, но хвалятся своими геройскими подвигами. Гудибрасъ, какъ слѣдуетъ пуританину, приписываетъ все происходящее съ нимъ промыслу Божію, прикрываетъ свои пошлые намѣренія благочестивыми софизмами, оправдываетъ ихъ разсужденіями въ пуританскомъ вкусѣ. Нѣкоторыя сцены дѣйствительно остроумны, но многія возбуждаютъ отвращеніе своимъ грубымъ цинизмомъ.

Содержаніе поэмы Ботлера таково: Гудибрасъ не хочетъ допустить простонароднаго развлеченія медвѣжьей травлей, потому что это забава антихристовая и не установленная Священнымъ Писаніемъ. Рэльфъ согласенъ съ этимъ, но прибавляетъ, что синоды и пресвитеріи не менѣе противны Писанію и не менѣе дѣла антихристовы, чѣмъ медвѣжья травля. Гудибрасъ и Рэльфъ ѣдутъ на медвѣжью травлю, Гудибрасъ произноситъ рѣчь въ обличеніе и назиданіе толпы, собравшейся смотрѣть травлю: можетъ ли преслѣдовать реформація тамъ, гдѣ допускается медвѣжья травля? — говоритъ онъ своимъ слушателямъ: — „Весь народъ призванъ преобразовать церковь и государство, такъ что мѣдники, расхаживая по улицамъ, кричатъ ужъ не „чию посуду“, а „исправляйте церковь!“ и разносчики кричатъ не „вѣники и старые башмаки“, а „сметите парламентъ“, не спрашиваютъ, нѣтъ ли старой одежды на продажу, а кричатъ „прочъ стихарь и литургію“, требуютъ ковчегъ; — неужели же такое патріотическое движеніе поднято, неужели же вышито и разбито столько кружекъ, бутылокъ и стагановъ для того, чтобы вы ходили смотрѣть медвѣжью травлю, какъ нѣкогда израильтяне преклоняли колѣна предъ золотымъ тельцомъ?“ Назиданіе осталось напраснымъ. Гудибрасъ вступаетъ въ бой съ поводяникомъ медвѣди и его товарищами, мясникомъ и хромымъ скрипачомъ. Пораженный булавою мясника

Гудибрасъ падаетъ съ своего испугавшагося коня на медвѣдя; Рэльфъ беретъ въ плѣнъ и ведетъ въ сельскую тюрьму хромаго скрипача; скрипка побѣжденнаго конфискуется, потому что благочестивымъ принадлежитъ вся собственность, подѣлится которой съ ними не хотятъ нечестивцы. Гудибрасъ размышляетъ, какъ будутъ въ синодѣ и на проповѣдяхъ восхвалять его за побѣду; но между тѣмъ собираются враги. Героиня Трулла въ союзѣ съ башмачникомъ Сердономъ и сельскимъ работникомъ Колономъ спасаетъ бѣгущаго медвѣдя отъ побоевъ толпы и вступаетъ въ бой съ Гудибрасомъ, мечтавшимъ о томъ, какъ наградить его за подвигъ дама его сердца. Трулла побѣждаетъ рыцаря, снимаетъ съ него панцырь, надѣваетъ на него юбку, отводитъ его въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ скрипачъ, а скрипача выпускаетъ. Приводятъ въ тюрьму и Рэльфа, побѣжденнаго поводяникомъ медвѣдя. Гудибрасъ въ своемъ печальномъ положеніи предается философскимъ размышленіямъ и находитъ, что пассивная добродѣтель выше активной. Оруженосецъ его возобновляетъ рѣчь о томъ, что синоды и пресвитеріи такіе же дѣла антихриста, какъ медвѣжья травля, называетъ эти пресвитеріатскія собранія дѣтми инквизиціи, пресвитеріанство республиканскимъ паллизмомъ. Это протѣвляеть ортодоксальнаго пуританина Гудибраса; онъ по правиламъ логики доказываетъ Рэльфу, что синоды не медвѣжья травля, потому что въ медвѣжьихъ травляхъ нѣтъ внутренняго озаренія. Крылатая молва проноситъ вѣсть о судьбѣ Гудибраса въ замокъ вдовы, дамы его сердца; она отправляется освободить своего поклонника, глупостью котораго забавляется; она говоритъ ему, что ей мало слышать его увѣренія въ любви; она хочетъ подвергнуть его любовь испытанію: онъ долженъ дать высѣчь себя; это истязаніе единственный путь въ храмъ чести; оно научаетъ добродѣтели; зрѣлище сѣченія, исполняемаго съ тактомъ и граціей, трогаетъ сердце женщины; недавно одинъ лордъ былъ высѣченъ на постели женой за то, что принадлежалъ къ партіи роялистовъ, и парламентъ выразилъ благодарность этой дамѣ, какъ патріоткѣ. Гудибрасъ даетъ клятву исполнить желаніе дамы своего сердца; но утромъ на другой день твердость его души ослабѣваетъ. Онъ совѣтуется съ Рэльфомъ; оруженосецъ доказываетъ ему, что нарушить присягу грѣхъ менѣе тяжкій, чѣмъ дать высѣчь себя для исправленія; быть сѣченнымъ прилично только грѣшнику, а благочестивые не должны подвергать себя этому изыскаемому обряду; что же касается нарушенія клятвы, оно стало такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что должно считаться дозволеннымъ и даже похвальнымъ: война противъ короля и церкви начата съ нарушеніемъ присяги, парламентъ — клятвенный преступникъ, офицеры, сражающіеся съ королемъ, получили свои чины отъ него; люди, присягавшіе соблюдать кovenantъ, измѣнили и этой новой своей клятвѣ; Кромвелль доказалъ, что присяга лишь движеніе губъ; законъ и присяга изобрѣтены не для того, чтобы связывать свободу благочестивыхъ, а лишь для отнятія свободы у грѣшниковъ. Гудибрасъ видитъ основательность разсужденій своего оруженосца; у него остается одно затрудненіе: его рыцарская честь пострадаетъ отъ измѣны слову. Онъ спрашиваетъ Рэльфа, нельзя ли замѣнить себя другимъ въ исполненіи обязательства быть высѣченнымъ. Рэльфъ говоритъ, что можно, потому что грѣшникъ долженъ страдать вмѣсто праведнаго. Гудибрасъ проситъ Рэльфа, чтобы онъ далъ высѣчь себя. Рэльфъ отвѣчаетъ, что при разъясненіи подобныхъ вопросовъ никто не имѣетъ въ виду самого себя; такъ напримѣръ Кромвелль, доказывавшій, что члены парламента должны сложить съ себя военныя должности, самъ не сложилъ съ себя свою должность; онъ и не думалъ объ этомъ, когда дѣлалъ свое предложеніе парламенту. Гудибрасъ говоритъ: если Рэльфъ согласится потерпѣть нѣсколько ударовъ бичемъ и доставитъ этимъ своему рыцарю руку

богатой женщины, то окажетъ услугу правому дѣлу, потому что онъ, Гудибрасъ, обратитъ богатство своей жены на пользу церкви. Но и этотъ доводъ не дѣйствуетъ на Ральфа; они ссорятся; индепендентъ оруженосецъ насмѣшливо говоритъ пресвитеріанину Гудибрасу, что индепенденты пользовались синодальными раввинами съ ихъ длинными бородами и мудрымъ видомъ, какъ своими орудіями, и, извлеки себѣ пользу изъ союза съ ними, бросили ихъ. Гудибрасъ и Ральфъ ругаются, готовы подраться, когда шумъ толпы, идущей съ музыкой дудокъ и волынокъ отвлекаетъ ихъ отъ спора. Они видятъ народную забаву: женщина бѣдетъ верхомъ, бьетъ плѣннаго война, одѣтаго въ женское платье; предъ этимъ воиномъ поставлена прялка, женщина бьетъ его, чтобъ онъ усерднѣе прядъ. Гудибрасъ находитъ, что эта игра тоже языческой обычай, хочетъ прекратить ее; народъ бросаетъ въ него гнилыми яйцами, онъ отступаетъ передъ этими отравленными ядрами, какъ онъ называетъ ихъ. — Ему хочется узнать, подучитъ ли онъ руку вдовы и ея имѣнье; онъ обращается къ астрологу. Этотъ предсказатель будущаго принадлежитъ къ сектѣ розенкрейцеровъ, предупреждающихъ близкій конецъ міра; начинается разговоръ объ астрологіи, переходить въ споръ, Гудибрасъ бьетъ розенкрейцера, грабитъ его; но потомъ боится, что появится „князь тьмы на землѣ“ — полицейскій чиновникъ и убѣгаетъ, оставляя заложникомъ своего оруженосца и съ удовольствіемъ думая, что этотъ индепендентъ, порицающій пресвитеріанскіе соборы и ковенантъ и не согласившійся быть высѣненнымъ взамѣнъ своего рыцаря, будетъ теперь высѣченъ по рѣшенію судей. Гудибрасъ отирается къ дамѣ своего сердца объявить ей о своей новой побѣдѣ и лживо сказать ей, что подвергъ себя испытанію любви, какъ она желала, далъ высѣчь себя. Сказавъ ей это, онъ будетъ просить ея руки. Но Ральфъ тоже разсудилъ, что лучше бѣжать отъ суда, и раньше своего господина прѣхалъ къ этой дамѣ, разсказавъ ей все, какъ было, и самъ просилъ ея руки. Пріѣзжаетъ Гудибрасъ; вдова ведетъ съ нимъ разговоръ о брачной жизни, но подымается шумъ; Гудибрасъ трясется, полагая, что въ замокъ вдовы ворвался астрологъ съ чертями, чтобъ избить его; въ ужасѣ трусь бѣжить; но было темно, его хватаютъ и бьютъ и онъ не видитъ, кто бьетъ его; отъ него требуютъ покаянія; трусь сознается, что онъ и люди его партіи эгоисты, лицемеры, добывающіеся выгодныхъ должностей, что эти люди, называющіе себя святыми, распространяютъ въ обществѣ безнравственность своимъ ученіемъ о безгрѣшности, какую дала имъ благодать, дѣлающая то, что имъ не нужно стѣсняться правилами нравственности. Ходъ разсказа прерывается эпизодомъ, излагающимъ генеалогію сектъ: отъ брака ковенанта съ „патріотической справедливостью“ родилось множество сектантовъ, какъ рождаются изъ падали насѣкомыя. Эти сектанты, называющіе себя возрожденными благодатью, грызутся между собой изъ-за добычи, какъ собаки изъ-за кости; они дѣлятся на партіи и каждая партія желала бы взять себѣ церковныя и коронныя имѣнья, какъ даръ Божій ей; въ спорѣ за награбленную добычу, они обращаются къ защитѣ законовъ, поруганныхъ ими; каждая партія говоритъ, что другая извержена изъ благодати и лишилась права святыхъ получить земныя блага; эти люди своимъ крикомъ, подобнымъ смѣшенію языковъ при столпотвореніи вавилонскомъ, порвали законъ, разрушили государство и церковь. Но роялисты, не колебавшіеся въ вѣрности королю, оставшіеся непреклонными въ темницѣ, въ изгнаніи, не отрекшіеся отъ праваго дѣла для того, чтобъ обратно получить свои конфискованныя имѣнья, восторжествовали по смерти Кроуэля, когда сектанты, называющіе себя святыми, привели государство въ совершенное разстройство драками между собою; выводятся эти сектанты, разсказывающіе, какими способами достигли они власти и удерживали ее

за собой; этими разсказами раскрывается лицемеріе и безсовѣстность пресвитеріанъ, индепендентовъ, фанатичныхъ радикаловъ; они воображаютъ, что говорятъ о себѣ похвальные вещи, а на самомъ дѣлѣ раскрываютъ свою пошлость и гнусность. Ихъ разсказы перерываются приближающимся шумомъ, въ собраніе сектантовъ вбѣгаетъ товарищъ ихъ и, задыхаясь, разсказываетъ, что народъ собрался у Темплъ-Бэра (Temple Bar, у воротъ Сити), жжетъ изображенія членовъ индепендентскаго парламента. Одинъ изъ сектантовъ говоритъ, что это устроили паписты; въ залъ врывается толпа народа, разгоняетъ сектантовъ. Этотъ эпизодъ составляетъ восьмую пѣсню поэмы. Въ девятой и послѣдней Ральфъ доказываетъ Гудибрасу, что бѣжать отъ врага, а потомъ хвалиться побѣдами — дѣло полезное и хорошее, и совѣтуетъ ему подать въ судъ жалобу на даму его сердца, любовь которой не могъ онъ пріобрѣсти своими храбрыми подвигами; судьи, какъ швейцарцы, служатъ всякому, кто платитъ имъ. Гудибрасъ находитъ совѣтъ своего оруженосца основательнымъ, потому что храбрость состоитъ нынѣ въ военныхъ хитростяхъ, обращается къ мировому судѣ, угождавшему всѣмъ правительствамъ и при всѣхъ правительствахъ торговавшему своими рѣшеніями дѣлъ. Этотъ взыточникъ говоритъ, что Гудибрасу можно выплатить дѣло: ложной присягой, показаніями ложныхъ свидѣтелей, составленіемъ подложныхъ документовъ, легко дать процессу такой ходъ, что богатая вдова или согласится отдать руку и все имущество Гудибрасу, или будетъ приговорена къ висѣлицѣ. Но Гудибрасъ хочетъ сначала попробовать, не смятчить ея сердце любовными письмами. На его любовное письмо вдова отвѣчаетъ отказомъ. Поэма кончается этимъ.

с) Пиренейскій полуостровъ и италія.

Литература. Къ списку книгъ, помѣщенному при прежнихъ отдѣлахъ объ исторіи Перенейскаго полуострова, прибавимъ Zanetornato (венеціанскаго посланника при дворѣ Филиппа IV) *Relazione succinta del Governo della Corte di Spagna* (1672); As-sarino, *Delle rivoluzioni di Catalogna* (1644); — Mignet, *Négotiations et mémoires relatifs à la succession d'Espagne* (1835); — Weiss, *L'Espagne depuis le règne de Philippe II jusqu'à l'avènement des Bourbons*; — Hippéau, *Avènement des Bourbons au trône d'Espagne* (Paris, 1875); — Birago, *Istoria della disunione de Regno de Portogallo etc.* (1644); — Passarelli; *Bellum Lusitanum* (1684); — Menezes, *Historia de Portugal restaurato* (Lisb., 1751—1759).

1. Испанія и португалія въ XVII вѣкѣ.

1. Испанія при Филиппѣ IV.

Филиппъ IV думалъ только объ удовольствіяхъ, лѣнился заниматься дѣлами, государствомъ при немъ правилъ графъ Оливаресъ. Донъ Гаспаро де Гусманъ, графъ Оливаресъ, происходившій отъ знатной, но обѣднѣвшей фамиліи, родился 6 января 1587 въ Римѣ, гдѣ отецъ его былъ посланникомъ; онъ былъ хорошо образованъ, имѣлъ

изящныя свѣтскія манеры и приобрѣлъ безграничное довѣріе молодого короля, имѣвшаго при вступленіи на престолъ только 16 лѣтъ. Филиппъ IV назначилъ своего любимца президентомъ совѣта министровъ, сдѣлалъ его герцогомъ Санъ-Лукаромъ, и онъ 22 года владычествовалъ надъ государемъ и государствомъ, угождая склонности короля съ чувственнымъ наслажденіямъ. Оливаресъ, котораго называли герцогомъ-графомъ, соединяя наслѣдственный его титулъ съ пожалованнымъ, желалъ произвести улучшенія въ дѣлахъ, разстроенныхъ Лермой, удалить недобросовѣстныхъ сановниковъ, но не имѣлъ ни ума, ни силы характера, надобныхъ для успѣха въ этомъ. Онъ былъ человекъ жестокой, упрямый, капризный, ослѣпленный тщеславіемъ, и его управленіе только увеличило разстройство государства. Онъ изнурялъ народъ участіемъ въ Тридцатилѣтней войнѣ, походами въ Италію и въ Нидерландахъ, жертвуя всѣмъ для возвышенія могущества короля испанскаго и родственниковъ испанской династіи, австрійскихъ Габсбурговъ. Для покрытія военныхъ расходовъ и громаднхъ издержекъ на великолѣпіе двора и на королевскія удовольствія онъ вводилъ новые налоги, придумывалъ монополіи, угнетавшія торговлю, заключалъ займы за очень высокіе проценты, продавалъ коронныя имѣнья, давалъ должности предлагавшимъ за нихъ подарки, угнеталъ колоніи, бралъ деньги за пожалованіе бенефицій и церковныхъ должностей. Испанскія войска почти постоянно терпѣли неудачи въ Италіи; на нижнемъ Рейнѣ французы побѣждали ихъ; войны прекращались договорами, заключаемыми на очень невыгодныхъ условіяхъ, и скоро возобновлялись. Оливаресъ не могъ искренно принять миролюбивую политику, какъ не могъ и произвести реформы, какія были бы надобны. Однимъ изъ результатовъ его дурнаго управленія было возстаніе Каталоніи. Гособудствующей частью испанскаго государства была Кастилія, на которой, впрочемъ, и лежало наибольшей тяжестью обремененіе государственнымъ надобностями. Кастильяны составляли главную часть испанскихъ армій; кастильскіе кортесы, совершенно порабощенные, давали утвержденіе всяческому налогу, какихъ требовало правительство; другія королевства и области, соединенныя въ одно государство съ Кастиліей, пользовались нѣсколько лучшимъ положеніемъ, потому что сохраняли свои права, гарантированныя договорами, по которымъ присоединились они къ Кастиліи. Правда, эти права часто были нарушаемы и были формально подвергнуты противозаконнымъ ограниченіямъ; но въ основныхъ своихъ чертахъ еще оставались цѣлы. Филиппъ II отмѣнилъ лишь нѣкоторыя права Арагоніи; Наварра и Каталонія сохраняли свои законы; и хотя земледѣліе, и промышленность сильно пострадали и въ Каталоніи, какъ во всей восточной Испаніи, отъ изгнанія морисковъ, но жители Барселоны оставались трудолюбивѣйшими и зажиточнѣйшими подданными короля испанскаго;

каталонскій сеймъ ревниво охранялъ права страны, контролировалъ дѣйствія трибуналовъ, и налоги не могли быть взимаемы въ Каталоніи безъ его утвержденія. Расходясь, онъ выбиралъ комитетъ для надзора за правительствомъ до новаго созванія сейма. Испанское правительство давно тяготилось этими ограниченіями его произвола. Оливаресъ хотѣлъ сдѣлать во всѣхъ частяхъ Испаніи то, что пытался сдѣлать Стрэффордъ въ Англіи, сдѣлалъ съ блистательнымъ успѣхомъ Ришельё во Франціи. Надобность въ деньгахъ, невозможность увеличить налоги въ Кастиліи оправдывала во мнѣніи Оливареса его намѣреніе подавить самостоятельность каталонскаго сейма; притомъ онъ имѣлъ личныя причины мстить каталонцамъ. По его предложенію король, не спрашивая согласія каталонскаго сейма, установилъ въ 1638 году новую пошлину съ товаровъ, ввозимыхъ въ Каталонію, велѣлъ набрать въ Каталоніи 6.000 рекрутовъ и послать въ Италію. Сеймъ отправилъ въ Мадридъ депутацію напомнить, что каталонцы обязаны военной службой только въ своей землѣ и должны платить только тѣ налоги, которые устанавливаютъ сами; сеймъ просилъ отмѣны противозаконныхъ распоряженій. Духовные совѣтники короля сказали ему, что онъ, имѣя свою власть отъ Бога, пользовался только законнымъ правомъ ея, дѣлая распоряженія въ Каталоніи по своему усмотрѣнію; онъ отвергъ просьбу каталонскаго сейма, какъ неосновательную. Оливаресъ написалъ вице-королю каталонскому: «Кто осмѣливается уклоняться отъ всеобщихъ обязанностей, ссылаясь на привиллегіи своей земли, тотъ долженъ быть наказанъ какъ мятежникъ противъ Бога, короля и отечества». По его приказанію члены депутаціи каталонскаго сейма были арестованы.

Въ это время французы вошли въ Руссильонъ, взяли крѣпость Сальсъ; кастильское войско оттѣснило ихъ, но должно было ожидать, что Ришельё возобновитъ нападенія. Руссильонская милиція не могла бы одна отразить его; Оливаресъ рѣшилъ послать въ сѣверовосточную часть государства кастильскія и другія войска, велѣлъ размѣстить ихъ по Руссильону и соседней съ нимъ Каталоніи на квартирахъ у жителей съ тѣмъ, чтобы мѣстное населеніе содержало ихъ. Оборона страны была только предлогомъ для этого; истинною цѣлью Оливареса было подавить оппозицію каталонцевъ, привести военной силой въ исполненіе распоряженія о пошлинахъ и о наборѣ рекрутовъ. Администрація Каталоніи и комитетъ каталонскаго сейма протестовали противъ нарушенія правъ каталоніи, рѣзко выступали на видъ буйства и грабежъ чужихъ войскъ. Санта-Колома, вице-король каталонскій, велѣлъ арестовать вождей оппозиціи; въ числѣ арестованныхъ находились Кларисъ, капониъ урхельскій, членъ каталонскаго сейма Тамаритъ и членъ барселонскаго городского совѣта Варгасъ.

Барселона взволновалась; негодование распространялось по всей Каталонии. Когда весной жители горных мѣстностей пришли по обыкновению въ окрестности Барселоны заниматься на полевую работу, начались у нихъ драки съ чужими солдатами. Граждане Барселоны приняли сторону поселянъ и 12 мая 1640 года изъ драки произошло возстаніе: барселонцы разбили двери темницъ, выпустили арестованныхъ за сопротивление солдатамъ. Черезъ мѣсяць, 7 іюня, былъ въ томъ году праздникъ тѣла Господня; на него сошлось въ Барселону множество народа и повторилось возстаніе въ размѣрѣ, большемъ прежняго. Толпы горныхъ поселянъ ходили по улицамъ Барселоны съ крикомъ въ честь короля и съ проклятіемъ дурному управленію. Члены городского совѣта, члены сейма убѣждали ихъ прекратить шумъ; францисканцы пошли процессіей съ Св. Дарамъ остановить ихъ; они не слушали ничего, убили нѣсколькихъ кастильскихъ чиновниковъ, разграбили цейггаузъ и дома нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, угрожали дворцу вице-короля. Санта-Колома оробѣлъ; при помощи вѣрнаго слуги пробрался къ лодкѣ, чтобъ уплыть, но озлобленные на него горожане догнали его, убили, ругались надъ его тѣломъ. Буйство продолжалось въ слѣдующіе дни; разсудительные люди наконецъ убѣдили поселянъ уйти изъ города.

Оливаресъ не хотѣлъ и слышать о снисхожденіи, онъ требовалъ отъ Каталоніи безусловной покорности, угрожалъ безпощаднымъ наказаніемъ. Каталонцы увидѣли себя въ необходимости готовиться къ оборонѣ. Въ Барселонѣ былъ выбранъ комитетъ для управленія дѣломъ защиты правъ Каталоніи. Примѣру Барселоны послѣдовали всѣ провинціи, всѣ города королевства каталонскаго, за исключеніемъ Тортосы и нѣсколькихъ крѣпостей, занятыхъ кастильскими гарнизонами. Горячіе люди говорили о провозглашеніи республики.

Масса населенія не рѣшилась бы возстать противъ мадридскаго правительства, если бы французы не обѣщали помощи инсургентамъ. Ришельё, безпощадно подавлявшій всякое ослушаніе во Франціи, не стѣснялся помогать мятежамъ въ другихъ государствахъ, когда видѣлъ въ томъ выгоду для своихъ плановъ. Вожди недовольныхъ уже давно находились въ сношеніяхъ съ герцогомъ Эпернономъ, командовавшимъ войсками въ Левкате (на руссильонской границѣ); герцогъ по инструкціямъ Ришельё обѣщалъ помощь имъ. Когда испанское правительство послало въ Каталонію назначеннаго вице-королемъ маркиза Де Лосъ Велоса съ войскомъ усмирить инсургентовъ, они (16 декабря 1640) заключили союзъ съ Франціей. Ришельё послалъ Эпернона съ нѣсколькими тысячами солдатъ въ Барселону, отправилъ эскадру охранять берегъ Каталоніи; каталонцы признали короля французскаго своимъ государемъ съ титуломъ графа барселонскаго, какъ назывались прежніе государи ихъ; Людовикъ XIII обязался уважать права, принадлежащія по законамъ графству бар-

селонскому. Эпернонъ съ своимъ небольшимъ войскомъ дошелъ до Тортосы, былъ оттѣсненъ испанскимъ войскомъ, гораздо болѣе многочисленнымъ, ушелъ во Францію; но каталонская милиція, обучаемая французскими офицерами и городское ополченіе Барселоны оборонялись отъ Де Лосъ Велоса такъ храбро, что онъ послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ снялъ осаду Барселоны, принужденъ былъ уйти за Эбро. Вся Каталонія освободилась отъ испанской власти; даже тѣ города, которые сначала оставались покорны мадридскому правительству, присоединились къ общему возстанію. Примѣру португальцевъ, возстановившихъ около этого времени свою независимость и успѣшно отражавшихъ испанскія войска, ободрялъ каталонцевъ. Людовикъ XIII и Ришельё пріѣхали въ Руссильонъ, чтобы ближе имъ было дѣлать распоряженія, какія понадобятся, и ускорить отправленіе войска на помощь инсургентамъ. Въ присутствіи короля французы взяли приморскіе города Руссильона Колліуръ и Перпиньянъ, выгнали испанцевъ изъ всего Руссильона; маршалъ Бреzé привелъ большой отрядъ войска въ Барселону помогать военнымъ распоряженіямъ барона Де-ла-Моттъ-Уданкура (La Mothe-Houdancourt), назначеннаго вице-королемъ каталонскимъ. Уданкуръ разбилъ испанцевъ подъ Леридой.

Ришельё и Людовикъ XIII умерли вскорѣ послѣ начала каталонской войны. Регентша Анна и Мазарини, которому поручила она управленіе дѣлами, находились въ затруднительномъ положеніи, не могли поддерживать каталонцевъ такъ энергично, какъ это было бы нужно. Супруга Филиппа IV, дочь Генриха IV, Изабелла, и ея партія низвергли (въ январѣ 1643) Оливареса, поручили управленіе дѣлами племяннику его Луису де Гаро, человеку менѣе суровому и надменному, но и менѣе дѣятельному, чѣмъ онъ. Слабость французскаго правительства дала испанскому возмужности успѣшно дѣйствовать противъ каталонцевъ. Филиппъ IV самъ пошелъ съ войскомъ на нихъ, покорилъ въ іюлѣ 1643 Лериду и Балагеръ (Balaguer), заставилъ французовъ снять осаду Таррагоны; а главнокомандующій другаго испанскаго войска, Сильва, разбилъ Уданкура, котораго Мазарини послалъ за это въ темницу (гдѣ и держалъ его нѣсколько лѣтъ). При его преемникѣ, повомъ вице-короля каталонскомъ, графѣ Аркуръ (Harcourt) французы стали пріобрѣтать успѣхи. Генералъ Дюплесси взялъ послѣ двухмѣсячной осады приморскую крѣпость Росасъ (31 мая 1645), а самъ вице-король, разбивъ испанское войско, взялъ 23 іюня Балагеръ. Но главныя силы Франціи сражались въ Германіи, потому Мазарини не могъ посылать большихъ подкрѣплений въ Каталонію и до конца Тридцатилѣтней войны военныя дѣйствія тамъ ограничивались мелкими сраженіями. Каталонія была разорена, всѣ промышленности и торговля дѣла остановились, нивы оставались не всаханы, страна стала страдать отъ голода; приверженцы мадридскаго правительства въ Барселонѣ ободрились, составили въ 1646 году заговоръ, главной дѣятельницей котораго была богатая и знатная дама, баронесса Альби, честолюбивая интригантка. Заговорщики условились съ коммандантомъ испанскаго гарнизона въ Таррагонѣ впустить его въ Барселону, возстановить власть короля испанскаго; но этотъ замыселъ былъ открытъ, нѣкоторые изъ заговорщиковъ были казнены, другіе увезены во Францію.

Аркуръ былъ хорошій полководецъ, но испанскій генераль Леганесъ принудилъ его въ ноябрѣ 1646 отступить отъ Лериды, которую осаждалъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ. Мазарини послалъ на мѣсто Аркура принца Конде; но и этотъ великій полководецъ, снова осадившій Лериду, принужденъ былъ въ юнѣ 1647 отступить отъ нея.

Вестфальскій миръ, заключенный въ слѣдующемъ году, не прекратилъ войны Франціи съ Испаніей; французы оставались въ Каталоніи, сражались съ испанцами, дѣйствовавшими наступательно; каталонцы были изнурены и мало участвовали въ оборонѣ своей земли. Надежда Мазарини удержать Каталонію за Франціей ослабѣвала; онъ оставлялъ тамъ французскія войска только для того, чтобы мѣшать отправленію подрѣзанныхъ испанской арміи въ Нидерландахъ. Донъ-Хуанъ, побочный сынъ Филиппа IV, молодой человекъ отважнаго характера, блокировалъ Барселону; маршалъ Уданкуръ, начальствовавшій французскимъ гарнизономъ, выдерживалъ блокаду болѣе года, но наконецъ принужденъ былъ заключить (12 октября 1652) капитуляцію, по которой сдалъ Барселону испанцамъ, давшимъ свободный пропускъ гарнизону и обязавшимся дать амнистию гражданамъ. Послѣ того не могли долго держаться Хирона, Паламосъ, Пюи де Кьеръ, Валагеръ и другія второстепенныя крѣпости, въ которыхъ оставались французскіе гарнизоны. Французы ушли изъ Каталоніи и въ ней была восстановлена власть короля испанскаго. Филиппъ IV утвердилъ за Каталоніей прежнія права ея.

2. Возстановленіе независимости Португаліи.

Итакъ, сѣверо-восточная часть Испаніи, тринадцать лѣтъ оставшаяся отдѣленной отъ испанскаго государства, была снова присоединена къ нему; но Португалія, завоеванная Филиппомъ II, свергла съ себя ненавистное испанское иго. Съ независимостью исчезло благосостояніе португальскаго народа. Нидерландцы, нападая на испанскія колоніи, овладѣли болѣею частью тѣхъ изъ нихъ, которыя прежде были португальскими: вытѣснили испанцевъ и португальцевъ изъ Японіи, Бразиліи, изъ земель Индійскаго океана. Съ утратою колоній уменьшились источники благосостоянія португальцевъ. Рынки Лиссабона и Оporto опустѣли; португальское дворянство, выказывавшее геройскую отвагу во времена независимости, неохотно служило испанцамъ; большинство вельможъ и дворянъ уклонялось отъ общественной дѣятельности подъ ненавистной иноземной властью; страна обѣдѣла подъ бременемъ налоговъ, установленныхъ финансовой изобрѣтательностью испанскаго правительства. Оно продавало

гражданскія и церковныя должности, насильственно брало деньги съ вельможъ, дворянъ и духовенства, называя эти суммы добровольными пособіями; всѣ милости правительства были продажны, за всякія злоупотребленія властью мѣстные правители получали прощеніе, откупаясь деньгами; тѣ чиновники, которые, не дѣлая поборовъ, не давали взятокъ, были удаляемы съ должностей; имѣнья и деньги благотворительныхъ учрежденій были конфискуемы; коронныя имѣнья и регалии были продаваемы, чтобъ отнять у португальцевъ средства къ возстановленію національнаго правительства и сформировать изъ покушниковъ партію, заинтересованную въ поддержаніи испанскаго владычества.

Португальцы негодовали на деспотизмъ иноземныхъ правителей, наглость ихъ, расхищеніе національныхъ имуществъ; печалились о потерѣ колоній, объ упадкѣ своего благосостоянія. Теодосіо, герцогъ Браганскій, сынъ Катерины Браганской, мужественно защищавшей права своей династіи противъ Филиппа II, былъ доведенъ печалью до душевной болѣзни и, умирая, поручилъ своимъ приближеннымъ тайно похоронить его съ королевскими почестями. Сынъ его Жоано (Іоаннъ), наслѣдовавшій притязанія на престолъ и богатства своей династіи, былъ человекъ осторожный, не имѣвшій горячаго честолюбія, предпочитавшій опаснымъ замысламъ охоту, музыку и другія развлеченія, но въ душѣ враждебный испанскому игу. Португальскіе патріоты основывали свои надежды на томъ, что брагансская династія подыметъ оружіе для возстановленія своихъ правъ. Она имѣла средства для борьбы: ей принадлежала третья часть всей земли въ Португаліи. Понятно, что мадридское правительство опасалось герцога Іоанна и зорко слѣдило за его поступками; но онъ держалъ себя очень осторожно и оно не могло найти предлога къ какому нибудь крутымъ мѣрамъ противъ него: повидимому онъ былъ занятъ исключительно своими удовольствіями.

Подъ управленіемъ герцога Оливареса положеніе Португаліи дѣлалось все тяжелѣе и тяжелѣе. Ненависть португальцевъ къ испанскому игу увеличивалась. Деспотизмъ Оливареса нарушалъ условія Томарскаго договора, по которому Португалія была присоединена къ Испаніи. Довѣріемъ Оливареса пользовались только тѣ раболѣпные португальцы, которые были ненавистны своимъ соотечественникамъ какъ измѣнники національнымъ интересамъ; вліятельнѣйшими изъ нихъ были государственный секретарь лиссабонскаго правительства Діого Соарезъ, хитрецъ, усердный исполнитель всякихъ приказаній, изобрѣтательный въ приискиваніи предлоговъ къ насиліямъ и родственникъ его Мигель Васконселосъ, надменный, алчный, коварный и жестокий человекъ, имѣвшій личную злобу на португальскую аристократію, наказавшую его отца смертью за измѣну и злодѣйства. По названію правительницей Португаліи была внука Филиппа II,

вдовствующая герцогиня мантуанская Маргарета, женщина слабого характера, неспособная обуздывать безсовестного и жестокого Соареса и его помощников. Въ 1638 году испанское правительство, не созывая португальских кортесовъ, установило новый налогъ, взиманіе котораго поручило особымъ чиновникамъ; беспощадная суровость ихъ и противозаконность самаго налога увеличили раздраженіе народа; въ Эворѣ поднялся мятежъ и распространился почти по всей провинціи Алемтежо; но это было безпорядочное возстаніе простолудиновъ; испанцы подавили его, казнили главныхъ вождей, массу менѣе виновныхъ сослали на галеры; мадридское правительство было радо случаю запугать патриотовъ свирѣпыми мѣрами. Были учреждены двѣ спеціальныя хунты (одна въ Вадахосѣ, другая въ Аямонте, на границѣ Алемтежо и Альгарви) для наказанія мятежниковъ и окончательнаго порабоженія Португаліи. Король пригласилъ нѣсколькихъ вельможъ и церковныхъ сановниковъ Португаліи пріѣхать въ Мадридъ, желая, какъ онъ говорилъ, пользоваться ихъ совѣтами при предположенныхъ реформахъ, а на самомъ дѣлѣ рассчитывая держать ихъ въ Мадридѣ заложниками за повиновеніе ихъ соотечественниковъ. Онъ поручилъ маркизу Портосегуро произвести въ Португаліи наборъ для войны съ французами и покоренія Каталоніи. Герцогу Браганскому было велѣно набрать въ своихъ владѣніяхъ 1.000 человекъ и снарядить ихъ на свой счетъ.

Португальцы ожидали, что будутъ принимаемы еще болѣе крутыя мѣры, думали о сопротивленіи, смотрѣли, какое рѣшеніе приметъ герцогъ Іоаннъ; онъ держалъ себя совершенно спокойно, но не разсѣялъ этимъ подозрѣній испанскаго правительства. Оливаресъ хотѣлъ подъ видомъ довѣрія и почета захватить его въ свои руки: назначилъ его главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ въ Португаліи и поручилъ ему осматрѣть португальскія гавани и укрѣпить ихъ, чтобы крейсировавшій у португальскаго берега французскій флотъ не могъ сдѣлать высадки; на произведеніе этихъ работъ было ассигновано въ распоряженіе герцога 40.000 пистолей (золотыхъ монетъ). Но начальникамъ флота и крѣпостей Оливаресъ послалъ тайное приказаніе арестовать герцога и доставить подъ строгимъ надзоромъ въ Мадридъ. Герцогъ понималъ намѣреніе Оливареса и обозрѣвая приморскія крѣпости, осматривая корабли, постоянно имѣлъ при себѣ такой многочисленный конвой, что невозможно было и пытаться арестовать его. Санъ главнокомандующаго войсками и флотомъ въ Португаліи давалъ ему средства замѣщать нѣкоторые военныя должности преданными ему людьми. Но онъ не выказалъ ничѣмъ своихъ намѣреній. Пріѣхавъ къ двору вице-королевы, онъ держалъ себя относительно ея очень почтительно и возвратился въ свою обыкновенную резиденцію Вилла-Висозу. Многіе патриоты утра-

тили надежду на него, полагали, что онъ не приметъ короны, если она будетъ предложена ему. И дѣйствительно, когда вожди патриотической партіи: Франсиско Мелло, братъ его Жорже (Георгій), маркизъ Феррейра, графъ Виміозо, Мигель Альменда и братъ его Антану (Антоній) предложили Іоанну стать во главѣ возстанія и принять королевскій санъ, онъ уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта. Но пришло приказаніе ему быть готовымъ къ выѣзду въ Мадридъ, потому что король беретъ его съ собою въ походъ для усмиренія Каталоніи. Такое же приглашеніе было прислано другимъ португальскимъ вельможамъ. Герцогъ понималъ, что его приглашаютъ въ Мадридъ для того, чтобы арестовать и отвѣчалъ, что не можетъ занять предлагаемаго ему почетнаго мѣста въ походѣ: издержки, какихъ потребовала бы надобность окружить себя большой великолѣпной свитой, приличной его сану, превышаютъ его денежныя средства. Другіе приглашенные вельможи послѣдовали его примѣру и съ тѣмъ вмѣстѣ начали готовиться къ оборонѣ отъ мщенія испанскаго правительства за отказъ, явно показывающій ихъ недовѣріе къ Оливаресу и къ королю.

Ришельё помогалъ возстанію каталонцевъ; португальцы могли рассчитывать, что онъ охотно станетъ помогать и ихъ возстанію. Вельможи и дворяне, бывшіе вождями патриотовъ, тайно собрались 12 октября 1640 въ домѣ Антану Альменды для совѣщанія о дѣлахъ родины. Кромѣ тѣхъ патриотовъ, имена которыхъ уже были приведены нами, тутъ были: Педро Мендонса, Антану Сальданья и Жоао Пинто Рибейро, завѣдывавшій денежными дѣлами герцога браганскаго. Собравшіеся жаловались, что герцогъ не высказываетъ своихъ мыслей; нѣкоторые говорили, что надобно будетъ провозгласить республику; эту мысль имѣли довольно многіе португальскіе патриоты. Рибейро, человекъ очень умный, сказалъ, что надобно провозгласить Іоанна королемъ, не спрашивая его согласія, что когда это будетъ сдѣлано, онъ по необходимости станетъ главнымъ вождемъ инсургентовъ. Всѣ находившіеся въ собраніи нашли эту мысль основательной, рѣшили сдѣлать такъ, но предувѣдомить о своемъ намѣреніи герцога черезъ Педро Мендонсу, соседа его по сельскимъ резиденціямъ. Мендонса на охотѣ сказалъ герцогу о рѣшеніи патриотовъ. Іоаннъ встревожился. Прежде чѣмъ дать отвѣтъ Мендонсѣ, онъ посоветовался съ женою, Луизою Гусманъ, женщиной изъ той очень знатной испанской фамиліи, глава которой имѣлъ титулъ герцога Медина-Сидоніи, и съ своимъ секретаремъ Антану Пазомъ Візгасомъ. Герцогиня и секретарь убѣждали его принять предлагаемую корону, потому что отказъ отъ участія въ возстаніи не спасетъ его, не разсѣетъ подозрѣній испанскаго правительства и лучше погибнуть въ благородной борьбѣ, чѣмъ отдаться въ руки коварныхъ враговъ. «Тебѣ остается одинъ выборъ», сказала герцогиня: «или быть королемъ въ Лиссабонѣ, или умереть въ Мадридѣ,

какъ преступнику». Герцогъ рѣшился стать во главѣ инсургентовъ; патріоты, подготавливавшіе возстаніе, приняли это извѣстіе съ восторгомъ.

Черезъ мѣсяцъ, 26 ноября (1640 года) вельможи, бывшіе на собраніи у Антано Альмейды и еще нѣкоторые патріоты поѣхали темной ночью порознь къ лиссабонскому дворцу герцога браганскаго, выходили въ разныхъ мѣстахъ и порознь прошли въ дворецъ условиться о подробностяхъ возстанія съ жившимъ во дворцѣ Рибейро. Онъ передъ тѣмъ удалилъ прислугу, комнаты были мало освѣщены. Такія предосторожности были нужны, потому что Оливаресъ и вице-королева ужъ имѣли свѣдѣнія о подготовленіяхъ къ возстанію. На собраніи 26 ноября было рѣшено, что, открывъ тайну надежнымъ друзьямъ, заговорщики ворвутся съ ними въ дворецъ правительницы, обезоружатъ караулъ, убьютъ Васкоселлоса, выйдутъ на балконъ и провозгласятъ герцога браганскаго королемъ Иоанномъ IV. Главной надобностью было склонить къ участію въ этомъ дѣлѣ городской совѣтъ, старшинъ цеховъ и архіепископа лиссабонскаго, хорошаго патріота. Все было исполнено въ назначенный часъ совершенно такъ, какъ было условлено. Всѣ обѣщавшіе свое содѣйствіе явились 1 декабря на свои мѣста. Заговорщики овладѣли входами въ дворецъ правительницы; тѣ изъ нея тѣлохранителей и слугъ, которые хотѣли сопротивляться, были убиты; заговорщики нашли спрятавшагося Васкоселлоса, изранили его, выбросили изъ окна на внутренній дворъ. Толпа, собравшаяся тамъ, убила ненавистнаго притѣснителя. Мигель Альмейда вышелъ на балконъ и размахивая мечемъ, воскликнулъ: «Свобода португальцамъ! Да здравствуетъ король Донъ Жуано (господинъ Иоаннъ) IV!» Народъ повторилъ этотъ крикъ. Съ правительницей заговорщики обращались почтительно; на ихъ требованіе, чтобъ она сложила съ себя власть, она отвѣчала обѣщаніемъ прощенія и отмѣны причинъ къ неудовольствіямъ; но, увидѣвъ бесполезность своей попытки сохранить Португалію за королемъ испанскимъ, прекратила сопротивленіе, послала комманданту цитадели приказаніе не стрѣлять по городу. Это спасло Лиссабонъ отъ большаго бѣдствія. Антано Альмейда съ почетнымъ карауломъ охранялъ безопасность Маргареты, между тѣмъ какъ другіе вожди инсургентовъ принимали мѣры для довершенія переворота. Городскія власти безъ сопротивленія признали новое правительство. Многіе монахи и церковные сановники были патріоты, одинъ изъ нихъ, священникъ Азамбужскаго прихода, отличился храбростью при нападеніи на замокъ правительницы; духовенство дало благословеніе совершившемуся перевороту. До пріѣзда новаго короля завѣдываніе дѣлами принялъ на себя комитетъ правителей (Gobernadores); президентомъ его былъ архіепископъ лиссабонскій. Испанцы, бывшіе въ городѣ или на корабляхъ въ лиссабонской пристани, смущенные

неожиданностью, не сдѣлали никакой попытки сопротивленія. Коммандантъ цитадели Луисъ дель Кампо сдалъ ее временному правительству и удалился съ гарнизономъ изъ Португаліи. Когда онъ явился въ Мадридъ, его предали военному суду. Приговоръ суда объявилъ его поступившимъ безопасно; онъ былъ такъ потрясенъ, что сошелъ съ ума. Вся Португалія послѣдовала примѣру Лиссабона. Иоаннъ былъ провозглашенъ королемъ въ Сантаремѣ, Коимбрѣ, Оporto, Брагѣ. Гдѣ небольшіе кастильскіе гарнизоны медлили сдавать занимаемыя ими цитадели, ихъ принуждали къ тому силой. Когда Иоаннъ пріѣхалъ изъ Вилла-Висозы въ Лиссабонъ, вся Португалія уже признала его власть. Повсюду освобожденіе страны было празднуемо шумными выраженіями радости. Замокъ Сантъ-Жулиано, господствовавшій надъ Лиссабономъ, былъ измѣною сданъ португальцамъ. Послѣ того не осталось враговъ внутри государства и 15 декабря было произведено съ соблюденіемъ всѣхъ формъ коронованіе короля. Такимъ образомъ почти безъ всякаго кровопролитія Португалія возстановила свою независимость. Маргаретѣ было дозволено жить въ Сантосскомъ монастырѣ, который выбрала сама она; черезъ нѣсколько времени она уѣхала въ Испанію. Въ началѣ 1641 года были собраны въ Лиссабонѣ кортесы, которые давно не были созываемы; они утвердили выборъ короля, присягнули на вѣрность ему, обнародовали манифестъ, объяснявшій причины отпаденія отъ Испаніи и оправдывавшій его.

3. Царствованія Иоанна IV и Альфонса VI.

Иоаннъ IV, вступившій на престолъ отчасти по праву происхожденія, отчасти по выбору народа, былъ человѣкъ не даровитый, но способный цѣнить благоразумные совѣты и слѣдовать имъ, управлявшій дѣлами по согласію съ представителями націи. Онъ принялъ мѣры для обороны государства отъ испанцевъ и упрочилъ за собой расположеніе націи, отмѣнивъ противузаконные налоги, введенные испанцами, объявивъ государственной собственностью свои громадныя имѣнья за исключеніемъ небольшой части, которую оставилъ на свое содержаніе. Кортесы установили налоги и сдѣлали военныя распоряженія, какія были нужны для защиты отечества отъ испанцевъ; эти налоги—сборъ десятой части съ доходовъ, таможенные пошлины, акцизы, собираемый съ сѣвѣсныхъ припасовъ въ большихъ городахъ, и подать съ церковныхъ имѣній, величину которой опредѣляло само духовенство,—дали средства сформировать многочисленное войско и содержать его во время войны. Мадера,

другіе острова Атлантического океана, принадлежавшіе прежде Португаліи, португальскія колоніи въ Азіи и Америкѣ признали власть возстановленнаго португальскаго правительства; возобновленіе торговли съ ними помогло улучшенію денежнаго положенія Португаліи.

Говорятъ, что Оливаресъ, пріѣхавъ передать Филиппу IV извѣстіе о возстаніи въ Лиссабонѣ сказалъ: «Я имѣю сообщить вашему величеству радостное извѣстіе: герцогъ браганскій возмущенъ и тѣмъ подвергъ свои владѣнія конфискаціи; ваше величество обогатились приобрѣтеніемъ герцогства». Дѣйствительно, Оливаресу можно было думать, что онъ подавитъ возстаніе: многіе португальскіе вельможи были приверженцами испанскаго владычества надъ ихъ родиной; нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали въ Мадридъ, предложили королю свои услуги; другіе остались въ Португаліи готовить низверженіе новаго правительства. Іоаннъ получилъ извѣщеніе о заговорѣ, въ которомъ участвуютъ великій инквизиторъ и многіе вельможи, и главный руководитель котораго архіепископъ брагскій; узналъ также, что заговорщики получаютъ много денегъ отъ Педро Баэсы и двухъ другихъ крещеныхъ евреевъ. Судебное слѣдствіе раскрыло подробности заговора. Маркизь Вилла-Реаль, сынъ его, герцогъ Каминья, графъ Армамаръ и нѣкоторые другіе заговорщики были казнены (въ августъ 1641); архіепископъ брагскій и великій инквизиторъ были пощажены, но оставлены въ темницѣ; архіепископъ умеръ тамъ, великій инквизиторъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ освобожденъ. Но и по подавленіи заговора положеніе Португаліи оставалось опаснымъ. Она была слаба по сравненію съ испанскимъ государствомъ и счастьемъ для нея было то, что испанское правительство вело тогда войну въ Нидерландахъ, Германіи, Италіи, потому не могло посылать большихъ армій въ Португалію.

Ришелье заключилъ союзъ съ королемъ португальскимъ, Мазарини остался вѣренъ его политикѣ, но французы мало помогали португальцамъ, будучи заняты другими войнами. Нидерландская республика также заключила союзъ съ Португаліей, обѣщала прислать флотъ для защиты Лиссабона отъ испанцевъ съ моря, но удержала за собой тѣ португальскія колоніи, которыми овладѣла въ періодъ подвластности Португаліи королю испанскому и даже расширяла свои владѣнія въ Бразиліи, которую португальцы считали своей землей. Англичане заключили съ Португаліей договоръ, выгодный для ихъ торговли, дававшій имъ въ Португаліи свободу богослуженія и обезпечивавшій ихъ отъ инквизиціи. Почти всѣ другіе европейскіе государства признали независимость Португаліи. Франція предлагала допустить португальскихъ пословъ къ участию въ министерскихъ переговорахъ; по вліянію испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ это было отвергнуто министерскимъ собраніемъ уполномоченныхъ. Но уже и самое присутствіе португальскихъ пословъ въ центрѣ тогдашней дипломатической дѣятельности пріучало всѣхъ думать о Португаліи, какъ о независимомъ государствѣ.

Только папа принялъ сторону Испаніи: по убѣжденію испанскаго посланника, наперекоръ совѣтамъ французскаго, онъ отказалъ въ аудіенціи пор-

тугальскому, пріѣхавшему съ увѣреніями въ почтеніи своего короля къ папѣ церкви. На улицахъ Рима происходили вооруженныя столкновенія между наемными бандитами, составлявшими свиты испанскаго и португальскаго пословъ. При всей своей преданности церкви и духовенству Іоаннъ IV не могъ достичь того, чтобы папа призналъ Португалію независимымъ государствомъ. Такъ велико было уваженіе римской курии къ королю испанскому, и такъ боялась она оскорбить его, признавъ государя, котораго мадридскій дворъ называлъ хищникомъ и клятвопреступникомъ. Папа не утверждалъ кандидатовъ, назначаемыхъ португальскимъ правительствомъ на епископскія кафедръ, становившіяся вакантными. Король и кортесы ограничивались просьбами ему. Смѣнилось четыре папы, но отношенія римской курии къ Португаліи оставались прежними. Только уже третій король браганскаго дома былъ признанъ папой.

Португальцы, какъ мы говорили, получали мало помощи отъ союзниковъ, должны были обороняться почти исключительно собственными силами и блистательно выказали свою энергію. Примѣръ короля, отдавашаго государству свои имѣнья, продавашаго свои брильянты, дѣйствовалъ на всѣхъ. Кортесы устанавливали налоги, надобные для покрытія расходовъ войны, вся нація была одушевлена патріотизмомъ; быстро былъ построенъ флотъ, начальникъ его Антоніо Теллесъ де Мезенесъ былъ опытный морякъ; наборъ доставилъ большое войско; для охраненія границъ была сформирована милиція.

Большой выгодой для португальцевъ было, что испанское правительство должно было обращать свои главныя силы на войну съ каталонцами и союзниками ихъ французами и долго не посылало войска въ Португалію, надѣясь, что испанская партія тамъ очень сильна и низвергнетъ новое правительство, возстановитъ прежнее положеніе дѣлъ. Только когда Оливаресъ утратилъ власть, Испанія стала серьезно готовиться къ войнѣ съ португальцами. Паденію Оливареса много содѣйствовала пріѣхавшая въ Мадридъ Маргарета Мантуанская. — Весною 1644 маркизь Торрекуса повелъ войско изъ Вадахоса за Гвадіану (пограничную рѣку); но португальскій главнокомандующій Альбукерке разбилъ его въ кровопролитномъ сраженіи 26 мая. Онъ отступилъ за Гвадіану. Португальское войско, состоявшее изъ людей, еще не бывшихъ въ сраженіяхъ, сражалось очень храбро, но много помогло его успѣху то, что испанское войско состояло тоже изъ людей неопытныхъ. Альбукерке былъ награжденъ титуломъ графа Алегрете. На слѣдующій годъ повелъ испанцевъ въ Португалію Лаганьесъ, хорошій генералъ. Этотъ походъ былъ для нихъ удачливъ: они взяли и сожгли Вилла-Висозу, родовую резиденцію герцоговъ браганскихъ; они одержали успѣхи и въ походѣ 1646 года: португальцы, перешедшіе Гвадіану и взявшіе фортъ Телену были осенью отброшены за Гвадіану неожиданнымъ нападеніемъ Лаганьеса, войско котораго было сильнѣе ихъ числомъ, и съ большимъ урономъ были оттѣснены до крѣпости Эльваса. Графъ Алегрете умеръ, печалась о своемъ пораженіи.

Но испанское правительство было не въ состояніи воспользоваться побѣдой. Испанія была истощена, войны въ Каталоніи и въ Нидерландахъ, возстаніе въ Неаполѣ поглощали всѣ ея силы. Она должна была оставить нападены на португальцевъ и война съ ними фактически прекратилась. Только временами случались мелкія схватки и набѣги испанскихъ отрядовъ для грабежа пограничныхъ мѣстностей. Власть Іоанна IV окрѣпла. По соглашенію съ картесами, которыхъ созывалъ нерѣдко, онъ принималъ мѣры для обороны границъ, производилъ реформы въ администраціи, судбномъ устройствѣ, финансахъ.

Братъ Іоанна Дуарте (Эдуардъ) служилъ въ императорской арміи вѣрно и со славою. При извѣстіи о лиссабонской революціи Фердинандъ III повелѣнію испанской партіи велѣлъ арестовать его, хотя онъ оставался совершенно чуждымъ португальскому перевороту. Іоаннъ упрашивалъ императора освободить его, но Фердинандъ остался неумолимъ. Дуарте перевезли изъ крѣпости въ крѣпость и черезъ восемь лѣтъ (въ сентябрѣ 1649) онъ умеръ на 39 году жизни въ миланской пѣчелѣ. Благородные люди жальби о немъ, потому что онъ былъ человѣкъ добрый.

Испанцы, какъ мы сказали, не могли посылать большихъ армій противъ португальцевъ, будучи заняты другими войнами. Благодаря тому Португалія окрѣпла, и во время заключенія вестфальскаго мира ужъ не было сомнѣнія, что португальцы сохранятъ свою національную независимость.

Нѣкоторыя изъ колоній Португаліи возвратились подъ власть ея. Въ Остѣ-Индіи португальцы не могли возстановить прежняго своего преобладанія. Тамъ и въ Малайскомъ архипелагѣ усиливалось господство голландцевъ. Они овладѣли Цейлономъ. Главную крѣпость этого острова Коломбо геройски защищалъ португальскій коммандантъ ея Автаво де Соуза Коутинью; но 12 мая 1666 принужденъ былъ сдаться. Изъ Абиссиніи португальцы были изгнаны вмѣстѣ съ іезуитами въ 1654 году. Причиной изгнанія было то, что іезуиты своими интригами подымали беспорядки въ Абиссиніи, навлекли на себя ненависть массы населенія. Но въ Бразиліи и на западномъ берегу Африки португальцы возвратили себѣ прежнія владѣнія. Въ первые годы, по возстановленіи независимости Португаліи, Фернандезъ Віэйра и его тестъ Беренгеръ провозгласили въ Пернамбуко присоединеніе Бразиліи къ Португаліи, начали войну съ голландцами, которыхъ ненавидѣло населеніе. Война шла успѣшно для инсургентовъ, въ особенности, когда торговое общество, основанное въ Португаліи, стало помогать имъ. Война Англіи съ Нидерландскою республикой тоже была выгодна для португальцевъ. Іоаннъ смягчилъ гнѣвъ Кромвелля, отказавшись отъ помощи принцу Руперту и возобновивъ прежній торговый договоръ съ Англіей. Португальскій главнокомандующій въ Бразиліи Барreto овладѣлъ всѣмъ приморьемъ на сѣверѣ и на югѣ отъ Пернамбуко и въ январѣ 1654 голландцы, сдавъ главную свою крѣпость Ресифе, удалились изъ Бразиліи.

Іоаннъ очень радовался возстановленію португальской власти въ этой странѣ, которую онъ называлъ своею дойною коровою. Онъ

заботился о порядкѣ въ финансахъ, былъ бережливъ и по возможности уклонялся отъ войнъ. Онъ умеръ 6 ноября 1656. За три года передъ тѣмъ умеръ его старшій сынъ Теодосіо, даровитый и отважный молодой человѣкъ. Это было большою потерей для Португаліи, потому что братья его Аффонсо (Альфонсъ) и Педро далеко уступали ему талантами.

Супруга Іоанна была назначена по завѣщанію мужа регентшей во время малолѣтства Аффонсо (Альфонса) VI, которому шелъ тогда только 14-й годъ; женщина энергическая, она удержала въ своихъ рукахъ власть и по достиженіи совершеннолѣтія Альфонсомъ, потому что онъ былъ неспособенъ управлять государствомъ. Съ дѣтства онъ не занимался ничѣмъ серьезнымъ, не слушался учителей, любилъ общество уличныхъ мальчиковъ, участвовалъ въ ихъ грубыхъ забавахъ. Сдѣлавшись королемъ, онъ продолжалъ этотъ образъ жизни, ходилъ и развѣзжалъ по городу съ буйными молодыми развратниками, пьянствовалъ и веселился въ гостиницахъ и домахъ терпимости. Итальянецъ Антонио Конти, имѣвшій лавку неподалеку отъ дворца, приобрѣлъ его расположеніе, помогая его распутству, и скоро сталъ вліятельнымъ фаворитомъ, главою партіи альфонсистовъ, старавшихся отнять у королевы матери управленіе дѣлами и удалить ее отъ двора. Она стала возвышать младшаго своего сына Педро, (Петра), который былъ шестью годами моложе Альфонса, окружила его людьми уважаемыми, образованными, назначила воспитателемъ его вельможу, родственника королевской династіи, составила планъ возвести его на престолъ при помощи кортесовъ и нѣкоторыхъ сановниковъ. Въ 1662 году, во время засѣданія государственнаго совѣта, на которомъ присутствовали и она и Альфонсъ, герцогъ Кадавалъ арестовалъ въ королевскомъ апартаментѣ Конти, другіе союзники королевы—матери арестовали другихъ альфонсистовъ. Въ государственномъ совѣтѣ была прочтена бумага, рѣзко порицавшая образъ жизни короля и погубное вліяніе его приближенныхъ на государственныя дѣла. Альфонсъ, раздраженный, уѣхалъ въ Алькантару и по совѣту своего камергера, графа Кастелло Мельора, даровитаго интриганта, принялъ мѣры для отнятія власти у матери. Кастелло Мельоръ удачно дѣйствовалъ отъ имени короля. Власть Альфонса была признана, Кастелло Мельоръ взялъ въ свои руки управленіе государствомъ. Королева-мать дѣлала попытки возстановить свою власть, но была принуждена (въ 1663 году) удалиться въ монастырь (черезъ три года она умерла тамъ). Приверженцы ея были высланы изъ Лиссабона. Придворный штатъ инфанта Петра былъ составленъ изъ альфонсистовъ; всѣ важныя должности были замѣщены сообщниками Кастелло Мельора. Онъ былъ полнымъ властелиномъ въ государствѣ. Народъ не любилъ его, но признавалъ его умъ и административный талантъ. Кастелло Мельоръ надѣялся, что женитба

исправить Альфонса, продолжавшего буйствовать и развратничать, женилъ его (въ июнѣ 1666) на французской принцессѣ Маріи Франсискѣ Елизаветѣ Савойско-Немурской, внучкѣ герцога Вандомскаго. Но Альфонсъ не выказывалъ расположенія къ женѣ. Она, женщина честолюбивая, стала вмѣшиваться въ дѣла; вокругъ нея сформировалась партія, которой руководили пріѣхавшіе съ ней французы и французки. Король поссорился съ ней; Петръ и приверженцы покойной королевы-матери пріобрѣли вліяніе на королеву. Король винилъ Кастелло Мельора за то, что онъ устроилъ женитьбу его на женщинѣ такой непріятной; королева интриговала противъ Кастелло Мельора, надѣясь захватить власть по его паденіи. Петръ удалился изъ Лиссабона, но остался въ сношеніяхъ съ королевой. Альфонсъ ревновалъ и волновался политическими опасеніями; ссора его съ женою и братомъ усиливалась. Петръ попросилъ у него должности коннетабля (главнокомандующаго всѣхъ военныхъ силъ); Альфонсъ увидѣлъ въ этомъ намѣреніе брата и жены свергнуть его съ престола. Подозрѣніе его было справедливо. Королева продолжала интриговать противъ Кастелло Мельора и преданнаго ему государственнаго секретаря Соузы де Маседо, человека умнаго и патріотичнаго; ей помогалъ маршалъ Шомбергъ, командовавшій присланнымъ въ Лиссабонъ французскимъ вспомогательнымъ войскомъ; Петръ склонялъ вельможъ и офицеровъ поддерживать его и пріобрѣталъ между ними много приверженцевъ. Ссора его и королевы съ королемъ возбуждала въ испанцахъ надежду покорить разстроенное государство.

Кастелло Мельоръ видѣлъ, что королева и Петръ готовятъ дворцовый переворотъ, убѣждалъ короля арестовать заговорщиковъ при содѣйствіи преданныхъ ему полковъ; Альфонсъ не понималъ опасности своего положенія, выслушалъ совѣтъ его такъ равнодушно, что онъ рѣшился предоставить неисправимаго на волю судьбы, въ ту же ночь уѣхалъ изъ Лиссабона и, переодѣвшись, бѣжалъ за границу. Власть перешла къ Соузѣ, но народъ не любилъ его и когда разнеслась молва, что онъ совѣтуетъ королю арестовать брата, вельмож и народъ взволновались. Утромъ 1 октября Петръ отправился во дворецъ требовать арестованія Соузы; за инфантомъ шла масса людей всѣхъ сословій, окружила дворецъ, наполнила дворъ его, вошла въ корридоры. Король находился въ спальнѣ, онъ ничего не предвидѣлъ; съ нимъ стали поступать, какъ съ плѣнникомъ; онъ безъ сопротивленія покорился, объявилъ, что даетъ отставку Соузѣ и другому своему приближенному, Мануэлю Антунесу; они ночью бѣжали.

Альфонсъ, человекъ не только не понимавшій государственныхъ дѣлъ, но до такой степени пренебрегавшій всякими серьезными занятіями, что не умѣлъ порядочно читать, остался безъ совѣтниковъ. Всѣ видѣли, что онъ не способенъ править государствомъ; вопросъ

былъ только о томъ, какъ устранить его. Петръ и королева требовали, чтобъ онъ созвалъ кортесовъ; онъ не согласился, опасаясь, что они низложатъ его. Государственный совѣтъ предполагалъ оставить за нимъ титулъ короля, передавъ управленіе королевѣ и Петру; онъ обидѣлся, отвергъ это предложеніе. Королева уѣхала въ монастырь Эсперансу и объявила, что уѣдетъ во Францію и не считаетъ дѣйствительнымъ свой бракъ съ Альфонсомъ, потому что онъ не жилъ съ ней, какъ съ женою; это значило, что она требуетъ отъ своихъ союзниковъ рѣшительныхъ дѣйствій. Петръ въ сопровожденіи государственнаго совѣта, городскихъ властей и народа отправился 23 ноября въ дворецъ и заставилъ брата подписать актъ отреченія. Въ началѣ слѣдующаго (1668) года собрались кортесы и постановили, что государствомъ будетъ править Петръ, но до смерти Альфонса будетъ называться не королемъ, а только принцемъ и правителемъ (governador). Лиссабонскій кафедральный капитулъ и папскій легатъ въ Парижѣ, дядя королевы, признали королеву освобожденной отъ брака съ Альфонсомъ, подтвердившимъ ея слова, что онъ никогда не жилъ съ ней, какъ съ женою, признали ее имѣющею право вступить въ бракъ съ другимъ; она и Петръ исполнили то, въ чемъ давно условились. Она говорила, что хочетъ возвратиться на родину и требовала возвращенія приданаго ей. Кортесы и лиссабонскія городскія власти отправились къ ней въ монастырь просить ее, чтобъ она для блага государства отдала руку Петру. Она согласилась и черезъ нѣсколько дней по составленіи акта о расторженіи брака съ Альфонсомъ вышла за Петра (въ концѣ марта 1668). Папское бреве утвердило новый бракъ ея. Альфонса держали подъ арестомъ во дворцѣ, потомъ отослали на Терсейру; черезъ нѣсколько лѣтъ возвратили его въ Португалію, поселили въ королевскомъ дворцѣ въ Синтрѣ. Онъ прожилъ послѣдніе годы въ апатическомъ состояніи и умеръ 12 сентября 1683. Тогда Петръ, называвшійся только правителемъ, принялъ титулъ короля Петра II.

4. Правленіе Петра II.

Разстроенное состояніе Португаліи по смерти Іоанна IV вновь возбуждало въ испанцахъ надежду покорить ее. Въ апрѣлѣ 1657 было собрано у Вадахоса и Оливенсы большое испанское войско; въ маѣ бездарный генералъ Сальданья сдалъ Оливенсу испанскому главнокомандующему Санъ-Хермону (онъ былъ за это сосланъ въ Индію). Въ слѣдующемъ году испанцы осадили Эльвасъ. Зимнія непогоды, голодъ, болѣзни истребляли обѣ арміи. Эльвасъ былъ очень важ-

нымъ стратегическимъ пунктомъ. Португальцы съ горячимъ патриотизмомъ дѣлали усилія освободить его отъ осады. Коимбрскіе и эворскіе студенты, молодежь изъ всего королевства пошла въ войско. Въ кровопролитной битвѣ подъ Эльвасомъ 14 января 1659 португальскій главнокомандующій Менезесъ одержалъ блистательную побѣду; 2.000 испанцевъ было убито, еще больше взято въ плѣнъ. Разбитая армія отступила въ Вадахось.

Но положеніе Португаліи оставалось очень опаснымъ. Португальскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Соуре, напрасно убѣждалъ Мазарини требовать отъ испанцевъ признанія независимости Португаліи при переговорахъ съ ними о мирѣ. Пиренейскій миръ былъ заключенъ безъ упоминанія о Португаліи. Франція признала власть короля испанскаго надъ всѣми землями, принадлежавшими ему до 1641 года, то есть до начала португальскаго возстанія, и обѣщала не помогать португальцамъ. Испанское правительство обязалось дать амнистию португальцамъ по возстановленіи своей власти надъ Португаліей.

Но Мазарини вовсе не желалъ, чтобъ испанцы овладѣли Португаліей. Обѣщая не помогать ей, онъ только обманывалъ испанское правительство, чтобы поскорѣе заключить миръ и женить Людовика XIV на испанской принцессѣ. Правда, онъ отозвалъ французовъ, служившихъ въ португальской арміи, запретилъ вербовать волонтеровъ въ португальскую службу. Но Тюреннъ, Шомбергъ, Гизъ, другіе вліятельные люди остались въ открытой дружбѣ съ португальскимъ посломъ, 600 офицеровъ и дворянъ пріѣхали къ графу Соуре въ Гавръ; туда собралось большое число волонтеровъ, намеровавшихся Шомбергомъ. Все это войско отплыло подъ начальствомъ Шомберга на португальскихъ и англійскихъ корабляхъ въ Лиссабонъ (въ октябрѣ 1660). На жалобы испанскаго посланника Мазарини отвѣчалъ: «Не можемъ же мы помѣшать тому, что маршалъ Тюреннъ расположенъ къ португальскому двору; а что касается генерала Шомберга, онъ иностранецъ, поступающій на службу, куда хочетъ; всегда были кондотьеры, переходящіе изъ службы одному государству въ службу другому». Парижское правительство тайно содѣйствовало успѣху переговоровъ о женитьбѣ Карла II на португальской принцессѣ, чтобы доставить Португаліи помощь Англій. Филиппъ IV послалъ своего побочнаго сына Донъ Хуана, хорошаго полководца, изъ Вадахоса съ 20.000-нымъ войскомъ въ Португалію. Въ 1661 и въ 1662 годахъ Донъ Хуанъ овладѣлъ сосѣдней съ Испаніей частью Алемтежо, опустошалъ всѣ мѣстности, куда приходилъ; но идти на Лиссабонъ не могъ, потому что на пути туда стоялъ укрѣпленнымъ лагеремъ Шомбергъ, назначенный португальскимъ главнокомандующимъ. Въ своей сильной позиціи Шомбергъ пріучалъ португальскихъ новобранцевъ къ военному дѣлу, армія его увеличивалась. На третій годъ

Донъ-Хуанъ, получивъ подкрѣпленія, пошелъ на Лиссабонъ, взялъ Эвору; въ маѣ 1663 передовые отряды его подошли довольно близко къ Лиссабону. Населеніе города было въ испугѣ. Но при содѣйствіи Кастильо Мельора, правившаго тогда Португаліей, Шомбергъ собралъ большое войско; король англійскій, исполняя обѣщаніе, данное при женитьбѣ, прислалъ 2.000 человекъ пѣхоты, 1.000 конницы и присоединилъ къ португальскому флоту 10 кораблей.

Шомбергъ напалъ на испанцевъ 3 іюня подъ Амешіалемъ и разбилъ ихъ; 4.000 ихъ легли на полѣ сраженія, число плѣнныхъ было еще больше. Донъ-Хуанъ ушелъ въ Вадахось съ остаткомъ своей арміи, упавшей духомъ. Португальцы взяли Эвору, выгнали отовсюду испанскіе гарнизоны. Независимость Португаліи была упрочена. Шомбергъ и маркизъ Маріальва нанесли 17 іюня 1665 новое тяжелое пораженіе испанцамъ при Монтесъ-Кларосъ, близъ Вилла-Висозы.

Испанцы утратили надежду покорить Португалію и стали серьезнѣе вести давно начатые переговоры о мирѣ. Когда французская принцесса сдѣлалась королевой португальской, Людовикъ XIV пересталъ соблюдать условія Пиренейскаго мира, посланникъ его въ Лиссабонѣ Сентъ-Роменъ предложилъ португальцамъ союзъ съ Франціей, разсѣялъ досаду ихъ на нее за измѣну при заключеніи Пиренейскаго мира, и 31 марта 1667 былъ подписанъ договоръ о наступательномъ союзѣ между Франціей и Португаліей. Передъ тѣмъ временемъ умеръ Филиппъ IV, и по смерти его король французскій заявилъ притязанія, которыя привели Францію къ новой войнѣ съ Испаніей; потому союзъ съ Португаліей былъ выгоденъ для французовъ, и они были очень рады тому, что, наперекоръ миролюбивымъ совѣтамъ англійскаго посла Сотуэлли, она обязалась продолжать войну съ испанцами подъ условіемъ, что французы будутъ помогать ей.

Королева и Сентъ-Роменъ требовали энергическаго веденія войны. Англійскій посланникъ старался примирить Португалію съ Испаніей, чтобъ отнять союзницу Людовика XIV. Испанское правительство было расположено къ миру съ Португаліей, желая обратить всѣ свои силы противъ Франціи; испанскіе гранды, взятые въ плѣнъ при Монтесъ-Кларосъ, поддерживали англійскаго посла; но лиссабонское правительство осталось бы въ союзѣ съ Людовикомъ XIV, если бы нація энергическими заявленіями не принудила его прекратить войну. Лиссабонскія городскія власти, кортесы, духовенство, народъ требовали заключенія мира, который обезпечитъ независимость Португаліи. Государственный совѣтъ уступилъ общественному мнѣнію, посовѣтовалъ регенту помириться съ Испаніей, соглашавшейся на выгодныя для Португаліи условія. Такимъ образомъ былъ 13 февраля 1668 подписанъ въ Лиссабонѣ договоръ, по которому Испанія признала Португалію независимымъ государствомъ. Границы были опредѣлены соответственно фактическому владѣнію. (Потому Сеута осталась за

Испаніей.) Король англійскій гарантировалъ соблюденіе мира, заключеннаго при его посредничествѣ. Въ слѣдующемъ году 31 іюля было заключено соглашеніе между Португаліей и Нидерландской республикой, признавшей послѣ долгихъ споровъ Бразилію принадлежащей португальцамъ и получившей отъ нихъ за то много торговыхъ выгодъ.

Португалія была обязана возстановленіемъ и упроченіемъ своей независимости не талантамъ или честолюбію Іоанна IV и его дѣтей, а патриотизму народа; потому нація прониклась сознаніемъ своихъ силъ и государство болѣе походило на республику, чѣмъ на монархію. При ссорахъ въ королевскомъ семействѣ невозможно было развитіе абсолютизму. Въ письмѣ къ государственному секретарю Эрлингтону Сотуэлль съ удивленіемъ говоритъ, что португальскій народъ очень мало повинуется начальству; а королева, въ письмѣ къ Людовику XIV, извиняя регента въ заключеніи мира съ Испаніей, говоритъ, что онъ не могъ поступать иначе, потому что власть его слаба, кортесы господствуютъ надъ правительствомъ. Регентъ не могъ увеличить свою власть и по заключеніи мира, потому что Альфонсъ былъ еще живъ и оппозиція могла пугать имъ правительство. Такимъ образомъ регентъ принужденъ былъ дѣлать уступки общественному мнѣнію и волѣ кортесовъ. Примѣромъ этому служить дѣло о попыткѣ его ограничить власть инквизиціи.

Іезуиты поссорились съ инквизиціей. Она хотѣла судить іезуита Антонио Віэйру, онъ успѣлъ уѣхать въ Римъ и, будучи человекомъ ловкимъ, убѣдилъ папу, что іезуиты правы; папа утвердилъ обнародованный регентомъ по совѣту его духовника и провинціала (областнаго начальника) іезуитовъ эдиктъ, воспрещавшій инквизиціи преслѣдовать такъ называемыхъ новыхъ христіанъ, подозрѣваемыхъ въ преданности своей прежней религіи, мусульманской или іудейской. Молва говорила, что этотъ эдиктъ и его утвержденіе папой куплены португальскими іудеями. Инквизиція противилась ограниченію своей власти; португальскій народъ принялъ ея сторону, отчасти по привычному уваженію къ ней, отчасти по ненависти къ евреямъ. Папу не любили португальцы за его пристрастіе къ испанскому правительству и за нарушеніе правъ португальскаго духовенства и свѣтскаго правительства; потому рѣшеніе дѣла папой противъ инквизиціи только усилило ропотъ; толпы народа ходили по Лиссабону съ крикомъ: „Да здравствуетъ король Альфонсъ! Смерть евреямъ и измѣнникамъ!“ Анонимные памфлеты усиливали раздраженіе. Регентъ уступилъ оппозиціи епископовъ и кортесовъ, поддерживаемой этими демонстраціями, отбѣнилъ свой эдиктъ и папское бреве возвратило инквизиціи прежнюю власть ея.

Честолюбіе Людовика XIV вовлекло почти всю западную Европу въ войну. Испанія, Франція, Англія соперничали между собою, склоняя португальское правительство къ союзу. Людовикъ XIV имѣлъ сильную поддержку въ іезуитахъ и во французенкахъ, на которыхъ были женаты многіе испанскіе вельможи. Королева и ея мужъ, ре-

гентъ, были расположены къ союзу съ Франціей; но принуждены были скрывать это, боясь интригъ испанскаго двора, поддерживаемого духовенствомъ и массой народа; они опасались, что оппозиція при содѣйствіи Испаніи возстановитъ власть Альфонса; Петръ уступилъ желанію кортесовъ и всей націи, требовавшихъ нейтралитета, считавшихъ миръ необходимою для приведенія въ порядокъ португальскихъ дѣлъ. Королева, неизмѣнно любившая Францію и владѣвшая надъ мужемъ, тяготилась нейтралитетомъ, но понимала, что открытое сопротивленіе волѣ націи могло лишить династію короны, потому ограничивалась выраженіемъ своей преданности Людовику въ письмахъ къ нему и выказываніемъ благосклонности посланнику его, Сенъ-Ромену. По ея смерти (27 декабря 1683), французское вліяніе на Португалію прекратилось. Мужъ ея, имѣвшій теперь титулъ короля, потому что незадолго передъ тѣмъ Альфонсъ умеръ, сблизился съ испанскимъ правительствомъ и черезъ три года женился на Маріи Софіи, принцессѣ пфальц-нейбургскаго дома, дружнаго съ Габсбургами. Когда началась война за наслѣдство испанскаго престола, Франція и воевавшая съ нею державы соперничали между собою въ усиліяхъ склонить Португалію на свою сторону. Петръ долго сохранялъ нейтралитетъ, наконецъ вступилъ въ союзъ съ противниками Франціи. По смерти Альфонса онъ могъ смѣлѣе прежняго стараться о расширеніи королевской власти, о томъ, чтобы избавиться отъ контроля кортесовъ, которые во время борьбы съ испанцами и несогласій въ королевской фамиліи приобрѣли большое вліяніе на государственныя дѣла. Петръ сталъ созывать ихъ рѣдко, и преемникъ его Іоаннъ V ужъ имѣлъ притязанія на неограниченную власть. — Петръ II умеръ въ 1705 году, Іоаннъ V царствовалъ до 1750 года.

5. Испанія. Царствованіе Карла II.

Филиппъ IV умеръ 17 сентября 1665. Вторая жена его Анна Марія, сестра императора Леопольда, долго остававшаяся бездѣтной, родила 6 ноября 1661 сына, котораго назвали Карломъ. Во время смерти отца Карлу еще не было 4-хъ лѣтъ; онъ былъ и физически и умственно хилый мальчикъ и на всю жизнь остался слабъ и тѣломъ и умомъ. По завѣщанію отца регентшей была назначена его мать; она должна была управлять государствомъ по соглашенію съ совѣтомъ регентства, состоявшимъ изъ шести членовъ, назначенныхъ самимъ Филиппомъ. Но Анна Марія совершенно руководилась совѣтами духовника, пріѣхавшаго съ нею въ Испанію, австрійскаго іе-

зюита Нейдгарда (котораго назначила великимъ инквизиторомъ). Она дѣлала распоряженія, какія внушалъ ей онъ, не спрашивала мнѣнія членовъ совѣта регенства. Это возбудило неудовольствіе испанцевъ; составила патриотическая партія; главою ея былъ Донъ Хуанъ Австрійскій (то-есть признанный принцемъ Габсбургской династіи), побочный сынъ Филиппа IV и красавицы актрисы Маріи Кальдеронъ. Отецъ очень любилъ Дона Хуана, давалъ ему случаи выказать умъ и храбрость, такъ что онъ пользовался большимъ расположеніемъ народа. Война съ Франціей была неудачна, изнуряла Испанію; это увеличивало ропотъ народа на иноземца, управлявшаго государствомъ. Нейдгардъ, опасаясь Дона-Хуана, хотѣлъ арестовать его; онъ узналъ объ этомъ, уѣхалъ въ Каталонію, прислалъ оттуда регентшѣ представленіе о всеобщемъ неудовольствіи; Марія Анна испугалась и удалила Нейдгарда; онъ поѣхалъ въ Римъ; папа, въ угожденіе Маріи Аннѣ, далъ ему санъ кардинала.

Онъ переписывался съ регентшей и она продолжала слѣдовать его совѣтамъ. Тайный секретарь ея, Валенсуэла, которому поручила она управленіе дѣлами, обязанъ былъ поступать по инструкціямъ Нейдгарда; потому вельможи и народъ оставались недовольны регентшей. Она не давала Дону Хуану ни начальства надъ войскомъ, ни вліянія на внутреннее управленіе; назначила его вице-королемъ арагонскимъ, но это былъ пустой титулъ, прикрывавшій собою запрещеніе возвращаться въ Мадридъ. Донъ Хуанъ не былъ человѣкъ особенно даровитый; но народъ любилъ его, надѣялся на него, до-садовалъ, что Марія-Анна не даетъ ему участія въ дѣлахъ. Она продолжала управлять государствомъ и по достиженіи совершеннолѣтіи королемъ. Карлъ росъ въ кругу женщинъ, не получилъ порядочнаго образованія, слабый отъ природы, былъ еще болѣе разслабленъ изнѣженнымъ воспитаніемъ. Здоровье его было такъ непрочное, что очень часто онъ казался близкимъ къ смерти; оправившись, онъ снова изнурялъ себя поѣздками на охоту и участіемъ въ утомительныхъ церковныхъ процессіяхъ. Меланхолическое лицо его выказывало хилость здоровья и душевную апатію, умышленную тупость. Вялый, безхарактерный, онъ проводилъ время въ заботѣ о строгомъ соблюденіи придворнаго этикета и религіозныхъ обрядовъ. Онъ былъ ласковъ съ каждымъ, потому испанцы любили его; но неспособный къ серьезнымъ занятіямъ, не имѣющій понятія о дѣлахъ, онъ всю жизнь безусловно подчинялся чужому вліянію. Патриотамъ удалось объяснить ему, какъ унижительно для него и вредно для государства владычество его матери. Она и фаворитъ ея Валенсуэла были удалены отъ двора, президентомъ совѣта министровъ былъ назначенъ Донъ Хуанъ. Но оказалось, что любимецъ націи не имѣетъ талантовъ, какіе предполагались въ немъ или, если когда-нибудь имѣлъ ихъ, то одряхлѣлъ умышленно; онъ черезъ нѣсколько лѣтъ

умеръ (17 сентября 1679), не поправивъ ничего въ разстроенномъ государствѣ. По его смерти королева-мать возвратилась изъ толедскаго монастыря, въ который онъ сослалъ ее, и возобновила свои интриги въ интересахъ австрійскихъ Габсбурговъ.—Черезъ нѣсколько времени пріѣхала невѣста, которую сосваталъ Донъ Хуанъ королю, Марія-Луиза, принцесса орлеанская, племянница Людовика XIV, блестящая красавица.

Мѣсто Дона Хуана въ министерствѣ занялъ герцогъ Медина-Сели; государство было такъ разстроено, что даже человѣкъ болѣе даровитый, чѣмъ онъ, не могъ бы поправить дѣлъ. Правительство постоянно находилось въ денежныхъ затрудненіяхъ, было слабо; Людовикъ XIV отнималъ у короля испанскаго область за областю и еще при жизни Карла II подготовилъ переходъ всего испанскаго государства подъ власть своей династіи. Когда Испанія принуждена была принять участіе во второй коалиціи противъ Людовика, казна была пуста, надобно было дѣлать займы для покрытія текущихъ расходовъ и нельзя было занять деньги меньше чѣмъ по 15 процентовъ. Армія была въ самомъ жалкомъ положеніи, солдаты ходили толпами по большимъ дорогамъ, прося милостыню, крѣпости стояли безъ гарнизоновъ и пушекъ. Въ Вестъ-Индіи сформировалось общество морскихъ разбойниковъ, называвшихся буханьерами; это были отчаянные люди всяческихъ національностей; они овладѣвали испанскими городами на американскомъ берегу, грабили ихъ. Графъ Оропеса, преемникъ герцога Медина-Сели въ должности президента министерства, человѣкъ умный и энергичный, заботился объ улучшеніи финансовъ, ввелъ прочную монетную систему, уничтожилъ множество безполезныхъ должностей. Но всѣ его хлопоты оставались напрасны. Молодая королева печально проводила время въ скучномъ дворцѣ, австрійская партія ненавидѣла ее, клеветала на нее. Нація съ опасеніемъ думала, что болѣзненный король умретъ бездѣтнымъ и династія прекратится. Это угрожало подвергнуть Испанію бѣдствіямъ войны за наслѣдство престола и раздѣлу между претендентами, главными изъ которыхъ были французскій и австрійскій. Законъ Альфонса X о нераздѣльности Кастиліи былъ въ послѣдствіи распространенъ на всю монархію; также и кастильскій законъ о наслѣдованіи престола по женской линіи въ случаѣ прекращенія мужской. Но Марія Луиза, пріѣздъ которой былъ отпразднованъ сожженіемъ нѣсколькихъ евреевъ, умерла бездѣтной въ 1689 году; послы слухъ, что ея безплодіе было произведено отравой, которую дала ей служанка, подкупленная врагами ея. Въ слѣдующемъ году Карлъ женился на Маріи Аннѣ, принцессѣ Пфальцъ-Нейбургской, сестрѣ третьей жены императора Леопольда и королевы португальской, женщины умной, образованной, вспыльчивой и гордой. Французское вліяніе исчезло при испанскомъ дворѣ, замѣнилось дружескимъ распо-

женіемъ къ австрійскому и къ родственнику императора Максимилиану Эммануэлю, курфюрсту баварскому. Но и второй бракъ безсильнаго Карла оставался бездѣльнымъ. Надежда на продолженіе династіи въ линіи Карла разсѣялась; главнымъ предметомъ заботъ испанцевъ сталъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Онъ волновалъ и дипломатовъ всей Европы. Они вели интриги при мадридскомъ дворѣ. Наконецъ, не спросивъ воли націи, даже не увѣдомивъ короля, кабинеты сильнѣйшихъ государствъ заключили между собою договоръ о раздѣлѣ государства Карла II по его смерти. Всѣ ждали ея съ опасеніями или надеждами и она постоянно казалась близка, но онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ.

II. ИТАЛІЯ И СИЦИЛІЯ.

1. Борьба Франціи съ Испаніей за владычество надъ Италіей. Папское государство.

Если господствующая часть испанскаго государства, Кастилія, бѣжала при Филиппѣ IV, то можно судить, какова была участь итальянскихъ владѣній Испаніи, предназначенныхъ лишь для наполненія пустыхъ кассъ мадридскаго правительства и для доставленія должностей и доходовъ испанскимъ вельможамъ. Испанское владычество въ Миланѣ, Неаполѣ, Сициліи, на островѣ Сардиніи держалось не собственной силой, а раздробленностью остальной Италіи на безсильныя государства и равнодушіемъ большинства общества къ національнымъ интересамъ. Ссоры между мелкими государствами, родственныя связи испанской династіи съ ихъ владѣтелями подчиняли ихъ мадридскому правительству. Отношенія его къ папѣ не всегда были хороши, потому что были иногда избираемы въ папы люди, враждебные Испаніи или разсчитывавшіе выпграть отъ союза съ врагами ея. Упрямый папа Урбанъ VIII (1623—1644) ссорился съ Габсбургами, когда они употребляли всѣ свои силы на восстановление владычества католической церкви во всей Европѣ. Онъ и его преемники Иннокентій X (1644—1655), Александръ VII (1655—1667), Климентъ IX (1667—1669) признавали законными притязанія испанскихъ королей на владычество надъ отложившеюся отъ нихъ Португаліей. Въ папскомъ государствѣ была тогда учреждена государственная конгрегация (то есть коммиссія), въ которой преобладали вельможи, обыкновенно родственники царствующаго папы; съ того времени политика папскаго государства сдѣлалась менѣе подчиненною церковнымъ соображеніямъ. Климентъ X (1670—1676) и Иннокен-

тій XI (1676—1689) ссорились съ Людовикомъ XIV, хотя онъ преслѣдовалъ гугенотовъ. Александръ VIII (1689—1691) сталъ искать мира съ королемъ французскимъ; миролюбивый Иннокентій XII (1691—1700) прекратилъ ссору съ королемъ французскимъ.

Положеніе папскаго государства было очень разстроено. Церковное иго губило благосостояніе и энергію населенія. Папами были обыкновенно избираемы люди изъ римскихъ вельможескихъ фамилій, и заботились исключительно о возвышеніи и обогащеніи своихъ родственниковъ. Папское государство было притономъ бандитовъ; туда бѣжали злодѣи изъ другихъ государствъ, потому что тамъ еще оставались азили при церквахъ. Родственники папъ пользовались услугами этихъ убійцъ; въ особенности много злодѣйствъ дѣлали бандиты по порученію Барберини, родственниковъ Урбана VIII.

Характеръ папскаго правительства ярко выказывается, между прочимъ, въ войнѣ, которую Барберини вели съ герцогомъ Эдуардомъ Пармскимъ, желая у него отнять Кастро. Войска ихъ состояли большею частью изъ бандитовъ, подъ начальствомъ свирѣпыхъ людей, и безнаочно опустошали мѣстности, куда проникали; это длилось два года. При посредничествѣ Венеціи, Тосканы, Модены былъ заключенъ въ маѣ 1644 миръ, по которому герцогъ сохранялъ всѣ свои владѣнія. (Итальянскія государства были заинтересованы въ прекращеніи войны, прежде чѣмъ вмѣшаются въ нее иноземныя державы). По смерти Урбана VIII, Антоніо Барберини, главный виновникъ войны съ герцогомъ Пармскимъ, былъ преданъ суду. Преемникъ Эдуарда, умершаго 12 сентября 1642, сынъ его Рануччо сначала заложилъ, потомъ вовсе уступилъ папѣ Кастро. Это приобрѣтеніе было объявлено неотчуждаемой собственностью папской камеры. По смерти Рануччо въ 1694 году, единственнымъ представителемъ династіи Фарнезе остался внукъ его Антоніо, и должно было ожидать, что она скоро прекратится.

Папы XVII вѣка не были такими развратниками, какъ многіе изъ ихъ предшественниковъ, но были плохіе правители. Шаткіе финансы все больше разстраивались, желаніе обогатиться было страстью римской курии; высшій кругъ римскаго общества думалъ только о роскоши и наслажденіяхъ. Папы и ихъ приближенные занимали деньги за громадные проценты, торговали церковными и свѣтскими должностями, сдѣлали монополіей торговлю хлѣбомъ, мясомъ и другими свѣтными припасами. Кредитныя учрежденія, дѣйствуя недобросовѣстно, помогали раззоренію. Многіе вельможи утратили свои владѣнія за долги; поселяне обѣднѣли, размѣръ хлѣбопашества уменьшился; роши въ окрестностяхъ Рима были вырублены и римская Кампанья стала пустыней, а цѣль истребленія рошъ, отнятіе пріютовъ у бандитовъ, не была достигнута; мѣзмы Кампаньи усилились отъ болотъ, образовавшихся на мѣстѣ лѣсовъ. Чиновники и судьи грабили поселянъ и бѣдныхъ городскія сословія, продавали ихъ имуществу за неуплату долговъ ростовщикамъ, устанавливали на ихъ

произведения раззорительныя для нихъ таксы. Кардиналь Саккетти въ запискѣ, поданной папѣ, сравниваетъ страданія римскаго народа съ мученіями евреевъ въ Египтѣ и говорить, что положеніе подданныхъ папскаго престола хуже положенія рабовъ въ Сиріи и Африкѣ.

Церковный авторитетъ папы падалъ, хотя между католическими государями бывали фанатики, преслѣдовавшіе своихъ протестантскихъ подданныхъ, и были случаи обращенія высокопоставленныхъ лицъ изъ протестантства въ католичество. (Особенно много шума надѣлано принятіе католичества Христиной шведской, по отреченіи отъ престола). Средневѣковыя идеи, на которыхъ была основана церковная власть папы, ослабѣвали. Флотъ Кромвелля, подошедшій къ Чл-вита-Веккиа, показалъ подданнымъ папы безсиліе государя ихъ. Въ католическихъ земляхъ схоластика замѣнялась свободнымъ философскимъ мышленіемъ и гуманизмомъ.

2. Тоскана.

Церковное государство еще сохраняло нѣкоторую самостоятельность. Благодаря тому, что папа еще пользовался уваженіемъ королей испанскаго и французскаго, боровшихся между собой; но все другіе итальянскіе государи находились въ зависимости или отъ Испаніи, или отъ Франціи. Въ Тосканѣ первые великіе герцоги выработали для себя то правило политики, что имъ должно лавировать между испанскимъ и французскимъ дворами. Фердинандъ II (1621—1670), достигнувъ совершеннолѣтія, уклонился отъ этого фамиліаго преданія: уступая внушеніямъ своей матери, эрцгерцогини Маріи Магдалены и обольщенный любезностями Габсбурговъ, онъ рѣшительно принялъ ихъ сторону, помогая имъ деньгами въ ихъ войнахъ. За это вознаграждала его тщеславная мысль, что онъ играетъ важную политическую роль; испанскіе Габсбурги увѣряли его, что подъ ихъ покровительствомъ онъ безопасенъ отъ Барберини, которые безъ того отняли бы у него много владѣній. Но это былъ обманъ. Когда онъ заявилъ права своей жены, Витторіи делла Ровере, на герцогство урбинское, въ которомъ прекратилась мужская линия династіи, папа пренебрегъ этимъ, присоединилъ герцогство къ своему государству, какъ сюзеренъ выморочнаго лена, и далъ великому герцогу Тосканскому лишь ничтожное вознагражденіе. При бездарности Фердинанда II Тоскана падала, хотя онъ былъ добрый человекъ. Казну, собранную его предѣстниками, онъ изстратилъ, большею частью на субсидіи Габсбургамъ. Владычество духовенства надъ умственной жизнью

Тосканы увеличивалось. Средневѣковыя аграрныя порядки раззоряли поселянъ; дворянскія имѣнія были свободны отъ налоговъ, потому дворяне понижали цѣну хлѣба въ убытокъ поселянамъ; угнетали поселянъ и стѣсненія торговли хлѣбомъ, дурные налоги, подать съ хлѣба; къ этому присоединились неурожаи и эпидеміи; дворъ и вельможи роскошничали, народъ бѣдствовалъ. По соглашенію императора съ королемъ испанскимъ округъ Понтремоли, бывший имперскимъ леномъ, былъ отданъ въ 1650 году Фердинанду; но онъ долженъ былъ заплатить за него 500.000 скуди, такъ что выгода приобретенія была сомнительна. Въ Тосканѣ также безнаказанно, какъ въ папскомъ государствѣ, занимались своимъ ремесломъ бандиты. Продолжались работы по осушенію мареммъ, но польза отъ нихъ была слишкомъ мала сравнительно съ издержками. Супруга наслѣднаго принца Косьмы, Маргарета Луиза Орлеанская, выданная за него (въ 1661 году) противъ воли, женщина честолюбивая, бойкая до эксцентричности, разстраивала своими интригами домашнюю жизнь семейства Медичи. Мужъ обращался съ нею холодно, подчинялся вліянію матери и бабушки; она чувствовала себя обиженной и не стѣснялась въ выраженіяхъ гнѣва; она желала прекращенія ненавистной династіи, потому не хотѣла имѣть дѣтей, и когда чувствовала себя беременной, старалась произвести выкидышъ верховой ѣздой и другими способами слишкомъ сильнаго моціона. Выкидышей однако же не было. Она родила двухъ сыновей и дочь. Но, проживши съ мужемъ 14 лѣтъ, уѣхала изъ Тосканы, поселилась въ монмартрскомъ женскомъ монастырѣ на окраинѣ Парижа, вела тамъ жизнь пошлой чувственности, дѣлала долги, интриговала противъ тосканскаго правительства. При Косьмѣ III (1670—1723) упадокъ Тосканы продолжался. Воспитанный монахами, великій герцогъ поставилъ цѣлью себя возвеличеніе церкви, обращеніе еретиковъ, обогащаль духовенство. Кромѣ этихъ заботъ онъ интересовался только пышностью двора, праздниками, театромъ; онъ занималъ деньги, чтобы тратить ихъ на пустую роскошь, постройку монастырей, пенсіи обратившимся въ католичество; налоги были невыносимы; при объединеніи народа уменьшались суммы, доставляемыя ими, и тѣмъ безжалостнѣе взыскивались они, тѣмъ усерднѣе были придумываемы новыя. Косьма по своей набожности вмѣшивался въ питимную жизнь семействъ, воображая поддержать этимъ нравственность. Къ своимъ налогамъ прибавились въ Тосканѣ налоги въ пользу императорской казны, потому что Тоскана была имперскимъ леномъ и Косьма повиновался денежнымъ притязаніямъ императора, хотя протестовалъ противъ нихъ. Императорскій полководецъ Караффа взялъ въ 1691 году съ Тосканы 103.000 скуди контрибуціи. Голодные поселяне шли въ разбойничьи шайки, бросая нивы, потому что работать было бесполезно при обременительности налоговъ и низкихъ цѣнахъ, по которымъ монополи-

сты брали сельские продукты. Во Флоренции народъ собирался передъ дворцомъ, шумно требуя работы и хлѣба. Въ семействѣ Космы продолжались семейные скандалы; послѣдній принцъ Фердинандъ не любилъ свою жену, Виоланту Беатрису, принцессу баварскую, некрасивую, тупую, не имѣвшую изящныхъ манеръ; дѣтей у нея не было; мужъ развратничалъ, заразился на венеціанскомъ карнавалѣ приливной болѣзью и умеръ отъ леченія ртутію 30 октября 1713. По смерти Космы на престолѣ вступилъ второй сынъ его Джованни Гастонъ (1723—1737), тоже не любившій свою жену, Марію Франциску, принцессу лауэнбургскую, и умершій бездѣтнымъ. Съ его смертью прекратилась династія Медичи, послѣдніе представители которой, люди бездарные, не походили на своихъ даровитыхъ предковъ.

3. Сѣверная Италія.

Владѣя Миланомъ и Неаполемъ, Испанія имѣла преобладающее вліяніе почти во всей Италіи. Государи пармскій и моденскій, Лукка, бывшая тогда республикой, герцогъ савойскій и Генуя были союзниками Испаніи. Мадридское правительство назначало вице-королями миланскими людей способныхъ къ исполненію важныхъ политическихъ и военныхъ обязанностей этого сана. Такимъ образомъ дана была должность вице-короля миланскаго съ неограниченными полномочіями старику Фуэнтесу, говорившему, что желаетъ кончить жизнь на войнѣ. Получивъ приказаніе распустить или отправить во Фландрію часть войска, онъ гордо отвѣчалъ, что будетъ поступать по своему, а кому это не понравится, тотъ пусть самъ займетъ его мѣсто. Герцогъ Феріа, бывшій вице-королемъ миланскимъ въ Тридцатилѣтнюю войну, былъ тоже опытный воинъ. Если бы Габсбургамъ удалось тогда остаться въ захваченной ими Вальтеллинѣ и отдать Мантую своему кліенту, то сѣверно-итальянскія владѣнія Испаніи стали бы прилегать къ австрійскимъ землямъ и владычество Габсбурговъ по обѣимъ сторонамъ Альповъ упрочилось бы; потому Ришелье не пожалѣлъ усилій отнять Вальтеллину у испанцевъ и сдѣлать герцогомъ мантуанскимъ французскаго принца, герцога Немурскаго. Франція не оставила тогда за собою занятыхъ ею войсками земель, но приобрѣла сильное вліяніе въ значительной части Сѣверной и Средней Италіи. Оно было тѣмъ рѣшительнѣе, что венеціанская республика была постоянно расположена помогать Франціи, на сколько имѣла силъ свободныхъ отъ войнъ съ турками. Герцоги пармскій, моденскій и другіе мелкіе государи Средней Италіи стали выбирать союзъ съ Франціей или съ Испаніей, смотря по расчету своихъ выгодъ.

Очень важно для пріобрѣтенія Франціей перевѣса въ итальянскихъ войнахъ съ Испаніей было то обстоятельство, что герцоги савойскіе сдѣлались союзниками короля французскаго. Викторъ Амадей I, царствовавшій съ 1630 до 1637 года, пріобрѣлъ большую часть Монферрата, помогая Франціи въ войнѣ за мантуанское наследство. Онъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери Генриха IV; по смерти его и старшаго его сына хилаго Франциска Пиацента, братья его хотѣли при помощи вице-короля миланскаго отнять у Христины опеку надъ малолѣтнимъ Карломъ Эммануэлемъ II, наслѣдовавшимъ Франциску Пиаценту въ 1638 году, но Христина при помощи французовъ одолѣла ихъ. Женщина твердаго характера, она не подчинялась французскому правительству и попытка Мазарини поставить ее въ зависимость отъ Франціи не удалось; но она была вѣрной союзницей Франціи и политика, принятая ею, сохранялась герцогами савойскими до конца XVII вѣка. По пирепейскому миру были возвращены герцогу савойскому тѣ крѣпости, какія оставались тогда заняты испанцами. Владѣя Казале и Пиньеролемъ (Пинероло), король французскій имѣлъ свободный путь для своихъ войскъ черезъ Альпы. — Генуя сильно пострадала отъ союза герцога савойскаго съ Франціей. Предмѣстники его уже хотѣли завоевать при помощи Ришелье маркграфство Цуккерелло и вели съ Генуей войну съ 1624 до 1631 года, но маркграфство оставалось во владѣніи Генуи. Карлъ Эммануэль поднималъ раздоры въ Генуѣ, помогалъ заговорщикамъ, старался поссорить съ Генуей Францію; надменность старой аристократіи оскорбляла новую генуэзскую аристократію, вышедшую изъ торговаго сословія, потому несогласій и заговоровъ въ Генуѣ было много. Въ 1628 году богатый торговецъ Джуліо Чезаре Вакеро хотѣлъ по внушенію савойскихъ агентовъ низвергнуть аристократическое правительство. Онъ и нѣкоторые изъ его сообщниковъ были казнены; правительство учредило по примѣру Венеціи трибуналъ государственной инквизиціи для предовращенія новыхъ заговоровъ; но раздоры продолжались. Въ 1672 году Карлъ Эммануэль возобновилъ войну за Цуккерелло и агенты его устроили въ Генуѣ заговоръ, главою котораго былъ Рафаэло Торре. Но заговоръ былъ подавленъ, войско Карла Эммануэля было отражено. По смерти Карла Эммануэля (въ 1675 году) жена его, Марія Іоанна, сдѣлалась регентшей до совершеннолѣтія сына, Виктора Амадея II, имѣвшаго тогда только 9 лѣтъ. Генуэзцы полагали, что будутъ пользоваться миромъ, но обманулись. Людовикъ XIV, находившійся тогда на верху своего могущества, досадовалъ на Геную за симпатію къ Испаніи, съ которой вела она выгодную торговлю, за то, что она иногда помогала Испаніи своимъ флотомъ. Во второй половинѣ мая 1684 французскій флотъ бомбардировалъ Геную; она принуждена была просить Людовика о смягченіи гнѣва. Викторъ Амадей, женатый на Аннѣ, дочери Филиппа

Орлеанскаго, держался по примѣру отца союза съ Франціей. Въ девяностыхъ годахъ обстоятельства принудили его присоединиться къ коалиціи, составившейся противъ Людовика, но при первой возможности онъ перешелъ на сторону Франціи. Людовикъ отдалъ ему за это Казале и Пинероло; государство его освободилось отъ оковъ, въ которыхъ, по его выраженію, держали Савою французы, занимая эти крѣпости. Викторъ Амадей подражалъ Людовику XIV въ преслѣдованіи еретиковъ. Карлъ Эммануэль уже подвергалъ гоненію вальдійцевъ, но былъ остановленъ Кромвеллемъ. Теперь, когда Людовикъ XIV изгналъ изъ Франціи гугенотовъ, Викторъ Амадей возобновилъ гоненіе на вальдійцевъ.

4. Неаполь и Сицилія.

Въ тѣ годы, когда каталонцы и португальцы сражались съ королевемъ испанскимъ, произошли мятежи въ Неаполѣ и Сициліи. Народъ и тамъ былъ обремененъ налогами; въ особенности тяжелы были налоги на съѣстные продукты, подымавшіе цѣну ихъ до высоты, раззорительной для небогатыхъ людей.

Весною 1647 года хлѣбъ вздорожалъ въ Сициліи гораздо больше обыкновеннаго, потому что въ предыдущемъ году былъ неурожай. Въ Палермо началось волненіе; народъ выражалъ негодованіе на преторе, какъ назывался начальникъ городского управления. Вицекороль сицилійскій, Педро Фахардо маркизъ де лосъ Велосъ, не имѣлъ столько войска, чтобъ умирить народъ, начавшій драку съ отрядами, постановленными для охраненія порядка; надобно было дѣйствовать лаской; вицекороль обѣщалъ устранить дороговизну хлѣба; но народъ не вѣрилъ ему, полагалъ, что онъ не можетъ улучшить свое положеніе иначе, какъ запугавъ правительство, началъ на конторы сборщиковъ акциза съ съѣстныхъ припасовъ, уничтожилъ акцизные книги, выбралъ своимъ начальникомъ маркиза Джераче, пользовавшагося популярностью. Но когда маркизъ сталъ говорить о примиреніи съ вицекоролемъ, народъ пересталъ слушать его; возобновился шумъ на улицахъ. Цеховыя корпораціи присоединились къ движенію. Населеніе Палермо требовало себѣ участія въ управленіи городскими дѣлами. Вождемъ народа сталъ человѣкъ рѣшительнаго характера, позументщикъ Джузеппе да Лези. Подъ его руководствомъ народъ овладѣлъ городомъ; высшія сословія испугались, убѣдили вицекороля пригласить во дворецъ двухъ старшинъ цеховъ, чтобы по совѣту съ ними успокоить народъ. Приглашенные въ дворецъ долго не выходили изъ него; народъ подумалъ, что они

арестованы или убиты, вломился въ цейхгаузъ, вооружился, привезъ пушки къ дворцу вицекороля, направилъ ихъ на него, провозгласилъ Лези своимъ главнокомандующимъ. Вицекороль бѣжалъ изъ Палермо, упиля въ Кастелламаре. Лези возстановилъ порядокъ въ городѣ, опираясь на умѣренную партію, предотвратилъ буйство и грабежи. Дворяне оправались отъ испуга и 22 августа, сѣвъ на лошадей, напали на народъ; многіе простолюдины были убиты, въ томъ числѣ Джузеппе Лези и его братъ. Другіе агитаторы были захвачены въ плѣнъ и тринадцать изъ нихъ были казнены. Вицекороль, человѣкъ добродушный, обнародовалъ амнистію, уничтожилъ налоги, ненавистные народу; но мадридское правительство велѣло отмѣнить эти распоряженія, успокоившія народъ, и волненіе возобновилось. Де лосъ Велосъ былъ такъ огорченъ, что умеръ отъ печали (13 ноября 1647). Преемникомъ его былъ назначенъ кардиналъ Тривульци (или, какъ часто писалось его имя, Триульци), человѣкъ умный и отважный. Онъ выказалъ твердость, запугавшую населеніе Палермо, и съ тѣмъ вмѣстѣ обѣщалъ прощеніе всѣмъ, кто раскается, увѣрялъ, что причины къ неудовольствіямъ будутъ отмѣнены. Порядокъ возстановился; нѣкоторые изъ обременительнѣйшихъ притѣсненій были дѣйствительно отмѣнены. Мадридское правительство послало въ 1648 году Дона Хуана съ флотомъ и войскомъ для совершеннаго подавленія народной оппозиціи и назначило его вицекоролемъ неаполитанскимъ и сицилійскимъ. Когда онъ пришлы въ Мессину, Тривульци передалъ ему власть надъ Сициліей, уже усмиреной.

Въ 1675 году произошло возстаніе въ Мессинѣ, возбужденное отчасти притѣсненіями правительства, отчасти интригами французовъ, воевавшихъ тогда съ Испаніей. Французское войско заняло Мессину. Когда по заключеніи нимегенскаго мира французы удалились, то вмѣстѣ съ ними уѣхали во Францію 7.000 мессинцевъ. Мадридскій дворъ велѣлъ Гонзагѣ, бывшему тогда вицекоролемъ сицилійскимъ, конфисковать имущество эмигрантовъ и строго наказывать всѣхъ участвовавшихъ въ возстаніи. Тысячи людей были раззорены; многіе въ отчаяніи сдѣлались разбойниками. Эмигранты, оставленные Людовикомъ безъ всякаго пособія, возвратились на родину; 500 человѣкъ изъ нихъ были повѣшены или посланы на галеры; около 1.500 человѣкъ бѣжали въ Турцію и почти все приняли исламъ.

Королевство неаполитанское обѣднѣло подъ испанскимъ игомъ. Вицекороли должны были думать только объ удовлетвореніи денежныхъ требованій мадридскаго правительства; почти все налоги были сданы на откупъ генуэзскимъ капиталистамъ, дававшимъ деньги впередъ и взыскивавшимъ ихъ съ народа безжалостно. Но при всѣхъ притѣсненіяхъ доходы оказывались недостаточны, правительство постоянно придумывало новыя средства увеличить ихъ. Войны съ каталонцами и португальцами увеличили денежныя надобности мадридскаго правительства, оно потребовало отъ вицекороля неаполитан-

скаго, Понсе де Леона герцога Аркоса, чтобъ онъ присылалъ больше денегъ, чѣмъ прежде. Высшія сословія покорились необходимости, въ январѣ 1647 года назначили дать правительству 1.000.000 дукатовъ подъ употребительнымъ въ Неаполѣ названіемъ донатива (добровольнаго дара). Эту сумму должно было собрать посредствомъ налога на съѣстные припасы; такимъ образомъ тяжесть донатива упала на простолюдиновъ. Обнародованіе эдикта о налогѣ на съѣстные припасы возбудило ропотъ; куда бы ни показался вице-король, народъ упрасивалъ его отменить новый налогъ; къ просьбамъ примѣшивались угрозы; онъ успокаивалъ шумящія толпы обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить. Неудовольствіе росло и 20 мая (1647 года) около того времени, когда поднялось возстаніе въ Палермо, была ночью сожжена въ Неаполѣ контора, построенная для взиманія пошрины съ съѣстныхъ припасовъ. Извѣстія объ успѣхахъ возстанія въ Палермо ободряли неаполитанскихъ простолюдиновъ. Но примѣръ вице-короля сицилійскаго показывалъ герцогу Аркосу, что уступить народу поведутъ къ усиленію беспорядковъ и навлекутъ на него немилость правительства.

Въ началѣ іюля (1647 года) сошлось въ Неаполь много поселянъ на церковный праздникъ; 7 іюля поднялся на рынкѣ споръ между продавцами фруктовъ, пришедшими изъ Пуццуоли, и сборщиками пошрины; народъ собрался на шумъ; продавецъ фигъ, разсерженный тѣмъ, что по уплатѣ пошрины не останется ему почти никакой выгоды, опрокинулъ свою карзину; фрукты разсыпались; родственникъ его, бѣдный амальфійскій рыбакъ Томмасо Аніэлло, или, по народному сокращенію имени, Мазаніэлло, человекъ бойкій, краснорѣчивый, любимый народомъ за смѣлость, добродушіе, готовность всегда помогать другимъ, былъ тутъ. Онъ сердился на начальство, взявшее штрафъ съ его жены за продажу товара безъ уплаты пошрины, и закричалъ народу, что надобно уничтожить пошрину. Сборщики ея были прогнаны съ рынка, толпа росла, собралось до 4.000 человекъ; они пошли ломать по всему городу конторы взиманія пошрины, кричали: «Да здравствуетъ король, прочь дурное управленіе!» Они пришли къ дворцу вице-короля, потребовали отмены пошрины съ съѣстныхъ припасовъ; при вице-королѣ не было столько солдатъ, чтобы разогнать толпу; онъ обѣщалъ исполнить желаніе народа; Мазаніэлло сказалъ народу, что надобно получить обезпеченіе въ исполненіи обѣщанія. Новые толпы народа подступили къ дворцу; вице-король хотѣлъ тайкомъ уѣхать въ одинъ изъ фортовъ, господствовавшихъ надъ Неаполемъ, но его узнали, заставили выйти изъ кареты, отвели въ соседнюю церковь, принудили дать присягу, что онъ будетъ соблюдать привилегію данную Неаполю Карломъ V, и что будутъ отменены все налоги, введенные послѣ того. Входя въ церковь, онъ велѣлъ сторожамъ запереть двери и не впускать никого,

кромѣ успѣвшихъ войти съ нимъ. Толпа передъ церковью встревожилась, угрожала выломать двери; пріѣхалъ архіепископъ неаполитанскій, кардиналъ Филомарино, успокоилъ народъ. Вице-король повторилъ обѣщаніе отменить ненавистные народу налоги, подписалъ декларацію, объявлявшую это.

Спокойствіе возстановилось въ городѣ. Вице-король уѣхалъ въ цитадель Кастель-Нуово; туда бѣжали чиновники и многіе вельможи. Городъ былъ во власти простолюдиновъ и Мазаніэлло, ихъ предводителя. Въ Неаполь шли новыя массы поселянъ. Мазаніэлло говорилъ народу пламенные рѣчи съ трибуны, построенной у церкви Дель-Кармине; онъ былъ краснорѣчивъ, но у него не было опредѣленныхъ политическихъ стремленій и голова закружилась отъ могущества, какое внезапно приобрѣлъ онъ. Вломившись въ цейхгаузъ, простолюдины приобрѣли оружіе, Мазаніэлло далъ имъ военную организацію; были назначены начальники частей народного ополченія, Мазаніэлло былъ объявленъ главнокомандующимъ его съ титуломъ генералъ-капитана народа; въ серебряныхъ латахъ, съ перьями на шляпѣ, онъ разѣзжалъ по улицамъ, восхищаясь своей важностью; 50.000 вооруженныхъ людей исполняли его приказанія. Къ возставшимъ простолюдинамъ присоединились нѣкоторые люди высшихъ сословій, надѣясь вытребовать у испанскаго правительства политическія реформы, которыми будутъ введены свободныя учрежденія. По ихъ совѣтамъ Мазаніэлло удерживалъ народъ отъ буйства; правда, были освобождены содержавшіеся въ темницахъ преступники, которыхъ народъ считалъ невинными; были разграблены дворцы нѣкоторыхъ вельможъ, подверглись побоямъ ненавистные народу сборщики налоговъ и полицейскіе служители; но этимъ и ограничились насилія; ни грабежей въ большомъ размѣрѣ, ни убійствъ не было. Мазаніэлло не хотѣлъ осквернять себя пролитіемъ крови. Онъ былъ, въ сущности, человекъ добродушный.

Отъ имени народа онъ обнародовалъ эдикты, которыми отменялись пошрины съ съѣстныхъ припасовъ, но запретилъ беспорядки и шумъ, держалъ свою милицію въ строжайшей дисциплинѣ, сопротивлявшихся волѣ народа подвергалъ наказаніямъ, иногда слишкомъ строгимъ. Джузеппе Караффа собралъ бандитовъ, сдѣлалъ попытку убить главнокомандующаго мятежниковъ; она не удалась. Караффа и нѣкоторые изъ помогавшихъ ему злодѣевъ были убиты, власть Мазаніэлло усилилась, такъ что вице-король 13 іюля заключилъ съ нимъ формальный договоръ, въ которомъ называлъ Мазаніэлло главою вѣрнаго неаполитанскаго народа. Договоръ отменялъ все налоги, введенные послѣ привилегіи, данной Карломъ V, постановлялъ, что не могутъ быть введены никакіе новые. Вице-король отдалъ этотъ документъ Мазаніэлло, обнародовалъ полную амнистію, обѣщалъ реформу, которая введетъ равноправность всехъ сословій передъ закономъ; согласился, чтобы народъ оставался вооруженнымъ до утвержденія договора королемъ. Чтобы показать народу свое расположеніе къ нему, вице-

король ѣздилъ въ одной каретѣ съ Мазанилло; герцогиня любезно приняла въ своемъ дворцѣ жену Мазанилло.

Видя дружбу Мазанилло съ вице-королемъ, народъ утратилъ довѣріе къ нему. Мазанилло убѣждалъ теперь неаполитанцевъ надѣяться на благосклонность короля, быть вѣрными ему; народъ отшатнулся отъ своего вождя, а самъ онъ утратилъ разсудительность, сталъ пьянствовать. Увидѣвъ, что народъ сдѣлался холоденъ къ Мазанилло, вице-король велѣлъ 16 іюля четыремъ стрѣлкамъ спрятаться въ церкви и убить его, когда онъ войдетъ. Они застрѣлили его. Народъ одобрилъ убійство измѣнника; убитому отрубили голову, бросили ее въ ровъ, тѣло его волочили по улицамъ.

Дворъ и вельможи надѣялись, что теперь все успокоится, но ошиблись. На слѣдующій день народъ очнулся отъ своего ослѣпленія, взялъ пзувъ-ченый трупъ Мазанилло, похоронилъ его, съ королевскимъ великолѣпіемъ, возложивъ на голову его лавровый вѣнокъ, сталъ чтить его какъ мученика; возникли легенды о его подвигахъ, о чудесахъ, совершающихся у могилы его.

Вице-король вовсе не былъ намѣренъ исполнять договоръ, заключенный по принужденію, возстановилъ отмѣненные налоги. Народъ снова взялся за оружіе; много испанцевъ было убито, вице-король снова принужденъ былъ уѣхать въ Кастель-Нуово, городъ и его окрестности были во власти простолюдиновъ. Мазанилло удерживалъ народъ отъ буйства; когда онъ прикладывалъ пальцы къ губамъ, народъ умолкалъ и слушалъ его громкій, мелодическій голосъ; теперь некому было успокаивать народъ, онъ буйствовалъ. Франческо Торальто, князь Масса, вызвавшійся быть главнокомандующимъ инсургентовъ, возбудилъ въ нихъ подозрѣніе, что находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ правительствомъ и хочетъ занимать народъ пустыми дѣлами, пока приплыветъ войско изъ Испаніи. Инсургенты не слушались князя и весь августъ длилась анархія. Сосѣдніе города послѣдовали примѣру Неаполя; поселяне отказывали землевладѣльцамъ въ денежныхъ платежахъ и работѣ. Инсургенты осаждали Неаполитанскія цитадели Кастель-Сантъ-Эльмо, Кастель-Уово и Кастель-Нуово, занятые испанскими гарнизонами. Герцогъ Аркосъ принужденъ былъ 2 сентября заключить новый договоръ, повторявшій обѣщанія прежняго.

Изъ Испаніи отплылъ флотъ, состоявшій изъ 22 линейныхъ кораблей; онъ везъ войско; главнокомандующимъ былъ Донъ Хуанъ, имѣвшій очень большія полномочія. Онъ 1 октября вошелъ въ неаполитанскую гавань, и по совѣту Аркоса потребовалъ, чтобы неаполитанцы положили оружіе и безусловно отдались на волю короля, съ тѣмъ вмѣстѣ распространялъ черезъ своихъ агентовъ увѣреніе, что будетъ исполнено все, обѣщанное въ договорѣ съ народомъ. Князь

Масса, остававшійся главнокомандующимъ инсургентовъ, находился въ тайномъ соглашеніи съ правительствомъ, убѣждалъ народъ вѣрить Дону Хуану; многие повѣрили, положили оружіе, выставили бѣлыя знамена. Испанскія войска неожиданно вошли 5 октября въ городъ, стали занимать площади. Пушки флота и трехъ цитаделей были направлены на городъ, начали стрѣлять; это коварство раздражило народъ, онъ снова взялся за оружіе, напалъ на испанцевъ, стоявшихъ разрозненныхъ отрядами, отрѣзалъ ихъ одинъ отъ другаго. Два дня длился на улицахъ бой; женщины и дѣти помогали мужьямъ и отцамъ, бросали сверху камни, лили кипятокъ и кипящее масло на солдатъ; испанцы, потерпѣвъ большой уронъ, отступили изъ города, укрылись въ цитаделяхъ или ушли на корабли. Князь Масса, уличенный въ измѣнѣ, былъ осужденъ народомъ на смерть и 22 октября казненъ; тѣло его привязали къ висѣлицѣ. Инсургенты выбрали своимъ главнокомандующимъ кузнеца, Дженнаро Аннеше, отмѣнили противозаконные налоги, объявили уничтоженными привилегіи дворянства.

Прежде инсургенты просили только облегченія налоговъ, теперь они видѣли, что необходимо имъ отложиться отъ Испаніи; вожди ихъ провозгласили республику и просили помощи папы и короля французскаго. Папа (Иннокентій X) отказался отъ вмѣшательства въ неаполитанскія дѣла, французскій посланникъ маркизь Фонтене передалъ Мазарини просьбу неаполитанцевъ. Въ Римѣ былъ тогда герцогъ Гизъ, хлопотавшій о разводѣ съ женой и разрѣшеніи вступить въ новый бракъ. Онъ былъ похожъ на средневѣковыхъ рыцарей страстью къ приключеніямъ; ему вздумалось теперь сдѣлаться главнокомандующимъ инсургентовъ въ надеждѣ стать королемъ неаполитанскимъ. Онъ происходилъ изъ лотарингской династіи, имѣвшей нѣкогда притязанія на неаполитанскій престолъ, хотѣлъ возобновить ихъ, надѣялся на помощь папы и короля французскаго. Скрывая свой замыселъ стать королемъ, онъ призналъ неаполитанскую республику, занялъ денегъ и съ нѣсколькими кораблями поплылъ въ Неаполь. При радостныхъ крикахъ народа онъ вошелъ въ городъ 15 ноября. Неаполитанцы нѣкоторое время оставались въ восторгѣ. Вожди инсургентовъ отправили отъ имени неаполитанскаго народа просьбу къ королю французскому о принятіи ихъ республики подъ его покровительство. Мазарини послалъ на помощь имъ эскадру. Она, выдержавъ сильныя бури, приплыла 18 декабря къ острову Искіи. Гизъ былъ не совсѣмъ доволенъ этимъ: онъ хотѣлъ, какъ мы говорили, сдѣлаться королемъ и его любовница Де Понсъ разигрывала въ Парижѣ роль королевы. Онъ опасался, что Мазарини помѣшаетъ принятію имъ королевскаго титула; но онъ былъ безъ войска, потому его фантазія была нелѣпа. — Испанскій и французскій флоты вступили въ сраженіе у Неаполя; но буря разогнала корабли,

побѣда осталась не рѣшенной. Французскій флотъ отплылъ домой, не оказавъ никакой помощи неаполитанцамъ.

Покинутые французами, ссорясь между собою, инсургенты упали духомъ. Гизъ увеличивалъ затруднительность ихъ положенія своими попытками самовластвовать. Онъ считалъ своимъ врагомъ Серизанта, агента Мазарини, арестовалъ его, потомъ назначилъ его начальникомъ отряда калабрійцевъ; навлекъ на себя презрѣнныя своимъ волокитствомъ и безразсудствомъ; поссорился съ Аннезе, не хотѣвшимъ подчиняться ему; Аннезе и другой демагогъ, Антоніо Маццела, повели безпорядочную толпу вооруженныхъ простолюдиновъ штурмовать дворецъ герцога; онъ и его свита разогнали ее. Маццела былъ казненъ, Аннезе вступилъ въ сношенія съ испанцами, чтобы прекратить владычество французскаго авантюриста. Герцогъ Аркосъ, ненавидѣнный неаполитанцамъ, какъ убійца Мазанилло и обманщикъ, передалъ свою должность въ январѣ 1648 Дону Хуану и уплылъ въ Испанію; преемникомъ его былъ назначенъ Иниго Велесъ де Гевара графъ Оньяте, бывшій посланникомъ въ Римѣ. До пріѣзда Оньяте Донъ-Хуанъ соединилъ съ должностью главнокомандующаго должность вице-короля; желая пріобрѣсти славу успокоителя Неаполя, онъ обѣщалъ инсургентамъ амнистію и уменьшеніе налоговъ. Но недовѣріе къ испанцамъ было еще такъ сильно въ народѣ, что примиреніе было отвергнуто ими. Оньяте пріѣхалъ въ мартѣ; инсургенты еще держались тогда твердо и даже имѣли сообщеніе съ моремъ, получали этимъ путемъ хлѣбъ, благодаря храбрости Гиза, прогнавшаго испанцевъ съ береговъ гавани. Но ссора Гиза съ Аннезе погубила инсургентовъ. Аннезе, какъ мы говорили, вступилъ въ сношенія съ испанцами. По условію съ нимъ вице-король велѣлъ напасть на Низиду, маленькій островъ близъ Неаполя, чтобы выманить Гиза изъ города. Герцогъ, человекъ отважный, повелъ войско прогнать нападающихъ. Онъ ушелъ 3 апрѣля, а въ ночь съ 5-го на 6-е испанцы подошли къ стѣнамъ города. Аннезе отворилъ имъ ворота, впустилъ ихъ въ укрѣпленный монастырь Дель-Кармине. Ко времени разсвѣта испанцы ужъ заняли главныя площади, сопротивленія имъ не было. Та часть населенія, которая желала мира, кричала: «Да здравствуетъ король Филиппъ!» Бѣжавшіе инсургенты принесли это извѣстіе въ лагерь Гиза; герцогъ хотѣлъ идти въ Неаполь, выгнать испанцевъ, но войско его разбѣжалось. Онъ съ небольшимъ числомъ людей, оставшихся при немъ, пошелъ въ Римъ, но въ Капуѣ остановилъ его отрядъ, собранный вельможами. Его взяли въ плѣнъ, отвезли въ Гаэту; черезъ нѣсколько лѣтъ король испанскій по просьбѣ короля французскаго освободилъ его. Вице-король и Донъ Хуанъ вступили 8 апрѣля въ Неаполь, были встрѣчены радостными криками, колокольнымъ звономъ, повторили увѣреніе, что налоги будутъ облегчены. И дѣйствительно отмѣнили или понизили на нѣ-

которое время косвенные налоги, безъ которыхъ могла обходиться тогда казна, потому что получала огромныя суммы отъ конфискаціи имущества многихъ богатыхъ людей. Нѣкоторые были казнены, въ томъ числѣ Дженнаро Аннезе. Такъ кончилось возстаніе Неаполя, длившееся девять мѣсяцевъ; оно было послѣдней вспышкой угасающаго національнаго чувства.

5. Венеція.

Венеція со времени Генриха IV высказывала расположеніе къ союзу съ Франціей, которая была менѣе опасна для нея, чѣмъ государство Габсбурговъ, граничившія съ нею. Испанцы въ 1618 году хотѣли низвергнуть республиканское правленіе Венеціи. Союзъ съ Франціей служилъ опорой для нея противъ Габсбурговъ, потому продолжался и при Людовикѣ XIII. Въ войнахъ за Вальтеллину и за монтуанское наслѣдство Ришелье извлекъ для Франціи большія выгоды изъ дружбы съ Венеціей.

Въ случаѣ надобности Венеція всегда могла выставить большое войско, потому что имѣла много денегъ для вербованія наемниковъ. Потому она могла бѣ оказывать очень сильное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Италіи, если бы не должна была постоянно воевать съ турками или быть наготовѣ къ войнѣ съ ними. Она со славой вела эту борьбу; ея негодяи и вельможи выказывали себя храбрыми воинами, искусными государственными людьми; и однако же турки отнимали у нея одно за другимъ ея владѣнія въ восточной части Средиземнаго моря; она утратила много владѣній при Сулейманѣ; при Селимѣ II потеряла Кипръ, и теперь удерживала за собою Критъ лишь потому, что упала дисциплина у янычаръ. Военная энергія турокъ ослабѣвала, но они еще оставались такъ страшны, что венеціанское правительство заботливо устраняло всякіе поводы къ ссорѣ съ ними. Африканскіе корсары захватывали венеціанскіе торговые корабли, грабили берега венеціанскихъ владѣній; венеціанцы ограничивались жалобами султану на этихъ разбойниковъ и тѣмъ, что посылали военные корабли конвоировать свои торговыя флотиліи. При Мурадѣ IV адмиралъ Марино Капелло напалъ (въ 1639 году) въ авлонской гавани на эскадру пиратовъ, плававшую въ Адриатическое море и надѣлавшую тамъ много вреда, взялъ ее въ плѣнъ, привелъ въ Венецію. Султанъ разсердился, грозилъ войной, венеціанцы заплатили 250.000 цеккиновъ для смягченія его гнѣва. Въ слѣдующемъ году Мурадъ умеръ, султаномъ сталъ братъ его Ибра-

гимъ. Юсуфъ, далматскій регентъ, смертельно ненавидѣвшій венеціанцевъ и сдѣлавшійся изъ носильщиковъ капуданъ-пашою, внушалъ слабоумному и безхарактерному Ибрагиму, что надобно отмстить венеціанцамъ за нападеніе на Авлону; муфти говорилъ, что не слѣдуетъ нарушать мирнаго трактата, но султанъ не слушалъ его. Случай, въ которомъ мало были виноваты венеціанцы, послужилъ предлогомъ для начатія войны съ ними.

Мальтійскіе рыцари захватили близъ Карпато (28 сентября 1644) десять турецкихъ купеческихъ кораблей, на которыхъ плыли богемольцы въ Мекку и находились товары, цѣнившіеся въ 3.000.000 дукатовъ. Въ числѣ плѣнныхъ были знатные люди, были женщины и дѣвушки рѣдкой красоты. Рыцари поплыли въ критскую гавань Калисмену, были дружески приняты тамъ. Раздраженный султанъ велѣлъ дѣлать приготовленія къ войнѣ. Венеціанскій уполномоченный (баило) въ Константинополь писалъ своему правительству, что приготовленія идутъ въ громадномъ размѣрѣ. На вопросъ, противъ кого вооружаются турки, они отвѣчали, что готовятся напасть на Мальту; но это было обманомъ. Экспедиція предназначена была отнять Критъ у венеціанцевъ; Юсуфъ и его друзья внушали Ибрагиму, что венеціанцы покровительствуютъ мальтійскимъ рыцарямъ, даютъ на Критѣ убѣжище всѣмъ христіанамъ, уѣзжающимъ изъ Греціи и съ острововъ, что для султана унижительно оставлять во владѣніи христіанъ островъ, лежащій на пути между его владѣніями; говорили, что жители Крита по ненависти къ венеціанцамъ охотно переймутъ сторону турокъ. Дѣйствительно, венеціанцы, ужь больше 400 лѣтъ владѣвшіе Критомъ, не позаботились пріобрѣсти расположеніе жителей его и въ особенности были не любимы храбрыми сфакиотами, жившими въ Бѣлыхъ горахъ. Своими притѣсненіями венеціанцы часто доводили критянъ до возстаній.

Во второй половинѣ XVII вѣка, когда турки и африканскіе корсары стали сильно угрожать Криту, венеціанское правительство поняло необходимость пропозвести въ управленіи островомъ преобразованія, ограничить самовластіе вельможъ, владѣвшихъ землями и чиновниковъ, чтобы населеніе пріобрѣло привязанность къ Венеціи. Для этого оно назначило въ 1574 году Джакомо Фоскарини правителемъ Крита съ очень широкими полномочіями. Человѣкъ справедливый и умный, онъ въ свое четырехлѣтнее управленіе Критомъ произвелъ реформы, какія казались нужны для возбужденія въ критянахъ любви къ венеціанскому правительству. Но система произвола и угнетенія коренилась въ привычкахъ венеціанцевъ такъ упорно, что преобразованія были въ сущности маловажны и населеніе осталось нерасположено къ правительству.

Венеціанцы искали союзниковъ себѣ, но не находили. Испанія и Франція воевали между собою, обращали всѣ свои силы на эту борьбу; папа и другіе итальянскіе государи обѣщались помогать, но видно

было, что это пустяки слова; многіе говорили даже, что венеціанцы и не заслуживаютъ помощи, потому что всѣ свои войны съ турками они вели только по расчетамъ собственной пользы, а не по усердію къ распространенію христіанства и не помогали другимъ христіанскимъ государямъ въ войнахъ съ турками, когда не находили въ томъ выгоды себѣ; покинутое всѣми христіанскими государствами венеціанское правительство съ обыкновенной энергіей готовилось къ войнѣ. Весною 1645 года Юсуфъ-Паша поплылъ въ Архипелагъ съ флотомъ, состоявшимъ изъ 73 кораблей. Венеціанскій флотъ имѣлъ лишь половину этого числа кораблей, но они были лучше снаряжены; начальниками флота были опытные моряки Джеронимо Морозини и Марино Капелло. Приготовленія къ оборонѣ, сдѣланныя на самомъ Критѣ, были недостаточны. Критская милиція была малочисленна и плохо обучена. Турецкій флотъ обогнулъ южный берегъ Мореи, показывая видъ, будто направляется дѣйствительно къ Мальтѣ, и только у Наварина перемѣнилъ направленіе, поплылъ къ Криту и 24 іюня турки вышли на берегъ въ заливѣ, у котораго стоялъ городъ Гогна, въ 18-ти итальянскихъ миляхъ (30 верстахъ) на западъ отъ Канеи; венеціанское населеніе Крита, застигнутое врасплохъ, ужаснулось. Турки осадили съ моря и съ суши Канею. Проведиторъ (областной начальникъ) Антоніо Навиджеро велъ оборону искусно и храбро; но тяжелая артиллерія турокъ разрушала укрѣпленія и 17 августа (1645 года) Навиджеро принужденъ былъ сдать крѣпость, получивъ свободный пропускъ для гарнизона. Турки обратили три главныя церкви Канеи въ мечети, отослали красивыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ въ подарокъ султану. Но взятіе Канеи стоило громадныхъ потерь осаждающимъ; противники капудана-паши, въ числѣ которыхъ находился великій везиръ Султанзаде Мухаммедъ, возстановили султана противъ него, и черезъ нѣсколько недѣль по возвращеніи въ Константинополь Юсуфъ-Паша былъ казненъ (въ январѣ 1646). Но война продолжалась, султанъ не слушалъ сановниковъ, совѣтовавшихъ прекратить ее. Французскій посланникъ Вареннъ напрасно предлагалъ свое посредничество: Ибрагимъ хотѣлъ мстить за жестокость, какую выказывали венеціанцы къ плѣннымъ мусульманамъ. Венеціанское правительство продавало государственныя имѣнья, должности, дворянскіе титулы, собирало пожертвованія для покрытія военныхъ расходовъ, дозволяло изгнанникамъ возвращаться, вносило новыя фамиліи въ золотую книгу, допускало вельможъ въ члены большаго совѣта до достиженія совершеннолѣтія, если ему давали за это деньги на войну. Война длилась 24 года; театромъ военныхъ дѣйствій были кромѣ Крита другіе острова и Далмація. Генералъ-проведиторъ (правитель) Андреа Корнаро при всѣхъ своихъ талантахъ и храбрости не могъ выдержать борьбу съ многочисленнымъ непріателемъ. Турецкій главнокомандующій на

Критъ, Гуссейнъ-Паша, взялъ штурмомъ крѣпость Реттимо (23 ноября 1646). Венеціанскій флотъ сильно пострадалъ отъ бури; утонуло множество людей, въ числѣ ихъ находился адмиралъ Баттиста Гримани, искусный и храбрый морякъ. Такимъ образомъ, турки были безопасны съ моря. Гуссейнъ-Паша въ іюлѣ 1648 года осадилъ Кандію, главный городъ Крита. Въ августѣ янычары и сипаги убили великаго везира Ахмеда-Пашу, отвели въ темницу и потомъ удавили Ибрагима, провозгласили падишахомъ 7-лѣтняго сына его Мухаммеда IV. Руководителями этого дѣла были муфти и улемы; они считали необходимымъ прекратить безразсудства бездарнаго развратника, дѣйствіями котораго управляли женщины и фавориты; онъ тратилъ громадныя суммы на свои прихоти, разстраивалъ государство безумными свирѣпостями. Сдѣлавъ переворотъ, янычары и сипаги перессорились изъ-за дѣлежа награды и больше 1.000 сипаговъ было убито янычарами.

Венеціанское правительство старалось помириться съ новыми правителями Турціи, но они требовали уступки Крита. Она не была включена въ проектъ мирнаго договора, присланный изъ Венеціи; великій везиръ Мухаммедъ-Паша такъ разсердился на это, что велѣлъ отвезти въ темницу венеціанскаго баю и казнить перваго драгомана Грилло. Венеціанцы не захотѣли уступить Критъ и война продолжалась. Осада Кандіи шла безъ успѣха; вылазки осажденныхъ, непогода, голодъ, болѣзни истребляли много людей въ осаждающемъ войскѣ. Венеціанскій адмиралъ Мочениго одержалъ въ іюнѣ 1651 побѣду надъ турецкимъ флотомъ (между островами Паросомъ и Наксосомъ). Извѣстіе о пораженіи флота увеличило раздоры въ Константинополѣ; начались мятежи; вооруженныя схватки происходили даже въ султанскомъ дворцѣ. Государство бѣдствовало отъ обременительности налоговъ, чеканки дурной монеты. Но венеціанцы были такъ изнурены, что не могли пріобрѣтать большихъ успѣховъ даже и при разстройствѣ Турціи. Гуссейнъ-Паша построилъ близъ Кандіи нѣсколько фортовъ, держалъ ее въ непрерывной блокадѣ. Изъ года въ годъ повторялись сраженія на Эгейскомъ морѣ и у Дарданеллъ, но ни турки, ни венеціанцы не могли пріобрѣсть рѣшительныхъ успѣховъ. Въ іюнѣ 1656 венеціанцы разбили турецкій флотъ у Дарданеллъ, но въ этомъ сраженіи былъ убитъ храбрый адмиралъ (генералъ-капитанъ) ихъ Лоренцо Марчелло.

Когда Мухаммедъ IV достигъ совершеннолѣтія, государство находилось въ совершенномъ разстройствѣ. По совѣту матери онъ въ 1656 году назначилъ великимъ визиремъ почти съ неограниченною властью хорошаго полководца, альбанца Мухаммеда Кѣприли, человека умнаго, очень энергичнаго и съ тѣмъ вмѣстѣ безжалостнаго. Кѣприли пробудилъ въ туркахъ національную гордость, ввелъ порядокъ въ управленіи, возстановилъ дисциплину въ войскѣ и на флотѣ.

Турки стали одолѣвать венеціанцевъ; въ трехдневной морской битвѣ у Дарданеллъ въ іюлѣ 1657 венеціанскій адмиралскій корабль взлетѣлъ на воздухъ отъ взрыва, произведеннаго ядромъ, попавшимъ въ пороховую камеру; генералъ-капитанъ Мочениго погибъ при этомъ. Турки овладѣли Тенедосомъ и Лемносомъ. Въ Критъ приплылъ съ новымъ войскомъ Мустафа-Паша, назначенный главнокомандующимъ тамъ на мѣсто Гуссейна-Паши, отозваннаго великимъ визиремъ, нелюбившимъ его. Французы прислали отрядъ войска на помощь осажденной Кандіи, но начальники его были бездарны или недобросовѣстны, солдаты не слушались ихъ, потому онъ больше вредилъ, чѣмъ помогалъ и венеціанцы были рады, когда онъ уплылъ во Францію (въ 1660 году). Турки вели тогда войну съ Австріей; это отвлекало главные силы ихъ отъ войны съ венеціанцами. Когда они заключили перемиріе съ Австріей, Ахмедъ Кѣприли, сынъ Мухаммеда, поплылъ съ новымъ войскомъ въ Критъ (въ 1666 году). Паша Климентъ IX далъ венеціанцамъ денегъ, послалъ на помощь имъ своего племянника Роспиньози съ нѣсколькими кораблями и отрядомъ войска, Людовикъ XIV дозволилъ Сентъ-Андре де Монбрѣну и герцогу Фельяду и савойскому вельможѣ маркизу Де Виллю отправиться съ отрядомъ волонтеровъ въ Кандію; императоръ Леопольдъ послалъ венеціанцамъ отрядъ, состоявшій изъ 3.000 человекъ; герцоги брауншвейгскій и лауэнбургскій послали три полка. Венеціанцы отвезли эти войска въ Кандію и сами собрали столько войска, сколько могли.

Турки овладѣли почти уже всею Критомъ. Греческое населеніе острова ненавидѣло венеціанцевъ; воинственные сфакіоты помогали туркамъ; Ахмедъ-Кѣприли сосредоточилъ свои войска подъ Кандіей. Венеціанское правительство поручило начальство надъ гарнизономъ Кандіи маркизу Де Виллю, производившему свой родъ отъ знаменитаго крестоносца Виллардуэна, гордившемуся и тѣмъ, что одинъ изъ предковъ его сражался при Лепанто; но онъ поссорился съ генералъ-проведиторомъ Антонио Барбаро и въ маѣ 1668 уѣхалъ изъ Кандіи. По пріѣздѣ въ Венецію онъ говорилъ правительству, что еще можно надѣяться на успѣхъ обороны Кандіи; правда, ея укрѣпленія много повреждены турецкими батареями, но еще остаются довольно сильны. На мѣсто Де Вилля коммандантомъ Кандіи былъ назначенъ Сентъ-Андре де Монбрѣнъ, опытный полководецъ; гарнизонъ сохранялъ мужество и продолжалъ отражать турокъ. Въ іюнѣ слѣдующаго (1669 года) поплыли изъ Франціи въ Кандію герцогъ Наваль (Navailles), великій адмиралъ Франсуа Вандомъ герцогъ Бофоръ и нѣсколько другихъ вельможъ съ новыми волонтерами; поплыли волонтеры изъ Италіи и Германіи. Венеціанцы надѣялись прогнать турокъ съ Крита и разорвали переговоры о мирѣ. Они не знали, что положеніе Кандіи въ это время было ужъ отчаянное. Услышавъ, что скоро приплы-

вуть подкрѣпленія къ осажденнымъ, везирь, не щадя жизни своихъ солдатъ, торопился взять крѣпость, и когда французская эскадра вошла въ гавань, Кандія была ужъ почти вся обращена въ развалины, трудно было ходить по улицамъ, такъ завалены онѣ были обвалившимися домами; полуразрушенныя укрѣпленія были всѣ подкопаны минами; повсюду лежали раненные или убитые. Каттерини Корнаро, начальствовавшій гарнизономъ, былъ убитъ бомбой еще въ маѣ. — Приѣздъ французовъ ободрилъ осажденныхъ; они вмѣстѣ съ французами сдѣлали 25 іюня вылазку. Она сначала шла удачно; но взрывъ пороховаго склада разстроилъ ее и она обратилась въ поражение. Въ числѣ убитыхъ находился герцогъ Бофоръ; тѣло его не могли найти. Черезъ мѣсяцъ, 24 іюля, христіане потеряли много кораблей, матросовъ и солдатъ въ морскомъ сраженіи въ гавани Кандіи; черезъ двѣ недѣли, 8 августа, былъ убитъ вмѣстѣ съ многими изъ своихъ солдатъ Вальдекъ, начальствовавшій отрядомъ, присланнымъ герцогами брауншвейгскимъ и лауэнбургскимъ. Навалъ, постоянно ссорившійся съ Морозини и Монбреномъ, ушелъ 20 августа съ большею частью французовъ, отчаявшихся въ успѣхѣ, его примѣру послѣдовали папскія и мальтійскія корабли и войска. Когда герцогъ Алессандро Пико Мирандола приплылъ въ Кандію съ своимъ отрядомъ, уменьшившимся отъ болѣзней до 600 человекъ, въ крѣпости оставалось только 4.000 человекъ, способныхъ сражаться. Кѣприли сдѣлавъ 24 августа приступъ; у осажденныхъ были приготовлены мины; взорвавъ ихъ, они отбили турокъ съ большимъ урономъ; но важнѣйшіе бастіоны, св. Андрея и Сабіонѣра были такъ повреждены взрывами, что крѣпость уже не могла бы выдержать новаго приступа. Морозини собралъ 27 августа военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, продолжать ли оборону, или сдать крѣпость. Проведиторъ Бартоломмео Гримальди и маркизь Монбрень сказали, что должно взорвать крѣпость, похоронить себя подъ ея развалинами, только такой конецъ достоинъ такой обороны. Но другіе члены совѣта говорили, что это будетъ напрасное геройство; и были начаты переговоры съ Кѣприли; они кончились 6 сентября заключеніемъ договора, по которому венеціанцы обязались уплыть изъ Кандіи въ трехнедѣльный срокъ и немедленно сдали туркамъ крѣпость, удержавъ за собою до отплытія фортъ Суду и еще два небольшія укрѣпленія. Почти всѣ жители Кандіи уплыли съ венеціанцами, и 27 сентября Ахмедъ Кѣприли принялъ на разрушенной стѣнѣ форта св. Андрея поднесенные ему на серебряномъ блюдѣ 83 ключа города, укрѣпленій и общественныхъ зданій. Черезъ два года венеціанцы заключили миръ, по которому сохранили за собою далматскій городъ Клиссу (близъ Спалатро), долго бывшій предметомъ споровъ. Трактатъ былъ подписанъ 24 октября 1671 въ Салонѣ.

Война стоила венеціанской республикѣ 126 миллионъ дукатовъ. Морозини, по возвращеніи, подвергся обвиненію со стороны своихъ политическихъ враговъ, но былъ оправданъ и пользовался большимъ уваженіемъ народа. Климентъ IX былъ очень огорченъ потерей Кандіи для христіанъ; говорятъ, что онъ умеръ отъ печали объ этомъ (дѣйствительно, онъ умеръ вскорѣ по взятіи Кандіи турками).

Венеція желала возвратить утраченныя владѣнія и когда въ 80-тыхъ годахъ австрійцы стали одерживать побѣды надъ турками, она послала въ Морею войско, въ которомъ находился отрядъ нѣмецкихъ наемниковъ подъ начальствомъ графа Кѣнигсмарка; главнокомандующимъ былъ Морозини. Войско его при содѣйствіи майнотовъ и другихъ грековъ заняло въ 1686 году Наваринъ, Навплию и нѣсколько другихъ мѣстъ въ Морѣѣ, дошло до Аѣинъ и Фивъ. При осадѣ Аѣинъ бомба попала (26 сентября 1687) въ Паренонъ, въ которомъ находился у турокъ пороховой магазинъ; взрывъ сильно попортилъ храмъ, но не разрушилъ его. Изъ Пирея венеціанцы увезли мраморныхъ львовъ и поставили ихъ передъ воротами своего арсенала. Они надѣялись овладѣть островомъ Негропонтѣ. При осадѣ города Негропонтѣ былъ убитъ Кѣнигсмаркъ. Генералъ-капитанъ моря (адмиралъ) Джироламо Корнаро взялъ Мальвазію (въ 1690 году); но вскорѣ послѣ того занемогъ и умеръ въ Авлонѣ. Не дожилъ до конца войны и Морозини; онъ умеръ 6 января 1694 въ Навплии. Преемникъ его въ начальствѣ надъ флотомъ, Антоніо Дзено, былъ разбитъ въ морскомъ сраженіи близъ Хиоса; потерю битвы приписывали его дурнымъ распоряженіямъ и отвезли его въ цѣпяхъ въ Венецію. Онъ умеръ до окончанія суда надъ нимъ. По карловицкому миру, заключенному 26 января 1699, за Венеціей остались Морея и Санта-Мавра, Эгина, Занте; другія свои завоеванія венеціанцы возвратили туркамъ. Граница Далмаціи была опредѣлена сообразно требованіямъ венеціанцевъ; турки вытребовали только то, чтобы Рагуза считалась независимой отъ Венеціи. Этотъ почетный для Венеціи миръ былъ послѣднимъ славнымъ фактомъ ея исторіи.

6. Умственная жизнь Италіи въ XVII вѣкѣ.

Еще въ XVI вѣкѣ начался упадокъ итальянской литературной и художественной дѣятельности; подъ гнетомъ церковнаго и свѣтскаго деспотизма прежнее гениальное творчество стало замѣняться искусственностью, рефлексіей, формалистикой; это развивалось въ XVII вѣкѣ; въ искусствѣ и поэзіи господствовало подражаніе прежнимъ образцамъ.

Эпические поэты подражали Аріосто; знаменитѣйшіе изъ нихъ были: Габріелло Кіабрера, о которомъ мы уже говорили въ X томѣ, какъ о лирическомъ поэтѣ; онъ написалъ эпическія поэмы: „Освобожденная Италія“, „Амадеда“, „Флоренція“, „Руджеро“; онъ родился въ 1552, умеръ въ 1637; Никколѣ Фортегверра (1674—1735) написалъ романтическо-юмористическую поэму „Риччардетто“; по содержанію она продолженіе Orlando Furioso; въ ней много остроумія, есть сатирическіе намеки на современныя дѣла; „Похищенное ведро“ Александро Тассони (1565—1635) и „Осмѣяніе боговъ“ Франческо Браччоліни (1566—1645)—тоже подражанія Аріосто, но комизма въ нихъ грубѣе его шутовскости. Гораздо больше поэмы любили итальянцы того времени драмы и въ особенности тѣ, которыя писались для оперной музыки, то, что теперь называется лябретто. Знаменитѣйшими авторами этихъ текстовъ для оперъ были Апостола Дзено (1669—1750) и Піетро Антоніо Метастазіо (1698—1782); оба они занимали должность придворнаго поэта при императорѣ Карлѣ VI. Оперы первоначально писались для придворныхъ праздниковъ; дворы моденскій, мантуанскій, флорентійскій соперничали между собою великолѣпіемъ этихъ спектаклей. Особенно блестяща была постановка оперъ при женитьбахъ государей или наслѣдныхъ принцевъ на иноземныхъ принцессахъ, свиту которыхъ итальянцы желали ослѣпить изяществомъ и богатствомъ своей жизни.

Въ лирической поэзіи Александро Гвиди (1650—1712) и Бенедетто Менципи (1646—1704), сначала слѣдовавшіе наипущенному вкусу своихъ современниковъ, стали писать проще, взявъ за образцы себѣ древнихъ поэтовъ. Христина, королева шведская, отрекшись отъ короны и поселившись въ Римѣ, имѣла, какъ говорятъ, хорошее вліяніе на итальянскую литературу; модная изысканность слога не правила ей; она основала литературное общество, члены котораго собирались у нея; одна изъ статей устава говорила, что „члены его будутъ воздерживаться отъ новой напыщенной манеры, переполненной метафорами, и будутъ слѣдовать только здравому смыслу и образцамъ эпохъ Августа и Медичи“. Въ бібліотекѣ Виллы Альбани хранятся итальянскія рукописи, поправленныя рукою Христины. Покровительствомъ Христины пользовался Винченцо Филикая (1642—1707), съ котораго началось возрожденіе итальянской поэзіи. Онъ не подражалъ никому, былъ человѣкъ просвѣщенныхъ понатій, высказывалъ въ энергическихъ, благородныхъ концонахъ и одахъ тѣ впечатлѣнія, какія производили на него современныя событія, старался возбудить въ своихъ соотечественникахъ патриотизмъ и стремленіе къ политической свободѣ. Его превосходный сонетъ „Италія! Италія!“ былъ первымъ выраженіемъ патриотической грусти итальянца о печальномъ положеніи отечества. Онъ говоритъ, что Италія было бы надобно или быть менѣе прекрасной, или имѣть больше силы, чтобъ оборониться отъ иноземцевъ, привлекаемыхъ ея прелестью; это чувство стало основнымъ мотивомъ новой итальянской поэзіи.

Историческія науки имѣли въ первой половинѣ XVIII вѣка двухъ замѣчательныхъ представителей, Муратори (1672—1750) и Джанноне (1676—1748). Лодовико Антоніо Муратори положилъ основаніе ученой разработкѣ итальянской исторіи своимъ трудолюбиво составленнымъ собраніемъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ и историковъ и своимъ ученымъ трудомъ „Лѣтописи Италіи“. Піетро Джанноне, неаполитанецъ, написалъ „Исторію королевства неаполитанскаго“. Прямодушіе, съ какимъ онъ изобразилъ въ ней угнетеніе умственной жизни Италіи папами, навлекло на него ненависть церковныхъ властей; онъ спасся отъ гибели только бѣгствомъ, и когда черезъ много лѣтъ возвратился въ отечество, инквизиція схватила его; онъ до конца жизни томился въ темницахъ и умеръ въ туринской питеи.

Живописцы, скульпторы, архитекторы второй половины XVII вѣка и первой половины XVIII подражали великимъ художникамъ XVI столѣтія, но увлекались погоней за эффектомъ, впадали въ манерность или въ грубый натурализмъ.

Папы, великіе герцоги тосканскіе, другіе итальянскіе государи сохраняли любовь къ построенію церквей, дворцовъ, къ украшенію ихъ статуями; ставили статуи и въ садахъ и на мостахъ; это давало обстановкѣ итальянскаго быта изящество, дивившее путешественниковъ; но и въ архитектурѣ и въ скульптурѣ хороша была только техническая сторона, творческой оригинальности не было; художники подражали старымъ образцамъ.

d) вѣкъ Людовика XIV.

Литература. Письма Людовика XIV и бумаги, писанныя для него, изданы подъ заглавіемъ *Oeuvres de Louis XIV* (6 томовъ, Paris 1806); инструкція о воспитаніи дофина и записки гувернеровъ дофина изданы въ критической обработкѣ Дресомъ: *Charles Dreyss, Mémoires de Louis XIV pour l'instruction du Dauphin* (2 тома, Paris 1860); — *Mémoires de Saint-Simon*, изданіе Шерюзли; — *Chérueil, Saint-Simon considéré comme un historien* (Paris 1865); — *Baschet, le duc de Saint-Simon. — Journal du marquis de Dangeau*; — *Chérueil, Mémoires sur la vie de Fouquet* (2 тома, Paris, 1865). — *Noailles, Histoire de madame de Maintenon* (4 тома, Paris 1848—1854); — *Rousset, Histoire de Louvois* (4 тома, Paris, 1862); — *Saint-Beuve, Histoire du Port Royal*.

I. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНІЯ ЛЮДОВИКА.

1. Людовикъ XIV и его министры. Дѣятельность Кольбера.

Въ продолженіе 50-ти лѣтъ управленіе Франціи находилось въ рукахъ фаворитовъ или первыхъ министровъ. Марія Медичи, Людовикъ XIII, Анна Австрійская мало занимались дѣлами, давали только свое утвержденіе дѣйствіямъ лицъ, которымъ довѣряли. Можно было думать, что это будетъ продолжаться такъ и по смерти Мазарини, потому что при его жизни молодой король не выказывалъ расположенія къ серьезнымъ занятіямъ, проводилъ время въ удовольствіяхъ: ѣздилъ на охоту, танцевалъ, забавлялся смотрами войска. Но при извѣстии о смерти Мазарини онъ немедленно созвалъ государственный совѣтъ и сказалъ, что, утративъ министра, благоразумно и счастливо управлявшаго дѣлами въ годы его юности и неопытности, онъ рѣшился управлять государствомъ самъ, что онъ не назначитъ преемника Мазарини въ должности перваго министра, а самъ будетъ завѣдывать дѣлами, такъ что государственные секретари будутъ работать подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ и будутъ докладывать непосредственно ему. Онъ сталъ употреблять большую

часть времени на занятіе дѣлами, оставивъ для развлеченій лишь нѣсколько часовъ; день у него былъ распределенъ по неизмѣнному порядку и до конца жизни онъ продолжалъ исполнять эти правила, которыя поставилъ себѣ.

Вся общественная жизнь сосредоточилась при дворѣ, была приведена въ полную зависимость отъ воли монарха. Ему оказывали уваженіе, доходившее до чего-то подобнаго обоготворенію, самонадѣянность его росла. У него былъ талантъ владычествовать надъ людьми; онъ постоянно думалъ о своемъ достоинствѣ, о томъ, чтобы импонировать и современникамъ и потомству; и онъ достигъ своей цѣли: благоговѣніе подданныхъ къ нему было безгранично и долго поддавались этому чувству историки, писали панегирики ему.

Мазарини поручилъ завѣдываніе дѣлами людямъ даровитымъ. Людовикъ XIV имѣлъ разсудительность оставить ихъ на должностяхъ, полученныхъ ими отъ Мазарини; они составляли совѣтъ министровъ, собиравшійся подъ его предсѣдательствомъ. Государственный совѣтъ, членами котораго были принцы и знатнѣйшіе вельможи, Людовикъ созывалъ рѣдко и черезъ нѣсколько времени совершенно пересталъ созывать. Довѣреннѣйшими совѣтниками короля были Мишель Ле Теллье, которому были поручены военные дѣла, человекъ осторожнаго, мягкаго характера и изворотливый, предприимчивый Люиэ, завѣдывавшій дѣлами иностранной политики. Оба они были люди опытные, ловкіе, умѣли говорить съ королемъ такъ, что ему казалось, будто всѣ планы ихъ состояются по его внушеніямъ, и въ случаяхъ надобности отказывались отъ своихъ мыслей, уступая его желаніямъ, такъ что онъ воображалъ себя несравненно выше ихъ по уму.

Но не пользовался благосклонностью Людовика Фуке, управлявшій финансами и имѣвшій громадную власть при Мазарини, важнѣйшимъ помощникомъ котораго былъ. Капиталисты и откупщики государственныхъ доходовъ имѣли полное довѣріе къ Фуке, давали деньги казнѣ по его желанію, такъ что онъ былъ банкиромъ государства, финансами котораго управлялъ, и Мазарини получалъ для казны всякія суммы, какія были нужны на войну; Фуке справедливо хвалился, что при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ правительство всегда имѣло сколько угодно денегъ, благодаря ему. Но онъ позволялъ себѣ всякія злоупотребленія властью для своего обогащенія и для увеличенія громаднхъ богатствъ Мазарини. Онъ имѣлъ теперь много милліоновъ денегъ; его дворцы были украшены великолѣпными собраніями произведеній искусства, сады его были роскошны, онъ выписывалъ для нихъ рѣдкія экзотическія растенія; онъ давалъ пенсіи поэтамъ и ученымъ, они превозносили его. Загородный дворецъ въ Во, въ которомъ жилъ онъ съ королевскимъ великолѣпіемъ, былъ разрисованъ Лебрёномъ и воспѣтъ Лафонтеномъ. Откупщики дѣлились съ нимъ своими выгодами, придворные

были приверженцами его, получая отъ него богатые подарки; первая любовница короля, Ла Вальеръ, была благосклонна къ нему. Онъ надѣялся, что своими услугами пріобрѣтетъ и благосклонность короля, былъ увѣренъ въ своей необходимости для него и пренебрегъ предостереженіями, какія давалъ ему передъ смертью Мазарини, говорившій, что Людовикъ ненавидитъ его, и что ему необходимо быть осмотрительнымъ. Людовикъ дѣйствительно ненавидѣлъ его, считая своимъ соперникомъ, желающимъ превзойти короля великолѣпіемъ обстановки и щедростью; даже воображалъ, что онъ задумываетъ поднять возстаніе; видѣлъ подтвержденіе этому подозрѣнію въ томъ, что къ числу владѣній Фуке въ Бретани принадлежали двѣ крѣпости. Другимъ поводомъ къ подозрѣнію было то, что Фуке находился въ сношеніяхъ съ кардиналомъ Ресомъ; онъ скрывалъ ихъ, но они были извѣстны королю. Людовикъ рѣшился уничтожить его, но боялся сдѣлать это безъ подготовки, дѣйствовалъ сначала хитростями. Фуке, будучи суперъ-интендентомъ (министромъ) финансовъ, продолжалъ занимать прежнюю свою должность генераль-прокурора парижскаго парламента; она давала ему нѣкоторую безопасность отъ ареста, потому что парламентъ сильно вступился бы за своего савоинника; агенты короля убѣдили его продать эту должность. Черезъ нѣсколько времени король, отправлявшійся съ дворомъ въ Бретань присутствовать при совѣщаніяхъ областнаго сейма, пригласилъ Фуке ѣхать съ нимъ. Фуке поѣхалъ, ничего не подозрѣвая, и 5 сентября (1661 года) былъ арестованъ. Полиція взяла его бумаги, король передалъ его суду особой коммисіи по обвиненію въ расхищеніи государственныхъ денегъ. Финансовое управленіе велось тогда безпорядочно; счета съ откупщиками, дававшими деньги впередъ, были запутаны; взносы производились иногда безъ письменныхъ документовъ; злоупотребленія были легки; Фуке позволялъ себѣ ихъ въ большомъ размѣрѣ, но уличить его было нельзя. Его обвиняли въ томъ, что, уплативъ долги казны, онъ не уничтожалъ документовъ, возвращаемыхъ ему кредиторами, а бралъ по нимъ уплату во второй разъ и оставлялъ эти деньги у себя. Онъ защищался ловко и многіе находили, что онъ невиновенъ или вина его не велика. Но король рѣшилъ подвергнуть его вѣчному заключенію въ темницу. Коммиссія, судившая его, постановила приговоръ, что онъ осуждается на пожизненное изгнаніе, имущество его конфискуется. Король нашелъ, что приговоръ относительно личной судьбы его слишкомъ снисходителенъ и замѣнилъ изгнаніе заключеніемъ въ темницу. По приказанію короля Фуке былъ отвезенъ въ крѣпость Пиньероль; тамъ держали его въ очень суровомъ заключеніи; онъ прожилъ въ темницѣ 19 лѣтъ и умеръ тамъ въ 1680 году.

Доносчикомъ на Фуке былъ Жанъ Батистъ Кольберъ, управлявшій денежными дѣлами Мазарини и рекомендованный имъ королю. Коль-

беръ былъ челоѣкъ, чуждый роскоши, честный въ денежныхъ дѣлахъ, трудолюбивый. По арестованіи Фуке король поручилъ управленіе финансами ему, но не далъ его должности того высокаго титула, съ какимъ она была соединена прежде. Фуке и его предмѣстники назывались суперъ-интендентами финансовъ; Кольберъ получилъ названіе только генераль-контролера; оно считалось гораздо менѣе высокимъ. Онъ происходилъ изъ купеческаго сословія, съ молодости служилъ по финансовому вѣдомству и сдѣлавшись министромъ финансовъ велъ дѣла съ такой осмотрительностью и находчивостью, что доставлялъ королю всякія суммы, какія были нужны на войны, придворную пышность, великолѣпныя постройки, на покупку иностранныхъ сановниковъ, на субсидіи союзникамъ Франціи; сначала онъ успѣвалъ удерживать короля въ границахъ разсудительности, такъ что не нужно было устанавливать новыхъ слишкомъ обременительныхъ налоговъ и можно было заботиться о развитіи французской промышленности и торговли, построить много военныхъ кораблей. Кольберъ былъ челоѣкъ очень твердаго характера, не слушался чужихъ внушеній; это доходило въ немъ до упрямства, такъ что онъ отвергалъ и хорошіе совѣты. Онъ былъ безгранично преданъ королю, неутомимо заботился о подавленіи всякой самостоятельности въ обществѣ; усердно служа абсолютизму, онъ скоро приобрѣлъ полное довѣріе Людовика.

Люионъ, Ле Теллье и Кольберъ составляли тайный совѣтъ короля. Всѣ они были помощниками Мазарини, привыкли повиноваться чужой волѣ и были послушными исполнителями желаній Людовика. Единственной заботой ихъ было возвышеніе могущества и славы короля. Впослѣдствіи Кольберъ получилъ титулъ маркиза Сеньелэ (Seignelai); его сынъ и Кольберъ Круасси, его братъ, приобрѣли также довѣріе Людовика и стали пользоваться большимъ вліяніемъ на дѣла.

Помощникомъ Ле Теллье былъ и сталъ пріемникомъ его въ должности военного министра сынъ его, Лувуа, бросившій развлеченія, въ которыхъ провелъ молодость и начавшій неутомимо заниматься дѣлами. Скоро онъ приобрѣлъ преобладающее вліяніе на короля, умѣвшаго цѣнить его умъ, административный талантъ и безграничную преданность. Онъ былъ дурень собою, производилъ отталкивающее впечатлѣніе своей безжалостностью и надменностью, но былъ драгоцененъ Людовику безпощадностью, съ какою исполнялъ его приказанія. Только Кольберъ отваживался противорѣчить Лувуа. Между ними шла борьба за вліяніе на короля, произволу котораго они служили съ одинаковымъ усердіемъ; чиновники дѣлились на двѣ партіи: одна поддерживала Кольбера, другая Лувуа.

Кольберъ преобразовалъ финансовое управленіе; онъ хотѣлъ уничтожить прежнюю зависимость правительства отъ откупщиковъ, заставлявшихъ

пуждающееся въ деньгахъ правительство подчиняться ихъ условіямъ, чтобы получать отъ нихъ авансы. Челоѣкъ неумолимый, Кольберъ принялъ съ одобренія короля очень крутыя мѣры противъ капиталистовъ, обогатившихся дѣлами съ казной. Онъ учредилъ особую комиссію для изслѣдованія финансовыхъ злоупотребленій, она требовала отъ откупщиковъ показаній о величинѣ ихъ имущества и объясненій о томъ, какъ приобрѣли они свое богатство, требовала того же отъ сборщиковъ налоговъ; духовенству было велѣно проповѣдывать въ духѣ этого распоряженія; были обѣщаны награды за доносы о нарушеніи интересовъ казны. Комиссія облагала обвиненныхъ произвольными штрафами; говорятъ, что сумма конфискацій, произведенныхъ ею, составила болѣе 100 милліоновъ ливровъ. Многія семейства были доведены до нищенства, множество людей бѣжало за границу, число осужденныхъ на заключеніе въ темницы было очень велико; наиболѣе виновные въ нарушеніи интересовъ казны были повѣшены. Кольберъ не отступалъ ни передъ какими несправедливостями въ своемъ усердіи къ выгодамъ короля. Точно такъ же, какъ съ откупщиками, онъ поступилъ съ государственными кредиторами. Ихъ бумаги были подвергнуты пересмотру; тѣ долговыя обязательства, которыя были признаны полученными неправильно, были уничтожены, у другихъ кредиторовъ была уничтожена часть суммъ, требовать которыхъ отъ государства имѣли они право. Это было похоже на грабежъ. Общество говорило, что король хочетъ раззорить націю для отнятія у нея средствъ сопротивляться его произволу. Множество должностей, проданныхъ правительствомъ, было уничтожено съ уплатой только части покупныхъ денегъ или вовсе безъ уплаты. Наслѣдственность финансовыхъ должностей была отмѣнена, хотя право на нее было куплено у правительства. Аристократія сильно пострадала отъ пересмотра документовъ, по которымъ перешли въ ея собственность коронныя имѣнія: владѣльцы ихъ должны были доказать, что они были куплены за полную цѣну, какой стоили, или получены за заслуги государству, достойныя вознагражденія. Въ большей части случаевъ невозможно было представить требуемыхъ документовъ, потому что приобретеніе было сдѣлано въ очень давнія времена. Правительство не признавало никакой давности владѣнія; оно требовало документовъ даже по имѣніямъ, полученнымъ еще отъ графовъ прованскихъ, то есть въ средніе вѣка. Такимъ способомъ было конфисковано множество имѣній, принадлежавшихъ цѣлымъ столѣтіямъ семействамъ, у которыхъ были они теперь отнимаемы. Тысячи семействъ были раззорены. Кольберъ подвергъ пересмотру и грамоты на дворянство, которое было покупаемо за небольшіе платежи во время междоусобій; многіе грамоты были уничтожены. Это, впрочемъ, имѣло ту хорошую сторону, что имѣнья людей, лишенныхъ дворянства, были обложены поземельнымъ налогомъ, отъ котораго были свободны дворянскія земли, и Кольберу можно стало понизить этотъ налогъ, не уменьшая сумму, доставляемую имъ казнѣ. Онъ уничтожилъ также нѣкоторыя изъ областныхъ привилегій, относившихся къ соляному акцизу. Онъ упростилъ и отчасти облегчилъ пошлины съ продажи хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ; внутренняя торговля оживилась благодаря тому, что эти товары получили больше возможности быть перевозимы изъ провинціи въ провинцію и тому, что нѣкоторыя изъ внутреннихъ таможенныхъ линій въ сѣверной и средней Франціи были уничтожены.

Франція въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій не подвергалась при Людовикѣ XIV ни междоусобіямъ, ни нашествіямъ иноземныхъ войскъ; потому промышленность ея развивалась. Кольберъ считалъ по-

лезной протекціонную систему, запретилъ ввозъ иностранныхъ мануфактурныхъ произведеній, давалъ привилегіи и прямыя денежныя пособія фабрикамъ; и дѣйствительно, во Франціи возникли новыя отрасли промышленности: французы, прежде получавшіе зеркала и кружева изъ Венеціи, чулки изъ Англіи, сукно изъ Нидерландовъ, сами стали производить эти предметы. Гобленовскіе тканые обои приобрѣли знаменитость въ цѣломъ свѣтѣ. Держась принциповъ абсолютизма, Кольберъ вмѣшивался во всѣ промышленныя производства, предписывалъ способы выдѣлки товаровъ, контролировалъ качество ихъ, давалъ, какъ мы говорили, денежныя пособія фабрикантамъ, даже устанавливалъ монополіи. Онъ основывалъ торговыя общества для колонизаціи французскихъ владѣній въ Америкѣ; большую часть капитала давало этимъ обществамъ правительство. Онъ основалъ остъ-индскую компанію для соперничества съ португальцами, голландцами и англичанами въ южно-азиатской торговлѣ; хотѣлъ сдѣлать Марсель центромъ торговли товарами восточной части Средиземнаго моря и для этого далъ ей право портофранко; съ той же цѣлью онъ помогъ деньгами капиталисту Рике, представившему планъ канала для соединенія Средиземнаго моря съ Атлантическимъ океаномъ; каналъ этотъ, называющійся Лангедокскимъ, не оправдалъ ожиданій, что левантскіе товары пойдутъ черезъ него въ Атлантическій океанъ, но принесъ пользу самому Лангедоку. Кольберъ хотѣлъ доставить французамъ преобладаніе даже въ торговлѣ на Балтійскомъ морѣ, и при содѣйствіи Швеціи сдѣлать островъ Готландъ складочнымъ мѣстомъ французскихъ товаровъ. Дѣятельность его, какъ мы говорили, была неутомима.

2. Подготовка владычества Франціи надъ Европой.

Преобразованія шли по всѣмъ отраслямъ государственной жизни. Во время фронды, внутренній порядокъ расшатался; по увѣренію Людовика, были мѣстности, въ которыхъ слабый не находилъ защиты противъ сильнаго, преступленія оставались безнаказанными. Администрація была затрудняема разнообразіемъ законовъ въ разныхъ провинціяхъ: въ однихъ судъ производился по римскому праву, въ другихъ по мѣстному обычному. Особенно велики были безпорядки судопроизводства въ Оверни. Король хотѣлъ запугать нарушителей закона въ этой области и созвалъ «великій судъ» въ Клермонѣ, самъ пріѣхалъ предсѣдательствовать на немъ. Людовикъ хотѣлъ казнить одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ Оверни, виконта Ла Мота де Каниллака, бывшаго во время фронды горячимъ сторонникомъ

принца Кондэ. Судъ постановилъ приговоръ, какого желалъ король. Казнь Каниллака ужаснула аристократію и Кольберъ получилъ возможность произвести королевскими ордонансами преобразованіе судопроизводства. Онъ учредилъ конную полицію, поддерживавшую повсюду повиновеніе начальству. Интенданты, которымъ Ришелье совершенно подчинилъ провинціи, служили органами для установленія абсолютизма. По примѣру Ришелье Кольберъ переносилъ политическіе процессы изъ парламентовъ въ особыя коммиссіи, вполне зависѣвшія отъ произвола правительства. Формы его отношеній къ парламентамъ были любезны, но онъ подавлялъ въ нихъ всякую мысль о протестахъ противъ королевскихъ эдиктовъ. Вся правительственная власть въ провинціяхъ была передана интендантамъ, вельможи, бывшіе губернаторами провинцій, лишились вліянія на ихъ управленіе, должность губернатора стала только пустымъ почетомъ.

Абсолютизмъ опирался на войско. Въ первой половинѣ XVII вѣка, въ военномъ устройствѣ еще сохранились остатки феодализма: губернаторы провинцій, комменданты крѣпостей держали себя, какъ самостоятельные начальники своихъ солдатъ, не во всемъ слушались парижскихъ приказаній; они сами взимали налоги для содержанія своихъ войскъ, выдавали отъ себя жалованье солдатамъ и офицерамъ; потому ихъ отряды были связаны съ ними тѣснѣе, чѣмъ съ правительствомъ. Мазарини успѣшно боролся съ этимъ; побѣда надъ фрондой была результатомъ того, что въ арміи развился роялизмъ. Но только послѣ пиренейскаго мира рѣшительно установилось правило, что король единственный господинъ военныхъ силъ и въ войскѣ упрочилась мысль, что всѣ начальники получаютъ власть отъ короля, что солдаты и офицеры, находясь на его жалованьи, служатъ собственно ему и должны повиноваться исключительно ему. Эту перемену понятій произвело преобразованіе военного устройства, сдѣланное Ле Теллье и его сыномъ. Ле Теллье принялъ въ королевскую гвардію большинство офицеровъ тѣхъ частей войска, которыя были распущены по заключеніи пиренейскаго мира; гвардія стала образцомъ для всей арміи. Офицеры привыкали въ ней служить исключительно королю. У начальниковъ войска было отнято право взимать налоги для его надобностей, солдатамъ было назначено жалованье изъ королевской казны. Начальники полковъ показывали находящимися на дѣйствительной службѣ большее число солдатъ, чѣмъ находилось на самомъ дѣлѣ, брали себѣ жалованье, записываемое на людей, показанныхъ сверхъ дѣйствительнаго числа, деньги на аммуницію и содержаніе ихъ; военные комиссары получали отъ генераловъ и полковыхъ командировъ часть этихъ выгодъ и молчали. Теперь это расхищеніе казенныхъ денегъ было прекращено строгимъ контролемъ. Должность генералъ-полковника пѣхоты, отъ котораго зависѣло назначеніе множества офицеровъ, была уничтожена по смерти занимав-

шаго ее герцога Эпернона и чины стали давать исключительно король (то есть въ большинствѣ случаевъ военный министръ). Улучшенная организація войска, которой стали подражать всѣ европейскіе государи, была дѣломъ Лувуа; онъ ввелъ вооруженіе лучше прежняго, далъ солдатамъ обмундировку удобнѣе прежней, улучшилъ артиллерию, основалъ военныя школы для приготовления военныхъ офицеровъ; по его мысли Людовикъ построилъ огромный инвалидный домъ для доставленія приюта раненымъ или одряхлѣвшимъ офицерамъ и солдатамъ, которые прежде были отдаваемы на содержаніе въ монастыри, содержавшіе ихъ очень плохо. Главнымъ помощникомъ Лувуа въ этихъ преобразованіяхъ былъ Тюреннъ, съ молодости находившійся въ военной службѣ у своего дяди, принца Оранскаго Фридриха Генриха, хорошаго полководца. Кондэ одерживалъ побѣды, благодаря отвагѣ и таланту распоряжаться войсками во время самаго сраженія сообразно надобностямъ минуты. Тюреннъ умѣлъ составлять планы походовъ. Очень много содѣйствовалъ успѣхамъ французскихъ войскъ Вобанъ, великій военный инженеръ. Подобно Тюренну и Кондэ онъ былъ на сторонѣ фронды, но Мазарини склонилъ его поступить въ королевскую армию. Однимъ изъ первыхъ его сооруженій было расширение Дюнкирхенской гавани. Онъ построилъ рядъ крѣпостей, ограждавшихъ границы Франціи. Благодаря Лувуа и Тюренну, армія Людовика XIV стала совершенно не похожа на прежнее феодальное ополченіе, обязанное служить лишь небольшую часть года, и на тѣ наемныя войска, которыя могли, когда вздумаютъ, покинуть службу одному государю, перейти на сторону другаго, хотя бы его непріятеля. Офицеры, принадлежавшіе исключительно къ дворянству, соперничали между собою въ преданности королю и очень дорожили новочужденными знаками почета, военными орденами въ нынѣшнемъ смыслѣ слова.

Людовикъ XIV скоро показалъ Европѣ, что хочетъ рѣшительнаго преобладанія въ ней; онъ имѣлъ нѣкоторыя изъ качествъ хорошаго администратора: разсудительность, сильную память, твердую волю. Человѣкъ тщеславный, онъ хотѣлъ быть независимъ отъ чужаго вліянія и страшенъ сосѣдамъ. Онъ очень любилъ импонировать величавымъ обращеніемъ и блескомъ обстановки; сдѣлалъ свой дворъ центромъ великолѣпія. Надъ жизнью двора владычествовалъ самъ онъ; личность его производила впечатлѣніе, выгодное для его желанія играть величественную роль: черты его были красивы, тѣлосложеніе стройно, походка и манеры исполнены достоинства; каждый, бывшій въ первый разъ при дворѣ, съ перваго раза узнавалъ, кто король. Испанскій этикетъ, введенный при французскомъ дворѣ королевами, принцессами Габсбургской династіи, давалъ придворному быту спокойное и строгое величіе. Мать Людовика XIV Анна Австрійская (то есть Габсбургская), дочь короля испанскаго, продол-

жала занимать первое мѣсто при дворѣ и послѣ женитьбы сына, потому что жена его Марія-Терезія, подобно ей, испанская принцесса, была расположена жить въ набожной тишинѣ, не любила свѣтскихъ развлеченій. Людовикъ до самой смерти матери обращался съ нею почтительно, но по смерти Мазарини, при которомъ госпожею Франціи была собственно она, отнялъ у нея вліяніе на дѣла, ревниво охраняя свое личное самовластіе. Онъ не давалъ вліянія на дѣла и тѣмъ женщинамъ, которыя были его любовницами въ первую эпоху его правленія. Блистательнѣйшую роль при его дворѣ играла Генріетта, дочь короля англійскаго Карла I, принявшая католичество и вышедшая за Филиппа, герцога Орлеанскаго, брата Людовика; она была умна, образована, обворожительна въ обращеніи. Расположеніе Людовика къ ней было такъ сильно, что возбуждало ревность въ ея мужѣ. Въ ея штатѣ находилась Луиза Лавальеръ, ставшая первой формальной любовницей Людовика. Онъ полюбилъ эту дѣвушку безъ заискиванія съ ея стороны, но когда сталъ говорить ей о своей страсти, узналъ, что она давно любитъ его. У нея были отъ короля сынъ и дочь. Когда Людовикъ измѣнилъ ей, она съ печалью и раскаяніемъ поступила въ монастырь. При входѣ въ него она сказала аббатисѣ: «Отдаю въ ваши руки свободу, которой такъ дурно пользовалась». Однимъ изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Людовикъ проводилъ время съ нею, былъ небольшой домъ, построенный въ Версальскомъ лѣсу отцомъ его, пріѣзжавшимъ туда охотиться. Людовикъ XIV увеличилъ этотъ домъ до такихъ размѣровъ, придалъ ему такое великолѣпіе, что онъ сдѣлался блестящей резиденціей огромнаго, пышнаго двора. Принцы и вельможи, еще недавно боровшіеся съ королемъ за власть, теперь соперничали между собою въ заискиваніи его благосклонности. Кондэ, въ союзѣ съ испанцами сражавшійся противъ него, почтительно исполнялъ теперь должность оберъ-гофмейстера. Но король остерегался ставить прежнихъ своихъ соперниковъ въ такія положенія, которыя могли бы снова возбудить въ нихъ мысли о независимости. Онъ держался этого правила даже относительно брата. Когда герцогъ Орлеанскій просилъ себя должность правителя Лангедока, сдѣлавшуюся вакантною по смерти принца Конти, Людовикъ отказалъ ему; король хотѣлъ показать всѣмъ, что всѣ почести зависятъ отъ него.

Онъ требовалъ, чтобы Европа признавала первенство короля французскаго надъ всѣми государами, чтобы посламъ его повсюду принадлежало первое мѣсто. Изъ-за этого посланникъ его въ Лондонѣ, графъ Эстрадъ, поднялъ такую рѣзкую ссору съ своимъ тестемъ барономъ Ватвиллемъ, испанскимъ посланникомъ, что дѣло угрожало дойти до войны. Но Филиппъ IV уступилъ, отозвалъ Ватвилля изъ Лондона, прислалъ извиненіе королю французскому. Людовикъ далъ этой уступчивости такое объясненіе, что король испанскій призналъ

первенство короля французскаго; французскій дворъ извѣстилъ объ этомъ всѣ дворы. Карль II, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, и канцлеръ его Клэрендонъ, любившій подарки, продали Франціи, за 5.000.000 ливровъ Дюнкирхенъ, пріобрѣтенный для Англіи Кромвеллемъ. Въ Германіи Людовикъ XIV покровительствовалъ Рейнскому союзу, въ которомъ духовные курфирсты пріобрѣтали содѣйствіе протестантскихъ государей планамъ короля французскаго. Въ юго-западной части Германіи французская политика господствовала; скоро распространилось французское вліяніе на Тюрингію и Саксонію. Французскій корпусъ покорилъ курфирсту майнцкому городъ Эрфуртъ, защищавшій отъ него свою независимость. Людовикъ послалъ французскій отрядъ въ Венгрію на помощь императору противъ турокъ; этотъ корпусъ много содѣйствовалъ побѣдѣ при Санктъ-Готгардѣ. Но усердный защитникъ католической церкви, Людовикъ XIV поссорился съ папой. Герцогъ Креки, французскій посланникъ въ Римѣ, ссорился съ родственниками Александра VII, стали ссориться и слуги ихъ. Папская гвардія, состоявшая изъ корсиканцевъ, подралась со свитой герцога Креки; онъ вышелъ на балконъ прекратить драку; корсиканцы сдѣлали въ него нѣсколько выстрѣловъ. Папское правительство начало по требованію Креки слѣдствіе объ этомъ дѣлѣ, но вело его слабо; губернаторъ Рима, на котораго жаловался Креки, былъ отставленъ отъ должности, но получилъ другую, болѣе высокую. Креки объявилъ, что этимъ наносится оскорбленіе французскому правительству и уѣхалъ изъ папскаго государства. Людовикъ принялъ сторону своего посланника: велѣлъ выслать папскаго нунція за са-войскую границу, собралъ войска, назначенныя помогать герцогамъ пармскому и моденскому противъ папы. Эссій парламентъ, угождая королю, объявилъ, что графство Венессенъ и городъ Авиньонъ были коронныя имѣнья, которыхъ нельзя было отдѣлять отъ Прованса (это значило, что король имѣетъ право отнять ихъ у папы). Римская курія испугалась и согласилась дать удовлетвореніе, котораго требовалъ Людовикъ. Въ февралѣ 1664 кардиналъ Флавіо Киджи, племянникъ папы, пріѣхалъ въ Фонтенбло и подписалъ актъ, говорившій, что папа проситъ Людовика простить оскорбленіе, нанесенное Франціи; корсиканская гвардія была распущена, была поставлена колонна съ надписью, объявлявшей корсиканцевъ за нападеніе на французскаго посла лишенными чести; папа обѣщалъ вознагражденіе герцогамъ пармскому и моденскому.

Людовикъ уже готовилъ захватъ чужихъ земель. Первымъ предметомъ завоеванія онъ выбралъ Лотарингію. По пирейскому миру она была возвращена герцогу Карлу IV, но на такихъ условіяхъ, которыя ставили герцога въ зависимость отъ Франціи. Онъ по неависти къ своимъ послѣдникамъ, брату Франциску и сыну Франциска Карлу заключилъ съ Людови-комъ договоръ, дѣлавшій французовъ полными господами въ его государ-

ствѣ: онъ уступилъ въ собственность королю французскому военную дорогу изъ Вердена въ Мецъ и Эльзасъ и 6 февраля 1662 подписалъ трактатъ, постановившій, что Лотарингія по его смерти присоединяется къ Франціи, а крѣпость Марсаль, единственная, остававшаяся у него, немедленно отдается королю французскому, который поставитъ въ ней свой гарнизонъ. Но это подняло въ Лотарингіи такой ропотъ, что герцогъ, постоянно мѣнявшій свои намѣренія, отказался отъ подписаннаго имъ договора и снова сблизился съ Габсбургами. Людовикъ потребовалъ, чтобы одно изъ условій договора было исполнено, чтобы отдана была ему крѣпость Марсаль, грозилъ войной. Герцогъ испугался и въ августѣ 1663 сдалъ Марсаль французамъ. Они могли теперь, почти не встрѣчая сопротивленія, занять Лотарингію, какъ только захотятъ.

II. ОТНОШЕНІЯ ФРАНЦІИ КЪ АНГЛІИ И НИДЕРЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ.

1. Дѣйствія Людовика во время войны Англіи съ нидерландской республикой.

Отношенія государствъ, сосѣднихъ съ Франціей, были въ 60-тыхъ годахъ такъ запутаны, что сильному и честолюбивому государю, неразборчивому на средства, можно было надѣяться сдѣлать большія завоеванія.

Статгоудеръ нидерландской республики, Вильгельмъ II, умеръ въ ноябрѣ 1650; черезъ недѣлю по его смерти жена его, дочь Карла I англійскаго, родила сына, который названъ былъ по имени отца Вильгельмомъ. Оранская династія не имѣла теперь взрослыхъ представителей; благодаря тому ободрилась враждебная самовластію статгоудера республиканская партія, къ которой принадлежало большинство негоціантовъ и жителей большихъ городовъ. Подъ руководствомъ умнаго и безкорыстнаго вождя, Яна де Витта, она одолѣла оранскую партію, опиравшуюся на невѣжественную массу простолудиновъ, и управленіе дѣлами союза перешло въ ея руки. Союзный сеймъ постановилъ, что право назначать на важнѣйшія гражданскія и военныя должности союза принадлежитъ не статгоудеру союза, а ему; въ большей части государствъ (штатовъ), составлявшихъ нидерландскую конфедерацію, была отмѣнена должность областного статгоудера, которую прежде занимали или принцы оранскіе, бывшіе статгоудерами конфедераціи, или ихъ родственники и приверженцы. Часть войскъ была подчинена общему сейму, другія части областнымъ сеймамъ. При заключеніи мира съ Кромвеллемъ голландскій областной сеймъ обѣщался не назначать принцевъ оранскаго дома на должность своего генералъ-капитана (главнокомандующаго). Вестфрисландія дала такое же обѣщаніе. Подъ управленіемъ рес-

публиканской, или, по другому названію, патриотической партіи торговля увеличилась, флотъ находился въ превосходномъ состояніи, колоніи расширились. Принявъ на себя вооруженное посредничество въ войнѣ между Швеціей и Даніей, нидерландцы заставили воюющія державы помириться на условіяхъ, какія предписали имъ. Янъ де Виттъ, отецъ котораго, бывший дордрехтскимъ бургомистромъ, находился въ числѣ патриотовъ, заключенныхъ Вильгельмомъ II въ Лувестенскій замокъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ монархическаго устройства, которое хотѣли ввести Вильгельмъ II и оранская партія. Онъ былъ человекъ очень сильнаго ума, превосходно понимавшій экономическіе и политическіе интересы націи, безкорыстный, неутомимо трудолюбивый и державшійся терпимости въ религіозныхъ дѣлахъ. Когда возшелъ на престолъ Карлъ II, братъ матери малолѣтняго Вильгельма III, врагъ патриотической партіи, изгнавшей его изъ нидерландской республики, патриоты знали, что онъ будетъ мстить имъ. Онъ могъ опираться на неприязнь, какую имѣли англичане къ голландцамъ по торговому соперничеству. Оранская партія ободрилась; она была сильна въ Зеландіи, Оверейселѣ, Гронингенѣ. Поселяне другихъ областей сочувствовали ей; кальвинистскіе проповѣдники возбуждали народъ противъ амстердамскихъ негодяевъ, ненавидимыхъ имъ своею вѣротерпимостью. Союзное правительство нашло надобнымъ сблизиться съ Людовикомъ, чтобы имѣть въ немъ опору противъ Карла II. Людовикъ былъ радъ этому и 27 апрѣля 1662 были между Франціей и нидерландской республикой заключены торговый договоръ и трактатъ о взаимной помощи въ случаѣ войны. Союзъ съ нидерландской республикой былъ надобенъ Людовику потому, что онъ задумалъ захватить испанскіе Нидерланды. Онъ не стѣнялся тѣмъ, что супруга его предъ вступленіемъ въ бракъ отреклась отъ всякихъ правъ на наслѣдство. Французскіе юристы по желанію короля говорили, что она не имѣла права отказаться за себя и свое потомство отъ того, что должно принадлежать ей и ея по закону; Фердинандъ Католическій постановилъ, что отреченіе отъ майората не имѣетъ силы; корона тоже майоратъ, говорили они, ссылались и на то, что актъ отреченія инфанты не былъ ратифицированъ королемъ французскимъ, и что не было уплачено приданое, уплатой котораго было обусловлено ея отреченіе; говорили, что если признать преимущество правъ сыновей надъ дочерьми по наслѣдованію престола самой Испаніи и согласиться, что по смерти Филиппа IV государемъ Испаніи долженъ быть его сынъ Карлъ, то и во всѣхъ другихъ частяхъ испанскаго государства законъ таковъ: въ частности не примѣняется онъ къ испанскимъ Нидерландамъ. Они всегда имѣли особую администрацію, и былъ слухъ, что Филиппъ IV хотѣлъ отдать ихъ въ приданое за второю своею дочерью Маріей помолвленной съ императоромъ Леопольдомъ. Въ испанскихъ Нидер-

ландахъ многіе не желали перехода своей родины подъ австрійскую власть. Людовикъ хотѣлъ по смерти тестя заявить права своей супруги на испанскіе Нидерланды и Франшъ-Конте. При его дворѣ говорили, что границы Франціи неудобны, слишкомъ тѣсны на сѣверѣ и востокѣ. Французскіе юристы утверждали, что въ Брабантѣ, Намюрѣ и нѣкоторыхъ другихъ частяхъ испанскихъ Нидерландовъ долженъ примѣняться къ престолонаслѣдію существующій тамъ относительно частной собственности законъ, по которому дѣти отъ втораго брака не наслѣдуютъ ничего принадлежавшаго ихъ отцу во время перваго брака, если онъ имѣетъ дѣтей отъ него: дѣти отъ перваго брака наслѣдуютъ все (законъ этотъ назывался деволуціей).

Патриции, правившіе нидерландской республикой, видѣли себя въ затруднительномъ положеніи. Карлъ II заключилъ въ 1662 году съ республикой мирный договоръ, но они знали, что онъ хотѣлъ начать войну съ ней. Янъ де Виттъ, стараясь смилчить неприязнь короля англійскаго, убѣдилъ союзный сеймъ отмѣнить законъ, воспрещавшій давать принципамъ оранскаго дома должность статгудера конфедерации, и принять на себя заботу о воспитаніи Вильгельма III для приготовленія его къ исполненію высокихъ должностей, какія занимали его предки, какъ выражался объ этомъ союзный сеймъ. Но Карлъ оставался врагомъ нидерландской конфедерации; англичане, какъ мы говорили, были враждебны голландцамъ по зависти къ ихъ преобладанію на европейскихъ рынкахъ, покушавшихъ отъ нихъ товары южной Азіи и Малайскаго архипелага. Между англійскими и голландскими купцами и матросами часто происходили вооруженныя столкновенія на западномъ берегу Африки, на восточномъ берегу Сѣверной Америки, на островахъ Малайскаго архипелага. Китоловные корабли и флотилии лодокъ, ловившихъ сельдь, часто вступали въ сраженія. Карлъ II, женатый на португальской принцессѣ, досадовалъ на нидерландскую республику и за то, что она воюетъ въ Азіи и въ Америкѣ съ португальцами. Въ самой нидерландской конфедерации приобрѣтала угрожающую силу оранская партія. Опасность положенія патриотовъ, правившихъ союзомъ, заставила, какъ мы говорили Яна де Витта искать опоры въ союзѣ съ Франціей. Человекъ проницательный, онъ понималъ намѣренія Людовика, но не отвергъ союза, предложеннаго королемъ французскимъ черезъ Эстрада. Посолъ Людовика хотѣлъ увеличить усердіе Де Витта къ союзу, подкупивъ его, но это не удалось съ такимъ безкорыстнымъ человекомъ. Де Виттъ сказалъ, что онъ уже награжденъ выше своихъ заслугъ дружбою короля. Людовикъ хотѣлъ возобновить договоръ о раздѣлѣ испанскихъ Нидерландовъ, составленный въ 1635 году. Въ этомъ актѣ говорилось, что нидерландская республика возьметъ сѣверную часть ихъ, Франція южную, а изъ средней будетъ образована независимая католическая республика; но переговоры объ этомъ разстроились.

союзный сеймъ недовѣрялъ Людовику и, дѣйствительно, Людовикъ хотѣлъ только приобрести содѣйствіе республики въ войнѣ съ Испаніею, или по крайней мѣрѣ удержать ее отъ союза съ испанцами. Онъ лишь обманывалъ нидерландцевъ, и въ войнѣ, вскорѣ послѣ того начавшейся у нихъ съ Англіей, не помогалъ имъ, а только пользовался своимъ обязательствомъ помогать имъ, какъ предлогомъ готовить армію къ походу. Вся помощь его нидерландской республикѣ ограничилась тѣмъ, что онъ угрозами заставилъ прекратить войну Бернгарда Галена, епископа мюнстерскаго, вторгнувшагося въ Пютфенъ и Оверейсель; ему было пріятно, что Англія и нидерландская республика истощаютъ свои силы, становятся неспособны остановить его въ задуманномъ захватѣ испанскихъ Нидерландовъ.

Относительно Испаніи и Португаліи Людовикъ держалъ себя съ такимъ же коварствомъ. Не стѣсняясь пиренейскимъ миромъ, онъ тайно помогалъ португальцамъ, какъ мы уже говорили, убѣждалъ Карла II открыто помогать родственнику его, королю португальскому, а въ то же время посланникъ Людовика въ Мадридѣ, Обюссонъ де ла Фельядъ, архіепископъ амбресенскій (Embrun), предлагалъ королю испанскому помощь Франціи противъ португальцевъ, если онъ объявитъ неимѣющимъ силы отреченіе супруги Людовика отъ права престолонаслѣдія. Ребенокъ, бывший наслѣдникомъ испанскаго престола, былъ такъ хилъ, что ожидали скорой смерти его. Филиппъ IV не согласился возвратитъ супругѣ Людовика право престолонаслѣдія. Тогда Людовикъ сталъ серьезнѣе прежняго помогать португальцамъ.

Вражда короля англійскаго къ нидерландской республикѣ и столкновенія между англійскими и голландскими торговыми компаніями, особенно въ Вестъ-Индіи, довели дѣло до войны. Парламентъ просилъ короля пачать ее и далъ ему на военные расходы такъ много денегъ, что еще никогда англійскіе короли не получали такой суммы. На это союзный сеймъ отвѣчалъ запрещеніемъ ввоза англійскихъ товаровъ. Вскорѣ послѣ того, въ январѣ 1665, король англійскій объявилъ войну нидерландской республикѣ; военныя дѣйствія начались и на европейскихъ и на американскихъ моряхъ. Главнокомандующимъ англійскаго флота былъ Іаковъ, братъ короля, наслѣдникъ престола; ему помогали своими совѣтами герцогъ Эльбеморль (Монкъ) и нѣкоторые моряки кромвеллевскаго времени, въ томъ числѣ адмиралы Пеннъ и Лосонъ. Нидерландскимъ главнокомандующимъ былъ сначала адмиралъ Опдамъ Вассенаръ, хорошій морякъ; помощниками его были знаменитые морскіе герои Рейтеръ, Эвертсенъ и Тромпъ Младшій. Сначала англичане имѣли удачу. Въ сраженіи близъ Гэрुича (въ іюнѣ 1665) былъ взорванъ на воздухъ корабль, на которомъ находился Опдамъ; только благодаря искусству Тромпа нидерландскій флотъ спасся отъ гибели и приплылъ къ нидерландскому берегу; но онъ потерпѣлъ большія потери. Вскорѣ послѣ того принялъ главное начальство надъ флотомъ Рейтеръ, возвратившійся

изъ экспедиціи въ Америку. Онъ одержалъ въ Америкѣ нѣсколько побѣдъ, возстановилъ власть отечества надъ тѣми колоніями, которыя были утрачены нидерландцами въ прежнюю войну съ англичанами. Только Новые Нидерланды были отняты у голландцевъ Голымсомъ; городъ Новый Амстердамъ былъ переименованъ въ Новый Йоркъ (Нью-Йоркъ).—Прибытіе Рейтера и энергическая дѣятельность Яна де Витта, пріѣхавшаго на островъ Тексель, у котораго стоялъ флотъ, остановили успѣхи англичанъ; патріоты отвергли требованія оранской партіи назначить главнокомандующимъ Вильгельма III, бывшаго тогда уже юношей. Рейтеръ въ августѣ 1665 овладѣлъ кораблями, которые везли изъ Остъ-Индіи въ Англію шесть милліоновъ ливровъ золотомъ. Они, сдѣлавъ большія изгибы плаванія, чтобъ избѣгать встрѣчъ съ нидерландцами, стояли у норвежскаго берега, въ бергенской гавани. Онъ взялъ всѣ ихъ и отвезъ въ Голландію. Монтегью Сэндвичъ, начальствовавшій англійскимъ флотомъ, не могъ помѣшать этому и принужденъ былъ сложить съ себя команду, хотя пользовался милостью короля, какъ одинъ изъ людей, помогавшихъ возстановленію королевской власти въ Англіи.

Въ октябрѣ 1665 вновь собрался парламентъ; онъ засѣдалъ въ Оксфордѣ, потому что въ Лондонѣ свирѣпствовала эпидемія. Данныя имъ деньги, которыхъ было бы достаточно на три года, были израсходованы, какъ онъ увидѣлъ, всѣ въ первый годъ войны: отчасти промоталъ ихъ король, отчасти онѣ были расхищены; льстецы и любовницы Карла обогатились, между тѣмъ какъ матросы были доведены голодомъ до мятежа, военныя гавани оставались беззащитны, корабли испортились, не будучи поправляемы, и не имѣли [такелажа]. Потому представлялся вопросъ, продолжать ли войну или принять посредничество, предлагаемое Людовикомъ. Но вражда къ соперникамъ по торговлѣ была еще такъ сильна въ англичанахъ, что парламентъ рѣшилъ продолжать войну, пренебрегая даже опасностью, что Людовикъ вмѣшается въ нее. Предложенія его были найдены невыгодными. Даже диссентеры, которыхъ подозрѣвали въ сочувствіи къ кальвинистской республикѣ, были увлечены общимъ настроеніемъ. Людовикъ не сталъ помогать своимъ союзникамъ, но оказалъ имъ ту услугу, что англичане должны были раздѣлить свой флотъ для охраненія береговъ отъ его нападенія, а Данія и Швеція въ угожденіе ему остались нейтральными. Такимъ образомъ, при возобновленіи военныхъ дѣйствій англичане послали противъ голландцевъ флотъ менѣе сильный, чѣмъ снаряженный голландцами, и въ большой битвѣ, длившейся четыре дня (11—15 іюня 1666), побѣда осталась за голландцами; принцъ Рупертъ, приплывшій на третій день съ своей эскадрой на помощь Монку, начальствовавшему англійскимъ флотомъ, только облегчилъ ему спасеніе уцѣлѣвшихъ кораблей; они ушли въ устье Темзы; 23 англійскіе корабли были сожжены, потоплены

или взяты голландцами; число погибших англичанъ простиралось до 6.000 и 2.000 были взяты въ плѣнъ. Голландцы потеряли 2.000 человекъ убитыми; въ числѣ ихъ находился адмиралъ Корнелиусъ Эвертсенъ; мѣсто его занялъ братъ, котораго звали Яномъ. Новый главнокомандующій объявилъ союзному сейму, что готовъ погибнуть на войнѣ за отечество, какъ погибли четыре его брата и одинъ изъ его сыновей. Это скоро сбылось. Черезъ полтора мѣсяца англійскій флотъ былъ приведенъ въ состояніе дать новую битву; она произошла 4 августа. Успѣхъ въ ней былъ на сторонѣ англичанъ; Янъ Эвертсенъ былъ убитъ. Тромпъ и Рейтеръ поссорились. Рейтеръ говорилъ, что причиной потери сраженія была опрометчивость Тромпа, уплываго слишкомъ далеко за нѣсколькими неприятельскими кораблями, уходившими изъ сраженія. Союзный сеймъ принялъ обвиненіе тѣмъ доврчивѣе, что Тромпъ принадлежалъ къ оранской партіи; ему дали отставку.

Янъ де Виттъ обвинилъ оранскую партію въ томъ, что она имѣетъ сношенія съ англичанами, желаетъ своими интригами принудить союзный сеймъ къ миру, и преслѣдовалъ ее. Онъ выказывалъ неутомимую дѣятельность. На третій годъ войны голландцы выслали очень многочисленный флотъ; начальникомъ его былъ Рейтеръ. Янъ де Виттъ убѣдилъ королей французскаго, датскаго и шведскаго рѣшительнѣе прежняго принять сторону Нидерландовъ. Карлъ II оробѣлъ, желалъ мира. Собрался конгрессъ въ Бредѣ; но Карлъ велъ тайные переговоры съ Людовикомъ; Янъ де Виттъ опасался, что Людовикъ измѣнитъ Нидерландамъ и рѣшился принудить Карла къ миру, прежде чѣмъ успѣетъ онъ заключить союзъ съ Людовикомъ. Для этого надобно было запугать его и англичанъ отважнымъ нападеніемъ. Янъ де Виттъ велѣлъ Рейтеру плыть въ устьѣ Темзы, послать на флотъ своего брата Корнелиса комиссаромъ союзаго сейма ободрить Рейтера. Голландскій флотъ вошелъ въ Темзу, разорвалъ цѣпь, которою была заперта рѣка выше Ширнеса, взялъ или сжегъ англійскіе военные корабли, стоявшіе у Чэтэма, поплылъ дальше, сжегъ еще три линейные корабли у Рочестера. Число линейныхъ кораблей, сожженныхъ или взятыхъ голландцами на Темзѣ, простиралось до восьми. Еще гораздо больше было сожжено или взято ими другихъ военныхъ кораблей. Они стали у Мэргета и Нортъ-Форленда въ устьѣ Темзы; сообщенія Лондона съ моремъ были отрѣзаны. Лондонъ былъ въ ужасѣ. Цѣль Яна де Витта была достигнута. Англія согласилась заключить миръ на условіяхъ выгодныхъ для нидерландской республики и въ Бредѣ былъ подписанъ 31 іюля (1667 года) договоръ, по которому навигаціонный актъ былъ смягченъ въ пользу нидерландцевъ. Англія и нидерландская республика остались во владѣніи тѣми колоніями, какими владѣли до войны (такимъ образомъ Новый Амстердамъ или, какъ называли его англичане, Нью-Йоркъ остался за

Англіей). Но нападеніе нидерландцевъ на Темзу усилило вражду англичанъ къ нимъ; англійское правительство ждало только случая возобновить войну съ соперниками, выказавшими слишкомъ опасную для нихъ силу.

2. Война Франціи съ Испаніей. Тройственный союзъ.

Французскіе юристы доказывали, что супруга Людовика, будучи дочерью испанскаго короля отъ перваго брака, имѣетъ болѣе близкое право наследовать его нидерландскія владѣнія, чѣмъ братъ ея, родившійся отъ втораго брака отца. Это еще не было формально заявлено Людовикомъ, когда тестъ его умеръ (17 сентября 1665); управленіе государствомъ въ малолѣтство сына приняла мать, Марія-Анна (дочь императора Фердинанда III). Мать Людовика, Анна Австрійская, обратилась къ ней, какъ близкая родственница, съ убѣжденіемъ согласиться на уступку испанскихъ Нидерландовъ. Она отвѣчала, что по завѣщанію покойнаго мужа обязана сохранить для сына всѣ владѣнія и не можетъ уступить ни одного села. Это чувство ея раздѣляли всѣ испанцы; и населеніе испанскихъ Нидерландовъ предпочитало остаться подъ испанской властью, не желало перехода подъ французскую. Анна Австрійская умерла (въ январѣ 1666). Смерть матери освободила Людовика отъ всякаго стѣсненія въ дѣйствіяхъ противъ Испаніи. Онъ рѣшилъ овладѣть испанскими Нидерландами. Англія вела тогда войну съ нидерландской республикой, Испанія съ Португаліей, которой помогалъ король англійскій. Людовикъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ нидерландской республикой, былъ обязанъ по трактату 1662 года помогать ей, но сообщилъ королю англійскому, что сохранить нейтралитетъ, если Англія не будетъ мѣшать ему въ дѣлахъ его съ Испаніей. Эти переговоры велись черезъ мать короля англійскаго Генріетту, жившую тогда во Франціи, и оставались совершенной тайной отъ всѣхъ другихъ. Людовикъ заключилъ договоры съ государями рейнскихъ земель Германіи; они обѣщались не дозволить императорскимъ войскамъ перехода черезъ Рейнъ. Важныя услуги въ переговорахъ съ ними оказалъ Людовику Вильгельмъ Фюрстенбергъ, вліятельнѣйшій совѣтникъ курфюрста кельнскаго. Братъ Вильгельма, Францъ, епископъ страсбургскій и Германъ, обергофмейстеръ курфюрста баварскаго, были тоже усердными слугами Людовика.

Черезъ Вильгельма Фюрстенберга Людовикъ началъ переговоры съ императоромъ о раздѣлѣ испанскихъ владѣній въ случаѣ смерти малолѣтняго короля, о которомъ полагали, что онъ не проживетъ долго. Вильгельмъ

Фюрстенбергъ спросилъ князей Ауэрсперга и Лобковица, вліятельнѣйшихъ министровъ Леопольда, какъ будетъ принято императоромъ предложеніе раздѣла; они отвѣчали, что расположены одобрить его. Но дѣло не удержалось въ секретѣ; испанскій посланникъ въ Вѣнѣ сталъ жаловаться на такое несправедливое и вѣроломное намѣреніе; императоръ сказалъ, что не хочетъ и слышать о раздѣлѣ. Въ 1667 году, когда Людовикъ уже началъ войну, онъ возобновилъ предложеніе раздѣла. Въ ночь на новый годъ французскій посланникъ Гремонвилль, закутавшись плащомъ, пріѣхалъ къ Ауэрспергу и сталъ объяснять ему, какъ выгодно будетъ для императора Людовика, женатыхъ на дочеряхъ покойнаго короля испанскаго, условиться между собою о раздѣлѣ испанскихъ владѣній въ случаѣ смерти его сына; этимъ устроятъ они всякія другія притязанія, всякую возможность сопротивленія ихъ волѣ; будетъ это выгодно и для католичества: соединившись союзомъ дружбы, императоръ и Людовикъ могутъ съ полнымъ успѣхомъ вести войну противъ еретическихъ государствъ. Леопольдъ одобрялъ мысль о раздѣлѣ и на новый (1668) годъ принялъ французскаго посла въ особой аудіенціи, а 19 января былъ подписанъ договоръ о раздѣлѣ, отдававшій императору Испанію съ ея американскими владѣніями, Миланъ и островъ Сардинію, а Людовику испанскіе Нидерланды, Франшъ-Конте, Неаполь, Сицилію, Наварру (на которую имѣлъ онъ притязанія, какъ потомокъ королей наваррскихъ), Филиппинскіе острова и африканскія владѣнія Испаніи. Этотъ договоръ остался тайной для другихъ правительствъ. Даже испанское не знало о немъ. Но хитрый король испанскій продолжалъ жить и ходъ событий разстроилъ договоръ, заключенный тогда по предположенію близкой смерти его. Австрійское правительство пришло къ мысли, что всѣ владѣнія испанскихъ Габсбурговъ должны перейти къ австрійскимъ. Самъ Ауэрспергъ, усерднѣйшій приверженецъ мысли о раздѣлѣ, покинулъ ее, разсердившись на то, что Людовикъ, обѣщавшій доставить ему кардинальскій санъ, не сдержалъ слова.

Итакъ, передъ началомъ войны съ Испаніей Людовикъ успѣлъ изолировать нидерландскую республику и, обманывая Испанію увѣреніями въ своемъ миролюбіи, сдѣлалъ всѣ приготовления къ походу, не возбуждивъ подозрѣнія. Главныя силы французовъ собрались въ Амьенѣ; начальникомъ этой арміи былъ назначенъ Тюреннъ. Въ маѣ 1667 пріѣхалъ къ ней Людовикъ. Передъ тѣмъ онъ послалъ испанской регентшѣ письмо, излагавшее права его на испанскіе Нидерланды и велѣлъ передать ей заявленіе, что принужденъ пріобрѣсти силой оружія законное наслѣдство, въ которомъ отказываютъ ему. Императорскій посланникъ въ Лондонѣ, Франческо Изола, напечаталъ возраженіе подъ заглавіемъ: «Щитъ государства и права»; онъ доказывалъ неосновательность притязаній Людовика, раскрывалъ опасность его коварствъ. Въ концѣ мая Тюреннъ двинулся въ испанскіе Нидерланды, и 2-го іюня вошелъ въ Шарльруа. Людовику хотѣлось бы идти въ Брабантъ, центральную часть испанскихъ Нидерландовъ. Тюреннъ отклонилъ его отъ этого, объяснивъ, что было бы слишкомъ опасно вести пѣхоту, еще плохо обученную, туда, гдѣ встрѣтитъ она наиболѣе сильное сопротивленіе. Тюреннъ взялъ въ іюнѣ и въ іюлѣ Турне, Дуэ, Уденарде и, по присоединеніи корпусовъ

Гомона и Креки, осадилъ Лилль. Правитель испанскихъ Нидерландовъ, маркизъ Кастельродриго, поправилъ между тѣмъ важнѣйшія крѣпости, разрушилъ другія, на оборону которыхъ не имѣлъ силъ. Французы встрѣчали упорное сопротивленіе. Осада Лилля затянулась до конца августа; два штурма были отбиты, третьимъ французы взяли Лилль (29 августа). Графъ Марсень, старый приверженецъ принца Кондэ, не захотѣвшій покориться вмѣстѣ съ нимъ Людовику и оставшійся въ испанскихъ Нидерландахъ, пріобрѣлъ себѣ славу мужественной обороной Лилля, но на отступленіи былъ разбитъ при Брюгге. Когда начались осеннія непогоды, Людовикъ возвратился веселиться въ Версаль. Войско его расположилось на зимнія квартиры.

Коварное нападеніе Людовика на испанское государство возбудило негодованіе всей Европы. Англія и нидерландская республика увидѣли, что своей войной даютъ Людовику преобладаніе, которое при его честолюбіи будетъ гибельно для нихъ обѣихъ, и поспѣшили заключить миръ. Людовикъ нашелъ надобнымъ для успокоенія общей тревоги заявить, что его притязанія очень умѣренны: если Испанія уступитъ ему Франшъ-Конте, Люксембургъ, Камбрѣ и нѣкоторые другія крѣпости испанскихъ Нидерландовъ по французской границѣ, то онъ откажется отъ правъ своей супруги на другія испанскія владѣнія.

Янъ де Виттъ очень печалился, увидѣвъ, что вовлечъ свое отечество въ затруднительное положеніе: онъ шелъ въ переговорахъ съ Людовикомъ дальше, чѣмъ былъ уполномоченъ нидерландскимъ сеймомъ и оказывался теперь виновнымъ въ дерзости, съ какою Людовикъ напалъ на испанскіе Нидерланды. Союзный сеймъ находилъ опаснымъ для независимости нидерландской республики переходъ соседнихъ областей изъ-подъ власти слабаго испанскаго правительства въ руки честолюбиваго, могущественнаго короля французскаго. Оранская партія рѣзко порицала Яна де Витта; были недовольны имъ и многіе республиканцы; онъ старался поправить свою ошибку, остановить завоеванія Людовика, но не рѣшился вступить въ союзъ съ Испаніей, хотя брюссельскій генералъ-губернаторъ предлагалъ ему очень выгодныя условія за помощь деньгами и войсками. Ему казалось, что полезнѣе всего будетъ заботиться о прекращеніи войны, что этого можно достигнуть, если Англія соединится съ нидерландской республикой въ требованіи, чтобы Людовикъ заключилъ миръ. Его мысль раздѣлялъ и сталъ усердно помогать ему англійскій посланникъ въ Брюсселѣ, сэръ Уильямъ Темплъ, съ которымъ познакомился онъ на конгрессѣ въ Бредѣ. Темплъ пріѣхалъ къ нему въ Гагу; они условились въ планѣ дѣйствій; по ихъ мнѣнію, для прекращенія войны необходимо было, чтобы Испанія уступила Людовику завоеванныя имъ части нидерландскихъ владѣній или вознагражденіе за нихъ. Не легко было Витту и Темплю одолѣть взаимное недовѣріе между Англіей и нидерландской республикой. Англійское прави-

тельство подозрѣвало, что Виттъ хочетъ раздѣла испанскихъ. Нидерландовъ между Франціей и нидерландской республикой; союзный сеймъ и городскіе власти Амстердама, имѣвшаго очень сильное вліяніе на дѣла всей конфедераціи, подозрѣвали, что Карлъ II вступилъ въ тайное соглашеніе съ Людовикомъ. И дѣйствительно, Карлъ предпочиталъ союзъ съ Людовикомъ союзу съ нидерландской конфедераціей, противъ которой сохранялъ вражду. Непріязнь его къ ней усилилась въ послѣднее время рѣшеніемъ союзнаго сейма, что должность генералъ-капитана не можетъ быть соединяема съ должностью статгouvernera; это было невыгодно для оранской династіи, на сторонѣ которой былъ король англійскій. Союзъ съ Людовикомъ представлялъ большія личныя выгоды для него; онъ готовъ былъ помогать Людовику даже противъ нидерландской конфедераціи, если понадобится это. Онъ велъ переговоры и съ мадридскимъ дворомъ, рѣшившись вступить въ союзъ съ той изъ воюющихъ сторонъ, которая предложитъ ему больше выгодъ. Но Людовикъ нашелъ преждевременнымъ отказаться отъ союза съ нидерландской республикой, потому холодно принялъ предложеніе Карла помогать ему въ войнѣ съ нею, а испанское правительство не согласилось удовлетворить громаднымъ денежнымъ требованіямъ Карла; раздосадованный отказомъ обѣихъ воюющихъ державъ отъ союза съ нимъ, Карлъ разрѣшилъ Темплу заключить договоръ съ нидерландской республикой. Этотъ трактатъ былъ подписанъ въ январѣ 1668. Англія и нидерландская республика обязались принудить воюющія державы примириться на условіяхъ, за нѣсколько времени передъ тѣмъ поставленныхъ самимъ Людовикомъ, говорившимъ, что требуетъ лишь уступки нѣкоторыхъ частей испанскихъ Нидерландовъ. На случай, если онъ откажется отъ прежняго своего предложенія, отвергнетъ миръ, Англія и Нидерланды давали другъ другу обязательство вступить въ союзъ съ Испаніей и тогда уже не допускать никакихъ уступокъ Людовику, возстановить границы по пиренейскому миру. Графъ Дона, назначенный шведскимъ посланникомъ въ Лондонъ, былъ тогда въ Гагѣ; Темплъ показалъ ему договоръ, предлагая Швеціи участіе въ этомъ союзѣ. Дона нашелъ, что по своимъ инструкціямъ имѣетъ право дать за Швецію согласіе и былъ увѣренъ, что шведскій государственный совѣтъ одобритъ это, потому принялъ предложеніе Темпла и Де Витта. Такимъ образомъ, соотавился такъ называемый тройственный союзъ, бывшій первымъ примѣромъ соединенія нѣсколькихъ государствъ для принужденія воюющихъ примириться. По законамъ нидерландской конфедераціи трактаты должны были передаваться на утвержденіе областнымъ сеймамъ; это составляло потерю времени; чтобъ избѣжать ея, Виттъ предложилъ договоръ на утвержденіе только комитету уполномоченныхъ отъ областныхъ сеймовъ, состоявшему изъ восьми членовъ; этотъ комитетъ былъ учрежденъ во время войны съ Ан-

глійей, чтобы дать единство и быстроту военнымъ распоряженіямъ; члены его имѣли безусловное довѣріе къ Витту.

По утвержденіи трактата о союзѣ правительствами нидерландской республики, Англіи и Швеціи, тройственному союзу ихъ надобно было принять военныя мѣры, чтобы принудить обѣ воюющія стороны къ принятію условій мира, установленныхъ безъ ихъ согласія; обѣ онѣ желали отвергнуть ихъ, продолжать войну. Испанія помирилась съ Португаліей, признала ея независимость, чтобъ обратить всѣ свои силы противъ Франціи, а Людовикъ въ февралѣ (1668 года) послалъ Кондэ и графа Люксамбурга завоевать Франшъ-Контэ. Они заняли большую часть этой области, овладѣли и главнымъ городомъ Безансономъ; тогда пріѣхалъ Людовикъ пріобрѣсти себѣ славу покорителя области присутствіемъ при взятіи осажденнаго французами Доля. Онъ прискивалъ новыхъ союзниковъ себѣ въ Италиі и Германіи. Кастельродриго просилъ помощи у нидерландской конфедераціи. Итакъ, обѣ воюющія стороны желали продолжать борьбу; но онѣ увидѣли себя въ необходимости покориться требованію тройственнаго союза. Правительство нидерландской республики на просьбу Кастельродриго отвѣчало, что будетъ помогать ему только въ томъ случаѣ, если Испанія согласится уступить Людовику или Франшъ-Контэ, или завоеванныя имъ части испанскихъ Нидерландовъ, а въ Парижѣ большинство министровъ считало надобнымъ прекратить войну и успѣло убѣдить короля въ основательности своего мнѣнія. Уполномоченные Англіи и нидерландской республики пріѣхали на конференцію съ французскими министрами въ Сенъ-Жерменъ, и въ апрѣлѣ были тамъ подписаны такъ называемыя прелиминарныя условія мира; на основаніи ихъ былъ 2 мая заключенъ въ Ахенѣ трактатъ, по которому за Франціей были оставлены завоеванные войскомъ ея города Шарльруа, Дуэ, Турнэ, Куртрэ, Лилль, Уденарде, а она возвратила Испаніи Франшъ-Контэ. Людовикъ сталъ самонадѣяннѣе прежняго, потому что война шла удачно для него. Ахенскій миръ оставилъ безъ рѣшенія притязанія его на наслѣдованіе испанскихъ владѣній женою его по смерти ея брата. Онъ думалъ, что скоро прійдетъ время заявить эти притязанія. Вобанъ обратилъ завоеванные фландрскіе города въ очень сильныя крѣпости; это дало Людовику еще большую смѣлость, потому что сѣверная граница Франціи казалась теперь ограждена отъ вторженія непріятеля.

3. Приготовленія Людовика къ войнѣ съ Голландіей.

Ахенскій миръ былъ дѣломъ Яна де Витта. Его увѣренность въ своихъ силахъ увеличилась. Онъ пріобрѣлъ безграничный авторитетъ

въ союзномъ сеймѣ. Онъ хотѣлъ дать развитіе республиканскому элементу союзной конституціи, вывести нидерландскую конфедерацию изъ прежняго ея положенія, средняго между монархіей и республикой, упрочить господство республиканской партіи, имѣвшей главныя свои силы въ большихъ городахъ Голландіи. Вильгельмъ Оранскій былъ предметомъ постоянного опасенія его. Принцъ, достигшій теперь 18-таго года, пользовался покровительствомъ своихъ дядей, короля англійскаго и курфирста браденбургскаго; масса народа въ Зеландіи и Фрисландіи была предана ему, онъ имѣлъ много приверженцевъ между простолюдинами въ другихъ областяхъ конфедерации; по природнымъ способностямъ и по знаніямъ онъ выказывалъ себя достойнымъ потомкомъ великаго Вильгельма, освободителя родины. Все это усиливало въ Янѣ де Виттѣ убѣжденіе, что онъ опасенъ для республики и что надобно устранивъ его отъ статгоудерства и генераль-капитанства. Мы говорили, что областной сеймъ Голландіи во время войны Франціи съ Испаніей постановилъ, что должность областного голландскаго генераль-капитана несоединима съ должностью областного голландскаго статгоудера. Янъ де Виттъ убѣждалъ союзный сеймъ принять такое же рѣшеніе относительно соотвѣствующихъ союзныхъ должностей. Союзный сеймъ сдѣлалъ это, принялъ такъ называемый Вѣчный эдиктъ, постановлявшій, что статгоудеръ союза не можетъ быть союзнымъ генераль-капитаномъ и что только подъ этимъ условіемъ восстанавливается санъ союзнаго статгоудера. Республиканская партія казалась восторжествовавшей навсегда. Изъ церковныхъ молитвъ было выброшено имя статгоудера; былъ отмѣненъ санъ перваго дворянина, принадлежавшій главѣ оранскаго дома въ Зеландіи. Арминіанскіе проповѣдники, вліятельнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Кокцеюсъ (Соссеюсъ, Коксеюсъ), профессоръ богословія въ Лейденѣ, поддерживали правительство. Нидерландская конфедерация получала видъ республики. Союзный сеймъ уменьшилъ число войска, чтобъ ослабить силу главнокомандующаго; правительство заботилось исключительно о флотѣ; число военныхъ кораблей было очень велико; морская торговля развивалась; въ голландскихъ верфяхъ строились корабли для всѣхъ народовъ. Янъ де Виттъ хотѣлъ сдѣлать свое отечество центромъ всемірной торговли. Не было государства, имѣвшаго такой кредитъ, какъ Голландія.

Но интриги французскаго правительства подкапывались подъ положеніе Яна де Витта. Онъ сталъ ненавистенъ Людовику, устроивъ тройственный союзъ, остановившій французскія завоеванія. Людовикъ хотѣлъ отмстить ему. Къ личной ненависти Людовика присоединялись политическіе и религіозные мотивы, возбуждавшіе во французскомъ обществѣ вражду къ нидерландской конфедерации и управлявшему ею государственному человѣку. Монархисты и католики съ неприязнью смотрѣли на протестантскую республику, въ которой от-

мѣнены были прежнія учрежденія, напоминавшія монархію, находили приютъ всѣ преслѣдуемые во Франціи за политическую оппозицію или за вѣру и пользовались свободой печатать свои сочиненія, пропущенныя духомъ свободы, нападавшія на деспотизмъ короля французскаго. Свобода, установившаяся въ нидерландской республикѣ, казалась опасной Людовику и его совѣтникамъ. Они рѣшили разрушить это государство, изъ котораго приходили во Францію книги и брошюры, непріятныя имъ, распространявшія во французскомъ обществѣ образъ мыслей, несогласный съ абсолютизмомъ. При французскомъ дворѣ съ негодованіемъ говорили о выбитой въ Голландіи медали, на которой былъ изображенъ Іисусъ Навинъ, останавливающий солнце, то есть Янъ де Виттъ, останавливающий завоеванія короля, котораго льстецы называли солнцемъ. Придворные и военная партія возбуждали короля къ войнѣ; на ихъ сторону перешелъ даже Кольберъ, прежде того отклонявшій короля отъ войны; они говорили о томъ, какъ возрастетъ могущество Франціи, если король завоюетъ или хотя поставитъ въ зависимость отъ себя богатую нидерландскую республику; тогда испанскіе Нидерланды легко будутъ покорены имъ и не будетъ ему препятствія взять на востокѣ всѣ земли до Рейна.

Французское правительство дѣйствовало и теперь, какъ при первой войнѣ Людовика, осмотрительно и хитро. Оно показывало любовь Витту, чтобъ разсѣять въ немъ всякое недовѣріе. Помпонъ, ловкій дипломатъ, отправленный посломъ въ Гагу, постоянно говорилъ Витту о расположеніи короля къ нему, напоминалъ о старыхъ дружескихъ отношеніяхъ и старался разстроить тройственный союзъ. Въ маѣ 1669 Испанія послѣ долгихъ отказовъ согласилась, по убѣжденію Витта, платить Швеціи субсидію, обѣщанную тройственнымъ союзомъ. Витту казалось, что Швеція останется вѣрна договору. Но шведская аристократія, правившая государствомъ въ малолѣтство Карла XI, поддавалась подаркамъ и обольщеніямъ Людовика. Онъ перевелъ Помпонна изъ Гаги въ Стокгольмъ интриговать тамъ и въ ноябрѣ 1671 государственный канцлеръ Магнусъ де ла Гарди съ восторгомъ сообщилъ французскому послу, что убѣдилъ государственный совѣтъ возобновить старинный союзъ съ Франціей. Шведы соблазнились большими субсидіями, которыя обѣщали имъ Людовикъ, не требуя отъ нихъ на первое время ничего, кромѣ нейтралитета; только на тотъ случай, если пойдутъ изъ Германіи войска на помощь нидерландской республикѣ, просилъ онъ шведовъ остановить ихъ. Но давая это обѣщаніе, шведы могли надѣяться, что исполнить его будетъ нетрудно: у Людовика былъ заключенъ договоръ съ императоромъ о раздѣлѣ испанскихъ владѣній; министръ императора Лобковицъ, получая жалованье отъ Людовика, дѣйствовалъ въ его пользу; большинство нѣмецкихъ государей тоже было на сторонѣ Людовика; потому нельзя было ожидать, что нѣмецкая

имперія захочетъ помогать нидерландской республикѣ. Притомъ Леопольдъ былъ такъ занятъ венгерскими дѣлами, что не могъ бы, если бъ и захотѣлъ, остановить завоеванія Людовика. Французскій посланникъ Гремонвилль и подкупленные имъ совѣтники императора внушили Леопольду, человѣку ограниченнаго ума, что интересъ Габсбургскаго дома требуетъ отъ него содѣйствія королю французскому въ войнѣ противъ мятежниковъ, отложившихся отъ короля испанскаго. Леопольдъ далъ Гремонвиллю обѣщаніе не мѣшать Людовику въ войнѣ съ ними.

Еще блистательнѣе былъ успѣхъ, котораго достигъ Людовикъ въ Англіи. Карлъ II, какъ мы говорили, ненавидѣлъ нидерландскую республику, а въ это время министрами его были люди, угождавшіе ему во всемъ; это было такъ называемое министерство Кэбэлъ (Cabal). Кольберъ Круасси, братъ министра, отправленный посломъ въ Лондонъ, подготовилъ союзъ между королями французскимъ и англійскимъ; сестра Карла, Генріетта Орлеанская поѣхала къ брату, взявъ очень красивую дѣвушку, мадемуазель Керуаль (Quegouaille), обратить брата при ея помощи въ приверженца Людовика и католической церкви. При содѣйствіи Генріетты былъ заключенъ въ Дуврѣ, 1 іюня 1670 г., тайный договоръ, по которому Людовикъ и Карлъ, условились вести войну съ нидерландской республикой; Карлъ отдавалъ подъ французское начальство тѣ сухопутныя войска, какія пошлетъ на эту войну, Людовикъ отдавалъ подъ англійское начальство свой флотъ и обѣщалъ немедленно дать Карлу 2.000.000 ливровъ, чтобъ онъ не нуждался въ просьбѣ денегъ у парламента, а во время войны платить ему 3.000.000 ливровъ ежегодной субсидіи. Карлъ обѣщался объявить себя католикомъ, какъ только позволятъ это обстоятельства (онъ былъ равнодушенъ къ религіи, но католичество нравилось ему пышностью обрядовъ и втайнѣ онъ уже принялъ его). Генріетта по заключеніи договора возвратилась во Францію (и вскорѣ послѣ того умерла, 30 іюня); Керуаль, очаровавшая Карла, осталась въ Англіи; король далъ ей титулъ герцогини Портсмутъ; она приобрѣла очень большое вліяніе на него и дѣйствовала въ интересахъ Людовика.

Тройственный союзъ былъ разрушенъ; нидерландская республика была изолирована; Франція и Англія готовились напасть на нее. Сосѣдъ ея Максимилианъ Генрихъ, курфирстъ кѣльнскій и епископъ люттихскій, давно уже былъ озлобленъ на еретиковъ, имѣвшихъ гарнизонъ въ крѣпости Рейнбергъ и покровительствовавшихъ недовольнымъ подданнымъ его. Теперь представилась ему возможность удовлетворить своей враждѣ и притомъ еще получить деньги за это. Онъ заключилъ съ Людовику наступательный союзъ, отдалъ ему, въ залогъ своей вѣрности договору, крѣпость Нейсъ, обѣщавшись за большую плату прислать свои войска во французскую армію; Людо-

викъ обѣщался отдать ему Рейнбергъ и Маастрихтъ, когда отниметъ эти крѣпости у нидерландской республики, поставилъ въ Нейсъ гарнизонъ, сдѣлалъ эту крѣпость складочнымъ мѣстомъ своихъ военныхъ запасовъ. Епископъ монстерскій Кристофъ Бернгардъ фонъ Галенъ тоже заключилъ договоръ съ Людовику: король обязался платить ему субсидію, а онъ — присоединить свое войско къ войску курфирста кѣльнскаго. Герцогъ ганноверскій и братъ его епископъ саксонскій обязались пропускать черезъ свои земли французскія войска, позволять имъ покупку съѣстныхъ припасовъ и устройство магазиновъ; Людовикъ обѣщался давать за это деньги герцогу и епископу. Дочь курфирста пфальцкаго Карла Людвигъ, Елизавета Шарлотта, была женою герцога Орлеанскаго; потому Людовикъ рассчитывалъ, что курфирстъ будетъ помогать ему. Вильгельмъ Фюрстенбергъ склонилъ къ союзу съ Людовику курфирста бранденбургскаго, обѣщая ему возвращеніе крѣпостей, занятыхъ голландцами во время спора за Юлихъ-Клевское наслѣдство и объясняя, что король французскій вступится за его племянника, принца Оранскаго, которому враждебно правительство нидерландской республики. Но Фридрихъ Вильгельмъ, по своей враждѣ къ французамъ и католикамъ, отвергъ предложенія Людовика.

4. Война съ Голландіей.

Итакъ Людовикъ изолировалъ нидерландскую республику. Только Карлъ, герцогъ лотарингскій, врагъ французовъ, принялъ сторону нидерландцевъ; но онъ лишь ускорилъ этимъ свое паденіе. Людовикъ не хотѣлъ оставлять врага въ своемъ сосѣдствѣ и еще до начала военныхъ дѣйствій противъ нидерландцевъ послалъ маршала Креки занять Лотарингію. Герцогъ едва успѣлъ бѣжать. Союзный сеймъ видѣлъ, что Людовикъ готовился къ нашествію на республику: въ крѣпостяхъ сѣверной границы Франціи были собираемы громадныя военныя запасы, Людовикъ вербовалъ наемниковъ. Но де Витту не хотѣлось признать, что его отечеству угрожаетъ опасность. Финансы нидерландской республики находились въ превосходномъ положеніи, флотъ ея также; но крѣпости не всѣ были достаточно снабжены артиллеріей и аммуниціей; войско, состоявшее большею частью изъ наемниковъ, было ненадежно. Начальники его, коммерческіе патриціи, не имѣли военной опытности. Янъ де Виттъ пытался удержать Людовика отъ войны увѣреніемъ въ миролюбіи нидерландской республики. Большинство провинцій требовало, чтобы главнокомандующимъ былъ назначенъ принцъ Оранскій; республиканская партія,

правившая конфедерацией, не сдѣлала этого, поручила принцу только начальство надъ отрядомъ, предназначеннымъ охранять переходы черезъ рѣку Эйсель. Управление военными дѣйствіями было ввѣрено комитету уполномоченныхъ союзнаго сейма. Въ началѣ апрѣля 1672 года Англія и Франція объявили войну нидерландской конфедерации. Людовикъ въ своемъ манифестѣ говорилъ, что не можетъ безъ вреда своей чести долѣе терпѣть неблагодарность нидерландской республики, забывающей благодаренія, полученные отъ его предковъ и отъ него. Въ первыхъ числахъ мая, по пріѣздѣ Людовика въ Шарльруа, у котораго были собраны главные силы войска, французы двинулись въ походъ. Этой многочисленной арміей командовалъ Тюреннъ. Другая армія подѣ начальствомъ Кондэ стояла у Седана. Герцогъ Люксамбургъ повелъ третью армію въ курфиршество кельнское; тамъ присоединились къ нему войска курфюрста и епископа мюнстерскаго. Нидерландскій сеймъ полагалъ, что французы осадятъ Мастрихтъ и эта крѣпость надолго задержитъ ихъ. Они дѣйствительно осадили Мастрихтъ, но ихъ войско было такъ многочисленно, что для осады была достаточна часть его. Оставивъ корпусъ подѣ Мастрихтомъ, армія Тюренна сохранила численный перевѣсъ надъ нидерландской арміей. Французы пошли черезъ герцогство клевское и курфиршество кельнское къ Рейну; ихъ было 120.000 человекъ, превосходя вооруженныхъ. Главнокомандующими были Тюреннъ и Кондэ, геніальные полководцы; между солдатами и офицерами было много ветерановъ, служившихъ еще въ тридцатилѣтнюю войну. Армія Людовика быстро подвигалась впередъ, взяла сильныя крѣпости Рейнбергъ, Везель, Ресъ, Эммерихъ и въ началѣ іюня уже подходили къ Гельдернской области. Союзный сеймъ надѣялся на то, что французамъ трудно будетъ перейти Рейнъ. Поселянинъ-католикъ показалъ одному изъ французскихъ генераловъ, графу Гишу, бродъ черезъ рѣку у Тольгѣйса. Лѣто было сухое, вода въ рѣкѣ очень упала и 12 іюня французы, передъ глазами непріятеля, перешли Рейнъ въ бродъ; тутъ было убито нѣсколько вельможъ, желавшихъ отличиться храбростью на виду у короля; въ числѣ ихъ находился молодой герцогъ Лонгвилль, одинъ изъ кандидатовъ, искавшихъ польской короны. Принцъ Оранскій, охранявшій переходы черезъ Эйсель, отступилъ къ Утрехту, оставляя сѣверную часть восточной границы открытою войскамъ курфюрста кельнскаго и епископа мюнстерскаго. Французы быстро заняли весь Гельдернъ, овладѣли Аригемомъ, Неймегеномъ; принужденъ былъ сдаться и Утрехтъ, жители котораго не согласились сжечь предмѣстья, какъ требовалъ принцъ Оранскій. Вильгельмъ съ небольшимъ своимъ войскомъ отступилъ въ Голландію; французы угрожали и ей; драгуны ихъ доѣзжали въ своихъ разъѣздахъ до Мейдена, до окрестностей Амстердама. Множество людей бѣжало изъ Голландіи въ Зеландію, въ

Гамбургъ, въ Данію. Нападеніе угрожало и съ моря; герцогъ Йоркскій, главнокомандующій англійскаго флота, не могъ одержать рѣшительной побѣды въ сраженіи, происходившемъ въ Сотуольдской бухтѣ, но сохранялъ преобладаніе на морѣ и надѣялся сдѣлать высадку на голландскій берегъ. Принцъ Кондэ, раненный при переходѣ черезъ Рейнъ, совѣтовалъ королю идти прямо на Амстердамъ; если бы Людовикъ послѣдовалъ его мнѣнію, Голландія по всей вѣроятности была бы покорена; но король принялъ совѣтъ Лувуа и Тюренна, говорившихъ, что надобно брать крѣпости, стоявшія по пути къ Амстердаму; это дало голландцамъ время принять тотъ способъ обороны, какой допускала природа ихъ области.

Но прежде чѣмъ принять это отчаянное средство защиты, союзный сеймъ отправилъ посла просить мира у Людовика. Посломъ былъ выбранъ сынъ Гуго де Грота (Гуго Гроція), Питеръ де Гротъ, подобно отцу пользовавшійся уваженіемъ французскаго двора. Онъ пріѣхалъ 26 іюня (1672 года) въ королевскій лагерь и отъ имени союзнаго сейма попросилъ Людовика высказать условія мира. Онъ былъ уполномоченъ сдѣлать очень большія уступки. Союзный сеймъ желалъ только сохранить независимость нидерландской конфедерации и цѣлость ея границъ; онъ готовъ былъ уплатить Людовику 12 милліоновъ ливровъ и отдать ему такъ называемыя генералитетскія земли, — тѣ области, которыя нидерландская республика завоевала отъ испанскаго правительства и которыя не получили политической самостоятельности, а находились подѣ управленіемъ сановниковъ, назначаемыхъ союзнымъ сеймомъ. Въ этихъ земляхъ были сильныя крѣпости Мастрихтъ, Венло, Гертогенбосхъ (или, какъ обыкновенно пишутъ по нѣмецкой формѣ названія, Герцогенбушъ), Бреда. Получивъ эту полосу земли между испанскими Нидерландами и нидерландской республикой, Людовикъ сталъ бы повелителемъ обоихъ государствъ и раньше или позже безъ труда захватилъ бы ихъ или принудилъ бы стать подѣ его протекторатъ. Но по боязни ли возбудить гнѣвъ своихъ союзниковъ англичанъ или, вѣроятнѣе, по надменной увѣренности, что завоеуетъ всю нидерландскую республику, Людовикъ отвергъ условія, предложенныя союзнымъ сеймомъ и заявилъ такія требованія, которыхъ не могла принять нидерландская конфедерация: онъ хотѣлъ, чтобъ ему кромѣ генералитетскихъ земель была отдана часть Гельдерна, лежащая на лѣвомъ берегу Вааля, чтобы французскіе товары были допускаемы въ нидерландскую республику безъ пошлинъ, чтобы католикамъ были даны свобода публичнаго богослуженія и право занимать всѣ должности. Онъ требовалъ также контрибуціи больше той, какую предлагалъ союзный сеймъ. При всей униженности этихъ условій союзный сеймъ не отвѣчалъ на нихъ рѣшительнымъ отказомъ, сталъ вести переговоры о ихъ смягченіи; но въ это время произошелъ въ нидерландской республикѣ перево-

ротъ, отдавшій власть въ руки оранской партіи, которая хотѣла энергическаго продолженія войны.

Она винила въ бѣдствіяхъ отечества республиканскую партію, не принявшую мѣръ для обороны; называла Яна де Витта измѣнникомъ; говорила, что онъ и его политическіе друзья готовы отдать отечество подъ власть Франціи по ненависти къ оранскому дому. Было сдѣлано покушеніе убить Яна де Витта; злодѣи ранили его, но главный изъ нихъ былъ схваченъ и (29 іюня) казненъ. Оранская партія прославляла этого человѣка какъ страдальца за отечество. Въ Голландіи и Зеландіи простолюдины шумно требовали, чтобы Вѣчный Эдиктъ былъ отмѣненъ, чтобы принцъ Оранскій былъ назначенъ статгоудеромъ и главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ, сухопутныхъ и морскихъ. Союзный сеймъ оробѣлъ, исполнилъ это требованіе; но сторонники Вильгельма Оранскаго не удовольствовались тѣмъ, что ему дана была власть статгоудера и генераль-капитана; они хотѣли отмстить Яну де Витту, вождю его противниковъ. вмѣстѣ съ Яномъ они хотѣли погубить и его брата Корнелиса, который раздѣлялъ его убѣжденія и, бывши комиссаромъ (уполномоченнымъ) союзаго сейма на флотъ, устранилъ приверженцевъ принца Оранскаго отъ высшихъ флотскихъ должностей. Они арестовали Корнелиса, бросили его въ Гагъ въ темницѣ; онъ занемогъ; Янъ пошелъ (20 августа) навѣстить больного брата; толпа народа вломила въ тюрьму, бросилась на Корнелиса и Яна, потащила ихъ съ ругательствами и побоями на улицу; тамъ стояла масса простолюдиновъ, возбужденная врагами ихъ; они были убиты; раздраженная чернь ругалась надъ ихъ тѣлами. Убийство осталось безнаказаннымъ; предводитель убійцъ даже былъ награжденъ должностію. Преемникомъ Яна де Витта въ должности ратсценсинаріа былъ назначенъ Фагель, прежній сторонникъ его, ставшій теперь усерднымъ слугою принца Оранскаго.

Вильгельму было тогда 22 года; онъ съ ранней молодости выказывалъ большую рассудительность и силу характера, былъ неутомимо дѣятеленъ, имѣлъ такой умъ, что, не будучи одаренъ собственно военными талантами, управлялъ военными дѣйствіями очень хорошо. Онъ возбудилъ патріотизмъ въ націи, имѣя самъ твердую рѣшимость не отступать ни передъ какими мѣрами для спасенія независимости родины. Совѣтовавшимъ помириться съ Людовикомъ онъ отвѣчалъ: «Отечество ввѣрилось мнѣ; я не соглашусь ни на какія унижительныя для него пожертвованія, а если понадобится, погибну съ нимъ въ послѣднихъ окопахъ.» Само небо стало помогать патріотизму нидерландцевъ: до того времени стояла сухая погода, благопріятствовавшая наступательнымъ движеніямъ французовъ, между прочимъ давшая имъ возможность перейти Рейнъ, вода въ которомъ очень понизилась отъ нея; теперь пошли дожди и бури; вода поднялась въ каналахъ, плотины которыхъ были передъ тѣмъ вре-

менемъ прорѣзаны голландцами, и началось наводненіе, погубившее, это правда, жатву, испортившее почву на нѣсколько лѣтъ, но оставившее непріятеля и скорѣй принудившее его уйти изъ Голландіи и всей западной части нидерландской республики. На востокъ ея граждане и гарнизоны Гронингена и Кувордена съ успѣхомъ отбивались отъ войскъ курфирста кельнскаго и епископа мюнстерскаго, нанесли имъ такіе уроны, что они принуждены были отступить. Зоркій и храбрый Рейтеръ не далъ англо-французскому флоту сдѣлать высадку. Въ началѣ зимы маршалъ Люксамбуръ, пользуясь морозами, отъ которыхъ обратилась въ ледъ вода, затопившая поля, пошелъ изъ Утрехта въ Голландію; но оттепель заставила его вернуться. Раздраженные неудачей французскіе солдаты злодѣйствовали надъ жителями мѣстностей, по которымъ проходили; въ особенности знамениты свирѣпости ихъ въ Бодеgrave и Сваммердамѣ. Въ концѣ года ужъ видно было, что Людовику не удастся покорить нидерландскую конфедерацію. Лѣтомъ слѣдующаго года Рейтеръ и Тромпъ дали три сраженія англо-французскому флоту, которымъ командовали герцогъ Йоркскій и принцъ Рупертъ. Успѣхъ былъ на сторонѣ нидерландскаго флота. Побѣды его не были рѣшительны собственно съ военной точки зрѣнія, но отгоняли непріятеля отъ берега, не дали ему сдѣлать высадку.

5. Первая коалиція противъ Людовика XIV.

Новый оборотъ дѣлу дало то, что образовалась коалиція для прекращенія завоеваній Людовика. Фридрихъ Вильгельмъ Бранденбургскій, отвергнувшій передъ началомъ войны его предложенія, заключилъ теперь союзъ съ нидерландскою конфедераціей и послалъ войско на помощь своему племяннику Вильгельму. Политическіе, религіозные и личные мотивы заставляли его противиться завоеванію кальвинистскаго государства, низверженію родственной династіи католическимъ государемъ. Онъ разъяснилъ императору, какой опасностью угрожаетъ нѣмецкой имперіи честолюбіе Людовика; Леопольдъ заключилъ съ нимъ союзъ для охраненія условій Ахенскаго мира и послалъ Монтекукколи на Рейнъ вмѣстѣ съ бранденбургскимъ войскомъ не давать французамъ перехода черезъ него. Появленіе этой арміи на Рейнѣ заставило Людовика раздѣлить свои войска; но они были такъ многочисленны, что удержались противъ трехъ враговъ и даже приобрѣтали успѣхи.

Тюренинъ и Кондэ пошли на Рейнъ; къ нимъ присоединились войска нѣмецкихъ союзниковъ Людовика; они заняли курфиршество трирское въ наказаніе курфирсту за то, что онъ пустилъ императорскіе гарнизоны въ свои

крѣпости Кобленцъ и Эренбрейтштейнъ; другая французская армія осадила Мاستрихтъ, и 29 іюня (1673 года) эта важная крѣпость сдалась.—Императоръ не былъ расположенъ употребить серьезныя усилія для спасенія независимости нидерландской конфедераціи. Онъ не любилъ еретиковъ. Вліятельнѣйшій министръ его Лобковицъ находился на жалованьи у Людовика, склонялъ его къ союзу съ королемъ французскимъ. Онъ колебался. Договоръ о раздѣлѣ испанскаго государства еще оставался не отмѣненъ, и Лобковицъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что сказалъ французскому послу: „Императоръ не похожъ на вашего короля, который видитъ и дѣйствуетъ самъ; онъ все равно, что статуя, которую несутъ куда хотятъ и ставятъ въ такое положеніе, въ какое хотятъ.“ Ему не удалось довести Леопольда до вступленія въ союзъ съ Людовикомъ, но Монтекукколи получилъ отъ императора тайное приказаніе не вступать въ сраженія и сталъ дѣйствовать такъ уклончиво, что разстроилъ планы курфирста бранденбургскаго и принца Оранскаго. Они не знали какъ и думать о томъ, зачѣмъ присланы: онъ былъ ли союзникомъ ихъ или обратитъ свое войско противъ нихъ. Притязанія Людовика увеличивались; французскіе генералы становились все болѣе дерзки противъ нѣмцевъ. При посредничествѣ Швеціи собрался въ концѣ іюня конгрессъ въ Кельнѣ для заключенія мира, но разошелся безъ успѣха, потому что нидерландскій сеймъ отвергъ требованія Людовика. Французы заняли герцогство клевское, принадлежавшее курфирсту бранденбургскому; онъ принужденъ былъ заключить (16 іюня) договоръ, по которому обязался сохранять нейтралитетъ. Но покинутая имъ нидерландская конфедерація пріобрѣла себѣ помощь Испаніи. Въ мадридскомъ кабинетѣ, какъ въ вѣнскомъ, шла борьба между приверженцами и противниками Людовика; наконецъ восторжествовалъ главный противникъ его, маркизъ Кастельродриго. Испанцы заключили союзъ съ нидерландской республикой. Правитель испанскихъ Нидерландовъ графъ Монтерей помогалъ принцу Оранскому въ его походѣ на Шарльруа. Людовикъ увидѣлъ въ этомъ нарушеніе Ахенскаго мира и объявилъ войну Испаніи. Леопольду пришлось рѣшиться на войну съ нимъ. Французскія войска много разъ переходили границу имперіи; Леопольдъ не захотѣлъ терпѣть этого, когда Людовикъ началъ войну съ испанскими Габсбургами; императоръ не могъ измѣнить интересамъ своей династіи и послѣ продолжительнаго колебанія присоединился къ союзу противъ Франціи. Монтекукколи получилъ приказаніе перейти за Рейнъ и въ декабрѣ 1673 взялъ Боннъ, занятый французами.

Кельнская конференція еще продолжалась. Однимъ изъ пословъ на ней былъ Вильгельмъ Фюрстенбергъ. Императорскіе солдаты арестовали его (14 февраля 1674) и отвезли въ Австрію. Конференція прекратилась. Курфирстъ кельнскій и епископъ мюнстерскій были принуждены Леопольдомъ отказаться отъ союза съ Людовикомъ, заключить миръ съ нидерландской республикой. Пфальцграфъ Карлъ Людвигъ, желавшій по родственнымъ и политическимъ связямъ уклониться отъ войны съ Людовикомъ, тоже былъ принужденъ присоединиться къ союзу противъ него. Нѣмецкій сеймъ въ маѣ 1674 объявилъ войну Франціи. Курфирстъ бранденбургскій былъ освобожденъ этимъ отъ обязанности оставаться нейтральнымъ: по трактату съ Людовикомъ онъ принималъ ее на себя лишь какъ государь, дѣйствующій отдѣльно отъ имперіи; но объявленію войны ею онъ былъ обязанъ послать свое войско противъ врага ея, какъ членъ имперіи. Онъ былъ радъ этому и войско его составило лучшую часть имперской арміи.—Общественное мнѣніе въ Англіи требовало мира съ нидерландской республикой. Но Карлъ II укоряствовалъ противъ него и оставилъ свое войско при французской арміи.

Людовикъ вывелъ свои гарнизоны изъ голландскихъ крѣпостей, отозвалъ свои войска съ Рейна; но сдѣлалъ это лишь для того, чтобы сосредоточить свои силы, возобновить наступательныя дѣйствія съ болѣе широкаго операціоннаго базиса. Онъ рассчитывалъ сдѣлать большія завоеванія въ испанскихъ владѣніяхъ и нѣмецкой имперіи. Враги его хотѣли вторгнуться во Францію изъ Франшъ-Контѣ. Онъ предупредилъ ихъ, пошелъ самъ туда, поручивъ Тюренну удерживать герцога лотарингскаго, собиравшаго войско для возстановленія своей власти надъ огненнымъ у него герцогствомъ; защитѣ сѣверной границы противъ Вильгельма Оранскаго, подъ начальство котораго поступили войска испанскихъ Нидерландовъ, Людовикъ поручилъ принцу Кондѣ. Французская армія, пошедшая во Франшъ-Контѣ, быстро взяла Безансонъ, Доль, Саленъ и въ нѣсколько недѣль овладѣла всѣмъ Франшъ-Контѣ. Людовикъ находился при ней, потому всѣ побѣды приписывалъ себѣ. Вильгельмъ Оранскій, подъ начальство котораго поступило, какъ мы говорили, испанское войско и къ которому присоединились австрійскій отрядъ, пошелъ въ Геннегау. Тамъ стояли въ крѣпкой позиціи близъ Шарльруа принцы Кондѣ и Люксамбургъ. Вильгельмъ хотѣлъ штурмовать ихъ позицію, но начальникъ австрійскаго отряда Де-Сунъ нашелъ это слишкомъ рискованнымъ, и по его совѣту было рѣшено обойти неприятельскую позицію и идти прямо къ французской границѣ. Кондѣ неожиданно напалъ на Вильгельма съ тыла при селеніи Сенеффѣ (17 августа 1674); это было одно изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій всей войны. Кондѣ почти совершенно истребилъ испанскую часть арміи Вильгельма, разстроилъ голландскую часть, потому что Де-Сунъ бездѣйствовалъ; но когда австрійцы присоединились къ нидерландцамъ, сраженіе получило оборотъ болѣе благоприятный для союзниковъ; оно длилось почью при свѣтѣ луны и кончилось тѣмъ, что обѣ арміи остались въ позиціяхъ, какія занимали до начала боя. Обѣ стороны хвалились побѣдой; но обѣ потерпѣли такой уронъ, что не могли послѣ того предпринять нитого важнаго. Вильгельмъ отказался отъ намѣренія вторгнуться во Францію.—Въ слѣдующемъ году Людовикъ овладѣлъ всею линіей Мааса, взявъ, отчасти силой, отчасти подкупомъ, крѣпости Гюп, Люттихъ и Лимбургъ. Послѣ того союзникамъ стало невозможно думать о вторженіи во Францію съ сѣвера.

Они хотѣли сдѣлать нашествіе на нее съ востока. Въ началѣ войны Кондѣ сжегъ мостъ черезъ Рейнъ у Страсбурга. Людовикъ сдѣлалъ распоряженія, уничтожавшія всякую связь эльзасскихъ имперскихъ городовъ съ нѣмецкой имперіей. Они въ то время еще вполнѣ сохраняли нѣмецкую національность и любовь къ Германіи. Городескія начальства ихъ давали присягу вѣрности императору и имперіи. Людовикъ не захотѣлъ долѣе терпѣть ограниченій своей власти надъ ними. Онъ отмѣнилъ всѣ привилегіи Гагенау, Кольмара, Шлегенштада и семи остальныхъ имперскихъ городовъ, велѣлъ отобрать оружіе у ихъ жителей, разрушить ихъ укрѣпленія. Надобно было не пускать непріятели черезъ Рейнъ, чтобъ онъ не помѣшалъ этому дѣлу. Людовикъ поручилъ охраненіе рейнской границы Тюренну, пользовавшемуся полнымъ его довѣріемъ, посвященному въ его военные и политическіе планы. Единство власти надъ всѣми французскими войсками на Рейнѣ дало имъ перевѣсъ надъ нѣмцами, у которыхъ каждый государь посылалъ особыя инструкціи начальнику своего отряда имперской арміи; начальники ея не довѣрили австрійскимъ генераламъ, предполагая, что императоръ не хочетъ вести войну серьезнымъ образомъ; и дѣйствительно Лобковицъ сохранялъ вліяніе на него. Въ іюнѣ Тюреннъ прогналъ за Рейнъ герцога Лотарингскаго, пытавшагося возстановить свою власть надъ герцогствомъ; императорскій генералъ Бурнонвилль медлилъ присоединиться къ имперской арміи; это дало Тюренну время перейти Рейнъ, наступить отступав-

шаго герцога Лотарингскаго у Зиндгейма; разбивъ его, Тюреннъ овладѣлъ Пфальцемъ. При этомъ вторженіи въ Германію французы ужь дѣйствовали по тому правилу, которому впоследствии далъ широкое примѣненіе Дувуръ: они опустошали землю, по которой шли, чтобы затруднить непріятелю движеніе по ней, когда онъ возобновитъ наступательныя дѣйствія. Имперская армія двинулась противъ Тюренна къ среднему Рейну; онъ сталъ жечь селенія и отдѣльные сельскіе дома по лѣвому берегу рѣки, истреблялъ хлѣбъ на поляхъ, вырубалъ сады, чтобы непріятель не нашелъ ни пріюта, ни продовольствія. Курфюрстъ пфальцскій съ балкона гейдельбергскаго замка видѣлъ зарево, уничтожающее жилища зарейнской части его государства, и былъ такъ опечаленъ и раздраженъ, что послалъ Тюренну вызовъ на дуэль. Тюреннъ отвѣчалъ, что не принимаетъ вызова, потому что этого не дозволяетъ интересъ королевской службы. Онъ опустошалъ Пфальцъ не по расположенію къ жестокости, а только въ исполненіе инструкціи короля; лично онъ былъ добродушный человѣкъ. Противники Людовика при императорскомъ дворѣ убѣдили наконецъ (въ октябрѣ 1674) Леопольда дать отставку Лобковицу, слугѣ короля французскаго, и вести войну серьезнымъ образомъ. Австрійская и имперская арміи перешли Рейнъ, пытались овладѣть Эльзасомъ; но Тюреннъ нападеніями на ихъ разрозненные отряды нанесъ имъ такія потери, что въ январѣ (1675 года) онъ ушелъ обратно за Рейнъ. Послѣ жаркой битвы у Тюргейма (5 января принужденъ былъ отступить за Рейнъ и курфюрстъ бранденбургскій. Тюреннъ приобрѣлъ этимъ походомъ блестящую славу, потому что непріятель былъ гораздо многочисленнѣе его арміи.

6. Сраженіе при Фербеллинѣ. Неймегенскій миръ.

Людовикъ повсюду возбуждалъ враговъ императора, дѣйствуя и обѣщаніями помощи и подкупомъ. Французскіе агенты интриговали въ Венгріи, Трансильваніи, Польшѣ, Турціи. Въ Сициліи возсталъ Мессина, раздраженная новымъ налогомъ, нарушавшимъ ея привилегіи, отдалась подъ покровительство короля французскаго. Адмиралъ Дюкенъ поплылъ къ Сициліи, успѣшно дѣйствовалъ тамъ противъ испанскаго флота; мадридское правительство принуждено было посылать подкрѣпленія къ своему войску въ Сицилію, потому что не могло энергически вести войну съ французами ни въ своихъ нидерландскихъ земляхъ, ни у Пиренеевъ. Увеличивъ субсидіи шведскому правительству, Людовикъ возбудилъ его начать войну въ Германіи.

Брангель повелъ шведское войско изъ Помераніи въ Бранденбургъ, грабилъ и опустошалъ страну, какъ дѣлалось это въ Тридцатилѣтнюю войну. Курфюрстъ послѣднѣе съ Рейна на защиту своего государства, пришелъ туда такъ быстро, что непріятель не ожидалъ его, захватилъ въ плѣнъ шведскій отрядъ, стоявшій въ Ратеновѣ и 28 іюня (1675 года) одержалъ блестящую побѣду надъ шведскимъ войскомъ при Фербеллинѣ. Шведы торопливо отступили въ Померанію, не могли держаться и тамъ противъ курфюрста, преслѣдовавшаго ихъ. — Побѣда при Фербеллинѣ прославила Бранденбургъ; Гогенцоллерны обязаны ей значительной долей того вліянія на европейскія дѣла, которое приобрѣли въ слѣдующемъ столѣтіи. Бранденбургскіе историки стали называть Фридриха Вильгельма Великимъ курфюрстомъ.

Удаленіе бранденбургскаго войска съ Рейна ослабило союзную армію. Императорскій главнокомандующій Монтекукколи, получившій, послѣ отставки Лобковица, свободу дѣйствій и заслужившій довѣріе генераловъ имперской арміи, оборонялся очень храбро, но не могъ удержать Тюренна отъ перехода черезъ Рейнъ; французы опустошили нѣмецкій берегъ рѣки отъ Брейсгау до Неккара. Но при Засбахѣ Тюреннъ, похавшій на рекогносцировку, былъ убитъ ядромъ; эта потеря была для французовъ важнѣе всѣхъ приобретенныхъ ими успѣховъ.

Тюреннъ былъ основателемъ новой стратегіи, рассчитывающей движенія войскъ на большія разстоянія; съ гениемъ полководца онъ соединялъ политическую дальновидность. Отъ природы человѣкъ добрый, онъ, по безграничной преданности королю, безпощадно исполнялъ самыя жестокія приказы его. Мы говорили, какъ безжалостно онъ опустошилъ Рейнскій Пфальцъ. — На мѣсто Тюренна главнокомандующимъ рейнскаго арміею сталъ Кондэ. При всемъ своемъ искусствѣ онъ не могъ остановить нѣмцевъ: они перешли на лѣвый берегъ Рейна, заняли крѣпкую позицію у Лаутенбурга, взяли Филинбургъ. Страдая подагрой, Кондэ скоро сложилъ съ себя команду и ужь больше не принималъ ее; онъ умеръ черезъ десять лѣтъ, въ своемъ сельскомъ дворцѣ Шантильи.

Карлъ Лотарингскій тоже одержалъ нѣкоторые успѣхи. Разбивъ маршала Креки у Кюнца (при впаденіи Зара въ Мозель) онъ овладѣлъ (11 августа 1675) Триромъ и взялъ въ плѣнъ Креки. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ. Сынъ его брата Карлъ V наследовалъ его права и ненависть къ Людовику XIV, который не отдалъ ему Лотарингію и мѣшалъ ему въ искательствѣ польской короны. Подобно дядѣ, Карлъ V пытался, но не могъ, отнять у французовъ свое герцогство; маршалъ Креки, освобожденный изъ плѣна, отразилъ его нападеніе, страшно опустошивъ землю по Мозелю и Зару, и въ ноябрѣ 1677 взялъ принадлежавшій австрійскимъ Габсбургамъ городъ Фрейбургъ брейсгаускій, служившій складомъ запасовъ императорской арміи.

Франція боролась противъ коалиціи почти всѣхъ другихъ континентальныхъ государствъ, но удержала свои позиціи на всѣхъ театрахъ войны, приобрѣла много побѣдъ и на сушѣ и на морѣ. У береговъ Сициліи Дюкенъ со славой выдержалъ двѣ битвы съ голландскимъ и испанскимъ флотами, соединенными подъ начальствомъ Рейтера, знаменитѣйшаго адмирала того времени. Одно изъ этихъ сраженій было въ январѣ 1676 у Липарскихъ острововъ; во второмъ, происходившемъ въ апрѣлѣ близъ Катаны, былъ убитъ Рейтеръ. Послѣ того Дюкенъ вошелъ въ гавань Палермо, сжегъ тамъ часть непріятельскаго флота, занялъ Мессину, возставшую противъ испанскаго владычества, и овладѣлъ при содѣйствіи инсургентовъ нѣсколькими другими городами Сициліи. Французы дѣлали высадки въ Калабрію. Въ 1677 году французская армія, пошедшая въ сопровожденіи короля во Фландрію, взяла Валансьенъ, Камбре, Сентъ-Омеръ; подъ Сентъ-Омеромъ былъ разбитъ принцъ Оранскій. Въ мартѣ слѣ-

дующаго (1678) года маршалъ Д'Юмьеръ овладѣлъ Гентомъ и Ипромъ; французы надѣялись взять и Антверпенъ. На Рейнѣ они удержались въ своихъ выгодныхъ позиціяхъ. Но Франція была такъ изнурена войной, что Людовикъ сталъ думать о мирѣ, уступая доводамъ Кольбера о его необходимости. Уполномоченные воюющихъ державъ уже довольно давно собирались на конференцію въ Неймегенъ; но ни та ни другая сторона не хотѣла дѣлать уступокъ; потому переговоры тянулись безъ успѣха. Теперь общественное мнѣніе въ Англіи стало такъ сильно говорить объ опасности властолюбивыхъ замысловъ Людовика, что Карлъ II принужденъ былъ прекратить свои коварства. Субсидія, которую ежегодно давалъ ему Людовикъ, избавляла его отъ надобности сообразоваться съ желаніями націи. Онъ отвергалъ рѣшенія парламента, требовавшія вступленія въ союзъ съ нидерландской республикой, отсрочивалъ засѣданія парламента. Но взятіе Гента и Ипра возбудило въ Англіи такое опасеніе честолюбивыхъ намѣреній Людовика, что Карлъ принужденъ былъ уступить волѣ націи. Передъ открытіемъ новаго парламента посолъ Карла въ Гагѣ заключилъ (10 января 1678 года) договоръ о союзѣ съ нидерландской конфедераціей; она и Англія обязались вести войну всѣми силами, пока принудятъ Людовика къ миру. Карлъ послалъ гарнизоны въ Остенде и Брюгге. Союзъ былъ скрѣпленъ родствомъ между династіями: во время переговоровъ о немъ Карлъ выдалъ старшую дочь своего брата, герцога Йоркскаго, Марію, за Вильгельма Оранскаго (15 ноября 1677).

Людовикъ увидѣлъ невозможность противиться общему мнѣнію всей французской націи, требовавшему мира; но дипломаты его сумѣли разъединить противниковъ, такъ что получили выгодныя условія мира. Они видѣли, что возникли несогласія между принцемъ Оранскимъ и нидерландскимъ сеймомъ, полагавшимъ, что честолюбивый Вильгельмъ хочетъ, пользуясь вліяніемъ, какое давала ему война, захватить монархическую власть. Женитьба его на дочери наследника англійскаго престола увеличивала его могущество и опасенія республиканцевъ, усиливала ихъ желаніе прекратить войну. Союзный сеймъ въ іюнѣ 1678 года послалъ Бевернинга, горячаго приверженца мира, къ Людовику, находившемуся тогда въ Веттернѣ (близъ Гента). Король сказалъ Бевернингу, что готовъ заключить съ нидерландской республикой выгодный для нея торговый договоръ, возвратить ей Матрихтъ, а Вильгельму его княжество Оранское (занятое французскими войсками), если республика отдѣлится отъ коалиціи. Онъ далъ ей для отвѣта срокъ до 12 августа и заключилъ съ нею перемиріе на это время. Въ послѣдніе часы передъ истеченіемъ срока были подписаны въ Амстердамѣ мирный трактатъ и торговый договоръ. Черезъ три дня принцъ Оранскій напалъ на маршала Люксамбура; хотѣлъ ли онъ уничтожить этимъ миръ или еще не зналъ

о его заключеніи, — трудно рѣшить; но какъ бы то ни было, миръ былъ сохраненъ. Отпаденіе нидерландской республики отъ коалиціи принудило и другихъ союзниковъ заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ Людовикомъ. Трактатъ между ними и королемъ французскимъ былъ подписанъ въ Неймегенѣ 5 февраля 1679. Условія его были выгодны для Франціи и нидерландской республики, унижательны для императора, имперіи, другихъ членовъ союза. Людовикъ возвращалъ нидерландской республикѣ всѣ завоеванія, получилъ отъ Испаніи Франшъ-Конте и всѣ крѣпости, лежащія по линіи Валансьена, Конде, Мобежа, Ипръ и Сентъ-Омеръ. Испанскіе Нидерланды были теперь открыты французскимъ нашествіямъ. Имперія отдала Франціи Фрейбургъ брейсгаускій. Леопольдъ, которому угрожали въ это время войною турки, освободилъ Вильгельма Фюрстенберга. Родственнику императора Карлу V Лотарингскому было возвращено его герцогство, но съ тѣмъ, что французскіе гарнизоны останутся въ Нанси и Лонгви и французамъ всегда будетъ открыта военная дорога черезъ герцогство; Карлъ не захотѣлъ принять эти условія и оставилъ Лотарингію во власти французовъ. Помпоннъ объявилъ бранденбургскому послу, что по непремѣнной волѣ короля всѣ завоеванія, сдѣланныя курфиретомъ въ Помераніи, должны быть возвращены шведамъ. Фридрихъ Вильгельмъ долго не соглашался, но императоръ покинулъ его, маршалъ Креки, стоявшій въ Вестфалии, былъ въ готовности вести свою армію на него; онъ покорился необходимости, его посолъ подписалъ 29 мая 1679 г. въ Сентъ-Жерменѣ договоръ, заключенный другими союзниками въ Неймегенѣ.

III. ВНУТРЕННЯЯ ДѢЛА ФРАНЦІИ.

1. Абсолютизмъ Людовика XIV. Блескъ его двора.

Со времени неймегенскаго мира до конца XVII вѣка Франція была на верху могущества; это время было эпохой, когда льстецы при своемъ царствованіи Людовика назвали Золотымъ вѣкомъ. Подъ покровительствомъ Кольбера развилась фабричная промышленность Франціи, заграничная торговля увеличилась. Французскій флотъ имѣлъ 100 линейныхъ кораблей, между тѣмъ какъ въ англійскомъ было только 60. Все казалось идущимъ хорошо. Открылось плаваніе по Лангедокскому каналу, сооруженіе котораго представлялось дѣломъ изумительнымъ для людей того времени; льстецы говорили о Людовику: «Горы отступили по слову его.» Марсель и Тулонъ стали главными складочными мѣстами левантскихъ товаровъ; французы основали Пондишери, первое

свое поселеніе въ Остѣ-Индіи; богатый островъ Маскареньясь былъ завоеванъ французами и переименованъ въ островъ Бурбонъ (Isle de Bourbon); французы основали поселеніе на Мадагаскарѣ; восточно-индская компанія приобрѣла для Франціи Кайенну, острова Мартинику, Гваделупу, Сентъ-Бартелеми, часть острова Гаити; торговые компаніи, получившія большія привиллегіи, занимались колонизаціей французскихъ земель въ Сѣверной Америкѣ. Подъ покровительствомъ Кольбера французы селились въ Канадѣ; авантюристы знатныхъ фамилій и іезуитскіе миссіонеры вводили въ этихъ поселеніяхъ французскія аристократическія учрежденія и владычество католической церкви; подъ ихъ гнетомъ колонисты утратили привычку дѣйствовать самостоятельно; это должно было вести Канаду къ упадку, но теперь помянутое увеличивалось въ ней поселеніе. Реформатская вѣра подверглась въ ней гоненію; печатаніе книгъ было запрещено въ ней. Земля была, какъ въ средневѣковой Франціи, раздѣлена на сеньорства, владѣтели которыхъ имѣли феодальныя права; строились монастыри, духовенство брало десятину. Но вредъ всего этого оставался не замѣчаемымъ, французы только радовались быстротѣ, съ какой колонизуется Канада.

До той поры Франція безъ сопротивленія предоставляла испанцамъ, голландцамъ и англичанамъ владычество на океанѣ и въ морской торговлѣ. Теперь французскіе военные и торговые корабли появились на всѣхъ моряхъ. Дюкенъ и Турвилль выказали себя достойными соперниками знаменитыхъ голландскихъ адмираловъ Тромпа и Рейтера. Однимъ изъ блестящихъ подвиговъ Дюкена было обузданіе африканскихъ пиратовъ. Людовикъ XIV рѣшился очистить Средиземное море отъ нихъ. Дюкенъ въ 1681 году загналъ трипольскихъ пиратовъ въ Хиосскую гавань, потопилъ часть ихъ флотиліи, бомбардировалъ городъ Хиосъ, не обращая вниманія на угрозы приплывшаго туда Капудана-Паши, заставилъ пиратовъ освободить всѣхъ плѣнныхъ христіанъ. Чтобы успокоить досаду султана, Людовикъ послалъ подарки ему и его сановникамъ. Турецкое правительство боялось, что Франція станетъ помогать австрійцамъ, съ которыми воевали тогда турки и подавило свою злобу. Въ слѣдующіе годы, когда турки шли черезъ Венгрію къ Вѣнѣ, Дюкенъ бомбардировалъ Алжиръ, принудилъ дея обѣщаться, что алжирцы будутъ уважать французскій флагъ. Бей тунисскій былъ принужденъ заключить такой же договоръ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, при спорѣ съ Испаніей по торговымъ вопросамъ, Людовикъ послалъ эскадру къ Кадиксу; этого было достаточно, чтобы испанское правительство понизило пошлины съ французскихъ товаровъ. Турки дорожили дружбой Людовика; пользуясь этимъ, онъ старался, чтобы левантская торговля перешла отъ венеціанцевъ и голландцевъ въ руки французовъ.

Король французскій былъ могуществѣнѣйшимъ государемъ Европы; французы называли себя великой націей. Полководцы и дипломаты

Людовика превосходили всѣхъ своихъ соперниковъ талантами. Правда, Тюреннъ ужъ былъ убитъ, Кондэ удалился отъ дѣлъ; но Креки, Люксамбуръ, Катина, Шомбергъ побѣждали непріятельскихъ полководцевъ; Вобанъ бралъ непріятельскія крѣпости; Лувуа управлялъ военными дѣлами съ такимъ же искусствомъ, какъ Кольберъ финансами. Но дѣлалось замѣтно, что Кольберу становится трудно добывать средства на расходы двора, содержаніе войска, субсидіи иностраннымъ державамъ, пенсіи министрамъ ихъ. Людовикъ XIV забылъ благоразуміе въ своемъ пристрастіи къ блеску. Онъ далъ версальскому двору небывалую пышность; вельможи толпились кругомъ него, подчиняясь строгому этикету, которымъ возвышалъ онъ свой авторитетъ; прежняя военная простота двора исчезла. Непрерывнымъ рядомъ слѣдовали при дворѣ праздники за праздниками; поэты, художники, ученые перевозили короля, находившаго полезнымъ для себя играть роль ихъ покровителя. Онъ давалъ пенсіи своимъ и иноземнымъ льстецамъ. Онъ строилъ громадныя зданія, основывалъ библіотеки, музеи естественныхъ наукъ, печаталъ великолѣпныя изданія, учредилъ Академію надписей и классическихъ литературъ (des inscriptions et belles-lettres) и другія ученые общества; за все это прославляли его. Парижская обсерваторія, построенная имъ, дѣйствительно была полезна для успѣховъ астрономіи и географіи; ботаническій садъ (Jardin des plantes), разведенный при немъ, принесъ пользу естествознанію. Онъ послалъ ученую экспедицію въ Кайенну для опредѣленія фигуры земнаго шара; онъ пригласилъ въ Парижъ великаго нидерландскаго ученаго Гейгенса, сдѣлавшаго очень важныя открытія въ механикѣ и оптикѣ, положившаго основаніе подведенію явленій природы подъ математическія формулы. Живопись, скульптура, архитектура приобрѣли блестящее развитіе подъ покровительствомъ короля. Корифеи литературы пользовались личной благосклонностью Людовика, въ которомъ видѣли идеалъ государя. По смерти канцлера Сегье Людовикъ принялъ лично на себя покровительство Французской академіи, далъ ей помѣщеніе въ Луврѣ. Всѣ талантливые люди стремились заслужить его вниманіе. Еще не было въ новыя времена въ Европѣ государя, который такъ безусловно владычествовалъ бы надъ всѣми умственными и матеріальными силами своего народа. Воля его была закономъ во всемъ; само собою разумѣется, что отъ этого ослабѣвало въ націи чувство законности, уваженіе къ правамъ людей. Покорность націи, похвалы льстецовъ развивали въ Людовикѣ самоувѣренность, надменность; онъ считалъ естественнымъ, чтобы все во Франціи дѣлалось по его произволу. Мысли о государственномъ сеймѣ были забыты; достаточно было того, что оставались областныя сеймы, не смѣвшіе выходить изъ узкаго круга предоставленныхъ имъ дѣлъ, и парламенты, дававшіе форму законности повелѣніямъ короля. Не только Франція, вся западная Европа была ослѣплена блескомъ мо-

гущества Людовика; все континентальные государи подражали ему. Версальский дворец с его паркомъ, украшеннымъ статуями и фонтанами, былъ образцомъ вкуса для всей Европы. Все дворы старались перенять изящество французскаго, все заимствовали моды изъ Версаля; французскій языкъ былъ усвоенъ высшимъ обществомъ всей Европы, французская литература приобрѣла владычество въ образованной части всехъ европейскихъ націй. Въмѣстѣ съ французскими модами распространилось по всемъ дворамъ и волокитство, господствовавшее при версальскомъ дворѣ. Людовикъ подавалъ примѣръ пренебреженія къ супружескимъ отношеніямъ. Самъ онъ еще заботился о соблюденіи приличія, но послѣ него было забыто и оно; при немъ подготовлялось безстыдное распутство эпохи Людовика XV.

Когда Лавальеръ, державшая себя скромно, увидѣла, что король покидаетъ ее и съ раскаяніемъ удалилась въ монастырь, формальной любовницей Людовика стала замужняя женщина, г-жа Монтеспанъ; при своей красотѣ и умѣ она долго сохраняла любовь короля. Говорятъ, что она противъ воли уступила искательству Людовика; но, сдѣлавшись любовницей короля, она дерзко выказывала свою силу надъ нимъ, окружала себя блескомъ. Временами пробуждалось въ ней раскаяніе; стыдился иногда своей слабости и Людовикъ; они поссорились, черезъ нѣсколько времени помирились, но ненадолго. Людовикъ оставлялъ Монтеспанъ въ блестящемъ положеніи формальной любовницы его, но охлаждѣлъ къ ней. Владычество ея при дворѣ не было уничтожено связью Людовика съ герцогиней Фонтанжъ, потому что эта очаровательная молодая женщина думала только о веселостяхъ и скоро умерла; но черезъ нѣсколько времени приобрѣла сильную власть надъ королемъ, женщина совершенно иного характера и отгѣснила всехъ соперницъ. Это была Франсуаза Д'Обинь, госпожа Ментенонъ, внука знаменитаго гугенотскаго полководца и историка Д'Обинь, дочь небогатаго офицера, служившаго на островѣ Мартиникѣ, возвратившаяся на родину по смерти отца. Семейство ея оставалось вѣрнымъ реформатскому исповѣданію; она выросла реформаткой; но когда была еще молодой дѣвушкой, приняла католичество, потомъ стала выказывать горячее усердіе къ нему; вѣроятно, ей дѣйствительно нравились его пышные обряды; но должно думать, что главнымъ мотивомъ ея усердія къ новому вѣроисповѣданію былъ расчетъ: король покровительствовалъ отступникамъ и отступницамъ отъ гугенотства, выказывавшимъ себя горячо полюбившими католичество. Франсуаза Д'Обинь приобрѣла репутацію усердной и очень набожной прозелитки. Черезъ нѣсколько времени она выпла за литератора Скаррона, челоѣка большаго и уже пожилаго, заняла видное положеніе въ кругу даровитыхъ людей, собиравшихся у ея мужа; умомъ, образованностью и красотой она приобрѣла извѣстность въ Парижѣ. Монтеспанъ познакомилась съ ней и по смерти Скаррона назначила ее съ согласія короля воспитательницей своего сына (того, который впоследствии получилъ титулъ герцога Мена). Сдержанность ея сначала не нравилась королю, но скоро она привлекла къ себѣ его вниманіе своимъ тактомъ, умомъ, невозмутимой кротостью; она превосходно умѣла управлять людьми, соблюдая видъ, будто повинуется имъ. Капризы-вспыльчивой и надменной Монтеспанъ тяготили короля; онъ уходилъ отъ нея къ воспитательницѣ своего сына. Онъ купилъ г-жѣ Скарронъ имѣнье Ментенонъ и далъ ей титулъ по названію этого владѣнія; при женитбѣ дофина Людо-

викъ назначилъ г-жу Ментенонъ статсъ-дамой его супруги; ей былъ данъ особый апартаментъ въ версальскомъ дворцѣ; благосклонность короля къ ней постоянно усиливалась. Это было въ началѣ 80-хъ годовъ, когда по смерти герцогини Фонтанжъ Людовикъ сталъ думать о душевномъ спасеніи. Ментенонъ сдѣлалась религіозной собесѣдницей его, старалась усиливать въ немъ набожное настроеніе. Король еще позволялъ Монтеспанъ бывать при дворѣ, но уже не видѣлся съ нею наединѣ. Ментенонъ была тремя годами старше короля; но все еще оставалась красивой женщиной; проповѣдуя Людовику добродѣтели, она умѣла обольстить его. Людовикъ желалъ обратить гугенотовъ въ католичество; она укрѣпляла его въ этомъ намѣреніи, чтобы крѣпче захватить власть надъ нимъ. Когда супруга Людовика, Марія Терезія, умерла (30 іюля 1683 г.), онъ хотѣлъ жениться на Ментенонъ. Лувуа на колѣнахъ умолялъ короля не унижать королевскій санъ такимъ бракомъ и достигъ того успѣха, что Ментенонъ не получила титула королевы. Людовикъ повѣнчался съ нею при немногихъ свидѣтеляхъ и велѣлъ всемъ имъ молчать о его бракѣ. Ментенонъ возненавидѣла Лувуа за разрушеніе ея надеждъ; онъ досадовалъ на то, что король принимаетъ доклады о дѣлахъ въ ея присутствіи и спрашиваетъ обо всемъ ея мнѣніи. Она выказывала заботливость о нравственномъ воспитаніи дѣвушекъ высшаго сословія, основала для нихъ Сень-сирскій институтъ, въ которомъ воспитанницъ держали какъ въ монастырѣ.

Пышность двора, громадныя постройки и тяжелыя войны требовали расходовъ, превышавшихъ средства націи. Кольберъ принужденъ былъ вводить новые налоги и монополіи, угнетавшіе сельское хозяйство, промышленность и торговлю. Во время голландской войны была введена штемпельная пошлина, возбудившая мятежи во многихъ городахъ и въ цѣлыхъ провинціяхъ. Продажа табаку была объявлена государственной монополіей; были отменены все льготы по налогамъ на вино и съѣстные припасы; была увеличена почтовая такса для того, чтобы отдавать почту на откупъ дорожке прежняго; постоянно учреждались новыя должности, продававшіяся желающимъ. Займовъ нельзя было дѣлать меньше какъ по 7½ процентовъ; Кольберъ и не любилъ ослаблять государственнаго кредита; но Лувуа объяснилъ королю, что займами быстрѣе другихъ способовъ можно получать деньги: первый президентъ парижскаго парламента, Ламуаньонъ поддерживалъ Лувуа и Людовикъ велѣлъ Кольберу дѣлать займы. Для уплаты процентовъ и погашенія по нимъ надобно было придумывать новые налоги. Въ 1675 году герцогъ Ледигьеръ, губернаторъ Дофинѣ, доносилъ Кольберу, что въ ту зиму большинство населенія этой области ѣло хлѣбъ, сдѣланный изъ желудей и корней, а теперь весной ѣсть траву и кору. Локкѣ, посѣтившій южную Францію въ 70-тыхъ годахъ, съ удивленіемъ видѣлъ, что большія пространства остаются незаасѣянными; въ Монпелье сказали ему, что въ послѣдніе годы хлѣбонашество уменьшилось на половину по обѣднѣнію поселянъ; что налоги берутъ у ремесленниковъ и купцовъ большую часть ихъ дохода. Въ Пуату онъ видѣлъ множество домовъ развалившимися. Упрекаютъ Кольбера въ томъ,

что онъ покровительствовалъ фабрикамъ во вредъ земледѣлію, что доходы поселянъ уменьшились отъ сдѣланнаго имъ запрещенія вывозить хлѣбъ за границу. Но главной причиной финансоваго разстройства и экономическаго упадка Франціи были расточительность и войны Людовика, требовавшія чрезмѣрнаго возвышенія налоговъ. Государственные расходы, составлявшіе въ 1670 году 70 милліоновъ ливровъ, увеличились въ 1679 г. до 131 милліона. При всей своей изобрѣтательности Кольберъ не могъ удовлетворить постоянно возрастающимъ требованіямъ короля и замѣчалъ, что можетъ подвергнуться немилости; говорить, что это опасеніе ускорило его смерть. Онъ умеръ въ сентябрѣ 1683 г. Народъ такъ ненавидѣлъ его, что только войско, сопровождавшее процессію похоронъ, оберегло его тѣло отъ раздраженной массы парижскаго населенія.

Должность управляющаго королевскими постройками, которую занималъ Кольберъ, была отдана Лувуа, оставшемуся теперь безъ соперниковъ; но благодаря покровительству г-жи Ментенонъ сохранили свои должности братья Кольбера, заслужившіе много короля дипломатическими услугами, и сынъ Кольбера маркизъ Сенебле, опытный администраторъ по завѣдыванію флотомъ.

2. Церковныя дѣла.

а) иезуиты и янсенисты.

Фальшивая мораль, по которой дѣйствовалъ иезуитскій орденъ, была введена въ половинѣ XVII вѣка до полного развитія. Сообразно тому, что правительства стали руководиться политическими расчетами, а не религиозными мотивами, орденъ поставилъ главною цѣлью себѣ свое обогащеніе и возвышеніе своего мѣрскаго могущества, обратился въ банкирское и торговое общество, старавшееся увеличивать свои поземельныя владѣнія и капиталы. Онъ угождалъ для этого желанію богатыхъ и сильныхъ людей избавляться отъ нравственныхъ стѣсненій, далъ понятію о грѣхѣ удобное для нихъ истолкованіе: грѣхъ—добровольное уклоненіе отъ заповѣдей божіихъ, говорили иезуиты; а уклоненіе отъ заповѣди божіей бываетъ добровольнымъ лишь когда человѣкъ вполне понимаетъ, что нарушаетъ ее, и имѣетъ отчетливое намѣреніе нарушить ее; потому поступки, дѣлаемые безъ полного сознанія ихъ грѣховности и безъ твердаго намѣренія грѣшны — не грѣхи. Этой казуистикой оправдывалось все. Иезуиты дали широкую разработку своему ученію о пробабиллизмѣ, по которому въ сомнительныхъ случаяхъ дозвоительно принимать какое угодно мнѣніе, стали примѣнять къ оправданію всякихъ обмановъ свое ученіе, что обѣщаніе не связываетъ совѣсти, если человѣкъ, давая его, дѣлаетъ въ умѣ „мысленную оговорку“, что считаетъ его недействительнымъ; они учили поступать по правилу, что цѣль освѣщаетъ средства. Будучи духовниками государей и вельможъ, они находили оправданія всякимъ намѣреніямъ своихъ духовныхъ дѣтей, давали отпущеніе всѣмъ грѣхамъ ихъ.

Упадокъ нравственнаго чувства въ церковныхъ сановникахъ и безнравственность ученія иезуитовъ возбудили оппозицію. Корнелисъ Янсень, про-

фессоръ лувенскаго университета, а потомъ епископъ ипрскій, человѣкъ ученый и благочестивый, возсталъ противъ ослабленія нравственныхъ правилъ, распространяемаго иезуитами, и въ своемъ трактатѣ „Августинъ“, противопоставилъ иезуитскому ученію строгую мораль Августина, говорившаго, что человѣкъ спасается не исполненіемъ формалистики, а только благодатью Божіею, вѣрою и душевнымъ благочестіемъ. Янсень умеръ 6 мая 1638; книга его оставалась тогда еще въ рукописи; его послѣдователи издали ее въ 1640 году. Другъ Янсена, Дювержье де Ораннъ (Hauwange), аббатъ Сентъ-сиранскаго монастыря, ввелъ въ своемъ монастырѣ тѣ правила жизни, которымъ училъ онъ. Подобно Янсену, онъ думалъ, что строгая нравственность важнѣе всего для христіанина. Тѣ правила отпущенія грѣховъ, какихъ держалась католическая церковь, казались неудовлетворительными аббату Сентъ-сиранскому, какъ обыкновенно называли Дювержье де Оранна. Онъ говорилъ: „церковь вначалѣ была чище, какъ ручей близъ своего источника; многія истины евангелія затмившись теперь“. Ученіе Янсена имѣло нѣкоторое сходство съ лютеранствомъ, также восстанавливавшимъ догматъ Августина о спасеніи человѣка благодатью. Риппель и отецъ Жозефъ находили дѣятельность аббата Сентъ-сиранскаго опасной для единства церкви и онъ запертъ былъ на нѣсколько лѣтъ въ темницу. Но это не мѣшало вліянію его распространяться. Однимъ изъ его послѣдователей былъ Антуанъ Арно, происходившій изъ гугенотской фамиліи, принявшей католичество; нелюбовь къ иезуитамъ была наследственной въ ней. Вскорѣ послѣ трактата Янсена онъ издалъ свою книгу „О частомъ причащеніи“; онъ опровергалъ въ ней иезуитское ученіе о томъ, что отпущеніе грѣховъ пріобрѣтается соблюденіемъ формъ и разрѣшеніемъ духовника. Аббатъ Сентъ-сиранскій и Антуанъ Арно пріобрѣли много послѣдователей въ парижскомъ женскомъ монастырѣ Портъ-Рояль (Port-Royal); аббатъ Сентъ-сиранскій построилъ близъ Портъ-Рояльскаго монастыря домъ, въ которомъ поселились его ученики. Этотъ домъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Портъ-Рояльскимъ монастыремъ. Главными лицами въ томъ и другомъ учрежденіи были многочисленные родственники и родственницы Антуана Арно: мать его съ дочерьми и внуками, племянникъ его Ле Метръ, знаменитый парламентскій ораторъ, съ которымъ поселились въ мужскомъ монастырѣ четыре брата. Одна изъ сестеръ Антуана, Анжелика, была аббатиссой Портъ-Рояля. Къ роднымъ Антуана Арно присоединилось много другихъ благочестивыхъ людей, не удовлетворявшихся той формалистикой, которая замѣняла нравственность и религиозное чувство въ официальной церкви. Дамы, поселявшіяся въ Портъ-Рояль и мужчины, постунавшіе въ сосѣдній съ нимъ домъ, вообще не давали монашескихъ обѣтовъ; они только вели набожную жизнь, молились и работали: воздѣлывали землю, занимались ремеслами, учеными трудами, преподавали въ основанной ими школѣ. Число янсенистовъ, какъ называли ихъ, постоянно увеличивалось, уваженіе къ нимъ росло; нѣкоторые изъ лучшихъ писателей Франціи, если не вступали въ ихъ общину, то сочувствовали имъ, писали въ ихъ духѣ. Портъ-Рояльскіе отцы, какъ называли янсенистовъ, жившихъ въ домѣ близъ Портъ-Рояльскаго монастыря, составляли нѣчто подобное академіи; ихъ религиозныя и научныя книги, написанныя простымъ языкомъ, отличались основательностью, получили большое распространеніе въ публикѣ и въ школахъ. Паскаль, Расинъ, знаменитый въ свое время историкъ Тильмонъ раздѣляли убѣжденія янсенистовъ. Это были піетисты, аскеты; они оставались католиками, принимали всѣ догматы, признавали всѣ учрежденія католической церкви. Въ ихъ общины поступали люди самыхъ знатныхъ фамилій; между ними поселились сестра и братъ принца Кондэ. Но все это не спасло ихъ отъ преслѣдованій.

Защитники того направленія, по которому серьезныя нравственныя обя-

занности замѣнялся исполненіемъ обрядовъ, возстали противъ янсенистовъ; въ особенности враждебны имъ было іезуиты, не удовольствовавшись полемикою съ ними, обратившіеся къ папѣ съ обвиненіемъ книги Янсена въ ереси. Іезуитамъ было надобно сѣйшить подавленіемъ янсенизма, потому что онъ распространялся между французскимъ духовенствомъ, и парижскій парламентъ покровительствовалъ ему. Они выбрали изъ книги Янсена пять положеній, которые называли противорѣчащими ученію католической церкви и просили папу осудить эти положенія. Конгрегация (комиссія), назначенная папой для изслѣдованія дѣла, колебалась; колебался и папа (Иннокентій X); но кардиналъ Киджи обратилъ ихъ вниманіе на одно мѣсто книги Янсена, не вполне согласное съ ученіемъ о непогрѣшимости папы. Въ этомъ мѣстѣ говорилось объ ошибкѣ одного изъ прежнихъ папъ, по незнанію осудившаго ученіе, высказанное отцомъ церкви; Янсенъ прибавлялъ къ этому факту замѣчаніе, что папа иногда осуждаетъ какое-нибудь ученіе только для успокоенія церкви, а не потому, что находитъ его ложнымъ. Киджи объяснилъ, что эти слова колеблютъ авторитетъ папы. Этимъ онъ убѣдилъ римскую курію и папу высказаться противъ книги Янсена, и 1 июня 1653 была обнародована булла, объявлявшая еретическими, богохульными, проклятыми тѣ пять положеній, которые были указаны іезуитами. Мазарини, управлявшій тогда Франціей, былъ нерасположенъ къ янсенистамъ за то, что они признавали право кардинала Реса на санъ архіепископа парижскаго. Потому булла, осуждавшая книгу Янсена, была обнародована во Франціи. Но ученые Поръ-Рояля говорили, что положенія, осужденныя буллою, вовсе не находятся въ книгѣ Янсена; что цитаты изъ нея сдѣланы невѣрно и что если есть у него выраженія, подобные приводимымъ въ буллѣ, то они въ его книгѣ имѣютъ не такой смыслъ, какой осужденъ папой. Иннокентій X умеръ, папою сталъ кардиналъ Киджи, по влупленію котораго была осуждена книга Янсена. Новый папа, прицѣпившій имя Александра VII, отвергъ объясненія янсенистовъ, объявляя, что осужденныя положенія дѣйствительно находятся въ книгѣ Янсена и имѣютъ въ ней тотъ смыслъ, какой осужденъ. Ученые или, какъ ихъ называли, Отцы Поръ-Рояля стали говорить, что папа непогрѣшимъ только въ догматическихкихъ дѣлахъ, а не въ рѣшеніи вопросовъ о фактахъ, въ которыхъ церковь должна сообразоваться съ обыкновенными правилами изслѣдованія. Четыре епископа приняли сторону Поръ-Рояля. Правительство и Парижскіе (Paroisse), архіепископъ парижскій, требовали отъ всѣхъ лицъ духовнаго званія и преподавателей подписи обязательства признавать справедливость осужденія, произнесеннаго буллою; янсенисты говорили, что согласны признавать еретическими тѣ пять положеній, которые осудилъ папа, но не могутъ подписать актъ, называющій справедливымъ осужденіе Янсена, потому что въ его книгѣ нѣтъ этихъ положеній. Въ „Письмѣ къ знатному лицу“ Антуанъ Арно говорилъ, что онъ и его друзья не могутъ признавать книгу Янсена еретической за такія мнѣнія, какихъ нѣтъ въ ней, что они могутъ только молчать изъ уваженія къ папѣ. Сочувствіе французскаго общества къ нимъ принуждало правительство оставлять имъ возможность оправдываться. Паскаль, защитникъ Поръ-Рояля, написалъ рѣзкое изобличеніе безправственности іезуитской морали, говорилъ, что авторитетъ священнаго писанія выше папскаго. Эту полемику противъ іезуитовъ и ихъ покровителей папы Паскаль велъ въ памфлетахъ, имѣвшихъ общее названіе „Провинціальныя писемъ“. Они сначала печатались тайно, отдѣльными брошюрами, потомъ были изданы выѣстъ цѣлѣной книгой. Впечатлѣніе, произведенное ими, было очень сильно, потому что они написаны съ блестящимъ остроуміемъ; безвѣрность іезуитскаго ученія раскрыта въ нихъ чрезвычайно ясно и убѣдительно.

Правительство раздражалось упрямствомъ янсенистовъ, стало настойчиво требовать отъ нихъ покорности. Они и монахи Поръ-Рояля, раздѣлявшіе ихъ убѣжденія, оставались непреклонны. Архіепископъ парижскій отлучилъ монаховъ Поръ-Рояля отъ причащенія Святыхъ Даровъ. Онъ остался твердымъ. Новый папа, Климентъ IX, человѣкъ миролюбивый, уступилъ просьбамъ герцогини Лонгвиль и нѣсколькихъ французскихъ епископовъ, заимавъ прежнюю формулу подписи новою, которую могли давать и янсенисты: въ ней говорилось только, что осуждаются пять положеній, перечисленные въ прежней буллѣ, но не говорилось, что они принадлежатъ Янсепу; на основаніи этого компромисса было провозглашено королемъ церковный миръ (28 сентября 1668). Людовикъ гордился этимъ дѣломъ, приписывая его себѣ. Римская курія фактически отеклась отъ ученія іезуитовъ и другихъ ультрамонтанцевъ, говорившихъ, что папа имѣетъ непогрѣшимость и въ рѣшеніи вопросовъ о фактахъ. Янсенисты получили возможность оставаться при своемъ вѣроученіи, не подвергаясь преслѣдованію. Они продолжали свою ученую дѣятельность; уваженіе общества къ нимъ увеличивалось; обращеніе Тюренна въ католичество было приписываемо вліянію ихъ сочиненій, отличавшихся, какъ мы уже говорили, простотой языка, сдѣлавшихся образцами французской прозы. Ихъ учебники грамматики, реторикъ, логики и математикъ пользовались большимъ успѣхомъ и дѣйствительно были лучшими въ то время. Въ своей борьбѣ съ янсенистами іезуиты прибѣгали къ шарлатанскому мистицизму. Монахиня Парель-моніальскаго монастыря Марія Алакокъ имѣла 16 июня 1675 года видѣніе: ей явился Христосъ, показалъ ей свое сердце, положилъ ее сердце въ свою грудь; этотъ бредъ сумасшедшей женщины былъ отголоскомъ ученія іезуитовъ о служеніи святому сердцу Іисуса; они провозгласили Марію Алакокъ избраницей Христа; служеніе святому сердцу стало распространяться; папа принялъ подъ свое покровительство этотъ способъ дѣйствовать на фантазію толпы.

б) ссоры Людовика съ папами.

Военные и политическіе успѣхи возбудили въ Людовикѣ XIV убѣжденіе, что легко будетъ ему принудить и папу къ покорности волѣ его, установить свое преобладаніе въ церковныхъ дѣлахъ. Римская курія, имѣвшая своимъ органомъ іезуитскій орденъ, держалась того принципа, что представителю ея, папѣ, должна принадлежать безусловная власть надъ церковью. Это неизбѣжно вело къ столкновеніямъ съ Людовикомъ XIV, требовавшимъ, чтобы французская церковь безусловно повиновалась ему. Онъ и его министры досадовали на Климента IX и Климента X за сочувствіе Габсбургамъ, врагамъ Франціи. Потому при всемъ своемъ благочестіи Людовикъ ссорился съ ними. Александръ VII принужденъ былъ просить прощенія у Людовика за обиду французскому посланнику. Столкновенія стали рѣзче прежняго, когда папою сдѣлался Иннокентій XI, человѣкъ твердаго характера; ему не нравилось, что французское правительство и парижскій парламентъ постоянно говорятъ о независимости французской церкви отъ папы (о такъ называемыхъ правахъ галликанской церкви), что король распоряжается какъ хочетъ церковными долж-

ностями и богатствами, подвергается ограничению суммы, посылаемые французским духовенством в Рим.

Решительная ссора возникла по поводу вопроса о правах короля французского завлаживать вакантными епископствами, то-есть брать себе доходы с них. Янсенисты, признававшие независимость церковной власти от светской, приняли в спор сторону папы и за это подверглись новому преследованию. Епископ города Намье, защищавший их, был лишен должности; Антуан Арно вынужден был бежать в Нидерланды и не мог возвратиться во Францию до конца жизни (он умер 8 августа 1694). Помпонн, сочувствовавший янсенистам, получил отставку. Папа доказывал Людовику, что он не имеет права по произволу распоряжаться вакантными епископствами, угрожал ему «иссушить источник божественной благодати в его королевстве», если он не будет уважать права церкви. Людовик, уверенный в покорности французского духовенства, созвал национальный французский собор для решения вопросов, по которым шла у него ссора с папой и для охранения свободы галликанской церкви, как называлось на официальном языке безусловное подчинение ей королевскому произволу вместо папского. Собор начал свои заседания в ноябре 1681 года, кончил все свои совещания в марте следующего года; главную роль на нем играл Боссюэ, отдавший свою богословную ученость и свое красноречие в полное распоряжение короля. Собор принял четыре статьи, составленные Боссюэ сообразно желанию Людовика. Акт, объявлявший их учением галликанской церкви, был назван Декларацией французского духовенства; она говорила, что светская власть не зависит от церковной, что вселенский собор имеет власть выше папской, что по всем духовным делам папские распоряжения получают силу во Франции только через одобрение их французской церковью, а по мирским делам только через утверждение их французским правительством; что это учение должно быть преподаваемо во всех школах и что только лица, подписывающие акт, в котором изложено оно, могут получать ученые степени по юридическому и богословскому факультетам. Людовик обнародовал эдикт, дававший Декларацию французского духовенства силу закона и назначал епископами только людей, принимающих ее. Иннокентий остался упорен, отказывал в папском утверждении лицам, которых Людовик назначал епископами; без папского утверждения они не могли быть рукополагаемы в епископский сан, пользовались доходами своих должностей, но не имели права совершать те церковные действия, которые, по католическому учению, должны быть совершаемы исключительно епископами. Французское духовенство было на стороне короля; даже иезуитский орден во Франции был за него против папы. Сохранить

благосклонность короля было важнее всего для французских иезуитов, потому что иначе Людовик не оставил бы иезуита своим духовником (в то время эту должность занимал Ла Шеэ, пользовавшийся очень большим доверием Людовика и потому имевший сильное влияние на управление французской церковью; в большей части случаев епископами и прелатами Людовик назначал людей, которых рекомендовал он).—Ссора с папой не мешала Людовику оказывать свое усердие к католичеству заботами об уничтожении ереси во Франции: в это время был отменен Нантский эдикт.

с) отмена нантского эдикта. преследование гугенотов.

Людовик XIV не любил кальвинизм за республиканское церковное устройство и строгую мораль; потому с самого начала правления заботился об обращении гугенотов в католичество.

Гугеноты остались вверны правительству во время фронды; за это Мазарини оказывал благосклонность к ним: общался с ними, неприкосновенность Нантского эдикта, защищал их от неприятели парламентов, дозволил им строить новые церкви, разрешил им в 1659 году созвать церковный собор (синаод), чего уже давно не было разрешено; дозволил им занимать некоторые должности по городскому управлению, давал им важные должности на государственной службе. Адмирал Дюкен, маршал Тюренн и Шомберг были кальвинисты. Людовику не нравилась эта политика вротерпимости; взяв правление в свои руки, он стал принимать меры для ослабления ереси и в 1673 году предложил созванному в Шарантон гугенотскому синоду проект «возсоединения» (Réunion) французских кальвинистов с католической церковью; уступки их вверочению, даваемые этим проектом, были незначительны и высказаны в неопределенных выражениях, легко поддававшихся истолкованию в католическом смысле; собор отверг предложение короля. Людовик оскорбился, неприятели его к кальвинизму усилились. Он говорил, что для него униженно терпеть в своем государстве людей, называющих ошибочным то вверочение, которого держится он. Ему казалось, что и в делах вверы подданные обязаны безусловно повиноваться его желаниям, как в политических. Во время голландской войны французское католическое духовенство, давал королю значительное денежное пособие, высказало просьбу, чтобы он искоренил в своем государстве ересь: этим он воздаст Богу благодарность за дарованные ему победы. Он был тем более расположен последовать этому совету, что подозревал гугенотов в сочувствии голландцам, единоверцам их.

По заключении мира он усердно принялся за искоренение ереси, объявил католическому духовенству, что надеется на его содействие. Иезуиты разъясняли, какими средствами можно достичь цели. Любопытней Людовика еще была в это время Монтеспань, но он уже ссорился с нею, иногда и пытался разорвать связь. Мы говорили, что во время этих ссор он раскаивался в своей греховной жизни, становился набожным. Так было в 1676 году. Он разошелся тогда с Монтеспань; она в печали молилась со слезами, а он в искупление своего греха назначил третью часть своей личной кассы на обращение гугенотов. Пеллиссон, отступивший от кальвинизма, был выбран завлаживать этим делом и удивил короля своими успехами. Чтобы новообращенные не возвращались к своей ереси, были

увеличены въ 1679 году наказанія за отпаденіе отъ католичества. Съ тѣмъ вмѣстѣ король рѣшился дѣйствовать насиліемъ въ разлѣтъ гораздо болѣе прежняго. Правительство приняло за правило считать запрещеннымъ для гугенотовъ все то, что не было положительно дозволено имъ по Нантскому эдикту; это дало ему способъ сплотно стѣснить гугенотское богослуженіе. Въ томъ же (1679) году были уничтожены такъ называемыя половинныя или смѣшанныя камеры парламентовъ (тѣ палаты парламентовъ, которыя были предназначены для веденія процессовъ по дѣламъ гугенотовъ и состояли на половину изъ католическихъ судей, на половину изъ гугенотскихъ). Предлогомъ къ уничтоженію ихъ было выставлено то, что новообращенные въ случаяхъ тяжбы съ гугенотами не могутъ ожидать справедливости отъ такихъ трибуналовъ. Въ слѣдующемъ (1680) году были вновь увеличены наказанія за отпаденіе отъ католичества въ реформатство и были безусловно воспрещены браки между лицами католическаго и реформатскаго вѣроисповѣданій. Фальшивыми истолкованіями Нантскаго эдикта было уменьшаемо число мѣстностей, въ которыхъ дозвоительно совершать реформатское богослуженіе и подъ всяческими предлогами были отнимаемы церкви у гугенотовъ. Съ каждымъ припадкомъ раскаянія въ своей грѣховной жизни Людовикъ усиливалъ строгость мѣръ противъ гугенотовъ, обращеніемъ которыхъ надѣялся загладить свои грѣхи. Благодаря усердію іезуитовъ, другихъ миссіонеровъ и помогавшей имъ администратціи, списки новообращенныхъ выходили такіе длинные, что созданное въ 1680 году французское католическое духовенство заключило свои совѣщанія благодарностью королю за то, что онъ готовитъ французской церкви счастье увидѣть ересь умирающей подъ ногами его. Начались по всей Франціи насилія, о какихъ ужь давно не было слыхано въ Европѣ. Гугеноты занимали много должностей по финансовому управленію, участвовали въ откупахъ, въ кредитныхъ дѣлахъ съ казною; очень много желѣзные и кожевенные заводы, фабрики шелковыхъ и шерстяныхъ тканей принадлежали имъ; они были главными посредниками въ торговлѣ Франціи съ Голландіей и Англіей; вообще они отличались трудолюбіемъ, благосостояніемъ, образованностью. Но было рѣшено не щадить ихъ. Духовники Людовика Ла Шезъ укрѣпляли его въ этомъ намѣреніи; но еще сильнѣе дѣйствовали на него въ томъ же смислѣ внушенія г-жи Ментеновъ, употреблявшей ревность къ католичеству, какъ средство упрочить свое владычество надъ королемъ. Она была безжалостна къ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ; если бы она выказала состраданіе къ нимъ, ее обвинили бы, что она остается въ душѣ гугеноткой. Лувуа тоже доказывалъ, что надобно поступать безпощадно. Быстро были приняты одна за другою жестокия мѣры для того, чтобы сломить упрямство еретиковъ. Ихъ исключили изъ всѣхъ должностей, даже изъ цеховъ; слатали половину талъи съ отреченіемъ отъ ереси и передавали эту сумму на гугенотовъ; бѣднымъ давали деньги за отреченіе отъ ереси; король и богатые льстецы его дѣлали пожертвованія на это; было объявлено, что дѣти еретиковъ начиная съ 7-лѣтняго возраста могутъ принимать католичество безъ согласія родителей; подъ этимъ предлогомъ отнимали дѣтей у родителей, воспитывали ихъ въ католичество; если записанные въ католики были уличаемы въ сохраненіи ереси, то реформатскіе священники, допустившіе ихъ къ участию въ своемъ богослуженіи, были изгнаны. Со стороны духовенства главнымъ дѣятелемъ въ преслѣдованіи еретиковъ былъ знаменитый богословъ и проповѣдникъ Боссюэ, бывший теперь епископомъ Москимъ. Правительство обильяло, что укорявшагося будутъ подвергнуты наказанію. Большинство гугенотскаго дворянства обольстилось наградами за отступничество; многие простолюдины были обольщены деньгами. Іезу-

иты и льстецы восхваляли короля, ссылаясь на многочисленность обратившихся въ католичество, какъ на доказательство мудрости его распоряженій. Но массу гугенотовъ составляли люди замѣтныя, принадлежавшіе къ городскому сословію; они остались тверды, считали постыднымъ дѣломъ измѣнить совѣсти. На тайномъ съѣздѣ депутатовъ гугенотскихъ общинъ Лангедока, Дофинѣ и Севеннскихъ горъ въ іюлѣ 1683 въ Тулузѣ было рѣшено оставаться вѣрными реформатству и тайно совершать богослуженіе, когда и гдѣ будетъ можно. Гугеноты собирались молиться на развалинахъ своихъ церквей. Надобно было употребить военныя мѣры для искорененія такой непокорности волѣ короля. Лувуа доказывалъ королю необходимость этого.

Въ 1681 году Лувуа уже послалъ въ распоряженіе Марильяка, интенданта области Пуату, челоуѣка жестокаго, полкъ кавалеріи, чтобы онъ ставилъ солдатъ на квартиры у гугенотовъ, упорствующихъ въ ереси. Черезъ нѣсколько времени Фуко, интендантъ Беарна, уничтожилъ военными мѣрами реформатское богослуженіе въ этой области и отпраздновалъ торжество католичества иллюминаціями и благодарственными молебствіями. Способъ дѣйствія, имѣвшій такой успѣхъ въ Беарнѣ, былъ распространенъ на все королевство и повсюду начались свирѣпости, получившія названія драгоннадъ. Особенно много еретиковъ было въ южной Франціи; тамъ и былъ данъ полнѣйшій просторъ буйству и алчности солдатъ и офицеровъ, посылаемыхъ обращать еретиковъ въ католичество. Въ Дофинѣ гугеноты, доведенные до отчаянія, стали сопротивляться грабежу и наглѣмъ оскорбленіямъ. Это было названо мятежемъ; войско опустошало Дофинѣ, какъ непріятельскую землю, рѣзало мужчинъ, насиловало дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ въ домахъ еретиковъ. Ужасъ заставлялъ многихъ принимать католичество. Въ Гиѣни насчитывали 60.000 новообращенныхъ; въ Лангедокѣ число ихъ было еще больше; много ихъ было и въ Пуату, и въ Сентонжѣ. Тысячи людей бѣжали за границу, презирая установленныя за это тяжелыя наказанія. Множество гугенотовъ были отведены въ темницы; въ тулузскихъ тюрьмахъ сидѣли десятки реформатскихъ священниковъ. Ересь была истреблена въ главныхъ центрахъ ея: Монпелье, Нимѣ, Монтобанѣ. Была уничтожена и въ Ла Рошелѣ въ одни сутки по введеніи туда драгуновъ. Это было возобновленіе свирѣпостей временъ альбигойскихъ войнъ.

Успѣхъ драгоннадъ въ южной Франціи показалъ пользу примѣнить ихъ и ко всѣмъ другимъ частямъ королевства. Солдаты повсюду ловили прячущихся гугенотовъ, останавливали бѣгущихъ за границу. Фанатики и льстецы перевозносили Людовика, говорили ему, что теперь во Франціи остается ужь мало еретиковъ и что надобно ему довершить свое славное дѣло отмѣной Нантскаго эдикта; онъ былъ данъ Генрихомъ IV для предотвращенія междоусобной войны, которую безъ того подняли бы еретики, въ то время очень многочис-

сленные; теперь ихъ осталось такъ мало, что нѣтъ опасности междоусобія и Нантскій эдиктъ сталъ излишнимъ; нужно только королю заявить, что онъ не потерпитъ ереси въ своемъ государствѣ и малочисленные еретики исполнять его приказаніе, обратиться въ католичество. Смерть Карла II уничтожила опасеніе, что англійское правительство вступится за французскихъ кальвинистовъ: равнодушный къ религіи Карлъ II могъ бы уступить требованіямъ націи; но теперь королемъ англійскимъ сталъ фанатикъ Іаковъ II, отъ котораго надобно было ожидать похвалъ за искорененіе ереси. Такимъ образомъ Людовикъ рѣшился отмѣнить Нантскій эдиктъ. Повелѣніе о его отмѣнѣ было обнародовано 22 октября 1685. Канцлеръ Ле Теллье, отецъ Лувуа, непримиримый врагъ гугенотовъ, имѣлъ радость передъ смертью приложить государственную печать къ этому акту. Парижскій парламентъ съ радостью регистрировалъ этотъ актъ, уничтожавшій ересь.

Главнымъ мотивомъ отмѣны Нантскаго эдикта было выставлено то, что „наибольшая и лучшая часть подданныхъ короля, державшихся такъ называемой реформатской религіи, приняла католическую вѣру“; потому король повелѣвалъ, чтобы въ его государствѣ ни публично, ни домашнимъ образомъ не совершалось никакого богослуженія, никакихъ обрядовъ, отсутствующихъ отъ католичества. Церкви гугенотовъ были разрушены, школы закрыты, священники, не принявшіе католичества, изгнаны. Эмигрировать было запрещено гугенотамъ подѣ страхомъ конфискаціи имущества и ссылки на галеры. Драгуны, поставленные по квартирамъ въ домахъ гугенотовъ, принуждали ихъ своими буйствами принимать католичество, должны были увеличеніемъ суровости „выгонять изъ нихъ гдупое тщеславіе оставаться послѣдователями воспрещенной вѣры“, какъ выражался Лувуа въ письмѣ къ Ноаю, губернатору Лангедока. Подверглись гоненію и вальдійцы пюмонтскихъ горъ: французскіе гугеноты бѣжали къ нимъ; Людовикъ потребовалъ отъ Виктора Амадея Савойскаго преслѣдованія ихъ и прислалъ французское войско подѣ начальствомъ Катина помогать савойскому въ искорененіи вальдійской ереси; вальдійцевъ рѣзали или уводили въ тюрьмы, или выгоняли въ Швейцарію.—Людовикъ велѣлъ преслѣдовать гугенотовъ и въ Канадѣ.

Во Франціи свирѣпость гоненія была безпощадна; люди уважаемаго въ обществѣ положенія, оказавшіе услуги королю, были заковываемы въ цѣпи за попытки эмигрировать; тюрьмы переполнились гугенотами; множество гугенотовъ было сослано на галеры. По границамъ была поставлена военная стража, не пропускать бѣгущихъ; но все-таки болѣе 500.000 французскихъ кальвинистовъ уплыли, спрятавшись между тюками товаровъ или перешли въ темныя ночи границу, пробравшись густыми кустарниками; они покидали свое имущество, отдавали капитанамъ купеческихъ кораблей все унесенныя съ собою деньги за позволеніе спрятаться въ трюмъ, покупали у пограничной стражи тайный пропускъ въ Швейцарію или Германію. Эмигранты

разсѣялись по всемъ землямъ протестантской Европы: Швейцарія, Рейнскій Пфальцъ, Бранденбургъ, Голландія, Англія охотно давали приютъ этимъ трудолюбивымъ и честнымъ людямъ. Населеніе Женевы почти удвоилось, такъ много ихъ поселилось тамъ. Колонія гугенотовъ въ той части Лондона, которая называется Спитэфильдомъ, основала тамъ мануфактуры; гугеноты перенесли въ Англію искусство дѣлать хорошія стеклянныя вещи, шляпы, бумагу, шелковые ткани. Курфирстъ бранденбургскій, приглашавшій гугенотовъ селиться у него, выражалъ французскому правительству удивленіе, что оно поступаетъ, какъ съ преступниками, съ его единовѣрцами, забывая уваженіе къ нему, его союзнику. Онъ разорвалъ дружбу съ Людовикомъ, возобновилъ союзъ съ императоромъ. Эмигранты находили хорошій приемъ себѣ и въ другихъ протестантскихъ государствахъ Германіи, поселились тысячами въ Пфальцъ, Гессенъ, Брауншвейгъ, во Франкфуртъ. Своей образованностью, техническими знаніями, нравственной энергіей они содѣйствовали прогрессу земель, въ которыхъ поселились. Благосостояніе Франціи упало. Эмигранты научили иностранцевъ производствѣ хорошихъ шелковыхъ тканей, машинному производствѣ чулокъ; они увезли съ собою 60.000.000 ливровъ. Гугенотскіе писатели, поселившіеся въ нидерландской республикѣ, стали издавать книги, разъяснявшія французамъ гибельность деспотизма Людовика; множество гугенотовъ поступило на службу въ арміи государствъ, враждебныхъ Людовику. Однимъ изъ эмигрантовъ былъ знаменитый полководецъ маршалъ Шомбергъ. Но льстецы прославляли Людовика, какъ искоренителя ереси. Между тѣмъ въ самой Франціи готовилось возстаніе противъ него. Клодъ Бруссонъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, убѣждалъ гугенотовъ, оставшихся на родинѣ, быть твердыми въ вѣрѣ. Бавилль, интендантъ Лангедока, назначилъ 10.000 ливровъ награды за поимку или убійство его; онъ былъ схваченъ и 4 ноября 1698 казненъ въ Монпелье. Но другіе проповѣдники дѣйствовали въ томъ же духѣ. Во множествѣ семействъ реформатское вѣроученіе передавалось тайнымъ образомъ отъ поколѣнія поколѣнію. Католическая церковь во Франціи была испорчена льстивымъ угожденіемъ всемъ слабостямъ Людовика, утратила вліяніе на образованныхъ людей. Они принуждены были выказывать притворное усердіе къ религіи. Но когда Людовикъ умеръ и боязнь прошла, то оказалось, что французское общество прониклось враждою къ церкви и невѣріемъ.

Кальвинисты и присоединившіеся къ нимъ потомки вальдійцевъ, тихо жившіе въ Северныхъ горахъ и сохранившіе старинную простоту нравовъ, были такъ раздражены преслѣдованіемъ ихъ религіи, что стали думать о сопротивленіи. Между ними появились пророки и пророчицы, экзальтированныя предсказаніями Бруссона и Жюрье о близкомъ паденіи царства Антихриста и торжествѣ истинной церкви. Горцы собирались въ шаламахъ

горныхъ пастбищъ молиться и совѣщаться, взялись за оружіе. Инсургенты были поселяне и пастухи, одѣтые въ холстяное платье простонароднаго покрою, называвшееся камизою; поэтому ихъ прозвали камизарами; главнымъ предводителемъ ихъ былъ Жанъ Кавалье, бывшій прежде пастухомъ. Началось междоусобіе, въ которомъ погибло болѣе 100,000 человекъ. Инсургенты дѣлали неожиданныя набѣги, разрушили 40 католическихъ церквей и много замковъ. Нѣсколько лѣтъ выдерживали они борьбу съ многочисленнымъ королевскимъ войскомъ, главнокомандующимъ котораго былъ назначенъ искусный полководецъ маршалъ Вилларъ. Онъ успѣлъ наконецъ разстроить согласіе между ними, обѣщая амнистію и уступки религіознымъ ихъ требованіямъ; многіе положили оружіе. Но оставшіеся непоколебимыми успѣшно оборонялись, такъ что Вилларъ убѣдилъ короля согласиться, чтобы имъ былъ данъ свободный пропускъ за границу. Кавалье поступилъ въ англійскую службу, былъ назначенъ командиромъ полка французскихъ эмигрантовъ, сражался противъ войскъ Людовика въ войнѣ за испанское наслѣдство; участвовалъ между прочимъ въ битвѣ при Альмансѣ и умеръ губернаторомъ острова Джерси въ 1740 году.

д) ССОРА ЛЮДОВИКА СЪ ИННОКЕНТІЕМЪ ХІ.

Во время отмѣны Нантскаго эдикта, ссора Людовика съ папой еще продолжалась; французское духовенство было на сторонѣ короля, парижскій парламентъ и Сорбонна, пользовавшаяся очень высокимъ авторитетомъ въ богословскихъ дѣлахъ, защищали постановленія о независимости французской церкви отъ папы. Возникло новое столкновеніе, усилившее ссору. Дома и дворы иностранныхъ посланниковъ въ Римѣ пользовались правомъ неприкосновенности для римской полиціи; посланники заявляли притязанія, что должны находиться подъ ихъ покровительствомъ, быть недоступны для полиціи и сосѣднія улицы. Тамъ укрывались преступники. Это вело къ постояннымъ спорамъ съ римской администраціей. Иннокентій ХІ объявилъ, что не будетъ принимать въ Римъ тѣхъ посланниковъ, которые не откажутся отъ притязаній, дѣлающихъ цѣлые кварталы притонами злодѣевъ. Всѣ католическія правительства, кромѣ французскаго, признали справедливость требованія папы; но Людовикъ XIV сказалъ, что папа не имѣлъ права отмѣнять привилегію французскаго посланника безъ его согласія. Новый посланникъ его, маркизъ Лаварденъ подъѣхалъ къ Риму (въ ноябрѣ 1687) съ такимъ многочисленнымъ вооруженнымъ конвоемъ, что было ясно: онъ поѣдетъ въ свой дворецъ наперекоръ запрещенію папы, готовъ пролагать себѣ путь оружіемъ. Папа не противился его вѣзду, но отлучилъ его отъ церкви. Онъ пришелъ въ принадлежавшую французскому посольству церковь св. Людовика; богослуженіе было совершено въ присутствіи его; это было нарушеніемъ каноническаго права. Папа наложилъ интердиктъ на церковь св. Людовика и въ гнѣвѣ на короля французскаго принялъ сторону императора въ ссорѣ его съ Людовикомъ по дѣлу о выборѣ архіепископа кельнскаго, о которомъ мы будемъ говорить въ одномъ изъ

слѣдующихъ отдѣловъ. Генераль-прокуроръ парижскаго парламента заявилъ, что интердиктъ церкви св. Людовика не имѣетъ законной силы и что король долженъ апеллировать отъ пристрастнаго рѣшенія папы къ вселенскому собору. Созванные Людовикомъ епископы подъ предсѣдательствомъ Арле (Harlay), архіепископа парижскаго, усерднаго слуги короля, постановили, что онъ правъ. Онъ прервалъ всякія сношенія съ папой, велѣлъ задержать въ Парижѣ папскаго нунція, занявъ войскомъ Авиньонъ, сталъ говорить, что надобно учредить особое французское патріаршество, что онъ назначить патріархомъ Арле. Но Иннокентій оставался твердъ. Іаковъ II предложилъ ему свое посредничество черезъ Томаса Гоуэрда, вельможу знатнѣйшей католической фамиліи Англіи, дядя котораго былъ кардиналомъ; Иннокентій отвѣчалъ, что не принимаетъ посредничества, потому что не можетъ сдѣлать никакихъ уступокъ въ дѣлѣ о правахъ апостольскаго престола. Онъ зналъ, что составляется коалиція противъ Людовика и рѣшилъ, что будетъ поддерживать ее; принялъ сторону императора противъ венгровъ, далъ субсидіи для обороны нѣмецкой имперіи; ему было извѣстно, что Вильгельмъ Оранскій готовится плыть въ Англію; онъ выражалъ сочувствіе этому намѣренію.

При упрямствѣ Иннокентія французское правительство должно было бы довести дѣло до схизмы, если бы захотѣло продолжать ссору. Людовикъ не желалъ этого и былъ выведенъ изъ затрудненія смертью Иннокентія (10 августа 1689). Папой былъ выбранъ венеціанскій вельможа Оттобони, принявшій имя Александра VIII. Людовикъ воспользовался благовиднымъ предлогомъ прекратить ссору съ римской куріей, возвратилъ папѣ Авиньонъ, отправилъ въ Римъ новаго посла, которому велѣлъ не заявлять никакихъ притязаній на неприкосновенность улицъ, сосѣднихъ съ домомъ посольства. Но Александръ требовалъ отмѣны постановленій о такъ называемыхъ правахъ галликанской церкви. Людовикъ не соглашался на это; дѣло тянулось до смерти Александра. Преемникъ его Иннокентій XII тоже не соглашался на уступки, хотя былъ расположенъ къ Франціи. Переговоры длились два года, кончились тѣмъ, что Людовикъ уступилъ. Французское духовенство объявило, что «всѣ совѣщанія парижскаго собора должны считаться какъ бы не происходившими и рѣшенія его какъ бы не постановленными»; епископы написали папѣ, что, повергаясь къ ногамъ его святѣйшества, заявляютъ невыразимую скорбь о дѣйствіяхъ этого собора, а Людовикъ сообщилъ папѣ, что беретъ назадъ свой эдиктъ о соблюденіи соборныхъ рѣшеній относительно правъ галликанской церкви (относительно такъ называемыхъ четырехъ статей). Ссора кончилась этимъ и папа далъ каноническое утвержденіе лицамъ, которыхъ Людовикъ назначилъ епископами. Но побѣда римской куріи была не полная: статьи о правахъ галликан-

ской церкви не были формально отменены, французское духовенство осталось безусловно подчинено королю.

е) окончание борьбы римской курии с яansenистами. преследование квиэтизма.

Примирением с папой не кончились затруднения, которые встречал Людовик в своем стремлении безусловно распоряжаться делами религии. Яansenизм продолжал волновать умы и возникло новое родственное ему религиозное направление, казавшееся королю несогласным с истинным христианским влечением.

Яansenисты оставались в немилости у Людовика. Некоторые епископы и ученые, державшиеся убеждений Поръ-Рояля, были на стороне папы при ссорѣ Людовика с нимъ. Это усилило неприязнь короля к яansenизму. Политическія события отвлекли внимание общества отъ спора иезуитовъ с яansenистами. Но въ 1693 году возобновилось подобное движение по поводу „Нравственныхъ размышлений на Новый заветъ“, изданныхъ Кенелемъ, послѣдователемъ Антуана Арно; эта книга приобрѣла большую популярность и самъ кардиналъ Ноаль, архіепископъ парижскій, одобрялъ ее. Иезуиты, нашедшіе въ ней яansenистское направление, возстановили противъ нея короля, пользуясь его неприязнью къ яansenистамъ, сохранявшимъ нѣкоторую нравственную самостоятельность при всеобщемъ рабствѣ. По желанію Людовика, папа въ 1705 году обнародовалъ буллу *in vineam Domini*, возобновившую рѣшенія прежнихъ папъ противъ яansenизма и въ самихъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждавшую пять положеній, приписанныхъ прежними буллами Ясену. Монахи Поръ-Рояля отказались подписать актъ согласія съ этой буллой, и монастырь ихъ былъ закрытъ (въ 1709 году). Въ слѣдующемъ году пріоресса и другіе монахи, оставшіеся жить въ Поръ-Рояль, были выведены оттуда. Монастырь былъ разрушенъ; были сломаны даже надгробные памятники. Но иезуиты считали свое торжество неполнымъ, пока остается не осуждена книга Кенеля. Потому Людовикъ заставилъ папу нанести яansenизму окончательный ударъ осужденіемъ ее. Въ 1713 году была обнародована булла *Unigenitus*, осудившая 101 положеніе о благодати и свободѣ воли, о спасеніи человѣка вѣрой. Эти положенія, взятые изъ книги Кенеля, булла объявила еретическими, опасными и оскорбляющими благочестивый слухъ; но между ними находились незамѣченные папой цитаты изъ Отцевъ церкви и даже Священного писанія. Значительная часть французскаго духовенства и образованнаго общества отвергала эту буллу, но Людовикъ велѣлъ парижскому парламенту регистрировать ее, то-есть признать имѣющей силу закона во Франціи. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ. Волненіе, поднятое осужденіемъ книги Кенеля, продолжалось по его смерти. Многие французскіе епископы апеллировали отъ приговора папы къ вселенскому собору. Когда правителемъ Франціи сталъ кардиналъ Флери, оппозиція буллѣ *Unigenitus* была подавлена лишеніемъ должностей, заключеніемъ въ тюрьму, ссылкой, и парижскій парламентъ былъ принужденъ въ окончательной формѣ регистрировать эдиктъ, дававшій этой буллѣ силу закона. Но яansenизмъ не исчезъ. Въ Нидерландахъ была основана въ 1723 году яansenистская церковь, имѣющая архіепископа и двухъ епископовъ (глава ея носитъ титулъ архіепископа утрехтскаго), одинъ изъ епископовъ называется гарлемскимъ, другой девентерскимъ). Въ Парижѣ гоненіе довело яansenистовъ до экзальтаціи, производившей фанатиковъ, которые подвергали себя бичеванію и другимъ истязаніямъ; они назывались конвуль-

сионерами, потому что въ волненіи экстаза съ ними дѣлались судороги. Значительная часть французскаго духовенства оставалась вѣрна яansenизму; парижскій парламентъ сочувствовалъ ему.

Испанскій священникъ Мигель Молинось, поселившійся въ Римѣ и заслужившій большую извѣстность своими совѣтами людямъ, отдававшимъ себя подъ его нравственное руководство, проповѣдывалъ мистическое ученіе, получившее названіе квиэтизма; оно приобрѣло себѣ много послѣдователей во Франціи; сущность его состояла въ томъ, что человѣкъ долженъ представлять всѣ дѣла свои на волю Божію. Въ своей книгѣ „Духовный руководитель“, Молинось говорилъ, что путь къ спасенію—отрицаніе собственной воли для соединенія съ Богомъ. Иезуиты и въ особенности Ла Шеэзъ, духовникъ Людовика, требовали, что бы это ученіе было объявлено еретическимъ; въ угрожденіе Людовику, считавшему опасными всякія новыя мысли, римская инквизиція принудила Молиноса къ отреченію и держала его въ суровомъ заключеніи въ доминиканскомъ монастырѣ. Тамъ и умеръ онъ въ 1697 году. Его мистическое ученіе о соединеніи съ Богомъ нашло себѣ вліятельную проповѣдницу во Франціи. Жанна Маріа Бувьеръ Ламотъ-Гіонъ была съ молодости религиозной энтузіасткой; духовникъ ея Лакомбъ поддерживалъ въ ней экзальтацію; по смерти мужа она обручила себя небесному жениху, у котораго просила себѣ креста страданій и презрѣнія человѣческаго, и стала писать книги, проникнутыя фантастическимъ благочестіемъ; въ одной изъ нихъ, называющейся „Потоки“ она описываетъ свою душевную жизнь, какъ рядъ горныхъ потоковъ, сливающихся въ рѣки, которыя текутъ въ море и теряются въ немъ; это море—Богъ; въ „Краткомъ и удобопонятномъ руководствѣ къ внутренней молитвѣ“ она превозноситъ созерцательную молитву безмолвнаго спокойствія въ противоположность молитвѣ на церковномъ богослуженіи; фантазія рисовала ей картины любви къ Богу въ такихъ чертахъ, которыя напоминаютъ чувственную любовь. Это давало предлогъ называть ея книги безнравственными. Но онѣ приобрѣтали ей много послѣдователей и послѣдовательницъ. Она называла себя матерью вѣрующихъ, призванной отъ Бога рождать духовныхъ дѣтей въ въ мученіяхъ, какими сопровождается физическое рожденіе; разумѣется все это надобно было понимать въ духовномъ смыслѣ; такъ и понимали ученики и ученицы ея. Она основала конгрегацію соучастницъ дѣтства Христа; въ кругу вѣрующихъ ея ученію было пророчество, что у нея родятся миллионы извѣстныхъ и неизвѣстныхъ дѣтей. Она стала называть себя духовною матерью даже своего духовника Лакомба. Онъ былъ арестованъ въ 1687 году и томился въ темницѣ до самой своей смерти (въ 1714). Ее арестовали нѣсколько разъ, но по ходатайству знатныхъ послѣдовательницъ и по желанію г-жи Ментенонъ освобождали. Главнымъ гонителемъ ея былъ Боссюэ. Ея ученіе было осуждено, противники говорили о квиэтистахъ и квиэтисткахъ, духовной матерью которыхъ была она, что, воображая себя достигшими соединенія съ Богомъ и состоянія безгрѣховности, они считаютъ позволительнымъ себѣ все, чего желаетъ тѣло. Духовныя писанія г-жи Гіонъ и ея набожныя книги приобрѣли большую популярность. Людовикъ преслѣдовалъ ихъ по внушенію Боссюэ, находившаго мистическіе опаснымъ для государства и общества. Фенелонъ, бывшій учителемъ герцога бургонскаго, наслѣдника престола, и слѣданный архіепископомъ камбрейскимъ, человѣкъ добродушный и очень набожный, не согласился осудить ученіе, говорившее, что служить Богу должно сердцемъ, душевнымъ благочестіемъ. Въ своей книгѣ „мысли святыхъ о внутренней жизни“ онъ самъ превозносилъ любовь къ Богу, въ которой человѣкъ забываетъ свою личность. Боссюэ и большинство французскаго духовенства нашли эту книгу ерети-

ческой. Король сердился на Фенелона, считая его авторомъ безымянныхъ писемъ, которое получилъ около того времени. Письмо это, написанное действительно Фенелономъ, убѣждало короля приять миролюбивую политику и облегчить страданія народа. Разгнѣванный Людовикъ подался въ пещеры Боссуа и удалил Фенелона отъ двора. Изгнаніе имѣло видъ милости: король назначилъ Фенелона архіепископомъ Камбрейскимъ, но передъ тѣмъ временемъ было извѣстно, что ему будетъ дана должность архіепископа парижскаго, какъ только сдѣлается вакантною; и всѣ понимали, что удаленіе его въ Камбре—ссылка. Людовикъ требовалъ, чтобы папа осудилъ книгу Фенелона; папа сопротивлялся, но принужденъ былъ уступить и 12 марта 1699 объявилъ ошибочными и вредными для нравственности 23 положенія, извлеченныя изъ книги Фенелона. По распоряженію Людовика папское брѣве, осуждавшее Фенелона, было подано ему въ ту минуту, когда онъ взошелъ на кафедру произнести проповѣдь. Онъ съ неизмѣннымъ своимъ смиреніемъ прочелъ вслухъ это брѣве и сказалъ слушателямъ, что они должны считать папское рѣшеніе истиннымъ; конечно, папа не осуждаетъ чистую любовь къ Богу, но слѣдуетъ думать, что ученіе о ней изложено въ осужденной книгѣ неудовлетворительнымъ образомъ, такъ что это могло подавать поводъ къ заблужденіямъ, и потому книга осуждена справедливо.

е) послѣднія десятилѣтія XVII вѣка.

1. деспотическіе поступки людовика относительно сосѣдствъ.

Послѣ Неймегенскаго мира Людовикъ XIV былъ на верху могущества. Историки, поэты, ораторы, называли его великимъ, ставили выше Александра и Цезаря: онъ побѣдилъ всѣхъ враговъ, возстановилъ своею справедливостію миръ въ Европѣ, ввелъ мудрый порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, далъ своимъ покровительствомъ высокое развитіе наукамъ и искусствамъ. Неудивительно, что лести вскружила ему голову, что надменность его стала превосходить всѣ границы, что онъ захотѣлъ поработить себѣ всю Европу, какъ поработилъ Францію. Условія Неймегенскаго мира были продиктованы имъ; онъ полагалъ, что можетъ давать имъ какое хочетъ истолкованіе въ свою пользу и что никто не воспротивится этому. Испанія была безсильна, члены нѣмецкаго сейма были несогласны между собой и многіе изъ нихъ были подкуплены Людовикомъ; онъ зналъ, что легко подкупить многихъ другихъ и надѣялся доставить дофина санъ римскаго короля, то есть наслѣдника императора. Венгерскіе магнаты, боровшіеся съ австрійскими Габсбургами, просили помощи у Людовика; вліяніе его въ Константинополѣ было такъ сильно, что онъ могъ склонить Турцію къ войнѣ для помощи венгерскимъ инсургентамъ. Король польскій Янъ Собѣскій былъ воспитанъ во Франціи, женатъ на французкѣ, былъ надежнымъ другомъ Франціи. Въ Лиссабонѣ, въ Туринѣ господствовало французское вліяніе. Стюарты были друзьями Людовика по своимъ личнымъ и религіознымъ интересамъ. Швейцарцы служили по найму во французской арміи.

Людовикъ сталъ захватывать сосѣдніе нѣмецкіе имперскіе города и округи подъ видомъ законныхъ правъ на нихъ, такъ что эти захваты назывались на французскомъ официальномъ языкѣ „возсоединеніями“, réunions. Еще во время войны, кончившейся Неймегенскимъ миромъ, онъ захватилъ, какъ мы говорили, десять имперскихъ городовъ въ Эльзасѣ; теперь его юристы и министры заявили, что къ Франціи должны быть присоединены тѣ владѣнія, которыя были частями или ленами областей, полученныхъ Франціей по Неймегенскому миру; они ссылались на слова трактата, что эти области уступаются Франціи со всѣми принадлежащими къ нимъ округами. Чтобы дать насилію форму законности, Людовикъ учредилъ въ Мецѣ, Безансонѣ, Турне и Брейзахѣ юридическія коммиссіи подъ названіемъ палатъ возсоединенія; имъ поручено было разыскивать, какія мѣстности принадлежали въ прежнія времена къ пріобрѣтеннымъ Франціей владѣніямъ и должны по этому перейти подъ власть короля французскаго. Онъ велѣлъ епископамъ мецкому, тульскому и верденскому составить списки имѣній и леновъ, принадлежавшихъ въ прежнія времена ихъ кафедръ. Усердные слуги Людовика, они составили длинные списки; потомъ были составлены такіе же списки мѣстъ, принадлежавшихъ къ новымъ владѣніямъ Людовика. Все это были части нѣмецкой имперіи. Людовикъ заявилъ, что всѣ права имперіи въ отданныхъ ему владѣніяхъ перешли къ нему и что по этому онъ сюзеренъ всѣхъ леновъ, принадлежавшихъ къ нимъ. Сообразно тому безансонская палата рѣшила, что герцогъ вюртембергскій вассалъ короля французскаго какъ владѣтель Монбельяра, бывшаго леномъ государей Франшъ-Конте; мецкая палата нашла, что пфальцграфы вельденцкій и люцельштейнскій, герцогъ цвейбрюкенскій, графы Зальмъ, Зарбрюкенъ, Шпонгеймъ—подданные короля французскаго и что ему принадлежитъ около 80-ти леновъ, лежащихъ за границами Франціи. Королю шведскому было объявлено, что онъ—вассалъ Франціи, какъ владѣтель герцогства цвейбрюкенскаго; такое же объявленіе было сдѣлано принцу Оранскому, какъ владѣтелю графства Шини; брейзахская палата нашла, что всѣ государи и другіе владѣтели имперскихъ округовъ въ Эльзасѣ должны стать подданными короля французскаго; отъ нихъ требовали присяги ему. Мелкіе дали ее, чтобы не быть лишенными своихъ владѣній. Менѣе слабые, имѣвшіе довольно большія государства вдали отъ Франціи, отвѣчали отказомъ; ихъ чиновники были прогнаны, доходы ихъ секвестрованы; на ихъ протесты французское правительство отвѣчало, что рѣшенія мецкой и брейзахской палатъ имѣютъ законную силу судебныхъ приговоровъ. Особенно много было отнято у архіепископа трирскаго. Людовикъ взялъ у него три округа на Маасѣ, какъ наслѣдникъ короля Пиппина, который, подаривъ эти имѣнія архіепископской кафедрѣ, оставилъ за собою королевскую

власть надъ ними. У Испаніи Людовикъ отнялъ гордъ Альстъ (въ восточной Фландріи), объявивъ, что удержитъ его за собою до обмѣна на Люксембургъ. Вобанъ построилъ на новыхъ границахъ Франціи сильныя крѣпости.

Нѣмецкій сеймъ протестовалъ противъ захвата частей нѣмецкой имперіи; на немъ говорили, что надобно собрать имперскую армію. Чтобъ успокоить его, Людовикъ выразилъ готовность подвергнуть дѣло разбору конгресса. Мѣстомъ его былъ назначенъ Франкфуртъ; французскіе уполномоченные ѣхали туда очень медленно, а между тѣмъ Лувуа велѣлъ генералу Монклару передвигать войска къ Страсбургу, скрывая по возможности движенія ихъ. Въ Страсбургѣ были измѣнники, продавшіе Людовику независимость своего города; главнымъ изъ нихъ былъ епископъ Эгонъ Фюрстенбергъ, сформировавшій въ Страсбургѣ католическую партію. Передвиженія войскъ были дѣлаемы такъ искусно, что жители Страсбурга не подозрѣвали ничего и были изумлены, увидѣвъ городъ окруженнымъ. Къ войску пріѣхалъ Лувуа. Большинство населенія Страсбурга сохраняло привязанность къ Германіи; но было покинуто имперіей безъ помощи, не имѣло войска, чтобъ отразить непріятеля; измѣнники говорили о невозможности сопротивленія, о милостяхъ, которыми наградить городъ король французскій. Граждане покорились необходимости, дали присягу вѣрности королю французскому. Каедральный соборъ былъ отданъ католическому духовенству. Это было въ концѣ сентября 1681. Когда было кончено преобразование городскихъ учрежденій, пріѣхалъ Людовикъ, вступилъ 23 октября триумфальной процессіей въ Страсбургъ. Епископъ, привѣтствуя его передъ вратами каедрального собора, примѣнилъ къ установленію его власти слова Евангелія о пришествіи Спасителя, воскликнувъ о себѣ, какъ Симеонъ Богопріимецъ: «Пынь отпущаеши раба твоего въ мирѣ, яко видѣсть очи мои спасеніе твое». Вобанъ построилъ цитадель такую сильную, что по тогдашнему времени она была непреодолима.

Вся Германія негодовала; даже нѣмецкій сеймъ при всей своей вялости проникся, казалось, намѣреніемъ объявить войну королю французскому. Людовикъ выразилъ готовность удовольствоваться тѣмъ, что захватилъ, отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній. Онъ рассчитывалъ, что если затянуть время переговорами, то воинственное настроеніе нѣмецкаго сейма охладѣетъ. И дѣйствительно, это вышло такъ. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ можно было Людовику надѣяться, что останутся безуспѣшными переговоры между правительствами, ручавшимися за соблюденіе условій Неймегенскаго мира и разсуждавшими теперь о надобности составить коалицію для обузданія властолюбивыхъ замысловъ короля французскаго.

Вильгельмъ Оранскій и Карлъ XI Шведскій, раздраженные высокоуміемъ Людовика, условились противиться общими силами его

захватамъ. Испанія, которой онъ постоянно угрожалъ, и императоръ присоединились къ ихъ союзу; курфиреты Максимиліанъ Эммануэль Баварскій, Іоаннъ Георгъ III Саксонскій, герцогъ Эрнстъ Августъ Ганноверскій выражали готовность послѣдовать примѣру императора. Но французскіе дипломаты знали, что коалиція безсильна: король шведскій, обязанный Людовику сохраненіемъ своихъ владѣній въ Германіи, не могъ стать серьезнымъ врагомъ его; въ Нидерландской республикѣ оставались сильны патріоты, недовѣрявшіе властолюбивому Вильгельму; французскій посланникъ въ Гагѣ Д'Аво ловко поддерживалъ вражду между оранской и патріотической партіями, возбуждалъ торговое сословіе противъ Вильгельма, желающаго, какъ онъ говорилъ, только для удовлетворенія своему властолюбію вовлечь республику въ войну, гибельную для ея торговли. Король англійскій былъ союзникомъ Людовика. При такомъ положеніи дѣлъ Габсбурги не могли выдержать нападенія Людовика: испанскія войска были малочисленны, французы легко оттѣснили бы ихъ; императоръ подвергся нападенію турокъ, они дѣлали завоеванія въ западной Венгріи, готовились идти на Вѣну. Нѣмецкіе государи были такъ несогласны между собою, что даже Фридрихъ Вильгельмъ Бранденбургскій находилъ нѣмецкую имперію неспособной сопротивляться Людовику и говорилъ, что послѣ Неймегенскаго мира невозможно вести войну противъ Франціи съ надеждой на успѣхъ, что имперія должна удовлетвориться отказомъ Людовика отъ дальнѣйшихъ захватокъ, уступивъ ему все то, что онъ взялъ. Фридрихъ Вильгельмъ досадовалъ на императора, не вступившагося за его интересы при заключеніи Неймегенскаго мира и боялся навлечь на себя гнѣвъ Людовика.—Духовные курфиреты были, подобно бранденбургскому, противъ войны, потому что знали: французы заняли бы ихъ владѣнія. Мелкіе государи и имперскіе города также хотѣли сохраненія мира. Такимъ образомъ нѣмецкій сеймъ въ августѣ 1683 сообщилъ королю французскому, что желаетъ продлить перемиріе подъ условіемъ сохраненія настоящихъ границъ. Турки въ это время осаждали Вѣну. Побѣды надъ ними измѣнили отношенія Габсбурговъ къ Людовику. Испанія объявила войну Франціи, Вильгельмъ Оранскій хотѣлъ всѣми силами помогать испанцамъ, говорилъ, что невозможно спокойно смотрѣть на оскорбительныя насилія французовъ и что очевиднымъ образомъ Людовикъ хочетъ поработить Европу. Но испанцы не могли удержаться противъ французовъ. Креки и Вобанъ взяли послѣ долгой осады крѣпость Люксембургъ. Всѣ силы императора были заняты войною съ турками, онъ не могъ послать войска на западъ. Нидерландскій союзный сеймъ объявилъ, что не принимаетъ участія въ воинственныхъ замыслахъ статгоудера. Нѣмецкій сеймъ заключилъ въ августѣ 1684 перемиріе съ Франціей на 20 лѣтъ; императоръ и король испанскій согласились на это перемиріе. По условіямъ

его всё захваченные Людовиком города и округа остались за ним; онъ обѣщался не нарушать ихъ прежнихъ религіозныхъ и политическихъ правъ, не дѣлать новыхъ присоединеній и не помогать венгерскимъ инсургентамъ.

Людовикъ не сдержалъ своихъ обѣщаній. Эльзасскіе протестанты подверглись преслѣдованіямъ, захваты продолжались. На островѣ Рейна близъ Гюнингена былъ построенъ фортъ и проведенъ мостъ съ острова на нѣмецкій берегъ; въ Лотарингіи французы заняли города и округа, которые называли ленами епископствъ мецкаго, тульскаго и верденскаго. Италия тоже испытала пренебреженіе Людовика къ справедливости. Герцогъ мантуанскій Фердинандъ Карль, нуждавшійся въ деньгахъ на свое распутство, продалъ Людовику крѣпость Казале, бывшую ключемъ къ Ломбардіи; министръ его Маттиоли, подкупленный австрійцами и испанцами, сообщилъ имъ свѣдѣнія о замыслахъ Людовика; французы схватили его, отвезли во Францію и онъ до конца жизни оставался тамъ въ темницѣ. (Онъ тотъ арестантъ Бастиліи, котораго называютъ Желѣзной маской.) Людовикъ уже давно сердился на Геную за ея преданность свободѣ и союзъ съ Габсбургами; въ маѣ 1684 приплылъ къ ней французскій флотъ и сталъ бомбардировать ее. Это длилось съ 17 до 28 числа; бомбы разрушили дворецъ дожей, арсеналъ и множество другихъ зданій; Генуя принуждена была отказаться отъ союза съ Испаніей и послать своего дожа съ четырьмя сенаторами въ Версаль просить извиненія за то, что прогнѣвили короля французскаго. Дожъ произнесъ эту унижительную рѣчь въ аудіенціи 12 января 1685. Людовикъ говорилъ, что Генуя—французскій ленъ, называлъ измѣной то, что генуэзцы строятъ военные корабли для Испаніи, даютъ займы ей. Дожъ просилъ прощенія въ этихъ преступленіяхъ. Людовикъ хотѣлъ, чтобы французскій флотъ владычествовалъ на всѣхъ моряхъ. Сеньелѣ, сынъ Колъбера, завѣдывавшій морскими дѣлами, строилъ множество военныхъ кораблей и самъ ѣздилъ управлять бомбардировкой Генуи.—Когда французскій посланникъ изложилъ папѣ причины наказанія Генуи, папа сталъ на колѣна и воскликнулъ: «Господи, защити дѣло Твое!» Людовикъ велѣлъ выбить медаль въ прославленіе своего торжества надъ Генуей.

II. АВСТРІЯ, ВЕНГРІЯ, ТУРЦІЯ.

Литература. Кромѣ книгъ, перечисленныхъ въ прежнихъ спискахъ, назовемъ: Mailath, Geschichte des österreichischen Kaiserthum (5 томовъ, Hamburg 1834—1850);—Priorati, Historia di Leopoldo (3 тома, Vienna 1670—1674); Continuazione del Historia di Leopoldo (Vienna, 1676);—Fontes rerum Austriacarum, томъ 27-й (Vindobonae, 1867);—Mémoires de Montecucculi (Amsterdam, 1756).

1. Трансильванскія дѣла.

Фанатизмъ Габсбурговъ губилъ благосостояніе во всѣхъ ихъ владѣніяхъ. Особенно ясно выказывается это въ исторіи венгерскаго королевства: Габсбурги такъ раздражали венгровъ, что угнетаемое населеніе искало защиты себѣ у турокъ, и два столѣтія Венгрія подвергалась военному опустошенію. Для подавленія реформаціи, Габсбурги помогали іезуитамъ селиться въ Венгріи и подавлять тамъ просвѣщеніе. Правда, іезуиты сами основывали школы; но цѣлью ихъ преподаванія была пропаганда папизма, а не серьезное образованіе. Друзья іезуитовъ прославляли кардинала Пазманди, архіепископа гранскаго, какъ распространителя просвѣщенія; дѣйствительно, онъ, пользуясь довѣріемъ Фердинанда II, основывалъ школы; но и онъ были предназначены только распространять папизмъ.

Австрійскіе Габсбурги называли себя королями венгерскими. Но страна на востокѣ отъ Дуная повиновалась султану, намѣстникъ котораго жилъ въ Пештѣ.

Князья трансильванскіе пріобрѣтали иногда очень большое значеніе, ловко пользовались борьбою австрійцевъ съ турками. Бочкай желалъ союза съ Австріей, заключилъ миръ съ Рудольфомъ, принудилъ турокъ заключить 20-ти лѣтнее жителя-торокское перемиріе. Но при ссорахъ между членами австрійской династіи власть ея надъ Венгріей не могла быть упрочена. Императоръ долженъ былъ платить султану дань за соблюденіе мира; магнаты повиновались ему лишь когда находили это выгоднымъ для себя или для своей партіи. По договору съ Бочкаемъ императоръ обязался уважать свободу вѣроисповѣданія венгерскихъ лютеранъ и реформатовъ, но притѣснялъ ихъ. Фердинандъ II получилъ венгерскую корону только подпавъ условія выбора, значительно ограничившія королевскую власть. Энергическій, но непостоянный въ своихъ мысляхъ Бетленъ Габоръ былъ въ Венгріи сильнѣе императора, который по условіямъ своего выбора не могъ держать въ Венгріи никакихъ войскъ кромѣ венгерскихъ, а венгры были на сторонѣ Бетлена Габора. Подъ конецъ жизни Бетленъ вступилъ въ союзъ со шведами. Онъ любилъ просвѣщеніе, покровительствовалъ искусству, пригласилъ въ Трансильванію лучшаго тогдашняго нѣмецкаго поэта Ондца, извѣстно говорившаго по латини, игралъ на лютнѣ и виолнѣ. Въ 1626 онъ женился на Катеринѣ Бранденбургской, но она не умѣла пріобрѣсти уваженіе трансильванцевъ. По смерти мужа въ 1629 году, она нѣсколько времени правила княжествомъ, но скоро принуждена была сложить съ себя власть.

Въ борьбѣ партій, волновавшей тогда Трансильванію, проложилъ себѣ путь къ власти Юрій Ракоци. Онъ сталъ на сторону противниковъ императора и призналъ султана покровителемъ Трансильваніи. Сеймъ княжества возложилъ на него обязанность быть вѣрнымъ Портѣ, потому что „помощь нѣмцевъ, народа медленнаго, слишкомъ далека“. Сынъ Фердинанда II, ставшій влослѣдствіи императоромъ Фердинандомъ III, былъ еще при жизни отца избранъ королемъ венгерскимъ. Іезуиты, которымъ покровительство-

валъ онъ, всячески притѣсняли венгерскихъ протестантовъ. Когда отецъ умеръ и онъ сдѣлался императоромъ (въ 1637 году), венгерскіе католики собрались въ Пресбургъ, объявили свое собраніе венгерскимъ сеймомъ, постановили, что миръ, заключенный съ Бочкаемъ, даетъ протестантамъ только свободу богослуженія, но не предоставляетъ имъ церквей и отняли у протестантовъ церкви во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были сильнѣе ихъ. Это раздражило венгровъ; а Торстенсонъ сильно тѣснилъ въ это время императора; Ракоци, упрочившій за собою расположеніе султана, воспользовался этими обстоятельствами и распространилъ свою власть на Венгрію. Трансильванскій сеймъ въ 1642 году выбралъ княземъ (то-есть, наслѣдникомъ княжескаго сана) его сына, котораго тоже звали Юрій. Въ слѣдующемъ году этотъ Юрій II женился на наслѣдницѣ всѣхъ имѣній дома Батори и фамиліи Ракоци стала самой богатой во всей Венгріи. Палатинъ Эстергази писалъ въ 1643 году Фердинанду III: „Населеніе остается нерасположено къ австрійскому дому, пока не будутъ удовлетворены его жалобы и основанныя на законахъ требованія; до той поры нечего ждать отъ венгровъ; они отвергаютъ всякія другія предложенія и жалуются, что ихъ притѣсняютъ и въ дѣлахъ вѣры и въ другихъ правахъ ихъ, и не исполняется ничего обещаннаго имъ и принятаго вашимъ величествомъ по акту выбора; потому дѣла дойдутъ до того, что или совершенно погибнетъ нація или будетъ произведенъ насильственнымъ образомъ какой-нибудь страшный переворотъ. Я уже много разъ говорилъ это, но затрудненія не устраниются, исполненіе моихъ совѣтовъ отлагается, а между тѣмъ безпорядокъ и раздраженіе умовъ грозно растутъ“. Императоръ оставлялъ безъ вниманія эти предостереженія. Въ началѣ слѣдующаго (1644) года Юрій I, заключивъ союзъ со шведами и французами, получивъ увѣреніе въ помощи султана, пошелъ въ Венгрію; протестантское дворянство приняло его какъ спасителя, провозгласило княземъ венгерскимъ; онъ объявилъ, что возстановитъ политическую и религіозную свободу. Торстенсонъ въ это время угрожалъ нашествіемъ на австрійскія земли. Фердинандъ старался поскорѣе помириться съ Ракоци и венграми; султанъ Ибрагимъ грозно велѣлъ Ракоци мириться и въ сентябрѣ 1645 былъ заключенъ въ Линцѣ договоръ, по которому Фердинандъ отдалъ Ракоци пять венгерскихъ комитатовъ и призналъ свободу протестантскаго богослуженія, возвратилъ протестантамъ отнятыя у нихъ 90 церквей и доходы, принадлежавшіе этимъ церквямъ.

Юрій I Ракоци умеръ (11 октября 1648 г.) вскорѣ по заключеніи вестфальскаго мира; княземъ Трансильваніи сдѣлался, какъ вассалъ турецкаго султана, сынъ его Юрій II. Австрійскіе войска были теперь свободны; Фердинандъ III хотѣлъ возстановить и расширить свою власть надъ Венгріей и въ 1655 году предложилъ собранному въ Пресбургѣ венгерскому сейму признать королевскій санъ наслѣдственнымъ. Право выбора короля существовало только на словахъ, но венгры считали его главнымъ обезпеченіемъ своей свободы; потому сеймъ рѣшительно отвергъ предложеніе Фердинанда и выбралъ королемъ (то-есть будущимъ королемъ) Леопольда, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ и съ прежними ограниченіями власти. Подписавъ условія выбора, Леопольдъ былъ коронованъ 27 іюня 1655 года. Черезъ два года Фердинандъ умеръ и Леопольдъ сталъ государемъ всѣхъ австрійскихъ владѣній.

Его царствованіе, продолжавшееся почти 50 лѣтъ (1657—1705), кончилось послѣ множества неудачъ побѣдой надъ всѣми врагами. Людовикъ очень долго тѣснилъ императора, захватывалъ нѣмецкія земли; турки прониклись прежнимъ воинственнымъ духомъ; въ Венгріи и Трансильваніи противозаконные поступки Леопольда возбуждали мятежи, которыми пользовался честолюбивый Юрій II Ракоци. — Леопольдъ, младшій сынъ, былъ предназначенъ для духовнаго званія и сдѣлавшись по смерти Фердинанда, старшаго брата, наслѣдникомъ отца, сохранилъ пристрастіе къ религіознымъ дѣламъ, внушенное ему воспитаніемъ. Онъ считалъ первой своей обязанностью искорененіе ереси, далъ іезуитамъ полную волю обращать еретиковъ въ католичество насиліемъ и обольщеніями. Венгерскіе протестанты раздражались; они преобладали на венгерскомъ сеймѣ; жалобы его раздосадовали Леопольда и онъ запретилъ сейму заниматься религіозными дѣлами, передалъ ихъ въ завѣдываніе комитатскимъ собраніямъ. Другой причиною ропота было то, что Леопольдъ ставилъ войска на квартиры у домохозяевъ съ обязанностью содержать солдатъ. Нѣмецкіе полки, размѣщенные по квартирамъ въ Горной Венгріи и Трансильваніи были ненавистны населенію, отчасти по національной антипатіи, но главнымъ образомъ потому, что подъ ихъ защитой іезуиты и другіе монахи угнетали протестантовъ.

Юрій II въ надеждѣ на богатство, дававшее ему средства набрать много наемниковъ, вздумалъ приобрести венгерскую корону; это казалось легко при недовольствѣ венгровъ Леопольдомъ. Ему ужъ удался другой честолюбивый планъ: вмѣшавшись въ ссоры между румынами, онъ сдѣлался княземъ Молдавіи и Валахіи. Короли шведскій и польскій, воевавшіе между собою, оба просили его помощи; онъ принялъ сторону шведовъ; это ввело его въ ссору съ татарами и султаномъ, порицавшимъ то, что турецкій данникъ началъ войну съ поляками безъ его согласія. Походъ его въ Польшу въ 1657 году былъ неудаченъ. Онъ принужденъ былъ въ іюлѣ заключить миръ на унижительныхъ условіяхъ. Полководецъ его Кемень, пошедшій съ другимъ войскомъ въ Подолію, былъ окруженъ татарами, союзниками поляковъ, и весь отрядъ былъ отведенъ въ рабство въ Крымъ; Ракоци долженъ былъ дать большую сумму за освобожденіе плѣнныхъ. Леопольдъ, заключившій союзъ съ королемъ польскимъ, готовился отнять у Ракоци уступленную ему часть Венгріи, а въ Трансильванію пріѣхалъ посолъ султана съ грознымъ приказаніемъ сейму низложить непокорнаго и коварнаго Ракоци, выбрать другаго князя. Ракоци безъ сопротивленія отказался отъ княжеской власти, рассчитывая, что послушаніемъ смягчитъ султана и черезъ нѣсколько времени будетъ возстановленъ. На свое мѣсто рекомендовалъ онъ сейму человека миролюбиваго, Редея, женатаго на племянницѣ Бетлена Габора. Ракоци рассчитывалъ, что Редей безъ борьбы уступитъ ему власть,

когда онъ возвратитъ себѣ милость султана. Трансильванскій сеймъ выбралъ Редея княземъ (2 ноября 1657) и просилъ непобѣдимаго императора константинопольскаго быть покровителемъ его.

Ракоци не сталъ дожидаться времени, когда султанъ проститъ его. Отправивъ пословъ съ деньгами въ Константинополь хлопотать за него, онъ съ отрядомъ секлеровъ пришелъ въ январѣ 1658 въ Медіанъ, гдѣ засѣдалъ сеймъ, и сказалъ: «Я буду княземъ или погибну здѣсь». Онъ имѣлъ такъ много приверженцевъ, что сеймъ провозгласилъ его снова княземъ. Въ Турціи царствовалъ тогда малолѣтній Мухаммедъ IV, дѣла были въ разстройствѣ, притомъ силы турокъ были заняты войною съ венеціанцами за Критъ; Ракоци, вѣроятно, рассчитывалъ, что турки не захотятъ обременять себя войною съ нимъ и удовольствуются деньгами отъ него. Но въ это время великимъ везиремъ назначенъ былъ энергическій Мухаммедъ Кеприли; онъ возстановилъ порядокъ, задумалъ возобновить прежнія турецкія завоеванія, отвѣчалъ Юрію Ракоци отказомъ и сталъ готовить войско къ походу на него. Предлогомъ послужило то, что Ракоци не исполнилъ приказанія отдать туркамъ крѣпость Йенѣ и отразилъ нашу офенскаго, пришедшаго взять ее. Впереди турецкаго войска ѣхали татары и козаки. Оно шло черезъ Молдавію и Валахію. Назначивъ тамъ новыхъ воеводъ (князей), Кеприли вошелъ въ Трансильванію, опустошая все на пути. Жители бѣжали въ укрѣпленные города или въ лѣса. Тейчъ говоритъ: «На одиннадцатое воскресенье послѣ Троицы, когда читается евангеліе о разрушеніи Іерусалима, татары сожгли два предмѣстья Кронштада; на слѣдующій день два другія; били, вязали всѣхъ, кого не зарѣзали, устроили рынокъ у Каменнаго моста (передъ однимъ изъ предмѣстій Кронштада) продавали взрослыхъ по десяти талеровъ, дѣтей за четыре подковы». Такъ было по всей Трансильваніи. Германштадъ и Клаузенбургъ откупились отъ гибели; но Вейсенбургъ былъ разграбленъ и сожженъ. Это шли еще только передовые отряды; черезъ нѣсколько времени пришелъ великій везиръ съ главными силами. По соединеніи всѣхъ отдѣловъ у него было болѣе 200.000 солдатъ, не знавшихъ пощады. Ракоци съ небольшимъ войскомъ ушелъ въ неприступные горные лѣса. Барчай, бывшій прежде правителемъ Трансильваніи и заслужившій тогда милость турокъ, пришелъ въ лагерь великаго везира подѣ крѣпостью Йенѣ просить пощады народу. Великій везиръ назначилъ его княземъ трансильванскимъ, увеличилъ дань султану съ 15.000 дукатовъ на 50.000, наложилъ 500.000 дукатовъ контрибуціи. Сеймъ, созданный въ Шесбургѣ, присягнулъ 11 октября 1658 на вѣрность новому князю. Азіатскія дѣла заставили великаго везира уйти; онъ взялъ съ собой саксонскаго графа (правителя нѣмецкой части Трансильваніи) Луча и двухъ вельможъ заложниками въ Константинополь.

Суровость, съ какою Мухаммедъ Кеприли возстановлялъ порядокъ въ Турціи, возбудила неудовольствіе начальниковъ областей; янычары и синды досадовали на то, что онъ прекратилъ ихъ буйство. Смѣлый авантюристъ Абаза Гасанъ воспользовался общимъ неудовольствіемъ, поднялъ въ Малой Азіи возстаніе; оно быстро распространилось. Муртаса-паша, пошедшій подавить его, былъ разбитъ въ кровопролитномъ сраженіи у Ильгуна и отступилъ съ остаткомъ войска въ Алеппо. Кеприли пришелъ туда, заманилъ къ себѣ Абазу Гасана, обѣщая ему милость султана. Припреніе было отпраздновано пиромъ у Кеприли, длившимся до полночи; внезапно былъ данъ сигналъ встрѣломъ изъ пущи; солдаты везира бросились на Абазу Гасана, убили его и 30 человекъ бывшихъ съ нимъ на пирѣ; другіе отряды напали на помещниковъ Абазы, стоявшихъ порознь въ городѣ, убили ихъ. Послѣ того были захватываемы инсургенты, оставшіеся по другимъ городамъ. Кеприли казнилъ ихъ и послалъ султану въ Константинополь 30 головъ пашей и беговъ.

Когда Кеприли ушелъ изъ Трансильваніи, Ракоци напалъ на Барчай, приобрѣлъ помощь Михнѣ, отважнаго и жестокаго воина, овладѣвшаго Валахіей и истреблявшаго своихъ противниковъ. Секлеры были за Ракоци; онъ имѣлъ много приверженцевъ и въ остальномъ населеніи. Барчай передалъ бы ему власть, если бы не получилъ помощи наши офенскаго. Татары въ сентябрѣ 1659 разбили Михнѣ подѣ Яссами; Кеприли назначилъ его врага Гикю княземъ валахскимъ. Онъ съ остатками войска ушелъ въ Трансильванію къ Ракоци. Сиди-Ахмедъ, наша офенскій, разбилъ ихъ 22 ноября (1659 года) у Деви (на рѣкѣ Марошѣ). Въ слѣдующемъ году весной Ракоци осадилъ Германштадъ, въ которомъ заперся Барчай. Сиди-Ахмедъ пошелъ съ большимъ войскомъ къ Германштаду. Ракоци двинулся на встрѣчу ему, имѣя 6.000 человекъ; у турокъ было 25.000; 22 мая войска встрѣтились у Самошфальвы (близъ Клаузенбурга); Ракоци съ отрядомъ 1.000 всадниковъ бросился на центръ непріятеля, разорвалъ нѣсколько рядовъ его, но былъ побѣжденъ многочисленностью враговъ и упалъ, получивъ четыре раны. Войско его обратилось въ бѣгство; онъ былъ привезенъ своими друзьями въ Гросвардейнъ и черезъ двѣ недѣли умеръ тамъ отъ ранъ. Сообщники его почти всѣ погибли въ сраженіи или настигнутые турками во время бѣгства; 4.000 головъ были отвезены въ Адрианополь; Кеприли велѣлъ бросить ихъ собакамъ. Сиди-Ахмедъ осадилъ Гросвардейнъ; но гарнизонъ и жители храбро оборонялись подѣ начальствомъ Кеменя (незадолго передъ тѣмъ возвратившагося изъ татарскаго плѣна). Осада длилась два мѣсяца; 30 августа (1660 года) крѣпость сдалась на капитуляцію. Барчай своею слабостью и притѣсненіями по сбору контрибуціи, наложенной турками, навлекъ на себя нерасположеніе народа и отказался отъ своего сана. Сеймъ выбралъ княземъ Кеменя (въ январѣ 1661). Турки не хотѣли признать его, угрожали новымъ нашествіемъ, если не будетъ возстановленъ Барчай. Кеменю было надобно принимать мѣры для сохраненія своей власти. Онъ велѣлъ

арестовать братьевъ Барчая, справедливо подозрѣваемыхъ въ изменческихъ сношеніяхъ съ турками; ихъ было два; Кемень мучилъ пытками и въ маѣ повѣсилъ младшаго, Андрея, потомъ тайно убилъ и старшаго. У Леопольда стояло нѣсколько нѣмецкихъ полковъ подъ начальствомъ графа Де-Суша въ венгерскихъ городахъ по трансильванской границѣ. Кемень вошелъ въ сношенія съ императоромъ, прося помощи противъ турокъ. Онъ былъ католикъ, потому императоръ обѣщался помогать ему.

Наглость турокъ была такъ велика, что императоръ при всемъ желаніи уклоняться отъ войны съ ними принужденъ былъ начать ее. Татары и другіе иррегулярныя войска турокъ грабили Трансильванію. Паша офенскій въ сентябрѣ 1661 назначилъ княземъ трансильванскимъ венгерскаго магната Михаила Апафи, долго жившаго въ плѣну у татаръ, человека невоинственнаго, принявшаго жестокій санъ противъ желанія, и принудилъ трансильванскій сеймъ признать его. Очевидно было, что турки не хотятъ довольствоваться прежней вассальной зависимостью Трансильваніи отъ нихъ, хотятъ присоединить ее къ непосредственнымъ владѣніямъ султана. Императоръ не могъ допустить этого, потому что иначе турки отняли бы у него сосѣднюю горную часть Венгріи, остававшуюся подъ его властью. Онъ хотѣлъ достигъ соглашенія съ султаномъ переговорами; но великій везирь отвѣчалъ его посламъ грубымъ отказомъ. Онъ послалъ на средній Дунай и на Тису два войска; однимъ начальствовалъ знаменитый полководецъ Монтекукколи, другимъ графъ Штаренбергъ, обязанный исполнять его распоряженія. Монтекукколи хотѣлъ дѣйствовать энергически, сдѣлалъ всѣ приготовленія къ переходу черезъ Дунай, думалъ осадить Гранъ и Офенъ. Но австрійское правительство не любило смѣлости. Монтекукколи въ своихъ Мемуарахъ горько жалуется на то, что придворный военный совѣтъ парализовалъ своими инструкціями всѣ планы его. Ему велѣно было идти въ Горную Венгрію; онъ нашелъ тамъ магазины пустыми, населеніе враждебнымъ, такъ что отъ болѣзней и недостатка продовольствія погибло у него больше солдатъ, чѣмъ было бы убито въ большомъ сраженіи. Онъ бездѣйственно стоялъ въ Клаузенбургѣ, между тѣмъ какъ Али Паша стянулъ свое войско въ Вашаргель и пошелъ оттуда опустошать и покорять Трансильванію. Народъ въ отчаяніи просилъ Кемень передать княжескій санъ Апафи. Но Кемень упрямился, надѣясь на помощь австрійцевъ. Монтекукколи прислалъ ему только 2.000 человекъ и въ сраженіи при Шесбургѣ 23 іюня 1662 онъ былъ разбитъ; спасаясь бѣгствомъ отъ турокъ, онъ упалъ въ болотистой мѣстности и былъ растоптанъ лошадьми.

2. Сраженіе при Санктъ-Готтардѣ.—Вашварскій миръ.

Императоръ не могъ признать Апафи княземъ трансильванскимъ; еще меньше можно было ожидать уступчивости отъ султана. Мухаммедъ Кѣприли умеръ 1 ноября 1661, незадолго до шесбургскаго сраженія. Въ свое пятилѣтнее везирство онъ казнилъ 36.000 человекъ. Построеніе новыхъ дарданелльскихъ замковъ показываетъ, что онъ считалъ возможнымъ нападеніе европейцевъ на Константинополь. Великимъ везиремъ послѣ него сталъ сынъ его Ахмедъ Кѣприли, взявшій отца за образецъ себѣ, хотѣвшій завоевать Критъ и обратить Трансильванію въ непосредственное владѣніе султана. Онъ сдѣлался везиремъ, имѣя только 31 годъ, былъ разсудителенъ и энергиченъ. Австрійское правительство, дѣйствовавшее робко, не могло успѣшно вести войну противъ такого врага. Дѣлами въ Австріи управлялъ любимецъ Леопольда графъ Порція, человекъ ограниченный; онъ все еще полагалъ, что можно предотвратить войну, когда Ахмедъ Кѣприли ужъ велъ черезъ Эссекъ и Бѣлградъ въ Офенъ войско, состоявшее больше чѣмъ изъ 200.000 человекъ; везирь заявилъ посламъ императора такія требованія, которыя были равнозначительны объявленію войны. Австрійцы наконецъ увидѣли, что должны обороняться; ихъ войско было малочисленно сравнительно съ турецкимъ; приготовленія къ войнѣ были очень плохи. Де Сушъ, Монтекукколи, Петръ Зрини и его братъ Николай были посланы подъ начальствомъ Монтекукколи противъ турокъ, но ихъ отряды были слабы и дѣйствовали безъ соглашенія между собою; венгерская милиція была набрана изъ поселянъ, не обученныхъ военному дѣлу и желавшихъ уйти домой. Имперская армія, данная Леопольду нѣмецкимъ сеймомъ, была еще далеко; Янъ Казиміръ польскій былъ занятъ другой войной и не могъ прислать обѣщанной помощи. Императорскій дворъ переѣхалъ въ Линцъ, считая себя небезопаснымъ въ Вѣнѣ. Графъ Форгачъ, ставшій у Грана, чтобы не допустить турокъ перейти Дунай, былъ отраженъ въ августѣ 1663; великій везирь велѣлъ изрубить 1.200 плѣнныхъ; императорскій посолъ Гоеъ, котораго насильно велъ съ собой везирь, долженъ былъ смотрѣть на это. Въ половинѣ августа турки осадили Ваггейзель; малочисленный гарнизонъ храбро отбивалъ штурмы, но принужденъ былъ 24 сентября сдать крѣпость. Кѣприли объявилъ, что даетъ протестантамъ свободу богослуженія; это склонило многихъ венгровъ принять сторону турокъ. Ахмедъ взялъ Нейтру, Фрейштадъ, Новиградъ. Турецкіе и татарскіе отряды доходили до Брюнна и Ольмюца, грабили, брали контрибуціи. Монтекукколи принималъ мѣры для обороны Пресбурга и острова Шютта; но не столько онъ, сколько зимніе холода остановили Ахмеда.

Во время зимы графъ Николай Зрини, банъ кроатскій, человѣкъ очень отважный, дѣлалъ изъ своего замка Зеринвара набѣги на турокъ по направленіямъ къ югу и востоку, сжегъ Эссекскій мостъ. Леопольдъ въ концѣ года пріѣхалъ въ Регенсбургъ просить помощи у имперскаго сейма; нѣмцы дали ему больше войска, чѣмъ въ прежніе годы и назначили субсидію въ размѣрѣ трехъ единицъ счета, называвшихся римскими мѣсяцами. Главнокомандующимъ имперской арміи былъ назначенъ Вильгельмъ Леопольдъ, маркграфъ баденскій. Людовикъ XIV, какъ владѣтель Эльзаса, послалъ 4.000 человѣкъ пѣхоты и 2.000 человѣкъ конницы подъ начальствомъ графа Колинны.

Такимъ образомъ у императора было теперь достаточно войска. Кёприли пришелъ въ Бѣлградъ, велѣлъ строить мостъ у Эссека; прежде чѣмъ пришелъ онъ на помощь войску, остававшемуся на зиму въ Венгріи, Де Сущъ взялъ Нейтру; императорское войско пошло на пашу офенскаго, стоявшаго у Левенца; Зрини, дѣйствовавшій слишкомъ отважно, былъ въ маѣ и юнѣ разбитъ великимъ везиремъ подъ Канишей и Зеринваромъ; но храбрость, съ какою сражался онъ, ободрила императорскую армію. Де Сущъ разбилъ 10 іюля офенскаго пашу подъ Левенцемъ; тутъ было убито 6.000 турокъ и татаръ; въ числѣ ихъ находились паша офенскій, нейгейзельскій, эрлаускій; австрійцы взяли турецкую артиллерію и весь обозъ, въ которомъ нашли множество добычи, награбленной турками; каждому солдату досталось много денегъ. Монтекукколи, императорскій главнокомандующій, далъ 1 августа 1664 г. битву великому визирю у монастыря Санктъ-Готтарда (на правомъ берегу Рааба); турецкая армія, состоявшая изъ 45.000 отборныхъ солдатъ, была совершенно разбита; множество турокъ было убито или утонуло въ Раабѣ. Давно христіане не одерживали такой побѣды надъ мусульманами.

Но результаты ея были маловажны. Австрійское правительство знало, что имперская армія и французы скоро уйдутъ; ему было извѣстно раздраженіе венгровъ противъ него; потому оно спѣшило кончить войну, вступило въ переговоры съ великимъ визиремъ и въ августѣ 1664, начавшемся великой побѣдой, было заключено въ Ваварѣ унизительное для побѣдителей перемиріе на 20 лѣтъ. Австрійцы и турки остались владѣющими тѣмъ, чѣмъ владѣли во время переговоровъ и выгода отъ перемирія или, по тогдашнему названію, мира ограничилась для австрійцевъ тѣмъ, что они избавились отъ нападеній турокъ. Императоръ призналъ Анафи княземъ трансильванскимъ, далъ султану подъ названіемъ добровольнаго подарка контрибуцію въ 200.000 гульденовъ. Нейгейзель, находящійся очень близко отъ Вѣны, остался въ рукахъ турокъ. Нѣмецкіе государи не годовали на постыдный миръ, заключенный безъ ихъ согласія.

3. Возстанія въ Венгріи.

Венгры негодовали на самовластіе Леопольда. Магнаты говорили: въ коронаціонной присягѣ король обѣщался объявлять войну и заключать миръ не иначе какъ съ согласія сейма, а теперь самовластно заключаетъ съ султаномъ договоръ, отдающій венгерское королевство въ добычу имъ обоимъ. Даже палатинъ Веселени и преданный императору архіепископъ гранскій Липзай находили, что такой миръ хуже войны. Князь Лобковицъ, сдѣлавшійся по смерти графа Порціи вліятельнѣйшимъ министромъ Леопольда, пригласилъ нѣсколькихъ магнатовъ въ Вѣну объяснить имъ, почему императоръ правъ. Это было нарушеніемъ законовъ, по которымъ совѣщанія о дѣлахъ Венгрии должны были происходить въ ней, а не за границей, и ропотъ усилился. Императоръ посылалъ на Тису и въ Горную Венгрію новыя нѣмецкія войска; венгры видѣли въ этомъ доказательство его намѣренія подавить свободу ихъ. Вѣнскіе придворные говорили, что императоръ сорветъ перья со шляпъ венгровъ, серебряныя пуговицы съ ихъ одежды, наложить ярмо и узду на нихъ. Просьба венгровъ объ удаленіи нѣмецкихъ войскъ, ненужныхъ по заключеніи мира, осталась напрасна. Народъ такъ ненавидѣлъ нѣмецкихъ солдатъ, что они не смѣли показываться порознь на улицахъ, чтобы не быть побитыми. Вошли въ употребленіе слова: «лучше быть подъ турецкой властью, чѣмъ подъ австрійской». Въ особенности серьезно говорили это протестанты, пользовавшіеся въ турецкой части Венгрии свободой богослуженія, а въ австрійской подвергавшіеся гоненію.

Зрини, Веселени, Надашди, Франджипани и нѣкоторые другіе могущественные магнаты, съѣхавшись на свадьбу Франциска Ракоци (сына Юрія) съ Еленою Зрини, составили заговоръ для возстановленія національной свободы; они хотѣли схватить Леопольда, когда онъ поѣдетъ встрѣчать свою невѣсту, и держать его подъ арестомъ, пока онъ удалитъ враждебныхъ венграмъ министровъ, выведетъ изъ Венгрии нѣмецкія войска, утвердитъ свободу богослуженія. Но императоръ поѣхалъ не той дорогой, на которой подстерегали его. Заговорщики обратились черезъ Анафи къ великому везирю съ просьбой о помощи. Но Ахмедъ Кёприли, занятый завоеваніемъ Крита, не хотѣлъ нарушать миръ съ Австріей. Императорскій посланникъ въ Константинополь, Казанова узналъ отъ драгомана Порты о просьбѣ венгерскихъ магнатовъ и сообщилъ это своему правительству; оно рѣшило наказывать заговорщиковъ, но должно было выжидать удобнаго случая, потому что они были очень сильны. Лобковицъ окружилъ ихъ шпионами, чтобы достать улики противъ нихъ.

Они сначала думали только о возстановленіи законныхъ правъ венгерской націи, но по смерти Веселени (28 марта 1667) исчезло

патріотическое безкорыстіе, которое поддерживалъ онъ между ними. У нихъ явились стремленія къ личнымъ выгодамъ и разстроили единодушіе ихъ. Петръ Зрини, получившій по смерти брата должность бана кроатскаго, мечталъ сдѣлаться королемъ Венгріи подъ верховной властью султана и доставить своему зятю, Франциску Ракоци, санъ князя трансильванскаго, принадлежавшій отцу его. Надашди надѣялся сдѣлаться палатиномъ. Протестанты недовѣряли Ракоци, потому что его мать Софія покровительствовала іезуитамъ и принуждала протестантовъ въ своихъ владѣніяхъ принимать католичество. Но продолжались приготовленія къ возстанію; Зрини и Ракоци вербовали наемниковъ. Штирійскій вельможа Таттенбахъ, имѣвшій помѣстья въ южной Венгріи, и Франджипани собирали войска на югъ королевства, графы Надашди и Иштванъ (Стефанъ) Тёкель въ горной Венгріи; заговорщики вступили въ сношенія съ Людовикомъ XIV, продолжали переговоры съ турками. Лобковицъ слѣдилъ за ними, но еще не зналъ ни именъ всѣхъ соучастниковъ заговора, ни подробностей ихъ замысловъ. Онъ былъ увѣренъ, что они хотятъ отдѣлать Венгрію отъ Австріи; но на вопросы его агентовъ, развѣдывавшихъ о цѣли вооруженій, заговорщики отвѣчали только, что венгры желаютъ удаленія нѣмецкихъ войскъ и свободы богослуженія для всѣхъ вѣроисповѣданій. Лобковицъ, ненавидѣвшій венгровъ и протестантство, посылалъ новые нѣмецкіе полки въ Венгрію. Наконецъ, одинъ изъ людей, служившихъ у Таттенбаха, доставилъ вѣнскому правительству документы, на основаніи которыхъ можно было предать заговорщиковъ суду. Это были письма, въ которыхъ находились имена всѣхъ магнатовъ, участвовавшихъ въ заговорѣ. Императоръ послалъ графовъ Шпорка и Шпанкау съ нѣсколькими нѣмецкими полками схватить заговорщиковъ. Наемники Зрини, не получая жалованья, почти всѣ разошлись, онъ увидѣлъ себя въ невозможности сопротивляться, обратился къ императору съ просьбой о помилованіи; Лобковицъ обманулъ его и Франджипани коварными увѣреніями въ милости императора. Они поѣхали въ Вѣну, но на дорогѣ остановились у своего знакомаго, магната Кери; онъ изъ разговоровъ съ ними замѣтилъ, что они колеблются: продолжать ли имъ путь, не лучше ли вернуться; сообщилъ объ этомъ въ Вѣну, получилъ приказаніе арестовать ихъ и привезти въ Вѣну подъ стражей. Онъ привезъ ихъ (въ апрѣлѣ 1670), и была учреждена коммиссія для суда надъ ними, Надашди, Ракоци и Таттенбахомъ. Обвиненные были приговорены къ смертной казни. Кромѣ Зрини и Франджипани, въ рукахъ правительства находился теперь Надашди, взятый въ плѣнъ графомъ Шпанкау. Всѣ трое они были казнены въ Вѣнскомъ Нейштадтѣ 30 апрѣля 1671. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ казненъ въ Грацѣ Таттенбахъ, въ замкѣ котораго нашли 6.000 ружей. Францискъ Ракоци поднялъ возстаніе въ Трансильваніи, по вскорѣ

сталъ просить помилованія; оно было дано ему изъ уваженія къ его матери, пользовавшейся расположеніемъ двора; онъ только долженъ былъ уплатить большой штрафъ и подчиниться нѣкоторымъ ограниченіямъ въ распоряженіи своими имѣніями. Иштванъ Тёкель къ этому времени ужь умеръ; сынъ его Эммерикъ и нѣкоторые другіе венгерскіе магнаты бѣжали въ Трансильванію.

Лобковицъ воспользовался заговоромъ нѣсколькихъ вельможъ для того, чтобъ подавить національныя права всего венгерскаго народа. Онъ сталъ поступать съ Венгріей, какъ съ завоеванной страной, учредилъ въ Пресбургѣ коммиссію для суда надъ людьми, подозрѣваемыми въ нерасположеніи къ австрійской власти, говорилъ, что вступающій противъ короля подобенъ мотыльку, летящему въ огонь свѣчи. Темницы наполнились арестованными; не было конца казнямъ и конфискаціямъ. Для содержанія нѣмецкихъ войскъ въ Венгріи были установлены налоги безъ согласія сейма; высокія таможенныя пошлины затрудняли вывозъ продуктовъ сельскаго хозяйства изъ Венгріи; пошлина съ съѣстныхъ припасовъ легла тяжелымъ бременемъ на массу населенія. Начальники войска получили такія полномочія, что все управленіе было подчинено имъ. Высшія должности были отданы нѣмцамъ, санъ палатина былъ отиѣненъ; правителемъ Венгріи былъ назначенъ съ титуломъ генераль-губернатора гроемейстеръ германскихъ владѣній Нѣмецкаго ордена Амбригеръ, грубый и жестокій солдатъ; были учреждены церковныя трибуналы, дѣйствовавшіе подобно испанской инквизиціи. Протестантскіе священники, не обольщавшіеся наградами за отступничество, были вмѣстѣ съ семействами бросаемы въ темницы, ссылаемы сотнями на галеры въ Триэсть и Неаполь. Протестантскія церкви были отданы католикамъ; у протестантовъ отнимали дѣтей; словомъ, въ Венгріи дѣлалось то же самое, что за 50 лѣтъ передъ тѣмъ въ Богеміи. Было рѣшено ввести абсолютизмъ, бюрократическій произволъ, упрочить эту систему военнымъ терроризмомъ, Лобковицъ и посланный въ Венгрію императорскимъ комиссаромъ Коппъ не знали пощады. Толпы солдатъ ходили по селеніямъ, отнимали хлѣбъ и скотъ, били мужчинъ, насиловали женщинъ.

4. Возстаніе Текеля. Осада Вѣны.

Свирѣпое угнетеніе довело народъ до отчаянія. Въ горной Венгріи стали собираться вооруженныя толпы для сопротивленія буйству и грабежу солдатъ. Австрійцы называли этихъ инсургентовъ куруцами, по воспоминанію о средневѣковыхъ возстаніяхъ венгерскихъ простолюдиновъ, которыхъ называли этимъ именемъ. Дворяне бѣжали

отъ нѣмецкихъ судей въ Трансильванію; вожди ихъ Францискъ Ракоци, Эммерикъ Тёкель и Михаилъ Телеки вошли черезъ Апафи въ сношенія съ турками. Великій везиръ обѣщалъ имъ помощь. Между тѣмъ началась война у императора съ Людовикомъ. Леопольдъ убѣдился наконецъ, что Лобковицъ, продавшись королю французскому, поступаетъ измѣннически и 17 октября 1674 г. удалилъ его изъ Вѣны, велѣлъ ему безвыѣздно жить въ его богемскомъ имѣнии Раудницъ (точнѣе: Роудницъ, Raudnic). Но судьба Венгріи не улучшилась отъ этого. Пользуясь тѣмъ, что главные силы австрійцевъ заняты войной на западѣ, Эммерикъ Тёкель поднялъ возстаніе въ Горной Венгріи. Скоро у него составилось большое войско. Онъ былъ отваженъ, привлекалъ къ себѣ добродушіемъ и любезностью. Ахмедъ Кёприли передъ тѣмъ временемъ умеръ, великимъ везиремъ сталъ мужъ его сестры Кара Мустафа, желавшій поровняться славой побѣдъ съ нимъ и тестемъ, потому охотно обѣщавшійся помогать венгерскимъ инсургентамъ. Людовику XIV было выгодно возстаніе, отвлекавшее императорскія войска съ Рейна; онъ обѣщалъ венгерскимъ патриотамъ помощь деньгами и войскомъ; французскій посланникъ въ Варшавѣ маркизъ Бетюнъ былъ посредникомъ между своимъ королемъ и инсургентами. Они прогнали австрійскія войска изъ Горной Венгріи. Маркизъ Боанъ (Boham) привелъ къ Тёкелю польскихъ наемниковъ, на вербованныхъ на французскія деньги; при ихъ помощи Тёкель взялъ Кремницъ и Шемницъ; изъ золота, найденнаго тамъ, онъ чеканилъ дукаты; на однихъ былъ его портретъ съ надписью «за вѣру и свободу», на другихъ была надпись, называвшая Людовика XIV покровителемъ венгровъ. Инсургенты готовились идти на Пресбургъ.

Австрійское правительство созвало въ Пресбургъ тѣхъ магнатовъ, которые были преданы ему. Но и они потребовали восстановления законныхъ правъ венгерскаго народа. Канцлеръ Гохеръ отвѣчалъ имъ на это такъ оскорбительно, что они разѣхались. По заключеніи Неймегенскаго мира, въ Венгрію пришли новыя австрійскія войска; Тёкель былъ оттѣсненъ за Тису, ушелъ въ Трансильванію. Вѣнскій дворъ не хотѣлъ теперь и слышать объ уступкахъ; переговоры въ Тирнау съ инсургентами кончились только заключеніемъ перемирія на два года. Обѣ стороны остались во владѣніи тѣми частями Венгріи, какія занимали во время переговоровъ. Это было въ 1679 году. За три года передъ тѣмъ, 8 іюля 1676, умеръ Францискъ Ракоци. Вдова его Елена Зрини, имѣвшая огромныя владѣнія, вышла за Тёкеля. Онъ, какъ вотчимъ ея малолѣтняго сына Франциска I Ракоци, сталъ главою многочисленныхъ приверженцевъ фамиліи Ракоци. Вѣнское правительство понимало, что онъ сдѣлался теперь очень опасенъ. При томъ Ибрагимъ, паша офенскій, помогавшій ему, султанъ обѣщалъ назначить его королемъ венгерскимъ, а

между тѣмъ Людовикъ дѣлалъ захваты. Потому вѣнское правительство нашло надобнымъ сдѣлаться уступчивымъ. Въ ноябрѣ 1681 г. Леопольдъ созвалъ венгерскій сеймъ въ Эденбургъ и обѣщалъ возстановить санъ палатина, отменить налоги, введенные безъ согласія сейма, отдать высшія должности венграмъ, возвратить законныя права протестантамъ, постепенно вывести нѣмецкія войска, возстановить прежнюю венгерскую милицію, дать амнистію эмигрантамъ и изгнанникамъ, если они присягнутъ на вѣрность.

Тёкель и другіе инсургенты недовѣряли этимъ обѣщаніямъ, полагая, что австрійцы возобновятъ прежнія притѣсненія по прекращеніи опасной войны съ Людовикомъ и съ турками; въ особенности невозможно было надѣяться на прочность обѣщаній относительно свободы вѣроисповѣданій; потому Тёкель не поѣхалъ на сеймъ, а послалъ письмо, въ которомъ отъ имени «магнатовъ, дворянъ и воиновъ, находящихся въ изгнаніи за славу Божию и свободу отечества», убѣждалъ сеймъ не поддаваться обману. Турецкое правительство стало помогать ему, прислало знамя, бунчукъ и признало его княземъ Венгріи. Турки предлагали ему титулъ короля, но онъ не принималъ его. По окончаніи срока перемирія собралось къ Тёкелю большое войско, онъ пошелъ въ горную Венгрію; турки прислали ему отрядъ своего войска и лѣтомъ 1682 онъ бралъ городъ за городомъ, овладѣлъ и сильными крѣпостями Кашау, Эперѣшемъ, Фюлекомъ. На его знамени была надпись: «За вѣру и свободу». Въ началѣ 1683 депутаты горной Венгріи присягнули ему какъ «князю и правителю Венгріи». Онъ послалъ 20.000 дукатовъ въ дань султану. Видно было, что турки рѣшили возобновить войну; австрійское правительство хотѣло предотвратить ее, но послать его были объявлены такія требованія, которыхъ не могло оно принять. Султанъ хотѣлъ, чтобъ австрійскій государь платилъ ему 500.000 гульденовъ ежегодной дани, разрушилъ всѣ крѣпости по дорогѣ къ Вѣнѣ, удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ венгровъ и далъ амнистію инсургентамъ. Австрійцы прекратили переговоры.

Весною 1683 Мухаммедъ IV сдѣлалъ на полѣ у Адрианополя смотръ войску, собранному для похода. Во время смотра разразилась гроза; нѣкоторые говорили, что это предвѣщаетъ неудачу. Султанъ самъ проводилъ армію до Бѣлграда, оттуда повелъ ее Кара Мустафа. Въ ней было больше 200.000 человекъ. Въ Эссекѣ пришелъ къ ней Тёкель и сталъ проводникомъ ея; она шла на Вѣну и, не встрѣчая сопротивленія, дошла до австрійской границы. Карлъ Лотарингскій стоялъ на Лейтѣ, защищалъ переходъ черезъ нее; но войско его было слабо, турки оттѣснили его и въ началѣ іюля подступили къ Вѣнѣ. Дворъ бѣжалъ въ Линцъ и тревожно ожидалъ помощи, обѣщанной нѣмецкимъ сеймомъ и Яномъ Собѣскимъ, королемъ польскимъ. Коммендантъ Вѣны, Эрнстъ Рюдигеръ графъ Штарембергъ,

ежегъ предмѣстья, чтобы непріятель не воспользовался домами ихъ для облегченія себѣ приступовъ. Турки въ половинѣ іюля начали штурмовать Вѣну; но, благодаря храбрости гарнизона и горожанъ, отчасти и недостатку искусства у турецкихъ генераловъ и инженеровъ, приступы были отбиваемы въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Къ Вѣнѣ пришли нѣмецкая имперская армія и многочисленное польское войско, которымъ начальствовалъ самъ Собѣскій. Соединившись съ войскомъ Карла Лотарингскаго, они дали туркамъ битву 12 сентября 1683. Правымъ крыломъ христіанской арміи начальствовалъ Собѣскій, лѣвымъ Карлъ Лотарингскій, центръ занимали войска нѣмецкихъ государей; ими начальствовали курфирсты баварскій и саксонскій. Послѣ кровопролитнаго боя, длившагося шесть часовъ, турки были разбиты; 10.000 ихъ легло на полѣ сраженія; христіане овладѣли ихъ лагеремъ, взяли въ немъ громадную добычу, захватили артиллерію побѣжденных; турки торопливо отступали за Раабъ, опустошая страну, ушли въ Бѣлградъ. — Побѣду приписывали искусству Яна Собѣскаго и храбрости поляковъ. На благодарственномъ молебствіи въ соборѣ Св. Стефана проповѣдникъ взялъ текстомъ своей рѣчи слова евангелія: «Былъ человекъ, посланный отъ Бога, и имя его было Іоаннъ.» — Кара Мустафа хотѣлъ сложить съ себя на другихъ вину въ неудачѣ; для этого казнилъ пашей офенскаго и гранскаго. Но въ Бѣлградѣ ему отрубили голову по приказанію султана.

Австрійцы шли впередъ по Венгріи; венеціанцы, вступившіе въ союзъ съ императоромъ, одержали побѣды надъ турками въ Далмаціи, Моревѣ, Средней Греціи. — Леопольдъ выказалъ неблагодарность къ государямъ, помощь которыхъ спасла его: курфирстъ саксонскій былъ такъ оскорбленъ его холодною, что немедленно уѣхалъ изъ Вѣны; даже относительно Яна Собѣскаго были соблюдаемы оскорбительныя формы этикета: Леопольдъ не считалъ его равнымъ себѣ, потому что онъ не наслѣдственный, а выборный король. Неблагодарность Леопольда не охладила усердія Собѣскаго къ защитѣ Европы отъ турокъ. Преслѣдуя ихъ, онъ потерпѣлъ неудачу 7 октября въ сраженіи при Парканахъ, но черезъ два дня, 9 октября одержалъ блистательную побѣду. Турки бѣжали по повѣнному мосту; онъ подломился и тысячи ихъ утонули. Соединившись съ Карломъ Лотарингскимъ, Собѣскій осадилъ Гранъ и 25 октября взялъ его. Послѣ того возвратился въ Польшу. Въ слѣдующемъ (1684) году Карлъ Лотарингскій взялъ Вайценъ и лѣтомъ осадилъ Офенъ; но укрѣпленія города были сильны, многочисленный турецкій гарнизонъ отбилъ всѣ приступы, и послѣ осады, длившейся три съ половиною мѣсяца, австрійцы, потерпѣвъ большой уронъ, отступили.

5. Покореніе Венгріи. Терроризмъ.

Вѣнскій дворъ хотѣлъ продолжать войну и отвергъ предложенія турокъ, желавшихъ мира. Въ слѣдующемъ (1685) году герцогъ лотарингскій взялъ штурмомъ Нейгейзель, фельдмаршалъ Капрара вытѣснилъ Тѣкеля изъ горной Венгріи. Въ 1686 году австрійцы осадили Офенъ; Абдуррахманъ, паша офенскій защищался храбро и упорно. Осада длилась все лѣто. Герцогъ лотарингскій отразилъ турецкую армію, шедшую на помощь Офену. Стѣны крѣпости были во многихъ мѣстахъ разрушены, гарнизонъ ея уменьшился такъ, что въ немъ оставалось только 2.000 человекъ и 2 сентября австрійцы взяли Офенъ штурмомъ. Тѣло Абдуррахмана, покрытое ранами, было найдено подъ грудой убитыхъ турокъ. Такимъ образомъ столица Венгріи, находившаяся 145 лѣтъ во владѣніи турокъ, была возвращена подъ власть Габсбурговъ. — Около того же времени былъ взятъ Мункачъ, въ которомъ нѣсколько мѣсяцевъ оборонялась съ величайшей храбростью жена Тѣкеля. Вся горная Венгрія была покорена. — Жена Тѣкеля съ дѣтьми была отвезена въ Вѣну, старшій сынъ ея Францискъ II Ракоци былъ отданъ императоромъ на воспитаніе іезуитамъ.

Австрійское правительство какъ будто желало раздѣлить съ французскимъ славу истребленія еретиковъ; оно подвергло венгерскихъ протестантовъ свирѣпому гоненію; но еще дѣятельнѣе занялось оно истребленіемъ своихъ политическихъ противниковъ, подготавливая казни отмѣну венгерской конституціи. Въ февралѣ 1687 была учреждена въ Эперіэшѣ судебная коммиссія подъ предѣлательствомъ Каараффы, неаполитанскаго вельможи, генерала австрійской службы. Она свирѣпствовала подобно совѣту мятежей герцога Альвы, подвергала обвиненныхъ пыткамъ, конфисковала имущество магнатовъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи инсургентамъ, казнила всѣхъ инсургентовъ, попадавшихъ въ руки ей. Пользуясь впечатлѣніемъ ужаса, распространеннаго этимъ терроризмомъ, Леопольдъ созвалъ въ Пресбургъ венгерскій сеймъ и вынудилъ у него согласіе на отмѣну права венгровъ выбирать короля и права ихъ сопротивляться силой оружія противозаконнымъ дѣйствіямъ правительства. Венгерскій престолъ былъ объявленъ наслѣдственнымъ въ династіи Габсбурговъ; изъ Золотой Буллы, соблюдающую которую присягалъ новый король при своемъ коронованіи, была выброшена статья о правѣ вооруженнаго сопротивленія. Свобода вѣроисповѣданія не была формально отмѣнена, но іезуитамъ былъ данъ просторъ дѣйствовать и хитростью и насиліемъ; жалобы протестантовъ на притѣсненія были оставляемы безъ вниманія. Число протестантовъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину.

Въ 1687 году великій везиръ Сулейманъ пошелъ изъ Эссека на Офену; но при Могачѣ, гдѣ за 161 годъ передъ тѣмъ погибъ послѣдній венгерскій король и турки одержали побѣду, давшую имъ владычество надъ Венгріей, герцогъ Карлъ и маркграфъ Людвигъ Баденскій разбили турецкую армію. Послѣ того они взяли Эссеку, отняли у турокъ Славонію и Кроацію. Извѣстіе о могачской побѣдѣ привезъ императору принцъ Евгений Савойскій, бывшій помощникомъ (генераль-лейтенантомъ) Людвигъ Баденскаго.

Австрийцы пошли въ Трансильванію; пока княземъ ея былъ давнишній султана, Венгрія не могла быть безопасна отъ турецкихъ нападений. Успѣху императорскихъ генераловъ помогло то, что вожди трансильванскихъ вельможъ ссорились между собой; турки стали подозрѣвать Тёкеля въ измѣнѣ, винили его въ своихъ пораженіяхъ, заковали въ цѣпи и отвезли въ Константинополь. Но султанъ скоро убѣдился въ его вѣрности и отпустилъ его въ Венгрію. Австрийцы, какъ мы говорили, отгѣснили его въ Трансильванію. Пока Апафи оставался на сторонѣ турокъ, Тёкель имѣлъ свободу готовить удобства для вторженія турокъ изъ Трансильваніи въ Венгрію; но Апафи нашелъ выгоднымъ для себя вступить въ переговоры съ императоромъ; тогда положеніе Тёкеля измѣнилось. Въ молодости онъ былъ друженъ съ графомъ Телеки и просилъ руки его дочери, но черезъ нѣсколько времени возвратилъ ей обручальное кольцо и сталъ женихомъ Елены Зрини. Телеки сдѣлался врагомъ его. Теперь Телеки пользовался большимъ вліяніемъ на безхарактернаго Апафи. Онъ желалъ отмстить Тёкелю; потому императорскій генералъ Караффа, человекъ хитрый, безъ труда склонилъ его дѣйствовать въ пользу императора; онъ посовѣтовалъ Апафи отложиться отъ султана, признать австрійскаго государя сюзереномъ Трансильваніи.

Караффа пріѣхалъ императорскимъ комиссаромъ въ Германштадтъ, куда озванъ былъ трансильванскій сеймъ. Апафи и сеймъ 9 мая отказались отъ подданства султану, отдались подъ „отеческое покровительство“ Леопольда, короля венгерскаго, выразили готовность принять его гарнизоны въ города Кёваръ, Густъ, Джоргенъ, Кронштадъ. Леопольдъ 17 іюня утвердилъ договоръ, заключенный ими съ Караффой и объявлялъ Трансильванію неприкосновенною ея законамъ и въ частности свободу вѣроисповѣданій.

6. Карловицкій миръ.

Тёкель не могъ оставаться въ Трансильваніи. Онъ ѣздилъ въ Константинополь просить помощи; но турецкія дѣла были тогда въ безпорядкѣ, янычары и сипаги, раздраженные пораженіями, требо-

вали казни Сулеймана. Мухаммедъ IV, не занимавшійся ничѣмъ серьезнымъ, проводившій время на охотѣ, оробѣлъ, послалъ имъ голову Сулеймана; они, ободренные его уступчивостью, стали высказывать неудовольствие на него самого, говорили, что надобно смѣнить его, назначить другаго султана; собрались улемы, провозгласили султаномъ его брата Сулеймана, сидѣвшаго въ темницѣ, а его отвели въ темницу (8 ноября 1687). Онъ прожилъ тамъ пять лѣтъ, забытый всѣми. Янычары и сипаги разграбили дома сановниковъ, которыми были недовольны, убили многихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ великаго везира Сіавуша; народъ, выведенный изъ терпѣнія ихъ буйствомъ, взялся за оружіе, помогъ правительству усмирить ихъ; главные мятежники были казнены (въ февралѣ 1688).

Эти безпорядки отнимали у турокъ возможность остановить успѣхи австрийцевъ. Людвигъ Баденскій и Евгений Савойскій взяли въ сентябрѣ 1688 Бѣлградъ, главную крѣпость турокъ на Дунаѣ. Турецкое правительство охотно заключило бы миръ, но австрійскія требованія были такъ велики, что оно не могло принять ихъ; австрийцы ужъ думали тогда о томъ, чтобы вовсе прогнать турокъ изъ Европы. Въ слѣдующемъ году Людвигъ Баденскій пошелъ изъ Бѣлграда на югъ, въ августѣ разбилъ турокъ у Паташа, потомъ при Ниссѣ, взявъ эту крѣпость, а въ октябрѣ овладѣлъ Виддиномъ.

Но въ ноябрѣ былъ назначенъ великимъ везиремъ Мустафа Кёприли, братъ Ахмеда, возстановилъ въ войскѣ дисциплину, привелъ финансы въ порядокъ, взялъ доходы мечетей на покрытіе государственныхъ надобностей, воодушевилъ янычаровъ прежней отвагой. Мусульмане тысячами шли въ войско. Ходъ военныхъ дѣйствій измѣнился. Въ половинѣ апрѣля 1690 Апафи умеръ; сынъ его былъ еще малолѣтнимъ. Караффа убѣждалъ трансильванскій сеймъ выбрать княземъ Леопольда. Великій везиръ провозгласилъ княземъ Тёкеля, далъ ему войско; онъ пошелъ въ Трансильванію, къ нему присоединились патріоты, ненавидѣвшіе австрійскій деспотизмъ. Людвигъ Баденскій пошелъ вытѣснить его изъ Трансильваніи. Великій везиръ вступилъ съ 80-тысячнымъ войскомъ въ Сербію, взялъ въ августѣ Виддинъ, въ сентябрѣ Ниссу, осадилъ Бѣлградъ. Гарнизонъ крѣпости былъ слабъ; въ октябрѣ три пороховые магазина были взорваны или случайно, или измѣной; много солдатъ было убито этимъ взрывомъ; стѣны Бѣлграда были обращены въ груды развалинъ, немногіе уцѣлѣвшіе австрійскіе солдаты бѣжали въ Эссеку; турки вошли въ Бѣлградъ.

Слѣдующей весной Мустафа, увеличивъ свою армію новыми солдатами, перешелъ Дунай. Сулейманъ умеръ, но братъ его Ахмедъ II, провозглашенный султаномъ, оставилъ Мустафу великимъ везиремъ, и въ августѣ онъ двинулся къ Петервардеину. Людвигъ Баденскій послѣшно пошелъ изъ Трансильваніи остановить его, и хотя имѣлъ

вдвое меньше войска, чѣмъ онъ, одержалъ 19 августа (1691 года) при Саланкеменѣ блистательную побѣду; 24.000 турокъ легли на полѣ битвы; въ числѣ ихъ находился великій везирь, убитый пулей при атакѣ холма, занятаго австрійцами. Людвигъ Баденскій взялъ Гросвардейнъ. Трансильванскій сеймъ 4 декабря заключилъ съ Леопольдомъ договоръ, по которому Леопольдъ сдѣлался княземъ трансильванскимъ, подписавъ актъ, утверждавшій неприкосновенность правъ Трансильваніи. Этотъ актъ называется Леопольдовскимъ дипломомъ.

Смерть Мустафы Кѣприли отняла у Тѣкеля всѣ шансы прогнать австрійцевъ изъ Трансильваніи. Онъ нѣсколько разъ дѣлалъ вторженія туда и въ южную Венгрію, но число его приверженцевъ постоянно уменьшалось. Новая война съ Людовикомъ заставила императора послать на западъ большую часть войска и лучшихъ полководцевъ, Людвигъ Баденскаго и Евгенія Савойскаго. Потому турки удержались въ Бѣлградѣ. По смерти вялаго Ахмеда II въ февралѣ 1695 султаномъ былъ провозглашенъ сынъ Мухаммеда IV Мустафа II, человекъ воинственный; онъ объявилъ, что по примѣру своего великаго предка Сулеймана I самъ поведетъ войско на невѣрныхъ, перешелъ Дунай, взялъ нѣсколько крѣпостей и въ сраженіи при Лугошѣ 22 сентября (1695 года) истребилъ отрядъ генерала Ветерани; тутъ было убито 6.000 австрійцевъ; былъ убитъ и самъ Ветерани. При наступленіи зимы султанъ повелъ войско назадъ; слѣдующимъ лѣтомъ опять пришелъ на Дунай. Австрійская армія подъ начальствомъ Капрары и курфирета саксонскаго осаждала въ это время Темешваръ; она пошла на встрѣчу султану. Упорное сраженіе близъ Олаша (въ августѣ 1696) осталось нерѣшительнымъ. Курфиретъ саксонскій уѣхалъ хлопотать о полученіи польской короны (передъ тѣмъ временемъ умеръ Янъ Собѣскій). Главнокомандующимъ въ Венгріи былъ назначенъ Евгений Савойскій. Лѣтомъ 1697 года султанъ пошелъ изъ Бѣлграда съ 100.000-нымъ войскомъ по Тисѣ; Евгений Савойскій встрѣтилъ его 11 сентября при переправѣ черезъ Тису у Зенты и на лѣвомъ берегу ея нанесъ полное пораженіе туркамъ; болѣе 20.000 ихъ было убито, въ томъ числѣ великій везирь и большинство второстепенныхъ начальниковъ; 10.000 утонуло въ Тисѣ и прибрежныхъ болотахъ; успѣвшие пробраться черезъ нихъ были истребляемы гусарами, посланными въ погоню. Говорятъ, что спаслось только 2.000 человекъ. Австрійцы взяли всю артиллерию турокъ, весь ихъ обозъ. Если бы Евгений могъ быстро воспользоваться своей побѣдой, онъ овладѣлъ бы всей Сербіей; но дожди сдѣлали дороги непроходимыми, остановили подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Евгений принужденъ былъ бездѣйствовать. Турки удержались въ Бѣлградѣ и Темешварѣ.

По заключеніи рейсвейкскаго мира, австрійцы думали обратить

главныя свои силы на войну съ турками; можно было ожидать значительныхъ успѣховъ; тѣмъ болѣе, что русскій царь воевалъ въ это время съ турками, взялъ Азовъ. Но Людовикъ задумывалъ новую войну; австрійцы знали это, потому желали помириться съ турками. При посредничествѣ Англіи и Голландіи было въ октябрѣ 1698 заключено перемиріе и 26 января слѣдующаго (1699) года былъ подписанъ карловицкій миръ, по которому Турція отказалась отъ Трансильваніи, отъ той части Венгріи, которая лежитъ между Дунаемъ и Тисой, отъ большей части Славоніи и Кроаціи. Только темешварскій банатъ остался подъ властью турокъ. Венеціанцы удержали за собою свои завоеванія въ Греціи, русскіе Азовъ; Польша была возвращена Подолія. Со времени карловицкаго мира стало ясно, что турки уже не могутъ собственной силой удержаться въ Европѣ.

Тѣкель былъ сдѣланъ княземъ виддинскимъ и послѣдніе годы жизни провелъ въ своемъ имѣніи близъ Никомедіи. Жена его была освобождена изъ плѣна; она умерла въ 1703 году, онъ умеръ въ сентябрѣ слѣдующаго года. Въ возстаніи своего пасынка Франциска II Ракоци онъ не принялъ участія, потому что страдалъ подагрой и вообще былъ уже хилъ.

III. АНГЛІЯ ПРИ КАРЛѢ II, ЯКОВѢ II И ВИЛЬГЕЛЬМѢ III.

Литература. Кромѣ книгъ, перечисленныхъ въ прежнихъ отдѣлахъ разсказа объ исторіи Англіи, назовемъ: Burnet, History of his own time (много изданій);—Memoirs of Algernon Sidney by Wilson (London 1813);—Lord John Russell, The Life of William Lord Russell (London 1820);—Charles Fox, History of the Reign of James II.

1. Правленіе Карла II до паденія Клэрндона.

Парламентъ, открытый Карломъ II 8 мая 1661 г., считалъ важнейшей своей обязанностью возстановить старый монархическій порядокъ, уничтожить всѣ реформы, произведенныя во время междоусобной войны и при Кромвеллѣ. Онъ возстановилъ присягу супрематства и присягу вѣрности, велѣлъ съечь рукой палача акты объ учрежденіи трибунала для суда надъ Карломъ I, объ исключеніи епископовъ изъ палаты пэровъ, о замѣнѣ епископальнаго устройства церкви пресвитеріанскимъ, объявилъ мятежническими тѣ мнѣнія, что власть надъ войскомъ принадлежитъ не исключительно королю и что бываютъ случаи, въ которыхъ дозвоительно вооруженное сопротивленіе королю; постановилъ, что не могутъ занимать никакихъ должностей, не только по государственному, но и по городскому управ-

ленію люди, отказывающіеся дать присягу согласія съ этими постановленіями и подписать актъ, свидѣтельствующій о ихъ принадлежности къ англиканской церкви (Conformity Act). Кавалеры, составлявшіе большинство палаты общинъ, сопротивлялись даже обнародованію амнистіи, обѣщанной королемъ.

Казни людей, участвовавшихъ въ произнесеніи смертнаго приговора Карлу I, длились весь 1661 годъ и кончились только въ 1662 году, когда былъ на мѣстѣ казни Стрэффорда казненъ безстрашнѣйшій изъ вождей республиканской партіи, Генри Вентъ. Онъ не хотѣлъ просить помилованія у короля и твердымъ шагомъ взомель на эшафотъ, оставаясь до послѣдней минуты вѣренъ своему убѣжденію, что „смерть—необходимость природы, освобождающая душу изъ рабства, дающая ей истинную жизнь“. Онъ хотѣлъ сказать съ эшафота рѣчь, излагающую его политическія и религіозныя убѣжденія, но его голосъ заглушили, ведѣвъ трубачамъ играть. — Мы говорили, что попытка примирить епископальную систему церковнаго устройства съ пресвитеріанской не удалась. Послѣ того парламентъ и правительство стали самымъ суровымъ образомъ поддерживать владычество епископальной церкви; всѣ священники и преподаватели были обязаны подписывать англиканскій символъ вѣры. Пресвитеріанскіе проповѣдники, не захотѣвши подписать заявленіе, что исповѣдуютъ его, были лишены священническихъ должностей. Люди, державшіеся ихъ мнѣній, тайно собирались на богослуженіе. Чтобы прекратить это, былъ установленъ парламентомъ Актъ о диссентерскихъ богослужебныхъ собраніяхъ (Conventicle), воспрещавшій всякія религіозныя собранія, состоящія болѣе, чѣмъ изъ пяти человекъ, если богослуженіе въ нихъ совершается не по англиканскому служебнику; за нарушеніе этого были назначены тяжелыя наказанія. Темницы переполнились диссентерами.

Мы говорили, что Карлъ II думалъ исключительно о своихъ удовольствіяхъ. Ему не нравилось, когда требовали отъ него мѣръ, нарушавшихъ его спокойствіе; потому онъ не любилъ фанатичныхъ роялистовъ, предпочиталъ имъ такихъ же легкомысленныхъ людей, какимъ былъ самъ; честолюбія у него не было, къ похваламъ и порицаніямъ онъ былъ равнодушенъ; не имѣя твердыхъ убѣжденій по вопросамъ религіи, колебался между невѣріемъ и католичествомъ, онъ полагалъ, что таковы же и всѣ люди, не вѣрилъ искренности религіознаго чувства у другихъ. У него былъ живой умъ, были житейская опытность, но онъ не держался никакой системы ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ, дѣйствовалъ по расчету своихъ минутныхъ выгодъ, по внушенію любовницъ; у него было лишь одно политическое стремленіе: подчинить парламентъ произволу короля. Веселый, любезный въ обращеніи, щедрый, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ людей; въ особенности очаровывалъ женщинъ своими изящными манерами. Пренебрегая въ своемъ волокитевѣ всякими приличіями, онъ подавалъ двору примѣръ безнравственности; она вошла въ моду тѣмъ легче, что общество было утомлено пуританской строгостью нравственной дисциплины.

Подавляя пуританство въ Англіи, Карлъ II заставилъ и шотландцевъ подчиниться епископальной системѣ. Шотландскіе священники должны были подписывать англиканскій символъ вѣры и служить по англиканскому служебнику. Мэжолъ говоритъ: „Въ Шотландіи, особенно въ западной части южной Шотландіи, было много людей, твердо рѣшившихся держаться кovenantа, пренебрегать постановленіями, несогласными съ ихъ убѣжденіемъ; они продолжали собираться на богослуженіе, совершаемое по пресвитеріанскимъ правиламъ; изгоняемые изъ городовъ, они собирались на пустыхъ поляхъ и въ горахъ; когда приходили полиція или войско разгонять ихъ, они отражали силу силой. Побѣждать ихъ было легко, но они оставались непоколебимы. Ихъ били, пытали, сотнями бросали въ темницы, десятками вѣшали, но они оставались вѣрны своей религіи“.

Въ Ирландіи возстановленіе королевской власти было встрѣчено съ восторгомъ, но вражда между католиками и протестантами продолжалась. Графъ Ормондъ, котораго король по рекомендаціи Клэрэндона назначилъ вице-королемъ ирландскимъ, былъ ненавистенъ католикамъ, какъ суровый приверженецъ англиканской церкви; англичане и шотландцы, поселившіеся на земляхъ, отнятыхъ у кореннаго населенія, оставались попрежнему ненавистны ему.

Мы говорили, что Карлъ, желая стать независимымъ отъ парламента, продалъ въ 1662 году Франціи Дюнкирхенъ за 5.000.000 ливровъ; деньги, данныя Людовикомъ, избавили его на нѣкоторое время отъ надобности исполнять требованія парламента. Онъ былъ равнодушенъ къ негодованію англичанъ на эту постыдную продажу и говорилъ, что Дюнкирхенъ былъ надобенъ Кромвеллю, желавшему имѣть вліяніе на континентальныя дѣла, а для него не пужень. Деньги, полученные за Дюнкирхенъ, онъ промоталъ.

Онъ былъ чуждъ желанія военной славы, для которой жертвовалъ всѣмъ Людовикъ, но въ заботѣ о блескѣ двора подражалъ французскому королю. Въ началѣ царствованія онъ осуждалъ то, что Людовикъ даетъ официальное положеніе при дворѣ любовницамъ, оскорбляя этимъ супругу; но скоро сталъ дѣлать то же самое, и скандалъ былъ гораздо хуже, потому что Людовикъ ограничивался одной формальной фавориткой, а Карлъ имѣлъ ихъ одновременно по нѣскольку. Супруга его, португальская принцесса, любимаго его, была недурна лицомъ, но, воспитанная въ монастырской строгости, правилъ, не умѣла блистать, была застѣпчива, не могла вести бойкихъ разговоровъ, потому мужъ пренебрегалъ ею. Главной фавориткой его была леди Кесльменъ (Castlemaine), получившая титулъ герцогини Кливлендъ, очень красивая женщина, очаровательная въ разговорахъ, ловкая интригантка. Она владычествовала надъ Карломъ и приобрѣла сильное вліяніе на государственныя дѣла.

Могущественнѣйшимъ изъ министровъ въ первые годы царствованія Карла былъ Клэрэндонъ, занимавшій должность канцлера. Герцогиня Кливлендъ была недовольна имъ за непокорность ей и рѣшила низвергнуть его. Онъ имѣлъ качества, облегчавшія ей нападенія на него: былъ упрямъ, высокомеренъ, не терпѣлъ противорѣчій; жадность къ деньгамъ доводила его до взяточничества; придворная молва говорила, что онъ устроилъ бракъ короля съ португальской принцессой по честолюбивому расчету: онъ зналъ, что она имѣетъ физическіе недостатки, дѣлающіе ее неспособной имѣть дѣтей, и выбралъ для короля такую невѣсту, чтобы престолъ наследовали дѣти его дочери Анны, супруги Іакова. Его привязанность къ англиканской церкви дѣлала враждебными ему придворныхъ льстецовъ, выказывавшихъ усердіе къ католичеству, и въ особенности королевѣ-матери Марію Генріетту, фанатичную католичку. Но онъ былъ опытенъ и ловокъ въ управленіи дѣлами; англиканское духовенство, юристы, негоціанты под-

держивали его; онъ умѣлъ защищать въ парламентѣ предложенія, внося по волю короля, потому казался необходимымъ Карлу; будучи главою кабинета, несъ на своихъ плечахъ всю тяжесть работы, такъ что Карлъ могъ ничего не дѣлать; онъ доставалъ деньги на мотовство Карла, а это было самое главное для его легкомысленнаго господина.

Въ церковныхъ дѣлахъ Карлъ тоже хотѣлъ подражать Людовику. Во время изгнанія онъ уже держалъ себя такъ, что молва называла его принявшимъ католичество; теперь достоверно извѣстно, что онъ велъ тогда переговоры съ папой объ условіяхъ, на которыхъ объявить себя католикомъ. Сдѣлавшись королемъ, онъ продолжалъ эти переговоры. Веѣмъ было видно, что онъ расположенъ къ католичеству. Онъ желалъ смягчить законы противъ католиковъ. Но былъ чуждъ усердію къ папизму, который отличалъ его братъ Іаковъ, челоѣкъ ограниченаго ума. Онъ хотѣлъ сохранить независимость англійской церкви отъ папы и въ случаѣ возстановленія католичества хотѣлъ учредить для управленія церковными дѣлами Англій національный соборъ и особаго патріарха, такъ что соединеніе Англій съ Римомъ ограничивалось бы принятіемъ католической догматики. Мыслими этого рода онъ занимался во все свое царствованіе, насколько имѣлъ охоту думать о чемъ-нибудь серьезномъ. Онъ правилъ ему между прочимъ и потому, что парламентъ, проникнутый усердіемъ къ англиканской церкви, становился годъ отъ году непріятнѣй ему своей оппозиціей. Въ такомъ настроеніи духа онъ въ декабрѣ 1662 г. обнародовалъ декларацию, говорившую, что король имѣетъ право освобождать отъ соблюденія законовъ, воспрещающихъ людямъ, не принадлежащимъ къ англиканской церкви, занимать государственныя должности; имѣетъ также право освобождать отъ наказаній за нарушеніе этихъ законовъ, или, по англійскому выраженію, имѣетъ право диспенсаци. Онъ говорилъ, что не хочетъ отнять привилегій англиканской церкви, не вводитъ равноправности вѣроисповѣданій, а только сообразно требованіямъ справедливости даетъ людямъ, не принадлежащимъ къ англиканской церкви снисхожденіе (по англійскому термину: индульгенцію). При открытіи новой сессіи парламента 18 февраля 1663 г., онъ въ тропной рѣчи приглашалъ парламентъ утвердить эту декларацию, но встрѣтилъ сопротивленіе, какого не ожидалъ. Палата общинъ объявила, что король не имѣетъ права диспенсаци, что актъ единообразія богослуженія (то-есть актъ, воспрещающій всякое публичное богослуженіе кромѣ англиканскаго) одинъ изъ коренныхъ законовъ Англій и не можетъ быть ни отмѣненъ, ни видоизмѣненъ иначе какъ постановленіемъ парламента; что король не имѣлъ права давать тѣхъ общинъ относительно смягченія религіозныхъ законовъ, какія сдѣлалъ въ манифестѣ, обнародованномъ передъ возвращеніемъ въ Англію. Сопротивленіе парламента происходило отъ увѣренности, что Карлъ употребитъ право диспенсаци на покровительство іезуитамъ и что они будутъ интриговать противъ протестантской церкви.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по возстановленіи королевской власти, Англія подверглась физическимъ бѣдствіямъ и политическому униженію. Лѣтомъ 1665 года появилась въ ней эпидемія, свирѣпствовавшая такъ, что въ Лондонѣ умерло 100.000 челоѣкъ. Въ слѣдующемъ году пожаръ истребилъ двѣ трети Лондона; сгорѣло 13.000 домовъ. Молва говорила, что городъ подожгли католики; это обвиненіе было внесено въ надпись на колоннѣ, поставленной въ память о великомъ пожарѣ. Вскорѣ послѣ того голландскій флотъ вошелъ

въ Темзу, угрожалъ Лондону. Легкомысленный Карлъ оставался равнодушнымъ; огромныя суммы, данныя парламентомъ на войну, послужили ему для обогащенія льстецовъ и любовницъ. Миръ съ Голландіею (въ 1667 году) былъ заключенъ на условіяхъ, унижительныхъ для Англій; нація негодовала, сравнивала побѣды Кромвелля и безславіе настоящаго, винила во всемъ коварство явныхъ и тайныхъ католиковъ. Парламентъ принялъ мѣры для огражденія англиканской церкви отъ ихъ происковъ, постановилъ, что каждый желающій занять какую-нибудь должность, обязанъ дать присягу, говорящую, что онъ не хочетъ никакихъ переворотовъ въ государственномъ и церковномъ устройствѣ и считаетъ недопустимымъ поднимать оружіе противъ короля или королевскихъ администраторовъ (то-есть не принадлежитъ къ людямъ, задумывающимъ возстановить католичество посредствомъ насильственного переворота, которому будетъ тайно покровительствовать король, формально заявляющій себя противникомъ инсургентовъ).

Вскорѣ по заключеніи мира съ Голландіею поднялась противъ Клэрндона грозная оппозиція. Въ палатѣ общинъ патріоты рѣзко говорили о томъ, что онъ расхищалъ государственныя деньги во время голландской войны; палата назначила комиссію для провѣрки счетовъ. Кромѣ денежныхъ злоупотребленій винили Клэрндона во всѣхъ дурныхъ дѣйствіяхъ правительства. Онъ совѣтовалъ королю распустить парламентъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ и усилило вражду противъ него. Особенно негодовали усердные англиканцы, потому что при раздраженномъ настроеніи націи новые выборы могли бы дать пресвитеріанамъ преобладаніе въ палатѣ общинъ. Было у Клэрндона много и другихъ враговъ. Диссентеры были враждебны ему за притѣсненіе всѣхъ непрінадлежащихъ къ англійской церкви. Великолѣпный дворецъ, построенный имъ, казался подтвержденіемъ молвы, что онъ пріобрѣлъ громадное богатство расхищеніемъ государственныхъ денегъ и взятками. При дворѣ, въ тайномъ совѣтѣ, въ палатѣ пэровъ онъ также имѣлъ много враговъ. Онъ обижалъ придворныхъ ѣдкими замѣчаніями о льстецахъ, пустыхъ людяхъ; наскучалъ королю длинными назидающими о вредѣ безнравственной жизни; лэди Кесльменъ интриговала противъ него; члены кабинета, оскорбляемые его высокомеріемъ, желали его удаленія; нѣкоторые изъ нихъ дѣйствовали противъ него и по надеждѣ получить больше силы, когда онъ будетъ удаленъ; однимъ изъ такихъ былъ Ковентри. Клэрндонъ утратилъ довѣріе парламента и націи. Карлъ былъ радъ возможности избавиться отъ совѣтника, надоедавшаго ему. Въ октябрѣ 1667 палата общинъ постановила предать Клэрндона суду по обвиненію въ измѣнѣ. Онъ зналъ, что король не вступится за него и бѣжалъ во Францію. Парламентъ осудилъ его на вѣчное изгнаніе

и постановилъ, что прощеніе ему не можетъ быть дано королемъ иначе какъ съ согласія обѣихъ палатъ.

Кларендонъ уже не возвратился на родину. Просьбы его о прощеніи остались напрасны. Во Франціи онъ кончилъ начатую еще въ прежнее свое изгнаніе „Исторію англійскаго мятежа“ и написалъ исторію своей администраціи; онъ умеръ въ Руанѣ 9 декабря 1674.

2. Министерство Кэбэлъ. Актъ англиканской присяги.

Парламентъ, ненавидившій Кларендона, какъ врага конституціоннаго порядка, не долго радовался своему торжеству надъ нимъ: скоро возобновилась борьба между защитниками національныхъ правъ и королемъ. Карлъ сдѣлалъ своими министрами людей безсовѣстныхъ, угождавшихъ его стремленію къ абсолютизму съ пренебреженіемъ, интереса и части націи. Изъ первыхъ буквъ ихъ фамиліи (Clifford, Ashley, Buckingham, Arlington, Lauderdale) было составлено слово Кэбэлъ (Cabal), означающее на англійскомъ языкѣ шайку плутовъ.

Главою новаго кабинета былъ Джорджъ Виллисъ герцогъ Бокингемъ, сынъ того Бокингема, который былъ фаворитомъ Іакова I и Карла I. Подобно отцу онъ былъ человѣкъ легкомысленный, безнравственный, изворотливый и пріобрѣлъ полное довѣріе короля, которому помогать въ его любовныхъ дѣлахъ, и кромѣ этихъ услугъ нравился блестящимъ остроуміемъ, веселостію. Очень большой скандалъ возбудилъ онъ тѣмъ, что убилъ на дуэли графа Шрусбери, съ женой котораго имѣлъ связь. Подобно королю онъ былъ врагомъ парламентскаго правленія и не любилъ англиканскую церковь. Король желалъ вѣротерпимости для того, чтобы раздать высшія должности католикамъ; Бокингемъ тоже хотѣлъ свободы вѣроисповѣданій, но для того чтобы избавиться отъ стѣсненій пресвитеріане и другіе диссентеры, которыхъ онъ предпочиталъ англиканцамъ. По его вліянію король рѣшилъ возобновить переговоры съ Бэкстеромъ и другими умѣренными попконформистами, предложить пѣкоторые уступки имъ и, въ случаѣ ихъ согласія, дать имъ такъ называемую индульгенцію, то-есть освобожденіе отъ наказаній, установленныхъ законами за публичное богослуженіе по обрядамъ, несогласнымъ съ англиканскими.

При новомъ министерствѣ король сталъ открыто покровительствовать католикамъ. Герцогъ Йоркскій, братъ его, наследникъ престола, объявилъ себя принявшимъ католичество, убѣдилъ перейти въ него и свою жену, дочь Кларендона. Король находилъ неудобнымъ формально объявить себя католикомъ; Людовикъ XIV поддерживалъ въ немъ своими совѣтами мысль, что открытое принятіе католичества подвергло бы опасности его власть, что гораздо успѣшнѣе можетъ

онъ приготовить возстановленіе католичества въ Англіи и ввести абсолютизмъ, дѣйствуя скрытно до наступленія благоприятныхъ обстоятельствъ. Формальнымъ образомъ Англія еще оставалась въ союзѣ съ нидерландской республикой; но Карлъ ненавидѣлъ нидерландцевъ и готовъ былъ помогать Людовику въ новой войнѣ съ ними. Людовикъ обѣщалъ давать ему деньги, которыя будутъ извѣщать его отъ надобности съ парламентъ; обѣщался прислать ему войско, когда придетъ время открытымъ образомъ возстановить абсолютизмъ. Переговоры о союзѣ съ Людовикомъ были начаты Карломъ черезъ Эрнделя (Arundel), католика, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Карла. Эрндель по порученію короля поѣхалъ во Францію и въ январѣ 1669 сообщилъ Людовику условія, на которыхъ король англійскій вступить въ союзъ съ нимъ. Людовикъ послалъ въ Англію герцогиню Орлеанскую, сестру Карла, и, какъ мы уже говорили, при ея посредствѣ былъ заключенъ въ Дуврѣ въ маѣ 1670 договоръ, отдававшій Англію въ распоряженіе Людовика. Всѣ министры подписали трактатъ, показанный имъ. Но только два изъ нихъ, Клиффордъ и Эрлингтонъ (Arlington), знали, что кромѣ этого трактата существуетъ другой, секретный, въ которомъ Карлъ обѣщался объявить себя католикомъ. Отъ Бокингема, Лодерделя и Эшли (Ashley) это дополнительное условіе было утаено. Въ ноябрѣ 1670 Карлъ далъ тайную аудіенцію брюссельскому нунцію папы. На ней были опредѣлены подробности того плана, которому будетъ слѣдовать король въ управленіи религіозными дѣлами.

Парламентъ, ничего не зная о Дуврскомъ трактатѣ, полагалъ, что король остается вѣрнымъ союзу съ нидерландской республикой противъ честолюбивыхъ плановъ Людовика, одобрялъ правительство за это, отвергъ предложеніе назначить слѣдствіе о злоупотребленіяхъ по расходованію суммъ, назначенныхъ на военные надобности, установилъ по желанію короля пошлину съ вина, которая должна была давать 300.000 фунтовъ. Палата общинъ порицала только покровительство католикамъ, снисходительность къ эмиссарамъ папы, руководившимъ ими. Англичане опасались властолюбивыхъ замысловъ Людовика и парламентъ находилъ надобнымъ, чтобы правительство принимало мѣры предосторожности противъ нихъ, а между тѣмъ оно искало предлога начать войну съ нидерландцами, какъ желалъ этого Людовикъ. Англичане продолжали съ досадой вспоминать о томъ, какъ голландскій флотъ вошелъ въ Темзу, держалъ въ блокадѣ Лондонъ; въ Вестъ-Индіи и въ Малайскомъ архипелагѣ происходили столкновенія между англійскими и голландскими торговцами; но англичане имѣли столько интересовъ, общихъ съ нидерландцами, что война противъ нидерландской республики возбудила бы сильное неудовольствіе въ огромномъ большинствѣ англійской націи и палаты общинъ. Правительство думало распустить парламентъ, назначить новые вы-

боры, но отказалось от этой мысли, по невозможности надѣяться, чтобы новая палата общинъ составила изъ людей болѣе преданныхъ королю, чѣмъ прежняя. Министры думали, что при помощи Людовика могутъ подавить оппозицію.

Клиффордъ, горячій католикъ, руководившій иностранной политикой по заключеніи Дуврскаго договора, полагалъ, что король долженъ еще до начала войны объявить себя принявшимъ католичество. Человѣкъ, любившій крутыя мѣры, онъ говорилъ, что честь правительства требуетъ отважнаго вступленія въ неизбежную борьбу съ парламентомъ. Герцогъ Йоркскій, забывавшій разсудительность въ своемъ фанатизмѣ, поддерживалъ Клиффорда и однажды увлекся до того, что открыто высказалъ свое убѣжденіе въ несовмѣстности парламентскаго устройства съ монархической властью. Генри Беннетъ, графъ Эрлингтонъ, человѣкъ незначительнаго происхожденія, получившій должность министра по рекомендаціи Клиффорда, раздѣлялъ его желанія, но былъ разсудителенъ, опасался крутыхъ мѣръ, любилъ спокойствіе, потому отклонялъ короля отъ опрометчивыхъ рѣшеній, говорилъ, что прежде всего надобно заключить конкордатъ съ папой. Три другіе министра: Лодердель, Эшли Куперъ и Бокингемъ не были, какъ мы уже говорили, посвящены въ тайный замыселъ короля. Лодердель, суровый шотландецъ, былъ пресвитеріанинъ; Эшли Куперъ, другъ Локка, имѣлъ свободный образъ мыслей по дѣламъ религіи; Бокингемъ, равнодушный въ религіи, находилъ выгоднымъ для себя выказывать расположеніе къ нонконформистамъ; потому король, Клиффордъ и Эрлингтонъ скрывали отъ нихъ замыселъ возстановить владычество католической церкви. Но во враждѣ къ парламентскому правленію они сходились съ королемъ. Лодердель при помощи шотландскихъ вельможъ и епископовъ убѣдилъ шотландскій парламентъ предоставить королю почти неограниченную власть надъ церковью. По его внушенію была написана книга, доказывавшая, что законодательная власть и право устанавливать налоги получены парламентомъ отъ королей и король можетъ взять обратно отъ парламента эти королевскія пожалованія.

Бокингемъ и Эшли были приверженцы вѣротерпимости; по ихъ совѣту была обнародована 15 марта 1672 г. новая королевская декларация, останавливавшая дѣйствіе законовъ противъ нонконформистовъ и рекузантовъ, дававшая диссентерамъ свободу публичнаго богослуженія въ опредѣляемыхъ ею мѣстахъ, а католикамъ позволявшая совершать богослуженіе въ ихъ домахъ, повелѣвавшая мѣстнымъ властямъ охранять католическихъ священниковъ отъ судебного преслѣдованія по законамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ были начаты военныя дѣйствія противъ нидерландской республики безъ объявленія войны ей. Когда французское войско пошло въ Голландію, Гольмсъ, начальникъ англійской эскадры, напалъ на голландскіе купеческіе корабли, шедшіе съ богатымъ грузомъ изъ Остъ-Индіи и остановившіеся у острова Уэйта. Это было 23 марта 1672 года. Вскорѣ послѣ того англійскій флотъ присоединился къ французскому. Одновременно съ этимъ правительство прекратило уплату займовъ, сдѣланныхъ у капиталистовъ съ обязательствомъ уплаты изъ дохо-

довъ того года; многіе капиталисты обанкротились. Все это произвело раздраженіе въ огромномъ большинствѣ націи. Въ началѣ іюня англо-французскій флотъ далъ сраженіе нидерландскому въ Сотуольдской бухтѣ; французская часть флота была побѣждена; англійская сражалась успѣшнѣе, но не одержала рѣшительной побѣды. У нидерландцевъ былъ убитъ въ этомъ сраженіи одинъ изъ помощниковъ главнокомандующаго (Рейтера), адмиралъ Гентъ; у англичанъ адмиралъ Монтегью лордъ Сэндвичъ, помогавшій своими совѣтами главнокомандующему, герцогу Йоркскому. Мы уже говорили о дальнѣйшемъ ходѣ войны. Карлъ продолжалъ ее и послѣ того какъ управленіе дѣлами нидерландской республики перешло въ руки его родственника, Вильгельма Оранскаго. Для полученія денегъ на войну Карлъ созвалъ парламентъ; онъ открылъ его засѣданія 14 февраля 1673 г. рѣчью, доказывавшей необходимость продолжать войну и говорившей о благотворности данной имъ индульгенціи. Палата общинъ, увлеченная краснорѣчіемъ Эшли Купера (незадолго передъ тѣмъ получившаго должность лорда канцлера и титулъ графа Шэфтсбери) и завистью къ торговому могуществу нидерландской республики, была расположена дать на войну большія субсидіи, но постановила, что вѣротерпимость не можетъ быть введена королевскимъ распоряженіемъ безъ согласія парламента, что король не имѣетъ права диспенсациі, что оно несогласно съ конституціей; даже пресвитеріане подали голосъ за это рѣшеніе палаты общинъ, потому что понимали: король подъ предлогомъ вѣротерпимости хочетъ подготовить возстановленіе католической церкви въ Англіи.

Король и кабинетъ были раздражены. Лодердель и Бокингемъ совѣтовали употребить противъ парламента военную силу, призвать изъ Шотландіи надежные полки. Но судьба отца пугала Карла; онъ побоялся начинать открытую борьбу съ парламентомъ, нашелъ необходимымъ успокоить оппозицію, объявилъ, что никогда не употребитъ права диспенсациі во вредъ англиканской церкви или законному порядку. Парламентъ недовѣрялъ ему, требовалъ формальной отмѣны деклараціи. Шэфтсбери, опасаясь участи Стрэффорда, переѣхалъ свой образъ дѣйствій, объявилъ въ палатѣ пэровъ, что считаетъ декларацию противозаконной. Французскій посолъ передалъ Карлу совѣтъ Людовика покориться необходимости, ждать конца войны; тогда французскія военныя силы будутъ свободны и будутъ все обращены на помощь ему въ подавленіи оппозиціи. Карлъ былъ обрадованъ обѣщаніемъ помощи Людовика и послѣдовалъ его совѣту; пріѣхалъ въ палату пэровъ, какъ это дѣлалось при намѣреніи короля сообщить свои намѣренія обѣимъ палатамъ, пригласилъ палату общинъ въ залъ палаты пэровъ, объявилъ, что беретъ назадъ свою декларацию, что индульгенція, провозглашенная ею, должна считаться неимѣющею силы; прибавилъ, что трибуналы не должны принимать

въ уваженіе, если обвиняемые въ нарушеніи религіозныхъ законовъ будутъ ссылаться на эту индульгенцію. Парламентъ и народъ были обрадованы отказомъ короля отъ противозаконнаго распоряженія: вечеромъ Лондонъ былъ иллюминированъ. Но парламентъ находилъ надобнымъ предотвратить повтореніе самовластныхъ распоряженій короля по дѣламъ религіи, отнять у него возможность новыхъ притязаній на право диспенсациі въ пользу католиковъ; послѣ долгихъ бурныхъ преній обѣ палаты приняли такъ называемый Актъ удостовѣренія, Test Act.

Этотъ законъ постановлялъ, что лица, отказывающіяся дать присягу вѣрности и признанія супрематства, принять причащеніе по обряду англиканской церкви и подписать заявленіе о непризнаніи ими католическаго догмата пресуществленія, не могутъ занимать никакой должности ни по гражданскому управленію, ни въ арміи, не могутъ быть избираемы въ палату общинъ, и если имѣютъ сани-пара, то не могутъ засѣдать въ палатѣ пэровъ. Король по необходимости утвердилъ этотъ законъ, ненавистный ему.

Актъ удостовѣренія принадлежности къ англиканской церкви отнималъ право занимать должности и у диссентеровъ, какъ у католиковъ. Но патриотическая партія, установившая этотъ законъ, обѣщала дать облегченіе диссентерамъ и они согласились терпѣливо ожидать его, помогали патриотамъ въ принятіи мѣръ, необходимой для обороны отъ общихъ враговъ. Клиффордъ назвалъ въ палатѣ пэровъ Актъ удостовѣренія ужасающимъ чудовищемъ, monstrum horrendum. Палата общинъ отвѣчала на это заявленіемъ королю, что виновники народнаго ропота—дурные совѣтники его. Герцогъ Йоркскій, какъ явный католикъ, сложилъ съ себя должность великаго адмирала, сообразно требованію Акта удостовѣренія. Первая жена герцога, дочь Кларендона умерла за два года передъ тѣмъ и онъ вступилъ теперь въ бракъ съ принцессой Маріей Моденской, мать которой была племянница Мазарини. Онъ выбралъ эту цѣлѣстную по рекомендаціи Людовика и сталъ усерднѣе прежняго служить интересамъ католичества и Франціи. А онъ былъ наследникъ престола. Мысль о его царствованіи внушала тяжелыя опасенія протестантамъ; они видѣли необходимость соединиться для общей обороны; англиканцы и диссентеры стали сближаться. Отъ перваго брака Іаковъ имѣлъ двухъ дочерей; обѣ онѣ были воспитаны въ протестантствѣ и остались вѣрны ему.

Новая сессія парламента была открыта (27 октября 1673) подъ раздражающимъ впечатлѣніемъ женитьбы герцога Йоркскаго на католической принцессѣ. Великимъ адмираломъ вмѣсто Іакова былъ назначенъ принцъ Рупертъ, но и онъ не приобрѣлъ успѣховъ, командуя англо-французскимъ флотомъ противъ Тромпа и Рейтера. Въ сраженіи у Текселя 21 августа 1673 г., въ которомъ убитъ былъ храбрый и искусный англійскій адмиралъ Спрэдждъ, англичане къ вечеру были побѣждены. Французскій вице-адмиралъ Д'Этрѣ держался въ сторонѣ отъ сраженія. Это возбудило большое неудовольствіе въ

англичанахъ; они предполагали, что онъ поступилъ такъ по инструкціямъ своего короля, что Людовикъ желаетъ изнуренія и голландцевъ и англичанъ, чтобы французскій флотъ могъ приобрести владычество на морѣ. Въ палатѣ общинъ было рѣзко высказываемо негодованіе на Людовика. По предложенію Уильяма Ковентри, вытѣсненнаго Бокингемомъ изъ тайнаго совѣта и ставшаго вождемъ оппозиціи, палата общинъ отказала королю въ деньгахъ на продолженіе войны и потребовала, чтобы онъ заключилъ миръ. Карлъ, по совѣту французскаго посланника Кольбера Круасси, отсрочилъ засѣданія парламента, чтобы прекратить порицанія его политики.

Карлъ надѣялся, что и безъ субсидій отъ парламента будетъ имѣть деньги на войну, что для этого достаточно будетъ военной добычи и пособій Людовика. Онъ далъ отставку Шэфтсбери отъ должности лорда-канцлера, удалилъ и другихъ сановниковъ, подававшихъ голосъ вмѣстѣ съ оппозиціей. Шэфтсбери, человекъ очень умный, сдѣлался рѣшительнымъ противникомъ кабинета. Кажется, онъ зналъ о тайной статьѣ Дуврскаго договора, заключавшей въ себѣ обѣщаніе Карла принять католичество. Въ обществѣ стала распространяться молва, что союзъ съ Франціей имѣетъ цѣлью восстановленіе католичества; протестанты стали думать, что единственное средство предотвратить торжество папизма—примиреніе съ Голландіей. Клиффордъ принужденъ былъ сложить съ себя должность министра, удалился въ свое помѣстье и скоро умеръ тамъ; говорили, что онъ самъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ меланхоліи отъ потери власти. Протестанты полагали, что паписты составили заговоръ произвести насильственный переворотъ при содѣйствіи Іакова и помощи французскаго войска; говорили, что надобно дать болѣе строгую форму Акту удостовѣренія, удалить на десять миль изъ Лондона всѣхъ католиковъ. Кольберъ Круасси видѣлъ, что при несправедливости къ нему, его присутствіе въ Лондонѣ вредитъ интересамъ Франціи, просилъ Людовика отозвать его, посоветовалъ назначить на его мѣсто Рювишя, бывшаго прежде посланникомъ въ Лондонѣ, гугенота и потому человека неподозрительнаго англійскимъ протестантамъ. Карлъ отложилъ мысль объявить себя католикомъ.

Надежда Карла получить безъ парламента деньги, надобныя на войну, не исполнилась; онъ былъ принужденъ созвать парламентъ въ январѣ 1674 г.; члены оппозиціи были раздражены тѣмъ, что прежняя сессія была прервана и отсрочка засѣданій была очень продолжительна; негодовали на то, что король отнялъ должности у патриотовъ, обнаруживаетъ пристрастіе къ католичеству. Чтобы склонить палату общинъ на вотированіе денегъ для войны, Карлъ предложилъ предоставить завѣдываніе расходованіемъ ихъ самой палатѣ общинъ, и говорилъ, что въ неудачѣ переговоровъ о мирѣ виноваты чрезмѣрные требованія нидерландцевъ. Но палата общинъ обратилась къ нему съ адресомъ, требовавшимъ, чтобы онъ удалилъ изъ министерства Лодерделя и Бокингема и распустилъ войска, которыя, какъ опасались патриоты, онъ хотѣлъ употребить для насильственнаго захвата абсолютной власти. Не получая денегъ отъ палаты

общинъ безъ исполненія этихъ требованій и не желая исполнить ихъ, Карлъ видѣлъ себя въ невозможности продолжать войну, и при посредничествѣ Испаніи заключилъ миръ съ нидерландской республикой; она согласилась дать ему денегъ; обѣ воевавшія стороны возвратили одна другой всѣ сдѣланныя ими завоеванія. Союзъ Англіи съ Франціей прекратился; о немъ и не упоминалось въ договорѣ съ нидерландской республикой, какъ будто онъ никогда не существовалъ. Только впоследствии по желанію Испаніи была прибавлена къ трактату тайная статья, говорившая, что никоторая изъ примиряющихся державъ не будетъ помогать врагамъ другой, то-есть, что Карлъ обязывается не помогать Людовику. Въ это время у англическихъ патриотовъ уже была мысль о томъ, чтобы старшая дочь герцога Йоркского, наслѣдника престола, Марія, была выдана за Вильгельма Оранскаго; у герцога не было сыновей; должно было полагать, что престолъ послѣ отца наслѣдуетъ она; бракомъ ея съ Вильгельмомъ устранялась опасность, что Іаковъ сдѣлаетъ что-нибудь для перехода власти послѣ него къ какому-нибудь лицу католическаго вѣроисповѣданія или принудить дочерей принять католичество.

3. Борьба Карла съ парламентомъ.

Около того времени какъ Англія заключила миръ съ нидерландской республикой, Испанія, Австрія и нѣмецкая имперія составили коалицію, чтобы остановить завоеванія Людовика, и заключили союзъ съ Нидерландской республикой. Парламентъ хотѣлъ, чтобы Англія присоединилась къ нему. Французскій посолъ Рювиньи вѣжливо старался помѣшать этому, внушалъ Карлу, что онъ унижаетъ королевскій санъ, если послѣдуетъ требованію парламента, обѣщавъ ему отъ своего короля такія суммы, которыя избавятъ его отъ надобности уступить парламенту. Карлу нравились эти мысли, онъ оставилъ министрами Лодердаля и Бокингэма, отставки которыхъ требовала палата общинъ; но боялся рѣшительной ссоры съ парламентомъ и понималъ, что Людовикъ не можетъ дать ему столько денегъ, сколько нужно было бы для управленія государствомъ безъ полученія пособій отъ палаты общинъ; потому онъ черезъ нѣсколько времени удалил Бокингэма; получилъ отставку и Эрлингтонъ, ненавистный парламенту за свой католическій фанатизмъ. Такимъ образомъ изъ пяти членовъ министерства Кэбэлъ остался на должности только Лодердель. Король нашелъ себѣ новую опору, сдѣлавъ великимъ казначеемъ Томаса Осборна, графа Дэнби, роялиста, ловкого лавировавшего между патриотами и придворной партіей, умѣвшимъ

приобрѣсти этимъ репутаціею человѣка съ независимымъ характеромъ. Онъ былъ приверженецъ расширенія королевской власти, но не хотѣлъ, чтобы Англія подчинялась Людовику; былъ врагъ панизма, желалъ, чтобы король не раздражалъ консерваторовъ, не ссорился съ парламентомъ, надѣялся привлечь на сторону короля англиканское духовенство и сельское дворянство, проникнутое чувствомъ преданности престолу.

Прежде всего надобно было, по мнѣнію Дэнби, приобрести довѣріе приверженцевъ англиканской церкви; опираясь на нихъ, онъ надѣялся ввести безусловное повиновеніе королю, которое проповѣдывали они. Король по его совѣту обнародовалъ декларацію противъ католиковъ и нонконформистовъ; она противорѣчила прежнимъ его заявленіямъ, но онъ не стѣснялся этимъ. Послѣ того Дэнби внесъ въ палату пэровъ Билль о несопротивленіи (Nonresisting Bill), говорившій, что не можетъ занимать никакой должности и не можетъ засѣдать въ парламентѣ никто, не давшій присяги, что считаетъ сопротивленіе королю преступленіемъ и никогда не сдѣлаетъ попытки перемѣнить церковное и политическое устройство Англіи. Въ палатѣ пэровъ поднялось сильное противорѣчіе; оппозиція говорила, что билль, ставящій право засѣдать въ парламентахъ въ зависимость отъ присяги, нарушаетъ право пэровъ быть членами своей палаты по наслѣдству. Но при содѣйствіи епископовъ, Дэнби получилъ большинство въ палатѣ пэровъ. Она приняла Билль о несопротивленіи. При спорахъ о немъ вошли въ употребленіе названія виговъ, и тори Шефтсбери, Бокингэмъ и другіе пэры, отвергавшіе Билль о несопротивленіи, были называемы вигами. Онъ былъ перенесенъ въ палату общинъ. Но прежде чѣмъ кончились ея совѣщанія о немъ, сессія парламента была прервана отсрочкой (9 июня 1675) и Билль о несопротивленіи остался проектомъ, не получившимъ силу закона.

Карлъ былъ очень радъ тому, что парламентъ, занявшись внутренними дѣлами, не имѣлъ времени подвергнуть внимательному разсмотрѣнію иностранную политику его. Заключивъ миръ съ нидерландской республикой, оставилъ свои войска во французской арміи. Посолъ Людовика Рювиньи обѣщалъ Карлу 500.000 лундоровъ, если онъ распуститъ парламентъ, враждебный дружбѣ его съ королемъ французскимъ. Это обольстило Карла; Дэнби доказывалъ ему необходимость исполнить данное парламенту обѣщаніе, отказаться отъ союза съ Людовикомъ; король остался упоренъ; Дэнби не имѣлъ характера отказаться отъ должности, сталъ служить дѣлу, которое считалъ вреднымъ. При возобновленіи засѣданій парламента въ октябрѣ 1675 года, оппозиція стала рѣзко нападать на политику правительства. Испанскій и голландскій послы подражали французскому: какъ онъ подкупалъ короля и министровъ, такъ они предлагали деньги вождямъ оппозиціи, и нѣкоторые противники правительства согласились

брать у них подарки. Палата общин послѣ сильныхъ споровъ поставила свое согласіе дать деньги на увеличеніе флота въ зависимость отъ такихъ условій, которыхъ не хотѣлъ принять король, онъ въ ноябрѣ отсрочилъ засѣданія парламента на 15 мѣсяцевъ. Людовикъ хотѣлъ, чтобы парламентъ былъ вовсе распущенъ; но отсрочка парламента болѣе чѣмъ на годъ давала Людовику очень большую выгоду, потому онъ безъ возраженій сталъ платить Карлу обѣщанныя деньги. Англія осталась нейтральной; благодаря тому французскій флотъ успѣшно сражался съ испанскимъ и голландскимъ, и Людовикъ, не будучи побѣжденъ на морѣ, одерживая побѣды на сушѣ, заключилъ съ своими противниками миръ въ Неймегенѣ на такихъ условіяхъ, какихъ хотѣлъ самъ.

Карлъ веселился на деньги, получаемыя отъ Людовика. Король французскій заботился о томъ, чтобы герцогиня Портсмутъ, усердно служившая ему, не была низвергнута какой-нибудь другой любовницей. Нѣкоторое время опасной соперницей ея была лэда Кесльменъ, получившая титулъ герцогини Кливлэндъ; но при содѣйствіи Людовика герцогиня Портсмутъ восторжествовала; герцогиня Кливлэндъ, имѣвшая отъ короля двухъ сыновей, принуждена была уѣхать изъ Англіи. Актриса Нелли Гуинъ, тоже имѣвшая отъ Карла двухъ сыновей, не была опасна герцогинѣ Портсмутъ; но въ 1676 пріѣхала въ Лондонъ та племянница Мазарини, на которой хотѣлъ Карлъ жениться, когда жилъ изгнанникомъ во Франціи; она бросила своего безхарактернаго и вялаго мужа, отправилась въ Англію подъ предлогомъ желанія повидаться съ своей родственницей, женой герцога Йоркского. Женщина умная, образованная и еще остававшаяся красавицей, она заняла блестящее положеніе при англійскомъ дворѣ. Но она была опасна только лично для герцогини Портсмутъ; Людовику она служила съ такимъ же усердіемъ. Благодаря такимъ представительницамъ своихъ политическихъ плановъ, Людовикъ господствовалъ надъ Карломъ, убѣдилъ его заключить трактатъ, по которому короли французскій и англійскій обязывались не вступать ни въ какой союзъ иначе какъ по взаимному согласію. Дэнби и Лодердель отказались подписать этотъ договоръ, отнимавшій всякую самостоятельность у Англіи; они боялись быть подвергнутыми суду за измѣну, когда дѣло откроется. Карлъ, подписавъ договоръ, самъ приложилъ къ нему государственную печать.

И однакоже при возобновленіи засѣданій парламента оппозиція держала себя очень умѣренно. Карлъ поступилъ расчетливо, не распустивъ парламента, потому что большинство въ палатѣ общинъ составляли роялисты; новые выборы были бы менѣе благопріятны правительству. Неудовольствие было смягчено отчасти тѣмъ, что Карлъ выпросилъ у Людовика большую выгоду для англійской торговли. Но главной причиною ослабленія оппозиціи было то, что большинство ея разошлось съ меньшинствомъ по во-

просу о значеніи отсрочки, длившейся больше года. Вожди оппозиціи въ палатѣ лордовъ, Бокингемъ, Шэфтсбери, Сольсбери, Гуортонъ (Wharton) говорили, что такая продолжительная отсрочка равнозначительна распущенію; ссылались на законъ Эдуарда III, говорившій, что парламентъ долженъ быть созываемъ ежегодно, что поэтому прежняя палата общинъ создана неправильно; должно назначить новые выборы. Палата общинъ оскорбилась отрицаніемъ законности настоящаго ея состава. Большинство оппозиціи въ ней перешло на сторону правительства. Палата подала королю адресъ, требовавшій наказанія пэровъ, оскорбившихъ ее; король исполнилъ ея желаніе, велѣлъ отвезти въ Туэръ Бокингема, Шэфтсбери, Сольсбери и Гуортонъ. Палата общинъ дала ему большую сумму на содержаніе и усиленіе флота. Но когда она потребовала, чтобы онъ присоединился къ коалиціи противъ Франціи, онъ разсердился и снова отсрочилъ засѣданія парламента (въ апрѣлѣ 1677).

Однакоже самъ Карлъ сталъ думать, что Англія подвергнется большой опасности, если испанскіе Нидерланды будутъ присоединены къ Франціи. Сэръ Уильямъ Темплъ, получившій въ это время вліяніе на него, склонялъ его къ возобновленію прежняго союза съ Нидерландской конфедераціей. Король въ сентябрѣ 1677 выдалъ старшую свою племянницу Марію за Вильгельма Оранскаго, какъ совѣтовалъ ему Темплъ. Этотъ бракъ показывалъ, что Англія будетъ защищать Нидерландскую конфедерацію отъ Франціи. Вильгельмъ, пріѣзжавшій для сватовства въ Лондонъ, условился съ Карломъ объ основаніяхъ, на которыхъ долженъ быть установленъ миръ. Уполномоченные Англіи и Нидерландской республики подписали 10 января 1678 договоръ о томъ, что эти государства общими силами принудятъ воюющія стороны заключить миръ, то-есть заставятъ Людовика прекратить войну. Карлъ отозвалъ англійскія войска, все еще находившіяся во французской арміи, и когда возобновились засѣданія парламента, объявилъ ему, что разорвалъ союзъ съ Франціей, заставитъ ее прекратить войну. Парламентъ былъ обрадованъ этимъ и далъ Карлу миллионъ фунтовъ на войну съ Франціей. Король, какъ мы говорили, послалъ англійскія войска занять Остенде и Брюгге.

Раздраженный Людовикъ прекратилъ уплату субсидій Карлу; французскіе посланники Бариллонъ и потомъ Рювиньи давали деньги тѣмъ вождямъ оппозиціи, которые были продажны. Трудно рѣшить, дѣйствительно ли Карлъ хотѣлъ начать войну съ Людовикомъ или говорилъ о ней только для того, чтобы увеличить число войска и потомъ обратить его на введеніе абсолютизма въ Англіи. Нидерландская республика заключила съ Людовикомъ договоръ, имѣвшій своимъ результатомъ заключеніе Неймегенскаго мира. Пока не были кончены переговоры о немъ, Карлъ имѣлъ предлогъ не исполнять требованій оппозиціи, чтобы уменьшено было число войска. Оппозиція полагала, что оно набрано лишь для подавленія свободы Англіи; но Людовикъ опасался, что оно будетъ употреблено противъ него и потому принималъ предложенныя ему условія, прекратилъ войну.

Англичане тревожились опасениями, что Карль хочет ввести абсолютизмъ и возстановить владычество католической церкви. Это настроеніе умовъ дѣлало ихъ расположенными вѣрить слухамъ о заговорахъ папистовъ, и одинъ изъ такихъ слуховъ, возникшій по поводу маловажнаго случая, повелъ къ взрыву ненависти противъ католиковъ. Это было въ 1678 году. Король былъ на прогулкѣ въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ; къ нему подошелъ хорошо знакомый чело-вѣкъ, Керкби (Kirkby) и сказалъ ему, чтобъ онъ уѣхалъ, потому что въ паркѣ ему угрожаетъ опасность. Приглашенный въ дворецъ для разъясненія своихъ словъ, Керкби сказалъ, что лондонскій священникъ пуританскаго образа мыслей, Эзраэль Тенгъ (Tongue), сообщилъ ему о существованіи папистскаго заговора противъ жизни короля, что точныя свѣдѣнія объ этомъ можетъ дать нѣкто Тейтсъ (Titus) Отсъ (Titus Oates). Этотъ Отсъ былъ негодяй, для котораго фальшивыя показанія подъ присягой были дѣломъ незатруднительнымъ. Онъ былъ прежде англиканскій священникъ и, лишенный должности за уклоненіе отъ англиканскаго вѣроученія, велъ бродячую, распутную жизнь; притворившись католикомъ, онъ приобрѣлъ себѣ покровительство іезуитовъ, учился въ ихъ семинаріяхъ на континентѣ. Теперь, приглашенный сказать, что знаетъ о заговорѣ папистовъ, онъ сталъ говорить, что слышалъ въ іезуитскихъ семинаріяхъ много разговоровъ злодѣйскаго содержанія: тамъ говорили, что убить короля, соединившагося съ еретической Голландіей противъ католической Франціи, будетъ заслугой передъ истинной церковью, что преемникъ Карла, Іаковъ—усердный католикъ, при которомъ будетъ восстановлено господство католической церкви. Не довольствуясь этимъ, Отсъ показалъ письма, о которыхъ говорилъ, что континентальныя іезуиты дали ему ихъ для передачи англійскимъ іезуитамъ; въ этихъ письмахъ излагались мысли, соотвѣтствовавшія его увѣреніямъ о замыслѣ убить Карла; по его словамъ, на собраніи англійскихъ и пріѣхавшихъ съ континента іезуитовъ въ Лондонѣ было рѣшено убить короля, поднять возстаніе въ Шотландіи и въ Англіи, пустить французскую эскадру въ одну изъ ирландскихъ гаваней; онъ говорилъ, что по всему государству разъѣзжаютъ эмиссары, подготовляющіе возстаніе. Англичане помнили заговоры іезуитовъ противъ жизни Елизаветы, пороховой заговоръ, были убѣждены, что большой лондонскій пожаръ 1666 года былъ дѣломъ папистовъ; потому повѣрили показаніямъ Отса. Были найдены бумаги, показавшіяся подтвержденіемъ его словъ о заговорѣ папистовъ. Кольмэнъ, секретарь герцогини Йоркской, католикъ, былъ, по увѣренію Отса, соучастникомъ заговора; сдѣлавъ обыскъ у Кольмэна, захватили письма, въ которыхъ выражалась надежда, что, при содѣйствіи наслѣдника престола и при помощи Людовика, будетъ восстановлено въ Англіи католичество. Явились другіе плуты, Бедло и Керстерсъ, дававшіе

показанія въ томъ же смыслѣ, какъ Отсъ. Карль былъ чело-вѣкъ нетрусливый, считалъ показанія о заговорѣ противъ его жизни ложью или преувеличеніемъ, хотѣлъ бы прекратить слѣдствіе о немъ; но волненіе общества было такъ сильно, что онъ не могъ остано-вить дѣла. Довѣріе къ рассказамъ Отса и его помощниковъ было усилено загадочнымъ обстоятельствомъ: мировой судья Годфри, производившій слѣдствіе по обвиненіямъ противъ католиковъ, исчезъ; долго не могли узнать что произошло съ нимъ; но полагали, что онъ убитъ католиками; наконецъ нашли его тѣло на полѣ близъ Лондона. Предположеніе о его убійствѣ католиками стало казаться не-сомнѣннымъ; похороны его сопровождалась бурной демонстраціей массы. Кто выражалъ сомнѣніе, считался соучастникомъ убійства. Кольмэнъ и три іезуита были казнены; потомъ стали подвергать казни множество другихъ католиковъ. Парламентъ, открытый коро-лемъ 21 октября того (1678) года, раздѣлялъ настроеніе націи. Въ тронной рѣчи Карль долженъ былъ упомянуть, что открытъ заго-воръ, подробности котораго будутъ скоро разъяснены законными судилищами. Парламенту было мало этого. Палата общинъ стала совѣщаться о принятіи широкихъ репрессивныхъ мѣръ, о томъ, что должно удалить отъ двора и изъ Лондона всѣхъ католиковъ, кромѣ записанныхъ въ число лондонскихъ гражданъ и тѣхъ семействъ, отцы которыхъ дадутъ присягу вѣрности и супрематства; она просила короля имѣть въ отрядѣ тѣлохранителей, на кухнѣ и при погребѣ только надежныхъ протестантовъ, исключить всѣхъ католиковъ изъ палаты пэровъ. Пять пэровъ, обвиненные Тенгомъ и Отсомъ въ со-умышленіи съ заговорщиками, были посланы въ Тоуэръ. Судьи подъ давленіемъ бурныхъ требованій массы вели процессы противъ мни-мыхъ заговорщиковъ съ полнымъ забвеніемъ законности; приговоры присяжныхъ были беспощадны. Въ Лондонѣ владычествовалъ тер-роризмъ толпы; улицы были перетянуты цѣпями; передъ Гуэйттол-лемъ, гдѣ жилъ король, были поставлены пушки, какъ будто на-добно ждать нападенія заговорщиковъ; граждане Лондона сформиро-вали милицію; обыскамъ и арестамъ не было конца; тюрьмы наполнились обвиняемыми; признанія вынуждались пытками; упорство-вавшихъ въ отрицаніи своей виновности казнили мучительной смертью. По свидѣтельствамъ Отса и его товарищей, людей извѣстныхъ за негодяевъ, были казнимы католики, противъ которыхъ не было ни-какихъ уликъ, кромѣ словъ этихъ злодѣевъ. Все дѣлалось съ одоб-ренія и по требованію парламента. Оппозиція пользовалась увлече-ніемъ массы, чтобъ удалить изъ кабинета своихъ противниковъ.

Шэфтсберп, вождь патріотической партіи, враждебной абсолютизму и католичеству, хотѣлъ оградить законами Англію отъ попытокъ порабоше-нія, предлагалъ такія формы этого законодательства, которыми сохра-нялась за королемъ его законная власть, устраиваясь только личнымъ произ-

воль. Оппозиція раздѣляла это его стремленіе; но къ патріотическимъ мотивамъ примѣшивались личныя; дѣло велось посредствомъ интригъ; нація стала порицать ихъ, и благодаря тому Карлъ восторжествовалъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ требованій оппозиціи было удаленіе католиковъ и герцога Йоркскаго, главы ихъ, отъ правительственныхъ должностей; это было необходимо для прекращенія попытокъ возстановить католичество и ввести абсолютизмъ; но оппозиція, проникнутая этимъ патріотическимъ стремленіемъ, вела сношенія съ Людовикомъ, чтобъ онъ не прислалъ войска на помощь Карлу. Французскій посолъ обманывалъ ее мнимымъ сочувствіемъ, чтобъ она не дала Англіи присоединить свою армію къ голландской для борьбы съ Людовикомъ.

Карлъ чувствовалъ, что самъ виноватъ въ недовѣріи націи къ нему, опасался быть низвергнутымъ, если будетъ противиться народному увещанію, и представлялъ ему полный просторъ, хотя былъ убѣжденъ въ томъ, что обвиненія противъ католиковъ или преувеличены или совершенно ложны. По требованію палаты пэровъ, чтобы всѣ паписты были удалены съ должностей и отъ двора, Карлъ убѣдилъ своего брата не бывать въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта; далъ утвержденіе новой, болѣе строгой формѣ Акта удостовѣренія, заставившей всѣхъ католиковъ удалиться изъ парламента; дозволеніе оставаться въ немъ было дано только герцогу Йоркскому по особому рѣшенію парламента, принятому большинствомъ очень незначительнымъ. Король нисколько не мѣшалъ сажать въ темницы и казнить католиковъ за мнимый заговоръ. Но когда парламентъ поднималъ дѣло, непріятное лично ему, онъ распустилъ его. Лордъ-казначей Дэнби, врагъ католиковъ, былъ заподозрѣнъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ французскимъ правительствомъ черезъ Барильона, французскаго посланника въ Лондонѣ, и Ральфа Монтегю, англійскаго посланника въ Парижѣ; палата общинъ хотѣла предать его суду. Главнымъ обвиненіемъ было то, что онъ просилъ денегъ у Людовика. Онъ просилъ ихъ по порученію своего короля, но не захотѣлъ открыть эту тайну и такимъ образомъ долженъ былъ казаться продавшимъ себя Людовику.

Карлъ не хотѣлъ разстаться съ своимъ первымъ министромъ, безгранично преданнымъ ему; другой причиной рѣшимости Карла распустить парламентъ было то, что обѣ палаты хотѣли сформировать милицію, зависимую отъ парламента, а не отъ короля. Палата общинъ, выбранная 18 лѣтъ тому назадъ и въ первые годы усердно возстановлявшая прерогативу (власть) короля, перестала имѣть довѣріе къ нему, увидѣла надобность защищать отъ него законный порядокъ. Онъ понималъ, что ужь не можетъ возвратитъ себя ей довѣріе и 24 января 1679 распустилъ парламентъ. Результатами патріотической дѣятельности палаты общинъ въ послѣдніе годы было установленіе тѣхъ основныхъ правилъ англійскаго государственнаго устройства, что власть короля ограничена законами, что его министры отвѣтственны передъ парламентомъ (то-есть должны быть удаляемы, когда парламентъ потребуетъ того). Но прежде чѣмъ эти правила получили прочность, Англіи пришлось выдержать много опасностей ихъ нарушенія. Стюарты не могли искренно отказаться отъ своихъ притязаній на абсолютную власть.

4. Продолженіе борьбы парламента съ Карломъ II. Виги и тори.

Борьба на выборахъ въ февралѣ 1679 была такъ сильна, какъ не бывала со времени выборовъ въ тотъ парламентъ, который получилъ названіе Долгаго. На пріобрѣтеніе голосовъ расходовались большія суммы; крупные землевладѣльцы раздавали фиктивными продажами участки своихъ имѣній зависящимъ отъ нихъ людямъ, чтобы дать имъ право голоса. Депутаты оппозиціи были выбраны вновь, и вмѣсто многихъ изъ сторонниковъ правительства были выбраны кандидаты оппозиціи. Новая палата общинъ обратила свои нападенія на главныхъ враговъ законнаго порядка—на герцога Йоркскаго и Дэнби, которому король далъ санъ маркиза. Чтобы спасти брата и перваго министра отъ обвиненія въ измѣнѣ, Карлъ былъ готовъ на большія уступки. Архіепископъ кентерберійскій и епископъ уинчестерскій убѣждали Іакова возвратиться къ протестантству; онъ, находясь подъ вліяніемъ духовника и жены, горячей католички, рѣшительно отвергъ этотъ совѣтъ; Карлъ велѣлъ ему уѣхать въ Брюссель, надѣясь смягчить этимъ изгнаніемъ оппозицію противъ него; вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ сказалъ лорду-мэру и ольдермэнамъ Лондона, что распустилъ войска; онъ говорилъ, что оставляетъ Дэнби въ должности лорда-казначея только до приведенія дѣлъ въ порядокъ. При открытіи парламента (16 марта 1679) король и лордъ-канцлеръ Финчъ сильно увѣрили, что правительство рѣшилось противоудѣлствовать тенденціямъ папистовъ. Но національная партія, вождемъ которой въ палатѣ общинъ былъ Уильямъ Роѣссель, сынъ графа Бедфордъ, осталась тверда. Король далъ письменное увѣреніе, что Дэнби не виноватъ ни въ чемъ. Палата общинъ не согласилась съ этимъ и приняла билль, осуждавшій Дэнби на смертную казнь за нарушеніе законовъ. При перенесеніи этого билля смертной казни въ палату пэровъ Дэнби искусно защищался. Король спасъ его отъ смерти грамотой о помилованіи, но принужденъ былъ лишить его должности и согласиться на то, чтобъ онъ былъ посаженъ въ Тоуэръ. (Онъ оставался тамъ пять лѣтъ).

Видя себя въ очень опасномъ положеніи, Карлъ обратился къ помощи Уильма Темпля, пользовавшагося репутаціей честнаго и умнаго государственнаго человека. Темплъ принялъ на себя управленіе дѣлами, но лишь подъ условіемъ, чтобы король согласился назначить членами государственнаго совѣта людей независимыхъ, пользующихся уваженіемъ націи. Государственный совѣтъ передъ тѣмъ временемъ состоялъ изъ 15 членовъ; по требованію Темпля, король назначилъ столько же новыхъ изъ числа вождей оппозиціи въ палатѣ пэровъ и палатѣ общинъ; важнѣйшими изъ нихъ были Россель, Кэвендишъ, Поулъ (Powle), члены палаты общинъ и пэры графъ Шэфтсбери, графъ Эссексъ и виконтъ Галифаксъ (Halifax).

Предсѣдателемъ государственнаго совѣта былъ назначенъ Шэфтсбери. Темплъ надѣялся, что новый государственный совѣтъ будетъ удерживать Карла отъ противозаконныхъ поступковъ, возобновитъ довѣріе націи и парламента къ королю. Но это оказалось неудобносполнимъ. Началось съ того, что король объявилъ Темплю невозможнымъ передавать дѣла, требующія тайны, на разсмотрѣніе совѣта, состоящаго изъ 30 членовъ, и сталъ совѣщаться о важнѣйшихъ дѣлахъ только съ четырьмя лицами: Темплемъ, Эссексомъ, Галифэксомъ и графомъ Сондерлендомъ; ему сначала неприятна была необходимость принять въ число этихъ ближайшихъ совѣтниковъ Галифэкса, на котораго досадовалъ онъ за рѣзкія оппозиціонныя рѣчи; но, будучи принятъ въ совѣтъ ихъ, Галифэксъ, человѣкъ очень умный, быстро приобрѣлъ, благодаря гибкости своего характера, полное довѣріе короля; обольставшись почестями, онъ измѣнилъ оппозицію, перешелъ на сторону Карла и сталъ поддерживать короля въ стремленіи расширить монархическую власть. Сондерлендъ былъ человѣкъ очень даровитый, но не имѣвшій никакихъ нравственныхъ правилъ; Макколе характеризуетъ его словами, что природа дала ему пронырливый умъ, предпримчивый и злой характеръ, холодное сердце и подлую душу. Довѣй патристическія, онъ приобрѣлъ большое вліяніе на дѣла и, угождая Карлу, повелъ ихъ такъ, что новое правительство скоро утратило довѣріе націи.

Королю больше всего хотѣлось упрочить за братомъ наследованіе престола. При отъѣздѣ Іакова въ Брюссель, Карлъ обѣщался ему не соглашаться на отнятіе у него права наследованія. Чтобы смягчить сопротивление парламента, Карлъ выражалъ готовность дать гарантіи, которыя устраняли бы всякую опасность для религіи и законовъ отъ будущаго короля католика. Лордъ-канцлеръ предложилъ отъ имени короля парламенту проекты законовъ, объявлявшіе неприкосновенность англиканской церкви и англійской конституціи, исключавшіе католиковъ отъ всякаго участія въ администраціи, судѣ и парламентѣ, отнимавшіе у католическаго короля право назначенія на епископскія катедры и другія церковныя должности, обезпечившія парламентъ отъ произвольнаго распущенія Іаковымъ по смерти Карла. Въ рѣчи лорда-канцлера были слова, показывавшія, что Карлъ согласится даже при назначеніи начальниковъ арміи спрашивать одобренія парламента. Но оппозиція не вѣрила никакимъ обѣщаніямъ; нельзя было надѣяться, что Іаковъ, сдѣлавшись королемъ, будетъ соблюдать заключенный его братомъ договоръ, противорѣчащій его религіознымъ убѣжденіямъ. Оппозиція говорила, что никакія обѣщанія Карла не защитятъ патріотовъ отъ мщенія фанатическаго Іакова; связывать Іакова присягами все равно какъ было бы связывать Самсона ивовыми прутьями; когда онъ сдѣлается королемъ, то надобно будетъ или принимать папизмъ или ждать себя сожженія на кострѣ. Вождь оппозиціи въ палатѣ пэровъ былъ Шэфтсбери, предсѣдатель государственнаго совѣта, въ палатѣ общинъ Россель, членъ этого совѣта. Въ палатѣ пэровъ было много людей придворной партіи; потому въ ней было отвергнуто предло-

женіе Шэфтсбери отнять у Іакова право престолонаслѣдія. Но въ палатѣ общинъ имѣла большинство національная партія и было принято рѣшеніе, что власть парламента неограничена, простирается на все дѣла общественнаго блага, потому и на дѣло о престолонаслѣдіи, и что парламентъ въ своихъ рѣшеніяхъ не связанъ правилами престолонаслѣдія. Палата общинъ огромнымъ большинствомъ голосовъ приняла (22 мая 1679) билль, исключавшій герцога Йоркского отъ наследованія престола и постановлявшій, что по смерти Карла корона должна перейти къ ближайшему по родству лицу протестантскаго исповѣданія.

Говорили, что Шэфтсбери желалъ передать наследованіе престола побочному сыну Карла, герцогу Монмута (Monmouth); мать Монмута, Льюис Уолтерсъ, жившая съ Карломъ во время его изгнанія, была женщиною очень вѣтренная, такъ что враги Монмута выражали сомнѣніе въ томъ, что отецъ его Карлъ. Но Карлъ нѣжно любилъ его, женилъ на наследницѣ герцога Воклю, такъ что онъ сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Шотландіи, далъ ему титулъ герцога Монмута, назначилъ его главнокомандующимъ въ войнѣ съ Голландіей, а теперь по предложенію Шэфтсбери сдѣлалъ членомъ государственнаго совѣта. Онъ былъ красивый молодой человѣкъ, держалъ себя любезно, выказалъ на войнѣ храбрость, былъ твердый протестантъ, потому англичане любили его и прощали ему безпорядочный образъ жизни. Но Карлъ при всей любви къ сыну не хотѣлъ измѣнить въ его пользу законъ о престолонаслѣдіи.

Билль объ исключеніи Іакова отъ престолонаслѣдія раздражилъ короля; онъ 27 мая (1679 года) отсрочилъ засѣданія парламента и потомъ распустилъ его. Последнимъ дѣйствіемъ парламента въ эту сессію было принятіе Акта (закона) Habeas corpus, остающагося и теперь важнѣйшей гарантіей личной свободы въ Англіи. Этотъ законъ постановилъ, что никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ по письменному распоряженію властей, обозначающему причины ареста и что арестованный долженъ быть до истеченія опредѣленнаго срока (почти во всѣхъ случаяхъ не превышающаго трехъ дней) представленъ суду; онъ постановлялъ также, что никто не можетъ быть отвозимъ въ темницу за предѣлы своего графства и опредѣлялъ случаи, въ которыхъ арестованный долженъ быть освобожденъ подъ поруку или денежный залогъ. Король, готовившійся назначить новые парламентскіе выборы, утвердилъ этотъ актъ, воспрепещавшій произвольные аресты, желая смягчить неудовольствіе на распущеніе парламента.

Актъ Habeas corpus не остановилъ произвольные аресты католиковъ, потому что масса націи еще волновалась тогда опасеніемъ католическихъ заговоровъ. Обвиняемые Отсомъ и его товарищами были попрежнему арестуемы, судьи и присяжные оставались расположены осуждать обвиненныхъ, какъ бы шатки и разиорѣчивы ни

были обвиненія; казни продолжались. Въ іюнѣ были повѣшены пять іезуитовъ, потомъ были подвергнуты смерти нѣсколько другихъ католическихъ священниковъ и Лэнгоръ, знаменитый юристъ. Всѣ они до послѣдней минуты говорили, что невинны. Когда усердіе судей казалось ослабѣвающимъ, распространялись новые слухи, являлись новыя обвиненія. Негодѣй, много разъ наказанный за преступленія, Денджерфильдъ, былъ нанятъ дамой католическаго исповѣданія, лэди Поуисъ заявить обвиненіе въ заговорѣ противъ протестантскихъ нонконформистовъ, чтобъ ослабить раздраженіе на католиковъ; онъ объявилъ, что лэди Поуисъ подкупала его; это увеличило озлобленіе массы. Въ Тоуэрѣ находилось много арестованныхъ знатныхъ католиковъ, ожидавшихъ казни.

При раздраженіи націи восторжествовали на выборахъ кандидаты оппозиціи. Особенно много было выбрано пресвитеріанъ, какъ непримиримѣйшихъ противниковъ папизма. Казалось, что возобновляются времена Долгаго парламента. Въ Шотландіи ковенантеры начали воставать противъ ига, наложеннаго на нихъ тиранствомъ епископальной церкви. Шэръпъ, архіепископъ Сентъ-Эндрусскій, одинъ изъ жесточайшихъ преслѣдователей пресвитеріанства, былъ убитъ на дорогѣ въ Единбургъ. Это было дѣломъ фанатичныхъ пресвитеріанъ, отмстившихъ «Іудѣ шотландской церкви, обagrившему руку свою въ крови святыхъ». Правительство стало строго разыскивать виновныхъ; это произвело возстаніе въ окрестностяхъ Глазго. Мятежи были прекращены пріѣздомъ добродушнаго и любимаго народомъ герцога Монмута, которому король поручилъ успокоить Шотландію. Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ увеличилъ его вліяніе въ Англіи, и у него возникли честолюбивыя замыслы. Онъ сталъ говорить, что король былъ тайно повѣнчанъ съ его матерью; будучи законнымъ сыномъ, онъ долженъ былъ имѣть прямое право наследовать престолъ; народная любовь къ нему пополняла недостаточность достовѣрности въ его словахъ; онъ могъ успѣшно начать борьбу противъ отступника Іакова, какъ защитникъ протестантства и свободы.

Придворная партія считала положеніе дѣлъ опаснымъ и, когда король запереть, тайно призвала герцога Йоркскаго въ Лондонъ. По выздоровленіи брата, онъ поѣхалъ въ Брюссель за своимъ семействомъ и поселился съ нимъ въ Шотландіи. Монмутъ тоже былъ высланъ изъ Лондона, уѣхалъ на нѣсколько времени въ Голландію, но вскорѣ возвратился въ Англію и сталъ вмѣстѣ съ Шэфтебери волновать народъ, чтобы вынудить у короля согласіе на передачу ему права престолонаслѣдія.

Но Карлъ остался твердъ, отнялъ у Шэфтебери председательство въ государственномъ совѣтѣ и отлагалъ съ одного срока на другой созваніе парламента, котораго требовала вся нація. Волненіе въ пользу протестантскаго герцога, какъ называли Монмута, усилива-

лось; всѣ патріоты были за него, народъ видѣлъ въ немъ единственнаго человѣка, который можетъ спасти націю отъ католической реакціи. Онъ велѣлъ замѣнить на своихъ экипажахъ прежній гербъ новымъ, принадлежащимъ исключительно принципамъ королевской фамиліи. Главою агитаціи былъ Шэфтебери. Онъ дѣйствовалъ неутомимо, хотя здоровье его было въ это время очень слабо; онъ походилъ на умирающаго, но сохранялъ всю силу ума. По совѣту Шэфтебери, политическіе друзья его Россель, Кэвендишъ, Эссексъ потребовали отставки отъ должности членовъ государственнаго совѣта; король съ радостью далъ имъ ее; управленіе дѣлами сосредоточилось въ рукахъ Сондерленда (Sunderland) и Лоренса Гейда; правительство рѣшительно разошлось съ національной партіей; она созывала митинги, дѣйствовала посредствомъ памфлетовъ и адресовъ; правительство стѣсняло право народа собираться и подавать адреса, ограничило свободу печати.

Барильонъ, посланникъ Людовика, велъ сношенія и съ дворомъ и съ вождями національной партіи, давалъ деньги вліятельнымъ людямъ обѣихъ боровшихся сторонъ, чтобъ раздоры обезсиливали Англію, устранили опасность, что она присоединится къ коалиціи противъ Людовика, дѣлавшаго тогда свои «возсоединенія». Однимъ изъ патріотовъ, вошедшихъ въ сношенія съ Барильономъ, былъ Эмджернонъ Сидни; черезъ него посланникъ Людовика дѣйствовалъ на другихъ вождей оппозиціи въ палатѣ общинъ; съ національной партіей въ палатѣ пэровъ Барильонъ сносился черезъ Бокингэма. Вліятельнѣйшая любовница короля, герцогиня Портсмутъ усердно помогала ему; сторонникомъ его въ кабинетѣ былъ Лоренсъ Гейдъ, второй сынъ бывшаго канцлера Клэрэндона, братъ первой жены герцога Йоркскаго, человѣкъ умный, ловкій интригантъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Карла, имѣвшій очень сильное вліяніе на дѣла. Людовикъ по расчету своихъ выгодъ присылалъ Барильону инструкціи помогать то герцогу Йоркскому, то Монмуту.

Въ парламентѣ, открытомъ 21 октября 1680, громадное большинство членовъ палаты общинъ принадлежало къ патріотической партіи. Король въ тронной рѣчи старался отвлечь вниманіе парламента отъ внутреннихъ дѣлъ, выставяя надобность заняться вопросами иностранной политики. Парламентъ отвѣчалъ требованіемъ обезпечить англиканскую церковь отъ интригъ папистовъ. Оппозиція внесла въ палату общинъ билль, объявлявшій герцога Йоркскаго лишеннымъ права наследовать престолъ. Герцогъ хотѣлъ пріѣхать въ Лондонъ, чтобъ лично опровергнуть, какъ онъ говорилъ, обвиненія противъ него; но король опасался, что пріѣздъ его увеличитъ опасенія патріотовъ и что палата общинъ начнетъ противъ него процессъ, какъ противъ измѣнника, что парламентъ велитъ арестовать его; правительство не имѣло бы силы помѣшать этому. Потому Карлъ

заставил брата возвратиться въ Шотландію. Національная партія хотѣла соединить массу народа въ политическое общество, которое называла она союзомъ для огражденія безопасности короля и протестантской церкви, и поставить во главѣ этого общества герцога Момонта, жившаго теперь въ Лондонѣ. Споры о наслѣдованіи престола были бурны. Придворная партія говорила, что переходъ въ католичество не отнимаетъ права наслѣдовать престолъ, предлагала гарантіи для обезпеченія протестантской церкви при королѣ-католикѣ; патріоты доказывали историческими фактами и юридическими доводами, что парламентъ имѣетъ право постановлять, кому долженъ принадлежать престолъ, говорили, что по правиламъ католической церкви дозвоительно для пользы ея нарушать всякія обѣщанія, напоминали о преслѣдованіи протестантовъ при Маріи, о Варолюмеевской ночи, о другихъ злодѣйствахъ, какія были совершаемы католическими правительствами для истребленія протестантовъ, объясняли этими причинами, чего должна ждать Англія отъ короля-католика: онъ будетъ конфисковать имѣнья протестантовъ, жечь ихъ самихъ. Палата общинъ огромнымъ большинствомъ приняла 21 ноября 1680 билль объ исключеніи Іакова отъ престолонаслѣдія; многочисленная депутация ея, во главѣ которой былъ Уильямъ Россель, передала этотъ билль палатѣ пэровъ. Къ депутации присоединились лордъ-мэръ и многіе ольдермэны Лондона, хотя прежде граждане его не особенно сильно требовали исключенія Іакова, опасаясь междоусобія. Шефтсбери и Эссексъ убѣждали пэровъ принять билль; но Гэлифэксъ, краснорѣчіе котораго выказалось при этомъ случаѣ во всемъ своемъ блескѣ, склонилъ большинство пэровъ отвергнуть билль; за него подали голоса только 30 пэровъ, противъ него 63. Но палата пэровъ сдѣлала общественному мнѣнію ту уступку, что постановила гарантіи для огражденія протестантства и конституціи отъ произвола Іакова. Она не была расположена къ нему; не былъ сторонникомъ его и самъ Гэлифэксъ, склонившій большинство пэровъ въ его пользу; она только опасалась повредить монархическому принципу измѣненіемъ порядка престолонаслѣдія.

Оппозиція была раздражена тѣмъ, что палата пэровъ отвергла билль объ исключеніи Іакова; масса народа увидѣла въ этомъ доказательство, что католическая реакція владычествуетъ при дворѣ и въ близкомъ къ нему кругу. Волненіе увеличилось, усилились требованія, чтобы процессы по наказанію католиковъ, обвиняемыхъ въ заговорѣ, были ведены строже прежняго; они передъ тѣмъ временемъ почти прекратились; палата общинъ заставила правительство возобновить ихъ. Жертвой этого раздраженія сдѣлался Томасъ Гоуэрдъ, виконтъ Стэффордъ, старикъ, имѣвшій почти 70 лѣтъ; онъ на основаніи свидѣтельства, достовѣрность котораго казалась сомнительна даже простолюдинамъ, былъ казненъ 29 декабря (1680 года).

Взошедши на эшафотъ, онъ сказалъ, что онъ невиненъ; стоявшій кругомъ народъ закричалъ: «Мы вѣримъ вамъ, милордъ; да будетъ надъ вами благословеніе Божіе!» Оппозиція говорила, что должно предать суду за соучастіе въ заговорѣ самого герцога Йоркского, на котораго бросали подозрѣнія письма, найденныя у секретаря его жены Кольмэна. Палата общинъ возобновила требованіе, чтобы онъ былъ лишенъ права престолонаслѣдія; требовала, чтобы всѣ должности въ администраціи, въ трибуналахъ и въ войскахъ были занимаемы исключительно людьми, несомнѣнно преданными протестантству, хотѣла смягчить законы противъ пресвитеріанъ и другихъ диссентеровъ; присоединила къ своему согласію на денежныя требованія правительства такія условія, которыя король напелъ подчиняющими его управленію контролю парламента, угрожала подвергнуть отвѣтственности тѣхъ капиталистовъ, которые дадутъ деньги взаимному правительству, требовала, чтобы парламентъ былъ созываемъ ежегодно.

Король рѣшился распустить парламентъ, и чтобы не нуждаться въ деньгахъ отъ него, снова вступилъ въ тайный союзъ съ Людовикомъ, обѣщавшимъ давать ему ежегодную субсидію, когда онъ распустилъ парламентъ. Карлъ послалъ 20 января (1681 года) объявленіе парламенту, что отсрочиваетъ его засѣданія. Людовикъ обѣщался давать Карлу ежегодно 2.000.000 ливровъ; по мнѣнію Гейда, этихъ денегъ вмѣстѣ съ пожизненными доходами, данными парламентомъ королю въ началѣ его правленія, было достаточно для покрытія необходимѣйшихъ расходовъ. Договоръ съ Людовикомъ былъ заключенъ только изустно, чтобы не могло быть найдено доказательствъ его существованія.

Въ это время вошли въ употребленіе названія виговъ и тори. Вигами первоначально были называемы тѣ шотландскіе непоколебимые ковенантеры, которые образовали союзъ для того, чтобы при содѣйствіи англійскихъ республиканцевъ одолѣть умѣренныхъ пресвитеріанъ, примирившихся съ Карломъ I. Это общество было основано на собраніи въ Гуиггэморедѣ (Whiggamoraide); говорятъ, что первый слогъ этого имени и сталъ названіемъ противниковъ королевской власти. (По-англійски слово вигъ пишется Whig, произносится гуигъ). Названіе тори возникло, какъ говорятъ, въ сѣверной Ирландіи и обозначало тѣхъ католиковъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ защищали католичество и свои старые обычаи отъ протестантства и распоряженій англійскаго правительства, разрушавшихъ прежній бытъ. Оба эти названія были первоначально употребляемы въ смыслѣ порицанія и презрѣнія. Защитники правъ Іакова на престолонаслѣдіе получили отъ оппозиціи названіе тори, а сами называли членовъ оппозиціи вигами. Новыя имена партій соотвѣтствовали прежнимъ названіямъ «каваліры» и «круглоголовые». Виги, вождями которыхъ были Шефтсбери, Эльджернонъ Сидни, Уильямъ

Россель, Гре (Grey), держались того принципа, что конституция—договоръ между королемъ и націей и что въ случаѣ нарушенія этого договора королемъ, нація имѣетъ право защищать конституцію силой оружія; тори, сторонники короля, утверждали, что конституция—добровольное пожалованіе правъ народу королемъ, что королевская власть не зависитъ отъ народа и что подданные обязаны безусловно повиноваться королю (имѣть такъ называемое пассивное повиновеніе). Огромное большинство англиканскаго духовенства держалось торійскаго принципа; онъ властвовалъ въ Оксфордскомъ университетѣ, главномъ центрѣ англиканскаго богословія.

За отсрочкой засѣданій парламента послѣдовало распушеніе его и назначеніе новыхъ выборовъ. Лондонъ горячо поддерживалъ оппозицію и выбралъ прежнихъ своихъ депутатовъ; потому король назначилъ мѣстомъ собранія парламента Оксфордъ, въ которомъ властвовали тори. Депутаты виговъ опасались подвергнуться тамъ насилиямъ и пріѣхали въ сопровожденіи вооруженныхъ людей. Они носили голубые шарфы и ленты съ надписью: «Прочь папизмъ! прочь рабство!» Открывая парламентъ 21 марта (1681 года), король въ тронной рѣчи выразилъ готовность дать всякія гарантіи для безопасности протестантства и конституціи; но сказалъ, что рѣшительно несогласенъ отнять у своего брата право престолонаслѣдія. А это было главнымъ требованіемъ оппозиціи. Герцогъ Йоркскій отвѣчалъ отказомъ на новое приглашеніе возвратиться къ протестантству. Умѣренная часть оппозиціи хотѣла, чтобы по смерти Карла онъ имѣлъ только титулъ короля, а государствомъ управлялъ протекторъ (регентъ) по согласію съ государственнымъ совѣтомъ. Протекторомъ она хотѣла назначить Вильгельма Оранскаго, мужа старшей дочери Іакова. Шэфтсбери и его друзья считали это недостаточнымъ для устраненія опасности нарушенія законовъ Іаковымъ и хотѣли, чтобы Карлъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ Монмута. Карлъ твердо противился обоимъ этимъ предложеніямъ, говорилъ, что нарушеніе порядка престолонаслѣдія повредитъ спокойствію государства. Палата общинъ требовала, чтобы палата пэровъ и король приняли билль объ исключеніи Іакова отъ наслѣдованія престола; Карлъ всячески противился этому.

Примиреніе было невозможно. Карлъ ободрился, видя, что палата пэровъ несогласна съ требованіемъ палаты общинъ, и рѣшилъ распустить парламентъ. Не сказавъ никому о своемъ намѣреніи, онъ 29 марта отправился въ палату пэровъ, пригласилъ туда палату общинъ и объявилъ, что распускаетъ парламентъ. Говорятъ, что Шэфтсбери убѣждалъ членовъ оппозиціи въ обѣихъ палатахъ объявить распушеніе парламента противозаконнымъ и продолжать засѣданія. Но это было бы формальнымъ возстаніемъ и большинство оппозиціи не захотѣло подвергать государство риску междоусобной,

войны. Парламентъ разошелся. Съ 1 апрѣля начались платежи субсидій, обѣщанной Людовикомъ Карлу; она составляла пять милліоновъ ливровъ. Сроки платежа были распределены на три года. Карлъ за эти деньги обязался не присоединяться къ союзу континентальныхъ государствъ противъ Людовика, и дѣйствовать дипломатическими средствами въ пользу Франціи. Вильгельмъ Оранскій, поставившій задачей своей жизни сопротивленіе завоеваніямъ Людовика, пріѣхалъ въ іюль въ Лондонъ убѣждать Карла, чтобы онъ присоединился къ составлявшейся противъ Людовика коалиціи. Договоръ Карла съ Людовикомъ былъ тайный и Вильгельмъ еще не зналъ о немъ; разумеется, его совѣты были отвергнуты Карломъ. Черезъ нѣсколько недѣль Людовикъ захватилъ Страсбургъ. Барильонъ тогда секретно далъ Лоренсу Гейду 50.000 ливровъ на покрытіе необходимыхъ текущихъ расходовъ англійскаго двора и не взялъ даже росписки, чтобы вѣрнѣе сохранился секретъ. Итакъ, Карлъ своимъ мотовствомъ довелъ себя до такого униженія, что долженъ былъ выпрашивать денегъ у Людовика даже на свои текущіе домашніе расходы.

5. Послѣдніе годы царствованія Карла.

Ропотъ, возбужденный новымъ распушеніемъ парламента, былъ такъ силенъ, что боязливые люди опасались взрыва междоусобной войны. Но масса народа не желала ея, потому стала утѣшать себя мыслью, что законы могутъ оставаться неприкосновенными и при католическомъ королѣ. Многие были недовольны тѣмъ, что оппозиція, требуя исключенія Іакова отъ престолонаслѣдія, подвергала страну опасности междоусобной войны. Роялисты ободрились. Кембриджскій университетъ подалъ королю адресъ, излагавшій торійское ученіе, что королевская власть основана не на договорѣ, а на наслѣдственномъ правѣ, которое не можетъ быть отмѣнено никакимъ закономъ. Партія Высокой церкви ненавидѣла оппозицію ужъ и по одному тому, что пресвитеріане и другіе диссентеры желали устраненія Іакова отъ престола; она усердно поддерживала Карла, объявившаго, что онъ будетъ охранять владычество епископальной церкви, строго примѣнять законы противъ папистовъ и диссентеровъ. Прошенія королю объ исключеніи Іакова отъ престолонаслѣдія были малочисленны сравнительно съ множествомъ адресовъ, заявлявшихъ преданность королю. Противники билля объ исключеніи Іакова пріобрѣли господство и въ Шотландіи. Іаковъ былъ назначенъ королевскимъ комиссаромъ въ ней вмѣсто лорда Лодердела, безнадежно больного и близкаго къ смерти. Онъ свирѣпо преслѣдовалъ ковенантеровъ, каз-

нилъ множество ихъ. Шотландскій парламентъ, открытый имъ въ августъ 1681 г., призналъ его право на престолъ. Если бъ онъ послушался брата и Гейда, убѣждавшихъ его сдѣлать притворное заявленіе о возвращеніи къ англиканскому исповѣданію, то враждебная ему партія стала бы совершенно безсильна и въ Англіи. Но онъ былъ упорный фанатикъ.

Правительство еще опасалось защищать католиковъ; процессы по обвиненіямъ ихъ въ заговорѣ продолжались; въ числѣ другихъ былъ казнень Оливеръ Плонкетъ, католическій архіепископъ Эрмескій (Armagh). Но не отваживаясь вступаться за невинныхъ католиковъ, Карлъ и его министры уже чувствовали себя достаточно сильными, чтобы начать преслѣдованія противъ оппозиціи. Шэфтсбери былъ подвергнутъ обвиненію въ умыслѣ убить короля и ввести республиканское правленіе. Но большое джюри графства миддлсекскаго, — то собраніе присяжныхъ, которому принадлежало по закону право разсмотрѣть вопросъ о преданіи Шэфтсбери суду, объявило обвиненіе неосновательнымъ. Это рѣшеніе было принято гражданами Лондона съ восторгомъ. Тори продолжали агитацію противъ оппозиціи; издавали памфлеты, политическія стихотворенія; стали писать противъ оппозиціи Дрейденъ, знаменитѣйшій поэтъ того времени. Центромъ оппозиціи былъ Лондонъ; городской совѣтъ Сити служилъ сильной опорой ея. Шэфтсбери былъ сдѣланъ гражданиномъ Сити, записался въ одну изъ гильдейскихъ корпорацій; вліятельные члены городского управления Сити находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Правительство рѣшилось подавить самостоятельность лондонскаго городского управления. Въ прошеніяхъ, которыя подавали королю лондонскія корпораціи, были найдены выраженія, допускавшія истолкованіе въ революціонномъ смыслѣ. Это было взято предлогомъ для отнятія автономіи у Лондона. Оппозиція говорила, что нѣкоторыя изъ прошеній, послужившихъ предлогомъ для обвиненія, никогда не были поданы, а составлены подложно, что выраженія другихъ, называемыя мятежными, имѣютъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой приписываетъ имъ правительство; но юристы правительства объявили, что городское управленіе Лондона виновно въ нарушеніи своихъ обязанностей и что у него должна быть отнята грамота (хартія, charter), на которой основана его автономія и которую оно нарушило. Ему была дана новая хартія, поставившая городское управленіе въ полную зависимость отъ правительства. Она постановляла, что лордъ-мэръ и шерифы не могутъ вступать въ свою должность иначе, какъ съ утвержденія короля. То же самое было сдѣлано съ другими городами: подъ разными предлогами прежнія грамоты ихъ были замѣняемы другими, подчинявшими ихъ управленіе волѣ короля. Онъ допускалъ къ высшимъ городскимъ должностямъ только людей преданныхъ ему. Въ процессахъ, которыми про-

изводилось это подавленіе самостоятельности городовъ, главную роль игралъ верховный судья Джеффрисъ.

Виги утратили силу; Людовикъ угождалъ Карлу и выказывалъ большое расположеніе къ Іакову. Карлъ почувствовалъ свою силу окрѣпшей и дозволилъ брату возвратиться ко двору; герцогиня Портсмутъ, имѣвшая прежде вражду противъ Іакова и его супруги, примирилась съ нимъ, получивъ отъ него обѣщаніе, что, сдѣлавшись королемъ, онъ оставитъ ей и сыну ея герцогу Ричмонду пенсіи, данныя имъ Карломъ. Іаковъ возвратился въ Лондонъ 19 апрѣля 1682. Вильгельмъ Оранскій былъ врагомъ Людовика; въ случаѣ устраненія Іакова отъ престола, королевою стала бы старшая дочь его Марія, и власть перешла бы къ ея мужу Вильгельму; потому Людовикъ поддерживалъ право Іакова на престолъ. Масса дворянства и духовенства перешла на сторону защитниковъ неприкосновенности порядка престолонаслѣдія; правительство устранило пресвитеріанъ, квакеровъ и другихъ нонконформистовъ отъ всѣхъ должностей по городскому управленію Лондона, стѣснило свободу выборовъ, подкупало избирателей и достигло того, что въ декабрѣ 1682 управленіе Лондономъ перешло къ партіи тори; оппозиція въ Лондонѣ была подавлена.

Вожди патріотической партіи требовали, чтобы король созвалъ новый парламентъ. Шэфтсбери обѣщалъ Карлу, что новая палата общинъ дастъ ему много денегъ, если онъ согласится на ограниченіе власти будущаго короля, католика Іакова. Но Карлъ отвергъ это предложеніе и не хотѣлъ созвать новый парламентъ. Виги стали думать о томъ, чтобы силой предотвратить введеніе абсолютизма и возстановленіе католичества; подъ руководствомъ Шэфтсбери, скрывавшагося въ Сити, начались приготовленія къ тому, чтобы сдѣлать Монмота наслѣдникомъ престола или назначить Вильгельма регентомъ по смерти Карла. Шэфтсбери говорилъ, что герцогъ Йоркскій будетъ скитальцемъ на землѣ, какъ Каинъ. Заговорщики склонили Монмота къ участию въ задуманномъ возстаніи; предполагалось начать его одновременно въ Лондонѣ, Честерѣ, Бристолѣ, Ньюкестлѣ, Шотландіи, провозгласить Монмота наслѣдникомъ престола, установить законъ, чтобы парламентъ былъ созываемъ ежегодно, обезпечить другими законами свободу выборовъ въ парламентъ и на городскія должности, сдѣлать милицію независимой отъ короля, подвластной исключительно парламенту, отмѣнить законы противъ диссентеровъ. Шэфтсбери говорилъ, что въ Лондонѣ находится 10.000 храбрыхъ молодыхъ людей, которые по первому его знаку возьмутся за оружіе; ему было 60 лѣтъ; онъ страдалъ подагрой, не надѣялся прожить долго, потому желалъ спѣшить дѣломъ упроченія свободы въ Англіи. Но не всѣ виги были согласны съ его планомъ. Уильямъ Россель не хотѣлъ поднимать въ Лондонѣ междоусобную войну и въ особенности отвергалъ мысль о нападеніи на дворецъ. Монмотъ колебался дѣйствовать

по совѣту Шэфтсбери, и когда король велѣлъ арестовать его (въ октябрѣ 1682), онъ безъ сопротивленія покорился этому распоряженію. Эльджернонъ Сидни думалъ о введеніи республиканскаго устройства; большинство виговъ находило планъ Шэфтсбери слишкомъ рискованнымъ; виги нѣсколько разъ собирались на совѣщанія; но не могли прійти ни къ какому общему рѣшенію. Шэфтсбери сказалъ своимъ противникамъ возстанія, что они будутъ казнены или повѣшены и уѣхалъ въ Голландію; быть можетъ онъ надѣялся установить согласіе между Вильгельмомъ и Монмотомъ; но тревоги послѣдняго времени и буря, которой подвергся онъ на пути изъ Англіи въ Голландію, усилили его болѣзнь и черезъ три мѣсяца по приѣздѣ онъ умеръ (въ январѣ 1683).

Предсказаніе Шэфтсбери скоро сбылось. Отъ большого заговора виговъ, подготовлявшаго возстаніе, отдѣлилась группа нѣсколькихъ фанатиковъ, задумавшихъ нападеніе на короля и его брата; вожди виговъ не знали объ этомъ замыслѣ. Составители его предполагали убить или захватить въ плѣнъ Карла и Іакова на дорогѣ изъ Нью-мэркета въ Лондонъ; мѣстомъ нападенія выбрали они ложбину на этой дорогѣ. По сосѣдству было поселеніе, называвшееся Рейгаусомъ (Rye House); заговорщики собирались въ башнѣ одного изъ домовъ этого поселенія. Но король и его братъ проѣхали въ Лондонъ раньше, чѣмъ ожидали заговорщики. Замыселъ нападенія скоро былъ открытъ. Ромбольтъ, владѣтель дома, въ башнѣ котораго собирались заговорщики, успѣлъ бѣжать въ Голландію. Нѣкоторые другіе соучастники замысла, въ числѣ ихъ Уолькотъ, бывший офицеръ кромвелевской арміи, были арестованы и казнены. По мѣсту, въ которомъ собирались они, умыселъ ихъ называется рейгаусскимъ заговоромъ.

При допросахъ участниковъ рейгаусскаго заговора обнаружилось, что они рассчитывали содѣйствовать успѣху болѣе обширнаго заговора: они полагали, что въ случаѣ успѣха ихъ дѣла вожди виговъ призвуютъ народъ къ возстанію. Потому правительству было нетрудно выставить рейгаусскій заговоръ частью общаго заговора виговъ, обвинить вождей этой партіи въ сообщничествѣ съ рейгаусскими заговорщиками. Россель, Сидни, Гэмпденъ (внукъ знаменитаго Гэмпдена), лордъ Гоуэрдъ, графъ Эссексъ были заключены въ Тоуэръ и обвинены въ измѣнѣ. Гре (Grey) и Монмотъ успѣли бѣжать. Ни одинъ изъ арестованныхъ вождей виговъ не зналъ о рейгаусскомъ заговорѣ; самъ Карлъ не вѣрилъ обвиненію ихъ; онъ зналъ, что на всѣхъ собраніяхъ вождей виговъ была съ отвращеніемъ отвергаема всякая мысль о покушеніи на жизнь короля или его брата. Но Россель, Сидни и другіе, арестованные вмѣстѣ съ ними, говорили на судѣ, что считаютъ дозволеннымъ сопротивленіе королю, нарушающему законы; потому правительству можно было утверждать, что они хотѣли воспользоваться замысломъ рейгаусскихъ заговорщиковъ для

поднятія возстанія. Сами виги дали правительству возможность вести политическіе процессы съ нарушеніемъ справедливости и законовъ, одобряя неправильные смертные приговоры надъ католиками. Эссексъ убилъ себя въ Тоуэрѣ раньше произнесенія приговора, чтобы нельзя было объявить его уличеннымъ и конфисковать его имѣнье; онъ желалъ своею смертію сохранить имѣнье своимъ дѣтямъ. Гоуэрдъ имѣлъ малодушіе для спасенія своей жизни стать обвинителемъ своихъ политическихъ друзей и дѣлалъ показанія, дававшія правительству новыя улики противъ нихъ. Россель твердо говорилъ, что хотѣлъ только законными средствами противодействовать нарушенію законовъ; но судьи и присяжные, принадлежавшіе къ торійской партіи, объявили его виновнымъ въ измѣнѣ и осудили на смерть. Для избавленія своихъ дѣтей отъ конфискаціи, онъ просилъ герцога Йоркскаго быть ходатаемъ за него, обѣщался устраниваться отъ всякой политической дѣятельности; но не хотѣлъ отречься отъ убѣжденія, что нація имѣетъ право защищать свою свободу отъ правительства, нарушающаго законы. Знаменитые англиканскіе богословы Тиллотсонъ и Борпетъ убѣждали его отказаться отъ этого принципа; но онъ остался твердъ. Бывшій французскій посланникъ Рюиньи, родственникъ фамиліи Росселей, просилъ короля помиловать его. Но Карлъ отвѣчалъ, что долженъ для своей безопасности и сохраненія государственнаго спокойствія показать примѣръ строгости. Напрасны остались и просьбы англійскихъ вельможъ. Уильямъ Россель былъ казненъ 21 іюля (1683 года). Онъ шелъ на эшафотъ и положилъ голову на плаху съ полнымъ спокойствіемъ души.

Въ тотъ же день Оксфордскій университетъ обнародовалъ декларацию говорившую, что подлежатъ осужденію отъ Бога на муки ада люди, держащіеся ученія, которое формулировалъ онъ слѣдующими словами: „Гражданская власть дается народомъ; она основана на формальномъ или подразумеваемомъ договорѣ, нарушеніе котораго государемъ освобождаетъ и народъ отъ обязанности соблюдать его; государь, правящій несообразно съ божественными и человѣческими законами, теряетъ право на власть“. Это была политическая теорія, которой держались виги. Оксфордскій университетъ велѣлъ публично сжечь сочиненія, въ которыхъ излагалось осужденное имъ ученіе. Англиканская церковь объявила однимъ изъ основныхъ догматовъ вѣры безусловное повиновеніе королю. — Монмотъ бросился къ ногамъ отца, сказалъ герцогу Йорскому, что будетъ признавать его истиннымъ наследникомъ короны, защищать его права — и получилъ прощеніе. Но когда король потребовалъ, чтобы онъ давалъ показанія противъ своихъ политическихъ друзей, онъ бѣжалъ въ Голландію. Главный совѣтникъ его Эрмстронгъ (Armstrong), также бѣжавшій въ Голландію, былъ черезъ нѣсколько времени выданъ нидерландскимъ сеймомъ англійскому правительству и казненъ.

Тори непремѣнно хотѣли казнить Эльджернона Сидни; противъ него не было никакихъ обвиненій кромѣ того, что онъ находился въ сношеніяхъ съ шотландскими недовольными; но это подтвержда-

лось только однимъ свидѣтелемъ, лордомъ Гоуэрдомъ, а для произнесения приговора нужны были показанія по крайней мѣрѣ двухъ свидѣтелей. Верховный судья Джеффрисъ рѣшилъ, что вмѣсто второго свидѣтеля можетъ служить рукопись, найденная въ кабинетѣ обвиняемаго; это былъ небольшой трактатъ, въ которомъ Сидни излагалъ свои мысли объ устройствѣ правительства. Нельзя было доказать того, что Сидни предполагалъ напечатать эту рукопись; онъ не сообщалъ ее никому; поэтому она не могла быть предметомъ судебного разсмотрѣнія; но въ ней находились мысли, имѣвшія республиканскій характеръ и, что было всего важнѣе для Джеффриса, было сказано, что Карлъ II заслуживаетъ судьбы своего отца. Судъ по предложенію своего предсѣдателя Джеффриса постановилъ, что даже имѣть такія мысли уже преступленіе, тѣмъ болѣе преступно писать ихъ. Сидни былъ казненъ 8 декабря (1683 года). До послѣдней минуты онъ говорилъ, что невиненъ и призывалъ мщеніе Божіе на своихъ преслѣдователей. Общая опасность скрѣпила союзъ Карла съ Іаковомъ. Герцогъ Йоркскій снова получилъ участіе въ управленіи дѣлами.

По закону не должно было проходить болѣе трехъ лѣтъ между распусценіемъ одного парламента и созваніемъ другаго. Этотъ срокъ кончился весною 1684 года. Въ государственномъ совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ о созваніи новаго парламента. Въ націю господствовало монархическое настроеніе; потому не могло быть сомнѣнія, что выборы будутъ благоприятны правительству. Гэлифаксъ, желавшій возвращенія правительства на путь законности, Гейдъ, имѣвшій теперь титулъ графа Рочестера и Дэнби, не задолго передъ тѣмъ освобожденный королемъ, говорили, что должно созвать парламентъ, что Карлъ упочитъ этимъ свою популярность. Но Карлъ хотѣлъ править съ неограниченной властью. Іаковъ былъ тоже противъ созванія парламента. Король могъ обойтись безъ парламентскихъ субсидій, потому что Людовикъ продолжалъ давать деньги ему. Карлъ рѣшилъ не созывать парламента. Нація спокойно перенесла это нарушеніе закона. Смѣлость Карла увеличилась; онъ возвратилъ брату прежнія должности и сталъ править государствомъ съ неограниченнымъ произволомъ. Кушцы были довольны возобновленіемъ своей торговли съ континентомъ и поставили на биржѣ статую въ честь Карла; надпись на ней называла его возстановителемъ мира, отцомъ отечества, владыкой моря, охранителемъ англійской торговли. Онъ радовался тому, что успѣлъ достичь неограниченной власти.

Онъ провелъ вечеръ 11 февраля 1685 въ обыкновенномъ своемъ веселомъ расположеніи духа. Но ночью сдѣлался съ нимъ апоплексическій ударъ; утромъ нашли его въ постели, онъ плохо владѣлъ языкомъ и умъ его былъ въ разстройствѣ. Медицинская помощь улучшила повидимому его состояніе; въ Лондонѣ звонили въ коло-

кола, празднуя выздоровленіе короля. Но скоро ударъ повторился; надежда на спасеніе жизни короля исчезла. Архіепископъ кентерберійскій и Кенъ, епископы бетскій (Bath) и уэльскій (Wells) пришли къ постели умирающаго, убѣждали его покаяться въ грѣхахъ и принять причащеніе по англиканскому обряду. Онъ отвѣчалъ, что раскаивается въ своихъ грѣхахъ и согласился, чтобы было прочтено отпущеніе ихъ ему по англиканскому обряду. Но на вопросы, желаетъ ли онъ принять причащеніе по обряду англиканской церкви, онъ отвѣчалъ уклончиво, говорилъ, что нѣтъ надобности спѣшить или что чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ. Іаковъ забылъ о братѣ въ распоряженіяхъ объ упроченіи своей власти; герцогиня Портсмутъ, удаленная изъ комнаты умирающаго въ свой апартаментъ, послала сказать ему, что онъ долженъ позаботиться о причащеніи короля по католическому обряду. Іаковъ пришелъ къ брату, тихо спросилъ его, желаетъ ли онъ, чтобы былъ позванъ католическій священникъ. Карлъ отвѣчалъ: «Позовите, ради Бога, если это безопасно для васъ». Былъ отысканъ и введенъ въ комнату умирающаго бенедиктинскій монахъ Джонъ Годдельстонъ (Huddleston), который спасъ Карлу жизнь въ сраженіи при Вустерѣ. Іаковъ сказалъ брату: «Этотъ добрый человѣкъ спасъ нѣкогда вашу жизнь, теперь онъ пришелъ спасти вашу душу». Годдельстонъ сталъ на колѣни у постели короля и выслушалъ его желаніе умереть въ общеніи съ католической церковью. Карлъ исповѣдовался, Годдельстонъ далъ ему отпущеніе грѣховъ и причастилъ его по католическому обряду. Все это дѣлалось секретно. Передъ тѣмъ какъ ввести католическаго священника въ комнату короля, Іаковъ удалилъ изъ нея всѣхъ придворныхъ и даже врачей, оставилъ только двухъ вельможъ, на скромность которыхъ надѣялся, и самъ стерегъ двери. Придворные, посланные въ сосѣдній залъ, угадывали то, что дѣлается въ комнатѣ умирающаго, но достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ не получили. На слѣдующее утро, 16 февраля новаго стиля, Карлъ II умеръ на 55 году жизни; у постели его стояли побочныя дѣти, признанныя имъ; но не было старшаго изъ нихъ, наиболѣе любимаго отцомъ, герцога Монмута. Передъ смертью Карлъ съ обыкновенной своей любезностью попросилъ у окружающихъ извиненія въ томъ, что утомилъ ихъ своей продолжительной агоніей. Королева не могла находиться при его кончинѣ, потому что сама занемогла при видѣ его страданій и теперь прислала просить его, чтобы онъ простилъ ей все, въ чемъ она виновата передъ нимъ. Онъ сказалъ: «Бѣдная женщина! она проситъ прощенія у меня! Я отъ всего сердца прошу прощенія у нея!» Онъ до послѣдней минуты сохранилъ любезность обращенія, которою всю жизнь очаровывалъ всѣхъ, съ кѣмъ говорилъ.

6. Восшествіе Іакова II на престолъ. Возстанія въ Англіи и въ Шотландіи.

Герцогъ Йоркскій по праву рожденія сдѣлался королемъ. Іакову II было теперь 52 года. Онъ провелъ молодость въ изгнаніи, служилъ во французской арміи, сохранилъ на всю жизнь сильное расположение къ Людовику XIV: союзъ Англіи съ Франціей былъ собственно его дѣломъ. Будучи великимъ адмираломъ, онъ выказалъ храбрость въ битвѣ съ Рейтеромъ въ Сотгольдской бухтѣ. Онъ не мало не походилъ характеромъ на легкомысленнаго, непостояннаго брата, былъ очень упрямъ; не имѣлъ и любезности Карла, былъ суровъ, мстителенъ, безжалостенъ. Управляя Шотландіей, онъ дѣйствовалъ свирѣпо; онъ любилъ смотрѣть на пытки, которымъ подвергалъ въ Шотландіи противниковъ правительства. При всей своей преданности католичеству, онъ оставался развратникомъ; только держалъ себя приличіемъ Карла, выказывалъ большое уваженіе своей второй супругѣ и давалъ ей сильное вліяніе на дѣла. Въ своемъ усердіи къ католичеству, онъ восхищался преслѣдованіемъ гугенотовъ во Франціи и желалъ подражать въ этомъ отношеніи Людовику XIV.

Вступленіе Іакова II на престолъ произошло спокойно; сопротивленія не было нигдѣ. Когда члены тайнаго совѣта поздравили его съ полученіемъ королевскаго сана, онъ отвѣчалъ, что оставляетъ ихъ въ прежнихъ должностяхъ и опровергнетъ своими поступками клевету о его склонности къ самовластию, будетъ охранять законныя права націи и англиканской церкви; онъ знаетъ, что послѣдователи англиканской церкви вѣрные подданные; онъ будетъ защищать права короны, но не будетъ нарушать чужихъ правъ. Эта рѣчь, напечатанная въ Лондонской газетѣ (Органъ правительства) была принята народомъ съ радостью и успокоила умы. Но съ самаго же начала дѣйствія Іакова не соответствовали обѣщаніямъ; англичане нашли незаконнымъ объявленіе, что будетъ продолжаемо взиманіе налоговъ, данныхъ пожизненно Карлу II. Для того, чтобы взималъ ихъ новый король, было надобно постановленіе парламента. Но это нарушеніе законности извинялось необходимостью получать доходы на покрытие издержекъ, не допускавшихъ отсрочки; притомъ одновременно съ распоряженіемъ о взиманіи налоговъ Іаковъ объявилъ, что созываетъ парламентъ въ маѣ мѣсяцѣ. Итакъ, самовластное взиманіе налоговъ не встревожило націю. Но сильное неудовольствіе было возбуждено тѣмъ, что Іаковъ дозволилъ служить католическую литургію въ дворцовой капеллѣ съ отворенными дверями, чего не дѣлалось прежде и нельзя было дѣлать по закону, дозволявшему католическое богослуженіе только при затворенныхъ дверяхъ, какъ частное, а не

публичное. Министрамъ, говорившимъ объ опасности этого противъ законнаго нововведенія, Іаковъ сказалъ, что соблюденіе прежняго правила было бы противно его чести и совѣсти. Католическое богослуженіе стало совершаться во дворцѣ съ пышностью. Англичане видѣли въ этомъ предвѣстіе мѣръ, направленныхъ къ замѣнѣ протестанства въ Англіи католичествомъ. Король говорилъ французскому посланнику, что разсчитываетъ на помощь Людовика въ томъ случаѣ, если заявленіе усердія къ своему вѣроисповѣданію подвергнетъ его опасностямъ. Появились сочиненія, говорившія, что церковь Христова на землѣ должна быть одна и что церковь эта—римская, что преобразование церкви, произведенное по такимъ дурнымъ мотивамъ, какъ реформація Генриха VIII, не могло исходить отъ Духа Божія. Іаковъ полагалъ, что англиканская церковь такъ близка къ римской, что англійскіе епископы легко согласятся содѣйствовать ему въ устраненіи схизмы. Онъ не понималъ, что англичане твердо привязаны къ протестанству и считаютъ свою религію болѣе близкой къ кальвинизму и лютеранству, чѣмъ къ католичеству. Англійскіе католики, составлявшіе по числу очень незначительное меньшинство націи, радовались, что король имѣетъ мужество пренебрегать закономъ о единообразіи богослуженія, не допускающимъ публичнаго совершенія католической литургіи, видѣли дѣло Божіе въ томъ, что «пролагается путь къ свѣту истинной вѣры», справедливо надѣялись, что Іаковъ будетъ готовить присоединеніе англиканской церкви къ римской.

Іаковъ освободилъ изъ темницы католическихъ священниковъ; чтобы показать видъ безпристрастія, освободилъ и квакеровъ, которые были осуждены на заключеніе за то, что подобно католикамъ не хотѣли давать присягу супрематства. Іаковъ ласково принималъ Уильяма Пенна, главнаго представителя квакеровъ, умѣвшаго приобрести его довѣріе и обрадовавшаго свое вліяніе на короля въ пользу своихъ единовѣрцевъ. Но не только другіе диссептеры, даже сами квакеры понимали, что мнимое безпристрастіе Іакова—хитрость. Изъ главныхъ обвинителей католиковъ въ заговорѣ оставались живы Отсъ и Денджерфильдъ. Оба они были преданы суду. Джеффрисъ выказалъ при допросѣ ихъ всю свою грубость. Они были приговорены быть два раза проведенными подъ ударами плетей отъ тюрьмы до позорнаго столба и потомъ всю жизнь оставаться въ тюрьмѣ закованными въ цѣпи. Отсъ пережилъ наказаніе плетью, произведенное съ безчеловѣчной жестокостью; Денджерфильдъ вскорѣ послѣ наказанія умеръ отъ удара въ лицо, нанесеннаго ему фанатичнымъ роялистомъ при возвращеніи его въ тюрьму. Началось преслѣдованіе пресвитеріальцъ. Даже Бэкстеръ, пресвитеріанскій священникъ, котораго всѣ партіи уважали за его добродѣтель и которому Карлъ предлагалъ епископскій санъ, былъ преданъ суду, подвергнутъ на допросахъ грубымъ обидамъ, приговоренъ къ денежному штрафу и заключенію въ темницу.

Англиканское духовенство встревожилось, стало проповѣдывать противъ папизма. Король призвалъ къ себѣ архіепископа кентербе-

рійскаго и епископа лондонскаго, сказалъ имъ, что если они не прекратятъ оскорбительныхъ для него проповѣдей, то онъ перестанетъ считать себя обязаннымъ соблюдать свое обѣщаніе о покровительствѣ англиканской церкви, найдетъ средства исполнить свои намѣренія безъ ея помощи. При самомъ началѣ царствованія онъ отправилъ въ Версаль посольство благодарить Людовика за уплату просроченной части субсидіи и увѣрить его въ своей преданности. Это посольство показывало англичанамъ о чемъ онъ думаетъ, говоря, что обойдется безъ помощи англиканской церкви. Онъ извинялся передъ Людовикомъ, что не спросивъ его совѣта, далъ обѣщаніе созвать парламентъ и прибавлялъ, что не дозволитъ парламенту вмѣшиваться въ дѣла иностранной политики. Передать Людовику это увѣреніе былъ посланъ Джонъ Чорчилль, братъ одной изъ прежнихъ любовницъ Іакова, молодой человекъ необыкновеннаго ума, но вѣселаго характера и пошлой жадности къ деньгамъ. Онъ былъ красавецъ, имѣлъ изящныя манеры, былъ любимецъ дамъ, но даже своими любовными связями пользовался для удовлетворенія своей алчности къ деньгамъ. Въ голландской войнѣ онъ выказалъ стратегическій талантъ, заслужившій уваженіе Тюренна; онъ умѣлъ приобретать любовь солдатъ и держать ихъ въ строгомъ повиновеніи. Онъ получилъ хорошаго школьнаго образованія, но былъ отъ природы очень краснорѣчивъ и съ военными талантами соединялъ дарованіе государственнаго человека.

Въ началѣ мая Іаковъ короновался; ему было очень досадно, что коронованіе совершаетъ архіепископъ кентерберійскій по англиканскому обряду. Но короноваться по католическому обряду онъ не отважился. Въ угожденіе ему были выпущены изъ коронаціоннаго богослуженія нѣкоторыя части, особенно не нравившіяся ему, и онъ былъ освобожденъ отъ причащенія по англиканскому обряду, хотя оно было необходимою принадлежностью коронаціи. Епископъ Элійскій произнесъ проповѣдь, въ которой цитатами изъ Священнаго Писанія доказывалъ, что король выше парламента, и начальство надъ милиціей принадлежитъ исключительно королю. Вскорѣ послѣ коронаціи начались засѣданія парламента. Тори одержали на выборахъ полную побѣду. Іаковъ былъ очень доволенъ составомъ палаты общинъ; прежде онъ говорилъ французскому посланнику (Барильону), что считаетъ возстановленіе свободы католическаго богослуженія въ Англіи необходимымъ для своей безопасности и надѣется на помощь Людовика въ этомъ дѣлѣ. Теперь онъ полагалъ, что можетъ безъ борьбы съ подданными достигъ этой цѣли. Отовсюду подавались ему адреса съ выраженіемъ преданности. На выборахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорилось, что налоги должно дать королю не пожизненно, какъ дѣлалось обыкновенно, а только на три года, чтобы онъ былъ принужденъ снова созвать парламентъ до истеченія этого срока и удержив-

вался отъ нарушенія законовъ. Но партія, находившая надобной эту предосторожность, была малочисленна. Агенты Іакова объявили, что король не согласится на такое ограниченіе срока налоговъ, а скорѣе распуститъ парламентъ и назначить новые выборы, на которыхъ будетъ дозволено выбирать депутатами и нонконформистовъ. Приверженцы англиканской церкви были испуганы угрозой дать нонконформистамъ право засѣдать въ парламентѣ; едва ли она была серьезна, потому что Іаковъ ненавидѣлъ диссентеровъ; но она подѣйствовала. Въ тронной рѣчи, король сказалъ, что напрасно будетъ ограничивать срокъ взиманія налоговъ, и палата общинъ, состоявшая почти исключительно изъ роялистовъ, дала пожизненно королю все доходы, которые получалъ его братъ.

Еще покорнѣе англійскаго парламента оказался шотландскій. Свирѣпый деспотизмъ Лодердела и потомъ Іакова, во время его управленія Шотландіей, подавилъ всякую самостоятельность въ ней и сдѣлалъ парламентъ раболѣпнымъ орудіемъ правительства. Политическія права были предоставлены только принявшимъ епископальную систему, только они были допущены къ выбору депутатовъ, а все они были роялисты. Парламентъ съ безусловнымъ повиновеніемъ далъ (въ маѣ 1685) королю на всю жизнь доходы, какіе получалъ Карлъ, и принялъ законъ, подвергавшій нонконформистовъ страшному гоненію: были запрещены даже въ частныхъ домахъ всякія собранія для какого-нибудь богослуженія, кромѣ епископальнаго; за нарушеніе этого законъ постановлялъ конфискацію и смертную казнь. Отряды буйныхъ солдатъ пошли по всему королевству, грабили и убивали неотрекавшихся отъ пресвитеріанства. Драгуны Грэгэма Клевергауса, называвшіе сами себя чертями, свирѣпствовали безчеловѣчно. Множество людей было убито и казнено. Однимъ изъ первыхъ былъ Джонъ Броунъ, бѣдный простолюдинъ, добродушный и благочестивый, единственнымъ преступленіемъ котораго было то, что онъ не посѣщалъ епископальнаго богослуженія. Каждый день происходили убійства и казни, потому что администраторы и офицеры желали заслужить награды отъ Іакова своимъ усердіемъ. Свирѣпость гоненія усилилась, когда разнесся слухъ, что англійскіе эмигранты, собиравшіеся въ Нидерландахъ сдѣлать высадку въ Англію, находятся въ сношеніяхъ съ шотландскими ковенантерами. Іаковъ и его слуги считали дозволительнымъ все противъ этихъ людей, которыхъ называли убійцами.

Въ тронной рѣчи Іакова уже упоминалось, что графъ Эргейль (Argyle) съ толпой измѣнниковъ сдѣлалъ высадку въ Шотландію и обнародовалъ прокламацію, называющую короля узурпаторомъ и тиранномъ; Іаковъ просилъ парламентъ содѣйствовать ему въ отраженіи нападеній, угрожающихъ коронѣ и государству. Палата общинъ въ восторженныхъ выраженіяхъ отвѣчала, что готова, не щадя ни имущества, ни жизни, помогать королю

противъ всякихъ мятежниковъ и измѣнниковъ. Въ угрожденіе Іакову она отвергла предложеніе просить его, чтобъ онъ обнародовалъ прокламацію о строгомъ соблюденіи законовъ противъ всѣхъ отвергающихъ англиканское вѣроученіе (то-есть чтобъ онъ не давалъ должностей католикамъ). Она ограничилась принятіемъ рѣшенія, что совершенно полагается на обѣщаніе короля сохранять и защищать англискую церковь въ настоящемъ ея законномъ устройствѣ.

Скоро пришло время роялистамъ показать на дѣлѣ свое усердіе къ королю. Отъ преслѣдованій, свирѣпствовавшихъ въ послѣдніе годы жизни Карла, многіе англійскіе и шотландскіе противники абсолютизма бѣжали въ Нидерланды; они нашли себѣ явное или тайное покровительство въ Роттердамѣ, Утрехтѣ, Гагѣ, Амстердамѣ. Были между ними патріоты благороднаго характера, какъ напримѣръ Эндрю Флетчеръ, сэръ Пэтрикъ Гьюмъ, Джемсъ Стюартъ лордъ Гре (Grey); были и интриганты, какъ напримѣръ Ромбольтъ и Фергюсонъ; ихъ надежды основывались на содѣйствіи герцога Эргейля. Эрчибольдъ Камбель (Campbell) графъ Эргейль, принадлежавшій къ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ шотландскихъ вельможескихъ фамилій, наследовалъ преданность пресвитеріанству и свободѣ отъ отца, казненнаго въ началѣ царствованія Карла II за вѣрность своимъ религіознымъ и политическимъ убѣжденіямъ. Онъ отказался дать присягу отреченія отъ ковенанта; былъ за то преданъ суду какъ измѣнникъ (мятежникъ) и брошенъ въ темницу. Ему удалось при помощи дочери бѣжать. Онъ поселился въ Западной Фрисландіи, принадлежавшей къ нидерландской конфедерации. На свои и собранныя другими патріотами деньги, онъ купилъ фрегатъ, сдѣлалъ запасъ оружія въ намѣреніи при благоприятномъ случаѣ плыть въ Шотландію и призвать ковенантеровъ къ борьбѣ противъ угнетенія; онъ не сомнѣвался, что къ нему соберутся тысячи горныхъ шотландцевъ, постоянно готовыхъ взяться за оружіе. Онъ былъ главою шотландскихъ эмигрантовъ; главою англійскихъ былъ герцогъ Монмуть. Бѣжавъ изъ Англіи по открытіи рейгоусскаго заговора, онъ жилъ въ Гагѣ, нашедши себѣ любезный пріемъ у Вильгельма и Маріи. Онъ надѣялся, что отецъ, нѣжно любившій его, скоро дозволитъ ему возвратиться. Извѣстіе о смерти Карла произвело на него потрясающее впечатлѣніе: слуги слышали, что онъ плачетъ въ своей комнатѣ. Вильгельмъ совѣтовалъ ему отправиться въ Венгрію на войну съ турками. Онъ не захотѣлъ послушаться и уѣхалъ въ Брюссель; тамъ сблизился съ нимъ Фергюсонъ и Гре, увѣрили его, что если онъ сдѣлаетъ высадку въ западной части южнаго берега Англіи, то къ нему соберутся многочисленные приверженцы, которыхъ приобрѣлъ онъ себѣ въ югозападныхъ графствахъ своею привѣтливостью. Совѣты Фергюсана и Гре поддерживала лэди Уэптуортъ, которую страстно любилъ Монмуть.

Собравшись въ Амстердамѣ, эмигранты составили планъ одновременно произвести высадки въ Англію и въ Шотландію. Вообще англичане и шотландцы имѣли взаимную неприязнь; но разсудительные эмигранты понимали, что только при еднородіи они могутъ надѣяться на успѣхъ. Были написаны двѣ прокламаціи: одна къ англійскому народу, другая къ шотландскому. Эти манифесты были согласны между собою только въ заявленіи ненависти къ католичеству и политическому деспотизму; во всемъ остальномъ они далеко расходились между собой; шотландская прокламація, написанная подъ вліяніемъ пресвитеріанскихъ священниковъ; рѣзко говорила объ идолопоклонствѣ епископальнаго богослуженія и была пропикнута республиканскимъ духомъ прежнихъ ковенантеровъ; англійская была выраженіемъ теоріи вѣговъ, идеаломъ которыхъ была не республика, а парламентская монархія. Шотландскіе эмигранты хотѣли составить изъ людей своей партіи верховный совѣтъ, которому будетъ дано преобладаніе въ управленіи государствомъ; Монмуть и его друзья хотѣли предоставить рѣшеніе вопроса о государственномъ устройствѣ парламенту; Монмуть не сомнѣвался, что въ случаѣ успѣха получить отъ парламента корону.

Эмигранты условились, какъ мы говорили, произвести возстаніе одновременно въ югозападной Англіи и въ сѣверной Шотландіи. Эргейль отплылъ 2 мая 1685 на трехъ корабляхъ съ тремястами эмигрантовъ и вооруженныхъ слугъ. Общее собраніе эмигрантовъ учредило при немъ военный совѣтъ, какъ дѣлалъ въ своихъ войскахъ и флотѣ сеймъ нидерландской республики. Черезъ нѣсколько дней эмигранты приплыли къ одному изъ Оркадскихъ острововъ, вышли на берегъ, перенесли большой запасъ оружія и аммуниціи въ замокъ Элленгре, окруженный скалами. Сынъ Эргейля распространилъ въ сѣверной Шотландіи напечатанную въ Голландіи прокламацію, призывавшую шотландцевъ къ борьбѣ за свободу и религію противъ узурпатора-паписта, который, какъ говорила прокламація, убилъ своего брата. Но къ Эргейлю собралось только 1800 чело-вѣкъ его клана Кембелей. Многіе вельможи горной Шотландіи были при первомъ извѣстіи о высадкѣ эмигрантовъ вызваны правительствомъ въ Эдинбургъ и задержаны тамъ подъ надзоромъ. Масса населенія Горной Шотландіи устранилась отъ участія въ возстаніи. Эмигранты съ своимъ маленькимъ войскомъ хотѣли идти въ Южную Шотландію на соединеніе съ англичанами, взявшимися, какъ они полагали, за оружіе въ сѣверныхъ и западныхъ графствахъ. Начальники войскъ правительства, графы Этоль (Athol) и Домбартонъ перегородили путь имъ. Воины эмигрантовъ стали расходиться. Кочренъ и Гьюмъ, горячіе ковенантеры, недовольные умѣренностью религіозныхъ и политическихъ мнѣній Эргейля, отдѣлились отъ него и стали съ своимъ отрядомъ ходить особо изъ стороны въ сторону. Королевская эскадра овладѣла оружіемъ и аммуниціей, спрятанными въ Элленгре. Эргейль увидѣлъ невозможность пробиться въ Южную Шотландію, хотѣлъ съ небольшимъ оставшимся у него отрядомъ людей его клана уйти въ горы своего фамиліаго владѣнія. Но при

переправѣ черезъ одну изъ рѣчекъ, текущихъ на томъ пути по болотистой мѣстности, онъ былъ узнанъ милиціей, охранявшей берега рѣчки; она напала на него; онъ защищался съ мужествомъ отчаянія, но упалъ отъ удара мечемъ, былъ взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Единбургъ; надъ нимъ уже раньше того былъ произнесенъ смертный приговоръ и его немедленно казнили (30 іюня 1685 года). Это былъ второй графъ Эргейль, казненный Стюартами. Непоколебимый защитникъ пресвитеріанства и свободы родины, онъ съ твердостью духа и спокойствіемъ совѣсти взомелъ на эшафотъ. Патриоты чтятъ память его, какъ мученика. вмѣстѣ съ нимъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ Ромбольтъ, основатель маленькаго тайнаго общества, составившаго рейгусекій заговоръ; онъ умеръ съ хладнокровіемъ стараго воина кромвеллевской арміи. Правительство жестоко наказало главно Кэмпбеллей, главою котораго былъ Эргейль: не было конца опустошенію графства эргейльскаго, казнямъ и изувѣченіямъ по судебнымъ приговорамъ.

Между тѣмъ отплылъ изъ Амстердама Монмоть; запасы оружія, аммуниціи, денегъ у него были скудны; на фрегатѣ съ нимъ отплыло только 80 эмигрантовъ: въ числѣ ихъ находились Гре, Флетчеръ, Фергюсонъ, Уэдь (Wade); его сопровождалъ Бойзъ (Buysse), служившій капитаномъ въ бранденбургской арміи. Вильгельмъ Оранскій напрасно отклонялъ Монмота отъ этой экспедиціи. Городъ Амстердамъ тайно помогалъ ему. Онъ вышелъ 11 іюня на берегъ въ Леймъ-Реджисъ, маленькомъ приморскомъ городѣ графства Дорсетскаго. На знамени его была надпись: «За вѣру и свободу». Прокламація, написанная Фергюсономъ, призывала народъ къ оружію противъ Іакова, тиранна, убійцы и узурпатора, обѣщала реформы, соотвѣтствовавшія политической программѣ виговъ; у поселенъ-собственниковъ (фригольдеровъ) и у горожанъ югозападной Англіи сохранялась горячая привязанность къ Монмоту; было у него много приверженцевъ и между дворянами (gentry). Къ нему шло много людей; значительная часть милиціи, поведенной на него изъ Экстера герцогомъ Альбиморлемъ (Albemarle), сыномъ Монка, перешла къ нему. Черезъ недѣлю послѣ высадки Монмоть вступилъ въ Тоунтонъ, имѣя уже 5.000 человекъ. Онъ былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ; дѣвушки подносили ему знамена, вышитыя ими; одно изъ знаменъ было великолѣпное: на немъ были вышиты эмблемы королевскаго сына. Монмоть увидѣлъ въ этомъ желаніе націи, чтобъ онъ принялъ королевскій титулъ, спросилъ совѣта у друзей; Фергюсонъ сказалъ, что ему надобно принять королевскій санъ; это привлечетъ на его сторону вельможъ, которые теперь держатся въ сторонѣ отъ него; пока остается нерѣшенъ вопросъ о формѣ правленія, вельможи, опасаящіеся республики, будутъ стоять за Іакова, какъ фактическаго короля; но когда будетъ данъ имъ выборъ между

королемъ Іаковомъ Стюартомъ и королемъ Іаковомъ Монмотомъ все протестанты перейдутъ на сторону Монмота. Этотъ совѣтъ соотвѣтствовалъ желанію Монмота, и онъ принялъ рѣшеніе провозгласить себя королемъ. Это было сдѣлано на главной площади Тоунтона 20 іюня. Очень многимъ патриотамъ не понравилось то, что Монмоть нарушилъ свое обѣщаніе предоставить парламенту рѣшеніе вопроса о формѣ правленія.

Но число приверженцевъ Монмота оставалось такъ велико, что правительство и преданный Іакову парламентъ находились въ страхѣ. Въ графствѣ Дорсетскомъ и Сомерсетскомъ нонконформисты, виги, остатки республиканской партіи волновались, готовы были при малѣйшей надеждѣ на успѣхъ присоединиться къ Монмоту. То же было въ графствѣ Честерскомъ, гдѣ агитировала въ пользу Монмота старинная, сильная фамилія Спиковъ. Кавалеры, тори, приверженцы епископальной церкви видѣли необходимость твердо поддерживать Іакова. Въ то время, какъ Монмоть вошелъ въ Тоунтонъ, парламентъ объявилъ его мятежникомъ, назначилъ награду за его голову; палата общинъ дала королю пятилѣтнюю субсидію въ 400.000 фунтовъ; этимъ усердіемъ парламентъ доставилъ Іакову возможность править государствомъ безъ его содѣйствія и подавить права націи. Получивъ субсидію, Іаковъ отсрочилъ засѣданія парламента; торійскіе пэры и депутаты отправились въ свои графства распоряжаться мѣрами для усмиренія мятежа. Преданность, выказанная парламентомъ, ободрила Іакова. Онъ торопливо собиралъ войско противъ мятежниковъ, призвалъ нѣсколько отрядовъ въ Лондонъ, арестовалъ виговъ, которыхъ подозрѣвалъ въ сочувствіи Монмоту. Незадолго передъ тѣмъ Іаковъ отказался отъ владѣнія Танджеромъ, въ которомъ надобно было содержать большой гарнизонъ, стоявшій очень дорого. Чорчилль повелъ на Монмота возвратившіеся оттуда полки, Генри Сомерсетъ герцогъ Бьюфортъ собралъ милицію западныхъ графствъ и занялъ Бристоль, къ которому шелъ Монмоть. Изъ Девоншира пришла милиція на подкрѣпленіе Альбиморлю. Монмоть не могъ пріобрѣсти никакихъ успѣховъ; а единственнымъ спасеніемъ ему была бы побѣда; онъ былъ храбрый солдатъ, но не имѣлъ ни твердаго характера, ни стратегическаго таланта. Войско его состояло изъ простолюдиновъ, не учившихся военному дѣлу; большинство ихъ было вооружено только косами, топорами, вилами, булавами по недостатку ружей; съ такимъ войскомъ, Монмоть не могъ держаться противъ дворянъ и ихъ слугъ, знавшихъ военное ремесло. Бьюфортъ сказалъ бристольскимъ пуританамъ, что если они отворятъ ворота Монмоту, онъ бомбардировкой изъ цитадели разрушитъ городъ; Монмоть не хотѣлъ губить своихъ приверженцевъ, отступилъ черезъ Бриджуотеръ къ морю; на пути онъ узналъ о неудачѣ герцога Эргейля и упалъ духомъ; недостатокъ денегъ и аммуниціи совершенно

отнял бодрость у него и его друзей. Онъ горько жаловался на дурныхъ совѣтниковъ, возбудившихъ въ немъ надежды, которые теперь оказались неисполнившимися. Онъ хотѣлъ возвратиться со своими товарищами въ Голландію; простолюдины, принявшіе его сторону въ Англіи, могли бы тогда быть помилованы Іаковомъ, обѣщавшимъ прощеніе инсургентамъ, которые положить оружіе. Но Гре сказалъ, что уѣхать изъ Англіи было бы безчестной трусостью; притомъ корабли, на которыхъ приплыли Монмоть и его товарищи, были захвачены Эльбиморлемъ.

Такимъ образомъ оставалось только сражаться. Единственную возможность успѣха представляло стремительное нападеніе на неприятеля. На Седжмурской равнинѣ въ трехъ миляхъ отъ Бриджуотера стоялъ лордъ Фивергемъ съ 4.000 человекъ королевскаго войска. Монмоть, осмотрѣвъ съ бриджуотерской колокольни мѣстность, рѣшился напасть ночью на этотъ отрядъ. Онъ атаковалъ Фивергема 6 іюня и вначалѣ имѣлъ удачу: его приверженцы сражались храбро, но они были плохо вооружены, кавалеристы сидѣли на сельскихъ рабочихъ лошадяхъ, мало пригодныхъ къ сраженію; Гре, начальствовавшій конницей, былъ плохой генералъ; и Фивергемъ, хотя не былъ искуснымъ полководцемъ, побѣдилъ.

Сомерсетскіе поселяне еще оборонялись своими пиками и булавами, когда Монмоть, отчаявшись въ успѣхѣ, поскакалъ, съ поля сраженія. Увидѣвъ это, инсургенты смутились, побѣжали. Но рудокопы мѣднскихъ каменноугольныхъ копей держались до конца, легли на мѣстѣ въѣ, дорого продавъ свою жизнь. Это была послѣдняя битва на англійской землѣ; воспоминаніе о ней и ужасныхъ ея послѣдствіяхъ до сихъ поръ сохраняется въ населеніи той мѣстности. Жители Бриджуотера и Тоунтона еще помнятъ имя полковника Перри Керка (Kirk), научившаго свирѣпости у африканцевъ въ Танжерѣ. Побѣдители пировали на полѣ битвы, заставивъ гражданъ Бриджуотера вѣшать плѣнныхъ, четвертовать убитыхъ. Монмоть съ Гре и Бойзомъ бѣжалъ въ Гемпширъ, надѣясь добраться до моря и уплыть въ Нидерланды. Онъ прятался въ хлѣбѣ нивъ и въ кустарникахъ, переодѣтый пастухомъ; онъ зналъ, что множество людей ищетъ его, чтобы получить обѣщанную за него награду въ 5.000 фунтовъ; изнуренный ѣздой и голодомъ, онъ былъ 8 іюля найденъ въ канавѣ, поросшей кустарникомъ, и отвезенъ въ Лондонъ. Туда же были отвезены Гре и Бойзъ, пойманные раньше него. Въ темницѣ онъ совершенно упалъ духомъ, трепеталъ смерти, написалъ къ Іакову униженное письмо, въ которомъ выражалъ раскаяніе, слагалъ вину съ себя на дурныхъ совѣтниковъ, умолялъ короля о дозволеніи лично говорить съ нимъ, увѣряя, что сообщить важные секреты. Іаковъ имѣлъ твердое намѣреніе казнить человека, принявшаго королевскій титулъ, но былъ такъ безчеловѣченъ, что согласился на просьбу

Монмота о свиданіи, вѣроятно надѣясь узнать отъ него имена тайныхъ соучастниковъ замысла его. Монмоть былъ приведенъ со связанными на спинѣ руками къ Іакову, бросился къ его ногамъ, умолялъ пощадить кровь Стюартовъ, выражалъ готовность принять казнь. Іаковъ оставался неумолимъ. Монмоть воскликнулъ: «Государь, неужели нѣтъ мнѣ спасенія?» Іаковъ молча повернулся къ нему спиной. Потерявъ надежду вымолить себѣ жизнь, Монмоть пересталъ трусить и дрожать, пошелъ изъ комнаты твердымъ шагомъ. Всѣ просьбы за него остались напрасны. Король велѣлъ двумъ епископамъ приготовить его къ смерти. Они говорили ему, что своимъ мятежемъ противъ короля и сожигательствомъ съ Генріеттою Уэнтуртъ онъ преступилъ заповѣди Божіи. Онъ сказалъ, что жалѣетъ о своей экспедиціи въ Англію, потому что она повела къ пролитію крови его согражданъ, но не согласился признать, что недозволительно сопротивленіе королю, нарушающему законы, не согласился назвать грѣховной связью свое сожигательство съ лэди Уэнтуртъ; говорилъ, что бракъ, въ который вступилъ онъ, будучи юношей, былъ дѣломъ чужаго разсчета; что онъ считаетъ лэди Уэнтуртъ истинной своей женой передъ Богомъ. Смерть его была ужасна. Положивъ голову на плаху, онъ привсталъ, чтобъ ошупать, остеръ ли топоръ палача, сказалъ, что топоръ не достаточно остеръ; и дѣйствительно палачъ отрубилъ ему голову только пятымъ ударомъ. Множество людей плакало о немъ, какъ о мученикѣ за протестантство. Въ слѣдующемъ году умерла отъ печали Генріетта Уэнтуртъ.

По смерти Монмота начался ужаснѣйшій юридическій терроризмъ, превосходно описанный у Макколе; особенно свирѣпствовалъ онъ въ юго-западныхъ графствахъ, гдѣ происходило возстаніе. Производить казни поѣхалъ туда верховный судья Джеффрисъ, человекъ безъ сердца и совѣсти, развратникъ, пьяница, раболѣпствомъ достигшій своего сана; онъ объѣзжалъ города Гемпшира, графствъ Дорсетскаго и Сомерсетскаго; его сопровождало войско; онъ былъ посланъ казнить не однихъ только мятежниковъ, но и людей, виновныхъ лишь въ томъ, что они были виги или диссентеры; онъ запугивалъ свидѣтелей и присяжныхъ угрозами, произносимыми съ ругательствами, хохотомъ съ площадными насмѣшками; ругая обвиненныхъ, увеличивалъ жестокость приговоровъ варварской свирѣпостью исполненія; а въ промежуткахъ судебныхъ засѣданій пировалъ съ безсовѣстными пріятелями и развратными женщинами. Своимъ страшнымъ полномочіемъ онъ пользовался для того, чтобъ обогащаться взятками. Состраданіе къ преслѣдуемымъ онъ объявлялъ соучастничествомъ въ мятежѣ, казнилъ людей за него. Въ Уинчестерѣ была казнена уважаемая всѣми пожилая дама, вдова бывшего члена палаты общинъ Джона Лейля (Lisle), за то, что пустила двухъ бѣжавшихъ инсургентовъ отдохнуть въ ея домѣ. Въ графствѣ Сомер-

сетскомъ, центрѣ возстанія, было повѣшено столько людей, что воздухъ заразился запахомъ тлѣнія, и при каждомъ порывѣ вѣтра повсюду слышался звонъ оковъ на трупахъ, оставленныхъ на висѣлицахъ. Этотъ судебный объѣздъ Джеффриса, получившій название кровавыхъ ассизовъ (кроваваго суда), былъ непродолжителенъ. Джеффрисъ быстро съумѣлъ убить по судебнымъ приговорамъ больше 300 человекъ и больше 800 отправилъ на продажу въ рабство въ американскія владѣнія Англіи. Послѣ казни начались конфискаціи и продажа конфискованныхъ имѣній за ничтожную цѣну людямъ, которыхъ король хотѣлъ наградить; алчность и жестокость и въ этомъ были безграничны. Придворные, сама королева и дамы ея двора не стыдились обогащаться конфискаціями и продажей помилованій. Ихъ взяточничеству были обязаны спасеніемъ жизни Гре, Кочренъ и нѣкоторые другіе вожди инсургентовъ, имѣвшие столько денегъ или земель, чтобы насытить алчность придворныхъ господъ и дамъ. Фергюсонъ успѣлъ бѣжать на континентъ. Іаковъ рассказывалъ объ успѣшности дѣйствій Джеффриса на западѣ такъ, что иностранные послы блѣднѣли, слушая его. Когда Джеффрисъ возвратился съ кровавыхъ ассизовъ въ Лондонъ, Іаковъ наградилъ его саномъ лорда-канцлера. Чорчилль справедливо характеризовалъ Іакова, сказавъ одному изъ просившихъ помилованія: «Сердце короля жестче мрамора его камина.»

7. Католическая реакція.

Послѣ побѣды надъ инсургентами Іаковъ былъ на верху могущества. Виги и диссентеры были подавлены; въ парламентѣ владѣли тори, доказавшіе во время возстанія горячность своей преданности королю; судьи были его рабы; возстаніе дало ему предлогъ увеличить войско; онъ сдѣлалъ офицерами множество католиковъ. Налоги, данные ему парламентомъ, и субсидіи, которыя продолжалъ платить ему Людовикъ, чтобы удерживать Англію отъ союза съ континентальными противниками французскихъ завоеваній, доставляли Іакову возможность содержать большое постоянное войско. Онъ имѣлъ теперь 15.000 человекъ пѣхоты и 4.000 конницы; такая армія дѣлала для него возможнымъ нарушать и по достаточной подготовкѣ отмѣнять законы, воспрепятствовавшіе давать должности католикамъ и ограничивавшіе королевскую власть. Прежде всего надобно было отмѣнить Актъ удостовѣренія, по которому исключались отъ занятія всякихъ гражданскихъ и военныхъ должностей люди, не принадлежавшіе къ англиканской церкви. Другимъ ненавистнымъ Іакову закономъ былъ актъ Habeas corpus; онъ говорилъ, что при

такимъ закономъ невозможно существовать никакому правительству. Правда, только этотъ законъ помѣшалъ ему по подавленіи возстанія Монмута расширить, какъ онъ желалъ бы, кругъ людей, осуждаемыхъ на смерть, казнить или сослать въ рабство всю оппозиционную партію, запутавъ всю ее въ процессы по возстанію: благодаря акту Habeas corpus обвиняемые находили себѣ защиту у судей менѣе безсовѣстныхъ, чѣмъ Джеффрисъ, и были допускаемы оставаться на свободѣ со взнесеніемъ залога или представленіемъ порукъ. Въ ожиданіи времени, когда можно будетъ отмѣнить Актъ удостовѣренія и актъ Habeas corpus, Іаковъ замѣнялъ милицію постояннымъ войскомъ, должности въ которомъ раздавалъ католикамъ и готовымъ на всякія услуги ему протестантскимъ тори. Армія должна была стать опорой ему при отмѣнѣ законовъ, стѣснявшихъ его самовластіе, и при замѣнѣ протестантства въ Англіи католичествомъ. Многіе изъ придворныхъ уже называли себя католиками въ угожденіе ему и его супругѣ.

Вскорѣ послѣ подавленія мятежа Монмута былъ отмѣненъ во Франціи Нантскій эдиктъ. Фанатичные католики, окружавшіе Іакова, провозносили энергію благочестиваго короля французскаго. Протестанты негодовали. Гугеноты, бѣжавшіе въ Англію, находили себѣ хорошій пріемъ у массы населенія; богатые и знатные протестанты помогали имъ; епископъ лондонскій Комптовъ заботился о нихъ, какъ будто они были члены англійской церкви. Но во Франціи епископъ Валанскій въ благодарственной рѣчи Людовику за искорененіе ереси прибавилъ къ прославленію своего короля совѣтъ ему, чтобы онъ своею могущественною рукою помогъ англійскому королю совершить такое же дѣло:

Іаковъ усердно подготовлялъ совершеніе этого дѣла. Онъ удалилъ самостоятельныхъ людей съ высшихъ должностей. Гэлифаксъ, защищавшій законы отъ королевскаго произвола, принужденъ былъ выйти въ отставку. Объявляя объ этомъ членамъ государственнаго совѣта, Іаковъ сказалъ, что больше не потерпитъ на своей службѣ, не удостоитъ своего довѣрія никого не выполнѣ согласнаго съ нимъ въ мнѣніяхъ и намѣреніяхъ. Эльбиморъ долженъ былъ сложить съ себя начальство надъ войскомъ, потому что не хотѣлъ подчиниться Фиверегэму, о которомъ народъ насмѣшливо говорилъ, что онъ выигралъ Седжмурское сраженіе, лежа въ постелѣ. Люди безсовѣстные, какъ Джеффрисъ, и безхарактерные, какъ лордъ Сондерлендъ, старавшійся загладить свою прежнюю принадлежность къ оппозиціи безграничнымъ угожденіемъ Іакову, занимали главныя должности. Іаковъ руководился совѣтами честолюбиваго іезуита Эдуарда Питра (Petre), англичанина знатной фамилии. Онъ былъ душою маленькаго круга усердныхъ католиковъ, съ которыми король совѣщался о религіозныхъ дѣлахъ; члены этого кружка были: Эрондель, Поуисъ, Кесльменъ, лордъ Доверъ. Однажды, поддавшись совѣту Рочестера, Іаковъ

сталъ думать, что было бы выгодно заключить оборонительный союзъ съ нидерландской конфедераціей. Сондерлендъ разстроилъ это дѣло, Людовикъ прислалъ въ награду ему большую сумму денегъ, въ которыхъ онъ постоянно нуждался по своей страсти къ картамъ и къ мотовству. Вскорѣ Іаковъ отнялъ у Рочестера должность лорда-казначей; съ братомъ первой жены Іакова подверглась немилости и любовница короля Катерина Седли, прежде получившая отъ короля титулъ графини Дорчестеръ; она была протестантка. Королева, при содѣйствіи духовника своего мужа, низвергла ее.

Новая сессія парламента была открыта 9 ноября (1685 года). Іаковъ и его совѣтники полагали, что парламентъ будетъ отвѣчать радостнымъ поздравленіемъ на слова короля о подавленіи мятежа. Палата общинъ была готова дать деньги, которыхъ требовалъ король на содержаніе постоянного войска, хотъ оно и было нововведеніемъ, противнымъ англійскому обычаю. Король въ тронной рѣчи сказалъ, что онъ далъ офицерскія должности католикамъ и оставить ихъ на службѣ, чтобъ имѣть надежныхъ офицеровъ на случай новаго мятежа. Это было нарушеніемъ Акта удостовѣренія, потому возбудило ропотъ; но парламентъ не сталъ бы ссориться съ королемъ, если бъ Іаковъ прибавилъ, что просить у парламента согласія на это отступленіе отъ закона, извиняемое обстоятельствами. Іаковъ полагалъ, напротивъ того, что имѣть право отступить отъ законовъ безъ согласія парламента. Парламентъ не могъ допустить этого. Палата общинъ сдѣлала королю представленіе въ очень почтительныхъ выраженіяхъ, но говорившее о надобности соблюдать законы. Іаковъ, увѣренный въ своемъ могуществѣ, далъ депутаціи палаты общинъ неопредѣленный отвѣтъ. Проявилась оппозиція и въ палатѣ пэровъ. Комптонъ, епископъ лондонскій, отецъ котораго умеръ, защищая короля, произнесъ рѣзкую рѣчь, доказывавшую, что если не остановить при самомъ началѣ вторженіе католичества въ армію, то протестантство скоро будетъ потоплено католическимъ наводненіемъ. Раздраженный Іаковъ 20 ноября отсрочилъ до 10 февраля сессію парламента, продолжавшуюся еще только одиннадцать дней; онъ предпочелъ остаться безъ денегъ, которыхъ просилъ у парламента: дороже ихъ былъ ему произволъ; притомъ онъ полагалъ, что своею твердостью одолѣетъ сопротивленіе парламента. По окончаніи первой отсрочки онъ объявилъ вторую. Онъ сказалъ папскому нунцію, пріѣхавшему въ Лондонъ: «Знаю, что я могъ бы быть сильнымъ и счастливымъ королемъ, если бъ оставилъ религіозныя дѣла въ прежнемъ положеніи; но думаю, что это было бы противно моей религіозной обязанности.» Министрамъ и придворнымъ онъ говорилъ, что такъ какъ Богъ даровалъ ему власть, то онъ хочетъ употребить ее на пользу своей религіи.

Избавившись отсрочкой засѣданій парламента отъ его контроля,

Іаковъ упрямо сталъ осуществлять свой планъ переворота. Прежде всего надобно было упрочить положеніе католическихъ офицеровъ въ арміи и увеличить число ихъ въ ней. Онъ, пользуясь диспенсационной властью, которую присвоивалъ себѣ, выдавалъ имъ патентъ, освобождавшій ихъ отъ закона, угрожавшаго наказаніемъ католикамъ, занимающимъ должности; потомъ при содѣйствіи Джеффриса онъ очистилъ высшіе трибуналы отъ судей, выказывавшихъ хотя малѣйшую самостоятельность. Судьямъ было предложено подписать заявленіе, что король имѣетъ право давать диспенсацию отъ законовъ. Тѣ, которые по добросовѣстности или по опасенію будущей отвѣтственности не согласились дать требуемую подпись, получили отставку, были замѣщены людьми, согласными на все. Послѣ того въ іюнѣ 1686 года лордъ верховный судья созвалъ общее собраніе двѣнадцати членовъ трехъ верховныхъ трибуналовъ и потребовалъ отъ нихъ рѣшенія вопроса о диспенсационномъ правѣ короля. Десять судей объявили, что король имѣетъ право въ нѣкоторыхъ случаяхъ давать диспенсацию отъ законовъ; они основывались на такой аргументаціи: законы государства считаются данными отъ короля, потому онъ имѣетъ право дѣлать исключенія изъ правила о ихъ примѣненіи. Двое судей не согласились съ этимъ и были лишены своихъ должностей. Опираясь на заявленіе большинства судей верховныхъ трибуналовъ, можно было идти дальше. Рѣшено было устроить процессъ, по которому былъ бы произнесенъ формальный приговоръ въ смыслѣ, какого желалъ король. По внушенію самого правительства было заявлено противъ католика сэра Эдуарда Гельса обвиненіе въ томъ, что онъ нарушаетъ Актъ удостовѣренія, занимая должность полковника. Онъ сослался на диспенсационный патентъ, данный ему королемъ. Адвокатъ Гельса говорилъ въ судѣ, что королевская служба—обязанность, не подчиненная никакимъ парламентскимъ статутамъ. Судъ оправдалъ Гельса.

Такимъ образомъ, по судебному приговору диспенсационная власть была объявлена принадлежащей королю. Іаковъ сталъ пользоваться ею въ широкомъ размѣрѣ, подготавливая себѣ слугъ для подавленія протестантства. Мы говорили, что папа прислалъ въ Лондонъ нунція. Теперь Іаковъ отправилъ посланника въ Римъ, дозволивъ послу курфирста пфальцскаго построить въ Сяти капеллу, въ которой публично совершалось католическое богослуженіе; формально разрѣшилъ іезуитамъ и другимъ монахамъ поселаться въ Англіи, склонялъ протестантовъ переходить въ католичество, давая имъ за это должности и другія выгоды; онъ оставлялъ бенефиціи англиканской церкви тѣмъ священникамъ ея, которые переходили въ католичество; назначалъ епископами англиканской церкви людей, расположенныхъ объявить себя католиками, когда прійдетъ время для этого. Множество протестантовъ обольщалось наградами, принимало католичество. Католики, заключенные при Карлѣ въ темницы за отказъ дать присягу супрематства, были освобождены; чтобъ показать видъ безпристрастія, Іаковъ освободилъ нѣсколько квакеровъ и другихъ диссентеровъ, находив-

шихся въ такомъ же положеніи. Но съ тѣмъ вмѣстѣ король велѣлъ сжечь книгу французскаго гугенотскаго священника Жана Клода о преслѣдованіи протестантовъ во Франціи и сдѣлалъ другое распоряженіе, также показывавшее вражду его къ диссентерамъ: въ Англіи была собираема подписка для пособія гугенотамъ, бѣжавшимъ туда; Іаковъ повелѣлъ, чтобы пособіе было выдаваемо только тѣмъ изъ нихъ, которые присоединяются въ англиканской церкви; изъ этого было ясно, что онъ ненавидитъ кальвинистовъ, а пресвитеріане, составлявшіе огромное большинство англійскихъ диссентеровъ, были кальвинисты. Духовенство англиканской церкви подобно пмъ видѣло себя въ опасности при рѣшимости короля покровительствовать папизму; потому проповѣдывало о надобности твердо держаться протестантства, не поддаваться обольщеніямъ папистовъ. Фанатичные католики рѣзко нападали на протестантство, доказывая, что католическая церковь—единая истинная; это увеличивало раздраженіе защитниковъ англиканской церкви. Джонъ Шерпъ, священникъ лондонскаго Сентъ-джейлесскаго прихода, усердный роялистъ, человекъ всѣми уважаемый, произнесъ проповѣдь, доказывавшую, что англиканская церковь истинно апостольская и вселенская. Король былъ раздраженъ полемикой англиканскаго духовенства противъ католичества, которое нравилось ему. Онъ потребовалъ отъ англиканскихъ епископовъ, чтобы они запретили своимъ священникамъ нападать въ проповѣдяхъ на ученіе католической церкви; нѣкоторые изъ нихъ говорили, что не могутъ исполнить этого требованія; къ числу непокорныхъ принадлежалъ Комптонъ, епископъ лондонскій, бывший однимъ изъ вождей оппозиціи въ палатѣ пэровъ. На него первого упалъ гнѣвъ короля. Немедленно по отсрочкѣ засѣданій парламента, король удалилъ его изъ государственнаго совѣта и отнялъ у него свѣтскія административныя должности, которыя занималъ онъ, а теперь хотѣлъ отнять у него и епископскую кафедру за то, что онъ не соглашался безъ суда устранить Шерпа отъ должности приходскаго священника. По основному закону англиканской церкви король былъ ея главою, и ея духовенство было обязано повиноваться ему. Такимъ образомъ дѣла ея находились теперь въ томъ несообразномъ съ разсудкомъ положеніи, что король-католикъ управлялъ ею въ интересахъ католической церкви. Его самовластное управленіе церковными дѣлами въ Англіи было несообразно и съ католическимъ ученіемъ, говорившимъ, что глава церкви—папа, и что государи не имѣютъ власти надъ ней. Но этимъ Іаковъ и англійскіе паписты не стѣснялись. Іаковъ говорилъ, что провидѣніе дало ему въ Актѣ супрематства средство исцѣлить рану, нанесенную церкви этимъ же актомъ. Генрихъ VIII и Елизавета присвоили себѣ власть, принадлежащую папѣ; мудрость провидѣнія сдѣлала теперь то, что присвоенная ими власть перешла въ руки государя, принадлежащаго къ истинной церкви, чтобы онъ дѣйствовалъ въ пользу папы; законъ даетъ ему право отмѣнять дурное въ церкви, и первое дурное въ ней—свобода нападать на римское ученіе, которую присвоило себѣ англиканское духовенство; онъ отмѣнитъ это злоупотребленіе.

Такимъ образомъ Іаковъ рѣшилъ приготовить возстановленіе католичества посредствомъ власти надъ англиканской церковью, которую далъ королямъ англійскимъ Актъ супрематства. По закону король могъ передавать завѣдываніе церковными дѣлами лицамъ, которыхъ уполномочить на это. Іаковъ въ іюлѣ 1686 г. учредилъ для управленія англиканской церковью высшій церковный совѣтъ, которому далъ неограниченное полномочіе. Этотъ совѣтъ состоялъ изъ семи

членовъ; трое изъ нихъ были англиканскіе церковные сановники: Сэнкрофтъ, архіепископъ кентерберійскій, Кру (Crewе), епископъ доргемскій и Спрэтъ (Sprat), епископъ рочестерскій; четыре другіе были свѣтскіе сановники; президентомъ совѣта Іаковъ назначилъ лорда-канцлера Джеффриса; вліятельнѣйшимъ изъ другихъ членовъ былъ Сондерлендъ. Они дѣлали, что хотѣли, потому что Сэнкрофтъ не захотѣлъ бывать въ засѣданіяхъ церковнаго совѣта, а епископы, засѣдавшіе въ немъ, были безсовѣстные честолюбцы, готовые на все въ угожденіе Іакову. Первымъ дѣломъ церковнаго совѣта былъ призывъ епископа Комптона къ отвѣту за неповиновеніе королю. Голоса въ совѣтѣ раздѣлились по вопросу о томъ, лишить ли его должности; совѣтъ представилъ это на рѣшеніе королю; Іаковъ повелѣлъ устранить Комптона отъ должности и передать управленіе лондонской епархіей епископамъ, бывшимъ членами церковнаго совѣта. Комптонъ, устраненный отъ должности, жилъ въ принадлежавшемъ лондонской кафедрѣ загородномъ домѣ въ Фульгемѣ (эта мѣстность, составляющая теперь часть Лондона, была тогда еще далеко за западнымъ краемъ города). Онъ занимался тамъ садоводствомъ; улучшенія, произведенныя имъ въ епископскомъ саду, остаются замѣтны еще и теперь.

Въ Шотландіи достигъ успѣха было, какъ думалъ Іаковъ, еще легче, чѣмъ въ Англіи. Подавленіе ковенантеровъ по поводу возстанія Эргейля довершило побѣду роялизма надъ шотландской оппозиціей. Епископальная церковь, введенная тамъ насиліемъ, не пользовалась народною привязанностью. Изъ этого Іаковъ заключалъ, что не трудно будетъ замѣнить ее тамъ католичествомъ. Дѣлами въ Шотландіи управляли люди, безусловно преданные королю. Первый министръ, лордъ-казначей Уильямъ Доугласъ герцога Квинсберри былъ приверженецъ неограниченной власти короля; помощниками его были канцлеръ Джемсъ Дроммондъ графъ Пертъ и братъ Перта государственный секретарь лордъ Мельфордъ,—честолюбцы, готовые на все въ угожденіе королю и ужь отрeksiеся отъ протестантства, точно такъ же какъ отрeksiлся отъ него и третій членъ шотландскаго тайнаго совѣта Александръ Стюартъ графъ Морре. Коммендантомъ эдинбургской цитадели былъ католикъ Гордонъ. Иконы и другіе принадлежности католическаго богослуженія, привозимыя въ Шотландію, были освобождены отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ. Продажа протестантскихъ книгъ и брошюръ была стѣснена правительствомъ. Въ капеллѣ Голирудскаго дворца было совершаемо католическое богослуженіе. Когда поднялся изъ-за этого мятежъ на улицахъ, правительство велѣло драгунамъ Клеввергауса разогнать народъ саблями и выстрѣлами.

Шотландскій парламентъ былъ открытъ 29 апрѣля 1686 г. Король назначилъ своимъ комиссаромъ (представителемъ) при немъ графа Морре. Въ тронной рѣчи общались Шотландія нѣкоторыя матеріальныя выгоды; за этимъ слѣдовало требованіе, чтобы католическимъ подданнымъ короля, доказавшимъ свою преданность ему и миролюбіе, дана была политическая равноправность съ протестантами, и чтобы они были освобождены отъ обязанности давать при занятіи должностей присягу, несогласную съ ихъ религіей. Іаковъ думалъ, что шотландскій парламентъ безъ сопротивления исполнитъ это требованіе. Но оказалось, что деспотизмъ не искоренилъ ковенантерскаго духа. Парламентъ не хотѣлъ даже употребить выраженіе „римскіе католики“ для названія послѣдователей вѣры, считавшейся у шотландскихъ кальвинистовъ идолопоклонствомъ: онъ называлъ ихъ „папистами“; согласился наконецъ обозначить ихъ выраженіемъ „лица, принадлежащія къ римскому исповѣданію“. Комитетъ, занимавшійся редактированіемъ вносимыхъ въ парламентъ королевскихъ предложеній (Lords of Articles), не согласился писать билль, въ которомъ говорилось бы о предоставленіи равноправности католикамъ. Онъ говорилъ въ своемъ биллѣ только о дозволеніи совершать католическое богослуженіе въ частныхъ домахъ. Остались напрасны всѣ хлопоты Морре склонить этотъ комитетъ на внесеніе въ парламентъ билля объ отмычѣ протестантской присяги при занятіи должностей. Слуги короля хотѣли прикрыть истинное намѣреніе его расширеніемъ политической равноправности на пресвитеріанъ и другихъ диссентеровъ, но не обманули этимъ шотландцевъ. Оппозиція говорила, что установленіе вѣротерпимости не принадлежитъ къ кругу занятій свѣтской власти и противорѣчитъ заповѣдямъ божіимъ, что планъ ввести вѣротерпимость имѣетъ цѣлю установить тираннію, обольщать сердца протестантовъ папизмомъ, позволять оскорбленіе истинной вѣры, идолопоклонство. Раздраженный Іаковъ отерочилъ въ іюлѣ засѣданія шотландскаго парламента и сталъ дѣйствовать въ Шотландіи самовластно, какъ въ Англіи. Онъ давалъ въ Шотландіи должности католикамъ, обѣщая имъ защиту отъ судебного преслѣдованія и надѣясь, что дѣйствительно защититъ ихъ на основаніи королевскаго супрематства и диспенсационной власти, которую присвоилъ себѣ. Онъ удалилъ изъ тайнаго совѣта Мэккеви и другихъ членовъ, казавшихся ему недостаточно усердными въ исполненіи его желаній, далъ отставку и самому герцогу Куинсберри, находившему опаснымъ его намѣреніе поступить противозаконно; шотландскіе протестанты увидѣли себя въ такой же опасности, какъ англійскіе, и соединились съ ними для обороны общими силами. Подобно англійскимъ, они противились отмычѣ законовъ противъ католичества не столько по религіозной нетерпимости, сколько по опасенію, что, получивъ политическую равноправность, паписты при покровительствѣ короля захватятъ всю власть въ свои руки и станутъ подавлять протестантство. Примѣръ тому они видѣли въ Ирландіи.

При вступленіи Іакова на престолъ, вице-королемъ ирландскимъ былъ Ормондъ, усердный роялистъ, оказавшій большія услуги дѣлу монархіи. Іаковъ далъ ему отставку; онъ подавилъ въ себѣ досаду на неблагодарность, пригласилъ офицеровъ ирландскаго войска на обѣдъ, провозгласилъ тостъ за благоденствіе короля и отплылъ въ Англію. Власть, принадлежавшую ему, Іаковъ раздѣлилъ между двумя

лицами: санъ вице-короля онъ далъ лорду Клэрендону, старшему сыну покойнаго канцлера, но предоставилъ новому вице-королю только гражданское управленіе Ирландіей, а главнокомандующимъ войска, состоявшаго изъ 7.000 человекъ, назначилъ ирландскаго вельможу Толбота, графа Тирконнелля, фанатичнаго католика. Ирландія еще оставалась подъ игомъ, которое наложилъ на нее Кромвель: почти вся поземельная собственность находилась въ рукахъ поселившихся въ Ирландіи англичанъ, ненавистныхъ массѣ ирландскаго населенія. Эти землевладѣльцы, видя себя въ постоянной опасности отъ вражды, отбросили вражду между собою изъ-за разницы вѣроисповѣданій, держались единодушно, хотя только половина ихъ принадлежала къ англиканской церкви, другая состояла изъ католиковъ, пресвитеріанъ и другихъ диссентеровъ. Примѣру землевладѣльцевъ послѣдовали простолудины, переселившіеся въ Ирландію изъ Англіи и Шотландіи. Актъ удостовѣренія не былъ введенъ въ Ирландіи, потому вмѣстѣ съ послѣдователями англиканской церкви засѣдали въ парламентѣ и занимали должности по гражданскому управленію и въ войскѣ католики и диссентеры. Прежнія конфискаціи отняли наслѣдственные имѣнья у огромнаго большинства ирландскихъ вельможъ и дворянъ старыхъ фамилій; масса населенія, оставшаяся вѣрной католичеству, страдала отъ законовъ, стѣснявшихъ католическое богослуженіе. Іаковъ хотѣлъ дать владычество въ Ирландіи католикамъ. Онъ назначалъ на всякія должности ирландскихъ англичанъ и шотландцевъ католическаго исповѣданія; при недостаткѣ такихъ кандидатовъ давалъ должности и католикамъ старыхъ ирландскихъ фамилій. Клэрендонъ и младшій братъ его, Рочестеръ, занимавшій должность лорда-казначея, принадлежали къ англиканской церкви, потому не могли быть усердными исполнителями этого намѣренія короля. Желая сохранить свои должности, они угождали Іакову, но старались удерживать его отъ неблагоприятныхъ крайностей. Онъ убѣждалъ ихъ принять католичество; они не хотѣли обезчестить себя отступничествомъ. Іаковъ досадовалъ на нихъ, принявъ сторону Тирконнелля, ссорившагося съ Клэрендономъ, отозвалъ Клэрендона изъ Ирландіи, назначилъ вице-королемъ Тирконнелля. Новый вице-король сталъ при всякой возможности отнимать у протестантовъ имѣнья, полученные ими изъ конфискованныхъ земель, возвращалъ эти имѣнья прежнимъ владѣльцамъ, удалялъ изъ арміи протестантскихъ офицеровъ, замѣщалъ ихъ должности католиками; большинство уволенныхъ имъ офицеровъ уѣхало въ Голландію, поступило на службу къ Вильгельму Оранскому. Іаковъ былъ уже старъ, а сыновей у него не было; наслѣдницей короны была старшая его дочь, Марія; управленіе государствомъ должно было при ней перейти въ руки ея мужа. Тирконнелль готовился къ тому, чтобы объявить тогда Ирландію независимой отъ Англіи.

8. Декларация вѣротерпимости.

Въ началѣ 1687 года Іаковъ удалилъ отъ должностей обоихъ братьевъ первой его жены Рочестера и Клэрэндона. Католики и люди, готовые исполнять всѣ желанія короля, получили полное владычество въ управленіи государствомъ; Іаковъ роздалъ имъ всѣ важныя должности, и очевидно стало, что онъ хочетъ замѣнить протестантство въ Англіи католичествомъ. Многіе вельможи перешли на католическое исповѣданіе. Въ числѣ ихъ находились Генри Мордонъ графъ Питерборо и Джемсъ Сесиль графъ Сольсбери; перешли въ католичество и многіе другіе люди, занимавшіе болѣе или менѣе почетное положеніе въ обществѣ, какъ напримѣръ драматургъ Генсъ (Haines), пользовавшійся большою извѣстностью, и знаменитѣйшій поэтъ того времени Драйденъ. Іаковъ заключалъ изъ этого, что наградами можно обратить въ католичество большинство вліятельныхъ людей. Пока оставался закономъ Актъ удостовѣренія, должности были даваемы католикамъ только по диспенсационной власти, которую присвоилъ себѣ Іаковъ, — ему приходилось соблюдать нѣкоторыя границы въ замѣщеніи протестантовъ католиками и недоставало наградъ должностями для обращающихся въ католичество. Онъ рѣшилъ освободиться отъ стѣсненія въ этомъ, подготовилъ подавленіе протестантства посредствомъ провозглашенія полной вѣротерпимости, при которой можно будетъ раздавать всѣ должности католикамъ. Онъ ненавидѣлъ диссентеровъ еще сильнѣе, чѣмъ послѣдователей англиканской церкви, поступалъ съ ними въ Шотландіи безчеловѣчно. Но теперь сталъ выказывать состраданіе къ нимъ и въ разговорахъ съ главнымъ представителемъ квакеровъ Уильямомъ Пенномъ выказывалъ себя такимъ же приверженцемъ свободы вѣроисповѣданій, какъ самъ Пеннъ.

Правительство было должно отцу Уильяма Пенна знаменитому адмиралу большую сумму денегъ. Карлъ II взаимно уплаты долга далъ Уильяму Пенну огромное пространство земли въ Сѣверной Америкѣ. Это была покрытая лѣсами пустыня. Уильямъ Пеннъ сталъ колонизовать ее и въ честь его она была названа Пенсильваніей, „Лѣсной землей Пенна“. Онъ помогалъ переселяться туда своимъ единовѣрцамъ квакерамъ, подвергавшимся суровому преслѣдованію въ Англіи. При всей своей набожности, квакеры того времени были люди очень практичныя въ житейскихъ дѣлахъ. Таковъ былъ и Уильямъ Пеннъ. Онъ умѣлъ убѣдить Іакова въ миролюбіи своихъ единовѣрцевъ, успѣлъ выставить ихъ ему людьми ни мало не опасными въ политическомъ отношеніи. Іаковъ любилъ разговаривать съ ними. Благоклонность короля къ нему была такъ велика, что подала поводъ къ молвіи будто онъ обратился въ католичество. Дѣло было вовсе не въ томъ: Іаковъ желалъ показать себя приверженцемъ вѣротерпимости и благоклонности къ Пенну могла, по его мнѣнію, убѣдить массу протестантовъ въ томъ,

что онъ дѣйствительно хочетъ быть покровителемъ ихъ. Онъ держалъ себя въ этомъ отношеніи по правиламъ іезуитскаго ордена, рекомендуя притворство для достиженія цѣлей, полезныхъ католичеству.

Осуществленіе своего плана Іаковъ началъ съ Шотландіи, въ которой власть его была безгранична. Въ тайномъ совѣтѣ королевства шотландскаго была прочтена 17 февраля 1687 королевская декларация, дававшая свободу богослуженія и политическую полную правность католикамъ и квакерамъ, предоставлявшая такія же права пресвитеріанамъ, отказавшимся отъ ковенанта. Лица этихъ вѣроисповѣданій получали право быть опредѣляемыми на всѣ гражданскія и военныя должности; тѣмъ пресвитеріанамъ, которые не хотѣли отречься отъ ковенанта, то-есть оставались непреклонными противниками епископальной церкви, декларация давала только разрѣшеніе собираться на молитву въ частныхъ домахъ. Это распоряженіе короля было немедленно обнародовано въ Шотландіи. Черезъ полтора мѣсяца, 4 апрѣля, была обнародована такая же декларация въ Англіи. Іаковъ повторялъ въ ней свои прежнія обѣщанія сохранять неприкосновенными права, имѣнья и доходы англиканской церкви, объявлялъ, что не хочетъ стѣснять свободу совѣсти своихъ подданныхъ и потому останавливаетъ дѣйствіе законовъ противъ другихъ вѣроисповѣданій, отмѣняетъ требованіе англиканской присяги отъ лицъ, получающихъ гражданскія или военныя должности. Таково было содержаніе этого знаменитаго королевскаго распоряженія, называющагося Декларацией индульгенціи. Оно отмѣняло всѣ законы, воспрещавшіе королю давать должности католикамъ. Іаковъ восхищался, получая отъ своихъ католическихъ подданныхъ благопріятныя адреса. Анабаптисты, квакеры, индепенденты и даже пресвитеріане тоже благодарили короля за свободу совѣсти, полученную отъ него; онъ обѣщался упрочить свою декларацию парламентскимъ утвержденіемъ, такъ что отмѣнить ее будетъ невозможно. Дворъ ласкалъ квакеровъ и другихъ диссентеровъ, выказывалъ горячую любовь къ вѣротерпимости. Бэкстеръ, Гоу, Боньенъ и другіе диссентерскіе проповѣдники, находившіеся въ темницахъ, были освобождены, имѣли свободу проповѣдывать; но одушевленіе исчезло изъ ихъ словъ съ прекращеніемъ нападеній на антихриста и блудницу вавилонскую.

Декларация индульгенціи была осуществленіемъ принципа, что король выше закона. Іаковъ сталъ повсюду примѣнять этотъ принципъ. Онъ хотѣлъ открыть католикамъ доступъ въ парламентъ, раздать имъ государственныя должности, профессорскія катедры, чтобы при помощи ихъ обратить своей абсолютной властью англиканскую церковь въ католическую. Это намѣреніе выказалъ онъ, принявъ въ началѣ іюля (1687 года) на торжественной аудіенціи папскаго нунція Д'Аду, ловкаго интриганта. По закону не могъ быть

допускаемъ въ Англію папскій посолъ; теперь онъ ѣхалъ процессіей по главнымъ улицамъ Лондона въ Уэнтгольскій дворецъ; за его каретой ѣхалъ длинный рядъ каретъ его свиты. Жители Лондона толпились по улицамъ, съ удивленіемъ смотрѣли на это зрѣлище, устроенное съ пренебреженіемъ къ закону. Лордъ-камергеръ герцога Сомерсетъ, усердный протестантъ, отказался исполнять свою должность при приѣмѣ нунція; король далъ ему отставку, назначилъ на его мѣсто герцога Грэфтона, одного изъ побочныхъ сыновей Карла II.

Главнымъ дѣломъ Іакова была теперь раздача должностей явнымъ или тайнымъ католикамъ. Чтобы соблюсти видъ безпристрастія надобно было давать должности и диссентерамъ. Іакову было очень досадно это, но онъ далъ имъ нѣсколько второстепенныхъ должностей. Въ послѣдніе годы царствованія Карла II муниципальные грамоты городовъ были произвольно измѣнены правительствомъ такъ, что городское управленіе перешло въ руки тори. Теперь началась передѣлка муниципальных грамотъ въ такомъ направленіи, чтобъ управленіе городами перешло къ католикамъ и людямъ готовымъ отступить. Король учредилъ для пересмотра муниципальных грамотъ комиссію, вліятельнѣйшими членами которой были Джеффрисъ, Сондерлэндъ, формально перешедшій въ католичество и ирландскій католикъ Ботлеръ, она удалила изъ лондонскаго городского совѣта, изъ муниципальных совѣтовъ другихъ городовъ, изъ старшинъ цеховъ множество людей за то, что они отказывались признать законность Деклараціи индульгенціи. Провожая болную королеву на минеральныя воды Бэть (Bath), Іаковъ выказывалъ большую любезность пресвитеріанамъ западныхъ графствъ, черезъ которыхъ лежалъ путь; онъ казался совершенно забывшимъ, что за два года передъ тѣмъ они были на сторонѣ Монмута въ Бристолѣ и другихъ городахъ. Онъ выпрашивалъ у жителей обѣщаніе, что они выберутъ въ новый парламентъ такихъ депутатовъ, которые подадутъ голосъ за Декларацію индульгенціи. Онъ хотѣлъ распустить прежнюю палату общинъ, которая при всей своей преданности королю защищала законный порядокъ и англиканскую церковь. Онъ надѣялся, что въ новой палатѣ общинъ большинство составитъ изъ католиковъ и диссентеровъ, получившихъ по Деклараціи индульгенціи право быть членами парламента, и полагалъ, что диссентеры согласятся принять законы, враждебные англиканской церкви. Въ палату пэровъ онъ хотѣлъ назначить столько противниковъ англиканской церкви, чтобъ и тамъ составили большинство. Іаковъ считывалъ, что выборы членовъ палаты общинъ будутъ произведены сообразно его желанію, потому что въ городскіе совѣты было введено множество католиковъ и диссентеровъ; мировымъ судьямъ, шэрифамъ, лордамъ-намѣстникамъ графствъ онъ велѣлъ помогать выбору кандидатовъ, соглашающихся отмѣнить законы противъ католиковъ и

диссентеровъ. Шэрифы, вѣрные англиканской церкви, получили отставку; должности ихъ были отданы противникамъ ея; это было сдѣлано въ такомъ широкомъ размѣрѣ, что двѣ трети всего числа шэрифовъ составляли теперь католики и диссентеры. Іаковъ самъ поѣхалъ по графствамъ убѣждать избирателей подавать голоса за его кандидатовъ. Изъ числа вельможъ, бывшихъ лордами-намѣстниками графствъ, онъ далъ отставку шестнадцати, замѣстилъ ихъ католиками. Вообще онъ отнималъ должности у людей, несогласившихся дѣйствовать на выборахъ въ пользу кандидатовъ, готовыхъ утверждать Декларацію индульгенціи.

Въ обоихъ англійскихъ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ владычествовали горячіе приверженцы англиканской церкви; особенно фаворитны были они въ Оксфордѣ; но ученіе Высокой церкви, котораго держались они, было враждебно кальвинистскому элементу англиканской церкви, имѣло тенденцію, сходную съ католичествомъ. Потому Іаковъ говорилъ, что между оксфордскими профессорами находится много тайныхъ католиковъ, которые рады будутъ обратить англиканскую церковь въ католическую, когда увидятъ, что могутъ дѣйствовать въ этомъ духѣ, не теряя должностей и доходовъ. Онъ сталъ назначать католиковъ на университетскія должности и между прочимъ назначалъ тайнаго католика президентомъ коллегіума Магдалины, одного изъ важнѣйшихъ отдѣленій Оксфордскаго университета. Встрѣтивъ сопротивленіе, онъ велѣлъ церковному совѣту наказать непокорныхъ лишеніемъ должностей. Они возражали, что ихъ нельзя называть непокорными, потому что люди, соблюдающіе законы, утвержденные королями, покорны королю. Церковный совѣтъ разумѣется отвергъ это оправданіе и лишилъ ихъ должностей.

Іаковъ былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ начатаго имъ дѣла, но его старшая дочь и ея мужъ держались протестантскаго исповѣданія. Онъ опасался, что когда она наслѣдуетъ престолъ, то разрушится дѣло, которое ведетъ онъ. Чтобы предотвратить это, онъ требовалъ отъ Маріи и Вильгельма заявленія согласія съ его образомъ дѣйствій и очень разсердился, получивъ отказъ. Онъ рѣзко сказалъ уполномоченному Вильгельма Дельквельту, что Актъ удостовѣренія установленъ для ограниченія королевской власти, что Деклараціей индульгенціи онъ расширяетъ ее; что никогда не допуститъ притѣсненія людей, принадлежащихъ къ истинной церкви, покровительства людямъ, называемымъ ошибочной, суевѣрной, идолопоклоннической ту религію, которую исповѣдуетъ онъ, и послалъ Пенна въ Гагу склонить Вильгельма и Марію къ повиновенію ему. Но Вильгельмъ получилъ отъ своего посланника свѣдѣнія о настроеніи умовъ Англіи, находился въ сношеніяхъ съ Бадфордомъ, Рочестеромъ, Клэрэндономъ, Ноттингэмомъ, Шрусбери, Дэнби, Дорсетомъ и другими вельможами, недовольными самовластіемъ Іакова. Лэди Сондерлэндъ, не раздѣлявшая рабочіе стремленія своего мужа, передавала свѣдѣнія о политикѣ Іакова Вильгельму черезъ его друга Бентинка, съ кото-

рымъ вела тайную переписку. Изъ всего этого Вильгельмъ видѣлъ, что Іаковъ губить себя своимъ фанатизмомъ. и остался твердъ въ отказѣ одобрить Декларацию индульгенціи; онъ понималъ, что Іаковъ употребляетъ фразы о вѣротерпимости лишь для прикрытія своего намѣренія подавить протестантство въ Англіи.

Іаковъ полагалъ, что недовѣріе къ нему возбуждено въ Вильгельмѣ Борнетомъ (Barnet), знаменитымъ проповѣдникомъ англиканской церкви, написавшимъ исторію англійской реформаціи, навлекшую на него гнѣвъ короля; онъ бѣжалъ отъ гоненія въ Гагу и нашелъ себѣ хорошій пріемъ у Вильгельма и Маріи. Іаковъ требовалъ, чтобы Вильгельмъ прогналъ его отъ себя. Вильгельмъ, совѣтовавшійся объ англійскихъ дѣлахъ съ Борнетомъ, не слушалъ и этого требованія Іакова. — Противники фанатизма Іакова видѣли въ Вильгельмѣ будущаго спасителя своего. Младшая дочь Іакова, Анна и главный совѣтникъ ея Чорчилль увѣрили Вильгельма въ своемъ сочувствіи къ его намѣренію вступить за англійскихъ протестантовъ. Другъ Вильгельма рать-епископъ Фегель обнаружилъ письмо, въ которомъ отъ имени Маріи и Вильгельма объявлялъ, что они никогда не согласятся на отмѣну Акта удостовѣренія, необходимаго для охраненія англиканской церкви отъ вражды короля. Это письмо было распространено по Англіи въ августѣ 1687 и увеличило гнѣвъ Іакова на Вильгельма и Марію.

Іаковъ распустилъ парламентъ 2 іюля 1687 и хотѣлъ созвать новый не раньше, какъ въ ноябрѣ слѣдующаго года. Къ тому времени онъ надѣялся наградами, угрозами, удаленіемъ протестантовъ съ должностей, замѣщеніемъ ихъ католиками приобрести такое непреодолимое давленіе на выборы, что большинство палаты общинъ составитъ изъ людей, готовыхъ отмѣнить законы, стѣняющіе католиковъ. Большинство въ палатѣ пэровъ онъ рассчитывалъ приобрести назначеніемъ новыхъ пэровъ изъ такихъ же людей. Чтобы не могло быть сопротивленія волѣ его, онъ хотѣлъ окружить парламентъ войскомъ. Сондерлендъ говорилъ, что гвардія дастъ королю полный успѣхъ. По плану Іакова парламентъ долженъ былъ утратить всякую серьезную власть, повиноваться повелѣніямъ короля. Тайный совѣтъ, въ которомъ властвовали іезуиты Питеръ и обратившійся въ католичество Сондерлендъ, велъ дѣла въ направленіи сообразномъ съ волею короля. Членами верховнаго уголовного трибунала, председателемъ котораго былъ Джеффрисъ, были назначены люди раболѣпные; такимъ образомъ король могъ получать по всемъ юридическимъ вопросамъ тѣ рѣшенія, какихъ хотѣлъ. Учрежденный имъ комитетъ управленія англиканской церковью былъ послушнымъ орудіемъ воли его подготавливать подавленіе протестантства. Людовикъ XIV обѣщалъ помогать ему своимъ войскомъ. Того требовала и собственная выгода Людовика, потому что главнымъ противникомъ его былъ Вильгельмъ Оранскій, союзникъ англійскихъ протестантовъ. Іаковъ уже много лѣтъ жилъ со второю своею женою, и она оставалась бездѣтною;

Іакову очень хотѣлось бы имѣть сына, чтобы наслѣдникомъ престола былъ католикъ. Разнеслась молва, что королева беременна. Масса націи не вѣрила этому. Іаковъ былъ увѣренъ, что родится не дочь, а сынъ и слѣшилъ довести до конца дѣло объ отмѣнѣ Акта удостовѣренія, чтобы не возникла вновь агитація противъ наслѣдованія престола католикомъ или не было рѣшено парламентомъ, что сынъ короля долженъ быть отданъ на воспитаніе протестантскимъ опекунамъ. Іаковъ снова обнаружилъ 4 мая 1688 Декларацию индульгенціи и велѣлъ читать ее во всѣхъ церквахъ; такъ присовѣтовалъ ему Питеръ, чтобы англиканскіе епископы или обезчестили себя исполненіемъ приказанія или могли быть подвергнуты суду за неповиновеніе королю. И дѣйствительно англиканское духовенство было поставлено въ затруднительное положеніе: ему приходилось или помогать дѣлу, направленному противъ него, или оказаться виноватымъ въ неповиновеніи королю. Сэнкрофтъ, архіепископъ кентерберійскій, человѣкъ умѣреннаго образа мыслей, но глубоко убѣжденный въ истинѣ англиканскаго вѣроученія, пригласилъ въ свой лэмбенкій дворецъ нѣсколькихъ епископовъ на совѣщаніе, какъ имъ поступить; совѣщаніе происходило 12 мая; на немъ присутствовалъ кромѣ епископовъ Клэрendonъ, одинаково усердный роялистъ и англиканецъ. Было принято рѣшеніе не читать въ церквахъ Декларацию индульгенціи и подать королю адресъ съ выраженіемъ вѣрнопоподданническихъ чувствъ, просьбой объ отмѣнѣ приказанія читать Декларацию въ англиканскихъ церквахъ. На новомъ совѣщаніи 18 мая, на которое были приглашены наиболѣе уважаемые англиканскіе богословы: Кеннъ, епископъ бѣдскій и уэльсскій, Трелони, епископъ бристольскій, деканы Тиллотсонъ, Стиллингфлитъ, Теннисонъ, былъ составленъ адресъ королю. Рѣшеніе подать его было оправдываемо принципомъ англиканской конституціи, по которому незаконныя распоряженія, обнаруженные отъ имени короля, приписываются не ему, а его министрамъ, которые и считаются исключительно виновными, между тѣмъ какъ король остается свободенъ отъ всякаго порицанія; сообразно этому принципу дозвоительно обращаться къ королю съ жалобой на всякое правительственное распоряженіе; были выбраны семь епископовъ для представленія королю принятаго всемъ собраніемъ адреса, съ выраженіемъ вѣрнопоподданническихъ чувствъ просившаго объ отмѣнѣ повелѣнія читать Декларацию индульгенціи въ церквахъ. Въ числѣ семи членовъ депутаціи не было ни Сэнкрофта, ни епископа лондонскаго Комптона, потому что оба они были устранимы отъ своихъ должностей королемъ по прежнимъ его неудовольствіямъ на нихъ (Сэнкрофтъ былъ устранимъ отъ должности собственно за то, что отказался быть членомъ церковнаго совѣта, притѣснявшаго духовенство англиканской церкви). Король 20 мая далъ аудіенцію депутатамъ англиканскаго духовенства; онъ, вѣроятно, думалъ, что услышитъ только смиренныя

выраженія печали; читая адресъ, онъ изумился, нашедши тамъ заявленіе, что его Декларация незаконна, потому что противорѣчитъ прежнему рѣшенію парламента, высказавшагося противъ нея. Онъ гнѣвно сказалъ депутатамъ, что подавать такой адресъ значитъ поднимать знамя мятежа и воскликнулъ: «Право диспенсаци дано мнѣ Богомъ, я не дамъ отнять его у меня!» Депутаты не оробѣли, напомнили о словахъ апостола, что должно больше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ и, уходя, сказали: «Да будетъ воля Божія!» Въ тотъ же день адресъ, тайно напечатанный, разошелся по всему Лондону. Лишь немногіе англиканскіе священники пытались прочесть въ своихъ церквяхъ Декларацию индульгенціи; при самомъ началѣ ея чтенія народъ уходилъ изъ церквей. Огромное большинство англиканскаго духовенства не захотѣло исполнить повелѣнія короля.

Такимъ образомъ англиканская церковь, проповѣдывавшая неограниченность королевской власти и безусловно поддерживавшая ее, перешла въ оппозицію, стала защитницей закона противъ Іакова. Это былъ фактъ громадной важности; волненіе народа усилилось, появилось множество памфлетовъ въ защиту епископовъ; были памфлеты и въ защиту короля; оправдывавшіе короля говорили, что Актъ удостовѣренія лишаетъ гражданскихъ правъ значительную часть націи. Противники его самовластия доказывали, что король не имѣетъ права по собственному произволу давать диспенсацию; законодательная власть принадлежитъ королю вмѣстѣ съ парламентомъ, а не одному королю; право диспенсаци, то-есть право останавливать дѣйствіе законовъ, часть законодательной власти; истинная вѣрность королю состоитъ въ соблюденіи законовъ. Большой успѣхъ имѣлъ памфлетъ, говорившій отъ имени англиканскаго духовенства: «Если мы прочтемъ Декларацию, то падемъ такъ, что никогда не встанемъ; падемъ, не возбуждая ни въ комъ состраданія, презираемые всѣми подъ проклятіями націи». Даже Питеръ и Сондерлэндъ были смущены оппозиціей англиканскаго духовенства, бывшаго до той поры твердой опорой престола. Они разсуждали о томъ, удобно ли будетъ предать суду епископовъ, подавшихъ адресъ, или надобно ограничиться выраженіемъ порицанія имъ. Но упрямый и самонадѣянный Іаковъ не захотѣлъ удовольствоваться порицаніемъ, говорилъ, что это значило бы показать недостатокъ увѣренности въ законности его распоряженій, въ принадлежности диспенсационной власти ему. Онъ рѣшилъ предать епископовъ, представившихъ ему адресъ, суду того трибунала, который прежде уже призналъ короля имѣющимъ диспенсационную власть. Обвиненіе состояло въ томъ, что они «подъ формою просьбы недозволительнымъ и злонамѣреннымъ способомъ подали королю и потомъ обнародовали лживый и возмутительный адресъ, возбуждающій къ презрѣнію короля, противный законамъ государства и общественному спокойствію». Семь епископовъ, подавшихъ адресъ, были 8 іюня

призваны къ отвѣту въ тайный совѣтъ, въ засѣданіи котораго присутствовалъ самъ король. Они сказали, что не признаютъ себя виновными; потому имъ было объявлено, что они предаются суду. Отъ нихъ потребовали представленія залога въ томъ, что они явятся къ суду; они отвѣчали, что будучи парами, не могутъ признать права требовать отъ нихъ залога, и были отвезены въ Тоуэръ какъ обвиняемые, не представившіе залога. Ихъ везли въ Тоуэръ по Темзѣ. Когда они садились въ шлюпку, толпа народа выражала сочувствіе имъ; по всему пути шелъ берегомъ народъ съ криками сочувствія и ободренія имъ, становился на колѣни, просилъ ихъ благословенія. Въ Тоуэрѣ они также получали отъ людей всѣхъ сословій горячія заявленія сочувствія и уваженія. Вельможи обѣихъ партій торійской и вигистской пріѣзжали въ Тоуэръ съ вопросами о томъ, здоровы ли они. Но коммандантъ Тоуэра, отступникъ отъ протестанства сэръ Эдуардъ Гельсъ (Hales), обращался съ ними грубо.

Черезъ два дня по арестованіи семи епископовъ, королева разрѣшилась отъ бремени (10 іюня). Роды произошли раньше, чѣмъ были ожидаемы. Народъ ужъ давно смѣялся надъ молвой о беременности королевы, будучи убѣжденъ, что это выдумка, что Іаковъ, королева и ихъ совѣтники рѣшили взять чужаго младенца и назвать его сыномъ короля и королевы, чтобъ отнять престолонаслѣдіе у протестантки Маріи. Это мнѣніе нашло подтвержденіе себѣ въ томъ, что не были приглашены присутствовать при разрѣшеніи королевы отъ бремени тѣ лица, свидѣтельство которыхъ было бы необходимо для удостовѣренія въ дѣйствительности рожденія малютки королевой; не были приглашены ни сестра Маріи, младшая дочь короля Анна, ни Рочестеръ и Клэрendonъ, ближайшіе родственники Маріи, у которой рожденіе сына мачихою ея отнимало право престолонаслѣдія; не были приглашены представители Маріи въ Лондонѣ. Масса народа совершенно убѣдилась въ томъ, что молва о беременности королевы была обманомъ, и что теперь былъ показанъ подобраннымъ фальшивымъ свидѣтелямъ младенецъ, принесенный ночью въ Сентъ-Джемскій дворецъ. Впослѣдствіи времени разсѣялось всякое сомнѣніе относительно того, что этотъ малютка дѣйствительно былъ сынъ королевы; но тогда при всеобщемъ убѣжденіи въ коварствѣ короля, королевы и ихъ руководителей, масса народа считала новорожденнымъ сыномъ другой женщины малютку, называемаго сыномъ королевы. Католики были въ восторгѣ отъ того, что родился наслѣдникъ короны, который будетъ воспитанъ въ католичествѣ. Въ тотъ же день папскій нунцій пріѣхалъ поздравить короля; крестнымъ отцомъ младенца былъ выбранъ папа. Пріѣхалъ съ поздравленіемъ и французскій посланникъ; Іаковъ обнялъ его, сказалъ, что поручаетъ сына покровительству Людовика и надѣется сдѣлать много въ пользу католичества.

Разсудительные совѣтники Іакова убѣждали его по поводу торжества рожденія наслѣдника дать прощеніе арестованнымъ епископамъ. Но Іаковъ упрямо хотѣлъ наказать ихъ, и 29 іюня начался процессъ противъ нихъ въ судѣ «Королевской скамьи». Лучшие адвокаты торійской партіи были защитниками обвиненныхъ; обвинителемъ былъ Уильямъ Уильямсъ, прежній спикеръ палаты общинъ, одинъ изъ вождей оппозиціи, продавшій себя Іакову за должность генераль-прокурора. Присяжные объявили обвиняемыхъ невиновными. Сами судьи не могли отрицать того, что черезъ присвоеніе диспенсационной власти королю уничтожается участіе парламента въ законодательствѣ; что сопротивленіе епископовъ повелѣнію читать въ церквахъ Декларацію индульгенціи было основано на законѣ, который не можетъ быть отмѣненъ безъ согласія парламента.

Народъ праздновалъ оправданіе епископовъ какъ побѣду. Вечеромъ Лондонъ былъ иллюминированъ, крики торжества доносились до комнатъ короля. Но онъ остался упрямымъ, выказалъ свой гнѣвъ судьямъ, допустившимъ оправданіе епископовъ, утѣшался выраженіями радости католиковъ по поводу рожденія наслѣдника престола. Но масса націи считала появленіе этого младенца гибельнымъ для протестантства и свободы: протестантка Марія лишилась теперь права наслѣдовать престолъ, англійскому народу предстояло имѣть и по смерти Іакова королемъ католика. Уничтоженіе надежды, что опасность для свободы и протестантской церкви прекратится съ жизнью Іакова, возбуждало въ народѣ мысль о необходимости принять мѣры для своего освобожденія отъ папизма и произвольной власти.

9. Изложженіе Іакова.

а) высадка Вильгельма Оранскаго.

На континентѣ въ это время составила коалиція для обузданія честолюбивыхъ замысловъ Людовика XIV. Душою этого союза былъ Вильгельмъ Оранскій. Людовикъ убѣждалъ Іакова помогать ему въ войнѣ, начавшейся по поводу выборовъ новаго архіепископа кельнскаго. Іаковъ, ослѣпленный своимъ фанатизмомъ, послалъ флотъ, чтобъ удержать нидерландскую республику отъ помощи шведамъ въ войнѣ ихъ съ королемъ датскимъ, союзникомъ Людовика. За нѣсколько времени передъ отпращиваніемъ флота къ нидерландскому берегу, Іаковъ велѣлъ возвратиться въ Англію шести англійскимъ полкамъ, находившимся ужъ десять лѣтъ въ нидерландской службѣ; но только 36 офицеровъ и незначительное число солдатъ повинова-

лись приказанію короля; масса офицеровъ и солдатъ осталась въ нидерландской службѣ. Они держались мнѣнія, что свободные люди имѣютъ право служить въ какой хотятъ арміи, и отвергли справедливость словъ англійскаго посланника, что нарушаютъ обязанность вѣрныхъ подданныхъ отказомъ возвратиться въ Англію. Союзъ Іакова съ Людовикомъ имѣлъ, по убѣжденію англичанъ, своею цѣлью подавленіе протестанства въ Англіи и въ нидерландской республикѣ; они полагали, что народы этихъ земель должны защищаться общими силами. Естественнымъ вождемъ ихъ былъ Вильгельмъ Оранскій, на помощь котораго ужъ давно надѣялись англійскіе патріоты. У него въ Гагѣ находились и собирались англійскіе эмигранты. Послѣдователи англиканской церкви прежде имѣли нѣкоторое нерасположеніе къ нему за его преданность кальвинизму. Но Борнетъ убѣдилъ его заявить уваженіе къ англиканской церкви, и недовѣріе къ нему исчезло въ ея приверженцахъ. Борнетъ былъ представителемъ той части англиканскаго духовенства, которая называлась латитударіанской, то-есть имѣющей желаніе широкаго союза между протестантскими вѣроисповѣданіями; такого союза желалъ и Вильгельмъ. Опасность, которою угрожало англиканской церкви католичество, располагала большинство ея духовенства къ мыслямъ подобнаго рода; англиканцы обѣщали пресвитеріанцамъ смятеніе закона о единообразіи богослуженія, если они отвергнутъ Декларацію индульгенціи.

Главнымъ препятствіемъ заключенію союза между англійскими патріотами и Вильгельмомъ было сомнѣніе Вильгельма въ томъ, будетъ ли дана ему правительственная власть въ Англіи, когда королевой будетъ провозглашена его супруга. Борнетъ замѣтилъ въ немъ это сомнѣніе и разъяснилъ дѣло Маріи, которой Вильгельмъ не высказывалъ этой своей мысли. Она отвѣчала Борнету, что такъ какъ ея мужъ исполняетъ заповѣдь священнаго писанія: „мужья любите вашихъ женъ“, то и она должна слѣдовать другой заповѣди: „жены повинуйтесь мужьямъ вашимъ“. Она сказала мужу, что когда сдѣлается королевой, то предоставитъ управленіе государственными дѣлами ему. Этимъ было прекращено его колебаніе принять предложенія англійскихъ патріотовъ.

Марія и Вильгельмъ могли оставаться спокойны, пока имѣли увѣренность, что по смерти Іакова корона будетъ получена Марією. Рожденіе сына у Іакова совершенно измѣняло ихъ отношенія къ англійскимъ дѣламъ: оно отнимало у Маріи право престолонаслѣдія. Но англичане были убѣждены, что ребенокъ, котораго Іаковъ объявилъ своимъ сыномъ, чужой ребенокъ, выставляемый наслѣдникомъ престола только для того, чтобъ устранить отъ престолонаслѣдія Марію. Нація не хотѣла допустить такого унижительнаго для нея обмана; негодованіе было такъ велико, что Вильгельмъ могъ разсчитывать на успѣхъ въ дѣлѣ защиты правъ своей жены. Англійскіе патріоты находили, что не могутъ начать возстанія безъ его содѣйствія. У Іакова

было довольно большое войско въ самой Англіи, онъ могъ призвать туда войско, сформированное Тирконнелемъ въ Ирландіи; оно было многочисленно. Должно было полагать, что въ случаѣ надобности пришлетъ войско на помощь ему Людовикъ. Англійскіе эмигранты, жившіе въ Гагѣ, были въ дружескихъ сношеніяхъ съ Вильгельмомъ: ненависть англичанъ къ коварству и деспотизму Іакова была, такъ велика, что важнѣйшіе вельможи вошли въ тайное соглашеніе съ Вильгельмомъ. Графы: Шрусбери, Девонширъ, Дэнби, епископъ лондонскій Комptonъ, лордъ Ломли (Lomley), Генри Сидни, братъ казеннаго вождя патриотовъ Эльджернона Сидни, и адмиралъ Россель условились между собою низвергнуть Іакова при содѣйствіи Вильгельма. Посолъ, отправленный Вильгельмомъ поздравить Іакова съ рожденіемъ сына, увѣрялъ вождей англійской оппозиціи въ неизмѣнности расположенія принца къ нимъ. Эдуардъ Россель отправился въ Гагу получить отъ Вильгельма точныя свѣдѣнія о его намѣреніяхъ. Вильгельмъ сказалъ Росселю, что поплыветъ съ войскомъ въ Англію, если получитъ приглашеніе отъ вельможъ, пользующихся довѣріемъ англійскаго народа; что онъ можетъ снарядить свою экспедицію къ сентябрю. Пары, составившіе заговоръ, отправили 30 іюня шиффрованный адресъ Вильгельму, прося его сдѣлать высадку на англійскій берегъ до истеченія того года, увѣряя его, что девятнадцать двадцатыхъ частей націи на его сторонѣ, и что къ нему соберется большое войско волонтеровъ, что офицеры и солдаты королевской арміи перейдутъ на его сторону; объявить себя за него и флотъ. Участники этого заговора собрали большую сумму денегъ и часть ея послали въ амстердамскій банкъ. За приглашеніемъ семи паровъ послѣдовали другія заявленія готовности помогать Вильгельму: лордъ Чорчилль въ восторженномъ письмѣ предложилъ ему свои услуги; самъ Сондерлэндъ, президентъ тайнаго совѣта, одобрялъ то, что жена его сносится съ заговорщиками и Вильгельмомъ черезъ Генри Сидни. Іаковъ продолжалъ усиливать общее негодование своими поступками: онъ отнялъ должности у тѣхъ судей, которые оправдали епископовъ, назначилъ на ихъ мѣста людей раболовныхъ, угрожалъ предать суду все англиканское духовенство, отказавшееся читать въ церквахъ Декларацию индульгенціи, вызвалъ въ Англію войско изъ Ирландіи, чтобы держать въ покорности Сити; Сондерлэндъ видѣлъ, что Іаковъ погибнетъ и разсудилъ спасти себя тайнымъ содѣйствіемъ принцу Оранскому. Вильгельмъ убѣдился, что англичане возстанутъ противъ Іакова; онъ не могъ теперь бездѣйствовать. Въ случаѣ побѣды Іакова онъ долженъ былъ ожидать большихъ бѣдъ себѣ отъ гнѣва тестя; а если бы безъ его участія побѣдили противники Іакова, то могла бы быть провозглашена республика; потому онъ рѣшился помогать своимъ англійскимъ союзникамъ, заслужить ихъ благодарность и пріобрѣсти рѣшительное вліяніе на ходъ дѣлъ. Онъ

съ неутомимой энергіей сталъ готовить экспедицію въ Англію. Будучи адмираломъ и генераль-капитаномъ (главнокомандующимъ) войскъ нидерландской конфедераціи, онъ имѣлъ возможность снарядить флотъ, собрать войско; но обыкновенные доходы государства были недостаточны для этого, потому онъ убѣждалъ союзный сеймъ дать ему добавочную сумму. Достичь успѣха въ этомъ было дѣло трудное, потому что союзный сеймъ имѣлъ недовѣріе къ нему, опасался его властолюбія, отлагалъ исполненіе просьбы его. Наконецъ онъ убѣдился, что союзъ королей французскаго и англійскаго угрожаетъ погибелю нидерландской конфедераціи, и уступилъ настойчивости Вильгельма, говорившаго: «Теперь или никогда!» Вильгельмъ получилъ позволеніе употребить находившіяся въ союзномъ казначействѣ деньги на увеличеніе флота, наемъ 9.000 матросовъ и снаряженіе войска.

Людовикъ XIV, получая точныя извѣстія о нидерландскихъ дѣлахъ, предостерегалъ Іакова, предлагалъ ему свою помощь. Но Іаковъ не вѣрилъ, что опасность близка, и не хотѣлъ открыто стать союзникомъ Людовика, боясь, что это раздражитъ парламентъ, который надобно будетъ созвать ему. Людовикъ потребовалъ отъ нидерландскаго сейма, чтобы военныя приготовленія были прекращены, и объявилъ, что будетъ считать нападеніе на Англію нападеніемъ на него самого. Сеймъ отвѣчалъ, что видя сосредоточеніе французскихъ войскъ на сѣверной границѣ и приготовленіе флота въ Брестѣ къ отплытію, онъ считаетъ надобнымъ принять мѣры предосторожности противъ нападенія, не желая, чтобы повторились событія 1672 года, когда французы нашли нидерландскую конфедерацію не приготовившеюся къ защитѣ. Такимъ образомъ приготовленія Вильгельма къ экспедиціи въ Англію были выставяемы направленными противъ Людовика. Іаковъ оскорбился тѣмъ, что Людовикъ беретъ его подъ свою защиту будто опекунъ, принуждаетъ его къ союзу для нападенія на нидерландскую конфедерацію, говорилъ, что не нуждается въ покровителѣ. Англійскій посланникъ въ Парижѣ Скельтонъ, одобрявшій дѣйствія Людовика, былъ отозванъ Іаковомъ и посланъ въ Тоуэръ; Іаковъ сказалъ нидерландскому посланнику Ванъ-Ситтерсу, что не нарушитъ въ угожденіе Людовику мира съ нидерландской конфедераціей. Всѣ хлопоты Людовика о заключеніи союза съ нимъ остались напрасны; чтобъ отвлечь нидерландскій сеймъ отъ содѣйствія Вильгельму, Іаковъ говорилъ даже, что готовъ заключить съ нидерландской республикой и Испаніей союзъ противъ Людовика. А между тѣмъ приготовленія Вильгельма къ экспедиціи ужь кончались. Людовикъ отказался отъ надежды вразумить Іакова и, не имѣя возможности успѣшно дѣйствовать безъ его помощи противъ нидерландской республики, далъ задуманной войнѣ другое направленіе—послалъ свои войска на Германію. Союзный сеймъ видѣлъ, что въ случаѣ успѣха Людовикъ двинетъ свои арміи по Германіи на нидерландскую кон-

федерацию; понималъ, что Іаковъ перемѣнитъ свои мысли, вступить въ союзъ съ Людовикомъ, и, чтобы предотвратить это, сталъ энергически помогать Вильгельму. Іаковъ поблѣднѣлъ, получивъ отъ своего посланника при нидерландскомъ сеймѣ извѣстіе, что Вильгельмъ скоро поплыветъ въ Англію, что нидерландскій сеймъ отвергаетъ союзъ съ Англіей и Испаніей, что англійскіе и шотландскіе эмигранты собрались въ Гагъ, поплывутъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ.

Только теперь Іаковъ понялъ, что возбудилъ въ англійскомъ народѣ ненависть къ себѣ. Увидѣвъ гибельность прежняго своего образа дѣйствій, онъ рѣшился принять другую политическую систему, надеясь приобрести довѣріе націи. Онъ обнародовалъ 21 сентября (1688 года) прокламацію, обещающую, что онъ будетъ охранять законъ о единообразіи богослуженія (то-есть защищать англиканскую церковь), согласится на устраненіе католиковъ изъ парламента, отмѣнитъ всѣ распоряженія, возбудившія ропотъ, и надеется на вѣрность народа. Онъ пригласилъ 3 октября въ свой дворецъ англиканскихъ епископовъ, даже и тѣхъ, которыхъ предавалъ суду, и просилъ ихъ сказать, какихъ распоряженій отъ него хотятъ они, чтобы примириться съ нимъ. По ихъ требованію онъ возвратилъ Комптому управленіе дѣлами лондонской епархіи, возстановилъ прежнія муниципальныя грамоты лондонскаго Сити и другихъ городовъ, уничтожилъ церковный совѣтъ, бывший орудіемъ его въ преслѣдованіи англиканскаго духовенства, возвратилъ оксфордскій коллегіумъ Мардалены тому отдѣлу университетской корпораціи, который завѣдывалъ этимъ учрежденіемъ и у котораго было отнято оно и отдано въ управленіе католикамъ. Кромѣ того Іаковъ возвратилъ должности многимъ изъ лордовъ-наѣстниковъ, шэрифовъ и другихъ областныхъ администраторовъ, у которыхъ были они отняты имъ, назначилъ выборы въ новый парламентъ и обѣщался не стѣснять свободу ихъ. По его приказанію Джеффрисъ возвратилъ лондонскому городскому управленію отнятую муниципальную грамоту и самъ призналъ незаконными распоряженія, стѣснявшія муниципальную свободу. Іаковъ не хотѣлъ только отказаться отъ права диспенсаци, которое считалъ важнѣйшимъ элементомъ королевской власти.

Іаковъ рѣшился на эти уступки потому, что уже нельзя было сомнѣваться въ близости времени, когда сдѣлается высадку въ Англію Вильгельмъ. Манифестъ отъ имени Вильгельма, написанный Фегелемъ и переведенный на англійскій языкъ Борнетомъ былъ уже распространенъ въ Англію. Іаковъ отмѣнилъ теперь тѣ распоряженія, которыя были перечислены въ этомъ манифестѣ, какъ противозаконныя. Въ манифестѣ говорилось, что младенецъ, котораго Іаковъ называетъ своимъ сыномъ, вовсе не сынъ его. Теперь при крещеніи этого ребенка пунцій, замѣнявшій палу въ обязанности крестнаго отца, объявилъ, что этотъ ребенокъ дѣйствительно былъ рожденъ королевой. Іаковъ получалъ отъ многихъ вельможъ, англиканскихъ

епископовъ и священниковъ, отъ должностныхъ лицъ, городовъ, заявленія преданности; и дѣйствительно, люди торійской партіи желали, чтобы онъ сохранилъ власть; мысль о низложеніи государя противорѣчила торійскому принципу; англиканское духовенство тоже готово было поддерживать Іакова послѣ сдѣланныхъ имъ уступокъ. Но масса націи не вѣрила искренности обѣщаній Іакова, Онъ даже и теперь не слушалъ благоразумныхъ совѣтовъ; Сондерландъ доказывалъ ему, что надобно счѣснить созваніемъ парламента; онъ медлилъ, опасаясь, что парламентъ приметъ сторону Вильгельма.

Іаковъ потерялъ весь октябрь въ колебаніи, созвать ли парламентъ или отложить эту важнѣйшую уступку національному требованію. Между тѣмъ Вильгельмъ 7 октября формально объявилъ нидерландскому сейму о своемъ намѣреніи и просилъ его содѣйствія. Нѣтъ сомнѣнія, что король англійскій заключилъ союзъ съ королемъ французскимъ, говорилъ Вильгельмъ сейму, и если Іаковъ при помощи своего союзника подавить въ Англіи оппозицію, то независимость нидерландской конфедераціи подвергнется величайшей опасности; а если въ Англіи побѣдитъ оппозиція, то будетъ провозглашена республика; а по воспоминаніямъ о прежней англійской республикѣ должно полагать, что и новая была бы враждебна нидерландской конфедераціи. Въ томъ и другомъ случаѣ лишилась бы своего права на англійскій престолъ Марія; мужъ обязанъ защищать права жены, продолжалъ Вильгельмъ; потому онъ рѣшился стать союзникомъ англійскихъ патриотовъ, чтобы сохранить въ Англіи монархическую форму правленія и съ тѣмъ вмѣстѣ упрочить законный порядокъ въ Англіи; ему необходима для этого помощь нидерландскаго сейма и онъ проситъ ея. Сеймъ нашелъ его доводы убѣдительными, постановилъ отдать въ распоряженіе Вильгельма флотъ и войско. На протестъ англійскаго посланника сеймъ отвѣчалъ, что не вѣритъ дружелюбнымъ предложеніямъ Іакова, потому что самъ посолъ не можетъ отрицать тайнаго соглашенія между Іаковомъ и Людовикомъ; и дѣйствія Людовика доказываютъ существованіе союза между ними; но сеймъ готовъ содѣйствовать установленію согласія между англійскимъ королемъ и англійской націей на основаніи условій, обеспечивающихъ протестантство и свободу англійской націи; если Іаковъ желаетъ этого, то сеймъ приметъ на себя посредничество въ переговорахъ между нимъ и англійскимъ народомъ. Іаковъ разсердился на отвѣтъ сейма, принявъ за оскорбленіе себѣ предложеніе посредничества его, наговорилъ нидерландскому посланнику множество упрековъ противъ Вильгельма и нидерландскаго сейма, далъ отставку Сондерланду, убѣждавшему его войти въ переговоры съ Вильгельмомъ, сталъ слѣдовать совѣтамъ Людовика, предложившаго ему денежное пособіе; французскій посланникъ Баррильонъ получилъ преобладающее вліяніе на управленіе Англіей и велъ дѣла къ тому, чтобы заключенъ былъ формальный союзъ между Іаковомъ

и Людовикомъ. — Въ манифестъ Вильгельма изумляло и пугало Иакова въ особенности то заявленіе, что свѣтскіе и духовные пэры послали Вильгельму приглашеніе плыть въ Англію; созвавъ англиканскихъ епископовъ, Иаковъ потребовалъ, чтобъ они провозгласили недозволительность сопротивленія королю, какъ одинъ изъ догматовъ англиканской церкви; онъ воображалъ, что это заявленіе устранило бы опасность возстанія. Епископы отвѣчали отказомъ. Въ раздраженіи Иаковъ возвратился къ прежнему своему упрямству; ободряемый самонадѣянностью, онъ воображалъ, что можетъ отразить нападеніе Вильгельма.

Въ концѣ октября и въ началѣ ноября войско Вильгельма пошло садиться на корабли. Съ нимъ отправлялись англійскіе и шотландскіе вельможи: лордъ Мордонъ, графъ Маккельсфильдъ, вице-адмиралъ Гербертъ Эрчибольдъ, Кэмпбелъ (Campbell), сынъ казеннаго Эргейля, Флечеръ, Пэтрикъ Гью, Фергюсонъ, множество эмигрантовъ менѣе знатныхъ. По многимъ вопросамъ они были несогласны между собою, но всѣхъ ихъ соединяла ненависть къ Иакову. Кромѣ нидерландскихъ полковъ у Вильгельма были бранденбургскіе, присланные родственникомъ его курфирстомъ; къ нимъ присоединилось много нѣмецкихъ волонтеровъ и наемниковъ. Особенной храбростью отличались бѣжавшіе изъ Франціи гугеноты отъ преслѣдованій и проникнутые пламенной ненавистью къ католикамъ; съ ними былъ знаменитый полководецъ графъ Шомбергъ, нѣмецъ по рожденію, французъ по воспитанію и продолжительной службѣ, родственникъ по брачнымъ связямъ со многими англійскими вельможами, бѣжавшій изъ Франціи по отмѣнѣ Нантскаго эдикта, поступившій на португальскую службу, уѣхавшій изъ Португаліи въ досадѣ на католическій фанатизмъ, поступившій на службу къ Фридриху Вильгельму Бранденбургскому, помогавшій ему хорошо организовать армію; Вильгельмъ далъ ему первое мѣсто послѣ себя въ командованіи войскомъ. Такимъ образомъ помощникомъ и воинами Вильгельма были люди разныхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій; благодаря тому не могло быть въ ихъ дѣйствіяхъ узкой сектантской нетерпимости, и англійскіе эмигранты были расположены къ такъ называемому латитударианству, признававшему существенную одинаковость разныхъ протестантскихъ исповѣданій; представителемъ его былъ Борнетъ.

Флотъ собрался въ Гельвутсейской гавани. Онъ дѣлился на три эскадры; въ каждой изъ нихъ было тринадцать кораблей, имѣвшихъ болѣе чѣмъ по 30 пушекъ; подъ охраной кораблей было множество транспортныхъ судовъ, на которыхъ садилось войско; въ немъ находилось около 14.000 человекъ. Экспедиція отплыла въ самомъ началѣ ноября, а 5-го ноября стараго стиля, въ день, когда англичане праздновали годовщину открытія Порохового заговора, Вильгельмъ вышелъ на берегъ въ бухтѣ Торбе (Torbay), въ графствѣ

Девонширскомъ. Флотъ Иакова, находившійся подъ начальствомъ Дартмута (Dartmouth), не сдѣлалъ попытки отразить экспедицію Вильгельма; Дартмутъ или считалъ свои силы недостаточными для нападенія или не надѣялся на вѣрность матросовъ. Войско Вильгельма шло по направленію къ мѣстности, бывшей центромъ возстанія Монмута. Императоръ, король испанскій, нѣмецкіе католическіе государи при всемъ своемъ католическомъ фанатизмѣ желали успѣха Вильгельму, какъ врагу Людовика; даже папа выражалъ, какъ мы говорили, свое сочувствіе Вильгельму, успокоившему его и католическихъ государей общаніемъ содѣйствовать смягченію законовъ противъ англійскихъ католиковъ. Императору Вильгельмъ далъ увѣреніе, что не хочетъ отнять престолъ у Иакова, желаетъ только помогать англичанамъ въ защитѣ ихъ законныхъ правъ, предоставитъ вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшенію парламента.

б) вѣгство Иакова.

При появленіи Вильгельма въ Англіи начались по всему королевству волненія, предшествующія возстанію. Престонъ, получившій отнятую у Сондерленда должность предсѣдателя въ совѣтѣ министровъ, и другіе вѣрные королю свѣтскіе и духовные пэры убѣждали Иакова немедленно созвать парламентъ, который, какъ они были убѣждены, поддержитъ его власть; но французскій посланникъ и фанатичные католики, владычествовавшіе надъ Иаковомъ, отклоняли его отъ этого, убѣждали просить помощи Людовика. Иаковъ послалъ на западъ войско остановить Вильгельма; лордъ Корнбернъ, сынъ Клэрндона, одинъ изъ генераловъ этой арміи, сдѣлалъ попытку увести три полка кавалеріи къ Вильгельму; это не удалось; но Иаковъ увидѣлъ опасность измѣны въ своемъ войскѣ и самъ поѣхалъ къ нему, надѣясь, что его присутствіе упрочитъ вѣрность солдатъ. Армія его стояла тогда у города Сольсбери. — Въ первые дни по высадкѣ Вильгельма было очень мало англичанъ, приходившихъ къ нему: крупные землевладѣльцы и зажиточные горожане всматривались въ положеніе дѣлъ, обдумывая, можно ли надѣяться на успѣхъ возстанія. Но скоро патриотизмъ взялъ верхъ надъ осторожностью; Эдуардъ Симоръ (Seymour), бывший министромъ при Карлѣ II, сталъ главою союза, поставившіе въ который давали общаніе помогать Вильгельму «для непоколебимаго упроченія религіи, законовъ и правъ націи свободнымъ парламентомъ». Около половины ноября Вильгельмъ вступилъ въ Экситеръ. Онъ былъ принятъ тамъ съ восторгомъ и повторилъ заявленіе, что приплылъ въ Англію прекратить владычество папизма и произвола. Ходъ дѣла былъ рѣшенъ тѣмъ, что войско Иакова сочувствовало Вильгельму; главные начальники королевской арміи,

Грефтонъ и Чорчилль, принадлежали къ національной партіи; офицеры и солдаты были раздражены тѣмъ, что Іаковъ принялъ въ армію множество католиковъ. Его приказаніе, по которому вице-король ирландскій прислалъ въ Англію свои католическіе полки, возбуждало увѣренность, что онъ хочетъ употребить этихъ папистовъ для поддержанія своей власти надъ англійской арміей, которую подозреваетъ въ намѣреніи измѣнить ему; мысль о владычествѣ ирландскаго войска надъ англійскимъ увеличила раздраженіе массы протестантскихъ солдатъ. Іаковъ, пріѣхавшій въ Сольсбери 19-го ноября, двинулъ армію на непріятеля, даже не сталъ ожидать его приближенія, чтобы дать битву, а по совѣту ненавистнаго протестантскаго лорда Фиверсгема и другихъ папистовъ велѣлъ своей арміи отступать за Темзу, чтобы прикрыть Лондонъ отъ Вильгельма. Приближенные Іакова внушили ему подозрѣніе, что генералы хотятъ арестовать его и выдать Вильгельму; это и было мотивомъ его приказанія войску отступать. Трусость его окончательно отняла у арміи желаніе сражаться за него. Въ слѣдующую ночь Чорчилль и Грефтонъ съ многими офицерами уѣхали къ Вильгельму; ихъ примѣръ сталъ увлекать массу офицеровъ и солдатъ. Къ Вильгельму шли вельможи съ отрядами инсургентовъ; повсюду въ Англіи народъ заявлялъ сочувствіе ему. Молва, что Іаковъ послалъ Людовику просьбу о помощи, что французскій флотъ везетъ войско въ Англію, увеличила раздраженіе, народъ сталъ обезоруживать католиковъ, отводить ихъ въ темницы, поджигалъ акты присоединенія къ обществу защитниковъ протестантства и свободы; граждане Плимута и Голля (Hull) объявили, что принимаютъ сторону Вильгельма; когда онъ вступилъ въ Сольсбери, городской совѣтъ, духовенство и граждане приняли его съ такими почестями, какъ государя. Іаковъ уѣхалъ отъ своего войска въ Лондонъ; отовсюду шли къ нему извѣстія о возстаніяхъ противъ него, объ измѣнѣ людей, на преданность которыхъ онъ надеялся. Когда онъ на пути въ Лондонъ пріѣхалъ въ Эндоверъ, покинулъ его и мужъ младшей его дочери Анны, Георгъ, принцъ датскій. Это было 24-го ноября. Вслѣдъ за мужемъ уѣхала въ лагерь Вильгельма и Анна.

Возвратившись 27 ноября въ Лондонъ, Іаковъ видѣлъ, что тамъ владычествуетъ ненависть къ нему. Онъ понялъ необходимость отказаться отъ притязанія на самовластіе, раздражившее націю, пригласилъ въ дворецъ пэровъ, находившихся въ Лондонѣ, высказалъ свою готовность созвать въ половинѣ января парламентъ. Они потребовали, чтобы онъ вмѣстѣ съ грамотою, назначающею выборы, обнародовалъ амнистію безъ всякихъ исключеній и вступилъ въ переговоры съ принцемъ оранскимъ о томъ, какія перемѣны въ управленіи необходимо произвести. Ему было очень досадно слышать это, но онъ отправилъ къ Вильгельму пословъ съ выраженіемъ просьбы, чтобы онъ не приближался къ Лондону и съ заявленіемъ своей готовности отмѣнить при содѣйствіи парламента всѣ тѣ причины

къ неудовольствію, какія были выставлены въ манифестѣ Вильгельма. Онъ говорилъ, что именно по своему рѣшенію произвести эти преобразованія онъ и проситъ Вильгельма не подходить къ Лондону: реформы не могутъ быть произведены безъ содѣйствія парламента, а совѣщанія парламента должны быть свободны; близость арміи Вильгельма стѣняла бы свободу парламента; послы, отправленные имъ — Гэлифэксъ, Ноттингемъ, Годольфинъ — были сторонники Вильгельма. Одновременно съ ними отправился въ главную квартиру, перенесенную изъ Сольсбери въ Гонгерфордъ, Кларендонъ, желавшій принять на себя посредничество между Іаковомъ и Вильгельмомъ, какъ близкій родственникъ ихъ обоимъ. Вильгельмъ въ своей деклараціи говорилъ, что предоставитъ рѣшеніе дѣла парламенту, и Іаковъ рѣшился созвать парламентъ; это могло служить основаніемъ для соглашенія. Іаковъ сохранилъ бы титулъ короля, управленіе государствомъ было бы передано Вильгельму; но Гэлифэксъ и другіе послы Іакова устраивали соглашеніе, о которомъ хлопоталъ Кларендонъ. Гэлифэксъ утратилъ всякое довѣріе къ Іакову и полагалъ, что необходимо низложить его; того же мнѣнія былъ и Борнетъ; ненависть народа къ Іакову, выразившаяся въ памфлетахъ, пѣсняхъ, демонстраціяхъ, показывала имъ, что никакой договоръ съ Іаковомъ не можетъ удержаться; притомъ Іаковъ оставался упрямымъ, не хотѣлъ согласиться, чтобы Вильгельмъ находился въ Лондонѣ во время сессіи парламента, не соглашался на требованіе Вильгельма, чтобы всѣ католики были удалены изъ администраціи и войска; не хотѣлъ отдать Тоузъ городскому управленію Сити; отбросилъ мысль созвать парламентъ, снова просилъ помощи у Людовика, воображалъ, что если приплыветъ въ Англію французскій отрядъ, то остававшаяся вѣрною ему часть арміи соединится съ французами, и онъ прогонитъ Вильгельма; онъ не понималъ даже того, что Людовикъ, всѣ силы котораго были заняты войной съ коалиціей континентальныхъ государствъ, не можетъ послать ему войска.

Созвать парламентъ было слишкомъ непріятно Іакову: онъ зналъ, что парламентъ потребуетъ отъ него присоединенія къ коалиціи противъ Людовика, удаленія католиковъ отъ всѣхъ должностей въ администраціи и въ войскѣ, и того, чтобы сынъ его былъ воспитываемъ въ протестантскомъ вѣроисповѣданіи. Онъ не хотѣлъ согласиться ни на одно изъ этихъ условій соглашенія съ парламентомъ и отмѣнилъ свое обѣщаніе назначить выборы въ палату общинъ. Опасаясь, что сынъ его будетъ захваченъ протестантами, онъ послалъ малютку въ Портсмутъ, чтобы въ случаѣ надобности можно было немедленно отправить его во Францію. Но адмиралъ Дертмутъ, хотя и оставался вѣренъ Іакову, не захотѣлъ принять на себя отвѣтственности за передачу наслѣдника престола французамъ; Іаковъ принужденъ былъ возвратить сына въ Лондонъ, рѣшился послать его во Францію другимъ путемъ. Въ ночь на 9 декабря королева съ малюткой и его кормилицей была увезена французскими вельможами Лозеномъ и Сентъ-Викторомъ на приготовленный ими корабль и ушла въ Калѣ. Провожая супругу, Іаковъ утѣшалъ ее обѣщаніемъ, что скоро послѣдуетъ за ней; на другой день онъ пересмотрѣлъ свои бумаги, спряталъ важнѣйшія изъ нихъ, сжегъ заготовленные грамоты о назначеніи

парламентскихъ выборовъ, приготовился къ тайному отъѣзду изъ Лондона. Онъ уже понялъ теперь, что войско его не остановитъ Вильгельма: отрядъ изъ 600 ирландцевъ и шотландцевъ, стоявшій въ Ридингѣ, разбѣжался при появленіи нѣсколькихъ кавалеристовъ Вильгельма. Баррильонъ отклонялъ Іакова отъ намѣренія уѣхать изъ Англіи, доказывая ему, что никакая опасность не угрожаетъ жизни его и что парламентъ не захочетъ низложить его, пока онъ остается въ Лондонѣ, а бѣгство его будетъ равнозначительно отреченію отъ престола; но Іаковъ не слушалъ ничего, послалъ Фивергсгему приказаніе распустилъ войско и въ ночь съ 10 на 11 декабря сѣлъ въ лодку, переплылъ Темзу, бросилъ въ рѣку государственную печать, воображая, что безъ нея нельзя будетъ парламенту и Вильгельму дѣлать распоряженій по государственнымъ дѣламъ. На другомъ берегу Темзы ждала Іакова карета; онъ поѣхалъ въ Ивсле-Ферри (Eveslay-Ferry), сѣлъ тамъ на шлюпку, уплылъ во Францію. Передъ отъѣздомъ онъ назначилъ, что утромъ долженъ собраться къ нему во дворецъ тайный совѣтъ; этимъ онъ устранилъ подозрѣнія, что уѣдетъ въ ту ночь. Утромъ собрались въ Уэйтголлскій дворецъ члены тайнаго совѣта; долго ждали короля; Нортмберлендъ, занимавшій должность лорда-канцлера, сказалъ имъ, что нашелъ комнату короля пустой; они были изумлены. Когда по Лондону разнеслось извѣстіе о бѣгствѣ Іакова, народъ взволновался, бросился на католическія капеллы, на дома знатныхъ католиковъ и даже нѣкоторыхъ посланниковъ католическихъ державъ, разыскивалъ повсюду Питера, Сондерленда, Джеффриса. Питеръ и Сондерлендъ успѣли переодѣться, уѣхать изъ Англіи, Джеффрисъ былъ найденъ; народъ ругалъ и билъ его, отвелъ къ лорду-мэру; лордъ-мэръ велѣлъ отвезти его въ Тоуэръ, тамъ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ, еще до начала суда надъ нимъ. Папскій нунцій былъ задержанъ, но получилъ отъ Вильгельма дозволеніе уѣхать. Въ тотъ же день, какъ сдѣлался извѣстенъ отъѣздъ Іакова, пэры, находившіеся въ Лондонѣ или его окрестностяхъ, собрались въ Гильдголлъ, сдѣлали, по соглашенію съ городскимъ совѣтомъ, распоряженія, надобныя для охраненія и спокойствія въ столицѣ и обнародовали прокламацію, что безотлагательно будетъ созванъ парламентъ, для того чтобы при содѣйствіи принца оранскаго возстановить законный порядокъ, нарушенный Іаковомъ. По Лондону разнеслась молва, что ирландскіе полки, стоявшіе близъ Лондона, хотятъ идти на него, грабить и рѣзать протестантовъ. Надобно было успокоить испуганное этимъ слухомъ населеніе города; Вильгельмъ, по согласію съ собравшимися въ Лондонѣ пэрами, подошелъ къ нему; начальникъ королевской гвардіи заявилъ покорность принцу оранскому; Вильгельмъ велѣлъ арестовать бывшаго главнокомандующаго королевской арміи, лорда Фивергсгема, и принять мѣры для поддержанія порядка въ Лондонѣ.

Неожиданно пришло извѣстіе, что Іаковъ задержанъ. Рыбаки, хватившіе бѣжавшихъ изъ Лондона папистовъ, остановили его, ограбили, побили пойманнаго паписта, еще не зная, кто онъ, привезли его въ сосѣдній приморскій городъ Февергсгемъ. Горожане узнали его, взяли подъ свою охрану; но напрасно просилъ онъ ихъ дозволить ему уѣхать изъ Англіи; они послали его подъ стражей въ Лондонъ. Лондонскія власти обращались съ нимъ почтительно; его помѣстили въ дворецъ; но онъ видѣлъ, что его считаютъ ужъ лишеннымъ королевскаго сана. Собраніе пэровъ, подъ предсѣдательствомъ Гэлифкса, принявшее на себя управленіе дѣлами, ужъ вошло въ соглашеніе съ Вильгельмомъ; да и нація не допустила бы возвращенія власти Іакову. Онъ придумывалъ разные способы поправить свое положеніе; но все было напрасно. Онъ хотѣлъ отдаться подъ покровительство городского совѣта Сити до рѣшенія дѣла парламентомъ; но ольдермены не хотѣли принять на себя отвѣтственность за его безопасность. Онъ просилъ свиданія у Вильгельма, поселившагося въ Уинтсортъ; но Вильгельмъ отказалъ ему въ свиданіи; принцу оранскому было очень досадно, что Іакову помѣшали уѣхать изъ Англіи; онъ желалъ, чтобы Іаковъ снова сдѣлалъ попытку уѣхать и чтобы она удалась.

Іаковъ искалъ возможности бѣжать во Францію, не сомнѣваясь, что Людовигъ дастъ ему войско, и сами англичане, подвергшись анархіи по его удаленіи, будутъ желать его возвращенія, и ему легко будетъ возстановить свою власть. Вильгельмъ черезъ Гэлифкса и двухъ другихъ пэровъ велѣлъ ему уѣхать изъ Уэстминстера; онъ былъ радъ этому, поѣхалъ въ Рочестеръ, лежащій на морскомъ берегу; ему не мѣшали готовить свой отъѣздъ изъ Англіи, и онъ уѣхалъ 18 декабря. Войска Вильгельма заняли Лондонъ; по рѣшенію городского совѣта Сити пріѣхалъ туда Вильгельмъ, былъ радостно встрѣченъ народомъ и поселился въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ. Англійскія войска и флотъ признали его власть. Онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, объявить себя королемъ, не дожидаясь рѣшенія парламента; нѣкоторые совѣтовали ему сдѣлать такъ, но это противорѣчило бы его манифесту и тѣмъ заявленіямъ, какія дѣлалъ онъ передъ отплытіемъ въ Англію континентальнымъ государямъ. Онъ не хотѣлъ измѣнить своему слову; созвавъ 11 декабря пэровъ, онъ сказалъ имъ, что приплылъ въ Англію по ихъ приглашенію для того, чтобы по согласію съ парламентомъ возстановить свободу и протестанство въ Англіи, что оставляетъ за собою только право дѣлать военныя распоряженія, какія понадобятся для безопасности государства, а управленіе дѣлами и созваніе парламента поручаетъ пэрамъ. Они были очень обрадованы такой добросовѣстностью. Являлся вопросъ, какимъ образомъ собрать парламентъ. Тори надѣялись, что самъ Іаковъ согласится обнародовать грамоты о созваніи

парламента, послали депутацию къ нему въ Рочестеръ. Іаковъ не принялъ ее, считая пэровъ измѣнниками, и торопился уѣхать. Ему не мѣшали. Онъ отплылъ и послѣ бурнаго плаванія вышелъ 25 декабря на французскій берегъ въ Амблетѣзъ. Оттуда онъ поспѣшно поѣхалъ въ Сентъ-Жерменъ, гдѣ Людовикъ далъ великолѣпное помѣщеніе его женѣ и маленькому сыну. Людовикъ вышелъ навстрѣчу ему, обнялъ его, самъ повелъ къ его супругѣ, назначилъ большую сумму на его содержаніе, такъ что онъ окружилъ себя великолѣпнымъ придворнымъ штатомъ. Онъ былъ увѣренъ, что скоро восстановитъ свою власть.

с) установленіе новаго государственнаго устройства.

По отъѣздѣ Іакова изъ Англіи пэры собрались совѣщаться объ управленіи государствомъ, которое покинуто королемъ. Событія дали преобладающее положеніе вигамъ; потому собраніе пэровъ рѣшило собрать конвентъ (какъ назывались въ Англіи тѣ собранія, которыя имѣли такой же составъ и такую же власть, какъ парламентъ, но были созываемы не королемъ). Управленіе государствомъ до открытія засѣданій конвента приняли на себя пэры и попросили Вильгельма помогать имъ. Онъ созвалъ всѣхъ бывшихъ членами палаты общинъ при Карлѣ II, лорда-мэра и городской совѣтъ Лондона. Они собрались 26 декабря въ залѣ засѣданій палаты общинъ и рѣшили просить Вильгельма, чтобъ онъ принялъ на себя временное управленіе государствомъ и обнародовалъ грамоты о созваніи конвента. Дѣйствительно надобно было спѣшить порученіемъ власти Вильгельму, потому что иначе начались бы и въ Англіи безпорядки, какъ уже начинались они въ Ирландіи и Шотландіи. Вильгельмъ принялъ на себя управленіе; онъ удалилъ изъ войска и флота католическихъ офицеровъ и другихъ людей сомнительной вѣрности; въ этомъ помогалъ ему Чорчилль. На покрытіе текущихъ издержекъ былъ сдѣланъ заемъ въ 100.000 фунтовъ. Облигаціи его были сполна разобраны въ четыре дня. Изъ тѣхъ городовъ, которые были мѣстами выборовъ, Вильгельмъ вводилъ войска, чтобы приверженцы Іакова не могли говорить о стѣсненіи свободы выборовъ. Конвентъ открылъ свои засѣданія 22 января стараго стиля (еще удерживаемого въ Англіи), 1 февраля новаго стиля (1689 года). Обѣ палаты конвента приняли адресъ, выражавшій признательность Вильгельму, какъ освободителю государства отъ папизма и тиранніи, и просившій его, чтобъ онъ продолжалъ управлять дѣлами до установленія окончательной формы правленія.

Въ спорахъ противъ самовласти Стюартовъ были разъяснены вигами принципы конституціоннаго управленія; несогласія тори съ вигами были примирены на совѣщаніяхъ комитета, состоявшаго изъ

членовъ обѣихъ палатъ, начавшаго свои засѣданія 28 января (7 февраля). Всѣ были согласны въ томъ, что престолъ слѣдуетъ считать вакантнымъ; надобно было только рѣшить вопросъ, считать ли отъѣздъ Іакова изъ государства отреченіемъ отъ короны или должно объявить его лишеннымъ короны за нарушеніе законовъ, какъ требовали виги. Масса націи раздѣляла мнѣніе виговъ; но они не желали раздражать тори, потому рѣшеніе было сформулировано въ духѣ взаимной уступчивости. Виги согласились на заявленіе, котораго требовали тори, приняли рѣшеніе, что престолъ сдѣлался вакантнымъ по отреченію Іакова. Такимъ образомъ было устранено заявленіе, что Іаковъ низложенъ парламентомъ. Но порядокъ престолонаслѣдія былъ измѣненъ, какъ требовали виги. Палата общинъ 28 января приняла такую формулу рѣшенія: «Король Іаковъ своимъ стремленіемъ уничтожить законное устройство государства разорвалъ договоръ между королемъ и націей и по совѣту іезуитовъ и другихъ нечестивыхъ людей нарушилъ коренные законы страны, а своимъ удаленіемъ изъ королевства отказался отъ правленія, и черезъ это престолъ сдѣлался вакантнымъ.» Палата пэровъ, принявъ рѣшеніе палаты общинъ, прибавила къ нему: «По указанію опыта управленіе короля-паписта несогласно съ безопасностью и благомъ англійскаго протестантскаго королевства.»

Большинство пэровъ желало внести въ другія постановленія палаты общинъ поправки, которыми устранялось бы нарушеніе порядка престолонаслѣдія. Тори, къ которымъ принадлежали почти всѣ епископы, желали, чтобы титулъ короля былъ данъ сыну Іакова, а Вильгельмъ управлялъ государствомъ, только какъ регентъ. По это желаніе было нелѣпостью несообразной съ положеніемъ дѣлъ. Увидѣвъ, что оно неудобноисполнимо, тори стали требовать, чтобы корона была передана исключительно Маріи и по смерти Маріи перешла къ младшей дочери Іакова Аннѣ; такимъ образомъ Вильгельмъ не получилъ бы никакого личнаго права на управленіе государствомъ при жизни жены, а если бы пережилъ ее, то и фактически утратилъ бы всякое участіе въ управленіи. Человѣкъ молчаливый, онъ долго не высказывалъ своего мнѣнія; но увидѣвъ, что парламентъ расположенъ принять это рѣшеніе, котораго требовало тори, онъ поручилъ своимъ друзьямъ Бентинку и Дейквельду передать вождямъ виговъ его рѣшеніе. Они сказали, что онъ не согласится быть только регентомъ и возвратится въ Голландію, если будетъ установлено регентство; если же Маріи будетъ дана корона, онъ будетъ радъ этому, но слугою своей жены онъ не хочетъ быть и не останется въ Англіи, если власть не будетъ предоставлена лично ему. Марія объявила, что согласна предоставить власть мужу; Анна выразила согласіе на то, чтобы Вильгельмъ оставался королемъ, если переживетъ Марію. Нація считала необходимымъ, чтобы Вильгельмъ остался въ Англіи

и управлять дѣлами. Такимъ образомъ тори принуждены были согласиться на рѣшеніе, котораго требовалъ Вильгельмъ: было постановлено, что королевскій санъ будетъ принадлежать Вильгельму и Маріи вмѣстѣ, но правительственная власть должна принадлежать одному Вильгельму и остается за нимъ, если онъ переживетъ Марію. По его смерти корону наследуетъ Анна, если его бракъ съ Маріей останется бездѣтнымъ. По принятіи этого постановленія палатою общинъ, было принято оно и палатою пэровъ, въ которой особенно сильно доказывали необходимость его Дэнби и Гэлифэксъ. Опытъ показалъ надобность принять мѣры противъ нарушенія государственныхъ законовъ. Комитетъ, состоявшій изъ уполномоченныхъ обѣихъ палатъ, выработалъ проектъ закона, опредѣлявшаго ненарушимыя права націи. Этотъ законъ называется Деклараціею права. Сильнѣйшими защитниками необходимости гарантій противъ самовластия были въ комитетѣ обѣихъ палатъ Гемпденъ, внукъ знаменитаго патріота и Ричардъ Тэмплъ, сынъ того Тэмпла, который желалъ установить конституціонное правленіе при Карлѣ II. Горячіе виги палаты общинъ хотѣли внести въ Декларацію права всѣ тѣ ограниченія королевской власти, которыхъ нѣкогда требовалъ отъ Карла I Долгій парламентъ. Но Вильгельмъ сказалъ, что онъ приплылъ въ Англію для востановленія законовъ и свободы, а не для уменьшенія правъ королевской власти, и не согласится ни на какое ограниченіе прерогативы, не основанное на прежнихъ законахъ Англіи. Этимъ было рѣшено дѣло.

Обѣ палаты приняли составленный комитетомъ Билль правъ и по утвержденіи его Вильгельмомъ, получившимъ титулъ короля, онъ сдѣлался однимъ изъ основныхъ законовъ Англіи. Въ немъ перечислялись нарушенія законовъ Стюартами, объявлялось, что король обязанъ не дѣлать такихъ нарушеній; перечислялись неотъемлемыя права англійской націи, говорилось, что король обязывается въ своей коронаціонной присягѣ давать обѣщаніе соблюдать эти права. Между прочимъ говорилось, что незаконны притязанія прежнихъ королей на диспенсационную власть, что король не можетъ взимать никакихъ налоговъ, не установленныхъ парламентомъ, не можетъ безъ согласія парламента держать войско, обязанъ часто созывать парламентъ, то есть не дѣлать попытокъ управленія государствомъ безъ содѣйствія парламента; говорилось, что судъ долженъ быть независимъ отъ королевскаго произвола, что министры отвѣтственны передъ парламентомъ за свои дѣйствія, и что король не можетъ давать помилованія министрамъ, которыхъ осудитъ парламентъ. По церковнымъ дѣламъ были сохранены Актъ единообразія богослуженія и Актъ удостовѣренія, по которымъ воспрещалось всякое публичное богослуженіе кромѣ англиканскаго и устранялись отъ всѣхъ должностей люди, не согласившіеся объявить себя принадлежащими къ англиканской церкви.

Это противорѣчило вѣротерпимости, которой желали виги и нѣкоторые сановники англиканской церкви, называвшіеся латитударіанцами. Но вожди парламентскаго большинства и Вильгельмъ обѣщали, что не будетъ преслѣдованій за вѣру. Сообразно этому былъ уничтоженъ учрежденный Іаковомъ церковный совѣтъ. По принятіи королевскаго сана Вильгельмомъ и Маріей (въ половинѣ февраля) палата общинъ и палата пэровъ, называвшіеся конвентомъ, получили названіе парламента; были дѣлаемы приготовленія къ коронаціи. По окончаніи ихъ былъ совершенъ 11 апрѣля этотъ обрядъ, на которомъ Вильгельмъ далъ присягу соблюдать законы, а нація присягнула на вѣрность ему и Маріи. По значительная часть англиканскаго духовенства не согласилась подписать актъ присяги. Нѣкоторые изъ отказавшихся находили ее несогласной съ ученіемъ англиканской церкви о неизмѣнности порядка престолонаслѣдія и о недопустимости сопротивленія законному королю, какимъ былъ Іаковъ; другіе не дали ей собственнo по религіозному фанатизму, опасаясь того, что Вильгельмъ, приверженецъ вѣротерпимости, будетъ стремиться къ отмѣнѣ владычества англиканской церкви. Палата общинъ постановила, что эти англиканскіе священники, отказывающіеся дать присягу вѣрности, должны быть удалены отъ должностей; парламентъ назначилъ имъ срокъ для принесенія присяги. Оставшіеся упорными были лишены священническихъ должностей. Эти неприсягнувшіе священники (Non-jurors), какъ ихъ называли, соединились съ тѣми фанатичными тори, которые желали востановленія власти Іакова и назывались якобитами; якобитская партія усилилась, когда правительство, состоявшее теперь изъ виговъ, заявило намѣреніе дать свободу богослуженія и политическую полноправность пресвитеріанамъ и другимъ диссентерамъ. Неприсягнувшіе англиканскіе священники стали особой религіозной партіей и выбрали себѣ своихъ особыхъ епископовъ. Въ Шотландіи власть Вильгельма и Маріи была признана безъ всякаго сопротивленія. Въ Эдинбургѣ былъ созванъ конвентъ, который составилъ актъ, называвшійся Требованіемъ права и соотвѣтствовавшій своимъ содержаніемъ англійской Декларации правъ. Главное различіе состояло въ томъ, что онъ востанавливалъ національную пресвитеріанскую церковь, отмѣняя господство епископальной церкви, ненавистной шотландцамъ. Депутация шотландскаго конвента отправилась въ Лондонъ съ этимъ актомъ, принятіемъ котораго со стороны Вильгельма и Маріи обусловливалось признаніе ихъ королемъ и королевою шотландской. Депутация дала Вильгельму увѣреніе, что пресвитеріане не желаютъ преслѣдовать приверженцевъ епископальной церкви. Вильгельмъ 11 мая далъ обѣщаніе соблюдать Требованіе права. Большую заслугу Вильгельма составляетъ его искренняя вѣротерпимость. Какъ въ Англіи защищалъ онъ пресвитеріанъ и другихъ диссентеровъ отъ фанатичныхъ приверженцевъ англиканской

церкви, такъ въ Шотландіи защищалъ послѣдователей епископальной церкви отъ фанатичныхъ пресвитеріанъ.

d) возстанія яacobитовъ въ шотландіи и ирландіи.

Въ Англіи яacobиты держали себя смирно, выжидая, когда начнется реакція. Но въ Шотландіи народъ былъ такъ раздраженъ деспотизмомъ роялистовъ и епископальнаго духовенства при Стюартахъ, что хотѣлъ отмстить имъ. Угрозы ковенантеровъ взволновали ихъ противниковъ; обѣ стороны взяли за оружіе; ковенантеры объявляли себя приверженцами Вильгельма; враги ихъ желали возстановить власть Іакова; вождемъ шотландскихъ яacobитовъ былъ Джонъ Грэгъмъ Клевергаускій, суровый солдатъ, сражавшійся подъ начальствомъ Тюренна, бывшій потомъ однимъ изъ слугъ тиранніи Іакова, даваго ему въ награду за усердіе санъ маркиза Донди (Dundee). Онъ былъ менѣе развратенъ, чѣмъ англійскіе любимцы Стюартовъ, но готовъ былъ на всякія злодѣйства для Іакова. Увидѣвъ, что въ шотландскомъ конвентѣ преобладаютъ противники Іакова, онъ съ отрядомъ 50-ти всадниковъ уѣхалъ въ Горную Шотландію, чтобы поднять тамъ возстаніе. Горные шотландцы еще помнили Монтроза; Грэгъмъ принадлежалъ къ его фамиліи (Монтрозъ былъ Грэгъмъ). Кланъ Мэкленовъ, Мэгдональдовъ, Клэприкардовъ, Кэмероновъ собрались подъ знамя Грэгъма. Кромѣ привязанности къ прежней династіи, инсургенты имѣли и другіе мотивы: владѣнія Эргейлей и Кэмбелей, защитниковъ ковенанта, были конфискованы при Стюартахъ, розданы имъ; они опасались, что теперь эти земли будутъ возвращены прежнимъ владѣльцамъ. Вильгельмъ послалъ противъ инсургентовъ отрядъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ хорошихъ солдатъ подъ начальствомъ шотландца Мэкке, усерднаго пресвитеріанца. Инсургенты стояли на южномъ склонѣ Грэмпианскихъ горъ у замка Блера во владѣніяхъ Этоля (Athol). Мэкке, прошедши Киалликрэкійское ущелье, напалъ на нихъ 27 іюля и былъ разбитъ ихъ стремительнымъ натискомъ. Эта побѣда инсургентовъ могла бы имѣть очень важныя слѣдствія, если бы остался живъ Донди; но онъ былъ убитъ. У инсургентовъ не было другаго вождя, который имѣлъ бы достаточно авторитета, чтобы устранять племенные ссоры между кланами. Побѣдители возвратились съ добычей въ свои горы. Мэкке построилъ по южной границѣ Горной Шотландіи рядъ укрѣпленій и остановилъ ими возобновленіе нападений горцевъ на Южную Шотландію.

Іаковъ даже послѣ своего пораженія въ Ирландіи продолжалъ возбуждать горныхъ шотландцевъ къ мятежамъ; государственный секретарь Дель Риппль, завѣдывавшій шотландскими дѣлами, рѣшился запугать мятежные кланы ужаснымъ примѣромъ наказанія. Кланъ Кэмбелей, преданный Вильгельму, имѣлъ племенную вражду къ той части клана Мэгдональдовъ, ко-

торая жила въ Гленко; глава этого клана Мэкъ-Эйентъ (Mac Ian) выказывалъ преданность Іакову, не дѣлалъ формальнаго заявленія покорности Вильгельму. Дель Риппль разсудилъ, что истребленіе жителей Гленко можетъ быть выставлено какъ военная надобность наказать мятежниковъ и на этомъ основаніи останется безнаказаннымъ. Онъ въ январѣ 1692 года послалъ отрядъ Кэмбелей занять Гленко, далъ имъ тайную инструкцію успокоить жителей Гленко ложными увѣреніями, неожиданно броситься на нихъ и безпощадно истребить ихъ. По своей племенной ненависти къ Мэгдональдамъ Кэмбелы исполнили это, застрѣлили Мэкъ-Эйента, убили всѣхъ тѣхъ жителей Гленко, которые не успѣли скрыться. Убіиство осталось безнаказаннымъ.

Возстаніе въ Ирландіи было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Горной Шотландіи. Вице-король ирландскій Ричардъ Тольботъ герцогъ Тирконелль былъ усердный слуга Іакова, желавшаго употребить для подавленія оппозиціи въ Англіи войско, которое формировалъ изъ католиковъ Тирконелль. Часть этого войска ужъ и была вызвана въ Англію противъ Вильгельма, но не могла остановить его движенія къ Лондону. Тирконелль отказалъ Вильгельму въ повиновеніи, поступалъ съ ирландскими приверженцами его какъ съ мятежниками. Многіе протестанты, жившіе въ Ирландіи, бѣжали въ Англію, другіе взяли за оружіе. Въ Ирландіи свирѣпствовала междоусобная война; католики одолѣли протестантовъ въ большей части Ирландіи. Людовикъ надѣялся, что если пошлетъ въ Ирландію отрядъ французскаго войска, то инсургенты будутъ въ состояніи выдержать войну съ Вильгельмомъ, помѣшаютъ ему принять участіе въ войнѣ, которую вели съ Франціей нѣмцы и испанцы. Этотъ расчетъ и былъ мотивомъ, по которому Людовикъ такъ любезно принялъ бѣжавшаго къ нему Іакова. Тирконелль отправилъ къ Іакову посольство съ приглашеніемъ возвратиться въ Ирландію. Людовикъ, Лувуа и морской министръ Сенъе одобрили намѣреніе Іакова начать въ Ирландіи войну противъ Вильгельма. Людовикъ далъ ему денегъ, оружіе, снарядилъ эскадру для него; французское правительство приглашало офицеровъ и солдатъ на службу къ Іакову.

Прощаясь съ Іаковомъ, отправлявшимся въ Ирландію, Людовикъ совѣтовалъ ему не увлекаться усердіемъ къ католичеству до крайности, вредной его дѣлу, не отталкивать отъ себя протестантскихъ роялистовъ, заботиться о томъ, чтобы протестанты одинаково съ католиками могли принять его сторону. Но ирландскіе католики и глава ихъ Тирконелль имѣли инныя желанія. Они хотѣли возвратить себѣ прежнія владѣнія, отнятыя у нихъ Елизаветой и Кромвеллемъ, прогнать изъ Ирландіи протестантовъ, владѣвшихъ теперь этими землями. Въ ирландскомъ парламентѣ, собравшемся 20 мая 1689 года, протестантскіе пэры составляли ничтожное меньшинство. Въ обѣихъ палатахъ владычествовали католики. Парламентъ призналъ Іакова II королемъ Ирландіи подъ условіемъ его согласія на

то, чтобъ она была совершенно независима отъ Англіи и на конфискацію имѣній всѣхъ мятежниковъ, то-есть всѣхъ признавшихъ власть Вильгельма. Парламентъ составилъ списокъ мятежниковъ, имѣнья которыхъ конфискуются; въ немъ находилось больше 2500 человекъ; всѣ богатые ирландскіе протестанты были внесены въ него; Іаковъ согласился на требованіе парламента.

Англійскіе и шотландскіе колонисты, составлявшіе большинство населенія въ значительной части сѣверной Ирландіи, приготовились къ оборонѣ, какъ мы уже говорили. Главнымъ оплотомъ ихъ былъ укрѣпленный городъ Лондондерри. Католики ушли оттуда; въ городѣ собрались 20.000 протестантовъ; 7.000 изъ нихъ были вооруженные люди, болѣе или менѣе знающіе военное дѣло. Начальники ихъ были Бекеръ и Морре; священникъ Уокеръ (Walker) отличался усердіемъ какъ проповѣдникъ и какъ офицеръ: онъ садился на коня и водилъ протестантовъ въ сраженіе, а потомъ говорилъ проповѣдь. Католики осадили Лондондерри, но протестанты отбивали ихъ приступы; они надѣялись, что голодъ принудитъ осажденныхъ сдаться. Дѣйствительно запасы продовольствія въ городѣ истощились; но 30 іюля англійскіе корабли приплыли къ Лондондерри, привезли съѣстные припасы; католики сняли осаду. Точно также потерпѣли они неудачу въ нападеніи на Эннискиленъ, протестантскій городъ, стоявшій на озерѣ Эрнѣ; жители прогнали ихъ, взяли въ плѣнъ ихъ начальника. Пришло извѣстіе, что въ Англіи и Шотландіи собраны войска для экспедиціи въ Ирландію. Уполномоченный Людовика графъ Д'Аво далъ Іакову совѣтъ убивать всѣхъ ирландскихъ протестантовъ, чтобъ они не присоединились къ арміи Вильгельма или не подняли возстанія въ тылу католической арміи, когда всѣ отряды ея сосредоточатся для войны съ Вильгельмомъ. Іаковъ имѣлъ благоразуміе отвергнуть эту мысль, исполненіе которой отняло бы у него всякую возможность возстановить свою власть надъ Англіей.

Передовой отрядъ арміи Вильгельма подъ начальствомъ Шомберга въ сентябрѣ 1689 г. приплылъ въ Ирландію, вышелъ на берегъ у Кэррикфергоса, занялъ Дрогеду. Католическое войско, состоявшее изъ 30.000 человекъ, пошло на него. Шомбергъ имѣлъ только 3.000 человекъ; онъ стоялъ у Дондальда, но отступилъ, видя себя слишкомъ слабымъ. Осеннія непогоды произвели болѣзни между солдатами Шомберга; онъ принужденъ былъ размѣстить ихъ небольшими отрядами по селеніямъ. Солдаты перестали слушаться начальства. Іаковъ и Людовикъ надѣялись, что Вильгельмъ будетъ побѣжденъ; носилась молва, что самъ онъ уже отчаялся въ успѣхѣ, хочетъ отказаться отъ англійской короны, возвратиться въ Амстердамъ, гдѣ республиканская партія задумала отмѣнить санъ статгудера; что въ Англіи останется только Марія. Англійскіе якобиты ободрились; Дэртмотъ

вошелъ въ сношенія съ начальниками флота Вильгельма. Престонъ возбуждалъ тори, ужъ и безъ того досадовавшихъ на владычество виговъ; якобиты старались раздражать противъ Вильгельма торговое сословіе, говоря, что теперь всей торговлей овладѣютъ голландцы, что союзъ съ французами выгоденъ.

Но Вильгельмъ, человекъ благоразумный и энергичный, преодолѣлъ всѣ затрудненія. Новый парламентъ, созданный имъ въ мартѣ 1690 далъ ему деньги на веденіе войны въ Ирландію. Возмутители были предаваемы суду, наказываемы; католикъ Эштонъ, бывший секретаремъ жены Іакова и руководившій теперь заговоромъ англійскихъ якобитовъ, былъ казненъ. Епископы, отказавшіеся дать присягу на вѣрность Вильгельму, были лишены должностей. Преемникомъ Сэнкрофта въ санѣ архіепископа кентерберійскаго былъ назначенъ Тиллотсонъ, приверженецъ вѣротерпимости.—У Іакова начинались затрудненія; денегъ было такъ мало, что пришлось дать мѣднымъ монетамъ номинальную цѣну серебряныхъ съ обѣщаніемъ обмѣнить ихъ на настоящее серебро, когда будетъ возможность. Но ирландцы все такъ надѣялись на успѣхъ и говорили ужъ о томъ, въ какихъ мѣстахъ выйдутъ на англійскій берегъ ихъ войска слѣдующей весной. Графъ Лозенъ, при содѣйствіи котораго супруга Іакова уѣхала изъ Лондона, приплылъ съ отрядомъ французскаго войска въ Ирландію. Онъ и его офицеры приучили ирландскихъ солдатъ къ дисциплинѣ. Турвилль, искусный адмиралъ, крейсировалъ съ сильнымъ французскимъ флотомъ у береговъ Англіи; Сенъелѣ, морской министръ Людовика, дѣятельно велъ снаряженіе новыхъ кораблей. Онъ и Людовикъ надѣялись уничтожить флоты Англіи и Голландіи. Заговоры англійскихъ якобитовъ продолжались; въ Лондонѣ они держали себя такъ дерзко, что правительство принуждено было арестовать ихъ вождей, въ томъ числѣ Клэрэндона, дядю Маріи. Турвилль 26 іюня (1690 года) напалъ на англо-голландскій флотъ близъ Бичи-Гедъ (между Гэстингсомъ и Брейтономъ) и одержалъ побѣду. Адмиралъ Гербертъ (получившій санъ лорда Торрингтона за услуги, оказанныя Вильгельму при его экспедиціи въ Англію) былъ теперь недоволенъ тѣмъ, что Вильгельмъ дастъ торійскимъ вельможамъ нѣкоторое участіе въ управленіи дѣлами и держалъ себя во время сраженія такъ двусмысленно, что Вильгельмъ считалъ его пзмѣнникомъ и посадилъ въ Тоуэръ.

Но во время сраженія при Бичи-Гедѣ ирландскія дѣла уже принимали оборотъ, гибельный для якобитовъ. Въ половинѣ іюля Вильгельмъ приплылъ съ довольно большой арміей въ Ирландію, вышелъ на берегъ въ Кэррикфергосъ, соединился съ Шомбергомъ и пошелъ на югъ дать битву Іакову, стоявшему у Дондальда. Войско Вильгельма простиралось до 36.000 человекъ. Кромѣ англичанъ и шотландцевъ тутъ были голландцы, нѣмцы; были гугеноты, страстно

желавшіе отмстить католикамъ; были датчане (Христіанъ V, бывший прежде союзникомъ Людовика, присоединился къ коалиціи противъ него). Армія Іакова, дѣйствіями которой управляли Лозѣнъ и Тирконелль, имѣла такую же численность, какъ войско Вильгельма, но Лозѣнъ и Тирконелль нашли надобнымъ отступить по направленію къ Дрогедѣ, чтобы занять крѣпкую позицію за рѣчкой Бойной при ея впаденіи въ море, гдѣ она имѣетъ большую ширину и глубину. Едва успѣло войско Іакова расположиться на холмахъ праваго берега ея, на лѣвомъ берегу показалось войско Вильгельма. Вильгельмъ получилъ легкую рану при рекогносцировкѣ, но продолжалъ командовать самъ. Главнымъ помощникомъ былъ маршалъ Шомбергъ. Сынъ маршала графъ Мейнгардъ, пошелъ съ драгунами и пѣхотой вверхъ по рѣкѣ и перешелъ ее близъ Слена, а самъ маршалъ перевелъ главныя силы войска черезъ рѣку у Ольбриджа; непріятель сильно сопротивлялся переходу; маршалъ бросился въ атаку, приглашая гугенотовъ не отставать отъ него, кричалъ имъ, что они пайдутъ своихъ преслѣдователей въ непріятельскомъ войскѣ. Онъ былъ изрубленъ саблями; якобиты полагали, что этотъ убитый ими начальникъ протестантскаго войска—самъ Вильгельмъ; но скоро они увидѣли Вильгельма, ведущаго черезъ рѣку эннискилленскихъ воиновъ; католики сражались храбро, но были побѣждены; драгуны ихъ обратились въ бѣгство. Лозѣнъ и Тирконелль, удерживая наступленіе Мейнгарда Шомберга, повели войско въ Дублинъ, куда ужъ уѣхалъ Іаковъ съ отрядомъ конницы. Побѣдители взяли много добычи. Эта битва, происходившая 30 іюля (1690 года), рѣшила судьбу войны. Войско Вильгельма было утомлено; должно было остановиться на отдыхъ. Благодаря тому, Лозѣнъ и Тирконелль сдѣлали отступленіе въ стройномъ порядкѣ, но не могли удержаться въ Дублинѣ. Іаковъ уѣхалъ черезъ Уотерфордъ въ Кинсель; оттуда на французскомъ кораблѣ во Францію. Лозѣнъ и Тирконелль отвели войско въ Лимерикъ, успѣли перевезти туда военные запасы. Католическіе администраторы и судьи, назначенные Іаковомъ, уѣхали изъ Дублина. Протестанты, жившіе тамъ, собрались подъ начальствомъ Роберта Физджерольда, сына графа Кильбера, заняли дублинскую цитадель, пригласили Вильгельма. Онъ вступилъ въ городъ. Чорчилль и принцъ Фердинандъ Вильгельмъ Вюртембергскій заняли Коркъ и Кинсель. Католики держались въ Лимерикѣ и Гелуэ, пока Людовикъ отозвалъ во Францію и свое войско и ирландскую армію. На родинѣ остался только отрядъ Сэрсфильда, геройски оборонявшася въ западной части острова. Іаковъ наградилъ его титуломъ графа Льюкэна. Людовикъ присылалъ ему аммуницію; но вся остальная Ирландія была покорена Вильгельмомъ. Англійскіе колонисты въ Ирландіи долго праздновали годовщину сраженія на Бойнѣ. Англичане приняли суровыя мѣры для упроченія своей власти надъ Ирландіей. Было кон-

фисковано огромное количество земель. Множество ирландскихъ католиковъ уплыло въ католическія земли и поступило на службу въ ихъ арміи. Особенно многочисленны были поступившіе во французское войско.

10. Правленіе Вильгельма III.

Положеніе Вильгельма оставалось затруднительнымъ и послѣ того, какъ онъ былъ признанъ королемъ во всѣхъ трехъ частяхъ государства: въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Виги, имѣвшіе рѣшительный перевѣсъ въ англійскомъ парламентѣ и въ правительствѣ, хотѣли, чтобы всѣ должности были заняты людьми ихъ партіи, чтобы все дѣлалось сообразно ихъ мнѣніямъ, противились намѣренію Вильгельма дать амнистію, смягчить религіозныя законы, получить постоянный бюджетъ доходовъ, не нуждающійся въ новыхъ вотируваніяхъ парламента; они досадовали на то, что Вильгельмъ оставилъ многихъ слугъ Іакова въ прежнихъ должностяхъ; имъ хотѣлось бы удаленъ тори со всѣхъ должностей и подвергнуты наказанію людей, помогавшихъ деспотизму Іакова; они находили, что Вильгельмъ хочетъ управлять государствомъ по своей личной волѣ и подчиняетъ англійскую политику интересамъ нидерландской конфедераціи; они хотѣли расширить власть парламента, уменьшить личное вліяніе короля на управленіе государствомъ. Вильгельму было тяжело выдерживать споры съ ними. Только когда онъ распустилъ парламентъ, давшій ему королевскій санъ, и новые выборы дали большинство въ палатѣ общинъ вигамъ умѣреннаго образа мыслей и значительное число мѣстъ умѣреннымъ тори, затрудненія Вильгельма уменьшились. Новый парламентъ, собравшійся въ мартѣ 1690 года, принялъ постановленія, примирявшія королевскую власть съ парламентскимъ управленіемъ, какъ желалъ того Вильгельмъ. Была обнародована и амнистія, которую Вильгельмъ считалъ необходимой для успокоенія государства; изъ нея были исключены и объявлены лишенными должностей и политическихъ правъ лишь немногія лица, притомъ почти только тѣ, которые бѣжали во Францію; къ числу ихъ принадлежали Питеръ, Сондерландъ, Поупсъ, Кессельменъ, Доверъ, Мельфордъ. Бюджетъ доходовъ былъ установленъ на законномъ основаніи, и взиманіе налоговъ, надобныхъ для покрытія постоянныхъ расходовъ, было предоставлено Вильгельму и Маріи на всю жизнь; другіе налоги, которыми покрывались экстренные расходы, были установлены на годъ и продолженіе или отмѣна ихъ были поставлены въ зависимость отъ ежегодныхъ рѣшеній палаты общинъ. Но-

вый парламентъ утвердилъ распоряженія, сдѣланныя прежнимъ, и новый государственный порядокъ получилъ прочность.

Вильгельмъ получилъ теперь возможность слѣдовать своей склонности, которая влекла его къ тому, чтобъ управлять государствомъ при содѣйствіи умѣренныхъ тори; онъ далъ важныя должности Дэнби, Гэлифаксу, Ноттингэму; удалилъ изъ министерства крайнихъ виговъ, Мордонта и Ди-Ле-Мира. Онъ желалъ бы, чтобъ остался министромъ графъ Шрусбери, котораго онъ любилъ за вѣротерпимость; но Шрусбери не согласился остаться въ министерствѣ по отставкѣ своихъ политическихъ друзей. Отправляясь въ іюнѣ 1690 года въ Ирландію и передавая управленіе государствомъ своей супругѣ, Вильгельмъ составилъ изъ людей обѣихъ партій совѣтъ, который долженъ былъ помогать ей. Императоръ и король испанскій признали королею англійскимъ Вильгельма, своего союзника въ войнѣ съ Людовикомъ. Новый великій пенсіонарій нидерландской конфедераціи, Гензіусъ, былъ другомъ Вильгельма и старался дать политикѣ нидерландской конфедераціи направленіе, каковаго желалъ Вильгельмъ. Англійскій и нидерландскій флоты, дѣйствуя вмѣстѣ, были сильнѣе французскаго. Парламентъ, созданный Вильгельмомъ послѣ побѣды на рѣкѣ Бойнѣ, начавшій свои засѣданія 2-го октября (1690 года), щедро далъ Вильгельму денежные средства энергически вести войну съ Людовикомъ. Было предположеніе продать для этого земли, конфискованныя въ Ирландіи; но оно было отвергнуто; палата общинъ установила поземельный налогъ и повысила косвенные налоги для покрытія военныхъ издержекъ; она оставила за собою право разсматривать, какія суммы будутъ надобны для веденія войны въ слѣдующіе годы, контролировать бюджетъ расходовъ и уменьшать или совершенно отменять налоги, безъ которыхъ можно будетъ обойтись. Это право осталось за палатой общинъ навсегда. Самъ Вильгельмъ поѣхалъ на континентъ управлять военными дѣйствіями противъ Людовика. Мэкке и принцъ вюртембергскій продолжали войну противъ ирландскихъ инсургентовъ, державшихся въ низовьяхъ рѣки Шэвнона. При штурмѣ города Гэлюэ 30-го іюля 1691 г. былъ убитъ французскій генералъ Сенъ-Рюль, и городъ былъ взятъ. Вскорѣ послѣ того сдался на капитуляцію Лимерикъ. Главнокомандующій инсургентовъ, Сэр-фильдъ, не принявъ предложенной ему амнистіи и уплылъ во Францію; съ нимъ отправились туда 12.000 инсургентовъ; они поступили во французскую службу. Ирландія была теперь вся покорена.

Но Вильгельму продолжали угрожать опасности. Переворотъ оставилъ по себѣ волненіе въ умахъ. Партія якобитовъ была многочисленна; сила ея увеличилась присоединеніемъ къ ней другихъ недовольныхъ; въ войнѣ съ Людовикомъ происходили неудачи, оживлявшія въ приверженцахъ Іакова надежду на его возстановленіе. Приверженцы Іакова находились даже между высшими гражданскими санов-

никами и военачальниками. Къ числу недовольныхъ принадлежали тѣ люди, которые наиболѣе помогли успѣху экспедиціи Вильгельма въ Англію, лордъ Чорчилль и адмиралъ Россель; они полагали, что Вильгельмъ недостаточно наградилъ ихъ за услуги, досадовали на то, что главными своими помощниками онъ избралъ не ихъ. Жена Чорчилля имѣла большое вліяніе на принцессу Анну, младшую сестру королевы; Анна писала отцу, что сожалѣетъ о своемъ отступничествѣ отъ него во время экспедиціи при движеніи Вильгельма къ Лондону. Людовикъ раздѣлялъ мнѣніе Іакова, что если дать ему войско для экспедиціи въ Англію, то онъ возстановитъ свою власть. Агенты Іакова подготавливали въ Англіи возстаніе для содѣйствія успѣху его экспедиціи. Вильгельмъ проводилъ большую часть времени въ Нидерландахъ на войнѣ съ Людовикомъ. Это увеличивало надежду на успѣхъ экспедиціи Іакова. Въ маѣ 1692 г. Турвилль, начальствовавшій французскимъ флотомъ, получилъ приказаніе сдѣлать попытку высадки войскъ въ Англію. Французскій флотъ собрался у мыса Ла-Ога близъ Шербура; онъ былъ готовъ взять десантное войско. Іаковъ пріѣхалъ къ главной своей арміи, которая назначена была овладѣть Намюромъ. Но въ битвѣ при Ла-Огѣ, длившейся два дня (19 и 20 мая 1692 года) англійскій и голландскій флоты, соединенные подъ начальствомъ Росселя, одержали полную побѣду надъ французскимъ флотомъ, и проектъ экспедиціи Іакова въ Англію рушился. Россель думалъ о высадкѣ войска на берегъ Франціи. Французскіе эмигранты, Рювиньи и сынъ маршала Шомберга, помогали ему въ составленіи плана этой высадки. Но отъ нея пришлось отказаться, потому что война въ Нидерландахъ получила дурной оборотъ для англичанъ и голландцевъ: французы 30 іюля взяли Намюръ; Вильгельмъ, атаковавшій ихъ 4-го августа у Стенкерке, былъ разбитъ. Россель долженъ былъ плыть для обороны голландскаго берега. На слѣдующій годъ въ іюлѣ Турвилль сдѣлалъ успѣшное нападеніе на большую флотилію англійскихъ торговыхъ кораблей, шедшихъ подъ прикрытіемъ военной эскадры; онъ застигъ ее въ Лагосскомъ заливѣ (у береговъ южной Португаліи), сжегъ 45 и захватилъ 17 англійскихъ кораблей.

Война требовала отъ англичанъ большихъ расходовъ; это усиливало неудовольствіе противъ Вильгельма. Англичане были расположены думать, что интересы Англіи чужды этой войнѣ. Въ парламентѣ говорились рѣзкія рѣчи противъ нея. Но Вильгельмъ умѣлъ убѣдить палату общинъ въ необходимости энергическаго продолженія войны и получить большую сумму на нее. Но взамѣнъ того онъ долженъ былъ признать за парламентомъ права, ограничивавшія королевскую власть. Новыми законами былъ точнѣе прежняго опредѣленъ контроль палаты общинъ надъ государственнымъ бюджетомъ, было установлено, что члены палаты общинъ избираются только

на три года (то-есть уничтожается возможность сохранять на очень долгое время ту палату общинъ, которая дѣйствуетъ въ угожденіе королю наперекоръ народному желанію), что король обязанъ ежегодно созывать парламентъ, что члены палаты общинъ, получившіе какую-нибудь должность, должны подвергаться новому выбору; была установлена несмѣняемость судей, то-есть независимость ихъ отъ короля. Очень важнымъ фактомъ было учрежденіе англійскаго банка. Военные расходы были такъ велики, что нельзя было покрыть ихъ налогами. Надобно было дѣлать займы; а капиталисты желали имѣть гарантіи въ правильности уплаты процентовъ и погашенія. Для этого и былъ учрежденъ банкъ по образцу давно существовавшего въ Генуѣ банка св. Георгія. Онъ далъ правительству заемъ, а капиталисты, деньги которыхъ образовали эту сумму, получали уплаты отъ правительства черезъ банкъ, принявшій на себя ручательство за своевременность платежей имъ; много помогли этому дѣлу французскіе эмигранты, которымъ необходимо было усердно поддерживать Вильгельма, потому что въ случаѣ побѣды Іакова они подверглись бы преслѣдованію; они охотно дали банку свои капиталы. Главными дѣателями при учрежденіи банка были Пѣтерсонъ, объяснявшій капиталистамъ устройство банка, и Монтегю, государственный человѣкъ, бывший ученикомъ и сдѣлавшійся покровителемъ Ньютона. Благодаря вліянію Монтегю билль объ учрежденіи англійскаго банка былъ принятъ палатой общинъ 18 апрѣля 1694. Палата пэровъ была сначала непріязненна ему, полагая, что капиталисты приобрѣтутъ при его содѣйствіи такую политическую силу, которая отниметъ у землевладѣльцевъ преобладающее вліяніе на государственный дѣла; но скоро отказалась отъ сопротивленія биллю, неправившемуся ей, и 23 апрѣля приняла его. Англійскій банкъ усердно помогалъ упроченію правленія Вильгельма III, будучи заинтересованъ въ успокоеніи государства. Черезъ три года по своемъ учрежденіи онъ получилъ окончательную организацію, принялъ на себя веденіе счетовъ по взиманію налоговъ, храненіе и выдачу государственныхъ денегъ, посредничество при заключеніи правительственныхъ займовъ, далъ прочность государственному и коммерческому кредиту, регулировалъ денежное обращеніе.

Обезпечивъ себѣ довѣріе націи, Вильгельмъ приобрѣлъ возможность сформировать многочисленное войско для войны съ Людовикомъ, остановилъ его наступательное движеніе въ испанскихъ Нидерландахъ; французская армія принуждена была ограничиваться обороною, и дѣло это требовало отъ Людовика такихъ усилій, что ослабленные войска его на югѣ Франціи и на Рейнѣ не могли приобрѣсти важныхъ успѣховъ въ 1694 году. Вильгельмъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій въ этомъ году возвратившійся въ Англію, былъ встрѣченъ тамъ народнымъ сочувствіемъ; парламентъ принималъ его предложенія,

министерство приобрѣло новыя силы, благодаря тому, что Шрусбери согласился снова занять должность государственнаго секретаря, а Монтегю былъ сдѣланъ канцлеромъ казначейства (министромъ финансовъ); Сондерлендъ перешелъ на сторону Вильгельма, помогая ему своими совѣтами; но тяжелымъ ударомъ для Вильгельма была смерть жены: Марія занемогла оспой и умерла 28 декабря (1694); она была безгранично предана мужу, и онъ оказывалъ большое уваженіе къ ней. Характеры у нихъ были очень неодинаковые: она была привѣтлива, разговорчива, онъ былъ человѣкъ молчаливый, доступъ къ нему былъ затруднительный; но они жили очень дружно между собой. Она приобрѣла въ Англіи расположеніе націи; это много помогло упроченію власти Вильгельма; онъ печалился о смерти жены, но власть его осталась непоколебима. Оппозиція не только не усилилась, но даже ослабѣла, благодаря между прочимъ тому, что младшая сестра Маріи Анна, сдѣлавшаяся теперь наслѣдницею престола, стала поддерживать Вильгельма своимъ вліяніемъ: она была въ ссорѣ съ Маріей, по смерти сестры помирилась съ Вильгельмомъ, противъ котораго дѣйствовала прежде непріязненно. Палата общинъ дала Вильгельму очень много денегъ на энергическое продолженіе войны. Благодаря тому Вильгельмъ въ исходѣ 1695 года приобрѣлъ довольно значительные успѣхи: Вильруа и Буффлеръ, командовавшие теперь по смерти маршала Люксамбура французскими войсками въ Нидерландахъ, были принуждены отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій, и въ сентябрѣ Вильгельмъ отнялъ у французовъ крѣпость Намюръ. Якобиты задумали поднять возстаніе при содѣйствіи Людовика, обѣщавшаго послать войско въ Англію. Главнымъ дѣтелемъ этого заговора былъ лордъ Миддлтонъ, пріѣхавшій во Францію; былъ заготовленъ манифестъ отъ имени Іакова, обѣщавшій англичанамъ всякія улучшенія, какихъ они могутъ желать. Людовикъ согласился дать Іакову денегъ, флотъ, войско. Въ началѣ 1696 года была собрана въ гавани Калѣ французская эскадра для экспедиціи въ Англію; Іаковъ пріѣхалъ туда въ февралѣ. Побочный сынъ его герцогъ Беруикъ, человѣкъ энергическій и хорошій полководецъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ войска, которое поплыветъ въ Англію. Эмигранты собрались въ Калѣ. Но англійскіе якобиты не хотѣли подымать оружія, пока не выйдетъ на англійскій берегъ войско Іакова и не будетъ обнародованъ его манифестъ. Споры о томъ, ждать ли имъ высадки Іакова или Іакову ждать, пока они поднимутъ возстаніе, длились безъ всякаго результата. Фанатичные якобиты, выведенные изъ терпѣнія замедленіемъ дѣла, рѣшили покончить его нападеніемъ на Вильгельма. Главными людьми этого заговора были Робертъ Чернокъ, оксфордскій отступникъ отъ протестанства, шотландскій вельможа Бэркле; сообщниками ихъ были нѣкоторые прежніе офицеры лейбъ-гвардіи Іакова. Заговорщики хо-

тѣли напасть на Вильгельма, когда онъ поѣдетъ охотиться въ Ричмондъ; они говорили между собою только о томъ, что возмуть его въ плѣнъ; объ убійствѣ его не говорили, но каждый изъ нихъ понималъ, что дѣло идетъ о томъ, чтобы убить его. Беруикъ, тайно прїѣзжавшій въ Англію, былъ увѣдомленъ объ этомъ заговорѣ и возвратился въ Калѣ сообщить о немъ отцу. Іаковъ и другіе эмигранты были увѣрены, что по убійствѣ Вильгельма поднимется восстаніе яacobитовъ, и рѣшили ждать этого. Но за день передъ тѣмъ какъ Вильгельмъ долженъ былъ отправиться въ Ричмондъ, одинъ изъ соучастниковъ заговора донесъ о немъ другу Вильгельма Бентингу; это было 13 февраля. Вильгельмъ отложилъ поѣздку на охоту, главные заговорщики были арестованы; Чэрнокъ и двое другихъ были казнены. Проектъ экспедиціи Іакова рушился. Въ разстройствѣ дѣла былъ больше всего виноватъ самъ Іаковъ, потому что онъ не хотѣлъ подписать манифестъ, обѣщавшій отъ его имени неприкосновенность англійскихъ законовъ; онъ требовалъ, чтобы изъ манифеста было исключено обѣщаніе соблюдать Актъ удостовѣренія, воспрещавшій давать должности людямъ, не принадлежащимъ къ англиканской церкви. Эмигранты, сохранявшіе разсудительность, не могли одолѣть фанатичныхъ католиковъ, подъ вліяніемъ которыхъ находился онъ. Возвратившись изъ Калѣ въ Сентъ-Жерменъ, Іаковъ до такой степени поддавался руководству фанатиковъ, что поступилъ мірскимъ членомъ въ аскетическую конгрегацию Латрапскихъ монаховъ.

Опасность, которой подверглась жизнь Вильгельма, возбудила въ націи горячее чувство необходимости въ немъ для защиты свободы Англіи. Составилось новое общество для поддержанія порядка престолонаслѣдія, установленнаго при провозглашеніи Вильгельма и Маріи королею и королевой. Этотъ актъ, какъ мы говорили, исключалъ католиковъ отъ наслѣдованія престола. По смерти Маріи яacobиты старались внушать націи, что Вильгельмъ, сдѣлавшійся королемъ только какъ мужъ Маріи, уже не можетъ управлять Англіей. Парламентъ постановилъ теперь, что королевская власть продолжаетъ принадлежать исключительно ему. Въ парламентѣ владычествовали виги. Лица, отказывавшіяся присоединиться къ обществу защитниковъ закона, исключавшаго католиковъ отъ престолонаслѣдія, не были допускаемы ни къ какимъ должностямъ, считались врагами свободы. Въ началѣ слѣдующаго (1697) года парламентъ принялъ билль смертной казни по дѣлу сэра Джона Фенуика, находившагося въ тайныхъ сношеніяхъ съ Іаковомъ и старавшагося возбудить въ Вильгельмѣ недовѣріе къ вождямъ виговъ. Палата общинъ давала Вильгельму средства энергически продолжать войну, и онъ принудилъ Людовика признать его королемъ Англіи. Людовику очень не хотѣлось согласиться на это. Но самъ Іаковъ объявилъ, что не будетъ при жизни Вильгельма дѣлать новыхъ попытокъ къ восста-

новленію своей власти, и Людовикъ могъ говорить, что не измѣняетъ своей дружбѣ съ Іаковомъ, признавая Вильгельма королемъ англійскимъ; онъ отступился и отъ требованія, чтобы эмигрантамъ дозволено было возвратиться, и обѣщался не оказывать ни явной, ни тайной поддержки врагамъ Вильгельма. За это Вильгельмъ обѣщался не давать бѣжавшимъ изъ Франціи гугенотамъ пріюта въ княжествѣ Оранжскомъ, возвращенномъ ему при заключеніи мира.

IV. Франція. новая коалиція противъ Людовика.

1. Рейнскій Пфальцъ послѣ Вестфальскаго мира.

По Вестфальскому миру Рейнскій Пфальцъ былъ возвращенъ сыну курфюрста Фридриха V и Елизаветы, дочери Іакова I, Карлу Людвигу, испытавшему много страданій, научившемуся сочувствовать бѣдствіямъ другихъ, чуждому релігіозной нетерпимости; онъ нашелъ Рейнскій Пфальцъ опустошеннымъ, далъ народу облегченія въ налогахъ, чтобы люди могли построить себѣ дома вмѣсто сожженныхъ, далъ свободу вѣроисповѣданія лютеранамъ, анабаптистамъ, переселившимся въ его государство пизмонтскимъ вальдъицамъ, между тѣмъ, какъ почти повсюду въ Германіи свирѣпствовало релігіозное гоненіе; не только католическіе государи преслѣдовали протестантовъ, но и лютеранскіе преслѣдовали реформатовъ. Благодаря добродушію и благородію Карла Людвига, Рейнскій Пфальцъ быстро оправился отъ разоренія, такъ что маршалъ Граммонъ въ 1658 году писалъ: „Эта страна имѣетъ такой видъ, какъ будто въ ней вовсе не было военныхъ дѣйствій“.

Но семейныя отношенія Карла Людвига были дурны; онъ оскорблялъ жену, гессенъ-кассельскую принцессу Шарлотту, своею связью съ Луизою фонъ-Дегенфельдъ. Наконецъ онъ развелся съ Шарлоттой и вступилъ въ морганатическій бракъ съ своей любовницею. Сестра его Софія вышла за герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго Эрста Августа; старшій сынъ ея Георгъ сдѣлался впоследствии королемъ англійскимъ.

2. Дугсбургская лига. Споръ за архіепископство кельнское.

Прежнія попытки остановить захваты Людовика остались напрасны по несогласію между государами коалиціи противъ него; онъ продолжалъ заирать земли нѣмецкой имперіи и очевидно было, что онъ хочетъ овладѣть испанскими Нидерландами и нидерландской конфедераціей. Когда побѣды надъ турками дали императору возможность стать союзникомъ противниковъ Людовика, составилаcя новая коалиція. Дѣло началось тѣмъ, что Вильгельмъ Оранскій, бывший тогда

еще только нидерландским статгудеромъ, курфирсть бранденбургскій и Карлъ XI шведскій заключили между собой 12 января 1688 г. соглашеніе поддерживать условія Вестфальскаго, Неймегенскаго и Регенсбургскаго трактатовъ, противиться военными мѣрами нарушенію ихъ Людовикомъ. Черезъ полгода, 6 іюля, этотъ союзъ расширился присоединеніемъ къ нему императора, короля испанскаго, курфирста баварскаго и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ государей. Договоръ о коалиціи былъ подписанъ въ Аугсбургѣ, потому она называется Аугсбургскою лигой. Было определено, сколько войска пошлетъ каждый членъ въ союзную армію и сколько денегъ будетъ вносить въ союзную казну на содержаніе этой арміи, численность которой должна была составлять 60.000 человекъ. Основателемъ коалиціи считался король шведскій, раздраженный притязаніями Людовика на его наследственное цвейбрюкенское владѣніе и союзомъ короля французскаго съ королемъ датскимъ, врагомъ его. Но душою коалиціи былъ Вильгельмъ Оранскій, имѣвшій главный интересъ свой въ томъ, чтобъ Іаковъ пересталъ быть слугою Людовика.

У императора, короля испанскаго и курфирста баварскаго были династическіе мотивы вступить въ союзъ противъ Людовика. Курфирсть Максимиліанъ Эммануэль, наследовавшій своему отцу Фердинанду Маріи въ годъ заключенія Неймегенскаго мира, былъ женатъ на Маріи Антоніи, дочери Леопольда I и его супруги, испанской инфанты. При вступленіи въ бракъ, Марія Антонія должна была отказаться отъ всякихъ правъ на испанскій престолъ въ случаѣ бездѣтной смерти ея дяди Карла II; но мужу ея было обѣщано управленіе испанскими Нидерландами. Карлъ II могъ объявить, что возвращаетъ своей племянницѣ право на испанскій престолъ; потому курфирсть желалъ, чтобы Людовикъ утратилъ могущество, стѣснявшее Карла въ распоряженіи своимъ наследствомъ. Максимиліанъ Эммануэль зналъ военное дѣло, отличался храбростью въ войнѣ императора съ турками; потому его назначили главнокомандующимъ союзной арміи. Филиппъ Вильгельмъ Нейбургскій, наследовавшій курфиршество пфальцское, вступилъ въ лигу, раздраженный тѣмъ, что Людовикъ требовалъ, чтобъ онъ отдалъ герцогинѣ орлеанской присоединенныя къ курфиршеству пфальцскому родовыя владѣнія зimmerнской линіи. Союзники обѣщались не заключать мира съ Людовикомъ порознь одинъ отъ другаго.

Людовикъ зналъ, что составила коалиція противъ него, и готовился къ войнѣ, укрѣплялъ Гюнингенъ и Трарбахъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ дѣйствовалъ и дипломатическими средствами, предложилъ нѣмецкому сейму обратить регенсбургское перемиріе въ окончательный миръ. Это значило бы формально уступить ему все захваты, сдѣланные имъ въ Германіи; сеймъ отвергъ его предложенія, но далъ ему увѣреніе, что Аугсбургская лига имѣетъ только оборонительный

характеръ, что императоръ и имперія не хотятъ нападать на Францію. Отказъ сейма убѣдилъ Людовика, что нѣмцы хотятъ при первомъ удобномъ случаѣ отнять у него захваченныя имперскія владѣнія, а отъ напротивъ того имѣлъ намѣреніе сдѣлать курфирстомъ кельнскимъ своего кліента, отнять зimmerнскія владѣнія у курфирста баварскаго. Войска Леопольда еще оставались въ Венгріи; безъ нихъ имперія не могла защитить рейнскую границу. Турки могли съ успѣхомъ продолжать войну, когда Леопольду надобно будетъ вызвать часть войскъ изъ Венгріи на западъ; Іаковъ могъ отвлечь силы нидерландской республики отъ войны съ Людовикомъ нападеніемъ на Нидерланды. Эти расчеты давали Людовику увѣренность въ побѣдѣ. Говорятъ, что Лувуа убѣждалъ его скорѣе начать войну. Есть анекдотъ, будто бы Людовикъ выразилъ неудовольствіе на сдѣланное несимметрично окно въ Трианонскомъ дворцѣ, постройкой котораго завидовалъ Лувуа, и опасаясь его немилости, Лувуа сказалъ: «Надобно дать ему другое занятіе.»

Курфирсть кельнскій Генрихъ Максимиліанъ, принцъ баварскаго дома, наследовавшій въ санѣ курфирста своему дядѣ Фердинанду, былъ усердный союзникъ Людовика. Онъ былъ довольно сильный государь, потому что былъ также епископомъ люттихскимъ, мюнстерскимъ и нильдесгеймскимъ. Вліятельнѣйшими совѣтниками его были Фюрстенберги, усердные слуги Людовика. Эгонъ Фюрстенбергъ былъ епископомъ страсбургскимъ; по смерти его Людовикъ сдѣлалъ епископомъ его брата Вильгельма, который, получивъ страсбургскую кафедру, остался жить при дворѣ курфирста кельнскаго и попрежнему руководилъ его дѣйствіями. За его преданность Людовикъ доставилъ ему санъ кардинала и хотѣлъ, чтобы по смерти старика Генриха Максимиліана онъ былъ сдѣланъ курфирстомъ кельнскимъ. Въ началѣ 1688 года Вильгельмъ былъ выбранъ коадьюторомъ курфирста; это значило, что большинство капитула кельнской кафедры, подкупленное деньгами и обѣщаніями Людовика, рѣшило сдѣлать его преемникомъ Генриха Максимиліана. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 3 іюня, старикъ курфирсть умеръ. Большинство членовъ капитула выбрало курфирстомъ Вильгельма, но императоръ и нѣмецкій сеймъ не хотѣли допустить, чтобы курфирстомъ кельнскимъ былъ слуга Людовика; были присланы предлоги объявить выборъ Вильгельма неправильнымъ. Императоръ и сеймъ требовали, чтобы капитулъ выбралъ архіепископомъ кельнскимъ Клеменса, принца баварской династіи. Нѣкоторые члены капитула подали голосъ за него; большинство за Вильгельма Фюрстенберга. Но городъ Кельнъ принялъ сторону Климента. По вліянію Вильгельма Оранскаго и новаго курфирста бранденбургскаго Фридриха III, капитулы люттихскій, мюнстерскій и нильдесгеймскій выбрали на свои епископскія кафедры Климента. Иннокентій XI, находившійся тогда въ ссорѣ съ Людовикомъ, принялъ сторону Климента. Конгрегация кардиналовъ, разсматривавшая дѣла по спорамъ о выборахъ церковныхъ саповниковъ, была согласна съ папой, рѣшила споръ въ пользу Климента; папа призналъ его архіепископомъ кельнскимъ. Коллегія курфирстовъ признала его курфирстомъ.

Но Людовикъ не могъ отступиться отъ борьбы, это было бы нестерпимо для его гордости. Онъ имѣлъ и политическіе и религіозные мотивы поддерживать своего кліента. Упрочивъ свое вліяніе въ курфирствѣ кельнскомъ,

онъ могъ поставить тамъ войска, угрожающія Вильгельму Оранскому. Опасность французскаго нашествія заставила бы нидерландскій сеймъ отказать въ помощи намѣренію Вильгельма плыть въ Англію. Этотъ расчетъ оказался ошибоченъ: нидерландскій сеймъ помогъ экспедиціи Вильгельма, а чтобы защитить нидерландскую конфедерацію отъ французовъ, Вильгельмъ заключилъ съ курфирстомъ бранденбургскимъ, ландграфомъ гессенскимъ и герцогомъ ганноверскимъ договоръ, по которому они обещались защищать нидерландскую конфедерацію отъ французовъ. Курфирстъ бранденбургскій послалъ находившагося теперь въ его службѣ маршала Шомберга быть помощникомъ Вильгельма въ войнѣ съ Іаковомъ.

3. Война за пфальцское наслѣдство.

Лувуа полагалъ, что должно направить войска на Нижній Рейнъ и нидерландскую конфедерацію, какъ было сдѣлано въ 1672 году. Но Людовикъ рѣшилъ, что выгоднѣе для него будетъ начать войну захватомъ той части пфальцскихъ владѣній, которой онъ требовалъ отъ имени герцогини Орлеанской. Въ половинѣ сентября французскія войска пошли занять Рейнскій Пфальцъ, черезъ нѣсколько дней, 24 сентября, Людовикъ обнародовалъ манифестъ, оправдывавшій его рѣшеніе начать войну. Онъ говорилъ, что императоръ хочетъ, по окончаніи войны съ турками, напасть на Францію, что съ этой цѣлью составила Аугсбургская лига, что враги Франціи отказываются отдать герцогинѣ Орлеанской владѣнія, которыя должны перейти къ ней по праву наслѣдства, и отнимаютъ у кардинала Фюрстенберга архіепископство кельнское. Главная французская армія, при которой находился дофинъ, шла на Филиппсбургъ; ею начальствовалъ маршалъ Дюра; помощниками его были Вобанъ и Катина; другую армію велъ Буффлеръ въ Рейнскій Пфальцъ. Французы въ нѣсколько дней заняли Кейзерслаутернъ, Альцей, Нейштадтъ, Оппенгеймъ; беззащитные имперскіе города Вормсъ, Шпейеръ, Майнцъ припуждены были принять французскіе гарнизоны. Филиппсбургъ сдался 21 октября; обѣ французскія арміи соединились, пошли въ глубину курфиршества пфальцскаго. Въ ноябрѣ они овладѣли Мангеймомъ и Франкенталемъ; дофинъ съ своимъ генеральнымъ штабомъ расположился на зиму въ Гейдельбергъ, который былъ покинутъ курфирстомъ. Зимой французы заняли пфальцскія земли по Неккару и Рейну; ходили далеко въ юго-западную Германію.

Но въ началѣ слѣдующаго (1689) года положеніе дѣлъ измѣнилось. Вильгельмъ, сдѣлавшись королемъ англійскимъ, могъ теперь обратиться англійскія и шотландскія войска противъ Людовика. Въ февралѣ императоръ и нѣмецкій сеймъ объявили войну Людовику за нападеніе на курфирста пфальцскаго. Нѣмецкія войска пошли на Рейнъ, фран-

цузы не могли удержаться въ своихъ передовыхъ позиціяхъ, ушли изъ мелкихъ крѣпостей, отступили на линію, соединявшую большія крѣпости, принуждены были ограничиться обороной ихъ. Чтобы затруднить нѣмцамъ вторженіе во Францію, Людовикъ рѣшилъ опустошить тѣ земли, изъ которыхъ должны были отступать его войска. Лувуа написалъ маркизу Дюра: король хочетъ, чтобы всѣ тѣ города, которые могутъ служить непріятелю зимними квартирами на Рейнѣ съ опасностью для французскихъ рейнскихъ крѣпостей, были разрушены. Это повелѣніе «жечь Пфальцъ» было исполнено съ жестокостью, какой не бывало примѣровъ. Французы жгли богатые селенія Бергштрасской области, нѣмецкіе города по Рейну, жгли все въ южномъ Пфальцѣ. Особенно много городовъ и селеній было сожжено отрядомъ, которымъ командовалъ Мелакъ. Герцогиня Орлеанская, видѣвшая себя причиной опустошенія родины ея, проводила ночи въ слезахъ, высказывала свою печаль въ письмахъ. Дѣло опустошенія длилось съ марта до лѣта, была сожжена часть Гейдельберга. Мостъ черезъ Неккаръ былъ взорванъ; были сожжены Рорбахъ, Вислохъ, Кирхгеймъ, Баденъ, Бреттенъ, Раштатъ, Пфорцгеймъ, многіе другіе города. Нѣкоторые изъ нихъ ужъ никогда не оправились отъ разоренія; французы жгли все отъ Гартскаго хребта до рѣки Наэ, не только города и селенія, но и виноградники и нивы; сожгли Франкенталь, Альцей, Крейцнахъ. Въ Мангеймѣ принудили самихъ жителей разрушать укрѣпленія и дома; въ іюнѣ былъ сожженъ весь Вормсъ, кромѣ каѳедральнаго собора; французы выгнали жителей изъ Шпейера, ограбили и сожгли весь его; опустошили Оппенгеймъ. Въ Майнцѣ и почти во всѣхъ городахъ курфиршества кельнскаго стали французскіе гарнизоны; французы дѣлали набѣги въ глубину Швабіи и Франконіи, собирая контрибуціи. Герцогъ Креки сказалъ плачущимъ жителямъ Вормса, что имѣетъ списокъ 1.200 городовъ и селеній, которыя всѣ должны быть сожжены по той причинѣ, что нѣмецкіе государи вступили въ соумышленіе съ принцемъ Оранскимъ противъ католическаго короля англійскаго.

4. Вторая коалиціонная война. Рейсвейгскій миръ.

Такъ началась война, длившаяся 8 лѣтъ. Французскіе полководцы и солдаты были лучше непріятельскихъ и не жалѣли жизни для поддержания славы своей націи. Людовикъ сформировалъ милицію для внутренней службы, благодаря тому могъ отправить почти всѣ регулярныя войска на войну. Онъ велъ ее по всѣмъ границамъ. Арміями его командовали великіе полководцы изъ школы Тюренна: энергиче-

скій маршалъ Люксамбуръ и Катина, твердый характеромъ; геніальный Вобанъ велъ осады; для поощренія офицеровъ къ смѣлымъ подвигамъ король учредилъ орденъ св. Людовика. Въ первое время войны главнымъ театромъ ея были земли по Рейну отъ Кельна до Швейцаріи. Прежніе майнцскіе курфирсты держались миролюбивой политики; но Ансельмъ Францъ, бывшій теперь курфирстомъ, присоединился къ союзу противъ Людовика; французы заняли Майнцъ и Боннъ, курфирстъ бѣжалъ въ Эрфуртъ. Бранденбургскія и саксонскія войска двинулись впередъ, осадили Майнцъ и Боннъ и послѣ упорной обороны взяли эти крѣпости. Но французы удержали свои позиции въ Рейнскомъ Пфальцѣ и на Верхнемъ Рейнѣ. Смерть Филиппа Вильгельма въ 1690 году не произвела никакой перемѣны въ дѣлахъ: сынъ его Іоаннъ Вильгельмъ слѣдовалъ отцовской политикѣ, слушался іезуитовъ, считалъ первой своей обязанностию распространять въ своемъ государствѣ католичество. — Въ Нидерландахъ французы имѣли больше успѣха, чѣмъ на Рейнѣ. Король не любилъ Люксамбура, Лувуа ненавидѣлъ его; но Людовикъ нашелъ надобнымъ поручить ему начальство надъ арміей, посланной въ Нидерланды. Князь Вальдекъ съ бранденбургскими, ганноверскими, голландскими, испанскими войсками стоялъ по Маасу и Мозелю. Люксамбуръ напалъ на него 1 іюля 1690 года при Флерюсѣ, искусными маневрами заставилъ его думать, что главныя атаки будутъ ведены съ фронта, отвлекъ его вниманіе отъ фланговъ, обошелъ лѣвый флангъ и разбилъ его. Черезъ десять дней Турвилль близъ острова Уэйта разбилъ англо-голландскій флотъ. Но союзники скоро пополнили свои потери подкрѣпленіями, такъ что маршалъ Люксамбуръ не могъ двинуться впередъ и не отважился принять битву, которую предложилъ ему курфирстъ бранденбургскій.

Въ Италіи французы также удержали свои позиции. Викторъ Амедей II, герцогъ савойскій, человекъ честолюбивый, желавшій приобрести королевскій титулъ, тяготившійся высокоуміемъ Людовика, разорвалъ союзъ съ нимъ и присоединился къ коалиціи. Герцогу хотѣлось выгнать французовъ изъ Казале и Пинероло: занимая эти крѣпости, они держали его въ порабощеніи. Императоръ былъ на противъ того любезенъ къ нему, далъ ему нѣкоторые имперскіе лены, граничившіе съ его владѣніями, оказывалъ ему королевскія почести. Вильгельмъ III обѣщалъ ему субсидіи отъ Англіи и нидерландской конфедераціи. Онъ отмѣнилъ эдикты противъ вальдійцевъ, отдалъ прежнія земли тѣмъ изъ нихъ, которые возвратились, даже принялъ гугенотовъ въ свое войско. Карлъ Шомбергъ, второй сынъ маршала, пламенно желавшій отмстить Людовику, былъ назначенъ начальникомъ гугенотскаго отряда, вошелъ въ Дофинѣ и занялъ тамъ нѣсколько городовъ. Но Катина остановилъ успѣхи Виктора Амедея, одержавъ 18 августа (1690 года) блистательную побѣду подъ Стаф-

фардой, занявъ всю Савою до Монмиліана и Ниццу. По личному характеру Катина былъ расположенъ поступать благородно, по, исполняя приказаніе своего короля, опустошалъ и жегъ селенія и города, какъ дѣлали другіе французскіе генералы во Пфальцѣ.

Въ слѣдующемъ году успѣхи были также на сторонѣ французовъ. Люксамбуръ и Вобанъ взяли 8 апрѣля (1691 года) сильную крѣпость Монсъ; король и дофинъ находились при осадѣ ея. Французы взяли въ сѣверной Испаніи Урхель, бомбардировали Барселону, подвигались впередъ въ Савою. Лувуа умеръ (16 іюля); смерть его была такъ внезапна, что молва говорила, будто онъ былъ отравленъ. Людовикъ не жалѣлъ о его смерти, потому что онъ, надѣясь на свои заслуги, отваживался иногда противорѣчить господамъ Ментенонъ и королю. Смерть его не произвела перемѣны въ ходѣ войны. Людовикъ отдалъ его должность сыну его, маркизу Барбезье, заслужившему расположеніе короля своей угодливостью, назначилъ членами тайнаго совѣта Помпонна, ловкаго дипломата, и Бовилье, президента финансоваго совѣта. Въ 1692 году Людовикъ снова отправился къ своей арміи въ Нидерланды, и она въ его присутствіи взяла Намюръ (1 іюля). Когда Людовикъ уѣхалъ изъ арміи, Вильгельмъ III напалъ на нее, но былъ разбитъ Люксамбуромъ въ сраженіи при Степкерке (3 августа). Французы удержали свои завоеванія въ Нидерландахъ. На Верхнемъ Рейнѣ маршалъ де-Лоржъ успѣшно защищалъ правый берегъ рѣки, нѣсколько разъ переходилъ на лѣвый берегъ. Рѣшительныхъ сраженій тамъ не было. Побѣда англо-голландскаго флота въ битвѣ при Ла Гогѣ (въ концѣ мая) разрушила надежду Людовика возстановить власть Іакова надъ Англіей. Онъ рѣшилъ загладить эту неудачу побѣдами на сухомъ пути въ слѣдующемъ году, увеличилъ свою армію въ Нидерландахъ и снова отправился къ ней, когда она возобновила въ 1693 году наступательныя дѣйствія. Въ кровопролитной битвѣ при селеніи Нервинденъ (близъ Тирльмона, 29 іюля) Люксамбуръ взялъ окопы непріятельской арміей, овладѣлъ всею ея артиллеріей; но эта побѣда осталась безъ важныхъ результатовъ. Людовикъ, еще до нервинденскаго сраженія уѣхавшій въ Версаль, послалъ часть войска пзъ Нидерландовъ на Средній Рейнъ; войско, оставшееся у Люксамбура было изнурено утомительными переходами, страдало отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ и единственныиъ послѣдствіемъ нервинденской побѣды было взятіе Шарльруа.

Значительнѣе были успѣхи французовъ на Рейнѣ. Они были приобрѣтены не особенной талантливостью бывшихъ тамъ французскихъ генераловъ, а бездарностью ихъ противниковъ. Гейдерсдорфъ, командантъ гейдельбергскаго гарнизона, былъ или трусъ, или измѣнникъ. Занявъ Гейдельбергъ, разоренный французами, нѣмцы на-скоро поправили его укрѣпленія; гарнизонъ и граждане рѣшились

обороняться мужественно, но 18 мая Гейдерсдорфъ сдалъ городъ французамъ, не сдѣлавъ никакихъ попытокъ обороняться. Французы раззорили тѣ части города, которыя уцѣлѣли отъ перваго опустошенія; Гейдельбергъ очень долго не могъ оправиться.

Приведемъ отрывокъ изъ разсказа Гейсера. „Войска Людовика довершили теперь то, что оставили не сдѣланнымъ въ 1689 г. Лишь нѣсколько сотъ челоѣкъ было взято въ плѣнъ; остальные подверглись гнусной жестокости; особенно безчеловѣчно поступали съ безоружными, слабыми; пять полковъ ходили по городу, грабили, жгли дома; при заревѣ пожара убивали мужчинъ, насиловали женщинъ. Уцѣлѣвшихъ согнали въ церкви Св. Духа, били мужчинъ, насиловали женщинъ въ ней, потомъ зажгли ее, заперевъ двери; колокола плавилась отъ пламени, колокольная угрожающая паденіемъ; несчастные запертые въ церкви стонали, ожидая, что будутъ раздавлены или погибнуть отъ огня, который проникнетъ въ церковь; французы забавлялись ихъ ужасомъ; наконецъ вывели ихъ, погнали въ другую церковь, мучили тамъ. Сгорѣли всѣ церкви, изъ всѣхъ домовъ уцѣлѣло только двѣнадцать. Стѣны города были разрушены до основанія. Ворота замка были взорваны, и французы до сентября разрушали стѣны его. Людовикъ велѣлъ отслужить въ Парижѣ благодарственное молебствіе и выдать медаль, на которой былъ изображенъ сожженный Гейдельбергъ съ надписью, примѣнявшей къ королю слова священнаго писанія о Богѣ: *Rex dixit et factum est* („Сказалъ Богъ и стало такъ“ Кн. быт. I, 6, 7).

Франція была изнурена чрезмѣрными усиліями борьбы съ многочисленными врагами; не доставало людей, чтобы вести наступательныя дѣйствія въ 1694 году; надобно было думать объ оборонѣ французскихъ границъ. Катина удержался въ Савойскихъ Альпахъ; маршалъ Ноаль прибрѣлъ нѣкоторые успѣхи надъ плохой испанской арміей въ Пиренеяхъ, взялъ лѣтомъ Паламосъ, Херону, Гостальричъ, Кастель-Фоли. Но французы съ трудомъ и съ потерями отбивались отъ высадокъ англо-голландскаго флота на берега Нормандіи и Бретани; Вильгельмъ Оранскій въ Нидерландахъ дѣйствовалъ такъ искусно, что маршалъ Люксембургъ не прибрѣлъ важныхъ успѣховъ; не прибрѣлъ ихъ и Делоржъ, сражавшійся на Верхнемъ Рейнѣ съ маркграфомъ Людвигомъ Баденскимъ. Французы могли похвалиться только тѣмъ, что нѣкоторые отряды ихъ успѣвали дѣлать набѣги на Швабію и Франконію, взять тамъ контрибуціи, и сдѣлали нѣсколько движеній по направленіямъ къ Лютиху и Лувену, чтобы собрать провіантъ себѣ. Они убѣждали, что Вильгельмъ Оранскій и Людовикъ Баденскій не уступаютъ талантами ихъ полководцамъ; видѣли, что непріятельскія войска становятся съ каждымъ годомъ опытнѣе, лучше. Въ особенности ясно было это маршалу Люксамбургу, лучшему французскому полководцу въ эти годы. Онъ прямо высказалъ королю, что война будетъ еще хуже для французовъ. Онъ умеръ 4 января 1695; смерть его была незамѣнимой потерей для французовъ; они уже говорили, что непріятели сильнѣе ихъ. На мѣсто Люксамбура главнокомандующимъ

сѣверной арміи былъ назначенъ маршалъ Вильруа, возвысившійся не талантами, а тѣмъ, что умѣлъ приобрѣсти милость короля и госпожи Ментенонъ. Онъ не могъ устоять противъ Вильгельма. Нидерландскій инженеръ Кугорнъ выказалъ себя достойнымъ соперникомъ Вобана. Лѣтомъ 1695 года Вильгельмъ взялъ Намюръ и цитадель этой крѣпости; въ іюлѣ и августѣ англо-голландскій флотъ бомбардировалъ Сентъ-Мало и Дюнкирхенъ. Французы отметили за это бомбардированіемъ Брюсселя.

Людовикъ сталъ понимать, что правы министры, совѣтующіе ему заключить миръ. Поншартренъ, управлявшій финансами, не могъ при всей своей изобрѣтательности найти столько денегъ, сколько требовала война; французская промышленность, ослабленная эмиграціей гугенотовъ, была совершенно разстроена войной. Правительство учреждало новыя должности, чтобы продавать ихъ, повышало налоги, чеканило дурную монету; но все было напрасно, государственные доходы уменьшались; Людовикъ обратился къ патриотизму высшихъ сословій, требовалъ отъ духовенства увеличенія его взносовъ, называвшихся добровольными, обложилъ вельможъ денежными пожертвованіями, соразмѣрными богатству каждаго, подвергъ такимъ же платежамъ всѣхъ богатыхъ людей. Духовенство дало десять милліоновъ ливровъ, будучи принуждено говорить, что слава короля полезна для религіи; парижскій парламентъ регистрировалъ эдиктъ, налагавшій платежи на дворянъ и богатыхъ людей, но при этомъ оговорку, что эта подать устанавливается только на военное время. Въ обществѣ распространилось убѣжденіе, что надобно сдѣлать уступки для заключенія мира. Но Людовикъ не хотѣлъ согласиться на требованія своихъ противниковъ; они ставили условіемъ мира возстановленіе силы вестфальскаго и неймегенскаго договоровъ; это значило, что Людовикъ долженъ отказаться отъ Страсбурга, Люксембурга и всѣхъ другихъ своихъ захватовъ. Ему не хотѣлось также признать Вильгельма королемъ англійскимъ, отказаться отъ нѣкоторыхъ замысловъ Іакова. Онъ соглашался только уменьшить свои требованія относительно передачи зиммернскихъ земель во владѣніе герцогини Орлеанской. Король шведскій принялъ на себя посредничество, но Швеція ужъ не считалась могущественнымъ государствомъ, и ни Людовикъ ни противники его не обращали большого вниманія на хлопоты Карла XI. Французы надѣялись, что успѣютъ разстроить коалицію и это удалось имъ.

Раньше всѣхъ поддался внушеніямъ французскихъ дипломатовъ герцогъ Савойскій. Онъ не получилъ большихъ выгодъ отъ войны, еще меньше дала она славы ему. Гугеноты Прованса и Дофине, которыхъ приглашалъ онъ присоединиться къ его арміи, состоящей изъ гугенотскихъ эмигрантовъ, не имѣли довѣрія къ государю, который выказывалъ себя до войны преслѣдователемъ рефор-

матской вѣры, подвергъ свирѣпому гоненію вальдійцевъ. Онъ хотѣлъ овладѣть Пинероло, но 4 октября 1693 былъ разбитъ Катина при селеніи Марсальѣ (близъ Монкальери) и долженъ былъ отступить. Неудачи склонили его къ мысли, что выгоднѣе для него будетъ перейти на сторону Людовика. Король французскій любезно принялъ предложеніе своего прежняго союзника. Викторъ Амедей подѣлъ предлогомъ поѣздки на богомолье въ Лоретто, заѣхалъ въ Римъ просить папу о посредничествѣ; папа согласился хлопотать за него, и въ августѣ 1696 былъ подписанъ въ Туринѣ договоръ съ Людовикомъ. Радуюсь возможности послать въ Нидерланды и Каталонію войска, которыя сражались съ Викторомъ Амедеемъ, Людовикъ сдѣлалъ важныя уступки ему, отдалъ Казале, потомъ и Пинероло. Союзъ былъ упроченъ женитьбой герцога Бурбонскаго (внука Людовика) на савойской принцессѣ.

Катина повелъ свою армію изъ Италіи въ Нидерланды на подкрѣпленіе Вилльруа и Буфлеру; французы стали теперь сильнѣе непріятельской арміи, но Людовикъ не хотѣлъ, чтобъ его полководцы дали битву, потому успѣхи ихъ ограничились взятіемъ крѣпости Ата. Людовикъ убѣдился теперь, что для заключенія мира необходимо будетъ ему признать Вильгельма королемъ англійскимъ. Это устранило главную причину войны. Уполномоченные его и всѣхъ членовъ коалиціи собрались въ Дельфтѣ и Гагѣ; принявъ посредничество короля шведскаго, сѣхались на переговоры въ замокъ Рейсвейкъ, къ которому жилъ шведскій посланникъ баронъ Лиліэнротъ. Тамъ и былъ подписанъ мирный трактатъ.

Ослабѣвшая Испанія оказывала слишкомъ мало содѣйствія союзникамъ, потому они не потребовали отъ Людовика возстановленія границъ, опредѣленныхъ пиренейскимъ миромъ. Онъ удержалъ за собою нѣкоторые изъ завоеванныхъ имъ городовъ въ испанскихъ Нидерландахъ, но согласился возвратить Испаніи завоеванную часть Каталоніи, крѣпость Люксембургъ и всѣ свои завоеванія въ Вестъ-Индіи, кромѣ острова Санъ-Доминго. Императоръ, нѣмецкій сеймъ и Вильгельмъ III требовали, чтобы въ Германіи были возстановлены границы по Вестфальскому и Неймегенскому трактатамъ. Но англичане не желали продолжать войну. Нидерландскій сеймъ дорожилъ выгоднымъ торговымъ договоромъ, который обѣщалъ ему Людовикъ, и хотѣлъ продолжать ссору съ нимъ изъ-за его захвата въ Германіи, потому императоръ и нѣмецкій сеймъ принуждены были оставить эти захваченные города и округа во владѣніи Людовика; иначе Англія и нидерландская республика заключили бы съ Людовикомъ отдѣльный мирный договоръ. Императоръ принужденъ былъ также возвратитъ кардиналу Фюрстенбергу всѣ имѣнья и титулы, дать амнистію его роднымъ и политическимъ друзьямъ. Людовикъ возвратилъ императору, какъ австрійскому государю, Фрейбургъ и Брейзахъ, другія

нѣмецкимъ государямъ—всѣ завоеванія на восточной сторонѣ Рейна, Лотарингію герцогу Леопольду (сыну Карла IV). Леопольдъ женился на дочери герцога Орлеанскаго, племянницѣ Людовика, и умѣлъ во все свое правленіе сохранять самостоятельность, которой постоянно угрожало французское правительство, требовавшее, чтобы Леопольдъ вполнѣ подчинялся его желаніямъ.

Въ Рейсвейгскій трактатъ было внесено условіе, очень невыгодное для нѣмецкихъ протестантовъ: было опредѣлено, что въ протестантскихъ городахъ, которые были заняты французами и возвращались теперь своимъ государямъ, должно быть сохранено католическое богослуженіе, введенное французами.

Договоры Англіи, нидерландской республики и Испаніи съ Франціей были подписаны 20 сентября 1697 г.; договоры императора и нѣмецкой имперіи съ нимъ 30 октября. Всѣ понимали, что Рейсвейгскій миръ только перемиріе. Вопросъ о наслѣдованіи испанскаго престола остался не рѣшенъ; король испанскій не могъ прожить долго; по его смерти неизбежна была война за его владѣнія.

I. БРАНДЕНБУРГЪ. ПРАВЛЕНІЕ КУРФИРСТА ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА. ЦАРСТВОВАНІЕ КОРОЛЯ ПРУССКАГО ФРИДРИХА I.

1. Положеніе государства около времени заключенія Вестфальскаго мира.

Мы довели въ XI томѣ исторію Бранденбурга до начала правленія Фридриха Вильгельма—Великаго Курфирета, какъ стали называть его впослѣдствіи. Во время смерти отца ему было только 20 лѣтъ; но съ дѣтства онъ имѣлъ серьезный характеръ, выказывалъ твердость воли и очень рано научился ясно понимать политическія дѣла.

Тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ Фридрихъ Вильгельмъ былъ посланъ въ Лейденскій университетъ и оставался въ Голландіи пять лѣтъ. Онъ видѣлъ тамъ вѣротерпимость, хорошее управленіе, высокое развитіе промышленности, торговли, просвѣщенія. Статгоудеръ Фридрихъ Генрихъ, братъ матери Фридриха Вильгельма, любилъ даровитаго племянника, бралъ его съ собою на войну, объяснялъ ему политическія дѣла. (Впослѣдствіи Фридрихъ Вильгельмъ женился на дочери Фридриха-Генриха Луизѣ Генріеттѣ, женившись очень умной, образованной, доброй, основавшей много благотворительныхъ учрежденій въ бранденбургскомъ государствѣ, имѣвшей очень хорошее вліяніе на государственное управленіе.) Въ Голландіи Фридрихъ Вильгельмъ приобрѣлъ широкій и ясный взглядъ на отношенія между великими европейскими державами. Ему было 18 лѣтъ, когда отецъ вызвалъ его домой; ему жалъ было разстаться съ Голландіей. Шварценбергъ, вла-

дичествовавший надъ его отцомъ, былъ врагъ его матери, сталъ врагомъ и ему. Онъ даже полагалъ, что этотъ слуга австрійскаго императора имѣетъ умыселъ противъ его жизни, и однажды, заболѣвъ послѣ пира у Шварценберга, онъ приписывалъ болѣзнь отравѣ, поданной ему по распоряженію хозяина.

Курфирстъ Георгъ Вильгельмъ умеръ 1 декабря 1640 г.; двадцатилѣтній новый курфирстъ принялъ управленіе государствомъ при очень тяжеломъ положеніи дѣлъ: половина курфиршества была занята шведскими войсками. Бранденбургское войско, состоявшее изъ наемниковъ, буйствовало, не хотѣло знать никакой дисциплины; почти всѣ коменданты крѣпостей были, подобно Шварценбергу, слуги императора. Администрація находилась въ совершенномъ разстройствѣ; всѣ части бранденбургскаго курфиршества были разорены грабительствомъ императорскихъ и шведскихъ армій. Герцогство прусское, мало пострадавшее отъ войны, находилось въ тяжелой и унижительной ленной подвластности Польшѣ. Тѣ части юлихъ-клевскихъ земель, которыя достались курфирсту Бранденбургскому, были заняты гессенскими и голландскими войсками. Фридрихъ Вильгельмъ постыжился заключить перемиріе со шведами и сформировалъ новое войско, небольшое, но надежное. Онъ распустилъ мятежные полки; начальники ихъ и коменданты крѣпостей, служившіе интересамъ не своего государя, а императора, бѣжали въ Вѣну. Новое войско было, какъ мы говорили, невелико, первое время оно состояло только изъ 3.000 человекъ; но оно было безусловно предано курфирсту и стало центромъ, около котораго постепенно сформировалась многочисленная хорошая армія.

Въ первые дни своего царствованія Фридрихъ Вильгельмъ оставлялъ Шварценберга въ должноти главнаго министра, но скоро удалилъ его отъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько недѣль (въ мартѣ 1641 года) Шварценбергъ умеръ отъ нравственнаго потрясенія, произведеннаго въ немъ немилостью новаго государя.

Положеніе дѣлъ въ герцогствѣ прусскомъ было также очень затруднительно для новаго государя: сеймъ, состоявшій изъ дворянства и депутатовъ городовъ, очень стѣснялъ герцогскую власть, но самъ дѣлился на партіи, забывавшія въ своей борьбѣ общіе интересы: вассальная зависимость отъ Польши давала королю и польскому сейму право вмѣшиваться во внутреннія дѣла герцогства. Фридрихъ Вильгельмъ принужденъ былъ отправиться въ Варшаву, чтобы лично просить инвеституры; она была дана ему на тяжелыхъ и унижительныхъ условіяхъ 17 октября 1641 г. Онъ обязался назначать комендантами крѣпостей Пиллау и Мемеля только такихъ людей, которые будутъ одобрены королемъ, платить дань, не заключать мира съ врагами польскаго государства, допустить апелляцію отъ прус-

скихъ трибуналовъ къ польскимъ, не давать реформатамъ должностей въ герцогствѣ прусскомъ.

Подъ умнымъ и твердымъ управленіемъ Фридриха Вильгельма Бранденбургъ въ послѣдней тридцатилѣтней войнѣ не страдалъ отъ опустошеній; въ переговорахъ о Вестфальскомъ мирѣ курфирстъ выказалъ большую ловкость и настойчивость. Онъ хотѣлъ, чтобы ему была отдана вся Померанія; это не удалось, но онъ получилъ восточную половину ея. Эта часть Помераніи, архіепископство магдебургское и епископство гальберштадское, составляли одно географическое цѣлое съ Бранденбургомъ; но герцогство прусское, клеветскія владѣнія и Минденъ были отдѣлены отъ Бранденбурга чужими землями и не имѣли общихъ съ нимъ историческихъ воспоминаній, такъ что нравственная связь ихъ съ нимъ была очень слаба. Фридрихъ Вильгельмъ умѣлъ укрѣпить ее.

Курфирстъ Бранденбургскій считалъ себя наслѣдникомъ всѣхъ владѣній Юлихъ-Клевской династіи, досадовалъ на то, что получилъ половину ихъ, имѣлъ вражду къ пфальцграфу нейбургскому, получившему другую половину ихъ, даже началъ войну съ нимъ въ 1661 году; но при посредничествѣ императора въ томъ же году помирился. Споры кончились только въ 1666 году; курфирстъ получилъ тогда Клеве, Маркъ и Равенсбергъ; пфальцграфъ получилъ Бергъ и Юлихъ; они стали друзьями.

Въ тѣ времена полнаго презрѣнія сильныхъ государей къ законнымъ правамъ, первою надобностью государственной безопасности Бранденбурга было сформировать большое и хорошее войско; это и было главной заботой Фридриха-Вильгельма. Въ 1655 году онъ имѣлъ уже 26.000 человекъ въ своей арміи. Въ устройствѣ войска ему помогали генералъ-фельдмаршалъ Шнарръ и хорошій полководецъ Дерфлинггеръ, перешедшій къ нему изъ шведской службы и тоже получившій санъ фельдмаршала.

Чтобы имѣть деньги на содержаніе войска, курфирстъ усердно занимался приведеніемъ своихъ финансовъ въ хорошій порядокъ. Въ послѣднее время своего правленія онъ имѣлъ два съ половиной милліона талеровъ дохода; но тогдашнему времени это было очень много; почти половину доходовъ онъ употреблялъ на содержаніе войска. Бранденбургскій сеймъ сначала противился введенію новыхъ, обременительныхъ налоговъ; но курфирстъ подавилъ его оппозицію; въ тѣ времена сеймы повсюду въ Германіи теряли силу, развивался абсолютизмъ; такъ было и въ Бранденбургѣ.

Фридрихъ-Вильгельмъ, человекъ умный, выбиралъ хорошихъ себѣ помощниковъ. По гражданскому управленію главнымъ изъ нихъ былъ Отто Шверинъ, первый министр. Но курфирстъ самъ занимался дѣлами по всѣмъ отраслямъ администраціи, — онъ вводилъ хорошее хозяйство на государственныхъ земляхъ, призывалъ колонистовъ; въ 1685 году онъ пригласилъ въ Берлинъ 7.000 гугенотовъ, бѣжавшихъ изъ Франціи; они основали хорошіе фабрики и заводы. Онъ заботился и о развитіи морской торговли, построилъ нѣсколько военныхъ кораблей; покровительствовалъ просвѣщенію, число школъ много увеличилось при немъ; онъ пригласилъ изъ Нидерландовъ живописцевъ, заботился объ увеличеніи берлинской бібліотеки; онъ былъ чуждъ фанатизма. Люди всѣхъ вѣроисповѣданій, бѣжавшіе въ Бранденбургъ отъ гоненій, находили себѣ у него хорошій пріемъ; онъ запретилъ своимъ подданнымъ учиться въ Виттенбергскомъ университетѣ, въ которомъ владычествовалъ лютеранскій фанатизмъ, старался

примирить лютеранъ съ реформаторами; въ 1664 году запретилъ лютеранскимъ священникамъ ругать въ проповѣдяхъ реформатскую церковь, реформатскимъ ругать лютеранскую, потребовалъ, чтобы всѣ они дали письменное согласіе воздерживаться отъ этой неприличной полемики. Огромное большинство подписало требуемое обѣщаніе, немногіе отказавшіеся были лишены должностей; но ропотъ лютеранскихъ священниковъ на курфирста-реформата, стѣсняющаго свободу ихъ проповѣди, былъ такъ силенъ, что онъ отгнѣпалъ свое требованіе.

2. Войны въ сѣверной Европѣ въ пятидесятихъ годахъ.

а) польская война.

При Христинѣ Швеція пользовалась нѣсколько лѣтъ миромъ. Преемникъ Христины, Карлъ X Густавъ, былъ солдатъ, думавшій только о войнахъ; вскорѣ по полученіи власти онъ разорвалъ заключенное съ Польшей Штумсдорфское перемиріе. Карлъ X происходилъ отъ династіи Вазы по женской линіи. Янъ Казиміръ, король польскій, потомокъ ея по женской линіи, не хотѣлъ признать его королемъ шведскимъ. Онъ былъ радъ предложу начать войну съ Польшей, надѣясь легко пріобрѣсти большіе успѣхи: Янъ Казиміръ былъ человѣкъ слабого характера, казаки воевали противъ польскаго владычества надъ ихъ страной, и русскіе вели войну съ Польшей. Карлъ приглашалъ курфирста бранденбургскаго быть его союзникомъ; но Фридрихъ Вильгельмъ считалъ Швецію опаснѣй ослабѣвавшей Польши и отвергъ союзъ съ Карломъ противъ короля польскаго.

Карлъ началъ войну одинъ. Виттенбергъ въ іюлѣ 1655 года повелъ изъ Штеттина черезъ бранденбургскія земли шведское войско въ Великую Польшу. Она покорилась почти безъ сопротивленія; большое войско шляхты, стоявшее на рѣкѣ Нецѣ, сдано безъ боя и отдало подъ покровительство Швеціи воеводства познанское и калишское. Карлъ X, пришедшій въ Польшу съ новымъ войскомъ, вступилъ 30-го августа въ Варшаву; скоро сдался ему и Краковъ. Янъ Казиміръ бѣжалъ въ Силезію въ городъ Оппельнъ, отданный ему императоромъ въ залогъ за полученный заемъ. Паны, шляхта, войска присягали Карлу. Потоцкій, пошедшій съ 11.000-нымъ войскомъ на помощь Кракову, положилъ оружіе; кварцянныя войска (какъ назывались въ Польшѣ регулярныя войска, на содержаніе которыхъ была назначена четвертая часть, кварта, коронныхъ доходовъ), перешли въ шведскую службу. Магнусъ де ла Гарди привелъ изъ Лифляндіи войско въ Литву. Но значительная часть ея была уже завоевана русскими; они ужь овладѣли и Вильной. Шведамъ было досадно дѣлиться завоеваніями съ русскими, но поссориться съ этими непріятными со-

юзниками они не отважились. Русское войско почти одновременно съ Карломъ подошло къ Варшавѣ. — Такимъ образомъ въ нѣсколько недѣль почти все польское государство было покорено. Важнѣйшую половину его занимали шведы и Карлу X оставалось повидимому только рѣшить: принять ли на себя санъ короля польскаго или только присоединить къ Швеціи лучшія польскія области, уступивъ остальныя русскимъ.

Неожиданно быстрый успѣхъ Карла встревожилъ курфирста бранденбургскаго. Фридрихъ Вильгельмъ собралъ войско, вошелъ въ польскую Пруссію, убѣдилъ сеймъ этой области помогать ему въ оборонѣ ея отъ шведовъ. Въ Великой Польшѣ, Мазовіи, Литвѣ проявлялось желаніе отдаться подъ защиту курфирста, прогнать шведовъ при его помощи. Увидѣвъ опасность въ тылу у себя, Карлъ пошелъ въ польскую Пруссію, началъ войну съ курфирстомъ. Торнъ, Эльбингъ, многіе другіе города сдались шведамъ въ концѣ 1655 года; только Данцигъ упорно и успѣшно оборонялся. Бранденбургскія войска отступали; Карлъ вошелъ въ герцогство прусское и въ концѣ декабря подошелъ къ Кѣнигсбергу. Курфирстъ увидѣлъ, что ошибся въ расчетѣ и принужденъ былъ заключить съ Карломъ очень невыгодный для себя миръ. По Кѣнигсбергскому договору 7 января 1656 года онъ призналъ герцогство прусское леномъ короля шведскаго, обязался прислать въ шведское войско 1.500 человекъ, давать шведамъ свободный путь черезъ свои владѣнія, открыть свои гавани шведскому флоту, отдавать Швеціи часть таможенныхъ пошлинъ, собираемыхъ въ портовыхъ городахъ. За это Карлъ далъ ему въ ленное владѣніе епископство эрмеландское и освободилъ его отъ платежа ленной дани, которую платилъ онъ преждемъ сюзерену герцогства прусскаго королю польскому.

Успѣхи Карла были громадны, но не прочны. Новый вассалъ его курфирстъ бранденбургскій ждалъ только случая свергнуть его иго. Русскіе были ненадежные союзники, досадовали, что Карлъ остановилъ ихъ завоеванія, начинали ссориться съ нимъ. Нидерландская конфедерация была враждебна Карлу, желавшему овладѣть всѣми берегами Балтійскаго моря; она не могла допустить безусловнаго владычества Швеціи на немъ, возбуждала государей сѣверной Европы противъ Карла, сама снаряжала флотъ для войны съ нимъ. Союзъ съ Англіей, соперницей голландцевъ по морской торговлѣ оказывался бесполезенъ Карлу. Императоръ опасался, что честолюбивый король шведскій захочетъ по примѣру Густава Адольфа дѣлать завоеванія въ Германіи. Король датскій, постоянно опасавшійся нападенія шведовъ, готовился къ войнѣ; словомъ, Карлъ былъ окруженъ врагами.

Поляки покорялись Карлу безъ сопротивленія, пока онъ шелъ впередъ. Но когда онъ ушелъ въ Пруссію, они оправились отъ смущенія, въ которомъ поддавались ему. Паны и шляхта, измѣнявшіе Яну Казиміру, одушевились патріотизмомъ. Притомъ шведское владычество было нестерпимо: шведы грабили страну. Духовенство возбуждало народъ противъ короля-протестанта. Довольно многіе паны собрались въ Тысѣвицахъ, учредили 7 января 1656 г. конфедера-

цію, выбрали главнокомандующими ея Станислава Потоцкого и Ланц-коронского, послали въ Силезію къ Яну Казимиру приглашеніе возвратиться. По призыву пановъ поднялось возстаніе во всей Польшѣ, въ Литвѣ; шведское владычество поколебалось.

Но Карлъ Х былъ отваженъ; онъ пошелъ въ глубину Польши, сражался съ отрядами инсургентовъ. Въ февралѣ онъ разбилъ при Голомбѣ храбраго Чарнецкаго. Страдая отъ холодовъ и недостатка провіанта, шведы дошли до Ярославя. Но польскія войска, которыми командовали Чарнецкій, Конецпольскій, Любомірскій, постоянно увеличивались въ численности; видно было, что они подавлять шведовъ. Но поляки рассчитывали, что шведы погибнутъ и безъ сраженій отъ холода, изнуренія, недостатка провіанта; потому уклонялись отъ битвъ, только утомляли шведовъ мелкой партизанской войной. Въ мартѣ Карлъ увидѣлъ, что надобно ему отступать, пошелъ обратнымъ путемъ къ Варшавѣ; Чарнецкій и главнокомандующій литовскаго ополченія, князь Сапѣга, шли за нимъ, изнуряли шведовъ нападеніями мелкихъ отрядовъ, заперли армию Карла между Вислой и Саномъ; она спаслась отъ гибели только опаснымъ переходомъ черезъ Вислу по мосту еще недостроенному, а въ апрѣлѣ достигла Варшавы. Около того же времени Чарнецкій былъ разбитъ другимъ шведскимъ войскомъ у Гнѣзна.

У Карла погибло очень много солдатъ; шведы ослабѣли такъ, что не могли удержаться въ Польшѣ. Карлъ увидѣлъ необходимость искать спасенія себѣ въ союзѣ съ курфирстомъ бранденбургскимъ; отправился въ Пруссію вести переговоры съ нимъ и придать энергію осадѣ Данцига. Курфирстъ раздумывалъ, какой образъ дѣйствія будетъ выгоднѣе для него; онъ желалъ бы сохранять нейтралитетъ до той поры, когда станетъ ясно, на чьей сторонѣ будетъ побѣда; но нейтралитетъ былъ невозможенъ. Поляки досадовали на курфирста за его измѣну. Побѣда ихъ представлялась ему опасной. Потому, когда Карлъ обѣщалъ ему большія выгоды за помощь противъ поляковъ; онъ заключилъ (25 іюня 1656 г.) въ Маріэнбургѣ союзъ съ королемъ шведскимъ. Онъ обѣщался прислать Карлу 4.000 человекъ войска; Карлъ обѣщалъ отдать ему значительную часть Польши и облегчилъ условія его ленной зависимости.

Черезъ нѣсколько дней по заключеніи этого договора шведы принуждены были послѣ храброй обороны уйти изъ Варшавы (1 іюля). Въ той части Польши должна была рѣшиться судьба войны. Курфирстъ соединился съ шведской арміей у впаденія Буга въ Вислу; онъ привелъ гораздо больше войска, чѣмъ обѣщался; по соединеніи съ нимъ шведы имѣли до 25.000 человекъ; сила польскаго войска простиралась до 40.000. Близъ Варшавы, на берегахъ Вислы, началось рѣшительное сраженіе; оно длилось три дня (28—30 іюля) и кончилось совершеннымъ пораженіемъ поляковъ; войско ихъ разсѣялось. Побѣдители заняли безъ сопротивленія Варшаву и ограбили ее.

Но курфирстъ не хотѣлъ, чтобы Карлъ завоевалъ Польшу, потому что былъ бы тогда самъ подавленъ Карломъ; онъ хотѣлъ, чтобы сила Швеціи уравновѣшивалась силой Польши, покинулъ шведскую армию, отвелъ свое войско въ Пруссію, въ которую дѣлали набѣги татары, союзники поляковъ, и литовцы. Надобность обороняться отъ нихъ послужила благовиднымъ предлогомъ уйти отъ шведовъ. Безъ его помощи Карлъ не могъ пріобрѣсти важныхъ успѣховъ; польское войско быстро оправилось отъ пораженія; шляхта составила новую конфедерацію. Отряды шведскаго войска терпѣли неудачи; положеніе шведовъ, окруженныхъ непріятелемъ, становилось тяжелѣе съ каждымъ днемъ. Императоръ и нидерландская конфедерація ободряли поляковъ, обѣщали помогать имъ; отношенія шведовъ къ русскимъ становились таковы, что надобно было ожидать войны между ними. Поляки отвергли посредничество, предложенное французскимъ правительствомъ, сказавъ, что не можетъ быть рѣчи о мирѣ, пока шведы остаются въ Польшѣ. Данія готовилась къ войнѣ. Янъ Казиміръ пріѣхалъ въ Варшаву, потомъ въ Данцигъ, остававшійся вѣрнымъ Польшѣ и, при помощи голландскаго флота, отражавшій нападенія шведовъ. Въ октябрѣ (1656 года) Гонсевскій, начальствовавшій литовскимъ войскомъ, разбилъ на Лыкѣ бранденбургско-шведскій отрядъ графа Вальдека.

Положеніе Карла было такъ затруднительно, что онъ согласился на всѣ требованія курфирста бранденбургскаго, чтобы удержать его въ союзѣ со Швеціей, и 20 ноября (1656 года) былъ подписанъ въ Лабіау договоръ, по которому Карлъ освобождалъ курфирста отъ ленныхъ отношеній, признавалъ его независимымъ государемъ герцогства прусскаго, а онъ обѣщался помогать шведамъ въ оборонѣ отъ поляковъ. Но онъ остался союзникомъ очень ненадежнымъ и, полагая, что Карлъ будетъ побѣжденъ, сталъ вести переговоры съ поляками.

Карлу удалось пріобрѣсти новаго союзника. Юрій Ракоци, князь трансильванскій, хотѣлъ стать королемъ польскимъ или, по крайней мѣрѣ, овладѣть частью Польши. Ободряемый Карломъ, онъ въ январѣ 1658 г., пошелъ въ Польшу; одновременно съ нимъ вторглись въ Польшу казаки. Но Ракоци былъ человекъ бездарный, походъ его кончился неудачей; войско его, имѣвшее до 60.000 человекъ, состояло изъ разноплеменныхъ частей: тутъ были венгры, казаки, валахи; они не слушались Ракоци, дисциплины не было; большинство составляли люди, не обученные военному дѣлу. Ракоци взялъ крѣпость Бржескъ (въ маѣ 1657 г.), но потомъ тратилъ время, изнурялъ войско движеніями совершенно бесполезными. Датчане напали на нѣмецкія владѣнія Швеціи; Карлъ былъ принужденъ уйти туда, оставивъ Стенбока съ отрядомъ шведскаго войска при трансильванской арміи; Ракоци въ іюлѣ занялъ Варшаву, но уже видѣлъ, что его походъ кончится дурно, и падалъ духомъ. — За нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ онъ пошелъ въ Польшу, императоръ Фердинандъ III заключилъ союзъ съ Яномъ Казиміромъ. Императору хотѣлось, чтобы по смерти старика Яна Казиміра поляки выбрали королемъ одного изъ младшихъ его сыновей; Янъ Казиміръ обѣщался поддерживать эту кандидатуру. Договоръ о союзѣ между нимъ и Фердинандомъ былъ подписанъ 1 декабря 1656 года. По удаленіи Карла съ главными силами шведскаго войска въ Пруссію, австрійцы пошли въ Польшу противъ Ракоци; онъ совершенно оробѣлъ, почти все

войско его разбѣжалось; онъ пошелъ съ казаками въ Волынь; они покинули его; онъ принужденъ былъ заключить съ поляками миръ на унижительныхъ условіяхъ и возвратился въ Трансильванію.

Австрійцы, которыми командовали Монтекукколи и Гацфельдъ, пошли на шведовъ, остававшихся въ Польшѣ, осадили Краковъ, въ которомъ стоялъ шведскій гарнизонъ подъ начальствомъ Вюрца; шведы послѣ храброй обороны въ августѣ принуждены были сдать Краковъ. Но Янъ Казиміръ недовѣрялъ императору и желалъ мира; ему казалось, что для предотвращения новой опасности отъ шведовъ выгодно будетъ вступить въ союзъ съ курфирстомъ бранденбургскимъ; курфирстъ, какъ мы говорили, полагалъ, что Карлъ будетъ побѣжденъ своими многочисленными врагами, и что надобно перейти на ихъ сторону. Такимъ образомъ онъ вступилъ въ переговоры съ Яномъ Казиміромъ, и 19 сентября (1657 года) былъ подписанъ въ Велау оборонительный союзъ между Польшей и курфирстомъ бранденбургскимъ. Фридрихъ Вильгельмъ возвратилъ Польшѣ все свои завоеванія, и за это Польша признала его независимымъ государемъ герцогства прусскаго съ прибавленіемъ оговорки, что по прекращеніи мужской линіи потомства, его герцогство возвратится подъ власть Польши. Онъ и Янъ Казиміръ обѣщались помогать другъ другу въ оборонѣ отъ шведовъ. Черезъ нѣсколько недѣль курфирстъ и Янъ Казиміръ пріѣхали въ Бромбергъ для личныхъ объясненій; Янъ Казиміръ обѣщался отдать курфирсту Лауэнбургъ и Бютовъ (на границѣ Помераніи съ Пруссіей), отдать и Эльбингъ, когда онъ будетъ отнятъ у шведовъ, еще остававшихся въ немъ. Карлъ X, находившійся тогда на походѣ противъ датчанъ, былъ очень раздраженъ, узнавъ объ измѣнѣ курфирста бранденбургскаго. Фридрихъ Вильгельмъ готовился къ оборонѣ противъ него, заключилъ союзъ съ королемъ датскимъ (10 ноября 1657 г.) и съ императоромъ (9 февраля 1658 г.). Но союзники недовѣряли другъ другу.

Ходъ войны послѣ битвы подъ Варшавой измѣнился, потому что русскіе стали дѣйствовать противъ шведовъ. Алексѣй Михайловичъ, сынъ и преемникъ Михаила Ѳеодоровича, хотѣлъ, пользуясь разстройствомъ польскаго государства, овладѣть большею частью княжества литовскаго и Волынью. Остзейскія провинціи Швеціи оставались почти беззащитны, потому что лучшія войска оттуда были выведены въ Польшу. Въ іюнѣ 1656 г. русскіе пошли въ Ингерманландію и почти безъ сопротивленія заняли ее; оборонялись только слабые гарнизоны нѣсколькихъ крѣпостей; самъ царь повелъ 100.000 войско въ Лифляндію; русскіе опустошили ее. Нейгаузъ, Динабургъ, Кокенгузель отворили имъ ворота. Въ августѣ они подступили къ Ригѣ; но она имѣла сильныя укрѣпленія, а у русскихъ еще не было хорошихъ инженеровъ, и послѣ осады, продолжавшейся полтора мѣсяца, они отступили. Они осадили Дерптъ; малочисленный гарнизонъ его оборонялся больше двухъ мѣсяцевъ, но въ октябрѣ сдалъ городъ. Дерптъ сдѣлался базисомъ для ихъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій. Магнусъ

де-ла-Гарди мстилъ имъ за опустошеніе Лифляндіи набѣгами на русскія земли. Гонсевскій съ литовскимъ войскомъ тоже пришелъ въ Лифляндію и осадилъ Ригу, но тоже напрасно. Весь 1657 и почти весь 1658 годы были временемъ безпошаднаго опустошенія Лифляндіи. Но татары стали угрожать русскимъ; это заставило ихъ желать мира со шведами, и въ декабрѣ 1658 г. Россія заключила со Швеціей трехлѣтнее перемиріе, по которому оба государства остались во владѣніи землями, какія занимали тогда. На третій годъ былъ заключенъ 21 іюня (1661 года) Кардисскій миръ, по которому русскіе возвратили шведамъ свои завоеванія въ Лифляндіи и Эстляндіи.

b) войны Швеціи съ Даніей.

Мы говорили, что Карлъ, зашедши въ глубину Польши, получилъ извѣстіе о нападеніи датчанъ на шведскія земли въ Германіи и пошелъ туда прогнать датчанъ. По заключеніи Бремсеброскаго мира датчане постоянно опасались новаго нападенія шведовъ, стремившихся овладѣть всеми берегами Балтійскаго моря. Когда Карлъ запутался въ войну съ поляками и русскими, датчане разсудили, что должны воспользоваться благоприятнымъ случаемъ для предотвращения опасности отъ себя. Данія находилась въ разстроенномъ состояніи, не имѣла ни хорошаго войска, ни денегъ. Но сосѣднія съ ней шведскія владѣнія оставались почти беззащитны; русскіе и поляки тѣснили Карла; должно было полагать, что ему нельзя будетъ прійти на Эльбу съ сильнымъ войскомъ; императоръ обѣщалъ помощь королю датскому; Фридрихъ III, царствовавшій тогда въ Даніи, надѣялся, что слава побѣды укрѣпитъ его власть, и ему можно будетъ подавить аристократію, сильно стѣснявшую его; население земель, пріобрѣтенныхъ Швеціей въ Германіи и отнятыхъ у Даніи, было непріязненно шведскому владычеству. По этимъ разсчетамъ Фридрихъ III предложилъ датскому сейму начать войну со Швеціей, и въ февралѣ 1657 г. сеймъ одобрилъ его намѣреніе.

Датчане напали на шведовъ съ нѣсколькихъ сторонъ, датскій флотъ блокировалъ Готенбургъ и другія шведскія гавани; датскія войска вступили въ Галландію и въ епископство бременское. Но шведы ждали нападенія; графъ Браге, государственный камергеръ, принялъ мѣры обороны, созвалъ милицію въ Швецію; Стенбокъ, хорошій генералъ, пріѣхалъ изъ арміи, находившейся въ Польшѣ, принялъ начальство надъ шведскими войсками въ Галландіи и Сконии; однакоже въ этой части театра войны датчане не имѣли перевѣса; изъ Норвегіи они осенью перешли въ Йемерландію и Герьедаленъ, пріобрѣли и тамъ успѣхи. Но судьба войны была рѣшена въ самой Даніи. При первомъ извѣстіи о нападеніи датчанъ, Карлъ съ нѣсколькими тысячами отборнаго войска пошелъ изъ Польши въ Гольштинію, пришелъ туда въ іюнѣ 1657 г. и, почти не встрѣчая сопротивленія, занялъ Гольштинію, Шлезвигъ, Ютландію. Врангель

выгналъ датчанъ изъ бременскаго епископства; Карлъ взялъ штурмомъ сильную крѣпость Фридерисию. Но главной частью датскаго королевства были острова. Карлъ рѣшился переправиться на нихъ, чтобы скорѣе принудить датчанъ къ миру; ему надобно было спешить этимъ, чтобъ обратить свои силы противъ поляковъ, австрійцевъ и бранденбургцевъ.

Онъ не хотѣлъ дожидаться весны, когда проливы очистятся отъ льда и можно будетъ переплыть на датскіе острова. Та зима была очень сурова, и онъ рѣшился идти на датскіе острова по льду; это было дѣло чрезвычайно рискованное. Въ концѣ января 1658 года шведская армія перешла по льду черезъ Малый Бельтъ въ Фіонію; два эскадрона провалились подъ ледъ; датчане встрѣтили шведовъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ батарей мыса Ивернеса; но шведы вышли на берегъ, разогнали датское войско, бывшее на островѣ Фіоніи, взяли его въ плѣнъ. Съ Фіоніи Карлъ хотѣлъ идти въ Зеландію черезъ Большой Бельтъ, который гораздо шире Малаго. Осторожные люди говорили, что ледъ слабъ, что можетъ наступить оттепель, и все войско потонетъ. Но Карлъ не послушалъ ничего; шведы пошли не прямымъ путемъ черезъ всю ширину пролива, а черезъ острова Лангеландъ, Лаландъ, Фальстеръ; проливы между которыми менѣе широки. Переходъ былъ сдѣланъ въ началѣ февраля. «Страшное дѣло было идти ночью по морскому льду», говоритъ одинъ изъ современниковъ, «лошади растоптали снѣгъ, вода стояла на льду выше локтя и каждую минуту должно было опасаться, что дойдешь до мѣста, гдѣ море осталось открытымъ.» Но рискованный переходъ удался, шведы пришли въ Зеландію и подступили къ Копенгагену, очень плохо укрѣпленному съ сухопутной стороны.

Датчане не могли продолжать сопротивленія; Карлъ хотѣлъ кончить войну съ ними, чтобъ обратиться противъ другихъ своихъ враговъ, потому принялъ посредничество англійскаго и французскаго посланниковъ и 28 февраля (1658 года) заключенъ былъ въ Рескильдѣ миръ; условія были очень тяжелы для датчанъ. Данія и Швеція взаимно обѣщались не впускать иностранныхъ флотовъ. Данія отдала Швеціи Скопю, Блекинге, Галландію, Дронгтеймъ, Богуслевъ, островъ Борнгольмъ. Такимъ образомъ южная часть шведской земли была присоединена къ шведскому государству; отвѣта Карла возбуждала удивленіе всей Европы.

Голландцы, недовольные тѣмъ, что шведы приобрѣли преобладаніе на Балтійскомъ морѣ, возбуждали датчанъ возобновить войну, обѣщали помогать имъ; курфирстъ бранденбургскій, поляки, императоръ тоже обѣщали свою помощь. Карлъ видѣлъ, что датчане готовятся снова напасть на него, и самъ напалъ на нихъ, пока они еще не были готовы къ войнѣ.

Предлогомъ къ возобновленію войны онъ взялъ то, что датчане не согласились послать эскадру для того, чтобы не пускать голландскихъ военныхъ

кораблей въ Балтійское море; шведскія войска еще стояли въ Даніи. Карлъ въ августѣ 1658 г. вновь подступилъ къ Копенгагену. Но на этотъ разъ ошибся къ надеждѣ, что застанетъ городъ не приготовленнымъ къ оборонѣ. Датчане думали, что Карлъ хочетъ отнять у нихъ независимость, присоединить Данію къ Швеціи; потому рѣшились обороняться до послѣднихъ силъ. Они успѣшно укрѣпили стѣны Копенгагена. Горожане и студенты поступили въ ряды войска. Карлъ увидѣлъ невозможность взять Копенгагенъ штурмомъ безъ всякихъ приготовленій, долженъ былъ начать правильную осаду. Въ сентябрѣ Врангель взялъ крѣпость Кроненборгъ, господствовавшую надъ Зундомъ. Но Копенгагенъ продолжалъ обороняться. Осадныя работы велъ Стенбокъ: онѣ подвинулись такъ близко къ стѣнамъ, что шведы стали бомбардировать городъ. Онъ во многихъ мѣстахъ загорался; въ немъ начался голодъ. Но въ октябрѣ приплылъ голландскій флотъ подъ начальствомъ Ондама; шведы хотѣли остановить его въ проливѣ Эресундѣ; при всей своей храбрости они были побѣждены, голландскій флотъ прошелъ въ Копенгагенъ. Карлъ принужденъ былъ снять осаду.

Курфирстъ бранденбургскій соединился съ Мовтекукколи, начальникомъ австрійскаго отряда, и Чарнецкимъ, который привелъ въ Померанію польское войско; всѣ вмѣстѣ они пошли въ Гольштинію, занятую шведами, отбѣснили ихъ въ Ютландію, заняли южную часть ея. Возникло сопротивленіе шведскому господству въ областяхъ, отданныхъ Даніей Карлу. Датчане подступили къ Дронгтейму, и въ декабрѣ шведскій гарнизонъ принужденъ былъ сдать городъ. Жители Борнгольма прегнали шведское войско съ своего острова и возвратились подъ власть короля датскаго. Союзники нападали на шведовъ въ Помераніи, въ польской Пруссіи. Поляки и австрійцы осадили Торпъ. Послѣ долгой обороны шведскій гарнизонъ сдался въ декабрѣ 1658 г. Въ февралѣ 1659 г. Карлъ сдѣлалъ попытку взять Копенгагенъ штурмомъ. Онъ выбралъ для этого ночное время; послѣ очень упорнаго боя шведы были отражены съ большимъ уропомъ и ушли въ свои укрѣпленныя позиціи по датскимъ островамъ. Карлъ велъ переговоры съ англичанами, и нѣкоторое время казалось ему, что они, по торговому союзерничеству съ голландцами, станутъ помогать ему. Сильный англійскій флотъ приплылъ въ Зундъ. Но Ричардъ Кромвелль, пославшій его, былъ низвергнутъ; въ Англіи начались волненія, флотъ былъ отозванъ. Голландцы снова могли дѣлать на Балтійскомъ морѣ все, что хотѣтъ, и прекратили сообщенія между Швеціей и войсками Карла на датскихъ островахъ.

Со взятіемъ Фридериси вся Ютландія была очищена отъ шведовъ. Только на датскихъ островахъ Карлъ оставался непобѣжденнымъ. Въ Помераніи и Пруссіи война возобновилась сильнѣе прежняго: осенью (1659 года) Де Сущъ привелъ изъ Силезіи большое императорское войско въ шведскую Померанію; туда же пришелъ съ главными силами союзниковъ курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ; они взяли нѣсколько крѣпостей, были несогласны между собой, потому успѣхъ ихъ былъ не полонъ. Штеттинъ выдержалъ всѣ ихъ нападенія. Бранденбургскій генералъ Квастъ съ отрядомъ, въ которомъ находились бранденбургцы, поляки и австрійцы, переплылъ въ ноябрѣ на голландскихъ корабляхъ въ Фіонію, разбилъ при Ньюборгѣ шведскій отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Филиппа, пфальцграфа Зульцбахскаго. Но Карлъ оставался еще упрямымъ; онъ уже понималъ, что

не удержится против многочисленных врагов, и однако же не хотѣлъ покинуть крѣпкихъ своихъ позицій въ Зеландіи, послалъ распоряженіе, чтобъ изъ Швеціи было сдѣлано нападеніе на Норвегію. Принудить его къ миру было бы трудно. Но онъ неожиданно умеръ 23 февраля 1660 года.

Его смерть облегчила заключеніе мира. Регентство, принявшее на себя управленіе Швеціей, не заявляло чрезмѣрныхъ требованій: истощеніе финансовъ, разстройство войска заставляли его желать мира. Англія, Голландія, Франція заключили между собою въ Гагѣ соглашеніе объ условіяхъ, на которыхъ можетъ быть заключенъ миръ и приняли на себя посредничество въ переговорахъ о немъ. Собрался конгрессъ въ монастырѣ Оливѣ близъ Данцига, и послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ былъ 3 мая 1660 подписанъ трактатъ, по которому Швеція примирилась съ Польшей, императоромъ и курфирстомъ бранденбургскимъ. Обѣ стороны возвратили одна другой свои завоеванія. Король польскій отказался отъ притязаній на шведскій престолъ, призналъ всю Лифляндію принадлежащей Швеціи. Герцогство прусское было признано освобожденнымъ отъ ленныхъ отношеній къ Польшѣ.

Черезъ мѣсяць, 5 июня, былъ подписанъ въ Копенгагенѣ миръ между Даніей и Швеціей; датчане согласились прекратить войну, потому что голландцы перестали поддерживать ихъ и вызвали свой флотъ изъ Балтійскаго моря. По Копенгагенскому миру были восстановлены условія Рёскильдскаго мира за исключеніемъ того, что Дронтеймъ и островъ Борнгольмъ были возвращены Даніи и было отмѣнено прежнее взаимное обязательство Швеціи и Даніи не впускать никакихъ чужихъ флотовъ въ Балтійское море.

Въ 1666 году Фридрихъ Вильгельмъ подчинилъ своей власти архіепископство магдебургское; администраторомъ этой области былъ тогда Августъ, принцъ саксонскій. По его смерти она должна была перейти во владѣніе курфюрста бранденбургскаго, которому было предоставлено право потребовать отъ населенія присяги на вѣрность ему еще при жизни Августа. Вся область дала присягу, не соглашаясь дать ее только городъ Магдебургъ, желавшій сохранить за собою права имперскаго города. Курфюрстъ въ 1666 году подступилъ съ сильнымъ войскомъ. Граждане принуждены были присягнуть на вѣрность ему; онъ далъ обѣщаніе, что оставитъ неприкосновенными права ихъ. По смерти Августа въ 1680 году магдебургская область была присоединена къ бранденбургскому государству.

3. Подавленіе правъ сейма въ герцогствѣ прусскомъ.

Герцогство прусское сильно пострадало отъ войны; налоги были тяжелы и становились во время войны съ каждымъ годомъ тяжелѣе; потому въ населеніи было недовольство Фридрихомъ Вильгельмомъ.

Особенно сильно было оно между дворянствомъ и гражданами Кенигсберга. Сеймъ въ 1661 году протестовалъ противъ отторженія герцогства прусскаго отъ Польши, потому что оно сдѣлано было безъ его согласія, вредно для его привиллегій, и потому что независимость отъ Польши не будетъ полезна ни населенію герцогства, ни курфюрсту. Недовольство сейма уничтоженіемъ ленной зависимости отъ Польши объясняется тѣмъ, что король польскій, будучи сюзереномъ герцогства, принималъ иногда жалобы сейма на притѣсненія герцоговъ прусскихъ и принуждалъ ихъ соблюдать законы.

Курфюрстъ, получивъ независимость, отказался утвердить права сейма; въ герцогствѣ стали говорить, что его управленіе деспотичнѣе турецкаго, и что слѣдуетъ всѣми силами стараться о восстановленіи свободы. Главныя требованія сейма были: курфюрстъ не долженъ ни начинать войны, ни заключать союзовъ, ни вводить въ герцогство иностранныхъ войскъ безъ согласія сейма, не долженъ безъ его согласія устанавливать новыхъ налоговъ; сеймъ собирается каждыя два года, хотя бы курфюрстъ и не созывалъ его. Нарушеніе правъ сейма курфюрстомъ освобождаетъ герцогство отъ присяги, данной ему. Курфюрстъ требовалъ, чтобы присяга была дана на основаніи предложеннаго имъ закона, установившаго почти неограниченную власть государя. Сеймъ не захотѣлъ и совѣщаться объ этомъ законѣ. Герцогство волновалось; граждане Кенигсберга отправили въ Варшаву посла съ просьбой о помощи и говорили, что быть подданными у чорта лучше, нежели жить подъ такимъ угнетеніемъ. Курфюрстъ привелъ войско къ Кенигсбергу, и въ ноябрѣ 1662 года городъ принужденъ былъ покориться; въ мартѣ 1663 г. было установлено соглашеніе съ сеймомъ. Курфюрстъ заявилъ сейму свое извиненіе въ томъ, что нарушилъ его права, заключивъ безъ его согласія съ Польшею договоръ, сдѣлавшій герцогство независимымъ отъ нея, и обѣщавшись по дѣламъ, касающимся герцогства, спрашивать согласія сейма и не рѣшать ничего безъ него; обѣщавшись не переступать тѣхъ границъ власти, какія установлены для него договорами между Пруссіей и Польшею и законами герцогства; утвердилъ всѣ права сейма; въ частности обѣщавшись не начинать безъ согласія сейма никакой войны, которая касалась бы герцогства, не вводить никакихъ налоговъ безъ утвержденія ихъ сеймомъ, созывать сеймъ въ законные сроки. Въ октябрѣ (1663 года) сеймъ присягнулъ на вѣрность курфюрсту. Но несогласія возобновлялись и послѣ того. Курфюрстъ постоянно нарушалъ свои обѣщанія, требовалъ установленія новыхъ налоговъ; съ большей суровостью и несправедливостью требовалъ возвращенія ему тѣхъ коронныхъ имѣній, которыя были заложены, и при малѣйшей возможности найти какіе-нибудь формальные недостатки въ документахъ, по которымъ эти имѣнія перешли во владѣнія землевладельцевъ, конфисковалъ ихъ. Вождь оппозиціи Калькштейнъ уѣхалъ въ 1669 году въ Варшаву, убѣждалъ польское правительство восстановить прежнія ленныя отношенія герцогства. Курфюрстъ требовалъ выдачи его; польское правительство отказало въ этомъ; бранденбургскій резидентъ въ Варшавѣ Брандъ, исполняя приказаніе герцога, схватилъ (30 ноябрю 1670) Калькштейна и отослалъ въ Пруссію. Польское правительство было раздражено этимъ нарушеніемъ международнаго права и требовало возвращенія Калькштейна, угрожая войной. Курфюрстъ извинялся, говорилъ, что арестованіе Калькштейна было сдѣлано безъ его приказанія. Калькштейнъ былъ привезенъ въ Мемель, преданъ суду, съ нарушеніемъ законовъ осужденъ на смерть и (8 ноябрю 1671) казненъ.

4. Шведскія войны въ семидесятыхъ годахъ.

Мы говорили, что Фридрихъ Вильгельмъ усерднѣ всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государей принималъ участіе въ войнахъ для защиты Германіи отъ завоеваній Людовика XIV; король французскій хотѣлъ наказать его за это и принудить къ тому, чтобъ онъ увелъ свои войска съ Рейна. Въ Швеціи была сильная французская партія, во главѣ которой стоялъ государственный маршалъ Магнусъ де-ла-Гарди. Въ апрѣлѣ 1672 былъ заключенъ между Франціей и Швеціей договоръ, по которому онъ гарантировалъ одна другой свои нѣмецкія завоеванія, и Швеція обязалась помогать Франціи въ войнѣ противъ голландцевъ, если имъ будетъ помогать какое-нибудь другое государство; Франція за это платила Швеціи субсидію. Людовикъ потребовалъ, чтобы шведы напали на владѣнія курфюрста бранденбургскаго; имъ не хотѣлось воевать, но Людовикъ грозилъ прекратить субсидіи; они принуждены были исполнить его требованіе.

Въ декабрѣ 1674 года фельдмаршалъ Карлъ Густавъ Врангель повелъ изъ бременской области и Помераніи войско въ сосѣднюю часть курфюршества бранденбургскаго, Укерскую Марку, въ которой не было войскъ и расположился тамъ на зимнія квартиры. Іоаннъ Георгъ князь ангальтъ-дессаускій, управлявшій курфюршествомъ въ отсутствіе Фридриха Вильгельма, сталъ собирать войско. Шведы сначала не обижали населенія; потомъ стали собирать контрибуціи; эти поборы увеличились, когда главнокомандующимъ вмѣсто большаго старика фельдмаршала былъ назначенъ его братъ Вольмаръ Врангель. Поселяне стали защищаться отъ поборовъ, шведскіе солдаты начали грабить, поселяне вели противъ нихъ партизанскую войну. Шведы подвигались дальше и въ іюнѣ 1675 года овладѣли всѣмъ теченіемъ Гавеля, заняли Бранденбургъ, Ратеновъ, Гавельбергъ.

Курфюрсту было повидимому пріятно, что шведы начали войну съ нимъ. При первомъ извѣстіи о ихъ нападеніи онъ сказалъ: «За это они могутъ поплатиться Помераніей.» Въ маѣ (1675 года) онъ поѣхалъ въ Гагу, получилъ отъ нидерландской республики обѣщаніе помощи флотомъ и сталъ готовиться къ походу съ Рейна въ свое государство; онъ пошелъ быстрыми переходами, пришелъ 21 іюня въ Магдебургъ, оттуда съ конницей и съ посаженнымъ на телѣги отрядомъ отборной пѣхоты двинулся со всевозможной быстротою впередъ, чтобы захватить центральный пунктъ шведскихъ позицій Ратеновъ. Шведы не знали, что онъ такъ близко, и онъ 25 іюня напалъ неожиданно для нихъ на ту часть ихъ войска, которая стояла въ Ратеновъ. Послѣ упорной обороны въ улицахъ города она была отчасти истреблена, отчасти разсѣяна; двѣ другія части шведскаго войска, стояв-

шія въ Гавельбергъ и Бранденбургъ, были отрѣзаны одна отъ другой. Онѣ начали отступать, чтобы соединиться; курфюрстъ быстро шелъ впередъ, не дожидаясь главныхъ своихъ силъ, и 28 іюня достигъ главную часть шведскаго войска близъ Фербеллина. У него было только 5.000 человекъ; у шведовъ, которыми командовалъ Врангель, вдвое больше; но послѣ упорнаго боя, длившагося нѣсколько часовъ, шведы принуждены были отступить съ поля сраженія. Побѣда при Фербеллинѣ прославила Фридриха Вильгельма и бранденбургскую армію.

Шведы торопливо отступали у Витштока, соединились съ другимъ своимъ отрядомъ, но и послѣ того не могли держаться въ бранденбургскихъ владѣніяхъ, ушли въ Висмаръ. Фридрихъ Вильгельмъ хотѣлъ отнять у нихъ всѣ владѣнія въ Германіи; императоръ прислалъ на помощь ему отрядъ войска. Бернгардъ фонъ Галенъ, епископъ мюнстерскій, вступившій въ союзъ съ нимъ, помогъ ему занять епископство бременское. Герцоги ганноверскій и люнебургскій и король датскій присоединились къ союзу противъ шведовъ. Но между союзниками было много несогласій, потому нѣсколько мѣсяцевъ прошло безъ серьезныхъ военныхъ дѣйствій; они начались только уже въ октябрѣ. Главнымъ театромъ войны стала шведская Померанія. Датчане и бранденбургцы въ концѣ 1675 и въ началѣ 1676 года заняли значительныя части ея и въ августѣ (1676 года) взяли сильную крѣпость Анкланъ.

Голландскій флотъ, соединившись съ датскимъ, разбилъ шведскій флотъ у Эландъ (въ іюнѣ 1676). Сообщенія Швеціи съ нѣмецкими ея владѣніями были теперь прекращены. Шведы ожидали нападенія датчанъ на Сконію и Галландію; молодой король Карлъ XI упалъ духомъ. Король датскій Христіанъ V принялъ съ 16.000-нымъ войскомъ въ Сконію, взялъ нѣсколько крѣпостей; землевладѣльцы Сконіи, датчане, вошли въ сношеніе съ нимъ; масса населенія Сконіи также была расположена возвратиться подъ власть Дани, вела партизанскую войну съ отрядами шведовъ, оставшимися въ этой области. Другое датское войско вошло изъ Норвегіи въ Богусленъ, заняло всю Вестготландію. Но шведы ободрились отъ перваго испуга, ободрился и Карлъ XI, собралъ 15.000-ное войско, вошелъ въ Сконію, и въ декабрѣ шведы, главнокомандующимъ которыхъ былъ фельдмаршалъ Гельмфельдъ, разбили датчанъ подъ Лундомъ. Въ іюнѣ слѣдующаго (1677) года датчане были отражены отъ крѣпости Мальмѣ; но въ іюлѣ шведскій флотъ, поплывшій въ Померанію, былъ разбитъ соединенными флотами голландскимъ и датскимъ. Около того же времени шведы одержали побѣду при Ландскронѣ, но въ августѣ датчане разбили подъ Уддеваллой другое шведское войско, которымъ командовалъ Де-ла-Гарди. Въ августѣ 1678 года Карлъ взялъ Христіанитадъ, а Степбоксъ принудилъ датчанъ отступить отъ осажденнаго ими Богуса. Но рѣшительныхъ успѣховъ шведы не одержали.

Главнымъ желаніемъ курфюрста бранденбургскаго было овладѣть Штеттиномъ, сильнѣйшимъ оплотомъ шведскаго владычества въ По-

мераніи. Въ августѣ 1677 года онъ съ большимъ войскомъ осадилъ эту крѣпость; шведскій гарнизонъ ея долго сопротивлялся, но въ декабрѣ курфирстъ взялъ Штеттинъ. Переговоры о мирѣ между Людовикомъ и воевавшей противъ него коалиціею шли такъ, что курфирстъ бранденбургскій потерялъ надежду сохранить всѣ завоеванія, какія сдѣлалъ у шведовъ, но думалъ, что ему будетъ оставлена хотя часть ихъ, потому энергически продолжалъ войну, овладѣлъ въ сентябрѣ 1678 года Рюгеномъ, въ октябрѣ Стральзундомъ, въ ноябрѣ послѣдней крѣпостью, остававшейся у шведовъ въ Помераніи Грейфвальдомъ.

Въ 1677 году Карлъ задумалъ по внушенію Людовика XIV лѣтъ съ войскомъ изъ Лифляндіи въ герцогство прусское, населеніе котораго было недовольно деспотизмомъ Фридриха Вильгельма и обременительностью податей. Король польскій Собіескій находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Людовикомъ, и французы убѣдили его заключить съ королемъ шведскимъ договоръ, по которому онъ обѣщался помогать Карлу. Но приготовленіе къ походу шли медленно, чѣмъ желалъ Собіескій, и въ досадѣ онъ отложилъ мысль о войнѣ, дозволивъ только вербовать на французскія деньги войско въ польской Пруссіи. Въ ноябрѣ 1678 года Горнякъ съ небольшимъ шведскимъ войскомъ вошелъ въ герцогство прусское; но въ январѣ (1679 г.) пришелъ туда курфирстъ съ болѣе сильнымъ войскомъ; шведы принуждены были торопливо отступать, теряли много людей въ мелкихъ сраженіяхъ и отъ изнуренія, такъ что у Горняка оставалось только 1.500 человекъ, когда онъ пришелъ въ Ригу, до самыхъ стѣнъ которой преслѣдовали его бранденбуржцы.

Всѣ побѣды Фридриха Вильгельма остались безполезны для него. На неймегенскомъ конгрессѣ было по требованію Людовика рѣшено, что шведамъ возвращаются всѣ владѣнія, принадлежавшія имъ до начала войны. Фридрихъ Вильгельмъ не хотѣлъ согласиться на это. Но французскія войска пошли въ его рейнскія владѣнія; Людовикъ угрожалъ послать войско и въ Бранденбургъ; Фридрихъ Вильгельмъ принужденъ былъ покориться необходимости и по Сенъ-Жерменскому миру съ Франціей и Швеціей, подписанному 29 іюня 1679 г., возвратилъ Швеціи всѣ свои завоеванія; ему были оставлены лишь нѣсколько небольшихъ мѣстностей на правомъ берегу Одера; кромѣ того Людовикъ далъ ему нѣсколько денегъ. Черезъ три мѣсяца былъ заключенъ миръ между Даніей и Швеціей; по договору, подписанному 6 октября въ Лундѣ, были восстановлены границы между ними, опредѣленные копенгагенскимъ договоромъ. — Императоръ не поддерживалъ Фридриха Вильгельма при переговорахъ въ Неймегенѣ, напротивъ охотно согласился съ Людовикомъ, что всѣ завоеванія курфирста бранденбургскаго должны быть возвращены Швеціи, и одинъ изъ императорскихъ министровъ объяснилъ это словами: «Его императорскому величеству не прилично желать, чтобы возникъ новый вандалскій король на Балтійскомъ морѣ.» Фридрихъ Вильгельмъ

былъ такъ озлобленъ на императора, что не хотѣлъ послѣ того противиться захватамъ Людовика XIV въ Германіи.

5. Послѣдніе годы правленія Фридриха Вильгельма.

Первая супруга Фридриха Вильгельма Луиза, принцесса оранская, умерла въ 1667 году. Онъ снова женился; второю супругой его была Доротея, принцесса Гольштейнъ-Глюкбургская. Отъ обоихъ браковъ были у него сыновья; это повело къ большимъ ссорамъ въ его семействѣ. Доротея, женщина властолюбивая, желала какъ можно лучше устроить судьбу своихъ сыновей. По ея внушенію Фридрихъ Вильгельмъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ назначалъ младшимъ своимъ сыновьямъ удѣлы съ правительственной властью въ нихъ. Фридрихъ, второй сынъ его отъ Луизы, бывшій теперь по смерти старшаго брата Карла Эмилія наслѣдникомъ престола, поссорился съ отцомъ такъ сильно, что уѣхалъ въ Кассель. Раздраженный отецъ хотѣлъ лишить его наслѣдства, но скоро помирился съ нимъ, и онъ возвратился въ Берлинъ. Бранденбургская династія имѣла притязанія на силезскія области, принадлежавшія прежде герцогамъ Йегерндорфскимъ и лигницкимъ; у ней были съ этими династіями договоры о взаимномъ наслѣдованіи владѣній. Но силезскіе герцоги были вассалами королей богемскихъ, и богемскіе короли никогда не признавали за ними права заключать договоры подобнаго рода, нарушающіе права сюзерена. По феодальному праву, владѣнія вассала, по прекращеніи мужской линіи потомства, переходили подъ непосредственную власть сюзерена. На этомъ основаніи габсбургская династія, сдѣлавшаяся владѣтельницей королевства богемскаго, присоединила по прекращеніи Йегерндорфской и лигницкой династій владѣнія ихъ къ своимъ непосредственнымъ владѣніямъ. Когда императору Леопольду понадобилась помощь Фридриха Вильгельма въ войнѣ съ турками, онъ предложилъ курфирсту швибусскій округъ въ вознагражденіе за отказъ отъ притязаній на герцогства Йегерндорфское и лигницкое. Курфирстъ согласился, и 22 марта 1686 былъ заключенъ въ Берлинѣ тайный договоръ, по которому Фридрихъ Вильгельмъ отказался отъ притязаній на всякія другія владѣнія въ Силезіи, обѣщался помогать императору въ войнѣ съ турками и поддерживать его притязанія на испанское наслѣдство. Этотъ договоръ былъ заключенъ курфирстомъ по секрету отъ его министровъ. Наслѣдникъ курфирста Фридрихъ былъ тогда въ ссорѣ съ отцомъ и австрійское правительство, давъ ему 10.000 дукатовъ, взяло съ него обѣщаніе, что когда онъ наслѣдуетъ престолу, то возвратитъ швибусскій округъ императору. Черезъ нѣсколько лѣтъ по полученіи престола онъ исполнилъ свое обѣщаніе (въ 1695 году).

Фридрихъ Вильгельмъ умеръ 29 апрѣля 1688. То распоряженіе его завѣщанія, по которому онъ назначалъ младшимъ сыновьямъ удѣлы съ правительственной властью, осталось неисполненнымъ. Новый курфирстъ и министры справедливо нашли, что оно противорѣчитъ и государственному благу и династическому закону бранденбургскаго дома, установившему нераздѣльность государства. Младшіе братья Фридриха согласились на то, чтобы вмѣсто удѣловъ съ правительственной властью имъ были даны имѣнія на обыкновенныхъ правахъ собственности.

Фридрихъ Вильгельмъ, получившій у нѣмецкихъ историковъ названіе Великаго Курфирста, справедливо считается основателемъ могущества и славы государства, которое при его преемникѣ стало называться королевствомъ прусскимъ. Онъ нашелъ Бранденбургъ опустошеннымъ и ослабѣвшимъ, герцогство прусское находящимся подъ ленною властью короля польскаго. Сеймъ герцогства мало повиновался курфирстамъ бранденбургскимъ, находя себѣ у короля польскаго защиту противъ ихъ произвольныхъ распоряженій. Оставалась нѣсколько стѣснена власть курфирста и въ бранденбургскихъ владѣніяхъ. Фридрихъ Вильгельмъ уничтожилъ ленную зависимость герцогства прусскаго отъ Польши, подавилъ всякое сопротивленіе своей волѣ и въ бранденбургскихъ владѣніяхъ. Онъ сформировалъ сильное войско, приобрѣлъ довольно большое значеніе въ общемъ ходѣ дѣлъ Германіи и всей Западной Европы, одержалъ много побѣдъ; благоразумнымъ управленіемъ онъ помогъ населенію своего государства оправиться отъ разоренія, которому подверглось оно въ тридцатилѣтнюю войну. Своей неограниченной властью онъ пользовался благоразумно и не дѣлалъ деспотическихъ распоряженій иначе какъ по убѣжденію въ надобности ихъ для возвышенія могущества государства.

6. Царствованіе Фридриха I.

Фридрихъ, бывшій третьимъ курфирстомъ бранденбургскимъ этого имени, не имѣлъ ни ума, ни твердости воли своего отца, не былъ ни государственнымъ человѣкомъ, ни полководцемъ, заботился не столько о серьезныхъ интересахъ своей власти, сколько о блескѣ. Отецъ его тоже окружалъ себя великолѣпіемъ, но только въ случаяхъ надобности показать свое богатство и могущество, и умѣлъ держать расходы на пышность двора въ границахъ своихъ денежныхъ средствъ. Курфирстъ Фридрихъ III любилъ пышность по тщеславію и по пристрастію къ праздникамъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ его дворъ не уступалъ блескомъ версальскому, и не зналъ границъ своей расточительности.

Впрочемъ онъ тратилъ довольно много денегъ и на удовлетвореніе другой стороны своего тщеславія, имѣвшей благородное направленіе: онъ хотѣлъ славиться какъ покровитель искусства и науки. Онъ былъ человѣкъ довольно образованный; вторая супруга его Софія Шарлотта, дочь герцога ганноверскаго Эрнста Августа, была женщина очень образованная, находившая удовольствіе въ разговорахъ съ умными и учеными людьми, въ научныхъ занятіяхъ; не чуялся серьезный разговоръ и онъ. Въ 1692 г. онъ основалъ въ Галле университетъ для оживленія лютеранской теологіи, ставшей мертвой формалистикой въ лейпцигскомъ и виттенбергскомъ уни-

верситетахъ; основалъ въ Берлинѣ академію художествъ и ученое общество, которое находилось подъ предсѣдательствомъ Лейбница оказало много пользы успѣхамъ математическихъ и естественныхъ наукъ и лингвистики. Въ галльскомъ университетѣ принесъ большую пользу развитію нѣмецкой образованности Томазіусъ. Фридрихъ приглашалъ въ Берлинъ художниковъ и ученыхъ; назовемъ изъ нихъ скульптора и архитектора Шлутера и великаго юриста Пуфендорфа. Заботился Фридрихъ и объ улучшеніи народныхъ школъ; онъ построилъ въ Берлинѣ много великолѣпныхъ сооружений. Въ сосѣдней съ Берлиномъ загородной курфиршеской резиденціи Липцбургъ Шарлотта Софія отбрасывала стѣснительныя формы придворнаго этикета, проводила время въ разговорахъ съ учеными людьми, литераторами, занималась музыкой. Въ память о пей эта любимая ея резиденція стала называться Шарлоттенбургомъ.

Въ иностранной политикѣ Фридрихъ III вообще держался отцовскихъ правилъ, принималъ довольно энергическое участіе въ общихъ европейскихъ дѣлахъ, поддерживалъ протестантовъ. Онъ много помогъ экспедиціи Вильгельма III въ Англію; онъ имѣлъ нѣмецкій патриотизмъ или по крайней мѣрѣ вражду къ Людовику XIV; правда, сближался иногда съ нимъ, но вообще поддерживалъ императора въ войнахъ съ французами и турками.

Фридрихъ III не могъ самъ управлять дѣлами; въ первые годы правленія онъ предоставлялъ почти безграничную власть своему бывшему воспитателю Дункельману, человѣку умному и дѣльному; но и Дункельману было невозможно вести дѣло уснѣшно; этому мѣшали прихоти Фридриха, его легкомысліе, тщеславіе и расточительность; суровый, надменный и скупой Дункельманъ сталъ въ тягость Фридриху; въ милость къ курфирсту вопелъ корыстолюбивый интригантъ баронъ Кольмъ фонъ Вартенбергъ. Замѣтивъ, что утратилъ расположеніе курфирста, Дункельманъ въ ноябрѣ 1697 попросилъ отставки и получилъ ее. Но Вартенбергу и другимъ интригантамъ, ненавидѣвшимъ его, было мало, что онъ удался отъ дѣлъ; они внушили курфирсту, что онъ по досадѣ на немилость можетъ открыть иностраннымъ правительствамъ государственныя секреты. Курфирстъ велѣлъ арестовать Дункельмана, заключить въ крѣпость, конфисковать его имущество, предать его суду. Обвиненія его были лживы, многія изъ нихъ нелѣпы до смѣшнаго, такъ что судъ при всемъ усердіи нарушать въ угожденіе курфирсту законныя формы процесса, не могъ пайти Дункельмана виновнымъ. Но Фридрихъ держалъ его десять лѣтъ въ темницѣ и потомъ, освободивъ изъ крѣпости, оставилъ подъ строгимъ стѣснительнымъ надзоромъ. Только по смерти Фридриха старикъ получилъ полную свободу. По низверженіи Дункельмана, государствомъ сталъ править Вартенбергъ.

Въ дѣлахъ иностранной политики Фридрихъ не приобрѣлъ никакихъ серьезныхъ успѣховъ; но болѣе чѣмъ достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ неудачи было въ его мнѣніи то, что ему удалось приобрести повышеніе титула. Правда, впрочемъ, что оно было совершенно лишено значенія въ тѣ времена. Всѣ правительства придавали тогда большую важность вопросамъ о церемоніаль. Еще при

отца Фридриха возникла мысль, что бранденбургское государство, превосходившее величиной все другие немецкие курфиршества, должно быть поставлено по титулу наравне с королевствами; юридическим основанием для этого было выставляемо то, что курфирст имеет владения, не принадлежащая к составу немецкой империи; этому владению, герцогству прусскому, можно было дать титул королевства, не изменяя тем формальных отношений между государем курфиршества бранденбургского и другими курфирстами.

Важнее всего было получить согласие императора. Он долго отказывался исполнить просьбу Фридриха о возвышении герцогства прусского на степень королевства; возражали против этого и другие европейские государи; переговоры тянулись очень долго. Бранденбургский посланник в Веймар Бартольди уже отказался от всякой надежды; но иезуит Вота, духовник Августа, курфирста саксонского и короля польского, подал Фридриху совет достиг цели помимо императора: королевский сан может дать ему папа; пусть он обратится с своей просьбой к папе. Император не захотел, чтобы дело было вырвано из его рук папой; отчасти помогло успеху и случайное обстоятельство: Фридрих по ошибке в шифре адресовал иезуиту Вольфу, имевшему большое влияние при веймарском дворе, письмо, которое следовало отправить к бранденбургскому посланнику. Вольф был очень польщен тем, что курфирст бранденбургский поручает ему свое дело, и стал усердно хлопотать в пользу Фридриха. Но решительный оборот переговоров в Веймар дала серьезная надобность императора сбавить угождение Фридриху, чтобы приобрести его помощь в войне за испанское наследство. Получив от Фридриха обязательство подать при будущих выборах императора голос за австрийского государя и поддерживать императора во всех вопросах имперской политики, Леопольд подписал 16 ноября 1700 года акт признания королевского титула за государем Пруссии. Фридрих сделал великодушные приготовления к торжеству коронации, и она была с ослепительным блеском совершена 18 января 1701 в столице бранденбургской Пруссии Кенигсберге. По поводу королевского сана Фридрих учредил орден Черного орла, остающийся до сих пор высшим орденом королевства прусского.

В течение нескольких следующих лет европейские правительства признали одно вслед за другим новый титул Фридриха, а при заключении Утрехтского мира он наконец был признан Францией и Испанией; только папа Климент XI предъявил бесплодный протест против незаконно присвоенного императором права раздавать королевские титулы, тогда как это право принадлежало только папской власти.

Источение
финансов.

Северная война и война за испанское наследство вовлекли Пруссию в серьезные затруднения; мужество, которым отличались прус-

ские полки почти на всех полях сражений в южной Европе, было бесплодно, а на северный фронт, король Фридрих не обращал должного внимания. Но хуже всего было то, что дорого-стоющие военные предприятия и постоянно увеличивавшиеся расходы на содержание двора привели и государственные финансы и все государственное управление в крайнее разстройство; частое введение новых и более прежнего тяжелых налогов довело народ до самого бедственного положения. Между всеми попытками, какие делались в то время с целью увеличить государственные доходы, ни одна не могла иметь такого же решающего влияния на материальное благосостояние народа, как попытка ввести более рациональную систему управления очень обширными казенными землями.

В замечанье прежней отдачи казенных земель в аренду на определенных сроки было предположено отдавать их в наследственную аренду, разделив на более мелкие участки. Вульфенский уроженец Христиан Фридрих Любен был автором этого проекта; ему же было поручено и введение реформы. Его замыслы не ограничивались финансовыми целями; они имеют некоторое сходство с теми земледельческими законами, которые были впоследствии изданы по совершенно иным мотивам. Он желал освободить крестьян от тяжелых обязанностей, наложенных арендаторами, и заменить барщинные повинности денежным оброком; он надеялся, что с увеличением числа отдаваемых в аренду земельных участков увеличится и число населения, — что тогда юношество будет охотнее посвящать себя земледелию и будут поселяться на казенных землях переселенцы из других стран. И величие монарха, — говорил он, — и безопасность страны зависят от увеличения числа подданных, потому что неприятель никогда не осмелится проникнуть внутрь страны, в которой встречаются на каждом шагу землевладельцы. Вместе с этим предполагалось организовать из крестьянских сыновей нечто в род местной милиции, которая могла бы защищать страну от неприятельских нашествий. Однако система наследственных аренд, введенная в очень широких размерах в первые годы восемнадцатого столетия и сначала давшая блестящие финансовые результаты, в конце концов не оправдала возложенных на нее ожиданий. Тогда снова взяли за старую систему срочных аренд.

Последствием этой неудачи было падение прежних любимцев и советников, ратовавших за наследственность аренд, и в том числе графа Вартенберга. Хотя граф и сумел попасть в такую милость у короля, что выхлопотал издание королевского указа, возлагавшего всю ответственность за сделанные промахи на его подчиненных, но его жена, бывшая прежде в браке с одним из камердинеров курфирста, была так корыстолюбива и высокомерна, что нажила много врагов при дворе, которые стали всеми силами стараться уронить ее мужа в глазах короля. Не мало потриг причинили вред только тем, кто их затевал: фельд-маршал Барфусс, оба графа Дона и гофмаршал фон-Венсен впали в немилость и были уволены от своих должностей вследствие того, что попытались возстановить короля против его любимца. Тогда этот любимец окружил себя более преданными помощниками: графу Вартенсбену он поручил заведывание военным министерством, а надменному корыстолюбивому графу Витгенштейну заведывание финансами. Под гн-

Казенная
земли.

Падение графа
Вартенберга.

томъ этого „тройного несчастья“,—какъ тогда выражались о трехъ самыхъ вліятельныхъ министрахъ,—страна впала въ крайне печальное положеніе. Однако враги надменнаго фаворита стали мало по малу пріобрѣтать вліяніе на состарѣвагося короля въ особенности благодаря тому, что и послѣдній принцъ Фридрихъ Вильгельмъ, единственный сынъ умершей 1 февр. 1705 королевы Софіи Шарлотты, ненавидѣлъ тогдашнихъ министровъ за ихъ расточительность и разныя злоупотребленія. Предлогомъ для низверженія всесильнаго фаворита послужило арестованіе графа Виттенштейна за ясно доказанную нечестность и даже за расхищеніе казенныхъ денегъ. Онъ былъ изгнанъ изъ страны. Черезъ нѣсколько дней послѣ того и графу Вартебергу было приказано выйти въ отставку. Ему была назначена большая пенсія; кромѣ того онъ успѣлъ накопить большія богатства. Онъ удалился изъ страны, но по прошествіи года кончилъ жизнь.

Смерть короля. Всё это очень огорчало стараго короля; кромѣ того онъ не нашелъ семейнаго счастья въ новомъ бракѣ съ мекленбургской принцессой Софіей Луизой: она была ревностной лютеранкой, очень докучала своему супругу своимъ религіознымъ фанатизмомъ и кончила тѣмъ, что впала въ религіозное умуомѣшательство. Король не былъ въ состояніи долго выносить свои семейныя невзгоды; послѣ того, какъ онъ лишился двухъ, умершихъ въ юномъ возрастѣ, внуковъ, онъ за годъ до своей смерти былъ обрадованъ рожденіемъ третьяго внука: это былъ Фридрихъ, впослѣдствіи названный Великимъ.

Территориальныя пріобрѣтенія при Фридрихѣ I. Территориальныя пріобрѣтенія прусскаго государства при Фридрихѣ I не были значительны. Онъ купилъ (1697) у нуждавшагося въ деньгахъ Августа Саксонскаго право на управленіе городами Кведлинбургомъ и Нордгаузеномъ, но такъ какъ легальность этой сдѣлки вызвала протесты, то онъ вступилъ въ обладаніе тѣми городами только послѣ того, какъ занялъ ихъ своими войсками. Кромѣ того онъ силою завладѣлъ городомъ Эльбингомъ въ залогъ за военныя издержки, уплата которыхъ была обѣщана Великому Курфирсту; такъ какъ эти деньги не были уплачены, то онъ присоединилъ городъ Эльбингъ къ прусскимъ владѣніямъ. Самыми важными изъ его территориальныхъ пріобрѣтеній были Нейшатель и Валентицъ (княжество Вельшъ-Нейенбургъ), входившіе въ составъ оранскаго наслѣдства, которое послѣ смерти бездѣтнаго короля англійскаго Вильгельма (1702) досталось сыну оранской принцессы Луизы, королю Фридриху. Когда пресѣлся родъ Лонгевилли (1707), наслѣдственное право на владѣніе тѣмъ княжествомъ перешло къ дому Нассау-оранскому, а отъ этого дома къ королю Фридриху. Не смотря на протесты со стороны Людовика XIV и не смотря на появленіе множества претендентовъ на это наслѣдство, прусскому королю удалось отстаивать свои права, которыя были наконецъ признаны при заключеніи Утрехтскаго мира. Кромѣ того, Фридрихъ пріобрѣлъ графство Мёрсъ, изъ котораго силою выгналъ Голландцевъ, и купилъ значительную часть графства Текленбургъ.

II. ШВЕЦІЯ ВЪ СЕМНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

1. Швеція подъ управленіемъ королевы Христины.

Послѣ смерти Густава Адольфа осталась отъ его жены, бранденбургской принцессы Маріи Элеоноры, единственная дочь Христина, находившаяся въ самомъ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ. Государственные чины рѣшили не отступать отъ утвержденного въ Норчѣмингѣ (томъ XI, стр. 690) постановленія о престолонаслѣдіи: такъ какъ послѣ умершаго короля не осталось наслѣдниковъ мужскаго пола, то они признали Христину шведской королевой, а до ея совершеннолѣтія поручили государственное управленіе пяти высшимъ государственнымъ сановникамъ—дросту, маршалу, адмиралу, канцлеру и казначею. Должности дроста и казначея, бывшія въ то время вакантными, были немедленно замѣщены членами семейства Оксенширны, такъ что въ рукахъ этого семейства оказались три опекунскія должности. Вслѣдъ за тѣмъ было приступлено къ пересмотру государственныхъ учреждений. Канцлеръ Аксель Оксенширна взялся за это дѣло отъ имени Густава Адольфа, который неоднократно высказывалъ намѣреніе приступить къ пересмотру государственныхъ учреждений и раздѣлялъ въ этомъ отношеніи воззрѣнія канцлера; поэтому, составленный послѣ смерти короля проектъ законовъ могъ считаться тѣмъ-то въ родѣ его духовнаго завѣщанія. По мнѣнію Гейера, король намѣревался примирить съ наслѣдственнымъ монархическимъ принципомъ дворянство, которое находилось въ угнетенномъ положеніи при его отцѣ. Онъ желалъ противопоставить дворянству чиновничество, находящееся въ безусловной зависимости отъ королевской власти. Проектъ Оксенширны былъ утвержденъ государственными чинами съ небольшими измѣненіями. Изъ него были выпущены слова: Швеція—монархія наслѣдственная, а не выборная; старинное влеченіе къ выборной монархіи, очевидно, еще не вполне заглохло; кромѣ того, при этомъ основномъ принципѣ было легче бороться съ притязаніями на шведскій престолъ, которыя предъявляла польская отрасль дома Вазы.

Новые законы опредѣляли сферу дѣятельности и обязанности высшихъ должностныхъ лицъ, составленного исключительно изъ дворянъ государственнаго совѣта и пяти высшихъ сановниковъ, поставленныхъ во главѣ гофгерихта, военнаго совѣта, адмиралтейства, казначейства и счетной палаты; кромѣ того, они устанавливали способъ государственнаго управленія на время отсутствія или несовершеннолѣтія короля. Rûhs говоритъ: „Эти законы были настоящей конституціей; въ нихъ сказываются свѣтлыя политическія воззрѣнія; ихъ недостатокъ заключался только въ томъ, что въ составъ государственнаго совѣта входили одни дворяне; не трудно было

Малолѣтство
Христины
1632—1644,
род. 8 дек.
1626.

29 іюли
1634.

предвидѣть, что это сословіе воспользуется своимъ привилегированнымъ положеніемъ и будетъ стремиться къ расширенію своихъ правъ въ ущербъ другимъ сословіямъ... Учрежденія 1634 года въ послѣдствіи сдѣлались неудобными для шведскаго народа еще не столько по причинѣ своихъ основныхъ принциповъ, сколько по причинѣ сложившихся обстоятельствъ. Они никогда не приводились въ исполненіе въ полномъ составѣ. Для своего времени они были произведеніемъ государственной мудрости. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ дѣятельностью Акселя Оксенширны и съ пренативіями, которыя ему приходилось преодолевать, тѣмъ болѣе цѣнимъ его личныя достоинства. Въ то время, какъ на немъ лежало бремя заботъ, вызванныхъ вѣншей войной, его умъ былъ занятъ внутреннимъ положеніемъ его отечества. Когда онъ возвратился домой съ конгресса въ Брѣмсебро (XI, 758), король пожаловалъ ему титулъ графа Зѣдермѣрскаго. Это было послѣднимъ выраженіемъ королевскаго довѣрія; скоро стали выдвигаться впередъ де-ла-Гарди и Брагъ, а Оксенширны были вынуждены устраниваться отъ участія въ дѣлахъ управленія; они достигли слишкомъ большого могущества: ихъ замыслы стали возбуждать подозрѣнія, а ихъ владычество всѣмъ наскучило.

Мирные Регенты заключили въ Штумсдорфѣ мирный договоръ съ Польшей для договоров. Сент. того, чтобъ сосредоточить всѣ усилія на войну въ Германіи, но послѣдствіемъ этого договора было только непродолжительное прекращеніе военныхъ дѣйствій. Въ рукахъ Шведовъ осталась Лифляндія, завоеванная Густавомъ Адольфомъ послѣ многолѣтней упорной борьбы. Со времени осады Риги, сдавшейся только послѣ неоднократныхъ штурмовъ, и до кровопролитнаго сраженія при Вальгофѣ въ Курляндіи было пролито немало шведской и польской крови. Но Швеція пришлось отказаться въ пользу Польши отъ обладанія тѣми прусскими городами, которые были взяты Густавомъ Адольфомъ. Швеція было не по силамъ одновременное веденіе двухъ войнъ; поэтому она была вынуждена согласиться на уступки въ пользу Польши. Болѣе выгоденъ былъ заключенный въ Брѣмсебро мирный договоръ съ Даніей. Кромѣ освобожденія отъ зундскихъ пошлинъ Швеція приобрѣла провинціи Гемтландъ и Геріедельнъ, острова Готландъ и Эзелъ и провинцію Галландъ. О территоріальныхъ уступкахъ, сдѣланныхъ въ пользу Швеціи при заключеніи Вестфальскаго мира, мы уже говорили ранѣе (XI, 764).

Самостоятельное правленіе Христины. 1644—1654.

Въ восемнадцатую годовщину своего рожденія королева Христина вступила въ самостоятельное управленіе государствомъ. Ей пришлось бороться съ серьезными денежными затрудненіями, которыя были послѣдствіемъ продолжительной войны; финансы были въ такомъ разстройствѣ, что регенты были вынуждены прибѣгнуть къ продажѣ значительной части коронныхъ земель. Подати, ложившіяся тяжелымъ бременемъ преимущественно на крестьянъ, достигли небывалыхъ размѣровъ еще при Густавѣ Адольфѣ; торговля съѣстными припасами была обложена косвенными налогами или была обращена въ правительственную монополию. Отчужденіе коронныхъ земель было тѣмъ болѣе пагубно, что дѣлалось только въ пользу дворянъ и нерѣдко сопровождалось передачей права на полученіе крестьянскихъ оброковъ; этимъ путемъ дворянство приобрѣтало возможность обращать голыхъ землепашцевъ въ своихъ рабовъ. Христина не только утвердила такіа отчужденія, совершенныя во время ея малолѣтства,

но пошла еще далѣе по тому же пути. Въ средѣ крестьянъ и даже въ средѣ низшаго дворянства стало обнаруживаться сильное раздраженіе противъ знати, старавшейся захватить въ свои руки и правительственную власть и всѣ казенныя земли. Въ одной изъ брошюръ того времени говорилось, что крестьянъ ожидаетъ крѣпостная зависимость, что приближенные Христины, пользуясь ея кротостью, скоро отнимутъ у нея все, кромѣ королевскаго титула, что тяжесть налоговъ сдѣлалась рѣшительно невыносимой, а между тѣмъ на жалобы народа государственный совѣтъ не обращаетъ никакого вниманія.

Духовенство, граждане и крестьяне обратились въ 1650 году къ королевѣ съ протестомъ противъ передачи коронныхъ земель въ постороннія руки; они просили королеву отмѣнить всѣ раздачи аллодіальныхъ имѣній и ежегодно производить судебное разслѣдованіе обо всѣхъ нарушеніяхъ правъ короны и обо всѣхъ посягательствахъ на свободу простаго народа. Умы были до такой степени возбуждены, что можно было опасаться взрыва междоусобной войны. Королева милостиво приняла это прошеніе, но уклонилась отъ рѣшительнаго отвѣта. Она задумала передать скипетръ въ дру- ги, болѣе сильныя руки.

Чтобъ обезпечить будущность династіи, государственныя чины настойчиво совѣтовали королевѣ или вступить въ бракъ или назначить наслѣдника престола изъ ближайшихъ родственниковъ царствующаго дома. Всѣ ожидали, что она выйдетъ замужъ за своего двоюроднаго брата Карла Густава, сына пфальцграфа Іоанна Казимира Цвейбрюкенскаго. Она воспитывалась подъ надзоромъ сестры Густава Адольфа пфальцграфини Катерины, а ея двоюродный братъ, родившійся и воспитывавшійся въ Швеціи, былъ съ нею помолвленъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ; но королевѣ не нравился этотъ женихъ и она вообще не желала вступать въ бракъ, потому что была своевольнаго характера и не желала подчиняться кому бы то ни было—даже законному супругу. Чтобъ положить конецъ настоятельнымъ просьбамъ государственныхъ чиновъ, Христина изъявила готовность признать пфальцграфа наслѣдникомъ престола на случай, если бы она умерла бездѣтной. Въ слѣдующемъ году сеймъ постановилъ, что королевское званіе перейдетъ по наслѣдству къ потомкамъ пфальцграфа мужескаго пола. Вскорѣ послѣ того королева заявила, что уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ питаетъ намѣреніе сложить съ себя корону.

Не у всѣхъ достало терпѣнія дожидаться исполненія этого намѣренія. Сынъ исторіографа Мессенуса Арнольдъ прислалъ пфальцграфу брошюру, въ которой осмѣлилъ насмѣшками королеву и дворянство и совѣтовалъ Карлу Густаву силою завладѣть престоломъ. И авторъ этой брошюры и его невѣрный отецъ были осуждены на смертную казнь.

Намѣреніе отречься отъ престола было вызвано какъ политическими затрудненіями, такъ и складомъ ума королевы. Она не питала никакой симпатіи ни къ своей холодной родинѣ, ни къ суровому характеру и ре-

Отреченіе отъ престола.

Мартъ 1649.

1650.

Окт. 1651.

Дек. 1651.

Характеръ королевы Христины.

лигиознымъ вѣрованіямъ своего народа, а этотъ народъ съ своей стороны чувствовалъ отвращеніе и къ безчисленнымъ иностраннымъ фаворитамъ королевы, и къ господствовавшимъ при дворѣ иностраннымъ обычаямъ и модамъ, и къ царившей тамъ роскоши; короче сказать, королева чувствовала, что въ своемъ отечествѣ она не была у себя дома. Ей также не доставало силъ и доброй воли для серьезныхъ занятій государственными дѣлами. Въ началѣ своего царствованія она очень усердно исполняла свои королевскія обязанности,—присутствовала на всѣхъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, поддерживала личныя сношенія съ представителями иностранныхъ державъ и вникала во всѣ подробности текущихъ дѣлъ; но это происходило главнымъ образомъ оттого, что она искала случая блеснуть своимъ умомъ и самостоятельностью своихъ сужденій, а ея главное вниманіе было сосредоточено вовсе не на дѣлахъ государственнаго управленія. Она получила даже рѣдкое у мужчинъ того времени серьезное классическое образованіе; ея наставникомъ былъ ученый Іоаннъ Маттѣ, впоследствии возведенный въ санъ епископа стренггесскаго: она чувствовала непреодолимое влеченіе къ ученымъ занятіямъ, была знакома съ произведеніями древнихъ писателей и изучала философскія системы. И въ своемъ образѣ жизни, точно такъ же какъ въ своихъ умственныхъ занятіяхъ, она обнаруживала несвойственныя ей полу вкусы: она любила рыцарскія военные упражненія, была отчаяннымъ кавалеристомъ, часто развлекалась охотой и пренебрегала соблюденіемъ какихъ либо вышнихъ приличій. Она находила самое большое удовольствіе въ умныхъ разговорахъ и въ ученыхъ диспутахъ. При ея дворѣ собирались самые знаменитые ученые того времени—Гуго Гроцій, Декартъ, Конрингъ, Исаакъ Фоссиусъ, Николай Гейнзіусъ, Салмазіи, философъ и поэтъ Штіернхельмъ, законовѣды Штіернхейкъ и Лодцеліусъ и многіе другіе. Старинные университеты въ Упсалѣ и въ Грейфсвальдѣ и вновь основанныя высшія школы въ Дерптѣ и въ Або получали отъ нея щедрыя денежныя пособія и самыхъ способныхъ преподавателей, какихъ можно было найти въ Швеціи.

Переходъ въ
католичество.

Не только бѣдные необразованные простолюдины, но и люди, принадлежавшіе къ высшимъ классамъ населенія, отличались крайнимъ лѣтѣжествомъ; потому они не видѣли никакой пользы въ заимствованной отъ иностранцевъ учености, а сама Христина извлекала изъ своихъ ученыхъ занятій не возвышенныя гуманныя идеи, а склонность къ скептицизму и самоубійству. Не находя удовлетворенія въ той сферѣ дѣятельности, которая была ей указана ея высокимъ положеніемъ, она стала искать удовлетворенія въ религіозной сферѣ. Ея бывшій наставникъ Іоаннъ Маттѣ, лишенный епископскаго сана за то, что вмѣстѣ съ епископомъ абовскимъ Іоанномъ Терсерусомъ обнаружилъ влеченіе къ кальвинизму, внушилъ ей намѣреніе соединить оба протестантскихъ вѣроисповѣданія въ одно; но ее скоро оттолкнулъ отъ себя лютеранскій фанатизмъ этого наставника; она все болѣе и болѣе отчуждалась и отъ своей страны и отъ ея религіи. Она увлекалась религіозными сомнѣніями; ей казалось, что всѣ религіи выдуманы людьми и что въ сущности безразлично повѣдывать какую бы то ни было религію. Нѣкоторые изъ иностранныхъ ученыхъ поддерживали это настроеніе ума, но всѣхъ усиѣннѣе дѣйствовали въ этомъ отношеніи французскій либераль и врачъ Бурделло, который пользовался особой благосклонностью королевы съ тѣхъ поръ, какъ поправилъ ея здоровье. Иезуиты скоро замѣтили, что почва благоприятна для ихъ дѣятельности; они стали хлопотать объ обращеніи королевы въ католицизмъ и нашли помощника въ новомъ фаворитѣ королевы—испанскомъ посланникѣ Антоіо Пиментеллѣ. „Христина отказалась отъ протестантизма“,—говоритъ Ранке,—„потому что ей казалось привлекательнымъ противоположное уче-

ніе, о которомъ она имѣла лишь очень смутное понятіе; принципъ непогрѣшимости папскаго авторитета, по ея мнѣнію, вполне соответствовалъ понятію о Благости Божіей“.

Уступая просьбамъ стараго канцлера, Христина еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не приводила въ исполненіе свое намѣреніе отречься отъ престола; наконецъ она исполнила это намѣреніе и покинула свою родину; въ томъ же году сошелъ въ могилу Аксель Оксенширна. Въ Испрукъ дочь великаго Густава Адольфа публично перешла въ католицизмъ. Въ Римѣ она получила отъ папы Александра VII приобщеніе Св. Таинъ; послѣ того путешествовала два года по Франціи. Въ Фонтенебло она приказала казнить смертію своего шталмейстера маркиза Мональдески за государственную измену,—какъ будто она все еще была царствующей королевой; эта таинственная исторія много разъ служила сюжетомъ для романовъ и поэтическихъ произведеній; она навлекла не мало нареканій на Христину и среди ея современниковъ и въ средѣ слѣдующихъ поколѣній. Возвратившись въ столицу католицизма, Христина провела тамъ остальную часть своей жизни, наслаждаясь литературными и художественными сокровищами вѣчнаго города. Она еще два раза появлялась въ Швеціи, а послѣ смерти своего преемника пыталась снова предъявить свои права на престолъ; но католическая королева никому не была симпатична. Свою безцѣльную жизнь она окончила 19 апрѣля 1689 въ Римѣ. О ея высоко-развитомъ умѣ свидѣлствуютъ ея многочисленныя литературныя работы—мемуары, отрывочныя изреченія, письма, наполненныя самыми остроумными идеями и самыми мѣткими сужденіями. Она была погребена въ церкви св. Петра, а на ея могилѣ былъ поставленъ папой Иннокентіемъ XII памятникъ, изготовленный Карломъ Фонтаной.

Отъѣздъ Христины.

Іюнь 1654.
10 нояб. 1657.
1658.

2. Короли изъ пфальцскаго дома.

Непродолжительное царствованіе Карла X Густава почти все прошло въ войнахъ съ Поляками и съ Русскими, съ Датчанами и съ Бранденбургцами, но объ этихъ войнахъ уже было говорено въ другомъ мѣстѣ. Намѣреніе короля заняться внутренними преобразованіями осталось почти вовсе неисполненнымъ, потому что все вниманіе правительства было сосредоточено на вышнихъ дѣлахъ. Разрѣшеніе жгучаго вопроса того времени—возстановленіе равновѣсія въ бюджетѣ посредствомъ отобранія розданныхъ коронныхъ земель—было поручено президенту палаты Германну Флемингу, но было пріостановлено

Карлъ X
Густавъ.
1654—1660.
Рол. 1622.

подъ гнѣтомъ военныхъ заботъ. Еслибы Карлъ X прожилъ долѣе, онъ, безъ сомнѣнія, взялся бы и за дѣла внутренняго управленія съ такой же энергіей, какую обнаруживалъ во внѣшней политикѣ. Этотъ первый шведскій король изъ пфальцскаго дома былъ не только храбрымъ военачальникомъ, но и осмотнительнымъ государственнымъ человекомъ; онъ получилъ хорошее образованіе, любилъ науки и искусства, понималъ при какихъ условіяхъ государства достигаютъ процвѣтанія и благоденствія, сознавалъ всю важность своихъ королевскихъ обязанностей и правъ, отличался, подобно всѣмъ другимъ членамъ пфальцскаго дома, по истинѣ неутомимой дѣятельностью и способностью къ усидчивой работѣ, умѣлъ пользоваться счастьемъ, но въ несчастіи не падалъ духомъ.

Опекунское
управленіе.
1660—1672.

Когда эта благородная личность изнемогла подъ бременемъ заботъ, дѣла внутренняго управленія выдвинулись на первый планъ. Уже оставленное королемъ завѣщаніе послужило поводомъ для ожесточенной борьбы. На время малолѣтства своего четырехлѣтняго сына онъ поручилъ управленіе государствомъ своей сурругѣ, голштинской принцессѣ Гедвигѣ Элеонорѣ, подчинивъ ей тѣхъ пятерыхъ высшихъ сановниковъ, которые должны были завѣдывать всѣми дѣлами въ качествѣ опекуновъ; главнокомандующимъ онъ назначилъ своего брата герцога Адольфа Іоанна, отличившагося въ войнахъ съ Поляками и съ Датчанами, канцлеромъ—своего зятя Магнуса Габріэля де-ла-Гарди, прозваннаго шведскимъ меценатомъ, государственнымъ казначеемъ—Германа Флеминга, уже ранѣе ставшаго во главѣ тѣхъ, кто желалъ прекращенія раздачи коронныхъ земель; это послѣднее назначеніе ясно доказывало, что король желалъ ослабить вліяніе высшаго дворянства; поэтому дворяне возстали противъ королевскаго завѣщанія, ссылаясь на его незаконность. Между тѣмъ королева вступила въ управленіе государствомъ, а душою этого управленія былъ одинъ изъ представителей старинной шведской аристократіи, государственный дрозъ Перъ Брау. Тогда проектъ прекращенія раздачи коронныхъ земель былъ отложенъ въ сторону; коронныя земли снова стали раздаваться въ залогъ для обезпеченія займовъ, а въ этихъ операціяхъ стали принимать личное участіе члены правительства; увеличеніе пошливъ стѣснило торговлю; финансы быстро приходили въ крайнее разстройство. Не принадлежавшія къ дворянству сословія и даже низшее дворянство были до крайности возбуждены противъ аристократовъ. На сеймѣ 1660 года это возбужденіе умовъ перешло въ горячую борьбу. Герцогъ Адольфъ Іоаннъ былъ окончательно устраненъ сеймомъ отъ участія въ дѣлахъ управленія; этотъ честолюбивый человекъ дѣлалъ неоднократныя попытки отстоять свои права, но на сеймѣ 1664 года снова потерпѣлъ неудачу, а его приверженецъ Бенгтъ Склттъ былъ уволенъ отъ званія члена государственнаго совѣта. И Германъ Флемингъ лишился своей должности государственнаго казначея; его замѣнилъ Густавъ Бондъ; это былъ человекъ дѣятельный и опытный, но онъ почти ничего не могъ сдѣлать, потому что осмѣлился прибѣгнуть къ единственному средству спасенія—къ прекращенію раздачи коронныхъ земель. Въ замѣнъ этого средства безпрестанно составлялись новыя финансовыя проекты, остававшіеся безплодными, потому что не проникали до главнаго корня всѣхъ золъ. Въ первые годы опекунскаго управленія государственный совѣтъ и верхняя палата взяли верхъ надъ недворянскими сословіями. Однако въ верхней палатѣ низшее дворянство скоро вступило въ

борьбу съ высшей аристократіей; во главѣ его стояли баронъ Іоаннъ Гилленштерна, впоследствии имѣвшій значительное вліяніе на развитіе государственныхъ учреждений въ особенности вслѣдствіе того, что изъ защитника дворянскихъ привилегій превратился въ нилкаго бойца за верховенство короны и за монархическое единодержавіе. Внутреннія затрудненія, съ которыми приходилось бороться опекунамъ несовершеннолѣтняго короля, еще усилились вслѣдствіе ошибокъ въ сферѣ иностранной политики. Въ ту пору стали смотрѣть на иностранную политику съ точки зрѣнія субсидій: кто больше предлагалъ, тотъ и приобрѣталъ дружбу Швеціи, впрочемъ всего чаще выражавшуюся въ соблюденіи нейтралитета или въ посредничествѣ при мирныхъ переговорахъ. О какихъ нибудь прочно установившихся воззрѣніяхъ на иностранную политику не было и рѣчи; члены правительства не всегда сходились въ своихъ дѣлахъ и стремленіяхъ. О томъ, какъ была пагубна такая политика, всего яснѣе свидѣтельствуетъ бременская война, которая была предпринята съ неслыханнымъ легкомысліемъ и болѣе чѣмъ всѣ другія событія поколебала авторитетъ опекунскаго управленія.

Вопросъ о притязаніяхъ города Бремена на независимость, оставшіяся при заключеніи Вестфальскаго мира не вполне разъясненными, еще ранѣе служилъ поводомъ для недоразумѣній; а теперь было рѣшено сдѣлать изъ него предлогъ для войны. Такъ какъ Швеція получала отъ англійскаго правительства субсидіи, то предполагалось сдѣлать изъ бременской территоріи нападеніе на Голландію, съ которой Англія вела въ то время войну. Но для дѣятельнаго участія въ этой войнѣ не доставало ни охоты ни средствъ и дѣло не дошло до нападенія на Бременъ. Когда къ городу подошла шведская армія подъ начальствомъ Карла Густава Врангеля, за него вступились сосѣдніе владѣтельные князья; дѣло дошло до соглашенія, ничего не измѣнившаго въ прежнее неясное положеніе Бремена. Городъ не отказался отъ своихъ притязаній на независимость, но далъ обѣщаніе покуда не предъавлять ихъ.

Бременская
война.
1665—1666.

Іюль 1666.
Ноябрь.

Финансовыя затрудненія и общее недовольство достигли высшей степени, когда Карлъ XI былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и взялъ въ свои руки управленіе государствомъ. Еще никто не зналъ, чего можно было ожидать отъ новаго короля. Онъ получилъ недостаточное образованіе; такъ какъ онъ былъ слабаго здоровья, то его слабохарактерная мать очень баловала его; о государственныхъ дѣлахъ онъ не имѣлъ почти никакого понятія и до своего совершеннолѣтія мало интересовался ими; онъ находилъ удовольствіе только въ военныхъ занятіяхъ; всѣ знали, что онъ былъ горячъ и рѣзокъ въ обхожденіи, но онъ еще не успѣлъ ни на чемъ выказать свою непреклонную твердость характера и свою силу воли. Большею частію неудачныя войны съ Даніей и съ Бранденбургомъ обнаружили и даже усилили тѣ недуги, отъ которыхъ страдало государство. Молодой король доказалъ въ эти тяжелые годы, что былъ далеко недюжиннымъ воиномъ; но уже въ то время созрѣла въ его умѣ твердая рѣшимость переустроить государство на болѣе прочномъ фундаментѣ и положить конецъ злоупотребленіямъ аристократіи, которая довела Швецію до самаго бѣдственнаго положенія. Онъ нашелъ превосход-

Самостоятельное управленіе Карла XI.
1672—1697.
Род. 1655.

Стремленія и характеръ короля.

наго помощника въ ранѣ нами упомянутомъ Іоаннѣ Гилленштирнѣ, успѣвшемъ снискать его личное расположеніе благодаря осмотрительности и безкорыстію, которыя обнаружилъ въ самыя опасныя для государства минуты.

Внѣшняя политика.

Въ слѣдующіе годы своего царствованія Карлъ XI старался по мѣрѣ возможности воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ европейскія дѣла. Союзъ съ Франціей все болѣе и болѣе втягивалъ Швецію въ завоевательную политику и истощалъ силы государства на рискованныя предприятия. Поэтому Карлъ XI помышлялъ не столько о новыхъ завоеваніяхъ, сколько объ упроченіи уже заранѣе сдѣланныхъ территориальныхъ приобретеній. Тогда совершенно измѣнилась прежняя иностранная политика Швеціи. Король старался упрочить свои дружескія отношенія къ Даниі, уже выразившіяся въ его бракѣ съ красивой и кроткой принцессой Ульрикой Элеонорой. Затѣмъ онъ сблизился съ императоромъ и съ тѣми европейскими государствами, которыя вступили между собою въ союзъ противъ Франціи. Бенгтъ Оксеншерна († июнь 1680) постоянно дѣйствовалъ въ интересахъ императора не смотря на проскіи французской партіи, которая все еще была вліятельна въ Швеціи и во главѣ которой стоялъ интригантъ графъ Нильсъ Вилке. Шведскія войска принимали участіе въ слѣдующихъ войнахъ съ Франціей, сражаясь на сторонѣ союзниковъ. Людовику XIV уже болѣе не удалось склонить шведскаго короля ни къ заключенію союза ни даже къ соблюденію нейтралитета, а Нильсъ Вилке наконецъ впалъ въ немилость. Шведское посредничество при веденіи мирныхъ переговоровъ было все, чего могло добиться французское правительство отъ Карла XI.

Реформы въ управленіи и заботы о матеріальномъ благосостояніи.

Хотя Карлъ XI и не принадлежалъ къ числу гениальныхъ правителей, онъ совершенно преобразовалъ шведскую конституцію и систему управленія и сдѣлалъ для внутренняго развитія страны гораздо болѣе того, что было сдѣлано царствовавшими до и послѣ него героями, прославившимися на поляхъ сраженій. Онъ неутомимо стремился къ своей цѣли, во все самъ вникалъ, употреблялъ цѣлыя мѣсяцы на объѣзды своихъ владѣній, чтобы ближе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, и умѣлъ внушить своимъ подчиненнымъ такую же горячую заботливость объ общественныхъ интересахъ; одному ему Швеція обязана существованіемъ особаго класса должностныхъ лицъ, которые ничего не знаютъ кромѣ служенія королю и государству и которые считают своей единственной задачей самое точное исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей.

Эта система управленія принесла благодатные плоды. Въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій семнадцатаго столѣтія король всего болѣе заботился о развитіи шведской морской торговли; онъ увеличилъ покровительственныя пошлины для поощренія національной промышленности, проводилъ новые каналы, улучшилъ почтовые сообщенія, обращалъ особенное вниманіе на тѣ роды промышленности, которые имѣли для Швеціи самое важное значеніе—на горное производство, на разработку мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ; завѣдывавшій финансовымъ управленіемъ, графъ Фабианъ Вреде обнаруживалъ въ этомъ отношеніи очень плодотворную дѣятельность: чѣмъ

болѣе было педовольно дворянство, тѣмъ легче жилось крестьянамъ и горожанинѣмъ гражданамъ, для которыхъ Карлъ былъ милостивымъ повелителемъ. Армія была прекрасно организована и всегда была готова къ бою; флотъ находился въ прекрасномъ состояніи благодаря заботливости адмирала Ганса Вахтмейстера. Въ военномъ устройствѣ была введена важная реформа—въ замѣнъ общаго набора рекрутъ каждая мѣстность должна была выставить опредѣленное число солдатъ; этимъ способомъ была равномерно распределена тяжесть военной повинности, отъ которой прежде были почти совершенно освобождены дворянскіе помѣстья. Было приведено въ порядокъ и церковное устройство, въ которомъ принялъ дѣятельное участіе ученый архіепископъ Олафъ Свевиліусъ; и въ этомъ случаѣ обнаружилась господствовавшая въ то время тенденція, такъ какъ власть короля была поставлена выше власти церковной іерархіи.

Самымъ важнымъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго тянулось въ продолженіе всего царствованія Карла XI, былъ вопросъ о сокращеніи раздачи коронныхъ земель: благодаря упорной энергіи короля, его первоначальный планъ былъ наконецъ приведенъ въ исполненіе во всѣхъ подробностяхъ. Высшее дворянство оказывало сильное сопротивленіе; но монархическая власть мало по малу взяла верхъ надъ оппозиціей, потому что ей всѣми силами помогали и крестьяне и граждане и духовенство и низшее дворянство. Сопротивленіе, которое король встрѣчалъ на сеймахъ, становилось съ 1680 года все болѣе и болѣе слабымъ. Въ концѣ концовъ было рѣшено подвергнуть разлѣдованію управленіе бывшихъ королевскихъ опекуновъ; коммиссія, на которую была возложена эта работа, немедленно приступила къ дѣлу и привлекла къ отвѣтственности не только бывшихъ опекуновъ, но и всѣхъ членовъ тогдашняго государственнаго совѣта; многіе изъ вельможъ были принуждены возвратить полученныя ими земли. Отобраніе разданныхъ земель распространилось и на тѣ помѣстья, которыя принадлежали коронѣ въ очень отдаленныя времена; при этомъ не принимались въ уваженіе никакія права—ни даже тѣ, которыя были основаны на покупкѣ или на обмѣнѣ. То же самое дѣлалось и въ позднѣе приобретенныхъ странахъ—въ остзейскихъ провинціяхъ, въ Помераніи и въ Бременѣ. Этимъ труднымъ дѣломъ руководилъ Класъ Флемингъ—человѣкъ съ рѣдкими способностями къ самой усидчивой работѣ и съ безпощадной энергіей. Все землевладѣніе было преобразовано заново; имѣнія, о которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій никто не зналъ, что они когда то принадлежали коронѣ, отбирались у владѣльцевъ, которые приобрѣли ихъ законнымъ способомъ; правительство снѣшило воспользоваться всякими указами на права короны, какія находило въ старыхъ поземельныхъ книгахъ или въ совершенно позабытыхъ официальныхъ документахъ. Карльсонъ говоритъ: „Въ этихъ случаяхъ король строго придерживался своихъ основныхъ воззрѣній. Онъ полагалъ, что права государства выше чьихъ либо правъ, а въ качествѣ ихъ представителя безъ всякихъ колебаній поступалъ съ совѣтственностью частныхъ лицъ такъ, какъ этого требовала общая польза. Онъ полагалъ, что никакая давность не можетъ лишить корону ея законной собственности“. Многіе изъ богатыхъ и вліятельныхъ дворянскихъ семей были совершенно разорены; ни прошлыя заслуги, ни высшія должности, ни даже родство съ королевскимъ домомъ не предохраняли отъ отобранія помѣстьевъ; едва ли не самой выдающейся жертвой этой реформы былъ прежній государственный канцлеръ Магнусъ Габріэль де-ла-Гарди; не было ни одного знатнаго семейства, которое не лишилось бы значительной части своего состоянія, а нѣкоторые семейства были доведены до бѣдственнаго положенія. Въ теченіе шести лѣтъ перешли изъ рукъ частныхъ людей въ руки казны земли, приносяшія болѣе 3 милліоновъ талеровъ еже-

Сокращеніе раздачи коронныхъ земель.

годного дохода. Громадный государственный долгъ уменьшился слишкомъ на половину отчасти также благодаря произвольному и несправедливому уменьшенію процентовъ съ запятыхъ государствомъ суммъ. Понятно, что такія финансовыя операціи возбудили небывалое волненіе умовъ; досада и отчаяніе выражались въ насквилахъ, въ угрозахъ и заговорахъ противъ жизни короля; когда Флемингъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ отъ чрезмерно обременительной работы (1685), многіе были увѣрены, что онъ былъ отравленъ; нѣкоторые вельможи, — и въ томъ числѣ даровитый полководецъ Оттонъ Вильгельмъ фонъ-Кёнигсмаркъ, — перешли съ досады на иностранную службу. Раздраженіе было всего сильнее въ Лифляндіи, потому что тамъ всё управляло могущественное, богатое и гордое дворянство, которое не было привязано къ шведскому королевскому дому узми наследственной преданности. Но и тамъ отобрание коронныхъ земель производилось безъ всякой пощады, въ особенности при энергичномъ губернаторѣ графѣ Гастферѣ. Роль защитника недовольныхъ взялъ на себя честолюбивый интригантъ—Иоаннъ Рейнгольдъ фонъ-Паткуль, принадлежавшій къ старинному лифляндскому дворянству. Правительство съ трудомъ удержало Лифляндію отъ возстанія; отсюда присылались королю письма, наполненные угрозами. Но вліяніе монарха и страхъ, который внушало его могущество, взяли верхъ надъ недовольствомъ дворянства. Вождь движенія Паткуль бѣжалъ изъ своего отечества и изъ мстительности сталъ вести при иностранныхъ дворахъ интриги противъ Швеціи.

Абсолютная монархія.

Государственный совѣтъ былъ радикально преобразованъ и наполненъ вполнѣ преданными королю людьми; тѣ изъ его членовъ, которые присутствовали въ немъ еще во время несовершеннолѣтія короля, были почти все принуждены выйти въ отставку. Онъ превратился, подъ названіемъ «королевскаго совѣта», въ чисто совѣщательное собраніе, вполнѣ зависимое отъ короля. «Это древнее коллегіальное учрежденіе», — говоритъ Карльсонъ, — «было отодвинуто на задній планъ и съ тѣхъ поръ началось для Швеціи развитіе новыхъ государственныхъ учрежденій. Прежній государственный совѣтъ, находившій опору для своего вліянія въ богатой аристократіи, занималъ въ государствѣ самостоятельное, хотя и неясно определенное положеніе; будучи независимъ и отъ государственныхъ чиновъ и отъ короля, онъ руководилъ дѣятельностью первыхъ и обуздывалъ произволъ втораго. Вынужденный отказаться отъ этого положенія, онъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ абсолютной королевской власти, а когда послѣ ея паденія снова приобрѣлъ вліяніе, сдѣлался органомъ государственныхъ чиновъ». Королевская власть безпрепятственно стала выше власти государственныхъ чиновъ, а эти послѣдніе смиренно преклопились передъ личной волей того, кто былъ сильнее ихъ. На сеймѣ 1682 года было сдѣлано положительное заявленіе, что король имѣетъ право издавать законы и безъ содѣйствія государственныхъ чиновъ; однако это заявленіе вовсе не имѣло того практическаго значенія, какое ему придавали впоследствии, потому что порядокъ изданія законовъ никогда не былъ съ точностью установленъ, содѣйствіе государственныхъ чиновъ не всегда считалось

необходимымъ, и даже послѣ того заявленія не было замѣтно никакой перемены въ прежнемъ способѣ издавать законы. Съ тѣхъ поръ государственныя чины пользовались единственнымъ безспорнымъ правомъ — правомъ утверждать размѣръ налоговъ, но пользовались имъ съ крайней умѣренностью въ особенности потому, что послѣ отобрания коронныхъ земель Карлъ XI могъ довольствоваться умѣренными налогами. На сеймѣ 1693 года было утверждено заявленіе, которымъ государственныя чины признавали, что король — верховный правитель, имѣющій право издавать повелѣнія по своему личному усмотрѣнію, что въ этомъ отношеніи ничто не можетъ ограничивать или стѣснять его власть, что онъ не обязанъ созывать сеймъ, что онъ самодержавный монархъ, не отвѣтственный ни передъ кѣмъ и въ качествѣ христіанскаго короля имѣющій право управлять своимъ государствомъ, какъ заблагоразсудитъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ періодовъ шведской исторіи обнаружилась реакція противъ неограниченной королевской власти; даже въ моментъ смерти Карла XI обнаружились нѣкоторые признаки приближенія такой реакціи.

3. данія и норвегія.

1. Данія подъ управленіемъ Христіана IV и Фридриха III.

Не менѣе важны были преобразованія въ государственномъ строѣ датскаго королевства, гдѣ вслѣдствіе революціи, не стоившей ни одной капли человѣческой крови, самый ограниченный изъ европейскихъ монарховъ сдѣлался самодержавнымъ государемъ, а могущественное высшее сословіе лишилось своихъ самыхъ цѣнныхъ правъ и привилегій. Мы уже ранѣе (XI, 667 и сл.) имѣли случай познакомиться съ датско-норвежской феодальной монархіей. Тамъ король вступалъ на престолъ по выбору высшихъ сословій и былъ похожъ скорѣе на председателя государственнаго совѣта, чѣмъ на представителя верховной власти. Ему приходилось уплачивать за его избраніе столькими уступками, что его личная власть должна была стѣсняться очень узкими рамками. Знатныя семьи, отъ которыхъ зависѣлъ выборъ короля, постоянно старались расширять свои привилегіи и сбрасывать съ себя бремя налоговъ: намъ положительно извѣстно, что ихъ помѣстья были освобождены отъ налоговъ и отъ десятинной подати, и что это исключеніе ложилось тяжелымъ бременемъ на страну тѣмъ болѣе потому, что владѣльцы помѣстьевъ постоянно старались привлекать на свои земли вольныхъ хлѣбопашцевъ и превращать ихъ въ своихъ крѣпостныхъ; они одни могли быть членами

Датская
выборная ко-
ролевская
власть.

государственного совѣта и никому ни въ чемъ не отдавали отчета; всѣ дѣла управленія находились въ ихъ рукахъ. Король Христіанъ IV не былъ въ состояніи измѣнить установившіеся порядки не смотря на то, что былъ и предприимчивъ и энергиченъ: ссоры съ Германіей и съ Швеціей принудили его угождать магнатамъ и не дали ему времени заняться внутренними преобразованіями. Хотя онъ и выходилъ въ Вѣнѣ императорскій патентъ, устанавливавшій въ его владѣніяхъ наследственность королевской власти, по этотъ патентъ вошелъ въ силу только въ шлезвигъ-гольштинскихъ владѣніяхъ, а въ Даніи на него не было обращено никакого вниманія.

Христіанъ IV. Послѣ смерти Христіана IV его второй сынъ Фридрихъ вступилъ на престолъ только послѣ междоусобицы, во время котораго аристократія занималась выборомъ короля, вслѣдствіе чего не допускала и помысловъ о наследственности королевскаго сана. Однако Христіанъ IV пользовался народною любовью. Въ одной народной пѣснѣ прославлялось его геройство во время морской битвы со Шведами передъ кильской гаванью. Новая норвежская столица Христіанія, построенная на развалинахъ сгорѣвшаго въ 1624 году Опсло, крѣпость Глюкштадтъ въ Гольштейнѣ, городъ Христіанштадтъ и нѣкоторые другіе города увѣковѣчивали память о немъ своими названіями; онъ завелъ датскій флотъ, содѣйствовалъ развитію морской торговли, поощрялъ основаніе колоній въ восточной и въ западной Индіи и въ Африкѣ и ввелъ не мало полезныхъ учрежденій въ Норвегіи; онъ даже помышлялъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Онъ былъ образованный человѣкъ, зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и оказывалъ покровительство ученымъ, въ числѣ которыхъ находился и Тихо-Браэ.

Семейная
связь.
Корфицъ Уле-
фельдъ.

Послѣ смерти королевы Катерины Христіанъ IV вступилъ въ морганатическій бракъ съ дочерью одного ютландскаго дворянина Христіной Мункъ, пожаловалъ ей титулъ графини шлезвигъ-гольштинской и прижилъ съ ней двухъ сыновей и восемь дочерей, которые всѣ безъ исключенія были имъ признаны его законными дѣтьми. Его дочери были впоследствии выданы замужъ за родовыхъ дворянъ, изъ которыхъ двое—Аннибалъ Зеенштедтъ и Корфицъ Улефельдъ пользовались особой благосклонностью своего коронованнаго тестя. Подчинившись вліянію своей возлюбленной Вибекке, Христіанъ развелся съ графиней и держалъ ее подъ арестомъ не смотря на то, что судебный приговоръ не призналъ ее виновной въ нарушении супружеской вѣрности. Раздражительный и честолюбивый Улефельдъ задумалъ отомстить за это оскорбленіе. Рассчитывая на свои семейныя связи, на свое богатство и на свою вліятельную должность государственнаго гофмейстера, онъ попытался, послѣ смерти своего тестя, воспользоваться въ своихъ личныхъ интересахъ тѣмъ временемъ междоусобицы, когда происходилъ выборъ новаго короля. Онъ не высказывалъ намѣренія выступить претендентомъ на королевскій престолъ, потому что боялся возбудить зависть въ другихъ представителяхъ знатныхъ семействъ; но онъ полагалъ, что правительственная власть будетъ въ его рукахъ, если ему

удастся возвести на престолъ брата его жены, графа Вальдемара. Онъ старался продлить междоусобицу, чтобъ успѣть уладить это дѣло. Даже заходила рѣчь о томъ, что Данія могла бы обойтись безъ всякаго короля. Но интрига не удалась: Фридрихъ III былъ выбранъ королемъ; однако онъ былъ вынужденъ сдѣлать дворянству новыя уступки въ ущербъ королевской власти и предоставилъ государственному совѣту замѣненіе открывающихся въ немъ ваканцій; четыре высшія государственныя должности равно какъ должность норвежскаго наместника онъ общался замѣнять тѣми лицами, которыя будутъ ему указаны государственнымъ совѣтомъ; онъ отказался отъ права отмѣнять или измѣнять постановленія этого олигархическаго собранія и т. д.

Хотя интриги и происки Улефельда были всѣмъ извѣстны, король Фридрихъ III простилъ ихъ ему и отправилъ его въ Гагу для заключенія съ Нидерландами торговаго трактата; результатомъ этой поездки было заключеніе договора, по которому Голландцы освобождались отъ уплаты зундскихъ пошлинъ, обязавшись вносить ежегодно опредѣленную сумму и помогать Даніи въ случаѣ войны. Эта сдѣлка возбудила неудовольствіе среди вельможъ, а копенгагенскій дворъ былъ очень недоволенъ напыщенной рѣчью, въ которой Улефельдъ ставилъ монархическую Данію наравнѣ съ республиканскими Нидерландами. Всѣхъ болѣе была недовольна королева Софія Амалия. Это была умная и энергичная женщина; она давала хорошее образованіе своимъ дѣтямъ и была преданной помощницей своего супруга. Но она относилась съ большимъ довѣріемъ къ Нѣмцамъ, чѣмъ къ Датчанамъ, а это было непростительной ошибкой въ глазахъ мѣстной знати. Благодаря ея покровительству, бременскій уроженецъ Христоръ Габель и люнебургскій уроженецъ Теодоръ Ленте пользовались большимъ вліяніемъ на короля.

Вожди олигарховъ воспользовались этими національными антипатіями для достиженія своихъ цѣлей. Раздраженіе постоянно усиливалось съ обѣихъ сторонъ; рассказывали, будто королева была очень высокомерна въ своемъ обхожденіи съ дочерьми Христіана IV и съ г-жею Мункъ; вдова одного гольштинца, Дина Вингоферсъ, сумѣвшая открыть для себя доступъ въ знатное общество и старавшаяся возбуждать тамъ раздоры, обвинила Улефельда и его жену въ намѣреніи отравить короля; отказъ Улефельда отъ представленія отчетовъ въ суммахъ издержанныхъ имъ на поѣздку въ Голландію, возбуждалъ подозрѣніе въ дурныхъ замыслахъ. Хотя Дина Вингоферсъ и была приговорена къ смертной казни за взведенную на Улефельда клевету, но въ придворныхъ кружкахъ это не считалось доказательствомъ ея дѣйствительной виновности, потому что всѣмъ было извѣстно, какое сильное вліяніе имѣли могущественные аристократы на судебныя рѣшенія. Георгъ Вальтеръ, отличившійся своей храбростью въ качествѣ коменданта Ренсбурга и получившій отъ короля чинъ тайнаго совѣтника, повторялъ, послѣ казни Дины Вин-

Фридрихъ III.
1648—1670.

1649.

Королева Софія
Амалия.

Дворъ и оли-
гархія.

1 июля 1651.

гоферсъ, тѣже обвиненія. И противъ него Улефельдъ возбудилъ уголовное преслѣдованіе; но король, желавшій предотвратить постановленіе смертнаго приговора, выслалъ Вальтера изъ Даніи и этимъ спасъ его отъ мстительнаго врага. Улефельдъ усмотрѣлъ въ этомъ распоряженіи смертельную обиду и тайное намѣреніе погубить его. Онъ спасся бѣгствомъ въ Амстердамъ, а потомъ отправился къ шведскому двору съ цѣлю склонить шведское правительство къ возобновленію войны съ Даніей. Но въ Копенгагенѣ измѣническое поведеніе Улефельда послужило поводомъ для преслѣдованія всѣхъ его родственниковъ. Его примѣру послѣдовали и его братъ Эббо Улефельдъ, также женатый на одной изъ дочерей Христины Мункъ, и графъ Вальдемаръ, которому онъ когда-то старался доставить королевскую корону; Зеештедтъ, преданность котораго также была ненадежна, также бѣжалъ изъ Даніи. Ихъ имѣнія были конфискованы, а ихъ должности были розданы другимъ. Наказаніе было жестоко, но оно не было незаслуженнымъ; впоследствии стало вполне ясно, что надменные вожди знати не были доступны ни для какихъ патріотическихъ чувствъ и руководствовались только эгоистическими цѣлями.

Улефельдъ и война съ Швеціей.

Корфицъ Улефельдъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Стокгольмѣ, не достигая своей цѣли: и вступленіе новаго короля на шведскій престолъ, и польская война, во время которой графъ Вальдемаръ былъ убитъ, сражаясь въ арміи Карла X, и всѣ замѣнательства того времени, уже ранѣе нами описанныя, служили препятствіемъ для возобновленія старой вражды между двумя сосѣдними государствами. Мстительные замыслы Улефельда стали близиться къ своему осуществленію только съ тѣхъ поръ, какъ военные успѣхи Карла X и другія указанія выше причины возбудили зависть и опасенія въ датскомъ правительствѣ, вызвали вышпательство Фридриха въ сѣверную войну и этимъ доставили шведскому королю поводъ для вторженія въ Данію. Улефельдъ игралъ роль посредника при заключеніи Рёскильдскаго мира, который былъ позоромъ для его отечества, но ему самому и его приверженцамъ были возвращены отобранныя имѣнія и почетныя должности. Намъ уже извѣстно, какъ непродолжителенъ былъ этотъ миръ. Столица Даніи была обязана своимъ спасеніемъ только патріотическому воодушевленію своихъ гражданъ и геройскому мужеству короля и королевы, а Копенгагенскій миръ былъ заключенъ вслѣдствіе неожиданной смерти Карла X.

Датская революція 1660 года.

Копенгагенскій сеймъ.

Знать не отказывалась отъ своихъ себялюбивыхъ стремленій даже въ тѣ дни тяжелыхъ испытаній, когда жители осажденнаго Копенгагена выказали необычайное геройское мужество, а королева объявляла днемъ и ночью городской валъ, поощряя солдатъ и гражданъ

къ сопротивленію врагамъ. На свои льготы, за которыя слѣдовало исполнять нѣкоторыя обязанности въ пользу государства, датская аристократія уже давно смотрѣла только какъ на средство увеличивать свои доходы и усиливать свою власть. Не смотря на то, что она владѣла двумя третями всѣхъ земель въ королевствѣ, она выплачивала на содержаніе арміи и флота не болѣе 70.000 талеровъ, а вмѣсто того, чтобъ лично нести кавалерійскую службу, присылала вмѣсто себя необученныхъ военному дѣлу крестьянъ и работниковъ; тѣмъ ревностнѣе отстаивала она свои сословныя привилегіи. Войны приходилось вести наемными солдатами, которые стали наконецъ настойчиво требовать уплаты жалованья. Но у правительства не было денегъ, потому что государство было обременено большими долгами, а низкая плата за аренду коронныхъ земель давала ничтожный доходъ. Наконецъ былъ созванъ въ Копенгагенѣ сеймъ изъ представителей всѣхъ трехъ сословій, имѣвшихъ право голоса, — дворянства, духовенства и гражданства. Крестьянство, когда-то также принимавшее участіе въ засѣданіяхъ сейма, было доведено до такого жалкаго положенія, что уже давно не составляло особаго сословія. Большая часть крестьянъ, жившихъ на коронныхъ земляхъ, подпала путемъ залоговъ или погупокъ тѣхъ земель подъ власть дворянства и превратилась въ крѣпостныхъ. Послѣ открытія сейма правительство предложило на его разрѣшеніе слѣдующія задачи: «прискать средства для приличнаго содержанія короля и его семейства; привести въ надлежащее положеніе милицію, флотъ и крѣпости; уплатить государственные долги и поддержать кредитъ короны въ ея сношеніяхъ съ иностранными государствами». Въ концѣ засѣданія было предложено ввести такой же налогъ на предметы потребленія, какой былъ введенъ въ Голландіи и въ Англіи. Тогда члены государственнаго совѣта и представители дворянства заявили, что предоставленныя имъ льготы освобождаютъ ихъ отъ уплаты такихъ налоговъ и что этими налогами могутъ быть обложены только два остальныхъ сословія и крестьянство. Но зееландскій епископъ Гансъ Сване и главный копенгагенскій бургомистръ Напсенъ высказали по этому поводу замѣчаніе, что «было-бы всего проще предоставить королю право вступить въ обладаніе его доменами и впредь отдавать земли въ аренду тѣмъ, кто предложитъ вышнюю за нихъ плату, а если бы и это оказалось недостаточнымъ, ввести налогъ на предметы потребленія, разсчитывая главнымъ образомъ на дворянство». Эти слова звучали чѣмъ-то въ родѣ военного лозунга; не трудно себѣ представить, какой бурный протестъ они вызвали со стороны привилегированнаго сословія. Вскорѣ послѣ того появилась брошюра, которая была настоящимъ публичнымъ манифестомъ, направленнымъ противъ всего дворянства; въ ней доказывалась необходимость не только отобрать отъ дворянства и заново отдавать въ аренду коронныя земли и об-

8 сент. 1660.

ложить налогами все сословия, но также уменьшить число государственных и придворных должностей и учредить особую комиссию для контроля над всеми государственными доходами и расходами. Нансен и Сване вручили королю помимо государственного совета записку, покрытую многочисленными подписями граждан и духовенства; в ней они указывали на отобрание доменов, как на главное средство исцелить недуги государственного организма.

Отмена капитуляции и учреждение наследственного королевского сана.

Но такая важная мера могла бы доставить прочные результаты только в том случае, если бы была отменена капитуляция и если бы наследственность королевского сана была утверждена законом. Такого мнения придерживались королева и ловкий придворный секретарь Габель; им удалось убедить и самого короля в том, что только такой государственный переворот может спасти датское королевство от окончательного крушения. Прямодушный, честный король не решился нарушить данную при вступлении на престол клятву и согласился на устройство тайного заговора между его придворными и примкнувшими к оппозиции сословиями. Но он склонился на убеждения Габеля, который был душою всего предприятия и тайным посредником между заговорщиками. Под тем предлогом, что при возбужденном состоянии столичного населения необходимы экстренные меры для охранения спокойствия, король созвал гражданское ополчение и подчинил его начальнику городского гарнизона генералу Шаку, который принадлежал к числу вполне надежных приверженцев короля. Дворянство стало догадываться, что против него что-то замышляется, но оно тщетно пыталось разорвать союз между духовенством и гражданством, распространяя слухи, будто будет отменена десятинная подать в пользу церкви; красноречивому епископу удалось устранить все недоразумения и поддержать единение между представителями двух сословий. Наследственность королевского сана и отмена капитуляции были лозунгом заговорщиков.

Введение гербовых пошлин, которое было утверждено королем по требованию государственного совета, усилило раздражение граждан. Они с насмешкой спрашивали: Разве этим способом можно поправить финансы? Как был удивлен государственный гофмейстер Иоах. фон-Гердорф, когда ему были вручены 8 октября два, подписанные уполномоченными от духовенства и от гражданства, просьбы, в которых говорилось, что королю следует предложить наследственность его сана. И созданные им коллеги были поражены удивлением, узнавши о таком неслыханном требовании. Несколько дней прошло в самом сильном возбуждении. Аристократы утверждали, что уполномоченные не имели права вносить в государственный совет предложение по такому предмету, который не значится в списке назначенных для рассмотрения дел; обе стороны обратились к королю: одни просили его закрыть заседания государственного совета, другие просили его исполнить их желание. На мосту, который ведет к королевскому дворцу, член государственного совета Отто Краг встретился с городской депутацией. Грозно указывая на

башню, которая служила тюрьмой для государственных преступников, он обратился к вождю депутации Гансену с вопросом: „Знакомы ли вы с этим местом?“ На это Гансен отвечал, указывая на колокольню с ее набатным колоколом: „А вы знаете ли, что там висит?“—В торжественной аудиенции епископ Сване обратился к королю с речью, в которой предлагал ему наследственную королевскую корону в знак признательности за его мужественную преданность отечеству и старался убедить членов государственного совета и дворянство в необходимости действовать сообща с представителями других сословий. Но его слова не произвели никакого впечатления на окаменелые сердца магнатов. Государственный совет ссылаясь в своем отказе между прочим и на то, что его личный состав не полон; поэтому копенгагенские граждане обратились к королю с просьбой заместить незанятые вакансии государственного совета, но выбрать для этой цели не дворян, а членов гражданства и духовенства, судей и должностных лиц. Во время происшедшей в королевском замке аудиенции, многие с удивлением замечали, что Аннибал Зеештедт обходился с придворными с развязной фамильярностью и дружески разговаривал с Сване; в этом усматривали доказательство того, что этот представитель высшей аристократии, подобно Корфицу Улефельду, отстал от людей своего звания и намерен вступить за интересы короля. Тогда Фридрих перестал колебаться: он решительно заявил, что если государственный совет и дворянство не присоединятся к духовенству и к гражданству, то он примет от этих двух сословий наследственность королевского сана. Государственный совет и дворянство наконец поняли, что они не могут отказаться от признания наследственности королевского сана, но, желая создать олот для охраны своих привилегий, потребовали, чтобы о капитуляции не было сказано ни одного слова. На торжественном заседании сейма был поднесен 13 октября королю наследственный титул от трех сословий именно в такой форме, какой требовала аристократия; при этом Нансен высказал надежду, что впредь духовенство и третье сословие также будут иметь право голоса в государственном совете. Но разве можно было ввести коренную реформу в систему управления, не отменив капитуляцию—этот палладий прав государственного совета и дворянства? За первым шагом неизбежно должен был следовать и второй.

На следующий день собрался в одной из зал королевского дворца комитет из двадцати представителей от разных сословий для обсуждения о будущем строе государственных учреждений. Красноречивому епископу Сване удалось примирить противоположные мнения. Вечером того же дня было подписано публичное заявление, в котором говорилось, что Фридрих III будет впредь управлять государством в качестве наследственного короля, а в замке отмененной капитуляции утвердить новые государственные учреждения, не нарушая существующих привилегий.

Новая эра в истории Дании открылась принесением торжественной присяги под открытым небом и при блестящей обстановке. Эту присягу принесли все сословия.

Королевская диктатура. 14 окт. 1660.

14 окт.

3. Данія подь неограниченнымъ монархическимъ правленіемъ.

Новыя прави-
ТЕЛЬСТВЕННЫЯ
КОЛЛЕГІИ.

Высшія государственныя должности были замѣнены государственнымъ совѣтомъ и правительственными коллегіями, въ которыя назначались членами и представители гражданства. Изъ этихъ учреждений стали исходить тѣ мѣры, которыя нанесли тяжелый ударъ дворянскому сословію и довели нѣкоторые дворянскія семьи почти до совершеннаго раззоренія. Прежняя отдача казенныхъ земель въ аренду была отмѣнена; ее замѣнило хозяйственное управление. Уплата капиталовъ, взятыхъ заимообразно подь залогъ тѣхъ земель, была разсрочена, а вмѣсто закладныхъ были выданы заѣмныя письма. Нерѣдко случалось, что люди, считавшіе себя кредиторами правительства, не имѣли въ рукахъ никакихъ документовъ. Ихъ преслѣдовали, какъ обманщиковъ. При такомъ государственномъ совѣтѣ, въ которомъ имѣли право голоса Сване и Нансенъ, и при такихъ правительственныхъ коллегіяхъ, въ которыхъ послѣднее рѣшающее слово оставалось за Габелемъ и Ленте, стали мало по малу утрачивать всякое вліяніе прежніе могущественные магнаты. Впрочемъ, они могли быть довольны тѣмъ, что ихъ участь находилась въ рукахъ милостиваго и справедливаго монарха: вѣдь нерѣдко раздавались голоса, требовавшіе болѣе рѣшительныхъ мѣръ; отобраніе коронныхъ земель, къ которому вскорѣ послѣ того приступилъ въ Швеціи Карлъ XI, казалось самымъ вѣрнымъ средствомъ для улучшенія положенія тѣхъ крестьянъ, которые жили на этихъ земляхъ. Фридрихъ III покуда довольствовался достигнутыми результатами. Только происки и шведскія симпатіи Корфица Улефельда не остались безнаказанными. Онъ былъ снова преданъ суду и только бѣгствомъ спасся отъ смертной казни; но его гордая супруга прожила болѣе двадцати лѣтъ въ самомъ строгомъ заточеніи.

Королевскій
ЗАКОНЪ.

Государственный актъ, подписанный представителями всѣхъ словій не только въ Даніи, но даже въ Норвегіи и въ Исландіи, послужилъ торжественной санкціей для всего, что было сдѣлано; въ немъ нація признавала результаты революціи легальными и выражающими ея волю. Опираясь на этотъ документъ, правительство стало вводить новыя преобразованія: оно освободило казенныя земли изъ-подъ залога, стало съизнова раздавать ихъ въ аренду и расширило права тѣхъ крестьянъ, которые когда-то принадлежали коронѣ, а съ теченіемъ времени сдѣлались крѣпостными частныхъ землевладѣльцевъ; духовенство было поставлено въ болѣе независимое положеніе, а его доходы были увеличены; города, и въ томъ числѣ Копенгагенъ, получили нѣкоторые новыя права касательно внутренняго управления, торговли и мореплаванія. Всё, что было сдѣлано въ те-

ченіе нѣсколькихъ лѣтъ на основаніи вышеупомянутаго государственнаго акта, было скрѣплено изданіемъ «Королевскаго закона» или прагматической санкціи, въ которой король возлагалъ на всѣхъ своихъ преемниковъ обязанность свято и ненарушимо сохранять абсолютную королевскую власть, непоколебимо держаться евангелическаго вѣроисповѣданія и не нарушать основнаго правила, что королевская власть должна неослабленной и нераздѣльной переходить по наследству къ членамъ царствующей династіи. Однако, этотъ «Королевскій законъ», составленный секретаремъ государственной канцеляріи Шумахеромъ и просмотрѣнный знаменитымъ юристомъ Теодоромъ Рейнхиткомъ, былъ опубликованъ только по прошествіи пяти лѣтъ при коронованіи новаго короля Христіана V, когда новыя учрежденія уже успѣли упрочиться, а народъ уже успѣлъ съ ними свыкнуться. Дворянство сначала держалось въ сторонѣ и выражало свое неудовольствіе только въ письмахъ къ жившему въ Брюгге Корфицу Улефельду, но когда самые старые изъ его представителей стали сходить одинъ за другимъ въ могилу, молодое поколѣніе примирилось съ происшедшими перемѣнами. «При непродолжительномъ житейскомъ опытѣ не легко замѣтить, какъ быстро вырастаетъ свѣжая трава и сколько старыхъ вещей она совершенно прикрываетъ отъ нашихъ взоровъ. Одинъ изъ представителей знатнаго рода Краговъ женился на правнучицѣ Нансена. Люди новаго поколѣнія съ насмѣшливой улыбкой рассказывали о причудливыхъ выходкахъ своихъ дѣдовъ». Ученый копенгагенскій профессоръ Вандакъ написалъ сочиненіе о правахъ абсолютнаго короля, руководствуясь книгами Самуила и нѣкоторыми библейскими изреченіями; оно пользовалось общимъ уваженіемъ наравнѣ съ каноническими книгами.

Эти политическія теоріи старался примѣнять на практикѣ мудрый министръ Петръ Шумахеръ, получившій отъ Христіана V въ награду за свои заслуги титулъ графа фонъ-Гриффенфельдта и возведенный имъ въ званіе великаго канцлера. Раздача новыхъ графскихъ и баронскихъ титуловъ съ нѣкоторыми привилегіями и учрежденіе ордена Данеброга привязали аристократію къ престолу.

Гриффенфельдтъ узналъ на собственномъ опытѣ, какія опасности кроются въ нѣдрахъ абсолютной королевской власти. Несмотря на то, что онъ содѣйствовалъ упроченію неограниченной власти короля, конецъ его жизни былъ очень печаленъ. Одна вліятельная дворянская клика успѣла внушить королю недовѣріе къ канцлеру, увѣряя, будто этотъ послѣдній присвоилъ себѣ слишкомъ большую власть и обогатился разными незаконными способами, вступая въ пзмѣнническія сношенія съ иностранными дворами. Гриффенфельдтъ оправдывался съ достоинствомъ и съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, но у него было слишкомъ много враговъ. Онъ былъ присужденъ къ смертной казни и къ утратѣ своего состоянія и своихъ почетныхъ отличій. Когда онъ былъ возведенъ на эшафотъ, король освободилъ его отъ смертной казни, но ея замѣна пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ

14 ноября
1663.

Христіанъ V.
1670—1699.

Петръ Шу-
махеръ, графъ
фонъ-Гриффен-
фельдтъ.

1676.

емъ едва-ли могла считаться за облегченіе его участи. Онъ провелъ двадцать три года въ темницѣ; сначала онъ былъ заключенъ въ тюрьму въ Фридрихсгафенъ; но его враги испугались, услышавши изъ устъ короля слѣдующія слова: „Гриффенфельдтъ лучше понималъ настоящіе интересы Даніи, чѣмъ всѣ члены тайнаго совѣта вмѣстѣ взятыѣ“; поэтому они перевели его въ мункгольмскую башню вблизи отъ Дровтгейма. Христіанъ наконецъ даровалъ ему свободу, но онъ умеръ черезъ нѣсколько недѣль послѣ того въ томъ же году, въ которомъ кончилась жизнь король.

Управленіе
Христіана V.

На перекуръ совѣтамъ канцлера, Христіанъ V принялъ участіе въ войнѣ коалиціи съ Людовикомъ XIV; онъ надѣялся, что съ помощью союзниковъ снова пріобрѣтетъ земли, уступленныя Швеціи, и отниметъ самостоятельную верховную власть у своего родственника, основателя гильскаго университета (1665) герцога Христіана Альберта Шлезвигъ-Гольштейнъ-Готторпскаго, который былъ привязанъ къ стокгольмскому двору и родственными узами и политическими симпатіями. Подробности этой войны уже были изложены нами ранѣе. Герцогъ заманилъ датскаго короля въ Рендсбургъ подъ предлогомъ, что намѣренъ дружески переговорить съ нимъ, но держалъ его тамъ въ плѣну, пока онъ не изъявилъ готовность отказаться отъ своихъ верховныхъ правъ на владѣнія герцога и уступить ему крѣпость Тѣннингенъ. Заключенный въ Сентъ-Жерменъ миръ не только обезпечилъ неприкосновенность шведскихъ владѣній, но также возвратилъ герцогу Гольштейнъ-Готторпскому всѣ земли и права, которыя должны были принадлежать ему на основаніи прежнихъ мирныхъ договоровъ. Наслѣдовавшій Христіану Альберту сынъ еще тѣснѣе сблизился съ шведскимъ королевскимъ домомъ влѣдствіе своего вступленія въ бракъ съ дочерью Карла XI. Его отношенія къ королю Христіану сдѣлались еще болѣе недружелюбными, когда этотъ послѣдній присоединилъ къ Даніи, послѣ смерти графа Антона Гюнтера, Ольденбургъ и Дельменгорстъ, на которые предъявляли свои права и Готторпы и Иленеры, принадлежавшіе къ побочной линіи гольштинскаго дома. Христіанъ V принялъ участіе и во второй войнѣ коалиціи съ Франціей; намъ уже извѣстно, какой страхъ внушали Датчане въ Ирландіи, когда тамъ была доведена до конца война между членомъ Оранскаго дома и пользовавшимся покровительствомъ Франціи Стюартомъ. Христіанъ V видѣлъ въ роскоши двора Людовика XIV достойный подражаніе образецъ; онъ хотѣлъ, чтобъ и Копенгагенъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ Парижемъ и съ Версалю. Онъ основалъ академію для дворянства, старался улучшить общественное образованіе и построилъ новое зданіе для оперы. Но жители столицы долго не могли позабыть ужаснаго пожара, который, во время представленія одной эффектной мифологической пьесы, обратилъ театръ въ груды пепла, и во время котораго погибло около трехъ сотъ человѣкъ.

IV. ПОЛЬША И САКСОНІЯ.

1. Польша при послѣднемъ королѣ изъ дома Вазы и войны съ казаками.

Въ то время, какъ въ Даніи господство дворянства было уничтожено духовенствомъ и гражданствомъ въ пользу неограниченной королевской власти, въ Польшѣ дворянство достигло полного преобладанія и учредило нѣчто въ родѣ аристократической республики съ монархомъ во главѣ ея. Мы уже ранѣе говорили о развитіи польскихъ государственныхъ учрежденій (VIII, 492 и сл.; XI, 678 и сл.). Когда сынъ Сигизмунда III, Владиславъ IV, помышлявшій въ своей молодости о соединеніи московскаго государства съ польскимъ, вступилъ на отцовскій престолъ по выбору дворянства, ему пришлось отказаться отъ нѣкоторыхъ прерогативъ своего сана, чтобъ сдѣлать новыя уступки въ пользу господствовавшего сословія. Онъ обязался ежегодно выдавать еще одну четверть доходовъ съ королевскихъ дѣиновъ на содержаніе арміи и въ особенности артиллеріи; доходы, доставляемые чеканкой монеты, должны были впредь принадлежать не королю, а государству. Польское дворянство руководствовалось самими узкими себялюбивыми цѣлями безъ всякаго вниманія къ интересамъ и къ безопасности государства; оно заботилось только о томъ, чтобъ при вступленіи каждаго новаго короля на престолъ расширять *Pacta conventa* въ пользу своего сословія, уменьшать до самыхъ незначительныхъ размѣровъ свою долю въ государственныхъ расходахъ, устранять недворянъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ управленія и не допускать ихъ до какой-либо самостоятельной дѣятельности. Оно не только держало своихъ собственныхъ крестьянъ въ тяжелой крѣпостной зависимости, но и не допускало, чтобъ жившіе на коронныхъ земляхъ крестьяне были поставлены въ лучшее положеніе. Такъ какъ коронныя имѣнія находились болѣею частію въ арендѣ или въ залогѣ у дворянъ, то эти послѣдніе опасались, что живущіе на ихъ земляхъ крестьяне будутъ завидовать положенію крестьянъ, живущихъ на коронныхъ земляхъ и будутъ стремиться къ перемѣнамъ. Аристократія зорко слѣдила за тѣмъ, чтобъ существующіе порядки и учрежденія не подвергались никакимъ измѣненіямъ, чтобы законы польской «республики» оставались неприкосновенными, т.-е. чтобъ права господствующаго сословія не подвергались никакимъ стѣсненіямъ. Королю не было дозволено нарушать равенство между членами дворянскаго сословія посредствомъ учрежденія новыхъ орденовъ или титуловъ, посредствомъ возведенія дворянъ въ графское или въ княжеское достоинство; представители

Польское дворянство.

Владиславъ IV
1632—1648.

польской аристократіи воображали, что они стоятъ гораздо выше всякихъ сословныхъ отличій, какія существовали въ иностранныхъ государствахъ; они считали себя курфирстами, потому что глава государства былъ ни что иное, какъ выбранный ими уполномоченный, обязанный подчиняться ихъ волѣ. Однако, несмотря на то, что магнаты единодушно стремились къ ослабленію королевской власти и къ устраненію всякихъ постороннихъ недворянскихъ элементовъ отъ вліянія на дѣла управленія, они раздѣлялись на партіи, сами себя обезсиливали своими внутренними раздорами, а своими интригами и заговорами препятствовали развитію національнаго могущества и подрывали авторитетъ правительственной власти.

Янъ Казиміръ
и казаки.

Янъ Казиміръ.
1648—1669.

1637—1642.

Въ царствованіе короля Владислава вѣнское и внутреннее спокойствіе рѣдко нарушалось, потому что на западѣ всѣ націи были заняты великой войной, которая велась въ Германіи, а на востокѣ Русскіе заботились только о залѣчиваніи ранъ, нанесенныхъ государству междоусобицами. Но еще при его жизни и прежде чѣмъ былъ выбранъ ему въ преемники его братъ Янъ Казиміръ, внутреннее спокойствіе было нарушено шестилѣтней войной съ казаками, исходъ которой ослабилъ польское государство столько-же, сколько и вспыхнувшая вслѣдъ за тѣмъ война съ Швеціей и съ Бранденбургомъ (уже ранѣе нами описанная). Для поляковъ было чѣмъ-то въ родѣ бѣды на глазу то жившее на сѣверѣ отъ Чернаго и Азовскаго морей племя, которое было подчинено Стефаномъ Баторіемъ польскому верховенству и носило названіе Запорожцевъ по мѣсту своего жительства близъ днѣпровскихъ пороговъ. Оно управлялось выборнымъ гетманомъ, рѣдко призывалось польскими королями на службу, но по своей склонности къ войнамъ и къ грабежу часто предпринимало по окрестнымъ странамъ опустошительныя набѣги, причинявшіе варшавскому правительству не мало неприятностей. Одинъ отрядъ этихъ удалцевъ завладѣлъ Азовомъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ удерживалъ въ своей власти этотъ центральный пунктъ торговыхъ сношеній Азіи съ Европой, когда-то отнятый Турками у Генуэзцевъ. Въ особенности въ Украинѣ и въ южной Польшѣ землевладѣльцы были крайне недовольны тѣмъ, что многіе изъ ихъ крѣпостныхъ крестьянъ, спасавшихся бѣгствомъ отъ тяжелаго гнета барщинныхъ повинностей, находили для себя пріютъ и обезпеченныя законами права у казаковъ, и безъ того уже внушавшихъ польскимъ панамъ ненависть своей привязанностью къ греческой церкви. Хотя между польскимъ дворянствомъ и польскимъ королемъ не было ни взаимной привязанности, ни взаимнаго довѣрія, но они сходились въ общемъ отвращеніи ко всѣмъ диссидентамъ и въ особенности къ непризнававшимъ верховной власти папы, казакамъ. Янъ Казиміръ отличался такими врожденными наклонностями, которые болѣе свойственны лицамъ духовнаго званія, чѣмъ королямъ: въ царствованіе

своего брата онъ много путешествовалъ по Германіи, Голландіи, Франціи и Италіи, поступилъ въ Римѣ въ число членовъ іезуитскаго ордена и былъ возведенъ въ званіе кардинала; въ послѣдствіи онъ сложилъ съ себя духовный санъ и вступилъ съ разрѣшенія папы въ бракъ, но въ его душѣ не заглохли ни тенденціи, внушенныя іезуитами, ни влеченіе къ духовному званію.

По вышеизложеннымъ причинамъ, правительство и сеймъ пришли къ убѣжденію, что необходимо ограничить вольности казаковъ и положить конецъ ихъ политической независимости. Было рѣшено, что въ построенномъ однимъ французскимъ инженеромъ подлѣ ближайшаго къ Кіеву днѣпровскаго порога, укрѣпленномъ замкѣ Кудакѣ, будетъ поставленъ польскій гарнизонъ, который будетъ наблюдать за казачьей конницей и держать ее въ повиновеніи. Неудачная попытка казаковъ разрушить построенное укрѣпленіе доставила желанный предлогъ для болѣе строгихъ мѣръ. Зачинщикъ неудавшагося предпріятія былъ казненъ наперекоръ данному обѣщанію, а постановленіе сейма отняло у казаковъ ихъ исключительныя права. Они лишились права выбирать своего гетмана. Польскому главнокомандующему было предоставлено назначеніе всѣхъ казачьихъ военныхъ начальниковъ и было уничтожено всякое различіе между казакомъ и польскимъ крестьяниномъ. Назначенныя королемъ должностныя лица и католическіе священники стали усердно обращать казаковъ въ католичество, безнаказанно прибѣгалъ въ случаѣ надобности къ насилию. Главою державы велѣно было признавать не кіевского митрополита, а римскаго папу. У одного изъ храбрыхъ казачьихъ военачальниковъ польскаго происхожденія, Богдана Хмѣльницкаго было силою отобрано имѣніе королевскимъ старостой; когда онъ обратился съ жалобой въ Варшаву, этотъ староста напалъ на его домъ, увелъ его жену и самъ вступилъ съ нею въ бракъ, предварительно обративши ее въ католическую вѣру. Тогда Хмѣльницкій призвалъ казаковъ къ оружію и началъ съ Поляками борьбу на жизнь и на смерть, призвавши къ себѣ на помощь Татаръ, жившихъ въ Крыму подъ турецкимъ верховенствомъ. Польскій военачальникъ Потоцкій потерпѣлъ постыдное пораженіе не задолго до смерти Владислава. Этотъ послѣдній, быть можетъ, сумѣлъ бы предотвратить отпаденіе казаковъ отъ Польши, потому что относился благосклонно къ Хмѣльницкому и не одобрялъ жестокостей и несправедливостей, которыя совершались польскими магнатами. Но мятежные и не признававшіе римскаго папы казаки не могли ожидать пощады отъ новаго короля, вполне подчинявшагося вліянію дворянства. Хотя при заключеніи мирнаго договора въ Зборовѣ и была сдѣлана попытка достигнуть соглашенія, но развѣ осмотрительный Хмѣльницкій могъ отказаться отъ приобретенныхъ успѣшными военными дѣйствіями выгодъ ради обѣщанной ему амнистіи и назначенія гетманомъ? Къ тому же казаки вовсе не желали снова приниматься за полевныя работы, подчиняться произволу польскихъ магнатовъ и выносить коварныя происки іезуитовъ, старавшихся обращать ихъ въ другую вѣру. Поэтому, заключенный въ Зборовѣ договоръ не долго оставался въ силѣ и будущность казаковъ была поставлена въ зависимость отъ меча.

Война была кровопролитна и велась съ перемѣнчивымъ счастьемъ; но на чью бы сторону ни склонилась побѣда, Польша могла вынести изъ этой войны только вредъ и истощеніе силъ. И какое страшное зло должна была причинить борьба, которая была въ одно и то же

Начало войны
съ казаками.

1647.

Май 1648.

Авг. 1649.

Переходъ
казаковъ изъ
польскаго под-
данства въ
русское.

время и междоусобной войной и племенной и религиозной, и въ которой подъ казацкими знаменами сражались и толпы дикихъ, исповѣдывавшихъ магометанство, Татаръ, и бѣглые польскіе и литовскіе крестьяне? Самъ гетманъ Хмѣльницкій былъ очень озабоченъ тѣмъ, что его войны давали полную волю своимъ дикимъ влеченіямъ и страстямъ. Ему особенно хотѣлось отдѣлаться отъ Татаръ. Но онъ могъ достигнуть этой цѣли только двумя способами—или примирившись съ Польшей или обратившись за помощью къ кому-нибудь другому. Прибѣгнуть къ первому способу онъ не могъ, потому что дворянская олигархія приняла въ Польшѣ во время этой войны такой характеръ, что тамъ, по видимому, господствовала полная анархія. На сеймахъ уже не излагались доводы въ пользу или противъ той или другой мѣры, потому что большинство заставляло своихъ противниковъ молчать съ помощью угрозъ и даже насилій. Раздоры и взаимная ненависть между польскими партіями дошли до того, что нѣкоторые изъ польскихъ вельможъ оказывали содѣйствіе казакамъ, въ сеймѣ случилось въ первый разъ, что одинъ изъ депутатовъ могъ своимъ единоличнымъ протестомъ прекратить продолженіе преній и уничтожить легальность постановленныхъ рѣшеній; сначала это возбуждало общее негодованіе, но вскорѣ послѣ того было признано за принадлежащее всѣмъ депутатамъ законное право. Съ тѣхъ поръ сеймъ могъ постановлять законныя рѣшенія не иначе, какъ единогласно. Впослѣдствіи мы ближе познакомимся съ этимъ причудливымъ *liberum veto*, способнымъ разрушить основы всякаго государственнаго устройства, а пока ограничимся замѣчаніемъ, что усиленіе анархіи и раздѣленіе польскаго дворянства на партіи заставили гетмана Хмѣльницкаго отложить въ сторону мысль о примиреніи съ польской республикой и искать помощи въ другомъ мѣстѣ. А могъ-ли онъ придумать что-нибудь болѣе выгодное, чѣмъ присоединеніе къ московскому государству, которое подъ управленіемъ дома Романовыхъ также рѣшительно стремилось къ сосредоточенію власти въ рукахъ монарха, какъ польская дворянская республика стремилась къ уничтоженію всякихъ государственныхъ и общественныхъ узъ? Царь Алексѣй Михайловичъ привѣтливо принялъ посланцевъ казацкаго гетмана. Былъ заключенъ оборонительный союзъ, на основаніи котораго излишекъ свободныхъ жителей долженъ былъ переселиться на пустопорожнія, но плодородныя земли вблизи отъ Бѣлгорода и завелъ быстро достигшія процвѣтанія поселенія въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Харьковѣ и въ другихъ мѣстахъ; вслѣдъ за этимъ былъ заключенъ государственный союзъ съ обоюдными обязательствами. Представляя союзный договоръ собравшимся старшинамъ и военачальникамъ, Хмѣльницкій спросилъ ихъ, что они предпочитаютъ—подчиненность католическому королю и дружбу съ магометанами, или-же союзъ съ православнымъ могущественнымъ монархомъ; всѣ предпочли

1652.

Сент. 1658.

союзъ съ русскимъ народомъ, съ которымъ соединяли казаковъ сходство религіи и языка. Всѣ казаки поклялись въ вѣрности московскому царю и получили подтвержденіе всѣхъ правъ, какими прежде пользовались подъ властью польскихъ королей.

Тогда война получила болѣе широкіе размѣры: казаки и Русскіе двинулись на западъ, обратили литовскаго главнокомандующаго Юнна Радзивилла въ бѣгство и быстро завладѣли городами Смоленскомъ, Витебскомъ, Минскомъ, Гродно и др. Это случилось около того времени, когда шведскій король предпринялъ ранѣе описанный нами походъ и проникъ до Варшавы. Военными дѣйствіями Шведовъ руководилъ польскій дворянинъ, бывшій помощникъ канцлера Іеронимъ Радзейовскій, который былъ смертельно оскорбленъ королемъ и сначала велъ тайныя сношенія съ казаками, а потомъ бѣжалъ въ Стокгольмъ. Тогда бѣдствія войны обрушились на Польшу со всѣхъ сторонъ: Русскіе и казаки, Шведы, Нѣмцы и Трансильванскій князь Ракоци одновременно старались разорвать республику на части. Уже въ то время зародилась мысль о раздѣлѣ Польши. Однако, польская нація не погибла въ этой борьбѣ, отчасти благодаря самимъ Полякамъ, которыхъ ободрило къ сопротивленію духовенство, частью благодаря раздорамъ между ея врагами. Такъ какъ русскій царь замыслилъ походъ въ принадлежавшія Шведамъ, остзейскія провинціи, то онъ заключилъ съ Поляками перемиріе въ Вильнѣ. Изъ врага Поляковъ онъ превратился въ ихъ союзника, такъ какъ вступилъ въ борьбу съ общимъ врагомъ и Поляковъ и Русскихъ—Карломъ X. Установленію этихъ дружескихъ отношеній немало содѣйствовало и то обстоятельство, что польскіе магнаты обѣщали царю выбрать его въ преемники бездѣтнаго Яна Казимира. Война окончилась со смертію жаднаго къ завоеваніямъ датскаго короля. По Велаускому договору Янъ Казимиръ отказался отъ своихъ сюзеренныхъ правъ на герцогство прусское, а черезъ три года послѣ того, при заключеніи мира въ Оливѣ, отказался отъ своихъ притязаній на Эстляндію и Лифляндію, которыя снова перешли къ шведской коронѣ; на это послѣднее рѣшеніе изъявилъ свое согласіе и русскій царь при заключеніи мира въ Кардисѣ (мѣсяцъ между Дерптомъ и Ревелемъ).

Въ то время, какъ былъ заключенъ этотъ миръ съ Швеціей, снова возгорѣлась война между Польшей и Россіей. Отпаденіе украинскихъ казаковъ отъ Польши ослабляло ея силы, поэтому въ Варшавѣ дѣлались попытки примириться съ ними. Умершій во время войны, Богданъ Хмѣльницкій успѣлъ передъ смертію склонить пародныхъ представителей къ избранію ему въ преемники шестнадцатилѣтняго сына его Георга; но опекунъ Георга, честолюбивый Янъ Выговскій самъ добивался званія гетмана, которое надѣялся получить съ помощью польскаго короля. Въ Варшавѣ предупредительно отнеслись къ его запискамъ: договоромъ, который былъ заключенъ съ нимъ въ Гадячѣ, было условлено, что казаки снова вступятъ въ ленную зависимость отъ Польши, что имъ будутъ обезпечены и религиозная свобода и политическая автономія, что Выговскій будетъ назначенъ гетманомъ и что ему будетъ дано право создать среди казаковъ дворянское сословіе съ такими же правами, какими пользовалось польское дворянство. Но это послѣднее условіе, несогласное съ демократическимъ характеромъ казацкаго общественнаго строя, послужило препятствіемъ для исполненія договора и вызвало новые раздоры. Сторону молодца Георга Хмѣльницкаго припала многочисленная партія, требовавшая соблюденія присяги, которая была дана за шесть лѣтъ передъ тѣмъ царю. Это послужило поводомъ для новой войны между Польшей и Россіей: ка-

Мартъ 1654.

Затруднительное положеніе Польши.

Окт. 1656.

Новая война съ казаками и борьба между польскими партіями. Авг. 1657.

1658.

заки раздѣлились на два лагеря; одни изъ нихъ сражались на сторонѣ Поляковъ, другіе на сторонѣ Русскихъ. Борьба велась съ большимъ ожесточеніемъ между прочимъ и потому, что она затрогивала династическіе интересы: король и королева желали, чтобъ польскій престолъ достался единственному сыну принца Кондэ, герцогу Энгиенскому, а царь, опиравшійся на сочувствіе вельможъ, желалъ приобрести польскую корону для самого себя. Продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ война не привела ни къ какому рѣшительному результату. Наконецъ было условлено оставить безъ разрѣшенія вопросъ объ избраніи наслѣдника польскаго престола; такъ какъ Польша опасалась войны съ Турціей, то она сочла благоразумнымъ примириться съ Русскими. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ былъ заключенъ въ Андрусовѣ, между Смоленскомъ и Мстиславлемъ, мирный договоръ на тринадцать съ половиною лѣтъ: царь получилъ Смоленскъ, Сѣверскую область и Черниговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ верховную власть надъ жившими по ту сторону Днѣпра украинскими казаками; Кіевъ былъ оставленъ въ его власти еще на два года. Воеводство полоцкое, Витебскъ и польская Лифляндія были возвращены польской республикѣ.

Послѣдствіемъ внутреннихъ смутъ, возникшихъ вскорѣ послѣ того и русскихъ владѣній, было то, что Андрусовскій мирный договоръ соблюдался болѣе тщательно, чѣмъ всѣ прежніе договоры. Между тѣмъ какъ Запорожцы мало по малу приучались къ новымъ порядкамъ, донскіе казаки возстали противъ русскаго правительсва, которое, подобно польскому сейму, желало отмѣнить ихъ привилегіи и подчинить ихъ общимъ законамъ русскаго государства. У нихъ было отнято право выбирать пхъ атамановъ и судиться народнымъ судомъ по ихъ старому обычному праву, а высшая надъ ними власть была ввѣрена черкасскому воеводѣ. Когда Юрій Алекс. Долгорукій сталъ съ большою строгостью вводить эту систему управленія, Стенька Разинъ (братъ котораго былъ повѣшенъ за неповиновеніе) поднялъ знамя мятежа. Въ теченіе трехъ лѣтъ казацкія шайки опустошали русскія восточныя владѣнія. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ были казнены смертн одиннадцать тысячъ мятежниковъ. Междоусобица стала мало по малу утихать только послѣ того, какъ вождь мятежниковъ попался въ руки Русскихъ и былъ четвертованъ.

2. Янъ Собіескій и Августъ II саксонскій.

Во время описанной выше войны, супруга польскаго короля кончила жизнь, какъ утверждали, отъ огорченія, что ея замыслы касательно наслѣдованія польскаго престола оказались тщетными. Тогда и Янъ Казиміръ рѣшился отказаться отъ политической дѣятельности и посвятить послѣдніе годы своей жизни исполненію религиозныхъ обязанностей. Когда онъ, во время войны Испаніи съ Франціей, совершалъ свои продолжительныя поѣздки по южной Европѣ и, отправляясь въ Испанію на генуэзской галерѣ, высадились на берегу Прованса, Ришелье приказалъ по политическимъ соображеніямъ арестовать его и затѣмъ держалъ его въ теченіе двухъ лѣтъ подъ надзоромъ. Это пребываніе во Франціи не было добровольнымъ; тѣмъ не менѣе Казиміръ пожелалъ окончить тамъ свою жизнь, какъ на-

жется, потому что ему очень нравилась страна, въ которой было низпровергнуто владычество дворянства, а королевская власть достигла блестящаго могущества. Онъ выговорилъ себѣ значительную пожизненную пенсію, простился на сеймѣ съ польскою націей и, отправившись во Францію, поселился въ Неверсѣ. Это былъ послѣдній король изъ дома Вазы; въ его жилахъ еще текла кровь Ягеллоновъ; но это не помѣшало ему навсегда покинуть отчизну его предковъ. Онъ прожилъ только три года послѣ своего отреченія отъ престола.

Дворянство, отъ котораго зависѣло избраніе новаго короля, раздѣлилось на двѣ партіи—французско-лотарингскую и нѣмецко-нейбургскую; ожесточенная борьба между этими партіями побудила сеймъ издать законъ, по которому впредь ни одинъ король не имѣлъ права отречься отъ престола; это было печальнымъ доказательствомъ того, что высшая почетная должность въ польской республикѣ не имѣла ничего привлекательнаго даже для польскихъ магнатовъ. Послѣ семимѣсячнаго междоцарствія партіи наконецъ остановили свой выборъ на незнатномъ дворянинѣ Михаилѣ Вишневецкомъ не столько потому, что онъ обладалъ выдающимися личными достоинствами, сколько потому, что не имѣя ни большаго состоянія, ни семейныхъ связей, онъ не осмѣлился бы посягнуть на привилегіи вельможъ. Члены сената и духовенства, въ особенности примасъ Никол. Працмовскій и главнокомандующій Янъ Собіескій были крайне недовольны тѣмъ, что выборъ палъ на незнатнаго дворянина; они старались мѣшать новому королю въ исполненіи его обязанностей, такъ что пришлось распустить первый собравшійся сеймъ.

Казаки были недовольны тѣмъ, что одни изъ нихъ находились подъ русскимъ владычествомъ, а другіе подъ польскимъ; они желали соединиться подъ одною властію, но одни изъ нихъ желали снова подчиниться Польшѣ, а другіе желали подчиниться русскому царю. Къ этимъ внутреннимъ раздорамъ присоединились тайныя сношенія съ крымскими Татарами, одинаково опасными и для Русскихъ и для Поляковъ. Именно въ то время Османъ сталъ увлекаться жаждой завоеваній: они отняли у Венеціанцевъ островъ Кандію и старались поставить Трансильванію и Венгрію въ полную зависимость отъ Порты, при чемъ встрѣчали со стороны мѣстныхъ магнатовъ. Такіе же замыслы питали они и относительно Украины: честолюбивый и коварный гетманъ Дорошенко былъ готовъ признать верховную власть Порты съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ былъ поставленъ во главѣ всего казачества. Дерзкія выраженія польскаго посла въ Константинополѣ разожгли страсть султана Магомета IV къ завоеваніямъ. Вскорѣ послѣ того многочисленная турецкая армія появилась подъ стѣнами Каменца на Днѣстрѣ. Слабо защищенный городъ былъ принужденъ сдаться; польскій главнокомандующій Собіескій не былъ въ состояніи выгнать болѣе сильнаго непріятеля; вся Подолія была занята Турками; Лембергъ купилъ за большую сумму отступленіе янычаръ. Слабый король Михаилъ испугался и торопливо заключилъ въ Будзкѣ постыдный мирный договоръ, по которому Подолія оставалась во власти Османовъ, Украина поступала

† 16 декабря 1672.

Избраніе новаго короля.

Михаилъ Вишневецкій. 1669—1673.

Война съ казаками и съ Турками.

Авг. 1672.

18 сент. 1672.

подъ верховную власть Порты, а польская республика обязывалась уплачивать Портѣ ежегодную дань. Каменецъ былъ занятъ турецкимъ гарнизономъ, а на правомъ берегу Дуная подлѣ Хотина 80,000 Османовъ поставили укрѣпленный лагерь.

Янъ Собіескій. Какъ ни былъ постыденъ этотъ мирный договоръ, варшавскій сеймъ 1674—1696. не рѣшался отвергнуть его изъ опасенія раздражить грознаго врага; въ членахъ сейма пробудилось мужество только благодаря настоячивому протесту Собіескаго, который со слезами на глазахъ умолялъ ихъ не утверждать состоявшагося соглашенія и предлагалъ не прекращать войну. Мирный договоръ былъ отвергнутъ, а главнокомандующему было поручено продолжать военныя дѣйствія. Малодушный король былъ такъ взволнованъ этимъ рѣшеніемъ, что опасно занемогъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того кончилъ жизнь въ Лембергѣ на тридцать шестомъ году отъ рожденія. Собіескій отстоялъ честь и воинскую репутацію своей націи; около того времени, когда несчастный король испустилъ духъ, онъ напалъ на турецкій лагерь подлѣ Хотина и нанесъ непріятелю рѣшительное поражение; 8.000 янычаръ и другихъ турецкихъ солдатъ погибли въ волнахъ Днѣстра вслѣдствіе того, что во время ихъ отступленія къ Каменцу подъ ними провалился мостъ. Отнятое у непріятеля большое зеленое знамя было отослано Собіескимъ въ Римъ къ папѣ, который приказалъ поставить его въ храмъ св. Петра. Подъ вліяніемъ этихъ событій происходило избраніе новаго короля. Налицо было шесть претендентовъ княжескаго рода; но не смотря на всѣ интриги и происки партій королемъ былъ выбранъ побѣдитель при Хотинѣ отчасти благодаря своимъ военнымъ дарованіямъ, отчасти благодаря усиліямъ французской партіи, которую поддерживалъ посолъ Людовика XIV. Но прежде чѣмъ состоялось коронованіе новаго короля, ему пришлось оборонять пограничныя области отъ грознаго непріятельскаго нашествія. Армія Османовъ двинулась изъ Каменца въ польскія владѣнія, стала опустошать Подолію, Украину, Галицію, и угрожала Лембергу. Тогда Собіескій снова выступилъ въ походъ и не смотря на сравнительную малочисленность своей арміи одержалъ подлѣ стѣнами Лемберга вторую блестящую побѣду надъ Османами. И послѣ этого пораженія Порты не хотѣла отказаться отъ правъ, предоставленныхъ ей Будзьянскимъ мирнымъ договоромъ; война продолжалась еще болѣе года; а когда небольшая и во всемъ нуждавшаяся армія Собіескаго была окружена Турками подлѣ мѣстечка Зуравны, неподалеку отъ береговъ Днѣстра, то можно было подумать, что всѣ усилія Поляковъ останутся безплодными. Но мирное настроеніе взяло верхъ въ Константинополѣ, благодаря непоколебимой твердости Собіескаго и опасеніямъ Порты, что Россія объявитъ ей войну. Поэтому тамъ было рѣшено покончить войну съ Польшей, смягчивши суровость ранѣе установленныхъ мирныхъ условий. Послѣ предвари-

тельного соглашенія, состоявшагося въ Зуравнѣ, былъ заключенъ въ Окт. 1676. Константинопольскій новый мирный договоръ. Султанъ отказался отъ наложенной на Польшу ежегодной дани, удовольствовался приобрѣтеніемъ большей части Подоліи со включеніемъ крѣпости Каменецъ, и предоставилъ Польшѣ двѣ трети Украины вмѣстѣ съ верховною властію надъ жившими тамъ казаками. Мартъ 1678.

Черезъ три года послѣ того и между Русскими и Турками былъ заключенъ въ Радзинѣ на двадцать лѣтъ мирный договоръ, положившій конецъ войнѣ, которую вели эти два народа подлѣ Чигирина и на берегахъ Днѣпра. Во время этой войны былъ убитъ Георгій Хмѣльницкій, призванный султаномъ за казацкаго гетмана. Турки отказались отъ всякихъ притязаній на Украину и Киевъ остался во власти Русскихъ. Янв. 1681.

Когда миновала опасность турецкаго нашествія, въ Польшѣ возобновились козни партій и внутреннія смуты. Не смотря на важныя военныя заслуги Собіескаго, у него было много враговъ. Въ Литвѣ гордое семейство Пакъ, происходившее отъ флорентинскихъ Пацци, противилось его избранію и даже послѣ его вступленія на престолъ, не переставало относиться къ нему враждебно; чтобы противодействовать кознямъ этихъ враговъ, Собіескій сталъ поддерживать богатый родъ Сапѣги, которому приписывали татарское происхожденіе. Графъ Казиміръ Сапѣга скоро сдѣлался самой вліятельной особой въ великомъ княжествѣ и сталъ питать честолюбивую надежду получить польскую корону, или же, въ случаѣ неудачи, отдѣлить Литву отъ польской республики и сдѣлать изъ нея самостоятельное княжество. Онъ рассчитывалъ на помощь Австріи, интересы которой всегда горячо отстаивалъ. Янъ Собіескій поступилъ наперекоръ политическимъ принципамъ своего правительства, предпринявши для спасенія Вѣны тотъ знаменитый походъ, который увѣнчалъ его главу неувядаемыми лаврами. Онъ надѣялся, что, заключивши союзъ съ императоромъ и пользуясь поддержкой со стороны Россіи, будетъ въ состояніи навсегда выгнать Турокъ изъ польскихъ владѣній и снова присоединить къ Польшѣ утраченныя провинціи. Эти надежды не сбылись; напротивъ того, Турки сдѣлались съ тѣхъ поръ еще болѣе опасными сосѣдями, чѣмъ прежде. Не смотря на то, что Янъ ежегодно предпринималъ новые походы, онъ не могъ отнять у Турокъ Каменца и Подоліи и не могъ присоединить къ республикѣ княжество молдавское. Упадокъ воинственнаго духа среди Поляковъ, недостатокъ денегъ, солдатъ и боевыхъ орудій, и козни завистливыхъ магнатовъ не позволяли ему достигнуть такихъ успѣшныхъ результатовъ, которые могли бы равняться съ его первыми воинскими подвигами. Кромѣ того, ему приходилось выносить не мало непріятностей и въ дѣлахъ внутренняго управленія. Литовскій главнокомандующій Казиміръ Сапѣга открыто возсталъ противъ него за то, что онъ взялъ

Управленіе
Собіескаго и
его смерть.

17 июня 1696. сторону виленскаго епископа въ ссорѣ съ главнокомандующимъ. Когда сошелъ въ могилу этотъ герой, отличавшійся не только своими воинскими дарованиями, но также своимъ образованіемъ, благородствомъ характера и знаніемъ людей, можно было заранѣе предвидѣть, что вражда между принадлежавшими къ различнымъ партіямъ вельможами разразится страшными бурями.

Борьба изъ-за
избранія но-
ваго короля.

Прежде чѣмъ могло состояться избраніе новаго короля, прошелъ цѣлый годъ, не смотря на то, что на лицо было только два серьезныхъ претендента—принцъ Конти, за котораго хлопоталъ французскій посланникъ аббатъ Полиньякъ, и курфирстъ саксонскій Августъ II, котораго поддерживали императоръ Леопольдъ и его сынъ Іосифъ. Курфирстъ саксонскій, устранившій религиозное препятствіе посредствомъ перехода въ католическую вѣру и успѣвшій снискать поддержку Австріи и іезуитовъ, имѣлъ на своей сторонѣ то преимущество, что его уполномоченный Флеммингъ, впоследствии достигшій званія фельдмаршала, былъ ловкій, неразборчивый на средства дипломатъ, у котораго было въ распоряженіи больше денегъ, чѣмъ у Полиньяка, и которому помогали вести переговоры его родственники, кульмскій кастелланъ. И юный царь Петръ поддерживалъ нѣмецкаго претендента. Если бы сочувствовавшій французскому претенденту кардиналъ-примасъ допустилъ избраніе короля въ тотъ моментъ, когда многіе изъ дворянъ были подкуплены французскими деньгами, то большинство голосовъ, по всему вѣроятію, было бы подано за принца Конти, потому что на берегахъ Вислы были сильны симпатіи къ Франціи; но по мѣрѣ того, какъ замедлялось постановленіе окончательнаго рѣшенія, а французскій претендентъ истрачивалъ свои послѣдніе деньги, саксонская партія брала верхъ, потому что курфирстъ былъ въ состояніи истратить на свое избраніе десять милліоновъ польскихъ гульденовъ; чтобъ добыть эту сумму, онъ частію продалъ, частію заложилъ нѣсколько родовыхъ имѣній, взялъ 1.000.000 гульденовъ въ вознагражденіе за свой отказъ отъ саксонскихъ притязаній на герцогство лауэнбургское, ввелъ новые косвенные налоги, занималъ деньги за большіе проценты и т. д. Флеммингъ съ своей стороны не скупился на самыя щедрыя обѣщанія. Успѣхъ курфирста уже былъ обезпеченъ, когда принцъ прибылъ на данцискій рейдъ съ небольшою французскою флотиліей. Даже послѣ того, какъ состоялось избраніе курфирста, пришлось двинуть въ Польшу 10.000 Саксонцевъ для того, чтобъ принудить Конти и его приверженцевъ положить оружіе. Тогда французскій претендентъ былъ вынужденъ выѣхать изъ Данцига и возвратиться въ свое отечество.

Король Ав-
густъ II.
1697—1733.

Августъ II былъ коронованъ 15 сентября въ Краковѣ королемъ польскимъ послѣ того, какъ поклялся не нарушать *Pacta conventa* и кромѣ того далъ обѣщаніе, что не будетъ приобрѣтать никакихъ имѣній для своего дома. Послѣ заключенія Карловицкаго мира (стр.

340) было постановлено на «примирительномъ сеймѣ», что король не будетъ держать въ Польшѣ никакихъ иностранныхъ войскъ, кромѣ 1.200 тѣлохранителей, что въ противномъ случаѣ польское дворянство имѣетъ право силою выгнать излишнихъ солдатъ. Такимъ образомъ установилась черезъ посредство царствующаго дома тѣсная связь между Саксоніей и польскою дворянскою республикой,—связь, оказавшаяся вредной для обоихъ государствъ. Саксонскій народъ тяготился бременемъ, которое налагали на него честолюбіе и себялюбивая политика его курфирста; а польское государство, при обоихъ нѣмецкихъ короляхъ Августѣ II и Августѣ III, все болѣе и болѣе приходило въ разстройство, грозившее ему окончательной гибелью. Политическая жизнь состояла изъ ожесточенной вражды между различными партіями, изъ составленія конфедерацій, изъ бурныхъ преній въ польскихъ сеймахъ; прогрессъ европейской культуры оставался чуждымъ для націи. Она упорно придерживалась средневѣковыхъ порядковъ со строгаго отдѣлявшимися одно отъ другаго сословіями, между тѣмъ какъ остальная Европа старалась сглаживать различія между сословіями и соединять всѣ слои населенія въ одно цѣлое. Высшее духовенство участвовало въ привилегіяхъ дворянства, низшее духовенство стояло по своему невѣжеству и своимъ предразсудкамъ на одномъ уровнѣ съ крѣпостными людьми, многочисленные и грязные евреи захватили въ свои руки мелочную торговлю и ремесла. Десятыхъ всего населенія состояли изъ крѣпостныхъ крестьянъ, у которыхъ не было никакой легальной охраны отъ произвола ихъ господъ.

3. Курфиршество Саксонія послѣ заключенія Вестфальскаго мира.

Курфирстъ Іоаннъ Георгъ I пережилъ восемь годовъ окончаніе тридцатилѣтней войны, которая не причинила ни одной странѣ (за исключеніемъ Рейпскаго Пфальца) такого же вреда, какой потерпѣла отъ нея столь богатая полями битва Саксонія. Народъ сталъ оживать только послѣ заключенія мира. Но только черезъ два года послѣ того,—когда былъ выведенъ изъ Лейпцига послѣдній шведскій гарнизонъ,—можно было торжественно отпраздновать восстановленіе мира. Въ Саксонію скоро стали переселяться изъ Богеміи протестанты, спасавшіеся бѣгствомъ отъ религиозныхъ гоненій. Они основали въ самой дикой части Рудныхъ горъ Іоанн-Георгенштадтъ. Одной изъ главныхъ причинъ тогдашнихъ бѣдъ была неблагоприятная политика курфирста. Его нежеланіе допустить кальвинистовъ къ участию въ заключеніи Пражскаго мира доказывало, какъ были узки его понятія о требованіяхъ благочестія и справедливости; а то, что онъ завѣщалъ каждому изъ своихъ трехъ сыновей особая владѣнія, ослабляла старшаго представителя династіи, свидѣтельствовало о его политической педальнозоркости, о его неспособности оберегать интересы династіи и упрочивать народъ.

Іоаннъ
Георгъ I
1611—1656.

22 іюля 1650.

1654.

ное благосостояние. Именно в то время, как Бранденбург достиг небывалаго могущества под управлением „Великаго Курфюрста“, курфюршество Саксонское лишилось своего прежнего высокого положения вследствие своего разделения на части. И для наследовавшего своему отцу Иоанна Георга II эти порядки были причиной больших затруднений: его 22 апр. 1657. ссоры с братьями не совершенно прекратились даже после того, как он заключил с ними в Дрездене „дружеский братский договор“.

Къ счастью, раздробление саксонских владений было непродолжительно. После нескольких поколений преемлись три боковые линии царствующаго дома (Цейцъ въ 1718, Мерсебургъ въ 1738, Вейссенфельсъ въ 1746), а их владения снова перешли къ курфюрстамъ. Ихъ существование не имѣло никакого историческаго значенія, если не придавать важности тому факту, что Христіанъ Августъ Цейцъ, увлекшись моднымъ направлениемъ своего времени, перешелъ въ католическую вѣру и склонился къ такому же шагу своего брата Морица Вильгельма; впрочемъ, этотъ послѣдній не за долго передъ смертію возвратился къ вѣрѣ своихъ предковъ. И принадлежавшій къ вейссенфельской линіи, младшій сынъ Августа также перешелъ въ католическую вѣру.

Иоаннъ Георгъ II. 1656—1680. И царствованіе втораго Иоанна Георга не принесло счастья странѣ. Старая привязанность къ австрійскимъ Габсбургамъ въ большинствѣ случаевъ руководила саксонской политикой; Саксонія принимала участіе въ союзахъ европейскихъ государствъ противъ Франціи, но и сама курфюрстъ, старавшійся подражать роскоши французскаго двора, и его совѣтники не могли устоять противъ интригъ Людовика XIV и его министровъ. Когда архіепископъ майнцскій Иоаннъ Филиппъ снова предъявилъ, при содѣйствіи Франціи, свои послѣдственныя права на городъ Эрфуртъ, подкупленные Франціей совѣтники саксонскаго курфюрства убѣдили его отказаться отъ его протектората надъ этимъ городомъ; послѣдствіемъ этого было то, что Эрфуртъ снова подпалъ подъ владычество духовенства. По этому случаю французскія войска въ первый разъ проникли въ Тюрингію. Это расположеніе къ Франціи было вызвано главнымъ образомъ завистью къ бранденбургскому курфюрсту; оно помогало французскому монарху упрочивать его вліяніе въ Германіи, а послѣдствіемъ его было стараніе подражать господствовавшимъ при французскомъ дворѣ модамъ. Бѣттигеръ говоритъ, что „самъ курфюрстъ очень любилъ роскошь и удовольствія и тратилъ на нихъ такія крупныя суммы, которыя не легко было собирать съ изнуреннаго войною народа... Въ придворномъ штатѣ появились камергеры (42 въ 1681 году), въ числѣ которыхъ находился и возведенный императоромъ въ дворянское званіе кастратъ де-Корлиззи, сдѣлавшійся фаворитомъ курфюрста. Большія деньги тратились на безчисленныя празднества, на ночные турниры съ факелами, на охоту, на травлю львовъ, на комедію, на итальянскую оперу, на маскарады, на фейерверки и другія забавы“. А чего стоили иппіе и конные гвардейцы, знанія для оперы и для комедіи, кусткамеры, украшенія дворца, разведеніе большаго сада, зачатки постоянной арміи! Государственные чины тѣсно протестовали противъ роскоши, которая еще въ 1660 году угрожала государству банкротствомъ; но курфюрстъ объявилъ имъ, что для поддержанія высокаго положенія, въ которое онъ поставленъ отъ Бога, необходимо содержаніе придворнаго штата. После того, какъ значительная часть долговъ была уплачена, ихъ общія суммы все еще превышала пять милліоновъ гульденовъ. И курфюрстъ и его братъ Августъ Вейссенфельскій были, за свою любовь къ искусствамъ и къ наукамъ, возведены въ званіе членовъ „Пальмоваго ордена!“ Впрочемъ и въ сферѣ законодательства и государственнаго управленія Иоаннъ Георгъ II ввелъ не мало полезныхъ преобразованій; но страна все болѣе бѣднѣла, а при го-

сподствовавшимъ влеченіямъ къ блеску и роскоши совершенно терялось изъ виду благосостояніе народа.

Иоаннъ Георгъ III былъ совершенно иного нрава. Ему были привлека- 2 сент. 1686. тельны не придворная роскошь, не искусства и не мирныя наслажденія, а война и политика. Саксонія, конечно, не была въ состояніи играть самостоятельную роль во всемірной исторіи, но ея курфюрстъ постоянно принималъ участіе въ войнахъ императора съ вѣнскими врагами, угрожавшими его владѣніямъ съ востока и съ запада. Еще при жизни своего отца Иоаннъ Георгъ сражался при Спвицгеймѣ съ Тюренемъ; въ великой битвѣ съ Турками подъ стѣнами Вѣны онъ командовалъ саксонскимъ отрядомъ и не мало содѣйствовалъ успѣшному исходу борьбы. После того саксонскіе полки сражались съ непримиримыми врагами христіанства въ Венгріи и въ Целопонесѣ на австрійской и на венеціанской службѣ. Подъ Корономъ, Навариномъ, Моденомъ и во многихъ другихъ мѣстахъ приобрѣли извѣстность саксонскіе военачальники Шёнфельдъ и Тоннауэръ, а во взятіи Офена участвовали 5.000 Саксонцевъ подъ начальствомъ Христі- 2 сент. 1686. ана Мерсебургскаго. Въ тоже время курфюрстъ охранялъ свои верховныя права отъ притязаній боковыхъ линій своего дома. По заключенному 12 сент. 1682 въ Дрезденѣ договору, герцогъ Вейссенфельскій обязался признавать право первородства и другія прерогативы курфюрста. Еще болѣе достойны похвалы образъ дѣйствій Иоанна Георга III по отношенію къ завоевательной политикѣ Франціи. Въ томъ же году, въ которомъ былъ отпять у имперіи Страсбургъ, онъ заключилъ въ Фюрстенвальде союзъ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ Бранденбургскимъ; онъ говорилъ: „Людвигъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не присвоитъ себѣ императорскую корону и пока не наложитъ на нѣмецкую націю такое же иго, подъ какимъ страдаетъ Франція. Раздоры Нѣмцевъ помогаютъ ему достигъ его цѣли. Лучше прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чѣмъ согласиться на тягостныя условія постыднаго мира и безъ крайней необходимости подчиниться владычеству тужеземца“. Но не всѣ нѣмецкіе князья руководствовались такими же благородными чувствами. Только тогда, когда Людовикъ XIV донелъ Германію до невыносимаго положенія, противъ него составилась вторая коалиція; во время вспыхнувшей вслѣдъ за тѣмъ войны, саксонскій курфюрстъ выступилъ въ походъ противъ Французовъ въ качествѣ союзника Вильгельма Оранскаго. Во время осады Майнца былъ убитъ его родственникъ Христіанъ Вейссенфельскій; послѣ капитуляціи этой крѣпости, курфюрстъ перешелъ черезъ Рейнъ; но его главнокомандующій Шённингъ не ладилъ съ императорскимъ главнокомандующимъ Капрарой и потому не достигъ никакихъ серьезныхъ результатовъ. Война была еще въ самомъ началѣ, когда Иоаннъ Георгъ былъ принужденъ по разстроенному здоровью отказаться отъ личнаго въ ней участія. Онъ былъ перевезенъ больнымъ въ Тюбингенъ и кончилъ тамъ жизнь на 45-мъ году отъ рож- 12 сент. 1691. денія.

Его смерть была большимъ несчастьемъ для Саксоніи. При его сыновьяхъ началось въ Дрезденѣ господство любовницъ, причинившее странѣ не мало вреда. Иоаннъ Георгъ IV держался политики своего отца и при личномъ свиданіи съ Фридрихомъ III Бранденбургскимъ въ Торгау возобновилъ ранѣе заключенный съ нимъ союзъ. Учрежденіе ордена „золотой перемычки“ съ девизомъ „искренняя дружба“ и „вѣчный союзъ“ должно было служить свидѣтельствомъ полнаго единомыслія, а заключеніе союза было скрѣплено бракосочетаніемъ курфюрста и его брата Фридриха Августа съ двумя брандебургскими принцессами—съ маркграфинями анспахской и байрейтской. Но эти брачныя союзы никому не принесли счастья. Еще при жизни своего отца Иоаннъ Георгъ вступилъ въ любовную связь съ до-

Иоаннъ Георгъ III. 1680—1691.

Авг. 1689.

Иоаннъ Георгъ IV. 1691—1694.

Янв. 1692.

черью гвардейскаго офицера Рудольфа фонъ-Нейпшюцъ, — очень красивой, но необразованной и развратной женщиной. Послѣ своего вступленія на престолъ, онъ далъ своей возлюбленной титулъ графини фонъ-Рохлицъ, подарилъ ей помѣстья и дворецъ и окружилъ ее небольшимъ придворнымъ штатомъ. Такъ какъ онъ вступилъ въ бракъ съ бранденбургской принцессой противъ воли, то онъ не измѣнилъ своихъ прежнихъ отношеній къ своей любовницѣ. Магдалина Сибилла и ея мать все болѣе и болѣе запутывали его въ своихъ сѣтяхъ; ходили толки о письменномъ обѣщаніи курфюрста жениться на Магдалинѣ; была выпущена въ свѣтъ брошюра, авторъ которой вступался за многоженство. Отъ этого возникла между правителями дрезденскимъ и берлинскимъ размолвка, которую еще успѣли прояснить фельдмаршала Шеннинга, поссорившагося съ бранденбургскимъ дворомъ и вступившаго въ саксонскую службу. Мстительный Шеннингъ, скоро снискавшій довѣріе своего новаго государя, старался убѣдить его въ необходимости измѣнить прежнюю политику; недовольный Флеммингъ перешелъ съ досады на службу въ бранденбургскую армію. Но всѣ замыслы Шеннинга были разрушены непредвидѣнными событіями. Онъ былъ задержанъ въ Тѣнлицѣ Австрійцами и заключенъ въ тюрьму въ Шиндбергѣ.

4 апр. 1694.

Вскорѣ послѣ того графиня Сибилла умерла на 20-мъ году отъ рожденія отъ вѣтряной оспы, а курфюрстъ, не отходявшій отъ ея смертнаго одра, заразился отъ нея и также кончилъ жизнь. Іоаннъ Георгъ IV не былъ недостойнымъ членомъ царствующаго дома ни по своему уму ни по своему образованію, но его страстная любовь, которую объясняли магическими чарами колдовства, помѣшала ему сдѣлать что-либо полезное для его отечества. Его младшій братъ Фридрихъ Августъ началъ свое царствованіе тѣмъ, что возбуждѣлъ уголовное преслѣдованіе противъ семейства Нейпшюца и отобралъ у него всѣ накопленные имъ сокровища. Шеннингъ былъ выпущенъ на свободу благодаря тому, что ему удалось подкупить одного изъ императорскихъ министровъ, но черезъ два года послѣ того сошелъ въ могилу; Флеммингъ возвратился въ Саксонію, скоро снискалъ расположеніе новаго государя и достигъ высокихъ почестей.

Фридрихъ Августъ Сильный
1694 — 1733.

Новый курфюрстъ Фридрихъ Августъ былъ выдающейся личностью, производившей глубокое впечатлѣніе на умы народа. Онъ былъ настоящий джентльменъ, соединявшій съ красивой наружностью живой умъ, многостороннее образованіе и рыцарскія манеры; онъ умѣлъ правиться и женщинамъ и мужчинамъ; и на полѣ битвы и на охотѣ онъ былъ также спокоенъ и веселъ, какъ въ роскошномъ салонѣ; въ своей узкой сферѣ дѣятельности, въ своей зависимости отъ дворянства и отъ государственныхъ чиновъ онъ не могъ находить удовлетворенія для своего честолюбія. У него не было ни достаточно охоты, ни достаточно самоотверженія для того, чтобы посвятить себя на исцѣленіе экономическихъ и общественныхъ недуговъ, которыми страдало его отечество. Онъ стремился къ болѣе высокимъ цѣлямъ: онъ хотѣлъ имѣть голосъ въ совѣщаніяхъ между могущественными монархами, хотѣлъ пользоваться наслажденіями, съ которыми познакомился въ главныхъ европейскихъ столицахъ, хотѣлъ окружить себя блескомъ верховной власти.

Перевѣна
религіи.

Походы курфюрста въ Венгрію не доставили ему блестящихъ побѣдъ; лавровъ не смотря на то, что за свою гигантскую физическую силу онъ получилъ отъ Турокъ прозвище „железной руки“. Но онъ еще тѣснѣе прежняго сблизился съ Иосифомъ и наконецъ рѣшился перейти въ като-

лическую вѣру. Трудно рѣшить, кто всѣхъ усерднѣе помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ своими совѣтами, — сынъ ли императора, или іезуиты, или уже раньше обратившіеся въ католичество Христіанъ Августъ Саксенъ-Цейцкскій; но главной причиной перемены религіи, очевидно, было его желаніе устранить тѣ препятствія, которыя могли помѣшать его избранію на польскій престолъ и которыми противная партія воспользовалась бы въ интересахъ французскаго претендента. Въ Баденѣ, подлѣ Вѣны, курфюрстъ 28 мая (2 іюня) 1697. осуществилъ свое намѣреніе. Когда это сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ по случаю выборовъ польскаго короля, саксонскій народъ впадалъ въ глубокую скорбь. Онъ предчувствовалъ ожидавшія его бѣдствія: послѣ благодарственнаго молебствія за исходъ выборовъ, дрезденскіе жители заплѣли молитву: „Господи, Іисусе Христе, не покидай насъ!“ Безпокойство и волненіе умовъ не стихли даже послѣ торжественнаго заявленія Августа II, что онъ не будетъ нарушать свободу совѣсти своихъ подданныхъ, что лютеранская религія, государственныя учрежденія, саксонскія церкви, университеты и школы останутся въ своемъ прежнемъ положеніи. Не успокоило умовъ и рѣшеніе короля, что одинъ изъ лютеранскихъ членовъ царствующаго дома будетъ заведывать церковными и религіозными дѣлами общины съ дрезденскимъ тайнымъ совѣтомъ. Ещѣ не легко было согласовать съ этимъ рѣшеніемъ назначеніе князя Эгона Фюрстенберга саксонскимъ наместникомъ и учрежденіе новой правительственной должности, замѣстителемъ которой была предоставлена высшая власть съ тѣмъ, чтобы онъ былъ посредникомъ между королемъ и его саксонскими подданными. Только по настоятельнымъ просьбамъ государственныхъ чиновъ были внесены въ введенные порядки.

5. Россія въ царствованіе государей изъ дома Романовыхъ *).

Г. Литература и умственная жизнь.

Литературныя пособія. При изложеніи слѣдующаго очерка культуры мы могли пользоваться многочисленными научными пособіями. Для изученія французской классической литературы нами уже сдѣланы указанія на 267 стр. этого тома. Къ упомянутымъ тамъ сочиненіямъ слѣдуетъ прибавить: введеніе къ комедіямъ Мольера въ переводѣ графа Baudissin (Лейпц. 1865) и E. LAUR, Bossuet und die Unfehlbarkeit (Мангеймъ 1875). — Для изученія философіи и всего, что находится съ нею въ связи, могутъ служить пособіями: KUNO FISCHER (Vorlesungen über Geschichte der neueren Philosophie, Hrtgtr. u. Manheimъ 1852 и сл., томы 1, 2, 3), ED. ZELLER (Geschichte der deutschen Philosophie seit Leibniz, Мюнхенъ 1873), ÜBERWEG (Grundriss der Geschichte der Philosophie von Thales bis auf die Gegenwart), Берлинъ. — Всего обильнѣе источники и пособія для изученія нѣмецкой поэзіи: кромѣ

*) Какъ этотъ отдѣлъ въ книгѣ Вебера, такъ и другіе отдѣлы касательно исторіи Россіи вынуждены изъ перевода: они изложены такъ кратко, что не могутъ удовлетворить русскаго читателя, знакомаго съ историческими трудами Соловьева, Костомарова, Щербальскаго и др.

уже ранѣе упомянутыхъ сочиненій по исторіи литературы Гевинуса, Педеке, Коберштейнъ-Барча, В. Шерера, Г. Курца и другихъ, могутъ служить пособиями: HETTNER, *Gesch. der deutschen Litteratur im achtzehnten Jahrhundert* (Брауншвейгъ, 4 тома, 1862—1870), DR. G. LEMKE, *Gesch. der deutschen Dichtung neuerer Zeit*, Лейпцигъ, 1871; JULIAN SCHMIDT, *Gesch. des geistigen Lebens in Deutschland* (2 тома, Лейпцигъ 1862), KARL BIEDERMANN, *Deutschland im achtzehnten Jahrhundert*, 5 т., Лейпц. 1854—1880; *Deutsche Dichter des siebzehnten Jahrhunderts* съ введеніями и съ примѣчаніями К. GOEDEKE и JUL. TITTMANN'A, Лейпц. 1870; *Bibliothek d. Dichter*, издан. W. MÜLLER и K. FÖRSTER, Лейпц. 1822—1838, 14 том.; PISCHON, *Denkmäler der. d. Spr.* 3 тома, Берлинъ 1843; LAPPENBERG, *Flemings Deutsche Ged.* (Штуттгардъ, 1865); *Der abenteuerliche Simplicissimus* въ новыхъ изданіяхъ KELLER'A (Штуттг. 1854, 1862), HEINA KURZ (Лейпц. 1863) о Мошеровѣ (Philander von Sittewald), H. DITTMAR *Bibl. der Sat. und Humoristen*, Берл. 1830; KOCH, *Geschichte der Kirchenlieds und Kirchengesangs*, Штуттг. 1852, 3 тома.

I. ФРАНЦУЗСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Общій обзоръ.

Характеръ
французской
литературы.

Царствованіе Людовика XIV было не только періодомъ политическаго могущества Франціи, но и золотымъ вѣкомъ литературы, искусствъ и наукъ. На слѣдующихъ страницахъ мы ближе познакомимся съ тѣми выдающимися писателями, которые внесли новую жизнь въ сферу культуры и прославили имя великаго короля. Несмотря на то, что они отличались одинъ отъ другого и дарованіями и складомъ ума, все они подчинялись вліянію придворной и общественной жизни, все они выражали въ своихъ произведеніяхъ мысли и чувства тѣхъ аристократическихъ кружковъ, которые руководствовались идеями и вкусами, господствовавшими при версальскомъ дворѣ. Вся литература того времени носитъ на себѣ отпечатокъ того внѣшняго лоска и изящества, которыми отличался монархическій режимъ во Франціи, — той чистоты и полировки, которая доставили французскому языку господство въ Европѣ, тѣхъ совершенствъ внѣшней формы, которые придавали особую прелесть и привлекательность разговорамъ въ знатномъ и образованномъ обществѣ. И языкъ и стиль и стихотворный размѣръ отличались такою-же легкою и пріятною плавностью, съ какою велись игривые салонные разговоры. Поэты и художники классическаго періода блестяли не оригинальностью или смѣлостью идей, не высокимъ полетомъ своей фантазіи и не гениальностью своихъ произведеній, а изяществомъ и правильностью формы, внѣшнимъ лоскомъ и художественнымъ изложеніемъ. Писатели не старались про-

никать въ глубину челоѣческой натуры и челоѣческаго сердца, а брали свои сюжеты изъ жизни знати, изъ придворныхъ сферъ, изъ общества, отличавшагося своимъ салоннымъ остроуміемъ. Людямъ того времени было чуждо то поэтическое воодушевленіе, которое захватываетъ читателя за сердце или которое создаетъ самые смѣлые фантастическіе образы. Ничто великое и необычайное не можетъ ужиться съ однообразиемъ искусственной правильности. То было вполне согласно съ господствовавшимъ при дворѣ и въ обществѣ тономъ, что драма и вообще все театральныя произведенія строго придерживались установленныхъ Аристотелемъ правилъ, не смѣли переступать за указанныя имъ границы и воздерживались отъ всякихъ слишкомъ смѣлыхъ выходовъ фантазіи; подобно тому, какъ въ обыденной жизни личная свобода была стѣснена требованіями моды и условныхъ приличій, и поэтический гений не долженъ былъ сходить съ указанной ему дороги. Поэтому все умственное произведеніе того времени поддѣлялось подъ вкусы двора и аристократическаго общества и появлялись на свѣтъ не иначе, какъ въ такой же общепринятой изящной формѣ, къ какой привыкли свѣтскіе люди. Корнель и Расинъ иногда брали для своихъ трагедій, а Мольеръ для своихъ комедій, сюжеты изъ древняго міра или изъ испанскихъ легендъ; Буало изливалъ въ духъ Горация потоки лести или же съ ироніей описывалъ современные явленія; но все, что они писали, носило французскій отпечатокъ, потому что было отраженіемъ монархической Франціи, то есть господствовавшихъ въ то время воззрѣній и вкусовъ. И литература и искусство того времени были космографическимъ изображеніемъ той степени умственного развитія, которой достигло въ то время парижское общество. Даже басня облекалась у Лафонтена въ салонный костюмъ. Благочестивый Фенелонъ не могъ безнаказанно изобразить даже подъ мифологическимъ покровомъ идеалъ такого правителя, который вовсе не былъ похожъ на образцоваго версальскаго монарха. Ларошфуко бралъ сюжеты для своихъ *Reflexions* и *Maximes* изъ сферъ, дававшихъ тонъ тогдашнему обществу, и придерживался основныхъ правилъ и воззрѣній этого общества; отсюда же бралъ Лабрюйеръ примѣры для своихъ *Caractères*. Въ томъ же аристократическомъ обществѣ г-жа Севинье научилась искусству описывать въ изящныхъ письмахъ жизнь большого свѣта. Даже пикантная форма и болтливое злословіе, которыми отличаются мемуары графа Сенъ-Симона, были отраженіями придворной и салонной жизни. И надгробныя слова Боссюэта были наполнены тѣмъ искусственнымъ риторическимъ пафосомъ, который въ то время любилъ соединять съ свѣтскимъ изяществомъ; и академическія рѣчи Фонтенелля были ничѣмъ инымъ, какъ панегириками въ изысканныхъ выраженіяхъ и въ плавныхъ періодахъ. Даже живопись подъ руками Лебрёна и его подражателей приспособлялась къ вкусамъ и

къ интересамъ монарха. Клодъ Лоррэнъ научился въ Италіи наглядно изображать различныя душевныя эмоціи. Люди науки занимались изученіемъ древности и Среднихъ вѣковъ, стараясь освѣтить исторію церкви и государствъ при помощи новыхъ документовъ, отысканныхъ въ архивахъ и въ бібліотекахъ; но историческая критика новѣйшей исторіи, — въ родѣ той, за которую намѣревался взяться Мезерэ, — не допускалась правительствомъ. Такіе церковныя и политическія исторіи, какъ Мембургъ, Даніэль, Барилласъ, Берто, Балюзъ, Боссюэтъ, постоянно имѣли въ виду возвеличеніе своего монарха. Напротивъ того, самостоятельныя мыслители, старавшіеся пролагать новую дорожку въ сферѣ философскихъ изслѣдованій, покидали свое отечество, если не хотѣли подобно Наскалю смягчать свою оппозицію религіознымъ мистицизмомъ. Основатель новѣйшей спекулятивной философіи Декартъ не усматривалъ въ абсолютной монархіи Людовика XIV отраженія божественной стройности мірозданія и потому перенесъ свою умственную дѣятельность въ Голландію; то же сдѣлалъ и Пьеръ Бэйль, не находившій во Франціи безопаснаго мѣста для своего скептицизма.

2. Французская академія и драма.

Академія и французскій языкъ.

Мы уже равнѣ говорили (X, 463 и сл.) о вліяніи древней классической литературы на французскую поэзію. Это вліяніе не прекращалось въ особенноти потому, что академія, которую основалъ Риншель, должна была служить высшимъ авторитетомъ во всемъ, что касалось языка и изыскаго вкуса; она была взята Людовикомъ XIV подъ его личное покровительство и наложила на французскую литературу отпечатокъ придворнаго и столичнаго моднаго просвѣщенія. Считалось позволительнымъ употреблять только тѣ слова и обороты рѣчи, которые были признаны правильными въ академической грамматикѣ и словарѣ; а академическая пѣтика и риторика устанавливали тѣ формы и правила, которыхъ не слѣдовало нарушать ни въ поэзи, ни въ прозѣ. Но именно благодаря тому изыску въ нѣжной формѣ и той изысканности стиля, которыя были въ употребленіи у образованныхъ посѣтителей отеля Рамбулье, у маркизы де-Севины, у Нипонъ де л'Анжю и у ея друга Сентъ-Эвремона, французскій языкъ и французская литература господствовали въ Европѣ въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Французскій языкъ, доведенный до изыскаго совершенства преимущественно для разговоровъ и для писемъ, вошелъ съ тѣхъ поръ въ употребленіе между дипломатами, при европейскихъ дворахъ и въ высшемъ обществѣ; французскіе писатели и остряки вели переписку съ самыми знаменитыми монархами и государственными людьми. И шведская королева Христина, и Риншель, и вся образованная Европа восхищались письмами, въ которыхъ Бальзакъ и Вуатюръ излагали свои нравственныя и политическія соображенія касательно образа жизни, нравовъ и убѣжденій знатнаго общества. Изображая въ своемъ *Le Prince* идеалъ правителя, а въ своемъ *Agistippe* образецъ министра, Бальзакъ писалъ панегрики Людовику XIII и Риншель. А до какой степени деспотизмъ кардинала и преданныхъ ему

Бальзакъ.
1594—1654.
Вуатюръ.
1598—1648.

членовъ академіи подавлялъ всякое стремленіе къ естественности въ поэзи, видно изъ жалкихъ произведеній Шанелена и Демаре (первый написалъ поэму *La Pucelle d'Orléans*, второй — поэму *Clovis*), пытавшихся создать французскій національный эпосъ; тоже видно изъ препятствій, которыя приходилось преодолевать гениальному Пьеру Корнелью, чтобъ заложить фундаментъ для національной драмы. Молодой поэтъ пользовался благосклонностью могущественнаго министра, пока принаравливался къ господствовавшимъ вкусамъ въ своей комедіи *Mélite* и въ другихъ пяти комедіяхъ, съ которыми выступилъ на драматическое поприще, а въ своей первой трагедіи *Medée* точно придерживался взятой имъ за образецъ латинской трагедіи Сенеки. Но когда онъ осмѣлился безъ разрѣшенія кардинала и академіи поставить на сцену своего „Сида“, то кардиналъ не одобрилъ новое направленье, которое сказывалось въ этой трагедіи. Однако не смотря на то, что Шанеленъ написалъ отъ имени академіи классическую критику трагедіи „Сида“, а Сюдери написалъ неодобрительный о ней отзывъ, она вызвала восторгъ въ зрителяхъ. Поощренный этимъ успѣхомъ, Корнель написалъ вслѣдъ за тѣмъ три драмы: „Гораці“, „Цинна“, „Полиевктъ“ и комедію „Лжецъ“. Эти драматическія произведенія считаются лучшими продуктами его поэтического вдохновенія; они до настоящаго времени держатся на сценѣ. Хотя въ нихъ индивидуальныя особенности дѣйствующихъ лицъ достигаютъ менѣе полнаго развитія, чѣмъ въ англійскихъ или въ нѣмецкихъ драмахъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ ясно видна внутренняя связь съ господствующими воззрѣніями на королевское достоинство, съ современными религіозными и политическими вопросами. Въ „Гораціяхъ“ изображена преданность отечеству, заглушающая всѣ личныя связи; въ „Циннѣ“ изображена республика съ своими буйствами и раздорами, которые разжигаютъ страсти и кончаются кровавыми сценами, а въ противоположность съ ней выставлена монархія, которая не нуждается ни въ какихъ насиліяхъ для обезпеченія своей будущности и которая награждаетъ и наказываетъ только тѣхъ, кто того стоитъ; фабула пьесы основана на контрастѣ между жадной мщенія, воодушевляющей потомство побѣжденныхъ, и кротостью, съ которой монархъ обезоруживаетъ недовольныхъ. Въ трагедіи „Полиевктъ“ Корнель представляетъ на видъ могущество и истину христіанскихъ идей и касается возбуждавшихъ въ то время горячіе споры вопросовъ о благодати, о предопредѣленіи и о свободѣ воли. Въ этихъ пьесахъ, равно какъ въ „Родогунѣ“ и въ „Смерти Помпея“, Корнель достигъ высшей ступени въ своемъ творчествѣ. Его позднѣйшія произведенія, въ которыхъ онъ болѣею частію старался подражать испанскимъ образцамъ, — „Гераклій“, „Донъ Санхо Аррагонскій“ и „Никомедъ“, — свидѣлствуютъ о раннемъ упадкѣ его творческихъ дарованій; публику не могла заинтересовать даже его „Андромеда“, въ которой онъ подражалъ испанскимъ драматургамъ, стараясь соединить правильность трагическаго стиля съ привлекательностью эффектной сценической постановки. Когда въ лицѣ Расина появился новый талантливый драматургъ, Французы перестали интересоваться Корнеелемъ, не смотря на то, что даже на семидесятомъ году своей жизни онъ не переставалъ писать пьесы для театра. Но онъ основательно считался создателемъ французской драматической поэзи. Во всѣхъ своихъ пьесахъ (числомъ болѣе тридцати) онъ выводилъ на сцену людей съ возвышенными стремленіями и съ энергическими характерами. Онъ возбуждалъ въ слушателяхъ не только страхъ и состраданіе, но и ясное сознаніе нравственной цѣли трагедіи; онъ старался облагораживать человѣческую страсть. Изъ критическихъ изслѣдованій, которыя самъ Корнель прилагалъ къ своимъ театральнымъ пьесамъ, и изъ его трехъ статей о трагедіи ясно видно, съ какой осмотрительностью, съ какой тщательной под-

Корнель.
1606—1684.

готовкой онъ принимался за работу, какъ онъ усердно старался согласовать съ составомъ пьесы способъ изложенія и обрисовку характеровъ. Но отсюда же видно, что выше врожденныхъ поэтическихъ дарований и творческой силы фантазіи онъ ставилъ соблюденіе установленныхъ правилъ, методъ изложенія и рефлексію. Изъ греческой и римской древности онъ бралъ только содержаніе и собственные имена, а въ обрисовкѣ характеровъ онъ мало придерживался греческихъ образцовъ. Та классическая національная драма, которую создалъ Корнель, только съ виду антична, а на самомъ дѣлѣ она была продуктомъ современнаго образованія, основаннаго на романтическихъ идеяхъ и воззрѣніяхъ.

Изъ неправильнаго пониманія Аристотелевской пѣтики возникъ законъ о трехъ единствахъ (времени, мѣста и дѣйствія), на основаніи котораго все развитіе трагическаго дѣйствія должно было совершаться въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одинъ и тотъ же день, какъ бы ни были велики несообразности, въ которыхъ приходилось путаться автору. Содержаніе обыкновенно заимствовалося изъ греческой и изъ римской исторіи или отъ восточныхъ писателей, но дѣйствующія лица выражались съ изысканностью образованнаго общества и придерживались обычаевъ, установившихся при французскомъ дворѣ; отсюда происходило очень странное смѣшеніе античныхъ понятій съ понятіями новаго времени; а такая манера переносить въ поэзію топы и понятія высшаго общества неизбежно должна была привести къ тому, что холодный пафосъ и безсодержательная декламация перѣдко замѣняли выраженіе натуральныхъ и искреннихъ чувствъ. Но красота внѣшней формы и языка, гладкость стиховъ и художественная композиція пьесъ восхищали всю Европу и доставили французскому вкусу рѣшительное преобладаніе. Отъ древнихъ писателей Корнель заимствовалъ основное правило, что не слѣдуетъ отвлекать второстепенными подробностями вниманіе слушателя отъ главнаго предмета. Въ „Никомедѣ“ онъ проводилъ идею о томъ, что національная свобода есть высшее изъ всѣхъ благъ и что монархъ долженъ отстаивать ее во что-бы то ни стало; напротивъ того, въ „Смерти Помпея“ онъ выводитъ на сцену слабого и измѣнническаго правителя и его министровъ, которые въ оправданіе своего образа дѣйствій ссылаются на самые возмутительные принципы. Въ „Родоунѣ“ изображена страсть, которая усматриваетъ цѣль жизни въ пріобрѣтеніи власти. Въ женщинахъ, выводимыхъ на сцену Корнелемъ, замѣтно свойственное его соотечественникамъ сочетаніе честолюбія съ любовью или съ мстительностью, а иногда онъ является защитниками національности, какъ напр. Софонизба и княгиня въ „Виріатѣ“.

Жанъ Расинъ.
1639—1699.

Въ то время, какъ Корнель, утратившій прежній кредитъ при дворѣ, велъ уединенную жизнь, появилась новая блестящая звѣзда, — выступилъ на сцену настоящий представитель золотого вѣка драматической поэзіи при Людовикѣ XIV, Жанъ Расинъ. Его отецъ занималъ должность въ королевскомъ управленіи соляныхъ дѣлъ въ одномъ небольшомъ городкѣ Иль-де-Франса. Окончивши свое образованіе въ Бовэ, гдѣ онъ пріобрѣлъ solidное знаніе древнихъ языковъ и древней литературы, молодой Расинъ посвятилъ себя поэзіи. Его гений скоро указалъ ему тотъ путь, который велъ къ желанной цѣли: онъ списалъ милостивое расположеніе короля сочиненіемъ панагирика, въ которомъ богиня славы совѣтовала Музамъ покинуть ихъ небесное жилище и поселиться при французскомъ дворѣ для того, чтобы восхищаться великимъ Людовикомъ; въ награду за это произведеніе Расину была назначена ежегодная пенсія. Онъ скоро сдѣлался также любимцемъ Парижанъ и всей французской націи. Наряду съ нимъ Корнель все болѣе и болѣе отодвигался на задній планъ, не смотря на то, что двѣ первыхъ пьесы Расина *Thébaïde ou les frères ennemis* и *Alexandre*

сильно напоминали произведенія состарѣвшагося драматурга. Расинъ не могъ равняться съ Корнелемъ энергіей изображаемыхъ характеровъ, но далеко превосходилъ его совершенствами внѣшней формы. Красота языка, изысканность слога, гладкость стиховъ и плавное теченіе рѣчи, которыми уже отличались „Андромаха“ и „Британникъ“, были такими выдающимися совершенствами, которыя не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на публику.

Расинъ выбиралъ почти исключительно греческіе и римскіе сюжеты, но его герои и героини были копіями съ Французовъ и Француженокъ высшаго общества. Въ „Британникѣ“ вышло особенно интереснымъ и удачнымъ описаніе козней и интригъ при римскомъ дворѣ во времена Нерона, потому что поэтъ имѣлъ передъ глазами точно такіе-же козни и интриги при дворѣ Людовика XIV. Въ „Вереникѣ“ ясно проглядываетъ намѣреніе польстить первой любовницѣ Людовика. Въ „Митридатѣ“ Расинъ обнаружилъ основательное знакомство съ древностью, но очень неудачно придерживался воззрѣній, что драматическое произведеніе не можетъ обойтись безъ любовной связи. По мнѣнію французскихъ критиковъ и въ особенности Лагарпа, „Ифигенія“ и „Федра“ стоятъ выше служившихъ для нихъ образцами, произведеній Эврипида. По совѣту г-жи Ментенонъ, впавшей въ пѣтизмъ, Расинъ написалъ свои двѣ послѣднія пьесы библейскаго содержания: „Эсфиръ“ и „Аталію“; первая изъ нихъ была предназначена для находившейся подъ покровительствомъ г-жи Ментенонъ, сент-сирской женской школы, а вторая была поставлена на сцену уже послѣ смерти ея автора. Въ этихъ обѣихъ пьесахъ инке усматривали политическія тенденціи: первая изъ нихъ, какъ утверждали, имѣла цѣлю низверженіе могущественнаго министра Лувуа, который выведенъ на сцену подъ именемъ Гамана, а вторая была направлена противъ Вильгельма III и имѣла цѣлю возвеличеніе молодаго сына Іакова II. Расинъ пробовалъ писать и комедіи: его *Les Plaideurs*, написанныя въ подражаніе „Осамѣ“ Аристофана, имѣли успѣхъ на сценѣ; напротивъ того, его оды и эпиграммы не могутъ равняться съ его драматическими произведеніями и даже съ его сочиненіями въ прозѣ, въ особенности съ его изящными письмами.

Въ одно время съ Расиномъ, Жанъ Батистъ Покленъ, носившій названіе Мольера, довелъ до совершенства французскую комедію. Онъ былъ сынъ королевскаго камердинера; получивши научное образованіе, онъ сдѣлался директоромъ странствующей труппы актеровъ, а потомъ ему было поручено завѣдываніе королевскимъ театромъ. Въ этомъ официальном званіи онъ въ теченіе многихъ лѣтъ обнаруживалъ неутомимую дѣятельность и какъ поэтъ, и какъ актеръ; къ нему благосклонно относились при дворѣ, для котораго онъ старался устраивать пріятныя развлеченія въ торжественные дни; онъ не только хорошо изучилъ страсти и интриги, которыя осмѣивалъ въ своихъ комедіяхъ, но и самъ былъ въ нихъ участникомъ: вѣдь содержаніе его комедій *École des maris* и *École des femmes* было извлечено изъ его собственнаго горькаго опыта, — изъ его отношеній къ его молодой женѣ Армандѣ, которая прежде была его воспитанницей. Близкое знакомство съ античной драмой и съ театромъ соединялось у Мольера съ глубокимъ знаніемъ человѣческой натуры и съ яснымъ пониманіемъ нравственныхъ недуговъ и слабо-

Мольеръ.
1622—1673.

стей его современниковъ. Тщательная отдѣлка и легкость его стиховъ придавали его произведеніямъ высокое совершенство и изящество внѣшней формы, а его діалогамъ чисто-французскую грацію. Онъ писалъ съ одинакой легкостью и гениальную фарсу и самую глубоко обдуманную характеристику, и несмотря на то, что онъ иногда накладывалъ на свои произведенія слишкомъ рѣзкій отпечатокъ комизма, изученіе Плавта и Теренція никогда не мѣшало ему постоянно имѣть въ виду условія дѣйствительной жизни.

Между произведеніями Мольера слѣдуетъ различать наскоро написанныя пьесы (въ родѣ *La princesse d'Élide*, *L'amour médecin* и даже *Les fâcheux*) отъ тщательно обработанныхъ и классическихъ пьесъ. Въ этихъ послѣднихъ онъ умѣлъ искусно согласовать античную характерную комедію и ея нравственную цѣль съ основанною на интригѣ испанской комедіей, въ которой всё вертится на завязкѣ и развязкѣ даннаго происшествія. Изъ его тридцати пяти комедій особенно выдаются слѣдующія: *Les précieuses ridicules*, гдѣ осмѣиваются чопорность и сантиментальность того времени, аффектація въ стараніи выражаться всегда умно и оригинально, и привычка говорить приторные комплименты; *École des maris* и *École des femmes*, гдѣ изображены послѣдствія превратнаго понятія о томъ, какъ слѣдуетъ обходиться съ женщинами; и по своей основной мысли, и по обрисовкѣ характеровъ и по языку, эти комедіи принадлежатъ къ числу самыхъ удачныхъ пьесъ Мольера; въ драматической фарсѣ *La Critique de l'école des femmes* онъ осмѣялъ нелѣпыя сужденія объ этой драмѣ. *Le Misanthrope* былъ прославленъ спорами между Руссо и Д'Аламберомъ касательно заведенія театра въ Женевѣ, при чемъ первый изъ нихъ прибѣгалъ къ софизмамъ, порицая пьесу, а второй прибѣгалъ къ софизмамъ, восхваляя ее. Чтобы забавлять толпу, Мольеръ иногда писалъ водевили и національные фарсы. Къ этому разряду принадлежатъ: *le Médecin malgré lui*, *le Bourgeois gentilhomme*, *George Dandin*, *Sganarelle*, *les fourberies de Scapin*, *le Malade imaginaire*. Осмѣявши нравственные недуги своего времени въ комедіяхъ *l'Avare* и *les Femmes savantes*, Мольеръ изобразилъ въ самой тщательно отдѣланной и въ самой законченной изъ своихъ комедій въ «Тартюфѣ» притворное благочестіе шетистовъ, скрывающихъ подъ маской религіи себялюбивыя мірскія стремленія и чувственные влеченія; эта комедія вызвала страшное негодованіе въ сочувствовавшихъ клерикаламъ сферахъ высшаго общества.

Со временъ Корнеля, Расина и Мольера драма сдѣлалась любимой отраслью французской поэзіи; съ тѣхъ поръ стало появляться множество трагедій и комедій, но онѣ скоро предавались забвенію. На сценѣ удержались лишь немногія произведенія подражателей Корнеля,

какъ на примѣръ произведенія его брата Томаса Корнеля и старшаго Кребиллона. Первый изъ нихъ написалъ трагедію «Графъ Эссексъ», идя по стопамъ своего наставника; второй обдѣлывалъ сюжеты изъ древней исторіи («Идомея», «Триумвиратъ»), стараясь перенести и въ восемнадцатое столѣтіе духъ вѣка Людовика XIV. Еще плодотворѣе была комическая поэзія, но она не имѣла никакого сходства съ произведеніями Мольера. Къ числу самыхъ даровитыхъ ея представителей принадлежитъ остроумный искатель приключеній Жанъ Франсуа Реньяръ, прославившійся своей рабскою жизнію въ Алжирѣ, своими сухопутными и морскими странствованіями и своей странной судьбой. Но даже въ тѣхъ изъ его пьесъ, которые основаны на изображеніи характеровъ и на интригѣ, его остроумныя выходки не могли замѣнить того глубокаго знанія людей, которымъ обладалъ въ такой высокой степени Мольеръ. Лучшими его пьесами были «Игрокъ» и «Всеобщій наслѣдникъ», — первая потому, что въ ней изображена его собственная жизнь, вторая — потому, что въ ней изображены современные нравы. На ряду съ пьесами Реньяра, долго держались на сценѣ пьесы Ривьера Дюфрени и комедіи актера Леграна и Барона («Кокетка»). Баронъ шелъ по слѣдамъ Мольера, а Легранъ нерѣдко портилъ свой недюжинный талантъ склонностью къ тривиальности и къ преувеличеніямъ; напротивъ того, тонкій знатокъ человеческого сердца Детушъ имѣлъ въ виду преимущественно нравственную цѣль драмы и внесъ въ комедію трогательный сантиментальный тонъ. И Вольтеръ, — о значеніи котораго въ исторіи литературы мы будемъ впослѣдствіи говорить болѣе подробно, — писалъ для театра. Но ни въ трагедіи, ни въ комедіи онъ не достигъ одинакаго уровня съ своими предшественниками. Живость его ума мѣшала тщательной отдѣлкѣ его драматическихъ произведеній, послѣдствіемъ чего были несовершенства внѣшней формы, а вслѣдствіе того, что ему недоставало глубокаго религіознаго чувства и твердыхъ нравственныхъ правилъ, его трагедіи не отличались одинакою съ древними трагедіями возвышенностью идей. «Его муза охотно сбрасывала съ себя трагическое одѣяніе и появлялась съ непристойными ужимками на публичной площади, гдѣ и знатная и незнатная публика восхищается тривиальными выходками.» Этихъ недостатковъ не могли прикрыть умъ и остроуміе, которыми Вольтеръ обладалъ въ высокой степени. Въ «Заирѣ» и въ «Альзирѣ» Вольтеръ пытался растрогать слушателей выраженіемъ религіозныхъ чувствъ не смотря на то, что въ теченіе всей своей жизни падалъ на христіанство; въ «Эдипѣ», «Брутѣ» и «Смерти Цезаря» онъ остался далеко позади Корнеля и Расина въ томъ, что касается знакомства съ древнимъ міромъ; въ «Меропѣ» онъ пытался воспроизвести величіе греческой драмы, не прибѣгая къ романтической любви;

Реньяръ.
1647—1709.

Вольтеръ.
1694—1778.

въ «Магометѣ» онъ намѣревался объяснить опасности фанатизма, но совершенно исказилъ характеръ великой исторической личности.

Тако́ какъ и дворъ Людовика XIV и высшее парижское общество очень интересовались театромъ, то не могло быть недостатка и въ попыткахъ ставить на сцену музыкальныя пьесы. О развитіи оперы во Франціи мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Итальянскія оперы исполнялись въ Парижѣ флорентинскими пѣвцами, выписанными Мазариномъ; это послужило поводомъ для основанія «королевской музыкальной академіи», положившей начало для французской героической оперы; а о дальнѣйшемъ развитіи опернаго искусства трудились общими силами флорентинскій композиторъ Лулли и французскій сочинитель театральныхъ пьесъ Фил. Кино.

3. Буало. Лафонтенъ. Фенелонъ.

Лирическая поэзія не достигла во Франціи такого-же блестящаго развитія, какъ драматическая. Придворный поэтъ Исаакъ де-Бенсерадъ сочинялъ пѣсенки, сонеты, разныя мелкія стихотворенія и въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ на немъ лежала обязанность писать стихи по случаю придворныхъ празднествъ; талантливые люди, принадлежавшіе къ обществу Ниноны де л'Анкло, Шапелль, Башомонъ, Шолье, писали остроумныя стихотворенія и посланія, но всѣ эти легкія стихотворныя произведенія не производили сильнаго впечатлѣнія на умы читателей. Ни пастушеская поэзія г-жи Дезульеръ, ни идилліи Фонтенелля не возбуждали интереса въ тогдашнемъ поколѣніи. Николай Буало-Депрео, прозванный французскимъ Горациемъ, былъ первый писатель, возвысившій французскую лирику до одного уровня съ французской драматической поэзіей. Онъ былъ сынъ одного изъ парижскихъ юристовъ; сначала онъ намѣревался заняться изученіемъ юриспруденціи, потомъ взялся за теологию и наконецъ остановилъ свой выборъ на поэзіи и изящной литературѣ. Онъ скоро снискалъ милостивое расположеніе короля, который назначилъ ему ежегодную пенсію. Главная заслуга Буало заключается въ окончательной обработкѣ французскаго языка и слога, за что онъ и былъ признанъ законодателемъ во всѣмъ, что касается поэтической формы и изящнаго вкуса. Самыми выдающимися изъ его произведеній были сатиры, въ которыхъ онъ бичевалъ лицемѣріе іезуитовъ и ихъ притязанія на роль законодателей вкуса, и въ которыхъ онъ держался середины между шутливой веселостью сатиръ Горация и карающей серьезностью сатиръ Ювенала. Въ своихъ посланіяхъ онъ является низкимъ льстецомъ короля, протекцію котораго онъ и пріобрѣлъ

этимъ способомъ. Благодаря своему Art poétique онъ сдѣлался законодателемъ поэзіи не только во Франціи, но и во всей Европѣ не смотря на то, что его воззрѣнія были очень узки, его сужденія были поверхностны, а его критика рѣдко проникала въ сущность художественнаго творчества. Въ его комическо-героической поэмѣ Le lutrin (Налой) нѣтъ недостатка въ забавныхъ выходкахъ, но по своему юмору она не можетъ равняться съ произведеніемъ Итальянца Тассони «Украденное ведро». Въ своихъ одахъ Буало довелъ дѣсть до ея крайнихъ предѣловъ, но именно этимъ доказалъ своимъ соотечественникамъ, что въ сущности не былъ настоящимъ поэтомъ. Даже оды и духовныя пѣсни изгнаннаго изъ Франціи Жака Батиста Руссо имѣютъ много преимуществъ надъ однородными произведеніями Буало.

Лафонтенъ былъ тотъ поэтъ, чьи произведенія всего болѣе читались во Франціи. Среди знатнаго общества, въ которомъ всё было патапато и неестественно, этотъ bonhomme, — какъ его прозвали Французы, — всегда сохранялъ свою врожденную наивность и веселое простодушіе, довольствуясь самою скромною жизнію, для которой ему доставляли средства поклонники и друзья. Какъ въ своемъ образѣ жизни, такъ и въ литературѣ, онъ умѣлъ не подчиняться никакимъ искусственнымъ правиламъ и налагать на заимствованные у другихъ писателей сюжеты «галльскій отпечатокъ», благодаря безыскусственному разнообразію выраженій и музыкальности стиховъ. Онъ не отличался ни высокимъ полѣтомъ своей фантазіи, ни энергическимъ развитіемъ поэтическихъ мыслей и чувствъ; онъ былъ великъ только въ легкіхъ разсказахъ, отличавшихся привлекательностью и остроуміемъ изложенія. И его мелкія лирическія стихотворенія, пѣсни, элегіи, равно какъ написанная въ міоолого-романтическомъ духѣ «Психея», могутъ правиться только по своей внѣшней формѣ. Хотя въ его разсказахъ, написанныхъ въ подражаніе Боккаччо и провансальскимъ поэтамъ, нѣтъ сальностей, которыя встрѣчаются въ тѣхъ болѣе старыхъ произведеніяхъ, но и у него нѣтъ недостатка въ непристойныхъ выраженіяхъ. Поэтому, въ тѣ годы религіознаго благочестія, духовенство подвергло добродушнаго старца церковному покаянію. Басни Лафонтена были во всѣхъ семьяхъ любимой дѣтской книгой и служили образцами для позднѣйшихъ баснописцевъ не смотря на то, что ихъ растянутая словоохотливость не соответствуетъ настоящему характеру басни. Также много читались живые и веселые разсказы Жака Вержье не смотря на то, что разсказы Лафонтена далеко превосходили ихъ своимъ наивнымъ остроуміемъ.

Между тѣмъ какъ самые выдающіеся поэтическіе таланты посвящали себя драматической поэзіи, эпосъ былъ предоставленъ талантамъ второстепеннаго разряда. Демаре создалъ въ своемъ «Кловисѣ» вмѣсто героиче-

Жанъ Батистъ
Руссо † 1741.

Лафонтенъ
1621—1694.

Эпосъ.

ческой поэмы изложенный стихами рыцарский романъ со всеми аппаратами волшебной романтической обстановки, а „эпический риомолетъ“ Шамелентъ въ своей „Орлеанской дѣвѣ“ сдѣлалъ неудачную попытку создать національный эпосъ; нѣкоторые другіе поэты брались за эту трудную задачу съ такимъ же неуспѣхомъ, какъ напиримѣръ провансальскій дворянинъ Скудери написалъ героическую поэму „Аларихъ“ съ цѣлію приобрѣсти благосклонность шведской королевы Христины, а іезуитъ Лемуанъ написалъ поэму о святомъ Людовикѣ. Только Вольтеръ довелъ эпическую поэзію, — по мнѣнію Французовъ, — до совершенства, написавши „Генриаду“. Но исторически вѣрное описаніе междоусобной войны благозвучнымъ александрійскимъ стихотворнымъ размѣромъ и съ аллегорическими фигурами еще очень далеко отъ настоящаго эпоса. Напротивъ того, было не мало писателей, занимавшихся сочиненіемъ романовъ: Гасконецъ Готье де-Костъ де-ла-Кальпренедъ, отличавшійся пылкой фантазіей и краснорѣчіемъ южана, описывалъ древне-историческія происшествія въ духѣ старинныхъ рыцарскихъ романовъ, но съ точки зрѣнія своего времени; по его слѣдамъ шла Мадлена де-Скудери, писавшая романы въ семи томахъ. Но вслѣдъ за тѣмъ скоро стали появляться историческіе романы и новеллы, въ которыхъ описывались личности и происшествія или современныя или взятые изъ недавняго прошлаго; при этомъ нѣкоторые романисты давали полный просторъ вымысламъ, какъ напр. г-жи Ла-Форсъ и Вилледъ въ своихъ историческихъ романахъ, Рожеръ де-Работенъ, графъ Бюсси въ своихъ неблагопристойныхъ „Галльскихъ любовныхъ исторіяхъ“, которыя были чѣмъ-то въ родѣ скандальной хроники высшаго общества; другіе романисты придерживались вѣрнѣйшей формы мемуаровъ, соединяя вымыслы съ правдой, какъ наприм. графиня Лафайетъ въ своей „Исторіи герцогини Орлеанской“, въ своихъ достопамятныхъ происшествіяхъ изъ жизни французскаго двора и въ своей „Принцессѣ Клевской“. Только въ лучшемъ историческомъ романѣ того времени „Зандъ“, эта высокообразованная графиня дала болѣе полную волю изобрѣтательности своего ума. Болѣе удачны были попытки Французовъ писать комическіе романы, для которыхъ можно было находить образцы у испанскихъ писателей. Мужъ г-жи Менгеновъ, Поль Скарронъ, никогда не утрачивавшій своего остроумія и юмора, не смотря на то, что былъ разбитъ параличемъ, написалъ кромѣ нѣсколькихъ комедій „Комическій романъ“ и „Энеиду наизулку“, которые могутъ служить образцами остроумія и умѣнья владѣть французскимъ языкомъ. Но болѣе всего прославился своими комическими романами Рене Лесажъ: его „Исторія Жиль-Блаза де-Сантллана“ пользуется извѣстностью почти наравнѣ съ „Донъ-Кихотомъ“ Сервантеса, а его „Хромой бѣсъ“ возбуждалъ сильный интересъ многочисленными намѣками на Парижанъ и на городскія происшествія того времени.

Къ числу эпическихъ произведеній принадлежитъ и замѣчательная, написанная поэтической прозой, книга епископа Фенелона „Приключенія Телемака“; она отличается благородствомъ идей, либеральными политическими воззрѣніями, и была переведена на всѣ европейскіе языки. Фенелонъ былъ воспитателемъ королевскаго внука и написалъ свою книгу съ цѣлію наглядно объяснить наслѣднику престола обязанности государя и внушить ему несочувствіе къ завоевательной политикѣ Людовика XIV, пагубныя послѣдствія которой уже въ то время начинали обнаруживаться. Владычеству Людовика XIV, стремившагося къ завоеваніямъ, возбуждавшего гоненія за вѣру, склоннаго къ чрезмѣрной роскоши и не знавшаго никакихъ предѣловъ для своей власти, Фенелонъ противопоставилъ мирную систему управленія, отличающуюся вѣротерпимостью и основанную на уваженіи къ законамъ; такъ какъ изложенныя въ „Телемакѣ“ основныя воз-

зрѣнія представляли рѣзкій контрастъ съ принципами Людовика XIV, то вся книга имѣла видъ написанной на дарствующаго короля сатиры. Разгнѣванный король не только приказалъ приостановить печатаніе новой книги, но и подвергнувъ своей немилости ея автора. Только послѣ смерти Людовика книга была напечатана вполнѣ и съ прибавкой замѣчательной статьи („Руководство для совѣсти короля“), въ которой Фенелонъ извлекалъ изъ ученія церкви принципы конституціонной монархіи, совѣтовалъ въ названныхъ сроки созывать государственныя чины и возлагалъ на совѣсть монарха такое управленіе государствомъ, которое было-бы основано на ненарушимыхъ законахъ. Онъ усматривалъ главную задачу государственнаго управленія не въ величіи и не въ блескѣ, а въ благосостояніи подданныхъ. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ порицалъ войны, предпринимаемыя для расширенія государства или для личной славы короля. По его мнѣнію, всѣ государства принадлежатъ только къ одному великому цѣлому — къ человѣческому роду, а потому всякая между ними война есть междоусобица. Сдержанность и мягкость стиля вполнѣ соответствуютъ такому содержанию, а дидактическая тенденція беретъ верхъ надъ героическимъ характеромъ эпоса. Въ томъ-же благородномъ и человѣколюбивомъ духѣ написаны другія сочиненія Фенелона — его „Исслѣдованія о Бытіи Божіемъ“ и его статья „о воспитаніи дочерей“. Его „Разговоры великихъ людей въ элизіумѣ“ были подражаніями Лукіановскихъ діалоговъ только по формѣ, а не по направленію; это — изложенныя въ разговорной формѣ поучительныя размышленія религіознаго и нравственнаго содержанія.

4. Прозаическая литература.

Лучшими плодами дѣятельности французской академіи была выработка правильнаго и изящнаго литературнаго и разговорнаго языка. Объ этомъ свидѣлствуютъ не только произведенія французскихъ поэтовъ, но также ученныя сочиненія философскаго и религіознаго содержанія, публичныя рѣчи, риторическія сочиненія и мемуары и въ особенности изложенныя въ формѣ писемъ, ученныя изслѣдованія и размышленія. Декартъ открылъ начало новой эры не только въ сферѣ философскихъ знаній, но и въ способѣ изложенія философскихъ идей и изслѣдованій. Въ особенности ясенизмъ былъ разсадникомъ прозаической литературы; изъ Поръ-Рояля вышли даровитые люди, создавшіе тѣ превосходныя по формѣ и по содержанію произведенія, которыя служили образцами языка и стиля и для современниковъ и для слѣдующихъ поколѣній.

Во главѣ ихъ стоитъ Блезъ Паскаль, который намъ уже знакомъ въ качествѣ противника іезуитовъ (стр. 308). Онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ математиковъ и физиковъ: благодаря своимъ изслѣдованіямъ въ сферѣ физики и механики онъ занялъ выдающееся положеніе между естествоиспытателями; ему даже приписывали первенство въ открытіи закона тяготѣнія; сначала онъ сочувствовалъ скептицизму популярнаго философа, бордоскаго мэра Монтеня, который въ своихъ *Essays* старался поколебать вѣру во всякіе установленные догматы, обычаи, государственныя учрежденія, и, подобно служившему для него образцомъ Горацию, усматривалъ житейскую мудрость только въ согласныхъ съ законами природы насажденіяхъ. Но Паскаль не ограничился отрицательными воззрѣніями: онъ отказался отъ безотраднaго ученія о неточности и ограниченности всл-

Паскаль.
1623—1662.

каго знанія, подчинился рѣшенію церкви въ религиозныхъ вопросахъ, нашелъ для себя утѣшеніе въ христіанской мистикѣ и при помощи аскетизма преодолѣлъ свою склонность къ эпикуреизму. Однако онъ вмѣстѣ съ этимъ старался согласовать научные выводы съ душевными потребностями. Водушевляясь строгимъ правдолюбіемъ, искреннимъ религиознымъ благочестіемъ и твердыми нравственными правилами, онъ почувствовалъ отвращеніе къ вялой морали іезуитскаго ордена, слишкомъ снисходительной къ человѣческимъ слабостямъ, и написалъ подъ именемъ Монтальто противъ іезуитскаго духовенства тѣ „Провинціальныя письма“, которыя по своей тонкой ироніи, по своему остроумному содержанію и поразительной ясности доказательствъ до сихъ поръ считаются за образецъ классической полемики. Тономъ добродушной наивности онъ разоблачаетъ тайны іезуитовъ, объясняетъ и осмѣиваетъ казуистику и безнравственные теории послѣдователей Лойлы. Эти „Провинціальныя письма“ нанесли іезуитамъ такую глубокую рану, которой нельзя было залѣчить никакими софистическими оправданіями. Въ этомъ произведеніи „все мысли развивались такъ ясно, все выраженіе было такъ естественно и точно, все насмѣшки были такъ мѣткі, а общій тонъ изложенія, не смотря на язвительность ироніи, носилъ на себѣ такой отпечатокъ правдивости, что іезуиты должны были краснѣть отъ стыда, смотрѣвъ въ это зеркало“. — Отъ полемическихъ нападокъ на іезуитскія извращенія христіанскаго ученія Паскаль перешелъ къ апологіи христіанства. Признавая въ „Провинціальныхъ письмахъ“ права истины, разсудка и морали, онъ въ то же время хотѣлъ убѣдить въ необходимости вѣры. Но онъ не успѣлъ довести до конца большое сочиненіе, въ которомъ онъ наперекоръ Декарту старался философски доказать способность разума познать конечную цѣль и причину вещей, необходимость божественнаго откровенія и вмѣстѣ съ тѣмъ истину христіанской религіи. По его мнѣнію, могутъ существовать только двѣ философскія системы — одна, основанная на сомнѣніи и удаляющая насъ отъ Бога, другая, признающая за людьми способность знать и вознестись мыслію къ Богу. Онъ полагаетъ, что эти двѣ системы находятся въ постоянной между собою борьбѣ, стараясь разрушить одна другую, но именно этимъ вызываютъ существованіе религіи и очищаютъ мѣсто для Евангелія. Но то религиозное откровеніе, необходимость котораго онъ считаетъ неоспоримой, не заключается, по его мнѣнію, въ церковномъ ученіи. Послѣ его смерти было издано его друзьями подъ названіемъ *Pensées* остроумное сочиненіе частію богословскаго частію скептическо-философскаго содержанія; но это были лишь отрывки задуманнаго Паскалемъ большаго сочиненія; его друзья выбросили изъ этой книги все, что могло нарушить только что заключенный „церковный миръ“ и ихъ добрыя отношенія къ духовенству.

Ла-Рошфуко. Почти въ то же время, какъ Паскаль принялъ рѣшеніе „не быть ничѣмъ другимъ, какъ проповѣдникомъ болѣе глубокаго религиознаго чувства“, въ высшихъ сферахъ парижскаго общества достигалъ зрѣлости тонкій наблюдательный умъ герцога Франсуа де-ла-Рошфуко. Этотъ высокопоставленный человѣкъ былъ поклонникомъ прекрасной герцогини Лонгевилль, принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ Фронды и оставилъ намъ въ своихъ мемуарахъ очень интересное описаніе своихъ политическихъ предпріятій и интригъ. Нѣкоторые сравнивали эти мемуары съ лѣтописями Тацита, но легкость и привлекательность разсказовъ французскаго аристократа имѣетъ такъ же мало сходства съ строгимъ стилемъ римскаго республиканца, какъ мало сходства въ содержаніи двухъ произведеній и въ характерѣ ихъ авторовъ. Богатому и знатному Французу была совершенно чужда стоящая суровость Римлянина: послѣ прекращенія внутреннихъ смутъ онъ жилъ въ большомъ свѣтѣ, наслаждался всеми общественными

Ла-Рошфуко.
1613—1680.

удовольствіями въ обществѣ самыхъ остроумныхъ мужчинъ и женщинъ, для которыхъ его домъ служилъ сборнымъ пунктомъ. Тамъ этотъ образованный свѣтскій человѣкъ находилъ не мало случаевъ для наблюдений, отражавшихся какъ въ зеркалѣ въ его афористическомъ сочиненіи *Reflexions et Maximes*, изъ котораго ясно видно, какими эгоистами были люди высшего общества: вѣдь Ла-Рошфуко излагалъ въ своихъ *Maximes* не столько общіе результаты своего мышленія, сколько результаты своихъ наблюдений надъ современными правами. Между тѣмъ какъ Паскаль старался въ своихъ *Pensées* отыскать идеальную точку зрѣнія для ума и сердца, *Reflexions* герцога холодно-благоразумны, остроумны, изящны, но въ нихъ не видно вѣры въ человѣческую добродѣтель, въ нихъ нѣтъ искренняго воодушевленія.

Нѣмногіе изъ литературныхъ произведеній временъ Людовика XIV такъ же нравились читателямъ изяществомъ своей вишней формы и живостью своихъ описаній, какъ „Характеры“ Жана де-ла-Брюйера. Назначенный по рекомендаціи Боссюэта въ наставники къ одному изъ королевскихъ принцевъ, онъ провелъ всю свою жизнь при дворѣ и въ знатномъ обществѣ, а его наблюденія надъ окружающей сферой послужили содержаніемъ и основой для его очерка человѣческихъ характеровъ. Подражая „Характерамъ“ Теофраста, которые онъ присовокупилъ къ своимъ собственнымъ во французскомъ переводѣ, онъ тщательно изучалъ какую пибудь отдѣльную личность и бралъ ея отличительныя особенности за основу для изображенія современныхъ нравовъ. Благодаря изяществу своего языка и слога Ла-Брюйеръ придавалъ своимъ произведеніямъ отпечатокъ риторическаго совершенства, но онъ не отличался своими научными познаніями. Когда онъ не задолго до своей смерти былъ принятъ въ члены академіи, то въ одной эпитаграммѣ было замѣчено, что въ цифру 40 входитъ нуль.

Ла-Брюйеръ.
1639—1696.

О стилистической отдѣлкѣ изящной прозы въ этомъ классическомъ вѣкѣ свидѣлствуютъ также мемуары и письма, которыя частію не были предназначены для печати; они очень интересны описаніемъ выдающихся личностей и мѣткими замѣчаніями. Нѣкоторые изъ нихъ наполнены только историческими подробностями, а нѣкоторые другіе, какъ напр. мемуары Сюлли, Реца, Сень-Симона, носятъ на себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ литературный и художественный отпечатокъ. Подлинность мемуаровъ Сюлли подвержена сомнѣнію, тѣмъ не менѣе онъ служитъ превосходнымъ памятникомъ заслугъ и возвышеннаго образа мыслей этого министра Генриха IV. Мемуары остроумнаго кардинала Реца служатъ вѣрнымъ отраженіемъ смутныхъ временъ Фронды; кромѣ того, по нимъ можно изучать разговорный языкъ тогдашняго высшего общества. Подробные мемуары Луи де-Рувруа, герцога Сень-Симона появились въ печати въ своемъ настоящемъ видѣ только очень недавно: такъ какъ въ нихъ встрѣчаются рѣзкіе сужденія о дворѣ и о высокопоставленныхъ лицахъ, то они хранились въ государственномъ архивѣ подъ замкомъ въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Отецъ Сень-Симона получилъ герцогскій титулъ отъ Людовика XIII, а самъ онъ участвовалъ подъ начальствомъ маршала Люксенбурга въ нидерландскихъ походахъ и сражался при Флёрусѣ и Неервинденѣ. Уже тогда онъ задумалъ описать все что самъ пережилъ, и съ этой цѣлю сталъ вести дневникъ, который послужилъ началомъ для его мемуаровъ. Такъ какъ, по его мнѣнію, Людовикъ XIV не обратилъ должнаго вниманія на его заслуги, то онъ оставилъ военную службу, не разрывая своихъ связей съ королевскимъ дворомъ. Ему были близко знакомы интриги партій; къ г-жѣ Ментенонъ онъ питалъ вражду; съ герцогскими домами Орлеанскимъ и Бургонскимъ онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ; поэтому онъ придавалъ своимъ мемуарамъ, надъ которыми работалъ болѣе пятидесяти лѣтъ,

Мемуары.

отпечаток своих личных симпатий и антипатий и слишком часто руководствовался в своих суждениях односторонними партийными соображениями. Особенную важность имеют его мемуары для эпохи регентства, во время которой он сам принимал действительное участие в политике. После смерти герцога Орлеанского он удалился в свое поместье Лаферта, где до конца своей жизни (1755) трудился над своими мемуарами. Французские историки литературы сравнивают его с Тацитом. Но даже в глазах тех критиков, которые называют его мемуары памятником обманутаго честолюбия, похожим не на настоящую историю, а на пастель, достойную похвалы оригинальный колорит стиля и живость тех мелких драматических сцен, в которых люди, сами того не сознавая, обнаруживают свое тщеславие, зависть и корыстолюбие; даже эти критики относят Сень-Симона к числу великих писателей.

Письма.
Г-жа-Севинье
1626—1696.

Подобно вышеупомянутым мемуарам и письма маркизы Севинье служат отражением жизни и общества времен Людовика XIV. Эта высокообразованная дама, сохранившая среди придворных соблазнов душевную чистоту, описывала чрезвычайно живо современные события и образованное общество. Не только изяществом вышней формы, но и наивностью выражений замечательны письма и мемуары Елизаветы Шарлотты, второй супруги герцога Орлеанского. Она чувствовала себя одинокой при дворе, не любила своего распутного супруга, а с своими откровенными признаниями обращалась к жившей вдалеке родственнице; ей сообщала она свои радости и огорчения, свои замечания о г-же Ментенон, о королевском дворе, о выдающихся личностях того времени.

Литература
эмигрантов.

Даже отмена Нантского эдикта привела к обогащению французской литературы хотя и не в такой же степени, как раздоры, возбужденные яansenитами в недрах католической церкви. Нам уже известно, что многие из научно-образованных людей реформатского исповедания спаслись из Франции бегством. Самые выдающиеся из них нашли убежище в Голландии, где под защитой республиканского правительства, исповедывавшего одинакую с ними религию, могли безопасно писать свои полемические и философские сочинения. К числу их принадлежат Пьер Бэйль, сын одного реформатского пастора из южной Франции. Во время своего продолжительного пребывания в Роттердаме он написал много сочинений философского, полемического и критического содержания, обративших на него внимание всей Европы. Там же он основал периодическое издание (*Nouvelles de la république des lettres*), которое отстаивало принцип свободы исследований против иезуитов. Главным произведением Бэйля был исторический и критический словарь, в котором он излагал свои ученые исследования и скептические воззрения. Кроме того, он под гнетом преследований написал знаменитую книгу „О религиозной терпимости“, подкрепляя свои доводы библейскими изречениями. Он нападал на заблуждения и предрассудки, господствовавшие в церкви, в государстве, в науке и в жизни. Он был поборником свободы мысли и верований, а своими произведениями придал особую привлекательность своим мастерским слогом и остроумными анекдотами. В том же духе писали Сент-Эврмон и Лекерк; первый долго вращался во времена Мазарини в образованных кружках парижского общества, подвергся преследованиям за свои критические и скептические произведения и за свою эпикурейскую философию, искал безопасного убежища сначала в Голландии, потом в Англии и умер изгнанником в Лондоне; второй был автором многочисленных исторических, богословских и философских сочинений, в которых перешел от сомнений к полному отрицанию господствовавших в его время идей.

Бэйль.
1647—1706.

Противоположной точки зрения держался Боссюэт, прославившийся в качестве церковного проповедника, обращавшего гугенотов в католическую веру и отстаивавшего истину католического учения; он был сначала воспитателем дофина, потом епископом и членом государственного совета; свою ученость и свои литературные дарования он употреблял на защиту интересов галликанской церкви, старался вытеснить тем приобрести влияние при дворе. Его „Изложение католического вероучения“ может считаться за программу галликанской церкви по всем спорным вопросам. Кроме его надгробных слов и полемических сочинений, направленных против протестантизма („История религиозных изменений в протестантской церкви“) особенно замечательны следующие из его дидактико-риторических произведений: предназначенное для дофина сочинение о всемирной истории (*Discours sur l'histoire universelle*), которое было первой попыткой рассматривать исторические события с христианско-богословской точки зрения; написанные также для дофина „Очерк истории Франции“ и „Политика по Священному Писанию“, в которых он старался доказать, что высшие формы французской монархии вполне согласуются с библейскими изречениями, что монарху должна принадлежать неограниченная власть, а его подданные могут протестовать против произвола и тирании только в форме смиренных просьб. Подобно своим соперникам по церковному красноречию, Флешье, Бурдаду и некоторым другим, Боссюэт признавал искоренение еретических мнений кальвинистов за одно из самых похвальных деяний великого короля.

Боссюэт.
1627—1704.

5. Наука и искусство.

Век Людовика XIV был золотым веком не только для изящной литературы, но и для всех отраслей человеческих знаний. Министр Кольбер поощрял научные исследования, выдавал ученым вспомоществования из государственного казначейства и основывая ученые общества. Естественные науки сделали при нем значительные успехи, а классические произведения греческих и римских писателей сделались для всех доступными благодаря тому, что были изданы во французских переводах с объяснительными комментариями. Впрочем, великий знаток древних языков и сочинений Клод Сомез (Сальмазий) был вынужден своими религиозными убеждениями бежать из Франции в Голландию и в Швецию, подобно Казобону, кончить жизнь на чужбине. — Г-жа Дасье перевела произведения Гомера, а иезуит Пейреск, находившийся в письменных и личных сношениях с первыми учеными своего времени, не мало способствовал изучению археологии. Издание классиков „для дофина“ (*in usum Delphini*) хотя и отличалось преимущественно типографическими достоинствами, но также содействовало распространению археологических сведений. — И историография не оставалась в пренебрежении. Между учеными сочинениями, написанными с целью собрать и привести в порядок исторический материал и заложить прочный фундамент для историографии, в первом ряду стоят следующие: сочинения Тиллемона о римской истории при императорах и о первых веках христианской церкви, послужившие основой для написанной Гиббоном „Истории упадка и разрушения римской империи“, критические исследования Пагпа в дополнении к церковным летописям Баронюса; критические исследования

Археология и
исторический
исследования.

Бофора „О недостоверности свѣдѣній касательно первыхъ пяти столѣтій римской исторіи“; тщательно составленная, но лишенная критики „Римская исторія“ Роллена; толковый словарь Дю-Канжа съ указаніемъ средне-вѣковыхъ латинизмовъ и грецизмовъ, до сихъ поръ служащій руководствомъ для тѣхъ, кто изучаетъ средне-вѣковую литературу. И эти историческіе сборники, и первый систематическій сборникъ произведеній старинныхъ французскихъ историковъ, составленный Андрѣ Дюшеномъ, и составленный библіотекаремъ Кольбера, Балюзомъ сборникъ документовъ для французской церковной исторіи, и „Восточная бібліотека“ Гербело и многія другія произведенія были обязаны своимъ появленіемъ на свѣтъ покровительству короля. Однако, не смотря на свои достоинства, эти труды не могли удовлетворять любознательность образованнаго общества; поэтому стали появляться историческія сочиненія, написанныя не столько съ цѣлю критической провѣрки историческаго матеріала, сколько съ цѣлю удовлетворить потребность въ пріятномъ чтеніи; сюда принадлежатъ: французская исторія Варильяса, заговоръ противъ венеціанской республики въ 1618 году Сентъ-Рея, историческія сочиненія аббата Рене Оберта-де-Верто о революціяхъ въ Римѣ, въ Португаліи, въ Швеции, и о мальтійскомъ ордѣнѣ. Въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ историковъ того времени принадлежатъ авторъ исторіи Франціи Франсуа де-Мезерэ. Онъ съ мужественной смѣлостью описалъ самыя мрачныя краски систему откуповъ, тяжелый гнетъ налоговъ и пошлинъ, за что лишился и званія и жалованья королевскаго исторіографа. Хотя нельзя не отдать справедливости ни трудолюбию Жана Мабильона, заложившаго фундаментъ для исторіи дипломатіи, ни учености іезуита Даниэля, написавшаго подробную исторію Франціи, и аббата Флѣри, написавшаго исторію церкви, но и по своей внѣшней формѣ и по своему содержанію эти произведенія вовсе не достигаютъ цѣлей настоящей исторіографіи. Почти всѣ историки того времени принадлежали къ духовному сословію и старались объяснять историческія событія въ интересахъ церкви и королевской власти. Только одинъ писатель обнаружилъ послѣ Мезерэ пониманіе достоинствъ настоящей исторіографіи и соединилъ съ правдолюбивымъ безпристрастнымъ объективнымъ отношеніемъ къ своей задачѣ: это былъ гугенотъ Ралинь-де-Тойрасъ, нашедшій, послѣ уничтоженія нантскаго эдикта, убѣжище въ Англіи и въ знакъ своей признательности написавшій исторію этой страны.

И въ сферѣ юриспруденціи точно такъ же, какъ въ сферѣ археологіи, замѣтно стараніе согласовать достигнутые древними результаты съ потребностями и идеями новаго времени. Дюмуденъ, писавшій комментаріи на парижскіе обычаи, былъ прозванъ французскимъ Павлиніаномъ. Изъ знакомства съ римскимъ правомъ и съ старыми французскими законами онъ извлекалъ аргументы для протеста противъ папскихъ притязаній. Воззрѣнія римскихъ юристовъ имѣли вліяніе и на развитіе понятій о государственномъ правѣ тѣмъ болѣе потому, что они казались благоприятными для упроченія абсолютизма. Возникшія подъ вліяніемъ кальвинистовъ понятія объ ограниченной народными правами королевской власти были сильно расшатаны революціонными и анархическими волненіями въ послѣднія десятилѣтія шестнадцатаго столѣтія и въ первыя десятилѣтія семнадцатаго столѣтія; тогда стали выдавать абсолютную королевскую власть за божеское учрежденіе, за охрану отъ внутреннихъ смутъ. Въ виду паткости государственнаго строя, юристъ Жанъ Боденъ сталъ излагать воззрѣнія, очень близко подходившія къ понятію о неограниченной монархической власти. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „О государственнѣ“ онъ разсматривалъ хорошія и дурныя стороны различныхъ формъ государственнаго управленія и пришелъ къ заключенію, что сосредоточенная неограничен-

Верто.
1655—1735.

Мезерэ.
1610—1686.

Юриспруден-
ція и политикѣ.

Боденъ.
1530—1596.

ная верховная власть лучше средне-вѣковой феодальной системы. Онъ былъ проникнутъ глубокимъ убѣжденіемъ въ величіи, подобающемъ монарху, выше котораго нѣтъ никого, кромѣ Бога; отсюда онъ дѣлалъ выводъ, что монарху принадлежитъ право объявлять войну и заключать миръ, что онъ имѣетъ право жизни и смерти надъ своими подданными, что онъ можетъ дѣлать исключенія изъ общихъ законовъ, что онъ есть высшій судія и что ему принадлежитъ верховная власть надъ духовенствомъ, возбуждавшимъ негодованіе Бодена своими богатствами, привилегіями и самостоятельными правами. Поэтому онъ полагалъ, что подчиненіе королевской власти изъ любви къ порядку и къ своему отечеству должно считаться основнымъ закономъ. Однако онъ не одобрялъ насилій съ цѣлю обращенія невѣрующихъ. — Что касается гражданскаго права, то другъ Паскаля Жанъ Дома написалъ классическое сочиненіе: „О гражданскихъ правахъ въ ихъ естественномъ примѣненіи“, придерживаясь христіански-идеальной точки зрѣнія. Не смотря на то, что онъ былъ янсенистъ, онъ былъ рекомендованъ Людовику XIV министромъ д'Агессо и пользовался милостивымъ расположеніемъ короля.

Подобно литературѣ и изящныя искусства служили украшеніемъ для королевскаго двора. Въ постройкѣ версальскаго дворца съ его великолѣпными залами и галереями, садами, аллеями и фонтанами, принимали участие лучшіе архитекторы того времени и между прочими оба Мансара, дядя и племянникъ; въ украшеніи потолковъ и стѣнъ дворца участвовали лучшіе живописцы того времени — Лебрѣнъ, Жувенъ, Миньяръ, и самыя искусныя ваятели — Жирардонъ, Койсевоксъ, Дежарденъ; всѣ они старались соорудить такой архитектурный памятникъ, который, не смотря на причудливость своего стиля, соответствовалъ-бы могуществу и величію короля. — Произведенія живописца Николая Пуссена старшаго, написанныя въ античномъ стилѣ, уже не совсѣмъ подходили подъ господствовавшіе вкусы; подобно тому, какъ въ трагедіи Корнель и Расинъ, придерживаясь правилъ античной драматургіи, смягчали стиль своихъ произведеній посредствомъ примѣси романтическихъ элементовъ, и живописцы стали дѣлать то же самое. Зять Николая Пуссена, Каспаръ Дюгъ, также называвшійся Пуссеномъ, старался придавать своимъ ландшафтамъ такую живость и свѣжесть, которыя были уклоненіями отъ прежняго строгаго и сухого стиля. Однако, смѣлый натурализмъ подражавшаго венеціанскимъ живописцамъ и Караваджіо, Симона Буэ не встрѣтилъ общаго одобренія; уже его ученикъ Ёстамъ Лесюёръ заимствовалъ болѣе изящныя внѣшнія формы отъ старыхъ итальянскихъ живописцевъ и достигъ привлекательной мягкости стиля въ особенности въ сценахъ изъ монашеской жизни. Но настоящимъ представителемъ французской живописи въ вѣкѣ Людовика XIV былъ королевскій придворный живописецъ Шарль Лебрѣнъ, которому поручалось завѣдываніе всѣми художественными предпріятіями и который стоялъ во главѣ цѣлой когорты художниковъ и техниковъ всякаго рода. Это былъ очень талантливый человѣкъ, но онъ употреблялъ свой талантъ на то, чтобы придавать художественную отдѣлку величественной театральной обстановкѣ, которая была характеристической особенностью той эпохи во французской исторіи. Его большія картины носятъ на себѣ отпечатокъ декоративнаго великолѣпія, напоминающаго произведенія его современника Кортонны, но онъ страдаетъ отсутствіемъ мысли, ясности и соразмѣрности въ своихъ частяхъ. Гораздо выше Лебрѣна стоитъ Клодъ Желэ, извѣстный подъ именемъ Лоррѣна; его произведенія отличаются необыкновенной чистотой колорита и гармоніей цѣлаго. Но въ Парижѣ и въ Версали такой художникъ былъ не на своемъ мѣстѣ; онъ провелъ большую часть своей жизни

Художествен-
ный вкусъ и
художественная
дѣятельность.

Ник. Пуссенъ
1594—1665.

Каспаръ Пус-
сенъ.
1613—1675.

Буэ. 1582—
1641.

Лесюёръ
1617—1655.

Лебрѣнъ
1619—1690.

Клодъ Лоррѣнъ.
1600—1682.

въ Италіи, преимущественно въ Римѣ, гдѣ кончилъ жизнь, оставивши послѣ себя значительное состояніе, которое нажилъ своими ландшафтами.

Даровитые писатели и художники, которые съ половины семнадцатаго столѣтія и даже въ первыя десятилѣтія восемнадцатаго столѣтія установили для всей Европы законы изящнаго вкуса въ сферѣ искусства и литературы, сдѣлали изъ продолжительнаго царствованія Людовика XIV золотой вѣкъ культуры и изящнаго вкуса. Но нѣкоторые изъ звѣздъ, блещавшихъ въ то время на умственномъ горизонтѣ, впоследствии исчезли безслѣдно. Кто кромѣ людей, специально изучающихъ литературу, будетъ въ настоящее время читать произведенія племянника великаго Корнеля, Бовье де-Фонтенелля, который приобрѣлъ извѣстность своими идилліями и пастушескими стихотвореніями, былъ при двухъ поколѣніяхъ секретаремъ академіи и прославился во всей Европѣ какъ своей универсальной образованностью и своимъ изящнымъ вкусомъ, такъ и любовью своего общества! Его острый умъ не отличался ни глубиной ни оригинальностью, но онъ мастерски владѣлъ и письменнымъ и разговорнымъ языкомъ; онъ сочинялъ и комедіи и трагедіи и оперетки, писалъ гладкими стихами басы, эниграммы, сочинялъ и произносилъ похвальные академическія рѣчи, соперничалъ сборникомъ своихъ писемъ не только съ Вальзакомъ и Вуатюромъ, но даже съ г-жею Севинье; въ своихъ критическихъ статьяхъ о поэтикѣ и риторикѣ онъ старался доказать превосходство новѣйшей поэзіи въ краснорѣчіи надъ поэзіей и краснорѣчіемъ древнихъ, а въ „Разговорахъ между мертвыми“ подражалъ скептическому и ироническому направленію Лукіана.

Фонтенелль.
1657—1757.

Ламоттъ.
1672—1731.

—И соперникъ Фонтенелля Гударъ де-ла-Моттъ не достигъ безсмертія, на которое рассчитывалъ изъ презрѣннаго тщеславія и самолюбія. Онъ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ подражанія: его драматическія и лирическія произведенія были копіями съ такихъ же произведеній болѣе старыхъ писателей. Однако и у Ламоттъа были поклонники, не смотря на то, что его поэтическія произведенія и его теорія поэзіи свидѣтельствуютъ объ отсутствіи настоящаго поэтическаго вдохновенія въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV. Для современниковъ престарѣлаго монарха и во времена регентства поэзія была только средствомъ доставлять удовольствіе, украшать жизнь и по большей мѣрѣ соединять съ занимательностью полезныя нравственные поученія. Источники всякой истинной поэзіи — фантазія и воодушевленіе подчинялись въ то время требованіямъ разсудка и установленнымъ критикою основнымъ правиламъ. Естественные душевные порывы и непритворная чувствительность считались такими свойствами, которыми можно пользоваться только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ на нихъ была наложена узда. Негасъ долженъ былъ подчиняться требованіямъ разсудка, критики и общихъ правилъ; поэтъ долженъ былъ воспитываться въ такой школѣ, въ которой преобладали рефлексія, знаніе и эстетическое образованіе. На Парнасъ можно было взбираться только при помощи цѣлесообразныхъ вспомогательныхъ средствъ. То было чѣмъ то въ родѣ реакціи противъ условныхъ требованій изящнаго вкуса, когда въ концѣ столѣтія стали массами появляться волшебныя сказки въ родѣ „Тысячи и одной ночи“, старавшіяся отстоять права ничѣмъ не стѣсняющейся фантазіи. Самыми замѣчательными произведеніями этого рода были „Разсказы моей матери Гусени“ (Contes de ma mère l'Oye) Шарля Перро и les Quatre Facardins графа Антуана Гампльтона. Сочиненіемъ волшебныхъ сказокъ занимались преимущественно дамы (Ла-Форсъ, д'Аннуа и др.) съ педагогическими цѣлями. Даже Февелонъ писалъ для своего воспитанника герцога Бургонскаго такіа фантастическія произведенія.

II. философія.

1. Декартъ, Гейлингсъ и Малебраншъ.

Все новѣйшее образованіе исходило первоначально изъ старанія сбросить оковы, наложенныя средними вѣками на свободное человѣческое развитіе во всѣхъ сферахъ жизни, порвать связи съ традиціями и возвратиться къ первобытному источнику знаній. Послѣ того, какъ естествознаніе и астрономія высвободились изъ подъ гнета духовенства, а реформація предъявила протестъ противъ догматизма схоластики, мыслящіе люди стали искать новыхъ путей къ уразумѣнію законовъ мірозданія. Коперникъ и его послѣдователи доказали узость средневѣковыхъ воззрѣній на вѣдѣнія формы мірозданія, реформаторы поколебали довѣріе къ установленнымъ католическою церковью догматамъ; за тѣмъ слѣдовало отыскать орудія и средства для построенія независимой отъ всякихъ вѣдѣній научной системы. То было вполне естественно, что тогдашніе мыслители приняли за основу философскія воззрѣнія древнихъ греческихъ писателей, только обогативши ихъ и частію исправивши при помощи новыхъ открытій. Еще въ концѣ шестнадцатаго столѣтія Итальянецъ Джордано Бруно пытался при помощи новой натурфилософіи согласовать дуализмъ духа и матеріи и поплатился за свою смѣлость смертью на кострѣ. Еще въ пятнадцатомъ столѣтіи кардиналъ Николай Кузанусъ проповѣдывалъ въ мистической формѣ ученіе о мірозданіи, приводившее къ такимъ-же результатамъ, какіе черезъ столѣтія послѣ того были изложены въ произведеніяхъ Бруно: но въ тѣ дни только еще зараждающагося гуманизма написанныя по-латыни произведенія теософа изъ духовнаго званія не вызвали такой-же бури, какую поднялъ Бруно своими сочиненіями, написанными болѣею частью по-итальянски.

Джордано Бруно былъ чрезвычайно даровитый человѣкъ, обладавшій обширными познаніями; онъ спасся бѣгствомъ отъ ордена доминиканцевъ, жилъ въ Женевѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Марбургѣ и въ Виттенбергѣ, наконецъ осмѣлился читать публичныя философскія лекціи въ Падуѣ и былъ выданъ Венеціанцами римскимъ инквизиторамъ, которые продержали его два года въ темницѣ и затѣмъ публично сожгли на той самой площади Campo dei Fiori, на которой объединенная Италія воздвигнула памятникъ этому мученику за научныя убѣжденія и за свободу изслѣдованій. Его ученіе о единствѣ созданной природы съ ея создателемъ имѣло сходство съ античнымъ пантеизмомъ. И другія философскія системы древнихъ излагались въ то-же время въ обновленномъ видѣ — стоицизмъ въ произведеніяхъ Юста Липсія, эпикуреизмъ въ произведеніяхъ Гас-

Бруно.
1550—1600.

Кампанелла.
1568—1639.

сенди, скептицизмъ въ произведеніяхъ Монтэня и Шаррона. Все это свидѣтельствовало о желаніи перейти отъ оконченной схоластики къ новой жизни и о душевной потребности въ свѣжихъ источникахъ знанія. Къ этимъ людямъ слѣдуетъ причислить и доминиканца Томаса Кампанеллу, который пытался налить новое вино въ старыя мѣха, доказывая, что политическія и социальныя реформы должны быть основаны на ученіи церкви и на папизмѣ; за то, что онъ хотѣлъ замѣнить испанскій абсолютизмъ неограниченнымъ и всемирнымъ владычествомъ папы, онъ поплатился многолѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и ссылкой, пока постигшая его въ Парижѣ смерть не положила конца его страданіямъ.

Между многочисленными сочиненіями Кампанеллы, написанными большей частью въ тюрьмѣ, всѣхъ болѣе замѣчательно „Солнечное государство“ (Civitas Solis); это — изложенное по-латыни въ разговорной формѣ описаніе идеальнаго государства въ родѣ Платоновской „Республики“ или „Утопіи“ Томаса Мора. Ученіе Платона о владычествѣ философовъ принимаетъ у Кампанеллы видъ ученія о владычествѣ духовенства подъ высшею властію духовнаго главы, которому должны подчиняться всѣ свѣтскія власти. Кампанелла кромѣ того писалъ философскія стихотворенія, нѣкоторыя изъ которыхъ были переведены Гердеромъ на нѣмецкій языкъ подъ названіемъ „Адрастеи“.

Декартъ.
1596—1650.

На этихъ-то основахъ и была построена новая философія одновременно въ духѣ реализма (Бэкономъ Веруламскимъ) и въ духѣ идеализма (Рене Декартомъ). Объ англійскомъ государственномъ человѣкѣ и философѣ, который былъ основателемъ реализма, мы уже говорили ранѣе (стр. 208 и сл.). Противоположной точки зрѣнія придерживался Рене Декартъ (Картезіусъ). Онъ принадлежалъ къ католической церкви и воспитывался въ одной изъ иезуитскихъ коллегій; но когда онъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ путешествіяхъ и въ военной службѣ, посвятилъ себя исключительно ученымъ занятіямъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что для дѣятельности его ума не годится атмосфера его отечества, пропитанная америкальнымъ абсолютизмомъ; онъ нашелъ, что воздухъ Парижа препятствуетъ отвлеченному мышленію. Онъ переселился въ Амстердамъ и написалъ тамъ большую часть своихъ сочиненій, въ томъ числѣ статьи на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ *«Философскіе очерки»* и два написанныхъ по-латыни сочиненія *Meditationes de prima philosophia* и *Principia philosophiae*. Въ 1649 году онъ, по приглашенію королевы Христины, переѣхалъ въ Стокгольмъ. Тамъ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ, а его прахъ былъ въ послѣдствіи перевезенъ въ Парижъ и погребенъ въ церкви св. Женеьевы. Декартъ былъ близко знакомъ съ философскими теоріями древнихъ, но его не удовлетворяли добытые древними результаты и онъ не придерживался безусловно ни одной изъ старыхъ системъ; поэтому онъ могъ предъявлять основательныя притязанія

на оригинальность, которая имѣла въ его глазахъ очень высокую цѣну. Нельзя отвергать того, что онъ нерѣдко присвоивалъ себѣ чужое добро, но способъ, которымъ онъ пользовался этимъ добромъ, доставилъ ему заслуженную репутацію отца новѣйшей философіи.

Точкой исхода служило для Декарта сомнѣніе: „Всѣ, что неprovѣрено мыслящимъ разумомъ, относится къ разряду мнѣній, усвоенныхъ подъ вліяніемъ воспитанія, высшаго авторитета или чувственныхъ впечатлѣній. Такія мнѣнія не слѣдуетъ считать познаніями, потому что мы не имѣемъ никакого ручательства въ томъ, что они истинны“. Его смѣлый скептицизмъ отвергнулъ всѣ предвзятія мнѣнія и, отыскивая новый фундаментъ для новой научной системы, принялъ за такой фундаментъ сомнѣніе; существованіе сомнѣнія онъ принялъ за бесспорный фактъ, а тамъ гдѣ есть сомнѣніе, есть также мышленіе и самосознаніе. Исходя отъ этого мышленія и самосознанія, Декартъ приходитъ путемъ строго-логической послѣдовательности идей къ признанію существованія мыслящей субстанции — души; онъ говоритъ: „Я мыслю, стало быть я существую (cogito, ergo sum)“. Все, что присуще этой мыслящей субстанции, должно быть истинно. Сюда принадлежитъ прежде всего идея о высшемъ совершенномъ Существо, которая непременно должна быть врожденной идеей, потому что создать ее не могъ несовершенный человѣкъ, — ее могъ создать только самъ Богъ. Изъ существованія этого врожденнаго понятія объ абсолютно-совершенномъ Существо, философъ дѣлаетъ заключеніе о дѣйствительномъ существованіи Божества, а изъ сознанія конечности нашего „я“ онъ дѣлаетъ заключеніе о существованіи безконечной субстанции. Послѣдователи Декарта, Гейлингсъ и Малебраншъ развивали далѣе ученіе своего наставника.

Для своей философіи Декартъ нашелъ въ Амстердамѣ такое безопасное убѣжище, какого онъ не могъ-бы найти въ Парижѣ на глазахъ у Сорбонны и у бдительнаго стража ортодоксальности, патера Жозефа. Какъ онъ ни старался осторожно относиться къ ученію церкви, ни духовенство, ни правительство не могли терпѣть такой философіи, которая замѣняла старыя доказательства бытія Божія новыми и считала невозможнымъ вращеніе всѣхъ небесныхъ тѣлъ вокругъ земли. Поэтому при Людовикѣ XIV было наложено формальное запрещеніе на ученіе Декарта.

Это ученіе производило такой сильный переворотъ во всѣхъ сферахъ современной умственной жизни, что неизбежно должно было вызвать протесты. Противъ него возстали не только защитники католической и протестантской теологій, и не только безусловные послѣдователи Аристотеля, но также извѣстный изслѣдователь Гоббесъ и прославившія своими трудами по части математики и астрономіи, Гассенди. Даже Блезъ Паскаль возсталъ противъ основныхъ воззрѣній своего современника. Въ ту эпоху революціонныхъ протестовъ противъ всякихъ традицій споры между учеными были обиденнымъ явленіемъ, но они нерѣдко возникали не изъ безкорыстнаго влеченія къ истинѣ, а изъ зависти или изъ желанія приписать себѣ первенство въ сдѣланныхъ открытіяхъ.

Но гораздо болѣе значительно было число тѣхъ ученыхъ, которые усвоили систему Декарта или занимались ея дальнѣйшимъ развитіемъ. Сюда принадлежатъ Гейлингсъ и Малебраншъ. Благочестивый и склонный къ мистицизму Малебраншъ далѣе развивалъ ученіе Декарта въ своихъ сочиненіяхъ „Объ изслѣдованіи истины“, „О натурѣ и благодати“, и въ своихъ

Противники
Декарта.

Гейлингсъ и
Малебраншъ
1638—1715.

„Метафизическихъ и христіанскихъ размышленіяхъ“. Но его мистическій идеализмъ не вполне согласовался съ теологической ортодоксальностью и навлекъ на него не мало обвиненій.

2. Спиноза.

Спиноза. Идеализмъ Декарта былъ доведенъ до высшей степени своего развитія Барухомъ (Бенедиктомъ) Спинозой, который принадлежалъ къ жившему въ Амстердамѣ еврейскому купеческому семейству. Его готовили къ званію раввина и обучали религіи по Талмуду, но узкія теоріи синагоги не могли удовлетворить любознательнаго юношу, и онъ нашелъ для себя убѣжище въ широкой сферѣ умозрѣній. Исключенный изъ общества своихъ единовѣрцевъ за свое «возмутительное лжеученіе», даже подвергавшійся угрозамъ смертной казни, онъ покинулъ свой родной городъ, велъ уединенную жизнь то въ одномъ то въ другомъ голландскомъ городѣ, добывая средства существованія шлифовкой оптическихъ стеколъ и умеръ 21 февр. 1677 г. въ Гагѣ только сорока пяти лѣтъ отъ рожденія. Отвергнутый евреями за свое вѣроотступничество и не встрѣчавшій сочувствія въ христіанахъ, Спиноза вырабатывалъ въ полномъ уединеніи свою систему, въ которой съ строгой послѣдовательностью доказывалъ, что все исходитъ изъ одного высшаго абсолютнаго начала. Очень воздержный и строго-правственный въ своемъ образѣ жизни, онъ не хотѣлъ подчиняться никакой внѣшней зависимости, не принималъ предложенныхъ ему учительскихъ обязанностей и отвергалъ всякіе подарки или отказы по духовнымъ завѣщаніямъ.

Между произведеніями Спинозы, которыя всѣ написаны на латинскомъ языкѣ и большею частію были изданы только послѣ его смерти, всѣхъ замѣчательнѣе его „Этика по геометрической методѣ“, для которой служатъ дополненіями „Изложеніе картезіанской философіи“, „Теолого-политическій трактатъ“ и нѣкоторыя статьи и письма. Въ этой научной системѣ, которую ея авторъ называлъ „Этикой“, изложено въ пяти отдѣлахъ ученіе о субстанціи или Богѣ (метафизика), о натурѣ и о происхожденіи души (физика), объ аффектахъ (психологія) и о могуществѣ мышленія или человѣческой свободы (этика). Отвергая ученіе Декарта о противоположности между бытіемъ и мышленіемъ, между духомъ и тѣломъ, Спиноза приписывалъ дѣйствительное, безконечное бытіе только высшей субстанціи—божеству, а конечные предметы считалъ только кажущимися субстанціями, только проявленіями или атрибутами присутствующихъ Божеству безпредѣльнаго расширенія и безпредѣльнаго мышленія. Вѣчная абсолютная субстанція, соединяющая съ собою мышленіе и силу, есть причина какъ своего собственнаго существованія, такъ и существованія всякаго отдѣльнаго предмета; это внутренняя (immanente), а не внѣшняя (transiente) причина совокупности всѣхъ конечныхъ предметовъ, дѣльности всего міра явленій. „Всѣ предметы“,—говоритъ Целлеръ,—„суть ничто иное, какъ видоизмѣненія одной

субстанціи, всѣ событія ничто иное, какъ проявленія этой субстанціи. Богъ и міръ, творческая и сотворенная природа суть одно и то-же, разсматриваемое съ различныхъ точекъ зрѣнія“.—По ученію Спинозы, высшее блаженство заключается въ признаваніи Бога, а наше счастье и наша свобода заключаются въ постоянной и вѣчной любви къ Богу. Блаженство заключается не въ наградѣ за добродѣтель, а въ самой добродѣтели.

Таковы основныя положенія той системы, которая имѣла огромное Научное влияние на сферу мышленія, вызывая то порицанія, то одобренія. Она подвергалась сильнымъ нападкамъ и со стороны современниковъ и со стороны ученыхъ, принадлежавшихъ къ позднѣйшимъ поколѣніямъ, главнымъ образомъ по причинѣ отношеній Спинозы къ церковному ученію и къ политическимъ воззрѣніямъ. Онъ усматривалъ задачу религіи въ нравственности, соединяющей съ благочестіемъ. Онъ подвергалъ происхожденіе и содержаніе Библии ничѣмъ не стѣсняющей критикѣ. Онъ энергически вступался за неограниченную свободу религіозныхъ и научныхъ убѣжденій. Въ томъ-же духѣ,—говоритъ Целлеръ,—изложены политическія воззрѣнія Спинозы: „Онъ соглашался съ мнѣніемъ Гоббеса, что размѣръ натуральныхъ правъ человѣка зависитъ отъ его физической силы, что природное состояніе человечества есть состояніе всеобщей борьбы, но способъ выйти изъ такого дикаго состоянія заключается, по его мнѣнію, не въ деспотизмѣ, а въ такомъ устройствѣ общества, которое основано на уваженіи къ закону и на невынужденномъ согласіи гражданъ“. Онъ требуетъ для государственной жизни политической свободы, точно такъ-же, какъ въ церковныхъ дѣлахъ требуетъ терпимости. Поэтому приверженцы ортодоксіи и абсолютизма всегда возставали противъ Спинозы, а всѣ люди съ либеральными убѣжденіями признавали его за великаго философа.

3. Нѣмецкая наука и поэзія.

1. Общія замѣчанія.

Въ концѣ предшествующаго тома мы описали положеніе Германіи послѣ окончанія тридцатилѣтней войны и послѣ заключенія Вестфальскаго мира. Если при тогдашнихъ печальныхъ условіяхъ еще не совершенно угасла умственная жизнь, то это слѣдуетъ приписать мощной натурѣ нѣмецкой націи. Въ противоположность съ средневѣковымъ поэтическимъ творчествомъ, процвѣтавшимъ преимущественно въ южной Германіи, на берегахъ Рейна и Дуная, повѣйшая поэзія и философія стали развиваться въ сѣверной Германіи, въ Силезіи, въ Саксоніи, въ Бранденбургѣ; если на югѣ и появлялись литературныя произведенія, они писались въ протестантскихъ странахъ — въ кальвинистскомъ Пфальцѣ и въ лютеранскомъ Вюртембергѣ.

Поэзия и искусство.

То было время, неблагоприятное для господства Музъ, однако искусство не оставлялось въ полномъ пренебреженіи. Чтобы помочь людямъ переносить страданія земной жизни, сочинялись церковныя пѣсни совокупными усиліями поэтовъ и музыкантовъ. Старинный народный языкъ и поэзія опошлелись и извратились въ тяжелые годы междоусобицы; нужна была эпоха возрожденія и для литературнаго образованія и для изящнаго вкуса. Тогда нѣмецкіе писатели стали облагороживать свой языкъ, принимая за образецъ произведенія иностранной литературы; Мартинъ Опицъ сталъ вводить въ нѣмецкую поэзію изящныя формы и стихотворный размѣръ, заимствованный изъ древнихъ поэтовъ и изъ романтической литературы; прежній натурализмъ онъ замѣнилъ искусственной поэзіей, а своими переводами и подражаніями иностраннымъ поэтамъ увеличилъ сокровища нѣмецкой литературы. И въ прозаической литературѣ авторы такихъ произведеній, какъ *Gesichte Philanders von Sittewald* и *Simplicissimus*, хотя и подражали Испанцамъ, но придавали своимъ произведеніямъ такой своеобразный нѣмецкій отпечатокъ, что совершенно скрывали отъ глазъ читателя чужеземное происхожденіе своихъ вымысловъ. Напротивъ того, религіозная поэзія Германіи, развившаяся подъ вліяніемъ бѣдствій войны, отличалась полной самостоятельностью: Флемингъ, Неймаркъ и Поль Герардъ были самыми выдающимися авторами религіозныхъ стихотвореній. Иностранное вліяніе обнаруживалось всего сильнѣе въ сферѣ образовательныхъ искусствъ; и въ живописи точно такъ-же, какъ въ поэзіи, образцами служили произведенія итальянскихъ художниковъ. Однако, влеченіе къ самостоятельному національному творчеству сказывалось въ произведеніяхъ живописца и гравера на мѣди, франкфуртскаго уроженца Іоахима Зандрарта, который не мало содѣйствовалъ развитію основанной въ Нюрнбергѣ первой нѣмецкой художественной академіи.

Зандрартъ.
1606—1688.

2. Философія и религіозная литература.

Религіозные вопросы, имѣвшіе въ теченіе семнадцатаго столѣтія столь сильное вліяніе на ходъ политическихъ событій, также стояли на первомъ планѣ въ сферахъ научныхъ изслѣдованій и художественнаго творчества. Силезскій уроженецъ Яковъ Бѣмъ, — сынъ бѣднаго крестьянина, бывший въ своей молодости пастухомъ, а потомъ изучавшій въ Гёрлицѣ сапожное ремесло, — старался, подобно Джіордано Бруно, проникнуть умомъ въ таинственную связь божескаго существа съ созданнымъ міромъ. Онъ не получилъ почти никакого образованія кромѣ того, которое почерпнулъ изъ чтенія лютеранской библіи, а его знаніе свѣта ограничивалось тѣми свѣдѣніями, которыя онъ приобрѣлъ во время своихъ небольшихъ путешествій или во время бесѣдъ съ гражданами и съ ремесленниками своего роднаго

Яковъ Бѣмъ.
1575 (1574?)
—1624.

города; но, благодаря старательному изученію священнаго писанія и наблюденіямъ надъ природой и людьми, онъ поражаетъ глубиной и своеобразностью своихъ идей. Самыя замѣчательныя изъ его сочиненій—*Augur oder die Morgenröte im Aufgang* и *Von der Geburt und Bezeichnung aller Wesen*, обыкновенно называемыя *Signatura rerum*, — не могутъ равняться съ классическими произведеніями Явсенитовъ Поръ-Рояля ни по языку ни по способу изложенія, но высказанныя въ нихъ мысли возбуждали удивленіе въ многихъ изъ самыхъ даровитыхъ людей позднѣйшаго времени. Несмотря на свой скромный христіанскій образъ жизни, онъ неоднократно подвергался преслѣдованіямъ со стороны духовенства, а его сочиненія уцѣлѣли какимъ-то чудомъ: въ бурное время войны они были перевезены въ Амстердамъ и изданы тамъ однимъ изъ его приверженцевъ. Спекулятивная мистика „нѣмецкаго философа“ (какъ его прозывали) скоро получила широкое распространеніе въ Голландіи и въ Англіи. Однако, въ новое время имъ перестали восхищаться. Целлеръ говоритъ: „Нельзя было ожидать прочнаго научнаго вліянія отъ такого философа, въ сферѣ философіи.“
который беретъ за самыя трудныя задачи безъ привычки къ методическому мышленію, пытается разрѣшать самыя запутанныя вопросы неясными воззрѣніями и не основанными ни на какихъ доказательствахъ догматическими гипотезами, вмѣсто научныхъ выводовъ предлагаетъ намъ фантастическіе вымыслы, а вмѣсто правильно развиваемыхъ идей апокрифическія загадки“.

Почетнаго названія основателя невѣйшей нѣмецкой философіи былъ достоинъ не Бѣмъ, а гениальный мыслитель и писатель Готфридъ Вильгельмъ Лейбницъ, соединявшій съ творческимъ гениемъ обширное образованіе и богатый запасъ знаній. Онъ воспитывался въ своемъ родномъ городѣ, Лейпцигѣ, но благодаря своимъ самостоятельнымъ ученымъ занятіямъ, своимъ путешествіямъ, продолжительному пребыванію въ Лондонѣ и въ Парижѣ и сношеніямъ съ самыми выдающимися иностранными писателями, скоро возвысился надъ всѣми своими современниками. Когда ему было двадцать одинъ годъ, онъ поступилъ на службу къ курфирсту Іоанну Филиппу Шёнборнскому по совѣту Войнебургъ, бывшаго министра курфирста Майнцаго. Онъ провелъ тамъ пять лѣтъ (1667—1672), занимаясь частію публицистикой, частію юриспруденціей. По совѣту Войнебургъ онъ задумалъ склонить Людовика XIV къ походу въ Египетъ: этимъ способомъ надѣялся отклонить французскаго короля отъ войны съ Германіей и достигнуть на счетъ Турціи сближенія Франціи съ Австріей. Дипломатическая миссія Лейбница не увѣнчалась политическимъ успѣхомъ, но она имѣла для него важное научное значеніе: онъ прожилъ четыре года въ Парижѣ, учился тамъ высшей математикѣ у Гюйгенса и изучалъ французскій языкъ и французскую философію. Послѣ возвращенія въ свое отечество онъ поступилъ на службу къ герцогу Брауншвейгъ-Люнебургскому и прожилъ сорокъ лѣтъ въ качествѣ бібліотекаря въ Ганноверѣ, пользуясь благосклоннымъ расположеніемъ курфирста Эрнста Августа и его остроумной супруги Софіи. Онъ былъ основателемъ берлинской академіи; иностранныя правительства награждали его титулами и пожизненными пенсіями; всѣ ученые общества избрали его своими членами. Изученіе юриспруденціи привело его къ основательнымъ изслѣдованіямъ государственнаго и народнаго права; свои дарованія историка онъ доказалъ обширными изслѣдованіями источниковъ относительно исторіи Брауншвейгскаго дома; его широко-задуманное произведеніе—„Лѣтописи нѣмецкой имперіи“, доведенное до 1005 года, оставалось въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ въ рукописи. Въ математикѣ и въ естествознаніи онъ открылъ новую эру; онъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ Ньютономъ славу изобрѣтателя интегральныхъ вычисленій, съ

Лейбницъ.
1646—1716.

которыми познакомил ученый мир через посредство основанного Отто Менкеном журнала *Acta eruditiorum*. Последние годы его жизни были отравлены тем, что великий английский физик и математик оспаривал у него первенство в этом изобретении.

Свои ученые сочинения Лейбниц писал на латинском или на французском языке для того, чтобы их могли понимать иностранцы; он частью помешал их в ученых немецких и французских журналах, частью придавал им форму монографических очерков, писем или посланий; самые замечательные из них — *Essai de Théodicée sur la bonté de Dieu, la liberté de l'homme et l'origine du mal*, *Nouveaux Essais sur l'entendement humain*, *la Monadologie*, *Principes de la nature et de la grâce, fondés en raison*, — были переведены на немецкий язык и на некоторые другие языки. По словам К. Фишера, Лейбниц обладал в научной сфере универсальным умом. Со времени Аристотеля еще не было примера, чтобы в одной голове соединилось столько знаний и столько гениальных идей. Специальным призванием Лейбница была юриспруденция, в которую он внес преобразовательные идеи, а самой подходящей для его гения сферой была философия, которой он придал новое направление. Физику, механику, математику он обогатил новыми открытиями. Кроме того, он был и дипломатом, и публицистом, и политиком, и историографом. В Париже он одновременно занимался и составлением военных проектов для Людовика XIV, и математическими науками, и усовершенствованием механики, и дипломатическими мирными переговорами. В Галле он одновременно занимался для пользы своего курфюрста и горным делом, и геометрией, и государственным хозяйством, и монетным делом, и политикой. Во всех своих занятиях он обнаруживал самостоятельность и изобретательность своего ума. Он искал новой всеобщей философии и согласного с требованиями разума христианства, содействовал всеобщему развитию цивилизации, заведывал библиотеками, основывал академию и вместе с тем постоянно занимался изобретением всемирного письменного языка.

Отношения к религии и к церкви. Не смотря на то, что Лейбниц тщательно старался избегать противоречий с религией, основанной на Откровении, ни одно духовное лицо не хотело присутствовать при его погребении. Ортодоксы не могли примириться с таким учением, которое признавало просвещение и добродетель за отличительные признаки истинной религии, считало нравственную чистоту за высшую степень благочестия и не допускало никаких чудес. Она отыскала под философской оболочкой зародыши тех идей, из которых впоследствии развился радикализм, и потому возстала против основных принципов Лейбница. Такой же участи подвергся тот ученик Лейбница, который собрал разбросанные идеи своего наставника в одно целое и выработал из них систему построенную по математическому методу.

Вольф. Вольф был сын одного бреславльского ремесленника; он скоро создал для себя в Лейпциге и в Галле широкую сферу деятельности в качестве профессора, и приобрел своими сочинениями громкую известность; по в царствование второго прусского короля Фридриха Вильгельма I, ортодоксам и пиегистам удалось выставить этого философа-врагом ортодоксального христианства и добиться его удаления из Галле. Вольфу было приказано, под угрозой высылки, выехать из королевства в двадцать четыре часа. После того он поселился в Марбурге и там продолжал свою деятельность, пока сын и преемник Фридриха Вильгельма I, Фридрих II не позволил ему возвратиться в Галле. Хотя Вольф и заявлял притязания на оригинальность, он был лишь наследником Лейбницевских идей: его главная заслуга заключалась в том, что он при-

вел эти идеи в систему. Он изложил все части Лейбницевской философии в хорошо написанных учебниках и создал научную терминологию; он стал писать по-латыни только тогда, когда в виду своей громкой известности стал считать себя „профессором человечества“. Подобно Лейбницу, Вольф обращал главное внимание на мораль. Оба они восхищались моралью Китайцев, с которой познакомили в то время Европу иезуитские миссионеры и которая в тот век рассудка казалась так же привлекательной, как сто лет спустя была привлекательна для романтиков созерцательный квиетизм Индийцев. По мнению Целлера, главная заслуга Вольфа заключается в том, что он раньше всех других сделал обзор всех сфер знания с точки зрения новой философии и разработал их методически, исполнив исчерпавши все их содержание.

Между великими учеными, обогащавшими сферу знаний во второй половине семнадцатого столетия, Самуэль Пуфендорф занимает выдающееся положение. Он был сын одного, жившего в Хемнице, пастора, занимал должность профессора в нескольких университетах, отличился в Стокгольме и в Берлине в качестве государственного человека и историка и, под влиянием Гуго Гроция и Гоббеса, написал несколько сочинений, в которых развивал принципы естественного права, народного права и государственного управления. Приспосабливаясь к международному характеру тогдашних научных познаний, он был вынужден писать свои юридико-философские и исторические сочинения на латинском языке, хотя и сознавал, что это было крайне унизительно для немецкого ученого. Он вызвал настоящую бурю своим сочинением *Severinus de Monarchia*, в котором смело высказал свое мнение о государственном устройстве немецкой империи; только после его смерти удалось известным, кто был автором этого сочинения. В целом ряде юридико-философских сочинений „О естественном праве и о народном праве“, „Об обязанностях человека и гражданина“, он старался согласовать учение Гроция с учением Гоббеса, заимствуя от первого из них принципы общественности, от второго — принципы индивидуального интереса и соединяя эти два принципа в одно основное положение: „в общественности каждый индивидуум находит удовлетворение своих интересов“. Подобно Гроцию, он считает разум и человеческую натуру, но не божеское откровение, за основы законодательства, а в виду безомощного положения индивидуума и в виду человеческих страстей и дурных наклонностей считает главным источником законов чувство самосохранения. Главной причиной возникновения государств служить, по его мнению, потребность в доставляемой государством охране и в обезпечении внутреннего спокойствия: государство возникает, когда значительное число людей соединяется с указанными выше целями путем соглашения под одною правительственною властью; оно не ведет свое начало непосредственно от Бога, а правитель государства не должен считать свою власть установленной непосредственно от Бога. Поэтому Пуфендорф признает необходимым установленное по обоюдному соглашению ограничение правительственной власти и даже признает, — хотя и с некоторой нерешительностью, — что в крайних случаях позволительно сопротивление той власти. Еще решительнее отвергает он всякий религиозный гнет и учреждение государственной церкви; он говорит, что государство не должно требовать от своих граждан ничего другого, кроме веры в Бога и в Провидение и должно предоставлять всякому вероисповеданию свободу его богослужения. В своих исторических сочинениях Пуфендорф излагал историю Швеции при Карле Густаве и историю Бранденбурга при Великом Курфюрсте Фридрихе Вильгельме.

Пуфендорф.
1632—1694.

Религиозная поэзия и литература. Чѣмъ рѣшительнѣе вступала философія на тотъ путь, который возбуждалъ недоверіе въ приверженцахъ догматической ортодоксіи, тѣмъ упорнѣе придерживалась поэзія церковнаго ученія. Евангелическое церковное пѣніе было чѣмъ-то въ родѣ нейтральной почвы, на которой прекращалась борьба между представителями различныхъ теологическихъ воззрѣній. Въ немъ выражалось благочестивое душевное настроеніе въ тяжелое время непрерывныхъ войнъ. Пасторъ Іоаннъ Арндтъ написалъ молитвенникъ *Das Paradiesgärtlein* и сочиненія *Vier Bücher von wahren Christentum*, которыя служили въ годы бѣдствія путеводной звѣздой и для его современниковъ и для слѣдующихъ поколѣній, и за которыя ему было дано прозвище „нѣмецкаго Фенелона“.

Произведенія духовной поэзіи точно такъ-же, какъ произведенія поэзіи свѣтской, рѣзко отличались одни отъ другихъ и внѣшней формой и содержаниемъ. Силезскій уроженецъ Христіанъ Кнорръ фонъ-Розенротъ, переведшій на нѣмецкій языкъ „Утѣшенія философіи“ Боэція, сходилъ по своей мистической чувствительности съ своимъ землякомъ Шеффлеромъ (*Angelus Silesius*), презиралъ все мірское и искалъ истиннаго блаженства въ размышленіяхъ о Богѣ; бреславльскій уроженецъ Квиринусъ Кульманъ, погибшій на кострѣ (1689) за свои религиозныя и политическія мнѣнія, выражалъ въ своихъ духовныхъ пѣсняхъ (*Himmliche Liebesküsse, Tugendsonnenblumen, Kühl-Psalter*) благочестивое воодушевленіе, доходившее до сумасшествія и до ребячества. Противоположность съ этими мистическими произведеніями представляютъ тѣ духовныя стихотворенія, которыя придерживались библейскихъ изреченій и ихъ объясненій лютеранскимъ духовенствомъ. Іоаннъ Вал. Андреа написалъ аллегорико-духовное стихотвореніе *Von der Christenburg*, не подчиняясь вкусу нововводителей. Современникъ Андреа, силезскій уроженецъ Іоаннъ Геерманъ, обращалъ больше вниманія на новыя требованія изящнаго вкуса: онъ ввелъ новыя стихотворныя правила Опича въ церковную поэзію. Его *Haus und Herz-Musik* и *Übung in der Gottseligkeit* были наполнены пѣснями и гимнами, пользовавшимися большимъ уваженіемъ у его современниковъ. Еще болѣе славилась духовныя пѣсни Іоанна Риста, написанныя по правиламъ, которыя были установлены Опичомъ. Также писали духовныя стихотворенія Симонъ Дахъ, Андр. Генр. Бухольцъ, Андр. Грифиусъ, Поль Герардъ, Іоаннъ Франке. Старинное преданіе гласитъ, что дочь Фридриха Генриха Оранскаго и супруга Великаго Курфюрста, Луиза Генриетта также сочиняла нѣмецкія церковныя пѣсни; ей приписываютъ духовную пѣсню *Jesus meine Zuversicht*.

3. Мартинъ Опичъ и поэзія его времени.

Вліяніе тридцатилѣтней войны. Тридцатилѣтняя война имѣла чрезвычайно вредное вліяніе на умственную жизнь нѣмецкой націи: она не только стерла съ нѣмецкой почвы великіе результаты, достигнутые въ эпоху реформациі, не только заглушила все стремленіе къ развитію нѣмецкаго искусства и литературы, но даже уничтожила тѣ зародыши изящной поэзіи въ духѣ антично-итальянскаго возрожденія, которые уже начали появляться въ южной Германіи — въ Гейдельбергѣ, въ Штутгартѣ, въ Дармштадтѣ. Сынъ одного гейдельбергскаго юриста, Юл. Вильгельмъ Цинкгрефъ старался подражать Воккаччо въ своемъ сборникѣ стихотвореній и остроумныхъ изреченій, носив-

шемъ заглавіе *Deutsche Aporphthegmata*; въ *Soldatenlob* или возбужденію къ мужеству онъ подражалъ лирикѣ Тиртею, во въ юныхъ лѣтахъ палъ жертвою страданій, причиненныхъ войной. Штутгартскій уроженецъ и придворный поэтъ Георгъ Руд. Векгерлинъ изучилъ иностранную литературу во время своихъ продолжительныхъ путешествій по Франціи и Англіи, оплакивалъ въ печальной одѣ смерть Густава Адольфа и выражалъ въ художественной лирикѣ впечатлѣнія, которыя производили на него современныя событія; два послѣднихъ десятилѣтія своей жизни онъ провелъ въ Англіи во главѣ дипломатической миссіи, отстаивавшей интересы пфальцскихъ протестантовъ. Онъ сопровождалъ армію роялистовъ во время ея похода въ Шотландію, гдѣ въ качествѣ чиновника, работавшаго въ королевскомъ кабинетѣ, разыгрывалъ, по словамъ одного современника, одновременно роль Пирама, Физбы и льва. Дитрихъ фонъ-Вердеръ былъ представителемъ эпохи возрожденія въ Гессенѣ; онъ переводилъ произведенія Тассо и Аріосто alexandрийскими стихами и воспѣвалъ въ сонетахъ *Krieg und Sieg Christi*; онъ былъ украшеніемъ нѣмецкаго дворянства, съ одинакимъ искусствомъ владѣлъ мечемъ и перомъ, но его многолѣтняя военная и государственная служба отвлекла его отъ занятій поэзіей. Вообще можно сказать, что нѣмецкій языкъ утратилъ тотъ энергичный безыскусственный характеръ, который получалъ отъ Лютера; его исказили примѣсъ иностранныхъ словъ, заимствованныхъ изъ древнихъ произведеній и изъ романскихъ языковъ, и низвели на степень нарѣчія.

Чтобы возвысить нѣмецкое стихотворное искусство до одного уровня съ произведеніями романскихъ странъ, люди новаго поколѣнія старались поддерживать и раздувать пламя поэтическаго воодушевленія; пмъ натурально приходилось брать за образцы произведенія итальянскихъ и французскихъ поэтовъ, потому что старая народная литература умолкла во время продолжительныхъ войнъ и приходилось создавать новую. Но при этомъ уже нельзя было возвращаться къ старымъ поэтическимъ формамъ, которыя по недостатку художественной отдѣлки уже не соответствовали требованіямъ новой культуры. Прежде всего нужно было очистить и усовершенствовать языкъ. Это навело Нѣмцевъ на ту же мысль, которою руководствовался Риншель при основаніи французской академіи: они задумали основать такое ученое общество, которое было бы высшимъ судилищемъ во всехъ вопросахъ, касающихся языковѣдѣнія. Во Флоренціи уже въ теченіи многихъ лѣтъ существовала *Accademia della Crusca* (Отрубная академія), названная такъ потому, что она имѣла цѣлю очищать муку итальянскаго языка отъ отрубей. Съ этимъ учрежденіемъ, служившимъ образцомъ и для французской академіи, познакомился князь Людвигъ Ангальт-Кетенскій во время своего продолжительнаго пребыванія въ городѣ Медичевъ. Возвратившись въ свое отечество, онъ при посѣщеніи веймарскаго двора склонилъ нѣсколькихъ лицъ изъ мѣстной знати къ основанію *Fruchtbringende Gesellschaft* (Плодоноснаго общества) или Pal-24 авг. 1617. *menorden* (Пальмоваго ордена), который долженъ былъ заботиться объ усовершенствованіи разговорнаго и письменнаго нѣмецкаго языка и о его очищеніи отъ иностранныхъ словъ, и для котораго служили девизомъ слова *Alles zum Nutzen*.

Въ число членовъ этого „Пальмоваго ордена“ скоро поступилъ одинъ молодой человекъ, которому было суждено прославиться во всей Германіи въ качествѣ „отца и возстановителя нѣмецкой поэзіи“, — это былъ Мартинъ Опичъ, уроженецъ силезскаго города Бунцлау. Онъ происходилъ изъ достаточнаго мѣщанскаго семейства; своими знаніями и даровитостью онъ приобрѣлъ такую громкую извѣстность, что его имя ставилось наряду съ

Векгерлинъ.
1584—1652.

Вердеръ.
1584—1657.

Плодоносное
общество.

1597—1639.

именами самых известных иностранных писателей, а император возвел его в дворянское звание под именем Опица фон-Боберфельда. Опиц не был первоклассным поэтом; он был обязан своей славой не столько глубиной своих поэтических идей и чувств, сколько вышними совершенствами своих произведений. Подобно Ронсару и французской плеяде, Малербу и его последователям, пересажившим на французскую почву классические формы античной поэзии, и Опиц задумал преобразовать немецкую поэзию по греческим и римским образцам и замкнуть ее народный характер новым эстетическим вкусом. Еще в то время, как он был гимназистом в Бейтене и наставником в доме императорского советника Товия Скултета, он написал латинскую речь „Аристарх или о презрении к немецкому языку“, в которой уже обнаружил свое намерение поднять пришедшую в упадок немецкую поэзию на надлежащую высоту; эту речь он не терил из виду в течение всей своей жизни. В то время, как он был студентом гейдельбергского университета, он был душою небольшого кружка, собиравшегося у Цинкгрета и задававшего целью пересадить старинную романскую поэзию на немецкую почву; еще в 1624 году были изданы Цинкгретом в Страсбурге его стихотворения, которые скоро были признаны за образцы нового изящного вкуса. Он был неусидчив в своем образе жизни; вместе с своим богатым другом Гамилтоном он посетил Францию и Нидерланды, где свел личное знакомство с знаменитыми латинскими писателями Де-Ту, Гуго Гроцием, Гейнзиусом и др. В 1622 году он перебрался по приглашению князя Бетлена Габора в Трансильванию на должность профессора вейссенбургской гимназии и оставался там до тех пор, пока тоска по родине не заставила его возвратиться в отечество. После того он провел несколько лет в Силезии при дворах мелких владетельных князей, стараясь отплачивать за получаемое жалованье лестиливыми стихотворениями. Этот лютеранский поэт даже не постыдился поступить на службу к графу Аннибаду Дона, получившему в Силезии прозвище *Seligmacher* (спасителя) за рвение, с которым старался обращать лютеран в католичество; Опиц даже перевел, по поручению Дона, сочинение одного иезуита „Въ поучение заблуждающимся“. Возведенный польским королем Владиславом IV в звание историографа, Опиц умер в молодых годах в Данциге от моровой язвы.

Немецкая поэзия.

Поэтические произведения Опица.

Опиц постоянно был занят сочинением лирических и дидактических стихотворений и переводами греческих и латинских драматургов, итальянских и французских лирических стихотворцев и нидерландских поэтов, стараясь положить основы для нового изящного вкуса, для которого изложил руководящие правила в своем знаменитом сочинении „О немецкой поэтике“. Этим сочинением, написанным по просьбе некоторых друзей в пять дней, силезский поэт открыл новую эру для немецкой поэзии. Главное достоинство этого труда заключалось в изложении законов метрики и просодии, в установлении неизменных форм для поэтической дикции и стихосложения.

Опиц было только двадцать семь лет, когда он достиг апогея своей поэтической деятельности, написавши статью о немецкой поэтике: на этом пункте остановилось его творчество. Он не мог возвыситься до эпической поэзии, не смотря на то, что восхищался *Виргилевой Энеидой*. Для драматических произведений силезскому поэту не доставало высокого душевного полета: хотя он и перевел Софоклову „*Антигону*“ и „*Троянок*“, *Сенеки* александрийским стихотворным размером, со скорбью помышляя о своем отечестве и о братоубийственных кровавых сценах, которые разыгрывались в Германии точно так-же, как некогда под стенами

Олея и Илiona, но он не имел никакого понятия о той очщающей и возвышающей душу силе, которая, по мнению Аристотеля, присуща настоящей трагедии. У него достало сил только на лирико-драматическую передышку „Песни песней“, *Юдиен* и итальянской оперы „*Дафна*“. Напротив того, его дидактическая поэзия вполне соответствовала тому понятию, которое он составил себе о сущности и цели поэзии; в этой сфере он обнаружил самые выдающиеся дарования. Он описывал в духе Горация и *Виргилия* прелести сельской и пастушеской жизни, излагал разумные правоучительные изречения гладкими стихами, примешивая к описаниям ландшафтов свои размышления и чувства и не допуская свою фантазию до преувеличений. Сюда следует отнести написанные в голштинском поместье Гамилтона *Trostgedicht in Widerwärtigkeiten des Kriegs*, *Zlatna oder von der Ruhe des Gemüths*, философское стихотворение *Vielgut oder vom wahren Glück* и дидактическое стихотворение *Vesuvius*. Опиц был и более натурален и более разнообразен в своих „Поэтических лесах“ (*Poetischen Wäldern*), в эпиграммах и безчисленных лирических стихотворениях духовного и светского содержания. По его понятиям, даже поэт должен „воспитывать людей религиозно и нравственно, развивать их научно, но за тем снова снимать с них узду и давать волю веселости и житейским наслаждениям“. Поэтому и в его стихотворениях находят для себя место вино и любовь.

Опиц был не гениальный поэт, а писатель, обладавший многосторонними дарованиями и обширными познаниями в древней и в новой литературе, и интересовавшийся всем, что возбуждает человеческий ум к деятельности. Его поэзия была рассудочной поэзией; в сравнении с задушевностью Лютера и с сентиментальностью пародной поэзии, она казалась холодной, сухой и безжизненной; она отличалась преимущественно своими вышними достоинствами—чистотой языка, гладкостью стихов и остроумием; поэтому Опиц мог стоять наравне с своими современниками Малербом и Гейнзиусом и не был недостоин той славы, которой пользовался и среди своих современников и при следующем поколении. Он возстановил уважение к немецкой поэзии и оказывал благотворное влияние на всех, кто занимался в его время поэтическим творчеством. Даже духовной поэзии он дал новое направление своими церковными песнями, потому что не придерживался лютеранской Библии, излагая духовные сюжеты в новой художественной форме. Он сдвинулся в Германии знаменосцем новейшей поэзии и главою художественной школы, законы которой считались в течение целого столетия ненарушимыми. Что же удивительного в том, что и его современники и следующие поколения осыпали его безконечными похвалами, отведи ему почетное место в немецком Парнасе, и принимали его за образец для своего собственного творчества? С этой высоты его низвергла новейшая критика и эстетика; она нашла у силезского поэта много недостатков и возложила на него ответственность за прегрешения его подражателей и поклонников. Его стали называть безхарактерным прислужником и льстецом; но когда же поэты не были признательны своим доброжелателям и благодетелям? В то время больше, чем когда-либо, искусство служило средством для добывания насущного хлеба, а Опиц только следовал примеру Горация, придерживаясь правила: моя песнь прославляет того, кто меня кормит. Его обвиняли в низведении поэзии на степень механической техники; но почему же поэты его времени признавали его своим руководителем и не оттапливали от себя этого перрошенного наставника? Силезский поэт, действительно, не был в состоянии вызвать гениальных

Отличительные особенности Опица.

поэтические произведения, но теми дарованиями, которые получили от природы, умѣлъ распорядиться, какъ разумный хозяинъ.

4. Нѣмецкіе лирики во времена Опица и послѣ него.

Новый художественный вкусъ скоро достигнулъ преобладанія въ Германіи; самъ Опицъ дожилъ до блестящихъ результатовъ своей дѣятельности. Всѣ учебники стихотворнаго искусства въ сущности согласовались съ его указаніями; даже виттенбергскій профессоръ и поэтъ Бухнеръ придерживался въ своемъ *Wegweiser zur deutschen Dichtkunst* основнымъ идей своего силезскаго современника.

Разсудочная поэзія Опица вызвала одобренія и подражанія преимущественно на протестантскомъ сѣверѣ, между тѣмъ какъ на югѣ и въ особенности въ католическомъ мірѣ многіе относились къ ней несочувственно. Эльзасскій уроженецъ Яковъ Бальде, дѣятельно проповѣдывавшій ученіе іезуитовъ въ Мюнхенѣ и въ другихъ городахъ Баваріи, оставался вѣрны латинскому стихотворному искусству и написалъ множество лирическихъ стихотвореній религіознаго и свѣтскаго содержанія, отличавшихся изяществомъ изложенія и поэтической изобрѣтательностью, но ясно обнаруживавшихъ подражаніе итальянскимъ образцамъ своей напыщенностью и неестественнымъ любовнымъ пыломъ. Менѣе удачны были его нѣмецкія стихотворенія. Другой членъ ордена іезуитовъ Фридрихъ фонъ-Шпее, оказавшій

услуги всему человечеству своими протестами противъ процессовъ вѣдьмъ, писалъ лирическія стихотворенія, которые были изданы въ Кельвѣ послѣ его смерти въ двухъ сборникахъ подъ заглавіями *Trutz-Nachtigall*, oder *geistlich-poetisch Lustwäldlein* и *Guldenes Tugendbuch* и въ которыхъ чувственно-религіозныя воззрѣнія католика-іезуита отзывались свѣтскимъ характеромъ народныхъ и любовныхъ пѣсней и средневѣковаго мистицизма. А изъ того факта, что даже Шпее считалъ необходимымъ придерживаться новыхъ метрическихъ формъ и законовъ, ясно видно, какъ вѣрно понималъ Опицъ вкусъ и требованія новаго времени. Но у Шпее повсюду обнаруживается то монашеское воззрѣніе на жизнь, для котораго истинное благочестіе выражается въ презрѣніи ко всему земному, въ жалкѣ небснаго блаженства, въ мучительномъ сознаніи своихъ прегрѣшеній. Въ такихъ же фантастическихъ сферахъ вращался умъ силезскаго поэта

Іоанна Шеффлера, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Ангела Силезіуса, который въ противоположность послѣдователямъ Опица придерживался такого же мистико-мечтательнаго направленія, какое сказывалось въ произведеніяхъ Швенкфельда и Якова Бѣма. И душевныя потребности и вѣншія причины влекли его къ католицизму, поэтому іезуиты, ревностно записавшіеся въ Силезіи при содѣйствіи Австріи обращеніемъ невѣрующихъ, безъ большаго труда убѣдили его перейти въ католическую вѣру. Онъ отказался отъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, а свое званіе врача промѣнялъ на должность католическаго священника. Его первое выдающееся сочиненіе *Heilige Seelenlust oder geistliche Lieder der in ihren Jesum verliebten Psyche* (Священное душевное наслажденіе или духовнымъ пѣснмъ влюбленной въ своего Иисуса Психе) уже обнаруживаетъ своимъ заглавіемъ новокаатолическое, чувственно-мистическое направленіе человека, принявшаго соединеніе съ Божествомъ за основу своего ученія. Онъ еще болѣе прославился своимъ сборникомъ религіозныхъ изреченій и эпиграммъ

(*Cherubinische Wandersmann. Geistreiche Sinn- und Schlussreime zur göttlichen Beschaulichkeit anleitend*), частью заимствованныхъ изъ болѣе старыхъ мистическихъ сочиненій, частью возвышенныхъ и глубокомысленныхъ. Въ болѣе поздніе годы своей жизни Шеффлеръ велъ горячую полемику противъ лютеранской религіи и издалъ сборникъ изъ тридцати девяти полемическихъ статей подъ заглавіемъ *Ecclesiologia*; здѣсь онъ обнаружилъ такой фанатизмъ и такую ненависть къ противникамъ католицизма, что въ немъ уже былъ неузнаваемъ авторъ сочиненія *Ein-sein mit Gott*; поэтому повѣнныя изслѣдователи были склонны думать, что не этотъ фанатическій ненавистникъ протестантизма былъ авторомъ сочиненія *Cherubinische Wandersmann*. Можно считать за отзвуки этой анти-лютеранской полемики послѣднее произведеніе Шеффлера *die sinnliche Beschreibung der vier letzten Dinge*, написанное съ цѣлю „сдѣлать людей добродѣтельными, пугая ихъ описаніемъ вѣчныхъ мученій ада, и прельщая ихъ нагляднымъ описаніемъ небесныхъ радостей“.

Противъ безусловнаго подчиненія требованіямъ новой художественной школы возставали также въ старинныхъ центрахъ народной поэзіи—въ Страсбургѣ, гдѣ мѣстное общество (*Tannengesellschaft*) придерживалось традиціонныхъ стихотворныхъ приѣмовъ, и въ Нюрнбергѣ, гдѣ *Regnizer Blumenorden* и его основатели патриціи Георгъ Филиппъ Гарсдѣрферъ и майссенскій уроженецъ Клай старались противоудѣствовать вліянію „Плодоснаго общества“ и Опица. Гарсдѣрферъ старался доказать, что Опицъ не былъ настоящимъ поэтомъ, потому что ему не доставало творческой изобрѣтательности, а его произведенія были болѣею частью только передѣлками и подражаніями чужихъ стихотвореній. Однако и Гарсдѣрферъ и другіе члены общества *Blumenorden* не могли равняться съ силезскими поэтомъ достоинствами своихъ произведеній. Они старались приобрести репутацію оригинальности, называли себя именами пастуховъ, заимствованными изъ пастушескаго романа Сидни „Аркадія“ и принимали женщинъ въ число членовъ своего общества, а Гарсдѣрферъ даже написалъ свою собственную теорію поэзіи подъ нелѣпнымъ заглавіемъ: *Poetischer Trichter, die deutsche Dicht- und Reimkunst in sechs Stunden einzugießen*; однако въ своихъ пастушескихъ стихотвореніяхъ они брали за образецъ частью произведенія Опица, въ особенности его „Герцинію“, частью пастушескія стихотворенія романскихъ народовъ, а пятника Гарсдѣрфера была ничѣмъ инымъ, какъ передѣлкой болѣе стараго руководства. Оригинальность этихъ поэтовъ заключалась только въ пошлыхъ сравненіяхъ, въ преувеличеніяхъ, въ напыщенности, въ благозвучности рѣчмъ, въ игрѣ словъ. Они говорили, что настоящаго поэта можно узнать по изяществу прилагательныхъ подобно тому, какъ льва узнаютъ по когтямъ; именно этимъ достоинствомъ и отличались произведенія Гарсдѣрфера *Gesprächspielen, Geistlichen Geschichten, Andachtsgemälden*, произведенія Іоанна Клая *Höllen- und Himmelfahrt Jesu Christi*, произведенія Сигизмунда Бетуліуса или фонъ-Виркена *Geschicht-Gedichten* или *Gedicht-Geschichten*, въ *Geistlichen Weihrauchkörgern* и его драматическихъ кантаты и пастушескія стихотворенія. Къ числу нюрнбергскихъ поэтовъ также принадлежали Мих. Дильгерръ, Дан. Омейс и г-жа фонъ-Грейффенбергъ, написавшая *Siegessäule* и *Geistliche Sonette*. Всѣ они старались выказывать свое стихотворное мастерство въ вычурной неестественности, изображать словами шелестъ листьевъ, журчаніе ручейка, звуки ружейныхъ выстрѣловъ и трубъ; они считали высшимъ и первобытнымъ видомъ поэзіи пастушескія пѣсни и пѣсни виноградарей, облакая и тѣ и другія въ самыя разнообразныя формы—формы

Пастушеская поэзія.

Гарсдѣрферъ. 1607—1658.

Клай. 1616—1656.
Биркенъ. 1626—1681

Freund in der Not и др.), написанными въ подражаніе Лукіану въ разговорной формѣ. Все, что писалъ Шунпъ, — и его рассказы, и отдѣльныя статьи, и полемическія произведенія, и молитвы, — носятъ на себѣ отпечатокъ его личнаго характера и отличаются поэтическимъ творчествомъ.

И неподалеку отъ Гамбурга, въ саксонскихъ городахъ Лейпцигъ и Дрезденъ, процвѣтало стихотворное искусство, не всегда вполне подчинявшееся вліянію Опица; такъ напр. законовѣдецъ Іоаннъ Г. Шохъ и дрезденскій бібліотекаръ и придворный поэтъ Давидъ Ширмеръ старались сохранить свою самостоятельность, обращая свои взоры то на Гамбургъ, то на Нюрнбергъ. Въ Poetischer Rosengebüsch Ширмера встрѣчаются отзвуки анакреонтическихъ пѣсенъ, а въ Komödie vom Studentenleben Шоха напыщенная мораль того времени уступаетъ мѣсто здоровому натурализму. Къ числу саксонскихъ поэтовъ можно отнести и Георга Неймарка, потому что, хотя онъ и долго жилъ въ сѣверной Германіи — въ Кёнигсбергѣ, Давицѣ, Гамбургѣ, но родился (въ Мюльгаузенѣ) и умеръ (въ Веймарѣ) въ Тюрингіи. Онъ прославился своей церковной пѣснью *Weg nur den lieben Gott lässt walten*, которая до сихъ поръ составляетъ украшеніе евангелическихъ молитвенниковъ. Сохранилось преданіе, что этотъ любившій музыку поэтъ впалъ въ Гамбургѣ въ такую бѣдность, что принужденъ былъ продать свою виолончель, а потомъ, когда назначеніе на какую-то должность доставило ему возможность снова купить проданное сокровище, онъ съ радости написалъ вышеупомянутую пѣсню. Но съ этимъ произведеніемъ Неймарка не можетъ равняться ни одно изъ его остальныхъ произведеній. Его Poetischer Lustwald и Poetisch-historiescher Lustgarten заключаютъ въ себѣ стихотворенія на разные случаи, пастушескія стихотворенія и рассказы изъ древней исторіи въ стихахъ, но все это написано незычнымъ языкомъ и тривиально по содержанию. Его *betrübt verliebter doch endlich hocheufreuter Hirt Filemon* есть ничто иное, какъ нелѣпая любовная исторія, изложенная въ формѣ пастушескихъ стихотвореній рѣмованной и нерѣмованной прозой. И у Неймарка и у схожаго съ нимъ по направленію автора дѣтской пѣсенки *Alle Menschen müssen sterben* и другихъ нравоучительныхъ стихотвореній, Іоанна Георга Альбина замѣтно подражаніе напыщенной пастушеской поэзіи Нюрнбергцевъ и дидактическихъ стихотвореній Нидерландцевъ, въ особенности Катса. И Іоаннъ Фравке, писавшій церковныя пѣсни, которыя по своей задушевности могутъ быть поставлены наряду съ церковными пѣснями Герарда, безцвѣтенъ и тривиаленъ въ своихъ свѣтскихъ стихотвореніяхъ (*Irdischer Helikon*). Его *Vater unser - Harfe* — сборникъ 333 коротенькихъ стихотвореній очень напоминаетъ причудливую манеру Нюрнбергцевъ.

Самыхъ ревностныхъ и самыхъ преданныхъ послѣдователей Опица нашелъ на своей родинѣ и въ сѣверо-восточной Германіи. Въ Силезіи все юношество пробовало свои силы въ поэтическомъ творчествѣ и создало настоящій расцвѣтъ поэтовъ новой школы, переносившихъ свою поэтическую дѣятельность въ другіе города — въ Кёнигсбергъ, въ Данцигъ, въ Ростокъ. Въ самой Силезіи нашлось не много людей съ такими-же выдающимися поэтическими дарованіями, какъ прославленный Лессингомъ Андр. Скульгетъ, какъ Венцель Шерферъ, какъ Дан. фонъ-Челко. Напротивъ того, въ городахъ, лежащихъ у береговъ Балтійскаго моря, нашлось не мало юношей, которые подобно жившему въ Данцигѣ Іоанну Петру Типу шли по стопамъ своего наставника. Въ томъ-же городѣ провелъ большую часть своей жизни другой силезскій уроженецъ, Давидъ фонъ-Швейнцигъ, авторъ элегическихъ стихотвореній *Geistliche Herzensharfen* и *Evangelische Todesgedanken*. Въ особенности университетскій го-

родъ Кёнигсбергъ былъ важнымъ центромъ поэтического творчества. Съ упомянутымъ ранѣ Симомъ Дахомъ вступили въ поэтическій союзъ Робертъ Робертинъ и композиторъ Г. Альбертъ. Но эти люди были очень склонны къ меланхолич, поэтому имъ всего лучше удавались духовныя пѣсни. Лучшее произведеніе Даха — *Ännchen von Tharau* было переведено Гердеромъ съ платтдейча на верхне-нѣмешій языкъ. Въ Ростокѣ занимался поэзіей Андр. Чернигъ, землякъ Опица. Его *Deutscher Gedichte Frühling* и *Poetische Schatzkammer* отзываются такимъ-же меланхолическимъ душевнымъ настроеніемъ, какое было отличительной особенностью кёнигсбергскихъ поэтовъ. Самымъ знаменитымъ послѣ Опица поэтомъ былъ Іоаннъ Ристъ, у котораго было много друзей и поклонниковъ, называвшихъ его „княземъ всѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ“. Онъ былъ возведенъ императоромъ Фердинандомъ III въ дворянское званіе и былъ основателемъ „ордена эльбскаго лебедя“. Но этотъ „сѣверный Аполлонъ“ не былъ достоинъ тѣхъ похвалъ, которыми его осыпали современники. Впрочемъ онъ былъ очень плодовитымъ писателемъ: только число его духовныхъ пѣсенъ доходитъ до шести съ половиною сотъ. Еще во время его молодости былъ изданъ сборникъ его лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ онъ воспѣвалъ любовь и деревенскую жизнь, скорбѣлъ о смерти Густава Адольфа и восхвалялъ веймарскаго Бергарда. И въ его *Poetischer Lustgarten*, *Hirtenslieder an Galatea* и *Flora bella*, написанныхъ въ подражаніе итальянскимъ, испанскимъ и французскимъ образцамъ, есть легкій національный характеръ. Но онъ скоро перешелъ къ сочиненію духовныхъ пѣсенъ и заявилъ, что его свѣтскія стихотворенія были изданы безъ его согласія и положены на музыку безъ его вѣдома. Поощренный одобреніемъ, которое вызвали его духовныя стихотворенія (*Ermunter dich, mein schwacher Geist, Hilf Herr Jesu lass gelingen, O Ewigkeit du Donnerwort, Werde munter mein Gemüte*), онъ посвятилъ себя исключительно религіознымъ пѣснопѣніямъ, а въ предисловіи къ *Poetischer Schaulatz* выразилъ желаніе, чтобы всѣ его юношескія стихотворныя произведенія были немедленно брошены въ огонь.

5. Эпиграмма. Сатира. Произведенія въ прозѣ.

Всякое преувеличеніе вызываетъ желаніе противодействовать ему и этимъ Сущность эпиграммы. Всякое преувеличеніе вызываетъ желаніе противодействовать ему и этимъ Сущность эпиграммы. Всякое преувеличеніе вызываетъ желаніе противодействовать ему и этимъ Сущность эпиграммы. Всякое преувеличеніе вызываетъ желаніе противодействовать ему и этимъ Сущность эпиграммы.

- кимъ, насмѣшливымъ или поучительнымъ выводомъ. Французы перѣдко пользовались эпиграмматической поэзіей для выраженія оппозиціонныхъ идей, которыхъ нельзя было публично высказывать въ какой либо другой формѣ; въ Англіи, во времена Елизаветы и Якова I, бѣдный поэтъ Джонъ Оуэнъ излагалъ свои мысли и воззрѣнія на жизнь въ латинскихъ стихотвореніяхъ этого рода, которые свидѣтельствуютъ о его прозорливой наблюдательности и знаніи людей, но перѣдко надѣдаютъ читателю своей тріальностью и монотоннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же идей и остротъ. И въ Германіи эпиграмматическая поэзія нашла благоприятную для себя почву: ею занимались и самъ Опицъ и его другъ Цинкгрефъ. Самымъ выдающимся между сочинителями эпиграммъ былъ Фридрихъ фонъ-Логау. Въ 1605(?)—1655. его *Hundert deutsche Reimen-Sprüche Salomons von Golaw* встрѣчается не мало мѣткихъ намековъ на тогдашнюю общественную жизнь и нравы. По словамъ Гервинуса, его изреченія вытекаютъ изъ житейской опытности знатнаго но скромнаго человѣка, который не любилъ низконоклонства, не хотѣлъ быть ничѣмъ слугою. Его современникъ бременскій докторъ Валентинъ Лёберъ искусно переводилъ на нѣмецкій языкъ эпиграммы Оуэна. Лейпцигскій уроженецъ Каспаръ Циглеръ заимствовалъ отъ итальянцевъ и Французовъ форму мадригаловъ. Кромѣ того, въ Германіи появлялись и сатиры, считавшіяся въ то время только за расширение эпиграмматической формы изложенія. Нѣмецкіе сатирики не были такъ-же язвительны въ своихъ выраженіяхъ, какъ римскіе сатирики временъ имперіи или какъ гуманисты временъ Возрожденія; они ограничивались указаніями на ошибочныя понятія, господствовавшія въ тогдашней общественной жизни; въ тогдашнихъ придворныхъ и университетскихъ сферахъ можно было осмѣивать только нелѣпыя обычаи, нравы, пововведенія, которые были послѣдствіемъ склонности Нѣмцевъ къ подражаніямъ. Такъ напр. профессоръ математики въ Ростокѣ, Вильгельмъ Лаурембергъ изображалъ въ своихъ *Vier Scherzgedichten* памфлетность всѣхъ условій чело- 1590—1658. вѣческой жизни и нелѣпость современныхъ модъ. И Андрей Грифіусъ и Іоachimъ Рахель указывали въ своихъ сатирахъ на нравственные заблужденія своего времени, но свои поэтическія формы заимствовали отъ древнихъ писателей и отъ послѣдователей Опица. У Рахеля языкъ и стихотворный размѣръ болѣе художественны и правильны, замѣчанія болѣе тонки и разумны, напротивъ того его *deutsche satirische Gedichte*, написанныя гладкими александрийскими стихами, не могутъ равняться по живости и естественности съ стихотвореніями Лауремберга. Хотя онъ вообще и старался подражать Персію и Ювеналу, его четвертая сатира *Die Kinderzucht* отличается оригинальностью изложенія. Въ своей первой сатирѣ *Das poetische Frauenzimmer oder Böse Sieben* онъ изображалъ семь главныхъ женскихъ недостатковъ, а въ заключеніе выводилъ на сцену достойную уваженію хозяйку дома; въ восьмой сатирѣ *Der Poet* онъ строго караетъ поэтовъ, дѣлая намѣки на нелѣпыя причуды новыхъ стихотворцевъ. Въ томъ-же тонѣ написана прозой сатира *Reim dich oder ich fresse dich* Гартмана Рейнгольда, подъ именемъ котораго, по мнѣнію Гервинуса, Гёдеке и другихъ, скрывался настоящий ея авторъ Готфр. Вилг. Салеръ. Болѣе цѣлесообразной является сатира въ знаменитомъ сочиненіи *Wunderliche und wahrhafte Geschichte Philanders von Sittewald*; ея авторъ—Іоаннъ Мих. Мошеронъ, происходившій изъ одного аррагонскаго семейства, поселившася въ Страсбургѣ, сначала бралъ въ ней за образецъ испанскаго поэта Квеведо, а потомъ продолжалъ ее по своему собственному усмотрѣнію. И проза является у Мошерона въ болѣе художественной формѣ; онъ говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ и съ протестантской ясностью идей соединилъ чувства патриота. Занимая раз-

личныя служебныя должности въ Эльзасѣ, въ ганаусскихъ и въ тессенскихъ владѣніяхъ, онъ ясно видѣлъ бѣдственное положеніе своего отечества, вынесъ грабѣжъ, болѣзнь, бѣдность и смерть двухъ женъ и въ этой школѣ несчастій выработалъ въ себѣ религіозныя убѣжденія, которыя изложилъ для своихъ дѣтей въ своемъ „христіанскомъ завѣщаніи.“ Хотя онъ и былъ знакомъ съ произведеніями новой художественной поэзіи и даже былъ принятъ въ число членовъ „Пальмоваго ордена“, но онъ пользовался для своихъ произведеній сочиненіями болѣе старыхъ отечественныхъ писателей—Бранта, Фишарта, Мурнера и др. Всего чаще онъ бралъ за образецъ сочиненія Бартоломея Рингвальдта, который кромѣ церковныхъ пѣсенъ писалъ правоучительныя сочиненія, какъ напр. *Christliche Warnung des treuen Eckart*, и былъ авторомъ драматизированной картины нравовъ *Speculum Mundi*. Мошеронъ также дѣлалъ заимствованія изъ произведеній Монтэня и переводилъ эпиграммы Оуэна на нѣмецкій языкъ. Всѣ свои впечатлѣнія и наблюденія онъ изложилъ въ сатирическомъ правоописательномъ разсказѣ, въ которомъ,—на основаніи переведеннаго на французскій языкъ произведенія Квеведо *Sueños*,—живо изображаетъ въ цѣломъ рядъ видѣній главные пороки своего времени. Филандеръ вводитъ насъ въ сферу возмутительныхъ явленій обыденной жизни. Здѣсь выставлены не пороки и страсти грубыхъ, нецивилизованныхъ натуръ, а болѣе изысканные пороки, которые возникаютъ изъ ложнаго образованія и изъ умственныхъ заблужденій. Сатирикъ не старается проникать въ глубину чело- 1601—1669. вѣческаго сердца для того, чтобы тамъ отыскивать причины пагубныхъ влеченій, а остроумно и разумно нападаетъ на дурные нравы и модные обычаи, на безразсудство и дурныя наклонности различныхъ сословій. Въ видѣніи *Totenheer* онъ осмѣиваетъ юристовъ за ихъ педантизмъ, вычурную терминологию и шарлатанство,—осмѣиваетъ также астрологовъ и царедворцевъ. Въ видѣніи *Alamode Kehraus* онъ устами короля Аріовиста и старинныхъ германскихъ героев осмѣиваетъ новомодныя одежды, парики, румяна и т. п. и въ особенности искаженный нѣмецкій языкъ, который свидѣтельствуетъ объ искаженіи нѣмецкой природы, утратившей любовь къ своему отечеству. Поэту всего болѣе ненавистны модная добродѣтель дворянства, его модное понятіе о чести и привычка къ дуэлямъ. Въ видѣніи *Soldatenleben* живо описаны разные ужасы изъ временъ тридцати-лѣтней войны. Его изложеніе, представляющее смѣсь латинскихъ стиховъ съ французскими, итальянскими и испанскими словами и оборотами рѣчи, было характеристическимъ изображеніемъ современныхъ вкусовъ и насмѣшкой надъ современнымъ смѣшаннымъ стилемъ литературныхъ произведеній: въ-дѣ его самостоятельная проза можетъ считаться образцовой. Какъ было сильно влияние этихъ правоописательныхъ разсказовъ видно изъ того факта, что они вызвали безчисленныя подражанія.

И Ульрихъ Мегерле, придворный проповѣдникъ въ Вѣнѣ, извѣстный подъ именемъ патера Авраама-а—Санта-Клара, примѣшивалъ къ своимъ проповѣдямъ и правоучительнымъ сочиненіямъ разныя остроты и шуточки (*Huy und Pfluy der Welt, Merks Wien, Judas der Erzscheimi* др.) и дѣлалъ сатирическіе намѣки на пороки своихъ современниковъ, но ему было очень далеко до мастерскаго карикатуриста Мошерона. По словамъ Гервинуса „ворчливостъ его проповѣдей и сочиненій въ сочетаніи съ католическими ужасами, его анекдотическія шуточки перемѣшанныя съ мрачными легендами, его просвѣщеніе рядомъ съ его суевѣріями, его грубыя выходки рядомъ со свойственною царедворцамъ лестью, популяризмъ его каламбуровъ и поговорокъ въ связи съ его латинскими фразами, его близкое знакомство съ произведеніями грубой нѣмецкой поэзіи въ связи съ его близкимъ знакомствомъ съ произведеніями отцовъ церкви, его умѣнье

Авраамъ-а.
С.-Клара.
1644—1709.

Симплициссимусъ.

производить эпиграмматическіе эффекты неожиданностью развязки, его манера касаться только мелочей, а не существенныхъ недостатковъ его соотечественниковъ, его вѣнскихъ прихожанъ или его времени—все это представляетъ такую груду мусора, что произведения Клары способны перелестать только любители всякой дряни.

Солдатская жизнь, которая описана Филандеромъ фонъ-Зиттевальдомъ лишь въ отрывочныхъ очеркахъ, служить подкладкой для другаго популярнаго сочиненія того времени, для романа „Искатель приключеній Симплициссимусъ или жизнеописаніе оригинальнаго скитальца Мельхиора Штерпфельса фонъ-Фуксгейма.“ Авторъ этого романа Кристоффель фонъ-Гриммельстаузенъ былъ сначала солдатомъ, потомъ городскимъ старшиной въ Ренхенѣ въ Шварцвальдѣ; онъ скрывался подъ различными именами—Самуила Грейфенсона фонъ-Гиршфельда, Германа Шлейфгейма фонъ-Сульсфорта и др. Просматривая у Гёдеке списокъ слишкомъ тридцати продолженій, передѣлокъ и подражаній этого романа, можно составить себѣ понятие о распространенности и о значеніи книги, въ которой съ описаніемъ походовъ авантюриста соединяется наглядное описаніе ужасовъ тридцатилѣтней войны; это — вѣрная картина заботъ тогдашняго поколѣнія и его влеченій къ новизнѣ. Авторъ романа знакомитъ насъ со всеми сторонами тогдашней жизни — и съ образомъ жизни ландскнехтовъ, ихъ страстью къ игръ, ихъ влеченіями къ грабежу, и съ суевѣріями, съ вѣрой въ привидѣнія, въ чертей, въ вѣдьмъ, и съ тогдашнимъ безчеловѣчіемъ, которое съ особенной яркостью изображено въ характерѣ злодѣя Оливье, и съ вѣроломствомъ лицъ военнаго званія, переходящихъ на службу отъ одного владѣтельнаго князя къ другому, и съ легкомысленною измѣненностью парижскаго общества, этой предвѣстницей легкомысленныхъ безчинствъ Фронды.— И „Симплициссимусъ“ былъ подражаніемъ испанскимъ романамъ, написаннымъ въ шутовскомъ и плутовскомъ вкусѣ (*gusto picaresco*). Въ формѣ разсказа своей собственной жизни здѣсь представлена пестрая картина самыхъ странныхъ приключеній. Герои принадлежатъ къ разряду тѣхъ счастливецъ или несчастливцевъ, которые или возвышаются изъ низшаго званія, или нисходятъ изъ высшаго званія въ низшее, ищутъ себѣ пристанища по всему свѣту, приноравливаются къ самой разнообразной житейской обстановкѣ, выходятъ изъ своего стѣсненнаго положенія при помощи мошенническихъ продѣлокъ, становятся вслѣдствіе вынесенныхъ лишеній болѣе осмотрительными и изворотливыми, но рѣдко дѣлаются благоразумными. Именно эпоха тридцатилѣтней войны представляла самый обильный матеріалъ для такихъ картинъ жизни, потому что въ то время нерѣдко случалось, что вся житейская обстановка внезапно измѣнялась—одни внезапно утрачивали свое высокое положеніе, другіе внезапно возвышались изъ ничтожества, знатные и незнатные люди мѣнялись ролями, а между господами и слугами существовали дружескія отношенія. Нѣмецкая литература уже имѣла образчикъ такого романа въ дневникъ силезскаго рыцаря Ганса фонъ-Швейникена, который въ концѣ шестнадцатаго столѣтія объѣзжалъ Германію въ свитѣ герцога Генриха Лигницкаго, кутилъ, буянилъ, дѣлалъ долги, а свои забавныя продѣлки самъ откровенно разсказалъ и скоро нашелъ для своего разсказа многочисленныхъ покупателей, потому что „пьянствомъ приобрѣлъ громкую извѣстность.“ Но только съ появленіемъ „Симплициссимуса“ романы этого рода получили въ Германіи права гражданства и сдѣлались популярными.

Крестьянскій сынъ Симплициссимусъ разсказываетъ, какъ онъ росъ безъ всякаго образованія въ Спессартѣ, будучи разлученъ съ своимъ семействомъ бѣдствіями военнаго времени, и какъ одинъ, жившій въ лѣсу, пустынный взялъ его къ себѣ и сталъ воспитывать въ страхѣ Божіемъ. Когда этотъ старецъ сошелъ въ могилу, Симплициссимусъ

сталъ снова бродить по свѣту и попалъ въ домъ коменданта Рамзая въ Ганау; тамъ онъ такъ всѣхъ забавлялъ своими неуклюжими манерами и шутовскими выходками, что коменданту пришла мысль надуть этого неопытнаго юношу и выдрессировать его для роли домашняго шута. Но священникъ, съ которымъ онъ познакомился, живя у пустыльника, предупредилъ его о замыслѣ коменданта; тогда онъ избѣжалъ предназначенной ему участи, одурячая служителей и помощниковъ коменданта. Захваченный въ лѣсахъ Кровати, онъ спасается бѣгствомъ, укрывается въ лѣсахъ, ведетъ жизнь мародера-грабителя и послѣ разныхъ мошенническихъ продѣлокъ дѣлается воякомъ. Въ этомъ званіи онъ отличается и приобретаетъ репутацию человека, у котораго состоятъ на жалованьи два черта. Онъ достигаетъ богатства, почестей и живетъ бариномъ. Но его положеніе скоро измѣняется къ худшему. Братъ, въ который онъ вступилъ по требованію отца его возлюбленной, не приноситъ ему счастья; онъ лишается своихъ денегъ, положенныхъ на храненіе въ кельнскій банкъ; на возвратномъ пути изъ Пармѣ, гдѣ онъ велъ пріятную жизнь и легко заводилъ любовныя связи благодаря умѣнью играть на лютнѣ и красивой наружности, онъ утрачиваетъ отъ осы и свою красоту, и волосы, и голосъ. Захваченный въ плѣнъ солдатами Бернгарда Веймарскаго, онъ переживаетъ множество разнообразныхъ приключеній, бродитъ изъ мѣста въ мѣсто то въ качествѣ плащагого лѣкаря, то въ качествѣ мушкетера и ведетъ распутную жизнь. Во время благочестиваго странствованія, предпринятаго съ цѣлію поклониться Богоматери—*Notre Dame des Ermites*, онъ переходитъ въ католическую вѣру, но по прежнему ведетъ бродячую жизнь. Онъ встрѣчается съ жившимъ въ Спессартѣ крестьяниномъ, отъ котораго узнаетъ, что пустыльникъ, которому онъ былъ обязанъ своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ, былъ его отецъ, а комендантъ въ Ганау былъ братъ его матери. Послѣ разныхъ странныхъ походовъ, онъ наконецъ самъ начинаетъ вести образъ жизни пустыльника, потому что, какъ онъ, самъ признается, его тѣло измучено, его умъ сбитъ съ толку, его невинность утрачена, а его время безполезно растрачено. Въ одномъ изъ продолженій этого романа Симплициссимусъ переселяется на островъ, гдѣ точно такъ-же, какъ въ послѣдствіи Робинзонъ Крузо, живетъ одиночнымъ и описываетъ свою жизнь.

Гриммельстаузенъ описалъ въ „Симплициссимусѣ“ нѣкоторые факты изъ своей собственной жизни, чѣмъ и объясняются естественность и реализмъ, благодаря которымъ его разсказы получили очень широкое распространеніе. И самъ Гриммельстаузенъ не получилъ въ молодости никакого образованія, велъ солдатскую жизнь и наконецъ перешелъ въ католицизмъ. Онъ также познакомился на собственномъ опытѣ съ пороками своихъ современниковъ, съ ихъ суевѣріями и безиравственностью, но онъ постоянно возставалъ противъ всякихъ безразсудствъ и пошлостей. Число его литературныхъ произведеній очень велико, но ни одно изъ нихъ не можетъ равняться съ „Симплициссимусомъ“; это были частію подражанія сатирамъ Мошера, часто вариации на прежнія темы. „Симплициссимусъ“ всегда пользовался народными симпатіями главнымъ образомъ благодаря патристическимъ чувствамъ автора и его искренней скорби о бѣдственномъ положеніи нѣмецкой имперіи. Герой этого романа съ завистью смотритъ на цветущее положеніе Швейцаріи, а въ другомъ мѣстѣ какой-то сумасшедшій поэтъ, считающій себя за Юпитера, излагаетъ удивленному Симплициссимусу проектъ государственныхъ преобразованій, напоминающій псевдонимныя сочиненія Хемница и Пуфендорфа. Герой, одаренный всеми совершенствами мифическихъ боговъ, получаетъ отъ Вулкана чудотворный мечъ и обходитъ нѣмецкія страны, устанавливая права и владѣнія каждаго города и возстаивая тамъ внутреннее спокойствіе; въ каждомъ городѣ онъ приказываетъ выбирать двухъ самыхъ достойныхъ и самыхъ умныхъ людей, которые должны войти въ составъ нѣмецкаго парламента и отменить акцизные пошлины, незаконные поборы и крѣпостничество. Тѣхъ аристократовъ, которые окажутъ ему сопротивленіе, онъ будетъ поражать своимъ мечомъ

на смерть, а остальных заставить повиноваться законам. После того он организует немецкую империю, которой должно принадлежать всемирное владычество и от которой все другие государства будут находиться в ленной зависимости. Для императора и для членов парламента он построит столицу, которая будет обширнее Вавилона и прекраснее Иерусалима во времена Саломона; в ней он соорудит великолѣпный храм и музей изящныхъ искусствъ. Тотъ-же герой созоветъ самыхъ благочестивыхъ богослововъ и знатоковъ Священнаго Писанія на соборъ въ какомъ-нибудь мирномъ уголкѣ для того, чтобы они составили изъ священныхъ книгъ и изъ самыхъ древнихъ преданій такую форму христіанскаго культа, которая могла-бы быть принята христіанами всѣхъ вѣроисповѣданій. Царя, конечно, будетъ всячески препятствовать успѣху такого предприятия и будетъ каждаго богослова возбуждать къ отстаиванію его личныхъ интересовъ, но у нашего героя въ одной рукѣ орудія мира, въ другой орудія смертной казни, поэтому онъ достигаетъ введенія во всемъ мірѣ единой религіи,—достигнетъ или путемъ убѣжденія или силой. Тогда повсюду будетъ царствовать вѣчный миръ и самъ Юпитеръ спустится съ Олимпа на землю для того, чтобы вмѣстѣ съ нѣмцами наслаждаться жизнью среди виноградниковъ и смоковницъ.

Романы.

Успѣхъ „Симплициссимуса“ вызвалъ подражанія; поэтому такъ называемый паутовскій романъ, въ основѣ котораго лежитъ описаніе какой-нибудь войны, принадлежалъ къ разряду самыхъ любимыхъ книгъ. Но высшему обществу не нравились описанія грубыхъ нравовъ; оно наслаждалось любовными приключеніями Амадиса, пока не исчезли окончательно эти послѣдніе остатки отжившихъ возрѣвій. Чѣмъ болѣе упрочивалось вліяніе эпохи Возрожденія, тѣмъ сильнѣе чувствовалось вліяніе иностраннхъ писателей и на характеръ нѣмецкихъ романовъ. Точно такъ же какъ въ романскихъ странахъ и въ Англіи, пастушескій романъ сталъ замѣнять старинныя рыцарскія и любовныя исторіи. Цезень написалъ „Adriatische Rosamund“ подъ именемъ Риттергольда фонъ-Влауэна. Съ теченіемъ времени сталъ распространяться реалистическій вкусъ и романисты стали изображать свои сюжеты изъ исторіи; они стали заимствовать изъ описаній путешествій матеріалы для описанія нравовъ, стали сочинять правоучительныя стихотворныя рассказы съ цѣлю замѣнить сладострастные и безнравственныя старинныя романы такими рассказами, въ которыхъ все основано на христіанской морали. Брауншвейгскій суперинтендантъ Бухольцъ написалъ романъ „Herakles' und Valiskas Wundergeschichte“, стараясь прикрыть любовное содержаніе своего рассказа добродѣтелями влюбленныхъ и разными христіанскими правоученіями.

Бухольцъ.
1607—1671.Антонъ Ульрихъ
Брауншвейгскій.
1633—1714.

Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій, перешедшій въ католицизмъ, воспользовался для своей „Durchlauchtige Sygerin Agamena“ библейскимъ содержаніемъ, а въ свою „Ostavia“ ввелъ факты изъ римской исторіи и намѣки на современныя событія. Своими романами онъ намѣревался создать „настоящую школу для придворныхъ и для дворянства.“ По его примѣру силезскій уроженецъ Логенштейнъ описалъ исторію Арминія и Туснельды „съ цѣлю благоразумно употребить въ дѣло свою обширную ученость;“ его романъ—настоящій архивъ научныхъ свѣдѣній по исторіи, по изученію древности, по географіи и пр. Къ этой формѣ рассказа много прибѣгали съ цѣлю описать отдаленныя страны и чужестранные нравы. Романъ „Asiatische Banise oder blutiges doch mutiges Pagan“, въ которомъ Ансельмъ фонъ-Циглеръ описывалъ напыщеннымъ слогомъ ост-индскіе нравы, былъ долго любимой книгой у нѣмецкихъ читателей; много читались и романы Ганнеля, который то переносилъ читателей въ Китай или въ восточную Индію, то описывалъ жизнь народа, владѣтеля

ныхъ князей и студентовъ. Циттаусскій ректоръ Христіанъ Вейзе попытался пересадить романъ съ этой исторической почвы на почву современной жизни и сдѣлать изъ него школу мудрости и хорошей нравственности. Въ цѣломъ рядѣ поучительныхъ юмористико-аллегорическихъ романовъ („Die drei Hauptverderber in Deutschland von Siegm. Gleichviel, Die drei ärgsten Erznarren, und die drei klügsten Leute in der ganzen Welt, Der politische Näscher и др.) онъ нападалъ на невѣріе, высокомеріе, Макіавелевскую политику своего времени, стараясь, при помощи древнихъ философовъ, въ особенности Эпиктета, внушать болѣе здоровыя возрѣвія на жизнь. Не смотря на напыщенную форму изложенія правоучительныя романы Вейзе много читались; они вызвали появленіе множества „политическихъ“ романовъ, которые своей пошлостью и тривіальностью совершенно дискредитировали этотъ родъ литературы.

Вейзе.
1642—1708.

6. Драматическая поэзія. Вторая силезская школа.

Вейзе не ограничивался сочиненіемъ романовъ: онъ также былъ лирическимъ и драматическимъ поэтомъ. Въ своемъ сборникѣ пѣсенъ „Überflüssige Gedanken der grünen Jugend“ онъ старается быть естественнымъ и разумно-практичнымъ, а въ другомъ сборникѣ „Notwendige Gedanken der grünen Jugend“ усваиваетъ наставническій тонъ и впадаетъ въ тривіальность. Онъ болѣе оригиналенъ въ своихъ комедіяхъ, которыя, — какъ напр. „Die triumphirende Keuschheit, Lustspiel mit Pikelhering“, — обнаруживаютъ остроуміе автора. Но вообще драматическая поэзія того времени служила несомнѣннымъ доказательствомъ слабости творческихъ дарованій и низкаго понятія о сущности драмы. Подобно роману и театральныя представленія считались не болѣе, какъ школой житейской мудрости; пастушескія драматическія произведенія поэтовъ, принадлежавшихъ къ „Пальмовому ордену“, были ничѣмъ инымъ, какъ облеченными въ разговорную форму пастушескими романами или оперетками съ религіозно-аллегорическимъ содержаніемъ; библейскія драмы Цезена были правоучительными пьесами; историческія пьесы были правоучительными изложеніями событій преимущественно изъ римской исторіи, а если для нихъ служили подкладкой современныя политическія событія, то эти послѣднія прикрывались аллегорическими именами. Старинныя народныя и школьныя драмы исчезли; и кому была охота развлекаться театральными представленіями при тогдашнемъ бѣдственномъ положеніи Германіи? Если въ нѣкоторыхъ главныхъ городахъ и не закрывались театры, то тамъ исполнялись преимущественно музыкальныя пьесы или такія произведенія, въ которыхъ играла главную роль декоративная обстановка; въ учебныхъ заведеніяхъ и для развлеченій народа давались только пьесы стараго покроя. Даже Опицъ не былъ въ состояніи вызвать къ жизни такую драматическую поэзію, которая удовлетворала бы новый изящный вкусъ, а Іоаннъ Ристъ въ своихъ историческихъ и аллегорическихъ пьесахъ („Das Friedewünschende Deutschland“) былъ вынужденъ прибѣгать къ помощи сценъ въ старинномъ народномъ вкусѣ или къ пантомимико-музыкальной интермедіи; при этомъ иногда дѣлались аллегорико-сатирическіе намѣки на современныя событія или на всѣхъ извѣстныхъ личностей.

Упадокъ драматической поэзіи.

Андрей Графи-Опица, другой силезский уроженец, принадлежавший к числу последователей усь. Опица, Андрей Грифиус впервые вступил на новый путь, который мог бы, при более благоприятных обстоятельствах, привести к созданию такого же национального театра, какой уже существовал в Испании, в Англии и во Франции. Грифиус, далеко превосходивший Опицу и поэтическими дарованиями и силой фантазии, написал не мало как лирических, так и драматических произведений. Печальный тон этих произведений объясняется тяжелыми житейскими условиями, с которыми приходилось бороться автору. Он принадлежал к числу несчастливцев того ужасного времени. На пятом году своей жизни он лишился отца, на двенадцатом лишился матери; ужасы войны и моровой язвы, которых он был свидетелем, оставили в его душе самые тяжелые воспоминания; он лишился брата и сестры и сам вынес больные, от которой едва не умер. Не смотря на то, что нужда заставила его добывать уроками средства существования, он приобрел обширные познания во всех науках; он знал одиннадцать иностранных языков, а во время путешествий, которые предпринимал в качестве спутника богатых людей, познакомился с европейскими цивилизованными странами—с Италией, Францией, Нидерландами. Последние годы своей жизни он провел в своем родном городе в звании спидика. Кроме духовных писем Грифиус писал сонеты, оды, стихотворения на разные случаи и другие лирические стихотворения светского характера, свидетельствующие о самостоятельности его ума, об искренности его чувств, о пылкости его фантазии, о знании человеческого сердца. Но он еще более замечателен как драматический писатель. Он был одарен от природы всем, что было необходимо для преобразования пьески драмы, но для него служили препятствиями равнодушие и необразованность народа и собственные мрачные воззрения на жизнь. Вместо того, чтобы изучать свет и людей в действительной жизни и придерживаться национальных сюжетов, он стал черпать наблюдения из книг, стал подражать чужим образцам и к несчастью увлекся Сенекой, который был ему симпатичен своим высокопарным слогом; вместо того, чтобы искать эффектов в живости сцен и в описании характеров, он впадал в декламацию, выводил на сцену людей с естественными страстями и добродетелями и старался производить на зрителей впечатление ужаса. И не соответствующие характеру новейшей драмы хоры он заимствовал из древних образцов, но пользовался ими для аллегорий, для сцен с привидениями и для миеологических картин. Еще бывши в школе он трудился над трагедией *Herodes der Kindermörder*. Во время продолжительного пребывания в Лейдене и в Амстердаме он изучал произведения голландских писателей Троция и Гейнзуса, Гуфта и Ван-дер-Вондела (XI, стр. 562). Этот последний имел чрезвычайно сильное влияние на немецкого поэта. От него Грифиус заимствовал даже его недостатки. Между трагедиями, которыми он не переставал писать до конца своей жизни, всех более известна *Ermordete Majestät, oder Carolus Stuartus, König von Grossbritannien*, потому что ее содержание взято из современной истории, но она ниже других и по композиции и по описанию характеров. Большими достоинствами отличаются *Leo der Armenier* и *Katharina von Georgien oder bewährte Beständigkeit*. Трагедия *Der sterbende Papinian* не лишена некоторых красок, но в ней нет цельности плана; *Cardenio und Celinda* основана на нитриге, богата живыми сценами, но неудовлетворительна по своей композиции. Эта трагедия служит переходом к комедии, потому что в нее вставлялся фарс *Die geliebte Dornrose*, написанная прозой на силезском народном диалекте. Здесь автор замечает

свой прежний напыщенный слог естественным тоном народной поэзии. Другая комедия—*Peter Squenz*, личность которого взята из „Сна в летнюю ночь“ Шекспира, есть удачное передразнивание тех мнимых поэтов и высоко задирающих голову наставников, которые воображают, что они писатели; в комедии *Porrigibilierigibifax*, написанной в подражание „Хвастливого воина“ Плавта, осмеяны хвастливые люди военного звания, храбрецы на словах. Общественные представления значительный шаг вперед, потому что были переходом от старинного карнавального фарса к более высокому комизму. Он и до сих пор производит впечатление своей живостью. И в *Scherzgedichten* или сатирах этого писателя замечна такая же тенденция выводить на сцену великие идеи того времени.

Грифиус принадлежал к второй силезской школе, которая уклонялась от ученой и дидактической поэзии Опицы и от его педантического формализма, придавала более важное значение наглядному изображению светской жизни, принимала за образец не древнюю, а более легкую французскую и итальянскую поэзию и выражала эпикурейские воззрения на жизнь чаще, чем стояческое презрение к благам этого мира. Представителем этого направления можно считать бреславльского ратмана Христиана Гофмана фон-Гофмансвальдау, человека много путешествовавшего и очень образованного. В противоположность с серьезным, меланхолическим и не любившим светских наслаждений Грифиусом, Гофмансвальдау воспринимал радость, любовь и наслаждения. Число его стихотворений невелико; они были исключительно лирического содержания и были напечатаны частью только по просьбе его друзей. Его любовные стихотворения, написанные изысканными стихами, но наполненные не совсем пристойными описаниями любовных похаживаний, представляли резкий контраст с строго-резигиозным аскетическим направлением того времени. Всего более нравились написанные в подражание Овидию *Heldenbriefe*, любовные истории Эйпгарта и Эммы, Абелларда и Элоны, не смотря на то, что многие возмущались непристойными выражениями поэта.

Наряду с Гофмансвальдау считается представителем второй силезской школы Каспар Дан. фон-Логенштейн, который также был бреславльским ратманом. У этого ученого юриста было больше ума чем фантазии. Его поэзия более даровитая как служитель Оемиды, чем как служитель Мусы. Оригинальность заключалась в том, что он доводил до преувеличения недостатки тех писателей, которых выбирал себе в образцы. В своей лирике он подражал любовной поэзии Гофмана; в своих трагедиях: „Софонизба“, „Агриппина“, „Эпихарис“, „Клеопатра“, „Ибрагим-паша“ он выводил на сцену разные пороки и ужасы и отталкивает от себя еще более тем, что выражается напыщенным языком, безпрестанно прибегая к разным метафорам и сравнениям.

При таком извращении изысканного вкуса можно считать представителем плодотворной реакции раннее упомянутого Вейзе, который стал писать в духе старой народной комедии и противопоставил естественность напыщенному пафосу. Он отвергнул подражание древним хорам и ввел в драматическую прозу. Хотя Вейзе нередко позволял себе в своих комедиях и фарсах грубые и пошлые остроты, ему нельзя не отдать справедливости в том, что он пренебрегал напыщенностью искусственных форм и правил и изучал людей в жизни, а не из книг. Ему пришла в голову счастливая мысль снова вызвать к жизни старинные школьные драматические произведения, но он встретил препятствия в современном направлении умов. Он написал много театральных пьес, для которых служили основой или ветхозаветные рассказы или исторические события

Вторая силезская школа.

Гофмансвальдау.

1618—1679.

Логенштейн.

1635—1683.

Вейзе.

(Markgraf d'Ancre, Masaniello и др.) или собственные вымыслы. Он не пренебрегал и аллегориями, а в свои серьезные пьесы нередко вставлял фарсы и пародийные сцены. В этой путочной поэзии всего больше обнаруживались дарования Вейзе, как это доказывают его путочные пьесы *Die verkehrte Welt*, *Der bürgerliche Machiavellus*, *Das Lustspiel von einer zweifachen Poetenzunft* и *Die triumphirende Keuschheit*. Натурализм Вейзе был тем более полезен, что вторая силезская школа все больше и больше вовлекалась в преувеличения, в изысканность, все больше и больше старалась подражать своим итальянским образцам.

Абшацъ. Даже те два поэта, которые не переставали придерживаться указания Грифиуса—Ганса Ассманъ фонъ-Абшацъ и сынъ Андрея Грифиуса Христианъ—не могли воздержаться в своих стихотворениях от подражания преувеличениям и непристойностям Гофмансвальдау и Логенштейна. В переводах и в стихотворениях Абшаца, в „Поэтическихъ лѣсахъ“ Христиана Грифиуса, точно такъ же, какъ в духовныхъ и в смѣшанныхъ стихотворенияхъ ихъ соотечественника Ганса фонъ-Ассига мы находимъ пестрый стиль съ натынутыми и причудливыми метафорами и сравнениями. Только ихъ больше юный современникъ Веніаминъ Нейкирхъ сталъ мало-по-малу отбрасывать въ сторону искусственность и пустословіе итальянскихъ образцовъ и сталъ придерживаться французскаго вкуса. Изъ его сатиръ и посланій видно, что кромѣ Ювенала онъ изучалъ Буало, а въ болѣе поздніе годы своей жизни даже пытался превратить Фенелона „Телемака“ въ нѣмецкій эпосъ, написанный римованными александрийскими стихами.

7. Новое направление.

Французскій художественный вкусъ. Въ этомъ обнаруживались зачатки новаго направленія, которое было протестомъ и противъ высокопарности младшей силезской школы и противъ натурализма Вейзе. Болѣе новый художественный вкусъ сталъ въ концѣ столѣтія прокладывать себѣ дорогу изъ Парижа въ Германию. Тамъ болѣе изысканное свѣтское образование высшихъ сословій уже могло удовлетворяться ни напыщенной изысканностью и педагогическою ученостію бреславльскихъ поэтовъ, ни произведеніями Вейзе, устранившаго изъ поэзіи все героическое и возвышенное, ни произведеніями Моргофа, который придерживался одинакихъ съ Вейзе воззрѣній и въ своихъ стихотвореніяхъ и въ своемъ *Unterricht von der deutschen Sprache und Poesie*. Мы уже раньше говорили о томъ, какъ было сильно влияние придворнаго и моднаго образованія временъ Людовика XIV на весь складъ европейской жизни, и какъ высшее общество всѣхъ европейскихъ странъ подражало обычаямъ, установившимся въ Парижѣ и въ Версали.

Придворные поэты. Поэтому и въ Дрезденѣ и въ Берлинѣ и въ другихъ столичныхъ городахъ стали появляться придворные поэты, которые брали за образецъ французскихъ поэтовъ, противопоставляли имитикъ Опида имитику Горация и Буало, а въ своихъ одахъ, эпиграммахъ и сатирахъ старались подражать изяществу вышней формы и остроумію парижскихъ писателей. Всѣхъ успѣшнѣе держался этого направленія другъ Нейкирха, баронъ Фр. Руд. Людв. фонъ-Каницъ. Это былъ знатный и высоко-образованный государственный человѣкъ, хорошо изучившій нравы высшаго общества во время

своихъ путешествій съ дипломатическими порученіями и старавшійся подражать Буало въ своихъ смѣшанныхъ стихотвореніяхъ и сатирахъ. Въ Берлинѣ и въ Гамбургѣ ему оказывали большой почѣтъ за его любовь къ изящнымъ искусствамъ, за его благородную гуманность, за его покровительство служителямъ Музъ, за приличный тонъ его поэтическихъ произведеній. И придворный поэтъ Іоаннъ фонъ-Бессеръ, занимавшій должность церемоніймейстера при новомъ берлинскомъ королевскомъ дворѣ, вращался въ высшихъ сферахъ общества, а своимъ панегирикамъ въ честь короля умѣлъ придавать героическій отпечатокъ. Впослѣдствіи Бессеръ занималъ должность придворнаго поэта въ Дрезденѣ, гдѣ его преемникомъ былъ Ульрихъ фонъ-Кёнигъ, а его помощницей была возлюбленная Фридриха Августа Сильнаго, Аврора фонъ-Кёнигсмаркъ. Но и это направленіе скоро отжило свое время. У Кёнига точно такъ же, какъ у другихъ придворныхъ поэтовъ того времени—у Гереуса, Дроллингера, Пича, поэтическое воодушевленіе и поэтическое содержаніе замѣнялись гладкостью стиховъ; поэтому сталъ мало-по-малу исчезать интересъ къ такой поэзіи, которая была лишь слугою двора и высшаго общества, и стала чувствоваться потребность въ болѣе самостоятельныхъ продуктахъ поэтическаго творчества.

Но эта потребность еще долго оставалась неудовлетворенной. Талантливые поэты, выступившіе на сцену въ началѣ новаго столѣтія, или подражали французскимъ писателямъ, подобно Гюнтеру и Вернике, или же не обладали, подобно рисовавшему съ натуры Брокесу, достаточными дарованиями для того, чтобы создать новую эру въ исторіи поэзіи. Поэтому устарѣлыя поэтическія формы и приемы оставались въ силѣ до тѣхъ поръ, пока Готтшедъ не дошелъ въ заимствованной отъ Французовъ искусственной поэзіи до полного отсутствія изящнаго вкуса и привлекательности. Іоаннъ Хр. Гюнтеръ, изъ Стригау въ Силезіи, превосходилъ большинство своихъ современниковъ поэтическими дарованиями, силой фантазіи и глубиною чувствъ. Но это былъ блудный сынъ, которому не было дозволено возвратиться въ его отечество. Еще бывши студентомъ въ Витгенбергѣ, гдѣ онъ посвятилъ себя изученію медицины по желанію своего отца и наперекоръ своимъ собственнымъ влеченіямъ, онъ попалъ на ложный путь, навлекъ на себя ненависть отца, впалъ въ бѣдность и въ разные пороки; своимъ раскаяніемъ онъ не смягчилъ гнѣвъ отца; его надежда получить должность саксонскаго придворнаго поэта оказалась тщетной по причинѣ его склонности къ пьянству; даже ода, написанная имъ въ честь принца Евгенія, не вызвала никакихъ выраженій признательности, между тѣмъ какъ этотъ великій полководецъ щедро награждалъ Пича и Гогендорфа, воспѣвавшихъ его военные подвиги. Бѣдность, невоздержный образъ жизни и раскаяніе подточили его силы и преждевременно свели его въ могилу. Его пѣсня на слова *Ich hatte viel Bekümmernis* прекрасно выражаетъ его безнадёжное душевное состояніе.

Однако, въ Гамбургѣ уже не было недостатка въ поэтахъ иного направленія. Хотя гамбургскій адвокатъ Хр. Фр. Гунольдъ (Мелантесъ) и старался быть „учтивымъ и любезнымъ“ въ своихъ многочисленныхъ стихотвореніяхъ, а его коллега Хр. Г. Постель сначала придерживался одинакихъ съ нимъ воззрѣній на поэзію, но Постель скоро вступилъ на новый путь, рѣшившись испытать свои силы въ болѣе высокомъ родѣ поэзіи—въ эпосѣ. И какъ бы ни казался намъ смѣшонъ поэтическій Постелевскій переводъ 14-й книги Илиады въ его *Listigen Juno* и въ его *Wittekind*, все-таки эта попытка доказываетъ, что уже не было возможности долѣе придерживаться общепринятыхъ образцовъ. Еще рѣшительнѣе возсталъ противъ поэтическихъ приемовъ Логенштейна Христианъ Вернике или Вернике. Онъ былъ талантливымъ послѣдователемъ теорій Горация и Буало, нападалъ въ

Бессеръ.
1654—1729.

Кёнигъ.
1688—1744.
Аврора фонъ-Кёнигсмаркъ.
1668—1728.

Гюнтеръ.
1695—1723.

Гамбургскіе поэты.
Гунольдъ.
1680—1721.

Вернике.
1680—1725.

язвительных сатирах на приверженцев силезской школы и на их итальянские образцы, и вследствие этого вовлекался в горячие литературные распри с Постелем. Это был светский человек, состоявший на службе датского короля и занимавший дипломатические посты в Лондоне и в Париже; он сочувствовал житейской философии Французов и Англичан, стараясь в своих „Написях“ подражать эпиграмматической краткости и сжатости древних писателей, а сухую мораль Логана, напыщенность Логенштейна и затейливые причуды членов Пальмоваго ордена стараясь замѣнить остроуміем, здравым смыслом и знаніемъ человеческой натуры. Нельзя сказать, чтобы его точка зрѣнія отличалась своей возвышенностью: онъ подобно своимъ французскимъ образцамъ не имѣлъ правильного понятія о настоящемъ поэтическомъ воодушевленіи, но онъ ясно сознавалъ недостатки современной нѣмецкой литературы и имѣлъ достаточно таланта для того, чтобы излагать свои воззрѣнія изящнымъ и чистымъ нѣмецкимъ языкомъ. Другой гамбургскій адвокат Бартольдъ Фейндъ, раздѣлявшій воззрѣнія Вернике, навлекъ на себя своимъ язвительнымъ эпиграммами и сатирами множество непріятностей и кончилъ жизнь въ датской тюрьмѣ въ Рендсбургѣ. Кромѣ его оперъ всего болѣе извѣстны его *Deutsche Gedichte* и его сатира *Die Geldsucht*.

Къ числу гамбургскихъ поэтовъ также принадлежитъ Михаилъ Ринне, умѣвшій оживлять свои стихотворенія юморомъ и причудливымъ содержаніемъ. Но самымъ замѣчательнымъ между ними былъ Бартольдъ Генрихъ Брокесъ. Ему главнымъ образомъ принадлежитъ та заслуга, что французская разсудочная поэзія не достигла въ Германіи исключительнаго господства. Онъ не былъ рѣшительнымъ противникомъ господствовавшаго въ Италіи изящнаго вкуса, какъ это видно изъ того, что онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ поэму Марини „Избѣженіе младенцевъ въ Виллема“, а въ своихъ *Hirtengedichte* взялъ эту поэму за образецъ; но онъ изъ несочувствія къ односторонности итальянскаго вкуса изучалъ французскихъ писателей, которымъ подражалъ въ своихъ дидактическихъ стихотвореніяхъ, а впоследствии сталъ съ особеннымъ рвеніемъ изучать близкую къ природѣ поэзію Англичанъ. Онъ перевелъ поэму Томсона „Времена года“, а своимъ большимъ стихотвореніемъ въ девяти частяхъ *Irdisches Vergnügen in Gott* онъ заложилъ фундаментъ для описательной натуральной поэзіи, которая долго пользовалась общимъ сочувствіемъ. Онъ-же внесъ въ нѣмецкую литературу знакомство съ поэмой Попа *Essay on man*. Брокесъ старался сочетать съ поэзіей живопись и музыку, поэтому, не стѣсняясь рамками александрийскаго размѣра, писалъ болѣе легкими и болѣе свободными стихами. Избравши внѣшній чувственный міръ объектомъ для своего поэтического творчества, онъ старался пробудить сочувствіе къ естественности, освободить поэзію отъ неизмѣнныхъ условныхъ правилъ и внести въ нее болѣе жизни и разнообразія. Однако, эта поэзія, старавшаяся изображать природу во всѣхъ ея мельчайшихъ проявленіяхъ, привела къ разнымъ одностороннимъ и ошибочнымъ воззрѣніямъ. Обращаясь къ безжизненной природѣ, она стала слишкомъ подробно описывать формы каждой травки и запахъ фіалки и производила усыпительное впечатлѣніе, потому что никогда не касалась творческой дѣятельности человека. Благодаря похваламъ, вызваннымъ описательной поэзіей Брокеса, эта поэзія вошла въ моду. Къ ней стали прибѣгать для выраженія не только религіозныхъ чувствъ и философскихъ идей, но даже научныхъ познаній, находящихся въ какой либо связи съ природой. И самъ Брокесъ обдумывалъ въ теченіе всей своей жизни планъ большаго дидактическаго стихотворенія, въ которомъ намѣревался вести рѣчь о созерцаніи Бога въ природѣ, объ элементахъ и чувствахъ, о трехъ царствахъ природы и т. д.

8. Общественное образованіе въ началѣ восемнадцатаго столѣтія.

Нельзя сказать, чтобы мы до сихъ поръ прогуливались по усыпанному изящными цвѣтами полю; однако поэзія была единственной сферой, въ которой можно было ожидать обильной жатвы отъ посѣянныхъ сѣмянъ. Болѣе печальное впечатлѣніе мы выносимъ изъ знакомства съ тогдашнимъ общественнымъ образованіемъ и съ тогдашнимъ положеніемъ наукъ. При дворахъ и въ высшемъ обществѣ говорили, читали и писали по-французски; знатная молодежь воспитывалась французскими наставниками или по меньшей мѣрѣ на французскій манеръ; свое образованіе она заканчивала путешествіями и продолжительнымъ пребываніемъ въ Парижѣ, гдѣ проводила время въ кружкахъ, дававшихъ тонъ всему обществу, приучалась къ изысканной житейской обстановкѣ и научалась хорошимъ манерамъ. Въ университетахъ и въ научной сферѣ все еще господствовалъ латинскій языкъ: ученые и профессора полагали, что унизили-бы свое достоинство, если-бы стали писать или преподавать на народномъ языкѣ. Для нихъ латинскій языкъ былъ такимъ же признакомъ высшаго образованія, какимъ былъ французскій языкъ для знати. Религіозныя истины излагались въ неизмѣнной формѣ и проповѣдывались съ церковной кафедрой неизящнымъ языкомъ, а въ дѣловыхъ бумагахъ и въ судѣ былъ въ употребленіи варварскій канцелярскій языкъ, въ которомъ безпрестанно встрѣчались непонятныя выраженія и бессмысленныя формулы. Положеніе нѣмецкаго народа было безвыходнымъ; національныя чувства, довѣріе и уваженіе къ самимъ себѣ, по видимому, совершенно заглохли.

Но въ то время, какъ дюжинные таланты и раболѣбныя натуры охотно подчинялись духу своего времени, восхваляли все чужое въ ущербъ туземному, и старались поддерживать умственный застой и бесплодную ученость, нѣкоторые даровитые люди стали противоdѣйствовать господствовавшему настроенію умовъ и проложили путь къ новому національному образованію. Прежде всего нужно было ввести въ науку тотъ нѣмецкій языкъ, который былъ введенъ Лютеромъ въ религіозную сферу, а Опицомъ и членами Пальмоваго ордена въ поэзію. За эту задачу взялся Христіанъ Томазіусъ. При помощи Вольфа и Лейбница-Вольфганскаго философской школы онъ вмѣстѣ съ Шпенеромъ и Германомъ Франке вступилъ въ борьбу съ освященными привычкой заблужденіями и ввелъ нѣмецкій языкъ въ университетскія аудитории и въ науку. То, что Бальтазаръ Шуппъ безуспѣшно рекомендовалъ въ своихъ *Lehrreiche Schriften*, было приведено въ исполненіе Томазіусомъ.

Христіанъ Томазіусъ впервые осмѣлился вступить въ борьбу съ застарѣлыми предрасудками. Въ качествѣ приватдоцента въ Лейпцигѣ онъ написалъ нѣмецкую программу (*Diskurs*), въ которой приглашалъ своихъ соотечественниковъ подражать Французамъ въ употребленіи и въ обработкѣ роднаго языка и вслѣдъ за тѣмъ сталъ читать философскія лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Томазіусъ не отказался отъ избраннаго пути, не смотря на протесты педантовъ, усматривавшихъ въ этомъ нововведеніи помыслъ своей славы, и теологовъ, воображавшихъ, что новое направленіе грозитъ опасностью для ихъ авторитета. Своими нѣмецкими лекціями онъ пробудилъ изъ усыпленія умы молодежи, своими популярными сочиненіями о научныхъ и философскихъ сюжетахъ онъ старался распространять просвѣщеніе въ средѣ народа; основаніемъ перваго нѣмецкаго журнала (*Freimütige, lustige und ernsthafte, jedoch vernunft- und gesetzmässige Gedanken oder Monatgespräche über allerhand, vornehmlich über neue Bücher* 1688—1690), въ которомъ дѣлалъ оцѣнку

Прискорбное
настроене
умовъ.

Зачатки луч-
шаго.

Томазіусъ.
1655—1728.

1690.

новѣйшихъ литературныхъ произведений, онъ старался вытѣснить изъ употребленія варварскую школьную латынь, которая до того времени господствовала на церковной кафедрѣ и во всѣхъ учебникахъ, и которую онъ считалъ главной виновницей того, что Нѣмцы отстали въ образованіи отъ другихъ народовъ. Когда его враги принудили его покинуть Лейпцигъ, онъ отправился во главѣ преданныхъ ему студентовъ въ Галле и этимъ вызвалъ основаніе новаго университета. Въ качествѣ профессора юриспруденціи, Томазіусъ могъ въ Галле еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ Лейпцигѣ, держаться избраннаго имъ пути. Чтобы устранять препятствія, съ которыми ему приходилось бороться, онъ прибѣгалъ только къ остроумію и къ "здравому смыслу". Своей латинской статьей *De crimine Magiae*, впоследствии переведенной на нѣмецкій языкъ, онъ такъ сильно поколебалъ довѣріе къ процессамъ вѣдьмъ, что съ тѣхъ поръ суды стыдились возбуждать такіе процессы. Менѣе успѣшны были его нападки на допросы съ пыткой. Это зло не прекращалось еще въ теченіе слишкомъ полустолѣтія, пока ему не былъ положенъ конецъ по почину маркграфа Карла Фридриха Баденскаго. Томазіусъ и Шенеръ общими силами старались высвободить нѣмецкій умъ изъ подъ школьнаго и университетскаго ига, изъ-подъ ига формализма, педантизма, предразсудковъ и бесплодной учености; они старались перенести въ-рванія и научныя познанія въ практическую жизнь, противодействовать грубымъ современнымъ наклонностямъ посредствомъ очищенія нравовъ и вкусовъ, а посредствомъ развитія и облагороженія нѣмецкаго языка разрушить преграду, отдѣлявшую простой народъ отъ высшихъ и образованныхъ классовъ общества.

9. Первые четыре десятилѣтія восемнадцатаго столѣтія:

Литература. 1. Сочиненія общаго содержания: F. C. SCHLOSSER, *Gesch. des achtzehnten Jahrhunderts* us. w. 5 изд. Гейдельбергъ 1864—1870, 8 частей; GFRÖRER, *Gesch. des achtzehnten Jahrh.* herausg. von Weiss Schaffh. 1862, 4 части; K. v. NOORDEN, *Europäische Gesch. im achtzehnten Jahrhundert*, части I—III. Dusseld. 1870. 1874. (до 1710; Torso); F. FÖRSTER, *Höfe und Kabinette Europ. im achtzehnten Jahrhundert*. Potsd. 1836—1839. 3 части 8; къ этимъ сочиненіямъ слѣдуетъ присовокупить извѣстныя историческія монографіи Вольтера (*Siècle de Louis XIV et L. XV*; *Hist. du Parlement*; *Hist. de Pierre le Grand*, de Charles XII), послѣднія части *Theatrum Europaeum* (XI, 779).—2. Касательно исторіи турецкихъ войнъ и войны за испанское наслѣдство: LORD MANON, *Hist. of the war of the succession in Spain*. Lond. 1832; ARNETH, *Prinz Eugen von Savoyen*. Wien 1858, 3 части и указанныя на 324 страницѣ этого тома сочиненія, имѣющія связь съ военной исторіей Австріи; COXE, *Memoirs of the duke of Marlborough* стр. 446; *Histoire du duc de M.* Par. 1806, 3 части. Изъ мемуаровъ всѣхъ болѣе достойны вниманія мемуары Торси, Бервика, С. Симона, Ноалля; кромѣ того: LAMBERTY, *Mém. pour servir à l'histoire du XVIII siècle* a la Haye 1729, 11 частей 4; LOUVILLE, *Memoires secrets sur l'établissement de la maison de Bourbon*, Par. 1818; COXE, *Memoirs of the kings of Spain of the house of Bourbon*. Lond. 1813, 3 части; *Négotiations de M. le comte d' Avaux, ambassadeur extra-*

ordinaire à la cour de Suède pendant les années 1693, 1697, 1698, 3 части in den Werken van het historisch Genootschap gevestigd te Utrecht №. 23, 34, 35, 1882, (herausgeg. von M. J. A. Wijnne); JOS. REDINGTON, *Calendar of Treasury Papers* 1708—1714, Lond. 1879.—3. Относительно исторіи отдѣльных государствъ и эпохъ: относительно Франціи, кромѣ сочиненій, указанныхъ въ этомъ томѣ на стр. 267: LACRETELLE, *Hist. de France* pend. le 18 siècle. Paris 1819; LEMONTEY, *Hist. de la régence et de la minorité de Louis XV*, 2 части. Par. 1832; W. KROHN, *Die letzten Lebensjahre Ludw. des Vierzehnten*. Jena u. eipz. 1865; CAPEFIGUE, *Phil. d'Orléans, Régent de France*. Bruxelles 1844; Wood, *Memoirs of the life of John Law*. Edinb. 1824 и KURZEL, *Gesch. der Lawschen finanzoperat. etc.* Вѣ RAUMERS *hist. Taschenb.* 1846; *Hist. du système des finances sous la minorité de Louis XV*, a la Haye 1739; MARMONTEL, *Nistoire de la Régence du duc d'Orléans*. Par. 1806. HOUSSENVILLE, *Hist. de la réunion de la Lorraine à la Fr.* Par. 1860, 2 изд., 4 части.—Относительно полуострововъ Пиренейскаго и Апеннинскаго, кромѣ сочиненій, указанныхъ въ этомъ томѣ на стр. 223: ROUSSET, *Hist. du card. Alberoni et de son ministère*, a la Haye 1720, 2 части, и относительно исторіи войны Венеціанцевъ съ Турками: *Denkwürdigkeiten des Grafen v. der Schulenburg*. Leipz. 1834, 2 части.—Относительно Великобританіи, кромѣ сочиненій, указанныхъ въ этомъ томѣ на стр. 343, изъ которыхъ особенно важны для слѣдующаго періода сочиненія Макферсона и Сомервилля: LECKY, *History of England in the 18 century*, 4 части. London 1878. MANON, *Hist. of Engl. from the peace of Utr. to the peace of Aix-la-Chapelle* L. 1836, 7 частей 8; Will. GIBSON'S *Hist. of the affairs of Europe from the peace of Utr. etc.* Lond. 1725; OLDMIXON, *The hist. of E. during the Reigns of K. Will. Q. Mary, Q. Anne, K. G. I.* Lond. 1735; BOYERS *Hist. of the life and reign of Q. Anne*. Lond. 1722; BURTON, *Hist. of Scotland (from 1689—1748)*, 2 части; A *History of the Reign of Queen Anne*, Edinburgh and London 1880, 3 части; DEFOE, *The memoirs of KERS OF KERSLAND* etc. Lond. 1726, 3 части; THOMAS MACKNIGHT, *The life of Henry St. John Viscount Bolingbroke*, London 1863; BROSCHE, *Lord Bolingbroke und die Whigs und Tories seiner Zeit*. Frankfurt a. M. 1883; *Mém. secrets de Myl. BOLINGROKE* etc. écrits par lui même 1717, adressés en forme de lettres au chev. Windham, Lond. 1753; COOKE, *Mem. of L. Bolingb.* 1835; *Letters and corresp. of Bol. by Parke* 1798. Bolingb. Works, Lond. 1753, 1808; WILL. COXE, *Mem. of the life and administration of Sir Rob. Walpole*, Lond. 1798, 3 части.—Относительно Нидерландовъ источники указаны въ этомъ томѣ на стр. 267, относительно Австро-Венгріи на стр. 324, относительно Скандинавіи, России, Польши кромѣ указанныхъ ранѣе: (Nordberg) *Leben Karls XII K. v. Schweden*. Hamb. 1745—1751, 3 части; LUNDBLAD, *Gesch. Karls XII*. Переведено на Нѣмец. языкъ Iенсеномъ, Гамб. 1835, 2 части; CARLSON, *Sveriges historia under konungarne af pfalziska huset*, шесть част. (Карль XII, 1 часть), Стокгольмъ 1881 (до 1701); CHR. v. SARAUEW, *Die Feldzüge Karls XII*, Leipzig 1881; FABRICE, *Zuverlässige Gesch. Karls XII während seines Aufenthalts in der Türkei*. Lipz. 1762; THEYL, *Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII*. Leyde 1722; G. ADLERFELD, *Hist. milit. de Charles XII*. Amst. 1740, 4 части; *Reflexions sur les talents mil. et sur le char. de Charl. XII*. 1786 (короля Фридр. II); A. HOJER, *Leben und Gesch. König Friedr. IV*, Tondern 1829, 2 части; E. HERRMANN, *Zeitgenössische Berichte zur Gesch. Russlands*, 2 часть, Лейпц. 1872 и 1880; A. FR. BÜSCHING, *Magazin für Historie und Geographie*. Hamb.

1767—1793, 25 частей (въ частяхъ II, III идетъ рѣчь о Минихѣ, Остерманѣ, Бестужевѣ; въ 9 части Eclaircissements sur plusieurs faits arrivés sous P. le Grand, tirés des papiers du C. de Bassewitz); SJÖGREN, Joh. Reinh. Patkul (Historish Bibliothek 1880); JUL. EKARDT, Livland im achtzehnten Jahrhundert. Leipzig 1875. Mémoires hist. polit. et militaires sur la Russie depuis 1727.—1744 par MANSTEIN, Leipzig 1771; начало известнаго сочиненія: Hist. de la monarchie de Pologne et du démembrement de cette république par CL. C. DE RULHIÈRE. Paris 1819.

1. ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО

1. Предшествующія событія.

Положеніе
Франціи.

При заключеніи Рисвикскаго міра вовсе не былъ затронутъ вопросъ о порядкѣ наслѣдованія испанскаго престола: въ то время Карлъ II еще былъ живъ, а Австрія еще была занята войной съ Турками. Поэтому версальскій дворъ находилъ выгоду въ томъ, что нѣсколько лѣтъ міра дадутъ ему возможность приготовиться къ будущимъ событіямъ и достигнуть посредствомъ дипломатическихъ интригъ и переговоровъ такихъ результатовъ, которыхъ нельзя бы было достигнуть продолженіемъ войны. Преобладающее вліяніе Франціи еще не было поколеблено; внутренняя неурядица была скрыта отъ глазъ Европы: за границей еще никому не было извѣстно, что почти всѣ экономическія реформы Кольбера были отложены въ сторону, что поземельныя подати, ложившіяся тяжелымъ бременемъ преимущественно на низшіе слои общества, достигли небывалой высоты, что пошлины съ ввоза и вывоза препятствовали развитію земледѣлія, промышленности и ремеселъ, что подушная подать, равнявшаяся подати съ доходовъ, сильно вредила благосостоянію среднихъ классовъ, что продажа должностей возобновилась со всѣми прежними злоупотребленіями и даже распространилась на военную службу, что долгъ въ 730 милліоновъ ливровъ, требовавшій ежегодной уплаты почти 40 милліоновъ процентовъ, лежалъ на государствѣ и съ каждымъ годомъ увеличивался вслѣдствіе дефицита въ государственномъ бюджетѣ безъ всякой надежды на погашеніе, что въ государственномъ хозяйствѣ было не мало недосмотровъ, а народное богатство постоянно уменьшалось. Хотя Франція и отказалась отъ Люксембурга и отъ альпійскихъ крѣпостей и вывела свои войска изъ Лотарингіи, но это были добровольныя уступки, сдѣланныя ради прекращенія войны; за то она сдѣлала важное приобрѣтеніе, получивши Эльзасъ съ Страсбургомъ, и защитила свои пограничныя владѣнія крѣпостями съ восточной и съ сѣверной стороны. И ея военный престижъ увеличился: иностранныя арміи еще

никогда не проникали на французскую территорію, а на моряхъ французскій флотъ мужественно боролся съ самыми сильными морскими державами Голландіей и Англіей.

Поэтому можно было заранѣе предвидѣть, что лишь только сдѣлается вакантнымъ испанскій престолъ, Людовикъ непремѣнно предъявитъ на него права своего дома, какъ онъ о томъ неоднократно заявлялъ. Намъ уже извѣстно, что ни имъ самимъ ни парижскимъ парламентомъ не было признано легальнымъ отреченіе королевы Маріи Терезіи на томъ основаніи, что никто не можетъ передавать другимъ права своихъ наслѣдниковъ и никто не можетъ по своему личному усмотрѣнію отмѣнять основные государственные законы. А развѣ наслѣдственные права императора Леопольда были безспорны? Хотя король Филиппъ IV и передалъ наслѣдственное право своей второй дочери Маргаритѣ въ то время, какъ выдавалъ ее замужъ за своего австрійскаго родственника, но императрицы уже не было въ живыхъ; ея единственная дочь Марія Антонія передъ смертію родила своему супругу баварскому курфирсту Максу Эмануилу, сына, которому принадлежало ближайшее наслѣдственное право на испанскій престолъ и по его происхожденію и по волѣ его дѣда. Правда Леопольдъ убѣдилъ свою дочь отказаться при ея вступленіи въ бракъ отъ ея притязаній на испанское наслѣдство, но противъ этого отказа можно было снова сдѣлать упомянутое выше возраженіе. Въ виду вышеупомянутаго основнаго закона и Марія Антонія, точно такъ же какъ ея тѣтка, не могла отнять у своего потомства принадлежащихъ ему наслѣдственныхъ правъ. И сыновья императора Леопольда отъ другой супруги не имѣли по закону болѣе основательныхъ правъ, чѣмъ потомки Людовика XIV. Поэтому, въ виду чрезвычайной важности этого вопроса для тѣхъ, кто заботился о сохраненіи міра и европейскаго равновѣсія, слѣдовало ожидать, что будутъ сдѣланы попытки мирнаго соглашенія. Англія и Голландія были болѣе всѣхъ другихъ государствъ заинтересованы въ томъ, чтобы никакая сильная держава не приобрѣла въ Испаніи преобладающаго вліянія. Съ тѣхъ поръ, какъ ухудшилось экономическое положеніе Испаніи, тѣ двѣ морскія державы захватили въ свои руки всю испанскую торговлю: изъ испанскихъ владѣній по сю и по ту сторону Атлантическаго океана онѣ вывозили необработанные продукты, въ особенности шерсть и металлы, а сами ввозили туда фабричныя издѣлія. Относительно размѣра пошлинъ онѣ легко достигали соглашенія съ мадридскимъ дворомъ, постоянно нуждавшимся въ деньгахъ. А такъ какъ тѣ двѣ морскія державы, прежде часто вступавшія между собою въ соперничество, дѣйствовали въ то время единодушно вслѣдствіе того, что Вильгельмъ III Оранскій былъ въ одно и тоже время и нидерландскимъ штатгальтеромъ и англійскимъ королемъ, то съ этой стороны были сдѣланы самыя настойчивыя по-

Притязанія на
испанское на-
слѣдство.

1692.

1698.

пытки достигнуть мирнаго соглашения. На Вильгельма Бентинкса, графа Портланда, къ которому англійскій король относился съ полнымъ довѣріемъ, была возложена дипломатическая миссія подготовить такое соглашеніе. Англійское правительство полагало, что всего вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, если испанскія провинціи, лежащія вблизи отъ Пиренеевъ, и испанскія колоніи будутъ отданы во власть баварскаго принца Іосифа Фердинанда, а остальные испанскія владѣнія будутъ раздѣлены между Франціей и Австріей. Званіе Нидерландскаго штатгальтера, возложенное на отца этого молодого принца, Макса Эмануила, могло-бы быть оставлено за нимъ на всю жизнь. Этимъ способомъ надѣялись не нарушать ничьихъ наслѣдственныхъ правъ и въ тоже время удовлетворить требованія европейскаго равновѣсія. Въ этомъ духѣ былъ заключенъ 11 октября 1698 въ Гагъ договоръ о раздѣлѣ. Людовикъ XIV изъявилъ на него свое согласіе для того, чтобъ склонить морскія державы на свою сторону.

Настроеніе
умовъ въ Ис-
паніи.

То было очень страннымъ явленіемъ, что иностранцы распоряжались испанскимъ наслѣдствомъ, не испросивши согласія короля и испанскаго народа. Но чѣмъ-же мнѣніемъ можно-бы было руководствоваться? Кортесы уже давно не созывались; испанскіе гранды и министры держали сторону различныхъ претендентовъ; король былъ безхарактеренъ, дряхлъ и едва-ли способенъ имѣть личную волю; его вторая супруга Марія Анна (стр. 243), послѣ смерти вдовствующей королевы подчинившая своему безусловному вліянію и дворъ и своего супруга, создала себѣ много враговъ своей раздражительностью, метительностью и причудливостью, а ея любимцы, которыхъ она привезла съ собой изъ Германіи, — состоявшая при ней, графиня Берлепшъ, ея духовникъ Тиролецъ Габріель Кіуза и ея секретарь баронъ Вейзеръ, — были такъ корыстолюбивы и продажны, что возстали всю націю противъ австрійской придворной камарильи. Повсюду царствовало уныніе; всѣ съ безпокойствомъ помышляли о будущемъ. Нетрудно себѣ представить, до какой степени усилилось это мрачное настроеніе умовъ, когда, не смотря на состоявшееся соглашеніе держать въ секретѣ договоръ о раздѣлѣ, въ Мадридѣ стало извѣстно, что западныя державы распорядились еще при жизни короля его наслѣдствомъ. Это возбудило негодованіе не только у преданныхъ Габсбургамъ придворныхъ и въ членахъ правительства, но и во всей націи. Вѣдь не смотря на то, что испанское государство находилось въ періодѣ упадка и разложенія, въ народѣ еще не заглушили ни національная гордость, ни воспоминаніе о прежнемъ величіи. Въ душѣ каждаго Испанца еще было свѣжо сознаніе, что его отечество когда-то имѣло рѣшающій голосъ въ совѣтѣ европейскихъ государствъ, что Испанія когда-то была первой между великими державами. А теперь иноземцы хотѣли разорвать на части государство, созданное усиліями столькихъ поколѣній! Хотя деспотическое управ-

леніе Габсбурговъ и не было въ состояніи заглушить стремленія нѣкоторыхъ провинцій къ партикуляризму, хотя восточныя провинціи Арагонія и Каталонія еще не утратили наслѣдственной антипатіи къ высокому Кастиліи, но жители провинцій, прилегающихъ къ Пиренеемъ, были проникнуты инстинктивнымъ убѣжденіемъ, что съ раздѣленіемъ Испаніи на части они навсегда утратятъ и свое національное величіе и свое личное значеніе. Даже испанско-итальянскія государства не могли ожидать хорошаго отъ перемѣны династіи, потому что не смотря на ихъ неудовлетворительное положеніе въ нихъ все-таки сказывалось консервативное вліяніе двухъ-сотлѣтней привычки. А самая печальная будущность угрожала провинціямъ брабантскимъ и фландрскимъ, потому что онѣ находились промежъ двухъ жадныхъ къ завоеваніямъ великихъ державъ: съ юга имъ угрожала политическая пропаганда, а съ сѣвера религіозная.

Поэтому король Карлъ II поступилъ вполне согласно съ желаніями Испанцевъ, когда въ негодованіи на притязанія иноземцевъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ своего двоюроднаго внука, баварскаго принца Іосифа Фердинанда. Эта мѣра, устранившая вмѣшательство обѣихъ великихъ державъ, быть можетъ, могла бы мирно разрѣшить спорный вопросъ. Но случайность разрушила всѣ надежды, внушенныя политическою мудростью. Молодой принцъ внезапно умеръ отъ оспы, даже не успѣвши сѣсть на испанскій корабль, который долженъ былъ перевезти его изъ Антверпена въ его будущія владѣнія. Это неожиданное происшествіе, вызвавшее, безъ сомнѣнія, неосновательное подозрѣніе, что принцъ былъ отравленъ по приказанію своихъ австрійскихъ родственниковъ, снова открыло широкое поле для интригъ и для дипломатическихъ ухищреній; Мадридъ сдѣлался главнымъ центромъ происковъ для приверженцевъ различныхъ партій, для людей преслѣдовавшихъ личныя цѣли съ помощью заискиваній и подкупа, для составителей династическихъ и политическихъ плановъ. При этомъ возникли новые проекты раздѣла и обмѣна испанскихъ провинцій: находившемуся въ родствѣ съ французскимъ королевскимъ домомъ, герцогу Лотарингскому намѣревались отдать Бельгію или миланское герцогство съ тѣмъ, чтобъ онъ уступилъ Франціи свои наслѣдственные владѣнія; королю Португальскому намѣревались предоставить испанскую корону и т. под. Но при составленіи всѣхъ этихъ проектовъ имѣлись въ виду не столько желанія испанскаго короля и народа, сколько интересы Европы; они не вызвали сочувствія со стороны заинтересованныхъ державъ. Впрочемъ ни Леопольдъ ни Людовикъ не увлекались своимъ честолюбіемъ до того, чтобъ замышлять присоединеніе всей испанской монархіи къ своимъ собственнымъ владѣніямъ: восстановленіе всемірнаго владычества Карла V оказалось-бы въ рѣзкомъ противорѣчій съ политическими понятіями того времени. Каждый изъ двухъ монарховъ имѣлъ въ виду осно-

Новыя затруд-
ненія.

Февр. 1699.

ваніе новой династіи въ пользу побочной линіи своего дома: императоръ желалъ, чтобъ испанскія владѣнія достались его второму сыну, эрцгерцогу Карлу, а Людовикъ желалъ, чтобъ они достались его второму внуку, герцогу Анжуйскому; и въ томъ и въ другомъ случаѣ испанская монархія сохранила-бы свой прежній составъ и свою прежнюю независимость. Но при этомъ каждая изъ двухъ великихъ державъ втайнѣ стремилась къ расширенію своего могущества: императоръ желалъ приобрести миланское герцогство, а Людовикъ желалъ, чтобъ ему было предоставлено нѣчто въ родѣ протектората надъ его внукомъ и надъ испанскими владѣніями.

Гарраха и Гаркуръ.

Прежде всего нужно было склонить близкаго къ смерти испанскаго короля къ принятію какого нибудь окончательнаго рѣшенія. Достиженіе этой дѣли было возложено на посланниковъ графа Гарраха и маркиза Гаркура. Но какъ были несходны между собою эти два дипломата и какъ были они мало похожи одинъ на другого своей способностью исполнить такую важную задачу! Фердинандъ Бонавентура фонъ-Гарраха былъ пожилой мягкаго характера человекъ, уже ранѣе занимавшій постъ австрійскаго посланника въ Мадридѣ, устроившій въ то время бракосочетаніе императора и успѣвшій приобрести полное довѣріе своего государя. Леопольду нравилось общество этого добродушнаго аристократа, никогда не докучавшаго ему никакими просьбами ни за себя ни за другихъ. Отправляясь на охоту, онъ всегда бралъ съ собою Гарраха и нерѣдко откровенно бесѣдовалъ съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. У графа не было недостатка въ прозорливости, но ему не доставало энергіи и самоувѣренности. Подобно своему государю, онъ ожидалъ всего лучшаго отъ времени и отъ Бога, который «всегда придавалъ дѣламъ такой сверхъестественный оборотъ, какой былъ благоприятенъ для австрійскаго царствующаго дома». Совершенно иначе смотрѣлъ на свою задачу чрезвычайный посолъ Людовика XIV, маркизъ Генрихъ Гаркуръ. Его письма и официальные донесенія, которые недавно извлекъ изъ его семейнаго архива и издалъ Нирренх, даютъ намъ возможность яснѣе прежняго прослѣдить его дѣятельность въ Мадридѣ. Это былъ одинъ изъ представителей стариннаго французскаго дворянства, успѣвшій приобрести репутацію хорошаго воина и отличавшійся, въ качествѣ свѣтскаго человека, изяществомъ своихъ манеръ; онъ скоро приобрѣлъ въ высшемъ мадридскомъ обществѣ друзей и доброжелателей въ особенности благодаря тому, что щедрость его монарха доставляла ему возможность прибѣгать въ случаѣ надобности къ соблазнительному вліянію золота.

Смерть и завѣщаніе Карла II.

Намъ нѣтъ надобности описывать всѣ дипломатическія интриги, всѣ грязныя продѣлки, совершавшіяся съ помощью лжи и клеветы вокругъ смертнаго одра, на которомъ лежалъ послѣдній испанскій король изъ дома Габсбурговъ. Хитрый и честолюбивый архіепископъ толедскій, кардиналъ Портокарреро старался, при помощи своихъ приверженцевъ, склонить короля на сторону Франціи; королева и австрійская камарилья отстаивали интересы сына императора; Карлъ II впалъ въ глубокое уныніе. Его совѣсть пугала отвѣтственность, которую онъ возьметъ на себя, если поступить не такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ спустился въ Эскуріаль въ могильный склепъ въ на-

деждѣ, что при видѣ своихъ усопшихъ предковъ отыщетъ въ своемъ умѣ вѣрный способъ выйти изъ темнаго лабиринта; онъ приказалъ снять крышку съ гроба своей первой горячо любимой супруги и, глядя на черты ея лица, еще довольно хорошо сохранившіяся, утѣшалъ себя сладкой надеждой, что скоро съ ней соединится. Въ своей мучительной нерѣшимости онъ даже обращался къ папѣ за совѣтомъ, какое слѣдуетъ написать завѣщаніе. Въ глубинѣ своей души онъ чувствовалъ болѣе сильную симпатію къ родственной ему по происхожденію, боковой линіи австрійскаго дома; но его совѣсть не допускала и мысли о томъ, что его государство могло-бы послѣ его смерти утратить свою прежнюю цѣльность; онъ считалъ грѣхомъ и преступленіемъ раздробленіе Испаніи, которое замыслили западныя державы. Вѣнское правительство не рѣшалось занять вызывающее положеніе и прибѣгнуть къ военной демонстраціи, какъ того желалъ Карлъ II; а австрійская партія не находила со стороны Гарраха энергической поддержки, и потому не была въ состояніи взять верхъ надъ своими дѣятельными противниками. Договоры иностранныхъ державъ о раздѣлѣ Испаніи вызвали въ Мадридѣ народныя возстанія, которые напугали Карла и заставили его склониться на сторону французской партіи; приверженецъ Австріи, министръ Оропеца, былъ низвергнутъ, а власть перешла въ руки противника королевы, кардинала Портокарреро. Ненависть набожныхъ Испанцевъ къ англійскимъ еретикамъ внушала имъ расположеніе къ французскому правительству, которое хотя и замышляло раздѣлъ Испаніи, но обѣщало сохранить цѣльность государства, если все наслѣдство Карла II достанется французскому претенденту. Поэтому близкій къ смерти король сталъ все болѣе и болѣе подчиняться французскому вліянію. Только Франція казалась достаточно сильной для того, чтобъ сохранить цѣльность испанскаго государства, только она, по видимому, была способна охранять католическіе интересы Испаніи. А такъ какъ и папа высказался въ томъ-же направленіи, то слабый и больной король не былъ въ состояніи бороться съ господствовавшимъ настроеніемъ умовъ. За нѣсколько недѣль до своей смерти онъ втайнѣ подписалъ документъ, которымъ назначалъ внука Маріи Терезіи, герцога Филиппа Анжуйскаго наслѣдникомъ испанскаго престола. Подписывая этотъ документъ, онъ, какъ рассказываютъ, воскликнулъ: «Господь раздаетъ царства и отнимаетъ ихъ». На случай, если-бы назначенный наслѣдникъ отказался отъ наслѣдства или умеръ бездѣтнымъ, испанскій престолъ долженъ былъ перейти во второй линіи къ его брату герцогу Беррійскому, въ третьей линіи къ эрцгерцогу Карлу, по ни въ какомъ случаѣ не дозволялось соединять испанскую королевскую власть съ властію французскаго короля или нѣмецкаго императора. Для дальнѣйшихъ случайностей имѣлся въ виду домъ герцога Савойскаго. Испанскій Габсбургъ кончилъ жизнь

Совѣщанія въ
Фонтенебло.
9 нояб. 1700.

1 ноября 1700. До прибытія новаго короля долженъ былъ завѣдывать дѣлами управленія совѣтъ регентства (юнта), въ которомъ самымъ вліятельнымъ членомъ былъ кардиналъ Портокарреро.

Французскій дворъ находился въ Фонтенебло, когда курьеръ привезъ извѣстіе о кончинѣ испанскаго короля и о сдѣланныхъ имъ передъ смертію распоряженіяхъ. Это извѣстіе не было неожиданнымъ; французское правительство еще до его полученія обсуждало вопросъ, слѣдуетъ-ли въ союзѣ съ морскими державами приводить въ исполненіе условія втораго договора о раздѣлѣ или же слѣдуетъ исполнять оставленное Карломъ II завѣщаніе. Затрудненія увеличивались вслѣдствіе того, что Людовикъ игралъ двойную игру. Если бы онъ сталъ дѣйствовать согласно съ завѣщаніемъ умершаго короля, то онъ вооружилъ бы противъ себя Нидерланды и Англію и снова навлекъ бы на себя недовѣріе Европы. Тогда пришлось бы готовиться къ новой войнѣ. Но развѣ можно было избѣгнуть войны въ виду того, что Испанія и Австрія не хотѣли допускать исполненія договора о раздѣлѣ, а герцоги Лотарингскій и Савойскій не соглашались на обмѣнъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній? А католическій король, достигшій въ своихъ владѣніяхъ церковнаго единства съ такимъ трудомъ и цѣною такихъ жертвъ, развѣ могъ бы дѣйствовать сообща съ протестантскими державами противъ католическаго населенія Испаніи и Австріи для того, чтобы вводить такую систему политическаго равновѣсія, которая была бы для Франціи и для бургонской династіи менѣе выгодна, чѣмъ исполненіе воли завѣщателя? Между совѣтниками французскаго короля не было недостатка въ людяхъ, съ тревогой помышлявшихъ объ истощеніи страны и объ ужасахъ новой войны прежде чѣмъ успѣли залѣчить глубокія раны, нанесенныя странѣ прежними войнами. Идеи Кольбера не исчезли съ его смертію: онѣ еще жили въ его племянникѣ маркизѣ Торси и въ его двухъ зятяхъ герцогахъ Шеврѣзѣ и Бовилье; и канцлеръ Попшартренъ сознавалъ вредъ, причиненный Франціи прежней системой управленія; но, приближаясь къ старости, король становился все болѣе упрямымъ; увѣренный въ своей непогрѣшимости, онъ не терпѣлъ никакихъ возраженій; небольшой кружокъ преданныхъ ему и всегда готовыхъ исполнять его волю людей составлялъ вмѣстѣ съ г-жою Ментенонъ нѣчто въ родѣ придворнаго министерства, дѣйствовавшего помимо совѣта министровъ. Это высокомеріе властителя, впаавшаго въ самообожаніе, не позволило французскому правительству воспользоваться тѣми выгодами, которыя можно было извлечь изъ общаго желанія мира и изъ благопріятныхъ для дома Бурбоновъ случайностей.

Рѣшеніе Филиппа Анжуйскаго.

Въ глубинѣ души король съ самаго начала рѣшился воспользоваться доставленнымъ ему счастливою случайностью средствомъ увеличить славу своей династіи и усилить могущество Франціи. Но онъ

въ теченіе нѣсколькихъ дней не высказывалъ своихъ намѣреній. Онъ принялъ окончательное рѣшеніе въ пользу своего внука только послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ г-жою Ментенонъ и съ своими приближенными и послѣ того, какъ самъ герцогъ Анжуйскій горячо отстаивалъ интересы своего дома и свои права на испанское наслѣдство. Желаніе усилить могущество Франціи, равно какъ интересы католической церкви и бургонской династіи, побудили короля нарушить условія соглашенія съ морскими державами и принять къ исполненію завѣщаніе Карла II. Черезъ четыре дня послѣ того состоялось въ присутствіи всего двора торжественное провозглашеніе Филиппа Анжуйскаго королемъ Испаніи. Самъ Людовикъ сталъ обходиться съ своимъ внукомъ, какъ съ королемъ, назначалъ ему на официальныхъ приемахъ мѣсто вправо отъ себя и предоставилъ ему первенство передъ дофиномъ. Онъ, по видимому, былъ очень доволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ. Пока готовился корабль для отъѣзда новаго короля, Людовикъ давалъ своему внуку указанія и совѣты касательно обязанностей его высокаго званія, поучалъ его, какой онъ долженъ вести образъ жизни, какими правилами долженъ руководствоваться въ дѣлахъ управленія и какъ долженъ относиться къ своимъ будущимъ подданнымъ и къ Франціи. Личныя качества Филиппа Анжуйскаго, по видимому, служили одобреніемъ для сдѣланнаго Карломъ II выбора. Это былъ кроткій, правдивый человѣкъ, безукоризненно правдивый, щедрый и честный; все стороны его характера носили на себѣ испанскій отпечатокъ, перешедшій къ нему отъ матери и отъ бабушки. Даже его склонность къ меланхоліи и усиливавшаяся съ лѣтами мягкость нрава, болѣе свойственная женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ, напоминали послѣднихъ Габсбурговъ, жившихъ въ Мадридѣ; 23 января слѣдующаго года онъ высадился при громѣ пушечной пальбы на испанскую землю подлѣ Фуэнтеррабинъ, а 18 февраля былъ встрѣченъ въ Буэнь-Ретиро кардиналомъ-архіепископомъ Портокарреро, который долженъ былъ служить для него менторомъ; тогда можно бы было подумать, что важный вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ получилъ удовлетворительное разрѣшеніе. Испанія сама приняла окончательное рѣшеніе касательно своей будущности; цѣльность государства, считавшаяся Испанцами за самый священный палладіумъ ихъ національнаго достоинства, была обезпечена.

И иностранныя государства, по видимому, были расположены признать совершившійся фактъ. Однако императоръ Леопольдъ рѣшился въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть къ оружію для охраны правъ на испанскую монархію, принадлежавшихъ ему и по старымъ семейнымъ договорамъ и по распоряженію Филиппа IV, а счастливое окончаніе войнъ съ Турками внушило ему самоувѣренность и значительно усилило его авторитетъ. Но австрійское правительство такъ часто измѣняло свою политику относительно вопроса объ испанскомъ на-

1701.

Иностранныя
государства.

слѣдствѣ, а медленность и нерѣшительность вѣнскаго кабинета были всѣмъ такъ хорошо извѣстны, что другія державы не могли придавать серьезнаго значенія замысламъ императора. Отказъ императорскаго правительства отъ участія въ договорахъ о раздѣлѣ испанскихъ владѣній былъ въ сущности разрывомъ военнаго союза, заключеннаго въ Рисвикѣ. И Вильгельмъ III былъ по прежнему готовъ воспротивиться честолюбивой политикѣ Людовика XIV, въ которой усматривалъ нарушеніе трактатовъ; онъ считалъ себя лично оскорбленнымъ, обманутымъ и униженнымъ въ глазахъ Европы, но его вліяніе на европейскія дѣла было невелико: въ Голландіи, гдѣ великій пенсіонарій Гейнзіусъ дѣйствовалъ въ одномъ съ нимъ направленіи, послѣднее рѣшающее слово зависѣло отъ Генеральныхъ Штатовъ, а въ Англіи, гдѣ въ то время торіи взяли верхъ въ парламентѣ, правительство заботилось болѣе всего о торговыхъ интересахъ государства и не помышляло о военномъ вмѣшательствѣ въ континентальную политику.

Англія со времени заключенія Рисвикскаго мира.

Когда поэтъ Прайоръ привезъ въ Англію первое извѣстіе о заключеніи Рисвикскаго мира, вся нація предалась великой радости: только тогда казался обезпеченнымъ переходъ послѣдственной королевской власти въ руки протестантской династіи; главные виновники революціи вѣли надѣялись, что теперь будутъ пожнать плоды своихъ патріотическихъ усилій; ихъ вожди, принадлежавшіе къ торговымъ и финансовымъ сферамъ и къ промышленнымъ классамъ городского населенія, ожидали болѣе сильнаго развитія торговли и мореплаванія; торіи, на сторонѣ которыхъ стояли знатные землевладѣльцы, жившіе внутри страны, земленаци и англиканское духовенство, надѣялись, что послѣ столькихъ политическихъ переворотовъ начнетъ спокойная государственная жизнь и что впродъ всѣ внутренніе вопросы будутъ разрѣшаться на основаніи старинныхъ учрежденій и законовъ; только недовольные якобиты не принимали участія въ общей радости. Но скоро появились на политическомъ горизонтѣ тучи, нарушившія согласіе между королемъ и народными представителями. Вильгельмъ III, ставшій съ момента заключенія мира наравнѣ съ главными европейскими монархами, чувствовалъ себя оскорбленнымъ скупостью, съ которой парламентъ отпускалъ деньги на его расходы, позабывая, что именно ему была обязана британская нація своимъ могущественнымъ политическимъ вліяніемъ. Мы уже рапѣ имѣли случай замѣтить, что серьезный, молчаливый Вильгельмъ никогда не пользовался любовью и преданностью Англичанъ. Онъ былъ глубоко возмущенъ, когда обѣ политическія партіи одобрили внесенное въ парламентъ предложеніе распустить постоянную армію въ виду того, что послѣ заключенія мира уже не представляется надобности содержать армію для защиты страны отъ вѣнскихъ враговъ, а для внутренней безопасности достаточно одной милиціи. Узнавши объ этомъ постановленіи онъ съ извѣстной колкостью замѣтилъ, что парламентъ успѣлъ достигнуть того, къ чему король Франціи тщетно стремился въ теченіе восьми лѣтъ. Онъ считалъ содержаніе постоянной арміи за единственное средство сохранить приобрѣтенное съ большимъ трудомъ политическое могущество; напротивъ того, торіи полагали, что Англія впродъ не должна вмѣшиваться въ континентальныя дѣла, а виги держались того мнѣнія, что приобрѣтенное посредствомъ революціи 1688 года, право сопротивляться

деспотизму короля было несовмѣстимо съ содержаніемъ постоянной арміи. Парламентское рѣшеніе касалось преимущественно иностранныхъ войскъ, Королю и парто-есть голландскихъ и французскихъ эмигрантовъ, ирландскихъ и шотландскихъ добровольцевъ, благодаря преданности которыхъ удалось предпринять Вильгельму. Королю очень не хотѣлось увольнять этихъ храбрыхъ людей изъ англійской службы; но онъ безуспѣшно пытался склонить къ уступчивости парламентъ, въ которомъ торіи располагали съ 1698 года большинствомъ голосовъ; было рѣшено, что составъ арміи будетъ сокращенъ, что будетъ организована по прежнему милиція, а всѣ военныя силы Англіи будутъ состоять изъ 10,000 человекъ; парламентъ даже не пощадилъ голландскую гвардію короля. Вильгельмъ былъ такъ глубоко оскорбленъ встрѣченной оппозиціей, что намѣревался предоставить англійскую націю самой себѣ и возвратиться въ Нидерланды. Виги, еще занимавшіе большую часть министерскихъ должностей, не были въ состояніи осилить противную партію и кромѣ того не рѣшались прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ изъ опасенія совершенно утратить свою популярность. Политическія партіи скоро снова вступили между собой въ ожесточенную борьбу, напомиравшую времена Стюартовъ. Вигамъ удалось добиться отставки министра Зюндерланда, котораго они всегда считали дурнымъ совѣтникомъ короля и ненавидѣли какъ ренегата, готоваго „продать своего Бога на кусокъ хлѣба“; въ отмыченіе за это, торіи вслѣдствіи старались создавать препятствія для дѣятельности даровитаго министра Монтегю, когда онъ внесъ и отстаивалъ проектъ преобразованія остъ-индской компаніи съ предоставленіемъ ей исключительнаго права вести торговлю съ Индіей въ замѣнъ внесенной ею въ государственное казначейство значительной денежной ссуды. Вильгельмъ вслѣдствіи старался примирять противоположныя стремленія, выбиралъ своихъ совѣтниковъ между умѣренными представителями обѣихъ партій, по раздоры проникали даже въ среду его приближенныхъ. Вильгельмъ Бентинкъ, котораго король возвелъ въ званіе лорда Портланда, задалъ помѣстьями и любилъ какъ роднаго брата, оскорбился воображаемымъ предпочтеніемъ другого королевскаго фаворита Кенпеля-Альбемарля, вышелъ весной 1699 въ отставку и не согласился измѣнить свое рѣшеніе не смотря на настойчивыя просьбы короля; адмиралъ Россель, лордъ Оксфордъ подвергся такимъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны торіевъ, что счелъ благоразумнымъ отказаться отъ своей должности; отличавшійся своимъ краснорѣчіемъ и юридическими познаніями лордъ-канцлеръ Сомерсетъ и другіе его юности лордъ Шросбернъ съ трудомъ удержались на своихъ мѣстахъ въ министерствѣ и при королевскомъ дворѣ. Самая ожесточенная борьба возгорѣлась въ началѣ новаго столѣтія, когда въ парламентъ было внесено предложеніе отнять у тогдашнихъ владѣльцевъ и употребить на покрывіе военныхъ расходовъ тѣ имѣнія, которыя были конфискованы у ирландскихъ мятежниковъ и розданы королемъ, на основаніи изстаравшаго англійскаго король права, его друзьямъ и приверженцамъ и преимущественно тѣмъ офицерамъ, которые участвовали въ подавленіи мятежа. При раздачѣ тѣхъ многочисленныхъ конфискованныхъ помѣстьевъ не были забыты и многие изъ приближенныхъ короля, — Бентинкъ, Альбемарль, итатсь-дама покойной королевы Маріи, леди Виллэрсъ-Орпке, гугенотъ Рюинишъ и многие изъ храбрыхъ служителей бывшаго герцога Орпскаго; а теперь приходилось отбирать всѣ эти награды, розданныя королемъ его военнымъ товарищамъ и вѣрнымъ друзьямъ! Между тѣмъ какъ Вильгельмъ старался успокоить Ирландцевъ кроткими мѣрами для того, чтобъ державная сторона Стюартовъ, французская партія не могла снова возбудить ихъ къ возстанію, лондонскій парламентъ, изъ привязанности къ англиканской церкви, снова возбуждалъ среди Ирландцевъ неудоволь-

Янв. 1700.

Вопросъ о
наслѣдованіи
англійскаго
престола.
30 іюля 1700.

12 февр. 1701.

ствіе своимъ религіознымъ фанатизмомъ, снова старался разжечь взаимную ненависть, внушаемую различіемъ происхожденія и религіозныхъ вѣрованій. И въ Шотландіи оппозиція приобрѣла новыхъ приверженцевъ вслѣдствіе того, что англійское правительство воспротивилось основанію на Доріенскомъ перешейкѣ шотландской торговой колоніи, которая служила бы передаточною станціей между востокомъ и западомъ. И среди торіевъ и среди виговъ люди крайнихъ убѣжденій по прежнему были противниками королевскихъ прерогативъ. Дѣло дошло до того, что казалось почти невозможнымъ согласовать достоинство и авторитетъ короны съ парламентскими учрежденіями. Вожди политическихъ партій сознавали, что они могутъ повлечь короля. Это еще яснѣе обнаружилось, когда возникъ вопросъ о наслѣдованіи англійскаго престола вслѣдствіе смерти десятилѣтняго герцога Глостерскаго, который считался наслѣдникомъ престола, потому что у Вильгельма III не было дѣтей, а потомки королевы Анны рано сошли въ могилу. Сначала казалось, что разрѣшеніе этого вопроса сблизитъ короля съ націей, потому что привязанные къ англиканской церкви виги и торіи настаивали на устраниніи католическаго потомства Стюартовъ отъ престола и сходились съ Вильгельмомъ и съ его сводчицей въ убѣжденіи, что слѣдовало оставить въ силѣ основныя статьи соглашенія 1688 года; но парламентъ согласился, чтобы послѣ смерти Вильгельма и Анны королева перешла къ курфирстинѣ Софіи Брауншвейгъ-Люнебургской и къ ея потомству на такихъ условіяхъ, которыя были косвеннымъ протестомъ противъ существующаго режима: парламентъ возложилъ на наслѣдника престола обязанность принадлежать къ англиканскому вѣроисповѣданію, не покидать страну безъ разрѣшенія парламента, не имѣть при себѣ никакого совѣта министровъ, дѣйствующаго наряду съ государственнымъ совѣтомъ, и вообще во всемъ поступать по соглашенію съ двумя палатами.

Изъ конституціонной программы, которой былъ обязанъ придерживаться будущій наслѣдникъ престола, палата общинъ старалась по мѣрѣ возможности исключить личный произволъ короля; по этому поводу Ранке говоритъ: Члены палаты общинъ еще болѣе безусловно, чѣмъ когда либо, дѣлали парламентъ представителемъ національной самостоятельности. Правительство должно было навсегда очиститься отъ всякихъ иностранныхъ элементовъ и держаться издревле установленныхъ формъ; оно должно было отказаться отъ всякаго вліянія на личный составъ парламента; отъ смотрѣнія парламента впредь должны были зависѣть всѣ новыя международныя отношенія; высшее сословіе должно было подчиниться парламенту, но быть независимымъ отъ короля; англиканская церковь признавалась за національную и къ ней долженъ былъ безусловно принадлежать новый король; онъ даже былъ лишенъ права удалиться изъ страны безъ разрѣшенія парламента. Въ совокупности съ тѣмъ, что было установлено Деклараціей правъ и послѣ того въ царствованіе Вильгельма съ его согласія или противъ его воли, эти постановленія были чѣмъ-то въ родѣ такого дополненія къ парламентской конституціи, какое было въ то время желательно. Это была программа тогдашнихъ торіевъ, составлявшихъ въ парламентѣ большинство.

Король Людо-
вигъ и его со-
юзники.

При такомъ настроеніи умовъ французскому королю было не трудно склонить морскія державы къ признанію его внука королемъ Испаніи. Какъ бы сильно ни былъ раздраженъ Вильгельмъ вѣроломствомъ политики Людовика, ни англійскій парламентъ ни голландское правительство не начали бы по этому поводу войны. Въ парламентѣ подверглись сильнымъ нападкамъ договоры о раздѣлѣ, заключенные

безъ вѣдома палатъ; Голландія безъ всякихъ колебаній признала новаго испанскаго короля въ томъ предположеніи, что онъ будетъ, подобно своему предмѣстнику, не нарушать условій Рисвикскаго мира. Кромѣ того было рѣшено, для охраны границъ отъ Франціи, поставить голландскіе гарнизоны въ крѣпостяхъ Люксембургѣ, Монсѣ, Шарлеруа и нѣкоторыхъ другихъ. Но въ душѣ французскаго владѣтеля пробудилось прежнее высокомеріе; онъ снова сталъ помышлять о пріобрѣтеніи для Франціи всемірнаго владычества. Успѣхи, достигнутые его дипломатіей не только въ Испаніи, но и повсюду, усилили въ немъ увѣренность, что для него всё возможно и что онъ всё знаетъ лучше всѣхъ. Генералъ-губернаторъ испанскихъ Нидерландовъ, курфирстъ Максъ Эмануилъ Баварскій снова сталъ придерживаться старинныхъ традицій династіи Виттельсбаховъ вслѣдствіе того, что былъ недоволенъ своими родственниками—членами вѣнскаго императорскаго дома: онъ не только заключилъ съ Людовикомъ XIV оборонительный и наступательный союзъ, въ силу котораго долженъ былъ остаться на всю жизнь бельгійскимъ штатгальтеромъ и со временемъ присоединить къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ Рейнскій Пфальцъ, но и склонилъ къ вступленію въ испано-французскій союзъ своего брата Іосифа Климента, который за десять лѣтъ передъ тѣмъ получилъ, противъ желанія Франціи, архіепископство Кельнское при содѣйствіи императора и папы. И владѣтель Савойи и Пьемонта, Викторъ Амедей II согласился возобновить старый союзъ съ версальскимъ правительствомъ и этимъ отплатить за ту честь, что его дочь Луиза Габріэлла была избрана невѣстой для короля Испаніи Филиппа. Кромѣ того парижская дипломатія старалась возобновить старыя сношенія съ нѣкоторыми другими владѣтельными нѣмецкими князьями, такъ что одинъ изъ голландскихъ посланниковъ доносилъ своему правительству: «Въ Германіи во всё вѣмшивается чортъ въ образѣ французскихъ агентовъ».

Доносъ своему повелителю о благопріятномъ исходѣ парламентскихъ выборовъ и о миролюбивомъ настроеніи англійской націи, французскій посланникъ въ Лондонѣ Тальяръ высказалъ предостереженіе, что не слѣдуетъ замышлять никакихъ предпріятій, которыя могли бы раздражить Англичанъ. Но Людовикъ былъ такъ самонадѣянъ, что не обратилъ вниманія на это предостереженіе. Чѣмъ настойчивѣе Голландія и Англія заявляли, что ихъ согласіе на воцареніе Филиппа Анжуйскаго обусловлено сохраненіемъ независимости испанской монархіи, тѣмъ рѣшительнѣе обнаруживалъ Людовикъ XIV свое намѣреніе извлечь изъ совершившагося факта пользу для Франціи и считать интересы и политику двухъ королевствъ тождественными. Лишь только Филиппъ Анжуйскій успѣлъ высадиться на испанскую территорію, распространилось тревожное извѣстіе, что испанскій генералъ-губернаторъ, курфирстъ Максъ Эмануилъ неожиданно 6 февр. 1701.

Честолюбивая
политика
Франціи.

напалъ при содѣйствіи французскихъ войскъ на занятые Голландцами пограничные города и принудилъ нидерландскіе гарнизоны къ отступленію, а французскія войска вступили въ портовые города Остенде и Ньюпортъ. По мнѣнію Людовика, въ виду тѣснаго союза между Испаніей и Франціей, оказывалось совершенно излишнимъ содержаніе тѣхъ голландскихъ гарнизоновъ, которымъ было поручено охранять испанскіе Нидерланды отъ нападений со стороны Франціи. Изъ принятыхъ французскимъ королемъ насильственныхъ мѣръ было ясно видно, что онъ уже не считалъ себя обязаннымъ исполнять условія Рисвикскаго мира и что онъ намѣревался осуществить въ союзѣ съ Испаніей свою старую идею о подчиненіи всѣхъ европейскихъ государствъ преобладающему вліянію Франціи. Ни для кого не было тайной, что въ Версали намѣревались впускать въ южно-американскія гавани только французскія и испанскія купеческія суда и закрыть доступъ въ эти гавани для Англичанъ и Голландцевъ; еще болѣе раздражилъ Англичанъ слухъ, будто Людовикъ не хочетъ признавать только-что утвержденнаго парламентомъ порядка наследованія англійскаго престола и намѣревается, при содѣйствіи католиковъ и не присягнувшихъ англиканскихъ священниковъ, доставить англійскую корону принцу Вельскому. Вѣдь онъ никогда не выражалъ формальнаго признанія принца Оранскаго англійскимъ королемъ, а только призналъ, съ одобренія Іакова II, совершившійся фактъ, только обязался не оказывать поддержки тѣмъ, кто былъ не доволенъ этимъ фактомъ. Но развѣ онъ былъ обязанъ не нарушать такихъ же пассивныхъ отношеній къ будущему наследнику англійскаго престола и даже послѣ смерти Вильгельма отказывать въ своей поддержкѣ семейству Стюартовъ, отъ котораго онъ получилъ такъ много доказательствъ преданности и довѣрія? По мнѣнію Людовика, такой образъ дѣйствій былъ бы не согласенъ съ достоинствомъ французской націи и ея могущественнаго повелителя и по религіознымъ мотивамъ и по политическимъ.

Этотъ переворотъ въ политическомъ положеніи дѣлъ вызвалъ въ Англіи переворотъ и въ общественномъ мнѣніи: между парламентомъ и королемъ произошло сближеніе, потому что властолюбіе Франціи пробудило въ нихъ прежнія опасенія. Эта перемена въ настроеніи умовъ обнаружилась немедленно вслѣдъ за открытіемъ парламента: нижняя палата рѣшила, что слѣдуетъ помогать королю въ достиженіи его политическихъ цѣлей и уполномочить его на веденіе переговоровъ съ нидерландскимъ правительствомъ съ цѣлію обезпечить безопасность обоихъ государствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе европейскаго мира. Это развязало руки Вильгельму. Когда французскій посланникъ въ Гагѣ графъ д'Аво завелъ переговоры о сохраненіи мира, ему возразили, что прежде всего должны быть удалены французскіе гарнизоны и должна быть на будущее время обезпечена прежняя свобода торговли. Вильгельмъ III согласился признать новый

Перемена въ настроеніи умовъ въ Англіи и въ Голландіи.
14 февр. 1701.

Апр. 1701.

порядокъ наследованія испанскаго престола, но въ то-же время вступилъ въ сношенія съ вѣнскихъ императорскимъ правительствомъ. Уже стали появляться брошюры съ указаніями на опасности, которыми властолюбіе Людовика XIV угрожало англійской религіи, свободѣ и торговлѣ, и на необходимость предохранить Англію отъ этихъ опасностей силою оружія. Уже не считалось невозможнымъ новое французское нашествіе. Такъ какъ торіи, располагавшіе большинствомъ голосовъ въ нижней палатѣ, все еще стояли за сохраненіе мира, то въ провинціяхъ и въ столицѣ составлялись адреса, въ которыхъ доказывалась необходимость дать королю средства для оказанія помощи его союзникамъ. Виги пріобрѣтали все болѣе послѣдователей, а личное вліяніе короля усиливалось по мѣрѣ того, какъ усиливалась антипатія къ Франціи. Когда версальское правительство снова подняло вопросъ объ англійскомъ престолонаслѣдствіи и стало поддерживать не только притязанія принца Вельскаго, но и притязанія находившейся въ супружествѣ за Викторомъ Амедеемъ, принцессы Орлеанской изъ дома Стюартовъ, то въ этомъ всѣ усмотрѣли попытку Людовика XIV вовлечь и Англію въ солидарность съ бурбонской династіей. Противодѣйствіемъ противъ этихъ замысловъ было торопливое утвержденіе англійскимъ королемъ и парламентомъ постановленій о ганноверскомъ престолонаслѣдствіи. — И генеральные штаты, въ которыхъ Гейнзійусъ дѣйствовалъ исполнѣ согласно съ намѣреніями Вильгельма, оказывали упорное сопротивленіе честолюбивымъ замысламъ французскаго правительства. На конференціяхъ въ Гагѣ французскій уполномоченный д'Аво тщетно старался расторгнуть союзъ между морскими державами: ему отвѣчали, что интересы двухъ націй связаны между собою неразрывными узами. Въ одной меморіи говорилось, что властолюбіе Людовика угрожаетъ и безопасности Англіи и существованію Голландіи, что слѣдуетъ возобновить союзъ съ императоромъ и доставить австрійскому царствующему дому обладаніе Бельгіей и герцогствомъ Миланскимъ для того, чтобъ европейское равновѣсіе не было чрезмѣрно нарушено преобладаніемъ Бурбоновъ. Вильгельмъ III снова пріобрѣлъ прежній авторитетъ: и въ Англіи и въ Голландіи ему съ полнымъ довѣріемъ предоставляли окончательное рѣшеніе въ возникшихъ затрудненіяхъ; всѣ партіи, опасаясь остаться позади общественнаго мнѣнія, спѣшили выразить королю свою преданность. Люди, желавшіе сохраненія мира, все болѣе и болѣе утрачивали сочувствіе народа. Въ Гагѣ было дано знать французскому посланнику, что слѣдуетъ пригласить Австрію къ участію въ совѣщаніяхъ и что ее слѣдуетъ «удовлетворить» уступкой двухъ вышеупомянутыхъ провинцій. Но развѣ этимъ не былъ бы возбужденъ вопросъ о законной силѣ испанскаго завѣщанія? Вѣдь сохраненіе единства и цѣльности испанской монархіи было главнымъ мотивомъ предсмертныхъ распоряженій Карла II.

Июнь 1701.

Конференція въ Гагѣ.

Д'Аво былъ отозванъ 11 августа. Почти въ то-же время блестящее посольство съ лордомъ Макклесфилдомъ во главѣ (отецъ котораго былъ когда-то очень близокъ къ богемской королевѣ Елизаветѣ), отвезло въ Ганноверъ къ курфирстинѣ Софіи экземпляръ закона объ англійскомъ престолонаслѣдіи.

Курфирстини
Софіи.

Намъ уже не разъ приходилось вести рѣчь объ этой даровитой женщинѣ, оказывавшей свое покровительство Лейбниду. Когда она вступала въ гейдельбергскій замкъ въ бракъ съ княземъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ Эрнстомъ Августомъ, ее, по видимому, ожидало очень скромное общественное положеніе, потому что ея супругъ былъ только администраторомъ епископства Оснабрюкскаго. Но ему улыбнулось счастье. Послѣ смерти своего старшаго брата онъ получилъ все герцогство Брауншвейгъ-Люнебургское, а въ 1692 году императоръ возвелъ его въ званіе курфюрста. Когда посольство извѣстило уже достигшую глубокой старости Софію, что къ ней и къ ея потомству можетъ перейти наслѣдственное право на англійскій престолъ, всѣ присутствующіе съ удивленіемъ замѣтили, что она еще не утратила ни физической ни умственной бодрости. На ея ученаго друга Лейбница произвела впечатлѣніе запутанность тогдашняго положенія дѣлъ. „Прежде всего было-бы желательно“, — сказалъ онъ, — „чтобъ и въ германской имперіи было сдѣлано все необходимое для обузданія той повсюду вѣдущейся силы, которая хочетъ предписывать законы всему міру“.

Дворъ Стюарта
въ Сентъ-Жер-
менѣ.

Сохраненіе мира еще казалось возможнымъ: англійскій посланникъ лордъ Манчестеръ еще находился въ Парижѣ; вступленіе Бурбона на испанскій престолъ еще не вызывало протестовъ; съ императоромъ еще не былъ заключенъ союзъ. Французскій монархъ еще могъ обезпечить своему внуку обладаніе испанскимъ престоломъ: ему стоило только дать Голландцамъ и Англичанамъ успокоительныя обѣщанія касательно южно-американской торговли и независимости Испаніи. Хотя императоръ и началъ по собственному почину военныя дѣйствія, отправивши свои войска на ту сторону Альповъ, но это ни къ чему не обязывало морскія державы, еще не заключившія военнаго союза съ имперіей. Но именно въ то время случилось такое событіе, которое до глубины души затрогивало англійскую націю: Іаковъ II кончилъ жизнь, а Людовикъ XIV призналъ его сына англійскимъ королемъ.

Въ то время, какъ Вильгельмъ III былъ занятъ разрѣшеніемъ обще-европейскихъ вопросовъ, его тестъ и предмѣстникъ Іаковъ II часто посѣщалъ монастырь Траппистовъ и въ бесѣдахъ съ этими аскетами убѣждался въ ничтожествѣ земныхъ благъ. Еще въ мартѣ съ нимъ случился въ сентъ-жерменской капеллѣ параличный припадокъ, предвѣщавшій его скорую кончину. Въ Версали происходили совѣщанія о томъ, какъ слѣдуетъ поступить въ случаѣ его смерти. Осмотрительные люди совѣтовали не принимать никакого окончательнаго рѣшенія, пока англійскій престолъ занятъ Вильгельмомъ III, жизнь котораго не можетъ быть продолжительна по причинѣ его разстроеннаго здоровья. Но поборники легитимной королевской власти съ дофиномъ во главѣ держались мнѣнія, что для поддержанія достоинства Франціи и ея короля необходимо передать сыну Іакова II отцовскій рангъ

и отцовскія права. Такъ и было сдѣлано. Людовикъ XIV самъ объявилъ умирающему Стюарту, что въ Сентъ-Жерменѣ все останется по-прежнему и что принцъ Вельскій заступитъ мѣсто своего отца. На слѣдующій день 17 сент. 1701. Іаковъ II испустилъ духъ, а изданный вслѣдъ за тѣмъ манифестъ возвѣстилъ всему міру, что Іаковъ III — законный король Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Такимъ образомъ Людовикъ призналъ недѣйствительными всѣ парламентскія постановленія касательно англійскаго престолонаслѣдія.

Вильгельму уже не было надобности настраивать умы Англичанъ на воинственный ладъ: вся нація, за исключеніемъ якобитовъ, пришла въ негодованіе, узнавши, что версальскій властелинъ вмѣшивается въ ея внутреннія дѣла. Подобно тому, какъ онъ посадилъ на испанскій престолъ своего внука, онъ хотѣлъ посадить и на англійскій престолъ своего кліента для того, чтобъ Испанія и Англія управлялись согласно съ интересами Франціи. Переговоры съ генеральными штатами и съ императоромъ уже были доведены до такого момента, когда возможно было заключеніе въ Гагѣ того оборонительнаго и наступательнаго «великаго союза» между тремя державами, который имѣлъ громадное вліяніе на государственную и общественную жизнь Европы въ восемнадцатомъ столѣтіи. Такъ какъ нижняя палата, въ которой преобладали торіи, не достаточно горячо ратовала за войну, то королю подавались адреса, въ которыхъ говорилось, что «если онъ будетъ упорно держаться своего намѣренія спасти страну отъ папства и отъ рабской зависимости, то ему пришлютъ въ парламентъ такихъ людей, которые будутъ оказывать ему свое содѣйствіе». Вильгельмъ поспѣшилъ удовлетворить это желаніе большинства: съ одобренія большинства членовъ тайнаго совѣта онъ распустилъ парламентъ. Въ концѣ года онъ уже могъ открыть засѣданія такого парламента, который былъ готовъ идти съ нимъ рука объ руку. Весь торговый міръ, сознававшій опасность, которая угрожала его интересамъ, всячески старался дать выборамъ такой оборотъ, который соотвѣтствовалъ-бы желаніямъ націи. Двѣ остъ-индскія компаніи заключили между собою миръ въ виду серьезной опасности. Въ своемъ первомъ засѣданіи новый парламентъ постановилъ рѣшеніе, что молодой принцъ, принявшій титулъ англійскаго короля, провинился въ государственной измѣнѣ, а всякій, кто вступитъ съ нимъ въ сношенія или будетъ поддерживать его притязанія въ печатныхъ статьяхъ или въ публичныхъ рѣчахъ, будетъ подвергнутъ строгому наказанію. Въ то-же время было рѣшено набрать солдатъ для флота и сухопутной арміи, принять иностранныя войска на англійскую службу и доставить королю необходимыя средства для исполненія всѣхъ обязанностей, возложенныхъ на него союзомъ съ континентальными государствами.

Точно такъ-же, какъ и за тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ, судьбы британскаго государства и значительной части Европы находились Вильгельма III.

Расположеніе
Англичанъ къ
войнѣ.

7 сент. 1701.

Янв. 1702.

Кончина

въ рукахъ Оранскаго принца. Болѣе, чѣмъ когда-либо, его перевозили въ Англіи какъ «народнаго короля», какъ восстановители того стараго режима, при которомъ высшимъ государственнымъ закономъ служить воля народа, выраженная его легальными представителями; на европейскомъ континентѣ въ немъ надѣялись найти избавителя отъ французскихъ насилій. Тогда случайность положила конецъ его жизни. Вслѣдствіе поврежденія руки отъ паденія съ лошади на охотѣ съ нимъ сдѣлалась лихорадка, которая свела его въ могилу на пятьдесятъ второмъ году отъ рожденія. Узнавши о его смерти, Софія Шарлотта Прусская воскликнула: «Какъ жаль, что нельзя было для общественной пользы пересадить этотъ умъ въ здоровое тѣло!» Эти слова были самой вѣрной оцѣнкой личныхъ достоинствъ умершаго. Болѣзненный, худой и блѣднолицый Вильгельмъ преодолевалъ всѣ затрудненія силою своего ума и воли. Хотя Англичане никогда не питали любви и симпатіи къ молчаливому, серьезному, занимавшемуся только государственными и военными дѣлами нѣмецко-голландскому принцу, но они были очень многимъ ему обязаны. Они были ему обязаны главнымъ образомъ тѣмъ, что при немъ былъ заложенъ прочный фундаментъ для парламентскаго режима. Его всемірно-историческая миссія заключалась въ охранѣ гражданской свободы и религіозной терпимости отъ французскаго абсолютизма и отъ насильственнаго навязыванія католическихъ вѣрованій. Калвинистскій принцъ считалъ исполненіе этой задачи за указанную ему свыше цѣль его жизни. «Его жизнь производитъ впечатлѣніе поѣздки по морю промежъ опасныхъ подводныхъ камней, во время которой нерѣдко поднимаются страшныя бури, а кормчій долженъ умѣть искусно пользоваться всякой переменой въ направленіи вѣтровъ».

Послѣ смерти бездѣтнаго короля вступила на англійскій престолъ его свояченица Анна Стюартъ (род. 6 февр. 1665), на основаніи утвержденнаго въ 1688 году порядка престолонаслѣдованія; она отличалась семейными добродѣтелями, но была ограниченаго ума; съ горячай привязанностью къ англиканской церкви она соединила привѣтливость въ обхожденіи, но преждевременно состарѣлась, была непонятлива и нерѣшительна, не любила усиленныхъ занятій и не смотря на то, что не была самостоятельна въ своихъ убѣжденіяхъ, очень гордилась своимъ высокимъ положеніемъ. Первые распоряженія новой королевы, въ которой еще сохранились нѣкоторыя черты характера Стюартовъ, внушили вигамъ опасеніе, что правительство не будетъ придерживаться политики Вильгельма. Самымъ вліятельнымъ членомъ министерства былъ высокомѣрный и склонный къ интригамъ, дядя королевы, графъ Рочестеръ, а остальными совѣтниками королевы были большею частію или горячіе приверженцы торіевъ и члены высокой церкви или люди съ старыми воззрѣніями. Даже лордъ-канцлеръ Годольфьянъ, — трудолюбивый государственный человѣкъ и фп-

8 марта 1702.

Королева Анна
и Марльборо.

нансизмъ, пользовавшійся при Вильгельмѣ большимъ вліяніемъ въ совѣтѣ министровъ, — склонялся на сторону торіевъ. Если же, не смотря на такой составъ министерства, остался въ силѣ ранѣ заключенный великій союзъ и продолжалась уже начатая война, то это было дѣломъ преимущественно Марльборо и его супруги. Дочь Іакова II, какъ намъ уже извѣстно, была съ молодости связана узами любви и душевной симпатіи съ Сарой Іеннингсъ, вышедшей за мужъ за самого красиваго человѣка въ Англіи и чрезвычайно ловкаго царедворца — Джона Чёрчилля. Одаренная умомъ и силою характера, Сара прохаживалась легкою и твердою поступью по скользкой почвѣ придворныхъ интригъ. Именно благодаря контрасту между характерами этихъ двухъ женщинъ, Сара подчиняла своему вліянію нетвердую въ убѣжденіяхъ королеву. Благодаря ей и ея твердой привязанности къ воззрѣніямъ виговъ и низшаго духовенства, руководство войной и государственными дѣлами было въ теченіе десяти лѣтъ ввѣрено тому высоко-даровитому человѣку, чьи хорошія и дурныя наклонности уже были ранѣе нами указаны (стр. 378).

2. Три первыхъ года войны.

Когда король Вильгельмъ III кончилъ жизнь, война между Габсбургами и Бурбонами уже была начата. Штатгальтеръ испанскихъ Нидерландовъ быстро вытѣснилъ при помощи французскихъ войскъ голландскіе гарнизоны изъ пограничныхъ крѣпостей и восстановилъ сношенія съ Франціей; такъ же быстро двинулся герцогъ Викторъ Амедей, во главѣ савойско-французской арміи, на Миланъ, гдѣ былъ радушно встрѣченъ губернаторомъ этого города принцемъ Бодемономъ. Вслѣдъ за тѣмъ и герцогъ Мантуанскій отдалъ Французамъ свои столицы и свои владѣнія, дѣлая видъ, будто его къ тому принудили. Но императоръ Леопольдъ твердо рѣшился отстоять права своей династіи и доставить испанскій престолъ своему второму сыну Карлу. При этомъ ему благопріятствовало то обстоятельство, что Карловицскій миръ далъ ему возможность двинуть въ другое мѣсто войска, которыя были до того времени заняты въ Венгріи. А какъ велики были сила и самоувѣренность, пріобрѣтенныя этой арміей на поляхъ сраженій подъ руководствомъ превосходныхъ вождей, скоро обнаружилось на дѣлѣ. Кромѣ того, и у Австріи были союзники. Хотя измѣна баварскаго курфирста Макса Эмануэля и кельнскаго архіепископа могла создать не мало затрудненій для императорскихъ полководцевъ, за то остальные имперскіе владѣтельные князья, какъ напр.

Участвовавшіи
въ войнѣ дер-
жавы.

Апр. 1701.

16 нояб. 1700.

герцога Вюртембергский и маркграф Баденский, большею частью держали сторону Габсбурговъ, а Гота и Брауншвейгъ-Вольфенбюттель были принуждены или не отсылать набранныхъ для Франціи войскъ или присоединить ихъ къ имперской арміи. Императоръ извлекъ большія выгоды изъ того, что привлечь на свою сторону курфюрста Бранденбургскаго, согласившись превратить въ королевство принадлежавшее курфюрсту герцогство Прусское. Въ благодарность за это, Фридрихъ обязался, по заключенному въ Вѣнѣ договору, прислать императору подкрѣпленія, чтобъ отстаивать наслѣдственные права его династіи на испанскую монархію. И Георгъ Людовикъ Ганноверскій считалъ своимъ долгомъ помогать императору въ изъявленіе признательности за то, что послѣ смерти своего отца Эрнста Августа (+ 1698) былъ утвержденъ въ званіи курфюрста. Тѣмъ не менѣе не легко было-бы съ успѣхомъ вести войну съ Испаніей и съ Франціей, если бы Вильгельмъ Оранскій не заключилъ незадолго до своей смерти великаго союза, въ силу котораго обѣ морскія державы обязались доставить императору подкрѣпленія и помочь ему пріобрѣсть для габсбургскаго претендента если не всю испанскую монархію, то по меньшей мѣрѣ Миланъ и нижнюю Италію. Голландія и Англія были встревожены намѣреніемъ французскаго купечества воспользоваться тогдашнимъ положеніемъ политическихъ дѣлъ для обезпеченія въ пользу французской торговли привилегированнаго положенія въ новомъ свѣтѣ. А въ рукахъ Габсбурга, не опирающагося на союзъ съ какой либо морской державой, Испанія находилась-бы вмѣстѣ съ своими колоніями въ прежней зависимости отъ великихъ морскихъ державъ.

Военные
вожди.

Положеніе дѣлъ было, по видимому, благоприятно для Франціи: большая часть западныхъ странъ подчинялась указаніямъ, исходившимъ изъ Версали; съ швейцарскими кантонами были возобновлены старые договоры, на основаніи которыхъ не мало швейцарскихъ пѣхотныхъ полковъ стало подъ французскія знамена; изъ Бреста, Тулона и Марсели вышли въ море хорошо вооруженные военные корабли; Миланъ, Мирандола, Мантуа уже находились въ рукахъ Французовъ; французскія войска проникли до венеціанскихъ владѣній. Людовикъ XIV могъ по всѣмъ соображеніямъ ожидать новыхъ завоеваній! Но въ его расчетахъ не были приняты въ соображеніе важныя перемѣны, происшедшія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Въдѣ во Франціи уже умерли или сошли со сцены прежніе испытанные полководцы и государственные люди, между тѣмъ какъ въ противномъ лагерѣ стояли во главѣ армій такіе люди, какъ принцъ Евгенийъ и Марльборо, или какъ Антонъ Гейнзюсъ, который отличался неутомимымъ трудолюбіемъ и большими государственными дарованіями, и въ которомъ еще былъ живъ политическій геній Вильгельма III. Душою военныхъ предприятий былъ принцъ Евгенийъ. Этотъ гениальный полководецъ былъ сынъ родственника Савойской династіи, графа Суассонскаго (стр. 72)

и племянницы кардинала Мазарини, Олимпіи Манчини; онъ родился во Франціи, но скоро покинулъ свою родину, потому что его готовили къ духовному званію, между тѣмъ какъ самъ онъ мечталъ о военной славѣ, но по причинѣ небольшого роста и некрасивой наружности не могъ-бы сдѣлать блестящей карьеры во Франціи: свое влеченіе къ военному дѣлу онъ постарался удовлетворить подъ знаменами Габсбурговъ. Преимущественно его воинскимъ дарованіямъ Австрія была обязана успѣшнымъ исходомъ своихъ войнъ съ Турками, а до какого совершенства была доведена подъ его руководствомъ организація императорской арміи, ясно обнаружилось съ самаго начала войны. Французы заняли всѣ Альпійскіе проходы, черезъ которые можно было проникнуть въ Италію; но принцъ Евгенийъ перелазилъ по непроѣзднымъ тропинкамъ на ту сторону горъ, при помощи преданныхъ ему горныхъ жителей, которые доставили ему рабочихъ воловъ. Тамъ, гдѣ никогда не проѣзжала ни одна телѣга, прошла большая армія съ артиллеріей и съ обозомъ. Венгерская конница снова стала рыскасть по итальянскимъ равнинамъ. Такое-же мастерство обнаруживалъ Евгенийъ въ теченіе всей кампаніи. Разбивши (9 іюля 1701) при Карпи отдѣльный непріятельскій корпусъ, находившійся подъ начальствомъ графа Тессе, онъ отбѣснилъ непріятельскаго главнокомандующаго маршала Катина до самаго Милана, завладѣлъ Мирандой и Моденой, отразилъ преемника Катина, маршала Виллеруа, осмѣливагося напасть на его укрѣпленную позицію подлѣ Кіари (1 сентября 1701), и взялъ въ Кремонѣ въ плѣнъ своего неосмотрительнаго и неспособнаго противника. Этимъ Австрія пріобрѣла довѣріе другихъ державъ. Тогда въ Парижѣ поторопились выслать на ту сторону Альповъ подкрѣпленія и поручить главное командованіе арміей самому даровитому изъ полководцевъ того времени Вандому. Это былъ сынъ того прославившагося во времена фронды Меркѣра, который былъ правнукомъ Генриха IV и Габріэлла. Онъ, подобно маршалу Люксембургу, принадлежалъ къ старинной школѣ тѣхъ военныхъ начальниковъ, которые находили удовольствіе въ чувственныхъ наслажденіяхъ и даже въ порокахъ и полагали, что могутъ предаваться всякимъ распутствамъ лишь бы только совершали блестящіе подвиги. Новому главнокомандующему удалось пріостановить наступательное движеніе императорскихъ войскъ. И король Филиппъ V провелъ нѣсколько времени въ средѣ дѣйствующей арміи. Мантуа, которую пытался осадить Евгенийъ, была спасена: въ сраженіи при Луццарѣ было захвачено Вандомомъ много непріятельскихъ пушекъ и знаменъ, была занята Гвасталла и была восстановлена репутація французской арміи.

Тѣмъ временемъ война началась и на верхнемъ и на нижнемъ Рейнѣ. Испытанный въ войнахъ съ Турками полководецъ Людовикъ Баденскій былъ поставленъ императоромъ во главѣ имперскихъ войскъ: онъ руководилъ военными дѣйствіями въ юго-западной Германіи, ста-

Война въ Ита-
ліи.
1701. 1702.

Февр. 1702.

Авг. 1702.

Военныя дѣй-
ствія на Рейнѣ
и въ Нидерлан-
дахъ.
1702. 1703.

раясь не допустить соединенія Французовъ съ Баварцами. Курфирстъ Кельнскій былъ подвергнутъ за свою измѣну экзекуціи: его крѣпость Кейзерсвертъ была послѣ упорнаго сопротивленія взята бренденбургскими и пфальцскими войсками, къ которымъ присоединились голландскія подкрѣпленія. Вскорѣ послѣ того появился въ Нидерландахъ во главѣ шестидесяти-тысячной арміи герцогъ Марльборо. Онъ двинулся къ Маасу и къ нижнему Рейну, чѣмъ внушилъ союзникамъ бодрость духа. Не отличавшійся военными дарованіями, французскій генералъ Буффлерсъ ограничился защитой фландрскихъ и брабантскихъ провинцій, предоставивъ своему противнику полную свободу дѣйствій на берегахъ Мааса. Марльборо быстро завладѣлъ городами Венлоо, Рермондомъ, Люттихомъ и, соединившись съ прусскими и другими союзными войсками, дѣйствовалъ такъ успѣшно, что самыя важныя крѣпости и города—Гельдернъ, Рейнбергъ, Лимбургъ, Боннъ,—были заняты союзниками, а Французы были принуждены очистить все курфиршество. Самъ Іосифъ Климентъ былъ вынужденъ слѣдовать за отступавшей французской арміей и поселиться во Франціи, такъ какъ имперскій совѣтъ объявилъ его измѣнникомъ и возложилъ управление его владѣніями на мѣстный капитулъ канониковъ. Этотъ владѣтельный князь духовнаго званія самъ хвастался тѣмъ, что съ помощью Французовъ хорошо наказалъ горныхъ жителей за оказанную ими пфальцскимъ войскомъ помощь при осадѣ Кейзерсверта, — что «тамъ на протяженіи двадцати миль уже нельзя встрѣтить ни одного крестьянина». Тогда союзники взяли верхъ надъ своими противниками на всемъ протяженіи нижняго Рейна.

Но монархія Людовика XIV съ энергіей выдержала всѣ постигшія ее неудачи. Не смотря на то, что вспыхнувшее въ Лангедокѣ возстаніе камизардовъ (стр. 316) потребовало присылки регулярныхъ войскъ подъ начальствомъ маршала де-ла-Бомъ Монтревеля, Французы еще были достаточно сильны для того, чтобъ защитить испанскіе Нидерланды обширными укрѣпленіями, завладѣть подъ начальствомъ Вилларса Келемъ, въ сраженіи при Фридлингенѣ, доставившемъ Вилларсу маршальскій жезлъ, вытѣснить маркиграфа Людовика Баденскаго изъ его укрѣпленныхъ позицій и проложить себѣ дорогу въ Швабію для соединенія съ курфирстомъ Баварскимъ, завладѣвшимъ крѣпостью Ульмомъ. Между тѣмъ, главнокомандующій имперской арміи не могъ ничего предпринимать по причинѣ неспособности и неповиновенія начальника имперскихъ войскъ, генерала Стирума; имперскій сеймъ не доставлялъ ему достаточныхъ подкрѣпленій; его войска голодали и ходили въ лохмотьяхъ; его армія ежедневно уменьшалась вслѣдствіе того, что солдаты дезертировали массами; по всѣмъ этимъ причинамъ онъ не былъ въ состояніи воспротивиться соединенію Французовъ съ Баварцами.

Народная война въ Тироли. Вилларсъ предложилъ своему союзнику двинуться на Вѣну и уско-

рить взрывъ готовившагося въ Венгріи возстанія. Но это предложеніе не пришлось курфирсту по вкусу: у него были на умѣ другіе планы. Онъ полагалъ, что имѣетъ права на Тироль, который когда-то былъ несправедливо отнятъ у его династіи и обладаніе которымъ было ему обѣщано въ Парижѣ. Поэтому онъ повернулъ на югъ во главѣ арміи изъ 12,000 Баварцевъ и Французовъ. Благодаря безпечности мѣстныхъ правительственныхъ властей, не принявшихъ никакихъ оборонительныхъ мѣръ, курфирстъ нигдѣ не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія, завладѣлъ крѣпостью Куфштейномъ и занялъ Галль и Иншпрукъ. Онъ обѣщалъ Тирольцамъ справедливое и кроткое управленіе и немедленно принялъ мѣры для упроченія своего владычества въ странѣ, занявши своими войсками горныя проходы и укрѣпленные пункты. Между тѣмъ какъ Вилларсъ господствовалъ на верхнемъ и среднемъ Дунаѣ, Вандомъ долженъ былъ двинуться изъ Италіи къ Бреннеру и помочь курфирсту завладѣть этой гористой страной. Тирольцы не были довольны австрійскимъ владычествомъ, но ихъ негодованіе обрушивалось преимущественно на австрійскихъ чиновниковъ, а не на австрійскій царствующій домъ, къ которому они всегда питали непоколебимую преданность. Они даже приписывали измѣнѣ должностныхъ лицъ быстрое занятіе ихъ страны чужеземными войсками, поэтому ихъ ненависть обратилась на этихъ должностныхъ лицъ и на виѣшнихъ враговъ. Реквизиціи, которыя дѣлались по приказанію курфирста, подлили масла въ огонь. Тогда стали совершаться такія насилія, которыя напоминали самыя варварскія сцены изъ временъ нѣмецкой крестьянской войны: одинъ оберъ-вахтмейстеръ былъ застрѣленъ крестьянами на основаніи ложныхъ слуховъ; одинъ чиновникъ былъ убитъ за необдуманно сказанное слово. Короче сказать, во всемъ Тироли вспыхнуло народное возстаніе. Воодушевляясь съ одной стороны привязанностью къ Австріи, съ другой—наслѣдственною ненавистью къ сосѣдней Баваріи, альпійскіе горы стали съ своихъ высотъ и изъ своихъ ущельевъ направлять свои выстрѣлы на непріятеля и, благодаря искусно веденной партизанской войнѣ, остановили его наступательное движеніе. Натура страны служила для нихъ сильнымъ союзникомъ. Камни и обломки скалъ падали съ высотъ на проходившія войска; мосты и перекладины были сняты съ горныхъ потоковъ; укрѣпленія закрывали доступъ въ горныя проходы Бреннера, а изъ-за этихъ укрѣпленій сыпался градъ пуль. Максъ Эмануилъ былъ вынужденъ отказаться отъ своего намѣренія соединиться съ Вандомомъ подвигавшимся къ нему на встрѣчу отъ Гардскаго озера, и очистилъ горную страну, а Вандомъ, послѣ неудачной попытки завладѣть Триентомъ, двинулся обратно въ Италію, стараясь отмстить за встрѣченное сопротивленіе и за неосуществившіяся надежды страшнымъ опустошеніемъ долины Эча.

Іюнь 1703.

Ходъ дѣлъ
въ Венгрію.

Въ то время, какъ Тирольцы такъ энергично отстаивали интересы Габсбургскаго дома, въ придунайскихъ странахъ вспыхнули волненія противоположнаго характера. Вѣнское правительство намѣревалось воспользоваться своими побѣдами надъ Турками для германизации восточныхъ провинцій и для болѣе тѣснаго соединенія Венгріи и Трансильваніи съ Австріей. Оно задумало заводить во вновь занятыхъ провинціяхъ нѣмецкія колоніи при посредствѣ чиновниковъ, говорившихъ по нѣмецки и вышколенныхъ на австрійской службѣ. Предполагалось повсюду ввести нѣмецкіе порядки, а изъ нѣмецкой столицы—Вѣны сдѣлать настоящій центръ имперіи. Но эти стремленія къ объединенію послужили поводомъ для новыхъ насилій. Еще до окончанія войнъ съ Турками на Венгрію была возложена третья часть всѣхъ военныхъ издержекъ, но при этомъ не было испрошено согласіе законныхъ представителей венгерскаго королевства и не было принято въ соображеніе, что мадьярское дворянство было изстари освобождено отъ уплаты податей. Послѣ заключенія Карловицкаго мира правительство вознамѣрилось увѣнчать достигнутые результаты введеніемъ общихъ реформъ для всѣхъ провинцій. Съ этой цѣлію министерство созвало въ Вѣну на конвентъ прелатовъ, высшее дворянство и уполномоченныхъ отъ комитатовъ и предложило имъ проектъ реформъ, на основаніи котораго въ Венгрію и въ Трансильванію вводились нѣмецко-австрійскія учрежденія, управленіе и судопроизводство, и всѣ лежащія по ту сторону Лейты коронныя земли получали организацію нѣмецкой провинціи „для того, чтобы легче было вводить подати и налоги и безъ періодическаго созыва представителей отъ различныхъ сословій ввести постоянную уплату контрибуціи“. Вѣнское правительство намѣревалось совершить одинъ изъ такихъ-же насильственныхъ переворотовъ, къ какимъ оно уже прибѣгало въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ,—оно намѣревалось окончательнo включить Венгрію и Трансильванію въ составъ имперіи и вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самостоятельности венгерскаго королевства отмѣнить аугсбургское и гельведійское вѣроисповѣданіе. Германизация восточныхъ странъ, не приведенная въ исполненіе въ болѣе раннюю пору, когда національные элементы были болѣе мягки и менѣе способны къ сопротивленію, должна была теперь совершиться на развалинахъ старой національной свободы и самостоятельности и съ отмѣной религіозной автономіи. Въ случаѣ сопротивленія предполагалось воспользоваться несочувствіемъ славянскихъ племенъ къ Мадьярамъ. Этотъ планъ не удался вслѣдствіе оппозиціи духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, во главѣ которыхъ стоялъ высокій сановникъ католической церкви, архіепископъ Колоцкы Павелъ Чехени. Морскія державы и принадлежавшіе къ лютеранскому вѣроисповѣданію нѣмецкіе государственные чины предъявили протестъ противъ еретическихъ замысловъ Гранскаго архіепископа и венгерскаго кардинала—примаса. Съ тѣхъ поръ и въ Венгрію и въ Трансильванію стало сказываться сильное недовольство, не ускользнувшее отъ вниманія бдительныхъ агентовъ Людовика XIV. Французскія деньги и французскія интриги подливали масло въ огонь. Фрэнца Ракоци II, происходившаго изъ семьи, когда-то пользовавшейся сильнымъ вліяніемъ въ Трансильваніи, было рѣшено предать суду за измѣнническія сношенія съ венгерскими недовольными. Онъ бѣгствомъ избавился отъ ареста и, живя въ Польшѣ, выжидалъ благоприятную минуту для возвращенія въ свое отечество и для предъявленія своихъ наслѣдственныхъ правъ на званіе владѣтельнаго князя Трансильваніи. Въ Вѣнѣ его осудили на смертную казнь, приказали отобрать его помѣстья и назначили денежную награду за его голову. Ракоци не долго ждалъ удобнаго случая для отмщенія. Когда большая часть нѣмецкихъ войскъ была выведена изъ странъ, лежащихъ вдоль теченія Тиссы, крестьяне, раздраженные тяжестью налоговъ, подняли знамя возстанія. Къ

Ноябрь 1701.

нимъ присоединилось мелкое дворянство. Инсургенты пригласили трансильванскаго князя принять главное надъ ними начальство, а онъ принялъ это предложеніе въ надеждѣ на помощь со стороны Французовъ и Поляковъ. Тогда венгерское возстаніе приняло болѣе широкіе размѣры. Въ Вѣнѣ это возбудило тревогу: одни совѣтовали согласиться на уступки, другіе совѣтовали принять строгія мѣры. Но для этихъ послѣднихъ не было ни войскъ ни денегъ. Побѣда, которую одержалъ надъ инсургентами графъ Александръ Каролл, не имѣла серьезныхъ послѣдствій, да и самъ графъ перешелъ на сторону мятежниковъ вслѣдствіе того, что былъ обиженъ вѣнскимъ дворомъ. Тогда императоръ назначилъ принца Евгенія президентомъ военнаго совѣта и поручилъ ему разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ касательно военныхъ дѣлъ.

Весной 1703.

Курфирсту Максу Эмануилу пришлось отказаться отъ его намѣренія присоединить Тироль къ Баваріи, но онъ отъ этого не упалъ духомъ. Онъ при содѣйствіи арміи Вилларса оказывалъ энергическое сопротивленіе врагамъ, со всѣхъ сторонъ наступавшимъ на его владѣнія. Онъ удержалъ въ своей власти Куфштейнъ и Регенсбургъ, нанесъ при Гехштедтѣ пораженіе генералу Стируму, принудилъ марк-графа Баденскаго къ отступленію и вмѣстѣ съ французской арміей завладѣлъ Аугсбургомъ и Пассау. Въ Вѣнѣ очень опасались, что онъ вторгнется въ Австрію или въ Богемію и окажетъ содѣйствіе венгерскимъ недовольнымъ и мятежникамъ. Максъ Эмануилъ былъ энергиченъ и предприимчивъ: подобно тому, какъ одинъ изъ его предковъ пріобрѣлъ, сражаясь за императора, историческое значеніе для своего герцогства и для себя титулъ курфюрста, и онъ надѣялся возвысить свое положеніе, сражаясь за Францію. Въ Версали знали цѣну такому союзнику. Когда онъ сталъ не уживаться съ Вилларсомъ, этотъ послѣдній былъ отозванъ и замѣненъ болѣе сговорчивымъ Марсиномъ.—Въ то время Французы заняли выгодныя позиціи на верхнемъ и среднемъ Рейнѣ. Въ сентябрѣ была взята Вобаномъ крѣпость Альтбрейзахъ, а черезъ нѣсколько недѣль послѣ того маршалъ Талларъ нанесъ имперскимъ войскамъ при Шпейербахѣ чувствительное пораженіе и завладѣлъ городомъ Ландау. И въ Италіи французская армія одерживала верхъ надъ своими противниками. Когда версальское правительство узнало, что послѣ неудачнаго нападенія на Тироль герцогъ Савойско-Пиемонтскій намѣревается перейти на сторону императора, оно приказало Вандому потребовать распушенія герцогскихъ войскъ. Этимъ оно ускорило отпаденіе герцога отъ Франціи. Выдача дочерей за двухъ бургонскихъ принцевъ—за герцога Бургундскаго и за Филиппа Анжуйскаго не помѣшала Виктору Амедею присоединяться къ союзникамъ, которые обѣщали ему прислать вспомогательныя войска и расширить его владѣнія. Этимъ онъ навлекъ на свою страну бѣдствія войны. Вандомъ завладѣлъ укрѣпленными городами Верчелли, Монмеліаномъ, Ниццою, взялъ гарнизоны въ плѣнъ и занялъ большую часть Пиемонта, не встрѣтивши сопротивленія ни со стороны герцога ни со стороны нѣмецкихъ подкрѣпленій, которые привелъ ему генералъ Штаргембергъ.

Успѣшныя
военныя дѣй-
ствія Францу-
зовъ.

20 сент. 1703.

Сент. 1703.

Положеніе дѣлъ
на Пиреней-
скомъ полуост-
ровѣ.

Версальскій дворъ всего болѣе разсчитывалъ на Испанію. Филиппъ встрѣтилъ въ Испаніи восторженный пріемъ; въ немъ видѣли представителя идеи о національномъ единствѣ. Честолюбивый и властолюбивый кардиналъ Портокарреро, занимавшій должность председателя въ государственномъ совѣтѣ (*Dispatcho*), дѣйствовалъ въ интересахъ Франціи. Людовикъ XIV считалъ своего внука за своего подчиненнаго и постоянно давалъ ему указанія, какъ слѣдовало дѣйствовать. Къ тому же Филиппъ былъ и по своему темпераменту и по своему воспитанію такого мягкаго сговорчиваго характера, что не могъ обойтись безъ посторонняго руководителя, подчинился всякому энергически выраженному мѣтнію и въ особенности не могъ устоять противъ женскаго вліянія. Расположенный съ юныхъ лѣтъ къ меланхоліи, онъ охотно сваливалъ бремя управленія на чужія плечи; государственныя дѣла были ему противны. Поэтому не было ничего удивительнаго въ томъ, что при мадридскомъ дворѣ женщина стала играть такую же важную роль, какую играла при англійскомъ дворѣ лэди Марльборо: это была Марія Анна де-ла-Тремуть, происходившая отъ стариннаго французскаго дворянскаго рода, вступившая, послѣ смерти перваго мужа, въ бракъ съ членомъ римскаго княжескаго рода Орсини, горячо хлопотавшая при папскомъ дворѣ о переходѣ испанскаго наслѣдства къ Бурбонамъ и занимавшая при юной королевѣ должность оберъ-гофмейстерины.

Внутренніе
раздоры въ Ис-
паніи.

И Испанія съ своей стороны не могла обойтись безъ помощи Франціи; только при помощи радикальныхъ реформъ она могла бы привести въ порядокъ свои разстроенныя финансы и администрацію. Людовикъ поощрялъ своего внука въ этомъ предпріятіи и помогалъ ему своими совѣтами. Но для такихъ реформъ нужны были время, умъ и денежныя средства, а враги Испаніи уже начали подкапываться подъ непрочныя основы ея національнаго единства. Англо-голландская эскадра появилась у Кадикса и захватила въ бухтѣ Виго испанскій торговый флотъ и нагруженный серебромъ суда. Для этого успѣха союзниковъ отчасти служило противовѣсомъ то обстоятельство, что опустошеніе Андалузіи возбудило въ мѣстномъ населеніи пламенную ненависть къ «еретическимъ грабителямъ», а уничтоженіе мелкихъ судовъ съ ихъ богатымъ грузомъ причинило большой убытокъ тѣмъ англійскимъ и голландскимъ купцамъ, которые вели свои торговые дѣла подъ испанскимъ флагомъ. Тѣмъ не менѣе это были предвѣстники бурь, готовыхъ разразиться надъ полуостровомъ. Приверженцы старыхъ порядковъ ожили; въ дворянствѣ пробудились симпатіи къ Габсбургамъ; одинъ изъ первыхъ испанскихъ грандовъ, Генрикецъ де-Кабрело, герцогъ Риосекко отправился въ Лиссабонъ и сталъ тамъ хлопотать о вступленіи Португаліи въ составъ союза, составившагося противъ Франціи.

Осень 1702.

Король португальскій Донъ Педро сначала не рѣшался измѣнить свою прежнюю политику и навлечь на себя мстительность Франціи. Но предложенія морскихъ державъ были слишкомъ заманчивы: королю обѣщали не только прислать голландско-англійскую эскадру для охраны португальскихъ береговъ и отдать въ его распоряженіе значительную сухопутную армію, но также расширить его владѣнія, а англійскій посланникъ Метвенъ предлагалъ очень выгодное для Португальцевъ торговое соглашеніе касательно вывоза винъ и ввоза шерсти. Тогда Донъ-Педро вступилъ въ число участниковъ союзнаго договора; вскорѣ послѣ того англо-голландскимъ дипломатамъ удалось вывести вѣнское правительство изъ его выжидательнаго положенія и склонить императора и римскаго короля Іосифа къ уступкѣ ихъ правъ на испанскую монархію эрцгерцогу Карлу и къ отправкѣ этого послѣдняго на Пиренейскій полуостровъ въ качествѣ законнаго наслѣдника всѣхъ испанскихъ владѣній; съ этого момента Португалія сдѣлалась сборнымъ пунктомъ для тѣхъ армій, которыя принимали участіе въ войнѣ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Восемнадцатилѣтній принцъ направился черезъ сѣверную Германію въ Гагу. При вѣмецкихъ дворахъ его принимали съ самой блестящей торжественностью. Голландскій флотъ долженъ былъ перевезти его къ берегамъ Таго, но сильныя осеннія бури замедлили его отъѣздъ. Только въ январѣ слѣдующаго года онъ могъ переправиться въ Англію, гдѣ королева и виги оказывали ему большой почѣтъ, а изданныя якобы брошюры подсмѣивались надъ нимъ, называя его «католическимъ королемъ милостію еретиковъ»; 8 марта онъ прибылъ въ Лиссабонъ съ англійско-голландской эскадрой, находившейся подъ начальствомъ генерала Фегеля и герцога Шомберга, отецъ котораго когда-то игралъ выдающуюся роль въ войнѣ за независимость Португаліи. По своему характеру и по своимъ умственнымъ способностямъ Карлъ не стоялъ много выше своего французскаго соперника. Они оба были отъ природы люди добродушные, нравственные и добросовѣстные, но въ ихъ характерахъ не было ни самостоятельности ни влеченія къ великимъ подвигамъ; Бурбонъ подчинился вліянію княгини Орсини, а Габсбургъ—вліянію своего умственно-ограниченнаго, мелочнаго оберъ-гофмейстера, князя Аптона Флоріана Лихтенштейна. Даже выборъ полководцевъ Карла—своеправнаго Фегеля и неопытнаго, нерѣшительнаго Шомберга,—былъ очень неудаченъ.

Присоединеніе
Португаліи къ
союзу.

16 мая 1703.

16 сент. 1703.

Король
Карлъ III.

8 марта 1704.

Знаменитый договоръ съ Метвеномъ, сдѣлавшій имя англійскаго посланника бессмертнымъ въ исторіи европейской торговли, считался очень выгоднымъ и на берегахъ Темзы и на берегахъ Таго. Онъ былъ благоприятенъ для ввоза португальскихъ винъ въ Англію, потому что уменьшалъ наложенныя на этотъ продуктъ пошлины; съ другой стороны онъ допускалъ доставку на португальскіе рынки только англійской шерсти; стало-быть онъ былъ выгоденъ съ одной стороны для аристократовъ, владѣвшихъ виноградниками на берегахъ Таго и Дуэро, съ другой стороны для англійскихъ землевладѣльцевъ, занимавшихся овцеводствомъ. Но съ теченіемъ времени обнаружилось, что этотъ торговый до-

Договоръ съ
Метвеномъ.
27 авг. 1703.

говоръ былъ очень невыгоденъ для Португаліи и что онъ ставилъ ее въ полную зависимость отъ Англіи. Ноорденъ говоритъ, что послѣдствіе увеличившагося вывоза винъ, зажиточные классы стали заниматься разведеніемъ обширныхъ виноградниковъ и скупать участки мелкихъ земледѣльцевъ. Тогда португальская почва стала давать винограды въ такомъ количествѣ, которое превышало заграничныя требованія, а между тѣмъ она уже не удовлетворяла государственныхъ потребностей въ разведеніи скота и зернового хлѣба. Промышленность пришла въ упадокъ вслѣдствіе того, что капиталы получали другое назначеніе, и Португалія очутилась въ зависимости отъ иностранныхъ государствъ, снабжавшихъ ее не только шерстью, но и всѣми другими промышленными продуктами. Послѣ того, какъ по этимъ причинамъ пришелъ въ Португалію въ упадокъ и сельское хозяйство и промышленность, стали разоряться и самые зажиточные люди.

3. Отъ битвы при Гехштедтѣ до битвы при Мальплаке.

Въ началѣ 1704 года произошла важная перемѣна въ ходѣ военныхъ дѣйствій. Курфирста Макса Эмануила не могли оторвать отъ союза съ Франціей ни увѣщанія императора и имперскихъ владѣтельныхъ князей, ни угроза занять баварскія владѣнія нѣмецкими, богемскими и датскими войсками. Тогда принцъ Евгенийъ, стоявшій во главѣ всѣхъ военныхъ силъ Австріи, задумалъ совокупное нападеніе всѣхъ союзниковъ на французско-баварскую армію съ цѣлію отнять у нея возможность участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя велись въ южной Германіи вплоть до венгерской границы. Онъ обратился изъ Вѣны къ начальнику англо-голландской арміи съ приглашеніемъ придти къ нему на помощь въ южную Германію. Марльборо охотно согласился на это. Онъ вполне раздѣлялъ мнѣніе принца Евгения, что слѣдовало попытаться нанести непріятелю рѣшительный ударъ. Но ему было нелегко преодолѣть лежавшія на пути препятствія: въ Англіи вражда между торіями и вигами, между приверженцами англиканской церкви и диссентерами достигла высшей степени, а такъ какъ силы враждующихъ между собою партій были почти одинаковы, то Марльборо могъ удержаться на своемъ посту только благодаря личному заступничеству королевы; ему нужны были блестящіе военные успѣхи для того, чтобъ въ Англіи не угасло намѣреніе продолжать континентальную войну, но въ Амстердамѣ акуратно вели счетъ суммамъ, которыя истрачивались на охрану австрійскихъ интересовъ. Правители голландской республики не хотѣли принимать въ соображеніе того обстоятельства, что положеніе, которое занимала баварско-французская армія въ самомъ центрѣ имперіи, истощало силы союзниковъ. Такъ какъ они были кальвинисты, то они отпосились равнодушно къ затруднительному положенію Австріи, угнетавшей ихъ единовѣрцевъ въ Венгріи. Англійскому главнокомандующему удалось привести въ исполненіе задуманный имъ вмѣстѣ съ принцемъ

Евгениемъ планъ военныхъ дѣйствій только благодаря тому, что онъ говорилъ о своемъ намѣреніи сдѣлать экскурсію къ берегамъ Мозеля, а свою настоящую цѣль отъ всѣхъ скрывалъ. Къ счастью для союзниковъ, Людовикъ XIV возложилъ на выпущеннаго Австріяками изъ плѣна, неспособнаго генерала Виллеруа главное командованіе тѣми бельгійскими и французскими войсками, которымъ приходилось сражаться съ войсками голландскаго генерала Уверкерка, которому была поручена защита Нидерландовъ послѣ удаленія Марльборо. Когда англо-голландскій главнокомандующій двинулъ свою армію отъ береговъ Мозеля къ берегамъ Рейна и Неккара, во Франціи стали догадываться о его намѣреніяхъ и король Людовикъ рѣшился послать сильныя подкрѣпленія своему союзнику, дѣйствовавшему въ области верхняго Дуная. Маршалу Тальяру удалось пробраться во главѣ значительной арміи сквозь окруженную окопами Адскую долину и сквозь боковыя долины Шварцвальда и соединиться съ курфирстомъ и съ Марсиномъ подлѣ Биллингена. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того и Марльборо соединился съ принцемъ Евгениемъ подлѣ Гросгенпахъ въ вюртембергскихъ владѣніяхъ.

Мужественная, красивая внѣшность англійскаго лорда производила болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ непривлекательная и даже почти уродливая внѣшность императорскаго главнокомандующаго; и дипломатически-ловкое, проникнутое сознаніемъ собственного достоинства, обхожденіе Марльборо рѣзко отличалось отъ простаго, скромнаго обхожденія принца Евгения, пренебрегавшаго соблюденіемъ какихъ-либо формальностей. Тѣмъ поразительнѣе было сходство этихъ двухъ великихъ людей по ихъ внутреннимъ свойствамъ. Оба они соединяли смѣлый пропитательный умъ съ живымъ воображеніемъ, сознательную волю съ безграничной отвагой въ дѣйствіи, умѣнье пользоваться благоприятнымъ моментомъ съ яснымъ пониманіемъ неизбежныхъ послѣдствій. Оба они успѣли приобрести глубокое знаніе чело-вѣческой природы, оба окрѣпили душою на поляхъ сраженій и изощрились при европейскихъ дворахъ въ умѣнии обходиться съ людьми. Въ нравственномъ отношеніи, прямодушный, правдолюбивый Евгенийъ стоялъ много выше своего англійскаго боеваго товарища, изощрившагося въ искусствѣ притворяться. Третій начальникъ имперскихъ войскъ, Людовикъ Баденскій блестялъ только своей старой военной репутаціей: его методически-осмотрительная манера вести военныя дѣйствія представляла контрастъ съ гениальной стратегіей, съ смѣлой предпримчивостью другихъ двухъ полководцевъ, а его заброшенная, пужавшаяся во всемъ необходимомъ, армія была вѣрнымъ изображеніемъ тогдашняго плачевнаго положенія нѣмецкой имперіи.

Въ Гросгенпахѣ было условлено, что Евгенийъ будетъ защищать укрѣпленныя линіи союзниковъ противъ французской рейнской арміи, а войска морскихъ державъ и имперская армія предпримутъ нападеніе на баварско-французскую армію, занимавшую укрѣпленный лагерь за Донаувэртомъ. Такъ какъ переговоры, начатыя при посредничествѣ Бранденбурга между императоромъ и курфирстомъ, не удались по причинѣ чрезмѣрныхъ притязаній этого послѣдняго, то союзники напали на непріятельскія войска, стоявшія на Шеллен-

Май 1704.
12 іюня.

Три полков-
водца.

Походъ на
Дунай. 1704.

2 июля 1704. бергъ позади крѣпкихъ окоповъ. Послѣ упорнаго боя, баварскій генераль графъ Арко былъ принужденъ къ отступленію, походившему на бѣгство; во время этого отступленія, его преслѣдовала англійская кавалерія. Изъ 10.000 Баварцевъ спаслась только третья часть; остальные были частью взяты въ плѣнъ, частью погибли въ волнахъ Дуная. Марльборо перешелъ черезъ Лехъ и проникъ во владѣнія курфюрста. Максъ Эмануилъ былъ увѣренъ, что скоро загладитъ всѣ неудачи, такъ какъ къ нему шла на помощь главная французская армія. Всѣ предвѣщало скорую развязку. Маршаль Тальяръ, отличавшійся не столько военными сколько дипломатическими дарованиями, сказалъ, обнимая подлѣ Аугсбурга союзника своего короля, что предстоитъ такая битва, которая «будетъ Фарсаломъ всей войны». Онъ конечно воображалъ, что роль Цезаря выпадетъ на долю версальскаго властелина. Но на дѣлѣ вышло иначе. Евгенийъ поручилъ охрану рейнской границы нѣсколькимъ небольшимъ отрядамъ, а съ своими главными силами двинулся внизъ по теченію Дуная съ цѣлю соединиться съ Марльборо и съ Людовикомъ Баденскимъ. Мѣшкотность и нерѣшительность этого послѣдняго уже не разъ были причиной столкновеній и споровъ между нимъ и Марльборо, а теперь онъ сталъ настаивать на необходимости предварительно завладѣть крѣпостью Ингольштадтомъ. Принцъ Савойскій, которому было предоставлено Леопольдомъ право распорядиться по его усмотрѣнію всѣми императорско-нѣмецкими войсками, воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отдѣлить своенравнаго Людовика Баденскаго съ 20.000 человекъ отъ главной арміи и поручилъ ему осаду Ингольштадта. Тогда Марльборо и Евгенийъ рѣшили соединить свои арміи на равнинѣ, которая тянется выше Донаувёрта по обоимъ берегамъ рѣки въ направленіи къ Гёхштедту и къ Диллингену. Евгенийъ съ удивительной смѣлостью и съ удивительнымъ стратегическимъ искусствомъ защищалъ сѣверный берегъ Дуная отъ вчетверо болѣе сильныхъ Баварцевъ и Французовъ, пока Марльборо не присоединился къ нему со всей англо-голландской арміей; тогда всѣ войска союзниковъ могли занять равнину между цѣпью горъ и берегомъ рѣки. Занимая свои позиціи, они не встрѣтили никакого сопротивленія, потому что въ баварско-французской главной квартирѣ не имѣлось отъ лазутчиковъ точныхъ свѣдѣній объ ихъ движеніи. Принцъ Евгенийъ занялъ позиціи подлѣ Гёхштедта, гдѣ въ предшествовавшемъ году былъ разбитъ Штирумъ, и въ деревнѣ Люцингенѣ, а Марльборо въ сѣверо-восточномъ направленіи подлѣ деревни Блиндгеймъ (Бленгеймъ). Тамъ-то

Битва при Гёхштедтѣ (Бленгеймъ).

13 авг. 1704.

и произошла въ жаркій августскій день та знаменитая битва, которая была названа въ нѣмецкой исторіи по имени городка Гёхштедта, а въ англійской исторіи по имени мѣстечка Бленгейма; это было настоящее международное побоище, потому что въ немъ участвовали войска различныхъ странъ, говорившія на различныхъ язы-

кахъ. Въ теченіе почти цѣлаго дня ожесточенная борьба не приводила ни къ какому рѣшительному результату; наконецъ къ вечеру Марльборо далъ ей иное направленіе, измѣнивши первоначальный планъ нападенія. Вслѣдствіе стремительнаго нападенія конницы, велѣдъ за которой быстро двигалась пѣхота, были прорваны ряды арміи Тальяра, правое крыло Марсина было обойдено, а батальоны храбраго полковника Бленвилля были вытѣснены изъ деревни Оберглаугеймъ. Въ тоже время на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ, гдѣ командовалъ Максъ Эмануилъ, Евгенийъ нанесъ непріятелю рѣшительные удары и принудилъ его при наступленіи сумерекъ къ отступленію. Послѣ того, какъ братъ Марльборо, генераль Черчилль взялъ приступомъ укрѣпленную и упорно обороняемую деревню Блиндгеймъ, французско-баварская армія была принуждена сдаться на капитуляцію на условіяхъ, предписанныхъ вождями союзниковъ. Евгенийъ и Марльборо одержали побѣду въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Болѣе 30.000 убитыхъ и раненыхъ лежали на полѣ сраженія; 15.000 Французовъ, и въ томъ числѣ самъ Тальяръ, сдались въ плѣнъ. Со временъ Рихельё это былъ первый тяжелый ударъ, нанесенный военному могуществу Франціи и французской монархіи; въ религиозныхъ сферахъ Франціи всѣ были удивлены тѣмъ, что «Богъ взялъ сторону еретиковъ и узурпаторовъ». Имя Марльборо долго съ ужасомъ произносилось во Франціи.

И для жившихъ въ Англіи политическихъ единомышленниковъ Марльборо бленгеймская битва была побѣдой. Съ той минуты, какъ его супруга получила отъ него написанное карандашемъ на полѣ битвы извѣщеніе объ одержанной побѣдѣ, государственное управленіе перешло въ руки вивговъ, Рочестеръ сталъ ходить повѣся голову, а послѣднее рѣшающее слово стало выходить изъ устъ Годольфина. Въ Гагѣ пробудился воинственный энтузіазмъ и голландскую республику какъ будто озарила вѣтерная заря великой воинственной политики семнадцатаго столѣтія. Зимній походъ, предпринятый Марльборо на Мозель и его вступленіе въ Триръ были всего болѣе выгодны для генеральныхъ штатовъ; а побѣда при Гёхштедтѣ была всего болѣе выгодна для императора Леопольда. Между тѣмъ какъ Максъ Эмануилъ былъ вынужденъ отступать вслѣдъ за французской арміей сквозь ущелья Шварцвальда въ направленіи къ Рейну, а побѣдители медленно преслѣдовали его, императорскія войска завладѣли баварскими провинціями, принудили курфюрстиниу возвратитъ захваченные ея супругомъ города Аугсбургъ, Регенсбургъ, Пассау и позволяли себѣ всякаго рода угнетенія и вымогательства; въ то-же время вѣнское правительство обратилось съ угрозами къ венгерскимъ инсургентамъ.

Послѣдствія битвы.

Подъ предводительствомъ Ракоци эти инсургенты уже угрожали австрійскому владычеству въ придунайскихъ странахъ. Въ Баваріи уже вспыхивали волненія среди крестьянъ и гражданъ, доведенныхъ до отчаянія тяжестью налоговъ, военныхъ повинностей и рекрутскихъ наборовъ, когда императоръ Леопольдъ I кончилъ жизнь, а на императорскій престолъ вступилъ его старшій сынъ Іосифъ I,

Смерть Леопольда и его характеръ.

5 мая 1705.

уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ признанный курфирстами за римскаго короля. Мы уже ранѣе познакомились съ габсбургскимъ властелиномъ въ различные эпохи его жизни — и въ дни счастья и въ минуты опасностей. Никто не былъ менѣе его достоинъ прозвища Великаго, которое было ему дано лѣстивыми историками. Онъ былъ человѣкъ ограниченаго ума, осторожный, нерѣшительный и въ теченіе всей своей жизни подчинявшійся вліянію своихъ придворныхъ и совѣтниковъ и въ особенности вліянію того іезуита, который былъ его духовникомъ. Подобно своему предку Фридриху III, онъ полагался на судьбу въ суевѣрномъ убѣжденіи, что въ случаѣ крайней опасности совершится божеское «чудо» и спасетъ Австрію. Этотъ слабохарактерный, подчинявшійся клерикальнымъ вліяніямъ монархъ занимался исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, охотой, музыкой и педантическимъ соблюденіемъ испанскаго придворнаго этикета гораздо охотнѣе, чѣмъ военнымъ устройствомъ и государственными дѣлами. Хотя Австрія и сдѣлалась болѣе могущественной въ его продолжительное царствованіе, но она была этимъ обязана не его личнымъ заслугамъ, а великимъ полководцамъ, въ особенности Евгению Савойскому, равно какъ стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ и ошибкамъ своихъ враговъ. Военная политика нисколько не измѣнилась со вступленіемъ на престолъ новаго императора. Живой подвижной умъ императора Іосифа I имѣлъ такъ-же мало сходства съ умственной вялостью его отца, какъ его высокой станъ, его склонность къ верховой ѣздѣ, къ охотѣ, къ танцамъ, его веселый характеръ имѣли мало сходства съ маленькой ничего невыражавшей фигурой и съ меланхолическимъ характеромъ его предѣстника; онъ охотно возобновилъ заключенный его отцомъ союзъ, а свое полное довѣріе возложилъ на своего друга принца Евгенія. Болѣе либеральное образованіе возвысило и облагородило его умъ; онъ обнаруживалъ терпимость въ религіозныхъ дѣлахъ и не подчинялъ ни самого себя ни свое управленіе вліянію духовенства и іезуитовъ. Однимъ изъ его первыхъ дѣлъ было возведеніе Марльборо въ званіе имперскаго князя.

Императоръ
Іосифъ I.
1705—1711.

Примиритель-
ная политика
въ Венгріи.

Въ Венгріи онъ старался, при посредничествѣ морскихъ державъ, возстановить внутреннее спокойствіе — прекратилъ тамъ религіозныя притѣсненія, обезнечилъ ненарушимость старинныхъ правъ, а тѣмъ, кто положилъ оружіе, обѣщалъ амнистію. Хотя Ракоци, частію изъ личнаго честолюбія, частію подъ вліяніемъ французскихъ обѣщаній и интригъ, отвергнулъ морныя предложенія и не отказывался отъ намѣренія пріобрѣсти княжескій престолъ Трансильваніи для себя и для своего потомства, но себялюбивые венгерскіе магнаты, желавшіе отдѣленія отъ Австріи и поддерживавшіе возстаніе въ Трансильваніи изъ своихъ личныхъ интересовъ, все болѣе и болѣе утрачивали народное довѣріе и вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятную почву для своей революціонной дѣятельности. Императорскій манифестъ разрушилъ замыслы «конфедератовъ», давши успокоительное обѣщаніе, что «наслѣдственное право императорскаго дома на венгерскую корону никогда не приведетъ къ нарушенію правъ и вольностей, принадлежащихъ венгер-

скому королевству; въ то-же время генераль Гербевицъ, совершивши мас-терской переходъ черезъ степи и болота, завладѣлъ горными проходами, ведущими въ Трансильванію; тогда авторитетъ габсбургской династіи сталъ мало по малу снова упрочиваться въ восточныхъ странахъ, такъ что было достаточно небольшихъ военныхъ отрядовъ для охраненія тамъ спокойствія и порядка и для борьбы съ приверженцами Ракоци, а остальные войска можно было употребить на войну съ Франціей.

Въ то-же время на регенсбургскомъ сеймѣ было рѣшено, по предложенію Іосифа I, подвергнуть опалѣ баварскаго курфирста Макса Эмануила, который, соединившись съ Вилларсомъ, принялъ главное командованіе надъ французско-испанскими войсками и угрожалъ нидерландскимъ границамъ; такому-же наказанію былъ подвергнутъ князь-архіепископъ Кельнскій, все еще жившій во Франціи. Оба они были лишены своего званія имперскихъ владѣтельныхъ князей и своихъ ленныхъ владѣній: верхній Пфальцъ былъ обратно отданъ Рейнскому пфальцграфу, нѣкоторыя пограничныя области у береговъ Инна были присоединены къ Австріи, остальные провинціи были подчинены императорскому намѣстнику, а супруга курфирста была принуждена спасаться бѣгствомъ въ Миланъ. И эти мѣры, считавшіяся подготовкой къ присоединенію всей Баваріи къ Австріи, и бремя продолжительныхъ военныхъ издержекъ, налоговъ и военныхъ поборовъ довели негодованіе баварскихъ патриотовъ до послѣдней крайности. Они организовали союзъ «защитниковъ страны» и возбудили возстаніе, которое скоро распространилось, подъ руководствомъ уволенныхъ отъ службы солдатъ, по всей верхней и нижней Баваріи. Но вслѣдствіе неурядицы и вслѣдствіе того, что въ ихъ собственныхъ рядахъ нашлись измѣнники, плохо вооруженные баварскіе инсургенты были разбиты австрійскими войсками при Зендлингенѣ и оставили на полѣ сраженія 2000 убитыхъ и раненыхъ. Взятые въ плѣнъ Баварцы были привязаны къ деревьямъ, вожди инсургентовъ были лишены жизни подъ ударами меча, родственники курфирста были уведены въ качествѣ заложниковъ, а прежній угнетеніе еще усилились. Средъ баварскаго народа долго сохранялись рассказы о гигантѣ Schmiedbalthes (Бальтазарѣ Мейерѣ), который, послѣ многихъ подвиговъ, совершенныхъ подъ стѣнами Вѣнграда, былъ проколотъ копьемъ при Зендлингенѣ и даже умирая не выпускалъ изъ рукъ знамя съ изображеніемъ льва.

Изгнаніе Ват-
тельсбаховъ
Возстаніе въ
Баваріи.

Май 1706.

Между тѣмъ военныя дѣйствія не прекращались въ при-рейнскихъ и при-мозельскихъ странахъ, въ Итадіи, въ Испаніи и на моряхъ. Предложеніе имперскаго маршала Людовика Баденскаго проникнуть соединенными силами черезъ верхній Рейнъ въ Эльзасъ не было одобрено; напротивъ того, Марльборо намѣревался прежде всего обезпечить безопасность Нидерландовъ, а потомъ проникнуть во Францію изъ Трира черезъ Лотарингію. Это намѣреніе онъ привелъ въ исполненіе: онъ двинулся къ Мозелю во главѣ англо-голландской арміи, къ которой маркграфъ присоединилъ часть своихъ имперскихъ войскъ. Но и Людовикъ XIV двинулся на сѣверъ свою заново-организованную главную армію, а начальство надъ нею поручилъ маршалу Вилларсу, который снискалъ его довѣріе успѣшнымъ окончаніемъ войны съ камизардами. Изъ Сирка, бѣдъ былъ устроенъ и мало по малу укрѣпленъ военный лагерь, предполагалось охранять лотарингскую границу отъ Тіонвилля до Саарлуи; Вилларсъ, послѣ взятія города Гюи, двинулся къ берегамъ Мааса и угрожалъ Люттиху, а

Продолженіе
войны. Битв.
при Рамальи
1705. 1706

Июнь 1705. другіе военные отряды должны были защищать Эльзасъ противъ Людовика Баденскаго. Въ іюнь оба главнокомандующихъ—Марльборо и Вилларсъ подошли одинъ къ другому такъ близко, что можно было ожидать новой битвы; но англійскій герцогъ, не получившій достаточныхъ подкрѣпленій изъ Германіи и Голландіи, счёлъ неблагозвучнымъ вступать въ бой съ болѣе многочисленной непріятельской арміей, къ которой безпрестанно присоединялись новые отряды. Онъ отступилъ къ Нидерландамъ и доставилъ своему противнику возможность хвастаться его успѣшными военными дѣйствіями противъ побѣдителя при Бленгеймѣ. Но торжество этого противника было не продолжительно. Марльборо настоялъ на томъ, чтобъ генеральные штаты отправили въ армію такихъ военныхъ комиссаровъ, какихъ онъ желалъ, затѣмъ выступилъ весною въ походъ противъ французско-бельгійской арміи, расположившейся неподалеку отъ береговъ Дилы подъ начальствомъ курфирста Баварскаго и генерала Виллеруа. При Рамилъи произошла битва, въ которой герцогъ одержалъ новую блестящую побѣду благодаря своимъ дарованіямъ полководца и благодаря храбрости своей превосходной кавалеріи. Побѣжденная армія отступила въ безпорядкѣ къ Лёвену, оставивъ въ рукахъ союзниковъ боевыя орудія, знамена, военные запасы и много плѣнныхъ, а эти союзники не замедлили воспользоваться достигнутымъ успѣхомъ и разстройствомъ непріятеля. Черезъ два дня послѣ битвы Марльборо вступилъ въ Лёвенъ; ему сдались Мехельнъ, Брюссель, Гентъ и Брюгге; Карла III повсюду провозглашали королемъ Испаніи и владѣтелемъ Нидерландовъ; брабантскіе государственные чины принесли ему вѣрноподданническую присягу. Только нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ оставались въ рукахъ французскихъ гарнизоновъ; битва при Рамилъи избавила испанскіе Нидерланды отъ опасности сдѣлаться французской провинціей.

Битва при Рамилъи имѣла рѣшающее вліяніе не только на судьбу Фландріи и Брабанта, но также на судьбу той страны, которая не менѣе часто, чѣмъ фландрская равнина, была театромъ борьбы между Франціей и Габсбургами,—на судьбу Ломбардіи. Намъ уже извѣстно, что Вандомъ завладѣлъ болѣею частию герцогства Савойско-Піемонтскаго; племянникъ французскаго военнаго министра Шамильяра, герцогъ де-Фельяръ, пришедшій на помощь къ французскому главнокомандующему съ новыми подкрѣпленіями, былъ занятъ осадой Турина, взятіемъ котораго должно было завершиться завоеваніе герцогства; между тѣмъ самъ Вандомъ охранялъ миланскую область и сосѣднія страны вплоть до береговъ Эча, отражая при Кассано и въ другихъ пунктахъ нападенія императорской арміи; но именно въ то время, когда въ Верону прибыли давно ожидаемыя подкрѣпленія для императорской арміи, маршалъ былъ отозванъ Людовикомъ XIV для защиты сѣверныхъ границъ Франціи, такъ какъ общественное мнѣніе

указывало на него, какъ на единственнаго чловѣка, способнаго исполнить эту важную миссію. Прусскія войска, которыми командовалъ опытный полководецъ Леопольдъ Ангальтъ-Дессаусскій и къ которымъ присоединились отряды саксонскіе, пфальцскіе и гессенскіе, проникли въ Италію черезъ тѣ тирольскія равнины, которыми за два года передъ тѣмъ пытались завладѣть Баварцы и Французы. Принцъ королевской крови, герцогъ Орлеанскій, былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянской арміи, а его помощникомъ былъ назначенъ мало-способный Марсинъ. Вандомъ сознавалъ опасное положеніе этой арміи: онъ самъ былъ вынужденъ уступить великому императорскому полководцу свою прежнюю позицію при Цевіо на нижнемъ Эчѣ и отступить за Минчіо, а развѣ его неопытный преемникъ и первѣшительный помощникъ этого преемника были въ состояніи бороться съ первымъ полководцемъ того столѣтія? Они заботились только объ охранѣ Милана и о взятіи осажденнаго Турина и не послѣдовали совѣту уѣзжавшаго Вандома воспротивиться дальнейшему движенію Евгенія на западъ; напротивъ того, они соединили свои войска съ осаждавшей Туринъ арміей, которая вслѣдствіе этого увеличилась до 80,000. Евгеній безостановочно подвигался по южной сторонѣ По въ параллельномъ съ ними направленіи, безпрепятственно перешелъ черезъ Танаро и, соединившись съ Викторомъ Амедемъ, сталъ наступать на непріятеля, который ожидалъ его передъ Туриномъ позади своихъ окоповъ. Герцогъ Орлеанскій намѣревался вступить съ Евгениемъ въ бой въ открытомъ полѣ, но на это не соглашался Марсинъ, который въ теченіе всей кампаніи тревожился мыслию о скорой смерти и былъ совершенно лишенъ энергіи. Подъ стѣнами Турина Французы потерпѣли второе въ этомъ роковомъ году пораженіе. Пруссаки, стоявшіе на лѣвомъ крылѣ, первые двинулись впередъ подъ предводительствомъ Леопольда Дессаусскаго; битва кончилась тѣмъ, что союзники взяли приступомъ непріятельскіе окопы. Бѣгство непріятеля скоро сдѣлалось всеобщимъ. Только треть его арміи успѣла укрыться въ пограничной крѣпости Пинероло, остальные двѣ трети были перебиты, взяты, въ плѣнъ, или разбрелись въ разныя стороны. Марсинъ умеръ на другой день отъ полученныхъ ранъ. Французскій лагерь перешелъ въ руки побѣдителя со всеми своими богатствами и со всеми осадными орудіями. Вечеромъ того-же дня герцогъ вступилъ въ свою столицу; въ его власть скоро перешли и остальные города, занятые Французами; еще до наступленія зимы побѣдителю сдались города въ миланской области. Въ Новарѣ, въ Павіи и въ другихъ городахъ жители обезоруживали гарнизоны; въ Миланѣ Евгеній вступилъ съ триумфомъ въ соборъ, а Карлъ былъ провозглашенъ герцогомъ. Въ то время имена Евгенія и Марльборо были въ устахъ каждаго; ихъ слава воспѣвалась въ народныхъ пѣсняхъ.

7 сент. 1706

Италия подчинилась владычеству Габсбургов. Остальным неприятельским гарнизонам итальянских крепостей было дозволено удалиться в силу заключенного с ними договора. И начальник миланского укрепленного замка наконец был принужден покориться. Он в течение всей зимы угрозами заставлял городских жителей снабжать его самого и его солдат собственными припасами; он желал отличиться тем, что дольше всех других отстоял честь знамени испанско-бурбонского короля. Он наконец перешел за Альпы вслед за другими неприятельскими отрядами. Мантуя и Мирандола были присоединены к империи в качестве ее наследственных ленных владений; остальные, преданные Бурбонам, владетельные князья были обложены военными контрибуциями. В течение следующего года все принадлежавшие Испании итальянские провинции признали нового короля из дома Габсбургов. Храбрый защитник Турина, граф Даун направился затем через Романью в королевство неаполитанское и без сопротивления завладел сначала Калусей и Аверсой, а потом в столице вместе с ее укрепленными замками. После того, как он завладел Гаэтой и подавил сопротивление в Аbruццах, он стал управлять страной от имени Карла III в звании вице-короля. Сицилия и Сардиния также подчинились владычеству Габсбурга после того, как туда пришла английская эскадра и оказала поддержку приверженцам Карла III. Эти события крайне смущали папу Климента XI, который был вполне уверен в победе великого короля и охотно признавал внука Людовика XIV королем Испании. Он долго не подчинился требованиям императорских военачальников; только после того, как ему угрозили занятием Рима и церковной области, он преклонился перед силой и признал королем Испании габсбургского претендента, поддержанного морскими державами.

Только на верхнем Рейне и в южной Германии война приняла благоприятный для Французов оборот. В течение многих лет Людовик Баденский храбро и успешно защищал укрепленные позиции в Штольгофене и Бюле. Но он кончил жизнь в Раштатте 4 января 1707; тогда главное командование перешло к принцу Евгению; а так как этот последний еще был занят войною в Италии, то, по его рекомендации, был назначен его заместителем генерал Тунген. Но на совет владетельных князей было решено, что главное командование должно быть поручено самому старшему имперскому маршалу, маркизу Христиану Анспаху-Байрейтскому. Последствием этого решения было то, что маршал Вилларс прорвал неприятельские линии, завладел всеми боевыми орудиями и военными запасами и стал опустошать юго-западные германские провинции вплоть до Швабии и до Франконии. Если бы шведский король Карл XII, в то время одерживавший победы в Саксонии, согласился на заманчивые предложения Людовика XIV и, подобно Оксенширфу, заключил союз с Францией, то исход войны был бы решен в Германии. Но исповывавший протестанскую религию, северный король отвергнул союз с монархом, угнетавшим и преследовавшим его единовѣрцев. Только после того, как курфюрст Ганноверский принял главное командование и предоставил генералу Тунгену более сильное влияние на ход воен-

ных действий, Французы были отбиснены и было приступлено к возведению новых укрепленных линий.

После того, как владычество испанского Бурбона было низвергнуто и в Бельгии, защита которой была возложена на опытного в военном деле курфюрста Баварского, и в верхней Италии, где главное командование было возложено на Вандома, развѣ французский принц, еще так недавно возсѣвшій на испанском престоле, мог защитить Испанию от угрожающих ей со всех сторон опасностей? Хотя правительство Филиппа V находило среди туземного населения более твердую опору, чѣм в отдаленных испанских провинциях, и хотя в его распоряжении находился свѣдущій в военном деле полководец — герцог Бервикъ, незаконный сын Якова II Стюарта и сестры Марльборо, но и там военные действия велись с переменным счастьем и долго оставалось сомнительным, который из двух претендентов на испанский престол одержит верх. Нападение на Испанию было сдѣлано из Португалии. Но сильного воинственного воодушевления нельзя было ожидать от населения Португалии, где родственник и фаворит короля, Кадавалъ управлялъ государством с холодным себялюбием и где народ мало интересовался борьбой из-за испанского престола. Когда армия союзников двинулась в направлении к Кастилии, Бервикъ уговорил короля отправиться в лагерь, «потому что обременная войскими доспѣхи, бурбонская династія скорѣе и крѣпче срастется с своим новым отечеством». Две армии сошлись у Сьерра-Эстреллы. Это было удивительное зрѣлище: в то время, как английскія вспомогательныя войска подвигались вперед под предводительством двух гугенотов Шомберга и Галвэ (Рювини), Португальцы несли впереди своей армии статую св. Антонія. Кампанія не привела ни к какимъ рѣшительнымъ результатамъ. Благодаря удачной распорядительности маркиза дасъ-Минаса, происходившаго отъ тѣхъ графовъ Право, которые уже оказали немало услугъ Браганцскому царствующему дому, Бервикъ былъ принужденъ съ наступленіемъ юнскихъ жаровъ, причинявшихъ лихорадки, начать отступление къ Кастиліи, преслѣдуемый неприятелемъ вплоть до границы.

И эти событія и происходившія в столицѣ интриги партій, вызвавшія временное удаленіе княгини Орсини отъ двора, до такой степени сосредоточивали на себѣ всю дѣятельность мадридскаго правительства, что оно не нашло времени позаботиться объ охранѣ другихъ испанскихъ провинцій. Благодаря этой небрежности флотъ морскихъ державъ могъ подойти къ тому мысу, на утесистой вершинѣ котораго стоитъ крѣпость Гибралтаръ. В то время, какъ мѣстные жители молили своихъ святыхъ о защитѣ, Англичане овладѣли, подъ предводительствомъ адмирала Рука, этой важной морской крѣпостью благодаря смѣлости нападенія, которымъ руково-

Военныя дѣянія въ Испаніи. 1. Португальско-кастильская кампанія.

2. Взятіе Гибралтара.

3 авг. 1704.

24 августа.

диль ландграфъ Георгъ Гессенъ-Дармштадскій; они вступили въ обладаніе этой крѣпостью не отъ имени короля, котораго привезли съ собою изъ Германіи, а отъ имени своей королевы. Командовавшій французской армадой, побочный сынъ Людовика XIV отъ г-жи Монтеспанъ, графъ Тулузскій не хотѣлъ отказаться отъ владычества надъ проливомъ, зависѣвшаго отъ обладанія Гибралтаромъ, поэтому напалъ неподалеку отъ Малаги на непріятельскую эскадру. Битва была нерѣшительна; всѣ ожидали, что она возобновится. Но французскій графъ былъ такъ пораженъ непреклонною твердостью противниковъ, что не осмѣлился снова вступить съ ними въ бой, опасаясь, что въ случаѣ вторичной неудачи лишится милостиваго расположенія своего короля. Онъ отплылъ въ Тулонъ. Англичане удержали въ своей власти важную приморскую крѣпость. Французы и Испанцы тѣшечно пытались выгнать ихъ оттуда; тотъ-же самый ландграфъ Гессенскій, который завладѣлъ Гибралтаромъ и былъ назначенъ тамъ главнокомандующимъ, счумѣлъ защитить городъ при помощи окоповъ и другихъ искусныхъ оборонительныхъ мѣръ.

3. Союзники въ Барселонѣ.

Это событіе отразилось и на восточной части Иберійскаго полуострова. Каталонцы еще не забыли, съ какимъ высокомеріемъ Кастильянцы когда-то обходились съ ихъ предками и что отнятыя у нихъ Филиппомъ IV старинныя права (fueros) еще не были имъ возвращены. Они имѣли основаніе надѣяться, что теперь мадридское правительство будетъ болѣе уступчиво. Но послѣ удаленія княгини Орсини, старавшейся организовать національную испанскую партію, преданную бургонской династіи, сдѣлалась еще болѣе прежняго вліятельной французская камарилья, во главѣ которой стоялъ посланникъ Людовика XIV, высокомерный и легкомысленный герцогъ Грамонъ. Она полагала, что Испанія должна подчиняться наравнѣ съ французскими провинціями парижскому правительству, что возстановленіе представительныхъ учреждений или какихъ либо различій между большими провинціями было-бы несогласно ни съ бургонскими традиціями ни съ системой управленія прежнихъ испанскихъ королей, преемникомъ которыхъ является Филиппъ V. Уполномоченный отъ города Барселоны былъ заключенъ въ тюрьму за то, что предъявилъ притязанія на права посланника, личность котораго должна быть неприкосновенной. Когда княгиня Орсини снова возвратилась въ Мадридъ благодаря заступничеству мудрой и энергичной королевы Маріи Луизы, которую одинъ французскій министръ въ шутку, но очень мѣтко, называлъ «шестнадцатилѣтнимъ государственнымъ человѣкомъ», нерасположеніе къ мадридскому правительству уже успѣло усилиться въ восточныхъ провинціяхъ, а приверженцы союзниковъ уже успѣли возбудить тамъ сочувствіе къ Габсбургамъ. Въ Барселонѣ только ожидали прибытія англійской эскадры для того, чтобы признать габсбургскаго претендента королемъ. Именно въ то время Карлъ находился въ Лис-

сабонѣ въ непріятномъ положеніи. Больной и склонный къ умопомѣшательству Донъ-Педро не былъ въ состояніи принять какое-либо энергическое рѣшеніе; португальское дворянство было оскорблено высокомеріемъ и чрезмѣрными притязаніями Лихтенштейна, который все еще обходился съ эрцгерцогомъ какъ съ своимъ воспитанникомъ; а самого претендента, отъ природы нерѣшительнаго, удерживала отъ всякихъ рискованныхъ предпріятій осмотрительная политика вѣнскаго правительства. Чтобы при такихъ дайнахъ достигнуть какихъ нибудь серьезныхъ результатовъ нуженъ былъ человѣкъ съ твердой волей. Такой руководитель нашлся между англійскими моряками въ лицѣ отважнаго, благороднаго и щедро осыпаннаго всѣми дарами природы лорда Петерборо. Оставивши нѣмецкаго претендента въ Лиссабонѣ, 28 іюля 1705. онъ заѣхалъ въ Гибралтаръ, чтобы взять съ собою предпримчиваго Георга Дармштадскаго, и отплылъ къ берегамъ Каталоніи. Въ Деніи, — гдѣ бургонскій гарнизонъ подвергся нечаянному нападенію 11 авг. 1705. мѣстныхъ жителей и былъ обезоруженъ, — габсбургскій принцъ былъ провозглашенъ королемъ Испаніи подъ именемъ Карла III. За тѣмъ было предположено завладѣть Монжюихомъ — построенной на большомъ возвышеніи барселонской цитаделью. Это было смѣлое предпріятіе, за которое храбрый ландграфъ заплатилъ жизнью; однако оно удалось: стоявшая на горѣ крѣпость была взята приступомъ, а ея комендантъ графъ Веласко былъ вынужденъ заключить договоръ, въ силу котораго приморскій городъ былъ сданъ союзникамъ съ тѣмъ 14 окт. 1705. условіемъ, что войскамъ и преданнымъ бургонскому претенденту гражданамъ и должностнымъ лицамъ будетъ дозволено безпрепятственно удалиться. Король Карлъ III принялъ 24 октября присягу отъ жителей каталонской столицы, при чемъ обѣщалъ возстановить и не нарушать старинныя права и вольности соединеннаго королевства арагонскаго.

Извѣстіе объ этихъ событіяхъ пронеслось съ быстротою вѣтра по всей странѣ и доставило габсбургскому королю множество приверженцевъ. Во многихъ мѣстахъ управленіе перешло въ руки юнть, составленныхъ изъ преданныхъ ему людей. Въ Валенціи и въ Арагоніи возстаніе сопровождалось убійствами, которыя совершались изъ ненависти или изъ жажды мщенія. Въ восточныхъ испанскихъ провинціяхъ революціонное движеніе разрушило весь строй государственнаго управленія. На западѣ союзники осадили крѣпость Бадайозъ. Отважный Петерборо намѣревался двинуться на Мадридъ. Въ началѣ февраля онъ вступилъ съ небольшимъ отрядомъ въ 4 февр. 1706. разукрашенный для его пріема городъ Валенцію послѣ того, какъ принудилъ испанскій гарнизонъ удалиться изъ горной крѣпости Мурвiedро, гдѣ развалины древняго Сагунта отражаются какъ въ зеркалѣ въ водахъ Средиземнаго моря.

Однако съ наступленіемъ весны Каталонія подверглась новымъ опасностямъ. Людовикъ XIV убѣдилъ своего внука, что лучше ли- Отступленіе бурбонской арміи. шиться жизни, чѣмъ лишиться королевскаго престола. Поэтому Фл-

лишь наскоро собралъ столько войскъ, сколько могъ, и самъ двинулся въ возставшія провинціи съ цѣлю соединиться съ маршаломъ Тессе, который велъ къ нему черезъ Пиренеи на помощь армію изъ 18,000 Французовъ. Въ то же время сталъ виденъ изъ Барцелонны приближавшійся флотъ графа Тулузскаго. По видимому, приходилось утратить всё, что было приобретено въ предшествовавшемъ году: лордъ Петерборо терпѣлъ недостатокъ и въ деньгахъ и въ солдатахъ; инсургенты были обезсилены внутренними раздорами и не были воодушевлены воинственнымъ пыломъ; жившій въ Барцелонѣ Карлъ III хотя и не падалъ духомъ, но не былъ способенъ что-либо предпринять. Тессе уже завладѣлъ фортомъ Монжуихомъ и приблизился къ окружающему столицу валу. Онъ намѣревался въ скоромъ времени напасть на Барцелону въ одно время и съ моря и съ суши; тогда показався вдали англійскій военный флотъ съ десантными войсками. Графъ немедленно сѣлъ на корабль и сталъ распоряжаться въ качествѣ главнокомандующаго. Онъ уже сдѣлалъ всё приготовленія къ морской битвѣ, когда французскій адмиралъ, сознававшій опасность своего положенія, воспользовался благопріятнымъ вѣтромъ и направился обратно въ Тулонъ. О штурмѣ Барцелонны уже нельзя было и помышлять. Напротивъ того, французскій маршалъ опасался, чтобъ находившійся въ его лагерѣ бургонскій король не попался въ плѣнъ, если Петерборо будетъ дѣйствовать наступательно, и если шайки инсургентовъ окажутъ содѣйствіе англійскому главнокомандующему. Поэтому онъ также далъ своимъ войскамъ приказаніе отступать. Въ то время, какъ французская армія, въ средѣ которой находился бургонскій король, направлялась къ Пиренеямъ, вокругъ нея постоянно бродили отряды каталонскихъ и арагонскихъ инсургентовъ. Изъ Перпиньяна Филиппъ V возвратился длинными объѣздами въ Мадридъ. «Оба наши короля», — писала г-жа Ментенонъ, — «отстаиваютъ религію и справедливость, однако не имѣютъ успѣха, а ихъ противники, питающіе вражду и къ религіи и къ справедливости, торжествуютъ: такова воля Божія!»

Мадридъ и Сарагосса въ рукахъ союзниковъ.
2 июля 1706.

По видимому, и Испанія ускользала изъ рукъ Бурбона, подобно Нидерландамъ и Италіи. Можно было ожидать, что онъ въ самомъ непродолжительномъ времени возвратится во Францію, потому что черезъ нѣсколько недѣль послѣ описанныхъ выше событій вступила въ столицу Кастиліи двадцатипятитысячная армія Португальцевъ, Голландцевъ и Англичанъ, противъ которой Бервикъ могъ выставить не болѣе 10,000 только-что набранныхъ испанскихъ солдатъ, а испанскій король укрылся въ Бургосѣ вмѣстѣ съ своими придворными и высшими должностными лицами. Около того же времени жители Сарагоссы перешли на сторону эрцгерцога и пригласили его прибыть къ нимъ для принятія вѣрноподданнической присяги. Петерборо и генералы, командовавшие арміей союзниковъ въ Кастиліи, совѣтовали эрцгерцогу поселиться въ Мадридѣ.

4. Дѣла принимаютъ другой оборотъ.

Но положеніе союзниковъ вовсе не было такимъ блестящимъ, какъ имъ казалось. Карлъ III не могъ ужиться съ англійскимъ лордомъ,

который съ высокомеріемъ пользовался своей диктаторскою властію; тотъ гордый торіи презиралъ и австрійскихъ совѣтниковъ эрцгерцога, которые препятствовали всякимъ энергическимъ мѣрамъ, и немецкаго принца, который считалъ болѣе необходимымъ провести на Монсерратѣ три дня въ молитвахъ, чѣмъ снѣшить въ Мадридѣ. Петерборо писалъ одному изъ своихъ англійскихъ друзей: «Служба въ Испаніи мнѣ такъ же надоела, какъ надоедаетъ галерному пловцу управленіе весломъ.» Такое же разногласіе господствовало въ другомъ лагерѣ между Гальвэ и дасъ-Минасомъ, каждый изъ которыхъ предъявлялъ притязанія на главное командованіе. Эти неблагоприятныя условія производили совершенно иное впечатлѣніе на Кастильянцевъ. Неужели тотъ самый бургонскій король, которому они присягнули на вѣрность, будетъ выгнанъ, а ненавистные Арагонцы и Португальцы, соединившіеся съ англійскими и голландскими еретиками, возведутъ на испанскій престолъ другого короля по своему выбору? Національное чувство достоинства и свойственная Кастильянцамъ гордость возмущались противъ такой мысли. Всѣ они были готовы взяться за оружіе для защиты того, кому принесли присягу; король и королева получали отъ нихъ безчисленныя доказательства любви и преданности; милиціи и молодые рекруты обнаруживали горячее желаніе стать подъ знамена Бервика, который уже присоединилъ къ своей арміи французскіе полки, возвратившіеся изъ-подъ Барцелонны. Во всѣхъ городахъ и во всей странѣ стало пробуждаться чувство національнаго достоинства. Въ Мадридѣ народъ перебилъ нѣсколько тысячъ солдатъ, искавшихъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ вознагражденія за вынесенныя во время кампаніи лишенія; въ церквахъ и въ домахъ собирались добровольныя пожертвованія, которыя предоставлялись въ распоряженіе короля; въ провинціяхъ организовались отряды добровольцевъ; повсюду раздавались возгласы: «Смерть австрійскимъ измѣнникамъ!» Выступленіе арміи эрцгерцога въ походъ замедлилось до осени влѣдствіе того, что о взятіи Мадрида вѣсть Гальвэ не увѣдомилъ во время своего рывала, торія Петерборо. А когда двѣ союзныя арміи наконецъ соединились 1 сентября въ Гвадалайярѣ, благопріятная минута уже была пропущена. Съ одной стороны имъ угрожала армія Бервика, съ западной стороны они были отрѣзаны отрядами инсургентовъ, и имъ не оставалось ничего другого, какъ отступить къ Валенціи. Бургонскій дворъ возвратился въ Мадридъ съ такимъ триумфомъ, какой подобаетъ побѣдителямъ. Народъ радостно привѣтствовалъ королеву, которая поддерживала въ немъ патріотическое воодушевленіе, а Филиппу нельзя было не отдать справедливости въ томъ, что онъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ выносилъ всѣ превратности фортуны, не уступая въ этомъ отношеніи своему сопернику. Петерборо отплылъ къ нижней Италіи. Оба лорда были впоследствии привлечены къ от-

Сент. 1706.

27 окт. 1706.

вѣтственности за свой образъ дѣйствій. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года союзники еще разъ попытались проникнуть изъ Валенціи въ Кастилію, но они были принуждены отказаться отъ этого намѣренія послѣ того, какъ французско-испанская армія, предводимая Бержикомъ, отразила ихъ нападеніе подлѣ Альманцы. Вожди союзныхъ армій—императорской, англійской и голландской, одерживавшіе побѣды во всѣхъ другихъ испанскихъ владѣніяхъ, только въ Испаніи не были въ состояніи поглотить владычество Бурбоновъ. Знамена, отбитыя у нихъ при Альманцѣ, были въ качествѣ военныхъ трофеевъ вывѣшены въ церкви Богоматери въ Атохѣ. Карлъ III, которому его братъ прислалъ въ Барселону свѣжія войска подъ начальствомъ храбраго генерала Штаргемберга, тщетно пытался, при помощи мѣстнаго населенія, отнять испанскій престолъ у своего бурбонскаго противника, только въ Барселонѣ и въ окрестной странѣ онъ пользовался королевскими почестями, а въ остальныхъ испанскихъ провинціяхъ онъ не находилъ сочувствія. Самой надежной опорой служила для Филиппа V старая національная вражда между Арагонцами и Кастильянами. Во время войны окрѣпли и военное мужество Кастильянцевъ и ихъ привязанность къ бурбонской династіи. Кортесы съ радостью признали сына Филиппа V принцемъ Астурійскимъ.

Неудачное на-паденіе на Тулонъ. Национальное воодушевленіе Кастильянцевъ оказало нравственное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій въ южной Франціи. Англійскій флотъ появился передъ Тулономъ съ цѣлю завладѣть этимъ городомъ при содѣйствіи императорско-итальянской сухопутной арміи, предводимой принцемъ Евгениемъ и Викторомъ Амедемъ, и приобрѣсти безусловное господство въ Средиземномъ морѣ; тогда среди окрестнаго провансальскаго населенія обнаружилось такое воинственное настроеніе умовъ, а маршалъ Тессе принялъ такія оборонительныя мѣры, что союзники отчаялись въ успѣхѣ и отказались отъ своего намѣренія.

Настроеніе умовъ въ Англіи и въ Голландіи. Всѣ эти неудачи произвели въ Англіи неблагоприятное вліяніе на воинственное настроеніе націи. Не только въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Вост.-Индіей и съ южной Америкой Англичане встрѣчали не мало препятствій; но и на тѣхъ моряхъ, гдѣ они прежде безусловно владычествовали, ихъ торговля терпѣла большой вредъ отъ французскихъ крейсеровъ, выходившихъ изъ Бреста и изъ Дюнкерхена въ погоню за англійскими торговыми судами. Еще болѣе охладѣло воинственное настроеніе генеральныхъ штатовъ и амстердамскихъ оптовыхъ торговцевъ. Намъ уже извѣстно, какъ было трудно Марльборо удержать республику въ союзѣ съ Англіей и съ императорскимъ домомъ Габсбурговъ; только благодаря вліянію разумнаго и опытнаго великаго пенсіонарія Гейнзюса, упорно державшагося политики Вильгельма III, Голландія помогала союзникамъ и на морѣ и на сушѣ, несмотря на то, что ее тревожило усиливавшееся морское могущество Англіи. Къ тому-же именно въ то время совершился

такой фактъ, который болѣе всѣхъ прежнихъ предпріятій Англіи способствовалъ усиленію ея могущества и ставилъ ее на ряду съ первоклассными державами,—совершилось соединеніе Шотландіи съ Англіей въ одно Великобританское королевство съ однимъ общимъ парламентомъ.

Несмотря на то, что приверженцы шотландской старинны съ пафосомъ разсказывали въ своихъ публичныхъ рѣчахъ на религіозное несходство съ Англіей, на національныя и историческія воспоминанія о прошлыхъ временахъ, и утверждали, что чувство чести требуетъ сохраненія государственной самостоятельности Шотландіи,—несмотря на то, что старыя ковенанты напоминали о тысячахъ избранниковъ, „выступавшихъ въ походъ въ качествѣ мучениковъ за истинное слово Божіе для того, чтобы стяжать вѣнецъ или на полѣ битвы или на плахѣ“,—несмотря на то, что вожди якобитовъ напоминали о старинной преданности, въ теченіе многихъ столѣтій привязывавшей шотландскій народъ къ дому Стюартовъ,—несмотря на то, что патріотическіе приверженцы партикуляризма указывали на униженіе положеніе, въ которое будетъ поставлено ихъ отечество, когда оно будетъ обязано помогать солдатами и деньгами сосѣднему народу въ его войнахъ, всѣ-таки новыя воззрѣнія взяли верхъ надъ привязанностью къ старымъ традиціямъ и къ мелочному патріотизму. Доводы къ пользу сохраненія національной самостоятельности оказались менѣе убѣдительными, чѣмъ тѣ изображенія, что Шотландія будетъ лишена всякаго участія во всемірной торговлѣ, что у нея не будетъ собственныхъ колоній, что въ своемъ одиночествѣ она будетъ похожа на пустынную развалину. Нельзя было не признаться, что Шотландія могла-бы достигнуть процвѣтанія только въ томъ случаѣ, еслибы она вмѣстѣ съ Англіей устремилась въ широкій потокъ меркантильной дѣятельности. Въ шотландскомъ парламентѣ, въ послѣдній разъ засѣдавшемъ въ Эдинбургѣ съ ноября до января, сказывалось сильное раздраженіе тѣхъ слоевъ населенія, которые не желали соединенія съ Англіей; но тѣ разумные люди, которые, несмотря ни на что, рѣшили отказаться отъ своей государственной самостоятельности и заложить фундаментъ для единства Великобританіи, подали всему міру достойный подражанія примѣръ самообладанія. Въ заключенномъ договорѣ было постановлено, что соединенное королевство Великобританское будетъ подчинено наслѣдственной королевской власти, а представители шотландской націи будутъ впредь засѣдать и подавать свои голоса въ Вестминстерѣ; къ этому договору было прибавлено постановленіе, что шотландская государственная церковь сохранитъ свою неприкосновенность и независимость.

Въ виду этихъ событій король Франціи прибѣгнулъ къ тѣмъ же средствамъ, пользу которыхъ уже не разъ испыталъ на дѣлѣ: онъ попытался воспользоваться столкновеніемъ противоположныхъ интересовъ и посредствомъ ловкихъ дипломатическихъ переговоровъ разорвать союзъ между своими противниками. Послѣ вынесенныхъ имъ въ предшествовавшемъ году тяжелыхъ ударовъ и въ виду истощенія своихъ собственныхъ средствъ онъ уже едва ли могъ надѣяться, что доставитъ своему внуку обладаніе всей испанской монархіей. Онъ снова сталъ помышлять о раздѣлѣ этой монархіи. Черезъ своего уполномоченнаго д'Аво онъ сообщилъ голландскимъ правителямъ о своей готовности не только отказаться отъ Испаніи, но даже предло-

Соединеніе Шотландіи съ Англіей. 1707.

Ноябрь 1706—январь 1707.

Предложенныя Людовикомъ мирныя условія отвергнуты.

ставить судьбу Нидерландов на усмотрѣніе генеральныхъ штатовъ, если во власти его внука будутъ оставлены только испанскія владѣнія въ Италіи и если курфирсту Баварскому будутъ возвращены его владѣнія. Голландское правительство было не прочь начать мирные переговоры на основаніи такихъ условій; и въ Англіи умы были встревожены неудачами, постигшими союзниковъ въ Каталоніи и передъ Тулономъ; тамъ велась ожесточенная борьба между политическими партіями и даже было начато слѣдетвіе по поводу испанскихъ событій. Только Австрія не хотѣла слышать о какихъ либо уступкахъ: оба побѣдоносныхъ полководца раздѣляли мнѣніе Гейнзуса, что слѣдовало воспользоваться благоприятнымъ случаемъ для уничтоженія французскаго преобладанія въ Европѣ и для восстановленія политическаго равновѣсія на прочномъ фундаментѣ. Марльборо самъ отправился въ Лондонъ для того, чтобъ склонить королеву и министровъ къ продолженію войны. Онъ достигъ своей цѣли. Былъ изданъ манифестъ, въ которомъ было сказано: «никакой мирный договоръ не будетъ прочтенъ и удовлетворителенъ, если австрійскій царствующій домъ не достигнетъ обладанія всей испанской монархіей». Лордъ Стангопъ принялъ главное начальство надъ находившимися въ Испаніи англійскими войсками, которыя должны были поддерживать владычество габсбургскаго короля въ Барселонѣ. Англичане считали этого короля за свою креатуру и старались извлечь изъ положенія дѣль какъ можно больше выгодъ для самихъ себя. Они завладѣли островомъ Миноркой и приморскимъ городомъ Портъ-Магономъ; они заставили Карла III заключить съ ними торговый договоръ, въ силу котораго испанское правительство обязывалось облагать ввозные англійскіе продукты пошлинами не иначе, какъ при содѣйствіи особой коммиссіи; американская торговля должна была перейти въ руки испанско-англійской компаніи съ устраненіемъ всякой конкуренціи со стороны Франціи.

Новые военные
планы. Уде-
нардъ. 1708.

Людовикъ XIV все еще не отказывался отъ надежды снова взять верхъ надъ своими противниками и восстановить честь французскаго оружія, если сдѣлаетъ новыя усилія для продолженія военныхъ дѣйствій. Во власти Французовъ еще находилась значительная часть испанскихъ Нидерландовъ: они еще занимали Брюссель, Гентъ, Брюгге; во Фландріи и въ Брабантѣ сказывалось сильное недовольство голландскимъ управленіемъ; тамъ встрѣтили-бы Французовъ съ отверстыми объятіями, какъ освободителей отъ ненавистнаго ига кальвинистскихъ сосѣдей. И въ Шотландіи оппозиціонная партія возвышала свой голосъ противъ соединенія съ Англіей, только-что утвержденнаго парламентомъ. Если-бы Французамъ удалось возбудить якобитовъ къ сопротивленію, чтобъ создать Англичанамъ враговъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, и если бы они могли въ то-же время упрочить свое владычество въ Бельгіи, то было-бы не трудно при-

нудить союзниковъ къ уступчивости. Поэтому въ Версали было рѣшено, что сынъ умершаго Стюарта, признанный во Франціи англійскимъ королемъ подъ именемъ Іакова III, отправится съ нѣсколькими тысячами десантныхъ войскъ изъ Дюнкирхена въ нагорную часть Шотландіи для того, чтобъ возбудить тамъ симпатіи къ Стюартамъ и къ Франціи, а маршалъ Вандомъ и сынъ дофина, герцогъ Бургундскій, въ то-же время двинутся съ значительной арміей въ Нидерланды для того, чтобъ дѣйствовать тамъ противъ Марльборо. На Мозелѣ Бервикъ долженъ былъ воспрепятствовать задуманному принцемъ Евгениемъ вторженію въ Лотарингію, а Максъ Эмануилъ долженъ былъ защищать верхне-рейнскія провинціи отъ имперской арміи, находившейся подъ начальствомъ курфюрста Ганноверскаго. Но случилось не то, чего желали и чего ожидали. Экспедиція Стюарта не состоялась, потому что онъ медлилъ отъѣздомъ, пока англійскій флотъ не загородилъ ему путь; въ Нидерландахъ присутствіе двухъ военачальниковъ оказалось чрезвычайно вреднымъ, потому что королевскій принцъ велъ военныя дѣйствія по своему личному усмотрѣнію и не всегда подчинялся распоряженіямъ главнокомандующаго Вандома. Но важнѣе всего было то, что приходилось имѣть дѣло съ двумя гениальными полководцами, уже разъ доказавшими, что ихъ совокупныя усилія могутъ дать войнѣ неожиданный оборотъ. То-же повторилось и теперь. Въ то время, какъ Бервикъ ожидалъ вторженія Евгения въ Лотарингію, этотъ послѣдній быстро достигалъ береговъ Шельды съ нѣсколькими эскадронами гусаръ и присоединился къ Марльборо. Его присутствіе внушило мужество войскамъ и ободрило упавшаго духомъ Марльборо. Преимущественно единодушію двухъ полководцевъ слѣдуетъ приписать и то, что Французы проиграли при Уденардѣ сраженіе, для котораго французскій мар- 11 іюля 1708. шаль и королевскій принцъ никакъ не могли, по разномыслію, составить общаго плана, и то, что въ теченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ сдались союзникамъ крѣпости Лилль, Гентъ, Брюгге, и то, что вся Фландрія и Брабантъ снова подчинились владычеству морскихъ державъ и Австріи. Бервикъ и курфирстъ привели разбитой арміи новыя подкрѣпленія, но они не были въ состояніи воротить потеряннаго въ особенности потому, что настроеніе умовъ въ мѣстномъ населеніи измѣнилось вслѣдствіе успѣха союзниковъ и воинственный пылъ уступилъ мѣсто страху и упадку духомъ.

Эти неудачи 1708 года уничтожили послѣднія надежды Людовика, Людовикъ XIV а такъ какъ зима того года отличавшаяся вплоть до весны небывалою суровостью, причинила болѣзни, голодъ и вслѣдъ затѣмъ неурожай, который довелъ поселянъ до нищеты, то министры заявили о невозможности продолжать войну и королю пришлось выносить униженія, которыя были глубокими ударами кияжала въ его гордое сердце. Это были самые тяжелые часы въ его жизни. Въ присут-

надасть духомъ.

ствіи своихъ приближенныхъ онъ по прежнему обнаруживалъ самоуверенность, но въ присутствіи г-жи Ментенонъ онъ нерѣдко плакалъ. Дѣйствительно, союзныя державы, политикой которыхъ единодушно руководили трое полководцевъ и государственныхъ людей, предъявили версальскому монарху такія условія, которыя совершенно уничтожили-бы все плоды его прежней дѣятельности. Отъ него потребовали безусловнаго отказа отъ пиренейскаго королевства, отъ испанскихъ Нидерландовъ, отъ Милана, отъ французскихъ владѣній въ Вестъ-Индіи и въ южной Америкѣ. Тщетно дѣлалъ Людовикъ, черезъ посредство Торси, важныя уступки генеральнымъ штатамъ съ цѣлю склонить ихъ къ заключенію отдѣльнаго соглашенія и къ выдѣленію изъ союза; тщетно пытался онъ склонить на свою сторону корыстолюбиваго герцога Марльборо, дѣлая самыя заманчивыя предложенія съ тѣмъ условіемъ, чтобъ во владѣніи его внука оставили только Неаполь и Сицилію: «тріумвиры» единодушно настаивали на своемъ требованіи, чтобъ вся испанская монархія поступила подъ власть Карла III. Даже когда версальское правительство обнаружило готовность начать мирныя переговоры на этомъ основномъ условіи, ему были предъявлены новыя требованія: отъ него потребовали уступки Эльзаса и Страсбурга, лотарингскихъ епископствъ, крѣпостей Кондэ и Валансьенъ. Въ Англіи шла рѣчь о томъ, что слѣдовало-бы заставить французскаго короля выгнать изъ его владѣній стюартскаго претендента, срыть укрѣпленія Дюнкирхена и возвратить гугенотамъ ихъ прежнія права. Французскому властелину пришлось теперь расплачиваться за гордость и высокомеріе, которыми онъ такъ глубоко оскорблялъ европейскія правительства въ былыя времена счастья и могущества. Ему пришлось испить до дна чашу униженій. Въ лагерѣ союзниковъ высказывалось предположеніе проникнуть внутрь Франціи и продиктовать въ Версали условія мира. Торси предлагалъ перемиріе на два мѣсяца для того, чтобъ тѣмъ временемъ заключить мирный договоръ на основаніи предъявленныхъ союзниками требованій; но трое всемогущихъ представителей Австріи, Голландіи и Англіи не удовольствовались обѣщаніемъ, что Франція не будетъ оказывать никакой помощи королю Испаніи: они соглашались на заключеніе перемирія только съ условіемъ, чтобъ Людовикъ призналъ своего внука низвергнутымъ съ престола и помогъ выгнать его изъ Испаніи. Они требовали, чтобъ французскія войска вмѣстѣ съ союзной арміей посадили габсбургскаго претендента на мадридскій престолъ. Людовика нельзя было довести до такого позора и униженія. Въѣвъ во Фландрію еще стояла готовая къ борьбѣ французская армія подъ начальствомъ Вилларса, который, не смотря на свою склонность къ хвастовству и на свое корыстолюбіе, не былъ лишенъ воинскихъ дарованій и умѣлъ поддерживать среди своихъ подчиненныхъ порядокъ и дисциплину. Поэтому, оскорбительныя требованія

союзниковъ были отвергнуты и военныя дѣйствія возобновились. Воззваніе, съ которымъ Людовикъ обратился къ народу, пробудило національную гордость Французовъ и внушило имъ готовность къ новымъ усиліямъ. Вскорѣ послѣ того произошла неподалеку отъ Дор-11 сент. 1709. ника, подлѣ Мальплакэ, кровопролитная битва, которая хотя и не была унижительною для чести французскаго оружія, потому что обнаружила превосходную организацію и мужество французской арміи, но принудила эту армію къ отступленію и причинила уже истощенному государству новыя тяжелыя потери. Раненый Вилларсъ былъ принужденъ передать главное командованіе старому генералу Буффлерсу; на полѣ сраженія было разбросано 33,000 убитыхъ и раненыхъ. Хотя и союзники были такъ ослаблены, что не извлекли изъ своей побѣды никакой другой пользы, кромѣ завладѣнія Монсомъ, но Франція, по-видимому, уже не была въ состояніи продолжать военныя дѣйствія и должна была согласиться на какія бы то ни было мирныя условія. Черезъ посредство герцога Ноайля, Людовикъ уже передалъ своему внуку совѣтъ промѣнять испанскій престолъ на обладаніе Сициліей и Сардиніей и не доводить дѣло до того, что его выгонять силой и заставить возвратиться къ скромной жизни частнаго человѣка; а на помощь со стороны Франціи уже не слѣдовало разсчитывать. Даже княгинѣ Орсини было поручено склонять короля къ отреченію отъ престола. Тогда случились неожиданныя событія и Божеское правосудіе, по-видимому, вознамѣрилось не оставлять безъ наказанія и высокомеріе враговъ Людовика.

4. Переворотъ въ положеніи дѣлъ и мирные договоры.

Какъ измѣнилось положеніе Европы въ теченіе зимы 1709—1710 года въ то время, какъ между союзниками и Франціей велись мирныя переговоры въ Гертруиденбургѣ! Вѣнскій Габсбургъ упрочилъ свое вліяніе на востокѣ, приобрѣлъ довѣріе протестантовъ и имперскихъ владѣтельныхъ князей, возстановилъ императорскій авторитетъ въ Италіи, принудилъ папу къ уступчивости и надѣялся присоединить къ своимъ владѣніямъ Эльзасъ и отнятыя у имперіи области на верхнемъ Рейнѣ; его братъ надѣялся удержатъ въ своей власти всю испанскую монархію даже противъ воли испанской націи. Можно было подумать, что Габсбургамъ снова суждено руководить судьбами Европы, а военному и политическому преобладанію Франціи навсегда положенъ конецъ. Даже морскимъ силамъ Франціи, организованнымъ Кольберомъ и находившимся въ рукахъ искусныхъ адмираловъ, по-видимому, было суждено притти въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ Англія,

Положеніе Европы послѣ битвы при Мальплакэ.

завладѣвши Гибралтаромъ и Портъ-Магономъ, приобрѣла господство на Средиземномъ морѣ, стала въ союзъ съ Голландіей владѣть на американскихъ и индійскихъ моряхъ и захватила въ свои руки денежные и торговые рынки! Если-бы французскій король не отказался отъ изъявленной имъ готовности возстановить голландскія укрѣпленія, служившія охраной для бельгійскихъ пограничныхъ городовъ и, срывши укрѣпленія Дюнкирхена, отнять безопасное убѣжище у французскихъ каперовъ, то и каналъ Ла-Маншскій и республика голландская были бы вполне ограждены отъ вторженій со стороны Франціи. И въ Испаніи дѣла Габсбурговъ, по видимому, шли успѣшно съ тѣхъ поръ, какъ англо-нѣмецкая армія выиграла два сраженія и снова завладѣла Сарагоссой.

Новый оборотъ дѣла въ Испаніи. На Пиренейскомъ полуостровѣ равнѣ, чѣмъ гдѣ-либо, дѣла приняли благоприятный для бурбонской династіи оборотъ. Ободренный своими успѣхами, Стангопъ склонилъ габсбургскаго претендента къ вторичному движенію на Мадридъ, такъ какъ только въ Кастиліи можно было достигнуть рѣшительныхъ результатовъ. Въ тоже время онъ намѣревался сдѣлать принудительный заемъ, посредствомъ котораго надѣялся привязать населеніе къ новому королю. Армія союзниковъ, дѣйствительно, достигла безъ всякаго сопротивленія Мадрида, а Карлъ III поселился въ загородномъ замкѣ Эль-Пардо, между тѣмъ какъ Филиппъ V и его дворъ находились въ Валадолидѣ. Но доказательства преданности, которыя со всѣхъ сторонъ получалъ бурбонскій король, поддерживали въ немъ надежду на успѣшнѣйшій исходъ борьбы и побудили его отвергнуть малодушные совѣты, которые онъ получалъ изъ Версаля. Какъ были удивлены союзники при видѣ совершенно опустѣлыхъ мадридскихъ улицъ! Всѣ гравды и зажиточные столичные жители отправились вслѣдъ за Бурбономъ въ его новую резиденцію, потому что считали его своимъ законнымъ королемъ. Стангопу не кого было привлекать къ участию въ предположенномъ займѣ. А какъ возмущалось религіозное чувство духовенства и народа при видѣ посѣтательствъ еретиковъ на святыни католическихъ церквей! Энергичному и опытному маршалу Вандому, котораго Людовикъ отправилъ на помощь къ своему внуку, было не трудно, при такихъ условіяхъ, скоро собрать подъ своими знаменами 20.000 Испанцевъ и принудить союзниковъ къ отступленію въ Арагонію. Вандомъ быстро двинулся вмѣстѣ съ бурбонскимъ королемъ по стопамъ отступавшаго непріятеля. Онъ настигъ подъ Бригуэги отрядъ Стангопа и принудилъ англійскаго военачальника сдаться послѣ мужественнаго сопротивленія. Вслѣдъ за тѣмъ онъ устремился на Штаргемберга и подъ Вилла-Висіозы поставилъ этого искуснаго полководца въ такое стѣсненное положеніе, что онъ рѣшился оставить на мѣстѣ свою артиллерію и торопливо направился въ Каталонію. Филиппъ V снова вступилъ въ Сарагоссу, между тѣмъ какъ во власти Карла III остались только Барселона и Тортоза. Вандомъ былъ вполне достоинъ той чести, что когда онъ кончилъ жизнь (11 іюня 1712) въ Каталоніи, его статуя была поставлена въ пантеонъ Эскуриала.

Придворныя интриги и перемѣны политики въ Лондонѣ. Извѣстіе объ этихъ неожиданныхъ успѣхахъ было получено Людовикомъ XIV въ то время, какъ онъ находился на охотѣ. Оно было чѣмъ-то въ родѣ утренней зари послѣ бурной ночи. Онъ похвалилъ своего внука за мужественное поведеніе, а г-жа Ментенонъ заставила воспитанницъ Сенъ-Сирскаго заведенія процѣть хвалебный гимнь.

И дѣйствительно это была утренняя заря, возвѣщавшая наступленіе лучшихъ дней для Франціи! Въдѣ въ тоже время въ Англіи совершилась перемѣна, сильно поколебавшая прежнія политическія воззрѣнія, а въ Австріи вскорѣ послѣ того неожиданно скончался императоръ, такъ что дальнѣйшее существованіе прежняго союза сдѣлалось сомнительнымъ. Въ душѣ королевы Анны, какъ намъ уже извѣстно, не заглохла симпатія къ Стюартамъ и она постоянно питала сильную привязанность къ торіямъ и къ представителямъ высокой церкви; только подчиняясь влиянію лэди Марльборо и ея пощаднаго супруга, она согласилась предоставить вигамъ преобладающее положеніе въ министерствѣ; но она не поручала государственныхъ дѣлъ въ ихъ исключительное завѣдываніе. Она полагала, что королевская власть не должна быть слугою какой-либо одной партіи, а должна поддерживать между всѣми партіями равновѣсіе для того, чтобъ господствовать надъ ними. И Марльборо не становился рѣшительно ни на ту ни на другую сторону; онъ также полагалъ, что всего благоразумнѣе предоставить дѣла управленія умѣреннымъ представителямъ обѣихъ партій. Однако его дарованія государственнаго чловѣка и его военные успѣхи придавали его мнѣніямъ рѣшающее влияние. Но теперь все измѣнилось: сердечная привязанность Анны къ ея главной штатсъ-дамѣ съ теченіемъ времени охладѣла; королева стала все яснѣе сознавать, что ея собственныя воззрѣнія не сходились съ религіозными и политическими воззрѣніями герцогини, и ей наконецъ сдѣлались невыносимы высокомѣрныя притязанія этой послѣдней. Сестра одного заслуженнаго воина, дѣвица Гилль, вышедшая за-мужъ за лорда Месема, спискала любовь и довѣріе Анны и стала противодѣйствовать влиянію высокомѣрной герцогини. Съ тѣхъ поръ, какъ состоялось соединеніе Шотландіи съ Англіей, усилилась борьба между политическими партіями; привязанность къ высокой церкви стала все сильнѣе и сильнѣе сталкиваться съ либеральными идеями, съ латитудинаризмомъ низшаго духовенства, съ ученіемъ пресвитеріанъ и диссентеровъ; и въ печати и въ публичныхъ рѣчахъ снова былъ выдвинутъ на передній планъ принципъ пассивнаго повиновенія; якобиты и легитимисты всячески нападали на основные принципы виговъ. Военные расходы, ложившіеся тяжелымъ гнѣтомъ преимущественно на земельную собственность и съ каждымъ годомъ увеличивавшіе итогъ государственнаго долга, усиливали недовольство господствующимъ режимомъ и возбуждали волненіе въ умахъ. Понятно, что при такомъ настроеніи общества размолвка между королевой и герцогиней и придворныя интриги могли привести не только къ удаленію лэди Марльборо отъ двора, но и къ перемѣнамъ въ системѣ управленія и въ прежней иностранной политикѣ. Вслѣдствіе интригъ двухъ государственныхъ секретарей—приверженца высокой церкви, торія Роберта Гарлея и «самаго остроумнаго, самаго ловкаго, но въ

то же время самого безсовѣстнаго изъ людей того времени», лорда Сентъ-Джона—королева рѣшилась удалить изъ министерства самыхъ ревностныхъ приверженцевъ герцога Марльборо, младшаго Зюндерланда и Годольфина, и поручила завѣдываніе дѣлами управленія торіямъ. Руководители новаго министерства, лордъ-канцлеръ Гарлей (графъ Оксфордъ) и Генри Сентъ-Джонъ, впоследствии получившій титулъ лорда Болингброка, желали прекращенія войны для того, чтобъ отнять всякое вліяніе на государственныя дѣла у герцога Марльборо, котораго не смѣли лишить главнаго командованія надъ арміей въ виду его популярности. Поэтому они сообщили французскому посланнику Торси подъ самымъ строгимъ секретомъ, что Англія расположена къ мирному соглашенію. Какъ обрадовались въ Парижѣ такому сообщенію!

Для замысловъ торіевъ было благоприятно извѣстіе, что императоръ Іосифъ I, упорнѣе всѣхъ другихъ союзниковъ настаивавшій на продолженіи войны съ Бурбонами, внезапно скончался, не оставивши дѣтей мужескаго пола, а тотъ самый Габсбургъ, для котораго было предпринято завоеваніе Испаніи, сдѣлался наслѣдникомъ обширнаго восточнаго государства. Теперь присоединеніе испанскихъ владѣній къ обширнымъ владѣніямъ австрійскаго царствующаго дома уже не было-бы согласно ни съ интересами иностранныхъ державъ ни съ требованіями европейскаго равновѣсія, потому что оно доставило бы Габсбургамъ такое же преобладаніе, какъ во времена Карла V. Союзъ, по видимому, оставался еще въ силѣ: эрцгерцогъ увѣрялъ, что не пожалѣетъ никакихъ усилій, чтобъ отстоять наслѣдственные права своего дома, а въ Англіи также не переставали убѣждать союзниковъ въ необходимости не нарушать взаимнаго согласія и упорно преслѣдовать общую цѣль; но въ сущности союзъ уже былъ поколебленъ въ своихъ основахъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти императора, просилъ въ Версали аудіенціи повѣренный Болингброка, поэтъ Прайоръ,—тотъ самый, который когда-то привезъ въ Англію извѣстіе о заключеніи Рисвикскаго мира. Его желаніе было охотно исполнено и онъ получилъ изъ устъ короля и г-жи Ментенонъ увѣреніе, что французское правительство охотно войдетъ въ соглашеніе съ Англіей. Вскорѣ послѣ того, французскій уполномоченный Менаже, считавшійся очень опытнымъ во всѣмъ, что касалось торговой политики, отправился по совѣту Болингброка въ Виндзоръ и былъ проведенъ по потаенной лѣстницѣ къ королевѣ. Было желательно не разглашать преждевременно существованіе замысла, который былъ составленъ съ себялюбивой цѣлю.—Еще до истеченія года министерство подготовляло парламентъ къ разрѣшенію важнаго вопроса о продолженіи или прекращеніи военныхъ дѣйствій, такъ какъ въ тронной рѣчи была выражена горячая надежда на скорое окончаніе войны. Миротлюбивое настроеніе

правительства встрѣтило сочувствіе въ нижней палатѣ, гдѣ послѣ новыхъ выборовъ торіи оказались въ большинствѣ; напротивъ того, члены палаты лордовъ большею частію одобряли политику Марльборо: въ своемъ адресѣ они заявили, что «никакой мирный договоръ не можетъ служить надежнымъ обезпеченіемъ, если Испанія и Вестъ-Индія будутъ оставлены во власти какой либо отрасли дома Бурбоновъ». Но на заключеніе именно такого мира уже рѣшилось англійское правительство. И оппозиція верхней палаты скоро была осилена тѣмъ, что королева, пользуясь своими прерогативами, назначила двѣнадцать новыхъ перовъ, принадлежавшихъ къ торійской партіи. Последнія событія въ Испаніи убѣдили англійское правительство въ невозможности выгнать бурбонскаго короля, за котораго такъ энергично вступилось населеніе Кастиліи. Поэтому оно рѣшилось ограничиться защитой Гибралтара и Портъ-Магона, которые намѣревалось удержать во власти Англіи. Генеральные штаты, до той поры упорно отвергавшіе всѣ предложенія французскаго правительства, тщетно старались отговорить англійское министерство отъ такой односторонней политики; тщетны были усилія и принца Евгенія, который отправился въ началѣ 1712 года въ Лондонъ съ цѣлю загладить неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное рѣзкой выходкой императорскаго посланника графа Галласа противъ торійскаго министерства, и настоять на продолженіи войны общими силами: австрійскій главнокомандующій былъ принятъ въ Лондонѣ съ большимъ почетомъ и его постарались удовлетворить личными отличіями; но на англійскую политику онъ не приобрѣлъ никакого вліянія. Не задолго передъ тѣмъ на Марльборо было взведено въ парламентѣ обвиненіе въ утайкѣ ввѣренныхъ ему казенныхъ суммъ, и основательность этого обвиненія была доказана. По этому поводу королева устранила побѣдоноснаго полководца отъ командованія англійской арміей. Въмѣсто него былъ поставленъ во главѣ арміи ревностный якобитъ, герцогъ Ормондъ, который не чувствовалъ расположенія ни къ Голландцамъ ни къ императорскому главнокомандующему. Въдъ англійскіе государственные люди вступили въ тайные переговоры съ Франціей не потому только, что они надѣялись выговорить отъ версальскаго правительства выгодныя условія для англійской торговли, а также потому, что они затѣвали интриги въ пользу легитимистовъ. Признаніе наслѣдственныхъ правъ Ганноверской династіи на англійскій престолъ было не по вкусу бездѣтной королевѣ изъ дома Стюартовъ. Она желала предоставить отцовскую корону своему единокровному брату Іакову. Такимъ образомъ оказывалось, что и по сю и по ту сторону канала политическія стремленія Стюартовъ сходились съ стремленіями Бурбоновъ!

Министерство Болингброка раздѣляло мнѣніе французскаго правительства, что Испанія и ея иностранныя владѣнія должны быть оставлены во власти бурбонскаго короля Филиппа V; но долго нельзя было достигнуть

Вопросъ о правѣ Бурбоновъ на испанское наслѣдство.

соглашения касательно вопроса, какимъ способомъ предотвратить возможность соединенія двухъ монархій—испанской и французской подъ одною верховною властію. Въдѣ уже не разъ было признано за общее правило, что никто не можетъ отказываться отъ такого права, которое даровано отъ Бога и которое включено въ основные государственные законы. А развѣ можно было поручиться, что испанскому Бурбону никогда не достанется по наслѣдству французскій престолъ и что никогда не состоится соединеніе двухъ монархій, предотвращеніе котораго и было главною цѣлю войны. Вопросъ сдѣлался еще болѣе жгучимъ вслѣдствіе того, что старшій братъ Филиппа, герцогъ Бургундскій, сдѣлавшійся послѣ смерти дофина въ апрѣлѣ 1711 г. наслѣдникомъ престола, умеръ, а вскорѣ послѣ него умеръ и его старшій сынъ. Поэтому военныя дѣйствія не прекращались еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но со стороны Англіи они велись только для виду. Герцогъ Ормондъ отказывался отъ участія во всякомъ серьезномъ предпріятіи; англійскія войска должны были ограничиваться оборонительной войной. Этимъ объясняется, почему главнокомандующій союзной арміи не могъ исполнить своего намѣренія проникнуть въ Пикардію, и почему маршалъ Вилларсъ могъ одержать верхъ надъ принцемъ Евгениемъ и надъ Голландцами при Денви на Шельдѣ. Жителямъ Парижа снова пришлось насладиться видомъ отбитыхъ у непріятеля знаменъ; это снова возбудило во французскомъ правительствѣ самоуверенность и снова вызвало предъявленіе высокомѣрныхъ требованій. Соглашеніе состоялось только послѣ того, какъ Филиппъ V публично заявилъ и въ официальномъ документѣ подтвердилъ передъ высшими сановниками и кортесами Кастиліи, что онъ отдѣляетъ свой домъ отъ французскаго королевскаго дома, что ни его самого ни его потомковъ не слѣдуетъ имѣть въ виду въ случаѣ, если бы французскій престолъ сдѣлался вакантнымъ, что его личное право на этотъ престолъ должно считаться не существующимъ и должно перейти прежде всего къ его брату герцогу Беррійскому, а потомъ къ его дядѣ герцогу Орлеанскому. Отказъ Филиппа Анжуйскаго отъ всякихъ наслѣдственныхъ правъ на французскій престолъ былъ внесенъ въ акты парижскаго парламента въ присутствіи короля Людовика XIV и всѣхъ принцевъ и съ той минуты получилъ силу закона. Вслѣдъ за тѣмъ между Англіей и Франціей было заключено перемиріе, къ которому была вынуждена присоединиться и Голландія для того, чтобы избѣжать столкновенія со всѣми военными силами Франціи.

11 апр. 1713. Конгрессъ и заключеніе мира въ Утрехтѣ. 1713. Между тѣмъ въ теченіе всего года велись въ Утрехтѣ мирные переговоры; но они имѣли менѣе важное значеніе, чѣмъ тайныя совѣщанія, происходившія между Торси и Болингброкомъ во время посѣщенія этимъ послѣднимъ Парижа и Фонтенебло, и чѣмъ тѣ интимныя сообщенія, которыми обмѣнивались правительства лондонское и версальское черезъ посредство Прайора. Только послѣ того, какъ англійскіе и французскіе министры достигли соглашения по всѣмъ пунктамъ, утрехтскій конгрессъ—съ участіемъ уполномоченныхъ отъ генеральныхъ штатовъ, отъ Испаніи, отъ Савойи и отъ Португаліи—принялся за дѣло съ такимъ рвеніемъ, что весной слѣдующаго года могъ быть заключенъ тотъ мирный договоръ, который внесъ существенныя измѣненія въ систему европейскихъ государствъ. Хотя императоръ и не принялъ участія въ происходившихъ въ Утрехтѣ переговорахъ въ надеждѣ добиться этимъ способомъ болѣе выгодныхъ

условій для прирейнскихъ провинцій и для Каталоніи, но всѣ условія состоявшагося между англійскими и французскими министрами соглашения приводились въ исполненіе точно такъ-же, какъ еслибы они были одобрены императоромъ. Эти министры были вполне увѣрены, что всѣ недовольные въ концѣ концовъ подчинятся требованіямъ необходимости. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ Англія говорила для себя самыя выгодныя условія въ награду за свое отпаденіе отъ союза. За то, что, послѣ отреченія короля Филиппа V отъ его наслѣдственныхъ правъ на французскій престолъ, она согласилась признать его вмѣстѣ съ его потомками за законныхъ обладателей Испаніи и Индіи, она получила не только Гибралтаръ и Портъ-Магонъ, но и заатлантическія владѣнія Франціи въ Новой Шотландіи (Акадію, Ньюфаундлендъ и Гудзоновъ заливъ), а Людовикъ XIV объявился срыть укрѣпленія Дюнкирхена и считать Англичанъ полными хозяевами на тѣхъ моряхъ, которыя омываютъ берега ихъ острова. Кромѣ того Англіи были предоставлены большія матеріальныя выгоды нѣкоторыми уступками относительно испано-англійскихъ торговыхъ сношеній и заключеніемъ такъ называемаго Assiento-трактата, который предоставлялъ британской компаніи за небольшую ежегодную плату исключительное право продавать въ испанской Индіи пять тысячъ негровъ. Болингброкъ, который былъ самымъ вліятельнымъ дѣятелемъ при заключеніи Утрехтскаго мира, заложилъ, благодаря тѣмъ выгодамъ, фундаментъ для владычества Англіи на моряхъ и доставилъ своей партіи перевѣсъ надъ ея политическими противниками. Свое вѣроломство при веденіи дипломатическихъ переговоровъ и свою эгоистичную, внушенную духомъ партій, тактику онъ прикрывалъ желаніемъ общей пользы. Генеральные штаты, такъ энергично державшіеся антифранцузской политики подъ руководствомъ Гейнзіуса, не вынесли большой пользы изъ войны. Имъ болѣе, чѣмъ кому-либо, слѣдовало опасаться мстительности Людовика въ случаѣ, если бы они не подчинились установленнымъ въ Утрехтѣ условіямъ. Поэтому они удовлетворились возстановленіемъ прежняго положенія относительно охраны голландской границы. По настоятельному требованію Болингброка, Людовикъ XIV предоставилъ имъ, на основаніи особаго трактата, право содержать гарнизоны въ крѣпостяхъ Менинъ, Ипернъ, Турне и нѣкоторыя облегченія въ торговыхъ сношеніяхъ. И герцогъ Савойско-Пиемонтскій былъ обязанъ заступничеству Англіи тѣмъ, что его своевременный отказъ отъ воинственной политики доставилъ ему новыя выгоды. Въ его власти были оставлены тѣ владѣнія, которыя когда-то были ему предоставлены союзниками въ силу Туринскаго договора; ему отдали Сицилію, не смотря на желаніе Людовика XIV наградить этимъ островомъ его вѣрнаго союзника Макса Эмануила; кромѣ того, за его династіей признали право наслѣдовать испанскій престолъ на случай, если-бы преемъ

Англія.

Голландія.

Савойя.

Пруссія. родъ Филиппа V. Пруссія получила Гельдернъ въ вознагражденіе за отказъ отъ ея старыхъ денежныхъ взысканій съ испанской монархіи, а права ея правителя на королевскій титулъ и его верховная власть надъ Невшателемъ и Валенжиномъ были всѣми признаны.

Политика Авст- рій. Французско-англійская дипломатія распорядилась въ Утрехтѣ судьбами Европы съ неограниченнымъ самовластіемъ. Но развѣ можно было допустить, чтобъ лондонское правительство нисколько не позаботилось объ интересахъ того австрійскаго Габсбурга, которому предполагалось предоставить все испанское наслѣдство, и права котораго Австрія съ такой энергіей отстаивала въ теченіе слишкомъ двѣнадцати лѣтъ? Всѣмъ было хорошо извѣстно, какъ горячо добивалась Австрія обладанія миланскимъ герцогствомъ. Вѣдь уступая своему брату свои права на испанскую монархію, императоръ Іосифъ выговорилъ въ свою пользу уступку герцогства. А теперь, при вступленіи Карла VI на престолъ, положеніе дѣлъ въ Австріи было довольно

1 мая 1711. удовлетворительно. Вскорѣ послѣ смерти Іосифа I, вѣнскому правительству удалось заключить въ Сплатмарѣ миръ, крѣпче прежняго привязавшій къ монархіи и Венгрію и Трансильванію. Въ установленіи условій новаго государственнаго договора принимали самое дѣятельное участіе отъ имени короля графъ Іоаннъ Пальфи, отъ имени «конфедератовъ» Александръ Кароли: странамъ, лежащимъ по ту сторону Лейты и по ту сторону горъ, были возвращены старинныя права и вольности; протестантамъ аугсбургскаго и гельветическаго исповѣданія была возвращена свобода богослуженія; на государственныя, военныя и церковныя должности было рѣшено назначать только мѣстныхъ уроженцевъ, а всеобщая амнистія положила конецъ революціонному движенію; князь Ракоци не захотѣлъ воспользоваться предложеннымъ ему помилованіемъ и предпочелъ провести послѣдніе годы своей жизни сначала во Франціи, потомъ въ Турціи; тѣмъ не менѣе можно было считать обезпеченнымъ возстановленіе внутренняго спокойствія въ восточныхъ провинціяхъ, а это давало императору возможность употребить всѣ его военныя силы на отстаиваніе его притязаній или на приобрѣтеніе выгодныхъ мирныхъ условій. Первый полководецъ того времени, принцъ Евгенийъ еще стоялъ на Рейнѣ съ значительной арміей; Штаргембергъ еще держалъ въ своей власти Барцелоцу, гдѣ Карлъ III оставилъ передъ отъѣздомъ въ Вѣну свою супругу—молодую и красивую Елизавету Христину Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскую, которая передъ своимъ замужествомъ перешла въ католическую вѣру вмѣстѣ съ своимъ дѣдомъ Антономъ Ульрихомъ; а жители Каталоніи рѣшились продолжать борьбу за своего короля и за свои старинныя права даже послѣ удаленія англійской арміи. Поэтому въ Утрехтѣ снова возникла мысль о раздѣлѣ испанской монархіи; въ такомъ случаѣ Бельгія, Миланъ, Неаполь и Сардинія должны были перейти отъ Испаніи къ Австріи. По видимому, только этимъ способомъ можно было достигнуть прочнаго мира.

Карлъ VI и самые вліятельные изъ имперскихъ владѣтельныхъ князей не могли безъ оговорокъ согласиться на установленныя въ Утрехтѣ условия мира. Развѣ императоръ могъ покинуть Каталонцевъ, доказавшихъ ему свою непоколебимую преданность и въ надеждѣ на его помощь упорно отказывавшихся положить оружіе? Развѣ на немъ не лежала обязанность позаботиться объ обезпеченіи ихъ привилегій? А имперія, рассчитывавшая на возстановленіе условій Вестфальскаго мира и на приобрѣтеніе Страсбурга и Эльзаса, развѣ могла допустить, чтобъ ея границамъ снова угрожала завоевательная политика непріязненнаго сосѣда? Но коалиція англійскихъ и французскихъ министровъ рѣшила возстановить относительно Германіи условія Рисвикскаго мирнаго договора. Торіи не постыдились предоставить Франціи рейнскую границу въ отплату за приобрѣтенныя выгоды по торговлѣ, а къ восточнымъ провинціямъ Испаніи, когда-то взявшимся за оружіе по ихъ призыву, обратились съ требованіемъ покориться ихъ заклятымъ врагамъ. Поэтому все предвѣщало кровавый эпилогъ продолжительной войны. Но когда Французы самоуверенно двинули всѣ свои военныя силы на Рейнъ, взяли Ландау, заняли Фрейбургъ не смотря на мужественное сопротивленіе генерала Гарша, стали готовиться къ вторженію въ Швабію и искали случая выместить на южной Германіи пораженіе при Гёгштедтѣ, тогда императоръ Карлъ убѣдился, что при помощи однихъ имперскихъ войскъ онъ не будетъ въ состояніи съ успѣхомъ вести войну съ Франціей въ особенности потому, что самые воинственные владѣтели сѣверныхъ имперскихъ странъ были заняты войной съ Шведами; кромѣ того, могла-бы образоваться новая коалиція съ цѣлю привести въ исполненіе условія Утрехтскаго мира. Поэтому императоръ уполномочилъ своего главнокомандующаго Евгенія заключить перемиріе съ французскимъ главнокомандующимъ Вилларсомъ и вслѣдъ за тѣмъ одобрилъ условія Раштатскаго мира, который былъ 7 марта 1714. заключенъ двумя маршалами на основаніи Утрехтскаго соглашенія, и на который по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ изъявила въ Баденѣ, въ Ааргау, свое согласіе нѣмецкая имперія. На основаніи мирныхъ договоровъ Раштатскаго и Баденскаго, курфирстамъ Баварскому и Кельнскому были возвращены ихъ владѣнія, крѣпость Ландау была уступлена Франціи, Фрейбургъ, Брейзахъ и Кель были возвращены нѣмецкой имперіи, а укрѣпленія, возведенныя на островѣ Рейна и противъ Гюнингена, были срыты. Такъ какъ посланники англійскій и голландскій не участвовали въ мирныхъ переговорахъ, то Людовику XIV удалось, съ одобренія вѣнскаго кабинета, оставить въ силѣ ту, касавшуюся религіи, статью Рисвикскаго мирнаго договора (стр. 439), которая была памятникомъ его владычества, была ненавистна протестантамъ и служила возбужденіемъ къ новымъ ожесточеннымъ распрямъ. Даже англійскіе государственные люди осуждали эту «скандальную статью».

Мирные договоры Раштатскій и Баденскій. 1714.

7 сент.

Приведение Ка- Вслѣдъ за тѣмъ и въ Каталоніи совершилась трагическая развязка
талоніи въ по- продолжительной войны. Когда австрійскія войска, находившіяся
корность. подъ начальствомъ Штаргемберга, отплыли вмѣстѣ съ императрицей
изъ Барцелона въ слѣдствіе заключенія перемирія между Австріей и
Франціей, то маршалъ Бервикъ вступилъ во главѣ испанско-фран-
цузской арміи въ восточныя испанскія провинціи и потребовалъ отъ
населенія изъясненія покорности и принятія кастильской конституціи.
Такъ какъ главный городъ Арагоніи, Сарагосса, находился во власти
Филиппа V, то жители этой провинціи подчинились силѣ; но Бар-
целона въ теченіе почти цѣлаго года оборонялась отъ превосходныхъ
военныхъ силъ непріятеля. Около того времени, когда Баденскій миръ
положилъ конецъ войнѣ на Рейнѣ, покинутая Англичанами и Австрій-
цами Барцелона была взята приступомъ. Война нанесла тамъ неза-
лечимыя раны: прелестныя равнины Валенціи оставались невоздѣ-
ланными; Каталонцы предпочитали смерть необходимости подчиняться
ненавистнымъ Кастильянкамъ; подобно жителямъ древняго Сагунта
и Нуманціи, они сами зажигали свои жилища и погребали себя подъ
ихъ развалинами. Наконецъ, когда послѣ взятія Лериды, Сарагоссы
и Барцелона дальнѣйшее сопротивленіе сдѣлалось невозможнымъ, а
самые отважные вожди недовольныхъ погибли подъ сѣкирой палача,
Арагонія, Каталонія и Валенція утратили всѣ уцѣлѣвшіе остатки
своихъ старыхъ учреждений и стали управляться по законамъ Ка-
стилии. И состраданіе императора, со скорбію воспоминавшаго о горь-
кой участи покинутыхъ и обманутыхъ имъ Каталонцевъ, и участие,
съ которымъ вся Европа относилась къ этимъ несчастнымъ, были
плохимъ утѣшеніемъ въ утратѣ національныхъ правъ и племенныхъ
особенностей.

II. великая сѣверная война.

1. Карлъ XII въ Даніи, въ Польшѣ и въ Саксоніи.

Отсутствіе Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія еще такъ была слаба внутрен-
единства въ ев- ния связь между европейскими государствами, что одновременно съ
ропейской по- войной за испанское наслѣдство происходила на сѣверѣ и сѣверо-
латвія. востокѣ другая великая народная борьба, а воюющія стороны не
вступали между собою въ близкія сношенія, такъ что военные успѣхи
или военныя неудачи одной группы сражающихся не имѣли суще-
ственного вліянія на успѣхи или неудачи другой группы. Однако, и
тутъ и тамъ былъ заключенъ между нѣсколькими европейскими го-
сударствами союзъ для борьбы съ однимъ государствомъ, — и тутъ и
тамъ военные и политическіе планы составлялись и приводились
въ исполненіе людьми энергичными и способными на великія пред-
пріятія.

Мы уже ранѣе говорили о положеніи тѣхъ государствъ, которыя Швеція въ на-
принимали участіе въ сѣверной войнѣ. Швеція стояла въ моментъ чашѣ столѣтія
смерти Карла XI на вершинѣ своего могущества, для котораго былъ
заложенъ фундаментъ Густавомъ Адольфомъ и Карломъ X. Энерги-
ческое приведеніе въ порядокъ государственныхъ доменовъ и бере-
жливость короля доставили возможность уплачивать долги и орга-
низовать превосходную армію и флотъ. Владѣя прибрежными стра-
нами и богатыми городами Висмаромъ, Штральзундомъ, Штетинномъ,
Ригой и Ревелемъ, Швеція господствовала надъ торговыми сноше-
ніями прибалтійскихъ портовыхъ городовъ и прикрывала бѣдность
собственного населенія большими доходами отъ пошлинъ. Въдѣ въ ея
владѣніяхъ находились устья Везера, Одера, Двины и Невы! Ингер-
манландія, Лифляндія и Эстляндія были житницами Швеціи, а то
мѣсто, гдѣ теперь стоитъ Петербургъ, было болотистой низмен-
ностью, на которой кое-гдѣ видѣлись рыбацкія хижины и которая
находилась на шведской территоріи. Балтійское море въ сущности
было шведскимъ моремъ. Немногочисленная и бѣдная шведская нація
стала на ряду съ великими европейскими державами благодаря воин-
ственности своего привыкшаго къ матеріальнымъ лишеніямъ насе-
ленія, благодаря воинскимъ дарованіямъ нѣкоторыхъ изъ своихъ
королей и благодаря раздорамъ между сосѣдними государствами.
Не смотря на то, что въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій семнадца-
таго столѣтія она отчасти утратила свое прежнее политическое зна-
ченіе, ея посланнику была предоставлена роль руководителя и по-
средника при веденіи мирныхъ переговоровъ въ Ресвикѣ.

Сосѣди съ завистью взирали на могущество Швеціи, перѣдко обнару-
живавшее въ нарушеніи ихъ государственныхъ интересовъ. Съ тѣми примор-
скими странами, которыми Швеція владѣла въ восточной части Балтійскаго
моря, она обходилась какъ съ иностранными провинціями, которыя упла-
чивали въ Стокгольмѣ свои подати, но не входили въ составъ государства
на равныхъ правахъ съ шведскими провинціями; въ слѣдствіе отобранія ка-
зенныхъ земель, распространившагося и на заморскія владѣнія Швеціи
(стр. 470), многіе изъ лифляндскихъ дворянъ лишились своихъ помѣстьевъ,
которыя были ими получены отъ предковъ или были приобретены покупкой
или по договорамъ въ полной увѣренности, что ихъ право собственности
не можетъ быть нарушено. Въ прежніе годы Лифляндія была многимъ
обязана шведскому правительству: оно ввело въ Лифляндіи меженныя законы,
основало въ Дерптѣ университетъ по образцу того, который былъ основанъ
въ Упсалѣ, заводило въ большихъ городахъ высшія учебныя заведенія и
организовало церковное управленіе. При генераль-губернаторѣ, завѣды-
вавшемъ, въ качествѣ королевскаго намѣстника, военными и гражданскими
дѣлами, состоялъ совѣтъ изъ шведскихъ и нѣмецкихъ дворянъ; рыцарству
и сейму были предоставлены широкія права и широкая сфера вѣдомства.
Но подъ деспотическимъ управленіемъ Карла XI привилегіи Лифляндцевъ
неоднократно нарушались губернаторомъ Гастферомъ, сеймъ былъ распу-
щенъ, государственныя чины подверглись лишенію своихъ правъ за то, что
слишкомъ горячо жаловались въ Стокгольмѣ на отобраніе государствен-
ныхъ земель. Самую сильную ненависть къ шведскому владычеству обна-

Швеція и ея
сосѣди.
Лифляндія.

Паткуль.

руживал лифляндскій дворянинъ Іоаннъ Рейнгольдъ Паткуль, котораго глубоко оскорбили нарушенія старыхъ, обезпеченныхъ договорами, земскихъ правъ и учреждений. Онъ энергически защищалъ мѣстные права и за это былъ преданъ суду, какъ государственный измѣнникъ. Ему удалось бѣгствомъ спастись отъ шведскихъ судей. Присужденный къ позорной смертной казни и лишенный своего состоянія, Паткуль прожилъ нѣсколько времени въ Германіи и въ Швейцаріи, а потомъ поступилъ на службу къ польскому королю Августу II. По словамъ Ноордена, онъ былъ въ своей политической дѣятельности заносчивъ и неспособенъ ни на какія уступки, но въ частной жизни былъ человѣкъ надежный, безкорыстный и благородный. Въ его натурѣ не было ничего дюжиннаго.

анія в Шлез-
вигъ-Гольштейнъ.
Фридрихъ IV.
1699—1730.

И въ Даніи, гдѣ король Фридрихъ IV наследовалъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія своему отцу Христіану V, были сильно возбуждены противъ Шведовъ и дворъ и дворянство. Тамъ еще не позабыли тяжелыхъ условий, которыя были наложены на Данію ея побѣдоноснымъ сосѣдомъ при заключеніи Копенгагенскаго мира (стр. 450). Съ политической ненавистью соединилась наследственная вражда между двумя царствующими домами. Съ тѣхъ поръ, какъ Ольденбургская династія распалась на королевско-датскую линію и на боковую герцогскую линію, между ея членами обнаружались внутренніе раздоры и взаимное недовѣріе. Герцогства шлезвигское и гольштинское были раздѣлены между линіями старшей и младшей безъ проведенія точныхъ границъ, такъ что города и замки были по взаимному соглашенію подчинены частію одному частію другому владѣтелю; поэтому болѣе могущественные представители старшей линіи старались подчинять своей власти своихъ родственниковъ, герцоговъ Готторпскихъ, усиливать ленную зависимость Шлезвига, расширять права датскихъ землевладѣльцевъ въ ущербъ подданнымъ герцога и пользоваться экономическими и военными силами герцогствъ для достиженія датскихъ государственныхъ цѣлей. Отмѣна выборнаго начала и учрежденіе права первородства въ обоихъ герцогствахъ еще болѣе усилили неприязнь къ Даніи и еще болѣе ослабили сознание общности интересовъ и обязанностей. Датскіе короли старались увеличить свои континентальныя владѣнія посредствомъ присоединенія Шлезвига къ Ютландіи и старались наложить на герцоговъ Гольштейнъ-Готторпскихъ вассальную зависимость; но это привело лишь къ тому, что герцогства тѣснѣе прежняго примкнули къ Швеціи и стали искать у нея защиты отъ насилій. Эти политическія симпатіи иногда скрѣплялись узами брачныхъ союзовъ. Готторпскіе герцоги часто находили поддержку и со стороны морскихъ державъ Голландіи и Англіи, которыя по торговымъ соображеніямъ не желали владычества Датчанъ въ Нѣмецкомъ морѣ и въ ведущихъ къ этому морю проливахъ. Когда честолюбивый Фридрихъ IV вступилъ на датскій престолъ и назначилъ государственнымъ канцлеромъ осмотрительнаго Ревентлова, на готторпскихъ территорияхъ властвовалъ его родственникъ, зять молодого шведскаго короля Карла XII, носившій также имя Фридриха и такъ-же, какъ Карлъ XII, отличавшійся безразсудной смѣлостью въ верховой вѣздѣ и на охотѣ и своимъ воинственнымъ характеромъ.

Карлъ XII и
ольскій король
Августъ II.

Почти въ то самое время, какъ Карлъ XII вступилъ на шведскій престолъ, при помощи Пипера устранилъ отъ управленія назначенныхъ его отцемъ на время его несовершеннолѣтія опекуновъ и съ одобренія государственныхъ чиновъ взялъ въ свои собственныя руки неограниченную королевскую власть, на польскій престолъ вступилъ подъ именемъ Августа II саксонскій курфирстъ Фридрихъ Августъ Сильный. «Династическое тщеславіе и личное честолюбіе

побудили Фридриха Августа выступить кандидатомъ на польскій престолъ и отречься отъ вѣры его предковъ; онъ достигъ королевскаго престола благодаря тому, что заглушилъ въ себѣ чувство долга. Съ той поры самообожаніе сдѣлалось главной услугой его жизни, а ежедневной забавой служила для него погоня за блестящими химерами. Съ тѣхъ поръ въ его дѣятельности постоянно обнаруживалось сочетаніе коварства съ дарованіями государственнаго человѣка, двоюдушія съ государственной мудростью». Завоевательные замыслы внушилъ ему его саксонскій министръ Іаковъ Генрихъ фонъ-Флеммингъ, который помогалъ ему вліять посредствомъ подкуповъ на выборы польскаго короля, но былъ легкомысленъ и любилъ составлять разные замысловатые государственные проекты. Хорошо зная, что Фридрихъ Августъ легко увлекался честолюбивыми замыслами и что его совѣтъ не мѣшала ему прибѣгать въ политикѣ къ обманамъ и къ насиліямъ, Флеммингъ сталъ внушать ему надежду, что можно бы было приобрести шведскія владѣнія, лежація на берегахъ Балтійскаго моря. Въ нарушеніе даннаго слова, Августъ подъ разными предлогами содержалъ въ Польшѣ значительную саксонскую армію, которую могъ во всякое время двинуть куда пожелаетъ. Его замыселъ сталъ созрѣвать, когда Паткуль поступилъ къ нему на службу и сталъ сообщать съ Флеммингомъ утверждать, что Лифляндія охотно свергнула-бы съ себя ненавистное господство Швеціи, если-бы могла рассчитывать на чье-либо энергическое содѣйствіе.

Такъ какъ и польская аристократическая республика была-бы рада отомстить Швеціи за разныя прошлыя обиды, то Августъ имѣлъ основаніе надѣяться, что, подкупивши нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, привлечетъ и сеймъ къ участію въ войнѣ. Развѣ его коронаціонная присяга не возлагала на него обязанность помогать Польшѣ въ ея стараніяхъ снова приобрести утраченныя владѣнія? А къ числу такихъ утраченныхъ владѣній принадлежала и Лифляндія. Черезъ посредство Паткуля онъ вступилъ въ сношенія съ лифляндскимъ дворянствомъ; онъ могъ надѣяться, что одно удачное сраженіе пробудитъ воинственныя стремленія въ варшавскомъ сеймѣ. Черезъ средство Паткуля онъ заключилъ союзъ съ русскимъ царемъ Петромъ I, желавшимъ приобрести доступъ къ берегамъ Балтійскаго моря; другого союзника онъ безъ большаго труда приобрѣлъ въ лицѣ заклятаго врага Шведовъ, датскаго короля. Минута была, по видимому, чрезвычайно благопріятна для союзниковъ: развѣ можно было предположить, что молодой, дурно воспитанный и неопытный шведскій король будетъ въ состояніи выдержать борьбу съ тремя союзными монархами? Поэтому военные дѣйствія были начаты немедленно. Неиспросивши согласія польской республики, саксонская армія двинулась подъ предводительствомъ Флемминга, Штейнау и Паткуля къ

Союзъ трехъ
монарховъ при
тивъ Швеціи

11 нояб. 1691

лифляндской границѣ для того, чтобъ вызвать мѣстное дворянство къ сверженію шведскаго владычества; она стала угрожать Ригѣ, между тѣмъ какъ Русскіе готовились къ вторженію въ Эстляндію, а король датскій Фридрихъ IV принудилъ герцога Гольштейн-Готторпскаго присоединить Шлезвигъ къ Ютландіи и къ датскому королевству.

Но какъ была удивлена Европа, когда юный шведскій король обнаружилъ энергическую дѣятельность и выдающіяся воинскія дарованія! Въ негодованіи на ничѣмъ не вызванное объявленіе войны, онъ торопливо отплылъ съ десантнымъ войскомъ къ берегамъ Даніи; при содѣйствіи голландской и англійской эскадръ, крейсировавшихъ въ датскихъ водахъ, онъ высадился на датскій берегъ и немедленно приступилъ къ осадѣ Копенгагена. Датчане пришли въ ужасъ; они боялись повторенія такихъ же бѣдствій, какія вынесла ихъ столица за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ; датскій король, имѣя въ своемъ распоряженіи очень небольшую армію и плохо дисциплинованные саксонскіе вспомогательные отряды, тщетно пытался завладѣть Теннингенномъ; поэтому онъ сталъ торопливо добиваться мирнаго соглашенія. Въ увеселительномъ замкѣ герцога фонъ Плѣна, Травендалъ былъ созванъ конгрессъ, въ которомъ приняли участіе уполномоченные двухъ морскихъ державъ, Франціи и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей, и на которомъ было рѣшено прекратить датско-гоольштинскую распрю. Фридрихъ IV отказался отъ союза съ королемъ Августомъ и съ Петромъ I и далъ обѣщаніе вознаградить герцога Гольштинскаго за понесенныя потери, а этотъ послѣдній склонилъ Шведовъ къ отступленію.

Счастливый исходъ непродолжительной войны усилилъ воинственный пылъ шведскаго короля. Онъ задумалъ наказать другихъ двухъ нарушителей мира точно такъ-же, какъ наказалъ своего датскаго противника. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Стокгольмѣ, онъ высадился съ небольшою арміею въ Перновѣ и немедленно двинулся противъ Русскихъ, которые проникли въ Эстляндію и подъ начальствомъ генерала Галларта осаждали Нарву. Въ русской арміи господствовало нехорошее настроеніе умовъ: солдаты ненавидѣли иностранныхъ офицеровъ и не обнаруживали большаго расположенія къ войнѣ въ особенности потому, что царь удалился вмѣстѣ съ Головинымъ и съ Меньшиковымъ съ театра военныхъ дѣйствій, предоставивъ принцу Круа вывертываться изъ затруднительнаго положенія какъ умѣетъ. Поэтому, послѣ непродолжительнаго, но кровопролитнаго, боя внѣ и внутри русскаго укрѣпленнаго лагеря восемь тысячъ Шведовъ, предводимыхъ самимъ королемъ и даровитымъ генераломъ Реншіельдомъ, нанесли поражение внятеро болѣе многочисленной непріятельской арміи. Добыча, доставшаяся побѣдителямъ, заключалась въ 150 пушкахъ, въ разныхъ военныхъ запа-

сахъ и съ небольшимъ въ сотнѣ маленькихъ судовъ, стоявшихъ въ одной гавани подлѣ Нарвы. Принцъ Круа и другіе начальники подверглись такимъ угрозамъ со стороны своихъ собственныхъ солдатъ, что были вынуждены сдаться въ плѣнъ, а простыхъ рядовыхъ, спасавшихся бѣгствомъ, Карлъ не преслѣдовалъ. Такимъ образомъ Карлъ XII одолѣлъ и втораго врага; ему было-бы нетрудно принудить Петра къ заключенію мира, еслибы онъ не горѣлъ нетерпѣніемъ справиться съ своимъ главнымъ противникомъ и не двинулъ свою армію на югъ. Августъ II тщетно надѣялся склонить Лифляндцевъ на свою сторону: лифляндское дворянство не питало довѣрія къ его замысламъ и держалось въ сторонѣ, а городъ Рига, въ которомъ командовалъ старикъ Дальбергъ, сопровождавшій въ своей молодости Карла X въ походахъ на ту сторону Бельта, оказалъ такое мужественное сопротивленіе, что пришлось снять осаду. Когда Шведы стали приближаться къ Двинѣ, Саксонцы стали отступать, такъ что Карлъ XII, послѣ мастерской переправы черезъ рѣку на глазахъ у Русскихъ и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сраженій съ Саксонцами и съ присоединившимися къ Саксонцамъ Курляндцами, могъ снова вступить въ обладаніе обѣими провинціями. Герцогъ Курляндскій Фердинандъ Казиміръ бѣжалъ изъ своего отечества, въ которое ему было суждено никогда болѣе не возвращаться. Но Августъ II возобновилъ союзъ съ Русскимъ царемъ при личномъ свиданіи въ замкѣ Бирсенѣ, неподалеку отъ Вильны, а послѣ того, возвратившись изъ Литвы въ Польшу, старался подкупить магнатовъ саксонскими и русскими деньгами для того, чтобъ польская республика согласилась принять участіе въ безразсудныхъ честолюбивыхъ замыслахъ своего короля.

Карлъ далъ своему противнику немного времени для приготовления къ войнѣ. Разогнавши саксонско-русскіе отряды, которые стояли на границѣ Лифляндіи, онъ вступилъ въ Литву, гдѣ его дружелюбно приняло вліятельное семейство Сапѣги, недовольное тѣмъ, что Августъ назначилъ своего фаворита Флемминга оберъ-штальмейстеромъ въ эту провинцію, въ еще пользовавшуюся нѣкоторой независимостью. Карлъ сталъ угрожать Полякамъ войной, если не будетъ свергнутъ съ престола ихъ король, нарушившій свою клятву и стремящійся къ неограниченному владычеству. Въ отвѣтъ на это, польская «республика» заявила, что она и не одобряла и не поддерживала Августа II въ его попыткѣ вторгнуться въ Лифляндію, но она отвергла требованіе шведскаго короля, какъ несогласное съ основными законами страны и просила признать ея нейтралитетъ. Тѣмъ не менѣе, Карлъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи лишить курфирста саксонскаго польской короны. «На слово вашего короля нельзя положиться», отвѣчалъ онъ министру Пиперу, убѣждавшему его заключить миръ. «Еслибы мы вели войну съ Россіей, онъ не отказался-бы отъ русскихъ денегъ и напалъ-бы на насъ съ

Лифляндія и Курляндія принуждены покориться.

Июнь и июль 1701.

Февр. 1701.

Карлъ въ Литву и въ Польшу.

Май 1702. тылу». Поэтому Карлъ не захотѣлъ заводить переговоры съ Августомъ, вступилъ съ своими шведскими войсками въ Польшу и въ маѣ сталъ подъ стѣнами Варшавы. Дрожавшіе отъ страха городскіе граждане поднесли ему ключи отъ польской столицы и уплатили наложенную на нихъ контрибуцію. Августъ отправился въ Краковъ и въ Сендомірь, гдѣ ему удалось склонить нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей дворянства къ организаціи ополченія.

19 іюля 1702. Карлъ XII немедленно двинулся вслѣдъ за нимъ. Послѣ побѣды, которую онъ одержалъ надъ саксонско-польской арміей при Клиссовѣ и за которую заплатилъ жизнью его зять и боевой товарищъ герцогъ Фридрихъ Гольштейнъ-Готторпскій, онъ завладѣлъ Краковомъ и преслѣдовалъ своего противника въ польскую Пруссію, упорно отвергая и мирныя предложенія Августа, и предложенія посредничества со стороны Поляковъ и иностранныхъ правительствъ, и со вѣты своихъ собственныхъ друзей. Подобно странствующимъ рыцарямъ, находившимъ наслажденіе въ разнообразныхъ приключеніяхъ, отважный шведскій король гонялся за своимъ противникомъ по равнинамъ, болотамъ и лѣсамъ, доставляя своему болѣе сильному противнику, русскому царю возможность безпрепятственно приводить въ исполненіе его завоевательные замыслы на берегахъ Балтійскаго моря и въ Ботническомъ заливѣ. Даже вступившій на русскую службу, Паткуль помогалъ русскому царю достигать его цѣлей въ нѣмецко-швецкихъ провинціяхъ. Въ слѣдующемъ году Карлъ, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сраженій съ Саксонцами и съ польскими конфедератами, завладѣлъ городами Люблиномъ и Пултускомъ, а въ западной Пруссіи Торномъ, Эльбингомъ, и Данцигомъ, такъ что большая часть польскаго государства подпала подъ его власть; теперь ему было легче достигнуть низверженія саксонскаго курфирства съ польскаго престола. Вѣдь всѣ его усилія были направлены не къ приобрѣтенію новыхъ владѣній, а къ удовлетворенію жажды мщенія.

Новые выборы польскаго короля. Въ средѣ польской «дворянской демократіи» можно было найти поддержку для какихъ-бы то ни было замысловъ, потому что нѣкоторые изъ польскихъ магнатовъ, какъ напр. Сапѣги, держали сторону Швеціи, нѣкоторые другіе, какъ напр. Огинскіе, желали союза Польши съ Россіей, но болѣею частью они ставили свои личныя себялюбивыя цѣли выше долга преданности королю или требованій патріотизма. Скоро вся страна раздѣлилась на враждебныя одна другой партіи. Можно-ли же удивляться тому, что даже во время войны высказывалась съ разныхъ сторонъ мысль о раздѣлѣ Польши? Непріязненная саксонскому курфирсту партія, организовавшая варшавскую конфедерацию, обвиняла Августа въ нарушеніи Pacta conventa и въ томъ, что онъ вовлекъ Польшу въ войну съ цѣлію присвоить себѣ права неограниченнаго монарха; она утверждала, что своей вѣроломной политикой и явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ

страны онъ доказалъ, что недостойнъ польскаго престола. Во главѣ этой партіи стоялъ, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ Любомірскимъ, польскій примасъ, — умный и краснорѣчивый, новластолюбивый и двоедушный кардиналъ-архіепископъ Радзейовскій, который на послѣднихъ выборахъ короля долго не рѣшался взять чью-либо сторону, съ завистью смотрѣлъ на расточительную пышность Августа II и былъ-бы очень доволенъ, если бы польскій престолъ оказался вакантнымъ, потому что, на основаніи конституціи, управленіе страной находилось-бы во время междуцарствія въ его рукахъ. Подъ его предсѣдательствомъ собрался въ Варшавѣ сеймъ для постановленія рѣшенія о томъ, что король Августъ лишился престола и что слѣдуетъ приступить къ избранію новаго короля. Въ шведскомъ лагерѣ возникла мысль, что слѣдовало-бы возвести на отцовскій престолъ одного изъ трехъ сыновей Іоанна Собіескаго, жившихъ въ Силезіи въ своемъ помѣстьѣ Олау. Карлъ одобрилъ эту мысль и вступилъ въ переговоры съ тремя братьями. Но Августъ разрушилъ этотъ замыселъ. Будучи увѣренъ, что вѣнское правительство не будетъ долго гнѣваться за вторженіе стараго друга и союзника въ нейтральную территорію, онъ отправилъ переодѣтыхъ саксонскихъ офицеровъ съ порученіемъ схватить князей Собіескихъ во время ихъ переѣзда изъ Олау въ Бреславль и отправить двухъ старшихъ въ Лейпцигъ, а оттуда въ кѣнигштейнскую тюрьму. Младшій изъ трехъ братьевъ, Александръ спасся бѣгствомъ въ Польшу, но его не удалось склонить къ принятію польской короны. Онъ самъ обратилъ вниманіе Карла на позенскаго воеводу Станислава Лещинскаго; это былъ благонамѣренный и образованный аристократъ, отличавшійся простотою своего образа жизни и прямотою, но мало способный къ исполненію той трудной роли, которую намѣревались возложить на него. Примасу было не по вкусу такое скорое избраніе новаго короля; онъ желалъ какъ можно болѣе продлить междуцарствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ свое пребываніе во главѣ управленія. Но нетерпѣніе Карла не допускало никакихъ проволочекъ. Уже въ іюлѣ Станиславъ былъ провозглашенъ польскимъ королемъ на одной сходкѣ избирателей, окруженной шведскими солдатами; это предвѣщало новыя насилія со стороны шведскаго короля. Въ слѣдующемъ году новый польскій король былъ коронованъ епископомъ львовскимъ, но его положеніе не сдѣлалось послѣ того болѣе обезпеченнымъ, потому что его возведенію на престолъ противились и саксонская партія и русская: Августъ II и Петръ I дѣлали все, что могли, чтобъ свергнуть кандидата, пользовавшагося покровительствомъ ихъ общаго врага. Станиславъ могъ удержаться на престолѣ только благодаря непрерывнымъ военнымъ успѣхамъ Шведовъ. Царь старался посредствомъ денежныхъ субсидій раздуть въ Польшѣ пламя войны для того, чтобъ ему не мѣшали достигать его цѣлей въ другомъ мѣстѣ.

Февр. 1701.

12 іюля 1704.

Война въ Поль-
шѣ и политика
Пруссіи.

Шаткое положеніе дѣлъ въ Польшѣ заставляло шведскаго короля безпрестанно переводить его армію съ одного конца польскихъ владѣній на другой. Послѣ избранія рекомендованнаго имъ кандидата на польскій престолъ онъ предпринялъ чрезвычайно трудный походъ въ Галицію и завладѣлъ Львовомъ. Пользуясь его отсутствіемъ, Августъ быстро двинулся къ Варшавѣ, взявъ въ плѣнъ шведскій гарнизонъ, находившійся подъ начальствомъ генерала Горна, и наказалъ столицу за ея измѣну. Станиславъ успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Львовъ къ своему покровителю. Узнавши о варшавскихъ событіяхъ, Карлъ поспѣшилъ къ берегамъ Вислы и принудилъ армію Августа къ отступленію; состоявшій на службѣ у Августа, даровитый полководецъ, имперскій графъ Іоаннъ Матвѣй фонъ-деръ-Шуленбургъ совершилъ, послѣ удачнаго сраженія при Пуницѣ, такое мастерское отступленіе, что саксонскія войска переправились за Одеръ, не понеся никакихъ потерь отъ шедшихъ вслѣдъ за ними Шведовъ. Варшава была снова занята Шведами; генералъ Пайкулъ попытался еще разъ завладѣть въ располхъ городомъ при помощи саксонской кавалеріи и другихъ отрядовъ, присланныхъ Шуленбургомъ, но эта 13 іюля 1705. попытка не удалась; въ сраженіи при Волѣ Пайкулъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, а такъ какъ онъ былъ родомъ Лифляндецъ, то Карлъ осудилъ его на смерть и казнилъ, какъ государственнаго измѣнника. Карлъ потребовалъ, чтобъ и въ Варшавѣ было совершено коронованіе Станислава, за тѣмъ двинулся въ Литву и въ Волынь и принудилъ Русскихъ къ отступленію не смотря на то, что ему пришлось бороться съ несказанными затрудненіями и лишениями, потому что время года было неблагоприятно для похода, мѣстность, по которой онъ проходилъ, была болотиста, а непріятельская армія была многочисленна; этимъ походомъ онъ упрочилъ авторитетъ короля Станислава. — Еще никогда не находилась вся Европа въ такомъ сильномъ возбужденіи, какъ въ теченіе этихъ лѣтъ. Не только на югѣ и на сѣверѣ, на западѣ и на востокѣ безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто цѣлыя арміи, происходили сраженія, завоевывались города, подвергались мучительнымъ страданіямъ и убивались люди, но даже при дворахъ, въ сферѣ дипломатовъ и государственныхъ людей происходила усиленная дѣятельность, велись интриги, составлялись союзы, придумывались разныя хитрости и обманы. Въ особенности Берлинъ былъ театромъ усиленной дипломатической дѣятельности: каждая изъ воюющихъ сторонъ старалась привлечь прусское правительство на свою сторону: Паткулъ убѣждалъ его вступить въ союзъ съ русскимъ царемъ и съ Августомъ II; сендомірскіе конфедераты убѣждали его заключить союзъ съ польскою республикой; жители Данцига просили его защиты отъ угрожавшей имъ опасности; съ Карломъ XII оно вело переговоры. Но мы уже ранѣе замѣтили, что бранденбургская политика не стояла подъ руководствомъ Вартен-

берга на одномъ уровнѣ съ тогдашними важными задачами (стр. 459). Блестящіе празднества и увеселенія, которыми берлинскій дворъ соперничалъ съ дрезденскимъ, интриги, придворныя козни, дворянскія клики и заговоры политическихъ партій мѣшали ясному пониманію высшихъ государственныхъ интересовъ. Вслѣдствіе поѣздки ловкаго герцога Марльборо въ Берлинъ, король Фридрихъ I держался союза, заключеннаго между морскими державами и императоромъ, а къ событіямъ, совершавшимся близъ восточной границы его владѣній, долго относился безучастно. Тѣмъ временемъ нѣмецкая кровь проливалась за чужіе интересы, происходила позорная продажа солдатъ за деньги, получаемыя въ видѣ субсидій; а граждане и крестьяне сверхъ силъ обременялись налогами и податями.

Въ то время, какъ Карлъ XII былъ занятъ борьбой съ Русскими, Карлъ XII въ а его даровитый военачальникъ Левенгауптъ проникъ изъ Риги въ Курляндію и въ кровопролитной битвѣ при Гемауэртгофѣ на голову 26 іюля 1705. разбилъ русскаго фельдмаршала Шереметева, одержавшаго въ предшествовавшемъ году въ Лифляндіи побѣду надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, Августъ II снова уладилъ въ Гродно соглашеніе съ русскимъ царемъ и попытался съ своей саксонско-польско-русской арміей вытѣснить Реншіельда изъ позицій, которыя этотъ шведскій генералъ занималъ съ незначительными силами на границѣ Польши и Силезіи. Самъ Августъ держался въ отдаленіи и поручилъ руководство этимъ предпріятіемъ графу Шуленбургу. Но сраженіе 13 февр. 1706. при Фрауштадтѣ приняло не такой оборотъ, какого ожидалъ Августъ. Армія польскаго короля потерпѣла рѣшительное пораженіе. Шуленбургъ писалъ въ своемъ официальномъ донесеніи, что саксонской арміи не доставало Божеской помощи. Послѣ этого успѣха Карлъ рѣшился присоединить къ своей арміи войска Реншіельда и напасть на своего врага въ его собственныхъ владѣніяхъ, — чѣмъ конечно былъ очень доволенъ царь, получавшій возможность безпрепятственно приводить въ исполненіе свои завоевательные замыслы. Карлу не было основанія опасаться какихъ-либо препятствій со стороны императора или нѣмецкой имперіи въ то время, какъ онъ въ сопровожденіи Станислава шѣлъ черезъ Силезію въ Лузацію и, переправившись черезъ Одеръ и Эльбу, проникъ внутрь Саксоніи. Императоръ Іосифъ, не задолго передъ тѣмъ вступившій на престолъ, былъ всецѣло занятъ войной за испанское наслѣдство и смутами въ Венгріи, поэтому опасался чѣмъ-либо раздражить побѣдоноснаго шведскаго короля. Вѣдь и Августъ не побоялся, за два года передъ тѣмъ, нарушить нейтралитетъ для того, чтобъ захватить братьевъ Собіескихъ. Шведскій король скоро достигъ окрестностей Лейпцига и выбралъ для своей главной квартиры одно дворянское помѣстье подлѣ Альтранштедта. Двадцати-четыре-тысячная шведская армія, расположившаяся лагеремъ въ Саксоніи, казалась, какъ рассказывали, «крайне

Авг. и сент.
1706.

утомленной; даже офицеры были похожи на оборванцевъ, а рядовые были худы и жёлты, какъ цыгане». Вѣнскимъ правительствомъ овладѣлъ сильный страхъ. Оно опасалось, что будетъ имѣть дѣло съ новымъ Густавомъ Адольфомъ и отправило вице-канцлера Вратислава съ порученіемъ поддержать въ Карлѣ XII дружелюбное настроеніе. Такъ какъ силезскіе протестанты обратились къ своему единовѣрцу, шведскому королю съ просьбой о защитѣ и о посредничествѣ, то императоръ, по совѣту гр. Вратислава, поторопился обѣщать недовольнымъ нѣкоторое облегченіе отъ гнѣта іезуитовъ и возстановленіе правъ, предоставленныхъ лютеранамъ Вестфальскимъ миромъ. Вѣнское правительство и его союзники всего болѣе опасались союза Швеціи съ Франціей. Намъ уже извѣстно, что Людовикъ XIV и маршалъ Вилларсъ пробовали завести переговоры съ цѣлію заключить союзъ съ шведскимъ королемъ (стр. 582). Въ то время Марльборо появился въ альтранштедтскомъ лагерѣ и испробовалъ на шведскомъ королѣ свою дипломатическую ловкость. Онъ достигъ своей цѣли: Карлъ не захотѣлъ вступать въ союзъ съ версальскимъ монархомъ, къ которому чувствовалъ такое же отвращеніе, какъ и къ дрезденскому Филиппу Августу, и уклонился отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла южныхъ и западныхъ государствъ.

Затруднительное
положеніе
Саксоніи и альтранштедтскій
миръ.

Саксонцамъ пришлось дорого заплатить за безпокойное честолюбіе ихъ курфирста. Непріятельская армія не щадила ихъ. Постояннымъ повинностямъ и контрибуціямъ не было конца; жители равнинъ искали безопаснаго убѣжища въ городахъ, а королевское семейство удалилось изъ страны. Сельскіе жители и горожане, привыкшіе при своихъ курфирстахъ къ слѣпому повиновенію, подчинялись побѣдителямъ безъ всякой мысли о сопротивленіи. Въмѣсто того, чтобъ вооружить своихъ крестьянъ и самимъ сѣсть на коней, саксонскіе дворяне предоставляли свои замки и надворныя строенія въ распоряженіе шведскихъ квартирмейстеровъ. Они молили побѣдителя о возстановленіи ихъ старыхъ привилегій и объ освобожденіи ихъ словія отъ уплаты податей съ цѣлію возложить все бремя шведскихъ контрибуцій на поселянъ и на горожанъ. Совѣтники курфирства и должностныя лица опозорили себя раболѣпіемъ передъ побѣдителями и забвеніемъ своихъ обязанностей. Чтобъ сохранить свои владѣнія, курфирстъ отправилъ въ шведскую главную квартиру двухъ уполномоченныхъ для веденія мирныхъ переговоровъ—Пфингстена и Имгофа. Оба они были члены дрезденскаго тайнаго совѣта, незадолго передъ тѣмъ приказавшаго арестовать и отправить въ Кёнигштейнъ Лифляндца Паткуля, который жилъ въ Дрезденѣ въ званіи царскаго посла и начальника вспомогательнаго русскаго отряда, состоявшаго на службѣ у Августа, и который былъ имъ непріятель тѣмъ, что усердно заботился объ интересахъ ихъ государя. Они старались увѣрить курфирста, что этотъ иноземецъ опасный измѣнникъ, что онъ намѣ-

ребуется отдать русскій отрядъ въ распоряженіе императора и отклонить царя отъ союза съ Саксоніей; Августъ одобрилъ ихъ распоряженіе, не принявши въ соображеніе того обстоятельства, что Паткуль состоялъ въ званіи посла. Мирныя условія, которыя Карлъ XII предложилъ саксонскимъ уполномоченнымъ, были унизительны и позорны для высокомѣрнаго Августа: онъ потребовалъ, чтобъ Августъ отказался отъ польскаго престола и за себя и за своихъ потомковъ, чтобъ онъ призналъ польскимъ королемъ Станислава, чтобъ онъ отказался отъ союза съ русскимъ царемъ, возвратилъ свободу Собіескимъ и выдалъ Паткуля. Какъ бы въ насмѣшку надъ Августомъ, онъ дозволялъ этому послѣднему сохранить королевскій титулъ. Саксонскіе уполномоченные на всё изъявили свое согласіе: на основаніи 24 сент. 1706. своихъ неограниченныхъ полномочій, они подписали альтранштедтскій мирный договоръ. Всего охотнѣе они исполнили требованіе выдачи Паткуля. Этотъ несчастный плѣнникъ былъ выданъ шведскимъ комиссарамъ и содержался подъ строгимъ надзоромъ. До полученія изъ Варшавы ратификаціи мирнаго договора, шведская армія стояла въ Саксоніи и содержалась на ея счетъ. Населенію пришлось выносить самыя тяжелыя лишенія и угнетенія. Уже ранѣе того его силы были истощены налогами на содержаніе двора, на военные расходы, на приобрѣтеніе и сохраненіе польской короны. Содержаніе шведской арміи стоило отъ 21 до 23 милліоновъ. Голодъ, угнетенія и бѣдность доводили людей до отчаянія; многіе сами лишали себя жизни. Но въ то время, какъ государственныя чины со скорбью въ сердцахъ изъявляли свое согласіе на введеніе тяжелыхъ налоговъ и податей, а обѣднѣвшіе крестьяне едва не умирали съ голоду, курфирстъ давалъ роскошныя пиры для своихъ царедворцевъ, тратилъ громадныя суммы на содержаніе увеселительныхъ замковъ, съ царской щедростью награждалъ своихъ любовницъ и незаконныхъ дѣтей и соперничалъ съ Парижемъ и съ Вѣной въ покровительствѣ изящнымъ искусствамъ.

Двусмысленное поведеніе курфирста было главной причиною того, что непріятельская армія простояла въ Саксоніи еще въ теченіе цѣлаго года. Видъ черезъ четыре недѣли послѣ того, какъ Августъ утвердилъ мирный договоръ, королевско-польскія войска сражались въ рядахъ той русско-29 окт. 1706. войска, которая подъ предводительствомъ Меншикова нанесла подъ Калишемъ пораженіе шведскому генералу Мардерфельду, вслѣдствіе чего императоръ Іосифъ пожаловалъ Меншикову княжескій титулъ. Августъ оправдался передъ Карломъ тѣмъ, что его уполномоченные не извѣстили его о всѣхъ условіяхъ мирнаго договора и объ окончаніи переговоровъ; онъ сталъ смягчать гнѣвъ шведскаго короля, но ему ни въ чемъ нельзя было вѣрить, а изъ его дальнѣйшаго образа дѣйствій было ясно видно, что онъ будетъ соблюдать условія договора только пока будетъ находиться подъ 19 янв. 1707. необходимостью. Онъ былъ такъ легкомысленъ, что не постыдился послѣдовать шведскаго короля въ Альтранштедтъ и тамъ подтвердить всѣ статьи мирнаго договора. Какъ должна была поразить присутствовавшихъ на этомъ свиданіи противоположность между двумя королями—между Фрид-

Августъ II
Карлъ XII.

рихомъ Августомъ, окружавшимъ себя царскою пышностью, считавшимся за образецъ изящныхъ манеръ по версальской модѣ, привыкшимъ волочиться за дамами, одѣваться въ блестящія мундиры, и Карломъ XII, отличавшимся простотою своего образа жизни и своихъ привычекъ! Этотъ послѣдній былъ по своимъ врожденнымъ наклонностямъ настоящимъ солдатомъ; его воздержность доходила до того, что онъ жилъ въ низенькой комнатѣ съ голыми стѣнами, вовсе не употреблялъ спиртныхъ напитковъ, а во время походовъ довольствовался простою солдатскою пищею. И лѣтомъ и зимой онъ носилъ одинъ и тотъ же неизящный мундиръ, большіе ботфорты и длинную солдатскую шинель съ мѣдными пуговицами; въ походахъ и въ сраженіяхъ онъ подвергалъ себя самымъ большимъ лишениямъ и опасностямъ; связей съ женщинами онъ избѣгалъ; для него была привлекательна только военная жизнь съ ея возбуждающими впечатлѣніями и превратностями фортуны; оглушительный шумъ битвы, свистъ ядеръ и ржаніе боевыхъ коней доставляли ему болѣе удовольствія, чѣмъ оперныя представленія, придворныя празднества и концерты.

Смерть Патку-
ля.

10 окт. 1707.

Шведская армія наконецъ удалилась изъ Саксоніи. Паткуль уже ранѣе былъ отправленъ въ Калашское воеводство, въ стоявшій тамъ шведскій драгунскій полкъ; тамъ онъ долженъ былъ предстать передъ военнымъ судомъ. Царь Петръ тщетно старался спасти этого лифляндскаго аристократа; онъ обращался къ иностраннымъ правительствамъ съ просьбами о посредничествѣ, а къ своему прежнему союзнику съ горькими упреками за то, что онъ поступилъ вѣроломно, заключивши безъ участія Россіи мирный договоръ, не исполнивъ своего обѣщанія помочь Паткулю спастись бѣгствомъ и выдать его смертельному врагу въ нарушение международнаго права; но разгнѣванный шведскій король не хотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ эту жертву своего мщенія. Смерть несчастнаго Паткуля была ужасна. Судъ призналъ его виновнымъ въ государственной измѣнѣ и въ оскорбленіи Величества и приговорилъ къ смертной казни. Его медленно колесовали; когда онъ былъ уже полумертвымъ, ему отрубили голову и, раздѣлавши его тѣло на четыре части, привязали къ колесу. Этотъ человекъ, имя котораго приобрѣло громкую извѣстность, вступилъ въ крайне смутное время на такой путь, который долженъ былъ рано или поздно привести его къ гибели. Горячій патриотъ и отважный защитникъ старинныхъ сословныхъ привилегій, онъ вознамѣрился свергнуть шведское владычество, нарушавшее эти привилегіи; убѣдившись въ неспособности Польши и ея легкомысленнаго короля освободить и защитить Лифляндцевъ, онъ усмотрѣлъ единственное средство спасенія въ заключеніи союза съ Россіей и съ ея могущественнымъ повелителемъ. Отъ Петра онъ ожидалъ возстановленія и охраны старыхъ нѣмецкихъ правъ и распространенія нѣмецкой культуры среди русскаго населенія. Виновику этой политики кончилась жизнь, не довершивши начатаго дѣла, но его замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе. Не всѣ сходились въ мнѣніяхъ на счетъ того, была ли перемѣна властителя полезна для Лифляндіи и кончили ли Паткуль свою жизнь мученикомъ за хорошее дѣло или государственнымъ измѣнникомъ. Но всѣ единогласно осуждали и нарушавшую требованія справедливости жестокость, которою шведскій король запятналъ свое славное имя, и безчестную безхарактерность курфюрста. Царь призывалъ гнѣвъ Божій на голову своего вѣроломнаго союзника. Августъ тщетно старался отклонить отъ себя двойное позорное обвиненіе въ нарушении даннаго въ Польшѣ честнаго слова и въ измѣнѣ своему русскому союзнику; онъ тщетно сваливалъ всю вину на своихъ уполномоченныхъ, которые, будто-бы, превысили предоставленныя имъ права и не сообщили ему всѣхъ условій альтранштедтскаго мирнаго договора; никто не повѣрилъ этимъ отговоркамъ, не смотря на то,

Поведеніе Ав-
густа II.

что Августъ приказалъ заключить обоимъ уполномоченнымъ въ ту самую кѣнигштейнскую тюрьму, въ которой содержался Паткуль. Пфлингстенъ просидѣлъ въ заключеніи до самой смерти, а Имгофъ по прошествіи семи лѣтъ купилъ себѣ свободу.

2. Полтава и Бендеры.

Между тѣмъ какъ Карлъ XII упорно преслѣдовалъ свое намѣреніе Петръ на бере-
свергнуть Августа съ польскаго престола, Петръ воспользовался уда-
леніемъ шведской арміи, чтобы завладѣть Ингерманландіей, частію
Лифляндіи и Эстляндіи и стать твердою ногой на берегахъ Балтійска-
скаго моря. Онъ распоряжался тамъ, по видимому, съ полной увѣ-
ренностью, что его господство надъ тѣми странами вполне обезпе-
чено и что уже никогда никто не отниметъ у него сдѣланныхъ за-
воеваній. Онъ построилъ Шлиссельбургъ и Кронштадтъ, съ огромнымъ
трудомъ осушилъ болотистые берега Невы при помощи крѣпостныхъ,
которыхъ сгонялъ на работы за двѣсти миль, и заложилъ фунда-
ментъ для своей новой резиденціи С.-Петербурга. Изъ Москвы и изъ
другихъ городовъ онъ переселялъ туда дворянъ, торговцевъ и ре-
месленниковъ съ ихъ семействами; туда же приглашалъ переселен-
цевъ изъ-за границы. Голландскія суда скоро стали плавать вверхъ
по Невѣ и сдѣлались посредниками непосредственныхъ торговыхъ
сношеній иностранныхъ государствъ съ Россіей. Повсюду, гдѣ въ
Эстляндіи и въ Лифляндіи признавалась верховная власть царя, онъ
требовалъ принесенія присяги въ вѣрности и по этому случаю обѣ-
щаль сохраненіе старыхъ религіозныхъ правъ и гражданскихъ воль-
ностей. Шведовъ, оставшихся въ Бальтійскихъ провинціяхъ подъ
начальствомъ Левенгаупта, онъ все болѣе и болѣе оттѣснялъ въ
сторону, и отучалъ отъ сопротивленія тѣмъ, что отплачивалъ имъ
страшными опустошеніями.

Царь имѣлъ основаніе опасаться за прочность своихъ территори-
альныхъ приобретеній съ той минуты, какъ Карлъ, неожиданно по-
сѣтивши своего прежняго соперника въ Дрезденѣ, двинулся черезъ
Силезію въ Польшу съ цѣлію обратить свое оружіе противъ своего
послѣдняго и самаго сильнаго врага. Изъ Польши Карлъ проникъ
въ русскія владѣнія велѣдъ за отступавшей русской арміей. Онъ взялъ
Гродно и Вильну, перешелъ въ іюнь черезъ Березину и послѣ удач-
наго сраженія при Головинѣ направился къ Смоленску. Никакая
русская армія не могла устоять противъ безразсудно-отважнаго ко-
роля, который во главѣ своей храброй арміи, усиленной наборомъ
новыхъ рекрутъ въ Саксоніи, быстро переправлялся черезъ рѣки и
прокладывалъ себѣ дорогу сквозь непроходимыя болотистыя про-
странства; въ сраженіи при Добромѣ, гдѣ онъ имѣлъ дѣло съ са-
мымъ царемъ, онъ принудилъ храбро оборонявшуюся русскую армію
къ отступленію. Но съ тѣхъ поръ счастье стало измѣнять Карлу.

Карлъ XII въ
войнѣ съ Рос-
сіей.

Сент. 1707.

9 іюля 1708.

29 авг.

Карлъ XII и Мазепа. Въ своемъ лагерѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Минска онъ заключилъ съ казацкимъ гетманомъ Мазепою мирный договоръ, по которому этотъ старый казацкій вождь обѣщался помочь Шведамъ въ завладѣніи Сѣверской землей и Украиной, а въ награду за это долженъ былъ получить воеводства витебское и полоцкое въ качествѣ самостоятельнаго герцогства. Политику шведскаго короля нельзя назвать неискусной, такъ какъ снова соединяя казацкое военное государство съ королевствомъ польскимъ, съ которымъ онъ находился теперь въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ пріобрѣталъ сильную точку опоры внутри русскихъ владѣній.

Карлъ въ Украйнѣ. Положившись на обѣщанія хитраго и честолюбиваго Мазепы, Карлъ измѣнилъ свой первоначальный планъ военныхъ дѣйствій. Въмѣсто того, чтобъ дожидаться прибытія Левенгаупта, шедшаго изъ Лифляндіи съ свѣжими войсками, съ одеждой и съѣстными припасами для истощенной шведской арміи, и соединившись съ нимъ напасть на Смоленскъ, Карлъ повернулъ изъ Могилева на югъ и проникъ въ Украйну съ цѣлію отторгнуть отъ Россіи, при помощи казацкаго гетмана, южныя провинціи, въ которыхъ еще не заглохли симпатіи къ Польшѣ. Но тѣмъ временемъ Петръ двинулся съ превосходными силами противъ Левенгаупта и напалъ на него подъ Лѣснымъ. Въ этомъ сраженіи Русскіе въ первый разъ доказали свое знаніе военного дѣла. Не смотря на то, что Левенгауптъ выказалъ большое стратегическое искусство и во время боя и во время отступленія, онъ могъ догнать быстро подвигавшагося впередъ короля только послѣ того, какъ пожертвовалъ всей своей артиллеріей, всѣмъ багажемъ и всѣми запасами. Вслѣдъ за осенними ливнями, причинявшими болѣзни и портившими дороги, наступила суровая зима: тогда физическія лишенія и страданія шведскихъ солдатъ сдѣлались почти невыносимыми. Но Карлъ не переставалъ подвигаться впередъ не смотря на то, что данныя Мазепою обѣщанія скоро оказались неисполнимыми. Когда начальники казацкихъ отрядовъ узнали изъ устъ своего гетмана о заключенномъ съ Карломъ XII договорѣ, они не обнаружили желанія разорвать узы зависимости отъ русскаго царя и снова навлечь на свое отечество бѣдствія войны. Напротивъ того, многіе изъ нихъ оказывали содѣйствіе русскому полководцу Меньшикову, который вступилъ въ Украйну и сталъ занимать ея города. Служившій резиденціей для Мазепы, Батуринъ былъ разграбленъ и разрушенъ и былъ выбранъ новый гетманъ, не желавшій нарушать прежнихъ связей съ царемъ. Мазепа обѣщалъ доставить Карлу тридцати-тысячную казацкую армію, но привелъ всего тысячу пять казаковъ, которые были на голову разбиты Меньшиковымъ въ кровопролитномъ бою; тогда Мазепа примкнулъ къ шведской арміи съ незначительнымъ числомъ приверженцевъ не въ качествѣ гетмана, а въ качествѣ бѣглеца.

23 окт. 1708.

Такимъ образомъ у Карла не было ни одного союзника въ борьбѣ съ царемъ. Зима безпрестанно уносила новыя жертвы; кромѣ того, шведская армія сильно страдала отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, а военныя дѣйствія не прекращались. Весной, въ то время какъ Петръ еще находился въ Азовѣ, Карлъ приступилъ къ осадѣ укрѣпленной Полтавы, но не могъ достигнуть серьезныхъ результатовъ по недостатку артиллеріи. Осада продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, пока самъ царь не появился во главѣ значительной арміи, находившейся подъ начальствомъ Шереметева, Меньшикова, Голицына, Долгорукаго и др.; Петръ окружилъ шведскую армію и принудилъ къ рѣшительной битвѣ Карла, не задолго передъ тѣмъ раненаго въ ногу во время небольшой стычки. Руководившій приготовленіями къ битвѣ, Реншіельдъ, графъ Пиперъ и многіе изъ главныхъ шведскихъ военачальниковъ были взяты въ плѣнъ; всѣ запасы и богатая королевская казна попали въ руки побѣдителей. Карлъ превратился изъ побѣдителя трехъ королей въ безпомощнаго бѣглеца; въ сопровожденіи небольшого отряда изъ двухъ тысячъ всадниковъ, въ числѣ которыхъ находился и Мазепа, онъ обратился въ бѣгство, переправился черезъ Днѣпръ и послѣ чрезвычайно трудныхъ переходовъ черезъ степи, гдѣ не находилъ ни ночлега ни пищи, укрылся на турецкой территоріи. Онъ едва успѣлъ переправиться подлѣ Очакова черезъ пограничную рѣку Бугъ для того, чтобъ отправиться въ Бендеры, когда Русскіе показались на другомъ берегу рѣки. Левенгауптъ, не мало содѣйствовавшій несчастному исходу сраженія своими непріязненными отношеніями къ Реншіельду, собралъ остатки разбитой арміи, а такъ какъ отступление было невозможно по недостатку съѣстныхъ припасовъ и артиллеріи, то онъ сдался въ плѣнъ со всей арміей, въ которой было отъ 15 до 18 тысячъ человекъ. Лишь немногимъ изъ шведскихъ воиновъ было суждено возвратиться въ ихъ отечество; служившіе въ шведской арміи, иностранные офицеры и солдаты большею частію поступили на русскую службу и помогли царю при введеніи военныхъ преобразованій; остальные разсѣялись по обширнымъ русскимъ владѣніямъ и частію кончили жизнь въ сибирскихъ рудникахъ, частію бродили по селамъ, прося милостыни, частію зарабатывали средства существованія въ качествѣ преподавателей и паставниковъ. Такимъ образомъ была уничтожена храбрая армія, одинаково достойная удивленія и по своей способности выносить лишенія и по своимъ воинскимъ подвигамъ. Она, по выраженію Петра, «Фаэтоновъ конецъ воспріяла». Въ письмахъ къ адмиралу Апраксину Петръ писалъ: «нынѣ уже совершенно камень во основаніе С. Петербурга положенъ съ помощію Божіей». Онъ имѣлъ полное основаніе учредить ежегодное празднованіе дня Полтавской битвы для того, чтобъ воспоминаніе объ этой побѣдѣ сохранилось среди его русскихъ подданныхъ.

Полтавская битва и ея послѣдствія.

Апр. и май 1709.

Карль XII въ Турціи и возобновление союза между тремя монархами. Карль XII былъ съ почётомъ принять Турками, непріязнь которыхъ къ Россіи постоянно усиливалась въ теченіе многихъ лѣтъ; но ему не удалось немедленно вовлечь Турцію въ войну съ Россіей. Даже одно время казалось, что эти двѣ державы придутъ къ соглашенію касательно участіи бѣглецовъ. Мазепа, бѣжавшій вмѣстѣ съ Карломъ за русскую границу, опасался, что его выдадутъ Русскимъ; только его смерть (22 сент. 1709) положила конецъ переговорамъ о его выдачѣ. А относительно Карла русскій посолъ получилъ въ Константинополѣ обѣщаніе, что побѣжденный король будетъ препровожденъ съ конвоемъ до шведской границы. Однако политика Оттоманской Порты встрѣчала сильное противоѣдствіе въ политикѣ русскаго царя, въ лицѣ котораго всѣ приверженцы греческой церкви надѣялись найти освободителя отъ ига магометанъ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Карла XII и національной польской партіи, произошелъ переворотъ въ правительственныхъ сферахъ Турціи: власть перешла въ руки партіи, желавшей войны; недружелюбныя дипломатическія ноты и интриги подготовляли открытіе военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ старые противники Карла XII снова заключили союзъ, расторгнутый его побѣдами. Такъ какъ русскому царю должна была достаться львиная доля въ будущей добычѣ, то онъ простилъ своему саксонско-польскому союзнику заключеніе альтраншtedскаго мира и помогъ ему снова завладѣть Польшей. Августъ объявилъ не дѣйствительнымъ свое соглашеніе съ Карломъ и съ Станиславомъ, потому что заключилъ его подъ гнѣтомъ насилія; послѣ того ему уже было не трудно разжечь пламя внутреннихъ раздоровъ при помощи польскаго дворянства и русскихъ приверженцевъ въ Литвѣ и Польшѣ, Огинскихъ, Радзивиловъ и т. д. Черезъ нѣсколько дней послѣ Полтавской битвы, Лещинскій былъ вынужденъ бѣжать въ Померанію; Августъ II снова вступилъ въ Варшаву и убѣдилъ сенаторовъ поздравить русскаго царя съ побѣдой, «благодаря которой онъ возвратилъ имъ побѣду».

Авг. 1709.

Даніи и Гольштейнъ-Готторпъ. А развѣ и датскій король Фридрихъ IV не могъ попытаться освободить себя отъ обязательнаго исполненія условій Травендальскаго мира? Послѣ того, какъ герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій былъ смертельно раненъ при Клессовѣ, вдовствующая герцогиня Гедвига Софія взяла на себя обязанности опекуниши надъ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Карломъ Фридрихомъ. Такъ какъ она была сестра Карла XII, то ея симпатіи клонились на сторону Швеціи; она возложила свое довѣріе на даровитаго, ловкаго, но склоннаго къ интригамъ барона Георга Генриха фонъ-Гѣрпа, который раздѣлялъ ея симпатіи къ Швеціи и скоро обнаружилъ удивительную дипломатическую дѣятельность. Пока шведскому королю улыбалась фортуна, Фридрихъ IV скрывалъ отъ него свою непріязнь, но дѣятельно заботился объ организаціи арміи для того, чтобъ при первомъ удобномъ случаѣ вмѣшаться въ политику съ основательной надеждой на успѣхъ: чтобъ привлечь крестьянскихъ сыновей къ военной службѣ, онъ отменилъ крепостную зависимость на коронныхъ земляхъ и приглашалъ дворянъ-землевл-

дѣльцевъ послѣдовать его примѣру; но такъ какъ онъ не уничтожилъ прикрепленія крестьянъ къ землѣ и не позволялъ крестьянамъ свободно переходить съ одного мѣста на другое, то онъ своими нововведеніями причинилъ простому народу больше вреда, чѣмъ пользы. И въ войнѣ за испанское наслѣдство онъ принималъ участіе, позволяя союзникамъ нанимать датскихъ солдатъ. Это доставляло ему двойную выгоду: его войска приобретали боевую опытность, а онъ самъ добывалъ необходимыя средства для того, чтобъ не отставать отъ другихъ царствующихъ особъ въ безразсудной тратѣ денегъ на придворныя празднества, на игру и на содержаніе любовницъ. Онъ развелся съ своей супругой и жилъ въ любовной связи съ придворной дамой, г-жой Шиндель. Въ 1708 году онъ предпринялъ путешествіе въ Италію, гдѣ развлекался разными забавами и любовными приключеніями. Около того же времени умерла герцогиня Гольштейнъ-Готторпская, а дѣла управленія перешли въ руки ея зятя Христіана Августа, который сталъ вполне подчиняться совѣтамъ Гѣрпа. На своемъ возвратномъ пути изъ Итали, датскій король посетилъ дрезденскій дворъ и возобновилъ прежній союзъ съ Фридрихомъ Августомъ; между тѣмъ какъ царь упрочивалъ свое владычество на берегахъ Балтійскаго моря, а Фридрихъ Августъ приводилъ приверженцевъ Лещинскаго въ покорность, датскій король помышлялъ о завоеваніяхъ въ Гольштиніи и въ нѣмецкихъ владѣніяхъ Швеціи. Въ то же время оба короля старались склонить на свою сторону прусскаго государя. Ихъ пребываніе въ Берлинѣ послужило поводомъ для устройства новыхъ празднествъ, но не заставило пожиллаго, осмотрительнаго прусскаго короля отказаться отъ его сдержанной политики. Тѣмъ охотнѣе соглашались царь принять датскаго короля въ число своихъ союзниковъ.

Такимъ образомъ, война съ Шведами возобновилась съ разныхъ сторонъ, между тѣмъ какъ внутри Швеціи снова подняла голову старая дворянская партія, а крестьяне и граждане изнемогали подъ бременемъ налоговъ и воинской повинности. Однако и на этотъ разъ шведскія войны оказались достойными своей старой воинской репутаціи. Но они, конечно, не были въ состояніи бороться съ Петромъ: уже въ январѣ русская армія подъ начальствомъ генерала Ностица завладѣла городомъ Эльбингомъ, жители котораго были обложены тяжелой военной контрибуціей и частью переселены во внутренность Россіи; царь Петръ напалъ съ моря на Выборгъ и Кексгольмъ въ Кареліи, принудилъ ихъ сдаться, а уведенныхъ оттуда Шведовъ поселилъ въ своей новой столицѣ; послѣ того, какъ генераль Шереметевъ принудилъ Ригу сдаться на капитуляцію, Петръ довершилъ завоеваніе Лифляндіи и Эстляндіи и присоединилъ Балтійскія провинціи къ русскимъ владѣніямъ, давши обѣщаніе не нарушать ихъ старинныхъ учрежденій и правъ, не мѣшать имъ въ употребленіи ихъ роднаго языка, въ исповѣдываніи ихъ религіи и въ сохраненіи ихъ старыхъ судебныхъ учрежденій; напротивъ того, когда датскій король проникъ въ Шонію съ намѣреніемъ снова приобрести свои старыя владѣнія, его принудила къ отступленію небольшая армія изъ шведскихъ новобранцевъ, находившаяся подъ начальствомъ гр. Штенбока. При заключеніи союзнаго договора въ Гагѣ, морскія державы предоставили нѣмецко-шведскимъ провинціямъ и городамъ нейтральное по-

Возобновленіе войны.

1710.

Іюнь.

4 іюля.

ложение, которого однако не хотѣлъ признавать Карлъ XII; въ Польшѣ непрекращавшаяся борьба между приверженцами Станислава и Августа привела къ страшной неурядицѣ, угрожавшей гибелью польскому государству. Уже въ то время велись между Петромъ, Августомъ и Фридрихомъ I Пруссимъ дипломатическіе переговоры о раздѣлѣ Польши.

Весной 1711 вспыхнула война между Россіей и Турціей. Значительная армія, состоявшая изъ Турокъ и Татаръ, перешла подъ предводительствомъ великаго визиря черезъ Дунай и вступила въ Молдавію, куда уже прибыла часть русской арміи подъ начальствомъ Шереметева и заняла Яссы. Въ іюнѣ самъ царь прибылъ туда съ главной арміей, предварительно поручивши завѣдываніе государственными дѣлами только что учрежденному сенату изъ восьми членовъ, возложивши на Меншикова управление Балтійскими провинціями и на торжественномъ богослуженіи испросивши, въ присутствіи народа и гвардіи, помощь Всевышняго для борьбы съ нарушившими миръ иновѣрцами. Подобно тому, какъ шведскій король предпринялъ неудачный походъ въ Украйну, положившись на заманчивыя увѣренія Мазепы, и царь положился на увѣренія молдавскаго господара Димитрія Кантемира, что все населеніе приметъ его сторону и снабдитъ его армію всѣмъ необходимымъ. Поэтому онъ взялъ съ собою немного припасовъ. Но жители оказались вовсе непредупредительными, потому что опасались мщенія со стороны Турокъ и Татаръ. Въ іюнѣ Русскіе перешли черезъ Днѣстръ и въ теченіе семи дней шли по направленію къ Пруту по безводной степи, въ которой не было ни деревьевъ ни человѣческихъ жилищъ. Царь сталъ лагеремъ неподалеку отъ Прута подлѣ урочища Фальчи. Тамъ встрѣтились съ нимъ Турки. Они напали на него 8 іюля, обратили молдавскія войска въ бѣгство, но не были въ состояніи вытѣснить Русскихъ изъ ихъ позицій. Но вечеромъ того же дня Петръ рѣшился начать отступленіе; Турки снова напали на него 9 іюля послѣ полудня. Онъ еще нашелъ возможность занять укрѣпленную позицію, но отступленіе въ глазахъ непріятеля сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ. Тогда русская армія очутилась въ отчаянномъ положеніи: подвозъ припасовъ былъ невозможенъ въ мѣстности, пересѣкаемой болотами и ручьями; лошади оставались безъ корма, солдаты безъ воды, а кругомъ бродили толпы Татаръ. Самъ Петръ сознавалъ, какую печальную участь онъ приготовилъ себѣ своей неосмотрительной отвагой. Онъ сравнивалъ свое собственное положеніе съ положеніемъ Карла XII подлѣ Полтавы. Удалившись въ свою палатку, онъ въ одиночествѣ предавался самымъ мучительнымъ размышленіямъ. Именно тогда, какъ рассказываютъ, онъ написалъ знаменитое письмо, въ которомъ приказывалъ сенаторамъ, въ случаѣ его взятія въ плѣнъ, не считать его своимъ царемъ и повелителемъ и не исполнять даже его собственно-

ручныхъ предписаній, а руководствоваться единственно государственными интересами и, въ случаѣ его смерти, избрать ему въ преемники самаго достойнаго изъ ихъ среды; впрочемъ подлинность этого письма сдѣлалась, вслѣдствіе новѣйшихъ изслѣдованій, болѣе чѣмъ сомнительной.

Изъ этого положенія, какъ рассказываютъ, вывела царя находчивость Екатерины: отобранными у офицеровъ деньгами и дорогими украшениями она подкупила великаго визиря. Но и этотъ рассказъ подобно многимъ другимъ, пущеннымъ въ ходъ Вольтеромъ, долженъ быть отнесенъ къ разряду легендъ. Однако это еще не даетъ права отвергать тотъ фактъ, что русскіе рубли не остались безъ вліянія на турецкихъ пашей. Нельзя было не удивляться тому, что Петру удалось такъ легко выпутаться изъ его отчаяннаго положенія. Ему и его арміи было дозволено удалиться съ условіемъ возвратитъ Азовъ, срыть укрѣпленія Таганрога и нѣкоторыхъ другихъ крѣпостей, не вмѣшиваться въ польскія дѣла и не давать шведскому королю пристанища въ своихъ владѣніяхъ. Понятно, что турецкое правительство было недовольно слишкомъ торопливымъ заключеніемъ мирнаго договора. Великій визирь, заключившій этотъ договоръ, былъ отправленъ въ ссылку; нѣкоторые изъ турецкихъ сановниковъ были казнены; Карлъ XII, понятно, всячески старался склонить Порту къ нарушенію ея обязательствъ. Обѣ стороны пользовались разными предлогами для проволочекъ и дѣло едва не дошло до возобновленія войны. Только 24 іюня 1713 были окончательно установлены въ Адрианополѣ условія мирнаго соглашенія. Карлъ XII еще жилъ въ то время въ Варницѣ, отыскивая средство посорить Турцію съ Россіей и нисколько не интересуясь тѣмъ, что дѣлалось въ Швеціи; константинопольское правительство наконецъ отказало ему въ гостепріимствѣ, прекратило выдачу субсидій и потребовало его удаленія съ турецкой территоріи. Дѣло кончилось тѣмъ, что янычары и Татары взяли приступомъ его лагерь, зажгли домъ, въ которомъ онъ оборонялся съ львинымъ мужествомъ, и въ то время, какъ онъ сдѣлалъ отчаянную вылазку, захватили его въ плѣнъ. Послѣ того онъ еще прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Демотики и въ увеселительномъ замкѣ Демирташъ подлѣ Адрианополя, гдѣ содержался какъ плѣнникъ. Польскій король Станиславъ, пробравшійся подлѣ чужимъ именемъ въ Бендеры и въ Демотику, тщетно старался достигнуть мирнаго соглашенія съ Августомъ. Только послѣ того, какъ Карлъ узналъ, что принадлежавшія Швеціи шведскія земли заняты союзниками вплоть до Штральзунда и Висмара, и что въ Швеціи помышляютъ о назначеніи новаго правителя, онъ покинулъ Турцію послѣ пятилѣтняго въ ней пребыванія, и послѣ двухнедѣльнаго переезда черезъ Венгрію и Германію, совершенного безъ всякихъ перерывовъ болѣею частью верхомъ, онъ неожиданно появился подлѣ стѣнами Штральзунда.

Марный договоръ 23 іюля 1711.

Пробываніе Карла въ Турціи и возвращеніе въ Швецію.

Весна 1713.

27 нояб. 1714.

3. Последніе годы жизни Карла XII.

Ходъ дѣлъ въ нѣмецко-шведскихъ провинціяхъ. Въ то время, какъ король Карлъ XII жилъ въ Турціи, Шведы оказывали мужественное сопротивленіе своимъ многочисленнымъ врагамъ, не смотря на то, что и финансовыя средства и военныя силы ихъ отечества были доведены до истощенія. Когда Датчане, занявши герцогство Бременъ-Верденъ, вознамѣрились проникнуть въ Мекленбургъ, чтобъ соединиться въ Помераніи съ своими союзниками, они 20 дек. 1712. были на голову разбиты при Гадебушѣ шведскимъ генераломъ Штенбокомъ, прежде чѣмъ успѣли притти къ нимъ на помощь русскія и саксонско-польскія войска. То было счастьемъ для союзниковъ, что Штенбогъ не напалъ на нихъ въ Помераніи, а преслѣдовалъ Датчанъ за Эльбу, по варварскимъ обычаямъ того времени обратилъ въ пепелъ торговый городъ Альтону и вслѣдъ за тѣмъ проникъ въ Гольштинію. При содѣйствіи Гѣрца и шведской партіи онъ завладѣлъ Тѣннингеномъ. Но дѣла скоро приняли иной оборотъ: благодаря прибытію русскихъ и саксонскихъ подкрѣпленій, Датчане заняли Киль, Готторпъ, Шлезвигъ, а находившуюся въ Тѣннингенѣ шведскую армію довели до капитуляціи, въ силу которой Штенбогъ сдался Датчанамъ въ плѣнъ со всей своей одиннадцати-тысячной арміей. Этотъ храбрый генералъ провелъ послѣдніе четыре года своей жизни въ Копенгагенѣ въ тѣсной тюрьмѣ. И все герцогство и богатые приморскіе торговые города сильно пострадали отъ бѣдствій войны и отъ разныхъ угнетеній.—Возвращеніе Карла XII ободрило Шведовъ, и они стали напрягать свои послѣднія силы. Но развѣ была въ состояніи бороться съ союзными арміями истощенная четырнадцатилѣтними войнами Швеція, у которой были отняты самыя доходныя провинціи, государственная казна была пуста, кредитъ исчезъ, а самыя храбрыя воины или покоились вѣчнымъ сномъ въ сырой землѣ или были разсыяны по дальнимъ странамъ! Къ союзу трехъ монарховъ присоединились новый король Пруссій Фридрихъ Вильгельмъ I и курфирстъ Ганноверскій, около того времени вступившій на англійскій престолъ. Оба они желали приобрести сосѣднія съ ихъ владѣніями провинціи—первый Померанію съ Штетинемъ, второй Бременъ-Верденъ, а достигнуть своихъ цѣлей они надѣялись посредствомъ заключенія договора съ союзниками и посредствомъ ссуды денегъ подъ залогъ шведскихъ владѣній въ Германіи. Они скоро приняли дѣятельное участіе въ войнѣ со Шведами. Померанія не могла устоять противъ втрое болѣе сильнаго непріятеля не смотря на мужество, съ которымъ шведскія войска вели себя въ Штральзундѣ на глазахъ у Карла XII. Кровь этихъ храбрецовъ проливалась безъ всякой пользы. Тѣсимый съ трехъ сторонъ,—со стороны 1715. Саксоніи, Ганновера и Пруссіи, Карлъ наконецъ отказался отъ обо-

роны Штральзунда и отправился въ Швецію, чтобъ отразить Русскихъ и Датчанъ, намѣревавшихся высадиться на шведской территории. Послѣ его удаленія съ континента, въ руки Пруссіи перешла вся верхняя Померанія вмѣстѣ съ Штральзундомъ и съ островомъ Рюгеномъ, который былъ отнятъ у Шведовъ Леопольдомъ Дессаускимъ. Всѣ сѣверныя страны и сѣверныя моря сдѣлались въ то время театромъ опустошительныхъ войнъ, на которомъ сталкивались Русскіе, Датчане и Нѣмцы, спѣшившіе воспользоваться стеченіемъ благоприятныхъ обстоятельствъ для ихъ завоевательныхъ замысловъ. Ярче всего бросалось въ глаза желаніе Россіи достигнуть господства на Балтійскомъ морѣ и въ Балтійскихъ провинціяхъ. Скоро Шведы лишились и Висмара, который былъ ихъ послѣднимъ владѣніемъ на нѣмецкой территоріи. А упрямый шведскій король все-таки не хотѣлъ слышать никакихъ мирныхъ предложеній.

Около того времени, графъ Гѣрцъ перешелъ изъ гольштинской службы въ шведскую и своими выдающимися дарованіями скоро приобрѣлъ довѣріе Карла. Этотъ государственный человѣкъ съ необычайнымъ рвеніемъ приступилъ къ исполненію своихъ политическихъ замысловъ; онъ переѣзжалъ отъ одного двора къ другому, стараясь склонить къ вмѣшательству въ сѣверныя дѣла тѣ западныя державы, которыя участвовали въ только что окончившейся войнѣ за испанское наслѣдство. Въ Голландіи онъ вступилъ въ сношенія съ царемъ Петромъ, предпринявшимъ незадолго передъ тѣмъ свою вторичную поѣздку въ Амстердамъ, и старался достигнуть заключенія мира между Россіей и Швеціей. Петръ охотно согласился на предложенія графа въ особенности потому, что былъ крайне недоволенъ присоединеніемъ Бремена и Вердена къ владѣніямъ курфирста Ганноверскаго (англійскаго короля Георга I); ему также было извѣстно, что Гѣрцъ вступилъ съ испанскимъ министромъ Альберони и съ нѣкоторыми вождями англійскихъ и шотландскихъ якобитовъ въ заговоръ съ цѣлю возвратити Стюартамъ англійскій престолъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтникъ Карла XII сталъ увлекаться тѣми химерическими финансовыми проектами, которыми занимались въ то время въ Парижѣ и въ Лондонѣ и которые причинили тамъ такъ много вреда. Такъ какъ его король не хотѣлъ отказаться отъ продолженія войны съ союзниками и въ особенности съ ненавистными Датчанами, но, вслѣдствіе невозможности облагать своихъ подданныхъ новыми налогами, не имѣлъ необходимыхъ средствъ для набора и содержанія новыхъ армій, то Гѣрцъ постарался добыть эти средства посредствомъ чеканки такой монеты, номинальная цѣна которой была выше дѣйствительной стоимости металла. Но точно также, какъ и при введеніи систему Лоу, съ которой мы скоро ближе познакомимся, въ Стокгольмѣ не соблюдали первоначально установленнаго предѣла для выпуска такой малочисленной монеты: послѣдствіемъ этого было то, что новые денежные

знаки скоро упали въ цѣнѣ, а государству стало угрожать банкротство. Во время своего пребыванія въ Голландіи, Гёрцъ велъ переговоры о заключеніи займа подъ залогъ шведскихъ лѣсовъ, желѣза и другихъ товаровъ, но эта попытка не удалась вслѣдствіе того, что Гёрцъ былъ арестованъ въ Арнгеймѣ за свои политическіе прописки. Впрочемъ онъ скоро былъ выпущенъ на свободу благодаря заступничеству Петра и грознымъ требованіямъ шведскаго короля. Онъ возвратился въ Швецію и велъ на Лафозъ, одномъ изъ Аландскихъ острововъ, переговоры съ уполномоченными Петра о заключеніи отдѣльнаго мира между Швеціей и Россіей. За окончательную уступку Балтійскихъ провинцій Русскій царь былъ готовъ покинута своихъ союзниковъ точно такъ-же, какъ въ Утрехтѣ англійскіе торіи покинули союзниковъ Англіи. Онъ даже былъ-бы не прочь признать Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ и помочь Шведамъ снова пріобрѣсти ихъ прежнія нѣмецкія провинціи. Но Карлъ сдѣлалъ тщетными всѣ усилія своего министра.

Фридрихсгалд-ская катастрофа. Переговоры въ Лафозъ еще не были доведены до конца и мирный договоръ еще не былъ заключенъ на основаніи принятыхъ обѣими сторонами предварительныхъ условій, когда желаніе отмстить Дани побудило шведскаго короля вторгнуться двумя отрядами въ Норвегію. Менѣе многочисленная армія направилась подъ предводительствомъ Армфельда въ Рёрасъ, гдѣ богатые рудники доставили ей хорошую добычу, а оттуда въ сѣверный приморскій городъ Дронтгеймъ; самъ король взялся за то предпріятіе, которое было самымъ отважнымъ, — онъ задумалъ овладѣть Христіаніей. Для этого ему пужно было предварительно завладѣть укрѣпленнымъ городомъ Фридрихсгалдомъ, который служилъ ключемъ къ обладанію южной Норвегіей. Онъ приказалъ переташить водоходныя суда черезъ горы и утесы въ близъ лежащую бухту и за тѣмъ приступилъ къ осадѣ города въ началѣ сѣверной зимы. Армфельдъ былъ принужденъ отказаться отъ нападенія на Дронтгеймъ по причинѣ наступившихъ холодовъ; на возвратномъ пути черезъ необитаемыя, покрытыя снѣгомъ и льдомъ,

Янв. 1719. горы погибла большая часть его арміи: солдаты и лошади умирали отъ холода, отъ голода и отъ истощенія силъ. Еще прежде чѣмъ остатки этой арміи успѣли перебраться черезъ ледяныя горныя вершины, ихъ король кончилъ жизнь въ то время, какъ велъ осаду крѣпости Фридрихштеенъ, построенной на утесѣ, который возвышается на 350 футовъ надъ уровнемъ моря. Онъ былъ убитъ въ ту минуту, какъ прислонившись къ брустверу наблюдалъ ночью за работами въ траншеяхъ. Преданіе гласитъ, что онъ погибъ не отъ руки убійцы.

11 дек. 1718.

III. Южная и западная Европа послѣ войны за испанское наслѣдство.

I. Франція.

а. Послѣдніе годы жизни Людовика XIV.

Людовикъ XIV постоянно относился къ войнѣ за испанское наслѣдство съ самымъ горячимъ личнымъ участіемъ; онъ видѣлъ въ ней его селѣйство. династическій интересъ; эта война должна была не только усилить могущество французской націи, но и возвысить славу бургонскаго имени. Поэтому онъ съ самаго начала войны вмѣшивался въ разрѣшеніе всѣхъ вызванныхъ ею политическихъ и военныхъ вопросовъ болѣе непосредственно, чѣмъ въ какія-либо другія дѣла; онъ самъ назначалъ начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ и дѣлалъ военныя распоряженія; онъ старался пробудить во французской націи чувство чести и расположить ее къ принесенію необходимыхъ жертвъ; онъ поручалъ членамъ своего дома командованіе арміями и эскадрами для того, чтобъ яснѣе доказать, что тутъ дѣло шло объ интересахъ всей династіи. А когда его замысламъ стала угрожать неудача, когда превосходство непріятельскихъ силъ и даровитость непріятельскихъ главнокомандующихъ стали создавать ему такія препятствія, которыхъ онъ не былъ въ состояніи преодолѣть, онъ все-таки упорно держался задуманной цѣли, какъ будто не желая подчиняться даже велѣніямъ рока. Свою золотую столовую посуду онъ приказалъ превратить въ чеканную монету для того, чтобъ показать націи примѣръ отказа отъ излишнихъ расходовъ. Какъ ни страдала его душа въ минуты тревожныхъ заботъ и неудачъ, онъ всегда сохранялъ внѣшній видъ всеильнаго властителя, никогда не унижалъ своего королевскаго достоинства; его приближенные удивлялись его самообладанію и твердости его характера. Однако военныя неудачи и ошибки его дипломатіи не были единственными испытаніями, которыя пришлось выпосить Людовику XIV въ старости: его въ то же время постигли семейныя несчастія. Еще до окончанія войны умеръ отъ оспы до-13 апр. 1711. финъ Людовикъ, для котораго Боссюэтъ написалъ свой очеркъ всеобщей исторіи, — который былъ послушнымъ сыномъ и ревностнымъ поборникомъ монархически-клерикальной политики и своего наставника и короля, хотя и не отличался выдающимися дарованіями. Людовика глубоко огорчила эта потеря: «его скорбь могла-бы растрогать камень,» — писала Елизавета Шарлота. Тогда вступилъ въ права наслѣдника престола сынъ дофина и Христинны Баварской, герцогъ Бургундскій, которому Фенелонъ преподавалъ правила мудраго госу-

дарственного управления и нравственно-религиозного образа жизни: это былъ благонамѣренный, любознательный и челоѣколюбивый принцъ, отъ котораго французская нація могла ожидать смягченія абсолютизма, возстановленія старинныхъ правъ и вольностей и уменьшенія налоговъ; его супруга, савойская принцесса Марія Аделаида смягчала своимъ веселымъ нравомъ и живымъ умомъ его склонность къ чрезмѣрной серьезности и умѣла привлекать къ себѣ всѣ сердца. Но ожиданія народа не сбылись! Герцогиня умерла 12 фев-

12 февр. 1712. раля 1712 отъ кори, а черезъ шесть дней послѣ того сошелъ въ
18 февр. могилу и ея супругъ, заразившійся онъ нея тою же болѣзнію. У нихъ было трое дѣтей мужескаго пола: первый ребенокъ умеръ еще при жизни родителей; второй — пятилѣтній герцогъ Бретанскій кончилъ
8 марта. жизнь тремя недѣлями позже своего отца отъ той же болѣзни; третій, которому было только два года, выздоровѣлъ, какъ рассказываютъ, благодаря тому, что его нянька не позволила лѣчить его тѣми же средствами, которыя не спасли его старшихъ братьевъ. Этотъ правнукъ Людовика XIV и сдѣлался наслѣдникомъ престола. Черезъ два года послѣ того умеръ на глазахъ у престарѣлаго короля и его третій внукъ герцогъ Беррійскій, женатый на прекрасной и высокоумной дочери герцога Филиппа Орлеанскаго, которая причиняла своими капризами не мало неприятностей королевскому семейству. Ея бабушка, пфальцская принцесса Елизавета Шарлота нерѣдко читала ей наставленія по порученію короля. Къ своему отцу она была болѣе привязана, чѣмъ къ своему мужу. Общественное мнѣніе обвиняло герцога Орлеанскаго въ преждевременной смерти столькихъ членовъ королевскаго семейства: онъ, какъ полагали, прибѣгалъ къ отравленію для того, чтобъ очистить себѣ путь къ регентству и, быть можетъ, даже къ престолу. Въ его жизни и въ его характерѣ было такъ много темныхъ сторонъ, что и при дворѣ и въ столицѣ вѣрили этимъ слухамъ.

Распоряженіи Людовика касательно престолонаслѣдія. Людовикъ рѣшился предотвратить посредствомъ законодательнаго акта возможность пресѣченія царствующаго дома и вмѣстѣ съ тѣмъ воздвигнуть памятникъ своей отцовской привязанности. Онъ всегда осыпалъ своихъ незаконныхъ дѣтей разными отличіями: онъ хотѣлъ доказать націи, что королевская кровь ставила на недосыгаемую высоту даже тѣхъ, кто родился отъ короля внѣ брачнаго союза. Поэтому онъ осыпалъ богатствами и почестями своихъ сыновей и дочерей, родившихся отъ г-жи Лавальеръ и отъ г-жи Монтеспанъ, и старался соединять ихъ брачными узами съ знатными семействами для того, чтобъ поставить ихъ на ряду съ потомками владѣтельныхъ князей. А преданность знатныхъ семействъ къ главѣ династіи была такъ велика, что съ незаконными дѣтьми Людовика считали за честь породниться даже такіе аристократы, какъ Конде и Орлеаны, такъ долго боровшіеся съ Бурбонами изъ-за первенства.

Король выдалъ одну изъ своихъ дочерей за принца Людовика Арманда Конти, другую за внука великаго Конде, герцога Бурбонскаго, третью за Филиппа Орлеанскаго. Его старшій сынъ получилъ титулъ герцога Майенскаго или Мэнскаго, который когда-то носили гордые Гизы, женился на внучкѣ великаго Конде и былъ назначенъ губернаторомъ Лангедока, а г-жа Монпансье оставила ему, изъ преданности къ королю, часть своихъ обширныхъ помѣстьевъ и между прочимъ замокъ Ё; младшій сынъ Людовика, графъ Тулузскій, сначала командовалъ флотомъ, потомъ былъ губернаторомъ Прованса съ самыми широкими полномочіями. Принцы крови и усыновленные дѣти Людовика XIV составляли одно огромное семейство, которое было чрезвычайно могущественно благодаря своимъ богатствамъ и высокимъ должностямъ, и было привязано къ королю съ безпредѣльной преданностью.

Такъ какъ представителями наслѣдственного монархическаго принципа оставались только двое малолѣтнихъ дѣтей, то король задумалъ легальнымъ способомъ упрочить равноправность между своими законными и незаконными дѣтьми. «Неотмѣняемымъ эдиктомъ», который былъ внесенъ въ акты парижскаго парламента, онъ предоставилъ своимъ побочнымъ сыновьямъ и ихъ потомкамъ наслѣдственное право на французскій престолъ въ случаѣ, еслибы пресѣклась легитимная линия королевскаго дома. Предоставляя этимъ способомъ рангъ и почести принцевъ крови своимъ двумъ сыновьямъ герцогу Мэнскому и графу Тулузскому, Людовикъ безъ сомнѣнія имѣлъ между прочимъ въ виду преградить герцогу Орлеанскому путь къ престолу. Какъ охотно онъ предоставилъ-бы своему, царствовавшему въ Испаніи, внуку права регента на случай, если бы онъ самъ кончилъ жизнь прежде чѣмъ его правнукъ Людовикъ достигнетъ совершеннолѣтія! Но этого не позволяли международные трактаты, а вовлекать свое истощенное государство въ новую войну онъ не желалъ. Поэтому онъ сдѣлалъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи распоряженіе касательно регентства и передалъ этотъ тайный документъ вмѣстѣ съ дополнительными статьями на храненіе президенту и генералъ-прокурору парламента. Герцогу Орлеанскому было предоставлено председательство въ совѣтѣ, состоящемъ изъ усыновленныхъ дѣтей короля, изъ маршаловъ и министровъ, но его власть была ограничена постановленіемъ, что всѣ подлежащія королевскому рѣшенію дѣла должны разрѣшаться большинствомъ голосовъ. Опекунскій надзоръ за личною безопасностью и за воспитаніемъ наслѣдника престола былъ возложенъ на герцога Мэнскаго, а королевской гвардіи было приказано исполнять всѣ приказанія этого опекуна. Людовикъ надѣялся, что благодаря этимъ мѣрамъ его система управленія будетъ прочно держаться и послѣ его смерти.

Не смотря на свои преклонные лѣта Людовикъ постоянно пользовался крѣпкимъ здоровьемъ и дѣятельно занимался государственными дѣлами. Онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ совѣта министровъ, присутствовалъ на придворныхъ развлеченияхъ и празднествахъ, зани-

2 авг. 1714.

Болезнь и смерть короля.

мался новыми постройками, интересовался оперными представленіями, посѣщалъ вмѣстѣ съ г-жою Ментенонъ избранные кружки любимыхъ царедворцевъ, ревностно исполнялъ свои религіозныя обязанности и старался восполнить акуратно распреѣленными занятіями пустоту семейной и придворной жизни. Въ августѣ его посѣтилъ недугъ, который скоро принялъ очень серьезный характеръ. Онъ самъ сознавалъ, что близокъ къ смерти, но ожидалъ ее съ терпѣніемъ и съ мужествомъ. Давши своему правнуку совѣтъ настойчивѣе его самого сохранять миръ съ сосѣдями, и простившись съ подругой своей старости съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ, потому что скоро долженъ былъ снова съ нею свидѣться, онъ испустилъ духъ 10 сентября 1715, не доживши только нѣсколькихъ дней до 77 лѣтъ.

Результаты его
царствованія.

Людовикъ XIV наложилъ отпечатокъ своей личности на исторію своего времени. Придерживаясь колен, проложенной Ришелье и Мазариномъ, онъ довелъ абсолютную королевскую власть до ея апогея. Въ теченіе своего слишкомъ пятидесяти-лѣтняго царствованія онъ имѣлъ въ виду лишь двѣ цѣли—упрочить свою систему управленія и доставить объединенной въ религіозномъ и въ политическомъ отношеніи Франціи преобладаніе надъ Европой. Но дѣйствительно-ли онъ достигнулъ этихъ цѣлей? Онъ уничтожилъ феодальный характеръ прежняго режима, принудилъ къ покорности склонное къ революціоннымъ смутамъ дворянство, окружилъ высшихъ должностныхъ лицъ декоративнымъ блескомъ, а завѣдываніе дѣлами и исполнительную власть предоставилъ чиновнической іерархіи; онъ превратилъ дѣятельность провинціальныхъ парламентовъ въ историческое воспоминаніе о давно-прошедшемъ, а права и привилегіи муниципалитетовъ превратилъ въ лишенное всякаго значенія исполненіе формальностей; онъ воспретилъ реформатское богослуженіе и путемъ насилій возстановилъ единство религіи; но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнаруживалась оппозиція со стороны всѣхъ слоевъ общества и въ особенности со стороны образованныхъ классовъ населенія. Намъ уже извѣстно, что именно въ духѣ этой оппозиціи были тѣ политическія реформы, введенія которыхъ желалъ Фенелонъ, и что герцогъ Бургундскій не одобрялъ систему управленія своего дѣда, что ему и доставило народную любовь. И внѣшняя политика Людовика XIV не привела къ той цѣли, къ которой стремилось его высокомѣрное властолюбіе. Хотя возведеніе Бурбона на испанскій престолъ и было блестящимъ триумфомъ для Людовика, но мечты о всемірномъ владычествѣ Франціи не осуществились. Послѣ заключенія Утрехтскаго мира Франція утратила нѣкоторую долю того могущества, которое приобрѣла при заключеніи Нимвегенскаго мира. А въ какое бѣдственное положеніе поставила страну неудачная война! На Франціи лежалъ долгъ слишкомъ въ тысячу милліоновъ ливровъ; золотая и серебряная монета была произвольно повышена въ номинальной цѣнѣ безъ

соотвѣтствующаго увеличенія ея внутренней стоимости, а въ добавокъ къ этому были выпущены въ обращеніе ничѣмъ не обезпеченныя бумажныя деньги; платежныя силы государства были истощены чрезмѣрными и неравномѣрно распреѣленными налогами; дворянскіе титулы, должности и отличія продавались за деньги; внутреннее благосостояніе исчезло; колоніи приходили въ упадокъ; на моряхъ владычествовали Англичане; вслѣдствіе войны и религіозныхъ преслѣдованій во многихъ провинціяхъ осталось очень незначительное населеніе; силы Франціи были истощены, а вмѣстѣ съ ними она утратила и кредитъ и доброе имя. «Мы еще существуемъ только какимъ-то чудомъ» — говорилъ въ то время Фенелонъ; «государство превратилось въ старую, испорченную машину, которая еще не перестаетъ дѣйствовать, по вину той силѣ, которая первоначально пустила ее въ ходъ; но она разрушится отъ перваго сильнаго удара».

в. Регентство герцога Орлеанскаго.

Людовику XIV совѣтовали созвать для утвержденія его завѣщанія государственныя чины или по меньшей мѣрѣ нотаблей; но это было бы несогласно съ принципами его системы управленія. Онъ считалъ достаточнымъ передать свое завѣщаніе парламенту и приказать, чтобъ послѣ его смерти изложенныя въ томъ завѣщаніи распоряженія были исполнены. Но Филиппъ Орлеанскій, который былъ столько же честолюбивъ и криводушенъ, сколько былъ свѣдущъ въ политикѣ и образованъ, ни за что не согласился-бы взять на себя роль предсѣдателя въ такомъ совѣтѣ, гдѣ все рѣшается большинствомъ голосовъ; онъ хотѣлъ быть регентомъ въ силу права, принадлежавшаго ему по его происхожденію. Принцы крови поддерживали его съ досады, что съ ними поставлены наравнѣ побочныя дѣти Людовика, а друзья герцога генераль-прокуроръ д'Агессо и главный адвокатъ Жоли-де-Флѣри безъ большаго труда убѣдили парламентъ послѣдовать примѣру 1643 года въ особенности потому, что обѣщали ему устранить ограниченія, наложенныя на его сферу вѣдомства покойнымъ королемъ, и возвратить ему прежнее политическое значеніе. На торжественномъ за-
2 сент. 1715.
даніи парламента герцогъ Орлеанскій былъ провозглашенъ регентомъ въ присутствіи принцевъ, перовъ и высшихъ саповниковъ; его наслѣдственное право было поставлено выше распоряженій завѣщателя, а главное командованіе стоявшими внутри Франціи войсками было отнято у мало способнаго для этой должности герцога Мэнскаго, до тѣхъ поръ всегда державшагося въ сторонѣ отъ всякой военной дѣятельности. Въ изъясненіе признательности за готовность парла-

мента признать его наследственные права, регентъ возвратилъ этому собранію старое право «совѣщаться касательно содержанія королевскихъ эдиктовъ до ихъ внесенія въ протоколъ и представлять возраженія противъ этого содержанія». Вслѣдъ за тѣмъ было ослаблено въ системѣ управленія прежнее стремленіе къ централизаци: регентъ учредилъ для различныхъ отраслей государственнаго управленія шесть совѣщательныхъ коллегій, которыя были подчинены совѣту регента, но принимали участіе въ его засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ черезъ посредство своихъ президентовъ. У усыновленныхъ дѣтей Людовика XIV было отнято право наследованія престола на томъ основаніи, что въ случаѣ престѣченія царствующей династіи отъ націи зависитъ выборъ новаго монарха; изгнаннымъ янсенистамъ были возвращены ихъ прежнія должности; кардиналъ де-Ноайль былъ назначенъ членомъ той совѣщательной коллегіи, которая завѣдывала церковными дѣлами; патеръ Ле-Телье былъ удаленъ отъ двора. Такимъ образомъ и въ сферѣ государственнаго управленія и въ сферѣ управленія церковнаго прежняя система откладывалась въ сторону. Остроумный писатель и ораторъ д'Агессо былъ послѣ смерти Вуазена возведенъ въ званіе канцлера.

Филиппъ Орлеанскій.

Но каковъ-же былъ по своей натурѣ и по своему характеру тотъ человекъ, который взялъ въ свои руки кормило правленія на время несовершеннолѣтія Людовика XV. Своимъ умомъ и своими природными дарованіями Филиппъ Орлеанскій (род. въ 1674 г.) далеко превосходилъ всѣхъ другихъ членовъ бургонской династіи. Благодаря своей любознательности, онъ съ молодости любилъ посвящать свое время наукамъ и искусствамъ, благодаря своей понятливости и хорошей памяти приобрѣлъ не мало самыхъ разнообразныхъ познаній. Онъ былъ даровитымъ музыкантомъ и живописцемъ усердно занимался химіей и очень интересовался глубокомысленными умозрѣніями Лейбница; онъ покровительствовалъ ученымъ, поддерживалъ академіи и публичныя бібліотеки и охотно приближалъ къ себѣ людей съ литературными дарованіями. Кромѣ того, его проницательный умъ легко вникалъ въ сущность государственныхъ вопросовъ; онъ былъ отъ природы краснорѣчивъ и былъ знакомъ съ военнымъ дѣломъ. Въ Испаніи и въ Нидерландахъ онъ удовлетворительно исполнялъ свои служебныя обязанности; во время походовъ въ Италію, не смотря на постигшія французскую армію неудачи, онъ доказалъ, что обладалъ личнымъ мужествомъ и необходимою для военачальниковъ смѣлостью; поэтому онъ, какъ полагаютъ, непременно обнаружилъ-бы выдающіяся дарованія полководца, если бы его дядя не устранилъ его отъ дѣлъ изъ недоумѣрчивости и изъ недоброжелательства. Съ этими прекрасными задатками онъ соединилъ любезность въ обхожденіи, рыцарское великодушіе и умѣнье привлекать къ себѣ сердца. Но его мать говорила, что „какая то фея отплатила за его пренебреженіе къ ней, наложивши проклятіе на украшающія его природныя дарованія, такъ что эти дарованія не приносили ему пользы и омрачались такими-же выдающимися пороками“. Еще въ ранней молодости онъ попалъ, по винѣ своего отца, въ дурное общество, которое сбilo его съ настоящаго пути. Это причинило его матери, инфантъграфинѣ Елизаветѣ Шарлотѣ глубокое огорченіе, которое она выражала въ своихъ письмахъ. Его наставникъ аббатъ Дюбуа былъ такой-же, какъ онъ самъ, умный, даровитый и научно-образованный

человѣкъ, но склонный къ цинизму, неправдолюбивый и не вѣрившій ни въ добродѣтель ни въ какіе-либо идеалы. Этотъ наставникъ съ льстивою услужливостью и съ затаенными честолюбивыми дѣлами развивалъ въ своемъ воспитанникѣ склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ и заглушилъ въ немъ уваженіе къ религіи и къ морали. Герцогъ не нашелъ любви и счастья въ своемъ бракѣ съ дочерью короля, которая отпосидѣла къ нему съ холодной сдержанностью изъ горлаго сознанія своего знатнаго происхожденія и своихъ нравственныхъ превосходствъ. Такимъ образомъ Филиппъ Орлеанскій сдѣлался рабомъ своихъ похотей и порочныхъ наклонностей и проводилъ время въ кутежахъ (соучастники которыхъ получили отъ него прозвище Коуэ), откладывая въ сторону требованія религіи, нравственности и приличій и считая чувственные наслажденія за уладу жизни. Онъ, какъ замѣчаетъ Рапке, не только вовлекался въ крайнее распутство, но и старался всѣхъ превзойти необузданностью въ наслажденіяхъ. Онъ проводилъ въ кутежахъ дѣлами ночи, а когда его силы истощались, онъ старался подкрѣплять ихъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, такъ что совершенно разстроилъ свое здоровье. Онъ нерѣдко попадалъ въ непріятную зависимость отъ тѣхъ, кто были участниками въ его безпутствахъ, а вслѣдствіе этого относился безъ должнаго вниманія къ самымъ близкимъ своимъ родственникамъ, развѣ только за исключеніемъ своей дочери герцогини Беррійской. Съ его именемъ соединяется воспоминаніе о самыхъ циничныхъ оргіяхъ. Онъ былъ неводержимъ и за столомъ: когда онъ приходилъ въ опьяненіе отъ чрезмѣрнаго употребленія вина, ничто не могло удержать его отъ самыхъ дикихъ выходокъ, отыщавшихся или юморомъ или злобой или даже лживымъ безбожіемъ. Онъ кромѣ того любилъ блеснуть своимъ вольнодумствомъ и желалъ прослыть за такого человѣка, которому нѣтъ никакого дѣла до загробной жизни и до сверхчувственнаго міра,

Въ томъ засѣданіи парламента, въ которомъ Филиппъ Орлеанскій Печальное по-былъ провозглашенъ регентомъ, онъ обѣщалъ приложить самое тщательное стараніе къ устраненію финансовыхъ нуждъ страны, къ введенію государственнаго хозяйства въ порядокъ и къ установленію равновѣсія между расходами и доходами. Онъ немедленно приступилъ къ исполненію этого обѣщанія, но и на этотъ разъ точно такъ-же, какъ при прежнихъ попыткахъ спасти государство отъ банкротства, наряду съ полезными мѣрами принимались и вредныя: была учреждена подъ предсѣдательствомъ братьевъ Пари коммиссія, которая приступила къ провѣркѣ долговыхъ государственныхъ обязательствъ и большую ихъ часть сократила на половину или даже еще болѣе; дѣятельность сборщиковъ податей, оброчныхъ содержателей и подрядчиковъ, провинившихся въ плутняхъ или въ вымогательствахъ, была подвергнута, точно такъ-же, какъ во времена Кольбера, судебному разслѣдованію, а большая часть незаконно присвоенныхъ ими суммъ была у нихъ отобрабана; было сдѣлано распоряженіе о чеканкѣ новой монеты болѣе низкаго внутренняго достоинства. Но эти мѣры не могли привести въ равновѣсіе государственный бюджетъ, ежегодно сводившійся съ дефицитомъ въ нѣсколько милліоновъ; кромѣ того ихъ успѣху мѣшали продажность и корыстолюбіе товарищей регента въ кутежахъ. Уже въ то время высказывалась

мысль, что для основательного излечения государственных недуговъ слѣдовало-бы созвать государственные чины; но членъ Орлеанскаго дома не могъ рѣшиться на такое нововведеніе.

Джонъ Лоу и
новый ассигна-
ціонный банкъ.

Сынъ эдинбургскаго золотыхъ дѣлъ мастера Джонъ Лоу, соединившій съ основательными познаніями увлекательное краснорѣчіе и свѣтское образованіе, познакомился съ регентомъ во время азартной игры и предложилъ ему помочь бѣдственному положенію финансовъ посредствомъ учрежденія государственнаго банка. Ссылаясь на результаты учрежденія лондонскаго банка, онъ утверждалъ, что посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ, цѣнность которыхъ гарантирована кредитомъ правительства, можно увеличить народное богатство и поднять уровень народного благосостоянія. Доводы, на которые онъ ссылался, и примѣры изъ частной дѣятельности купцовъ и банкировъ, на которые онъ указывалъ въ подтвержденіе своихъ доводовъ, не были ошибочны; предпріятіе оказалось химерическимъ главнымъ образомъ по причинѣ разныхъ обмановъ и мистификацій, — по той причинѣ, что неограниченный монархическій режимъ не давалъ никакихъ гарантій противъ корыстолюбія и произвола тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находилась власть, а также ихъ фаворитовъ и должностныхъ

лицъ. Регентъ подвергнулъ предложеніе Лоу разсмотрѣнію спеціальныхъ: было рѣшено, что хотя новый проектъ и не можетъ быть приведенъ въ исполненіе во всемъ его объемѣ, но шотландскому финансисту слѣдуетъ выдать привилегію на учрежденіе частнаго банка посредствомъ выпуска акцій. Тогда Лоу основалъ финансовое общество, которое скоро приобрѣло подъ его руководствомъ общее довѣріе и принесло не мало пользы, дисконтируя векселя за небольшіе проценты, выдавая денежные ссуды и исполняя роль посредника въ торговыхъ сдѣлкахъ. Довѣріе къ новому банку еще усилилось, когда постановленіемъ 10 апрѣля 1717 года онъ былъ признанъ за государственное учрежденіе, а государственному казначейству было предписано принимать въ счетъ платежей выпущенныя имъ ассигнаціи. Но въ томъ же году Лоу придалъ своему ассигнаціонному банку совершенно новый характеръ, задумавши соединить его съ западной торговой компаніей и этимъ способомъ сдѣлать его способнымъ къ гораздо болѣе широкой дѣятельности.

Банкъ и запад-
ная торговая
компанія.

Еще слишкомъ за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ французскій переселенецъ Ла-Салль спустился изъ Квебека внизъ по теченію Миссиссиппи, вступилъ отъ имени французскаго короля въ обладаніе странами, лежащими у низовьевъ этой рѣки, и далъ имъ по имени короля названіе Луизианы. Но всѣ попытки населить Луизиану французскими переселенцами и сдѣлать изъ нея полезную для Франціи колонію оставались безуспѣшными. По совѣту Лоу, регентъ основалъ особое общество, которое должно было заняться колонизаціей той богатой металлами страны и при этомъ должно было найти поддержку въ парижскомъ банкѣ, который приобрѣлъ очень значительное число акцій. Обширныя страны, поступившія въ завѣдываніе этого

общества, казались тѣмъ болѣе цѣнными, что ихъ жителямъ были предоставлены на нѣсколько десятковъ лѣтъ самыя широкія привилегіи и освобожденіе отъ налоговъ, и что имъ представлялась возможность завести выгодную торговлю съ Канадой. Регентъ, которому нравилось все, что было блестяще и ново, увлекся много-обѣщавшими комбинаціями и горячо взялся за исполненіе химерическихъ проектовъ Шотландца. Новое торговое и финансовое учрежденіе, находившееся подъ руководствомъ Лоу, онъ поставилъ въ самую тѣсную связь съ государственными интересами Франціи, предоставивъ ему табачную монополію съ цѣлю содѣйствовать развитію въ новой колоніи табачныхъ плантацій; банковской компаніи, которая получила отъ него названіе „королевской“, онъ предоставилъ широкое участіе въ собираніи податей и въ финансовомъ управленіи и этимъ доставилъ ей неограниченный кредитъ. Почти вся чеканная монета притекла въ банкъ и была обмѣнена на бумажныя деньги; старыя свидѣтельства на полученіи должныхъ государствомъ суммъ или государственной ренты, принесшіе лишь незначительный процентъ, были обмѣнены на доходныя акціи новаго торговаго и финансоваго учрежденія; въ этомъ обмѣнѣ принимали участіе и принцы крови и богатые аристократы. Кассы государственнаго казначейства наполнились ассигнаціями; положенныя въ нихъ на храненіе деньги были взяты назадъ и употреблены на приобрѣтеніе акцій; за исключеніемъ ежедневныхъ мелочныхъ покупокъ, всѣ торговыя сдѣлки производились черезъ посредство ассигнацій. Но то, что сначала дѣлалось добровольно, въ послѣдствіи вмѣнялось въ обязанность эдиктами. Обладаніе золотомъ и серебромъ болѣе чѣмъ на пять сотъ франковъ было заклеено названіемъ государственнаго преступленія. Сфера дѣятельности и кредитъ королевскаго банка все болѣе и болѣе расширялись, такъ что пришлось заводить его отдѣленія во многихъ большихъ городахъ Франціи. Общество дало государству въ ссуду 1200 милліоновъ за незначительные проценты и этимъ доставило правительству возможность уплатить ассигнаціями тѣ долги, которые требовали уплаты болѣе высокихъ процентовъ. Даже главныя государственныя кредиторы Генуэзцы по неволѣ согласились принять въ уплату акціи общества Миссиссиппи, потому что вывозъ звонкой монеты изъ Франціи былъ воспрещенъ, а другія французскія бумаги очень упали въ цѣнѣ. Примѣру Генуэзцевъ послѣдовали Голландцы и Англичане. Всѣ сосѣднія страны были привлечены въ сферу дѣятельности французскаго денежнаго рынка. „Королевскій банкъ“ взялъ на себя завѣдываніе торговлей съ Сенегаломъ; къ нему перешли привилегіи старой индійской компаніи, основанной Кольберомъ, но пришедшей въ упадокъ; онъ сталъ выплачивать городскія ренты, уплатилъ всѣ королевскіе долги и наконецъ взялъ главныя откупа. Еще никогда не было примѣра, чтобы фантазія, имѣвшая подъ собою такую непрочную почву, могла подчинить всю націю такому неограниченному и зловредному господству. Всѣ финансовыя средства государства находились въ зависимости отъ торговой компаніи; цѣна акцій этой компаніи возвысилась въдесятеро, даже въ двадцать разъ противъ ихъ первоначальной стоимости. Регентъ, неустоявшій противъ общаго ослѣпленія, приказалъ заготовить безчисленное множество бумажныхъ денежныхъ знаковъ; въ 1719 году химерическая стоимость акцій превышала въ восемьдесятъ разъ все количество золота, находившагося въ обращеніи во Франціи. Лоу сдѣлался героемъ дня; онъ перемѣнилъ религію и былъ назначенъ генераль-контролеромъ финансовъ; въ улицѣ Quincairoix, гдѣ производились всѣ сдѣлки, не было прохода отъ громаднаго стеченія народа; покупка и продажа акцій и ассигнацій приняли характеръ азартной игры. „Разбогатѣть и наслаждаться жизнью“ — таковъ былъ общій лозунгъ.

Регентъ и но-
вое финансовое
учрежденіе.

Правительство и парламент. Замыслы регента становились все болѣе смѣлыми и высокопарными; онъ задумалъ воспользоваться находившимися въ распоряженіи правительства богатствами для возвышенія правительственной власти: вѣдь выкупъ проданныхъ правительствомъ должностей значительно усилилъ-бы могущество и авторитетъ правительственныхъ сферъ! А развѣ нельзя бы было сдѣлать изъ парламента органъ правительства, возвративши суммы, которыя когда-то были уплочены за мѣста парламентскихъ членовъ, сдѣлавшіяся наслѣдственными въ аристократическихъ семействахъ? Вѣдь бумажныхъ денегъ достало-бы на такое предпріятіе, а въ случаѣ надобности ихъ можно бы было выпустить еще больше. Герцога раздражала оппозиція, которая уже обнаруживалась въ парламентскихъ кружкахъ противъ его фантастическихъ финансовыхъ операций; уже происходили столкновения, напоминавшія времена фронды; мемуары, относившіеся къ той достопамятной эпохѣ, были въ то время любимымъ чтеніемъ образованныхъ людей и вызывали сравненія между настоящимъ и прошедшимъ: регенту приписывали намѣреніе еще увеличить прерогативы короны, придавши имъ такую ширину, какой онѣ не имѣли даже во времена Мазарина и Людовика; говорили, будто онъ намѣревается устранить всѣ стѣсненія, которыя налагались преданіями и законами на неограниченное пользованіе верховною властію. Раздраженіе и взаимное недовѣріе усилились вслѣдствіе того, что въ парламентѣ происходили такіа бурныя сцены, какихъ не приходилось видѣть въ теченіе уже нѣсколькихъ десятилѣтій. Неодобреніе финансовыхъ мѣръ высказывалось парламентомъ все въ болѣе и болѣе рѣзкой формѣ: какъ сожалѣлъ тогда регентъ о томъ, что онъ самъ предоставилъ парламенту право обсуждать содержаніе правительственныхъ эдиктовъ прежде ихъ внесенія въ протоколъ! Онъ возбудилъ сильное неудовольствіе тѣмъ, что уволилъ отъ канцлерской должности д'Агессо, пользовавшагося общимъ уваженіемъ какъ за свою честность, такъ и за свои природныя дарованія и за литературное образованіе, а государственную печать вручилъ склонному къ деспотизму графу д'Аржансону, который сталъ дѣйствовать за одно съ Лоу, не обращая никакого вниманія на энергическіе протесты парламента противъ сочетанія государственнаго управленія съ банкирскою дѣятельностью.

Янв. 1718.

Государственное банкротство.

Недовѣріе къ правительству, обнаруживавшееся въ высшихъ сферахъ, скоро стало проникать и въ другіе слои общества. Въ парламентскомъ засѣданіи, происходившемъ въ присутствіи юнаго короля, было прочтано постановленіе совѣта регентства, возлагавшее на парламентъ обязанность такого же безусловнаго повиновенія, какъ и при Людовикѣ XIV; но это не привело ни къ чему; возраженія, которыя высказывались противъ пагубной финансовой системы, уже успѣли возбудить недовѣріе къ ней; многіе стали предъявлять свои бумаги въ банкъ для уплаты. Безпокойство усилилось, когда появился въ маѣ 1720 эдиктъ, мало по малу низводившій

стоимость акцій на ихъ номинальную цѣну и ограничившій опредѣленнымъ временемъ пріемъ банковыхъ билетовъ въ государственныхъ кассахъ. Владѣльцами бумагъ овладѣлъ страхъ; ихъ даже не могла успокоить отмена эдикта, на которую регентъ рѣшился по совѣту своихъ приближенныхъ. Наплывъ публики, требовавшей наличныхъ денегъ, до такой степени усилился, что въ банкѣ сталъ истощаться запасъ звонкой монеты, и онъ былъ принужденъ объявить въ іюлѣ 1720, что будетъ обмѣнивать на звонкую монету только мелкіе билеты не выше десяти ливровъ. Но и эти платежи онъ долженъ былъ скоро прекратить; обманутый народъ предался ярости и отчаянію; онъ сталъ густыми массами вламываться въ банкъ, такъ что нѣсколько человѣкъ были задавлены до смерти, а самый банкъ пришлось закрыть. Лоу, котораго считали главнымъ виновникомъ общественнаго бѣдствія, съ трудомъ спасся отъ гибели. И самъ регентъ и его безсовѣстные сообщники также навлекли на себя общее негодованіе. Трупы задавленныхъ людей были отнесены въ Пале-Рояль. Регентъ тщетно пытался предотвратить общее разореніе посредствомъ изданія новыхъ эдиктовъ; парламентъ отказался отъ внесенія этихъ эдиктовъ въ протоколъ и былъ за это сосланъ въ Понтуазъ. Уже никакія мѣры, никакія назначенія обязательнаго курса бумажныхъ денегъ не могли предохранить отъ государственнаго банкротства, въ особенности когда стало извѣстно, что колопизація Луизианы рѣшительно не удалась, что нѣсколько тысячъ авантюристовъ, отправившихся туда на корабляхъ торговой компаніи, болѣею частью погибли отъ голода и отъ климата, что Новый Орлеанъ, который выдавали за хорошо обстроенный городъ съ 800 домами, состоялъ только изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ хижинъ, въ которыхъ жили контрабандисты и бродяги.

20 октября было объявлено, что всѣ акціи и банковые билеты должны считаться изъятыми изъ обращенія. Трудное дѣло ликвидаціи было возложено на особую комиссію подъ руководствомъ тѣхъ самыхъ братьевъ Парі, которые были изгнаны изъ столицы за то, что протестовали противъ сумасбродныхъ финансовыхъ операций. Большое состояніе, которое Лоу оставилъ во Франціи, когда спасался бѣгствомъ въ Италію, было конфисковано, такъ что этотъ владѣлецъ многихъ милліоновъ превратился въ бѣдняка и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того умеръ въ Венеціи въ совершенной нищетѣ. Нѣкоторые корыстолюбивые вельможи изъ приближенныхъ ко двору и къ регенту обогатились, благодаря тому, что уплатили свои долги легко пріобрѣтавшимися денежными знаками и накупили помѣстьевъ; но убытки, понесенные гражданами, торговцами и иностранными государственными кредиторами, были громадны. Само государство расплатилось съ значительною частію своихъ долговъ, такъ что въ государственномъ хозяйствѣ можно бы было достигнуть равновѣсія между доходами и расходами, если бы за это дѣло взялись съ бережливостью, съ добросовѣстностью и съ осмотрительностью. Напротивъ того, государство утратило всякій кредитъ; торговля и промышленность стали медленно поправляться отъ пережитыхъ невзгодъ, а тѣмъ аристократическимъ семействамъ, которыя утратили отъ финансовой катастрофы все свое состояніе или значительную его часть, прави-

17 іюля 1720

Развязка и преемственное впечатление.

Иностранная
поэтика.

тельство стало помогать посредствомъ назначенія пенсій и пожизненныхъ рентъ.

Всѣ недовольные обратили свои взоры на испанскаго Бурбона Филиппа, который не могъ себѣ простить своего отказа отъ наслѣдственныхъ правъ на французскій престолъ и никогда не терялъ надежды, что возьметъ этотъ отказъ назадъ. Его министръ Альберони поддерживалъ въ немъ эту надежду для того, чтобъ сохранить его милостивое расположеніе, и велъ оживленныя сношенія съ французскими недовольными. И эти явленія напоминали времена фронды. Вслѣдствіе перемѣны царствующей династіи въ Англіи и вслѣдствіе смерти Людовика XIV заключеніе Утрехтскаго мирнаго договора сдѣлалось сомнительнымъ, такъ какъ еще не всѣ участвовавшіе въ переговорахъ державы изъявили на него свое согласіе; если бы условія этого договора вызвали съ чьей-либо стороны возраженія, то прежнія права Бурбоновъ и Стюартовъ могли бы быть снова предъявлены и могли бы снова послужить поводомъ для войны. Поэтому герцогъ Орлеанскій руководствовался чувствомъ самосохраненія, стараясь войти въ соглашеніе съ англійскимъ королемъ изъ Ганноверскаго дома, чтобъ обезпечить исполненіе установленныхъ въ Утрехтѣ мирныхъ условій. Дѣятельному, прозорливому и ловкому Дюбуа, получившему отъ своего бывшаго воспитанника должность члена совѣта въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, удалось заключить союзъ между Франціей и Англіей при содѣйствіи англійскаго уполномоченнаго лорда Стапгопа, въ то время засѣдавшаго въ англійскомъ совѣтѣ министровъ вмѣстѣ съ Зюндерландомъ; послѣ того какъ къ этому союзу примкнули генеральные штаты, образовался новый тройственный союзъ, цѣль котораго заключалась въ поддержаніи существующихъ порядковъ. Между союзниками было условлено, что Филиппу V будетъ воспрещено всякое вмѣшательство во французскія дѣла, а претендентъ Іаковъ III, поселившійся въ Авиньонѣ послѣ своей неудачной попытки завладѣть англійскимъ престоломъ при содѣйствіи своихъ шотландскихъ и англійскихъ приверженцевъ, будетъ приглашенъ удалиться изъ Франціи. Благодаря этому союзу регентъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобъ вступить въ открытую борьбу съ приверженцами испанскаго Бурбона: герцогъ Мелскій и его честолюбивая супруга были высланы изъ Парижа и отданы подъ надзоръ полиціи; испанскій посланникъ Целламаре, въ рукахъ котораго сходились всѣ нити политическихъ интригъ, былъ отправленъ за Пиренеи: начальники заговора составленнаго въ Бретани дворянствомъ, были преданы суду за государственную измѣну и казнены; въ парламентскомъ засѣданіи, происходившемъ въ присутствіи короля, парламенту было сдѣлано напоминаніе о его прежней обязанности подчиняться верховной власти. И императора Карла VI скоро побудило присоединиться къ тройственному союзу то обстоятельство, что мадридскій

Бурбонъ старался отнять у него тѣ итальянскія владѣнія, которыя когда-то принадлежали Испаніи. Въ знакъ признательности за услуги, оказанныя Дюбуа при упроченіи мира, регентъ поручилъ ему управленіе архіепископствомъ Камбрейскимъ, а союзные монархи ходатайствовали въ Римѣ о возведеніи его въ званіе кардинала. Римская Дюбуа вознекурія не рѣшалась возвести въ такой высокій церковный санъ человека, который и по складу своего ума и по своему образу жизни нисколько не походилъ на духовную особу. Но его успѣшное стараніе прекратить въ средѣ французскаго духовенства споры съ яansenистами и ходатайство высокыхъ особъ наконецъ вызвали благопріятное для него рѣшеніе курии: онъ былъ возведенъ въ санъ кардинала. Этотъ принадлежавшій къ духовному званію руководитель иностранной политики былъ такъ ловокъ и такъ благоразуменъ, что не только пользовался большимъ авторитетомъ во внутреннихъ дѣлахъ Франціи, но возстановилъ добрыя отношенія съ Испаніей и умѣлъ быть пріятнымъ англійскому правительству. Дюбуа мечталъ о такой же роли, какая выпала на долю Ришелье и Мазарини, но его жизнь внезапно пресѣклась. Ему пришлось поплатиться за прежнія распутства точно такъ же, какъ и регенту, который въ томъ же году сошелъ въ могилу вслѣдъ за своимъ наставникомъ и развратителемъ. Ранке рассказываетъ, что регентъ часто видѣлся съ одной дамой, которая считалась его любовницей и которая старалась занимать его живыми разговорами и чтеніемъ вслухъ; во время одного изъ такихъ разговоровъ регентъ всталъ со стула, чтобъ отправиться къ королю, но повалился на полъ и испустилъ духъ. Съ нимъ случился апоплексическій ударъ, которымъ кончали жизнь многіе изъ членовъ его дома. Дама впала въ умопомѣшательство; народъ считалъ регента за новаго Фауста, котораго договоръ съ дьяволомъ окончился въ моментъ смерти.

Между тѣмъ юный король Людовикъ XV достигъ такого возраста, въ которомъ могъ по французскимъ законамъ считаться совершеннолѣтнимъ. Еще при жизни регента и его министра коронованіе и миропомазаніе короля были совершены въ Реймсѣ съ большой пышностью. Но его юность и неопытность еще нуждались въ руководителѣ. Поэтому мѣсто герцога Орлеанскаго занялъ другой принцъ крови, Генрихъ Бурбонъ-Конде, — человекъ недаровитый и несвѣдущій, корыстолюбивый, сварливый и кромѣ того подчинявшійся вліянію своей любовницы маркизы При (Prie) и ея протече, одного изъ братьевъ Пари. Сначала онъ во всемъ подчинялся волѣ герцога-регента, потомъ сталъ дѣлать оппозицію его политикѣ, а теперь пошелъ другой дорогой. Прежде всего онъ позаботился объ упроченіи существованія династіи и поспѣшилъ женить короля. Герцогъ Орлеанскій и Дюбуа прочили королю въ невѣсты четырехлѣтнюю дочь Филиппа V, которая уже была перевезена въ Версаль

Дюбуа вознекурія не рѣшалась возвести въ такой высокій церковный санъ человека, который и по складу своего ума и по своему образу жизни нисколько не походилъ на духовную особу. Но его успѣшное стараніе прекратить въ средѣ французскаго духовенства споры съ яansenистами и ходатайство высокыхъ особъ наконецъ вызвали благопріятное для него рѣшеніе курии: онъ былъ возведенъ въ санъ кардинала. Этотъ принадлежавшій къ духовному званію руководитель иностранной политики былъ такъ ловокъ и такъ благоразуменъ, что не только пользовался большимъ авторитетомъ во внутреннихъ дѣлахъ Франціи, но возстановилъ добрыя отношенія съ Испаніей и умѣлъ быть пріятнымъ англійскому правительству. Дюбуа мечталъ о такой же роли, которая выпала на долю Ришелье и Мазарини, но его жизнь внезапно пресѣклась. Ему пришлось поплатиться за прежнія распутства точно такъ же, какъ и регенту, который въ томъ же году сошелъ въ могилу вслѣдъ за своимъ наставникомъ и развратителемъ. Ранке рассказываетъ, что регентъ часто видѣлся съ одной дамой, которая считалась его любовницей и которая старалась занимать его живыми разговорами и чтеніемъ вслухъ; во время одного изъ такихъ разговоровъ регентъ всталъ со стула, чтобъ отправиться къ королю, но повалился на полъ и испустилъ духъ. Съ нимъ случился апоплексическій ударъ, которымъ кончали жизнь многіе изъ членовъ его дома. Дама впала въ умопомѣшательство; народъ считалъ регента за новаго Фауста, котораго договоръ съ дьяволомъ окончился въ моментъ смерти.

10 июля 1721.

Смерть министра и регента. 10 авг. 1723.

7 дек. 1723.

Герцогъ Бурбонъ-Конде. Людовикъ XV. Бракосочетаніе

для того, чтобъ получить тамъ воспитаніе, соотвѣтствующее ея высокому призванію. Но она была отправлена обратно въ Мадридъ, а выборъ новой невѣсты палъ на дочь бывшаго польскаго короля Станислава Лещинскаго, который, послѣ своего изгнанія изъ Польши, жилъ въ Вейссенбургѣ. Испанскій дворъ принялъ этотъ безцеремонный образъ дѣйствій за оскорбленіе и измѣнилъ свою политику по отношенію къ Франціи.

2. Испанія въ царствованіе перваго Бурбонскаго короля.

Филиппъ V. Филиппъ V никогда не терялъ увѣренности въ томъ, что за нимъ останется испанская корона. Намъ уже извѣстно, что онъ упорно отвергалъ совѣтъ своего дѣда добровольно отказаться отъ престола. Онъ полагался на преданность Кастильянцевъ, которые вели себя съ блестящимъ мужествомъ въ то тревожное время, когда странѣ угрожала опасность владычества чужеземцевъ. Поэтому онъ вовсе не былъ доволенъ условіями Утрехтскаго мира, отнимавшими у Испаніи ея итальянскія и бельгійскія провинціи, точно такъ же, какъ ими не былъ доволенъ и его габсбургскій соперникъ, все еще носившій титулъ короля Испаніи не смотря на то, что для него уже давно исчезла всякая надежда на пріобрѣтеніе Пиренейскаго полуострова. Но слабохарактерному, неспособному къ самостоятельности мадридскому Бурбону всегда недоставало предпримчивости и мужества. Онъ обладалъ только пассивными добродѣтелями и постоянно подчинялся вліянію женщинъ. Мы уже ранѣе говорили о вліяніи княгини Орсини на политику и на дѣла управленія; эта дама владычествовала до окончанія войны и при дворѣ и въ совѣтѣ министровъ; веселая и добродушная королева вполнѣ подчинялась ея болѣе энергичному уму, а неимѣвшій собственной воли король подчинялся имъ обѣимъ.

14 февр. 1714. Незадолго до заключенія мира королева кончила жизнь; тогда княгиня Орсини стала нераздѣльно властвовать при дворѣ и въ правительственныхъ сферахъ; но, хорошо зная натуру короля, она сочла нужнымъ позаботиться о его вторичномъ вступленіи въ бракъ. Поэтому она стала отыскивать такую принцессу, которая подчинялась бы ея вліянію такъ же безусловно, какъ покойная королева. Она полагала, что нашла то, что нужно, въ лицѣ Елизаветы Фарнезе, привыкшей при маленькомъ пармскомъ дворѣ къ скромной однообразной жизни. Этотъ выборъ былъ сдѣланъ, какъ кажется, съ одобренія Джуліо Альберони, который былъ сынъ бѣднаго виноградаря изъ окрестностей Піаченцы, готовился къ духовному званію, долго жилъ во Франціи въ качествѣ наставника одного знатнаго итальянскаго юноши, находился въ сношеніяхъ съ семействомъ Фарнезе и

наконецъ сопровождалъ маршала Вандома въ Мадридъ въ качествѣ секретаря. Княгиня Орсини полагала, что отъ молодой принцессы, обязанной ей своимъ счастьемъ, нѣтъ причины опасаться переменъ въ ея господствующемъ положеніи. Но она обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Ей было приказано немедленно выѣхать изъ Испаніи, лишь только новая королева ступила на испанскую почву. Людовикъ XIV еще былъ живъ, когда эта всеильная придворная дама, бывшая въ теченіе столькихъ лѣтъ душою испанско-бурбонскаго управленія, была выслана за Пиренеи для того, чтобъ провести послѣдніе годы жизни въ своемъ прежнемъ отечествѣ въ удаленіи отъ свѣта.

Тайнымъ виновникомъ этого государственнаго переворота, безъ сомнѣнія, былъ тотъ самый даровитый, честолюбивый, предпримчивый и искусный въ интригахъ Альберони, который устроилъ бракосочетаніе короля. Этотъ ловкій Итальянецъ скоро сдѣлался главою испанскаго министерства; къ нему перешло все вліяніе, которымъ прежде пользовалась княгиня Орсини; онъ умѣлъ снискать благосклонность королевы, питая ея честолюбіе разными надеждами и химерами; черезъ ея посредство онъ сталъ господствовать надъ королевою, все болѣе и болѣе впадавшимъ въ меланхолію. Онъ добылъ себѣ въ Римѣ кардинальскую шапку и, подобно своимъ предшественникамъ Лермъ и Оливарецу, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю государственную власть; благодаря своей политической прозорливости и своей предпримчивости онъ былъ въ состояніи употребить эту власть на то, чтобъ укрѣпить силы государства и возратить ему прежнее владычество въ Италіи и на Средиземномъ морѣ. Онъ старался привести въ порядокъ государственное хозяйство посредствомъ цѣлесообразныхъ реформъ, усилилъ и улучшилъ флотъ, а такъ какъ испанская монархія должна была перейти по наслѣдству къ дѣтямъ Филиппа отъ перваго брака, старался доставить дѣтямъ королевы Елизаветы иностранные троны. Чтобъ упрочить свое собственное владычество, онъ старался какъ можно тѣснѣе связать свои личные интересы съ интересами королевы, а ея властолюбивыя стремленія удовлетворялъ составленіемъ военныхъ и завоевательныхъ плановъ. Въдъ при той перемѣнѣ, которая совершилась во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ со времени заключенія мира, представлялась возможность возстановить испанскую монархію въ ея прежнемъ объемѣ и вырвать изъ рукъ австрійскихъ Габсбурговъ захваченную ими добычу!

И такъ, занявши во главѣ государственнаго управленія мѣсто прежняго министра дель-Джудиче, Альберони сталъ придерживаться прежней завоевательной политики, съ которою соединилъ дипломатическія интриги въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Внутри государства онъ старался пробудить силы націи изъ ихъ усыпленія посредствомъ

Политическая и военная дѣятельность Альберони.

разумной, хотя и строго-монархической, системы управления, а изъ желанія воротить Испаніи утраченныя провинціи старался во всѣхъ государствахъ возбуждать недовольныхъ къ дѣятельности частию для того, чтобъ создавать для себя союзниковъ, частию для того, чтобъ создавать для иностранныхъ правительствъ внутреннія заботы и этимъ лишать ихъ возможности противоѣйствовать его завоевательнымъ замысламъ.

Онъ оказывалъ тайную поддержку англійскому претенденту, когда этотъ послѣдній высадился въ Единбургъ; онъ приглашалъ якобитовъ и легитимистовъ взяться за оружіе и даже послѣ неудачи предпріятія поддерживалъ сношенія съ вождями партіи, преданной Стюартамъ; онъ поддерживалъ раздраженіе французскаго дворянства противъ герцога-регента; онъ помогалъ проискать шведскаго графа Гёрца, искавшаго денежныхъ средствъ для продолженія сѣверной войны; онъ возбуждалъ князя Ракоди къ организаціи новаго возстанія въ Венгріи и въ Трансильваніи, а Портъ совѣтовалъ поддержать этого претендента; онъ стѣмлялъ пробудить въ итальянскихъ государствахъ симпатіи къ Испаніи. Онъ пользовался тѣмъ, что всякій переходъ къ новымъ условіямъ государственной жизни возбуждаетъ въ нѣкоторой части населенія разочарованіе и недовольство.

Нельзя не удивляться дѣятельности и изобрѣтательному уму этого человѣка. Въ то время, какъ онъ вмѣшивался во внутреннія дѣла другихъ государствъ, онъ въ самой Испаніи открывалъ новые источники силы. Вскорѣ послѣ его возведенія въ санъ кардинала, Европа съ удивленіемъ узнала, что испанскій флотъ вышелъ въ море съ десантными войсками; этотъ флотъ, какъ полагали, долженъ былъ помогать Венеціи и императору, которые были въ то время заняты упорной борьбой съ Турками; но онъ неожиданно присталъ къ берегамъ Сардиніи, принудилъ стоявшій въ Кальяри императорскій гарнизонъ къ отступленію и завладѣлъ всѣмъ островомъ къ великой радости привязаннаго къ Испаніи населенія. Другой болѣе сильный флотъ подошелъ къ Палермо съ цѣлю снова подчинить Сицилію испанскому владычеству. Послѣ того, какъ были взяты Кальяри и Палермо, маркизъ Леде приступилъ къ осадѣ мессинской цитадели, а послѣ ея взятія намѣревался идти съ своими 30.000 Испанцами на Неаполь. Вѣнское правительство было очень недовольно тѣмъ, что папа возвелъ въ санъ кардинала врага императорскаго дома; поэтому оно наложило арестъ на доходы, которые римское духовенство извлекало изъ Неаполя. Тѣмъ временемъ былъ заключенъ ранѣе нами упомянутый союзъ между четырьмя государствами, вслѣдствіе чего адмиралъ Бингъ появился съ англійскимъ флотомъ въ сицилійскихъ водахъ съ цѣлю воспротивиться завоевательнымъ замысламъ мадридскаго правительства. Такъ какъ испанскій главнокомандующій не хотѣлъ прекратить осаду приморскихъ городовъ, то дѣло дошло до морской битвы близъ мыса Пассаро, въ которой испанскій флотъ былъ почти совершенно уничтоженъ.

1716.

Авг. 1717.

Іюль 1718.

1 авг. 1718.

Въ то-же время французская армія вступила подъ предводительствомъ герцога Бервика черезъ Бидассоу въ Испанію и заняла Фуэнтеррабію и С.-Себастьянъ. Это случилось около того времени, когда императоръ покончилъ турецкую войну заключеніемъ Пассаровицкаго мира и потому могъ располагать свободными войсками для защиты своихъ итальянскихъ владѣній. По видимому, было мало надежды на осуществленіе завоевательныхъ замысловъ Альберони. Однако, этотъ честолюбивый и предпримчивый министр-кардиналъ не отказался отъ своего предпріятія: между тѣмъ какъ снаряжались новые корабли и новыя арміи, онъ велъ интриги въ Парижѣ и въ Англіи. Въ то-же время въ Кадиксѣ была изготовлена къ отплытію эскадра; съ нею долженъ былъ отправиться къ берегамъ Ирландіи англійскій претендентъ, котораго Альберони вызвалъ изъ Италіи въ Испанію.

Кто знаетъ, какъ долго могъ-бы держать всю Европу въ тревогѣ этотъ хитрый государственный человѣкъ, если бы французскимъ и англійскимъ дипломатамъ не удалось подготовить ему такую-же опалу, какую онъ самъ подготовилъ для княгини Орсини. По просьбѣ хорошаго памъ извѣстнаго лорда Петерборо, герцогъ пармскій извѣстилъ свою племянницу, испанскую королеву Елизавету о вредныхъ замыслахъ Альберони. По этому поводу составилъ при дворѣ женскій заговоръ противъ Альберони и заговорщицамъ удалось навести такой страхъ на слабохарактернаго короля, что онъ подчинился ихъ желанію и согласился на увольненіе своего министра. Альберони получилъ приказаніе выѣхать въ теченіе одной недѣли изъ Мадрида, а въ теченіе трехъ недѣль изъ Испаніи. Не добившись аудіенціи у короля, Альберони уѣхалъ въ Генуу, а оттуда въ церковную область, гдѣ прожилъ до конца своей жизни. Его попытка подчинить непосредственному папскому владычеству маленькую республику Санъ-Марино не имѣла серьезныхъ послѣдствій.

Паденіе Альберони.

5 дек. 1719.

Тогда Филиппа V убѣдили очистить Сардинію и Сицилію, отказаться отъ его правъ на принадлежавшія Испаніи итальянскія провинціи и присоединиться къ союзу четырехъ государствъ. Пятисотъ привязанныхъ къ Испаніи Сицилійцевъ послѣдовали за удалявшейся испанской арміей. Между царствующими домами мадридскимъ и версальскимъ былъ улаженъ двойной брачный союзъ: принцъ Астурійскій женился на четвертой дочери герцога-регента, а дочь Филиппа отъ втораго брака была назначена въ невѣсты будущему королю Франціи. Герцога Савойско-Піемонтскаго убѣдили промѣнять Сицилію на Сардинію съ тѣмъ, что онъ сохранитъ королевскій титулъ. Тогда Неаполь и Сицилія снова соединились въ одно государство, въ которомъ была признана верховная власть австрійскихъ Габсбурговъ.

Сицилія отдана Австріи, Сардинія Піемонту. Ипп. 1720.

Однако новыя мирныя связи оказались не прочными. Мадридское правительство было очень оскорблено тѣмъ, что послѣ смерти кардинала Дюбуа и регента (стр. 638) герцогъ Бурбонъ-Конде нарушилъ испанско-французскій брачный договоръ, а испанскую инфанту от-

Союзъ Испаніи съ Австріей.

Янв. 1724. правилъ къ отцу. Незадолго передъ тѣмъ Филиппъ, которому были невыносимы занятія государственными дѣлами, поручилъ въ придѣлѣ меланхоліи своему старшему сыну Людовику управление государствомъ, а самъ переѣхалъ съ своей супругой на жительство въ великолѣпный увеселительный замокъ Сентъ-Ильдефонсо къ великой досадѣ властолюбивой королевы. Но черезъ восемь мѣсяцевъ Людовикъ неожиданно кончилъ жизнь отъ оспы; тогда были употреблены въ дѣло всѣ средства, чтобъ убѣдить короля снова взять въ свои руки управление государствомъ или по меньшей мѣрѣ позволить королевѣ управлять его именемъ. Тогда король, подчиняясь вліянію королевы, отказался отъ французско-англійскаго союза и сблизился съ императоромъ. Черезъ посредство голландскаго авантюриста, барона Рипперды, поселившагося въ Испаніи, перешедшаго въ католическую вѣру и сдѣлавшаго снискать довѣріе королевы, былъ заключенъ въ Вѣнѣ тайный мирный и дружественный договоръ, въ силу котораго Филиппъ V обѣщалъ не оспаривать правъ императорскаго дома на обладаніе Италіей и Бельгіей и предоставить разныя выгоды вновь учрежденной въ Остенде компаніи для торговли съ Остѣ-Индіей; за это вѣнскій дворъ призналъ наслѣдственные права Бурбоновъ на испанскій престолъ въ томъ объемѣ, какой былъ установленъ въ Утрехтѣ, и обязался содѣйствовать возвратному приобрѣтенію Испаніей какъ Гибралтара, такъ и отнятыхъ у нея земель въ Пиренеяхъ. Кромѣ того, велись переговоры о предстоящемъ переходѣ Пармы и Пиаченцы по наслѣдству къ старшему сыну королевы Елизаветы, инфанту Донъ-Карлосу, и о томъ, кому должна достаться Тоскана послѣ предстоявшаго пресѣченія дома Медичи; даже уже тогда затрогивался вопросъ о томъ, кому достанется австрійскій престолъ въ случаѣ, если бы Карлъ VI не оставилъ послѣ себя наслѣдника мужескаго пола.

Перемѣна министерства во Франціи.

Въ этомъ союзѣ крылись зародыши новыхъ столкновений, которыя могли привести къ войнѣ. Такъ какъ отъ него могла прежде всѣхъ пострадать Англія, то англійское правительство не только постаралось упрочить свой союзъ съ Франціей, но и стало кромѣ того искать другихъ союзниковъ. Быть можетъ уже въ то время Англія начала-бы военныя дѣйствія противъ Испаніи и Австріи, если бы въ Парижѣ не произошла перемѣна министерства около того времени, когда ранѣе нами упомянутый Рипперда сталъ руководить въ Мадридѣ государственными дѣлами во вкусѣ и въ интересахъ увлекавшейся своими страстями королевы. Бурбонъ-Конде держалъ себя очень высокомерно и позволялъ себѣ рѣзкія деспотическія выходки, полагаясь на благосклонное расположеніе королевы Маріи Лещинской, которая была ему одному обязана своимъ высокимъ положеніемъ и которая въ теченіе первыхъ лѣтъ супружеской жизни еще сохраняла нѣкоторое вліяніе на сердце короля. Онъ не только постоянно ссорился

съ парламентомъ, не одобрявшимъ ни сдѣланныхъ имъ перемѣнъ въ ходячей монетѣ, ни его эдиктовъ о новыхъ налогахъ, ни его предписаній о возобновленіи взысканій покрытыхъ давностью, — не только усиливалъ религіозныя притѣсненія янсенистовъ и строгость уголовныхъ законовъ противъ кальвинистовъ, не только посягалъ на вольности и привилегіи французскаго духовенства, но даже обходился высокомерно и неуступчиво съ королемъ. Самое сильное нерасположеніе онъ чувствовалъ къ епископу Флѣри, бывшему наставнику Людовика. Всякій разъ, какъ онъ входилъ въ кабинетъ короля, онъ заставлялъ тамъ этого епископа, производившаго своими мнѣніями и разсужденіями сильное впечатлѣніе на своего бывшего ученика. Поэтому онъ прибѣгнулъ къ хитрости, чтобъ устранить этого соперника. Однажды королева, по его совѣту, продержала короля въ своихъ апартаментахъ до той минуты, когда герцогъ явился съ докладомъ. Тогда докладъ былъ сдѣланъ въ присутствіи королевы. Флѣри, тщетно дожидавшійся короля въ его кабинетѣ, понялъ тайную цѣль герцога и немедленно отправился въ свое загородное помѣстье для того, чтобъ принудить короля сдѣлать окончательный выборъ между двумя соперниками. Онъ достигнулъ своей цѣли. Людовикъ, не желая лишиться совѣтовъ своего наставника, немедленно приказалъ ему возвратиться изъ его помѣстья, а королевѣ сказалъ, что она впредь должна руководствоваться только указаніями епископа. Бурбонъ, который былъ всѣми презираемъ и всѣмъ былъ ненавистенъ, былъ вслѣдъ затѣмъ удаленъ отъ двора вмѣстѣ съ своей маркизой; Флѣри былъ призванъ къ участию въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, гдѣ скоро занялъ первое мѣсто и сталъ вмѣстѣ съ королемъ рѣшать всѣ государственныя дѣла. Въ томъ-же году папа возвѣлъ этого умнаго и кроткаго характеромъ государственнаго чловѣка въ санъ кардинала.

Чтобъ дѣйствовать съ полной свободой въ дѣлахъ внутренняго управленія, Флѣри старался какъ можно долѣе не нарушать мирныхъ отношеній къ иностраннымъ государствамъ. Въ этомъ стремленіи для него былъ важной подмогой заключенный въ увеселительномъ замкѣ Герренгаузенѣ «ганноверскій союзъ», въ силу котораго Англія, Франція и Пруссія условились соблюдать миръ на основаніи существующихъ порядковъ и обязались совокупными силами недопускать его нарушенія; къ этому союзу примкнули Голландія, Швеція и Данія. Послѣдствіемъ этого союза было то, что вѣнское правительство стало держать себя осторожнѣе прежняго и рѣшилось сдерживать безпокойное честолюбіе испанской королевы и ея послушнаго министра Рипперды. Предположенное завладѣніе Гибралтаромъ не удалось, потому что со стороны императора не было оказано обѣщанное содѣйствіе. Императорское правительство созывало конгрессы, возбуждало къ дѣятельности своихъ пословъ и политическихъ агентовъ,

Миролюбивая политика императора Флѣри. Сент. 1725.

но дѣлало все это только для того, чтобъ выиграть время, чтобъ подъ прикрытіемъ политической хлопотливости избѣгать всякаго рѣшительнаго шага, чтобъ удерживать мечъ въ ножнахъ, опутывая его дипломатической паутиной. Мадридское правительство наконецъ пришло къ убѣжденію, что ему нечего ожидать отъ Австріи. Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, королева Елизавета пришла въ такое сильное негодованіе, которое даже заглушило въ ея сердцѣ воспоминанія объ обидѣ, нанесенной ей французскимъ дворомъ, а когда Флѣри отправилъ къ ней своего собственнаго уполномоченнаго съ порученіемъ просить у ней извиненія въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ, то она изъявила готовность сблизиться съ союзниками. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ на конгрессѣ въ Суассонѣ, вѣнскій договоръ былъ признанъ недѣйствительнымъ, а взамѣнъ 9 ноября 1729. его былъ заключенъ въ Севильѣ новый договоръ съ Франціей и съ морскими державами, которымъ въ сущности признавалась обязательная сила условій Утрехтскаго мира, прекращалось существованіе въ Остенде австрійской торговой компаніи, одинаково ненавистной и Англичанамъ и Голландцамъ, и признавались наслѣдственные права инфанта Донъ-Карлоса на Парму и Тоскану. А когда Англія изъявила готовность признать прагматическую санкцію касательно австрійскаго престолонаслѣдія, то императоръ, послѣ нѣкоторыхъ 16 марта 1731. колебаній, также примкнулъ къ союзу на основаніи новаго Вѣнскаго трактата.

3. Италія.

Италія и церковная область. Война за испанское наслѣдство имѣла глубокое вліяніе на государственную жизнь Италіи. Въ итальянскихъ государствахъ снова стали ярко выступать наружу старыя партійныя привязанности если не къ интересамъ Бурбоновъ, то къ интересамъ Габсбурговъ. Сначала преобладали французско-испанскія симпатіи, но военные успѣхи союзниковъ произвели переворотъ въ настроеніи умовъ не смотря на то, что Филиппъ V бралъ на себя и въ Миланѣ и въ Неаполѣ роль короля и повелителя для того, чтобъ поддерживать мужество въ своихъ приверженцахъ. Когда австрійская армія, послѣ покоренія верхней Италіи, двинулась подъ начальствомъ генерала Дауна къ Гаэтѣ и проникла до Неаполя, а соединенныя эскадры морскихъ державъ появились у береговъ Сициліи и Сардиніи и стали угрожать странамъ, прилегающимъ къ берегамъ Тирренскаго моря, то симпатіи къ Карлу III стали мало по малу брать перевѣсъ. А когда императорская армія приблизилась къ границамъ церковной области и Іосифъ I сталъ угрожать прекращеніемъ ленной зависи-

мости Неаполя отъ папскаго престола и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращеніемъ получаемыхъ изъ Неаполя доходовъ, то даже папа Климентъ XI наконецъ былъ вынужденъ признать Габсбурга Карла III королемъ Испаніи и всѣхъ принадлежавшихъ ей итальянскихъ владѣній. Ему было тяжело согласиться на такой переворотъ, который исходилъ главнымъ образомъ отъ протестантскихъ державъ и былъ предпринятъ въ ущербъ такому королю, который горячо вступался за католическіе интересы. Но онъ не былъ въ состояніи дать дѣламъ другой оборотъ. Когда Карлъ III проѣзжалъ черезъ Миланъ для того, чтобъ вступить послѣ смерти брата въ обладаніе австрійскими наслѣдственными землями, а вскорѣ послѣ того и императорской короной, то въ Италіи уже не слышались протесты противъ законности его власти. Контрибуции, наложенныя имперіей на итальянскія провинціи, уплачивались не смотря на то, что населеніе очень ими тяготилось. Мирные договоры Утрехтскій и Раштаттскій произвели въ этомъ положеніи дѣлъ ту перемѣну, что герцогъ Савойско-Пиемонтскій получилъ титулъ короля Сициліи и въ концѣ года короновался въ Палермо. Намъ уже извѣстно, что эта перемѣна не имѣла прочнаго характера, — что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Викторъ Амедей сдѣлался королемъ Сардиніи, а Сицилія снова была отдана Габсбургамъ. Все это дѣлалось помимо папы: оба острова, находившіеся, по его мнѣнію, въ ленной отъ него зависимости, были отданы иностраннымъ государямъ, даже не посовѣтовавшись съ нимъ. Эта перемѣна была такимъ явнымъ нарушеніемъ государственнаго устройства церковныхъ владѣній, что папскій нунцій былъ вынужденъ нѣсколько разъ выѣзжать изъ Неаполя, а нѣсколько сотъ католическихъ священниковъ, принявшихъ сторону папы въ его спорахъ съ королемъ Сициліи, были выгнаны изъ этого острова. Вліяніе папской власти на итальянскія государства скоро подверглось новымъ ограниченіямъ. Мы уже ранѣе упоминали о томъ, что испанская королева Елизавета Пармская заботилась о доставленіи своимъ сыновьямъ самостоятельныхъ владѣній. Такъ какъ мужская линия дома Фарнезе могла скоро пресѣчься, то императоръ согласился признать наслѣдственные права инфанта Донъ-Карлоса на герцогство Парму и Піаченцу; а когда вскорѣ послѣ того кончилъ жизнь бездѣтный герцогъ Антоніо, то герцогство дѣйствительно поступило въ ленное владѣніе бургунскаго принца (1731 г.); такимъ образомъ была безъ согласія папы рѣшена дальнѣйшая судьба итальянской провинціи, находившейся въ теченіе двухъ столѣтій подъ верховною властію папскаго престола. Протесты римской куріи остались безплодными. Вскорѣ послѣ того инфантъ Донъ-Карлосъ сдѣлался королемъ Неаполя и Сициліи; тогда императоръ передалъ Парму и Піаченцу младшему брату Донъ-Карлоса, Филиппу, сынъ котораго, Фердинандъ, вступилъ съ папскимъ правительствомъ въ

24 дек. 1713.

1715.

1735.

распри, имѣвшую послѣдствіемъ важныя церковныя реформы. Донъ-Карлосъ управлялъ въ теченіе четверти столѣтія королевствомъ обѣихъ Сицилій, которое, въ силу семейнаго договора, никогда не могло быть соединено съ Испаніей; онъ старался устранять или смягчать старыя злоупотребленія, укоренившіяся подъ испанскимъ владычествомъ и съ этой цѣлю вводилъ необходимыя реформы. Будучи призванъ на испанскій престолъ послѣ смерти своего единокровнаго брата, онъ передалъ королевство обѣихъ Сицилій своему малолѣтнему сыну Фердинанду IV, царствованіе котораго было такъ богато выдающимися событіями. Фердинандъ IV пережилъ и бурное время французской революціи и реставрацію. — Римская курія принимала незначительное участіе во всѣхъ этихъ перемѣнахъ, происходившихъ на Апеннинскомъ полуостровѣ: уже прошло то время, когда римскій первосвященникъ пользовался господствующимъ вліяніемъ; для настроенія умовъ, господствовавшего въ восемнадцатомъ столѣтіи, церковныя интересы уже утратили свое прежнее важное значеніе. Свѣтскіе правители все рѣшительнѣе отказывались подчиняться вліянію католической церкви. Этимъ стремленіямъ благоприятствовало то обстоятельство, что второй преемникъ Бенедикта XIII, Климентъ XI, велъ образъ жизни монаха, церковнаго проповѣдника и интересовался исключительно только религіозными дѣлами. Клименту XII удалось, послѣ пресѣченія рода герцоговъ Урбино, подчинить маленькую республику Санъ-Марино протекторству папскаго престола; но онъ, подобно своему второму предшественнику, носившему одинакое съ нимъ имя, заботился главнымъ образомъ о приобрѣтеніи художественныхъ сокровищъ и объ обогащеніи ватиканской бібліотеки цѣнными манускриптами; тѣмъ же занимался и его преемникъ Бенедиктъ XIV, — человекъ ученый, благонамѣренный и очлиившійся простотою своего образа жизни. Онъ яснымъ взоромъ обзрѣвалъ отношенія папскаго престола къ европейскимъ державамъ и старался сохранить въ этихъ отношеніяхъ только то, что не противорѣчило духу времени. Прежнее политическое вліяніе папскаго престола было у него отнято свѣтскими правительствами первоклассныхъ государствъ. Бенедикту пришлось довольствоваться тѣмъ, что онъ могъ съ помощью благоразумныхъ уступокъ поддерживать достоинство церкви въ ея отношеніяхъ къ католическимъ правителямъ. Такъ наприимѣръ на основаніи заключеннаго съ Испаніей конкордата онъ отказался отъ разныхъ мелкихъ церковныхъ доходовъ, кромѣ того сдѣлалъ нѣкоторыя уступки въ пользу Португаліи и въ пользу императора. Благодаря этому, католическіе царствующіе дома примирились съ главою своей церкви. Но духъ времени все болѣе и болѣе сталкивался съ папскимъ авторитетомъ. И въ научной сферѣ и въ государственной жизни обнаруживались тенденціи, находившіяся въ рѣзкомъ противорѣчій съ церковнымъ ученіемъ.

Бенедиктъ XIII.
1724—1730.

Климентъ XII.
1730—1740.

Бенедиктъ XIV.
1704—1758.

1753.

Иезуиты — эти самые настойчивые поборники папскаго всемогущества, повсюду встрѣчали отпоръ и подвергались преслѣдованіямъ. Уже Климентъ XIII не былъ въ состояніи защитить ихъ отъ нападковъ Клементъ XII со стороны Помбали и со стороны бургонскихъ королей, а его преемникъ Климентъ XIV Ганганелли, — человекъ свободномыслящій, даровитый и гуманный, былъ вынужденъ высказаться за уничтоженіе ордена иезуитовъ. Повсюду брали верхъ идеи новаго времени.

Никому не удалось исполнить свою политическую роль, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, съ такимъ же успѣхомъ, какъ герцогу Савойско-Пиемонтскому Виктору Амедею II. При заключеніи Утрехтскаго мира онъ округлилъ и расширилъ свои владѣнія вслѣдствіе приобрѣтенія значительныхъ территорій, а изъ своего герцогства сдѣлалъ королевство Сардинію. Кромѣ того онъ ввелъ улучшенія въ отправленіи правосудія, покровительствовалъ торговлѣ и промышленности; онъ отнялъ у дворянства давно находившіяся въ его пользованіи казенныя имѣнія и увеличилъ государственные доходы; онъ основалъ въ Туринѣ университетъ, поднялъ уровень школьнаго образованія и регулировалъ свои отношенія къ церкви посредствомъ заключенія съ Римомъ конкордата, отъ котораго его государство не осталось въ убыткѣ. Когда ему было 64 года, онъ передалъ управление своему сыну, а самъ вступилъ въ бракъ съ графиней Санъ-Себастьяно, которая была главной штатсъ-дамой сначала при его матери, а потомъ при его невѣсткѣ; будучи недоволенъ тѣмъ, что его совѣты не всегда исполнялись, и подчиняясь вліянію своей честолюбивой супруги, онъ въ слѣдующемъ году взялъ назадъ свое отреченіе отъ престола подъ тѣмъ предлогомъ, что его сынъ не былъ способенъ управлять государствомъ; но, по предложенію министра д'Ормеа, государственный совѣтъ приказалъ задержать его подъ стражей; послѣ этого онъ прожилъ еще тринадцать мѣсяцевъ въ замкѣ Риволи, вдали отъ свѣта, въ тревожномъ душевномъ настроеніи и подъ строгимъ надзоромъ. Онъ сталъ страдать умственнымъ разстройствомъ и былъ незадолго передъ смертію перевезенъ въ Монкальери, въ Савойю, гдѣ и кончилъ жизнь. Графиня, глубоко оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, кончила жизнь въ монастырѣ. Карлъ Эмануиль III приобрѣлъ во время войны за австрійское наслѣдство нѣкоторыя значительныя полосы земли въ герцогствѣ Миланскомъ; чтобъ покрыть расходы на содержаніе значительной арміи, онъ старался привести въ порядокъ государственное хозяйство и привлечь духовенство къ участію въ уплатѣ податей. Онъ частію отмѣнилъ частію уменьшилъ феодальныя повинности и сдѣлалъ нѣсколько полезныхъ нововведеній безъ той реформаторской торопливости, которою отличались многіе изъ современныхъ монарховъ и министровъ. Но дряхлое государство и умственно неразвитой народъ не были въ состояніи выдержать сильнаго толчка извнѣ: въ царствованіе

Сардинія-Пиемонтъ.

3 сент. 1730

1 ноября 1732
Карлъ
Эмануиль III
1730—1773.

Виктора Амедея III: когда французская революція стала стучаться у дверей Савойи и Пиемонта, эта страна скоро сдѣлалась добычей своихъ буйныхъ сосѣдей.

Приморская республика Генуя съ трудомъ охраняла свою самостоятельность и свое самоуправленіе какъ отъ завоевательныхъ стремленій Савойи и Франціи, такъ и отъ попытокъ революціонной партіи произвести внутренній переворотъ. Утрехтскій миръ былъ для нея выгоденъ тѣмъ, что возстановилъ на Апеннинскомъ полуостровѣ преобладаніе Габсбурговъ, къ которымъ издавна были привязаны генуэзскіе торговцы и банкиры. Но настроеніе умовъ того времени не было благопріятно для маленькихъ республикъ; оно находило болѣе полное для себя удовлетвореніе въ монархическихъ государственныхъ учрежденіяхъ, въ ихъ централизованной системѣ управленія; болѣе слабая система многоначалія, нерѣдко допускавшая господство личныхъ или партійныхъ интересовъ надъ интересами государственными, вызывала частые протесты и возбуждала влеченіе къ нововведеніямъ. И Генуѣ пришлось пострадать отъ новаго настроенія умовъ. Островъ Корсика, находившійся съ четырнадцатаго столѣтія подъ владычествомъ генуэзской республики, терпѣлъ тяжелыя угнетенія отъ жестокосердой финансовой аристократіи, которая присвоила себѣ право назначать только своихъ членовъ на должность намѣстника Корсики и на всѣ другія выгодныя должности, и извлекала денежные выгоды изъ этой привилегіи. Общее неудовольствіе усиливалось; бѣглецы и изгнанники поддерживали его. Воинственные жители Корсики наконецъ взяли за оружіе, выгнали своихъ притѣснителей и осадили Бастію. Тогда генуэзское правительство обратилось за помощью къ императору. Карлъ отправилъ въ Корсику австрійскую армію подъ начальствомъ Людовика Вюртембергскаго: она защитила осажденную крѣпость, но въ теченіе двухъ-лѣтней войны понесла отъ инсургентовъ большія потери. Благодаря посредничеству императора наконецъ былъ заключенъ мирный договоръ между республикой и вождями инсургентовъ Луиджи Джіаффері и Андреа Чіаккальди. Но раздраженіе умовъ не прекратилось; оно даже усилилось вслѣдствіе того, что Генуэзцы заключили въ тюрьму нѣсколькихъ вождей инсургентовъ, пріѣхавшихъ въ ихъ городъ послѣ заключенія мира, и выпустили ихъ на свободу только благодаря настоячивымъ требованіямъ императора. Вскорѣ послѣ того вспыхнувшая война по поводу избранія польскаго короля нарушила и въ Италіи внутреннее спокойствіе, такъ какъ французо-сардинскія войска проникли въ миланскую область и стали угрожать Мантуѣ и Пармѣ: тогда ломбардскую равнину снова обогрели кровью проходившія черезъ нее арміи. Два императорскихъ полководца графъ Мерси и Людовикъ Вюртембергскій пали на полѣ брани, а престарѣлый маршалъ Вилларсъ умеръ въ Туринѣ на возвратномъ пути

1730.

1731. 1732

во Францію. Испанія также вмѣшалась въ войну и завладѣла Неаполемъ и Сициліей. Это воинственное возбужденіе отозвалось и на жителей Корсики: тамъ вспыхнуло новое возстаніе и возникла новая борьба съ революціонными цѣлями. По этому случаю совершилось слѣдующее странное историческое событіе: нѣмецкій авантюристъ вестфальскій уроженецъ баронъ Теодоръ фонъ-Нейгофъ, поступившій, послѣ разныхъ приключеній, на испанскую военную службу и перебравшійся изъ Испаніи въ Африку, высадился въ Корсикѣ съ незначительными денежными средствами и съ нѣсколькими наемными солдатами по порученію Тунисскаго бея, къ которому Корсиканцы обращались съ просьбой о помощи; благодаря тайнственности, которою окружалъ этотъ авантюристъ всѣ свои распоряженія, ему удалось внушить Корсиканцамъ увѣренность, что въ его распоряженіи находится большія денежные средства и что его поддерживаютъ могущественные иностранные монархи. Онъ внушилъ туземцамъ такое высокое о себѣ мнѣніе, что они провозгласили его своимъ королемъ. Но его роль была скоро сыграна до конца. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Корсиканцы убѣдились, что были обманы въ своихъ ожиданіяхъ; тогда положеніе «короля Теодора» сдѣлалось такимъ труднымъ, что онъ рѣшился спастись бѣгствомъ отъ раздраженного народа, переодѣвшись монахомъ. Онъ учредилъ на время своего отсутствія регентство и отправился въ Нидерланды съ цѣлю добыть тамъ денегъ. Купцы, которымъ онъ обѣщалъ большія торговыя выгоды, помогли ему и онъ снова появился въ Корсикѣ съ запасами оружія и военныхъ снарядовъ. Но его королевской власти уже никто не захотѣлъ признавать. Онъ бѣжалъ въ Англію; тамъ его стали преслѣдовать кредиторы и онъ скоро очутился въ крайней нуждѣ. Черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ того случилось другое не менѣе странное историческое событіе: королемъ Корсики былъ вестфальскій уроженецъ Теодоръ Нейгофъ, а королемъ вестфальскимъ сдѣлался корсиканскій уроженецъ Жеромъ Бонапартъ. Корсиканскіе инсургенты продолжали борьбу и послѣ удаленія нѣмецкаго авантюриста: они завладѣли почти всѣмъ островомъ. Генуэзцы обратились за помощью къ королю Франціи, который вслѣдствіе этой просьбы прислалъ въ Бастію нѣсколько тысячъ солдатъ подъ начальствомъ графа Буасье. Дѣло дошло до заключенія перемирія, но не до окончательнаго примиренія Корсиканцевъ съ Генуэзцами. Когда война за австрійское наслѣдство возбудила на Апеннинскомъ полуостровѣ новыя бури, Генуэзская республика была занята императорскими войсками и была принуждена уступить Сардиніи округъ Фипале. Но Генуэзцы организовали возстаніе и выгнали Австрійцевъ изъ Генуи; всѣ усилія непріятеля снова завладѣть этимъ городомъ оказались тщетными. Ахенскій мирный договоръ возвратилъ республикѣ ея прежнія владѣнія за исключеніемъ Корсики. Корсиканскіе инсургенты оборона-

1735.

1736.

1737.

1738.

1743.

лись съ упорнымъ мужествомъ въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ ихъ сталъ опытный въ военномъ дѣлѣ генераль Паскаль Паоли; Генуэзцы не были въ состояніи завладѣть островомъ даже послѣ того, какъ получили подкрѣпленія отъ французскаго правительства. Всѣ попытки посредничества со стороны Франціи встрѣчали непреодолимое препятствіе въ ненависти мѣстнаго населенія къ генуэзской финансовой аристократіи. Утомленная продолжительной борьбой, республика сообразила, что ей слишкомъ дорого стоятъ содержаніе ея собственныхъ войскъ и уплата субсидій за присылку французскихъ вспомогательныхъ отрядовъ; поэтому она рѣшилась, не задолго до рожденія Наполеона Бонапарта, уступить островъ Франціи въ качествѣ вознагражденія за ея военныя издержки. Тогда французское правительство отправило въ Корсику болѣе сильную армію, которая мало по малу завладѣла всѣмъ островомъ отчасти благодаря тому, что между вождями инсургентовъ возникли раздоры. Паоли, — «эта античная личность, ошибкой попавшая въ восемнадцатое столѣтіе», — очутился въ крайне затруднительномъ положеніи, а когда Французы завладѣли главнымъ центромъ возстанія въ Кортѣ и принудили многихъ изъ приверженцевъ Паоли искать спасенія въ бѣгствѣ, и онъ самъ уже не могъ найти безопаснаго убѣжища на своей родинѣ. Онъ отплылъ въ Ливорно, а потомъ нашелъ убѣжище въ Англіи. Съ тѣхъ поръ Корсика сдѣлалась французской провинціей. Приморская республика уже никогда не была въ состояніи воспользоваться правомъ выкупа, который удержала за собою. Ей скоро пришлось вести борьбу за ея собственное существованіе.

Тоскана. Мы уже ранѣе вели рѣчь о послѣднихъ недостойныхъ представителяхъ династіи Медичи (стр. 249). Уже въ теченіе многихъ лѣтъ Джованни Гастонъ не жилъ съ своей нѣмецкой супругой, переселившейся въ Богемію; о потомствѣ онъ не могъ и помышлять. Точно такъ-же неуспѣшна была попытка добыть для династіи Медичи наследника посредствомъ женитьбы брата Гастона, кардинала Франческо Маріи; всякій, кому была извѣстна исторія юности кардинала, не ожидалъ отъ этой женитьбы никакой пользы. Его съ трудомъ убѣдили вступить въ бракъ съ дочерью герцога Гвасталлы, Элеонорой. Но Медичи приобрѣли своими распутствами такую дурную репутацію, что новобрачная упорно отказывалась отъ брачнаго сожитія изъ опасенія заразиться болѣзнію мужа. По прошествіи двухъ лѣтъ Франческо Марія Медичи умеръ отъ водянки; тогда скорое пресѣченіе флорентинскаго царствующаго дома сдѣлалось неизбѣжнымъ. Но какъ-же слѣдовало поступить послѣ смерти Гастона? Флорентинцы не хотѣли слышать о возведеніи императоромъ иностраннаго принца на флорентинскій престолъ, потому что Тоскана, за исключеніемъ Сіены и Аретцо, была отдѣлена имперіи и не хотѣла снова поступать въ ленную зависимость отъ императора. Дозволить Флорентинцамъ распорядиться по

ихъ собственному усмотрѣнію — или возстановить прежнюю республиканскую форму правленія или выбрать новаго великаго герцога между родственниками Медичи по женской линіи — было бы не согласно съ политическими воззрѣніями того времени. Поэтому вопросъ о замѣщеніи тосканскаго престола оставался открытымъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, а для его разрѣшенія составлялось не мало проектовъ, видоизмѣнявшихся, смотря по тому, каково было политическое положеніе Европы въ данную минуту, или которое изъ европейскихъ государствъ и который изъ европейскихъ монарховъ пользовались въ данную минуту господствующимъ вліяніемъ. Самые основательные проекты составлялись въ пользу испанскаго инфанта Донъ-Карлоса даже послѣ того, какъ онъ вступилъ въ обладаніе наслѣдствомъ послѣ Фарнезе. Но такъ какъ ему досталась корона Неаполя и Сициліи еще при жизни Гастона, то о его вступленіи на флорентинскій престолъ не могло быть и рѣчи. Поэтому при заключеніи въ Вѣнѣ предварительныхъ мирныхъ условий великія державы рѣшили, что герцогъ Францъ Стефанъ Лотарингскій, женатый на дочери императора Маріи Терезіи, уступить свои владѣнія Станиславу Лещинскому, а въ замѣнъ ихъ получить Тосканское герцогство, которое будетъ переходить по наслѣдству къ его потомкамъ мужескаго или женскаго пола. Черезъ два года послѣ состоявшагося въ Вѣнѣ соглашенія Гастонъ умеръ; тогда австрійскія войска вступили во Флоренцію и подъ ихъ охраной были приведены въ исполненіе всѣ постановленія державъ касательно возведенія на престолъ новаго великаго герцога. Споры касательно оставшихся послѣ Медичи аллодіальныхъ помѣстьевъ и касательно уплаты долговъ были улажены императоромъ такъ, что новый великій герцогъ Франческо вступилъ въ обладаніе всей тосканской территоріей. Въ началѣ слѣдующаго года онъ прибылъ во Флоренцію вмѣстѣ съ своей супругой и принялъ присягу отъ своихъ подданныхъ. Но онъ пробылъ въ своей столицѣ только нѣсколько недѣль и даже впослѣдствіи никогда не поселялся тамъ на постоянное жительство. Палаццо Питти стоялъ осиротѣлымъ; прежняя блестящая придворная жизнь была лишь историческимъ воспоминаніемъ; новый великій герцогъ не былъ лишенъ свойственной всѣмъ Медичи способности къ торговымъ предпріятіямъ, но ему было чуждо ихъ влеченіе къ идеальнымъ благамъ — ихъ любовь къ искусствамъ и къ наукамъ; даже его хозяйственныя и торговыя предпріятія доставляли выгоду не столько его итальянскимъ владѣніямъ, сколько нѣмецкой имперіи, потому что флорентинская государственная казна оказывала въ критическія минуты помощь австрійскимъ финансамъ. Не смотря на прагматическое постановленіе, что великое герцогство Тосканское не можетъ быть присоединено къ австрійской монархіи подъ одною верховною властію, а должно всегда оставаться во владѣніи боковой линіи Габсбургскаго дома, оно все

1735.

9 іюля 1737.
Франческо.
1737—1765.

1738.
Янв. 1739.

Леопольдъ.
1765—1790.

таки не могло не подчиняться влиянію болѣе сильнаго государства и родственнаго австрійскаго дома. Францу Стефану наследовалъ его второй сынъ Леопольдъ, при которомъ великое герцогство пережило болѣе счастливыя времена. Налоги, которыми обременяли своихъ подданныхъ тиранническіе, корыстолюбивые и жадные до наслажденій правители, были уменьшены; нѣкоторые изъ переходившихъ изъ рода въ родъ привилегій были упразднены посредствомъ введенія разумныхъ реформъ; аграрныя отношенія, промышленность, общинное устройство, отправленіе правосудія, школы, церкви и вообще всѣ общепользныя учрежденія были очищены отъ старыхъ недостатковъ благодаря организаторской дѣятельности правительства. Самъ Леопольдъ опубликовалъ *Compte rendu*, въ которомъ какъ будто отдавалъ своимъ подданнымъ отчетъ обо всемъ, что было сдѣлано въ его управленіе. Намъ далѣе придется снова говорить объ этомъ превосходномъ правителѣ. Будучи призванъ въ Вѣну для вступленія на императорскій престолъ, онъ передалъ управленіе Тосканой своему второму сыну Фердинанду Исифу.

4. Венеція и ея войны съ Турками.

Порта послѣ
Карловицкаго
мира.

Карловицкій миръ былъ заключенъ на двадцать пять лѣтъ, но не соблюдался такъ долго. Турки не могли позабыть, что необходимость заставила ихъ сдѣлать важныя уступки ихъ врагамъ, что Австрія приобрѣла Венгрію и Трансильванію, что венеціанской республикѣ достались въ качествѣ военной добычи Пелопоннесъ и нѣкоторые важные пункты въ Далмаціи, и что даже московскій царь успѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ приморскій городъ Азовъ. У Русскихъ, какъ намъ уже извѣстно, они обратно взяли Азовъ при заключеніи мирнаго договора на берегахъ Прута; а развѣ они не могли бы сладить и съ венеціанской республикой, — развѣ они не могли бы выгнать Венеціанцевъ изъ захваченнаго ими полуострова и утвердить единовластіе. Порты въ греческихъ водахъ? Воинственный великій визирь Дамадъ Али-паша утверждалъ въ засѣданіи дивана, что сами Греки горячо желаютъ снова поступить подъ владычество своего прежняго повелителя, турецкаго султана. Западныя государства были въ то время всецѣло заняты своими собственными дѣлами, стало быть не было основанія опасаться, что они по прежнему заключать между собою союзъ противъ Турціи. Военная партія одержала верхъ: обширныя вооруженія, наполненіе арсеналовъ и магазиновъ военными запасами, усиленіе пограничныхъ крѣпостей — все это свидѣтельствовало о воинственныхъ замыслахъ; императорское вѣнское правительство

Турки старались успокоить посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ. Предполагалось изолировать и побѣдить Венецію, прежде чѣмъ успѣютъ вмѣшаться въ эту борьбу европейскія державы. Только папа вступился за венеціанскую республику, пригласивши итальянскихъ владѣтельныхъ князей прислать ей подкрѣпленія и разрѣшивши обложить налогомъ венеціанскія церкви и монастыри.

Поводъ для объявленія войны скоро нашлся. Славянское племя Черногорцевъ, сумѣвшее сохранить за своими горными твердынями нѣкоторую долю независимости отъ турецкаго владычества, старалось прервать всякую связь съ Турціей, рассчитывая на поддержку со стороны своихъ русскихъ единовѣрцевъ. Когда боснійскій паша Нууманъ Кѣприли одержалъ надъ ними побѣду при Зворникѣ, ихъ вожди снались бѣгствомъ на венеціанскую территорию. Венеціанское правительство дало имъ пріютъ въ Каттаро и отказалось отъ выдачи ихъ Туркамъ. Этимъ оно доставило Портѣ поводъ для объявленія войны; еще прежде, чѣмъ узнали въ Венеціи о воинственныхъ намѣреніяхъ Турціи, турецкіе пираты стали нападать въ Адриатическомъ морѣ на торговые суда Венеціанцевъ. Слѣдующей весной Турки напали подъ предводительствомъ великаго визиря на Морею, которая была единственнымъ значительнымъ владѣніемъ, оставшимся въ рукахъ республики съ той поры, когда она господствовала въ греческихъ водахъ. Венеціанское правительство не умѣло привязать прочными узами къ республикѣ свои колоніи въ Средиземномъ морѣ, не умѣло внушить населенію этихъ колоній любовь и преданность. Изъ своихъ иностранныхъ владѣній оно старалось извлекать выгоды только для Венеціи и для венеціанской аристократіи, повсюду вводило такія учрежденія, которыя были ненавистны для туземнаго населенія, и постоянно давало чувствовать этому населенію, что оно покорено Венеціанцами и не можетъ пользоваться одинакими съ ними правами. Венеціанскія должностныя лица, судьи, полицейскіе начальники вносили во всѣ сферы общественной жизни такіе-же порядки, какіе существовали въ метрополіи; во главѣ военного вѣдомства стоялъ генералъ-капитанъ; таможенные сборщики и караульные препятствовали развитію туземной промышленности и торговли; присланные венеціанскимъ правительствомъ, католическіе епископы и священники старались обращать въ католическую вѣру мѣстное населеніе, привязанное къ греческой церкви и къ константинопольскому патріарху. Мѣстная милиція была ненадежна и плохо обучена; на югѣ разбойническія шайки Майнотовъ были готовы поступить на чью-бы то ни было службу, лишь бы имъ давали хорошее жалованье и не мѣшали грабить. Поэтому не трудно было предвидѣть, что знаменитая нагорная страна, лежащая къ югу отъ Коринѣскаго перешейка, черезъ которую такъ часто проходили неприятельскія арміи, скоро подпадетъ подъ такое-же турецкое вла-

Борьба изъ-за
обладанія Мо-
реей.
1714. 1715.
1. Что послужило для нея
поводомъ.

Дек. 1714.

2. Морея подъ
венеціанскимъ
управленіемъ.

3. Побѣды Ту-
рокъ. Юль
1715.

Юль. 1715.

2 дек. 1715.

дычество, подѣ какимъ уже давно находились Элада, Фессалія и греческіе острова. Къ тому же патріархъ константинопольскій угрожалъ отлученіемъ отъ церкви всѣмъ православнымъ, которые возмущаются за оружіе для того, чтобъ сражаться за венеціанскихъ католиковъ. Крѣпости находились въ плохомъ состояніи, а число наемныхъ солдатъ, на которыхъ была возложена защита главныхъ пунктовъ, доходило только до 7000. Въ Венеціи стали получаться одно печальное извѣстіе вслѣдъ за другимъ. Проведиторъ Бальби такъ скоро сдалъ непріятелю укрѣпленный островъ Тиносъ, что венеціанское правительство предало его военному суду, который приговорилъ его къ пожизненному тюремному заключенію. Эгина покорилась, лишь только появился у береговъ острова турецкій флотъ, а укрѣпленный Коринѣ, считавшійся за главную опору венеціанскаго владычества, былъ принужденъ сдаться на постыдную капитуляцію. Отступавшіе отряды были почти совершенно истреблены янычарами, которые приписывали поджогу взрывъ одного порохового магазина; проведениторъ Минотто былъ закованъ въ цѣпи и отведенъ въ рабство. Повсюду видѣлось пламя, уничтожавшее покинутыя жителями селенія и жатву на поляхъ. Испуганные жители укрывались въ лѣсахъ. Въ юль великій визирь прошелъ со столысячной арміей черезъ Аргосъ къ главному городу острова Наполи ди-Романія. Храбрый гарнизонъ и его неустрашимый начальникъ Алессандро Боно оказали энергическое сопротивленіе. Но некрѣпкія городскія стѣны скоро были разрушены; весь гарнизонъ и большая часть жителей погибли подѣ сабельными ударами разевирѣвшихъ янычаръ. Въ числѣ убитыхъ находился и архіепископъ. Женщины и дѣти были отведены на рынокъ для продажи въ рабство. Тяжело-раненый Боно попался въ руки янычаръ и принужденъ былъ въ цѣпяхъ сопровождать великаго визира при его вѣздѣ въ городъ. Всѣ плѣнники были перебиты и была вывезена громадная добыча. Вслѣдъ за столицей были взяты Турками и другіе укрѣпленные города; гарнизоны не повиновались своимъ начальникамъ и безъ всякаго сопротивленія сдавались непріятелю. Такъ сдались Модонъ и служившая для Мореи укрѣпленнымъ замкомъ Мальвазія. Комендантъ Мальвазіи, съ именемъ которой было связано такъ много славныхъ воспоминаній, заплатилъ за свою трусость пожизненнымъ заключеніемъ въ мрачной темницѣ. Въ концѣ лѣта весь полуостровъ находился во власти Турокъ. Осенью турецкія эскадры принудили сдаться на капитуляцію послѣднія крѣпости, оставшіяся въ Кандіи во власти Венеціанцевъ—Суду и Спиналонгу. Венеціанцы сами разрушили укрѣпленія Санта-Мауры въ виду невозможности защищать ихъ отъ непріятеля, а артиллерію и гарнизонъ перевезли въ Корфу. Только въ Далмаціи мужественный проведениторъ Бальби отстаивалъ честь венеціанскаго оружія. Въ декабрѣ великій визирь

совершилъ вмѣстѣ съ падишахомъ торжественный вѣздъ въ Адриано-поль, помышляя о новыхъ завоеваніяхъ. Со всѣми, кто носилъ венеціанское имя, Турки обходились съ безчеловѣчной строгостью; нѣкоторые изъ членовъ высшей мѣстной аристократіи были заключены въ тюрьму или проданы въ рабство; продажа венеціанскихъ товаровъ была запрещена во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ.

Но развѣ европейскія державы, и въ особенности императорское Австрія возобвѣнское правительство, могли равнодушно смотрѣть на возобновленіе старыхъ завоевательныхъ замысловъ Турціи? Ни для кого не было тайной, что въ константинопольскомъ диванѣ снова помышляли о походѣ на Дунай и надѣялись водрузить знамя съ полумѣсяцемъ въ Вѣнѣ и въ Римѣ. Венеція была въ теченіе двадцати лѣтъ вѣрной союзницей Австріи въ ея войнахъ; можно-ли же было оставить ее безъ всякой помощи? Слѣдующей весной турецкій флотъ непремѣнно появился-бы у береговъ Корфу; а еслибы этотъ островъ постигла одинакая судьба съ Мореей, то что же помѣшало-бы Туркамъ угрожать Неаполю и Сицилію и напасть на самыя отдаленныя провинціи имперіи? На этихъ соображеніяхъ съ энергіей настаивалъ президентъ военнаго совѣта принцъ Евгений; они побудили императорское правительство измѣнить его прежній образъ дѣйствій; венеціанскій посланникъ, тщетно просившій о помощи въ теченіе всей зимы, наконецъ получилъ болѣе удовлетворительный отвѣтъ. Въ Вѣнѣ вспомнили о прежнемъ братствѣ по оружію, а такъ какъ со времени смерти Людовика XIV никакія опасности не угрожали съ запада, то было рѣшено возобновить старый оборонительный и наступательный союзъ съ Венеціей на болѣе широкихъ основаніяхъ. Австрія обѣщала объявить Турціи войну на томъ основаніи, что она нарушила Карловицкій мирный договоръ; Венеція обязалась помогать Австріи и на морѣ и на сушѣ въ случаѣ, еслибы итальянскимъ владѣніямъ императора угрожала опасность со стороны Испаніи или какой-либо другой державы. Предвѣстницей австрійскаго похода на Дунай была отправка рѣзкой дипломатической ноты, въ которой Австрія требовала отъ Порты прекращенія военныхъ дѣйствій противъ Венеціи, возвращенія всѣхъ сдѣланныхъ въ предшествовавшемъ году завоеваній и вознагражденія республики за всѣ понесенныя ею убытки. Какъ быстро измѣнилось положеніе дѣлъ, когда принцъ Евгений со свойственной ему энергіей началъ войну съ Турціей и въ званіи императорскаго главнокомандующаго снова выказалъ свои геніальныя воинскія дарованія! Уже въ маѣ самъ великій визирь, выйдя изъ Адрианополя во главѣ столысячной арміи, проникъ черезъ Ниссу до Бѣлграда, между тѣмъ какъ сераскиръ Кара Мустафа отплылъ во главѣ флота къ берегамъ Корфу, а намѣстникъ Босніи угрожалъ вторженіемъ въ Далмацію. Ракоци снова находился на службѣ у враговъ Австріи. Онъ надѣялся, что съ помощью Турціи

Апр. 1716.

достигнетъ того, чего не могъ достигнуть при помощи Франціи. Въ Константинополѣ его охотно признали вассальнымъ владѣтелемъ Венгріи и Трансильваніи подъ верховною властію Порты.

Шуленбургъ
защищаетъ
Корфу. 1716.

Заключенію новаго союза съ Австріей очень обрадовались въ Венеціи; тамъ надѣялись загладить всѣ потери предшествовавшаго года и потому приступили къ усиленнымъ военнымъ приготовленіямъ: флотъ былъ увеличенъ; укрѣпленія на островѣ Корфу были приведены въ лучшее положеніе; сухопутная армія была увеличена новыми наборами рекрутъ. Кромѣ того Венеціи оказалъ важныя услуги искусный полководецъ Іоаннъ Матвѣй фонъ-деръ-Шуленбургъ, отличившійся въ войнахъ между сѣверными государствами. Венеціанскому правительству удалось привлечь этого генерала на свою службу благодаря посредничеству принца Евгенія. Возведенный императоромъ въ графское достоинство, Шуленбургъ принялъ главное командованіе надъ сухопутною арміею Венеціанцевъ и энергически взялся за приведеніе этой арміи въ лучшее положеніе. Подъ его руководствомъ на островѣ Корфу были приняты такія оборонительныя мѣры, что тамъ можно было устоять противъ нападенія Турокъ. Это нападеніе послѣдовало очень скоро. Капуданъ-паша высадился въ іюлѣ на Корфу съ большою арміею, не встрѣтивъ препятствія ни со стороны венеціанскаго флота, ни со стороны пришедшихъ на помощь къ Венеціанцамъ эскадръ папской и мальтійской. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Турки неоднократно пытались взять штурмомъ построенныя на Корфу укрѣпленія, но Шуленбургъ отражалъ всѣ ихъ нападенія и принудилъ ихъ вожди отказаться отъ его предпріятія. Послѣ громадныхъ потерь людьми, артиллерійскими орудіями и боевыми запасами Капуданъ-паша рѣшился отступить. И такъ этотъ важный островъ остался во владѣніи республики, а благодаря взятію Бутринто и Санта-Мауры онъ былъ и на будущее время огражденъ отъ новыхъ нападеній. Флотъ нисколько не содѣйствовалъ этому успѣху; венеціанская республика была всѣмъ обязана только нѣмецкому полководцу. Блестящій пріемъ, оказанный ему при его возвращеніи въ Венецію, служилъ доказательствомъ того, что его заслуги были оценены по достоинству. Было рѣшено, что его конная статуя съ лестною для него надписью будетъ напоминать и современникамъ и потомству о его геройскихъ подвигахъ.

Побѣда Евгенія
при Петервар-
дейнѣ.
Взятіе Темеш-
вара. 5 авг.
1716.

Главной причиной торопливаго удаленія турецкой арміи съ острова Корфу были извѣстія, полученныя съ венгерскаго театра военныхъ дѣйствій. Тамъ великій визирь перешелъ черезъ Саву съ арміею, доходящей, какъ утверждали, до 150,000 человекъ, и приступилъ къ осадѣ Петервардейна. Подъ стѣнами этой знаменитой крѣпости онъ былъ принужденъ принцемъ Евгениемъ вступить въ битву, которая послѣ пятичасоваго кровопролитнаго боя кончилась рѣшительной побѣдой императорскаго фельдмаршала. Тяжелая кавалерія,

находившаяся подъ начальствомъ генерала Пальфи, съ непреодолимою яростію врѣзалась въ ряды янычаръ. Турецкій лагерь вмѣстѣ съ громадными запасами военныхъ снарядовъ и со всей артиллеріей сдѣлался добычей побѣдителя; самъ великій визирь былъ смертельно раненъ; его перевезли съ поля битвы въ Карловицъ, гдѣ онъ испустилъ духъ. Побѣда при Петервардейнѣ прибавила новый лавровый листокъ къ побѣдному вѣнку великаго полководца; другой такой-же листокъ прибавило къ его вѣнку взятіе Темешвара—послѣдней крѣпости, которая еще находилась въ Венгріи въ рукахъ Турокъ. Темешваръ служилъ въ теченіе 165 лѣтъ оплотомъ для турецкаго владычества на сѣверныхъ берегахъ Дуная; послѣ упорной обороны онъ былъ сданъ Турками Австрійцамъ. Отряды императорской арміи проникли внутрь Валахіи и Молдавіи; Бухарестъ и Яссы видѣли нѣмецкую конницу внутри своихъ городскихъ стѣнъ; наконецъ вышедшіе изъ Бѣлграда Татары и Турки прогнали этихъ отважныхъ иноземцевъ. Ракоци не былъ въ состояніи предпринять что-нибудь серьезное съ тѣмъ сбродомъ, который собрался подъ его знаменами.

13 окт. 1716.

Въ теченіе зимы, морскія державы Англія и Голландія предлагали свое посредничество для заключенія мира. Но такъ какъ константинопольское правительство не хотѣло отказаться отъ обладанія Темешваромъ, а вѣнскій кабинетъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ это драгоцѣнное приобрѣтеніе, то съ наступленіемъ весны возобновились военные дѣйствія. Венгрія уже давно считалась чѣмъ-то въ родѣ «нѣмецкаго кладбища»; и теперь точно такъ же, какъ въ прошлыя времена, добровольцы стали стекаться къ берегамъ Дуная изъ всѣхъ уголковъ нѣмецкой земли. Война съ Турками сдѣлалась подъ знаменемъ принца Евгенія нѣмецкой войной; она получила національный и религіозный характеръ. Надежды, которыя она возбудила, не оказались тщетными. Новый великій визирь Халиль-паша двинулся изъ Адрианополя къ Дунаю съ арміею, превышавшей, какъ полагали, 150,000 человекъ, и раскинулъ свой лагерь подъ Бѣлградомъ. Тамъ принцъ Евгенийъ вступилъ съ Турками въ битву, которая осталась въ памяти народа непосредственно связанной съ его именемъ. Онъ одержалъ самую блестящую изъ всѣхъ своихъ побѣдъ: онъ не только захватилъ громадную военную добычу и 57 турецкихъ знаменъ, но даже завладѣлъ бѣлградской крѣпостію. Великій визирь отвелъ остатки своей арміи въ Ниссу, но ея азіатскіе отряды самовольно направились домой. Даже самъ султанъ не былъ въ состояніи удержать ихъ. Халиль-паша впалъ въ немилость и былъ лишенъ своего званія.

Битва подъ
Бѣлградомъ.
1717.

16 авг. 1717.

Тогда константинопольское правительство обнаружило готовность вступить въ мирные переговоры. Но Австрія предъявила такія неумѣренные требованія, что Порты рѣшилась продолжать войну: она двинула новыя арміи къ Ниссѣ и къ Виддину и въ то-же время

Пассаровинскій
миръ. 1718.

оказала Венецианцамъ въ Архипелагѣ и въ Далмаціи такое энергичное сопротивленіе, котораго не были въ состояніи преодолѣть ни флотъ подъ предводительствомъ Пизани, ни сухопутная армія подъ предводительствомъ Шуленбурга. Именно въ то время министр Альберони предпринялъ ранѣе нами упомянутое нападеніе на Сардинію и Сицилію и попытался снова завладѣть тѣми итальянскими провинціями, которыя когда-то принадлежали Испаніи. Поэтому вѣнское правительство, чтобъ развязать себѣ руки, сочло нужнымъ понизить тонъ своихъ мирныхъ условій. Оно потребовало, чтобъ въ заключеніи мира участвовала Венеція и чтобъ основой для новаго соглашения служилъ фактъ дѣйствительнаго владѣнія. Ея требованіе было исполнено. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ между принцемъ Евгениемъ, венеціанскимъ дипломатомъ Руццини, великимъ визиремъ Ибрагимомъ и посланниками державъ-посредницъ, былъ заключенъ

21 июля 1718. въ Пассаровицѣ на двадцать четыре года новый договоръ: Австрія удержала въ своей власти крѣпости Темешваръ и Бѣлградъ съ нѣкоторыми окрестными землями; Морея осталась во власти Турокъ; венеціанская республика получила Корфу, Санта-Мауру и города, которыми она успѣла завладѣть въ Албаніи и въ Далмаціи; небольшой островъ Чериго былъ возвращенъ Турціи. Кромѣ того Туркамъ была уступлена небольшая полоса земли, необходимая имъ для того, чтобъ они могли имѣть изъ своихъ владѣній свободный доступъ къ Рагузѣ и къ Адриатическому морю.

Съ тѣхъ поръ Нисса, Видинъ, Никополь и Софія сдѣлались пограничными крѣпостями оттоманскаго царства со стороны Дуная, а окруженные сильными укрѣпленіями, Бѣлградъ и Орсова сдѣлались неприступными твердынями расширившейся имперіи. Турція перестала наводить страхъ на христіанскую Европу. Ракоци и его приверженцы нашли для себя убѣжище на турецкой территоріи. Трансильванскій князь поселился въ Родосто на берегу Мраморнаго моря; тамъ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни, получалъ отъ Порты небольшую пенсію и усердно занимаясь религиозными вопросами. Онъ кончилъ тамъ жизнь въ 1735 году. Его супруга ранѣе его скончалась въ Парижѣ. Графъ Шуленбургъ оставался до конца жизни на службѣ у Венеціи, заботясь о томъ, чтобъ этотъ когда-то могущественный торговый городъ не совершенно утратилъ свое прежнее величіе и чтобъ его крѣпости и военныя силы находились въ хорошемъ состояніи.

5. Османское царство при Ахмедѣ III и Махмудѣ I.

Упадокъ Тур-
ціи.

Война съ Австріей ясно доказала, что организація турецкой арміи не могла равняться съ организаціей военныхъ силъ западной Европы. Однако константинопольское правительство все еще придерживалось старой системы и не обращало никакого вниманія на новыя усовер-

шенствованія въ военномъ искусствѣ. Янычары были солдатской кастой, которая въ мирное время занималась своими ремеслами, неохотно отрываясь отъ своихъ занятій для упражненій въ военномъ дѣлѣ; когда приходилось отправляться на войну, янычары не находили въ казенномъ жалованьи достаточнаго вознагражденія за утрату своихъ постоянныхъ доходовъ, а свое недовольство выражали тѣмъ, что давали полную волю своей склонности къ хищничеству, къ грабежу и къ безчеловѣчнымъ насиліямъ. Сопровождавшееся страшными жестокостями, завоеваніе Мореи было такимъ-же позоромъ для Порты, какъ и Пассаровицкій мирный договоръ; но еще позорнѣе былъ исходъ персидской войны, которая вскорѣ послѣ заключенія того договора расшатала самыя коренныя основы Османскаго царства.

При изнѣженныхъ преемникахъ шаха Аббаса персидское правительство Войны съ Персией было въ такое-же безсиліе, въ какомъ находилось правительство константинопольское, а Гусейнъ II былъ такимъ-же слабымъ и неспособнымъ правителемъ, какъ и его современникъ Ахмедъ. Именно въ то время воинственное племя Афганцевъ, принадлежавшихъ къ суннитскому исповѣданію, — которое занимало обширныя восточныя страны съ старинными городами Кандагаромъ, Гасной и Кабуломъ и, управляясь своими собственными начальниками, находилось въ такой-же вассальной зависимости отъ персидскаго шаха, въ какой находились казаки отъ русскаго царя, — освободилось отъ верховной власти персовъ-шиитовъ подъ предводительствомъ хитраго и храбраго Мир-Вейса. Этотъ афганскій вождь взялъ въ плѣнъ персидскаго намѣстника и въ теченіе многихъ лѣтъ властвовалъ въ Кандагарѣ въ качествѣ независимаго правителя. Его сынъ и преемникъ Мир-Махмудъ отличался чрезвычайнымъ жестокосердіемъ: чтобъ достигнуть верховной власти, онъ лишилъ жизни своего дядю и задумалъ низвергнуть династію Саффи. Въ то время возмутились и объявили себя независимыми нѣкоторыя другія подвластныя Персіи племена, — Курды, Лезгины и жившее къ востоку отъ Каспійскаго моря татарское племя Узбековъ; и сама природа какъ будто захотѣла участвовать въ разрушеніи персидскаго царства, такъ какъ городъ Таврисъ былъ обращенъ въ развалины 26 апр. 1721. землетрясеніемъ, отъ котораго погибло 100,000 человекъ. Страшная битва, происходившая въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Испагани и кончившаяся побѣдой Мир-Махмуда, рѣшила судьбу царствующей династіи Саффи. Шахъ Гусейнъ отказался отъ престола въ пользу своего сына Тахмаспа и отдался вмѣстѣ съ своей столицей въ руки афганскаго вождя. Мир-Махмудъ вступилъ 22 октября 1722 въ Исфаганъ и завладѣлъ персидскимъ престоломъ, 22 окт. 1722. находившимся во власти династіи Саффи въ теченіе слишкомъ двухъ столѣтій. Въ слѣдующемъ году жестокосердый Афганецъ приказалъ умертвить плѣннаго Гусейна и всѣхъ членовъ его дома, какихъ успѣлъ захватить въ плѣнъ.

Это было началомъ разложенія персидскаго царства. Что царь Петръ Россія и Порта стали помышлять о присоединеніи къ его владѣніямъ странъ, лежащихъ по берегамъ Каспійскаго и Чернаго морей, служило доказательствомъ его прозорливости, хотя бы и не было подлиннымъ то завѣщаніе, въ которомъ, какъ утверждаютъ, онъ совѣтовалъ своимъ преемникамъ стремиться къ пріобрѣтенію поитійскихъ территорій. Онъ поступалъ вполне согласно съ такой политикой, воспользовавшись тѣмъ, что персидскій престолъ сдѣ-

самъ.
1. Паденіе дина-
стіи Саффи.

26 апр. 1721.

22 окт. 1722.

24 июня 1724. лался предметомъ спора между спасшимся бѣгствомъ, шахомъ Тахмаспомъ и узурпаторомъ Мир-Махмудомъ: онъ завладѣлъ прибрежными странами Дагестаномъ и Ширваномъ съ городами Дербентомъ и Баку и принудилъ Порту заключить договоръ о раздѣлѣ, на основаніи котораго весь восточный берегъ до слиянія Куры съ Араксомъ долженъ былъ остаться во власти Россіи, западныя провинціи отъ Тавриса до Эривани и Тифлиса должны были принадлежать къ османскому царству, а среднія и южныя провинціи должны были остаться во власти персидскаго шаха Тахмаспа. Этотъ договоръ о раздѣлѣ былъ заключенъ Портой подъ гнетомъ необходимости— для того, чтобъ всѣ тѣ страны не сдѣлались добычей Россіи; онъ навлекъ на истощенное османское царство бѣдствіе новой войны. Въ Испагани Эшреффъ при- Эшреффъ свергнулъ съ престола своего родственника Мир-Махмуда, приказавъ умертвить его вмѣстѣ со всѣми его приверженцами и завладѣлъ персидскимъ царствомъ, которое вознамѣрился расширить до его прежнихъ предѣловъ. Онъ потребовалъ отъ султана возвращенія занятыхъ Турками провинцій и городовъ и, получивши отказъ, выступилъ въ походъ. Турецкіе солдаты неохотно сражались съ своими суннитскими единовѣрцами, низвергнувшими въ Персіи владычество шиитовъ; благодаря этому, храброму и хитрому Эшреффу удалось нанести османской арміи поражение при Гамданѣ. Тогда Порты была вынуждена признать Эшреффа владѣтелемъ Персіи подъ верховною властію султана. Тогда-же былъ заключенъ долго остававшійся въ видѣ проекта договоръ съ Россіей о пограничныхъ владѣніяхъ. О Тахмаспѣ, находившемся въ Мазендеранѣ—гористой прибрежной странѣ къ югу отъ Каспійскаго моря, вовсе не было рѣчи. Однако онъ не отказался отъ надежды снова вступить въ обладаніе отцовскимъ престоломъ. Онъ взялъ къ себѣ на службу смѣлаго и предприимчиваго Надиркули, который изъ татарскаго пастуха сдѣлался наводившимъ страхъ вождемъ добровольцевъ и уже не разъ вступалъ въ борьбу съ Афганцемъ. Тахмаспъ поручилъ веденіе войны этому авантюристу, который сталъ съ тѣхъ поръ называться Тахмасъ Кулиханомъ. Эшреффъ было скоро вынужденъ отказаться отъ наслажденій, которымъ предавался въ Испагани. Высланная имъ противъ Кулихана армія была разбита въ трехъ сраженіяхъ; онъ самъ спасся бѣгствомъ въ Ширазъ вмѣстѣ съ накопившимися сокровищами, но былъ убитъ Татарами. Въ концѣ года шахъ Тахмаспъ вступилъ вмѣстѣ съ своимъ побѣдоноснымъ полководцемъ въ Испагань и немедленно началъ войну съ Османами, урѣзавшими его владѣнія.

Паденіе шаха Эшреффа. 1729.

Константинопольскому правительству пришлось готовиться къ новой борьбѣ, которая обѣщала быть тѣмъ болѣе упорной, что затрогивала религиозныя вѣрованія. Чтобъ добыть необходимыя денежныя средства, оно ввело новыя пошлыны, ложившіяся тяжелымъ бременемъ преимущественно на мелкихъ торговцевъ. По этому поводу вспыхнуло въ Константинополѣ возстаніе, которое скоро приняло угрожающій характеръ вслѣдствіе того, что въ немъ приняли участіе янычары, также терпѣвшіе убытки отъ новыхъ пошлынъ. Во главѣ инсургентовъ стояли албанскій торговецъ старымъ платьемъ Патрона Халиль, овощной торговецъ Муслухъ и Эмиръ Гали—безпokoйный человѣкъ, торговавшій на улицахъ кофеемъ. Сначала возстаніе было направлено только противъ великаго визиря и нѣкоторыхъ другихъ членовъ правительства; но такъ какъ лишенный всякой энергіи и проводившій свое время почти исключительно въ обществѣ женщинъ, султанъ Ахмедъ не былъ въ состояніи предотвратить готовившуюся грозу, то скоро стали раздаваться голоса, требовавшіе перемѣны правителя. Тогда въ Константинополѣ совершилась одна изъ тѣхъ дворцовыхъ революцій, которыя были такимъ частымъ явленіемъ въ исторіи османскаго царства. Ахмедъ былъ принужденъ отречься отъ престола и былъ заключенъ въ той

самой темницѣ серала, изъ которой вышелъ для вступленія на престолъ его племянникъ, сынъ Мустафы, Махмудъ. Эта перемѣна не имѣла большаго вліянія на положеніе дѣлъ. Новый султанъ безусловно подчинился вождю инсургентовъ Патрона; онъ далъ свое согласіе на отмену новыхъ пошлынъ и во всѣхъ дѣлахъ управленія слѣдовалъ совѣтамъ Патрона. Бывшій торговецъ старымъ платьемъ полагалъ, что въ награду за успѣхъ удачной революціи всѣ высшія должности должны достаться ему и его приверженцамъ. Однако до этого дѣла не дошло. Три вожди инсургентовъ были приглашены въ засѣданіе дивана для того,—какъ ихъ увѣрили,—чтобы принять участіе въ совѣщаніяхъ о военныхъ дѣлахъ. По данному сигналу, на нихъ бросились вооруженные люди и умертвили ихъ. Однако это не имѣло не положительнаго конца революціонному движенію. Еще въ теченіе дѣла года возненіе умовъ не прекращалось, янычары постоянно угрожали нарушеніемъ общественнаго спокойствія, и въ столицѣ и въ провинціяхъ господствовали вмѣсто законовъ произволъ и терроризмъ.

При такомъ положеніи дѣлъ нельзя было дѣлательно заниматься войной Персами; эта война, безъ сомнѣнія, имѣла-бы неблагопріятный для Турціи исходъ, если бы и въ Испагани не происходили такіа-же внутреннія волненія, какъ въ Константинополѣ. Тахмасъ Кулиханъ не долго довольствовался своимъ званіемъ главнокомандующаго; онъ помышлялъ о пріобрѣтеніи владычества надъ Персіей для себя и для своего потомства. Однако примѣръ афганскаго царя служилъ для этого хитраго Татарина предостереженіемъ и заставилъ его дѣйствовать осмотрительно. Онъ объявилъ, что въ дѣлахъ съ Турціей обнаружилась неспособность шаха Тахмаспа къ управленію государствомъ, посадилъ его подъ арестъ и провозгласилъ шахомъ его шестимѣсячнаго сына Аббаса Мирзу съ цѣлю управлять государствомъ отъ имени этого ребенка. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого внутренняго переворота была война съ Османами. Тахмасъ Кулиханъ напрягалъ всѣ свои усилія къ тому, чтобъ упрочить побѣдами свое владычество. Турецкія арміи были разбиты на голову въ двухъ генеральныхъ сраженіяхъ; оба турецкіе главнокомандующіе — престарѣлый и опытный въ военномъ дѣлѣ Топаль Османъ и его преемникъ Абдаллахъ Кенрили—были убиты, сѣверовосточныя провинціи вплоть до Тифлиса и Карса были завоеваны Персами вмѣстѣ съ городами Эриванью и Эрзерумомъ. Тѣмъ временемъ скончался въ Испагани тотъ хилый ребенокъ, котораго Тахмасъ Кулиханъ возвелъ на престолъ подъ именемъ Аббаса III; пользуясь впечатлѣніемъ, которое произвели его побѣды, Тахмасъ Кулиханъ созвалъ всѣхъ военачальниковъ и намѣстниковъ къ устьямъ Куры на торжественное засѣданіе для того, чтобъ рѣшить, кому достанется персидское царство. Кто-же осмѣлился-бы оспаривать верховную власть у такого могущественнаго человека? Собравшіеся на совѣщаніе провозгласили этого потомка татарскихъ пастуховъ персидскимъ шахомъ и вручили ему мечъ и діадему. Къ своему согласію принять верховную власть онъ присовокупилъ условіе, что сынъ-петръ будетъ переходить по наслѣдству къ его потомкамъ и что шиитское исповѣданіе будетъ замѣнено суннитскимъ. О томъ и о другомъ условіи онъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, вступая на престолъ подъ именемъ Надиръ-шаха.

Эта привязанность къ той формѣ исповѣданія ислама, которой придерживались и Осмаи, сблизила испаганскаго властителя съ Портой и облегчила веденіе мирныхъ переговоровъ. Тѣмъ не менѣе Туркамъ пришлось согласиться на тяжелыя жертвы. Хотя новый шахъ и отказался отъ своихъ первоначальныхъ требованій большой военной контрибуціи и уступки Багдада, но онъ упорно настаивалъ на возвращеніи всѣхъ земель, пріобрѣтенныхъ Турками къ востоку отъ Понта на основаніи заключеннаго съ

Махмудъ.
1730—1756.

на-25 нояб. 1730.

Послѣдніе представители династіи Саффи.
Надиръ-шахъ.

1732.

1733—1735.

Мартъ 1736.

Іюль 1736.

Миръ между шахомъ и Портой.

Отношенія къ Россіи. Россіей договора о раздѣлѣ. Турція была принуждена исполнять это требованіе, потому что ей угрожала новая война съ Австріей и съ Россіей, а она не была въ состояніи одновременно бороться съ тремя сильными державами и въ Азіи и въ Европѣ. Дружба между Портой и Россіей не была прочной; въ Петербургѣ были очень недовольны тѣмъ, что находившіеся на турецкой службѣ отряды Татаръ проникали за русскія границы; поэтому тамъ всячески помогали персидскому главнокомандующему. Когда крымскій ханъ, желая помочь султану, двинулся съ своей арміей черезъ Дагестанъ къ театру военныхъ дѣйствій въ Персію, Русскіе силою заставили его воротиться назадъ. Непріязнь между Турціей и Россіей еще усилилась вслѣдствіе того, что кабинеты петербургскій и вѣвскій содѣйствовали избранію курфирста Саксонскаго Августа III на польскій престолъ, между тѣмъ какъ Порта, подчинявшаяся вліянію французскаго правительства, держала сторону Станислава Лещинскаго. Уже въ то время Русскіе замыслили завоеваніе Азова и Крымскаго полуострова, потому что только благодаря этимъ пріобрѣтеніямъ Россія могла-бы занять господствующее положеніе на берегахъ Чернаго моря. Поэтому всѣ мирные договоры съ Турціей заключались съ заднею мыслію, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ они будутъ нарушены. Это были лишь перемирія, заключавшіяся на болѣе или менѣе длинный срокъ.

Графъ Бонневаль. Въ то время пріобрѣлъ значительное вліяніе въ турецкомъ диванѣ извѣстный французскій авантюристъ графъ Бонневаль. Послѣ разныхъ военныхъ подвиговъ сначала на службѣ французской, а потомъ на службѣ австрійской, и послѣ разныхъ превратностей фортуны, которыя онъ навлекалъ на себя своимъ беспокойнымъ честолюбіемъ и своей склонностью къ интригамъ, онъ наконецъ отправился въ Константинополь, перешелъ въ магометанство и былъ принятъ въ число турецкихъ сановниковъ подъ именемъ Ахмеда-паша. Благодаря своему подвижному уму, онъ постоянно возился съ разными проектами реформъ. Состоя въ должности артиллерійскаго генерала и начальника одного военного отряда, онъ хотѣлъ ввести въ турецкой арміи европейскую организацію, хотѣлъ преобразовать турецкое управленіе по французскому образцу и подчинить политику Порты французскому вліянію. Но онъ скоро убѣдился, что восточныя натуры не легко отучаются отъ старинныхъ привычекъ. Между тѣмъ какъ въ Россіи реформы Петра Великаго упрочивались и далѣе развивались не смотря ни на чье сопротивленіе, Турція все еще упорно придерживалась устарѣлыхъ порядковъ и все болѣе и болѣе клонилась къ упадку. Своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ и нѣкоторыми временными успѣхами она была обязана не своей внутренней силѣ, а частію воинскимъ доблестямъ магометанскаго населенія, доставлявшимъ ей возможность устоять противъ непрерывныхъ войнъ и внутреннихъ возстаній, частію и главнымъ образомъ соперничеству между иностранными державами.

6. Великобританія.

Хотя порядокъ престолонаслѣдія въ британскихъ владѣніяхъ и Прокляты реста- былъ твердо установленъ при королѣ Вильгельмѣ, но переходъ ко- вращіи Стюар- роны отъ Стюартовъ къ Ганноверскимъ курфирстамъ сопровождался товъ. внутренними смутами и междоусобицами. Такъ какъ всѣ дѣти королевы Анны сошли въ могилу ранѣе своей матери, то она горячо желала, чтобъ послѣ ея смерти наслѣдственная королевская власть перешла къ ея единокровному брату Якову III, котораго Людовикъ XIV уже призналъ англійскимъ королемъ. Торійское министерство и въ особенности его глава Болингброкъ сочувствовали замысламъ и желаніямъ своей государыни; во время мирныхъ переговоровъ съ Людовикомъ XIV Болингброкъ заводилъ рѣчь о такихъ проектахъ, которые отзывались государственной измѣной; онъ находился въ сношеніяхъ съ претендентомъ и надѣялся, что доживетъ до второй реставраціи; наслѣдница престола Софія охотно посѣтила-бы Англію, гдѣ жили ея предки и родственники и надѣялась, что самой или ея потомству пришлось-бы рано или поздно царствовать; но ее настойчиво удерживали отъ прибытія въ Лондонъ; даже ея сыну, курфирсту Георгу Людовигу, не позволяли пріѣхать въ Англію и занять въ верхней палатѣ мѣсто, на которое онъ имѣлъ право въ качествѣ герцога Кембриджскаго.

Курфирстина Софія не дожила до полученія короны, которая была ей предназначена; эта умная и образованная женщина кончила жизнь (въ іюнѣ 1714) въ Германіи въ очень преклонныхъ лѣтахъ; черезъ нѣсколько недѣль кончила жизнь и королева Анна. Тогда еще не успѣли созрѣть замыслы торіевъ и якобитовъ. Еслибы претендентъ не былъ человекомъ слабохарактернымъ и ограниченнымъ и еслибы два министра—Болингброкъ и Оксфордъ не питали другъ къ другу сильной вражды, то прибытіе нѣмецкаго наслѣдника престола, вѣроятно, встрѣтило-бы препятствіи или задержки: вѣдь и въ Великобританіи и въ Ирландіи католики и легитимисты сильно волновались, а Людовикъ XIV еще былъ живъ и былъ готовъ помогать имъ. Но 29 сент. 1714. Георгъ I могъ безпрепятственно высадиться въ Англіи и короноваться въ томъ-же году. 31 октября.

Новый король не обладалъ выдающимся умомъ и былъ мало знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Англіи; но ему были извѣстны про- рукахъ вѣговъ. иски въ пользу дома Стюартовъ и было извѣстно имя ихъ виновника: Болингброкъ и возстаніе яко- онъ назначилъ новое министерство изъ вѣговъ подъ предѣлительствомъ битовъ. 1715. практически-опытнаго, но не вполне добросовѣстнаго Роберта Вальполю; прежнихъ торійскихъ министровъ—Болингброка, Оксфорда, Ормонда онъ предалъ суду какъ государственныхъ измѣнниковъ за торо-

пливое заключеніе Утрехтскаго мира и за выраженіе сочувствія къ стюартскому претенденту, и сдѣлалъ необходимыя распоряженія для созыва новаго парламента, который открылъ свои засѣданія 28 марта слѣдующаго года. Благодаря дѣятельной заботливости Вальполя, виги оказались въ новомъ парламентѣ въ большинствѣ, такъ что въ рукахъ одной и той-же партіи оказались и дѣла управленія и законодательство. Болингброкъ былъ признанъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ и былъ присужденъ къ утратѣ своихъ помѣстьевъ и своихъ должностей. Но онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ во Францію, получилъ отъ претендента, жившаго въ то время въ Лотарингіи, званіе министра и сталъ при содѣйствіи Ормонда всѣми силами стараться вызвать въ соединенномъ королевствѣ революціонное движеніе, которое доставило-бы его покровителю отцовскую корону. Возбужденіе, которое скоро обнаружилось во всѣмъ королевствѣ, ясно доказывало, что дѣятельность эмигрантовъ и якобитовъ не осталась бесплодной: Іаковъ рѣшился отплыть въ Шотландію и принять главное начальство надъ войсками, которыя собралъ графъ Маръ. Но смерть Людовика XIV замедлила исполненіе этого намѣренія, потому что король изъ ганноверской династіи нашелъ союзника въ регентѣ герцогѣ Орлеанскомъ. Претендентъ, придерживавшійся строго-религіозныхъ воззрѣній и подчинявшійся вліянію клерикаловъ, не питалъ довѣрія къ вольнодумцу Болингброку и втайнѣ дѣйствовалъ наперекоръ его совѣтамъ, между тѣмъ какъ англійское министерство дѣйствовало рѣшительно, на время приостановило исполненіе основныхъ законовъ (*Habeas corpus*), созвало милицію и запугало папистовъ изданіемъ новыхъ уголовныхъ законовъ. Неспособные вожди якобитовъ не могли устоять въ борьбѣ съ правительственными войсками. Мятежники были разбиты на голову въ Шотландіи при Шерифмурѣ неподалеку отъ Думблэна и при Престонѣ въ Ланкаширѣ. Когда Іаковъ высадился подлѣ Абердина и провозгласилъ себя королемъ, его приверженцы уже были побѣждены и кровь уже была пролита потоками. Онъ поспѣшилъ возвратиться во Францію, но его приверженцы подверглись строгимъ наказаніямъ. Многіе изъ старинныхъ семействъ были доведены до нищенства, потому что ихъ собственность была конфискована на покрытие военныхъ расходовъ. Болингброкъ покинулъ неспособнаго Стюарта и примирился съ правительствомъ. Этому ловкому интригану нетрудно было перейти подъ другое знамя и новыми заслугами загладить воспоминаніе о его прежнихъ продѣлкахъ. И король Георгъ и виги хорошо понимали, что они могли съ успѣхомъ бороться съ своими противниками только благодаря тому, что дѣйствовали единодушно; поэтому они крѣпко держались другъ за друга, а этотъ союзъ способствовалъ упроченію и развитію англійскихъ учреждений. Вѣдь Георгъ не былъ одаренъ такими качествами, которыя могли-бы привлечь къ нему сердца его

22 дек. 1715.

англійскихъ подданныхъ: онъ былъ отъ природы недаровитъ, такъ что могъ научиться англійскому языку только настолько, насколько это было крайне необходимо, а своимъ образомъ жизни навлекалъ на себя не мало порицаній.

Еще бывши наслѣднымъ принцемъ Ганноверскаго курфиршества, Георгъ Людовикъ вступилъ въ бракъ съ Софіей Доротеей, дочерью герцога Вильгельма Брауншвейгъ-Люнебургскаго и красивой знатной Француженки Элеоноры д'Ольбрёзъ, съ цѣлю обезпечить присоединеніе Люнебургско-Цельскихъ владѣній къ Ганноверу. Отъ Софіи Доротеи онъ имѣлъ сына и дочь, которымъ были даны имена ихъ родителей, и которые впослѣдствіи носили королевскую корону въ Лондонѣ и въ Берлинѣ; такъ какъ онъ считалъ свою супругу неровной съ нимъ по происхожденію и обходился съ ней презрительно, то она бросила его и вступила въ любовную связь съ графомъ Кёнигсмаркомъ. Эта связь сдѣлалась всѣмъ извѣстной, и Кёнигсмаркъ безслѣдно исчезъ въ тотъ моментъ, какъ выходилъ вечеромъ изъ комнаты наслѣдной принцессы въ Вольфенбюттелѣ; онъ, по всему вѣроятію, былъ умерщвленъ трабантами (1 іюля 1694). Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ уладить примиреніе, бракъ былъ расторгнутъ, а Софія жила до самой смерти подъ надзоромъ въ альденскомъ замкѣ. Тамъ эта родоначальница королевскихъ династій ганноверской и прусской прожила въ дали отъ свѣта болѣе тридцати лѣтъ подъ именемъ герцогини Альденской. Это семейное несчастіе не произвело сильнаго впечатлѣнія на ея супруга. Хотя ему было уже пятьдесятъ четыре года, когда онъ переселился въ Англію, онъ привезъ съ собою двухъ знатныхъ дамъ—баронессу фонъ-Кильмансегге и Мелузину фонъ-Эберштейнъ, жилъ съ ними въ супружеской связи и включилъ ихъ въ англійскую аристократію, давши имъ титулы графини Дарлингтонъ и герцогини Кендалъ. Кромѣ того, король жилъ въ постоянной враждѣ съ наслѣдникомъ престола, не одобрявшимъ обхожденіе съ его матерью.

При такихъ условіяхъ для короля Георга I былъ только одинъ способъ упрочить за собою престолъ—самымъ тѣснымъ образомъ соединить интересы страны съ интересами короны. Онъ предоставилъ парламентскому режиму полный просторъ и этимъ придавъ свободнымъ государственнымъ учреждениямъ соединеннаго королевства такую устойчивость, что личныя качества короля имѣли мало вліянія на политику и на дѣла управленія. Англійскіе короли стали съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе подчиняться господству общественнаго мнѣнія и національныхъ интересовъ. Чтобы придать государственному управленію и законодательнымъ работамъ болѣе твердое направленіе, былъ изданъ въ слѣдующемъ году законъ о продленіи каждаго парламента съ трехъ лѣтъ на семь; вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено увеличить постоянную армію. То, въ чемъ упорно отказывали Стюартамъ и возведенному на англійскій престолъ Оранскому принцу, было безъ всякихъ колебаній сдѣлано въ угоду такому королю, отъ котораго нельзя было ожидать никакихъ посягательствъ на гражданскую свободу. Благодаря тому, что власти парламентская и королевская дѣйствовали единодушно, Георгъ I могъ оказывать су-

Царствованіе
Георга I.
1714—1727.

1716.

ественное вліяніе на иностранныя дѣла посредствомъ заключенія союзовъ или участія въ войнахъ и могъ успѣшно подавлять внутреннія революціонныя движенія, вспыхивавшія при каждомъ удобномъ случаѣ. Для того, чтобъ принимать болѣе близкое участіе въ континентальныхъ дѣлахъ, онъ убѣдилъ парламентъ отмѣнить постановленіе, позволявшее королю выѣзжать изъ его владѣній не иначе какъ съ разрѣшенія лордовъ и общинъ. Главнымъ образомъ благодаря единомыслию между королемъ и парламентомъ не удалось ни политическія интриги Альберони, ни вторичная высадка претендента въ Шотландіи, ни старанія графа Герца возбудить англійскихъ недовольныхъ къ возстаію, а Георгъ I получилъ возможность вмѣшаться въ войну между сѣверными государствами и присоединить къ Ганноверу княжества Бременское и Верденское. То было доказательствомъ практическаго ума англійской націи, что въ эпоху химерическихъ денежныхъ спекуляцій она избѣжала опасности, угрожавшей Великобританіи такимъ-же банкротствомъ, какое причинили во Франціи предпріятія Лоу. Когда директоръ «южной компаніи», сэръ Джонъ Блунтъ скупилъ всѣ государственныя денежныя обязательства и затѣмъ предпринялъ такую-же опасную биржевую игру съ акціями и съ ассигнаціями, какую велъ Лоу въ Парижѣ, то дѣятельности этого отважнаго спекулятора былъ своевременно положенъ конецъ, и онъ былъ принужденъ спастись бѣгствомъ.

Въ началѣ царствованія Георга I союзъ съ регентомъ герцогомъ Орлеанскимъ былъ полезенъ для государства, потому что далъ возможность составленному изъ виговъ министерству своевременно принимать мѣры противъ заговоровъ, составлявшихся во Франціи приверженцами Стюартовъ, и подвергать судебному преслѣдованію якобитовъ и ультра-консерваторовъ; а въ послѣдніе годы царствованія Георга I для Англіи было выгодно миролюбіе кардинала Флѣри, потому что оно дало возможность упрочить на континентѣ уваженіе къ Англіи и усилить ея вліяніе на политическія дѣла Европы. Георгъ I кончилъ жизнь въ то время, какъ старался уладить распрю между Испаніей и Австріей; но сдѣланныя имъ приготовленія были такъ хорошо обдуманы, что его сынъ и преемникъ Георгъ II довелъ до конца совѣщанія суассонскаго конгресса и, придерживаясь отцовской политики, оставилъ во главѣ министерства Роберта Вальполя, занимавшаго этотъ постъ, съ небольшимъ перерывомъ, съ тѣхъ поръ, какъ былъ разрѣшенъ вопросъ о престолонаслѣдіи ганноверской династіи.

Англія въ союзѣ съ Франціей.

Георгъ II.
1727—1760.

7. Нидерланды.

Между тѣмъ какъ Англія возвышалась при ганноверской династіи Нидерландская до одного уровня съ первоклассными европейскими державами, подл. республика охраной своихъ свободныхъ учрежденій напирала свои силы къ безъ штатгальтера. развитію торговли, промышленности, флота и колоній, и скоро превзошла всѣ европейскія государства внутреннимъ благосостояніемъ, нидерландская республика утрачивала свое прежнее высокое положеніе. Во время войны за испанское наслѣдство заиглала послѣдняя вечерняя заря историческаго величія надъ тѣми странами, которыя лежатъ вдоль береговъ Мааса и Шельды. Гейнзіусъ не былъ недостойнымъ преемникомъ Яна де-Витта; но и послѣ смерти Вильгельма III не было штатгальтера во главѣ арміи и государственнаго управленія; не смотря на то, что Вильгельмъ усыновилъ и назначилъ своимъ преемникомъ своего ближайшаго родственника Іоанна Вильгельма Фризо, сына бывшаго штатгальтера Фризландіи и Гренингена Генриха Казимира, генеральные штаты не допустили Фризо къ вступленію въ должность штатгальтера подл. предлогомъ, что онъ слишкомъ молодъ, а на самомъ дѣлѣ изъ нежеланія сдѣлать эту должность наслѣдственною. Но Фризо всѣ-таки не отказался отъ служенія республикѣ и, подобно своимъ предкамъ, отличился на военномъ поприщѣ: вмѣстѣ съ потомкомъ Оранскаго принца Морица и дѣвицы Мехельнъ, фельдмаршаломъ Уверкеркомъ, вмѣстѣ съ даровитымъ Коэгоорномъ (Coehoorn), съ генераломъ Фателемъ и другими военачальниками, онъ принималъ участіе въ битвахъ Марльборо съ французско-испанскими арміями; послѣ Уверкерка, умершаго вскорѣ послѣ побѣды при Уденардѣ, онъ занялъ первое мѣсто въ голландской арміи и въ кровопролитной битвѣ при Мальплаке отличился на глазахъ у увѣнчаннаго славой англійскаго лорда. Но ему не было суждено пожать плоды его усилій. Бура опрокинула парусное судно, на которомъ онъ находился, и онъ утонулъ еще прежде чѣмъ успѣлъ исполнить свою задачу мирный конгрессъ, засѣдавшій въ нидерландскомъ университетскомъ городѣ Утрехтѣ; этотъ Оранскій принцъ подавалъ большія надежды: онъ отличался своими познаніями и своимъ образованіемъ столько-же, сколько мужествомъ и знаніемъ военнаго дѣла. Только послѣ его смерти его молодая вдова родила сына— Вильгельма Карла Генриха Фризо, который былъ впоследствии нидерландскимъ штатгальтеромъ.

Въ то время, когда нидерландская республика управлялась безъ штатгальтера, ея внутреннее положеніе не было удовлетворительно, не смотря на то, что она со славой и съ достоинствомъ принимала участіе и въ войнахъ и въ международной политикѣ. Аристократія

Іюль 1711.

1 сент. 1711.

Внутреннее управленіе.

и народная партія по прежнему враждовали между собою, стараясь захватить въ свои руки власть и преобразовать сельскія и городскія учрежденія по своему вкусу. Въ Нимвегенѣ и въ Аригеймѣ одержали верхъ демократы: они отрубили голову бургомистру Рукенсу, а его пятерыхъ приверженцевъ повѣсили надъ окнами городской ратуши; напротивъ того, въ Амерсфортѣ, въ утрехтской провинціи, были казнены смертію два вождя демократовъ. Только благодаря энергіи и твердости характера голландскаго пенсіонарія Гейнзиуса война съ Франціей велась въ теченіе одиннадцати лѣтъ, а попытки французскаго короля склонить республику къ заключенію отдѣльнаго мира были безуспѣшны. Но напряженныя усилія голландской республики не доставили ей ожидаемой пользы вслѣдствіе отпаденія англійскаго торійскаго министерства отъ союза. То было лишь незначительнымъ вознагражденіемъ за причиненные войною расходы, что при посредничествѣ Англіи былъ заключенъ Антверпенскій договоръ, который создалъ оплотъ противъ Франціи, предоставивши генеральнымъ штатамъ право занять голландскими войсками рядъ крѣпостей въ австрійскихъ Нидерландахъ. Съ тѣхъ поръ голландская республика стала утрачивать то высокое положеніе, которое занимала въ семнадцатомъ столѣтіи; энергія, съ которой она такъ часто вмѣшивалась въ европейскія дѣла, уступила мѣсто мирной политикѣ и бездѣйствію; и въ колоніяхъ, и на отдаленныхъ моряхъ и островахъ брали надъ нею верхъ Англичане; прежнія морскія экспедиціи съ цѣлію открытій уже не возобновлялись; на торговыхъ и денежныхъ рынкахъ съ нею стали успешно соперничать другіе народы; въ литературѣ и въ наукахъ ее опередила Франція; ея искусства уже не отличались прежнимъ мастерствомъ и не дѣлали новыхъ успѣховъ; эгоизмъ и семейные интересы заглушали чувства патриотизма; сдѣланный на военные расходы, государственный долгъ требовалъ бережливости въ организаціи арміи и флота и не позволялъ республикѣ по прежнему возвышать голосъ въ международныхъ вопросахъ. Воинственный духъ исчезъ среди наслажденій мирной жизни, а вмѣстѣ съ нимъ исчезла и военная дисциплина; сыновья богатыхъ купцовъ избѣгали опасностей и неудобствъ военной службы; для защиты страны и для участія въ морскихъ войнахъ республика стала содержать наемныя войска изъ иностранцевъ.

Самый большой вредъ причинило республикѣ то обстоятельство, что отъ вышеуказанныхъ переменъ все болѣе и болѣе разшатывались основы государственнаго единства. Точно такъ-же, какъ во времена де-Витта, амстердамскіе аристократы старались подчинить Голландію своему владычеству, а Оранскаго принца Вильгельма Карла Генриха Фризо устранили отъ участія въ дѣлахъ управленія даже послѣ того, какъ онъ достигъ совершеннолѣтія. Себялюбивая аристократія стала заправлять всѣми дѣлами; населеніе провинцій

Авг. 1704.

14 ноября
1715.

Узы государ-
ственного един-
ства ослабѣ-
ваютъ.

стало слѣдовать примѣру жившихъ въ Гагѣ и въ Амстердамѣ вельможъ, стараясь оберегать свою независимость для того, чтобы мѣстные сеймы не подпали подъ власть генеральныхъ штатовъ, въ которыхъ обыкновенно все рѣшали голландскіе ратманы. Вслѣдствіе этого усилились стремленія къ неадаптированному партикуляризму, а готовность подчиняться общей государственной власти ослабѣла. Точно такъ-же, какъ было въ Польшѣ, вожди аристократіи присвоили себѣ право налагать свое veto на всякое постановленіе сейма: эти постановленія не могли вступать въ законную силу, если противъ нихъ былъ поданъ только одинъ голосъ; такого-же правила стали придерживаться и отдѣльныя провинціи. Разумный и благонамѣренный пенсіонарій Симонъ фонъ-Слингеландтъ, который былъ вторымъ преемникомъ умершаго въ 1720 году Гейнзиуса, тщетно пытался скрѣпить узы союза посредствомъ учрежденія общаго для всей республики правительственнаго совѣта: себялюбивые олигархи и деревенскіе магнаты не хотѣли слышать о такой организаціи управленія, которая подчинила-бы ихъ личные интересы и права центральной власти. Этотъ патриотическій государственный человекъ, принимавшій участіе въ Суассонскомъ конгрессѣ и въ договорахъ, заключенныхъ въ Севильѣ и въ Вѣнѣ, и снова напомнившій Европѣ о существованіи генеральныхъ штатовъ, предложилъ на утвержденіе своихъ соотечественниковъ проектъ, составленный имъ съ цѣлію упрочить существованіе союза и обезпечить республиканское самоуправленіе, но онъ не былъ въ состояніи преодолѣть стремленія къ партикуляризму. Онъ предлагалъ выбрать принца Оранскаго штатгальтеромъ, предварительно, по взаимному соглашенію, съ точностью опредѣливши и ограничивши его права. Этимъ способомъ была-бы устранена наслѣдственность, которая была при Вильгельмѣ III присвоена должности штатгальтера, а послѣ его смерти была упразднена въ нарушение основныхъ законовъ; вмѣстѣ съ этимъ республика предохранила-бы себя отъ той опасности, что въ случаѣ внутреннихъ волненій наслѣдственная должность штатгальтера могла-бы быть восстановлена нелегальнымъ путемъ—путемъ народнаго возстанія или государственнаго переворота. Но стоявшіе во главѣ управленія люди нашли, что существующій режимъ вполне соответствуетъ и интересамъ аристократіи и стремленіямъ мелкихъ общинъ къ партикуляризму; поэтому они отказались отъ содѣйствія какимъ-либо переменамъ или реформамъ.

IV. СЪВЕРШАЮЩАЯСЯ И СЪВЕРШЕННАЯ ЕВРОПА ПОСЛѢ СМЕРТИ КАРЛА XII.

1. Государственный переворотъ въ Стокгольмѣ и его послѣдствія.

Первые пред-
вѣстники госу-
дарственнаго
переворота.

Наслѣдный принцъ Фридрихъ Гессенскій, женатый на младшей сестрѣ Карла XII Ульрикѣ Элеонорѣ, находился въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи неподалеку отъ Фредериксгалда, когда его извѣстили о смерти короля. Отославши къ своей супругѣ, въ Стокгольмѣ пробитую пулей шляпу Карла XII, онъ немедленно отправился въ лагерь, гдѣ военачальники собрались вокругъ королевскаго трупа, и приказалъ готовиться къ выступленію. Храбрый генералъ Дюкеръ предложилъ также находившемуся въ лагерь, племяннику короля Карлу Фридриху Гольштейнъ-Готторпскому провозгласить Фридриха въ присутствіи арміи королемъ, такъ какъ ему принадлежало ближайшее наслѣдственное право на престолъ; но слабохарактерный Фридрихъ побоялся сдѣлать такой смѣлый шагъ и положился на свое законное право. И такъ шведская армія, прекративши осаду, подвигалась вмѣстѣ съ королевскимъ трупомъ къ Стокгольму въ теченіе Рождественскихъ праздниковъ и первыхъ дней новаго года. Тамъ уже все было приготовлено для насильственнаго переворота. Государственный совѣтъ рѣшилъ, что сеймъ провозгласитъ Ульрику Элеонору королевой съ условіемъ, чтобъ она предварительно изъявила свое согласіе на предполагаемое измѣненіе конституціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ арестовать и отправить въ Ёребро въ качествѣ государственнаго преступника графа Гёрца, который находился на пути въ Фредериксгалдъ для того, чтобъ представить на утвержденіе короля предварительныя мирныя условія.

Олигархія и
королевская
власть.

Намъ уже извѣстно (стр. 470), что при Карлѣ XI права дворянства и сейма были значительно ограничены и подчинены верховной власти короля. Теперь предполагалось ниспровергнуть эту власть и возстановить старую конституцію, предоставивъ господствующее вліяніе высшему дворянству. Для этого нуженъ былъ такой глава государства, который возсѣлъ-бы на престолѣ не на основаніи своихъ наслѣдственныхъ правъ, а въ исполненіе народной воли. Сеймъ, засѣдавшій въ Стокгольмѣ въ февралѣ 1719 года, вполне подчинился вліянію аристократіи, поэтому одобрилъ предложенную перемѣну въ системѣ управленія. По новому основному закону Ульрика Элеонора должна была не только отказаться отъ неограниченной королевской власти и возстановить старую конституцію, но также предоста- вить вновь учрежденному аристократическому государственному совѣту такое независимое положеніе, что онъ могъ безъ участія королевы «оберегать права и вольности государственныхъ чиновъ». Такъ какъ

19 февр. 1719.

этотъ государственный совѣтъ былъ чѣмъ-то въ родѣ постоянного комитета при имперскомъ сеймѣ, которому принадлежала неограни- ченная верховная власть, то онъ считалъ себя отвѣтственнымъ только передъ сеймомъ. Послѣдствіемъ этого было то, что вся власть мало по малу перешла въ руки государственнаго совѣта, постановлявшаго свои рѣшенія большинствомъ голосовъ, а королевское званіе, кото- рое было дозволено носить и супругу королевы, Фридриху Гессен- скому, было низведено до такого-же безвластнаго почетнаго титула, какимъ оно было въ польской республикѣ. Шведскую конституцію замѣнилъ гнѣтъ олигархіи. Государственный совѣтъ, или сенатъ, въ которомъ коронѣ были предоставлены только два голоса, рѣшалъ все дѣла и дѣлалъ назначенія на все высшія должности въ арміи, въ судебномъ вѣдомствѣ и въ администраціи.

Первой жертвой, принесенной въ удовлетвореніе дворянской партіи, Судебное убій-
ство. былъ ненавистный ей совѣтникъ Карла, графъ Гёрцъ. Подъ пред- сѣдательствомъ президента сейма, Петра Риббинга, была учреждена экстраординарная судебная коммиссія, напоминавшая «кровавый судъ» Джеффриса (стр. 385) своимъ составомъ и своимъ образомъ дѣйствій и обогатившая лѣтописи шведской исторіи судебнымъ убійствомъ. Графъ былъ приговоренъ къ смертной казни на основаніи произвольно со- ставленнаго обвинительнаго акта, который онъ долженъ былъ вы- слушать стоя; ему даже не дозволили прибѣгнуть къ помощи защит- ника; послѣ того, какъ этотъ приговоръ былъ утвержденъ государ- ственнымъ совѣтомъ, графъ былъ публично казненъ; по мѣѣи 13 марта. 1719. Густава III, онъ палъ «жертвою тираніи и несправедливости». Всемогу- щая дворянская партія не стѣснялась никакими предѣлами въ чеканкѣ монеты низкаго достоинства, вовлекая этимъ въ разореніе тысячи людей, а установленныя условія мирнаго договора съ Россіей при- знала недействительными.

Но чтобъ упрочить свое владычество и наслаждаться имъ безза-
ботно, аристократіи нужно было уменьшить армію, которую она
Мирные дого-
воры. подозрѣвала въ болѣе сильномъ сочувствіи къ королевской власти, чѣмъ къ олигархіи; поэтому были заключены мирныя договоры съ державами, участвовавшими въ союзѣ противъ Швеціи, а при заклю- ченіи этихъ договоровъ аристократія имѣла въ виду не столько пользу и честь страны, сколько свои сословные интересы. Прежде всѣхъ достигнуть своей цѣли англійскій король Георгъ, потому что его уполномоченный Картеръ явился въ Стокгольмѣ съ карманами, наполненными деньгами, и оказалъ дѣятельную поддержку ганновер- ско-гольштинскому посланнику Бассевичу при веденіи переговоровъ. За то, что Георгъ согласился уплатить шведскому правительству одинъ миллионъ талеровъ, ему дозволили присоединить къ его Ган-
Ноябрь 1719.
Февр. 1720. новерскому курфиршеству герцогства Бременъ и Верденъ. И король Пруссій Фридрихъ Вильгельмъ I наконецъ воспользовался плодами

побѣды при Фербеллинѣ, которые были отняты у его дѣда Людовикомъ XIV. Онъ удержалъ въ своей власти важный торговый городъ Штетинъ и всю верхнюю Померанію вмѣстѣ съ островами Узедомомъ и Воллиномъ, а за это обязался уплатить три милліона талеровъ и сдѣлать нѣкоторыя другія неважныя уступки. И съ Даніей состоялось соглашеніе при посредничествѣ Англіи и Франціи: старая вражда между двумя сосѣдними государствами ослабѣла влѣдствіе того, что царствующіе дома стокгольмскій и копенгагенскій одинаково ненавидѣли своего родственника Карла Фридриха Гольштейнъ-Готторпскаго и одинаково опасались, чтобъ царь Петръ не вздумалъ возстановить нарушенный порядокъ престолонаслѣдія и не посадилъ Гольштинца на шведскій престолъ. Поэтому Фридриху IV удалось вступить въ обладаніе отнятою отъ Гольштинскаго герцога провинціей; но его попытка пріобрѣсть и другія гольштинскія владѣнія не удалась, потому что вызвала протестъ со стороны императора. Фридрихъ IV нарушилъ старинное постановленіе, требовавшее, чтобъ Шлезвигъ и Гольштинія всегда оставались подъ одною верховною властію: онъ присоединилъ герцогство Шлезвигское къ своимъ короннымъ владѣніямъ и ввелъ въ нихъ датскіе законы. Онъ созвалъ прелатовъ, дворянъ и владѣльцевъ дворянскихъ помѣстьевъ для того, чтобъ они принесли присягу въ вѣрности своему новому государю. Съ тѣхъ поръ сеймъ уже не созывался; датскій абсолютизмъ распространился и на Шлезвигъ. Прежде принадлежавшіе Шведамъ въ Германіи города и провинціи, которые были отняты у нихъ во время войны Датчанами, — Штральзундъ, Грейфсвальдъ, островъ Рюгенъ, — были возвращены за денежное вознагражденіе, а Швеція съ своей стороны отказалась отъ предоставленнаго ей права не уплачивать зундскихъ пошлинъ.

Сент. 1721.

Скоро представился поводъ для подчиненія датскому королю и графства Ранцау. Изъ двухъ братьевъ, принадлежавшихъ къ владѣтельному дому этого графства, одинъ былъ убитъ, а другой былъ приговоренъ за участіе въ этомъ убійствѣ къ пожизненному тюремному заключенію по рѣшенію судей, назначенныхъ датскимъ королемъ. По этому случаю Фридрихъ навлекъ на себя обвиненія въ томъ, что въ своемъ образѣ дѣйствій руководствовался желаніемъ пріобрѣсть графство Ранцау.

Царь и шведскій государственный советъ 1720.

Всего дольше тянулась война съ Россіей. Такъ какъ новое шведское правительство не одобрило мирныхъ условій, установленныхъ на островѣ Лофоэ Герцогъ и Остерманомъ, то оно навлекло на истощенную Швецію новыя бѣдствія войны. Русскій флотъ присталъ къ берегамъ Швеціи и сталъ все опустошать огнемъ и мечомъ. Деревни, усадьбы, мельницы обращались въ пепелъ; товары увозились изъ магазиновъ или бросались въ море; лѣса и покрытыя жатвой поля предавались пламени. Такъ какъ шведская армія и флотъ были сокращены въ своихъ размѣрахъ и не были въ состояніи оказывать

успѣшное сопротивленіе непріятелю, то, чтобъ предупредить возобновленіе такихъ-же опустошеній въ слѣдующемъ году, государственный советъ наконецъ рѣшился на такое мирное соглашеніе съ Россіей, какого требовалъ царь въ вознагражденіе за то, что соглашался признать новое шведское правительство. По Ништадтскому миру были 10 сент. 1721. уступлены Россіи богатая провинція къ востоку отъ Балтійскаго моря, Ингерманландія, Эстляндія, Лифляндія и часть Кареліи за ничтожное денежное вознагражденіе въ два милліона талеровъ. Только Финляндія была оставлена подъ властію Швеціи. Курляндія сдѣлалась русской вассальной провинціей съ тѣхъ поръ, какъ племянница Петра, Анна Іоанновна, вышла за-мужъ за герцога Фридриха Вильгельма, а послѣ смерти своего супруга стала управлять герцогствомъ отъ своего собственнаго имени. Уступленнымъ Россіи провинціямъ царь снова подтвердилъ ранѣе данное обѣщаніе уважать ихъ старинныя права, учрежденія и привязанность къ родному языку и религіи. Намѣреніе возвести герцога Гольштейнъ-Готторпскаго на шведскій престолъ Петръ отложилъ въ сторону, но онъ не переставалъ относиться съ участіемъ къ положенію герцога, котораго считалъ обиженнымъ въ его правахъ, не смотря на его неспособность, нравственную распушенность и расточительность. Незадолго до своей смерти онъ помолвилъ герцога съ своей старшей дочерью Анной. И такъ, двадцатилѣтнія усилія Петра привели къ желаемой цѣли. Съ тѣхъ поръ Швеція перестала принадлежать къ числу великихъ державъ, а ея мѣсто заступила Россія. Русское вліяніе скоро сдѣлалось господствующимъ и въ Варшавѣ, и въ Стокгольмѣ, и въ Копенгагенѣ. При вѣздѣ побѣдоноснаго Петра въ его столицу сенатъ и синодъ поднесли ему императорскій титулъ, а глава духовенства привѣтствовалъ его именемъ отца отечества. Во всемъ городѣ стали раздаваться тысячи возгласовъ: «Да здравствуетъ отецъ отечества, императоръ Петръ Великій!» Иностранныя правительства признали право Петра на новый титулъ частію немедленно, частію въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ.

3. Польша и Станиславъ Лещинскій.

И съ Польшей шведское правительство заключило мирный договоръ: оно признало саксонскаго курфирета польскимъ королемъ. Но Станиславу было позволено носить королевскій титулъ; Карлъ XII далъ ему убѣжище въ своемъ ифальцскомъ наслѣдственномъ владѣніи Цвейбрюкенѣ, а въ вознагражденіе за его конфискованныя по-

Польша при Августѣ II.

мѣстья было условлено выплатить ему миллионъ гульденовъ; впрочемъ это условіе было исполнено далеко не вполнѣ. Послѣ смерти своего покровителя Станиславъ переселился въ городокъ Вейсенбургъ, въ Эльзасѣ; такъ какъ онъ былъ ревностнымъ католикомъ и дружилъ съ іезуитами, то не могъ ужиться съ племянникомъ и наслѣдникомъ Карла XII, герцогомъ Пфальцъ-Клебургскимъ, который былъ кальвинистъ; въ Вейсенбургѣ Станиславъ жилъ до той минуты, когда обстоятельства снова заставили его выступить на политическое поприще. — Послѣ того, какъ Августъ II снова занялъ польскій престолъ, онъ снова попытался, при помощи своихъ Саксонцевъ и своихъ союзниковъ, усилить королевскую власть и придать аристократической республикѣ болѣе монархическій характеръ. Но онъ встрѣтилъ непреодолимое сопротивление со стороны магнатовъ; тогда польское государство стало гигантскими шагами приближаться къ своему окончательному разложенію. Такъ какъ диссиденты обвиняли католическое духовенство въ преданности Швеціи, то руководимая іезуитами дворянская аристократія стала, въ нарушение заключеннаго въ Оливѣ (стр. 450) мирнаго договора, отнимать у нихъ церковныя и гражданскія права, которыми они пользовались въ теченіе двухъ столѣтій. Утвержденное экстраординарнымъ собраніемъ сейма, противозаконное постановленіе воспретило диссидентамъ строить церкви; а когда въ протестантскомъ городѣ Торнѣ общая ненависть къ іезуитамъ выразилась въ нападеніи на іезуитскую коллегію, то этотъ орденъ доказалъ свое могущество жестокимъ отмщеніемъ, которому подвергнувъ должностныхъ лицъ и жителей города. Оба бургомистра — Рёснеръ и Цернеке умерли на эшафотѣ вмѣстѣ съ многими изъ самыхъ вліятельныхъ гражданъ; главная протестантская церковь была отдана въ распоряженіе католиковъ; только посредствомъ уплаты большой денежной суммы городскіе жители наконецъ смирили гнѣвное раздраженіе іезуитовъ. Фридрихъ Августъ II не осмѣливался сдѣлать ни одного шага въ пользу своихъ прежнихъ единовѣрцевъ изъ опасенія, что его могутъ заподозрить въ тайной привязанности къ ученію Лютера; не задолго до его смерти всѣ диссиденты были, по постановленію сейма, лишены права выбираться въ народныя представители и занимать какія-либо государственныя должности.

Двойной вы-
боръ короля.
1 февр. 1733.

Когда Августъ II кончилъ жизнь среди приготовленій къ новымъ большимъ празднествамъ, въ Польшѣ возобновились прежнія распри по поводу избранія новаго короля. Противники Августа не желали передать королевскую власть его сыну, саксонскому курфирету Фридриху Августу, также перешедшему въ католицизмъ во время путешествія по Италіи; они организовали конфедерацію и дали другъ другу слово подавать голоса только за Пиастовъ. Французское правительство, къ которому Поляки изстари питали сильную симпатію, воспользовалось этимъ положеніемъ дѣлъ для своихъ собственныхъ

интересовъ: съ помощью денегъ и интригъ оно склонило большинство избирателей и между прочимъ князя-примаса Потоцкаго къ избранію прежняго короля Станислава Лещинскаго. Намъ уже извѣстно, въ какомъ стѣсненномъ положеніи находился Станиславъ до той минуты, когда его дочь была выбрана въ невѣсты французскаго короля Людовика XV. Наперекоръ желаніямъ Австріи и Россіи, державшихъ сторону саксонскаго претендента, Станиславъ былъ выбранъ въ Волѣ королемъ. Но и усилія тѣхъ двухъ державъ не остались совершенно безплодными. Пятнадцать сенаторовъ и нѣсколько сотъ дворянъ изъявили готовность подавать голоса за нѣмецкаго кандидата. Нѣсколькими недѣлями позже они выбрали польскимъ королемъ саксонскаго курфирета Фридриха Августа подъ гнѣтомъ русской арміи, которую генералъ Ласси привелъ въ варшавское предмѣстіе Прагу.

И такъ, въ польской республикѣ возникло такое столкновеніе между двумя претендентами на королевскій престолъ, которое могло разрѣшиться или силою оружія или вмѣшательствомъ иностранныхъ правительствъ. Флѣри не хотѣлъ оставить безъ всякой помощи королевскаго тестя, который направился къ Варшавѣ, лишь только узналъ о своемъ избраніи. Но до Франціи было далеко, а Россія была сосѣдкой Польши. Флѣри заключилъ союзъ съ Испаніей и съ Сардиніей и направилъ свои нападенія преимущественно противъ Австріи, потому что императоръ не хотѣлъ признать избраніе Станислава и отказаться отъ поддержки саксонскаго претендента; французскія войска были двинуты за Альпы и къ берегамъ Рейна, но только весной слѣдующаго года было отправлено нѣсколько судовъ съ десантомъ на сѣверный театръ войны; тѣмъ временемъ уже была рѣшена въ Варшавѣ участь Станислава. Онъ не былъ въ состояніи бороться во главѣ своихъ приверженцевъ съ противной партіей, которую поддерживала русская армія; поэтому онъ удалился въ Данцигъ; тамъ онъ нашелъ для себя надежную опору и въ преданности населенія и въ городскихъ укрѣпленіяхъ; кромѣ того онъ былъ тамъ ближе къ присланнымъ изъ Франціи подкрѣпленіямъ. Но ни его собственныя войска, ни небольшіе французскіе отряды, наконецъ прибывшіе въ маѣ въ данцигскую гавань, не могли бороться съ русской арміей, во главѣ которой подошелъ къ Данцигу фельдмаршалъ Минихъ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ непріятелемъ, Станиславъ былъ вынужденъ удалиться; онъ бѣжалъ, переодѣвшись крестьяниномъ, въ Кёнигсбергъ, а оттуда пробрался черезъ Пруссію во Францію; французскія войска были взяты въ плѣнъ; городъ Данцигъ сдался и былъ строго наказанъ за свою преданность Станиславу.

Тогда уже ничто не мѣшало саксонскому курфирсту вступить въ обладаніе польскимъ королевскимъ престоломъ подъ именемъ Августа III. Но не скоро можно было погасить вспыхнувшее пламя

Станиславъ
въ Данцигѣ.

Дек. 1733.

Май 1734.

Іюнь 1734.

Война принимаетъ болѣе широкіе размѣры. 1734.

войны. Почти все европейские государства мало по малу втянулись въ борьбу подъ разными предлогами; тогда разыгрался эпилогъ тѣхъ двухъ большихъ войнъ, которыми ознаменовалось начало восемнадцатаго столѣтія. Но такъ какъ вожди, снова появившіеся по этому случаю на поляхъ сраженій,—принцъ Евгений и Мерси, Вилларсъ и Бервикъ,—были только призраками прежнихъ геройскихъ личностей, то и все военныя дѣйствія имѣли мелочный, нерѣшительный характеръ. Франція заботилась только о томъ, чтобы Австрія не сдѣлалась слишкомъ могущественной, и старалась восстановить свое прежнее вліяніе на Рейнѣ и въ верхней Италіи; Россія старалась держать Польшу въ покорности и упрочивать свое вліяніе на берегахъ Вислы и Двины; нѣмецкая имперія старалась удержать въ своемъ составѣ пограничныя западныя провинціи; Испанія желала снова приобрести прекрасныя итальянскія провинціи, которыя были у нея отняты Утрехтскимъ мирнымъ договоромъ; Сардинія такъ удачно принимала участіе въ прежнихъ войнахъ, что и теперь надѣялась что-нибудь приобрести, а можетъ быть даже вытѣснить Габсбурговъ изъ Миланскаго герцогства. Командовавшій имперской арміей, престарѣлый фельдмаршалъ Евгений не былъ въ состояніи помѣшать Французамъ перейти черезъ Рейнъ и занять Кель и Филиппсбургъ. Французскій министръ объявилъ, что ничего не замышляетъ ко вреду имперіи и что французской арміи приказано по мѣрѣ возможности щадить старыхъ друзей версальскаго двора; поэтому воинственный пылъ сражавшихся значительно охладѣлъ. Насилія, совершавшіяся бранденбургскими вспомогательными отрядами во Франконіи и нѣкоторыми другими отрядами въ другихъ мѣстахъ, также не могли внушить старымъ союзникамъ Франціи,—въ особенности Виттельсбахамъ кельнскимъ, пфальцскимъ и баварскимъ,—желанія вступиться за интересы императора и имперіи.

Военныя дѣйствія въ Ита-
ліи. Съ самымъ большимъ упорствомъ война велась въ Италіи. Все были удивлены тѣмъ, что и подъ управленіемъ Бурбона Испанія обнаружила такую же энергію, какъ и въ предшествовавшіе столѣтія. Послѣ разрыва испанско-австрійскаго союза роль Рипперда была сыграна; онъ отправился въ Марокко и умеръ тамъ въ большой нищетѣ. Его замѣнилъ Патино, который снова сталъ придерживаться политики Альберони, но взялся за дѣло съ большимъ хладнокровіемъ и задавался менѣе широкими цѣлями. Благодаря его успѣхамъ, армія и флотъ были приведены въ такое положеніе, что Испанцы могли, въ союзѣ съ Франціей и съ Сардиніей, постоянно одерживать верхъ надъ своими противниками на Апеннинскомъ полуостровѣ. Мы уже ранѣе упоминали о результатахъ, достигнутыхъ въ этой войнѣ испанско-бурбонской династіей: успѣху военныхъ дѣйствій инфанта Донъ-Карлоса и маркиза Монтемара въ Неаполѣ и въ Сициліи благоприятствовали симпатіи населенія къ его прежнимъ испанскимъ правителямъ, неспособность и раздоры австрійскихъ военачальниковъ и высшихъ должностныхъ лицъ, и непоследовательность австрійской политики. Война, продолжавшаяся только около двухъ лѣтъ безъ большихъ сраженій и безъ напря-

женныхъ усилій, привела къ такимъ переѣнамъ во взаимныхъ отношеніяхъ между европейскими государствами, какія обыкновенно бывають результатомъ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ событій и побѣдъ.

Европейскія государства и ихъ правители были утомлены войной и желали отдыха. Такъ какъ австрійскимъ владѣніямъ на Рейнѣ и въ верхней Италіи угрожала самая большая опасность со стороны Франціи, то императоръ Карлъ VI сдѣлалъ этой державѣ важныя уступки для того, чтобы склонить ее къ прекращенію войны и къ признанію прагматической санкціи. Мы уже ранѣе отчасти познакомились съ тѣми политическими условіями, которыя были созданы установленными въ Вѣнѣ предварительными мирными условіями. Вѣнскій дворъ согласился на то, чтобы герцогъ Лотарингскій Францъ Стефанъ, (вскорѣ послѣ того женившійся на дочери императора Маріи Терезіи), отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній въ пользу польскаго короля Станислава Лещинскаго съ условіемъ, что, послѣ предстоящаго преемленія дома Медичи, ему достанется герцогство Тосканское. Послѣ смерти короля Станислава, герцогство Лотарингское и Баръ должны были достаться французскому королю. Королевство обѣихъ Сицилій, завоеванное Испанцами, должно было поступить во владѣніе инфанта Донъ-Карлоса и его потомковъ въ качествѣ государства, независимаго отъ испанской короны. Однако мадридскій дворъ не былъ этимъ удовлетворенъ: королева Елизавета желала приобрести для членовъ своего дома и Тоскану. Испанское правительство долго не изъявляло согласія на вѣнскія предварительныя мирныя условія, долго не рѣшалось отказаться отъ обладанія Тосканой. Оно рѣшилось на эту жертву только послѣ того, какъ убѣдилось, что Флѣри желаетъ во что-бы то ни стало заключенія мира и что Испанія не въ состояніи въ союзѣ съ одной Сардиніей бороться съ императорскими арміями. И Карлъ Эмануилъ, надѣявшійся получить въ награду за свои усилія герцогство Миланское, былъ принужденъ удовольствоваться менѣе цѣнной добычей. Онъ получилъ Новару и Тортону, а впоследствии еще пятьдесятъ семь имперскихъ ленныхъ помѣстьевъ. Вскорѣ послѣ того кончилъ жизнь послѣдній Медичи; тогда уже ничто не мѣшало превратить вѣнское соглашеніе въ окончательный мирный договоръ. Такимъ образомъ, принадлежавшая нѣмецкой имперіи провинція была уступлена Франціи безъ согласія нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей и государственныхъ чиновъ. Согласіе сейма было испрошено только для формы; онъ поблагодарилъ императора за его «заботливость объ этомъ столько же необходимомъ, сколько полезномъ и благотворномъ соглашеніи», а герцога Лотарингскаго за его «великодушное отреченіе изъ миролюбія». Но Франціи не стоило никакихъ жертвъ приобретение прекраснаго герцогства, къ обладанію которымъ она стремилась въ теченіе двухъ столѣтій. Однако, только Люневильскій мирный трактатъ

3 окт. 1735.

1736.

1736.

окончательно разорвалъ узы, привязывавшія Лотарингію къ нѣмецкой имперіи. — Послѣ того, Станиславъ еще въ теченіе двадцати девяти лѣтъ властвовалъ съ титуломъ короля въ Люневиллѣ и въ Нанси; онъ былъ ревностнымъ покровителемъ іезуитовъ, умѣлъ внушить своимъ подданнымъ любовь и уваженіе, былъ благодѣтелемъ для бѣдныхъ, покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ и украшалъ лотарингскіе города. Напротивъ того, Польша приближалась къ окончательному разложенію подъ управленіемъ Фридриха Августа III. Такъ называемый «миротворный сеймъ» объявилъ лишеннымъ покровительства законовъ всякаго, кто введетъ въ Польшу, безъ особаго на то разрѣшенія, иностранныя (и стало быть также саксонскія) войска; кромѣ того онъ издалъ еще болѣе прежняго строгіе законы противъ диссидентовъ. Такъ какъ и самъ король и его министръ Брюль искали милостиваго расположенія Россіи, то вліяніе этого сосѣдняго государства постоянно усиливалось въ Польшѣ.

4. Война Австріи и Россіи съ Турціей и Бѣлградскій миръ.

Поводъ
къ войнѣ.

Союзъ Россіи съ Австріей, заключенный съ цѣлію обезпечить избраніе ихъ кандидата на польскій престолъ, не былъ разорванъ въ теченіе царствованія Августа III. Онъ снова вступилъ въ силу, когда безпрестанно возобновлявшіяся столкновенія Русскихъ съ Татарами привели къ новой войнѣ съ Турками. Портъ принадлежала лишь призрачная верховная власть надъ тѣми воинственными племенами, которые жили на Крымскомъ полуостровѣ и въ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей: татарскій ханъ относился къ приказаніямъ константинопольскаго султана съ такимъ-же пренебреженіемъ, съ какимъ относились къ его собственнымъ приказаніямъ орды татарскихъ хищниковъ, безпрестанно переходившія съ мѣста на мѣсто. Жалобы на вторженія этихъ хищниковъ въ русскія владѣнія были часты и вполне основательны, но Порты не была въ состояніи предотвратить ихъ. Эти пограничныя столкновенія легко могли сдѣлаться поводомъ для войны съ Турціей. Намъ уже извѣстно, что со временъ Петра Великаго Россія стремилась къ приобрѣтенію вышеупомянутыхъ приморскихъ странъ и старалась поставить татарскія племена въ такую-же зависимость отъ русскаго царя, въ какой находились украинскіе и донскіе казаки. А развѣ тогдашнія условія не были самыми благоприятными для достиженія такой цѣли? Турція была истощена войнами съ Персіей и была обезсилена внутренними

возстаніями и дурнымъ внутреннимъ управленіемъ; напротивъ того, Россія въ союзѣ съ Австріей хозяйничала въ Польшѣ, а въ ея внутреннемъ управленіи рѣшающее слово принадлежало такимъ опытнымъ государственнымъ и военнымъ людямъ, какъ Остерманъ и Минихъ.

Поэтому для русскихъ армій не могло быть недостатка въ побѣд- Походы 1737.
ныхъ трофеяхъ; Минихъ завладѣлъ Очаковымъ, а Ласси пропикъ въ Крымъ. Еслибы союзница Россіи Австрія дѣйствовала съ такой-же энергіей, какъ во времена принца Евгенія, то успѣхи русскаго оружія были-бы еще гораздо болѣе значительны, и даже, быть можетъ, уже въ то время царь утвердилъ-бы свое владычество у устьевъ Днѣпра и Днѣстра и на Перекопскомъ перешейкѣ. Но вмѣстѣ съ великимъ фельдмаршаломъ, окончившимъ жизнь 21 апрѣля 1736 въ своемъ роскошномъ вѣнскомъ дворцѣ, была похоронена и прежняя военная слава Австріи; ни въ вѣнскомъ военномъ совѣтѣ ни въ императорскомъ министерствѣ не было ни одной личности, которая обладала-бы достаточными умственными превосходствами и авторитетомъ для того, чтобъ направить разнородные элементы австрійскаго населенія къ достиженію одной общей цѣли. Главнокомандующій графъ Секендорфъ, которому былъ данъ въ помощники зять императора Францъ Лотарингскій, дѣлалъ ошибки при вступленіи въ Сербію; его ученикъ, неопытный принцъ Гильдбурггаузенскій дѣлалъ ошибки въ Босніи, а генералъ Валлисъ въ Валахія; кромѣ того, ни между завѣдующими военными дѣлами ни въ вѣнскомъ кабинетѣ не было единодушія. Уже въ то время были замѣтны два теченія идей, нерѣдко принимавшія различное направленіе, — одно, исходившее отъ императора, другое, исходившее отъ его дочери Маріи Терезіи; съ другой стороны, Порты пользовалась совѣтами французскихъ офицеровъ, которые старались, при содѣйствіи Бонневалля, вводить въ турецкой имперіи полезныя преобразованія и оказывали вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Австрійскія арміи слишкомъ далеко проникли внутрь не- Іюль 1737.
пріятельской страны и скоро были вынуждены отступить; осаду Виддина онѣ принуждены были снять, а сдавшуюся имъ крѣпость Ниссу очистить; тогда вмѣсто наступательной войны имъ пришлось вести войну оборонительную. Вѣнскимъ правительствомъ овладѣлъ страхъ. Оно во всемъ винило начальниковъ арміи: генералъ Доксатъ, сдавшій неприятелю Ниссу, былъ казненъ по приговору суда, а его имѣнія были конфискованы; противъ дяди австрійскаго посланника въ Берлинѣ, фельдмаршала Секендорфа, уже ранѣе навлекшаго на себя ненависть придворной іезуитской и ультрамонтанской камарилли въ качествѣ иноземца и лютеранина, было возбуждено судебное преслѣдованіе и онъ до самой смерти Карла VI содержался подъ арестомъ въ Грацѣ. Какія высокомѣрные требованія стала тогда предъявлять Порты! Конгрессъ, собравшійся съ самаго начала войны въ Ними-

Февр 1738.

ровѣ, на польской территоріи, для установленія мирныхъ условій, былъ распущенъ, а маркизу Вилленёву, отправленному кардиналомъ Флѣри въ Константинополь въ качествѣ посредника при веденіи мирныхъ переговоровъ, Порта дала знать, что не изъявить согласія ни на какой мирный договоръ, если ей не будутъ возвращены Темешваръ и Бѣлградъ, если Русскіе не очистятъ Азова и если молодому Іосифу Ракоци, бѣжавшему изъ Вѣны послѣ смерти своего отца и отдавшемуся подъ покровительство султана, не будутъ возвращены княжество Трансильванское и всѣ владѣнія, принадлежавшія его предкамъ въ Венгріи.

Война въ 1738—39 году. Въ виду такихъ требованій не могло быть и рѣчи о заключеніи мира; поэтому военныя дѣйствія не прекращались въ теченіе 1738 года ни на Дунаѣ ни въ странахъ, прилегающихъ къ Черному морю; кромѣ того, австрійскія войска были отправлены подъ начальствомъ Лобковича въ Трансильванію для борьбы съ Ракоци, который началъ тамъ партизанскую войну во главѣ наскоро набранныхъ отрядовъ. Первые извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій были утѣшительнѣе прежнихъ и возбудили въ Вѣнѣ сильную радость: тамъ уже воображали, что съ удаленіемъ ненавистнаго Секендорфа улучшится духъ австрійской арміи, что новый главнокомандующій герцогъ Францъ Стефанъ Тосканскій увѣнчаетъ свою голову побѣдными лаврами своего отца, что его помощники — фельдмаршалъ и президентъ военного совѣта графъ Кёнигсеггъ и генералы Валлисъ, Нейппергъ, Гильдбурггаузенъ, — возстановятъ помянувшуюся военную честь Австріи! Іосифъ Ракоци и его приверженцы были подвергнуты императоромъ опалѣ, а папой отлученію отъ церкви; это произвело такое сильное впечатлѣніе на слабохарактернаго, воспитаннаго въ уваженіи къ католической церкви, Ракоци, что онъ еще до окончанія войны сошелъ въ могилу на тридцать восьмомъ году отъ рожденія. Но какъ скоро Австріи пришлось разочароваться въ ея свѣтлыхъ ожиданіяхъ! Турки дѣлали большія усилія, чтобъ слѣдующей весной двинуть на театръ военныхъ дѣйствій большую армію и вынудить отъ непріятеля согласіе на болѣе выгодныя для Турціи мирныя условія. Послѣ возвращенія Франца Стефана въ Вѣну, главное командованіе перешло въ руки неспособнаго фельдмаршала Валлиса. Узнавши, что великій визирь идетъ черезъ Сербію къ Дунаю во главѣ главной арміи, при которой находился и возведенный въ званіе паши Бонневаль, Валлисъ перешелъ черезъ рѣку и вступилъ съ болѣе сильнымъ непріателемъ въ битву на неудобной мѣстности подлѣ Кроцки. Борьба продолжалась цѣлый день и не смотря на мужество австрійскихъ солдатъ кончилась для нихъ пораженіемъ. Послѣ большихъ потерь убитыми и ранеными, Валлисъ повелъ свою армію обратно за Дунай, оставивъ укрѣпленныя линіи передъ Бѣлградомъ въ рукахъ Турокъ, которые немедленно приступили къ осадѣ этого важнаго погранич-

наго города. Еслибы въ теченіе слѣдующихъ дней были присланы въ Бѣлградъ изъ главной арміи подкрѣпленія, то еще можно-бы было спасти его, потому что его комендантъ, генералъ Сукковъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительный гарнизонъ, скоро нашелъ искуснаго и мужественнаго помощника въ генералѣ Шметтау и рѣшился обороняться до послѣдней крайности. Но Валлисъ сдѣлалъ такія неискусныя распоряженія, что Турки могли безпрепятственно вести осадныя работы, и положеніе города становилось съ каждымъ днемъ все болѣе труднымъ. Шметтау тщетно предлагалъ фельдмаршалу спасти крѣпость посредствомъ нападенія на осаждающихъ извнѣ и одновременной вылазки гарнизона; Валлисъ предпочелъ завести мирныя переговоры съ великимъ визиремъ. Наконецъ онъ отправилъ къ великому визирю генерала Нейпперга, который получилъ въ Вѣнѣ одинакія съ нимъ полномочія на заключеніе мира на какихъ-бы то ни было условіяхъ въ случаѣ невозможности отстоять Бѣлградъ.

Австрійскіе уполномоченные такъ торопились заключеніемъ мира, что уже 1 сентября договорились съ великимъ визиремъ о предварительныхъ мирныхъ условіяхъ, на основаніи которыхъ возвращали Турціи почти всё, что было приобрѣтено Австріей по Пассаровицкому мирному трактату благодаря военнымъ дарованіямъ принца Евгенія. Дунай и Сава должны были по прежнему служить границами между двумя государствами; Бѣлградъ долженъ былъ снова сдѣлаться оплотомъ турецкаго владычества; австрійскія владѣнія въ Сербіи и въ Валахіи должны были снова достаться Османамъ. Благодаря посредничеству Вилленёва, высокоумный великій визирь съ трудомъ согласился на то, чтобъ новыя укрѣпленія были срыты и чтобъ городъ былъ сданъ Туркамъ въ своемъ прежнемъ состояніи. Шметтау былъ крайне возмущенъ этимъ позорнымъ договоромъ и не хотѣлъ очищать крѣпость. Онъ покорился необходимости только послѣ того, какъ Валлисъ возложилъ на него отвѣтственность за вредъ, который могло причинить имперіи продолженіе войны. Тогда и Россія была поставлена въ необходимость прекратить войну не смотря на побѣду, одержанную Минихомъ при Хотинѣ. Въ Петербургѣ неохотно согласились на заключеніе мирнаго договора, который обязывалъ Россію возвратить Турціи Азовъ и оставлять хана крымскихъ Татаръ подъ верховною властію турецкаго султана. Османы не безъ основанія ставили побѣду при Кроцкѣ наравнѣ съ битвой при Могакѣ.

Авг. 1739.

Бѣлградскій миръ.

18 сент. 1739

V. ПРУССІЯ И НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ.

Литература: Касательно исторіи царствованія Фр. Вильг. I. и начала царствованія Фридриха Великаго, кромѣ ранѣе упомянутыхъ сочиненій Ранке, Дройзена, Штенцеля: FR. FÖRSTER, Fr. Wilh. I, König von Preussen, 3 тома вмѣстѣ съ подлинными документами, Potsd. 1834, и того-же автора: Friedrichs d. Gr. Jugendjahre, Bildung und Geist, Berlin 1822. TH. V. SEKENDORF, Versuch einer Lebensbeschreibung des Generalfeldm. von Sekend., Leipz. 1792, 4 части; K. F. VON BENKENDORF, Charakterist. aus dem Leben Fr. Wilh. I, Berlin 1787; мемуары K. L. von RÖLLNITZ'A (Mém. pour servir à l'hist. des quatres derniers souverains de la maison de Brandenb., Berl. 1792) и маркиграфини Вильгельмины Байрейтской (Brunsw., Par. et Lond. 1812, 2 части); PREUSS, Friedr. d. Gr., eine Lebensgesch., 4 части, Берлинъ 1832—1834; того-же автора Fr. d. Gr. Jugend und Thronbesteigung, Берлинъ 1840; M. DUNKER, Abhandlungen z. Preuss. Geschichte aus der Zeit Friedr. d. Gr. und Friedr. Wilhelms I, Leipz. 1876; E. BRATUSCHECK, Die Erziehung Friedr. d. Gr., Berl. 1885; R. KOSER, Friedrich der Grosse als Kronprinz, Stuttgart 1886; STADELMANN, Friedrich Wilhelm I in seiner Thätigkeit für die Landeskultur Preussens (Publ. aus den Pr. Staatsarchiven, 2 части), Leipz. 1887. Исторію отдѣльных нѣмецкихъ государствъ разрабатывали: BADER исторію Бадена, SATTLER, SPITTLER, PFAFF исторію Вюртемберга, ZSCHOKKE исторію Баваріи, WEISSE и BÖTTIGER исторію Саксоніи, HAVEMANN и SCHAUMANN исторію Ганновера и Брауншвейга, ROMMEL исторію Гессена, RÖLITZ исторію государствъ, входившихъ въ составъ рейнскаго союза, Leipz. 1811; BERGHAUS, Deutschland vor hundert Jahren. Leipz. 1859.—Касательно нѣмецкой литературы, кромѣ сочиненій, указанныхъ на стр. 495: HERM. HEITNER, Gesch. der deutschen Litteratur im achtzehnten Jahrhundert; FR. K. BIEDERMANN, Deutschland im achtzehnten Jahrhundert. Leipz. 1854—1858.

1. Пруссія при королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ I и молодость Фридриха Великаго.

При Фридрихѣ I прусское государство истощало свои силы на военные предпріятія; его благосостояніе сильно пострадало отъ безплоднаго участія въ войнѣ за испанское наслѣдство, отъ дорого-стоющей системы управленія, отъ содержанія блестящаго придворнаго штата, отъ злоупотребленій, допущенныхъ нѣкоторыми министрами въ сферѣ государственнаго управленія. Первый прусскій король такъ любилъ виѣшній блескъ, что нерѣдко терялъ изъ виду существенную пользу, а ресурсы его королевства не всегда соответствовали его высокомѣрнымъ притязаніямъ и его виѣшной обстановкѣ. Можно было опасаться, что юное, еще не окрѣпнувшее государство скоро зачах-

Фридрихъ Вильгельмъ I. 1713—1740.
Род. 4 авг. 1688.
Характеръ ко-
роля и его си-
стемы управ-
ленія.

нетъ отъ чрезмѣрнаго напряженія своихъ матеріальныхъ силъ. То было счастьемъ для Пруссіи, что сынъ и преемникъ Фридриха I, Фридрихъ Вильгельмъ I былъ вовсе непохожъ на своего отца. Это была здоровая и суровая солдатская натура, для которой была противна блестящая обстановка и изысканность въ образѣ жизни; онъ имѣлъ въ виду лишь практическую пользу, отличался скромными добродѣтелями частныхъ людей, былъ бережливъ и патриархаленъ въ такое время, когда за правителями признавалось право угнетать народъ и предаваться самымъ безобразнымъ чувственнымъ наслажденіямъ; онъ не строилъ воздушныхъ замковъ и не увлекался химерическими честолюбивыми замыслами, а плодомъ его царствованія было то, что Пруссія окрѣпла и вскорѣ послѣ того была въ состояніи пережить эпоху самыхъ тяжелыхъ испытаній. Король преслѣдовалъ разумныя цѣли и достигалъ ихъ благодаря своей непреклонной энергіи. Онъ былъ рѣзокъ въ обхожденіи, горячъ, несговорчивъ, причудливъ; онъ самъ за всею слѣдилъ, самъ всею распоряжался, былъ неутомимъ въ работѣ, не останавливался ни передъ какими препятствіями, а отъ своихъ подданныхъ требовалъ самаго безусловнаго повиновенія. «Повиноваться и не разсуждать!»—таковъ былъ его любимый отвѣтъ тѣмъ, кто осмѣливался возражать ему. Все дрожало передъ этимъ грознымъ правителемъ, который обходился съ одинакой жесткостью со всеми своими служителями, начиная съ министровъ и генераловъ и кончая лакеями и простыми солдатами, а иногда собственноручно билъ ихъ палкой; улицы пустѣли, когда въ нихъ показывался страшный король и самъ наблюдалъ за исполненіемъ сдѣланныхъ имъ полицейскихъ распоряженій. Никогда еще не было издано болѣе суровыхъ уголовныхъ законовъ и никогда не исполнялись эти законы съ большей строгостью. Его совѣсть не позволяла ему миловать убійцъ; но даже воровство,—въ особенности если дѣло шло о рахищеніи казенныхъ денегъ,—большою частію наказывалось висѣлицей. Все отправленіе правосудія было въ высшей степени патриархальнымъ и произвольнымъ; король иногда самъ принималъ участіе въ судебномъ разбирательствѣ и постановлялъ рѣшеніе по своему личному усмотрѣнію, которое иногда отличалось здравомысліемъ, а иногда деспотическимъ произволомъ; онъ чувствовалъ сильное отвращеніе къ сложнымъ формамъ судопроизводства. При выборѣ своихъ должностныхъ лицъ онъ не придавалъ никакого значенія рангу, общественному положенію и религіи кандидатовъ; онъ относился съ большою строгостью къ тѣмъ изъ нихъ, которые неакуратно исполняли свои служебныя обязанности. Если кто-нибудь слишкомъ поздно являлся на засѣданіе или въ свою канцелярію, то ему непременно напоминали, что чиновникамъ уплачиваютъ жалованье для того, чтобы они работали. Для служащихъ были изданы новыя инструкціи, составленныя самимъ королемъ; была учреждена центральная коллегія

(Generaldirektorium) съ цѣлю ввести единообразіе въ администрацію и систематическій порядокъ въ государственное хозяйство; многочисленные собственноручныя замѣчанія, которыя король дѣлалъ на официальныхъ докладахъ и документахъ, и которыя отличались своей лаконической краткостью и мѣткостью, свидѣтельствовали о тщательномъ наблюденіи монарха за всѣми отраслями управленія, равно какъ о его практическомъ умѣ и знаніи дѣла. Король всего менѣе интересовался иностранными дѣлами, которыми завѣдывалъ ловкій, хитрый и нерѣдко двоедушный Ильгенъ. При своемъ прямомъ, откровенномъ характерѣ онъ чувствовалъ отвращеніе къ хитрымъ уловкамъ тогдашней дипломатіи и не былъ въ состояніи приноравливаться къ ея лукавой изворотливости.

Фридрихъ Вильгельмъ I усердно занимался всѣмъ, что касалось матеріальнаго хозяйства. ной стороны государственнаго управленія, и въ особенности финансами. Онъ въ теченіе всей своей жизни старался увеличивать доходы и уменьшать расходы; съ этой цѣлю онъ прибѣгалъ къ хорошимъ и къ дурнымъ средствамъ, безпощадно урѣзывалъ жалованье должностныхъ лицъ, продавалъ должности, титулы и другія отличія, налагалъ тяжелыя подати и вводилъ большія пошлины съ привозныхъ товаровъ. Посредствомъ введенія строгой охранительной системы онъ надѣялся поднять прусскую промышленность, но не вполне достигъ своей цѣли и задержалъ развитіе торговли. Онъ съ такой безпощадной строгостью запрещалъ ввозъ иностранныхъ промышленныхъ издѣлій, что на улицахъ приказывалъ снимать съ женщинъ платья, сдѣланные изъ иностранной шерстяной матеріи, а въ домахъ приказывалъ снимать съ кроватей ситцевыя занавѣски. Его понятія о государственномъ хозяйствѣ были узки, но, не смотря на нѣкоторыя ошибки, онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи много хорошаго. Главное вниманіе онъ обращалъ на государственныя имущества, повсюду отменялъ наслѣдственность аренды, вводилъ болѣе рациональное хозяйство, увеличивалъ доходы съ казенныхъ земель и даже касательно мельчайшихъ подробностей раскылалъ собственноручныя предписанія. Въ обезлюдѣвшихъ отъ моровой язвы и голода, прусскихъ и литовскихъ провинціяхъ онъ превращалъ болота и степи въ превосходныя пахотныя поля и удвоилъ число городовъ. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи онъ иногда давалъ полную волю своему деспотическому праву: такъ напр., чтобы поставить Берлинъ и Постодамъ на ряду съ другими европейскими столицами, онъ приказывалъ частнымъ людямъ строить дома на указанныхъ имъ мѣстахъ, вовсе не принимая въ соображеніе ихъ денежныхъ средствъ, и этимъ многимъ довелъ до совершеннаго разоренія. Трудолюбивые переселенцы находили въ Пруссіи радужный пріемъ. Религіозныя увѣщенія въ нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ странъ доставили Пруссіи не мало свѣжихъ рабочихъ силъ; такъ напр. ей были очень полезны тѣ изгнанные зальцбургскіе лютеране, которые въ числѣ слишкомъ 15,000 переселились въ восточныя пограничныя прусскія провинціи. Кромѣ того король привлекалъ въ Пруссію искусныхъ ремесленниковъ, давая имъ денежныя вспоможенія и облегчая для нихъ бремя налоговъ. Хорошіе земледѣльцы и искусные ремесленники были въ его глазахъ, на ряду съ солдатами, самыми полезными изъ его подданныхъ. Заботливость объ этихъ низшихъ слояхъ общества и пренебреженіе къ знатности происхожденія были выдающимися чертами въ его характерѣ. Онъ приказалъ повѣсить аристократа фонъ-Шаубгута за растрату денегъ, назначенныхъ для колонистовъ, и этимъ навелъ сильный страхъ на прусскую знать.

Этотъ бережливый и даже скупой король имѣлъ только одну склонность, Военное управленіе. которая требовала большихъ расходовъ,—онъ ничего не жалѣлъ на увеличеніе арміи и на усовершенствованіе ея организаціи. Къ концу своего царствованія онъ довелъ эту армію до 80,000 человекъ, и она уже въ то время отличалась своими боевыми достоинствами. Ему усердно помогалъ въ этомъ дѣлѣ Леопольдъ Дессаускій. При этомъ обращалось главное вниманіе на акуратное исполненіе мелочныхъ служебныхъ обязанностей, а военныя науки не имѣли большой цѣны ни въ мнѣніи короля ни въ мнѣніи престарѣлаго герцога Дессаускаго. Ученныя познанія вызывали насмѣшки и только при преемникахъ Фридриха Вильгельма они довели прусскую армію до совершенства. Фридрихъ Вильгельмъ пополнялъ составъ своей арміи посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, нерѣдко прибѣгая и къ насильямъ. Кромѣ того онъ ввелъ въ 1733 году систему военныхъ поселеній: онъ раздѣлилъ свои владѣнія на округа, возложилъ на каждый изъ этихъ округовъ обязанность доставлять рекрутъ для одного изъ прусскихъ полковъ и требовалъ военной службы отъ каждаго изъ поселянъ за нѣкоторыми исключеніями. Эта армія содержалась безъ помощи иностранныхъ субсидій на государственные доходы и была во всякое время готова къ выступленію въ походъ, благодаря запасамъ наличныхъ денегъ. У короля была странная страсть къ высокорослымъ солдатамъ. Чтобы добывать ихъ, онъ тратилъ милліоны и прибѣгалъ къ самымъ возмутительнымъ насильямъ. Мушина ростомъ въ шесть футовъ никогда не могъ быть увѣренъ, что не попадетъ въ прусскіе солдаты, даже если онъ не былъ прусскимъ подданнымъ. Такихъ мушкетеровъ забирали за границей хитростью или силой, отчего не разъ возникали политическія затрудненія. Чтобы снискать благосклонное расположеніе короля, не было лучшаго средства, какъ подарить ему высокорослыхъ солдатъ. Пруссіи офицеры, занимавшіеся вербовкой солдатъ, возбуждали страхъ и ненависть во всей Европѣ. Короля ничто такъ не огорчало, какъ смерть котораго-нибудь изъ его высокорослыхъ гвардейцевъ; онъ приказалъ парировать во весь ростъ всю свою лейбъ-гвардейскую роту; это былъ единственный способъ, которымъ онъ оказывалъ поддержку изящнымъ искусствамъ. Но армія ничего не выиграла отъ такой странной королевской прихоти; такъ какъ она состояла изъ подданныхъ различныхъ странъ и даже частью изъ разнаго сброда иноземцевъ, то въ ней можно было поддерживать порядокъ только при помощи самой строгой дисциплины; дезертирство, инсубординація и нарушеніе военной дисциплины влекли за собою самыя строгія и самыя позорныя наказанія и очень часто смертную казнь. Станнымъ кажется тотъ фактъ, что не смотря на свое пристрастіе къ военному дѣлу, король избѣгалъ войнъ. Его царствованіе было болѣе мирнымъ, чѣмъ царствованіе почти всѣхъ его предшественниковъ и преемниковъ. Намъ уже извѣстно, что Пруссія принимала участіе въ сѣверной войнѣ, которая доставила ей обладаніе Штеттиномъ и устьями Одера. Эта война и непродолжительное участіе въ безплодной войнѣ, которую вела нѣмецкая имперія съ Франціей въ 1734 и 1735 годахъ, были единственными военными предпріятіями въ царствованіи Фридриха Вильгельма. Во время похода на Рейнъ, Фридрихъ Великій въ первый разъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; именно тогда онъ составилъ себѣ точное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ императорскихъ армій, которое пригодилось ему впослѣдствіи. Преемнику Фридриха Вильгельма пришлось въ первый разъ пожинать плоды увеличенія и превосходной организаціи боевыхъ силъ Пруссіи.

При перемиріяхъ въ военной организаціи, вызванныхъ необходимостью содержать постоянныя арміи, уже оказывались ненужными военныя повинности дворянства, основанныя на ленной зависимости. Такъ какъ Фридрихъ Великій уничтожилъ военныя повинности дворянства, основанныя на ленной зависимости.

рихъ Вильгельмъ I былъ, по своему характеру, способенъ задаваться только практическими цѣлями, то онъ не считалъ нужнымъ сохранять старыя и уже ни къ чему негодныя учрежденія только изъ уваженія къ ихъ древности; онъ отмѣнилъ какъ ленную обязанность дворянъ доставлять правительству конные отряды, такъ и все другія повинности, лежавшія на левныхъ помѣстьяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предоставлялъ прежнимъ вассаламъ право отчуждать ихъ помѣстья безъ всякихъ стѣсненій. За это, владѣльцы ленныхъ помѣстievъ должны были ежегодно уплачивать денежный налогъ. Не смотря на сопротивление дворянъ, новыя учрежденія были съ теченіемъ времени введены повсюду частію путемъ убѣжденій, частію принудительными мѣрами. Эта перемѣна имѣла чрезвычайно важное государственное значеніе: не уничтожая дворянскаго сословія, она привлекла его къ участію въ организаціи военныхъ силъ государства. Въ арміи Фридриха Вильгельма I офицерами были болѣею частію туземные дворяне, а не иностранцы наемники; это придавало арміи національный характеръ и усиливало ея преданность къ высшему начальнику арміи и къ главѣ государства.

Домашняя
жизнь.

И домашняя жизнь короля, подобно его правительственной дѣятельности, носила отпечатокъ суровости, энергіи и нравственной чистоты. Разводы и смотры замѣнили блестящія придворныя празднества, а простой домашній обѣдъ замѣнилъ прежніе роскошные пиры; рѣдкія каменья и дорогая домашняя утварь, которые отецъ пріобрѣталъ мало по малу и не безъ труда, были проданы сыномъ; все, что походило на роскошь, преслѣдовалось при дворѣ; число придворныхъ служителей было ограничено самой крайнею необходимостью; королева и ея дочь должны были заниматься ручными работами и домашнимъ хозяйствомъ. Театральныя представленія, концерты, балы прекратились. За то король посѣщалъ знаменитую «табачную коллегію» (Tabakskollegium). Тамъ собиралъ онъ своихъ генераловъ, министровъ и дипломатовъ; тамъ за кружкой пива и съ трубкой во рту онъ велъ фамиллярные разговоры и о серьезныхъ предметахъ и о разныхъ пустякахъ, при чемъ нерѣдко позволялъ себѣ нескромныя шуточки. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ развлекался псовой охотой въ виостергаузенскихъ лѣсахъ, но когда онъ такъ растолстѣлъ, что принужденъ былъ отказаться отъ этого удовольствія, онъ сталъ заниматься дома токарными работами. Своимъ образомъ жизни онъ былъ похожъ на привыкшаго къ деревенской жизни мужиковатаго дворянина. При его дворѣ не было никакихъ признаковъ подражанія французскимъ нравамъ: онъ не любилъ расточительности и роскоши и не содержалъ любовницъ.

Религія и
умственная
жизнь.

Отъ чрезмѣрной скромности и простоты такого образа жизни всего болѣе страдали искусства и науки, если король не усматривалъ въ нихъ явной практической пользы; ученыхъ и художниковъ, которые были привлечены прежними правителями въ Берлинъ съ большимъ трудомъ и съ большими расходами, онъ или уволилъ или принудилъ довольствоваться крайне скромнымъ жалованьемъ; Христіанъ Вольфъ, оскорблявшій своими философскими сочиненіями вѣрованія ревностныхъ лютеранъ, получилъ

приказаніе выѣхать изъ Галле въ двадцать четыре часа „подъ угрозой висѣлицы“. Король чувствовалъ отвращеніе ко всякимъ сектамъ и не сочувствовалъ рационалистическому просвѣщенію, хотя и не уклонялся отъ традиціонной вѣротерпимости прусскихъ государей. Не смотря на свою принадлежность къ лютеранской церкви и на твердость своихъ религіозныхъ убѣжденій, онъ не нарушалъ правъ другихъ вѣроисповѣданій; но онъ желалъ, чтобы его единовѣрцы нигдѣ не подвергались угнетеніямъ и горячо вступался за нихъ, если ихъ гдѣ-либо подвергали какимъ-нибудь стѣсненіямъ. Какъ мало цѣнилъ король высшее образованіе, видно изъ того, какъ онъ относился къ университетамъ и къ другимъ образовательнымъ учрежденіямъ. Основанная его отцемъ, берлинская академія едва не была окончательно закрыта: онъ не прекратилъ ея существованія только потому, что она снабжала армію хирургами. Президентомъ этой академіи былъ назначенъ Іаковъ Павель Гундлингъ, — человекъ не лишенный познаній, но своей склонностью къ пьянству и своей педантической папашечностью ученаго доставлявшій неистощимые поводы для насмѣшекъ какъ городскимъ жителямъ, такъ и членамъ „табачной коллегіи“. И онъ самъ и его преемники (къ числу которыхъ принадлежитъ біографъ короля Фассманнъ) были чѣмъ-то въ родѣ придворныхъ шутовъ: они служили предметомъ самыхъ грубыхъ шутокъ и остротъ. Вотъ какъ обходились въ Берлинѣ съ преемниками Лейбница! Однако Фридрихъ Вильгельмъ любилъ выставять на смѣхъ только высокомерную и не приносящую никакой пользы профессорскую мудрость, но онъ зналъ цѣну тому низшему образованію, которое знакомитъ народъ съ содержаніемъ библіи, научаеъ его счету, письму и другимъ полезнымъ познаніямъ. Король заботился преимущественно о низшихъ слояхъ населенія; ему былъ противенъ доскъ свѣтскаго образованія.

Какъ ни старался Фридрихъ Вильгельмъ оберегать самостоятельность своихъ дѣйствій, все-таки онъ подчинялся вліянію тѣхъ, кто умѣлъ принаравливаться къ его характеру. Продолжительнымъ и сильнымъ вліяніемъ пользовался генералъ и министръ Фридрихъ Вильгельмъ Грумбовъ, — человекъ веселаго характера, ловкій и вкрадчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень склонный къ интригамъ, самолюбивый и доступный для подкупа, вслѣдствіе чего впавшій съ теченіемъ времени въ немилость и уволенный отъ должности. Онъ не дожидъ до вступленія на престолъ Фридриха II, въ ссорахъ котораго съ отцемъ былъ не мало виновенъ. На иностранную политику короля имѣлъ большое вліяніе императорскій посланникъ графъ Фридрихъ Генрихъ Секендорфъ, — тонкій дипломатъ, но человекъ корыстолюбивый и фальшивый. Но самой вліятельной при дворѣ особой, приходившейся королю совершенно по сердцу, былъ принцъ Леопольдъ Ангальтъ-Дессаускій. Онъ относился съ явнымъ пренебреженіемъ ко свѣтскому образованію, интересовался только военнымъ дѣломъ, неутомимо трудился надъ усовершенствованіемъ прусской арміи, обнаружилъ выдающіяся дарованія въ войнѣ со Швеціей и въ войнѣ за испанское наслѣдство и былъ настоящимъ типомъ хорошаго солдата; при этомъ онъ былъ одаренъ природнымъ умомъ и вовсе не былъ такимъ необразованнымъ человекомъ, за какого себя выдавалъ. Политическія и личныя цѣли и интересы названныхъ людей болѣею

Приближенны
короля и ег
сезейство.

Леопольдъ Де
саускій.
1676—1747

частію сталкивались съ интересами королевы Софіи, которая была дочерью англійскаго короля Георга I; это была очень образованная женщина и превосходная мать семейства, но ей приходилось много терпѣть отъ семейной тираніи ея супруга и отъ его грубаго обхожденія. Противоположные интересы различныхъ придворныхъ партій, любимцевъ и королевъ нерѣдко были причиной интригъ и происковъ, которые не оставались безъ вліянія и на иностранную политику Пруссіи и на личныя отношенія между членами королевскаго семейства.

ачные про- Королева настойчиво желала болѣе тѣсной родственной связи между
ты. Союзъ династіями прусской и англо-ганноверской: ея любимой мечтой было брако-
Австріей. сочетаніе ея двухъ старшихъ дѣтей, наслѣднаго принца Фридриха и прин-
сессы Вильгельмины, съ дѣтьми ея брата Георга II, — и она дѣйствительно
сент. 1725. достигла заключенія брачныхъ договоровъ. Въ то-же время былъ заключенъ
союзъ съ Англіей и съ Франціей для противодѣйствія союзу Австріи съ
Испаніей. Тогда Секендорфъ и его единомышленникъ Грумбковъ стали
употреблять всѣ усилія, чтобъ склонить короля на сторону Австріи, и имъ
удалось внушить ему сильное нерасположеніе къ англо-французскому союзу.
Фридрихъ Вильгельмъ не умѣлъ выпутываться изъ сѣтей дипломатіи, обна-
руживалъ перѣшительность во всемъ, что касалось внѣшней политики, и
склонялся то на одну сторону то на другую. Его врожденная перѣшитель-
ность еще усилилась подъ вліяніемъ происковъ дипломатическаго авантю-
риста Клеменца, по инициативѣ котораго завелись сношенія между дворами
берлинскимъ, вѣнскимъ и дрезденскимъ. Какъ нѣмецкій патріотъ, король
ненавидѣлъ Французовъ; къ императору онъ питалъ глубоко вкоренившееся
уваженіе не смотря на происходившія между ними размолвки; къ своему
гордому авглійскому тестю, къ которому никогда не чувствовалъ симпатіи,
король сталъ относиться еще недружелюбно, когда убѣдился, что онъ не
обнаруживаетъ готовности привести въ исполненіе вышеупомянутый проектъ
двойнаго бракосочетанія. Кромѣ того Фридрихъ Вильгельмъ не видѣлъ ясной
пользы отъ своего союза съ Англіей и Франціей. Поэтому его не трудно
окт. 1726. было склонить къ заключенію Вустергаузенскаго договора, по которому
онъ соглашался признать установленный въ Австріи порядокъ престоло-
наслѣдованія, а въ вознагражденіе за это получилъ ничего не стоящее и
впослѣдствіи явно нарушенное обѣщаніе предоставить ему владѣніе герцог-
ствомъ Бергскимъ послѣ пресѣченія пфальцъ-нейбургской линіи; приобрь-
теніе этого герцогства Фридрихъ Вильгельмъ ставилъ выше всѣхъ другихъ
политическихъ цѣлей. Отдѣленіе короля отъ союза западныхъ державъ было
результатомъ ловкости Секендорфа. Но тогдашнее положеніе дѣлъ, угрожав-
шее войной, скоро сдѣлалось менѣе натянутымъ; поэтому союзъ съ Пруссіей
утратилъ для Австріи свою прежнюю цѣну; тѣмъ не менѣе австрійское пра-
вительство старалось поддерживать дружественныя сношенія съ Фридри-
хомъ Вильгельмомъ, отговаривало его отъ сближенія съ западными держа-
вами и въ особенности старалось сорить его съ Англіей. Эти старанія
3 дек. 1728. увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Заключеннымъ въ Берлинѣ договоромъ
были подтверждены условія Вустергаузенскаго соглашенія: Пруссія поручи-
лась за безопасность императорскихъ наслѣдственныхъ владѣній и за непа-
рушимость прагматической санкціи и обѣщалась, при слѣдующихъ выборахъ
императора, подать свой голосъ за будущаго супруга австрійской наслѣдной
принцессы; за это Фридриху Вильгельму было снова обѣщано герцогство
Бергское. Однако, какъ мы увидимъ далѣе, это обѣщаніе никогда не было
искреннимъ и никогда не было исполнено. Король Пруссій слишкомъ

поздно убѣдился въ томъ, что онъ былъ игрушкой австрійскихъ интрига-
новъ. По мѣрѣ того, какъ Пруссія все болѣе и болѣе уклонялась отъ поли-
тическаго сближенія съ Англіей, и личныя отношенія между двумя монар-
хами становились все болѣе недружелюбными. Брачные проекты, о кото-
рыхъ мы упоминали ранѣе, оставались безъ осуществленія въ теченіе нѣ-
сколькихъ лѣтъ; во всей Европѣ ихъ считали государственнымъ дѣломъ
первостепенной важности, но они постоянно наталкивались на какія-нибудь
препятствія; англійское правительство старалось извлечь изъ тѣхъ проек-
товъ политическія выгоды, а прусскій король опасался, что они поставятъ
его въ зависимость отъ болѣе могущественной Англіи и дадутъ его политикѣ
такое направленіе, которое будетъ несовмѣстно съ его привязанностью
къ императору. Кромѣ того, король оскорбляло высокомеріе его тестя,
считавшаго свое согласіе на два брака за изъясненіе особой милости; его
постоянно раздражала разными навітами преданная Австріи, придворная
партія. Наконецъ англійское правительство отправило въ Берлинъ кавале-
ра Готама для заключенія формальнаго брачнаго договора, но вмѣстѣ
съ тѣмъ поручило ему предъявить противъ министра Грумбкова обвиненіе
въ государственной измѣнѣ, потребовать его увольненія и прекращенія
интригъ въ пользу императора; король былъ глубоко оскорбленъ этимъ
вмѣшательствомъ въ дѣла прусскаго управленія и попыткой предписывать
ему законы въ его собственныхъ владѣніяхъ. По этимъ причинамъ взаим-
ныя отношенія между членами королевскаго семейства становились все
болѣе недружелюбными и все болѣе усиливался разладъ между отцомъ и
сыномъ. Переговоры съ Лондономъ были наконецъ совершенно прерваны
вслѣдствіе несчастія, случившагося въ прусскомъ королевскомъ семействѣ.

Апрѣль 1730.

Первоначальнымъ воспитаніемъ наслѣднаго принца Фридриха руко- Юность и вос-
водила спасаясь бѣгствомъ отъ преслѣдованій, гугенотка г-жа Рокуль питаніе наслѣд-
(Rocoulles); она внушила ребенку любовь къ французскому языку, наго принца
которую онъ сохранялъ въ теченіе всей своей жизни. Затѣмъ былъ Фридрихъ, род.
назначенъ къ наслѣдному принцу въ качествѣ обергофмейстера гене- 24 янв. 1712.
ралъ графъ Финкенштейнъ; этотъ привыкшій къ строгой военной
дисциплинѣ служака руководствовался полученными отъ короля ин-
струкціями, внушая своему воспитаннику страхъ Божій, нравственные
чувства и жажду славы, приучая его къ правильному пониманію про-
тестантскаго ученія и въ особенности къ бережливости и къ порядку,
но изъ научныхъ предметовъ преподавалъ ему только правила син-
таксиса французскаго и нѣмецкаго, ариѣметику, политическую эконо-
мію, исторію и географію; настоящимъ воспитателемъ наслѣд-
наго принца былъ французскій эмигрантъ Дютанъ де-Жанденъ
(Duhan de Jandun); къ этому хорошо образованному и просвѣ-
щенному человѣку Фридрихъ относился съ большимъ уваженіемъ въ
теченіе всей своей жизни, потому что онъ внушилъ ребенку стре-
мленіе къ болѣе высокимъ умственнымъ сферамъ, чѣмъ тѣ, къ какимъ
привыкли въ суровой атмосферѣ берлинской придворной жизни. Ко-
роль требовалъ, чтобъ его сыну прежде всего внушали искреннюю
любь къ солдатскому званію и чтобъ въ его воспитаніи избѣгали
всего, что приучаетъ къ изнѣженности. Занятія принца были распе-
дѣлены по часамъ съ пунктуальною точностью; наряду съ строгой

дисциплиной и мало привлекательными предметами преподавания, занимали слишком большое место благочестивыя упражненія и уроки закона Божія. Богато-одаренный отъ природы принцъ скоро почувствовалъ отвращеніе и къ тому образу жизни, къ которому его приучали, и къ тѣмъ предметамъ, которые ему преподавали. Продолжавшіяся по цѣлымъ часамъ проповѣди и объясненія катихизиса были для него такъ-же непривлекательны, какъ бездушный механизмъ солдатской службы, какъ несносная регулярность, расчетливость и нравственная строгость, которыми хотѣли сдерживать бившій ключемъ потокъ его жизненныхъ силъ. Его вольный умъ не могъ оставаться прикованнымъ къ узкому кругозору его отца; строгая дисциплина и педантическій методъ воспитанія вызывали съ его стороны только сопротивленіе и насмѣшки. Отецъ скоро замѣтилъ, что принцъ склоненъ къ невѣрію и къ атеизму, къ расточительности и къ безпорядочной жизни, и что онъ никогда не будетъ хорошимъ солдатомъ: дѣйствительно, сынъ занимался изящными искусствами, живописью, игрой на флейтѣ, французской литературой и другими бесполезными предметами, любилъ общество остроумныхъ и веселыхъ людей, дѣлалъ долги и даже въ своихъ отношеніяхъ къ женскому полу не всегда придерживался строгихъ нравственныхъ правилъ родителя. Король скоро свыкъся съ мыслию, что отъ наследника престола нельзя ожидать ничего другого, кромѣ позора и для семейства и для государства. Холодность въ отношеніяхъ между отцемъ и сыномъ усиливалась съ каждымъ годомъ; чѣмъ строже были мѣры, съ помощью которыхъ отецъ пытался обуздать некротившіяся ему въ сынѣ наклонности, тѣмъ энергичнѣе протестовалъ этотъ послѣдній противъ внѣшняго гнѣта. Дѣло дошло до того, что встрѣчаясь съ сыномъ король не могъ воздерживаться отъ бранныхъ словъ и даже нерѣдко осыпалъ его побоями. Точно такъ-же обходился король съ своей старшей дочерью Фридерикой Вильгельминой, которая по складу своего ума имѣла большое сходство съ братомъ и въ послѣдствіи отплатила за вынесенныя угнетенія въ высшей степени непочтительными къ отцу мемуарами.

Фридрихъ пы- Суровая рука деспотическаго короля накладывала невыносимый
тается спастись гнѣтъ на юношеское развитіе принца. Онъ чувствовалъ себя несчаст-
отъ отца бѣг- нымъ; жизнь казалась ему невыносимой. «Я доведенъ до самаго
ствомъ. отчаяннаго положенія», говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ матери; «король совершенно позабылъ, что я его сынъ; онъ обращается со мной какъ съ человѣкомъ самаго низкаго званія. Когда я вошелъ сегодня утромъ въ его комнату, онъ бросился на меня и билъ меня палкой, пока самъ не выбился изъ силъ. Чувство личнаго достоинства не позволяетъ мнѣ долѣе выносить такое обхожденіе; я доведенъ до крайности и потому рѣшился такъ или иначе положить этому конецъ.» Съ тѣхъ поръ онъ постоянно помышлялъ

о бѣгствѣ въ Англію или во Францію. Съ своимъ пріятелемъ, даровитымъ и умнымъ лейтенантомъ Катте, и съ лейтенантомъ Кэйттомъ онъ обсуждалъ свой прое́къ со всѣхъ сторонъ. Во время поѣздки, предпринятой отцемъ и сыномъ для посѣщенія нѣкоторыхъ южно-нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей, Фридриху, по видимому, представился удобный случай для осуществленія его замысла. Въ селеніи Штейнфуртѣ, неподалеку отъ Мангейма, наследный принцъ попытался спастись бѣгствомъ; но эта попытка не удалась по причинѣ бдительности окружающихъ, до которыхъ уже дошли слухи о намѣреніяхъ наследнаго принца; по прибытіи въ Мангеймъ, братъ лейтенанта Кэйта, пажъ, взявшійся приготовить для принца лошадей, бросился къ ногамъ короля и во всемъ сознался. Король пришелъ въ ярость; онъ приказалъ держать наследнаго принца подъ строгимъ надзоромъ и отправилъ его сначала въ Везель, а потомъ въ Берлинъ; онъ рѣшился примѣнить къ сыну со всей строгостью статью военнаго устава о дезертирахъ. То было исполнѣе согласно съ солдатскимъ нравомъ короля, что даже на семейное несчастье онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія военной дисциплины. Такъ какъ король былъ неукротимъ въ своемъ гнѣвномъ раздраженіи, то можно было ожидать самыхъ крайнихъ мѣръ; всемъ приходила на умъ участь сыновей Филиппа II и сына Петра Великаго. Всѣ, знавшіе о замыслѣ принца или оказывавшіе ему какое либо содѣйствіе, были частію сосланы, частію посажены подъ арестъ, частію исключены изъ арміи или уволены отъ службы. Наследный принцъ былъ лишенъ офицерскаго званія и отправленъ, въ качествѣ государственнаго преступника, въ Кюстринъ, гдѣ содержался подъ строгимъ арестомъ. Военному суду было предоставлено постановленіе приговора и надъ наследнымъ принцемъ и надъ лейтенантомъ Катте; старшій Кэйтъ успѣлъ спастись бѣгствомъ. Но члены военного суда отказались отъ постановленія приговора надъ принцемъ на томъ основаніи, что имъ, въ качествѣ подданныхъ, неприлично вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся королевскаго семейства. Смертный приговоръ не былъ постановленъ, хотя многіе и утверждали противное; да и самъ король не желалъ такого рѣшенія. Ходатайство императора и другихъ царствующихъ особъ, просьбы друзей и возстановившееся послѣ первой вспышки душевное спокойствіе мало по малу расположили короля къ болѣе кроткимъ мѣрамъ. Но кто-нибудь долженъ-же былъ заплатить жизнью за преступное предпріятіе. Катте былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ пожизненному заключенію въ крѣпости, но король нашелъ этотъ приговоръ недостаточно строгимъ и приказалъ казнить Катте смертію передъ окнами наследнаго принца въ 6 ноября 1730. Кюстринѣ. Фридрихъ, тщетно старавшійся взять на себя всю вину и спасти своего друга, былъ глубоко потрясенъ этой казнью; его прежняя энергія и упорство уступили мѣсто смиренію и упадку ду-

хомъ. Его отецъ также смягчился, а когда Фридрихъ поклялся, что впредь будетъ исполнять приказанія короля, какъ преданный ему служитель, подданный и сынъ, то строгость ареста была ослаблена. Однако принцу пришлось просидѣть въ кюстринской крѣпости цѣлый годъ и, по приказанію отца, работать въ военной палатѣ и въ палатѣ государственныхъ имуществъ; благодаря этимъ занятіямъ онъ приобрѣлъ свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ управленія, впоследствии очень ему пригодившіяся. Онъ вполне примирился съ отцемъ, получилъ полное помилованіе и былъ снова принятъ на службу въ армію только послѣ того, какъ были окончательно отложены въ сторону брачные проекты, отъ которыхъ королева не отказывалась до самой смерти: принцесса Вильгельмина вышла замужъ за наследнаго принца Байрейтскаго; вскорѣ послѣ того наследный принцъ женился на Елизаветѣ Христинѣ Брауншвейгъ-Бевеерской; эта разумная и добросердечная принцесса никогда не была въ состояніи удовлетворять умственные влеченія молодого принца; ея участь была печальна, потому что она была постоянной жертвой политическихъ расчетовъ и семейныхъ несправностей. Намѣреніе женить наследнаго принца на Маріи Терезіи было мимолетнымъ; оно не могло быть серьезнымъ уже по причинѣ несходства религіозныхъ вѣрованій.

Жизнь въ Рейнсбергѣ. Умственные занятія. Послѣ своей женитьбы наследный принцъ купилъ землю подлѣ городка Рейнсберга, неподалеку отъ Нейруппина, построилъ замокъ на берегу озера, окруженнаго лѣсомъ, и въ первый разъ въ своей жизни могъ, вдали отъ суроваго отца, безпрепятственно удовлетворять свои влеченія къ наукамъ и искусствамъ, заниматься литературными работами и пріятно проводить время въ кружкѣ умныхъ друзей. Тамъ онъ сталъ изучать писателей всѣхъ временъ; тамъ вокругъ него собирались умные, образованные люди — Йорданъ Кейзерлингъ, Шазо, Ламоттъ-Фука, знаменитый авторъ мемуаровъ Пельницъ и многіе другіе; тамъ исполнялись на сценѣ комедіи и устроивались концерты; тамъ принцъ занимался и поэзіей и изученіемъ философіи, исторіи и военныхъ наукъ. Онъ читалъ произведенія древнихъ писателей во французскихъ переводахъ и черпалъ изъ нихъ благородное желаніе подражать подвигамъ греческихъ и римскихъ героев; онъ восхищался французскими литературными произведеніями и велъ переписку съ самыми знаменитыми учеными. Онъ высоко цѣнилъ труды Вольтера, писалъ ему самыя лестныя письма и считалъ за самое большое счастье личное знакомство съ такимъ гениальнымъ человѣкомъ. Этотъ знаменитый Французъ, сношенія съ которымъ Фридрихъ постоянно скрывалъ отъ своего отца, посѣтилъ Берлинъ послѣ вступленія на престолъ новаго короля, а впоследствии даже поселился тамъ на довольно долгое время; но Фридрихъ измѣнилъ свое прежнее высокое о немъ мнѣніе, когда ближе познакомился съ нимъ, когда узналъ, что онъ былъ самолюбивъ и тщеславенъ, что его сердце было полно зависти и злобы, что онъ былъ до крайности корыстолюбивъ. Склонный къ насмѣшливости Вольтеръ, не умѣвший воздерживаться отъ оскорбительныхъ колкостей, былъ не на своемъ мѣстѣ въ интимномъ кружкѣ такого короля, каковымъ былъ Фридрихъ. Тамъ были болѣе на своемъ мѣстѣ такіе менѣе выдающіеся люди, какъ Ла-Меттри, изгнанный изъ Франціи за свое вольнодумство, доходившее до матеріализма.

какъ философъ д'Арженсъ, какъ итальянецъ Альгаротти, которые послѣ восшествія Фридриха на престолъ собирались вокругъ него въ увеселительномъ замкѣ, построенномъ подлѣ Потсдама. Французскій математикъ Мопертюпъ былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ, которая тогда снова возвысилась изъ своего угнетеннаго положенія. Болѣе свободное развитіе получили и газеты, которыя при Фридрихѣ Вильгельмѣ ограничивались очень скромнымъ содержаніемъ; по почину самого Фридриха стали выходить въ Берлинѣ, тотчасъ послѣ его вступленія на престолъ, двѣ новыя газеты и въ томъ числѣ *Spener'sche Zeitung*, сообщавшая свѣдѣнія о государственныхъ дѣлахъ и объ ученыхъ вопросахъ, и по временамъ печатавшая статьи самого короля. Впрочемъ, намъ еще придется говорить въ другомъ мѣстѣ о плодотворной литературной дѣятельности Фридриха.

И въ преклонныхъ лѣтахъ Фридрихъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о спокойной умственной жизни, которую велъ въ отдаленномъ отъ свѣтскаго шума Рейнсбергѣ; тамъ у него иногда зараждалось намѣреніе навсегда отказаться отъ государственныхъ дѣлъ и посвятить всю свою жизнь музыкѣ. Въ чтеніи книгъ онъ искалъ отдыха и отъ шума лагерной жизни и отъ заботъ государственнаго управленія. Въ основѣ этихъ занятій лежало не влеченіе дилеттанта къ легкому развлеченію, а серьезное стремленіе къ приобретенію научныхъ познаній. Съ особеннымъ интересомъ онъ слѣдилъ за новымъ настроеніемъ умовъ, сказывавшемся въ сочиненіяхъ религіознаго и философскаго содержанія; онъ внимательно выискивалъ въ высшія проблемы человѣческаго мышленія, изучалъ философію Лейбница и Вольфа и старался внушить своему великому французскому другу сочувствіе къ этимъ философскимъ изслѣдованіямъ. При этомъ его христіанскіе вѣрованія, конечно, все болѣе и болѣе уступали мѣсто просвѣтительнымъ идеямъ; но его отрицательное направленіе возникло не изъ пошлаго легкомыслія, а изъ самаго серьезнаго влеченія къ знанію, изъ желанія уяснить высшіе вопросы касательно духовной жизни. Поэтому онъ тотчасъ послѣ вступленія на престолъ сталъ примѣнять на практикѣ свои вольнодумныя религіозныя воззрѣнія. Онъ пригласилъ философа Вольфа возвратиться изъ Марбурга въ Галле и при этомъ замѣтилъ: „Человѣкъ, который стремится къ истинѣ и любитъ ее, долженъ высоко цѣнить въ всякомъ человѣческомъ обществѣ.“ По поводу вопроса о дальнѣйшемъ существованіи римско-католическихъ школъ для солдатскихъ дѣтей онъ произнесъ знаменитыя слова: „Всѣ религіи должны быть терпимы; въ моихъ владѣніяхъ каждый можетъ спасать свою душу по-своему.“ Таковъ, конечно, былъ традиціонный духъ прусской политикѣ, но ни при какомъ другомъ правителѣ не проводилось такъ-же сознательно и такъ-же послѣдовательно основное правило, что пользованіе гражданскими правами не должно зависѣть отъ принадлежности къ какому-либо установленному вѣроисповѣданію, что никакая религія не можетъ предъявлять притязанія на исключительное покровительство государства.

Отношенія между отцемъ и сыномъ сдѣлались съ теченіемъ времени дружественными и даже до нѣкоторой степени сердечными: Фридрихъ II передъ смертію (31 мая 1740) король благодарилъ Бога, пославшаго ему такого достойнаго сына, а Фридрихъ стоялъ у смертнаго одра своего отца съ искренней любовью и признательностью; даже въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ онъ всегда отзывался объ отцѣ съ глубокимъ уваженіемъ и ясно сознавалъ, что прусское государство было многимъ обязано этому твердому въ своихъ принципахъ

Религіозныя воззрѣнія Фридриха.

Вступленіе Фридриха II на престолъ. 1740

королю. Полная государственная казна и хорошо организованная армия уже достаточно говорили въ пользу этой «спартанской» системы государственного управления, въ особенности цѣнной въ такое время, когда политическіе вопросы разрѣшались силой оружія. Отъ просвѣщенныхъ воззрѣній новаго короля можно было ожидать счастливой поры для Пруссіи. Онъ рѣшился придерживаться отцовской системы управления; однако уже вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ обнаружилъ болѣе гуманныя чувства, смягчивши варварскую жестокость уголовныхъ наказаній и воспретивши пытку, которая въ то время повсюду считалась необходимой при разбирательствѣ уголовныхъ дѣлъ. Всего болѣе онъ цѣнилъ труды своего отца по организаціи арміи, хотя и въ этой сферѣ ввелъ нѣкоторыя перемѣны, уничтоживши то, что, по его мнѣнію, было заведено только для забавы; такъ напр. онъ распустилъ лейбъ-гвардейскій полкъ. Ему пришлось прославиться прежде всего не въ качествѣ государственнаго правителя, а въ качествѣ полководца; но съ его дѣятельностью мы ближе познакомимся въ другомъ мѣстѣ.

2. Имперія и нѣмецкія княжества.

а. общія замѣчанія.

Въ 1740 году, со вступленіемъ на престолъ Маріи Терезіи и Фридриха II, исторія нѣмецкой націи вступила въ новый періодъ: прежняя конфедерація нѣмецкихъ государствъ стала получать подъ гегемоніей Австріи и Пруссіи все болѣе и болѣе рѣзкій отпечатокъ дуализма; порядки, установленные, или, вѣрнѣе, упроченные Вестфальскимъ мирнымъ договоромъ, совершенно утратили свою жизненную силу. Только тѣ нѣмецкія государства могли сохранять свою самостоятельность, которыя умѣли сохранять или прибрѣтати вліяніе на европейскія дѣла. Въдѣ иностранцы были хозяевами въ нѣмецкой землѣ: центральныя европейскія страны были тѣмъ поприщемъ, на которомъ сталкивались самыя выдающіеся политическіе дѣятели. Поэтому было вполне естественно, что тѣ нѣмецкія провинціи, которыя не входили въ составъ владѣній прусскихъ Бранденбурговъ или австрійскихъ Габсбурговъ, сохраняли свою независимость только благодаря покровительству которой-нибудь изъ сильныхъ иностранныхъ державъ. Такъ напримѣръ исторія провинцій, находившихся подъ скипетромъ Виттельсбаховъ, тѣсно связана съ исторіей Франціи; владѣнія саксонскихъ курфирстовъ жили одинакою политическою жизнію съ польскою республикой; брауншвейгско-ган-

новерское курфиршество было связано съ англійскимъ государствомъ черезъ посредство своего царствующаго дома, а Шлезвигъ-Гольштейнъ былъ связанъ съ Даніей. Исторія Германіи въ эту эпоху представляетъ процессъ разложенія средневѣковаго имперскаго организма. Нѣмецкій народъ былъ по прежнему трудолюбивъ и вѣренъ своему долгу, былъ преданъ своимъ правителямъ и храбро себя велъ на поляхъ сраженій, но многіе изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, старавшихся подражать роскоши и расточительности версальскаго монарха, оказывали вредное вліяніе на общественную нравственность. Ихъ дворцы и увеселительныя замки размножались съ каждымъ годомъ. Курфирсты саксонскіе, владѣтельные князья Гессенскіе и Виртембергскіе и архіепископы, владычествовавшіе на берегахъ Рейна и Майна, превосходили всѣхъ другихъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей своей расточительностью: они содержали арміи не столько для военной службы, сколько для забавы; на ихъ счетъ жили толпы лакеевъ, придворныхъ служителей, конюховъ, камердинеровъ и разной сволочи; въ ихъ столицахъ толпились массы чиновниковъ и писмоводителей, кормившихся на счетъ страны; любовницы и фавориты, актрисы и пѣвцы прибрѣтали вліяніе при дворѣ и обогащались посредствомъ продажи должностей и своего покровительства. Но граждане и поселяне впадали въ нищету подъ гнетомъ налоговъ и разныхъ повинностей; безсовѣстные чиновники, адвокаты и судьи доводили ихъ до отчаянія, но жаловаться было некому. Французское остроуміе и французское легкомысліе всему давали тонъ: и въ модахъ, и въ литературѣ, и въ образовательныхъ искусствахъ служилъ образцомъ версальскій дворъ. Кромѣ того, въ католическихъ провинціяхъ нерѣдко обнаруживалось горячее рвеніе къ обращенію иновѣрцевъ въ католичество, — обнаруживалась такая-же религіозная нетерпимость, какъ и во времена реформации. Однако по этимъ сферамъ нельзя составить себѣ вѣрнаго общаго понятія о тогдашнемъ народѣ и его правителяхъ. Французскіе нравы имѣли лишь поверхностное вліяніе на этотъ народъ; въ особенности въ протестантскихъ странахъ еще было много просвѣщенныхъ и энергичныхъ людей, съ увѣренностью разсчитывавшихъ на лучшую будущность для ихъ отечества.

б. пфальцъ. баденъ. гессенъ.

Какъ радовался курфирстъ Пфальцскій Іоаннъ Вильгельмъ (стр. 434) тому, что не только званіе Рейнскаго курфирста, но и званіе курфирста Саксонскаго досталось католикамъ и что благодаря его настояніямъ была включена въ Ризвикскій мирный договоръ такая статья, которая доставляла іезуитамъ возможность подвергать пфальцскихъ протестантовъ религіознымъ преслѣ-

1. Пфальцъ.
Іоаннъ Вильгельмъ.
1690—1716.

дованіямъ! Онъ всѣми силами противился принятію протестанта герцога Ганноверскаго въ коллегію курфирстовъ. Онъ не тревожился тѣмъ, что Франція расширила свои границы внутрь пфальцскихъ владѣній и завела на этихъ границахъ таможи для сбора пошлинъ съ пфальцскихъ продуктовъ; вѣдь съ помощью версальскаго „несравненнаго монарха“ онъ могъ отводить исключительно для римско-католическаго культа церкви въ пфальцскихъ и цвейбрюкенскихъ селеніяхъ, могъ принуждать протестантскія общины къ уступкѣ ихъ церквей въ пользованіе немногочисленныхъ католическихъ переселенцевъ, могъ основывать монастыри и монашескіе ордена для обращенія протестантовъ въ католичество! Въ Гейдельбергской церкви Св. Духа хоръ былъ отдѣленъ перегородкой отъ внутренности зданія и предоставленъ католикамъ. Іоаннъ Вильгельмъ придерживался этой системы въ теченіе всего своего царствованія, и іезуиты могли похвастаться тѣмъ, что для католическаго культа было открыто 240 церквей, но ни одна изъ католическихъ церквей не была открыта для культа протестантскаго. Съ церковной собственностью и съ доходами духовенства Іоаннъ Вильгельмъ поступалъ точно такъ-же, какъ и съ церквями. Съ помощью войскъ и полиціи онъ заставлялъ протестантовъ соблюдать католическіе праздники и преклонять колѣна передъ католическими процессіями. Историкъ Пфальца охарактеризовалъ этотъ періодъ названіемъ періода „церковнаго терроризма“. Только во время войны за испанское наслѣдство, — когда составившіе противъ Франціи коалицію, протестантскія государства вступились за своихъ угнетенныхъ единовѣрцевъ, а Пруссія стала угрожать такими-же угнетеніями католикамъ, — „религіозная декларация“ 1705 года положила конецъ описаннымъ выше насиліямъ и обезпечила свободу совѣсти. Но о возвратѣ отнятыхъ церквей и церковныхъ имуществъ не было рѣчи. А такъ какъ Іоаннъ Вильгельмъ согласился на уступки только подъ гнѣтомъ необходимости, то и впоследствии онъ прибѣгалъ къ насиліямъ для отстаиванія католическихъ интересовъ. Ему были на руку раздоры между лютеранами и кальвинистами, которые относились одинъ къ другому съ такою-же религіозною нетерпимостью, съ какою относились къ католикамъ. Въ награду за то, что во время войны за испанское наслѣдство, Іоаннъ Вильгельмъ держалъ сторону Габсбурговъ, онъ получилъ верхній Пфальцъ, отнятый у его родственника Макса Эмануила; но онъ не долго пользовался этимъ приобретеніемъ: мирные трактаты Раштатскій и Баденскій возвратили бывшему союзнику Людовику XIV всѣ его прежнія владѣнія. За то Іоаннъ Вильгельмъ могъ радоваться подтвержденію „знаменитой статьи“ Ресвикскаго мирнаго трактата! — Іоаннъ Вильгельмъ съ большимъ успѣхомъ старался присоединить къ Пфальцу нѣкоторыя спорныя территории и города посредствомъ соглашеній съ своимъ братомъ, епископомъ Вормскимъ и съ маркграфомъ Баденскимъ; этимъ способомъ онъ приобрѣлъ Ладенбургъ, Крейцнахъ и нѣкоторые изъ сосѣднихъ округовъ. Но подъ названіе „прекраснаго Пфальца“ уже не подходили живописныя мѣстности на берегахъ Некара и Рейна. Нейбургскій владѣтельный домъ не чувствовалъ себя какъ дома среди кальвинистовъ; ему пріятнѣе жило въ Дюссельдорфѣ, гдѣ іезуитская система управленія не встрѣчала оппозиціи, а пышныя придворныя празднества, доставлявшія Іоанну Вильгельму такое-же удовольствіе, какъ французскому монарху, не омрачались непріятными воспоминаніями. Между тѣмъ какъ гейдельбергскій замокъ все болѣе пустѣлъ, Дюссельдорфъ возвышался до одного уровня съ блестящими княжескими резиденціями: его украшали увеселительными замками, великолѣпными зданіями, картинными галлереями. Многія изъ картинъ знаменитыхъ голландскихъ художниковъ, служація въ настоящее время украшеніемъ для мюнхенской галлерей, когда-то служили украшеніемъ для дюс-

1708.

сальдорфской резиденціи курфирста. Такимъ образомъ, Іоаннъ Вильгельмъ могъ гордиться такою же роскошью, кака я господствовала при дворахъ версальскомъ, дрезденскомъ, брауншвейгскомъ и кассельскомъ; лѣстивыя похвалы, которыми его осыпали іезуиты, царедворцы и художники, скрывали отъ его глазъ жалкое положеніе его пфальцскихъ владѣній. За то, что онъ въ графствѣ Юлихскомъ обнаруживалъ щедрость, свойственную могущественнымъ монархамъ, а Дюссельдорфъ украшалъ великолѣпными зданіями, въ честь его ставили, послѣ его смерти, бронзовыя статуи, а при жизни ему льстили обѣщаніями безсмертія; но послѣ войнъ 1689 и 1693 годовъ онъ могъ бы заняться въ Рейнскомъ Пфальцѣ болѣе плодотворной дѣятельностью, чѣмъ постройка увеселительныхъ замковъ и заведеніе картинныхъ галлерей.

Когда Іоаннъ Вильгельмъ кончилъ жизнь, не оставивши дѣтей, не смотря на то, что былъ женатъ два раза, ему наслѣдовалъ его братъ Карлъ Филиппъ, которому было тогда пятьдесятъ пять лѣтъ. Этотъ принцъ сначала предназначалъ себя для духовнаго званія, потомъ отказался отъ этой карьеры и достигъ на австрійской службѣ званія фельдмаршала и должности тирольскаго наместника. Первыя распоряженія новаго правителя внушили жителямъ Пфальца надежду, что для нихъ настанутъ лучшія времена; тяжесть налоговъ была облегчена, придворный штатъ и лейбъ-гвардія были уменьшены въ своемъ составѣ. Но эта надежда скоро оказалась обманчивой! Елизавета Шарлотта писала одной изъ своихъ пріятельницъ: „Духовенство зануниваетъ адскими мученіями тѣхъ пожилыхъ людей, которые не хорошо себя вели въ своей молодости“. Эти слова можно было примѣнить къ Карлу Филиппу. Онъ пошелъ по стопамъ своего брата, возложилъ свое довѣріе на духовенство и на монаховъ и окружилъ себя пѣлою толпою придворныхъ и должностныхъ лицъ, исполнявшихъ всѣ его приказанія и желанія съ рабскою покорностью. Онъ запретилъ употреблять гейдельбергскій катихизисъ, отдалъ гейдельбергскую церковь Св. Духа католикамъ, а женатымъ на католичкахъ протестантамъ предоставилъ на выборъ или воспитаніе ихъ дѣтей въ католической вѣрѣ или переселеніе въ другія владѣнія. Жалобы пфальцскихъ протестантовъ на притѣсненія и обиды безпрестанно поступали на разсмотрѣніе регенсбургскаго сейма, въ которомъ представители протестантовъ (Corpus Evangelicorum) были безсильны, потому что располагавшіе большинствомъ голосовъ католики были поддержаны императоромъ и папой. Въ 1720 году протестантскія правительства англійское, нидерландское и прусское вступились за угнетенныхъ гейдельбергскихъ кальвинистовъ и принудили курфирста Карла Филиппа отплатить церковь Св. Духа у католиковъ, дозволить употребленіе гейдельбергскаго катихизиса и возвратить часть отобранныхъ у кальвинистовъ церковныхъ имуществъ; за это разгнѣванный курфирстъ отомстилъ тѣмъ, что перенесъ въ Мангеймъ свою резиденцію и центръ управленія; онъ объявилъ, что покинутый имъ городъ долженъ обратиться въ деревню. Онъ находилъ, что императоръ Карлъ VI не оказывалъ ему достаточно сильной поддержки въ его религіозной борьбѣ; поэтому онъ сталъ склоняться на сторону Франціи. Когда между Габсбургами и Бурбонами вспыхнула новая война по поводу выборовъ новаго польскаго короля, Виттельсбахи мюнхенскій, мангеймскій и кельнскій заключили между собою союзъ съ цѣлю соблюдать нейтралитетъ; этимъ они много содѣйствовали усиленнымъ военнымъ дѣйствіямъ Французовъ на Рейнѣ, но на пфальцскія владѣнія навлекли новыя бѣдствія. Въ то время, какъ императоръ и имперія находились въ войнѣ съ Франціей, генералы и придворные сановники Людовика XV находили при мангеймскомъ дворѣ блестящій пріемъ и гостепріимство. По словамъ Шлоссера, Карлъ Филиппъ находилъ удовле-

Карлъ
Филиппъ
1716—

творение для своего честолюбия въ пышности и въ празднествахъ, въ преслѣдованіи протестантовъ, въ организованной на широкую ногу охотѣ за дикими звѣрями, въ преданности дворянства, которое онъ угощалъ и всѣчески развлекалъ, между тѣмъ какъ поселене гибла у него на глазахъ. И во время войны за австрійское наслѣдство Пфальцъ держалъ сторону баварскаго претендента и его покровителей. Во время этой войны Карлъ 1742. Филиппъ кончилъ жизнь на восемьдесятъ первомъ году отъ рожденія. По словамъ Гейссера, онъ былъ похожъ на большинство правителей своего времени, — былъ легкомысленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неговорчивъ, любилъ наслажденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ набоженъ, не любилъ серьезно заниматься дѣлами управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень гордился своимъ наслѣдственнымъ званіемъ главы государства. Онъ обладалъ вѣнскими достоинствами свѣтскаго чловека, былъ въ молодости красивъ и до старости сохранялъ величественную осанку; а когда онъ на официальныхъ аудіенціяхъ обходился съ своими подданными съ чрезвычайной любезностью и радушіемъ, никто не могъ-бы повѣрить, что онъ сдѣлалъ для своего отечества такъ мало пользы и такъ много вреда.

Теодоръ. Со смертію Карла Филиппа пресѣлся Нейбургскій княжескій домъ; его наслѣдство перешло къ молодому члену Зульцбахской побочной линіи Карлу Теодору, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ воспитывался въ Мангеймѣ и незадолго до смерти престарѣлаго курфирста женился на его внучкѣ Елизаветѣ. Подобно Нейбургамъ и Зульцбахамъ когда-то были связаны къ лютеранскому вѣроисповѣданію; но дѣдъ Карла Теодора перешелъ въ католицизмъ, а іезуиты, которымъ Карлъ Филиппъ поручилъ воспитаніе своего будущаго наслѣдника, приняли всѣ необходимыя мѣры для того, чтобъ наслѣдникъ во всемъ подчинялся ихъ указаніямъ. Карлъ Теодоръ вступилъ въ управленіе Рейнскимъ Пфальцемъ въ 1743 году, когда ему было только восемнадцать лѣтъ; онъ умеръ въ Мюнхенѣ въ концѣ столѣтія. Въ его управленіе обнаружились въ общественной и въ государственной жизни такіе-же недуги, какіе предшествовали революціи во Франціи: курфирстъ содержалъ многочисленный придворный штатъ и тратилъ много денегъ на охотничьи забавы; при немъ высшія сословія были освобождены отъ уплаты налоговъ, должности духовныхъ и свѣтскія продавались, доходныя мѣста при дворѣ и въ администраціи и профессорскія должности составляли наслѣдственную собственность нѣсколькихъ семействъ. Подобно тому, какъ во Франціи были штабъ-офицеры, еще не вышедшіе изъ пеленокъ, или аббаты, еще находившіеся въ колыбели, и въ Пфальцѣ нѣкоторыя судебныя должности передавались по наслѣдству; такъ напримѣръ въ гофгерихтѣ было въ теченіе долгаго времени много недостигшихъ совершеннолѣтія членовъ, а должности гейдельбергскихъ профессоровъ нерѣдко доставались юношамъ, еще не успѣвшимъ окончить своего школьнаго образованія. Этими привилегіями всего чаще пользовались для религіозныхъ цѣлей; въ управленіе Карла Теодора и его министра маркиза д'Иттера іезуиты ревностнѣе чѣмъ когда-либо занимались обращеніемъ протестантовъ въ католицизмъ; но они дѣйствовали болѣе осторожно и болѣе осмотрительно, чѣмъ при прежнихъ правителяхъ: всякое стѣсненіе свободы совѣсти было-бы противно духу того времени, поэтому приходилось прибѣгать къ помощи разныхъ соблазновъ: на судейскія и на административныя должности назначались только католики; точно такъ-же, какъ во времена Людовика XIV, была заведена особая касса для подкупа людей бѣдныхъ и легкомысленныхъ; служебныя отпущія, придворныя и военныя должности служили для честолюбцевъ наградой за обращеніе въ католицизмъ. Частыя переселенія мѣстныхъ жителей въ другія страны были вызваны главнымъ образомъ религіозными угнетеніями. Однако, не смотря на эти

злоупотребленія, слѣдующее поколѣніе считало царствованіе Карла Теодора цвѣтущимъ временемъ для Пфальца. Его статуя до сихъ поръ красуется на мосту, который былъ имъ построенъ на Неккарѣ, а гейдельбергское гражданство построило въ честь его городскія ворота въ формѣ триумфальной арки; въ гейдельбергскомъ дворцовомъ погребѣ до сихъ поръ показываютъ иностранцамъ большую бочку, какъ доказательство тогдашняго богатства. Причина, по которой такъ превозносили Карла Теодора, заключается не въ однихъ только сожалѣніяхъ о прошломъ, которыя свойственны всякому народу, утратившему свою государственную самостоятельность: управленіе Карла Теодора имѣло и нѣкоторыя хорошія стороны по меньшей мѣрѣ до той поры, когда онъ переселился въ Мюнхенъ и вполнѣ подчинился вліянію женщинъ, фаворитовъ и католическаго духовенства. Онъ раздѣлялъ любовь французской аристократіи къ искусствамъ, къ научной образованности, ко всему, что украшаетъ и разнообразитъ всеневную жизнь. Земледѣліе и вообще сельское хозяйство всегда пользовалось его покровительствомъ; въ Франкенталѣ стали процвѣтать вновь заведенныя фабрики; судоходная и сухопутная торговля находила благоприятныя условія для своего развитія. Хотя гейдельбергскій университетъ и не могъ удовлетворять только что зарождавшимся новымъ умственнымъ стремленіямъ, потому что находился подъ вліяніемъ іезуитовъ, занимавшихъ большую часть профессорскихъ должностей, но находившіеся въ перепискѣ съ Вольтеромъ, Карлъ Теодоръ старался втянуть Пфальцъ въ сферу современной культуры, основывая ученныя заведенія по французскимъ образцамъ; при немъ были основаны: пфальцская академія, такъ много содѣйствовавшая изученію мѣстной старины, физико-экономическое общество, которое впоследствии стало наряду съ гейдельбергскимъ университетомъ въ качествѣ высшей политико-экономической школы, и мангеймское „дѣмецкое общество“, принимавшее дѣятельное участіе въ развитіи національной литературы; обсерваторія, придворная бібліотека, музей, картинныя галлерей, театръ для оперъ и для драмъ пользовались въ его царствованіе большой извѣстностью. Превосходные гипсовыя слѣпки, хранившіеся въ музеѣ, впервые дали Гѣте и Шиллеру понятіе о древнемъ идеалѣ художественности. Въ слѣдующемъ томѣ мы увидимъ, кака я существовала въ восемидесятыхъ годахъ тѣсная связь между родившимся въ Швабін великимъ драматическимъ писателемъ и мангеймской театральной сценой. Всѣ перечисленныя нами учрежденія народъ ставилъ въ заслугу своему курфирсту, а все, что случилось при этомъ курфирстѣ дурного, приписывалъ его совѣтникамъ и должностнымъ лицамъ. Связи молодого, склоннаго къ чувственнымъ наслажденіямъ, курфирста съ любовницами и съ актрисами были въ то время обыкновеннымъ явленіемъ; впрочемъ для Карла Теодора могло служить оправданіемъ то обстоятельство, что его супруга, послѣ тяжкихъ родовъ, отказалась отъ супружескаго сожитія. Его любимый сынъ, принцъ Бреценгеймскій, родился отъ актрисы Зейффертъ, которой былъ данъ титулъ графини Гайдекъ.

Территоріи, которыя тянутся извилистыми полосами къ югу отъ Пфальца до верхняго Рейна и до первыхъ высотъ Шварцвальда, и которыя принадлежали маркиграфамъ Баденъ-Баденскому и Баденъ-Дурлахскому, также входили въ сферу политическаго и религіознаго вліянія двухъ великихъ державъ — Франціи и Австріи. Эти двѣ линіи Церингернскаго дома держались различныхъ путей при разрѣшеніи самыхъ важныхъ жизненныхъ вопросовъ: маркиграфъ Баденъ-Баденскій Филиппъ II перешелъ, подъ вліяніемъ своихъ баварскихъ родственниковъ, въ католичество; напротивъ того, потомки члена Пфортгеймъ-Дурлахской линіи Карла II по старому придержива-

2. Баденъ.

Филиппъ II
Баденъ-Баден-
скій.
1575—1588.

Карль II
адень-Дур-
лахскій.
153—1577.
Иаковъ III
гохбергскій
† 1590.
Георгъ Фри-
дрихъ Баденъ-
дурлахскій.
† 1638.
Фридрихъ V
адень-Дур-
лахскій.
† 1659.
Вильгельмъ
адень-Баденъ-
скій. † 1677.

лись лютеранскаго ученія. Второй сынъ Карла II, Иаковъ, склонившись на увѣщанія перекрещенца Іоанна Писторія и своихъ родственниковъ изъ дома Виттельсбаховъ, попытался ввести въ своемъ Гохбергскомъ маркграфствѣ католическую религію, но ранняя смерть (1590) помѣшала исполненію его замысла. Младшій сынъ Карла II, маркграфъ Георгъ Фридрихъ, не только получилъ по наслѣдству все владѣнія своего отца, Пфортгеймъ-Дурлахъ и Гохбергъ, но также приобрѣлъ отъ своего легкомысленнаго и расточительнаго родственника Эдуарда большую часть Баденъ-Баденскихъ владѣній; онъ принималъ дѣятельное участіе въ началѣ тридцатилѣтней войны въ качествѣ защитника протестантскихъ интересовъ. Чтобы всецѣло заняться военнымъ дѣломъ, онъ передалъ управленіе своему сыну Фридриху V. Но верхняя часть маркграфства Баденъ-Баденскаго, не долго паходившаяся во власти Георга Фридриха, была по приказанію императора отдана сыну вышеупомянутаго Эдуарда, ревностному католику Вильгельму. Жизнь Эдуарда и Вильгельма была наполнена разнообразными приключеніями. Эдуардъ служилъ въ испанской арміи и въ теченіе многихъ лѣтъ сражался съ голландскими кальвинистами; тамъ онъ вступилъ въ неравный бракъ; поэтому послѣ его смерти, его сынъ Эдуардъ былъ лишенъ права наслѣдовать отцу и только послѣ битвы при Вимпфенѣ получилъ отъ Фердинанда II отповское наслѣдство. Изъ признательности за оказанную ему помощь онъ сталъ покровительствовать іезуитамъ, основавшимъ въ Баденѣ и въ Эттингенѣ свои коллеіи, и основалъ нѣсколько монастырей. Вестфальскій мирный договоръ возвратилъ обѣимъ линіямъ маркграфскаго дома ихъ прежнія владѣнія. Когда пресѣклась боковая линія Родемахерновъ, ея владѣнія въ Люксембургскомъ герцогствѣ перешли къ Вильгельму. Онъ достигъ восьмидесяти-четыре-лѣтняго возраста; ему наслѣдовалъ его внукъ, уже хорошо намъ извѣстный имперскій фельдмаршалъ Людовикъ Вильгельмъ, который былъ вѣрнымъ приверженцемъ императорскаго дома и католической церкви. И Фридрихъ VI Баденъ-Дурлахскій, умершій въ одномъ году съ Вильгельмомъ, служилъ въ имперской арміи во время венгерскихъ войнъ. Напротивъ того, его сынъ и преемникъ Фридрихъ Магнусъ предпочиталъ военному ремеслу мирныя занятія изящными искусствами и этимъ рѣзко отличался отъ своего двоюроднаго брата Людовика. Но обѣ сосѣднія страны сильно страдали отъ своего злобнаго сосѣда; такъ какъ онъ находился въ союзѣ съ императоромъ и съ имперіей, то на нихъ обрушивались первыя бѣдствія войнъ. Со смертію двухъ сыновей Людовика Вильгельма, Людовика Георга и Августа Георга, пресѣклась Баденъ-Баденская линія; тогда, на основаніи заключеннаго въ 1765 году договора, страна перешла во владѣніе родственной Баденъ-Дурлахской линіи, но такъ, что установленныя Вестфальскимъ миромъ религіозныя условія оставались въ силѣ. Съ тѣхъ поръ началась новая эра для Бадена. Хотя сынъ и преемникъ Фридриха Мангуса, Карль Вильгельмъ, старался залечить раны, нанесенныя странѣ войнами между Франціей и имперіей, основалъ новую столицу—Карлсруэ (1718), ввелъ улучшенія въ судопроизводство и въ администрацію, но только его внукъ и преемникъ Карль Фридрихъ, соединившій подъ своимъ скипетромъ все владѣнія Церингеръ-Баденскихъ маркграфовъ, могъ обнаружить такую дѣятельность, которая привнесла благотворные плоды во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Намъ еще не разъ придется заводить рѣчь объ этомъ выдающемся правителѣ, который получилъ прекрасное образованіе подъ опекунскимъ управленіемъ своей умной матери, урожденной принцессы Орлеанской, а свои природныя дарованія развилъ учеными занятіями и путешествіями. Онъ былъ горячимъ поборникомъ всѣхъ реформъ своего времени: въ свое продолжительное царствованіе

Фридрихъ VI
Баденъ-Дур-
лахскій.
† 1677.
Фридрихъ-Маг-
нусъ Баденъ-
дурлахскій.
† 1709.
Людовикъ
Баденъ-Баденъ-
скій. † 1707.
Людовикъ
Георгъ. † 1761.
Августъ
Георгъ. † 1771.
Карль Виль-
гельмъ. † 1738.
Карль
Фридрихъ
съ 1738.

онъ неутомимо заботился о развитіи земледѣлія, промышленности, торговли и старался преобразовать судопроизводство, администрацію и народное образованіе въ духѣ своего времени.

Владѣнія ландграфа Филиппа Великодушнаго раздѣлились между его сыновьями: его старшій сынъ Вильгельмъ IV, сдѣлался родоначальникомъ Кассельской линіи; его четвертый сынъ Георгъ получилъ въ наслѣдство верхнее графство Каценельнбогенское и выбралъ для своей резиденціи Дармштадтъ; остальные двое сыновей сдѣлались родоначальниками линій Марбургской и Рейнфельской въ нижнемъ графствѣ Каценельнбогенскомъ; но эти двѣ линіи скоро пресѣклись, а ихъ владѣнія перешли, послѣ разнѣхъ споровъ и соглашеній, къ вышеупомянутымъ двумъ старшимъ линіямъ. Но изъ Дармштадтскихъ владѣній выдѣлилась въ семнадцатомъ столѣтіи Гомбургская боковая линія, а изъ Кассельскихъ владѣній—боковыя линіи Ротенбургская и Филиппстальская.—Во время тридцатилѣтней войны члены Гессенскаго дома придерживались не одинакой политики: сынъ Вильгельма IV Морицъ „Ученый“, принадлежавшій къ числу ревностныхъ приверженцевъ кальвинистскаго ученія, ввелъ это ученіе и въ доставшейся ему части Марбургскаго графства, а сынъ Георга, Людовикъ V, перешелъ на сторону императора. Онъ основалъ въ 1607 году въ Гиссенѣ университетъ для того, чтобы открыть изгнаннымъ изъ Марбурга лютеранскимъ профессорамъ новую сферу для ихъ ученой дѣятельности. Намъ уже извѣстно изъ содержанія одиннадцатаго тома этого сочиненія, что сынъ и преемникъ Морица Вильгельмъ V и его вдова Амалия Елизавета выказали, во время малолѣтства ихъ сына Вильгельма VI, непоколебимую привязанность къ своимъ протестантскимъ единовѣрцамъ и къ ихъ шведскимъ союзникамъ. Но намъ также извѣстно, что по Вестфальскому мирному договору, Гессенъ-Кассельскіе владѣтели получили обратно Марбургъ, отнятый у нихъ во время тридцатилѣтней войны въ пользу враждовавшей съ ними Дармштадтской линіи. Черезъ два года послѣ заключенія мира Амалия Елизавета передала бразды правленія своему сыну Вильгельму VI „Справедливому“, который возстановилъ Марбургскій университетъ, закрытый въ 1623 году Дармштадтскими владѣтелями, и отличался семейными добродѣтелями, но не выдающимися дарованіями.—И Георгъ II Дармштадтскій, державшій, по примѣру своего отца, сторону императора, увеличилъ, при заключеніи Пражскаго мира, свои владѣнія, присоединивши къ нимъ нижнее графство Каценельнбогенское. Братъ Георга, Фридрихъ, сдѣлалъ блестящую карьеру: онъ былъ великимъ кріоромъ Мальтійскаго ордена, кардиналомъ и архіепископомъ Бреславльскимъ. При Вильгельмѣ VII состоялось съ Линне-Шаумбургомъ соглашение, на основаніи котораго Рингельскій университетъ былъ предоставленъ въ его исключительное завѣдываніе. Послѣ ландграфа Вильгельма, умершаго во время поѣздки въ Парижъ, управленіе перешло къ его брату Карлу; это былъ предприимчивый, образованный и либеральный правитель, принимавшій дѣятельное участіе въ войнахъ того времени и, не смотря на свою страсть къ охотѣ, не пренебрегавшій дѣлами управленія. Въ противоположность съ политикой своихъ предшественниковъ, онъ сталъ на сторону австрійскаго царствующаго дома, участвовалъ въ его войнахъ съ Турками и съ Французами, а послѣ отѣны Нантскаго эдикта доставлялъ гугенотамъ убѣжище въ своихъ владѣніяхъ. Воспитанный въ Женевѣ, ландграфъ Карль придерживался ученія Кальвина и принципа вѣротерпимости.—Точно такъ-же поступалъ его современникъ Фридрихъ II Гессенъ-Гомбургскій, отличившійся на войнѣ подъ начальствомъ Карла X и при Ферберлинѣ и населившій бѣжавшими изъ Франціи реформатами Фридрихсдорфъ и Дорнгольцгаузенъ.—Въ войнахъ съ Франціей держали сторону императора и ландграфы Гессенъ-Дармштадтскіе, въ особенности Людо-

3. Гессенъ
Вильгельмъ
Кассельскій
† 1592.
Георгъ
Дармштадтскій
† 1596

Морицъ
Кассельскій
† 1632.
Людовикъ
Дармштадтскій
† 1626.
Вильгельмъ
Кассельскій
† 1637.

Вильгельмъ
Кассельскій
† 1663.
Георгъ II
Дармштадтскій
† 1661.

Вильгельмъ V
Кассельскій
† 1670.
Карль
Кассельскій
† 1730.

Фридрихъ I
Гессенъ-Гом-
бургскій.
1679—1706

доинъ VI и вѣкъ VI и его сынъ Эрнстъ Людовикъ. Второй сынъ Людовика VI, Георгъ состоялъ на императорской службѣ въ званіи фельдмаршала. Вѣ Гессенъ-Касселѣ наследовалъ Карлу его старшій сынъ Фридрихъ, женившійся на шведской королевѣ Ульриксъ Элеонорѣ. Въ то время, какъ Фридрихъ находился въ Стокгольмѣ, ландграфствомъ управлялъ его братъ Вильгельмъ, который послѣ смерти Фридриха сталъ управлять отъ своего собственнаго имени. Оба брата держали сторону Пруссіи въ войнахъ между Маріей Терезіей и Фридрихомъ II. Той-же политики придерживался его сынъ и преемникъ Фридрихъ II; онъ покровительствовалъ ученымъ и художникамъ и ввелъ въ системѣ управленія нѣкоторыя реформы въ духѣ того времени; но онъ занялся свое царствованіе тѣмъ, что велъ торговлю солдатами въ небывалыхъ размѣрахъ. Такъ напримѣръ въ 1776 году онъ за англійскія субсидіи отправилъ въ Америку 12.000 Гессенцевъ. Но богатства, которыя онъ накопилъ, не принесли пользы ни странѣ ни династіи. О его сынѣ Вильгельмѣ IX, вступившемъ въ званіе курфюрста незадолго до распаденія нѣмецкой имперіи, мы будемъ говорить впоследствии.—Дармштадтская линія, придерживавшаяся традицій своего царствующаго дома, брала сторону имперіи въ войнахъ между Австріей и Пруссіей. Войска Людовика VIII участвовали въ неудачной битвѣ при Росбахѣ, а его владѣнія сильно пострадали во время войны. Его сынъ и преемникъ Людовикъ IX старался поправить финансы, разстроенныя войнами и расточительностью его отца. Онъ поставилъ во главѣ управленія барона Карла фонъ-Мозера и предоставилъ ему широкія полномочія. Но этотъ министръ встрѣтилъ такое сопротивленіе противъ задуманныхъ имъ радикальныхъ реформъ, что лишь немногіе изъ его проектовъ были приведены въ исполненіе, и даже онъ самъ былъ подвергнутъ уголовному преслѣдованію за употребленіе во зло предоставленной ему власти. Объ остроумной супругѣ ландграфа Каролины и его сынѣ и наследникѣ Людовикѣ X мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Члены побочной Гессенъ-Гомбургской линіи занимали высшія военныя должности во время войнъ восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій, состоя частію на австрійской службѣ, частію на прусской.

с. ВЮРТЕМБЕРГЪ И БАВАРІЯ.

Герцогство Вюртембергское вынесло не мало пользы изъ тѣхъ бурь, которыя потрясли его государственное и церковное устройство въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ. Со времени заключенія Тюбингенскаго договора (X, 97) земскіе чины и ихъ представители — постоянные земскіе комитеты пользовались правомъ обсуждать вмѣстѣ съ правительствомъ проекты новыхъ законовъ, разрѣшать введеніе налоговъ и заботиться о мѣстныхъ нуждахъ. Герцогъ Христофъ, бывшій въ дружбѣ съ Максимилианомъ II и горячо отстаивавшій реформаторское ученіе Іоанна Бренда и Іакова Андреа, организовалъ евангелическія школы, издалъ новый сводъ законовъ и много заботился о политической и религіозной свободѣ своего народа. Состоявшій при Тюбингенскомъ университетѣ теологическій институтъ всегда былъ разсадникомъ даровитыхъ людей. Единственный изъ сыновей герцога Христофа, пережившій своего отца и наследовавшій ему, Людовикъ съ раннихъ лѣтъ сбился съ пути вслѣдствіе того, что получилъ

дурное воспитаніе. Усердіе, съ которымъ онъ изучалъ Библію и теологическія сочиненія, и за которое ему дали прозвище „Благочестиваго“, не помѣшало ему предаваться пьянству, которое преждевременно истощило его умственные и физическія силы. Хотя онъ и старался итти по стопамъ своего отца, основывая въ Тюбингенѣ училище для дворянскихъ дѣтей и строя подлѣ Штутгарда большой увеселительный замокъ, но ему не доставало и твердости характера и осмотрительности. До какой степени онъ подчинялся вліянію своихъ фаворитовъ и совѣтниковъ, узналъ на собственномъ опытѣ латинскій поэтъ и филологъ Николемъ Фришлинъ. Этотъ остроумный, но сварливый человѣкъ возстановилъ противъ себя тюбингенскихъ профессоровъ, въ особенности ученаго Крузіуса; кромѣ того онъ смертельно оскорбилъ дворянство, тѣмъ что въ своей сатирѣ „Похвала сельской жизни“, бичевалъ землевладѣльцевъ за ихъ жестокость и грубость. Его могущественные враги возбудили противъ него судебное преслѣдованіе и онъ былъ посаженъ подъ арестъ въ Гогенурахѣ. Онъ попытался спастись отсюда бѣгствомъ, но убится до смерти, упавши съ каменной стѣны (1590). Высшія церковныя и государственныя должности раздавались представителямъ аристократической и ученой олигархіи, въ которой первое мѣсто принадлежало семейству Озіандера, потомка того теолога, который игралъ выдающуюся роль во времена реформации. Во всей исторіи богословской литературы нельзя указать другого семейства, въ которомъ высшія церковныя должности оставались-бы наследственными такъ-же долго, какъ въ семействѣ Озіандера. Подобно зятю Іакова Андреа, Лукѣ Озіандеру, его сыновья и потомки пользовались прѣднѣсколькими поколѣніяхъ самымъ большимъ вліяніемъ въ сферѣ церковной и научной, и были ревностными поборниками евангелическаго ученія.

Герцогъ Людовикъ кончилъ жизнь 8 августа 1593 не оставивши дѣтей; ему наследовалъ его ближайшій родственникъ Фридрихъ I Мемпельгардскій; это былъ человѣкъ совершенно другого закала, чѣмъ его предшественникъ: онъ былъ энергиченъ, предприимчивъ и деспотиченъ. Герцогъ Людовикъ вынудилъ отъ него обѣщаніе, что всѣ духовныя и свѣтскія должностныя лица будутъ оставлены на своихъ мѣстахъ и что прежняя система управленія не подвергнется никакимъ измѣненіямъ; но Фридрихъ нисколько не стѣснялся этимъ обѣщаніемъ. Преніе вліятельные совѣтники были удалены; даже Лука Озіандеръ былъ уволенъ отъ своей высокой церковной должности, потому что не хотѣлъ пускать евреевъ въ герцогство и потому что надѣлалъ своему государю благочестивыми увѣщаніями. Подтвержденіе Тюбингенскаго договора откладывалось съ одного года на другой, а по Пражскому договору Австрія отказалась отъ своихъ сюзеренныхъ правъ на герцогство за большое денежное вознагражденіе: вѣдь герцогъ не выносилъ ничьей надъ собою власти. Комитетъ сейма неохотно одобрялъ распоряженія герцога, которому нужно было много денегъ на уплату долговъ, на покупку помѣстьевъ, на содержаніе двора, гвардіи и алхимиковъ. Тюбингенскій профессоръ римскаго права Матвѣй Энцлинъ, возведенный Фридрихомъ въ званіе канцлера, служилъ послушнымъ орудіемъ для тенденцій герцога къ абсолютизму. Когда герцогъ наконецъ рѣшился созвать сеймъ, чтобы добыть при его содѣйствіи деньги, необходимыя на военныя приготовленія, и онъ самъ и Энцлинъ дѣйствовали точно такъ-же, какъ впоследствии дѣйствовали въ Англіи Карлъ I и его министръ Страффордъ. Послѣ пятнадцатилѣтняго царствованія Фридрихъ I внезапно скончался отъ апоплексическаго удара; своимъ безпокойнымъ влеченіемъ къ нововведеніямъ, своими попытками реформъ, своими самовольными, нарушавшими законы, распоряженіями онъ напоминаетъ абсолютизмъ кардинала Ришелье и Стюартовъ. Такъ какъ онъ былъ ревностнымъ послѣдо-

Фридрихъ,
1593—16

вателемъ евангелическаго ученія, то онъ отерылъ для изгнанныхъ изъ Австріи протестантовъ убѣжище въ швабскомъ Шварцвальдѣ; отсюда возникъ городъ Фрейденштадтъ.

юаннъ
Фридрихъ.
— 1628.

Революція, начатая Фридрихомъ, исчезла подобно блудящему огоньку со вступленіемъ на престолъ его сына Іоанна Фридриха. Отецъ старался подготовить наследнаго принца къ его высокому призванію посредствомъ тщательнаго образованія и путешествій. Іоаннъ Фридрихъ былъ хорошо знакомъ съ содержаніемъ теологическихъ сочиненій и былъ не менѣе отца привязанъ къ лютеранскому ученію, но онъ былъ человѣкъ ограниченнаго ума и флегматическаго темперамента, поэтому вовсе не раздѣлялъ склонности своего отца къ нововведеніямъ. Ему нужно было нѣсколько лѣтъ на то, чтобъ рѣшиться на вступленіе въ бракъ съ Софіей Варварой Бранденбургской, а когда вспыхнула война между унией и лигой онъ назначалъ дни для покаянія и для молитвы по поводу такихъ событій, которыя заставляли-бы его отца выступить въ походъ во главѣ его арміи. Старые совѣтники и должностныя лица, которыхъ удалилъ Фридрихъ, снова приобрѣли вліяніе и образовали партію мщенія противъ прежнихъ сановниковъ. Энцилинъ былъ преданъ суду за злоупотребленія по должности и былъ приговоренъ къ пожизненному тюремному заключенію, а потомъ, вслѣдствіе новыхъ происковъ со стороны своихъ родственниковъ, былъ приговоренъ къ смертной казни и обезглавленъ на публичной площади въ Урахѣ. Однако новый режимъ не привнесъ странѣ ни славы ни пользы. Хотя и были восстановлены условія Тюбингенскаго договора и привилегіи земскихъ чиновъ, а сеймъ созывался чаще прежняго, но финансы пришли въ крайнее разстройство, потому что громадныя суммы тратились на содержаніе двора, на многочисленныхъ братьевъ и сестеръ герцога, такъ что въ теченіе четырехъ лѣтъ странѣ пришлось уплатить болѣе милліона новыхъ долговъ. Не смотря на то, что Іоаннъ Фридрихъ относился безучастно къ борьбѣ между лютеранами и кальвинистами, императорскія войска вступили въ вюртембергскія владѣнія и содержались на счетъ страны, а іезуиты попытались обратить мѣстные монастыри въ католическія церкви. Всѣ эти заботы и огорченія наконецъ такъ разстроили герцога, что онъ занемогъ и умеръ (18 іюля 1628).

Но всѣ эти невзгоды были лишь прелюдией новыхъ несчастій. Лишь только братъ умершаго герцога Людвигъ Фридрихъ принялъ на себя опекунскую власть надъ его четырнадцати-лѣтнимъ сыномъ Эбергардомъ III, было издано императорское приказаніе, чтобъ были возвращены католической церкви всѣ церковныя владѣнія, даже тѣ, которыя были секуляризованы еще до заключенія Аугсбургскаго мира. Солдаты Валленштейна наблюдали за исполненіемъ этихъ насильственныхъ мѣръ: монахи, монахини и католики вступили въ обладаніе старыми монастырями и церковными имѣніями и стали подчиняться только волѣ императора. Герцогъ-регентъ былъ крайне огорченъ бѣдственнымъ положеніемъ страны: онъ удалился въ Мемпельгардъ, гдѣ вскорѣ послѣ того скончался (26 янв. 1631). Его мѣсто занялъ его братъ Юлій Фридрихъ. Скоро вступили въ Вюртембергъ Шведы, положившіе конецъ католическимъ захватамъ; но содержаніе шведской арміи было новымъ тяжелымъ бременемъ для страны. А когда молодой герцогъ Эбергардъ, незадолго передъ тѣмъ вступившій въ управленіе страной, спасся бѣгствомъ послѣ битвы при Нёрдлингенѣ и укрылся у своей матери въ Страсбургѣ, то Вюртембергъ былъ наводненъ императорскими войсками и сдѣлался жертвою безжалостныхъ угнетеній. Въ теченіе слишкомъ семи лѣтъ Вюртембергъ выносилъ неописуемыя страданія: изъ цвѣтущей, густо населенной страны онъ превратился въ пустыню. Счастливъ былъ тотъ, кто могъ спастись бѣгствомъ въ Швейцарію! Между тѣмъ

ергардъ III.
88—1674.

герцогъ женился во время войны на прекрасной графинѣ Сальмъ и, живя съ ней въ Страсбургѣ, не заботился о томъ, чѣмъ дѣлалось въ его отечествѣ. Возвращеніе герцогства въ его владѣніе было одной изъ самыхъ трудныхъ дипломатическихъ задачъ при веденіи переговоровъ, предпоставившихъ заключенію Вестфальскаго мира: католическое духовенство не хотѣло возвратитъ монастыри, которыми владѣло болѣе десяти лѣтъ; лучшіе замки и большія помѣстья были розданы императоромъ въ подарокъ католическимъ принцамъ, дворянамъ, генераламъ и министрамъ; кромѣ того Австрія и Баварія присоединили нѣкоторые земельные участки къ своимъ владѣніямъ. Но Эбергарду были возвращены владѣнія и права его предковъ благодаря патріотизму вюртембергскаго уполномоченнаго Варябюлера, который вмѣстѣ съ вице-канцлеромъ Лёффлеромъ держалъ сторону Оксенширны и искусно отстаивалъ интересы своего отечества и своего государя. Занятые иноземцами замки и территоріи были очищены новыми владѣльцами, а монастыри были снова отданы въ распоряженіе государства. Тогда началась для Вюртемберга эпоха переустройства его государственныхъ, церковныхъ и финансовыхъ учреждений; при этой обширной работѣ Эбергардъ обнаружилъ такую прозорливость, какой нельзя было ожидать отъ его прежняго образа дѣйствій. Государственное хозяйство и податная система были мало по малу приведены въ сносное состояніе при содѣйствіи сейма; хотя герцогъ и содержалъ небольшую постоянную армію, а отъ комитета сейма требовалъ денегъ на крѣпостныя сооруженія, но его миролюбивый характеръ служилъ порукой въ томъ, что впредъ военныя расходы будутъ дѣлаться только для защиты независимости Вюртемберга. Въ войнахъ между Габсбургами и Бурбонами и Эбергардъ и его сынъ и преемникъ Вильгельмъ Людовикъ старались держаться нейтралитета; однако они этимъ не предохранили Вюртембергъ отъ бѣдствій войны. Только въ иностранной службѣ обнаруживали нѣкоторые изъ многочисленныхъ членовъ княжескаго дома старинное швабское мужество и воинственный характеръ.

Послѣ трехъ-лѣтняго управленія Вильгельмъ Людовикъ внезапно скончался въ Гиршау отъ апоплексическаго удара; послѣ него остался сынъ Эбергардъ Людовикъ, которому еще не было одного года. То было большимъ несчастіемъ для герцогства, что оно поступило подъ опекунское управленіе дяди и матери наследнаго принца въ такую пору, когда Людовикъ XIV искалъ въ европейскихъ войнахъ удовлетворенія для своего честолюбія. Ни герцогъ-регентъ, ни регентша Магдалина Сибилла Гессенъ-Дармштадтская не были въ состояніи отстаивать безопасность и честь страны въ тяжелыя времена турецкихъ и французскихъ нашествій. Во время вторженія Французовъ въ Пфальцъ (стр. 433) опустошенія распространились и на Швабію; Георгъ Мемпельгардскій былъ принужденъ спастись бѣгствомъ въ Базель, а герцогство было занято войсками Людовика. Регентъ былъ готовъ принять болѣе энергическое участіе въ военныхъ дѣлахъ, но сеймъ отказался отъ расходовъ на организацію арміи. Когда Фридрихъ Карлъ былъ взятъ Французами въ плѣнъ подлѣ Ёттингейма, неподалеку отъ Маульбронна, послѣдній принцъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ; тогда былъ положенъ конецъ опекунскому управленію. Новое правительство держалось прежней политики вплоть до заключенія Ресвикскаго мира, такъ что герцогство еще въ теченіе многихъ лѣтъ страдало отъ постоя и отъ прохода иностранныхъ армій. Семнадцати-лѣтній Эбергардъ Людовикъ подчинился вліянію своего министра Кульниса, — даровитаго но не безупречно честнаго государственнаго человѣка. Знаменитая статья Ресвикскаго мирнаго трактата, подписанная этимъ министромъ изъ тщеславія или въ состояніи опьяненія, причинила Вюртембергу не мало вреда. — Молодому герцогу не пришлось пассивное положеніе, не приносящее странѣ ни чести ни пользы: когда

Вильгельмъ
Людовикъ.
1674—1677.

Эбергардъ
Людовикъ,
1677—1733.

17 сент. 1692.

вспыхнула война за испанское наследство, он примкнул к союзникам, завел к великой досадѣ сейма постоянную армию и достиг звания имперскаго фельдмаршала. Какъ намъ уже извѣстно, Швабіи не разъ была главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій; но она не получила никакого вознагражденія за свои жертвы: ни по Раштаттскому мирному договору ни по Баденскому герцогство не получило никакого изъясненія признательности отъ австрійскаго царствующаго дома. Даже послѣ заключенія мира оно не могло наслаждаться благодѣяніями хорошаго, бережливаго и благонаправнаго управленія, потому что Эбергардъ Людовикъ все болѣе и болѣе приучался къ тому безправственному и легкомысленному образу жизни, для котораго служилъ поощреніемъ примѣръ Версали. Онъ завелъ блестящій придворный штатъ, устраивалъ охоты и празднества, содержалъ гвардію, принималъ въ свою службу иностранныхъ дворянъ, а евангелическое духовенство, надѣждавшееся ему своими правоученіями, лишилось всякаго вліянія на дѣла управленія; кромѣ того онъ сталъ содержать любовницъ. Сестра одного мекленбургскаго дворянина, получившаго въ Штутгартѣ званіе камеръ-юнкера, Христіана Вильгельмина фонъ-Гревеницъ сумѣла такъ привязать къ себѣ склоннаго къ чувственнымъ наслажденіямъ герцога, что онъ совершенно подчинился ея вліянію. Герцогиня, которую онъ когда-то привезъ изъ Дурлаха съ большимъ торжествомъ, была имъ покинута и жила въ Штутгартѣ. И придворный пасторъ, и совѣтники герцога, и все населеніе желали прекращенія этого скандала, но герцогу была всего болѣе привлекательна запрещенная любовь. Даже когда вѣнскій дворъ вмѣшался въ это дѣло, и г-жа Гревеницъ была принуждена удалиться отъ двора, герцогъ перѣхалъ вслѣдъ за нею въ Женеву для того, чтобы тамъ наслаждаться прежнимъ счастіемъ. Когда денежная нужда принудила его возвратиться домой, онъ пріискалъ новое средство жить вблизи отъ своей возлюбленной. Въ Вѣнѣ отыскался обремененный долгами богемскій графъ фонъ-Вюрбенъ, который согласился за деньги и за званіе гофмейстера обвѣнчаться съ г-жою Гревеницъ и вскорѣ послѣ совершенія брачнаго обряда уѣхалъ. За тѣмъ слѣдовали годы позора и униженія. По совѣту своей любовницы, герцогъ учредилъ тайный государственный совѣтъ, въ которомъ она и ея родственники рѣшали всѣ дѣла. Отъ нея можно было все получить за деньги; она раздавала должности не самымъ достойнымъ людямъ, а тѣмъ, кто предлагалъ ей болѣе крупную сумму. Кто не хотѣлъ преклониться передъ нею, тотъ увольнялся отъ должности. Ея властолюбіе и ея корыстолюбіе не знали никакихъ границъ. Герцогъ осыпалъ ее доказательствами своей привязанности и исполнялъ всѣ ея желанія. Когда она выразила желаніе, чтобы ее имя упоминалось въ церковныхъ молитвахъ, то прелатъ Озиандеръ, — какъ тогда рассказывали, — сказалъ ей: „это дѣлается вслѣдъ разъ, когда произносятся слова молитвы „Избави насъ отъ лукаваго“. Чтобы избѣжать всякихъ стѣсненій, Эбергардъ Людовикъ переселился вмѣстѣ съ своей любовницей въ Людвигсбургъ, который сталъ съ тѣхъ поръ считаться второй герцогскою резиденціей. Двадцать лѣтъ продолжалось владычество этой безсовѣстной женщины. Когда герцогу наконецъ открыли глаза и когда ему сдѣлались невыносимыми причуды и капризы его состарѣвшейся и подурившей любовницы, онъ сначала удалилъ ее отъ двора, а потомъ приказалъ ей выѣхать изъ герцогства; но онъ уже не былъ въ состояніи взглянуть все зло, которое она причинила. Вскорѣ послѣ того, какъ г-жа Гревеницъ выѣхала изъ Вюртемберга, увозя съ собою накопленные богатства, Эбергардъ Людовикъ кончилъ жизнь, а не задолго передъ тѣмъ умеръ и его единственный сынъ Фридрихъ Людовикъ. Надежда, что помирившаяся съ своимъ супругомъ герцогиня произведетъ на свѣтъ новаго наследнаго принца, оказалась тщетной.

Послѣ смерти Эбергарда Людовика, его двоюродный братъ Карлъ Александръ поспѣшилъ воротиться въ свое отечество изъ Вѣдграда, гдѣ состоялъ въ должности намѣстника, и взять въ свои руки бразды правленія. Въ то время началась новая война между Австріей и Франціей, и въ Вѣнѣ были очень довольны тѣмъ, что на герцогскій престолъ вступилъ принцъ, съ молодости служившій въ императорской арміи и получившій за свою храбрость званіе генералъ-фельдмаршала. Карлъ Александръ немедленно принялъ участіе въ войнѣ и присоединилъ къ имперской арміи двѣнадцатитысячный отрядъ. Такъ какъ герцогъ любилъ военное ремесло, то онъ и послѣ заключенія мира сталъ содержать такую многочисленную армию, какой не содержалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Но увеличеніе расходовъ на этотъ предметъ было наименьшимъ изъ всѣхъ постигшихъ герцогство золъ: скоро пришлось выносить такое дурное управленіе, которое не уступало прежнему владычеству женщины ни позоромъ, ни несправедливостями, ни угнетеніями. Карлъ Александръ, перешедшій въ Австрію въ католическую вѣру, не исполнилъ своего торжественнаго обѣщанія не принимать никакихъ измѣненій въ учрежденіяхъ и въ религіозныхъ вѣровавіяхъ своего отечества: онъ сталъ оказывать свое покровительство іезуитской партіи, старавшейся измѣнить прежніе церковные законы. Чтобы увеличить свои доходы, онъ сталъ прибѣгать къ такимъ-же средствамъ, къ какимъ прибѣгалъ его предшественникъ, а своимъ довѣріемъ онъ почтилъ такую особу, которая была во всѣхъ отношеніяхъ похожа на г-жу Гревеницъ. Изъ военной службы и изъ пустой лагерной жизни герцогъ вынесъ порочныя привычки и склонность къ расточительности. Для удовлетворенія этихъ привычекъ ему недоставало обыкновенныхъ доходовъ. Тогда пріобрѣлъ большое вліяніе при дворѣ гейдельбергскій еврей Зюссъ Оппенгеймеръ, уже ранѣе во Франкфуртѣ помогшій герцогу выйти изъ денежныхъ затрудненій. Онъ получилъ званіе „тайнаго совѣтника по финансовому вѣдомству“ и сталъ прибѣгать къ разнымъ вымогательствамъ для того, чтобы доставить герцогу деньги на его придворныя празднества, на содержаніе оперы, театра, пѣвицъ, и для того, чтобы накопить большіе капиталы для самого себя. Онъ раздавалъ церковныя и государственныя должности тѣмъ, кто дороже платилъ за нихъ; онъ сталъ чеканить монету низкаго достоинства и продавать монополіи. „Намъ нѣтъ никакого дѣла до вольностей и сословныхъ правъ,“ — говорилъ Зюссъ Оппенгеймеръ, — „герцогъ — нашъ повелитель; ему принадлежитъ все, чѣмъ владѣютъ его подданные.“ Послѣ одного роскошнаго празднества въ Людвигсбургѣ Карлъ Александръ внезапно скончался; тогда страна избавилась и отъ господства еврея и отъ происковъ той партіи, которая замышляла обращеніе мѣстнаго населенія въ католичество. Опекунское управленіе, во главѣ котораго сначала стоялъ даровитый Карлъ Рудольфъ Вюртембергъ-Нейенштадтскій, а потомъ Карлъ Фридрихъ Вюртембергъ-Ельскій, стало руководствоваться иными принципами. J u d S ü s s (еврей Зюссъ), — какъ его называлъ народъ, — былъ преданъ суду, приговоренъ къ смертной казни и повѣшенъ на висѣлицѣ въ желѣзной клѣткѣ.

Годы несовершеннолѣтія молодого герцога Карла Евгенія были благодатнымъ временемъ для страны благодаря патристической дѣятельности разумнаго и опытнаго Вильфингера, а дарованія принца, развившіяся благодаря хорошему образованію, позволяли надѣяться еще большихъ благъ въ будущемъ. Три послѣднихъ года до своего совершеннолѣтія (1744) Карлъ Евгеній прожилъ въ Берлинѣ для того, чтобы научиться при дворѣ Фридриха II искусству государственнаго управленія и военному дѣлу. Семнадцати лѣтъ онъ былъ помолвленъ съ племянницей короля Елизаветой Софіей Бранденбургъ-Байрейтской, а передъ его возвращеніемъ въ Штут-

Карлъ Александръ.
1733 — 1737

12 марта 1737

Карлъ Евгеній
а. Эпоха не-
совершенно-
лѣтія.
1737 — 1744.

гардъ для самостоятельнаго управленія герцогствомъ, король письменно объяснилъ ему его будущія обязанности. „Не думайте“, — писалъ король, — „что Вюртембергъ существуетъ для васъ; напротивъ того не позабывайте, что Провидѣніе предназначило васъ для того, чтобъ вы сдѣлали счастье вашего народа. Поэтому всегда ставьте его благосостояніе выше вашихъ удовольствій.“

а. Самостоя-
тельное упра-
вление.
1744—1793.

1748.

Сначала новый герцогъ оправдывалъ хорошія ожиданія: онъ призналъ обязательную силу прежнихъ государственныхъ договоровъ и религіозныхъ постановленій. Завѣдываніе финансами было поручено осмотрительному Гарденбергу; во главѣ администраціи стояли люди, ревностно заботившіеся о благодѣиіи страны—Бильфингеръ, Цехъ, Георгіи; права земства, при которомъ состоялъ адвокатомъ Іоаннъ Іаковъ Мозеръ, охранялись и уважались; численность арміи была уменьшена; вопросъ о наслѣдственныхъ правахъ на Мемпельгардъ былъ, послѣ долгихъ споровъ съ Франціей, разрѣшенъ посредствомъ заключенія договора. Но скоро все измѣнилось: масса страданій и угнетеній, которымъ подверглось населеніе Вюртемберга, была еще болѣе тяжелой, чѣмъ когда-либо. Поученія и увѣщанія Фридриха не произвели глубокаго вліянія на герцога, склопнаго отъ природы къ чувственнымъ наслажденіямъ и къ деспотизму. Карлъ Евгеній любилъ войну, искалъ наслажденій и желалъ удовлетворить свое честолюбіе; его хорошіе природные задатки заглохли отъ его склонности къ произволу и къ властолюбію и онъ сдѣлался бичемъ своихъ подданныхъ. Всѣ прежнія злоупотребленія—угнетеніе налогами, продажа должностей, искусственные средства для добыванія денегъ—возобновились въ увеличенномъ размѣрѣ и въ тираннической формѣ. Прежніе совѣтники герцога были уволены; ихъ замѣнили люди деспотическіе и недобросовѣстные въ родѣ Фил. Фридр. Ригера и кабинетъ-министра Сам. Фр. Монмартена, которые считали волю герцога за высшій законъ, его благосклонность за высшее благо; они были раболѣпны передъ герцогомъ, а съ своими подчиненными обходились тираннически. Мы будемъ впоследствии говорить въ другомъ мѣстѣ о томъ, какъ опозорилъ себя герцогъ, торгуя своими солдатами, и какими гнусными насиліями сопровождалась эта торговля. Его любовь къ изысканнымъ искусствамъ, побудившая его строить увеселительныя замки въ Людвигсбургѣ, въ Солитюдѣ, въ Гогенгеймѣ, и тратить большія суммы на оперу, на балеты, на концерты и другія увеселенія, была такъ-же вредна для страны, какъ содержаніе его блестящаго двора, какъ его роскошныя пиршества и его сластолюбіе. А какъ оскорбляли общественную нравственность его многочисленные любовницы и толпы итальянскихъ и французскихъ пѣвцовъ, актеровъ и фокусниковъ. Герцогиня покинула своего супруга и вышла изъ герцогства для того, чтобъ не подвергаться позору и оскорбленіямъ. Поэтъ Дан. Шубартъ, рѣзкими штрихами обрисовавшій въ своей одѣ *Die Fürstengruft* то, что дѣлалось при дворѣ, попался за свое прямодушіе десятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ на Аспергѣ, подъ строгимъ надзоромъ бездушнаго коменданта; а адвокатъ Мозеръ, безпристрастно отстаивавшій законность въ одномъ столкновеніи между герцогомъ и земскими чинами, попался за это пятнадцатилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ на Гогенгеймѣ, гдѣ онъ цѣпками излагалъ свои мысли и чувства на стѣнѣ своей комнаты и на пробѣлахъ своей бѣлины. Быть можетъ, только бѣгство спасло Шиллера отъ такой-же участи. Даже фаворитамъ герцога приходилось страдать отъ его причудъ. Хитрый клеветникъ Монмартенъ добился того, что Ригеръ просидѣлъ четыре года въ тюрьмѣ. Противозаконныя налоги взыскивались при помощи солдатъ. Только въ 1770 году обнаружился поворотъ къ лучшему: въ такъ называемомъ *Erbvergleich* герцогъ далъ обѣщаніе отменить взысканіе самыхъ тяжелыхъ налоговъ, а земство за это взялось упла-

тить долги. Но и послѣ того нерѣдко случалось, что произволъ и насилие брали верхъ надъ требованіями закона. Благотворнымъ вліяніемъ пользовалась графиня Франциска Гогенгеймъ, съ которой герцогъ вступилъ въ бракъ послѣ смерти своей супруги. На склонѣ своей жизни, когда уже улеглись страсти, Карлъ Евгеній сталъ усерднѣе прежняго заниматься дѣлами управленія и основалъ нѣкоторые полезныя учрежденія. Его имя сохранилось въ памяти слѣдующихъ поколѣній главнымъ образомъ благодаря тому, что онъ основалъ *Die Höfliche Karlsruhschule* или военную академию сначала въ Солитудѣ, а потомъ въ Штутгартѣ.

Въ теченіе семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій Баварія неоднократно пыталась превратиться въ великую нѣмецкую державу то при помощи Австріи, то при помощи Франціи. Но эти попытки дѣлались преимущественно двумя предпримчивыми и честолюбивыми правителями безъ энергической поддержки со стороны народа. Баварія была слишкомъ слабымъ и ненадежнымъ фундаментомъ для болѣе широкаго государственнаго организма: умственный горизонтъ ея населенія былъ слишкомъ узокъ, а ея патриотизмъ носилъ отпечатокъ партикуляризма и не былъ способенъ задаваться болѣе высокими цѣлями. Максимиліанъ I, возвысившійся изъ званія герцога въ званіе курфюрста и получившій въ награду за свои военныя усилія Верхній Пфальцъ, придерживался именно такого узкаго кругозора въ теченіе своего продолжительнаго царствованія, совпавшаго съ бурнымъ періодомъ тридцатилѣтней войны: онъ поддерживалъ такое настроеніе умовъ, въ которомъ не было мѣста для болѣе высокихъ гуманнхъ цѣлей, для болѣе широкаго умственнаго развитія. Онъ былъ до мозга костей пропитанъ возрѣніями іезуитскаго ордена и какъ въ своей частной жизни, такъ и въ своей системѣ управленія придерживался этихъ возрѣній съ непреклонной энергіей, послѣдовательностью и строгостью. Его сынъ и преемникъ Фердинандъ Марія оставался вѣрнѣе политикѣ и умственному направленію отца, но не раздѣлялъ его вониственныхъ стремленій. Въ великой коалиціонной войнѣ, которая велась во время его царствованія противъ Людовика XIV, онъ не принималъ никакого участія, потому что его супруга Адельгейда Генриетта (дочь герцога Савойскаго Виктора Амедея и одной французской принцессы), принимавшая съ его разрѣшенія дѣйтельное участіе въ государственномъ управленіи, поддерживала въ немъ симпатіи къ Франціи. Во внутренней политикѣ онъ шѣлъ по стопамъ своего отца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ хорошимъ хозяиномъ: онъ уменьшилъ налоги, покровительствовалъ земледѣлію и старался привести въ порядокъ разстроенныя финансы посредствомъ бережливости. Намъ уже извѣстна судьба его сыновей, изъ которыхъ старшій — Максимиліанъ Эмануилъ наслѣдовалъ званіе Баварскаго курфюрста, а младшій — Іосифъ Климентъ получилъ архіепископство Кельнское, къ которому присоединилъ епископства Люттихское и Гильдесгеймское. Въ теченіе двухъ первыхъ десятилѣтій своего царствованія, Максимиліанъ Эмануилъ держалъ сторону Австріи, сражался съ Турками подъ Вѣной и подъ Бѣлградомъ, а въ награду за оказанныя императору услуги получилъ въ супружество дочь Леопольда Марію Антонію. Возведенный испанскимъ Габсбургомъ въ званіе наслѣдственнаго намѣстника Нидерландовъ, онъ принималъ дѣйтельное участіе въ окончившейся Ривингскаго миромъ, второй коалиціонной войнѣ противъ Франціи. Въ войнѣ за испанское наслѣдство онъ сталъ на сторону Франціи, полагая, что въ союзѣ съ этой державой скорѣе, чѣмъ въ союзѣ съ Габсбургами, найдетъ удовлетвореніе для своего честолюбія и для своихъ династическихъ притязаній. Намъ уже извѣстно, какъ дорого поплатилась Баварія за его неудачный походъ въ Тироль и за его пораженіе при Гехштедтѣ. Вышло того, чтобъ получить для себя и для своей династии королевскую корону,

2. Курфюрстство Баварское.

Максимиліанъ I.
† 1651.

Фердинандъ Марія. † 1679.

Максъ Эмануилъ. † 1726.

онъ былъ лишенъ званія имперскаго курфирста, а вмѣсто того, чтобъ расширить свое курфиршество, онъ лишился своихъ наследственныхъ владѣній, которая были взяты подъ австрійское управленіе. Баварскіе города и территории были розданы слугамъ и приверженцамъ императорскаго дома. Сыновья курфирста жили на австрійской территоріи въ качествѣ графовъ Виттельсбаховъ; его супруга удалилась въ Италію; Верхній Пфальцъ былъ отдѣленъ отъ Баваріи. Послѣ заключенія Баденскаго мира курфирсту были возвращены его владѣнія, но онъ уже долженъ былъ проститься съ своими прежними широкими замыслами. Впрочемъ онъ вынесъ изъ несчастій сладкое убѣжденіе, что баварскій народъ былъ неизмѣнно преданъ Виттельсбахамъ, и былъ готовъ дѣлить съ нимъ всѣ невзгоды. За два года передъ своею смертію, Максъ Эмануилъ заключилъ съ курфирстомъ Пфальцскимъ договоръ, по которому, въ случаѣ престѣченія одной линіи Виттельсбаховъ, всѣ ея владѣнія должны перейти къ другой линіи; это, по видимому, было сдѣлано съ цѣлю скрѣпить узы взаимной привязанности между династіей и народомъ.

Карлъ Альбрехтъ, сынъ и преемникъ Макса Эмануила, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Грацѣ въ то время, какъ Баварія была занята Австрійцами; только послѣ того, какъ его отецъ обратно получилъ свои прежнія владѣнія, онъ возвратился въ Мюнхенъ; это былъ восемнадцатилѣтній юноша, получившій неудовлетворительное образованіе и не обладавшій отъ природы большими умственными дарованіями. Неприязненные отношенія между Габсбургами и Виттельсбахами мало по малу прекратились; когда начался въ Венгріи новая война съ Турками, Максъ Эмануилъ отправилъ своего старшаго сына въ придунайскія страны съ баварскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, который принялъ участіе въ завладѣніи Бѣлградомъ. Подобно своему отцу, и Карлъ Альбрехтъ въ награду за свои заслуги получилъ въ супружество габсбургскую принцессу. Онъ женился на второй дочери умершаго императора Іосифа I, Маріи Амалии. При совершеніи брачнаго обряда они подписали прагматическую санкцію. Черезъ четыре года послѣ того Карлъ Альбрехтъ вступилъ въ управленіе Баваріей. Онъ напелъ страну въ жалкомъ положеніи: войны втянули ее въ тяжелые долги; могущественное вліяніе духовенства подавило всѣ стремленія къ умственному развитію; благочестивыя странствованія и пышныя церковныя празднества поддерживали склонность къ суевѣріямъ и къ умственному отупѣнію. Развѣ можно было ожидать поднятія умственнаго уровня народной массы отъ такого правителя, который придерживался традицій и политико-религіозной системы своей династіи, руководствовался мнѣніями іезуитовъ и духовенства, имѣлъ весьма ограниченныя понятія о положеніи европейскихъ государствъ и, согласно съ духомъ того времени, считалъ за доказательство своего величія виѣшній блескъ и роскошь придворныхъ празднествъ? Тѣмъ не менѣе и Карлъ Альбрехтъ увлекся, подобно своему отцу, честолюбивыми замыслами: онъ возобновилъ союзъ съ Франціей, нанесшій при Максѣ Эмануилѣ такіе тяжелыя раны и Баваріи и ея царствующему дому, и предпринялъ войну съ Габсбургскимъ домомъ, для которой онъ не обладалъ необходимыми дарованіями, а страна не могла снабжать его достаточнымъ числомъ войскъ и достаточными денежными средствами. Мы скоро увидимъ, какую жалкую роль пришлось играть баварскому курфирсту въ войнѣ съ Маріей Терезіей по поводу спора объ австрійскомъ престолонаслѣдіи.

Карлъ Альбрехтъ сошелъ въ могилу до окончанія этой войны; его сынъ и преемникъ Максимилианъ Іосифъ отказался отъ высокомерныхъ честолюбивыхъ замысловъ и отъ рискованной политики отца и дѣда. Вступивши, на основаніи Фюссенскаго мирнаго договора въ обладаніе баварскимъ курфиршествомъ, онъ всѣми силами старался залечить нанесенныя войною

раны, поднять уровень народнаго благосостоянія, прекратить многочисленныя злоупотребленія, пробудить стремленіе къ умственному развитію и улучшить законодательство. При немъ земледѣліе сдѣлало значительные успѣхи, промышленность развивалась благодаря заведенію новыхъ фабрикъ, въ горномъ дѣлѣ были введены усовершенствованія. При немъ былъ изданъ новый сводъ законовъ, составленный канцлеромъ Крейтмайеромъ; въ управленіи правосудія были введены улучшенія; противъ нищихъ и бродягъ, число которыхъ страшно разрослось, были изданы строгіе законы; въ школахъ была введена лучшая организація. Но Максъ Іосифъ не былъ въ состояніи устранить всѣхъ золъ, которые были послѣдствіями прежняго дурнаго управленія. Онъ старался поднять Ингольштадтскій университетъ изъ того упадка, до котораго онъ былъ доведенъ прежними баварскими правителями; но іезуиты по прежнему занимали всѣ академическія должности и руководили образованіемъ знатнаго юношества. Онъ покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ, основалъ Мюнхенскую академію (1759), построилъ театръ, завелъ школу живописи, но въ руководимомъ духовенствомъ и монахами и совершенно погрузившемся въ мракъ суевѣрій, баварскомъ народѣ нельзя было пробудить влеченія къ просвѣщенію; поэтому тамъ науки оставались безъ всякаго практическаго примѣненія. Финансовыя реформы благонамѣреннаго курфирста сдѣлались въ рукахъ корыстолюбивыхъ должностныхъ лицъ источникомъ новыхъ угнетеній, а какой пользы можно было ожидать отъ стараній курфирста улучшить положеніе крестьянства, когда онъ самъ не переставалъ устраивать охоты, чтобъ развлекать и самого себя и привыкшее къ такимъ развлеченіямъ дворянство? Послѣ смерти Максимилиана Іосифа, не оставившаго послѣ себя дѣтей, Карлъ Теодоръ при- соединилъ къ курфиршеству Баварскому Рейнскій Пфальцъ на основаніи семейнаго договора, заключеннаго между Виттельсбахами. Мы будемъ въ другомъ мѣстѣ говорить о распряхъ, возникшихъ между Австріей и Баваріей по случаю вступленія новаго курфирста на баварскій престолъ; для Баваріи управленіе этого легкомысленнаго и склоннаго къ расточительности курфирста было возвратомъ къ старому пагубному режиму. Для своей любви къ искусствамъ курфирстъ не находилъ благопріятной почвы въ тогдашнемъ Мюнхенѣ; уничтоженіе ордена іезуитовъ не принесло Баваріи никакой пользы, потому что курфирстъ употребилъ отобранныя и іезуитовъ богатства преимущественно на учрежденіе баварской отрасли Мальтійскаго ордена, а своими преслѣдованіями иллюминатовъ, угнетеніями прессы и строгимъ надзоромъ за умственною жизнью въ школахъ и въ государствахъ онъ ясно доказывалъ, что по прежнему былъ пропитанъ духомъ іезуитовъ и не сочувствовалъ современнымъ влеченіямъ къ реформамъ. Въ концѣ его царствованія Баварія была совершенно истощена и не пользовалась никакимъ кредитомъ; армія находилась въ самомъ жалкомъ положеніи; должностныя военныя и гражданскія раздавались по протекціи или продавались; дворянство большею частію обѣдѣло или было обременено долгами; духовенство было невѣжественно; религія обратилась въ исполненіе обрядовъ; народное образованіе оставалось въ пренебреженіи; города находились подъ игомъ должностныхъ лицъ, препятствовавшихъ развитію торговли; народная масса была невѣжественна и нравственно испорчена продажною должностныхъ лицъ; управленіе находилось въ рукахъ полиціи, не знавшей никакихъ границъ въ своемъ произволѣ.

Карлъ Теодоръ
1777—1796

4. САКСОНІЯ И БРАУНШВЕЙГЪ-ГАННОВЕРЪ.

Курфиршество
во Саксоніи.

Ни одна изъ нѣмецкихъ странъ не выносила столько угнетеній и невзгодъ, какъ курфиршество Саксонское при Фридрихѣ Августѣ II и при его сынѣ Фридрихѣ Августѣ III. Изъ ранѣе изложенной исторіи Польши намъ уже извѣстно, что первый изъ нихъ принесъ въ жертву своей любви къ роскоши и своему честолюбію и вѣру своихъ предковъ, и привязанность своихъ подданныхъ, и благосостояніе своего государства,—что, перемѣнивъ свою религію, онъ низвелъ курфиршество Саксонское съ его высокаго положенія во главѣ протестантской Германіи для того, чтобы достигнуть званія изборнаго польскаго короля. Этотъ легкомысленный и криводушный правитель былъ такъ занятъ операми и концертами, праздноствіями и дорого стоящими забавами, любовницами и охотой, что не обращалъ никакого вниманія на страданія, которыя выносили его подданные отъ войны съ Шведами и отъ тяжести налоговъ. Въ 1708 году комитетъ сейма старался возбудить состраданіе въ сердцѣ Фридриха Августа, описывая ему въ слѣдующихъ выраженіяхъ тяжесть натуральныхъ повинностей на содержаніе арміи: „Даже въ томъ случаѣ, если бы эти повинности были установлены съ величайшей осмотрительностью и въ самомъ скромномъ размѣрѣ, онѣ были бы тяжелѣе всякихъ денежныхъ сборовъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уже со всѣмъ нѣтъ хлѣба, такъ что приходится раздавать то, что было ранѣе собрано мальчишками въ видѣ милостыни.“ Всѣ мужчины отъ 20 до 40 лѣтняго возраста, способные носить оружіе, были обязаны поступать въ военную службу, а дворянство было принуждено откупаться отъ своей обязанности нести кавалерійскую службу. Странѣ были не по силамъ всѣ подати и налоги на военные расходы, на содержаніе арміи, должностныхъ лицъ и двора, на роскошныя сооруженія въ родѣ моста черезъ Эльбу, звѣринца и т. п., и на собраніе художественныхъ произведеній, которое завелъ Августъ II и которое было расширено его преемникомъ: чтобы увеличить доходы, пришлось облагать пошлинами свѣтныя припасы, дѣлать займы, продавать казенныя земли, отдавать въ аренду регалии и приобщать къ разнымъ другимъ притѣснительнымъ и вреднымъ мѣрамъ. Въ своей „Исторіи курфиршества Саксонскаго“ Вейссе говоритъ, что тогдашній саксонскій дворъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ Европѣ, а расходы на его содержаніе, еще увеличивавшіеся вслѣдствіе щедрости короля къ его любимцамъ, были до такой степени несообразны съ денежными средствами страны, что сдѣлались главной причиной долговъ и налоговъ, лежавшихъ тяжелымъ бременемъ на Саксоніи и при Августѣ II и при его преемникахъ. Даже ежедневная домашняя жизнь короля была обставлена такой пышностью, съ какою до того времени почти вовсе не были знакомы другіе европейскіе монархи и для которой могла служить образцомъ только роскошь, царствовавшая при дворѣ Людовика XIV. Но еще болѣе старался Августъ II поражать современниковъ своей роскошью по случаю какихъ-нибудь экстраординарныхъ празднествъ. Самой знаменитой изъ забавъ такого рода было устройство потѣшнаго лагеря подлѣ Цейтгейпа, гдѣ, кромѣ прусскаго короля и его наслѣднаго принца, присутствовали 47 принцевъ; на это было потрачено 968,780 талеровъ. Тамъ король хотѣлъ не только похвастаться своей арміей, которая была очень увеличена въ 1726—1730 годахъ и обучена французской тактикѣ, но также удивить своихъ гостей разнообразіемъ увеселеній. О его любовныхъ связяхъ и незаконныхъ дѣтихъ ходили баснословныя разсказы. Народу были болѣе другихъ знакомы имена

прекрасной Авроры Кенигсмаркъ и ея сына Морица Саксонскаго, который вслѣдствіи прославился какъ своими военными подвигами въ званіи французскаго маршала, такъ и своимъ распутствомъ.

Положеніе Саксоніи было не менѣе печально при сынѣ и преемникѣ Августа II, — польскомъ королѣ Августѣ III. Дурное управленіе еще усилило тѣ страданія, которымъ подвергалась страна во время войнъ Пруссіи съ Австріей. Тупоумный король-курфирстъ чувствовалъ отвращеніе къ серьезнымъ занятіямъ; онъ любилъ только искусства, охоту и пріятное общество; поэтому онъ предоставилъ дѣла управленія и заботы о финансахъ графу Генриху Брюлю, который сталъ раздавать титулы и служебныя мѣста своимъ приверженцамъ, завелъ позорную торговлю церковными и государственными должностями и обременилъ страну долгами и тяжелыми налогами. Между тѣмъ какъ саксонскій народъ бѣдствовалъ, а военное устройство и туземная промышленность приходили въ упадокъ, Брюль, перешедшій по примѣру своего повелителя въ католичество, утопалъ въ роскоши: онъ выписывалъ изъ Парижа модные товары и лакомства, строилъ великолѣпный дворецъ на террасѣ, носящей его имя, приобреталъ помѣстья и капиталы и приносилъ честь и благосостояніе государства въ жертву своему самолюбію. Чтобы сдѣлаться пріятнымъ и необходимымъ для короля, онъ устраивалъ пирушки, выѣзды цѣлымъ обществомъ на охоту, заботился о театрѣ и о пѣвческой капеллѣ, пріискивалъ для покупки художественныя произведенія и драгоценныя вещи. Отъ этой пагубной системы управленія избавила страну смерть короля, вслѣдъ за которой скоро послѣдовала и смерть министра.

При сынѣ Августа III, Фридрихѣ Христіанѣ, министры Фричъ и Эйндель старались мало по малу уменьшать громадныя государственныя долги, доходившіе до тридцати милліоновъ талеровъ, и поднять государственный кредитъ. Къ несчастію для страны, благонамѣренный курфирстъ умеръ черезъ нѣсколько недѣль послѣ вступленія на престолъ; впрочемъ его братъ Ксаверій, ставшій во главѣ опекунскаго управленія на время несовершеннолѣтія наслѣднаго принца Фридриха Августа, не былъ недостойнымъ преемникомъ своего брата. Уже въ теченіе тѣхъ лѣтъ саксонское правительство начало придерживаться тѣхъ основныхъ правилъ, отъ которыхъ неотступалъ въ теченіе своего продолжительнаго царствованія новый курфирстъ Фридрихъ Августъ IV. Подъ его управленіемъ Саксонія пережила счастливыя и блестящія времена и залечила многія изъ своихъ ранъ; но по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій на страну обрушились новыя бѣдствія. Саксонія и Тюрингія принимали немаловажное участіе въ современномъ развитіи нѣмецкаго искусства, литературы и наукъ; въ организаціи школъ были введены важныя улучшенія; отправленіе правосудія сдѣлалось образцовымъ; мирное время семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ было благоприятно для торговли, промышленности и земледѣлія; дѣятельное и бережливое населеніе городское и деревенское снова стало наслаждаться счастьемъ и довольствомъ.

Владѣнія Гвельфовъ между Эльбой и Везеромъ были, послѣ неоднократныхъ дробленій на мелкія части, соединены во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія въ двѣ неравныя группы, извѣстныя въ исторіи подъ названіями Ганновера и Брауншвейга. Герцогъ Георгъ, отличившійся въ тридцатилѣтнюю войну своимъ мужествомъ и политическою мудростью, сдѣлалъ передъ смертію (1641) въ своемъ завѣщаніи распоряженіе, чтобы ганноверскія земли въ герцогствѣхъ Люнебургскомъ (Целле) и Каленбургскомъ (Ганноверъ) были отдѣлены одни отъ другихъ, но впродъ уже не дробились на части. Согласно съ этимъ распоряженіемъ, старшій изъ четырехъ сыновей Георга, Христіанъ Людовикъ, управлялъ Люнебургомъ съ 1648 года послѣ

Фридрихъ
Августъ II
1733—1763

Фридрихъ
Христіанъ.
5 окт.—17 де-
1763.

Фридрихъ А
вгустъ IV съ
1768 года.

2. Брауншвейгъ-
Ганноверъ.
а. Люнебургъ
и Каленбургъ
Христіанъ Лю-
довикъ-Люне-
бургскій.
1648—1661

Георгъ Вильгельмъ Каленбергскій
† 1705.

Фридрихъ
до 1679.

Эрнстъ-Августъ
до 1698
Каленбергъ.

смерти своего брата Фридриха; это былъ миролюбивый принцъ, заботившійся до своей смерти въ 1665 году о благосостоянии и о просвѣщеніи своихъ подданныхъ. Вторымъ сыномъ Георга, Георгъ Вильгельмъ избралъ себѣ резиденцію въ Ганноверѣ; это былъ очень образованный человѣкъ, научившійся военному дѣлу въ школѣ Вильгельма Оранскаго. Но небольшой городокъ, въ которомъ онъ поселился, былъ такъ мало интересенъ, что герцогъ рѣшился поручить управленіе одному изъ своихъ совѣтниковъ, а самъ отправился въ Италію и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Венеціи, развлекаясь карнавальными увеселеніями. Возвращаясь домой въ 1665 году, онъ дорогой узналъ, что его старшій братъ Христіанъ Людовикъ умеръ, не оставивши дѣтей. Тогда Георгъ Вильгельмъ предъявилъ свои права на оставленное его старшимъ братомъ наслѣдство, а Каленбергъ долженъ былъ достаться третьему сыну герцога Георга, Іоанну Фридриху. Этотъ послѣдній, также жившій болѣею частью въ Италиі и не смотря на увѣщанія своихъ родственниковъ, перешедшій въ 1651 году въ Римѣ въ католичество, также предъявилъ свои права на Люнебургъ; оба брата стали просить поддержки у великихъ державъ, и Ганноверу стала угрожать опасность междоусобной войны. Но въ Гильдесгеймѣ состоялось миролюбивое соглашеніе; Георгъ Вильгельмъ получилъ Люнебургъ и отдѣлилъ отъ своихъ владѣній Грубенгагенъ, который былъ присоединенъ къ Каленбергу; такимъ образомъ герцогство Іоанна Фридриха увеличилось въ своемъ объемѣ. Этотъ энергичный и ученый принцъ пользовался покровительствомъ Людовика XIV и поддерживалъ іезуитовъ; подъ его управленіемъ могло бы сдѣлать большіе успѣхи обращеніе ганноверскаго населенія въ католичество, если бы этому не воспротивились тайный совѣтникъ Гротъ и суперинтендантъ Гергардъ Молаусъ и если бы герцогъ, предпринявшій пятую поѣздку въ Италію, не умеръ въ 1679 году въ Аугсбургѣ, не оставивши послѣ себя дѣтей мужскаго пола. Его мѣсто занялъ его меньшой братъ Эрнстъ Августъ, владѣвшій епископствомъ Оснабрюкскимъ и женатый на пфальцграфинѣ Софіи. Эта принцесса была сначала помолвлена за Георга Вильгельма, но этому послѣднему правился ничѣмъ не связанный образъ жизни, дававшій ему возможность удовлетворять его склонность къ путешествіямъ; поэтому онъ угрожалъ своему меньшому брату замѣнить его, а самъ далъ письменное обязательство никогда не вступать въ бракъ. Онъ долго не нарушалъ этого обязательства, потому что при болѣе близкомъ знакомствѣ съ своей остроумной невѣсткой почувствовалъ сильное къ ней влеченіе. Но онъ сталъ сожалѣть о данномъ обѣщаніи, когда познакомился съ французской красавицей Элеонорой д'Ольбрѣзъ. Онъ наконецъ вступилъ съ нею въ бракъ, а когда она родила въ 1666 году дочь Софію Доротею, онъ упрямилъ императора дать ей титулъ графини Вильгельмсбургской (1674). Ей было назначено приличное ея положенію содержаніе, но съ тѣмъ, чтобъ ранѣе установленный порядокъ наслѣдованія оставался безъ измѣненій. Съ этой оговоркой все семейство изъявило свое согласіе на то, чтобъ графиня Вильгельмсбургская носила титулъ герцогини, а ея дочь титулъ принцессы Брауншвейгской и Люнебургской (1680). По прошествіи двухъ лѣтъ состоялся новый семейный договоръ, въ силу котораго старшій сынъ Эрнста Августа Каленбергскаго долженъ былъ вступить въ бракъ съ Софіей Доротеей и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливался порядокъ наслѣдованія по праву первородства. Послѣдствіемъ этого договора было соединеніе двухъ герцогствъ послѣ смерти Георга Вильгельма. Съ тѣхъ поръ ганноверскій царствующій домъ сталъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе высокое положеніе. Эрнстъ Августъ былъ возведенъ въ званіе имперскаго курфирста и его сынъ Георгъ Людовикъ вступилъ на престолъ Великобританіи подъ именемъ Георга I.—Георгъ Вильгельмъ принималъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Эрн-

стомъ Августомъ участіе въ войнѣ нѣмецкой имперіи съ Франціей; но его попытка пріобрѣсть по этому поводу шведскія владѣнія Бременъ и Верденъ не удалась по принципъ противодѣйствія со стороны Людовика XIV. Во второй коалиціонной войнѣ онъ держалъ сторону принца Оранскаго и генеральныхъ штатовъ. Когда копилъ жизнь бездѣтный герцогъ Юлій Францъ Саксенъ-Лауенбургскій (1689), Георгъ Вильгельмъ предъявилъ наслѣдственные права своего дома и этимъ подготовилъ присоединеніе герцогства Саксенъ-Лауенбургскаго къ Ганноверу.

Не безъ труда удалось Эрнсту Августу Каленбергскому достигнуть той цѣли, которая была ему указана и его личнымъ честолюбіемъ и государственными интересами. Его младшій сынъ Максимилианъ Вильгельмъ велъ тайные происки съ цѣлью нарушить законъ о нераздѣльности ганноверскихъ владѣній и о порядкѣ наслѣдованія по праву первородства; онъ вступилъ въ сношенія съ другими правительствами, отзывавшіяся государственной измѣной; Молетке, служившій посредникомъ при этихъ сношеніяхъ, погибъ на эшафотѣ, а Максимилианъ Вильгельмъ былъ арестованъ и затѣмъ добровольно обрекъ себя на изгнаніе. Съ удаленіемъ Максимилиана Вильгельма Ганноверъ вторично избѣгнулъ опасностей католической пропаганды, потому что этотъ принцъ находился въ интимныхъ сношеніяхъ съ Вѣной и съ Римомъ и, подобно своему дядѣ и Молетке, перешелъ въ католичество. Только за два года до смерти Эрнста Августа былъ всѣмъ признанъ (1696) законъ о наслѣдованіи престола по праву первородства, а передъ тѣмъ герцогу удалось пріобрѣсть званіе курфирста. Это повышеніе ранга состоялось послѣ многотѣхнихъ переговоровъ; оно вызвало горячіе протесты со стороны остальныхъ курфирстовъ за исключеніемъ Бранденбургскаго. Вся католическая Германія противилась увеличенію числа протестантскихъ голосовъ въ курфиршеской коллегіи: даже младшая или Вольфенбюттельская линія царствующаго дома предъявляла изъ зависти протесты противъ предпочтенія, отданнаго родственной съ нею линіи. Она изъявляла свое согласіе только съ оговоркой, чтобъ званіе курфирста было предоставлено всему Брауншвейгъ-Люнебургскому дому и потомъ всегда принадлежало старшему члену всего дома Гвельфовъ. Но вслѣдъ за тѣмъ Вольфенбюттельская линія предъявляла свои права на старшинство на томъ основаніи, что она вела свое происхожденіе отъ Генриха († 1598), старшаго сына Эрнста Исповѣдника, между тѣмъ какъ Каленбергская линія вела свое происхожденіе отъ младшаго сына Генриха, умершаго въ 1592 году, Вильгельма. Это сопротивленіе было преодолено только послѣ того, какъ Эрнстъ Августъ оказалъ императорскому дому дѣятельную поддержку и на востокъ въ его войнѣ съ Турціей и на западъ въ его войнѣ съ Франціей. Возведеніе Ганновера на степень курфиршества было рѣшено сеймомъ 17 октября 1692 и было торжественно утверждено въ Вѣнѣ 9 декабря того-же года. Но противники этой мѣры все еще не могли успокоиться: даже на конгрессѣ, подготовлявшемъ заключеніе Ресвикскаго мира, не было возможности получить одобреніе всѣхъ европейскихъ государствъ. Только послѣ смерти Эрнста Августа, его сынъ Георгъ Людовикъ наконецъ достигъ цѣли: онъ при содѣйствіи своего дяди и тестя Георга Вильгельма Целльскаго и при помощи угрозъ и обѣщаній склонилъ своего двоюроднаго брата Рудольфа Августа Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго къ отказу отъ его протеста, а послѣ смерти Георга Вильгельма (28 августа 1705) соединилъ подъ своимъ скипетромъ всѣ ганноверскія владѣнія. Тогда состоялось официальное вступленіе Георга Людовика въ курфиршескую коллегію (сент. 1708). Мы уже ранѣе (стр. 664, 665) говорили о томъ, при какихъ обстоятельствахъ курфирстъ достигъ англійскаго престола и по какимъ причинамъ онъ разошелся съ своей супругой Софіей Доротеей. Подобно тому, какъ Эрнстъ Ав-

Пріобрѣтъ
званія ку
фирста

Георгъ Лю
викъ. 169
(1705)—17

густъ жилъ въ любовной связи съ женою своего тайнаго совѣтника Платена, къ великому огорченію своей безупречно-правственной супруги, и его сынъ жилъ въ любовной связи съ дѣвицей Шуленбургъ и съ многими другими знатными дамами. Впрочемъ Георгъ Людовикъ былъ эперичный и умный человекъ, способный къ усиленной работѣ, неразговорчивый и скрытный. — Связь съ Англіей не причинила вреда Ганноверу. Англійскіе короли всегда относились съ любовью къ той странѣ, откуда вели свое происхождение. Георгъ I охотнѣе жилъ въ Германіи, чѣмъ въ Англіи, гдѣ всегда чувствовалъ себя иностранцемъ; поэтому онъ добился отмены того постановленія, которое не позволяло королю выѣзжать изъ Англіи безъ разрѣшенія парламента, а послѣ того пользовался всякимъ предлогомъ, чтобъ предпринимать поѣздки на свою родину. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ онъ умеръ 22 іюня 1727 и былъ похороненъ въ Ганноверѣ. При сынѣ Георга Людовика и несчастной Софіи Доротен, Георгъ II, былъ основанъ въ 1737 году — по почину и при содѣйствіи ганноверскаго министра Герлаха Адольфа Мюххаузена, — гёттингенскій университетъ. Но за выгоды, доставленныя связью съ великой державой, курфиршество поплатилось прекращеніемъ всякой самостоятельной политической жизни. Ганноверъ низомель на степенъ маленькаго нѣмецкаго государства, которое управлялось высокоумной аристократіей, получавшей указанія изъ Лондона.

Герцогство Брауншвейгъ-Вольфенбюттельское не могло равняться съ Ганноверомъ своимъ политическимъ значеніемъ, но его владѣтели достигли высшихъ военныхъ почестей. Настоящій родоначальникъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской линіи, герцогъ Августъ Младшій былъ образованный человекъ, старавшійся по мѣрѣ возможности залечивать раны, нанесенныя странѣ великой нѣмецкой войной, улучшить отправленіе правосудія и въ особенности заботился о народномъ образованіи. Преимущественно ему была обязана своимъ существованіемъ Вольфенбюттельская бібліотека. Онъ также старался предотвратить раздробленіе своихъ владѣній посредствомъ введенія закона о престолонаслѣдіи по праву первородства; но онъ не успѣлъ достигъ своей цѣли: его старшій сынъ Рудольфъ Августъ, тяготившійся бременемъ управленія, пригласилъ своего брата Антона Ульриха въ соправители, а его младшій братъ Фердинандъ Альбрехтъ I присоединилъ значительную часть его владѣній къ своему собственному Брауншвейгъ-Бевернскому герцогству и сдѣлался родоначальникомъ особой линіи, которую ожидала великая будущность. При Рудольфѣ Августѣ городъ Брауншвейгъ былъ принужденъ отказаться отъ своихъ притязаній на самоуправленіе и подчиниться власти герцога. Этотъ городъ, когда-то входившій въ составъ Ганзейскаго союза, уже никогда не могъ снова возвыситься до своего прежняго блестящаго положенія не смотря на то, что впоследствии сдѣлался столицей герцогства Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго. Изъ двухъ братьевъ-соправителей самымъ выдающимся былъ второй — Антонъ Ульрихъ. Онъ горячо заботился о поднятіи уровня народнаго образованія. О его любви къ наукамъ свидѣтельствуетъ Вольфенбюттельская бібліотека, которую онъ значительно увеличилъ; о его литературныхъ произведеніяхъ уже было сказано на стр. 538. Онъ перешелъ въ католичество въ глубокой старости. Это случилось около того времени, когда его внучка Елизавета Христина также перемѣнила религію при выходѣ замужъ за эрцгерцога Карла Австрійскаго. Онъ надѣлся этимъ способомъ приобрести благосклонное расположеніе при дворахъ вѣнскомъ и версальскомъ и не допустить возведеніе Ганновера въ курфиршество. Старшій изъ двухъ братьевъ — Рудольфъ Августъ, не имѣвшій дѣтей, а послѣ смерти своей супруги вступившій въ неравный бракъ съ дочерью хирурга „г-жою Рудольфинъ“, кончилъ жизнь въ 1704 году; тогда Антонъ Ульрихъ сталъ

однимъ управлять Брауншвейгомъ-Вольфенбюттелемъ, который, послѣ его смерти (1704), перешелъ во владѣніе его сына Августа Вильгельма. Этотъ Августъ I принцъ любилъ веселую жизнь, но у него не было ни твердости характера гельмъ. † 1 ни знанія людей. Такъ какъ его доходы были недостаточны для удовлетворенія его прихотей — для содержанія его блестящаго двора и для возведенія новыхъ построекъ, то онъ заключилъ съ Англіей договоръ, по которому обязался доставить ей 5,000 солдатъ за субсидію въ 25,000 фунт. ст. Недостойные фавориты злоупотребляли его довѣріемъ. Онъ умеръ бездѣтнымъ не смотря на то, что былъ женатъ три раза. Ему наслѣдовалъ Людовикъ его братъ Людовикъ Рудольфъ, до того времени владѣвшій графствомъ дольфъ. † 1 Бланкенбургскимъ. Это былъ благоразумный правитель, старавшійся поднять уровень народнаго благосостоянія. Но черезъ четыре года онъ умеръ бездѣтнымъ; тогда всѣ брауншвейгскія владѣнія перешли къ сыну того Фердинанда Альбрехта, который сдѣлался родоначальникомъ Бевернской линіи. Фердинандъ былъ храбрый воинъ: онъ отличился на австрійской службѣ въ войнахъ съ Турціей и съ Франціей. Но онъ умеръ въ теченіе перваго года своего управленія. Ему наслѣдовалъ его старшій сынъ Карлъ. Карлъ. † 12 Его второй сынъ Антонъ Ульрихъ былъ женатъ на русской императрицѣ Аннѣ. Его третій сынъ Людовикъ Эрнстъ вступилъ на военное поприще, доставившее его потомкамъ такъ много славы; мы впоследствии будемъ говорить о его дѣятельности въ званіи генералъ-капитана голландской республики и окупана надъ наслѣдственнымъ штатгальтеромъ Вильгельмомъ V. Трое младшихъ сыновей — Фердинандъ, Альбрехтъ и Фридрихъ Францъ служили съ отличіемъ въ арміи Фридриха II, который былъ женатъ на ихъ сестрѣ Елизаветѣ Христинѣ. Намъ впоследствии не разъ придется упомянуть о храбрости полководца Фердинанда и о его племянникѣ и внучатомъ племянникѣ, носившихъ одинакое съ нимъ имя. — Женатый на дочери прусскаго короля, герцогъ Карлъ былъ человекъ предприимчивый и образованный; онъ поднялъ уровень школьнаго образованія, основалъ Collegium Carolinum и принималъ дѣятельное участіе въ современныхъ реформахъ. Но онъ былъ склоненъ къ чувственнымъ наслажденіямъ и расточителенъ; онъ старался сдѣлать изъ города Брауншвейга нѣчто въ родѣ маленькаго Версаля. Великолѣпный театръ, требовавшій ежегоднаго расхода въ 70,000 талеровъ, блестящій придворный штатъ, содержаніе красивыхъ женщинъ, дорого-стоющія путешествія, страстная склонность къ азартной игрѣ, увеличеніе арміи, занятія алхиміей, — всё это поглощало громадныя суммы. Расходы ежегодно превышали доходы на 80,000 талеровъ и сумма всѣхъ долговъ, лежавшихъ на герцогствѣ, достигла почти двѣнадцати милліоновъ. Министръ Шинштедтъ не зналъ откуда добывать деньги, но отъ него ежедневно требовалось покрытіе новыхъ расходовъ. Изъ придворной обстановки Карла Лессингъ могъ-бы заимствовать нѣкоторыя черты для своей драмы „Эмилія Галотти“. Когда наслѣдный принцъ Вильгельмъ Фердинандъ сталъ принимать участіе въ управленіи, онъ ввелъ нѣкоторыя улучшенія; но онъ заимствовалъ свое славное имя тѣмъ, что, во время англо-американской войны, торговалъ своими солдатами съ цѣлю улучшить положеніе финансовъ.

3. Церковныя и религіозныя дѣла.

Между тѣмъ какъ въ семнадцатомъ столѣтіи іезуиты и ультрамонтаны пытались уничтожить плоды реформациі даже послѣ заключенія Вестфальскаго мира и частію силой частію путемъ убѣжденія старались обращать протестантовъ въ католичество, напротивъ того въ восемнадцатомъ столѣтіи все болѣе и болѣе сознавалась необходимость принять совершившуюся въ религіозной сферѣ перемѣну за точку исхода для дальнѣйшей религіозной дѣятельности. Тогда стали обнаруживаться двѣ главныя тенденціи: одни старались примирить противоположности между религіозными ученіями посредствомъ введенія нѣкоторыхъ реформъ и посредствомъ смягченія нѣкоторыхъ догматовъ; другіе старались отыскать въ своемъ собственномъ вѣроисповѣданіи средства противъ одностороннихъ религіозныхъ стремленій. Гельмштедтскій университетъ преслѣдовалъ благородную цѣль, стараясь замѣнить ортодоксальную исключительность равноправностью различныхъ религіозныхъ обществъ, но реальныя власти были сильнѣе миролюбивыхъ гуманныхъ стремленій. Лейбницъ могъ съ высоты своей учености вѣрить въ возможность объединенія всѣхъ вѣроисповѣданій подъ знаменемъ Христа даже если бы это знамя было въ рукахъ преемниковъ св. Петра; но практическіе люди понимали подъ объединеніемъ лишь возвращеніе блудныхъ сыновей въ отцовскій домъ. Для ученаго епископа Боссюэта существовала только одна церковь — та, которая была основана на постановленіяхъ Тридентскаго собора. — Ортодоксальныя лютеране лейпцигскіе и виттенбергскіе отвергали всякую мысль объ объединеніи: безуспѣшныя попытки либераловъ и латитудинаріевъ только послужили для нихъ поводомъ для того, чтобъ придать догматамъ и символамъ еще болѣе прежняго неизмѣнную форму и для того, чтобъ превратить богослуженіе въ произнесеніе неизмѣнно однообразныхъ фразъ. Лессингъ высказалъ слѣдующее мнѣніе о богословахъ того времени: Лютеръ избавилъ человѣчество отъ ига традицій, а его преемники наложили на человѣчество еще болѣе тяжелое иго буквального смысла. Но такъ какъ всякое преувеличеніе вызываетъ протестъ, служащій для него цѣлительнымъ средствомъ, то и въ противоположность съ лейпцигской ортодоксіей выработалось усиліями Шпенера, Франке и ихъ единомышленниковъ новое направленіе, которое считало цѣлью христіанскаго ученія спасеніе или внутреннее перерожденіе человѣка при помощи Божеской благодати. Представители этого направленія, развернувшіе свое побѣдоносное знамя надъ университетомъ въ Галле, противопоставили безплодной разсудочной религіи ортодоксаловъ любовь къ Богу, благочестивую жизнь, дѣла христіанскаго милосердія,

а неосновательность насмѣшекъ и клеветъ со стороны противниковъ, давшихъ имъ прозвище піетистовъ. Они доказали своей дѣятельностью. Но и піетизмъ носилъ въ своихъ нѣдрахъ болѣзненные зародыши, которые стали все болѣе и болѣе выступать наружу по мѣрѣ того, какъ направленіе, доставившее представителямъ піетизма популярность, стало ослабѣвать и смягчаться подъ вліяніемъ духа времени. Когда полемика противъ суроваго господства религіозныхъ догматовъ сдѣлалась безцѣльной, піетистовъ можно было узнавать только по ихъ старанію устраниваться отъ свѣтской жизни и по ихъ самомнѣнію. Только въ сектѣ гернгутеровъ до сихъ поръ не заглохло религіозно-практическое направленіе Шпенера и Франке; къ числу послѣдователей этихъ двухъ людей принадлежалъ и основатель «Братской общины» графъ Цинцендорфъ. И англійскій методизмъ имѣлъ одинакое происхожденіе и развитіе съ ученіемъ піетистовъ и гернгутеровъ; напротивъ того, секта Сведенборга, имѣвшая послѣдователей и въ Германіи, отчасти придерживалась мистико-теософическихъ умозрѣній Іакова Бѣме.

Подобно тому, какъ въ протестантской церкви было не мало людей, старавшихся удовлетворять свои религіозныя потребности не тѣмъ способомъ, какой былъ установленъ господствующей теологіей, и въ католической церкви многіе старались противоудѣйствовать ослабленію религіозныхъ чувствъ посредствомъ введенія болѣе строгихъ аскетическихъ правилъ или посредствомъ ученыхъ изслѣдованій; первыя старались соединять своихъ единомышленниковъ въ особыя секты, а вторыя основывали новыя ордена и общества для того, чтобъ противоудѣйствовать усиливавшемуся религіозному индифферентизму и возбуждать религіозныя чувства, упражняя умъ въ религіозныхъ размышленіяхъ. Эти послѣдніе находили во Франціи самую благопріятную почву для своихъ стремленій. Чтобъ противоудѣйствовать янсенизму Поръ-Рояля и уклонявшемуся отъ ученія римской церкви квіетизму, нѣкоторые изъ католиковъ старались возстановить постановленія старинныхъ религіозныхъ орденовъ, чтобъ придать старымъ католическимъ учрежденіямъ организацію, болѣе соотвѣтствующую требованіямъ времени. Склонность бенедиктинскаго ордена къ ученымъ занятіямъ ожила въ основанной Бенаромъ конгрегациі Св. Мавра, членами которой было издано не мало ученыхъ изслѣдованій и сборниковъ по части исторіи и языковѣдѣнія. Здѣсь достаточно будетъ указать на широко-задуманную произведенія Мабильона, Монфокона, Дюканжа и на *Art de vérifier les dates*; они напоминаютъ лучшія произведенія старинныхъ церковныхъ писателей. Съ другой стороны, французскій аббатъ Ла-Рансэ († 1700) возстановилъ въ монастырѣ Ла-Траппъ орденъ Траппистовъ, въ которомъ Стюартъ Іаковъ II искалъ успокоенія отъ мірской суеты и который отличался усиленной воздержностью и замкну-

Католическая церковь.

тостью образа жизни; его членамъ даже было запрещено развлекаться разговорами и научными занятіями. Аббатъ де-ла-Салль (1724) основалъ орденъ братьевъ христіанскихъ школъ (Игнорантиновъ) преимущественно для приготовления наставниковъ въ духѣ іезуитовъ. И «орденъ Спасителя» (Редемтористы), основанный Неаполитанцемъ Альфонсомъ Маріей Лигвори († 1787), «для котораго воля папы была волей Божіей», долженъ было не только пешись о бѣдныхъ и больныхъ, но также заботиться о народномъ образованіи. Чтобъ противоѣствовать умственному развитію, вызванному реформаціей, римская церковь стала болѣе прежняго заботиться объ образованіи юношества въ духѣ католическихъ вѣрованій. Наконецъ стали основываться общины безъ всякихъ религіозныхъ обѣтовъ. Въ этомъ родѣ были женскія общины «для поклоненія сердцу Іисуса и Маріи»; онѣ были основаны іезуитами по почину монахинь; ихъ учрежденіе было дозволено римской куріей послѣ нѣкоторыхъ колебаній.

Обращенія
въ другую
вѣру.

Условія Вестфальскаго мира не мѣшали іезуитамъ и приверженцамъ римской церкви по прежнему прибѣгать ко всякимъ средствамъ для обращенія протестантовъ въ католичество и сѣять вражду между приверженцами различныхъ вѣроисповѣданій. Нѣкоторыя изъ католическихъ правительствъ по прежнему не позволяли своимъ подданнымъ исповѣдывать какую-либо другую религію, кромѣ католической и не допускали ихъ до Св. Причастія, надѣясь этимъ способомъ мало по малу достигнуть церковнаго единства въ своихъ владѣніяхъ. Въ особенности въ Австріи—гдѣ протестантамъ не было предоставлено Вестфальскимъ миромъ право пользоваться вѣротерпимостью, — некатолическія общины подвергались угнетеніямъ; тамъ не безъ успѣха предпринималось обращеніе приверженцевъ аугсбургскаго и гельветическаго исповѣданій въ католичество. Переходъ изъ протестантской церкви въ католическую былъ тамъ вѣрнѣйшимъ способомъ для полученія должностей и отличій, какъ это видно на примѣрѣ императорскихъ совѣтниковъ Бартенштейна, Визенгютера, фельдмаршала Трауна и многихъ другихъ. Если привязанность къ своей вѣрѣ не могла быть поколеблена никакими заманчивыми соблазнами, то правительство иногда прибѣгало къ ссылкѣ, какъ это дѣлалось въ Силезіи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Уступки, которыя Карлъ XII вынудилъ отъ Австріи (стр. 612), были позабыты послѣ его смерти. Трансильванія стала служить убѣжищемъ и мѣстомъ ссылки для австрійскихъ лютеранъ съ тѣхъ поръ, какъ политическая и религіозная реакція стала дѣлать въ Венгріи большіе успѣхи подъ владычествомъ магнатовъ. Въ Зальцбургѣ допускалось съ семнадцатаго столѣтія существованіе мирныхъ общинъ лютеранъ, считавшихся за покорныхъ подданныхъ Австріи; но архіепископъ графъ Леопольдъ Антоу-Фирмианъ вздумалъ силою обращать ихъ въ католичество; у нихъ отобрали библии и молитвен-

1729.

ники и заставляли ихъ присутствовать при католическомъ богослуженіи. Ихъ отказъ считался за бунтъ и вызывалъ насильственные мѣры. Тогда сто старшихъ членовъ общины покланялись надъ Св. Причастіемъ, что будутъ вѣрны лютеранскому исповѣданію и будутъ съ братскою любовью помогать другъ другу въ несчастіи. Но по предписанію архіепископа они были выгнаны изъ своихъ жилищъ; 17,000 ихъ единовѣрцевъ оставили на своей родинѣ собственность слишкомъ въ 2½ милліона гульденовъ и нашли убѣжище въ Пруссіи, гдѣ ихъ потомки до сихъ поръ живутъ, не смѣшиваясь съ мѣстнымъ литовскимъ населеніемъ. Изъ нихъ триста человекъ были въ слѣдующемъ году перевезены, при помощи англійскаго правительства, въ новую колонію Георгію и надѣлены земельными участками. Ихъ потомки достигли благосостоянія благодаря своему трудолюбію, бережливости и семейнымъ добродѣтелямъ. О томъ, какимъ притѣсненіямъ подвергались реформаты въ Пфальцѣ на основаніи знаменитой статьи Рисвикскаго мирнаго трактата, уже было говорено ранѣе (стр. 696). Жалобы, съ которыми они обращались къ регенсбургскому сейму, заключаютъ въ себѣ исторію ихъ непрерывныхъ страданій.—Кромѣ угнетенія лютеранъ, и привлеченіе нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей въ лоно католицизма служило средствомъ для поддержанія религіознаго единства въ Германіи. Изъ исторіи нѣмецкихъ государствъ намъ уже извѣстно, что едва-ли былъ хоть одинъ протестантскій царствующій домъ, въ которомъ не нашлось бы нѣсколькихъ членовъ, отречшихся отъ отцовской вѣры. Саксонія получила католическихъ правителей на долгое время; Брауншвейгъ имѣлъ такого правителя въ лицѣ Антона Ульриха, Ганноверъ—въ лицѣ Іоанна Фридриха, Вюртембергъ въ лицѣ Карла Александра; Пфальцъ-вѣйбрукенскій княжескій домъ, впослѣдствіи занявшій баварскій королевскій тронъ, перешелъ въ католичество въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія; ландграфъ Эрнстъ Гессенъ-Рейнфельскій искалъ у папскаго авторитета убѣжища отъ сомнѣній и раздоровъ, возникшихъ въ средѣ протестантовъ, и старался къ тому-же склонить Лейбница. Въ то время издавались многотомныя сочиненія, въ которыхъ поборники папизма выдавали триумфы католической церкви за доказательства неопровержимой истины католическаго ученія. Однихъ влекли къ католичеству честолюбіе и надежда на пріобрѣтеніе должностей и отличій, другихъ—художническія наклонности, любовь къ роскоши и къ пышнымъ церковнымъ обрядамъ. А съ тѣхъ поръ, какъ обращеніе въ католичество вошло въ моду и стало считаться за признакъ изящнаго образованія, отпаденія отъ протестантизма стали часто повторяться въ аристократическихъ сферахъ.

Не смотря на то, что іезуиты и другіе католическіе ордена уси-
ливали религіозный разладъ своимъ стараніемъ всѣхъ обращать въ

2. Попытки
объединенія.

католическую вѣру, а религіозная нетерпимость ортодоксальныхъ лютеранъ поддерживала и усиливала разномысліе въ средѣ протестантской церкви, ни въ семнадцатомъ ни въ восемнадцатомъ столѣтіи не было недостатка въ попыткахъ согласовать мирнымъ путемъ различныя ученія и достигнуть единства христіанской церкви; но всѣ попытки этого рода не только не были болѣе успѣшны, чѣмъ въ эпоху реформациі, но болѣею частію вызывали новыя богословскія распри. Самой благопріятной для нихъ почвой были Брауншвейгскія владѣнія, такъ какъ тамъ издавна обнаруживалось сочувствіе къ либеральнымъ воззрѣніямъ, а формула конкордіи никогда туда не проникала. Такъ напримѣръ во время тридцатилѣтней войны всесторонне образованный шлезвигскій уроженецъ Георгъ Каликстъ (Callisen), бывший профессоръ Гельмштедтскаго университета, старался придать богословію болѣе либеральное направленіе: онъ дѣйствовалъ въ духѣ Меланхтона, поощряя стремленія къ взаимному примиренію и доказывая возможность согласовать различныя вѣроисповѣданія, если будутъ приняты въ основу только соборныя постановленія первыхъ пяти столѣтій. Онъ утверждалъ, что всѣ христіанскія церкви въ сущности сходны по своимъ вѣрованіямъ, и что всѣ ихъ члены, не отступающіе отъ этихъ вѣрованій, будутъ имѣть свою долю въ вѣчномъ блаженствѣ. Онъ полагалъ, что можно допустить первенство папы при условіи нѣкоторыхъ ограниченій. Въ Виттенбергѣ и въ Лейпцигѣ называли такія стремленія синкретизмомъ, а самого Каликста—тайнымъ папистомъ; а когда онъ, по порученію курфирста Бранденбургскаго, присутствовалъ (1645) въ Торнѣ на религіозной бесѣдѣ, устроенной съ цѣлію достигнуть соглашенія между католиками и диссидентами, и между лютеранами и реформатами, ревнители ортодоксіи (во главѣ которыхъ стояли заборный поборникъ ортодоксіи Авраамъ Каловіусъ и дрезденскій оберъ-пасторъ Іаковъ Веллеръ) объявили ему, что считаютъ его отлученнымъ отъ ихъ церкви; по ихъ просьбѣ курфирстъ саксонскій обратился къ Брауншвейгскому правительству съ предложеніемъ принять противъ Каликста мѣры строгости. Но Каликсту оказалъ защиту его государь; къ нему отнеслись съ сочувствіемъ его гельмштедтскіе сотоварищи и въ особенности величайшій ученый того времени Герм. Конрингъ; онъ внушилъ своимъ образомъ дѣйствій уваженіе высшимъ сословіямъ какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границей. Но обращеніе нѣкоторыхъ изъ его учениковъ въ католическую вѣру возбудило въ его противникахъ недовѣріе къ такому религіозному направленію, которое подъ покровомъ мягкости и сговорчивости по отношенію къ другимъ исповѣданіямъ, скрывало равнодушіе къ интересамъ собственнаго религіознаго ученія. Споры, вызванные синкретизмомъ, долго поддерживали волненіе въ умахъ, а обнаружившіяся по этому поводу стремленія латитудинаріевъ

Каликстъ.
† 1656.

вызвали въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ новыя попытки соглашенія. Если допускалось, что можно достигать вѣчнаго блаженства, принадлежа къ которому-бы то ни было христіанскому вѣроисповѣданію, что не слѣдовало признавать папу за антихриста, что можно было придерживаться древне-христіанскихъ церковныхъ учреждений, то почему-же нельзя-бы было отыскать основу для временнаго примиренія, пока не будетъ принято новое рѣшеніе на церковномъ соборѣ, въ которомъ имѣли-бы право голоса и протестанты? Именно съ такими намѣреніями епископъ Христофъ Ройа де-Спинола втайнѣ объѣзжалъ нѣмецкія страны по порученію папы и императора, стараясь склонить протестантскихъ правителей и протестантское духовенство къ дѣятельности въ этомъ направленіи. Эти усилія не были совершенно безуспѣшными въ Ганноверѣ и въ Брауншвейгѣ, такъ какъ тамъ желали сблизиться съ императорскимъ царствующимъ домомъ, а воззрѣнія Каликста ослабили разладъ между различными вѣроисповѣданіями. Не только первая духовная особа тѣхъ странъ, Гергардъ Моланусъ, считалъ объединеніе церквей возможнымъ и желательнымъ, но даже такой выдающійся ученый, какъ Лейбницъ, занимался составленіемъ проекта объединенія для водворенія повсемѣстнаго мира и для споспѣшествованія наукамъ. Онъ вступилъ въ переговоры съ Боссюэтомъ, который согласился допустить браки духовенства и объѣдню на народномъ языкѣ, между тѣмъ какъ Лейбницъ признавалъ возможнымъ принять католическіе церковные законы въ качествѣ человѣческаго учрежденія. Но французскій прелатъ объявилъ, что постановленія Тридентскаго собора должны считаться неизмѣнной основой церкви и въ настоящемъ и въ будущемъ; тогда Лейбницъ убѣдился, что всѣ попытки соглашенія будутъ безуспѣшны, пока въ Римѣ будутъ смотрѣть на протестантовъ какъ на впавшихъ въ заблужденіе отщепенцевъ, съ которыми будетъ возможно соглашеніе лишь послѣ того, какъ они съ раскаяніемъ возвратятся въ лоно единой святѣй католической церкви. Онъ прекратилъ переговоры въ увѣренности, что задуманное имъ дѣло когда нибудь совершится само собою. Этимъ попыткамъ примиренія и синкретизму гельмштедтской школы приписывали обращеніе нѣсколькихъ членовъ брауншвейгъ-ганноверскаго дома въ католическую вѣру. Мнѣніе, высказанное объ этомъ предметѣ ученымъ профессоромъ Гельмштедтскаго университета, Іоанномъ Фабриціусомъ, какъ полагаютъ, побудило брауншвейгскую принцессу Христину Елизавету, супругу Карла VI, и ея дѣда перейти въ католичество. Когда ненависть и презрѣніе его единовѣрцевъ принудили Фабриціуса отказаться отъ его профессорскаго званія, ему въ вознагражденіе за это была поручена инспекція надъ всѣми школами въ странѣ.—Немного болѣе успѣшны были попытки достигнуть соглашенія между двумя протестантскими исповѣданіями. Старанія бранденбургско-прусскаго цар-

ствующаго дома проложить путь къ примиренію посредствомъ смятенія несходныхъ ученій встрѣтили непреодолимое препятствіе въ религіозномъ рвеніи лютеранскаго духовенства, которое объявило «дьявольскимъ наводженіемъ» надежду, что кальвинисты также могутъ достигать вѣчнаго блаженства. Всѣ другія попытки возстановить единство христіанской церкви не оставили послѣ себя почти никакого слѣда.

Самое вредное вліяніе споровъ, вызванныхъ синкретизмомъ, заключалось въ томъ, что ортодоксальные лютеране стали отстаивать спорные пункты своего ученія съ чрезмѣрнымъ рвеніемъ. Не только въ этихъ спорахъ совершенно терялось изъ виду нравственное вліяніе христіанства, но даже церковныя проповѣди заключались почти исключительно въ объясненіи догматовъ и въ полемикѣ. Теологія сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ новой схоластики, а послѣдствіемъ этого было отупѣніе ума, пробуждавшася только отъ споровъ и отъ обвиненій въ ереси. При такомъ направленіи протестантскаго религіознаго ученія возникала опасность, что сухая ортодоксія и вѣра въ букву символическихъ книгъ, мало по малу вытѣснявшихъ евангеліе изъ церковнаго употребленія, совершенно заглушаютъ горячія религіозныя чувства и окажутъ вредное вліяніе на нравственность. За пробужденіе такихъ чувствъ и за предохраненіе Лютерова ученія отъ искаженій взялся эльзасскій уроженецъ Филиппъ Іаковъ Шпенеръ, получившій въ Страсбургѣ религіозное воспитаніе, занимавшій во Франкфуртѣ должность старшины лютеранскаго духовенства, жившій въ Дрезденѣ въ званіи придворнаго оберъ-пастора и кончившій жизнь въ Берлинѣ въ званіи пробста. Его друзьямъ и послѣдователямъ было дано прозвище піетистовъ за то, что своимъ образомъ жизни они какъ будто старались выставить на показъ свое благочестіе и указывать на противоположность между христіанскимъ милосердіемъ и требованіями официальной ортодоксіи; но благодаря ихъ первоначальной дѣятельности это прозвище сдѣлалось почетнымъ названіемъ. Домашнія собранія для чтенія библіи, Collegia pietatis, которыя завелъ Шпенеръ и которыя поддерживались его послѣдователями, пробуждали въ сердцахъ присутствующихъ искреннія и сознательныя религіозныя чувства посредствомъ назидательныхъ объясненій священнаго писанія и христіанскихъ бесѣдъ. Въ своихъ Pia desideria Шпенеръ приглашалъ къ совершенному преобразованію религіозной жизни; онъ требовалъ, чтобы христіанство проповѣдывалось съ безыскусственностью апостоловъ, чтобы оно снова сдѣлалось религіей сердца и добрыхъ дѣлъ. Къ великой досадѣ приверженцевъ ортодоксіи онъ старался и своими проповѣдями и своими сочиненіями доказывать безцѣльность богословскаго набора словъ, а въ 1686 году было основано въ Лейпцигѣ его послѣдователями съ такою-же цѣлію

особое общество для объясненія и для практическаго примѣненія священнаго писанія.

Между послѣдователями Шпенера особенно выдѣлялся любекскій уроженецъ Августъ Герм. Франке; онъ воспитывался въ Готѣ и поселился въ качествѣ преподавателя въ Лейпцигѣ. Но его лекціи, въ которыхъ онъ объяснялъ священное писаніе и которыя привлекали слушателей, возбудили зависть въ приверженцахъ ортодоксіи, и онъ былъ принужденъ удалиться изъ Лейпцига. Переселеніе Франке и также изгнаннаго изъ Лейпцига вольнодумца Томазіуса въ Галле послужило поводомъ для основанія въ этомъ городѣ университета; тамъ Франке старался своими проповѣдями и сочиненіями знакомить народъ съ содержаніемъ священнаго писанія и вводитъ христіанскія понятія въ школу и въ семейную жизнь. До тѣхъ поръ піетизмъ задавался преимущественно практическими цѣлями; Готфридъ Арнольдъ придалъ ему мистическій характеръ, возставая противъ ортодоксальной школьной догматики и стараясь доказать, что во всѣ времена господствующая церковь менѣе воодушевлялась настоящими христіанскими чувствами, чѣмъ секты, подвергавшіяся преслѣдованіямъ и угнетеніямъ. Его «безпристрастная исторія церкви и ересей» возбудила цѣлую бурю одобреній и порицаній. Она побудила ученаго Мозгейма предпринять такіе-же историческія изслѣдованія; отсюда и ведетъ свое начало научная исторія церкви. И дармштадтскій уроженецъ Конрадъ Диппель долго вращался въ сферѣ идей піетистовъ; но его подвижной умъ скоро вовлекъ его въ противорѣчія, такъ что и его сочиненія и его жизнь представляютъ странную смѣсь мистицизма съ раціонализмомъ, піетизма съ вольнодумствомъ.

Стремленія и дѣятельность піетистовъ были сначала въ высшей степени благотворны. Объясняя народу содержаніе библіи, піетисты сбрасывали съ нея гнѣтъ школьныхъ богослововъ и консисторій и искренно старались пробуждать въ сердцахъ чистыя религіозныя чувства; но когда ихъ противники были побѣждены духомъ времени и умолкли, піетизмъ утратилъ свою энергію. Его прежняя сердечная искренность и христіанская любовь уступили мѣсто высокому самостоятельной секты. Онъ никогда не обнаруживалъ влеченія къ научнымъ запятіямъ и сохранилъ нѣкоторое вліяніе въ среднихъ и низшихъ слояхъ населенія; даже въ аристократическихъ сферахъ и при дворахъ владѣтельныхъ князей имъ интересовались такъ, какъ интересуются новыми модами. Онъ наконецъ превратился въ плаксивую чувствительность и въ тщеславное самосозерцаніе его избранныхъ послѣдователей.

Піетизмъ получилъ форму общинной организаціи въ братскомъ 4. Гернгутеръ обществѣ гернгутеровъ, основателемъ котораго былъ графъ Цинцен-Цинцендорфъ. Богемскіе и моравскіе братья, бѣжавшіе изъ Австріи отъ религіозныхъ преслѣдованій, поселившіеся въ Лаузицѣ въ помѣ- 1722.

А. Герм. Франк
1663—1

1690

Арнольдъ
1666—17

Мозгеймъ
† 1755.
Конрадъ
Диппель.
1673—173

стяхъ графа и построившіе тамъ селеніе Гернгутъ, были тѣми элементами, изъ которыхъ Цинцендорфъ организовалъ свою религиозную общину; она придерживалась аугсбургскаго исповѣданія, но ввела у себя своеобразный церковно-политическій режимъ и строгую церковную дисциплину, основанную на томъ, что всѣ ея члены хорошо знали другъ друга. Чтобы облегчить доступъ въ свою общину для приверженцевъ различныхъ протестантскихъ исповѣданій, Цинцендорфъ допустилъ три разряда догматовъ (тропъ) — моравскій, лютеранскій и реформатскій: вѣдь сущность гернгутерства должна была заключаться не въ какомъ-либо особомъ догматѣ, а въ христіанской окраскѣ идей, въ религиозномъ душевномъ настроеніи, въ самой искренней любви къ Спасителю. Нѣмецкій элементъ внесъ въ братство привычку къ скромной домашней жизни, но моравскій элементъ отличался склонностью къ благочестивымъ странствованіямъ, которыя предпринимались съ цѣлю внушать людямъ любовь къ Спасителю. Миссіонеры стали переносить ученіе гернгутеровъ за границу и въ среду язычниковъ Востъ-Индіи, Африки и Америки. Гернгутеры стали жить своею скромной семейной и трудовой жизнью среди дикихъ языческихъ народовъ для того, чтобы показать имъ на собственномъ примѣрѣ, какъ слѣдуетъ примѣнять къ жизни христіанское ученіе.

Для организаціи общины гернгутеровъ служили образцомъ самыя древнія христіанскія общины. Старшины, епископы и діаконы стояли во главѣ этой общины, состоявшей изъ нѣсколькихъ хоръ, (отличавшихся одинъ отъ другаго возрастомъ, поломъ и брачнымъ или небрачнымъ состояніемъ своихъ членовъ). Каждый хоръ имѣлъ особаго начальника, который указывалъ путь къ вѣчному блаженству и руководилъ дѣлами благочестія. Все братство управлялось конференціями старшинъ, которые выбирались синодами. Церковная дисциплина строго соблюдалась. Люди безнравственные свачала направлялись на правильный путь посредствомъ увѣщаній, а въ случаѣ безуспѣшности увѣщаній лишались Св. Причастія и наконецъ исключались изъ состава общины. Трудолюбіе и воздержаніе отъ всякихъ свѣтскихъ модъ и развлеченій служили, въ связи съ частыми молитвами, средствомъ для поддержанія безукоризненной нравственности. Браки совершались не иначе, какъ съ разрѣшенія старшинъ. Торговля, промышленность и бережливость доставили членамъ братства благосостояніе. Общинная касса, находившаяся въ распоряженіи конференціи старшинъ, доставляла средства для отправки миссіонеровъ. — Община заботилась не столько о научномъ образованіи, сколько о приготовленіи юношества къ благочестивой, скромной и дѣлательной жизни.

Методисты. Методисты возбудили въ англійской церкви такое же умственное (жонъ Веслей. движеніе, какое возбудили піетисты и гернгутеры въ нѣмецкомъ 1703—1791. протестантизмѣ. Первоначально это было общество благочестивыхъ студентовъ, собиравшихся въ Оксфордѣ вокругъ Джона Веслея и получившихъ прозвище методистовъ за свой «педантически-святой образъ жизни»; но они скоро приобрѣли большое вліяніе въ Англіи

и Америкѣ благодаря своей безукоризненной нравственности и своей заботливости о низшихъ слояхъ населенія. Наряду съ Веслеемъ былъ очень ревностнымъ проповѣдникомъ новаго ученія Уайтфилдъ, сдѣлавшійся настоящимъ основателемъ христіанства по ученію методистовъ. Послѣдователи этого ученія не выдѣлялись изъ состава англійской епископальной церкви, а старались сдѣлаться для нея «закваской, предохраняющей отъ остоленія»; только въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ закрывали доступъ въ мѣстныя церкви, они проповѣдовали свое ученіе на открытомъ воздухѣ или же строили для себя особые молитвенные дома, называвшіеся «скиніями». Преслѣдованія со стороны англиканскаго духовенства наконецъ заставили ихъ основать особую общину и ввести въ ней строгую церковную дисциплину подъ надзоромъ синодовъ и суперъ-интендантовъ. Основой для ихъ ученія служили: врожденная нравственная испорченность людей, искупленіе, совершенное смертію Христа, покаяніе и возрожденіе. Подобно гернгутерамъ они раздѣляли свою общину на классы и на отдѣлы классовъ. Они заботились о бѣдномъ, безпомощномъ простомъ народѣ и приносили рабамъ Востъ-Индіи и Америки утѣшенія Евангелія и надежду спасенія. Священная борьба Вильберфорса за свободу была вызвана ученіемъ методистовъ.

Около того же времени была основана «церковь новаго Іерусалима» Эмануиломъ Сведенборгомъ, — ученымъ человекомъ, приобрѣвшимъ извѣстность своими сочиненіями по механикѣ и по горному дѣлу. Страніе проникнуть въ тайны природы и изученіе мистическихъ произведеній Іакова Бѣма довели Сведенборга до убѣжденія, что онъ удостоился непосредственнаго сношенія съ духами. Всѣ, что онъ узнавалъ отъ этихъ духовъ, онъ оповѣщалъ во всеобщее свѣдѣніе и наконецъ сталъ утверждать, что Богъ возложилъ на него, путемъ откровенія, обязанность «спасти христіанство отъ упадка». Его идеи очень распространены въ Швеціи; онъ нашелъ нѣсколько ревностныхъ послѣдователей въ Вюртембергѣ; въ Англіи и въ сѣверной Америкѣ были основаны по его принципамъ особыя церковныя общины, увлекавшіяся «фантастическимъ раціонализмомъ»; поэтому одни изъ его послѣдователей старались уяснить таинственные явленія природы и духовной жизни, другіе стали смотрѣть на христіанство какъ на разсудочную религію.

Георгъ У
филдъ
1714—17

Сведенборгъ
1688—177

4. Явленія въ сферѣ литературы.

1. ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

смененіи къ
формамъ.

Переходное время отъ семнадцатаго столѣтія къ восемнадцатому носило въ своихъ нѣдрахъ не мало зародышей новой литературной жизни. Мы уже упоминали о томъ челоѣкѣ, въ литературной дѣятельности котораго обнаружилось глубокое влеченіе къ реформамъ, о Христіанѣ Томазіусѣ (стр. 545). Вся его жизнь была борьбой съ педантической привязанностью къ отжившимъ формуламъ и къ устарѣлымъ воззрѣніямъ. Намъ уже извѣстно, какъ были возмущены профессорскіе кружки, когда онъ сталъ употреблять нѣмецкій языкъ въ своихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ, сталъ рекомендовать подражаніе Французамъ и, по примѣру Бэйля и Ле-Клерка, основалъ нѣмецкую критико-литературную газету, въ которой сталъ помѣщать сатирическія и полемическія статьи съ рѣзкими нападками на явленія современной жизни. Уже ранѣе онъ, по примѣру Гуго Гроція и Пуфендорфа, пытался доказать, что для естественнаго права должны служить основой врожденныя нравственныя наклонности челоѣчества, а не содержаніе Священнаго Писанія и не ученіе Аристотеля и схоластиковъ. Со времени своего переселенія въ Галле онъ дѣйствовалъ сообща съ Германомъ Франке и съ піетистами, не столько потому, что сочувствовалъ ихъ стремленіямъ и цѣлямъ, сколько потому, что находилъ въ нихъ горячихъ противниковъ общаго могущественнаго врага. Онъ считалъ себя «перебѣжчикомъ, взявшимся за оружіе для борьбы съ тираномъ, который хочетъ подавить свободу республики». Лейпцигскіе ученые называли новый университетъ «адскимъ» заведеніемъ и утверждали, что въ немъ нѣтъ никого, кромѣ «солеваровъ и негодяевъ»; но ихъ ярость была безсильнымъ протестомъ противъ новаго духа времени, который всюду проникалъ различными путями, стараясь разрывать цѣпи предрасудковъ и требуя свободы преподаванія и свободы совѣсти, какъ неотъемлемыхъ челоѣческихъ правъ. Философія Лейбница и Вольфа оказывала возбуждающее и плодотворное вліяніе на влеченіе вѣка къ ученымъ изслѣдованіямъ; она вызывала болѣе свободныя воззрѣнія на религіозныя догматы и безпристрастную ихъ провѣрку, освобождая философскія умозрѣнія изъ-подъ гнета церковной догматики. Мы познакомимся въ другомъ мѣстѣ съ тѣми англійскими свободными мыслителями, вліяніе которыхъ отразилось въ Германіи на ходѣ развитія этой религіозно-философской дѣятельности ума. Уже у Диппеля замѣтны признаки вліянія англійскаго деизма. Еще замѣтнѣе было его вліяніе на вейссенфельскаго уроженца Іоанна Христ. Эдельмана (1698—1767), который въ своихъ сочиненіяхъ («Die Göttlich-

keit der Vernunft», «Der unbekannte Gott», «Moses mit aufgedecktem Angesicht») проповѣдывалъ такую религію, которая не имѣла ничего общаго съ библіей и съ церковнымъ ученіемъ, а была основана на разумѣ и на изученіи природы. Онъ говорилъ, что каждый челоѣкъ есть несовершенный органъ Божества, что Христосъ былъ настоящій челоѣкъ, обладавшій исключительными дарованіями и добродѣтелями, что библія есть челоѣческое произведеніе, недостаточное для познанаія Божества. Подъ гнѣтомъ матеріальной нужды Эдельманъ бродилъ по Саксоніи и Пруссіи, всѣми ненавидимый и презираемый. О тѣсной связи между свободными мыслителями и піетистами также свидѣтельствуетъ проникнутое глубокой ироніей сочиненіе «о томъ, что для достиженія вѣчнаго блаженства нѣтъ надобности въ добрыхъ дѣлахъ»; оно долго приписывалось сатирику Лискову.

Вліяніе Англіи обнаруживалось и въ другихъ литературныхъ сферахъ. Родственная связь англійскаго королевскаго дома съ Ганноверомъ и съ Пруссіей усиливала и облегчала обмѣнъ идей. Сочинители романовъ, еще въ семнадцатомъ столѣтіи искавшіе образовъ въ иностранныхъ произведеніяхъ, стали подражать роману Дефо «Робинзонъ Крузо». Не только появилось множество переводовъ и передѣлокъ этой книги, но даже образовался особый родъ литературы — «робинзонады», въ которыхъ описывались путешествія и необыкновенныя приключенія и которыя мало по малу вытѣснили старыя «плутовскіе» романы, *Geschichtgedichte* Биркена и поэзію Логенштейна, Циглера, Гаппеля и др. На этой-то почвѣ и возникъ романъ «Островъ Фельзенбургъ», прельщавшій читателей идиллическими описаніями природы, невинности и свободы *). Англійское вліяніе сказывалось и въ другихъ видахъ поэзіи. Намъ извѣстно, что Брокесъ имѣлъ передъ глазами англійскіе образцы, когда примѣшивалъ къ своимъ описаніямъ природы религіозныя и философскія размысленія. Такимъ-же характеромъ отличаются поэтическія

Вліяніе англійской литературы.

*) Содержаніе этого романа заключается въ слѣдующемъ: саксонскій уроженецъ Альбертъ Юліо предпринялъ на восемнадцатомъ году своей жизни морское путешествіе; кораблеурушеніе выбросило его вмѣстѣ съ тремя спутниками у подножія крутаго утеса; перебравшись на другую сторону этого утеса, онъ увидѣлъ прелестную страну, женился на своей спутницѣ, прижилъ съ ней дѣтей, отъ которыхъ народилось слишкомъ треста внуковъ и правнуковъ, прекрасно обработалъ поля, благодаря счастливой случайности наполнивъ огромныя сокровища, сдѣлалъ счастливыми своихъ друзей, жившихъ въ Германіи, былъ бодръ и здоровъ въ концѣ 1728 года, когда ему шелъ сотый годъ. Во второй части романа, вышедшей въ 1732 году, разсказана дальнѣйшая исторія Альберта Юліо и устроенныхъ имъ на островѣ Фельзенбургѣ колоній; въ частяхъ третьей и четвертой, вышедшихъ въ 1737 и 1743 г., разсказана исторія потомства первыхъ поселенцевъ и переселявшихся въ колонію островныхъ жителей. (Геттнеръ, Исторія нѣмецкой литературы 1. (111) стр. 324).

произведения К. Фр. Дроллингера. Въ своихъ пѣснопѣніяхъ, написанныхъ болѣею частью на религіозные сюжеты, онъ является въ одно и то-же время и живописцемъ и музыкантомъ и правоучителемъ; его другъ, бернскій уроженецъ Галлеръ, придавалъ этому направлению самый благородный отпечатокъ, рисуя въ своемъ стихотвореніи «Альпы» картины природы и нравовъ. Съ этихъ поръ Швейцарія сдѣлалась главнымъ средоточіемъ той поэтической производительности, которая придавала болѣе цѣны хорошему содержанію, чѣмъ художественной формѣ, искала для себя образцовъ чаще въ англійской, чѣмъ во французской литературѣ и обнаруживала свою дѣятельность чаще въ поэтической и описательной дидактической поэзіи, чѣмъ въ драматической. Мы далѣе увидимъ, къ какой литературной борьбѣ привело это разномысліе, когда швейцарскіе литераторы нашли могущественнаго союзника, въ Клопштокѣ, шедшемъ по стопамъ Мильтона. Англійскому вліянію подчинился и лирическій поэтъ Гагедорнъ не смотря на то, что имѣлъ мало общаго съ Галлеромъ и съ его подражателями (Крейцомъ, Триллеромъ и др.).

французскій
и изящный вкусъ.

Эта задушевная поэзія, нашедшая для себя поборниковъ въ цюрихскихъ литераторахъ Бодмерѣ и Брейтингерѣ, безъ сомнѣнія болѣе соотвѣтствовала духу того времени и складу нѣмецкаго ума въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствовало протестантское исповѣданіе: но французская литература и французскій изящный вкусъ пустили такіе глубокіе корни, что перевѣсъ еще долго долженъ былъ оставаться на ихъ сторонѣ. Намъ уже извѣстно, какого господства достигли въ Германіи и во всей Европѣ французское образованіе, моды и языкъ высшаго парижскаго и версальскаго общества. Наряду съ французскимъ аристократическимъ образованіемъ и съ французскою литературою лишь съ трудомъ могла отстаивать свое существованіе мѣщанская поэзія, носившая на себѣ отпечатокъ христіанскихъ вѣрованій и проникнутая нравственными и богословскими тенденціями. Какъ въ политикѣ голосъ Франціи имѣлъ если не рѣшающее, то очень вѣское вліяніе, такъ и въ области эстетики и изящнаго вкуса законодателями были тѣ классическіе поэты и писатели, которые прославились въ царствованіе Людовика XIV. Драматическая поэзія, которой преимущественно занимались во Франціи, приходилась по вкусу и аристократическимъ кружкамъ въ нѣмецкихъ столичныхъ городахъ. Кромѣ того французское понятіе объ изящномъ вкусѣ нашло для себя поборника въ такомъ нѣмецкомъ писателѣ, который въ теченіе почти двухъ столѣтій считался высшимъ авторитетомъ въ сферѣ прекраснаго и обладалъ достаточными дарованіями для того, чтобы распространить свои воззрѣнія въ самыхъ широкихъ сферахъ. Это былъ лейпцигскій литераторъ Іоаннъ Христофъ Готтшедъ; своими многочисленными сочиненіями и черезъ посредство своихъ учениковъ и друзей онъ старался создать такую литературу, которая заимство-

вала свои внѣшнія формы и законы изъ образцовыхъ классическихъ произведеній французскихъ писателей и считала своимъ главнымъ достоинствомъ строгое соблюденіе установленныхъ правилъ. Хотя Готтшеду и нельзя отказать въ нѣкоторыхъ заслугахъ, однако онъ не обладалъ достаточнымъ талантомъ для той эстетической и критической диктатуры, на которую предъявлялъ притязанія. Его пѣтика, въ сущности сводившаяся къ искусству писать стихи, стояла на такой низкой точкѣ зрѣнія, которая не могла удовлетворять современныя влеченія. Хотя поэзія Брейтингера также не задавалась высокими идеальными цѣлями, но она ставила духовное настроеніе и фантазію выше разсудочной работы саксонскаго эстетика. Впрочемъ Готтшеду безспорно принадлежитъ та заслуга, что онъ выработалъ нѣмецкій языкъ и старался вводить его во всѣ сферы. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть поставленъ наряду съ Вольфомъ и съ Томазіусомъ. Не трудно было предвидѣть, что главные представители двухъ направленій вступятъ въ горячую между собою борьбу. Исходомъ этой борьбы отмѣчено начало новаго періода въ нѣмецкой литературѣ и поэзіи. Кружокъ молодыхъ писателей, — къ которому принадлежали сочинитель басенъ, церковныхъ пѣсенъ и драмъ Геллертъ, сатирикъ Рабенеръ и авторъ комическихъ эпоей Цахаріа, — предпринялъ изданіе литературнаго журнала «Бременскія приложенія» и сталъ искать новыхъ путей. Къ нимъ въ послѣдствіи присоединился и главный представитель классическаго изящнаго вкуса въ Германіи — Клопштокъ.

2. Литературная дѣятельность.

1. Галлеръ и Гагедорнъ. Самымъ выдающимся между дидактическими поэтами, шедшими подобно Брокесу по стопамъ англійскихъ писателей, былъ Альбрехтъ фонъ-Галлеръ (род. въ Бернѣ въ 1708 г., бывшій профессоромъ медицины въ Гёттингенѣ, ум. въ должн. директора соляныхъ копей въ Бексѣ въ Валлискомъ кантонѣ въ 1777 г.); это былъ одинъ изъ величайшихъ ученыхъ всѣхъ временъ, прославившійся въ качествѣ автора ученыхъ сочиненій (о медицинѣ и о ботаникѣ) не менѣе, чѣмъ въ качествѣ поэта, романиста и знатока исторіи. Въ историческомъ романѣ *Uso ng* онъ описалъ жизнь туркменскаго князя Усунгасана подобно тому, какъ Ксенофонтъ описалъ въ Киропедіи жизнь Кира. Галлеръ былъ серьезнаго, даже нерѣдко мрачнаго и меланхолическаго характера; онъ искалъ душевнаго спокойствія въ христіанскихъ вѣрованіяхъ и былъ горячимъ защитникомъ христіанскаго ученія. Его главнымъ достоинствомъ было умѣнье выражаться сильно и мѣтко, хотя по причинѣ его стремленій къ краткости и къ сжатости его слогъ не всегда отличался ясностью. Разсудокъ у него всегда господствовалъ надъ фантазіей. Въ самомъ знаменитомъ изъ своихъ произведеній — въ дидактическомъ стихотвореніи „Альпы“ онъ живописно обрисовывалъ эти швейцарскія горы, простоту народныхъ пра-

Галлеръ.
1708—1777

вовъ и прелесть жизни среди наслажденій природой. Его философско-религиозное стихотвореніе о происхожденіи зла можетъ считаться предшественникомъ Мессіады. Гамбургскій уроженецъ Фридрихъ фонъ-Гагедорнъ имѣлъ одинакое съ Галлеромъ сильное вліяніе на новое направленіе поэтическаго творчества, хотя рѣзко отличался отъ него своимъ характеромъ. Между тѣмъ какъ Галлеръ отталкивалъ отъ себя своей серьезностью и сдержанностью, Гагедорнъ привлекалъ къ себѣ своимъ веселымъ, общительнымъ характеромъ и своимъ сократическимъ воззрѣніемъ на жизнь; поэтому Гагедорнъ приобрѣлъ столько-же друзей, сколько было у Галлера враговъ. Этотъ послѣдній придерживался только англійскихъ писателей и Виргилія, а Гагедорнъ, въ качествѣ тонкаго свѣтскаго человѣка, не пренебрегалъ и изящными произведеніями французскихъ писателей; въ своихъ басняхъ и поэтическихъ разсказахъ онъ бралъ за образецъ Лафонтена, напротивъ того въ веселыхъ пѣсняхъ и въ посланіяхъ онъ подражалъ Го-рацію и былъ мастеромъ въ болѣе легкой „поэзіи грацій“.

Готтшедъ. 2. Готтшедъ. Профессоръ лейпцигскаго университета Іоаннъ Христофъ Готтшедъ пользовался въ сѣверной Германіи въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія диктаторскою властію надъ литературой и надъ изящнымъ вкусомъ. Онъ отличался не выдающимися дарованіями, а многосторонней дѣятельностью. Черезъ посредство Менка, у котораго сначала былъ домашнимъ наставникомъ, онъ вступилъ въ основанное въ 1728 году „Нѣмецкое общество“, скоро сдѣлался главою этого общества и приобрѣлъ черезъ его посредство сильное вліяніе на другія такіе-же общества, организовавшіяся въ саксонскихъ и въ прусскихъ городахъ. Руководствуясь желаніемъ создать обще-нѣмецкую литературу, способную стоять наравнѣ съ литературами другихъ народовъ, онъ основалъ въ Лейпцигѣ нѣмецкій критическій журналъ, который существовалъ въ теченіе многихъ лѣтъ подъ разными названіями („Die vernünftigen Tadelrinnen“, „Der Biedermann“, „Kritische Beiträge“, „Neuer Büchersaal“ и т. д.) и вызвалъ множество подражаній въ провинціальныхъ городахъ. Такъ какъ онъ былъ поклонникомъ Опица и силезской школы, то многочисленные приверженцы этой послѣдней были на его сторонѣ; въ качествѣ преподавателя поэзіи и ораторскаго искусства онъ имѣлъ много учениковъ, которые по его примѣру заботились о развитіи отечественнаго языка и доставляли ему не мало благодарныхъ приверженцевъ. Послѣдователей Лейбница-Вольфианской философіи онъ привлекъ на свою сторону тѣмъ, что по ихъ системѣ составилъ свою *Kritische Dichtkunst*; изъ этого сочиненія и изъ другихъ сочиненій о краснорѣчій и риторикѣ онъ составилъ для саксонскихъ школъ учебникъ, пользовавшіеся общимъ одобреніемъ. Онъ былъ поклонникомъ французскихъ поэтовъ, считалъ установленныя ими правила столько-же необходимыми для литературнаго образованія, какъ и знакомство съ древними образами, и переводилъ ихъ произведенія на нѣмецкій языкъ, соперничая въ этомъ отношеніи съ одной гораздо болѣе даровитой женщиной (Луизой, урожд. Силмус); благодаря этому, онъ снискалъ благосклонность знати, передъ которой по всякому поводу разсыпался въ изъявленіяхъ глубокаго уваженія; своимъ неодобрѣніемъ всякихъ проявленій вольнодумства онъ снискалъ довѣріе людей благочестивыхъ, а похвалами, которыми осыпалъ людей съ ограниченными дарованіями, приобрѣлъ массу друзей и поклонниковъ. Его отзывы о достоинствахъ литературныхъ произведеній всѣми считались за неизмѣнные законы изящнаго вкуса; это внушило ему такую самоувѣренность, что въ своей риторикѣ онъ выдавалъ свои собственные сочиненія за образцовыя произведенія, стоящія наряду съ образцовыми произведеніями древнихъ писателей. Нѣмѣя никакого понятія о свободномъ развитіи поэзіи, онъ воображалъ,

что достаточно установить законы и правила поэтическаго творчества для того, чтобы создавать поэтическія произведенія; потому онъ смѣло выдавалъ себя не только за верховнаго судью во всемъ, что касалось изящнаго вкуса, но и за образцоваго поэта и за восстановителя драматической поэзіи. Изгнаніе арлекина (гансвурста) съ лейпцигской театральной сцены послужило сигналомъ для исчезновенія народныхъ театральнхъ пьесъ съ ихъ площадными островами и необычайными приключеніями; ихъ замѣнили написанныя по всѣмъ правиламъ искусства французскія драмы, переведенныя на нѣмецкій языкъ александрійскимъ стихотворнымъ размѣромъ; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока самъ Готтшедъ не написалъ по всѣмъ правиламъ искусства трагедію во французскомъ вкусѣ „Умирающій Катонъ“, которую онъ выдавалъ за образецъ оригинальной нѣмецкой драмы. Эта плохая драма пережила въ короткое время десять изданій. Однако, стараніямъ Готтшеда и актрисы Каролины Нейберъ слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что наконецъ была отодвинута преграда, такъ долго отдѣлявшая поэзію отъ драматическаго искусства и высшее образованіе отъ національнаго театра.

3. Готтшедъ и швейцарскіе литераторы. Въ то время, какъ въ сѣверной Германіи слова Готтшеда внушали такое-же уваженіе, какъ изреченія оракула, изъ Швейцаріи раздался энергическій протестъ противъ педантизма этого литературнаго критика; послѣдствіемъ этого было то, что воздвигнутое Готтшедомъ призрачное зданіе было разрушено, а онъ самъ былъ съ позоромъ низвергнутъ съ незаконно присвоеннаго высокаго положенія. Остроумный писатель, отличавшійся не столько глубокими научными познаніями, сколько большою начитанностью, — Іоаннъ Іакъ Бодмеръ сталъ въ Цюрихѣ во главѣ нѣсколькихъ писателей, между которыми особенно выдѣлялся Іоаннъ Іакъ Брейттингеръ своей ученостью и своей критической прозорливостью. Эти люди такъ-же глубоко уважали англійскую литературу, какъ Готтшедъ глубоко уважалъ литературу французскую, поэтому скоро возникли столкновенія между двумя направленіями. Цюрихскіе писатели основали особое литературное общество и стали въ своихъ *Disquisitionen der Mäler* нападать на журналы и газеты, подчинившіеся вліянію Готтшеда. Это разсердило лейпцигскаго профессора; поэтому, когда Бодмеръ перевелъ „Потерянный Рай“ Мильтона, Готтшедъ отозвался съ рѣзкимъ неодобрѣніемъ объ англійскомъ поэтѣ и о его религиозной поэзіи. Эта критика была началомъ литературной борьбы, во время которой обѣ стороны старались разъяснить цѣль поэтическаго творчества. Къ Швейцарцамъ примкнулъ очень остроумный писатель — Христианъ Людвигъ Лисковъ, изучившій и классическую литературу и англійскую; съ неслышанною до того времени рѣзкостью насмѣшекъ онъ сталъ нападать то на ортодоксальныхъ богослововъ, то на педантическихъ ученыхъ и профессоровъ, то на бездарныхъ писателей и на занимавшіеся литературной критикой журналы (какъ напр. въ своемъ сочиненіи „О достоинствахъ и необходимости бездарныхъ писакъ“). Рѣзкія сатиры человѣка, враждавагося въ высшемъ обществѣ сначала въ качествѣ дипломатическаго агента герцога Леопольда Мекленбургскаго, а потомъ въ должности секретаря при министрахъ Данкельманъ и Ерхольдъ, должны были сильно расшатать авторитетъ Готтшеда, потому что, унижалъ его любимцевъ, задѣвали его самого. Между многочисленными сочиненіями, которыя издавались Швейцарцами въ теченіе пятнадцати лѣтъ съ цѣлію опровергнуть воззрѣнія Готтшеда, достойна особаго вниманія *Kritische Dichtkunst* Брейтингера, въ которой излагалась система, противоположная основнымъ принципамъ Готтшеда. Хотя Брейттингеръ и излагалъ въ этой системѣ такіе воззрѣнія, которыя доказывали, что онъ не имѣлъ никакого понятія объ искусствѣ и объ идеалѣ

Бодмеръ.

1698—1788

Брейттингеръ

1701—1776

Лисковъ.

1701—1760

поэзии, — так напр. онъ называлъ басню высокимъ видомъ поэзии, потому что она въ одно и то-же время и приноситъ пользу и доставляетъ развлечение, — тѣмъ не менѣе онъ утверждалъ, что фантазія и творческая сила составляютъ сущность поэзии и противопоставлялъ такую поэзію разсудочной поэзии Готтшеда, основанной на соблюденіи установленныхъ правилъ. — Въ то-же время Бодмеръ издавалъ миннезингеровъ, Нибелунговъ, Парселя и другія средневѣковыя поэтическія произведенія съ цѣлю поколебать авторитетъ Готтшеда, который совершенно отвергалъ всё, что отзывалось романтизмомъ. Эти люди достигли своей цѣли. Избалованный похвалами, Готтшедъ не понималъ духа своего времени и старался отклонить приближавшуюся грозу, осыпая своихъ противниковъ насмѣшками и клеветами. Но онъ потерпѣлъ полное пораженіе; онъ наконецъ дошелъ до такого ослѣпленія, что возсталъ противъ „Мессіады“ Клопштока и старался уронить это произведеніе въ общественномъ мнѣніи, восхваляя жалкое произведеніе одного изъ своихъ приверженцевъ (Hermann, oder das befreite Deutschland барона Шонаиха); тогда его авторитетъ упалъ такъ низко, что онъ провелъ послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни всею позабытымъ. Его намѣреніе переселиться въ Вѣну для того, чтобы тамъ вліять на нѣмецкую театральную сцену, не осуществилось; его землякъ Пира доказывалъ въ одной изъ своихъ критическихъ статей, что „секта Готтшедіанцевъ портитъ изысканный вкусъ“; его журналы не могли устоять противъ общаго несочувствія; его учебники были замѣнены болѣе хорошими; въ своей профессорской дѣятельности онъ долженъ былъ уступить первенство Геллерту; актриса Нейберъ, прежде усердно помогавшая ему, разошлась съ нимъ и такъ смѣшно исполнила свою роль въ его „Катонѣ“, что публика стала съ презрѣніемъ отзываться о томъ, чѣмъ прежде восхищалась; опера и народная комедія снова появились на театральной сценѣ; даже были преданы забвенію тѣ нелишенные достоинствъ сочиненія Готтшеда („Nötiger Vorrat zur Geschichte der deutschen dramatischen Dichtkunst von 1450 an“ и „Die deutsche Schaubühne nach den Regeln und Exempeln der Alten“), которыя содѣйствовали развитію нѣмецкой драматургіи. Еслибы его приверженецъ, драматическій писатель Іоаннъ Е. Шлегель не кончилъ жизни слишкомъ рано, то Готтшедъ и въ немъ нашелъ-бы противника, потому что Шлегель въ нѣсколькихъ статьяхъ отдавалъ предпочтеніе англійской драмѣ и въ особенности Шекспиру передъ классическими драматическими произведеніями французскихъ писателей. Даже безспорныя заслуги Готтшеда по обработкѣ нѣмецкаго языка стали вызывать возраженія.

4. Сотрудники „Бременскихъ приложеній“. Самые даровитые изъ учениковъ Готтшеда, наконецъ, отказались отъ своего наставника и отъ его вѣрнаго оруженосца Швабе, издававшего „Belustigungen des Verstandes und Witzes“ и основали свой собственный журналъ Neue Beiträge zum Vergnügen des Verstandes und Witzes, который былъ названъ „Бременскими приложеніями“ оттого, что печатался въ Бременѣ, и которымъ руководилъ фрейбергскій уроженецъ, тонкій литературный критикъ Хр. Гертнеръ. Участвовавшіе въ этомъ журналѣ, талантливые молодые люди заключили между собою въ Лейпцигѣ союзъ, который, по примѣру Гагедорна, имѣлъ цѣлю отстаивать веселую общественную жизнь и дозволенные житейскія наслажденія въ противоположность ученой напыщенности Готтшеда. Впослѣдствіи сдѣлался душою этого кружка Клопштокъ. Тогда прежнюю веселость замѣнила элегически-сентиментальное настроеніе, лирическія стихотворенія Эберта, Гизеке и нѣкоторыхъ другихъ стали отзываться меланхоліей, которая нашла для себя самое краснорѣчивое выраженіе въ переведенномъ Эбертомъ дидактическомъ стихотвореніи Англи-

Гертнеръ.
1712—1791.

чанина Юнга „Ночныя думы“. Глубокое чувство взаимной дружеской привязанности было выдающейся чертою этого кружка, описаннаго Клопштокомъ въ одѣ Wingolf, а его полемика была направлена только противъ усиливавшагося вольнодумства. Члены кружка не отличались выдающимися дарованіями и не задавались очень высокими цѣлями, но они умѣли согрѣвать сердца, вступаясь за безупречную нравственность и за христіанскія добродѣтели. Изъ нихъ самыми замѣчательными были Рабенеръ, Геллертъ и Пахаріэ.

Готлибъ Вильг. Рабенеръ, изъ Вахау, близъ Лейпцига, былъ не столько замѣчательнымъ сатирикомъ, сколько веселымъ собесѣдникомъ, хорошимъ чиновникомъ (податнымъ ревизоромъ) и благороднымъ человекомъ. Вмѣсто того, чтобы карать нравственные недостатки и заблужденія того времени, задерживавшіе развитіе націи, онъ нападалъ только на вышній складъ жизни среднихъ слоевъ общества, на необразованныхъ дворянскихъ сыновъ, на шлетницъ, на ученыхъ педантовъ, а чтобы избѣгать всякихъ личныхъ намѣковъ, употреблялъ только общія выраженія. Бодмеръ сказалъ, что Лисковъ обрѣзывалъ у ястреба когти и крылья, а Рабенеръ гонялся только за сороками и за пѣтухами. Поэтому у миролюбиваго, добродушнаго Рабенера не было враговъ; онъ оставался при своей должности даже подъ управленіемъ Брюля, между тѣмъ какъ Лисковъ просидѣлъ нѣсколько времени въ тюрьмѣ и былъ уволенъ отъ должности. Впрочемъ въ то время люди были такъ чувствительны ко всякому укору, что Рабенеръ не смѣлъ выражаться болѣе рѣзко. Видъ даже скромный, благочестивый, добродѣтельный Геллертъ возбудилъ противъ себя негодованіе комедіей Die Betschwester. Его отецъ былъ пасторомъ въ Гайнрихенѣ, въ Саксоніи. Меланхолія, которая была послѣдствіемъ педантически-строгаго воспитанія и физическихъ недуговъ, сдѣлала его нечувствительнымъ къ житейскимъ удовольствіямъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ его стихотворенія и рассказы, которые благодаря своему нравственному направленію и легкому пріятному языку производили сильное впечатлѣніе и были очень распространены. По словамъ Гёте, сочиненія Геллерта долго служили основой для нравственнаго развитія Нѣмцевъ. Даже въ романѣ „Жизнь шведской графини Г.“, написанномъ въ подражаніе романамъ Ричардсона, видна правоучительная тенденція, хотя способъ, которымъ чувство долга одерживаетъ побѣду, нельзя назвать безукоризненнымъ. Съ годами въ Геллертѣ усиливались нравоучительныя тенденціи и его привязанность къ христіанству: онъ сталъ заботиться о душевномъ спасеніи ближнихъ, сталъ осуждать свои певичныя юношескія забавы, свои занятія баснями и комедіями, и посвятилъ свою литературную дѣятельность главнымъ образомъ сочиненію церковныхъ пѣсенъ. Въ качествѣ университетскаго преподавателя онъ принесъ много пользы. Онъ читалъ въ Лейпцигѣ лекціи о поэзии, объ ораторскомъ искусствѣ, о морали, и задалъ слушателямъ стилистическія упражненія, которыя потомъ тщательно исправлялъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ не только отъ студентовъ, но и отъ людей всѣхъ сословій; къ нему безпрестанно обращались за совѣтами; къ его рекомендаціямъ всё относилось съ слѣплымъ довѣріемъ, и ему приходилось отвѣчать на безчисленное множество писемъ. Вся Германія скорбѣла о его смерти. Его церковныя пѣсни до сихъ поръ занимаютъ почетное мѣсто въ протестантскихъ молитвенникахъ, его басни и рассказы были любимымъ народнымъ чтеніемъ. Въ сочиненіи басенъ Геллертъ шелъ по стопамъ Лафонтена; коротенькая басня во вкусѣ Эзопа не могла нравиться такому поколѣнію, которое пріучилъ къ вычурной изысканности изложенія; поэтому Геллертъ расширилъ рассказы, а описанія природы замѣнялъ остротами и нравоучительными замѣчаніями. Его примѣру слѣдовали и другіе баснописцы. Между

Рабенеръ
1714—17

Геллертъ
1715—176

- Лихтвѣрь. 9—1783. ними самыми выдающимися были Магнусъ Готфр. Лихтвѣрь изъ Вурцена и Готл. Конр. Пфѣффель изъ Кольмара въ Эльзасѣ. Большая часть басенъ Лихтвѣра была, безъ его вѣдома и согласія, перефлаана Рамлеромъ и Лессингомъ и издана подъ его именемъ въ качествѣ исправленнаго изданія, что, натурально, имѣло послѣдствіемъ горячую литературную ссору. Нѣкоторыя изъ его басенъ, какъ напр. „Die seltsamen Menschen“, „Die Katzen und der Hausherr“, отличаются живостью изложенія. Пфѣффель, съ терпѣніемъ выносившій въ теченіе пятидесяти лѣтъ лишеніе зрѣнія, еще болѣе своихъ предшественниковъ придерживался французскихъ баснописцевъ Лафонтена и Флоріана и подражалъ имъ гладкостью внѣшней формы и привлекательностью изложенія. Только Лессингъ пытался снова придать баснѣ античный характеръ сжатой краткости. И франкенгаузенскій уроженецъ Фр. В. Цахаріэ принадлежалъ къ лейпцигскому кружку. Онъ написалъ нѣсколько комическихъ эпоей, въ которыхъ излагалъ мелкіе сюжеты высокимъ слогомъ серьезнаго эпоса (Renommist, Phaethon, Das Schnupftuch, Murner in der Hölle и др.); эти произведенія бѣдны вымыслами, но какъ изображенія современныхъ нравовъ не лишены значенія и вызвали множество подражаній.
- Цахаріэ. 26—1777.
- Кестнеръ. 719—1800. Однимъ изъ самыхъ остроумныхъ послѣдователей Готтшеда былъ лейпцигскій уроженецъ Авраамъ Гот. Кестнеръ; его эпиграммы отличаются мѣткими остротами и должны быть причислены къ лучшимъ литературнымъ произведеніямъ того времени. Въ литературной борьбѣ между Готтшедомъ и Швейцарцами онъ сохранялъ независимое положеніе и направлялъ стрѣлы своего остроумія въ обѣ стороны.

